

С.О. ШМИДТ

История
Москвы,
и проблемы
москво-
ведения

КНИГА II

С.О. ШМИДТ

История Москвы
и проблемы
москвоведения

КНИГА II

С.О. ШМИДТ

История Москвы
и проблемы
москвоведения

В двух книгах

КНИГА II

Москва
Книжница – Русский путь
2013

УДК 908
ББК 63.3(2-2М)
Ш 733

ISBN 978-5-903081-31-8 (Книжница)
ISBN 978-5-85887-437-9 (Русский путь)
ISBN 978-5-903081-35-6 (Книжница, кн. 2)
ISBN 978-5-85887-444-7 (Русский путь, кн. 2)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

На переплете:
В. Кудрявцев. Борисоглебский переулоч. 1985
На фронтисписе:
С.О. Шмидт. Портрет работы А.Е. Куманькова. 2010

Шмидт, С.О.

Ш 733 История Москвы и проблемы москвоведения : в 2 кн. — Кн. 2 / Сигурд Шмидт. — М. : Книжница : Русский путь, 2013. — 756 с.

ISBN 978-5-903081-31-8 (Книжница)
ISBN 978-5-85887-437-9 (Русский путь)
ISBN 978-5-903081-35-6 (Книжница, кн. 2)
ISBN 978-5-85887-444-7 (Русский путь, кн. 2)

Новое издание избранных трудов видного российского историка, педагога, общественного деятеля, академика Российской академии образования, советника Российской академии наук С.О. Шмидта (1922–2013) объединяет в двух книгах свыше ста работ периода 1947–2012 гг. научного, научно-популярного, публицистического, мемуарно-автобиографического жанров по государственно-политической и социокультурной истории Москвы, проблемам развития краеведения и москвоведения.

Вторая книга содержит работы о людях, внесших особый вклад в изучение истории Москвы, развитие науки, культуры, государственно-политической и общественной жизни столицы. Включены также предисловия к книгам и документальным публикациям по истории Москвы и проблемам москвоведения, интервью и выступления в периодике. Издание адресовано историкам, архивистам, музейным работникам, краеведам; педагогам и учащимся; всем интересующимся историей и культурой Москвы и России.

УДК 908
ББК 63.3(2-2М)

Ревнителн исторн
н културн

ЗОДЧИЙ НАУК (О В.Н. ТАТИЩЕВЕ)

300 лет назад, 29 апреля (19 апреля по ст. ст.) 1686 г., родился государственный деятель и ученый Василий Никитич Татищев, которого еще в прошлом столетии называли зодчим отечественной науки. Человек неутомимо деятельный и необычайно разносторонних дарований: математик, горный инженер, географ, экономист, лексикограф — составитель словарей, языковед и фольклорист, палеонтолог — автор первого в мировой литературе опыта сообщения научных сведений о мамонте, медик, философ-моралист и педагог. Ныне Татищев более всего известен как родоначальник русской исторической науки.

Татищева справедливо признают одним из самых выдающихся «птенцов Петровых». С ранних лет он участвовал в осуществлении начинаний Петра I и как воин-кавалерист и артиллерист в сражениях Северной войны (был ранен в знаменитой Полтавской «виктории»), в Прутском походе, и как дипломат, и как помощник Брюса по составлению «практической планиметрии» для землемеров и карт территории России, как организатор строительства металлургических заводов на Урале управления горным делом. Но главное не в том, что Петр I рано приметил способности Татищева, беседовал с ним, лично формулировал поставленные перед ним деловые задачи. Татищев воспринял самый дух петровских преобразований, освоил даже в какой-то степени манеру его действий и образ мышления. В период, когда большинство высших чиновников думали прежде всего о собственном благополучии и преуспевании, оставаясь равнодушными к государственным интересам, Татищев был убежденным ревнителем «к пользе российской» и в помыслах своих и в делах. Выходец из семьи, несколько поколений которой было связано с придворной службой, Татищев ценил организаторскую деятельность администратора нового типа, сочетававшего широкие преобразовательские замыслы с четкостью предложений и видением путей их практической реализации, способность формулировать задачи серьезных государственных преобразований (политических и экономических), относящихся едва ли не ко всему образу правления, и своевременно вносить конкретные практические предложения по улучшению системы межевания земель, упорядочению мер веса и денежного обращения (он ведал Мос-

Впервые опубликовано: Родина. 1989. № 3. С. 53–54 (под назв. «Зодчий наук»; с сокращениями). *Переиздано:* Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 451–455.

ковским монетным двором). С именем Татищева связывают дела создания фабрик мелких металлических изделий, организации металлургической промышленности и подготовки кадров для нее, строительства новых городских центров вокруг заводов (возникновение города Екатеринбурга, а позднее выбор места нынешнего города Оренбурга), организации торговли с народами Востока и выработки самой системы взаимоотношений правительственных деятелей с народами многонационального государства (в ведении Татищева в разное время находились земли Приуралья, Калмыкии, Нижней Волги).

Татищев был деятельным участником политических событий 1730 г., когда обсуждались возможности государственных преобразований накануне вступления на престол племянницы Петра I Анны Иоанновны (во время ее коронации Татищев был обер-церемониймейстером). Татищев показал себя сторонником монархической системы правления, но с достаточно широким представительством дворянства в высших органах власти, оставил сочинения об этом, отмечая и важность повышения роли купечества и улучшения благосостояния крестьян и ремесленников. Он был идеологом тех форм политики просвещенного абсолютизма, которые характерны для России уже второй половины XVIII в.

Человек независимого характера («Сами ведаете о Татищеве, что ему под командою быть не захочется», — писал современник), решительный, стремящийся глубже постигнуть суть дела и способный быстро определять наиболее рациональные и перспективные пути в своей практической деятельности, чуждый рутины и угодничества, Татищев имел немало влиятельных врагов и много претерпел от их наветов. Последние пять лет жизни Татищев (скончавшийся 15 июля 1750 г.) вынужден был провести в своем подмосковном имении Болдино, где особенно усиленно работал как «историописатель» (его выражение; позднее внедрилось в язык слово «историограф»), т.е. занимался историческими исследованиями. Впрочем, когда Татищев оказывался отстраненным от государственной деятельности, он получал возможность полностью отдаваться научным занятиям. И результаты именно этой работы оказались долговечными и особо ценимыми потомками.

Неутомимое участие Татищева в реформаторской деятельности, убеждение его в важности научной основы государственно-практических начинаний, потребность в постоянной научной работе и осознание особого значения внедрения в практику ее результатов — свидетельства не только призвания подлинного ученого, но и того, что в обществе — даже в его аристократических верхах — произошли тогда серьезные изменения в сознании: такая сфера деятельности в «век Просвещения» не казалась уже недостойной вельможи и дальнего родственника императрицы.

Специально занимаясь географией, первоначально картографией, он попытался установить взаимосвязи истории с географией, причем не только политической, но и физической и экономической, разрабатывал вопросники-анкеты о прошлом и современном состоянии отдельных областей страны, ее народов, собирал и истолковывал пословицы, явившись одним из основоположников науки этнографии (само это слово и переводится как народописание). Татищев задумал составить «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской», т.е. дать в алфавитном порядке объяснения слов, важных для пони-

мания отечественной истории (и прошлого и настоящего) и географии, и наполовину выполнил эту работу (до буквы «К» включительно).

Страстный собиратель книг и рукописей, тративший на их приобретение все свои средства во время пребывания за рубежом, Татищев заботился об организации библиотек, пожертвовал Екатеринбургской части своих книг и помогал пополнению Библиотеки Академии наук.

Татищев видел в Академии наук центр по разработке научных проблем и по собиранию и изучению памятников истории и культуры. Татищев был как бы рожден для того, чтобы стать президентом нашей Академии наук. И Академии тогда особенно был нужен такой руководитель — ученый разнообразных талантов и эрудит, деятельный и пылкий организатор науки, коренной русский, обладавший опытом государственной деятельности, убежденный в необходимости подготовки ученых из среды соотечественников и в то же время с большим уважением относившийся к зарубежным ученым и достижениям науки и техники. Но Татищев не стал членом Академии наук, и сочинения его при жизни не были напечатаны.

Лишь посмертно, правда, еще в XVIII столетии и при содействии именно членов Академии наук, к нему стала приходить слава, все возрастая с годами и столетиями. Полагают, что биографическую статью к 150-летию со дня рождения Татищева в последний год своей жизни подготовил Пушкин. Академия наук отмечала 200 лет со дня рождения Татищева, о его жизни и деятельности еще в прошлом веке написана была по архивным материалам подробная монография. Ныне о нем существует обширная литература и в нашей стране и за рубежом — Татищев признан одним из самых выдающихся и разносторонних деятелей XVIII в. — «века Просвещения».

В послевоенные годы усилиями академика М.Н. Тихомирова, профессора А.И. Андреева и особенно профессора С.Н. Валка и его сотрудников Академией наук СССР переизданы в семи томах «История Российская с древнейших времен» и том избранных работ Татищева. Вышла и книга его географических сочинений. Труды эти изданы не только из-за интереса к развитию отечественной науки в первой половине XVIII в. В «Истории Российской» много сведений, не дошедших до нас в других источниках. Это вызывает споры: почерпнуты ли такие сведения из древних рукописей или же своеобразно истолкованы или даже придуманы Татищевым. В последнее время приводится все больше доказательств того, что в основе их — не дошедшие до нас первоисточники, возможно, рукописи из собрания Татищева, погибшего вскоре после его кончины (об этом много написано в работах крупнейшего советского историка академика Б.А. Рыбакова).

Татищевым положено начало научной разработке отечественной истории с древнейших времен до начала XVII столетия. Он первым поставил перед собой задачу выявления ее источников — письменных (рукописных и печатных) и иных — и сопоставления содержащихся там сведений и обосновал свою научную методику в начинавшем его обширную «Историю Российскую» «Предъ-извещении о истории общественной и собственно о русской». Там же Татищев рассуждает о «пользе истории, и не только общественно-политической (т.е. истории государства, нравов, быта), но и истории научных знаний (в том числе и естественно-

научных, медицины например), полагая, что «и вся философия на истории основана и оною подпирается, ибо все, что мы у древних правые, и погрешные, и порочные мнения находим, суть истории к нашему знанию и причина ко исправлению». И в этом плане написанная тяжеловесным языком «История» Татищева как бы предвосхищает созданную уже в начале XIX в. «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина (также, кстати, доведенную до начала XVII в.), сразу же признанную высочайшим образцом русской художественной прозы. Карамзин тоже начал «Историю» «Предисловием» и главой «Об источниках Российской истории до XVII в.», порядок его изложения также в зависимости от последовательности событий государственной истории, точнее, даже времени правления отдельных государей, и на полях страниц отмечается важнейшее в изложении (то, что уже наши современники называют «фонариками»).

Татищев не ограничился сведением воедино фактов истории, выявленных им в сочинениях отечественных (прежде всего в летописях) и зарубежных, но постарался определить характер источников исторической информации. Он — отец источниковедческой критики в России. Историку важно знать не только кто, что, когда, почему, где сделал, но и откуда мы это знаем, насколько достоверны наши знания.

Татищева можно назвать и отцом отечественной археографии, т.е. науки о выявлении, собирании, описании и издании письменных исторических источников. Много места уделено этому в «Истории Российской», но особая заслуга Татищева — подготовка к печати, причем с научными объяснениями, и знаменитого свода законов Древней Руси «Русской Правды», и Судебника царя Ивана Грозного. Татищев заложил и основы научного изучения русских летописей.

Татищев был убежден в том, что через учение происходит «главная польза государству», верил в особую силу просвещения («человеку нужно век жить, век и учиться»), размышлял об организации обучения с младенчества, о важности поощрения особо радивых и даровитых учащихся («чтобы высший в науке высшее место и имел»), много сделал как зачинатель профессионально-технических школ и самой системы такого обучения. Татищев не терпел праздности и празднословия, был не просто безмерно трудоспособен, но любил трудиться. Беседовавший с ним в 1743 г. англичанин Дж. Ганвей писал, что Татищев был «замечателен своею сократической наружностью, изможденным телом, которое он старался поддерживать долголетним воздержанием, и, наконец, неутомимостью и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал или не говорил о делах, то перебрасывал жетоны из руки в руку».

Ученый-энциклопедист и государственный деятель, всесторонне образованный и даровитейший из младших сподвижников Петра I, Татищев первым из русских стал в ряд крупных европейских ученых и явился прямым предшественником великого Ломоносова. У истоков многих современных наук имя Василия Никитича Татищева.

ВЕЛЬМОЖНЫЙ «АРХЕОЛОГ»
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ МУСИН-ПУШКИН*

Тематика конференции «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблема сохранения наследия рода» показательна и отражает перемены, происшедшие в последние годы в общественном сознании в самой России и в восприятии ее за рубежом. Еще сравнительно недавно организация у нас научной конференции — да еще международной — под таким названием казалась немислимой. И людям старших поколений — и, пожалуй, прежде всего, историкам, наука которых имела строго установленную свыше партийно-идеологическую направленность, — это особенно очевидно.

В подходе к изучению истории российского дворянства, особенно российской аристократии XVIII – начала XX в. это явственно обнаруживается. С конца 1920-х гг. на протяжении более 60 лет преимущественное внимание в этом плане обращалось на явления социально-экономической истории (в первую очередь на факты крепостнической эксплуатации крестьян, организацию управления имениями, новации в экономике, позволяющие усматривать в них элементы капиталистических отношений). В сфере истории общественного сознания главным образом интересовались взглядами революционно настроенных дворян (декабристов, петрашевцев) или более-менее заметных лиц, причастных к государственно-реформаторской деятельности, а также тех, кто прославился в сфере литературы, искусства, науки. Повседневность жизненного уклада, обыденная культура чтения и общения, «родственность» взаимоотношений, типичная для такой среды, характерные формы взаимодействия с другими сословиями (в домашней обстановке и на людях) и т.п. оказывались, по существу, вне поля зрения историков, особенно для пореформенного периода, т.е. последнего 50-летия царской России. Больше наблюдений — и даже обобщающего характера — в этом плане обнаруживаем у литературоведов (прежде всего в трудах Ю.М. Лотмана и ученых его школы), историков книги, искусствоведов, у практиков музейного дела (авторов экспозиций и путеводителей к ним); в наибольшей мере, конечно, в работах о классиках литературы, связанных родством с дворянской аристократией.

Роль литературоведов и музейных работников в сохранении и даже развитии некоторых традиций и собственно исторических исследований еще недостаточно оценена самими историками. В значительной степени благодаря тому, что официально покровительствовали широкоохватному изучению окружения великих гениев российской литературы с середины 1930-х гг. (т.е. со времени подготовки к юбилеям — Пушкинскому и Лермонтовскому — годовщинам со дня их гибели — 1937 и в 1941 гг.) достаточно детально исследовалась жизнь дворянской элиты обе-

* Текст вступительного доклада на Международной научной конференции «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблемы сохранения наследия рода» 25 июля 1994 г. в Рыбинске.

их столиц и некоторых губерний. Показательно, что помещичий быт, характерные черты родственных взаимоотношений, линии социокультурных взаимосвязей Петербурга, Москвы и провинции лучше изучены в тех регионах России, где понятия о «культурном гнезде» и о местных достопримечательностях восходят к знаменитому местному уроженцу или жителю, особенно если имеется еще его мемориальная усадьба (в Псковской области — Пушкина, в Пензенской — Лермонтова, в Орловской — Тургенева, в Тульской — Л. Толстого, в Ярославской — Некрасова).

Если генеалогические исследования о дворянах (точнее сказать, феодалах) допетровской эпохи успешно продолжались, причем с использованием еще и дореволюционных традиций, а некоторые из них (как труды академиков С.Б. Веселовского, В.Л. Янина) существенно обогатили и общеметодический арсенал генеалогии в целом, то сохранением культуры генеалогических изысканий применительно к дворянам последующих веков мы, пожалуй, более всего обязаны тем, кто изучал биографии и родственные связи великих писателей (прежде всего Пушкина, в меньшей мере Герцена, Л. Толстого). Только в этих редких случаях дозволено было без опаски доводить генеалогическую информацию и до наших дней.

Генеалогия — наука (о происхождении и родственных связях отдельных родов и лиц) и одновременно методика составления и обоснования родословий. И потому к ее проверенному в научном обиходе инструментарию обращаются при многообразных по тематике исследованиях — причем и к результатам трудов генеалогов, и к приемам генеалогических штудий. Главная задача всякой научной работы — стремление к установлению истины. В плане генеалогии — определение с возможной полнотой и в хронологической последовательности родственных связей, составление поколенных росписей, выяснение биографических данных о всех лицах. А это, как правило, оказывалось не всегда безопасным для советских граждан и их близких — таким путем могли выявиться родственники и за границей, и среди тех, кого положено было клеймить как «врагов народа».

Только в последнее десятилетие наблюдается открытое, можно сказать, даже массовое обращение и к генеалогии периода трех последних столетий, и к смежным с генеалогией научным дисциплинам, получившим название «биографика» и «просопография» (от греческого «просопон» — личность), изучающим биографии отдельных личностей (и их социальный статус, имущественное положение, вклад в общественную жизнь, в развитие культуры), взаимосвязи их (и отдельных родов) с другими лицами. Созываются и научные конференции (Первая всесоюзная конференция «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования» была проведена в 1989 г. в Московском историко-архивном институте)¹; образуются общественные объединения генеалогов (естественно, не только ученых гуманитариев), печатают книги и статьи такой тематики (в «Археографическом ежегоднике за 1988 год» напечатана статья потомка А.И. Мусина-Пушкина французского профессора князя Д.М. Шаховского «Приемы изучения источников по русской генеалогии в новейшей исследовательской практике», учитывающая опыт и зарубежных исследователей. В основе статьи доклад, обсуждавшийся на заседании Археографической комиссии еще в сентябре 1984 г.)². Издается международного типа научный журнал «Историческая генеалогия». Выходят книги о дворянских родах Российской империи (переиздаются ранее напечатанные и составляются но-

вые). Все больше и диссертаций подобной тематики — некоторые из них имеют и справочно-методическое значение, как, например, диссертация О.В. Рыковой «Генеалогия и фонды личного происхождения: развитие отечественной практической генеалогии», автореферат которой был опубликован еще в 1985 г. Ныне она работает в Музее А.С. Пушкина в Москве, где на основе материалов коллекции крупнейшего знатока генеалогии и русского портрета Ю.Б. Шмарова основан кабинет генеалогии (там и наиболее доступные собрания литературы по генеалогии).

Возвращение генеалогии имеет немалое социокультурное значение, в частности, в плане краеведения, столь важного для развития культуры на местах. Ибо опытом многих стран подтверждено, что интерес к истории своего рода или истории своей местности (места рождения, проживания), т.е. генеалогическая и локальная тематика, более всего приобщает так называемую широкую публику («любителей») к занятиям историей, вводит «историческое» в лоно семейных интересов и забот, способствует на доступных примерах воспитанию историей, причем уже с малых лет.

Специальное внимание привлекают знаменитые фамилии, история которых в XVII–XX вв. связана и с изучением памятников истории и культуры. В широкого состава научных конференциях, посвященных таким фамилиям, принимают участие не только историки, но и искусствоведы, музеологи, авторы трудов о родовых городских владениях и сельских усадьбах, семейных коллекциях, изображениях и т.д. Регулярными стали «Шереметевские чтения» (в Москве и в Петербурге). В сентябре 1991 г. в Петербурге и Владимире прошли «Воронцовские дни» в связи с 250-летием со дня рождения Александра Романовича Воронцова — видного государственного деятеля «века Екатерины», покровителя Радищева, ставшего затем канцлером в период «дней Александровых прекрасного начала». Материалы научной конференции «Воронцовы — два века в истории России» изданы отдельной книгой во Владимире в 1992 г.

Мусины-Пушкины — потомки Ратши — тоже из древнейших в России дворянских родов, фамильные традиции которых формировались еще в старобоярской среде. И они с гордостью ощущали это отличие от многих вельможных фамилий Российской империи, выдвинувшихся лишь в XVIII–XIX вв., хотя сами особенно заметного положения в правящей элите достигли тоже только в XVIII в., когда трое представителей этого рода получили графский титул: боярин Иван Алексеевич, один из первых сенаторов, — в 1710 г. (эта отрасль угасла в 1836 г.), дипломат Алексей Семенович — в 1779 г. (он скончался бездетным в 1817 г.) и самый знаменитый из Мусиных-Пушкиных — Алексей Иванович, получивший графский титул в 1797 г. Именно его потомки — носители этого титула до настоящего времени. В то же время и в XVIII в., и позднее заметное положение в обществе занимали и нетитулованные Мусины-Пушкины.

Конференция приурочена к 250-летию со дня рождения Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Имя его обрело хрестоматийную известность, знакомо даже школьникам, потому что именно ему российская и мировая культура обязаны открытием и публикацией бессмертного «Слова о полку Игореве» и других памятников культуры Древней Руси. Некоторые из принадлежавших ему рукописей назы-

вали или даже называют по сей день Пушкинскими, как знаменитую пергаменную Лаврентьевскую летопись 1377 г. (когда еще более древний рукописный свод переписывали монах Лаврентий и его помощники), открывшую нам «Поучение Владимира Мономаха» и ставшую одной из главных основ представлений об истории Древней Руси со времени издания «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина — младшего друга графа Мусина-Пушкина.

Приобщением к богатствам коллекции Мусина-Пушкина и к кругу его просвещенных друзей молодой литератор Карамзин — первым, еще в 1797 г. возвестивший миру о «Слове о полку Игореве» — во многом обязан тем, что сумел сотворить из себя историка. И показательно, что юбилей ученого-мецената и просветителя собрал нас здесь тогда, когда еще в памяти многих дни конца 1991 г. Тогда мы наконец получили возможность отдать должное великому историографу и отметить тройной юбилей — 225-летие со дня его рождения, 200-летие публикации «Писем русского путешественника» и 175-летие со времени начала издания «Истории государства Российского»³. Знаменательно и то, что когда при организации в России первого исторического общества — Общества истории и древностей российских при Московском университете — в 1804 г. университетский Совет счел нужным «пригласить в почетные... члены мужей просвещенных и сведущих в отечественной истории», среди первых пяти таких членов оказался и А.И. Мусин-Пушкин. Другими были известнейший в ту пору и в России, и в Западной Европе А.Л. Шлецер — автор первого монографического исследования о «Повести временных лет» («Несторовой летописи»), Н.М. Карамзин, ставший уже официальным историографом и приступивший к подготовке своей многотомной «Истории», виднейшие историки-архивисты Н.Н. Бантыш-Каменский и А.Ф. Малиновский. (Об этом можно узнать и из книги А.И. Аксенова, вышедшей в канун конференции, благодаря просвещенной поддержке рыбинских издателей, достойной традиции самого Мусина-Пушкина.)

Археография тогда не ограничивалась научно-публикаторской (издательской) деятельностью, как истолковывается ее предмет зачастую в современной отечественной архивной терминологии. Под археографией подразумевали более широкую сферу научной работы — выявление и собирание, описание и публикация письменных памятников. Именно такое традиционное для российской научной мысли понимание отражено в названии образованной в 1830-е гг. императорской Археографической комиссии в Петербурге, одной из важнейших задач которой были описание и подготовка публикации материалов, собранных экспедициями, называвшимися археографическими. Так понимали предмет и задачи археографии и авторитетнейшие знатоки рукописей в начале XX в. — академики А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, А.А. Шахматов — классики исторической и филологической наук. Так понимал археографию и мой университетский учитель, классик исторической науки уже середины нашего столетия академик М.Н. Тихомиров, усилиями которого была возрождена в 1956 г. Археографическая комиссия Академии наук. Но даже при таком сравнительно широком понимании предмета археографии занятия археографией и в наши дни — удел немногих знатоков и любителей. Тем более на рубеже XVIII и XIX вв., еще до выхода в свет книг «Истории» Карамзина, занятия археографией оставались малоизвестными и казались даже

малопонятными большинству лиц того круга, к которому принадлежал граф Мусин-Пушкин по рождению, богатству, положению в обществе. И потому особо достоин уважения потомков археографический подвиг Мусина-Пушкина, его вклад в сокровищницу мировой культуры и науки.

Понятно, что в научной литературе об Алексее Ивановиче Мусине-Пушкине — и в недавно изданных монографиях В.П. Козлова и А.И. Аксенова — тоже преимущественное внимание уделяется археографической деятельности вельможи-мецената, — тому, как он «с любовью к Отечеству и просвещению» (слова в заголовке книги А.И. Аксенова) формировал кружок любителей российских древностей (слова «кружок А.И. Мусина-Пушкина» — в заголовке книги В.П. Козлова)⁴.

А.И. Мусин-Пушкин был вельможным «археологом». В ту пору «археологами» называли знатоков и собирателей древностей, особенно греческих и римских. И термин «археология» употребляли для обозначения «науки о древностях» (такое объяснение и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, составленном в третьей четверти уже XIX в.). В начале XIX в. «археологами» считали и тех, кто был занят описанием письменных памятников древности (об этом тоже в Словаре Даля). Только постепенно утвердились представления об археологии как о науке, изучающей прошлое по сохранившимся в земле памятникам материальной и духовной культуры — вещественным и изобразительным источникам, и отличии, тем самым, ее от археографии, сфера которой — письменные памятники (и уже не только древние, обозначаемые греческим словом «архе», но и близкого к нам времени).

Однако славная деятельность А.И. Мусина-Пушкина как вельможного «археолога» неотторжима от повседневности его биографии. И тематика конференции помогает углубить представления обо всей его жизни в контексте эпохи, особенно ее общественного сознания и культуры. Тут нам несомненно помогут труды, также на долгое время выпавшие из поля зрения не только широкой публики, но и исследователей. Труды тех историков, которым образ жизни А.И. Мусина-Пушкина и его потомков были ближе по времени, а ее обиход понятнее.

Имеются в виду прежде всего труды великого князя Николая Михайловича — книги, подготовленные им самим или под его руководством. Интерес к научному творчеству и организаторской деятельности историка, расстрелянного в Петрограде в январе 1919 г., возрастает. Памяти Николая Михайловича посвящен сборник материалов, изданный в 1991 г. Библиотекой Академии наук, — статейного типа рецензия на это издание помещена в «Археографическом ежегоднике за 1992 год»⁵. Сейчас снова признают, что великий князь Николай Михайлович был едва ли не крупнейшим исследователем политической истории России рубежа XVIII–XIX вв. и биографии Александра I (и притом отнюдь не всегда благосклонным к императору).

Среди подготовленных Николаем Михайловичем «прекрасных и полезных исследований» (определение Л.Н. Толстого в письме к нему 1906 г.) выделяются выпуски издания «Русские портреты XVIII и XIX столетий» в пяти томах (СПб., 1905–1909), любовно подготовленные петербургскими и московскими учеными-архивистами под его руководством и при непосредственном авторском участии. Опубликовано и 1150 изображений портретов (мужских и женских) второй поло-

вины XVIII – первой половины XIX в. со сведениями о портретисте и местонахождении оригинала. Приложены биографические сведения обо всех изображенных с указанием родственных связей (данными о родителях, о детях, зятях и др.). В большинстве случаев — это очерки-характеристики с цитатами из первоисточников. Показательна оценка издания Л.Н. Толстым, который, начиная, по крайней мере, со времени собирания материалов для незавершенного романа о декабристах, а затем для «Войны и мира», стал подлинным знатоком истории рубежа XVIII и XIX вв. и источников ее познания. Благодаря великого князя за присылку «этого превосходного издания», Л.Н. Толстой писал: «В особенности меня пленили тексты: они так прекрасно, умно, талантливо составлены. Вообще все это издание есть драгоценный материал истории, не только *de la petite histoire* (как подсобная монография. — *С.Ш.*), но настоящей истории того времени. Я испытал это потому, что занят теперь временем с 1780-х до 1820-х годов».

Полагаю полезным полностью привести тексты биографических очерков об Алексее Ивановиче Мусине-Пушкине и его супруге. Стиль их характерен для лучших очерков издания, а содержание и тональность оценок свидетельствуют о симпатии автора (или авторов) к своим «героям», что вовсе не характерно для издания в целом.

«Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817) — сын гвардии капитана Ивана Яковлевича, женатого на Наталии Михайловне Приклонской. Родился 16 марта 1744 г. По выходе из артил-лерийского училища служил до 1772 г. адъютантом при князе Г.Г. Орлове, благодаря чему рано сделался известен Екатерине II. Служба в артиллерии не мешала ему с любовью заниматься наукой и литературой. В 1775 г. по возвращении из путешествия по Европе, во время которого он вел “Записки” и особенно интересовался искусством, Мусин-Пушкин сделан церемониймейстером; в 1789 г. назначен начальником “гимназии чужестранных иноверцев”, а в 1790 г. избран в члены Российской академии за объяснение терминов “думный дьяк” и “думный дворянин”.

Покупка им книг и бумаг известного Крекшина положила начало его знаменитой библиотеке рукописей. Собирая всякие древности и записывая исторические известия и анекдоты, Мусин-Пушкин скоро сделался владельцем таких редкостей, как монеты князей Владимира и Ярослава, Тмутараканский камень с надписью 1068 г. (хранится в Эрмитаже), исчезнувшая летопись князя Кривоборского и единственная рукопись “Слова о полку Игореве”. Болтин писал, что Мусин-Пушкин, “будучи крайний древностей наших любитель, великим трудом и иждивением, а больше по счастью, по пословице ‘на ловца и зверь бежит’, собрал много книг, весьма редких и достойных уважения от знающих в таких вещах цену”. Сама Екатерина II была знакома с его собранием и подарила ему несколько характерных книг и летописей, “кои самой ей читать было трудно”. Однако расположение императрицы, прямой характер и обличение “вредной галломании” причинили ему немало неприятностей со стороны придворных завистников и интриганов. В 1791 г. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, что еще более способствовало увеличению его книгохранилища, так как он вошел “в короткое обращение и знакомство с духовными особами”. Со вступлением на престол Павла I он оставил Синод, где снискал себе уважение и любовь за свое, по выраже-

нию митрополита Гавриила (Петрова), “благорасположение к наблюдению истины”. В 1797 г. государь пожаловал ему 1000 душ, но он просил разделить их между его подчиненными. Тогда Павел возвел Мусина-Пушкина 5 апреля 1797 г. в графское достоинство. В 1799 г., выйдя в отставку, граф Пушкин поселился в Москве, среди своих любимых древностей и рукописей в своем громадном доме на Разгуляе. Здесь он издал в 1800 г. “Слово о полку Игореве” (1-е издание, заменяющее теперь рукопись) и в 1810 г. исследование о “Холопьем городке” на р. Мологе. (Раньше им изданы были вместе с “приятелями” Елагиным и Болтиным в 1792 г. — “Русская Правда” и в 1793 г. — “Поучение Владимира Мономаха”).

Накануне 1812 г. друг графа, Н.Н. Бантыш-Каменский, убедил его пожертвовать свое собрание в библиотеку Архива Коллегии иностранных дел. Однако трудно было ему сразу расстаться со своим сокровищем, и он, по собственному его выражению, “похвального намерения своего исполнить не успел”. Редкостная библиотека вся погибла в 1812 г. в пламени Московского пожара. Только драгоценный Лаврентьевский список Несторовой летописи, поднесенный графом Александром I, уцелел в Публичной библиотеке. Старый граф был страшно потрясен. К довершению удара, 21 марта 1813 г. под Люнебургом был убит 24-летний его сын Александр, которого “готовил” к занятиям историей. После этого, по свидетельству Калайдовича, до конца дней “пасмурный взор его одушевлялся только в беседе любителей Отечественной истории...” Граф Мусин-Пушкин скончался 1 февраля 1817 г. в Москве; отпевание его в церкви Богоявления в Елохове совершал архиепископ Московский Августин; погребен он в своем имении, в селе Иломны Моложского уезда. “Приязнью его пользовались” Карамзин, Болтин, Бантыш-Каменский, ум, доблести и знаменитые услуги его просвещению чтит великая Екатерина II». (Цитата в последней фразе едва ли не восходит к письму Н.М. Карамзина к архивисту А.Ф. Малиновскому, написанному сразу после получения известия о кончине графа: «Двадцать лет он изъявлял нам приязнь».)

«Графиня Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина (1754–1829) — дочь генерал-майора князя Алексея Никитича Волконского от брака с Маргаритой Родионовной Кошелевой, родилась 6 октября 1754 г.; в 27 лет, 6 мая 1781 г. она вышла замуж за богатого человека, Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (р. 16 марта 1744 г.), позднее действительного тайного советника, обер-прокурора Святейшего Синода, графа (1797 г.), известного любителя русской старины, так сказать, первого русского ученого археолога. 1 февраля 1817 г. овдовела, имея многочисленную семью, состоявшую из 8 человек детей; сыновья, графы: Иван (р. 31 октября 1783, † 12 июня 1836; гофмейстер), Александр (р. 1788, † 23 марта 1813, любимец отца, который хотел видеть в нем своего преемника по занятиям русской историей, был смертельно ранен при Люнебурге), Владимир (р. 31 марта 1798, † 1854; был арестован по делу декабристов) и дочери, графини: Мария (р. 7 июня 1782, за А.З. Хитрово), Наталья (р. 1784, † 1829, за князем Д.М. Волконским), Екатерина (р. 4 октября 1786, за князем В.П. Оболенским), Софья (р. 1792, за князем И.Л. Шаховским) и Варвара (р. 1796, † 1829, за князем Н.И. Трубецким).

Графиня Е.А. Мусина-Пушкина скончалась в Москве 17 ноября 1829 г.; отпевали ее в приходской церкви Богоявления в Елохове; погребена рядом с мужем в своем Моложском имении, с. Иломны Ярославской губернии.

По словам Булгакова, считавшего графиню Мусину-Пушкину “одной из первых знакомых своей молодости”, она была женщиной расчетливой, склонной к различным финансовым операциям, умевшей пользоваться нужными ей людьми, отличалась обходительностью и страстно любила поиграть в карты. По поводу ее кончины А.Я. Булгаков писал брату, возвратившись с ее похорон, где был “весь город”, начиная с генерал-губернатора князя Д.В. Голицына: “Грусть была непритворная: Царство ей небесное! Пожила довольно для женщины, была любима, уважаема в семье, несмотря на удар, могла говорить, была покойна и сказывают, что последние ее слова были, когда лили ей лекарство в рот: ‘Меня кормят как галчонка!’ Стало, дух ее был покоен, ежели шутила... Да и ежели правду говорить, так в чем можно упрекнуть покойницу? В одной скупости, но и это не мешало ей принимать весь город, жить домом, делать добро. Она нас любила, как ближних своих; пережила всех своих сверстниц и скончалась 77 (Sic!) лет”»⁶.

Биографические характеристики издания составлены отнюдь не в верноподданническом стиле. Явно ощутимо сочувствие декабристам: в издание включены портреты и биографии-характеристики некоторых из них (даже казненного Сергея Муравьева-Апостола). О воспитании молодых людей в духе взглядов будущего «декабризма», об отношении в обществе к декабристам и царскому приговору не раз упоминается и в биографиях других лиц. В биографии матери декабристов Муравьевых-Апостолов так рассказывается о возвращении ее с сыновьями, обучавшимися в парижском пансионе, в 1809 г. в Россию: «на русской границе они выразили свою радость по поводу возвращения на Родину. Мать, похвалив их за такое чувство, сказала: “Я должна сообщить вам ужасную весть: вы найдете то, чего не знаете, — в России вы найдете рабов”. Боясь растлевающего влияния крепостного права, она воспитывала сыновей в неведении о его существовании». Или о княгинях Волконских — о Софье Григорьевне, сестре декабриста и супруге «неразлучного друга Александра I» Петра Михайловича, написано: «События 14 декабря и ссылка в Сибирь ее любимого брата князя Сергея Григорьевича еще более укрепили в ней намерение удалиться от двора; сочувствуя брату, твердая и независимая в своих суждениях, она не могла примириться со строгостью императора Николая к декабристам»; далее узнаем подробности о ее поездке в Сибирь для свидания с братом, об отказе ей — вдове фельдмаршала — в разрешении принять возвращенного из ссылки брата-декабриста С.Г. Волконского в столице империи. В биографии знаменитой в истории нашей литературы Зинаиды Александровны тоже отмечено: «Кончина императора Александра I и события 14 декабря 1825 г. сильно подействовали на княгиню Волконскую, имевшую много родных и друзей декабристов». И в биографии графини Елизаветы Петровны Чернышевой читаем о том, как поразил ее арест в декабре 1825 г. в ее имении Орловской губернии единственного сына Захара Григорьевича и мужа старшей дочери Александры Никиты Михайловича Муравьева «за участие в заговоре 14 декабря. Это событие так ее потрясло, что с ней сделался удар, и она до конца жизни лишилась употребления ног»⁷.

В биографических очерках августейший историк, более других осведомленный о подробностях интимной жизни российских монархов, позволял себе делать достоянием публики свидетельства и об их внебрачных детях. Это облегчает понима-

ние некоторых обстоятельств государственно-политической жизни и показывает, что эти лица подчас занимали в обществе положение, подобное положению бастардов королей Бурбонов во Франции. Откровенно написано в первом же выпуске, в очерке о графине Марии Андреевне Румянцевой (урожденной графине Матвеевой), о том, что сын этой «метрессы» Петра I, выданной замуж за его бывшего денщика, знаменитый полководец Петр Александрович не только родился, но зачат был в период длительной дипломатической миссии его отца, и в конце биографии отмечается, что графиня «в глубокой старости с беззастенчивой откровенностью рассказывала интимные подробности грехов ее юности». А в биографии самого П.А. Румянцева — уже в IV томе — читаем: «По преданию сын великого преобразователя России». И, действительно, совмещение талантов и военачальника и администратора, и нрав силача фельдмаршала напоминал чем-то Петра Великого, а в отношении к нему монархов многое удивляет: в молодые годы ему прощали беспутство; с приходом славы предпочитали держать в отдалении от двора, допуская в то же время всевластие на доверенной его управлению обширной территории Малороссии, а покинутой им жене, напротив, демонстративно (и даже вопреки ее желанию) поручали исполнять высшие придворные должности; сыновей его, по существу, за счет двора послали учиться за рубеж, да еще избрали им в сопровождающие знаменитого Мельхиора Гримма, знакомого со всеми энциклопедистами, дипломата и корреспондента Екатерины II⁸.

Это объясняет, почему именно Румянцевы оказались так невероятно богаты и почему с фельдмаршалом и его сыновьями связаны существеннейшего значения государственные начинания, получавшие благословение (а иногда толчок) от монархов — деятельность П.А. Румянцева и в Малороссии, и во время войн, указ о свободных хлебопашцах 1803 г., связываемый с инициативой Сергея Румянцева, высокие правительственные посты старшего сына фельдмаршала Николая и его столь результативная для российской науки и культуры меценатская деятельность — бездетный канцлер создал музей, который сразу же был предназначен стать основой государственного хранилища «на благое просвещение».

Кстати, наблюдения о бастардах небезынтересны и в плане изучения истории повседневной жизни дворянской элиты. Напомним об Алексее Григорьевиче Бобринском — сыне Екатерины II и Г.Г. Орлова, и о том, что в графское достоинство его возвел брат по матери Павел I через пять дней по восшествии на престол. Дворянскими братьям его — сыновьям графа Федора Григорьевича Орлова и жены полковника Татьяны Федоровны Ярославовой, называвшимся «воспитанниками», Екатерина II даровала после смерти отца в 1796 г. дворянство и фамилию Орлова. Но титул графа получил лишь один Алексей — и уже от восшедшего на престол Николая I за участие в усмирении восстания декабристов (в 1856 г. его возвели и в княжеское достоинство); брат же его, известный декабрист генерал Михаил Федорович, приятель Пушкина, не имел графского титула. Как не имели его и внебрачные дети графа А.К. Разумовского братья Перовские, получившие фамилию от подмосковного села Перово (и, вероятно, именно потому, что там в 1742 г. происходило тайное венчание Алексея Григорьевича Разумовского — старшего брата их деда — с императрицей Елизаветой Петровной). Трое из Перовских получили графское достоинство, уже занимая высокие государственные посты, во второй

половине XIX в. Внебрачной дочерью князя Андрея Ивановича Вяземского была Екатерина Андреевна (носившая в девичестве фамилию Колыванова — по месту рождения в Ревеле-Колывани), ставшая в 1804 г. женой овдовевшего перед тем Н.М. Карамзина. Показательно, что и супруги Карамзины, и брат по отцу Екатерины Андреевны, князь Петр Андреевич Вяземский — замечательный писатель, друг Пушкина, проживали вместе в подмосковном имении их отца Остафьево. Среди родившихся позднее напомним о Герцене.

Наблюдения о внебрачных детях вельмож (и поименованных, и других; знаменитого И.И. Бецкого — сына князя Трубецкого, писателя И.П. Пнина — сына князя Репнина, друга Пушкина С.А. Соболевского и др.) небезынтересны и в плане изучения повседневной жизни дворянской элиты. Таким образом, Л.Н. Толстой, создавая «Войну и мир», обеспечил, если можно так выразиться, своего любимого героя графа Пьера Безухова нарочито типологической его общественного круга биографией.

Выявление родственных связей, брачных уз позволяет установить и то, что прямые потомки Мусина-Пушкина и Карамзина породнились. Давно известно, что одна из дочерей историографа вышла замуж за князя Мещерского. Родство же, точнее свойство, с Мусиными-Пушкиными (сын Алексея Ивановича Мусина-Пушкина Владимир и сын Николая Михайловича Карамзина Андрей были женаты на сестрах-красавицах, урожденных Шернваль) «застолбило» родство Карамзиных с титулованной еще старомосковской знатью — дочери Алексея Ивановича были замужем за князьями Волконским, Оболенским, Трубецким, Шаховским. Показательно одновременно и то, что лица этих княжеских фамилий встречаем и среди осужденных декабристов. Таковы лишь немногие наблюдения, возникающие при знакомстве с выпусками этого издания великого князя Николая Михайловича. Можно думать, что впереди еще немало забытого и не учтенного нашими современниками.

Издание «Русские портреты» — малотиражное и уже по одному тому редкое даже в библиотеках. В советское время обращались обычно (и то отнюдь не часто) лишь к опубликованным там изображениям — для атрибутирования музейных экспонатов, при подборе иллюстраций для изданий исторической и литературоведческой тематики. Между тем существенно важен и текст книги — и не только для изучения российского дворянства, но более широкой проблематики политической истории, истории культуры, быта. Было бы полезно подготовить переиздание «Русских портретов» в одной книге или в двух — меньшего формата, с более мелким шрифтом и с уменьшенными изображениями, сопроводив его именным указателем¹.

С появлением возможности при изучении истории российского дворянства (особенно дворянской аристократии) не ограничиваться социально-экономической и государственно-политической проблематикой, но заняться исследованием и его менталитета и обихода повседневной жизни, обращение к изданиям великого князя Николая Михайловича совершенно необходимо. Это — одна из предпосы-

¹ Теперь это в значительной части осуществлено в издании «Знаменитые россияне XVIII-XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича “Русские портреты XVIII и XIX столетий”» (СПб., 1996).

лок определения источниковой базы работ такой тематики — и общего, и частного характера.

В этой связи остановлюсь и на других печатных материалах, тем более что без ознакомления с ними обычно бывает сложно выявить, уяснить и оценить информацию, обнаруживаемую в архивных документах. Это — напечатанное в журналах рубежа XIX и XX вв. «Русский архив», «Русская старина», «Старые годы», «Столица и усадьба» и др. Должно рассмотреть под таким углом зрения и уже введенные в научный оборот дневники, переписку, мемуары (что облегчено аннотированным многотомным указателем «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», составленным под руководством П.А. Зайончковского), материалы, опубликованные в томах «Литературного наследства», свести вместе данные о публикациях последних лет в сборниках статей и сообщений научных конференций (в частности, в малотиражных изданиях, подготовленных провинциальными вузами), в новых периодических местных изданиях типа «Костромская старина», «Тверская старина», «Ярославская старина», особенно в бывших губернских центрах (так, в Пензе такого рода материалы печатают и «Пензенский временник любителей старины», и «Земство», и журнал «Сура»).

Следует по-прежнему пытаться извлекать интересующие нас сведения по истории дворянства из произведений художественной литературы (причем не только высокого класса, но и предназначенных для непритомливого по своим вкусам, но достаточно осведомленного об обычаях современной ему жизни читателя) и из комментариев к ним историко-культурного типа (как книги Н.Л. Бродского, Ю.М. Лотмана, Н.И. Михайловой и др. с комментариями к «Евгению Онегину»). Стали переиздавать научные труды и сочинения литераторов давних лет, интересные для изучающих образ жизни и мысли российского «высшего общества» («высшего света»); особенно приятно назвать и рекомендовать непревзойденную по богатству конкретных наблюдений и подкупающей манере изложения «Грибоедовскую Москву» М.О. Гершензона.

Однако если проявляют интерес к извлечению данных такого рода из сочинений писателей второго и даже третьего ряда — современников Грибоедова, Пушкина и декабристов (да и сами сочинения эти переиздаются и комментируются), то произведения того же масштаба авторов, писавших о жизни аристократии рубежа XIX и XX вв., пока еще мало привлекают внимание ученых, хотя в период утверждения в художественной литературе на смену романтизма стилей реализма и даже натурализма такие сочинения оказываются для историков быта и общественного сознания богатыми полезной информацией, а выявление их существенно облегчается с началом издания многотомного биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917».

Образ бытового обихода, культура домашнего чтения дворянской аристократии (особенно в загородных усадьбах) сохранялись в первые годы советской власти в некоторых имениях, превращенных тогда при поддержке наркома просвещения А.В. Луначарского и заведующей музейным отделом наркомата (отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины) Н.И. Троцкой в музеи. Там даже иногда жили и работали хранителями, научными сотрудниками бывшие собственники таких имений или их родственники (в Остафьево — Шереметевы,

в Мураново — Тютчевы, в Ясной Поляне — Толстые и др.). Но архивные материалы о подобных музеях (как, впрочем, и печатные) остаются не использованными ни в таком плане, ни в контексте изучения проблематики социальной психологии и развития культурологии.

Еще в меньшей мере учтено в России напечатанное в эмигрантских изданиях, а именно там особенно много о повседневности дворянского быта, «семейственности» российской аристократии пореформенной России. Как полезно было бы свести и это воедино в аннотированной библиографии типа упоминавшегося указателя, подготовленного профессором Зайончковским и его сотрудниками (в частности, так сказать, вычленив подобные публикации из вышедших за рубежом указателей — Т.А. Бакуниной-Осоргиной и др.).

Вхождению в эпоху первых читателей «Слова о полку Игореве» поможет и книга историка и писательницы О.Г. Чайковской о русском портрете и мемуаристике второй половины XVIII в. «Как любопытный скиф...» (вышедшая в издательстве «Книга», в Москве, 1990 г.): она дает «богатейший материал для размышлений» — отмечено в предисловии академика Д.С. Лихачева. Полезные для нашей темы подробности можно узнать иногда и из трудов, имеющих лишь косвенное касательство к ней: например, из напечатанного о знаменитых художниках-портретистах Рокотове, Левицком и Боровиковском, Кипренском и Брюллове, Репине и Серове — там и о портретируемых ими лицах из среды аристократии. Схожего рода сведения обнаруживаются и в трудах об усадьбах (сельских и городских), о мемориальных музеях, уцелевших личных библиотеках и коллекциях.

Немало открывают — даже в конкретно интересующей нас тематике «Мусины-Пушкины» — справочные издания о великих классиках литературы Пушкине и Лермонтове. В книге Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» (вышедшей вторым изданием в 1989 г.) — данные о близком знакомстве Александра Сергеевича с двумя сыновьями графа Алексея Ивановича и с другими Мусиными-Пушкиными. Владимира Алексеевича Пушкин, видимо, знал еще по Петербургу, до ссылки на юг. В «Путешествии в Арзрум» он пишет, как, встретившись, «сердечно ему обрадовался», и они вместе путешествовали до Тифлиса. В 1830-е гг. они часто встречались в Петербурге — на рисунке князя Г.Г. Гагарина с изображением приглашенных Мусиным-Пушкиным на завтрак в 1832 г. видим и поэта. Князь П.А. Вяземский свое письмо о гибели Пушкина просил показать близким к погибшему людям — среди них В.А. Мусин-Пушкин. Жена его старшего брата Ивана Алексеевича, Мария Александровна (вышедшая после кончины супруга замуж за пушкинского лицейского товарища, знаменитого дипломата князя А.М. Горчакова), составила (или переписала) сводку данных о последних днях жизни Пушкина. Ей Пушкин посвятил стихотворение, в ее доме беседовал с испанским посланником, что побуждает вспомнить восьмую главу «Евгения Онегина». Возвращает мыслью к этому «роману в стихах» и то, что эта прелестная на портрете русская красавица была на 18 лет моложе супруга-генерала, участника Отечественной войны и гофмейстера. Красоту жены Владимира Алексеевича, Эмилии Карловны, современники сравнивали постоянно с красотой Наталии Николаевны: об этом писал жене и сам Пушкин: «Счастлива ли ты воюешь со своей однофамилицей?» Пушкин так восхищался красотой графини (воспетой Лермонтовым), что Долли

Фикельмон (друг Пушкина, внучка фельдмаршала Кутузова) записала в дневнике 1832 г. о ней: «сияет новым блеском благодаря поклонению, которое ей воздает поэт Пушкин». Вероятно, не только происхождение от славного Ратши сближало поэта с Мусиными-Пушкиными. Но все эти свидетельства пока еще не обобщены и не осмыслены. А ведь это — интересная, богатая деталями страница истории культуры и общественной жизни!

Такими путями (даже если ориентироваться лишь на справочные издания и довольствоваться выявляемым по именованным указателям) обнаружатся сведения и непосредственно о Мусиных-Пушкиных, их родственниках, круге близких знакомств. А это остается недостаточно известным даже в отношении самого знаменитого из них — графа Алексея Ивановича.

Для эпохи Мусина-Пушкина и Карамзина известно больше свидетельств о культуре и быте дворянства, чем для последующего времени, — и здесь мы особенно обязаны изданиям Пушкинского Дома (прежде всего регулярно выходящим сборникам «XVIII век» и «Пушкинский временник»). Но к изучению жизни А.И. Мусина-Пушкина на фоне этой эпохи такие данные привлечены, пожалуй, все-таки еще не в полной мере.

К примеру, из знаменитых «Рассказов бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово» узнаем, что на рубеже XVIII и XIX вв., когда «в Москве живало много знати, людей очень богатых», «у редкого вельможи не было своего собственного театра — и своей доморощенной труппы актеров». Престарелая Елизавета Петровна Янькова, сохранявшая редкостную по точности память, напоминает среди таких театров в городе и в подмосковных (у Шереметева, Орлова, Мамонова, «Бутурлина в Лефортове», Голицына, Разумовского, Юсупова, Апраксиных) и театр «у графа Мусина-Пушкина на Разгулье»⁹. В какие годы действовал этот театр? Каков его репертуар? Кто выступал на его сцене? Участвовали ли в спектаклях сами Мусины-Пушкины и их родственники?

Подробности, недостаточно комментированные еще биографами А.И. Мусина-Пушкина, находим и в широко известных «Записных книжках» князя П.А. Вяземского¹⁰. В первой из них, как бы в оправдание желания автора «играть какую-нибудь роль в области словесности», Вяземский ссылается на журнальную публикацию в 1813 г. написанных в 1812 г. в Ярославле «Правил на составление поведенного временного ополчения для изгнания врагов из Отечества», данных А.И. Мусиным-Пушкиным «в деревнях его сельским начальникам». «Правила» эти обыгрываются в помещенном вслед за тем пародийном «Приказе Семену Гаврилову», высмеивающем членов «Беседы любителей русского слова». «Приказ» предварен словами: «Я смею надеяться, милостивый государь, что приказ, писанный простым дворянином к сельскому старосте, управляющему 150 душами, не потеряет цены в ваших беспристрастных глазах и будет вами принят наравне с повелением вельможи к тучному управителю, повелевающему нескольким тысячами душ». Небезлюбопытно и то, что молодой Вяземский еще до формирования дружеского петербургского общества «Арзамас» с его пародийного типа сочинениями «карамзинистов», направленными против «шишковистов», т.е. писателей круга «Беседы любителей русского слова», использовал для своих антишишковских упреждений публикацию «Приказа» именно Мусина-Пушкина.

В другом месте приводятся воспоминания графа Ф.В. Ростопчина — «анекдот» о том, как в Твери, за столом у великой княгини Екатерины Павловны, «в бытность государя» (т.е. брата ее Александра I) «разговорились о Екатерине Великой». А.И. Мусин-Пушкин при этом «прослезился», «разговор пресекался», и граф после обеда, подойдя «с растревоженным лицом» к Ростопчину, сказал: «Кажется мне, я сегодня за обедом некстати заплакал».

Сказанное Вяземским открывает дорогу к поискам других дополнительных подробностей биографии Мусина-Пушкина, периода, когда после отставки он переселился в Москву. В Твери, в генерал-губернаторском дворце супруга любимой сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны, происходили встречи императора с влиятельными в обществе москвичами; не раз гостил и Карамзин, передавший там же Александру I написанную по предложению Екатерины Павловны записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Когда именно бывал Мусин-Пушкин в Тверском дворце? Не совпадало ли это во времени с визитами Карамзина? Кого еще почитала нужным приглашать хозяйка, когда у нее гостил император? Бывал ли еще кто-нибудь из находившихся в отставке московских вельмож кроме графов Мусина-Пушкина и Ростопчина? Какие отношения были у Мусина-Пушкина с Ростопчиным? (небезынтересно сравнить написанное обоими под впечатлением событий Отечественной войны, а также терминологию этих сочинений). Показательно и свидетельство отношения Мусина-Пушкина к памяти Екатерины II — признательного поклонения ей за возвышение России и лично его; в то же время это — образчик чувствительности графа, впрочем, модной в век сентиментализма.

Отмеченное Вяземским как бы мимоходом тем более интересно, что в воспоминаниях о Москве своего детства, рассказывая об известных всей Москве лицах, отличавшихся особенностями поведения или нарочито демонстрируемым богатством, он не упоминает А.И. Мусина-Пушкина. Очевидно, что богатый вельможа не стремился удивлять других и находил наибольшее удовлетворение, встречаясь с просвещенными собеседниками (в их числе со строителем Остафьево, отцом писателя, князем Андреем Ивановичем Вяземским — любителем чтения французских авторов XVII–XVIII вв.). Симптоматично и то, что ни А.И. Мусин-Пушкин, ни его супруга не названы в воспоминаниях поэта и театрала князя И.М. Долгорукова, которому были знакомы люди высшего круга «всего Санкт-Петербурга» и «всей Москвы».

Выявлен и изучен материал прежде всего об археографической деятельности А.И. Мусина-Пушкина и взаимосвязях его с современниками именно в этом плане. Но ведь то, что мы сегодня особенно ценим в А.И. Мусине-Пушкине, что вышывает в наших глазах его среди всех других (даже по-настоящему просвещенных) вельмож трех царствований — великой Екатерины, ее сына и старшего внука Александра I — и сохраняет навечно имя его в истории культуры, при жизни графа большинством людей его круга так не воспринималось — шкала общественных ценностей меняется во времени, разная в разных социумах. Для этого «большинства» Мусин-Пушкин — в первую очередь приближенный ко двору сановник, облаканный монархами, а затем осевший в Москве и ближних к ней имениях, богатый «боярин» с обширными родственными связями со знатью обеих столиц, со-

хранявший и в отставке влиятельное положение в обществе. Чета графов Мусиных-Пушкиных — те люди «века Екатерины», о значении которых в общественной жизни словами превосходной степени говорила «грибоедовская Москва» устами Фамусова.

Знали, конечно, и о его меценатстве и собранных коллекциях, но это могло казаться и данью моде высшего света — среди вельмож рубежа XVIII–XIX вв., коллекционировавших произведения искусства, книжные раритеты, покровительствовавших музыкантам и актерам, возводивших дворцы по проектам выдающихся архитекторов и декораторов и украшавших их шедеврами зарубежных и отечественных мастеров, люди самых известных тогда титулованных фамилий (Апраксины, Белосельские-Белозерские, Бутурлины, Воронцовы, Голицыны, Куракины, Разумовские, Румянцевы, Шереметевы, Шуваловы, Юсуповы и др.). Четкую целенаправленность коллекционирования и издательской деятельности Мусина-Пушкина тогда еще вряд ли способны были отметить, так как издания памятников древнерусской истории письменности находили мало читателей в этой аристократической среде, и к тому же помимо памятников культуры Древней Руси в коллекции Мусина-Пушкина были и иные — даже подлинники картин самых знаменитых западноевропейских художников XV–XVII вв. Тем более не могли еще оценить историко-культурное значение сделанного графом для познания прошлого своего Отечества и воспитания уважения к памятникам этого прошлого. Мусин-Пушкин скончался до выхода в свет (1818) первых восьми томов «Истории государства Российского» Карамзина, впервые открывших этому обществу, что у него имеется история, достойная славы и изучения. (Знакомый и Мусину-Пушкину вельможа екатерининских времен, ставший при Александре I первым российским министром народного просвещения, граф П.В. Завадовский, был убежден в том, что все события истории России до Петра Великого можно изложить на одной странице.) В этой связи стоит повторить ныне широко известные слова Пушкина о сильном впечатлении, произведенном этими книгами: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом».

Тема «А.И. Мусин-Пушкин и развитие культуры России» в ракурсе современных историко-культурологических представлений подразумевает постановку вопроса не только о вкладе Мусина-Пушкина в развитие культуры, но еще и о воздействии культуры России на становление образа мысли и деятельность Мусина-Пушкина, о соотношении культурного облика его и современной ему эпохи. При этом, конечно, нельзя упускать из виду то, что культура отнюдь не сводится к сфере научной, художественной, даже просветительской деятельности, тем более к высшим достижениям в этих сферах, но тесно взаимосвязана с обиходом повседневности, а история культуры неотделима от истории общественного сознания, общества в целом.

Запланированные на конференции доклады и сообщения дают возможность подойти к теме «Мусин-Пушкин в культуре России» и в более широком плане и в то же время с детальной конкретизацией. Полагаю позволительным высказать некоторые соображения общего характера, относящиеся в той или иной мере ко все-

му комплексу проблем. При этом внимание обращается преимущественно на отступления от недавно еще расхожих взглядов, отражавших вульгарно-социологические представления, довлевшие в сфере гуманитарных знаний с 1920-х гг.

Согласно этим воззрениям, смазывающим разнообразие и многовариантность исторического процесса и сводящим все его особенности к отражению явлений экономического развития и классовой борьбы, формировались понятия о российском дворянстве и о «дворянских» русских писателях. Тем марксистским идеологам (типа А.В. Луначарского, Л.Б. Каменева, Д.Б. Рязанова), которые понимали необходимость не только сохранения дореволюционного культурного наследия, но и приобщения к нему широких народных масс, приходилось убеждать в этом высших партийных функционеров. В 1925 г. Д.Б. Рязанов, отмечая то, что дореволюционные классики из дворян и буржуазии «выработали великий русский язык», призывал: «Госиздату давно пора издать и дворянского Пушкина, чтобы он стал доступен всякому крестьянину и рабочему». Но и через десять лет, когда началась уже официально санкционированная подготовка к празднованию в 1937 г. Пушкинского юбилея, на конференции, посвященной пушкиноведению, предлагали прежде всего искать ответы на вопрос: «Почему же мы любим Пушкина, если он был дворянин»¹¹. Если такой подход был к Пушкину, объявленному национальным, а позднее даже народным поэтом, то каково было тогда заниматься биографией графа Мусина-Пушкина! (Тем более что и сам Александр Сергеевич, как известно, не без язвительности отмечал: «Я просто Пушкин — не Мусин...»)

Так как социокультурная история российского дворянства XVIII–XIX вв. долгое время не изучалась в конкретике (к тому же с обращением к архивному материалу), то для типологических обобщений (особенно в учебной литературе) использовали чаще всего произведения художественной литературы, причем преимущественно обличительной направленности, воспринимая подчас гротеск и пародию как реалии общественной и культурной жизни. Между тем не следует упускать из виду то, что ровесниками недоросля Митрофанушки были воспитанный тоже в губернской глуши Карамзин и родители будущих декабристов, а сверстниками персонажей «Мертвых душ» — сами декабристы, люди круга Пушкина и более молодых — Герцена с Огаревым, Лермонтова.

Односторонне истолковывалось и просветительство второй половины XVIII в., хотя уже давно раздавались голоса (З.С. Виленской и др.) о недопустимости перенесения на мыслителей того времени ленинских характеристик, относящихся к взглядам современников крестьянской реформы середины следующего столетия. Идеи века Просвещения довлели над умами многих, но воспринимались отнюдь не всегда с социальным уклоном, да еще революционного настроения. Это заметно и у знаменитых погодков с одинаковыми отчествами по самому популярному тогда в России имени — у Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, Николая Ивановича Новикова и Дениса Ивановича Фонвизина: при различии взглядов и практической деятельности их объединяла вера в силу Просвещения. Однако не станем забывать и о том, что в глазах еще одного Ивановича (старшего, правда, возрастом) — Емельяна Пугачева — они все одинаково принадлежали к дворянскому сословию помещиков, которых должно было, по его мнению, устрашать и уничтожать.

Нарочитой представляется навязываемая еще недавно многими мысль о том, что главное в просветительстве уже конца XVIII в. — антикрепостническая направленность. Конечно, о злоупотреблениях и аморальности крепостников читаем в сочинениях и Новикова, и Фонвизина, но основной пафос «Недоросля» (едва ли не самого знаменитого и тогда, и по сей день произведения российской художественной литературы той поры) — польза, необходимость просвещения как главного пути и к нравственному совершенствованию, и к общественным (а следовательно, и государственно-политическим) преобразованиям. Но это ведь мысли и Бецкого и Екатерины II (нашедшие многократное отражение и в сочинениях этой плодотворной писательницы), что акцентируется в оде Державина, обращенной к императрице: «Ты ведаешь, Фелица, правы / И человек и царей; / Когда ты просвещаешь нравы...»

Именно такую направленность «Недоросля» подчеркивал Пушкин: «В глазах монархини сатирик превосходный / Невежество казнил в комедии народной». Слово «Митрофанушка» по имени героя драмы обрело с того времени значение символа в нашем разговорном языке. Более того, и слово «недоросль», имевшее еще в XVIII в. всем понятный узаконенный государственными установлениями смысл, — молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и потому не поступивший еще на государственную службу (и именно в таком смысле его произносит в «Капитанской дочке» Гринев, вспоминая свое детство), очень скоро после того — тем более в условиях, когда действовали уже правила «Манифеста о вольности дворянству», — в разговорном языке утвердилось как ироническое: недоучившийся, глуповатый молодой человек (то же и в словарях русского языка).

И показательно, что Пушкин, уже успевший написать о «барстве диком», приглашает Скотининых на деревенский бал к Лариным. Комментаторы «Евгения Онегина» отмечают, что упоминание героев литературных произведений прошлых времен, ставших к этому времени литературными масками, оживляет в сознании читателей целый литературный мир: пара фраз, сказанных Простаковой в «Недоросле» (о том, что у ее родителей — отца Скотинина, женившегося на Приплодиной, было 18 детей), должна была означать и то, что не перевелись еще Митрофанушки на Руси: «Скотининых чета седая / С детьми всех возрастов, считая / От тридцати до двух годов...»

Во многом на реминисценциях, воспринятых из художественной литературы (прежде всего сатирических журналов) и публицистики, сложилось и представление о поголовной галломании в среде российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Действительно, в повседневном обиходе преобладало пришедшее из Франции: французские моды в одежде, мебелировка, язык разговорной речи лиц из «общества» и определение их принадлежности к такому «обществу» в зависимости от степени овладения именно французским языком (подчеркнутое и Пушкиным — особенно в «Евгении Онегине», и позднее — Л. Толстым), чтение литературы на французском языке. Однако общественно-политическое сознание наиболее образованной и самостоятельно мыслящей части дворянского общества России — зарождавшейся тогда в век Просвещения интеллигенции — не обязательно определялось воздействием именно французских мыслителей.

Известно, что в семье графов Воронцовых (а следовательно, и для княгини Дашковой — сестры знаменитых братьев-дипломатов) особенно очевидно влияние мысли века Просвещения в его английском варианте (в плане государственно-политической жизни — это преобразования минуя революционный путь), а в кругу Новикова, Тургенева (отца друга Пушкина Александра и декабриста Николая), Карамзина, позднее — выпускников пансиона при Московском университете (т.е. Жуковского и его сверстников) преобладал интерес к сочинениям немецких просветителей, нравственной проблематике, — показательно, что молодой Карамзин начал путь «русского путешественника» за рубежом со встречи с Кантом и говорил именно о «нравственном законе» (который Кант в беседе с ним назвал совестью, чувством добра и зла), и ведущими авторитетами для него уже как историографа были историки английские и швейцарско-немецкий историк Мюллер. В 1820-е гг. Жуковский, готовясь к главной — по его мнению — жизненной миссии, к воспитанию наследника престола, с особым вниманием осваивал опыт прежде всего швейцарской и немецкой педагогики. Тем самым слово «вольтерьянец» для современников грибоедовского «Горя от ума» — подчеркнуто комическая самохарактеристика произносящего, отмечающая его старомодность, отсталость от современного «века», когда после заграничных походов властителями дум мыслящей дворянской интеллигенции (особенно молодежи) были уже не Вольтер и сверстники энциклопедистов, а Байрон и Бенжамен Констан с Шатобрианом, немецкие профессора философии. Спектр воздействия идей века Просвещения многоцветен и имел разные источники излучения, не говоря уже о последующих десятилетиях.

Широко распространенное положение о двух национальных культурах (теперь предпочитают пользоваться термином «субкультура») в культуре дореволюционной России трактовалось с явным подчеркиванием антагонизма этих «культур» — и не только в плане классовой враждебности. Действительно, с реформой Петра I культура элитарной части общества оказалась внешне европеизированной, что явно отличало ее (в одежде, прическе, жилище, комфорте, круге чтения, языке разговорной и даже письменной речи) от остального населения, и особенно как раз на рубеже XVIII и XIX вв. Вспомним общеизвестное (и тоже усвоенное нами из художественной литературы): начало «Войны и мира», наблюдение Грибоедова о народе, принимающем господ «за немцев», письмо Татьяны Онегину — Татьяна не городская барышня, а живущая в имении, «в глуши»: однако «она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски... / Что делать! повторяю вновь: / Доныне дамская любовь / Не изъяснялась по-русски...»

То же подтверждается и биографическими очерками-справками в цитированном уже издании «Русские портреты». Там о супруге генерал-фельдмаршала и военного губернатора Москвы графине Дарье Петровне Салтыковой, 1739 г. рождения, сестре княгини Н.П. Голицыной, ставшей прототипом старухи в пушкинской «Пиковой даме», написано, что она — дочь посла при иностранных дворах графа Чернышева — получила «блестящее воспитание», но «многие упрекали ее в надменности, что отчасти объясняется ее молчаливостью в обществе вследствие недостаточного, благодаря заграничному воспитанию, знакомства с русским языком, который не был еще вытеснен французским из гостиных большого света». А вот

что написано об образовании жены графа Ф.В. Растопчина, родившейся в 1776 г. Ее с сестрами воспитывала тетка А.С. Протасова — камер-фрейлина и личный друг Екатерины II, которая «дала своим племянницам блестящее по тогдашним понятиям образование, причем главное внимание обращено было на иностранные языки, не исключая латинского и греческого в ущерб русскому, которому их не обучали, равно как и отечественной истории и религии» (графиня Растопчина затем стала католичкой)¹².

Но неверно было бы и сооружать стену между культурой верхов общества и остальным обществом. В каждодневной жизни объединяли всех и общая религия, и организация богослужения. Общими были опирающиеся на Библию представления о нормах нравственности, о личном, семейном, гражданском долге. В условиях военных действий естественна была близость быта офицеров и солдат. Много общего, единого для всех оставалось и в других сферах повседневности, особенно вдали от столиц. Сохранившиеся источники свидетельствуют о глубинном проникновении в душу и ум многих «господ» исконной народной культуры, воспринимаемой в буквальном смысле слова с молоком матери, а в дворянской среде кормилицы из крестьян — нянины песни и сказки предшествовали иноземным языкам. И опять уместно вспомнить о классических произведениях великой русской литературы, сочиненных теми, кто воспитан был и всю жизнь прожил в элитарной среде, — и рассуждения Чацкого, и характерное для Пушкина определение — «Татьяна — русская душою», взаимную привязанность Гринева и Савельича, Татьяны Лариной и няни, «нянюшку» из «Детства» Л. Толстого и пляску истинно по-русски графинюшки Наташи Ростовской. Именно из этой среды вышли те, кто готов был пожертвовать собой, своим материальным благополучием во благо народа, боролся за его освобождение от крепостного ига, за его просвещение. И общечеловеческое, понятное и нужное всем независимо от принадлежности к сословиям, было наиглавнейшим в нравственной культуре россиян¹³.

Это и позволило мудрейшим и проницательнейшим из них создать художественные произведения, действующие с огромной силой и на нас. Эпопея «Война и мир» остается и по сей день школой познания мира и себя и воспитания размышлений об этом. А ведь там главные действующие лица графы и князья (современники А.И. Мусина-Пушкина); все они, конечно, помещики, владельцы крепостных, но мы даже не допускаем мысли о том, что применительно к ним можно сказать «крепостники». Об этом и не думаем, снова и снова перечитывая «Войну и мир», — ибо существенно для нас в романе вечное, всегда тревожащее: проблемы любви и долга, жизни и смерти, войны и мира.

Но, конечно, нельзя забывать и о том, что хотя немало дворян сыграли выдающуюся роль в становлении и развитии нашей культуры (притом во всех ее сферах) и русского литературного языка, ставшего затем нашим разговорным языком, еще в XX столетии была так сильна память о вековом унижении и так болезненно воспринималось различие в благосостоянии и просвещенности, что многие родовые дворянские усадьбы оказались подожженными и разграбленными местными крестьянами в 1905 и 1917 гг.

Выделение имени А.И. Мусина-Пушкина из ряда известных имен его современников связано с особыми заслугами в истории отечественной культуры. И да-

же не только с тем, что он лично сделал как знаток и исследователь памятников Древней Руси, а с его содействием познанию и изучению таких памятников, с ролью его в воспитании уважения к нашему историческому прошлому. Предопределялось это и натурой самого Алексея Ивановича, и обстоятельствами современной ему общественной жизни.

Манифест 1762 г., освободив дворянство от «принуждения к службе», способствовал одновременно и узаконению паразитического существования дворян (что и нашло сразу же отражение в обличительной литературе), и закреплению представлений у передовой его части о том, что дарованные дворянству «вольность и свобода» обязывают его к служению Отечеству, обществу, к осуществлению идей просвещения, нравственного воспитания. И это, а не «чинов степенна честь», определяет достоинство человека. Я.Б. Княжнин, восклицавший: «Напредь талантов всех нам нужен человек!», напоминал: «Не занимаясь вовек о рангах спором, / Рафа́ел не бывал коллежским ассессором».

Подобное представление о «высокой» обязанности «благородных» дворян (и, в первую очередь, относимых к *haute noblesse*) предопределяло ощущение ими своего «нравственного бытия» (слова Карамзина на первой же странице его «Писем русского путешественника»), понимание «духа дворянства», его роли в государственной и общественной жизни и Карамзиным и Пушкиным, т.е. и в 1790-е и в 1820–1830-е гг. По убеждению Пушкина (уже после восстания декабристов), потомственные дворяне — это «предстатели» за других, за всех «россиян»¹⁴ (естественно, что такие взгляды были характерны лишь для истинно просвещенной и нравственно ответственной части дворянства и были чужды и казались непонятными не только закоснелым крепостникам провинциальной глуши, но и немало-му числу дворян обеих столиц).

В воспитании, достойном высоких понятий о нравственном долге, особое значение придавали и освоению опыта отечественной истории. Тем более что реформы Петра I создали общественную атмосферу, при которой занятия наукой не казались уже недостойными вельмож; «птенец Петров» Василий Никитич Татищев — зодчий многих наук в России — был из старинной московской знати и даже родственник императрицы Анны. С выходом России после побед Петра Великого на международную арену и установлением нового стиля государственности стали серьезно интересоваться историческими истоками преобразований, сопоставлять события и героев отечественной истории и зарубежной. Ломоносов писал в предисловии к «Древней Российской истории» (доведенной им до 1054 г.): «...всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»¹⁵.

Военные победы в Семилетней войне и войнах времени правления Екатерины II еще более возбуждали патриотический интерес к прошлому: события и люди отечественной истории — тема «живописных картин», предложенных Ломоносовым, и многих поэтических, драматических, прозаических сочинений (об этом специально писала Г.Н. Моисеева). Официальным историографом становится вельможа из рода Рюриковичей, князь М.М. Щербатов. Сочинением трудов по

российской истории занялась сама Екатерина II. Популярнейший журналист и издатель Н.И. Новиков печатает многотомную «Древнюю Российскую вивлиофику» — первое собрание архивных источников по истории России. Знаменательна фраза Карамзина в «Письмах русского путешественника», — передавая впечатление от знакомства с послом в Лондоне графом С.Р. Воронцовым, автор отмечает: «Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу...» И именно в этом сочинении — в письме из Парижа, датированном 1790 г., — Карамзин формулирует задачу написания «настоящей истории» России: «с философским умом, с критикою, с благородным красноречием»¹⁶.

Изменением отношения к отечественной истории объясняется и социокультурное явление, характерное для самосознания образованной аристократической молодежи начала XIX в. — она не считала зазорным для себя службу (или, точнее сказать, видимость службы) в Московском архиве Коллегии иностранных дел (МАКИД), обязывавшую к работе со старинными историческими документами. «Архивные юноши» — отмечали современники — были тогда в чести не менее, чем гвардейские офицеры времен Екатерины II (впрочем, в МАКИД среди служащих из аристократов преобладали светские шалопаи).

Притязательность для А.И. Мусина-Пушкина памятников истории Древней Руси объясняется, думается, и его принадлежностью к древнему аристократическому роду, где дорожили старинными документами, подтверждающими местнические притязания, и фамильными преданиями о роли предков и родственников в событиях российской истории. Известно, какое значение придавал этому в 1730-е гг. Артемий Петрович Волынский (потомок героя Куликовской битвы, женатого на сестре великого князя Дмитрия Ивановича Донского), горделиво знакомя с составленным им родословием тех, с кем вместе составлял проект государственных преобразований, и какую роль отвел Пушкиным — уже в 1820-е гг. — в исторической драме «Борис Годунов» великий наш поэт, как он подчеркивал аристократическую древность своего происхождения (и независимость от прихоти государей!) в «Моей родословной» и других стихотворениях. Возможно, не только пониманием государственной пользы истории и научно-педагогическими интересами воспитания внуков руководствовалась и Екатерина II, знакомясь с летописями и создавая сочинения (и художественные, и учебно-научные) из истории Древней Руси? А в ней заговорил и «зов крови» — ведь указания на то, что Екатерина на самом деле дочь Ивана Ивановича Бецкого — внебрачного сына князя Трубецкого из семьи знатных Гедиминовичей, породнившихся со многими родами из старомосковской знати, находят как бы визуальное подтверждение при взгляде на бюст Бецкого работы Якова Земельгака, сделанный в 1804 г. Этот бюст, заказанный Академией художеств, находится в Петербурге; идентичный в Ярославском музее — Бецкой изображен без парика; голова его поразительно напоминает лицо императрицы в пожилые ее годы (впору обратиться к консультации антропологов).

С середины XVIII в. утверждается интерес и к коллекционерской деятельности. Роль аристократов-меценатов и коллекционеров XVIII в. в развитии нашей культуры, науки, искусства велика и заслуживает специального изучения и как существенный фактор общественной жизни не менее, чем деятельность меценатов-коммерсантов рубежа XIX–XX вв., столь привлекающая внимание историков в

последние годы. Но, пожалуй, один лишь А.И. Мусин-Пушкин так целенаправленно и убежденно собирал памятники именно Древней Руси и готовил их публикации.

А.И. Мусин-Пушкин совместил в одном лице и преемника И.И. Шувалова и И.И. Бецкого по насаждению художественного образования и искусств в России, и предтечу канцлера графа Н.П. Румянцева в организации археографической и музейно-собирательской деятельности и в сплочении в таких занятиях «любителей» и ученых. Мусин-Пушкин сам отдавал силы изучению древностей и сумел привлечь к этому и вельможных сверстников, и знатоков и хранителей архивов, и молодых людей, а его роль в формировании Карамзина-историка трудно переоценить.

Личная увлеченность многообразной работой «археолога», видимо, и была едва ли не главным побудительным поводом для переезда А.И. Мусина-Пушкина в Москву — поближе к архивам и их хранителям, поближе к самой российской старине и подальше от суеты столичной светской жизни. К этим дорогим ему занятиям он готовил и любимого сына — и потому конец жизни Алексея Ивановича кажется поистине трагическим — гибель того, кому хотел завещать свой труд, и коллекции, создававшейся для России.

Пусть же будут благодарны россияне своему соотечественнику!

¹ Тезисы конференции были напечатаны в 1989 г. Некоторые доклады стали основой статей в кн.: Генеалогические исследования: Сб. науч. тр. М., 1994.

² Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1988 год. М., 1989. С. 93–103. См. также: АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 312–313.

³ См.: Венюк Карамзину. М., 1992.

⁴ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988; Аксенов А.И. С любовью к Отечеству и просвещению: А.И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994.

⁵ Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. СПб., 1991. Вып. 19; Шмидт С.О. К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 267–278. [Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 482–495.]

⁶ Русские портреты XVIII и XIX столетий [: В 5 т.]. СПб., 1906. Т. 2. С. 75, 76.

⁷ Там же. С. 140, 96, 97, 154.

⁸ Там же. СПб., 1905. Т. 1. С. 3, 8.

⁹ Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 152.

¹⁰ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 77, 377, 5–6.

¹¹ Винокур Г. Об изучении Пушкина // Литературный критик. 1936. № 3. С. 67.

¹² Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 70, 11.

¹³ См.: Шмидт С.О. Изучение культуры российской провинции (XVIII – начало XX в.) и задачи краеведения // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков. М., 1993. С. 8.

¹⁴ Подробнее см.: Шмидт С.О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1993. Vol. 34 (1/2), janvier–juin: Nobless, état et société en Russie XVIe début du XIXe siècle. P. 11–32.

¹⁵ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 170.

¹⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 338, 252.

КРАЕВЕДЕНИЕ И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII В.

(Доклад на Румянцевских чтениях)

Когда меня любезно пригласили принять участие в этой научно-практической конференции, я решил предложить тему «Краеведение и книжная культура России времени Н.П. Румянцева», так как эта тематика еще недостаточно изучается в плане проблематики именно Румянцевских чтений. Между тем уже в годы деятельности замечательного попечителя культуры стало ощущаться важное значение этой сферы культуры и общественной жизни, и роль графа Румянцева и лиц из его окружения изначально заметна в определении перспектив этой области развития просвещения, столь важной для подъема культуры российской провинции и для дальнейших судеб нашей рукописной и печатной книги.

Н.П. Румянцев, его сотрудники, его кружок много сделали для развития краеведения. Под краеведением ныне понимают науку или научно-популяризаторскую, просветительскую деятельность (причем и ученых-специалистов и любителей) определенной проблематики — прошлое и настоящее какого-либо края (чаще всего своего родного), определенной местности (от деревни, небольшого города, даже улицы, фабрики, учебного заведения, храма, монастыря, усадьбы до крупного региона) во всем многообразии тематики. Это — знание об обществе и о природе и о редкостных достопримечательностях и об обиходе каждодневной жизни.

Румянцев и близкие ему лица более других способствовали в начале XIX в. распространению знаний о своем родном крае, возрождению интереса к выявлению и изучению памятников тех местностей, которые ныне обозначены как «малая родина». Правда, большинство «находок» поступало в коллекцию Румянцева, т.е. оказывалось в столице. Но таким путем не только обеспечивалась сохранность памятников и возможность более всестороннего их исследования, но и демонстрировалось уважение к этим памятникам, а оповещение о таких открытиях, публикация материалов местной истории и, казалось бы, местного значения в изданиях российского масштаба или в такого же типа музейной экспозиции имело и большое значение для воспитания уважения к истории. И потому, полагаю, эту сторону деятельности Н.П. Румянцева должно изучать с тем же тщанием, с которым исследуются другие аспекты его многообразной и плодотворной деятельности.

Хотя термин «краеведение» не найдем ни в Словаре разговорного языка, составленном В.И. Далем, ни в энциклопедии Брокгауза и Ефрона и впервые обнаруживаем его лишь в выпуске на букву «К» незавершенного академического Словаря русского языка, изданном в 1916 г., но под другим наименованием термин, относящийся к понятию «краеведение», существовал и ранее: «родиноведение», «отчизноведение» и др. Более того, краеведение в основе знаний о природе и общественной жизни нашей страны, отечественной истории, и если предания устные и

Впервые опубликовано: Румянцевские чтения [– 2001]: Материалы научно-практической конференции «Память России в книжной культуре» (Москва, 23–25 апреля 2001 г.). М., 2001. С. 35–40 (под назв. «Краеведение и книжная культура России»).

сочинения такой тематики и не предваряли летописи более широкого пространственного кругозора, то, во всяком случае, всегда сопутствовали их составлению. Это напоминания об особо впечатляющих событиях (и истории, и природных явлениях), об основании городов и монастырей, храмов, о местных правителях и чудотворцах. Местное летописание стало привычным для Руси еще до нашествия кочевников в XIII в., т.е. в годы феодальной раздробленности, продолжалось оно и после этой трагической веки. Причем местную историю старались изначально осмыслить в контексте всей российской истории, опираясь на древнюю «Повесть временных лет» (или даже начиная с переписки ее текста), а следовательно, и всемирной истории (как это сделано в самой «Повести временных лет»), согласно представлениям, отражающим понятия о так называемой Священной истории.

Становление в России XVIII в. собственно исторической науки обусловлено было не только освоением зарубежных приемов научной работы, но возможностью опереться на отечественную традицию «историописания». В XVIII в. осознали взаимосвязь в краеведении (и вообще для развития исторической науки) собственно исторического (или, точнее, историко-культурного, историко-экономического) и географического (точнее — всего, что относили тогда к натуральной истории, т.е. явлениям природы в прошлом и настоящем) направлений. Это явление обнаруживается в составлявшихся с середины века академических анкетах и в практической деятельности «академических экспедиций», в подготовленных ее участниками изданиях. В экспедициях был большой уклон в сторону «научной истории»; из видных историков лишь академик Миллер был участником длительной экспедиции, и составленная им, в значительной мере по обнаруженным в экспедиции материалам, «История Сибири» лежит в фундаменте и наук российской истории, и собственно краеведения. К подготовке в конце XVIII в. описаний больших регионов (наместничеств и др.) и выявлению местных достопримечательностей, составлению справочных материалов о хронологии и участниках «памятных» событий старины (а это подразумевало и ознакомление со старинными памятниками письменности и в городах, и в монастырях), а также к составлению сводных данных статистического характера привлекают местных более образованных людей. Статистикой тогда (да и позднее) считали наблюдения над массовыми явлениями социальной (и особенно социоэкономической) жизни, составление численных их описаний и научную обработку этих первичных материалов. Больше знаем теперь о первых контактах Академии наук с провинциальными учеными. Показательно, что первым членом-корреспондентом Академии наук — в 1759 г. — стал уральский краевед широкого профиля П.И. Рачков. В последние годы установлено, что сочинения по местной истории — причем обычно большого хронологического диапазона — составлялись во второй половине XVIII в. во многих городах — не только губернских, но и уездных. Показателем уровня краеведческих знаний стало и историческое обоснование изображений на гербах городов (это — тема исследований С.С. Илизарова). Трудami московского историка С.В. Чиркова, тверского В.Н. Середы и др., и особенно А.А. Севастьяновой — профессора в Ярославле, а ныне в Рязани, утверждалось представление о значительном интересе к составлению обобщающего типа сочинений по местной истории, обычно еще близких к традиционной летописной форме. И после монографии А.А. Севастья-

новой лекции о российской провинциальной историографии XVIII в. стали обязательными и — что существенно — насыщенными многообразными данными в общих лекционных курсах по отечественной историографии.

В 2000 г. в Воронеже во всероссийском масштабе отмечалось 200-летие издания труда Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», с которым связано не только зарождение воронежского краеведения, но и утверждение «местнографии» как заметной сферы гуманитарных знаний. Автор, принявший в монашестве имя Евгений и скончавшийся в 1837 г. митрополитом Киевским, стал позднее и видным знатоком других краев Европейской России, одним из зачинателей и археологии и истории древнерусской литературы, и так называемой церковной археологии, и археографии — науки о выявлении, описании и публикации памятников письменности.

И становится очевиднее необоснованность суждений о российской историографии XVIII в. П.Н. Милюкова в его книге в 1897 г. «Главные течения русской исторической мысли», тенденциозно стремившегося преуменьшить значение сделанного Н.М. Карамзиным для развития исторической науки и масштабность новаторства историографии. Милюков самоуверенно провозгласил, отвечая на им же поставленный вопрос: «Чем была русская историческая наука до выступления Карамзина? — Несколько знатных любителей, несколько иностранных профессоров и несколько учеников, отправленных академией за границу, — вот и весь наш состав». Милюков по существу не потрудился даже с должным вниманием ознакомиться с исследованием Е.Ф. Шмурло — книгой 1888 г. «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни, 1767–1804» — и тем самым способствовал и тому, что из поля зрения историков отечественной историографии выпал труд, являющийся одним из первых ее подлинных достижений (что отметил еще университетский учитель Шмурло и один из зачинателей изучения истории российской исторической науки К.Н. Бестужев-Рюмин). Хотя знаменательно было уже то, что вслед за собиранием материалов для последующей его монографической обработки таких великих деятелей XVIII в., как Ломоносов и Державин, выбрали фигуру Болховитинова.

И уже для наших дней показательным то, что вслед за всемирно отмечаемым юбилеем 1999 г. — двухсотлетием со дня рождения Пушкина — во всероссийском масштабе отметили 200-летие в прошлом году двух событий, важнейших в истории науки, культуры и книжного знания, — издания «Слова о полку Игореве» (конференция в Ярославле) и труда Болховитинова. Значимость этих событий становится все более осязаемой с годами, когда осознаем, что именно они определили перспективы дальнейшего развития и специальных историко-филологических наук, и историко-культурного краеведения. Становится очевидным и то, что у истоков развития науки российской истории и труд Н.М. Карамзина «История государства Российского», и труд Е. Болховитинова, и — что самое существенное — наука «русской истории» как обобщающей истории всей страны и «местнография» развивались в теснейшей взаимосвязи, более того — на одном стволе, обогащая одна другую. Отметим и то, что направление научных интересов и Карамзина, и Болховитинова велось под влиянием лиц круга Н.И. Новикова, столько сделавшего для становления книжной культуры в России, — зачинателя издания и

сборников материалов по отечественной истории — «Древней Российской вивлиофики».

Выступая с сообщением на Румянцевских чтениях, должно особо подчеркнуть уважительное отношение Н.П. Румянцева и Н.М. Карамзина к Болховитинову и такое же отношение их обоих к научно-просветительской деятельности его и лично к графу. После переезда в Петербург встречи Румянцева и Карамзина стали постоянными. Видимо, историограф дорожил и консультациями Румянцева и его мнением о своем труде. О близости, даже совместной работе Болховитинова с участниками Румянцевского кружка сейчас тоже известно уже немало.

Видимо, допустимо перейти к этим сюжетам и под углом краеведения и продолжения традиций еще XVIII в., — ведь Г.Ф. Миллер, которому обязаны наиболее совершенной к тому времени организацией документального материала в Московском архиве Коллегии иностранных дел, выступил не только автором первой исследовательского типа «местной истории», причем огромного по территории края, но и сочинений о Москве и Московском крае и их достопримечательностях (С.С. Илизаров недавно и собрал эти материалы и рассмотрел их в историографическом аспекте). Именно этот московский архив — первичная база для выявления и публикации источников по отечественной истории и для лиц из окружения Румянцева, и его «иждвением» издавались затем документы этого архива. Приобщение к таким рукописным памятникам ученых, а к изданиям любителей явилось важным стимулом развития краеведения, повышения культуры научной работы краеведческой тематики. Интересно было бы выяснить, как повлияло участие лиц из окружения Румянцева в той или иной местности в выявлении, сохранении и изучении памятников истории и культуры на особенности развития местного краеведения.

А перед историками книжности вырисовывается и задача выяснить тиражность краеведческих сочинений времени Румянцева, круг их читателей, сведения о переписывании и распространении рукописных сочинений такой тематики, роль «местнографии» в интеллектуальной жизни, сближение на почве общей заинтересованности краелюбов лиц разных сословий. Вошедшее в обиход провинциальной культуры печатание материалов по истории своего края в приложениях к «Губернским ведомостям», а также и в епархиальных ведомостях, в третьей четверти XIX в. опиралось на опыт сподвижников графа Румянцева.

ТРИ ЮБИЛЕЯ Н.М. КАРАМЗИНА

1991 год — юбилейный год великого русского писателя и историка Николая Михайловича Карамзина. Карамзин родился 225 лет назад, 1 декабря (12 декабря по новому стилю) 1766 г., под Симбирском, в семье потомственного дворянина, помещика средней руки. 200 лет прошло с тех пор, как в 1791 г. в «Московском

журнале» стали публиковать «Письма русского путешественника», признанные первым классическим памятником русской художественной прозы. И 175 лет, как в 1816 г. было объявлено о начале печатания в Санкт-Петербурге первых восьми томов «Истории государства Российского», где изложение доведено до 1560 г. — середины «государствования» Ивана Грозного. В феврале 1818 г. все восемь книг уже продавались, и экземпляры их «разошлись в один месяц — пример единственный в нашей земле», вспоминал А.С. Пушкин.

На формирование мироощущения Карамзина оказали огромное влияние русское слово, русская природа, русский традиционный бытовой уклад, религиозно-патриархальный в своей основе, но уже с явными элементами западноевропейской образованности. В тринадцать лет мальчика отвезли в пансион профессора Московского университета Шадена, где он серьезно овладевал иностранными языками; посещал занятия и в самом университете.

Короткое время прослужив в Петербурге, в гвардейском полку, Карамзин уходит в отставку и уезжает в Симбирск, где имеет немалый успех в светском обществе. Не следует думать, что провинциальное дворянство сплошь походило на Простаковых из фонвизинского «Недоросля». В его среде были действительно культурные люди, из него вышли многие будущие декабристы. Даровитого молодого человека уговаривают переехать в Москву, где он сблизается с окружением знаменитого просветителя Новикова, становится, вместе с безвременно умершим другом, редактором первого в России журнала для детей «Детское чтение для ума и сердца», много переводит (первым перевел на русский язык трагедию Шекспира «Юлий Цезарь»), пишет оригинальные стихотворения.

С мая 1789 по сентябрь 1790 г. путешествует по Европе (побывал в Германии, Швейцарии, Франции, Англии). Наблюдает общественную жизнь (во Франции в период революции), посещает достопримечательные места, научные заседания, театры, музеи, беседует со знаменитыми людьми (он первым посетил в Кенигсберге великого философа Канта), встречается с находящимися за рубежом соотечественниками и уже тогда привлекает всех своей незаурядностью, образованностью, простотой в обращении.

Путешествуя, Карамзин делает записи. Это не только впечатления от увиденного и услышанного, разговоры, но и размышления философского склада. Он решает по возвращении на родину издавать журнал.

Выходивший в 1791–1792 гг. «Московский журнал» — первый русский литературный журнал, рассчитанный на сравнительно широкий круг читателей и, чего не знала прежде русская словесность, — читательниц. В журнале Николай Михайлович печатает многие свои исторические и литературные сочинения. Громадный успех имела трогательная повесть «Бедная Лиза» о трагической любви и верности. Она вызвала немало литературных подражаний, а пруд близ Москвы, у Симонова монастыря, где погибла героиня, бедная девушка, покинутая любимым ею дворянином, стал местом паломничества и даже самоубийств неудачливых влюбленных. «Бедная Лиза» признается выдающимся произведением «сентиментализма» — направления в литературе и искусстве, порожденного идеями века Просвещения.

Существенно переработанные зарубежные записи стали основой печатавшихся в журнале из номера в номер «Писем русского путешественника». Это лирико-

публицистическое сочинение философской направленности, в котором Россия рассматривается как европейская страна, а концепция соотношения России и Запада имеет опорой убеждение в единстве исторического пути и развития культуры всех народов. «Письма» показывали и представление русского о Западе, и то, каким кажется образованный русский западноевропейцу. Отзвуки влияния «Писем» заметны во многих произведениях русской литературы не только XIX, но и XX в., прежде всего в манере включать в ткань последовательного сюжета разнообразного содержания «философские» (или, говоря современным языком, социологические, культурологические, политологические) отступления.

Уже в этом сочинении сформулирована мысль, что российская история «не менее других занимательна», «нужен только ум, вкус, талант» «выбрать, одушевить, раскрасить», и тогда получится «нечто привлекательное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев». Видимо, уже тогда Карамзин задумал отдать силы созданию такого патриотического труда и стал «творить» в себе историка. Он основательно знакомится с историческими первоисточниками (первым написал о значении готовящегося к изданию «Слова о полку Игореве»), ищет образцы, «писанные с философским умом, с критикою, с благородным красноречием», в сочинениях классиков зарубежной исторической мысли — от Античности до современности.

Карамзин — создатель новых форм поэзии и прозы в русской литературе. Поражает разнообразие жанров, в которых пробует он в 1790 – начале 1800-х гг. свои силы: стихотворения, художественная проза, журнальная публицистика (заметки, эссе, критические статьи, комментарии к переведенным текстам). Некоторые его поэтические строки стали крылатыми словами, так как «умный стих врезывается в память» (тоже выражение Карамзина): «Дружба — дар бесценный», «Слава — звук пустой», «Беспечной юности утеха», «Ничто не ново под луной», «Смеяться, право, не грешно / Над всем, что кажется смешно», а однострочную эпитафию его «Покойся, милый прах, до радостного утра» можно было встретить на могильных плитах многих кладбищ.

Карамзин — родоначальник того литературного языка, близкого к разговорному, к которому восходит язык русской классической литературы. Карамзин — изобретатель слов, общепринятых в нашем разговоре: общественность, образ, развитие, промышленность, человечный, общепользительный, трогательный и др., он обогатил наш язык ставшими привычными словами иностранного происхождения.

Постепенно к Карамзину приходит осознание того, что «история в некоторых летах занимает нас гораздо более романов, для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах». И в основанном им журнале «Вестник Европы» много внимания уделяет исторической тематике. Издававшийся в Москве журнал (две книги в месяц с оригинальными и переводными сочинениями) стал родоначальником литературно-политических журналов в России, и редактор его делается влиятельным общественным деятелем своего времени, которое Пушкин позднее охарактеризует как «дней Александровых прекрасное начало». В журнале Карамзин следует идее исторического прогресса, инструментом которого видит «просвещение», воспитывающее «нравственное чувство», формирующее общест-

венное сознание и мировоззрение и государя — носителя верховной власти, и господствующих классов, и простолюдинов. Карамзин полагал необходимым следовать «государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному».

В 1803 г. Карамзин получает от Александра I звание Историографа, дающее ему определенное материальное обеспечение (Карамзин был небогат, а семья его с годами все увеличивалась) и возможность получения исторических документов из хранилищ. Тогда в общественных представлениях историческое повествование не казалось еще отъединенным от литературы. Исторические труды в XVIII в. писали самые знаменитые писатели (в России — Ломоносов, во Франции — Вольтер) и философы. Муза истории Клио еще оставалась в сонме муз искусств и литературы. И казалось естественным, что первый писатель и публицист России становится и ее первым историком. (Позднее так случится и с Пушкиным, видевшим, готовя «Историю Петра Великого», себя продолжателем дела Карамзина.)

Особенно существенно то, что в сознании и творчестве Карамзина органически сочетались отечественные нравственно-религиозные представления и культура западноевропейского просвещения. Присущ ему был и редкий дар одновременно и образного видения мира, и рационального мышления. Это во многом обусловило такую привлекательность его «Истории», как легкость восприятия ее и юными читателями, и увлеченными сединой.

Историограф предназначал свой труд широкому кругу читателей и слушателей (в прошлом столетии в обычае было домашнее чтение вслух). И потому он большое внимание уделял занимательности и выразительности изложения, его художественной форме, «нравственным размышлениям» (выражение Пушкина). Для стиля «Истории» характерны апофеги — афористические изречения типа моральных сентенций. Это и наблюдения из сферы истории культуры: «Слова принадлежат веку, а мысли векам», «История злопамятнее народа» (заключительная фраза тома, описывающего злодеяния Ивана Грозного). Но в них все же преобладают нравственные или государственно-политические аспекты: «Великодушные действуют только на великодушных», «Злодеи не знают благодарности», «Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судиею», «Где нет защиты от правительства, там нет к нему и повиновения», «Самодержец с высоты престола видит вещи и лица в обманчивом свете отдаления» и др.

Карамзин писал и для ученых знатоков, и для тех, кого хотел приохотить к занятиям науками. Им предназначались примечания (их 6548!), умело отнесенные не в подстрочник, а в конец томов и напечатанные более мелким шрифтом. Там — цитаты из первоисточников, указания на листы неизданных рукописей и печатных книг, соображения о степени достоверности тех или иных свидетельств, т.е. то, что сейчас бы мы назвали развернутым научным аппаратом. 12 книг для всех — беллетристика! — и 12 книг для особо интересующихся! Примечаниями был введен в науку огромный исторический материал и ценные памятники древнерусской литературы (в их числе сочинения Даниила Заточника, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина). Примечания стали энциклопедией для ученых, хрестоматией памятников древнерусской письменности, оказали заметное влияние на развитие специальных исторических и филологических дисциплин: палеографии, источни-

коведения, археографии, метрологии, хронологии, генеалогии, исторической географии.

Стержень отечественной истории, по Карамзину, — развитие государственности. Основное внимание Историограф уделяет событийной истории, историческим деятелям. В таком обширном государстве, как Россия, по его мнению, необходимо единовластие. Самодержавие — «палладиум России». И «истинное», «мудрое» единовластие противопоставляется им разновластием и «самовластием» — и народа, и олигархии, и преступному деспотизму монархов, не обладающих добродетелями «человеческими и государственными» (пример такого монарха — царь Иван Грозный). Однако Карамзин не сводит историю к действиям властителей, ибо «нравственное могущество государства» составляет «дух народный». И Историограф старается охарактеризовать «состояние жителей», «успехи разума», извлекая впервые информацию из разнообразных источников. И если глубинные социально-экономические факторы в недостаточной степени показаны в его труде, то это отражает уровень социологических представлений и научных знаний его эпохи. В его «Истории» — судьбы государей и судьбы народа. Сам Историограф незадолго до кончины назвал свой труд «исторической поэмой». «Историю государства Российского» относят к литературе эпического склада, обнаруживая связи с ней «Войны и мира» Л. Толстого.

Появление «Истории государства Российского» как знаменательнейшее событие общественной и культурной жизни отмечено современниками в письмах и дневниках, в рассуждениях будущих декабристов, в поэтических произведениях и журнальных статьях, позднее в мемуарах (в том числе в «Былом и думах» Герцена), сочинениях публицистов и ученых. Лев Толстой, обдумывая план романа о декабристах, намерен был выделить разговоры о только вышедших в 1824 г. X и XI томах «Истории», тех самых, которые стали основой для сочинения Пушкиным трагедии «Борис Годунов». И «сей труд, гением его вдохновенный», Пушкин посвятил «драгоценной для россиян» памяти Карамзина, скончавшегося 22 мая 1826 г. (по старому стилю). «История» Карамзина положила начало обсуждению ученых трудов в журнальной литературе, так же как и публичному чтению их. Так состоялась встреча науки и российской широкой публики.

При определении отношения к «Истории» Карамзина первых ее читателей не следует упускать из виду, что оценки общественности не оставались неизменными. Апологетика исторической роли самодержавия в вышедших в 1818 г. томах, особенно в «Предисловии», посвящение этого труда императору вызвали возмущение революционно настроенной молодежи — будущих декабристов. Тогда родилась и широко известная эпитафия, с большой долей вероятности приписываемая юному Пушкину: «В его “Истории” изящность, простота / Доказывают нам, без всякого пристрастья, / Необходимость самовластья / И прелести кнута».

Стихи сочинены, несомненно, прежде выхода IX тома «Истории» (1821 г.), где охарактеризованы ужасы «зверского царствования» Ивана Грозного. Это определение декабриста Михаила Бестужева, который позднее писал, что в тюремном заключении «предался чтению» IX тома, размышляя о том, не хотела ли судьба его заранее познакомить «с причудами деспотизма и приготовить к тому». Под впечатлением IX тома будущий декабрист Рылеев написал первую из своих историче-

ских «Дум» — о Курбском. Выход IX и последующих томов, где показано, что «российская история» в период так называемого Смутного времени не сводилась к действиям государей и народ отнюдь не «безмолвствовал» (выражение «народ безмолвствовал» появилось в «Борисе Годунове» Пушкина под влиянием «Истории» Карамзина), изменил отношение к Историографу антицаристски настроенных лиц и позволил распознать многое, направленное против самовластия в предыдущих томах, и понять, что для Карамзина понятия «самодержавие» и «самовластие» — разные и даже противопоставимые друг другу.

Эпиграмма односторонне характеризует и восприятие «Истории» (к тому же лишь первых восьми ее томов), и отношение Пушкина к «Истории» и к Историографу. Она глубоко разнится от всех других оценок и «Истории», и личности Карамзина, авторизованных Пушкиным, повторявшим, что «История государства Российского» «есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Карамзин для Пушкина оставался спутником жизни, он стремился равняться на Карамзина и в сочинениях своих, и в образе жизни; в свои последние трагические недели много думал и говорил о Карамзине.

И последние слова, написанные его рукою накануне роковой дуэли, — письмо А.О. Ишимовой — автору книги «История России в рассказах для детей», излагавшей события прошлого по «Истории государства Российского»: «...поневоле зачитался. Вот как надобно писать». И глубоко несправедливо, что несколько поколений советских людей, незнакомых с «Историей» Карамзина (после 1917 г. впервые издающейся с середины 1980-х гг.), только на основании этой эпиграммы оценивали и «Историю государства Российского», и общественные взгляды Историографа. Эпиграмма стала как бы клеймом для великого нашего соотечественника! Тем более что Карамзина постарались в николаевской России объявить официальным историком и критика его положений «слева» использовалась для критики современного абсолютизма.

Особое значение «Истории» Карамзина осознавали и люди другого поколения и иных общественно-политических взглядов. Белинский, приветствуя в середине 1840-х гг. пятое (полное, с примечаниями) издание «Истории» (то самое, которое перепечатало репринтным способом издательство «Книга» в 1988–1989 гг.), утверждал, что «всякий лишний экземпляр такого творения, как “История государства Российского”, проданный в публику, есть успех в народном воспитании». Герцен в 1850 г., обращаясь уже к зарубежному читателю, подчеркнул, что «великий труд Карамзина весьма содействовал обращению умов к изучению отечества». К тому времени «Историю» перевели (полностью или частично) на иностранные языки. На ее материал опирался, составляя многотомную «Всемирную историю», и немецкий историк Шлоссер.

Но Белинский же заметил, что, «как всякий важный подвиг ума в деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей и безусловных порицателей». Неоднозначность оценок «Истории» Карамзина и вообще его творчества и личности характерны и для последующего времени. Однако общепризнано, что это редчайший пример в истории мировой культуры, когда выдающийся памятник исторической мысли оценивается и как вершинное достижение художественной прозы.

«История государства Российского» — и основной ее текст, и особенно примечания — и критика ее учеными и публицистами (начавшаяся еще при жизни Карамзина) существенным образом стимулировали развитие отечественной исторической науки. Это содействовало собиранию и изучению исторических памятников, изданию исторических документов, росту интереса к изучению своего края, народного быта. «Историю» Карамзина до 1917 г. перепечатавали неоднократно (часто без примечаний), отрывки из нее включались в самые распространенные хрестоматии (по истории и русской словесности) виднейших педагогов, начиная с Ушинского. С именем и творениями Карамзина обязательно знакомилась учащаяся всех учебных заведений и те, кто получал домашнее образование.

Карамзин открыл русскую историю для русской культуры, побудил многих писателей, мастеров кисти и резца, композиторов сделать ее темой творчества. И младших современников Историографа — Батюшкова, Жуковского, Пушкина (начиная со знакомой всем с детства «Песни о вещем Олеге»), декабристов («Думы» Рыльева, стихотворения А. Одоевского, драмы Кюхельбекера) и будущего славянофила Хомякова (трагедия в стихах «Ермак»), Лермонтова. На его сочинения во многом опираются стихотворения и проза Аполлона Майкова, драмы Мея (ставшие основой либретто опер Римского-Корсакова «Царская невеста» и «Псковитянка»), драматическая трилогия А.К. Толстого, его роман «Князь Серебряный», многие стихотворения, юмористическая «История России от Гостомысла до Тимашева», картины Репина, скульптура Антокольского, оперы Бородина, Мусоргского (в объявлении о новой опере «Борис Годунов» читаем: «Сюжет заимствован из Пушкина и Карамзина»). В «Историю» Карамзина вчитывались на рубеже XX в. Станиславский и Шаляпин. Долголетие созданных Карамзиным исторических образов и ситуаций, как источникового фундамента произведений литературы и искусства, не имеет аналогий в мировой исторической литературе XIX–XX вв.

Место литературных произведений Карамзина — у истоков линии развития русской литературы с ее обостренным вниманием к проблемам «совести». Карамзин не только отразил настроения своей эпохи, но и во многом повлиял на формирование литературно-художественного вкуса и этической образности. С «Бедной Лизы» ведут начало тенденции художественной литературы, нашедшие продолжение в повестях Пушкина, в сочинениях Достоевского. Героиня повести «Наталья, боярская дочь» начинает ряд замечательных героинь русской классической литературы — девушек не только благородного происхождения, но и необычайно привлекательного благородного характера. Эти черты явственно обнаружатся позднее и в Татьяне Лариной, и в Вере из «Обрыва» (Гончаров проникновенно вспоминал о «нравственном, гуманном» воздействии на общество сочинений Карамзина), в Наташе Ростовской и в тургеневских женщинах.

Карамзин размышляет о роли чтения «в образовании ума и чувства». Особое внимание уделяет этому в неоконченной автобиографической повести «Рыцарь нашего времени», где впервые в русской литературе задумал «рассказать романтическую историю» своего сверстника, дворянского мальчика, «быть его историком». От этой прелестной повести путь не только к «Истории государства Российского», где в занимательный рассказ о «пришествиях», «связи вещей и случаев»

естественно введены краткие запоминающиеся рассуждения, столь необходимые для развития и проверки «нравственного чувства», но и к творчеству классиков нашей литературы, воображение которых формировалось в пору большого влияния сочинений Карамзина. Само название повести наводит на мысль о «Герое нашего времени» Лермонтова. Можно говорить и о влиянии повести на «Былое и думы» Герцена. А как много близкого в описании нежной любви матери и впечатлений о ранней потере ее у Карамзина и в «Детстве» Л. Толстого!

К сочинениям Карамзина, особенно к его «Истории», обращаются сейчас не только историки или изучающие российскую словесность. Он стал одним из самых читаемых авторов. «История государства Российского» за последние годы издана репринтным способом (полностью) несколько раз без примечаний. Начало выходить ее академическое издание.

Чем объяснить возвращение Карамзина, возрождение интереса к его «Истории»? Ведь он жил и творил так давно и фактические сведения, им приводимые, в свете последующих исследований существенно устарели. Столько событий, повлиявших на судьбы и человечества в целом, и нашей страны, и отдельных людей, произошло за это время! Столько появилось новых объяснений и оправданий исторического процесса, так усовершенствована методика исторического исследования! И вдруг снова «уроки Карамзина», как в пушкинскую пору! Не искать же причину только в моде на «ретро» или запретное, в том, что семьдесят лет «Историю» Карамзина не переиздавали.

Дело, думается, даже не в художественном таланте Карамзина, хотя это имеет важнейшее значение. И даже не в том, что мы ищем в прошлом особо притягательные образы, а Карамзин казался близким ему людям (Жуковскому, Пушкину) на редкость привлекательным, внутренне независимым, честным человеком. Это ощущение они передали тем, кто не мог лично знать Историографа, — Тютчеву, Гоголю. По преданию, в обществе полагали, что, будь Карамзин жив, Николай I не решился бы вынести смертный приговор декабристам.

Главный секрет воздействия «Истории» — в нравственной убежденности Карамзина. Он обращается в «Истории», как и в других своих литературно-художественных произведениях, к нашему сердцу, вызывает к совести. В «Истории» Карамзина привлекает нерасторжимость объективности и субъективизма. Научная объективность Историографа в том, что он неизменно старается опереться на то, что может извлечь из исторических источников (а в век научно-технической революции это важно ощущать читателю!). Одновременно во всех построениях, в отборе и систематизации исторических фактов, в суждениях, в самом стиле изложения ощущается личность автора (Карамзин еще в 1794 г. высказал убеждение: «Творец всегда изображается в творении, и часто против воли своей»). И читатель попадает под обаяние этой личности, оказывается в поле ее воздействия.

Карамзин писал, как он сам говорил, «для души, ума и сердца». В его произведениях и в «Истории государства Российского», которую и он сам, и Пушкин рассматривали и как памятник российской прозы, находим общечеловеческое, волнующее и наших современников в поисках нравственных оценок прошлого и современности и взаимосвязи времен. Он, повторяя слова самого писателя, «платя дань веку, творил и для вечности».

КАРАМЗИН — ИСТОРИК

Хрестоматийно известны слова Пушкина о том, что издание в 1818 г. сразу первых восьми томов «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина произвело сильное впечатление, книги разошлись в один месяц — «пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». И действительно, ни в истории отечественной науки, ни в истории российской словесности ни одно масштабного объема сочинение не оказывало столь сильного воздействия на общественное сознание. Буквальная точность слов Пушкина «несколько времени ни о чем ином не говорили» подтверждается многими современными свидетельствами и мемуаристами.

То же и, пожалуй, в еще большей мере повторилось, когда вышел в 1821 г. девятый том «Истории». Декабристом Лорером сохранен анекдот того времени: «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углубились в царствование Иоанна Грозного». Через три года были изданы тома десятый и одиннадцатый о событиях рубежа XVI и XVII столетий, вдохновившие Пушкина на создание «Бориса Годунова». Любопытно, что Лев Толстой, обдумывая план романа о декабристах, выделяет как тему разговора, волновавшего общество весной 1824 г., обсуждение издания этих двух томов. Двенадцатый том остался незавершенным. Последние слова, написанные рукою Карамзина о событиях 1611 г.: «Орешек не сдавался...»

Такое восприятие «Истории государства Российского» ее первыми читателями во многом объяснялось и обстоятельствами времени. Недавно победоносно завершилась война с Наполеоном, и победители возвратились на родину, преисполненные сознанием всемирно-исторической роли России. Это и время образования первых объединений будущих декабристов («молодых якобинцев», по определению Пушкина), поставивших перед собой задачу освободить свой народ от тягот. И неслучаен в обществе успех сравнения Карамзина с Кутузовым. Вяземский писал: «Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом годе».

А ведь совсем незадолго до выхода книг Карамзина первый российский министр народного просвещения (Завадовский) уверял, что «современному писателю довольно было бы одной страницы, чтобы все наши материалы до Петра Первого вместить в оную». Карамзин же сумел воссоздать яркие «действия и характеры» российской истории допетровского времени и убедительно доказал своими обильными примечаниями, что для подобного изображения имеется достаточно первоисточников.

Пушкин, как всегда, нашел самое точное определение, сравнив историографа с Колумбом: Карамзин не зачинатель-изобретатель исследования российской исто-

рии, а достигший наивысших по тому времени результатов в этом и сумевший эти достижения сделать достоянием общественности. Возможность создания Карамзиным такого обобщающего труда была во многом predetermined уже деятельностью его предшественников: многотомными сочинениями о российской истории — тоже доведенными до первых лет XVII в. — Василия Никитича Татищева, «птенца Петрова», зодчего многих наук в России, а в конце века — князя Михаила Михайловича Щербатова; архивными изысканиями Миллера и Бантыш-Каменского; публикациями исторических источников — летописей, актов, памятников законодательства, особенно в «Древней Российской вивлиофике», издававшейся Новиковым; исследованиями древней летописи Шлецером, сочинениями французских историков о России и их критиков. Осознавалось уже всемирно-историческое значение явлений отечественной истории. Ломоносов во вступлении к книге «Древняя Российская история» утверждал: «...всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности».

Карамзин рано обнаружил особый интерес к истории, прежде всего российской. Уже в «Письмах русского путешественника» «предсказание будущего» он ищет в «свитке истории». Путешественник, от имени которого выступает Карамзин, рассуждает о том, что настоящей, «хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием», еще не создано и автором ее может быть только русский «по чувствам». И объясняет, каким должно быть, на его взгляд, сочинение о прошлом России, интересное и соотечественникам и «за рубежом», и труды каких знаменитых историков следует взять за «образцы»: «Говорят, наша история сама по себе менее других занимательна, не думаю: нужен только ум, вкус, талант... Все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия, действительно любопытные, описать живо, разительно». Им называются имена властителей, время правления которых «составляет важнейшие эпохи в нашей истории, и даже истории человечества».

Не сформулированы ли уже в начале 1790-х гг. историографические замыслы Карамзина? И его представление о российской истории как о важной сфере всемирной истории? Ведь в последнем номере «Московского журнала» за 1792 г. — основанного Карамзиным первого русского журнала, который привлек и читателей и где были напечатаны им «Бедная Лиза» и «Письма русского путешественника», — сообщается о намерении его редактора «заняться древними архивами». Карамзин уже тогда начал «творить» в себе историка.

В цитированном «письме» путешественника Карамзин упоминает зарубежных историков XVIII в., с которыми мы связываем утверждение так называемой «философской истории». Себя же он охарактеризует уже в начале XIX в.: «историк-философ». В философии Карамзина более всего привлекают нравственная философия (понимание Добра и Зла) и то, что ныне мы обозначаем словом «политология». Причем Закон нравственный для него выше Закона государственного. Карамзин психологически готовит себя к занятиям историей, когда пишет в 1803 г.: «История

в некоторых letech занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особую прелесть, которой нет в вымыслах».

Писатель не только серьезно знакомится с трудами русских историков и с основным массивом классических произведений мысли от Античности до его времени (особо с многотомными сочинениями европейских ученых XVIII в., посвященными истории одной страны), но и осваивает комплекс собственно историко-ведческих знаний и приемов. Он внимательно изучает рукописи частных собраний. Первым, еще за три года до издания «Слова о полку Игореве», Карамзин определил в печати великое значение этого памятника мировой литературы и подчеркнул тот факт, что «Слово» несомненно свидетельствует о существовании предшествовавшей ему, но не дошедшей до нас литературы (упоминание о поэте Бояне).

Уже тогда он овладевает научно-исследовательской методикой, приемами установления достоверности тех или иных исторических сведений (на языке науки тех лет это называли «критикой»). Тема российской истории занимает значительное место и в художественных произведениях и публицистике Карамзина на страницах основанного им в Москве в 1802 г. журнала «Вестник Европы» — родоначальника литературно-политических журналов в России.

И наконец, в 1803 г. Карамзин обретает звание Историографа, позволяющее ему получать материалы для написания «Российской истории» из всех хранилищ и обеспечивающее определенным жалованьем. Карамзин удаляется в Остафьево — подмосковное имение князей Вяземских (из рода которых была его жена Екатерина Андреевна) — и, как тогда выражались, «постригается в историографы». Пушкин потом напишет, что Карамзин уединился «в ученый кабинет во время самых лестных успехов» и посвятил двенадцать лет жизни «безмолвным и неутомимым трудам». То же отметит в стихотворении 1817 г. Вяземский: «Труд — слава для него, а счастье — труд прилежный». Не следует удивляться такому «превращению». Тогда в общественных представлениях историческое повествование не казалось отъединенным от литературы: в XVIII в. исторические труды создавали самые прославленные писатели: в России — Ломоносов, первый поэт своей эпохи, во Франции — Вольтер, в Германии — Шиллер. И казалось естественным, что первый литератор России становится и ее первым историком.

Сохранилось описание рабочей комнаты Карамзина (в Остафьеве, на втором этаже). Голые оштукатуренные стены, выкрашенные белой краской; широкий сосновый стол под окнами; простой деревянный стул; козлы с досками, на которых лежали книги и рукописи. Ни шкафов, ни диванов, ни кресел, ни ковров — только несколько стульев у стен. При этом историограф не всегда оставался наедине с музой истории Клио. В комнате часто находилась жена, играли дети. Это не мешало работе, которой всегда предшествовала часовая прогулка пешком или верхом.

В годы работы над историей древней России Карамзин дал и образец краткой политологической направленности «истории» России, преимущественно XVIII и начала XIX вв., составив в 1810–1811 гг. трактат-записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» специально для императора Александра I. В трактате он осмелился откровенно отметить дурное и неприемлемое для него в политике не только бабки и отца государя, т.е. Екатерины II и Пав-

ла I, но и самого императора, и едва ли не первым указал на опасность роста бюрократии для будущего России.

Прервала работу лишь Отечественная война 1812 г., вынудившая семью Карамзиных уехать из Москвы (с собой они увезли и рукопись «Истории»). Сам историограф покинул город вместе с уходящей армией, накануне пожара, уничтожившего и его библиотеку, и собрание рукописей.

С началом печатания первых восьми томов «Истории государства Российского», в 1816 г., Карамзины перебрались в Санкт-Петербург, летом жили в Царском Селе. С ними сблизилась Александр I и обе императрицы: его мать и супруга. Поведение историографа отличали высокое достоинство и самоуважение, особо отмеченные современниками. Такой образ запечатлелся в памяти и поколения, следующего за пушкинским. Гоголь писал в 1845 г.: «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Карамзин первым показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. Какой урок нашему брату писателю!»

Приступая к осуществлению задуманного им труда, Карамзин ставил перед собой задачи не только ученого, но и философа-моралиста, и художника слова, и реформатора языка. «История» была задумана как монументальный труд образцовой, строгой формы, с ясно ощутимыми элементами построения и «совокупления деяний для удобнейшего впечатления в памяти». Основной текст сочинялся по законам художественного жанра: с сюжетной линией, завязкой, кульминацией, выразительными поступками и речами действующих исторических лиц.

Особое значение придавалось «нравственным апофеогмам» — назидательным, афористической формы суждениям, так восхищавшим Пушкина. Для большинства из них характерен государственно-политический аспект: «Великодушные действуют только на великодушных»; «Злодеи не знают благодарности»; «Где нет защиты от правительства, там нет и повиновения»; «Самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления»; «Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судиею»; «Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности» и т.д. и т.п.

Карамзин впитал в себя не только существеннейшие элементы отечественных традиционных представлений, восходящих и к исконным простонародным основам, и к нравственно-религиозным, почерпнутым из творений мыслителей древности и святоотеческой литературы, но и многое, характерное для Европы «века Просвещения». Потому он оказался интересен и тем, кто был воспитан на чтении зарубежных авторов, и тем, кто вышел из среды простонародья.

Как образно заметил Белинский, Карамзин, «воздвигая здание своей “Истории”», был «не только зодчим, но и каменщиком». Он ввел в научный обиход огромнейший исторический материал, прежде всего архивный. В выявлении такого материала ему помогали специалисты и любители древностей. Будучи знатоком читательского вкуса, Карамзин умело поместил важные преимущественно для ученых сведения не в основном тексте, а в многочисленных примечаниях (их 6548!).

Существенно и то, что они находятся не под строкой, как у предшественников, чтобы не отпугивать так называемого широкого читателя, а компактно — в конце каждого тома, и напечатаны более мелким шрифтом. Получилось двенадцать книг беллетристики для всех и двенадцать книг ученых примечаний (рассуждения на частные темы исторического характера и источниковедческие наблюдения, цитаты из исторических источников или даже полные публикации их, ссылки на архивные документы и литературу). Это — не только высокое достижение историографии, но и уникальное явление книжной культуры.

Примечания Карамзина — колыбель развития специальных исторических и филологических наук в России, энциклопедия знаний в этих областях науки на многие годы. Знаменитый филолог прошлого века академик Срезневский в 1870-е гг. сравнивал Карамзина-историка с Петром Первым, утверждая, что «Карамзин-историк, это значит — Карамзин-палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т.д. и т.д., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине — значит не понимать Карамзина».

«История государства Российского» — редчайший для Нового времени пример в истории мировой культуры, когда многотомное сочинение воспринималось бы одновременно и как вершинное произведение художественной литературы, и как выдающийся памятник исторической мысли. И это особенно существенно для понимания феномена Карамзина.

Карамзин понимал, что российская история — это история многих народов, лишь постепенно объединенных под властью одного государя. Это предопределило наименование труда — «История государства Российского». Но история эта не сведена лишь к государственно-политической и к «деяниям» государей. Это и история народа и героев, вышедших из народной среды (недаром главу о присоединении Сибири он охарактеризовал как «поэму о Ермаке»). И «народ» в его «Истории» не всегда «безмолвствует» (Пушкин взял это выражение у Карамзина). Писал Карамзин свою «Историю» для всех, отнюдь не для одних «правителей и законодателей».

В первой же фразе «Предисловия» к ней Карамзин утверждает, что «История... священная книга народов, главная, необходимая всем». Для него очень важно изучение «состояния жителей», т.е. их быта и внешнего облика, ремесел и торговли, материальной и духовной культуры. Этому уделено относительно мало места по сравнению с государственно-политическими сюжетами лишь потому, что Карамзин-историограф не считал возможным что-либо домысливать, «не позволял себе никакого изобретения». А тогда еще совершенно неисследованными оставались и социально-экономическая история допетровской Руси, и история культуры того времени. И скорее следует удивляться тому, как много сведений первым сумел извлечь Карамзин о быте и даже физическом облике людей, как опередил современников во взгляде на источниковую базу исторической науки.

В «Предисловии» он характеризует не только рукописи и печатные книги, но «древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы». Ему «малейшая черта древности дает повод к соображению», помогая в осуществлении желания «преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей» (опять цитата из «Предисловия»).

Рассматривая историю российской государственности на протяжении более семисот лет (с середины IX в.), Карамзин старался убедить в особой пользе единовластия. Самодержавие в его концепции, мы бы сказали, надклассовая, общесловная сила, обеспечивающая нормальную деятельность государственного организма и определяющая постепенное прогрессивное развитие общества по правилам просвещения. Причем задача просвещения — не только распространение знаний, образованности, но обязательно и воспитание нравственности. Самодержавие призвано обеспечивать внешнюю безопасность народа и оберегать общество как от насилия и злоупотреблений властью имущих, так и от опасности и жестокости народного бунта.

Формулируя мысль, что самодержавие — палладиум России, Карамзин противопоставляет «мудрое», «истинное самодержавие» «самовластию» — и отдельных правителей, и олигархии, и народа. Образец самовластия, тягостного и для самого властителя, и для его народа, — вторая половина «государствования» Ивана Грозного. В девятом томе, заканчивающемся словами: «История злопамятнее народа!», предостерегающий вывод: «Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели. И слава времени, когда вооруженный истиной дееписатель может в правлении самодержавном выставить на позор такого властителя. Да не будет уже впредь подобных! Могилы бесчувственны, живые страшатся вечного проклятия в Истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским голосом оправдывать свои исступления». Декабрист Штейнгель вспоминал потом: «...явился феномен небывалый в России — девятый том “Истории государства Российского”, смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто именовавший тираном, какому подобных мало представляет история».

Подобные высказывания декабристов — и современные Карамзину (Рылеева, Одоевского), и в мемуарах (Бестужева, Лорера), — резко отличающиеся от нарочито часто цитируемых ранних записей декабриста Никиты Муравьева с негативными замечаниями о политических взглядах историографа, убеждают в том, что постоянно повторяемая эпиграмма:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута, —

приписываемая юному Пушкину, не отражает ни отношения декабристов к «Истории государства Российского», ни уж подавно самого Пушкина. Ибо сохранилось много пушкинских суждений — в художественных произведениях и публицистике, в письмах друзьям, в деловой документации — об историографе и его сочинении, несомненно свидетельствующих о высоком уважении поэта к Карамзину и его «Истории» («высокий пример Карамзина», «человек высокий», «чистая

высокая слава Карамзина принадлежит России»). Напомним и о посвящении «Бориса Годунова» 1826 г.: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин». Эпиграмма — «озорство гения» в угоду молодым друзьям-«якобинцам». И написать такое можно было лишь до прочтения девятого тома «Истории», когда читатели еще не усвоили принципиально важной для Карамзина разницы между «самодержавием» (которое, по его мнению, должно быть и единовластным и просвещенным) и «ужасами самовластья».

Пушкиным и его современниками «История государства Российского» воспринималась как школа мудрой государственно-политической мысли. Этими заветами руководствовался и поэт Жуковский, когда его сделали наставником наследника престола — будущего императора Александра II. А Белинский, приветствуя в 1840-е гг. новое полное переиздание «Истории государства Российского», воскликнул, что «всякий лишний экземпляр такого творения... проданный в публику, есть успех в народном воспитании».

«История государства Российского», как выразился Герцен, «весьма содействовала обращению умов к изучению отечества», и уж безусловно, она открывала российскую историю для русской культуры. Труд Карамзина побудил многих к занятиям местной историей — краеведением, к изучению быта (особенно он повлиял на становление интересов крупнейшего историка быта Забелина).

Карамзин закрепил обычай публичного чтения историками ими написанного. Издание его «Истории» сыграло исключительную роль в углублении интереса «журнальной литературы» к этому предмету и вообще к научным спорам, познакомило всех со значением того, что мы называем сегодня научным аппаратом в наших изданиях. Так состоялась встреча науки и широкой публики.

Выход «Истории государства Российского» сразу же вызвал полемику, вовлекшую и ученых, и публицистов. Очень скоро, когда стали господствовать новые социологические схемы, историческая концепция Карамзина показалась не соответствующей времени. И уже Белинский мог написать в 1840-е гг., что, «как всякий важный подвиг ума в деятельности, исторический труд Карамзина приобрел себе и безусловных, восторженных хвалителей и безусловных порицателей».

Неоднозначность оценок «Истории государства Российского» заметна и по сей день. Но не было другого исторического труда, который бы, потеряв прежнее значение в глазах ученых, оставался бы столь долго в обиходе культуры так называемой широкой публики. Не знаем мы в России другого исторического сочинения, которое бы в течение почти столетия оказывало такое влияние с юных лет на души и умы.

С именем Карамзина, с его «Историей», хотя бы в отрывках, знакомились учащиеся всех учебных заведений. Ее фрагменты включались в самые распространенные хрестоматии (Ушинского, Галахова, Поливанова). О восприятии «Истории» в детские годы вспоминали получившие домашнее воспитание: Герцен в Москве; Лев Толстой в имении Тульской губернии; знаменитый географ Семенов-Тянь-Шанский в имении Рязанской губернии; обучавшиеся в пансионах: в Москве — хирург Пирогов и в Симбирске — писатель Гончаров; поповичи — историк Соловьев и учившиеся в семинариях Добролюбов, Страхов и многие другие. Это бы-

ло любимое семейное чтение. «Я возрос на Карамзине», — вспоминал Достоевский. Даже родившийся в 1864 г. великий филолог Шахматов в официальной автобиографии для словаря членов Российской академии наук 1917 г. писал, что именно чтение «Истории» Карамзина пробудило у него интерес к занятиям историей языка.

В том, что имя Карамзина-историографа было общеизвестно во второй половине XIX в., убеждает и «История одного города» Салтыкова-Щедрина, пародийно написанная как бы в подражание «Истории государства Российского». Там много перефразированных цитат из нее, а градоначальник Глупова Грустилов, ушедший из жизни в том же 1825 г., что и Александр I, охарактеризован как «друг Карамзина». Великий сатирик исходил из того, что читатели хорошо знакомы и с содержанием «Истории государства Российского», и с формой построения, и со стилистикой, и даже с биографией ее автора.

К труду Карамзина возвращались, конечно, и во взрослом возрасте. Для Достоевского последние четыре тома оставались любимым и постоянным чтением до конца жизни. Лев Толстой, перечитывая «Историю», писал в дневнике в 1853 г., что в «Предисловии» «пропасть хороших мыслей». Зависимость от нее обнаруживается во многих произведениях художественной литературы и искусства, более всего, конечно, в тех, которые посвящены событиям российского прошлого. Это не только Пушкин с «Песнью о вещем Олеге», но и исторические «Думы» Рыльева, стихотворения и драмы других декабристов: Одоевского и Кюхельбекера; драмы поэта-славянофила Хомякова; стихотворения Лермонтова, Майкова; драмы Мея (послужившие основой либретто опер Римского-Корсакова «Царская невеста» и «Псковитянка»); пьесы Островского и особенно сочинения Алексея Константиновича Толстого. Карамзинский эпос оставался резервуаром исторических знаний и для массовой культуры, даже, так сказать, псевдокультуры — всевозможных писаний ремесленников от литературы, — что тоже отмечается в XIX в.

Известны суждения об «Истории» живописцев Брюллова и Александра Иванова (полагавшего, кстати, что «примечания лучше самой книги»). Несомненно ее воздействие на авторов картин и скульптур. Напомним хотя бы об исторических сюжетах в творчестве Шварца, Репина, Антокольского, братьев Васнецовых. В объявлении о постановке оперы Мусоргского «Борис Годунов» написано, что «сюжет заимствован из Пушкина и Карамзина». Засвидетельствовано, что на рубеже веков Карамзина перечитывали Шаляпин, режиссеры и актеры Московского художественного театра. Долголетие «Истории государства Российского» с ее образами и описаниями не имеет аналогий.

Знаменитый наш историк Ключевский нашел, думается, правильное объяснение этому, отметив, что «взгляд Карамзина на историю строился на нравственно-психологической эстетике». Восприятие образное предшествует логическому, и первые образы дольше удерживаются в сознании, чем логические построения, вытесняемые позднее более основательными концепциями.

С недавнего времени наблюдается все более возрастающий интерес к «Истории» Карамзина, выходящей и массовыми тиражами без примечаний, и в начавшемся полном академическом издании, и в сокращении — в однотомниках. Вряд ли это можно объяснить только великим даром Карамзина — художника слова.

Объяснение — в нынешних настроениях. В стремлении приобщиться к исконному в российской культуре. В иных, чем прежде, требованиях к Истории и историкам. В постепенном освобождении от навязчивой тенденции ставить развитие государственности в прямую зависимость от экономики и в осознании того, что роль институтов власти иногда бывает определяющей в ходе исторического развития. Политизированные, революционно-идеологизированные подходы сменяются приоритетом общечеловеческих ценностей. Нравственность пытается войти и в политику. И воспитание историей начинают рассматривать прежде всего как нравственное воспитание. А Карамзин обращается к нашему сердцу, взывает к совести.

В «Истории государства Российского» привлекает откровенная нерасторжимость объективности и субъективности, уважительное отношение к историческому факту и к истине в истории. Научная объективность историографа состоит в том, что он неизменно опирается на источники, извлекая из них возможное, и в примечаниях объясняет даже, как это делает. В то же время во всех построениях его, даже в отборе и систематизации исторических фактов, суждениях, самом стиле изложения ощущается личность автора. Он «ликует и скорбит» вместе с читателями и сам чувствует взаимосвязь прошлого с настоящим. Обращаясь к общечеловеческому, «к душе, уму и сердцу», Карамзин оказывается необходимым и нашим современником. И мы тем самым убеждаемся, говоря его же словами, в том, что Карамзин, «платя дань веку, творил и для вечности».

«ПРИМЕЧАНИЯ» В КНИГАХ

«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н.М. КАРАМЗИНА — ВЕХА В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Общепризнано большое значение выхода в свет многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина для дальнейшего развития науки, русского литературного языка, воспитания историей общественного сознания. Особо отмечена и роль историографа в развитии специальных исторических (и историко-филологических) наук — И.И. Срезневский подчеркивал в 1870-е гг.: «Карамзин-историк, это значит — Карамзин-палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т.д. и т.д., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине — значит не понимать Карамзина».

Однако недостаточно внимания обращено на то, что «История» Карамзина стала вехой и в развитии представлений о научной книге и ее оформлении, во внедрении понятий «научного аппарата» в среду так называемого широкого читателя, в формировании у массового читателя представлений о научной литературе.

Впервые опубликовано: Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тезисы докладов и сообщений XIII научной конференции (Москва, 1–2 февраля 2001 г.). М., 2001. С. 33–36.

Создавая свою «Историю», Карамзин ориентировался на то, чтобы труд его стал занимательным и поучительным чтением для широкого читателя (причем и женщин, и юношества), обязательным и вызывающим доверие для ученых и специально интересующихся историей, и в то же время коммерчески выгодным, дающим надежду на переиздание. И опирался при этом на свой опыт издателя журналов и книг хрестоматийного типа. Учитывал и данные о восприятии книг читателями и в России (ведь начинал он путь и в литературу и в издательское дело в окружении Н.И. Новикова), и за рубежом (он был хорошо знаком с библиотеками иностранных изданий московских коллекционеров, интересовался издательской практикой и читательским спросом в период пребывания за границей). В России 1810-х гг. читатель был уже приучен к тому, что примечания — обязательная (и внешне показательная) принадлежность изданий историко-географического содержания, и изданий Академии наук на русском и иностранном языках, и первых трудов по «местнографии» (Е. Болховитинова и др.), а при изданиях нарративных памятников (прежде всего летописей) в примечаниях приводятся различия по другим спискам их.

Карамзин догадался разделить тома своей «Историей» на две части. Первая часть, для чтения всеми, напечатана крупным шрифтом, это — *belles lettres* (в буквальном переводе «изящная словесность», художественная литература, в узком смысле — художественная проза, в отличие от поэзии, драматургии). Вторая часть — «Примечания» — напечатана более мелким шрифтом, экономнее.

В основном тексте вынесено на поля листов то, что помогает лучше ориентироваться в содержании: даты, указания на описываемые и характеризующие явления, наиболее значительные из событий, оценка их: «Язык и грамота», «Убиение Игоря», «Свойства сего князя», «Дела Польские», «Неслыханное уничтожение», «Славная осада Пскова» и т.д. (В просторечии недавних лет это называли «фонариками», и такой прием успешно используют и поныне в учебной литературе.) Эти формулировки приведены и в оглавлении глав, напечатанном более мелким шрифтом вслед за номером главы и ее заголовком.

В книге примечания не отвлекают при быстром ознакомлении с основным текстом, которым, как правило, и довольствовались большинство читателей. Даже историк С.М. Соловьев в мемуарах своих замечает, что до 13 лет прочитал «Историю» Карамзина «не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний», однако географ П.П. Семенов-Тянь-Шанский вспоминал, что в детские годы «читал и с нимомверным увлечением и многократно 12-томную “Историю” Карамзина, добросовестно изучая не только весь ее текст, увлекавший меня живостью своего изложения, но и примечания, напечатанные в издании мелким шрифтом». Тома и фрагменты «Истории» затем не раз издавались без примечаний или лишь с немногими из них.

В двенадцати томах «Истории» 6548 примечаний, не считая приложений к ним. Примечания, дополняя и подтверждая выводы и наблюдения основного текста, давали представление и о том, что мы теперь называем «научным аппаратом».

В «Примечаниях» дополнительные сведения о явлениях, описанных в основном тексте, историографические данные об этом (с приведением разных мнений, а иногда и с разбором степени их основательности). В «Примечаниях» написано и

о явлениях более частного порядка, менее значительных, чем те, которым уделено особое внимание в основном тексте. В «Примечаниях» цитаты из источников (печатных и архивных), иногда пространные (пространные настолько, что М.Д. Приселков на основании их восстанавливал текст сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи начала XV в.), — так впервые были введены в научный обиход и нарративные памятники (сочинение Даниила Заточника, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др.), и делопроизводственные. В «Примечаниях», конечно, ссылки на рукописи и издания (на многих языках), обычно с указанием листов, страниц.

Именно в «Примечаниях» информация о том, что относится к сфере специальных исторических наук. И это стало особенно очевидно после подготовки П.М. Строевым «Ключа, или Алфавитного указателя к “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина», состоявшего из указателей именного, географического и предметного. Там названы и различные группы письменных документов (например, разновидности «грамот»), указания на меры, пошлины, обозначения расстояний и т.п., и прямые указания (типа: «Гривна, Гривенка. Разные их значения»), знакомящие и с различными толкованиями древних слов и явлений учеными.

Причем Карамзин обращается и к методам сравнительной филологии, и к данным географии и еще лишь формирующихся наук — этнографии, археологии, фольклористики, демонстрируя широкое понимание методики источниковедения и относя к историческим источникам (или, точнее сказать, к тому, что может быть использовано историком как исторический источник) многообразнейшие явления, не ограничиваясь памятниками материальной и духовной культуры. И в этом плане его представления об исторических источниках (как обо всем, что может источать информацию, полезную для историка), доступные и равно понятные и ученым-специалистам, и всем, кто интересуется прошлым, прочно закрепились в сознании россиян (в основе исторических представлений которых, как становится все очевиднее, первоначально воспринятое из «Истории» Карамзина). Хотя, к сожалению, ныне совершенно неосновательно навязывается мнение, будто в недавнее время «такой подход вел к догматизации и идеологизации исторического знания» (об этом в статье М.Ф. Румянцевой о «современной источниковедческой парадигме», опубликованной в 2000 г. в сборнике научных трудов Воронежского университета «Источниковедение: поиски и находки», выпуск 1, с. 5).

Таким образом, «Примечания» к «Истории» Карамзина способствовали не только существенному расширению знания о явлениях отечественной истории, но и предмете и методике специальных исторических (и историко-филологических) научных дисциплин, так формировалось представление и о научном аппарате изданий гуманитарного профиля; тем более что труд Карамзина рекомендовался для библиотек и средних и специальных учебных заведений (где готовили священнослужителей и офицеров). Для некоторых видных историков (И.П. Сахарова, И.Е. Забелина) именно «Примечания», как они сами отмечали, предопределили интерес к научным занятиям историей (и особенно историей быта, местной историей).

Показательно, что А.С. Пушкин, серьезно занявшийся изучением российской истории и чувствовавший себя продолжателем дела историографа Карамзина, го-

рячо приветствовал издание «Ключа» к «Истории» П.М. Строева в заметке 1836 г., а «Историю Пугачевского бунта» издал в 1834 г., руководствуясь издательскими принципами автора «Истории государства Российского», в двух томах: в первой части собственно история Пугачевского восстания, во второй — документы и примечания.

«КАРАМЗИН — НАШ КУТУЗОВ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

Тема статьи и выбор для ее названия слов писателя князя П.А. Вяземского обусловлен тем, что в 2012 г., объявленном Президентом Российской Федерации «годом российской истории», усиливается внимание не только к прошлому и его взаимосвязям с настоящим и будущим, но и к тому, как добываются и распространяются исторические знания, каковы приемы работы историка и взаимодействия исторической науки с другими науками и сферами общественного сознания.

В России первичное возбуждение всеобщего интереса читающей публики к истории своей страны было связано с изданием книг «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина. Первые восемь из двенадцати томов вышли в свет в 1818 г., когда и в России, и за ее пределами все находилось под впечатлением развала наполеоновской империи, началом конца которой стало поражение французского императора в Отечественной войне 1812 г.

Наполеон был гениальным полководцем, выдающимся государственным деятелем, образ которого формировал во всем мире представление о том, чего можно достигнуть личным дарованием, энергичной целеустремленностью, умелым отбором соратников в военных начинаниях и советников в государственных преобразованиях. Он потерпел поражение, поскольку переоценил свои возможности, начав войну недостаточно осведомленным о потенциале России и образе поведения россиян. И потому события эти побуждали к размышлениям о том, почему именно России оказалось по силам положить предел экспансии наполеоновской империи на территории других стран, какова ее роль в событиях мировой истории, что предшествовало в нашем прошлом таким победоносным свершениям? Путь развития России в большей мере, чем прежде, стал рассматриваться в общемировом контексте. А поскольку многие россияне, и прежде всего армейская молодежь, ознакомились с обиходом общественной жизни и культуры Западной Европы, то они стали сопоставлять узнанное там с российским настоящим и прошлым. Тогда учащенно быстро развивалось национальное самосознание.

Выход в свет именно в ту пору книг «Истории государства Российского» Карамзина заметно воздействовал на общественные воззрения, на стиль воспитания образованности у россиян, на формирование представлений об отечественных ис-

торических традициях; сразу же существенно расширились возможности дальнейшего исследования нашего прошлого учеными и установления его взаимосвязей с настоящим и будущим, а также обращения к российской истории в произведениях художественной литературы и искусства.

В автобиографических записках 1828 г. А.С. Пушкин показал впечатление первых читателей от «Истории» Карамзина (исследователи полагают, что это повторение мемуарных записей 1822 г., уничтоженных автором при известии об аресте декабристов): «Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов Русской истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили»¹. Наблюдение Пушкина о «сильном впечатлении» первых читателей от «Истории» Карамзина подтверждается также многими другими свидетельствами того времени.

9 ноября 1836 г. П.А. Вяземский написал А.И. Тургеневу: «Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом году»².

А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, семья Карамзиных — все они из небольшого дружеского круга тесно связанных между собой образованных аристократов, близких друг к другу по общественно-политическим интересам и литературным пристрастиям. Суждения Вяземского о значении «Истории» Карамзина сходны с суждениями Пушкина 1820-х гг. В этом кругу «литераторов-аристократов» (как обозначил его Пушкин) устойчиво придерживались суждений (мнений и оценок) об «Истории государства Российского», сложившихся у них еще при жизни историографа. Пушкин, написав по возвращении из ссылки в 1826 г. по заданию царя записку «О народном воспитании», утверждал: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. *История государства Российского* есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским... Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы (т.е. в последние годы обучения. — С.Ш.) умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренне и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений»³. Показательно употребление дважды определения «подвиг» и к оценке труда Карамзина, а следовательно, и его направленности, и к направленности, желанной для государственной деятельности! В.А. Жуковский сделал положения «Истории» Карамзина главными не только в обучении наследника престола истории, но и в воспитании его общественного сознания⁴.

В аспекте данной статьи важное значение имеет наличие в словах Вяземского прямого сравнения содеянного Карамзиным для познания прошлого России с со-

деянным Кутузовым для настоящего и будущего страны. Столь выразительная ассоциация была вызвана, прежде всего, происходившим в общественной жизни в середине 1830-х гг., в преддверии 25-летия победы в Отечественной войне 1812 г.: в 1834 г. в Санкт-Петербурге была открыта Александровская колонна, готовились к празднованию годовщины битвы на Бородинском поле и к закладке на новом месте храма Христа Спасителя, задуманного как памятник победы над Наполеоном, появился уже основной массив воспоминаний участников войны 1812–1814 гг. (не все, конечно, публиковалось, но стремление составить такие мемуары владело умами)⁵. Возбужденная память о событиях тех славных лет вызывала тогда их образ в сочинениях писателей. Самое замечательное из этих сочинений — «Бородино» М.Ю. Лермонтова, написанное в 1836 г., закрепилось в сознании и как эталонное определение восприятия событий 1812 г., и как образец «народного воспитания» историей, по выражению А.С. Пушкина.

Карамзин сосредоточился на работе по подготовке многотомной отечественной истории с 1803 г., но осознание необходимости создания такого труда, который стал бы привлекательным как для соотечественников, так и для иностранцев и не уступал бы лучшим образцам современных зарубежных сочинений по истории, пришло к нему еще в начале его литературного пути. И потому проблемы превращения писателя в историка и литературно-художественное мастерство как существенная и показательная особенность Карамзина-историографа привлекали многих литературоведов и историков. Значительные работы на данные темы в последние десятилетия были созданы Ю.М. Лотманом, Н.Я. Эйдельманом, В.П. Козловым, Г.П. Макогоненко, Н.Д. Кочетковой, Л.А. Сапченко, Ю.С. Пивоваровым, Д.П. Николаевым. Приходилось об этом писать и мне⁶.

К тому времени в представлении читающей России распространилось уже понимание того, что отечественность должна быть первым предметом нашей литературы. В литературе, как и в изобразительном искусстве, все более заметной становилась тематика отечественной истории давних лет. Постепенно все более расширялся и круг лиц, заинтересованных в познании отечественной истории, особенно местной.

До Карамзина некоторые образованные аристократы уже занимались написанием многотомной истории своего отечества на основании изучения многообразных исторических источников: во второй четверти XVIII в. — В.Н. Татищев, «птенец Петров», зодчий многих наук в России, в последней трети XVIII в. — князь М.М. Щербатов, видный публицист и государственный деятель. Интересно, что у обоих авторов изложение обрывается при изложении событий Смутного времени начала XVII в. (как позднее и в «Истории» Карамзина). Но Карамзин был первым автором, к чьему труду по отечественной истории проявилось внимание широкого читателя, воспринявшего его и как высшее в ту пору достижение нашей художественной литературы. «История» Карамзина так сильно повлияла на историческое сознание россиян, и особенно на формирование представлений о событиях и лицах отечественной истории, что стала их основой на протяжении столетия, а затем и в среде российской эмиграции.

Восприятие «Истории государства Российского» первыми читателями объясняется и обстоятельствами российской общественной жизни тех лет, и тем, что в

Карамзине наблюдается счастливое совмещение дарований мыслителя и писателя, а также редкостной образованности и любознательности, чуткого ощущения склонностей и вкусов читательской аудитории; он обладал опытом знакомства и с традициями русской культурной среды, и с культурным обиходом европейского зарубежья, который старались освоить образованные россияне той эпохи.

Среда общавшихся с его отцом помещиков Симбирской губернии, где провел юные годы Карамзин, не походила на Скотининых и Простаковых фонвизинского «Недоросля». Талантливый сатирический гротеск этой комедии не следует принимать за типологическое изображение всех, кто владел крепостными. Не забудем, что сверстниками Митрофанушки были и родители, воспитавшие декабристов, Пушкина и его друзей. В автобиографической повести Карамзина «Рыцарь нашего времени» отмечается, что «словоохотливые беседы» и «анекдоты старины» знакомых его отца помогали мальчику набраться «духа русского и благородной дворянской гордости», а знакомство с романами из книг библиотеки матери образовывали «ум и чувство», и душа его плавала «в свете книжном как Христофор Колумб на Атлантическом море, для открытия... сокрытого». (Не под впечатлением ли этого текста 1802 г. памятный Пушкин, пораженный лицеистов познаниями в современной русской литературе, сравнит позднее самого Карамзина с Колумбом?) Чтение, заключает Карамзин, было весьма важно для «образования в нем нравственного чувства»⁷.

С тринадцати лет Карамзин обучался в пансионе профессора Московского университета Шадена, имевшего широчайшее по тому времени немецкое гуманитарное образование и преподававшего многие предметы. Особое значение он придавал «нравственной философии» как «науке образования нравственности и совести». После недолгой службы в Петербурге, в гвардии, и краткого пребывания в Симбирске Карамзин снова оказывается в Москве. В нем уже тогда видели глубоко и самостоятельно мыслящего человека, одаренного и разностороннего литератора-поэта, прозаика, переводчика и умелого практика журналистской работы.

В мае 1789 – сентябре 1790 г. Карамзин знакомился с зарубежьем: побывал в германских государствах, Швейцарии, Франции, Англии, задерживаясь преимущественно в больших городах. Он посещал примечательные места, театры, научные заседания, музеи, наблюдал общественную жизнь (в Париже бывал и в Национальном собрании, и в революционных клубах), знакомился с местными изданиями и приобретал их. Беседовал с известными людьми — прежде всего с философами, литераторами, учеными. Зарубежные наблюдения и вызванные ими размышления запечатлены в «Письмах русского путешественника», печатавшихся первоначально в номерах основанного им «Московского журнала» (в 1791–1792 гг. популярнейшего в России издания). «Письма» должны были показать и представления россиянина о Западной Европе, и то, каким кажется образованный россиянин западноевропейцу. В этом художественно-публицистическом сочинении философской направленности Россия рассматривается как страна европейской культуры.

В «Письмах» прослеживается особый интерес к истории. Знаменательно рассуждение о том, каким должно быть сочинение об истории России, интересное как соотечественникам, так и «чужестранцам», и на труды каких знаменитых истори-

ков древности (названо имя древнеримского историка-моралиста Тацита) и недавнего времени должен равняться автор такого сочинения: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою (соответственно современным понятиям — научно-исследовательской методикой. — С. III.), с благородным красноречием... Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить... Все черты, которые означают свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — Владимир; свой Людовик XI — царь Иоанн; свой Кромвель — Годунов и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории, и даже истории человечества»⁸. Большинство первых читателей написанного Карамзиным полагали тогда, что «занимательное» для них в истории России начинается лишь со времени Петра I. В этом «письме» из Парижа, датированном 1790 г., Карамзин, по существу, прямо вторит вступлению к книге величайшего российского мыслителя XVIII в. М.В. Ломоносова «Древняя Российская история», вышедшей в 1766 г. (где изложение доведено до 1054 г. — времени кончины Ярослава Мудрого): «...всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»⁹.

Написанное Ломоносовым и Карамзиным — это декларация о всемирно-исторической значимости истории «народа русского» и заявление о желании найти силы для написания «хорошей российской истории», не уступающей научными и литературно-художественными достоинствами лучшим современным образцам. И, занятый многообразной литературной деятельностью как автор и как редактор, Карамзин не отступает от своего намерения, все более обогащаясь изучением источников российской истории и овладевая новейшей зарубежной методикой источниковедения и археографии (если употреблять принятую ныне терминологию).

В 1802–1803 гг. в издаваемом им журнале с показательным названием «Вестник Европы», ставшем родоначальником литературно-политических журналов в России, Карамзин в своих художественных и публицистических сочинениях не раз обращается к прошлому России, к тому, что и как воспринимают из него современники. К тому времени Карамзин обрел уже устойчивые философские и политологические представления и немалый опыт размышлений, сопоставляя прошлое и настоящее России и других стран. Возросший на идеях века Просвещения, Карамзин был приверженцем для России политики просвещенного абсолютизма, но убежденно опирающимся при этом на понятия о «нравственном законе» и о роли просвещения как основах исторического прогресса.

31 октября 1803 г. императорским указом Карамзин был назначен историографом «для сочинения полной истории Отечества нашего» с древнейших времен и получил право доступа к материалам всех хранилищ, необходимым для такой ра-

боты. (В XIX в. под историографией понимали само описание прошлого, исторических «деяний», и Карамзин называл себя потом «дееписателем»; в наше время термином «историография» обозначают отрасль исторической науки, изучающую ее историю, а также совокупность предшествовавших исследований определенной исторической тематики.)

В ту пору сочинение историка, доступное по изложению широкому читателю, не казалось отъединенным от остальной литературы. В Древней Греции одной из девяти муз была Клио — муза искусства повествования о прошлом, покровительница истории. То, что виднейший писатель, автор самого популярного тогда произведения русской прозы — повести «Бедная Лиза» (принесшей ему еще в начале 1790-х гг. всероссийскую славу) становится историком, представлялось тогда естественным. И Карамзин, конечно, предвидел то, что от него ожидают сочинения по истории, написанного с присущим ему литературным мастерством, не уступающего прежним произведениям ни в занимательности и изобразительности, ни в чувствительности и психологизме, ни в побуждении к дальнейшим размышлениям. Историограф и сам рассматривал многотомное сочинение, к созданию которого он приступал, как художественно-литературное произведение, а «психологизм для Карамзина» (как справедливо отметил Н.Л. Рубинштейн) «не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля»¹⁰.

Карамзин неизменно продолжал ощущать себя писателем — художником слова, влияющим, по определению Пушкина, на «публику, им образуемую». Это монументальное новое сочинение призвано было утвердить представления о путях развития современной русской литературы и современного языка — литературного и разговорного. И потому не только предшествовавшую литературную деятельность Карамзина, но всю его биографию и жизненные наблюдения можно рассматривать как подготовку к созданию «Истории государства Российского».

Историограф так определял свои намерения в письме к императрице Елизавете Алексеевне, с которой у него сложились доверительные отношения: «Я писал с любовью к отечеству, ко благу людей в гражданском обществе и к святым уставам нравственности»¹¹. Убеденный в том, что «каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю» (как утверждает в «Предисловии»), Карамзин впитал в себя основные элементы отечественных традиционных представлений, восходящих к нравственно-религиозным, унаследованным еще от допетровского времени. Это во многом способствовало тому, что его «История» оставалась в дореволюционной России доступна людям разных сословий и стала распространенным семейным чтением, привлекательным и для детей школьного возраста.

В то же время «История» Карамзина — сплав таких представлений с достижениями западноевропейского «века Просвещения». А образованная часть русского общества тогда воспитана была в пансионах иностранцев, дома — иностранцами-гувернерами и боннами (вспомним о книгах, читавшихся Евгением Онегиным и Татьяной Лариной, ровесниками первых молодых читателей томов «Истории» Карамзина). А.И. Тургенев охарактеризовал в своем дневнике Карамзина как «единственного полного представителя не нашего, но европейского просвещения в Рос-

сии, соединенного в нем с познанием всего отечественного, познанием, коему можно уподобить только одну любовь его»¹².

Свое понимание значения знания о прошлом и тяги к такому познанию историограф выразил в «Предисловии» к «Истории государства Российского». Карамзин, можно полагать придавал особое значение «Предисловию», о котором Пушкин уже в 1830 г. писал как о «столь много критикованном и столь же мало понятом»¹³. Между тем ему уделялось явно недостаточное внимание в специальных историографических трудах, особенно в изданных после 1917 г. «Предисловие», написанное тогда, когда Карамзин готов был передать в типографию первые восемь томов «Истории государства Российского» (оно датировано 7 декабря 1815 г.), отражает не только намерения историографа, приступившего к созданию такого фундаментального труда, но и результат его многолетних размышлений в период этой работы, относящихся к проблематике тех сфер исторического знания, которые ныне определяем как «источниковедение» и «историография». По существу, это — программное сочинение, можно сказать, даже методологический манифест историографа: причем обращенный одновременно и к приобщающимся к познанию истории, и к тем, кто уже был занят размышлениями о ходе истории и путях ее изучения. Конечно, в нем явственно заметна «политико-назидательная тенденция», характерная и для всех томов «Истории», но несправедливо было бы преимущественно к ней сводить основное содержание текста, предваряющего многотомный труд.

Главный смысл познания прошлого Карамзин видел в извлечении из него уроков для настоящего и будущего, в нравственно-воспитательном и просветительском назначении истории как для обладающих высокой властью и возможностью руководствоваться этим в политике, так и для общества в целом. Именно такое убеждение глубокомысленно выражено в самых первых фразах «Предисловия» к «Истории государства Российского»: «История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах... Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках... она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»¹⁴.

В «Предисловии» указывается на различия трех «родов истории», обусловленные особенностями источниковой базы в зависимости от времени, отделяющего годы создания исторического сочинения от описываемых событий. Подчеркивая отличие «Дееписания» от «Поэмы», он формулирует «неизменные правила» источниковедческого подхода к историческому построению и изображению. Описывать прошлое следует только исходя из данных, запечатлевшихся в дошедших до нас памятниках. Карамзин счел необходимым отметить значимость сделанных им «примечаний и выписок», которые служат «иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением» и призваны убедить в достаточной «достоверно-

сти» изложения. «Предисловие» написано в несколько высокопарном стиле, характерном для риториков той эпохи, но это соответствовало понятиям об эстетических нормах того времени: «Прекрасное должно быть величаво», — формулировал Пушкин¹⁵.

Вслед за «Предисловием» помещены замечания «Об источниках российской истории до XVII века». Написаны они в иной литературной манере, в той же традиционно научной, что и «Примечания», завершается этот текст словами: «Вот материалы истории и предмет исторической критики». Карамзин показал себя и «критиком» исторической мысли, знатоком зарубежных и отечественных исторических трудов, т.е. историографом в современном истолковании этого термина. Он кратко обосновал (оспаривая мнение Шлецера — авторитетнейшего на рубеже XVIII–XIX вв. историка в России и в Западной Европе) периодизацию отечественной истории на «древнейшую», «среднюю» и «новую» (начиная с Петра Великого). Все это свидетельствует о том, что Карамзин рассматривал свой труд как стимул к дальнейшим изысканиям историков и к развитию специальных отраслей научного исторического знания.

«Историк-философ», в широком понимании авторов и читателей века Просвещения, превращался в исследователя, методика которого становилась все более строгой и совершенной. Это было очевидно при сравнении его труда с сочинениями не только историков XVIII в., но и младших современников. И потому-то в 1870-х гг., когда принято было объявлять «Историю» Карамзина устарелой, авторитетнейший филолог и славист широкого гуманитарного профиля, эрудит классического образца, к труду которого «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» мы неизменно обращаемся и поныне, академик И.И. Срезневский в лекциях по палеографии в Петербургском университете считал необходимым особо подчеркнуть, что «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: ибо должно было не забыть ничего». И далее: «Карамзин — историк, это значит Карамзин — палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т.д. и т.п., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине — значит не понимать Карамзина»¹⁶.

Как опытный литератор, учитывающий возможности, привычки и вкусы читающей публики, для удобства обращения к книгам «Истории государства Российского» Карамзин разделил каждую из них на две части. Основной текст набран крупным шрифтом — чтение для всех — *belles lettres* — изящная словесность, беллетристика, т.е. художественная литература (в узком смысле — художественная проза, отличающаяся от поэзии и драматургии). И вслед за тем — «Примечания» ко всему тому, компактные, набранные мелким шрифтом, — научная литература, предназначенная для ученых и особо любознательных. Там содержатся рассуждения историографического характера, цитаты из источников, иногда даже первые публикации некоторых источников, и указания на листы цитируемых архивных документов и страницы печатных изданий. Примечания убеждают в том, что Карамзин был основательно знаком со всей вышедшей к тому времени в России и за рубежом литературой по российской истории, использовал в компаративистском плане то, что относилось к всеобщей истории.

По сравнению со своими предшественниками Карамзин во многом обогатил источниковую базу изучения истории России до воцарения Романовых. Это убедительно показано авторитетнейшим на рубеже XIX–XX вв. историографом русского источниковедения В.С. Иконниковым, отметившим и уместность, и точность примечаний. Мнение академика Иконникова поддержано академиком С.Ф. Платоновым, поделившимся в 1926 г. своими наблюдениями: «Тот, кто имел в руках рукописи, проштудированные Карамзиным, может удостовериться, что из них нашим историком взято все важное и любопытное с необыкновенной чуткостью и вниманием. После Карамзина из памятника уже нечего извлечь: такова изощренная наблюдательность этого исследователя»¹⁷. В двенадцати книгах «Истории» Карамзина 6538 примечаний! При этом «История государства Российского» не раз издавалась и без примечаний (и до 1917 г., и с 1980-х гг.).

Исторический труд Карамзина не ограничивается только последовательным описанием исторических явлений, но дает объяснение им во взаимосвязи с другими явлениями. В «Предисловии» к своей «Истории» Карамзин подчеркивает это, даже выделяя курсивом: «Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупаю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний... должен всему уделять свое место»¹⁸. И показывать при этом в прошлом и светлое, и темное, ибо «история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир»¹⁹.

Карамзин убедился в том, что прежде всего «в истории» мы «ищем действий и характеров», и понимал, что в «поучающей» истории наибольшее впечатление производят запоминающиеся события (и их взаимосвязи) и личности (их характер и поведение), т.е. то, что относится к сфере государственно-политической истории, поэтому ее сюжетам уделено в томах «Истории» наибольшее внимание. Это вовсе не означает, однако, что к изображению государственно-политической истории Карамзин и сводил задачу изучения прошлого. Но преимущественное внимание к таким событиям способствовало созданию впечатления, что если, по Карамзину, «самодержавие — коренное начало русского государственного современного порядка», то, следовательно, как полагал В.О. Ключевский, «его развитие — основной факт русской государственной жизни, самая сильная тенденция всех ее условий»²⁰. И даже С.Ф. Платонов, столь старавшийся воспитать уважение к содеянному Карамзиным для развития русской исторической науки, пожалуй, все-таки слишком однозначен, утверждая, будто «Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс — создание национального государственного могущества», и особенно — отмечая «односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшую задачу историка изображением только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями»²¹. В «Истории государства Российского» укрепление государственного могущества действительно «главнейшее» в отечественной истории, и политической истории уделено более всего места, но представление о значимых явлениях в историческом процессе у Карамзина было намного шире. И степень внимания к сферам истории определялась наработанными тогда в европейской исторической на-

уже традициями и — главное — состоянием источниковой базы российской истории и имевшейся уже историографией.

Историограф разъясняет в «Предисловии», что он «изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками»²². Но в начале XIX в. в науке было очень мало данных о жизненном обиходе далекого прошлого — в России не сформировались еще такие науки, как археология, этнография, история древнерусской литературы, фольклористика, актовое источниковедение, история древнерусского искусства. И приходится удивляться, даже восхищаться тем, как сумел историограф в своей «Истории» собрать столько материала о времени, предшествовавшем призыванию Рюрика, и о быте последующих веков — недаром знакомство с первым томом «Истории» побудило И.Е. Забелина, в будущем классика нашей отечественной археологии и истории быта, научного руководителя Исторического музея в Москве, заняться (как он сам отмечал) именно такой проблематикой в своей научной деятельности.

Карамзин осознавал и то, что отечественная история наша изначально была историей многих народов (а ранее и разнородных племен), скрепленных постепенно единовластием российских государей. Этим обусловлено, можно полагать, наименование его многотомного труда не «Российская история», как у Татищева (автора томов «Истории Российской с самых древнейших времен») и Щербатова (автора «Истории Российской от древнейших времен»), а «История государства Российского».

Карамзин рассматривает российскую историю в контексте всемирной истории, сопоставляет явления, события, российских и зарубежных деятелей. И не раз подчеркивает и естественность, и значимость такого подхода. В «Предисловии» отмечено и то, что творения выдающихся историков явственно свидетельствуют о принадлежности их к культуре своего народа, в них проявляется его мировосприятие, и не следует изображать беспристрастность.

Откровенно декларируя свою любовь к отечеству и объясняя, как важно это ощущение для пишущего о его прошлом, Карамзин прокламирует и обязанность «добрых россиян» следовать «правилу государственной нравственности, которое ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному»²³. Карамзин, в соответствии с распространенным в XVIII в. среди философов и политиков представлением, полагал, что в государстве, обширном по территории, естественнее всего система единовластного правления: в России ее обозначали как «самодержавие». Однако самодержавие, по его убеждению, должно опираться на закон, иначе оно превращается в «самовластие», деспотизм. Главное в «истинном самодержавии» — соблюдение самодержцем проверенных временем, опытом истории нравственных правил, забота о благе подданных. Потому-то самодержавие противопоставляется самовластию — и единовластца, и олигархов, и народа. Истинный самодержец должен обладать «добродетелями» — «человеческими и государственными».

Самодержавие в концепции Карамзина — надклассовая, общесословная сила, обеспечивающая нормальную деятельность государственного организма и опре-

деляющая постепенное прогрессивное развитие общества. Государство призвано оберегать общество от насилия и злоупотребления властью имущих и от опасности и жестокости народного бунта. Оно обеспечивает внешнюю безопасность, особо важная его забота — сохранение единства державы. Важнейшее условие подобного развития — просвещение. Задача же просвещения — не только распространение знаний, способствование образованности, но и — обязательно — воспитание нравственности. И именно в этом существеннейшая польза литературы, ибо роль чтения особенно велика в «образовании ума и чувства».

Несомненно, близка историографу идея государственного величия. По Карамзину, развитие государства определяется в наибольшей мере деятельностью и личностью государя. С.М. Соловьев подчеркивает важность заключения Карамзина, «что великие державы образуются не механическим слипанием частей как тела минеральные, но превосходным умом державным»²⁴. И потому Карамзин возвеличивает Ивана III, о котором особо пишет и в «Предисловии» («Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере, не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра»²⁵), а в период времени «между сими двумя самодержцами» вторая половина правления «удивительного Иоанна IV» изображена как пример деспотического самовластия, пагубного и для подданных, и для самого властителя.

IX том «Истории государства Российского», посвященный второй половине царствования Ивана Грозного (1560–1584 гг.), произвел впечатление, пожалуй, еще большее, чем выход восьми предыдущих томов. Непосредственный свидетель событий Великой французской революции, Карамзин стал убежденным сторонником не революционного, а эволюционного пути развития общества и, соответственно, действий государей именно такой направленности. Он понимал значимость реформ, но полагал, что они должны быть продуманными, неторопливыми, понятными обществу, не приносящими бедствия многим и особенно тем, на кого привык опираться государь и кто до того ощущал себя соучастником его действий. Будучи глубоко верующим человеком, считавшим, что история обязана быть учительницей жизни, воспитывающей человека на нравственных началах, Карамзин полагал действия царя Ивана IV второй половины его правления отступлением от христианских заповедей, что особенно неповодно монарху, поступки которого на виду у всех. Такой подход к негативным, по его мнению, явлениям прошлого тоже входил, как убеждаемся, в его задачу формирования исторических представлений читателей.

IX том, несомненно, повлиял на историческое сознание декабристов. Например, Рылеев писал сразу по прочтении, в 1821 г.: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше дивиться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». И под впечатлением от прочитанного сочинил первую из своих «дум» — «Курбский». Лорер воспроизвел в мемуарах анекдот 1821 г.: «В Петербурге оттого такая пустота на улицах, что все углубилось в царствование Иоанна Грозного», а Штейнгейль глубокомысленно отметил: «...явился феномен небывалый в России — девятый том “Истории государства Российского”, смелыми, резкими чертами изображающий все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто

именовавший тираном, какому подобных мало представляет история»²⁶. Декабристы просили передать им тома «Истории» в Петропавловскую крепость.

Восприятие сочинения Карамзина как яркого произведения художественной литературы усиливало его воздействие на общественное сознание. П.Я. Чаадаев в 1838 г., определяя значение издания, в письме А.И. Тургеневу подчеркивал интеллектуально-эстетическое в творчестве Карамзина: «Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной можно ее создать»²⁷.

Карамзин полагал, что читателю не должно довольствоваться впечатлением от образности исторических явлений. Следует побуждать его к размышлениям о ходе истории, о закономерностях и особенностях человеческой деятельности и общественного сознания. И делать это нужно в доходчивой и привычной для воспринимающего форме принятого тогда морализирования. Со времен Монтеня оно было характерно для западноевропейской литературы: и прозы, и поэм, и драм, особенно басен. Популярны были книги афоризмов такой направленности. Морализирование было основой и церковных проповедей; в России к толкованию притч привыкли даже люди, не умевшие читать. И Карамзин вводит в текст «исторического» изложения апофегмы — нравоучительные изречения афористического стиля. Это — и наблюдения о шкале ценностей культуры и памяти («Слово принадлежит веку, а мысли векам»). Но чаще для апофегм показателен нравственный или морально-политический аспект («Народ в кипении страстей может быть скорее палачом, нежели судьей»; «Уставы отцов бывают не всегда мудры, но всегда священны для народа»; «Где нет защиты от правительства, там нет и повиновения»; «Самодержец с высоты престола видит лица и вещи в обманчивом свете отдаления» и т.д.). Апофегмы «Истории», как и «крылатые слова» других сочинений Карамзина, вошли в языковой обиход.

Талантливый молодой литературный критик Валериан Майков, близкий к петрашевцам, писал в 1846 г. об общественном настрое первых читателей «Истории» Карамзина: «Потребность отечественной истории — необходимое следствие пробуждения народного самосознания — получила силу и живость необыкновенную. Вопросы о значении России, о ее настоящем, прошлом и будущем, о том, чем она была, есть и должна быть, зашевелились в образованной части общества... В это время явилась «История» Карамзина... Кто беспристрастно изучал это творение, тому, конечно, известно, что оно написано с мыслью — показать, что история России ничем не хуже, а во многих отношениях и лучше историй других европейских народов... Можно себе представить, какой эффект должно было произвести такое сочинение в эпоху только что возникшего вопроса о прогрессивном движении России»²⁸.

Научная критика «Истории государства Российского» началась еще при жизни Карамзина (изучению этого вопроса посвящены работы В.П. Козлова и других современных исследователей²⁹), сравнительно скоро общеисторические представления его стали казаться устарелыми в среде и историков, и философов, и публицистов.

В середине 1840-х гг., когда стали выходить тома пятого издания «Истории» Карамзина (предпринятого И. Эйнерлингом), В.Г. Белинский откликнулся на каждую

книгу; видимо, именно он инициировал приложение к изданию «Ключа» П.М. Строева. В последней (самой пространной) из рецензий он отмечал в пушкинском духе и даже литературном стиле: «Главная заслуга Карамзина как историка России состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России. Карамзин открыл целому обществу русскому... что история его отечества должна быть для него интересна, а знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий!»³⁰ И А.И. Герцен в 1850 г., обращаясь в эмиграции к иностранному читателю, писал в книге «О развитии революционных идей в России»: «Великий труд Карамзина — памятник, воздвигнутый им для потомства, — это двенадцать томов русской истории... Его история весьма содействовала обращению умов к изучению отечества»³¹. Следовательно, и в середине XIX в. передовые мыслители, общественные воззрения и научная подготовка которых были иными, чем у аристократов времени Карамзина, признавали его заслугой внушение обществу уважительного внимания к отечественной истории.

Л.Н. Толстому в двадцать пять лет захотелось перечитать «Историю» Карамзина. Его дневниковые записи ноября–декабря 1853 г. передают впечатление от прочитанного: «Слог очень хорош. Предисловие вызвало во мне пропасть хороших мыслей. Читал отрывками». После завершения чтения он записал: «Окончил Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательные события»³².

В «Предисловии» Карамзин размышляет о том, что «в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии!»³³ И действительно, целое столетие страницы «Истории государства Российского» были главным «источником» возбуждения творчества исторической тематики для писателей, художников, композиторов, актеров, как самых выдающихся, так и тех, чьи произведения можно отнести к недолговечной массовой продукции. Особенно много писали о воздействии «Истории» Карамзина — и основного текста, и примечаний — на Пушкина, когда он создавал драму «Борис Годунов», где на восприятии написанного Карамзиным основаны не только историческая фактология, но и политологические соображения; такое воздействие обнаруживается и в других сочинениях великого поэта. Из широко известных произведений литературы и искусства влияние «Истории» Карамзина особенно заметно у М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого (и в прозе, и в драмах, и в стихотворениях), А.Н. Майкова, А.Н. Островского, Л.А. Мея (драмы которого «Царская невеста» и «Псковитянка» стали основой для опер Н.А. Римского-Корсакова), Ф.М. Достоевского, скульптора М.А. Антокольского, И.Е. Репина и других живописцев, изображавших время Ивана Грозного и иные события российской истории³⁴. Появление подобных произведений художественной литературы и искусства способствовало тому, что и после выхода в последующие десятилетия обобщающих трудов по российской истории, концепционно отличающихся от «Истории» Карамзина и насыщенных вводимыми в науку новыми данными, «История государства Российского» в течение столетия оставалась доминантой в представлениях большинства наших соотечественников о русской истории до начала правления Романовых.

В дореволюционное время был распространен обычай семейного чтения вслух для детей и взрослых. Тома «Истории» Карамзина было принято читать вслух в семье Достоевских в его детские годы. Став знаменитым писателем, он и сам любил возвращаться к страницам «Истории государства Российского» и рекомендовал ее для детского и «народного» чтения³⁵. Воздействие «Истории» Карамзина обнаруживается в школьных учебных пособиях, в изданиях, предназначенных для юных читателей, зафиксировано во многих воспоминаниях, публицистике. А для особенно пытливых раннее знакомство с томами «Истории государства Российского» повлияло на формирование направлений их дальнейшей творческой деятельности — на это прямо указывают историки И.Е. Забелин, С.М. Соловьев, А.А. Шахматов, П.В. Сытин.

Знакомые с зарубежной научной литературой россияне и иностранцы высоко оценили «Историю государства Российского» — книги были переведены на иностранные языки и воспринимались в ряду значительных исторических трудов Европы своего времени. М.М. Сперанский писал: «Я ничего не знаю ни на английском, ни на французском языке превосходнее или вообще прекраснее»³⁶. Знаменитый немецкий публицист Л. Бёрне характеризовал Карамзина как «великого историка» и заявлял, что «мастерское произведение» «достойно своего предмета»; гейдельбергский профессор Ф.-Х. Шлоссер в своей знаменитой многотомной «Всемирной истории», написанной в середине XIX в., опирался на труд Карамзина, излагая события российской истории³⁷.

Эффективность издания «Истории» Карамзина проявилась и в возбуждении интереса читающей публики к размышлениям об изучении прошлого России — напечатано было много откликов в журналах, вызвавших в свою очередь разного жанра словесную реакцию (в том числе и в виде эпиграмм), внесены были изменения в преподавание истории. Сам Карамзин, читавший публично главы готовящихся к изданию томов «Истории государства Российского», выступил по существу зачинателем традиции публичных лекций профессоров истории. И уж, безусловно, издание это стимулировало выявление, описание, публикацию памятников истории, т.е. развитие археографии во всех ее сферах (которые ныне определяются как полевая, описательная и эдиционная археографии), источниковедения, археологии, этнографии, историографии (в современном понимании), краеведения.

Особенно существенно то, как относились к историографическому наследию Карамзина ведущие историки России последующих десятилетий. Серьезный труд об «Истории государства Российского» Карамзина на уровне новейшей исследовательской историографической методике написал сменивший М.П. Погодина на кафедре Московского университета С.М. Соловьев — либерал по общественным взглядам, рано заявивший о себе как крупнейший ученый новой формации, характерной для мировой науки уже второй половины XIX в. Академик Д.С. Лихачев в одной из своих последних статей подметил, что Н.М. Карамзин был в своей «Истории государства Российского» родоначальником и московской, и петербургской школ ученых-гуманитариев: «...в своем основном изложении — московской, в своих не утративших своего значения “Примечаниях” — петербургской»³⁸. В.О. Ключевский в записях конца 1890-х гг. отметил, что Карамзин «много помог русским

людям лучше понимать свое прошлое, но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической наукой», ибо, как полагал Ключевский, «взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике»³⁹.

С конца XIX в., когда в трудах по историографии научно-исследовательский и нравственный подходы стали подменяться политико-идеологическим, Карамзина стали изображать, прежде всего, официальным верноподданническим историком, по утверждению П.Н. Милокова, даже не участвовавшим в развитии исторической науки. М.Н. Покровский пошел еще дальше, охарактеризовав многотомный труд Карамзина как «типичную придворную историю». В его лекциях 1923 г. «Борьба классов и историческая наука» историограф изображался воинствующим националистом, крепостником, находящимся в прямой зависимости от политико-экономической конъюнктуры⁴⁰.

С.Ф. Платонов в «Лекциях по русской истории» (в «пересмотренном и исправленном» 10-м издании, вышедшем в 1917 г.) указывал на то, что именно в «Истории государства Российского» Карамзина «создался наконец... первый цельный взгляд на русское историческое прошлое» и изложение его основано «на многочисленных изысканиях, которые до нашего времени сохраняют за его Историей важное ученое значение»⁴¹. В середине 1920-х гг. академик С.Ф. Платонов решился противостоять суждениям главы «исторического фронта» партийных историков, выступив с докладом к 100-летию со времени кончины Карамзина, во многом опиравшимся на похвальное слово историографу, произнесенное им в 1911 г. при открытии ему памятника в подмосковном Остафьево, но текст этот оставался ненапечатанным при жизни автора. Доклад 1926 г., озаглавленный «Карамзин-историк», завершался очень смелым по тому времени заявлением: «На трудах Карамзина все мы в свое время учились тому, как честно следует работать историку. Не лишним будет заметить, что и в настоящее время многие могли бы не без пользы этому поучиться именно у Карамзина»⁴².

В советское время, в течение почти семидесяти лет, оценочную характеристику Карамзина-историка пытались свести к расширительному толкованию эпиграммы юного Пушкина, будто задачей изложения, привлекательного «изяществом» и «простотой», было убедить в «необходимости самовластия», даже «прелести кнута». Это озорное высказывание юного поэта, как показал блистательный знаток литературы и нравов пушкинской поры В.Э. Вацуро, вероятнее всего, основывалось на факте замены Иоанном III трем провинившимся смертной казни наказанием кнутом⁴³. При этом совершенно не принимались во внимание многочисленные высказывания о Карамзине (и в печати, и в переписке, и в мемуарах) более зрелого Пушкина, преклонявшегося перед его личностью, талантом, ученостью, возвеличивавшего его «подвиг честного человека» и посвятившего его памяти своего «Бориса Годунова»⁴⁴.

Очерняли «Историю» Карамзина, примитивно вульгаризируя и искажая исторические взгляды историографа, и в годы влияния Покровского, и после того, как стали сосредоточиваться на ошибках последнего. Это объясняется, конечно, не тем, что Карамзин был идеологом монархизма и развитию государственности в

истории придавал большее значение, чем классовой борьбе (при Сталине самовластие достигло невиданной после Ивана Грозного масштабности, и сам Сталин откровенно инициировал пропаганду в литературе, искусстве и науке образа сильного государя), неприемлем был нравственный критерий, с которым историограф подходил к характеристике и оценке исторических явлений и особенно — исторических личностей⁴⁵.

Но переиздания «Истории» Карамзина (без примечаний и в сокращенном виде) стали появляться с конца 1980-х гг., когда явственнее стало ощущение «перестройки». В 1988–1989 гг. вышли книги репринтного воспроизведения пятого издания 1840-х гг., и с 1989 г. стали выходить тома академического издания «Истории государства Российского». В 1991 г. был торжественно на правительственном уровне отмечен юбилей Карамзина. Проявление широкого интереса к его «Истории» — показатель изменений, происходивших в общественной жизни и общественном сознании тех лет, когда обнаружилась возможность разномыслия и в истории стало допустимым усматривать не только формирование идеологии, но и нравственное начало.

С тех пор снова стало закрепляться представление о Карамзине как о великом историке. И теперь, с выходом новейших трудов о Карамзине-писателе, Карамзине-историке, Карамзине-мыслителе, заметно влиявшем на общественное сознание, становится все очевиднее, что Карамзин был одним из самых авторитетных людей для современников войн с Наполеоном, а соображения Карамзина-историка надолго определили представления не только об отечественной истории до Нового времени, но и сам подход к историческим явлениям, проявившийся и в учебной литературе, и в произведениях литературы и искусства исторической тематики.

¹ Пушкин А.С. Карамзин // Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 7. С. 278.

² Остафьевский архив князей Вяземских [: В 5 т.]. Т. 3: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899. С. 356.

³ Пушкин А.С. О народном воспитании // Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 360.

⁴ Подробнее см.: Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский — наставник наследника царского престола // Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России: В 2 т., 4 кн. Т. 2, кн. 1: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. М., 2009. С. 425.

⁵ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Он же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991.

⁶ См.: Шмидт С.О. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского» // Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2, кн. 1. С. 304–344; Он же. «Примечания» в книгах «История государства Российского» Н.М. Карамзина — веха в развитии исторической науки и книжной культуры // Там же. С. 345–347; Он же. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Там же. С. 348–363; Он же. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Там же. С. 364–390; Он же. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в культуре российской провинции // Там же. С. 391–405; Он же. Пушкин и Карамзин // Там же. С. 541–554; и др.

⁷ Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 591.

⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252–253.

⁹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 170.

- ¹⁰ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 168.
- ¹¹ Бестужев-Рюмин К. Карамзин Н.М. // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. «Ибак – Ключарев». С. 512.
- ¹² Тургенев А.И. Хроника русского: Дневники 1825–1826. М.; Л., 1964. С. 122.
- ¹³ Пушкин А.С. История русского народа // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 36.
- ¹⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд.: В 3 кн. СПб., 1833. Кн. 1. С. XI.
- ¹⁵ Пушкин А.С. 19 октября // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 105.
- ¹⁶ Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XVI веков. СПб., 1885. С. 10, 11.
- ¹⁷ Платонов С.Ф. Карамзин-историк // Карамзин: Pro et contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. С. 267.
- ¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. С. XXII.
- ¹⁹ Там же. С. XV.
- ²⁰ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 138.
- ²¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 46.
- ²² Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. С. XXI–XXII.
- ²³ Там же. С. XVII.
- ²⁴ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1985. Кн. 16. С. 139.
- ²⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. С. XV.
- ²⁶ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. С. 117–127.
- ²⁷ Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989. С. 412.
- ²⁸ Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 36, 38.
- ²⁹ Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.
- ³⁰ Цит. по: Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России. С. 364–390.
- ³¹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.
- ³² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 46. С. 200–209.
- ³³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. С. XXII.
- ³⁴ Русская историческая живопись. Выставка 1939 г. М., 1939. (Издание Государственной Третьяковской галереи).
- ³⁵ Подробнее см.: Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России. С. 364–390.
- ³⁶ Русский архив. 1867. Кн. 1. С. 919.
- ³⁷ Подробнее см.: Шмидт С.О. «История государства Российского» в истории мировой культуры. С. 348–363.
- ³⁸ Лихачев Д.С. Вместо предисловия // Анатолий Васильевич Предтеченский: из творческого наследия / Сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1990. С. 10.
- ³⁹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 134.
- ⁴⁰ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки). М.; Л., 1933. Вып. 1–2.
- ⁴¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 46.
- ⁴² Платонов С.Ф. Карамзин-историк. С. 269.
- ⁴³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2, кн. 1. С. 524.
- ⁴⁴ Шмидт С.О. Пушкин и Карамзин. С. 541–554.
- ⁴⁵ Шмидт С.О. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского». С. 342–343.

СЛОВО О СОЛОВЬЕВЕ И ЗАБЕЛИНЕ*

Совместное заседание посвящено памяти прославленных историков нашего отечества и великих граждан Москвы, родившихся 175 лет назад, — Сергея Михайловича Соловьева (его день рождения 5 мая 1820 г.) и Ивана Егоровича Забелина (17 сентября 1820 г.). Имена Соловьева и Забелина как бы олицетворяют вершинные достижения в развитии отечественной исторической науки. И когда в 1993 г. в соответствии с Положением о золотых медалях и премиях, присуждаемых РАН, были утверждены награды по Отделению истории, то «за большой вклад в изучение истории» решено было присуждать раз в пять лет золотую медаль имени С.М. Соловьева, а «за большой вклад в исследование проблем археологии» раз в три года — премию имени И.Е. Забелина.

И Соловьеву, и Забелину посвящена немалая литература — и мемуарная, и научно-историографическая. Вышли в свет книги о Соловьеве — В.Е. Иллерицкого в 1980 г., о Забелине — А.А. Формозова в 1984 г. В 1984 г. издана составленная под руководством С.С. Дмитриева новаторского типа книга «С.М. Соловьев. Персональный указатель литературы». В 1992 г. опубликованы в двух книгах материалы научных чтений в ГИМ в 1990 г. к 170-летию Забелина (там и моя статья «И.Е. Забелин и русская культура»). С изучением архивных материалов (прежде всего личных фондов обоих историков), переизданием и изданием впервые их трудов круг тем статей и диссертаций о многосторонней творческой деятельности Соловьева и Забелина все расширяется. Тем более, когда постепенно освобождаются от обязательности только политико-идеологического («классового») подхода к историографическим явлениям и историю исторической мысли перестают рассматривать лишь как смену концепций, отражающих прежде всего общественно-политические взгляды историка. Темы сегодняшних выступлений — историографические явления, еще недостаточно изученные. Постараюсь в том же ключе говорить и во вступительном слове.

Рождение в один год Соловьева и Забелина может восприниматься как случайное совпадение. Но в том, что такие выдающиеся историки, отличавшиеся особенностями и своей биографии (особенно ее начального этапа), и подхода к историко-культурным явлениям, и научной методике, были современниками, обнаруживается определенная закономерность, отражающая уровень и своеобразие развития науки и общественной жизни России. Подобно тому, что наблюдаем в истории современной им русской классической литературы: в один год родились и столь разные писатели, как Герцен и Гончаров (1812 г.), Достоевский и Некрасов (1821 г.), Лев Толстой и Чернышевский (1828 г.).

* В основе статьи — выступление на совместном заседании, посвященном 175-летию со дня рождения С.М. Соловьева и И.Е. Забелина, организованном Археографической комиссией РАН, Государственной публичной исторической библиотекой и Государственным Историческим музеем в ГПИИБ.

Сотворенное этими историками и литераторами имеет общую почву; это — культура и общественное сознание той поры, которую в годы их детства характеризовали как карамзинскую эпоху. Широко известно высказывание Пушкина: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». С изданием многотомной «Истории государства Российского» знание о прошлом своего отечества стало приходить в общество не из произведений художественной литературы (прежде всего драм и поэм на исторические сюжеты), а из сочинения, которое, являясь занимательным чтением, к тому же доступным и детям, примечаниями своими вводило в мир не только научных знаний, но и методики научных исследований и архивных богатств.

До сочинения Карамзина исторические труды в России предназначались преимущественно узкому кругу ученых или составлялись в учебных целях. И показательно, что авторами выступали зачастую иностранцы по рождению, писавшие и печатавшие их на иностранном языке (обычно на немецком). С изданием «Истории государства Российского» и появлением откликов на нее в журналах исторические сочинения заняли прочное место в литературной периодике. Историческая наука в глазах общества обрела и просветительскую (даже просветительно-воспитательную) функцию. Рассуждения о значении опыта истории, о путях исторического развития (особенно своего отечества), об исторических параллелях и примерах, а затем и об источниках исторического знания, об исторических традициях своего края характерны уже для 1830-х гг. — и для обеих столиц, и для провинции, где образуются губернские статистические комитеты (с широкой программой изучения и настоящего, и прошлого своего края) и начинают издавать губернские ведомости. Уже во второй четверти XIX в. входит в обычай печатать материалы исторической тематики и научные труды ученых историков в журналах и других изданиях широкого профиля — именно для таких изданий готовили свои статьи Соловьев, Забелин, Костомаров, еще в большей мере их младший современник Ключевский. Подобные труды, рассчитанные и на широкого читателя, по форме своей были на грани с публицистикой, если точнее выразиться — с «литературной критикой», и воспринимались тоже как «литература», т.е. в традициях Карамзина и Пушкина, который мыслил себя в этом плане наследником Карамзина как Историографа.

А литература в пушкинские времена была (о чем писали и сам Пушкин, и Вяземский) сферой занятий преимущественно образованных аристократов и стремившихся войти в эту среду лиц иного социального происхождения (постепенно оттеснявших с арены литературной жизни потомственных дворян). Сферой занятий преимущественно аристократии была в столицах и отечественная история — напомним не только о самом Карамзине, архивистах Бантыш-Каменских и Малиновском, участнике и историке Отечественной войны генерале Михайловском-Данилевском, но и об их предшественниках: видном сановнике и родственнике императрицы Анны Татищеве, князе Щербатове, генерале Болтине, обер-гофмейстере Елагине, наконец, о самой Екатерине II, о тех, кто составлял окружение знатных меценатов графов Мусина-Пушкина и Румянцева, президента Академии художеств Оленина. Европейски просвещенные молодые аристократы служили в Коллегии, затем Министерстве иностранных дел и в его Архиве в Москве: эти «ар-

живные юноши» получали навыки знакомства и с историческими документами давних времен (хотя, как правило, и не слишкомотягощены были служебными обязанностями). Титулованные лица стояли и во главе архивных учреждений (в МГАМИД — князь Оболенский, позднее, в Межевом архиве, — князь Мещерский). Да и сама история России тех столетий, от которых сохранилась архивная документация, представлялась аристократам в определенной мере историей фамильной (напомним об изображении исторической роли Пушкиных в «Борисе Годунове» и реплику царя Бориса: «Противен мне род Пушкиных мятежный...»).

И под «интеллигенцией» в 1830–1840-е гг. подразумевали европейски образованную аристократию (определение В.А. Жуковского). Лишь в пореформенное время этим сразу получившим распространение термином стали обозначать работников умственного труда и в области искусств. Герцен в 1866 г. характеризовал таких «работников умственного движения» (в их числе университетских профессоров) как «пролетариат интеллигенции»¹.

Главными «работниками умственного движения» в сфере исторической науки были тогда Соловьев и Забелин. Поражали многообразие проблематики их трудов и широта хронологического охвата — от древности до Нового времени, и при этом всегда опора на первоисточники. Оба историка — просветители и организаторы науки. Деятельность именно Соловьева и Забелина на долгие годы предопределила характер деятельности историков московской школы и вообще основные направления и формы работы российских историков.

При этом заметны были и отличительные черты творчества и научных и жизненных вкусов двух знаменитых сверстников, возможно, обусловленные уже разницей образа жизни их в детские годы, когда оба почувствовали притягательную силу занятий историей.

Особую роль сыграло раннее знакомство с «Историей» Карамзина (что отмечается в биографиях и других выдающихся людей XIX столетия). Разное восприятие прочитанного обоими мальчиками объясняется и различными душевными и умственными предпочтениями, навыками воспитания и просвещения, первичным жизненным опытом. Выросший в достатке в семье столичного образованного священника, Соловьев, прочитав «Историю» Карамзина «не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний», особенно любил главы о славных победах и государственных деяниях («Действовал во мне отроческий патриотизм», — писал историк в воспоминаниях). Воспитанника же сиротского училища, Забелина, выдвинувшегося лишь благодаря редким способностям, любознательности, трудолюбию, сразу же более всего прельстил первый том «Истории», где меньше, чем в других томах, отведено место государственным деяниям и государям².

Для Соловьева-мемуариста (а может быть, уже и при первом чтении) «История» Карамзина — прежде всего история «государства Российского», для Забелина — «Российская история». Решившись повторить великий подвиг Карамзина и сочинить единолично многотомную «Историю России с древнейших времен», Соловьев преимущественно сосредоточился на явлениях государственно-политической истории. Забелин же стал основательно — и тоже в хронологической последовательности — изучать повседневные явления жизни россиян и историю Москвы на всем ее протяжении, составляя энциклопедию истории быта допетровской Руси.

Но для обоих характерно то, что, создавая свои монументальные труды, Соловьев и Забелин (как и первопроходцы науки отечественной истории Татищев, Щербатов, Карамзин) неумолимо вводили в научный обиход новые архивные материалы и в первую очередь на них опирались в своем изложении. Авторы всех последующих многотомных сочинений обо всей истории России, начиная с Ключевского, считали допустимым обходиться без новых архивных документов — в основе их фактологической базы прежде всего «История» Соловьева.

Соловьев использовал, конечно, и издания 1820–1870-х гг. — публикации источников и труды историков и юристов. Более того, статьи его о своих предшественниках — у истоков науки российской историографии. Европейски образованный Соловьев, слушавший лекции знаменитых профессоров в университетах Западной Европы, считал необходимым при изучении отечественной истории (особенно сравнительно с зарубежной, к чему имел склонность) обращаться к новейшим трудам западноевропейских историков, социологов, философов. И написанное Соловьевым вровень в методическом плане с высшими достижениями современной ему зарубежной исторической мысли.

Забелин, конечно, тоже старался творчески использовать опыт предшественников. Но он был гениальным самородком, не получившим вообще высшего образования и недостаточно осведомленным о зарубежных изданиях. Тем более поразительны его историческая интуиция, его методические прозрения. Это редчайший пример того, когда знаточество аккумулируется в глубокое научное знание. Не вдаваясь в теоретические обоснования, но приметливо наблюдая над тем, что становится реальным источником познания в деталях повседневной жизни и в настоящем и в прошлом, Забелин привлек для своих исследований все доступное в ту пору многообразие исторических источников — и письменные, и фольклор, и разговорную речь, и изобразительные, и вещественные, и поведенческие. И предопределил современные понятия о комплексном и сравнительном источниковедении, об источниковедческих возможностях краеведения, археологии.

В России, особенно в Москве, когда Академия наук находилась в столице — Петербурге, научная работа историков была возможна либо в университете, либо в хранилищах памятников истории и культуры.

С лекциями Соловьева утвердилась традиция исследовательского типа курсов отечественной истории; более того, такие лекционные курсы стали основой готовящихся к печати книг³. Форма научной работы в университете склонных к самостоятельному изучению прошлого России (ее истории, памятников ее культуры) была в середине XIX в. определена Соловьевым и Федором Ивановичем Буслаевым — недаром Ключевский их обоих почитал своими учителями — Соловьеву как преподавателю он посвятил особую статью. Впрочем, на примере того же Ключевского убеждаемся в том, что, занятый поглощавшей его и поразительной по продуктивности исследовательской и литературной работой, Соловьев, видимо, не слишком внимательно наблюдал за самостоятельным развитием своих учеников. Иначе трудно объяснить, как мог он молодому человеку такого склада мышления и литературных вкусов, как Ключевский, навязать не соответствующую стилю его дарования тему о житиях русских святых, особенно после написания им «Сказа-

ний иностранцев о Московском государстве» и дополнений по истории русского быта к книге немецкого историка П. Кирхмана⁴.

И Соловьев и Забелин были убежденными сторонниками создания музеев. Для Забелина, всю жизнь связанного с работой в Оружейной палате, с археологическими раскопками, музей мыслился не только как депозитарий историко-культурных ценностей и просветительский центр, но и как научный институт и научная школа для молодежи. Именно в музее можно было исследовать историю повседневной жизни и обучать этому научную молодежь. И Забелин выступил там как организатор своеобразной школы повышения квалификации окончивших университет молодых специалистов. Беседы-семинары⁵ Забелина с привлеченными к работе в музее воспринимались ими позднее (когда они стали широко признанными видными учеными) как научная школа.

Роль и Соловьева и Забелина в организации научно-просветительского дела — музеев, изданий, лекций, научных обществ, в приобщении к историческим знаниям общественности — от детей (для которых они тоже писали и книжки и очерки) до высокообразованной интеллигенции и богатых сановников и предпринимателей, способных оказать материальное содействие развитию науки и культуры, — заслуживает тоже специального изучения и популяризации. Велико и, пожалуй, еще недооценено общественно-воспитательное значение для формирования представлений об обязанностях ученого-просветителя «Публичных чтений о Петре Великом» Соловьева. И знаменательно (и, конечно же, не случайно) то, что они имели место в год основания Политехнического музея (объединившего усилия ученых-естественников) и Исторического музея, научным руководителем которого стал и оставался до конца жизни Забелин.

Многообразная творческая деятельность великих историков — Сергея Михайловича Соловьева и Ивана Егоровича Забелина — славная страница не только истории науки, но и российской и мировой культуры, нашей общественной жизни.

¹ Подробнее см.: Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Россия. Запад. Восток: встречные течения: К 100-летию со дня рождения академика М.П. Алексева. СПб., 1996. С. 409–417.

² Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского [Репринт изд. 1842–1844 гг.]: В 4 кн. М., 1988. Кн. 4. С. 32–35.

³ См.: Дмитриев С.С. Соловьев и Московский университет // С.М. Соловьев: Персональный указатель литературы. М., 1984. С. 20–22.

⁴ Дополнения к П. Кирхману отдельной книгой впервые опубликованы Р.А. Киреевой. См.: Ключевский В.О. История русского быта. М., 1995.

⁵ См.: Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / Подгот. к печ. С.Б. Филимонов // Археологический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 272–278.

И.Е. ЗАБЕЛИН И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Тема многопланова. Заголовок статьи предусматривает возможность подхода к ней с разных сторон. Это — русская культура, ее роль в жизни (в биографии) Ивана Егоровича Забелина. Это — и русская культура как проблематика творчества исследователя, рост ее как задача общественной и организационной деятельности. Это — роль русской культуры в формировании литературного стиля Забелина (его называли в начале нашего столетия «Нестором русской историографии», а «Повесть временных лет» — памятник не только исторической мысли, но и художественной образности; с него начинают историю древнерусской литературы). Это — и место Забелина в развитии русской культуры: Забелин — и творение русской культуры и ее творец, ее слава.

В конце XIX и начале XX в. праздновали юбилеи «учено-литературной и служебной деятельности» Забелина, на его кончину откликнулись виднейшие ученые и научные общества в Москве, Петербурге и других городах¹. И хотя в написанном по таким поводам всегда заметен особый «церемониальный» стиль, в совокупности эти сочинения все-таки дают представление о том, как воспринимали личность Забелина и оценивали содеянное им его младшие современники (в большинстве своем состоявшие уже на иных и общественных, и научных позициях).

Так как в Историческом музее, больше чем где бы то ни было, дорожили памятью о Забелине, и традиции научной работы которого восходят именно к Забелину, приведу высказывания Вячеслава Николаевича Щепкина — молодым ученым приглашенного Забелиным в Исторический музей (с которым затем была связана дальнейшая жизнь и его, и Марфы Вячеславовны), внука одного из самых почитаемых Забелиным людей, великого актера М.С. Щепкина. Статья Щепкина 1909 г. начинается со слов о «духовном подвиге» Забелина. И почти сразу вслед за тем читаем: «Такие звезды светят народу раз в столетие. Его положение в русской культуре, в русской науке было оригинально, как повесть его жизни, как его внешний облик, оригинально и вместе с тем в высокой степени просто-просто, значительно, понятно всякому взору — как природные явления. Он увековечил для нас быт нашего народа как своими печатными трудами, так не менее и своими трудами по собиранию памятников: обширные и разнородные коллекции Исторического музея столь же непосредственный, ежедневный труд его жизни, как и его исследования: то и другое — обильные сокровища спасенной им старины». Щепкин замечает, что в книгах Забелина «обширная эпическая картина, равноценная с другой картиной старого быта, которую оставил нам Лев Толстой в «Воине и мире»². Это сравнение характерно для общественного сознания именно начала нашего столетия, когда еще одновременно продолжали творческий путь и находились в поле зрения общественности и великий писатель XIX в., и корифей русской исторической науки XIX в.

Впервые опубликовано: И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: Материалы научных чтений ГИМ 29–31 октября 1990 г. [В 2 ч.]. М., 1992. Ч. 1. С. 15–29.

Забелин — порождение русской народной культуры. Он — не только самородок, но и бедняк-самоучка, не прошедший с формальной точки зрения никакой научной школы, не получивший научного образования, да и вообще систематического образования, считавшегося тогда общепринятым (гимназия, военный корпус, семинария, пансион, домашняя подготовка с нанятыми учителями). Забелин провел пять лет в сиротском доме-училище низкого уровня. Уже это отличало Забелина от всех остальных выдающихся историков XIX столетия. Он всего достиг сам — своим трудолюбием, своей целеустремленностью, своим талантом, своим, по определению почитавшего его Д.Н. Анучина, «стремлением к самодеятельности»³ (что привлекало к нему более или менее влиятельных просвещенных лиц, начиная с Д.М. Львова — попечителя училища, устроившего Забелина работать в Оружейную палату). Биография Забелина стала образцом, употребляя его же выражение, «высокой силы и жизненности народного духа», вышедших непобежденными из «враждебных условий жизни»⁴.

В основе первичного образования и мировосприятия Забелина — та корневая культура, истоки и формы которой еще в допетровской эпохе. Это имело основополагающее значение для становления, позднее, творческих интересов Забелина-ученого и воплощения их в научных сочинениях и в научно-организаторской деятельности.

Для образа мышления европейского «века Просвещения» характерно строго логическое начало, оно восходит еще к системе мышления эпохи позднего Возрождения; для средневековой культуры — а именно к ней может быть отнесена система мышления допетровской Руси — характерны образное, алогичное восприятие и метод созерцания, облегчающий иногда возможность более глубокого проникновения в целостную суть явлений. Искони присущие человечеству представления о добре и зле, милосердии, собственном достоинстве, чести, красоте основаны ведь не на рациональном осмыслении, а в большей мере на чувстве. И Забелин, и окружавшие его с детства находились в русле именно этой системы восприятия и оценок. Он не испытал воздействия даже примитивной семинарской схоластики (в основе которой многое от логических построений).

Забелин, по существу, в юные годы прошел тот путь, который прошла Россия при Петре Великом, — привнесенные извне образованность, знания, позднее научные навыки накладывались на крепкую первооснову, близкую к мировосприятию россиян еще XVII в. Это предопределило естественное — а отнюдь не по книгам ученых и не наслух — понимание наблюдательным Забелиным знакомого ему с малых лет образа жизни и образа мысли людей изучаемого им далекого времени. И позволило убежденно писать: «Очень часто наши мысли, поступки и действия, и внизу и вверху, обличают в нас людей XVI и XVII ст.»⁵. У него была и высокая природная экологическая культура — понимание взаимосвязи природы и общества, чувство природы, опять-таки восходящее к общепринятым народным воззрениям.

Однако Забелин с детских лет в какой-то мере приобщался к тому, что почиталось образованностью в понимании, пришедшем в Россию с реформами Петра Великого. И «в тяжких объятиях сиротского дома» (слова первой дневниковой записи Забелина о начале службы в Оружейной палате, в ноябре 1837 г.), как сам За-

белин пишет в кратком жизнеописании (напечатанном в 1887 г.), «чтение в начале плутарховых биографий, а потом Истории Карамзина, и именно первого тома, заманчиво направили его любознательный ум к исторической древности вообще». Вероятно, способствовало этому и знакомство с художественной литературой русской (особенно с романами А.Ф. Вельмана — позднее назначенного директором Оружейной палаты) и зарубежной (прежде всего с сочинениями Вальтера Скотта и Купера).

Пользуясь заголовком автобиографической книги другого великого самоучки А.М. Пешкова — «Мои университеты», можно говорить об «университетах» и Забелина. Прежде всего приходит на ум сравнение с пчелой. Так называли в Древней Руси сборники изречений — «речи мудрости». Такое сравнение и в Слове Даниила Заточника — памятнике очень популярном в кругу чтения допетровской Руси: «Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупля медвенны соть; тако и азь, по многим книгамаъ исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морския». Это — путь накопления знания, обогащения мысли, характерный для Руси вплоть до XVIII столетия. Но это — и путь книжника последующих веков. Забелин всю жизнь оставался страстным неутомимым книголюбом. Рано стал собирать книги. И в завещании сам написал, что по каталогу книг его библиотеки можно «составить проспект, по которому или при котором шло развитие» его «познаний» и его «научных интересов»⁶.

К Древней Руси ведут истоки и другого обычая расширения круга знаний и впечатлений — пеших походов для изучения по пути монастырей, сел и городов, курганов, старинных построек, памятников искусства, природных особенностей (это напоминает о другом знаменитом тверитине по рождению — об Афанасии Никитине). Забелин совершал обычно такие походы с кем-либо из друзей, в молодые годы прежде всего с Д.А. Ровинским — ставшим знаменитым юристом и искусствоведом, великим знатоком лубка, т.е. опять-таки вида изобразительного искусства и литературы, типичного для народного обихода. А.Ф. Кони так определил значение «походов» для становления Ровинского-ученого: «Народная жизнь во всех ее проявлениях его интересовала чрезвычайно. В течение многих лет он предпринимал большие пешеходные странствования по проселочным дорогам центральной и восточной России, прислушиваясь и приглядываясь»⁷. Небезлюбопытно, что первый печатный труд Забелина — «Несколько слов о богомольных царских походах».

Школой познания и воспитания мысли становилось для Забелина и общение с выдающимися и более образованными людьми — и со старшими, и со сверстниками. И опять как у Даниила Заточника: «Лепше слышати прение умных, нижели наказания безумных. Дай бо премудрому вину, премудрие будеть». В начале его пути в науку, когда он был зачислен канцелярским служителем в Оружейную палату, Забелин был уже замечен и профессором И.М. Снегиревым (тогда виднейшим знатоком московских древностей, этнографом, фольклористом) и крупнейшим археологом П.М. Строевым. Особую роль сыграл Вадим Васильевич Пассек — человек светлой души, друг Герцена (на руках которого он и скончался в 1842 г.), ученый и популяризатор знаний, инициатор широкого ознакомления с описания-

ми памятников отечественной истории и культуры⁸. Пассек опубликовал в 1842 г. первую научную статью Забелина в редактируемых им «Прибавлениях к “Московским губернским ведомостям”».

Забелина — знатока отечественной истории, более близкого по общественно-историческим взглядам к славянофилам, чем к западникам, признавали и «учеником Грановского» — профессора всеобщей истории. Об этом писал и он сам, и его младшие современники. Ученичество в данном случае не следует понимать в буквальном смысле: обучение у такого-то профессора в высшем учебном заведении и написание исследования под его руководством, работа в той же отрасли знаний, в том же научно-методическом и идейном ключе (т.е. «школа» такого-то). Учатся ведь и у тех, кого лично не знают, и даже после смерти Учителя, знакомясь с его трудами. Формированию ученого много способствует знакомство с трудами и особенно личное общение с учеными и другого круга специальных интересов. Особое значение это имеет в молодые годы, когда не утрачена яркость восприятия личности и обнаруживается тяга к общению с «учителями жизни». Тимофей Николаевич Грановский, как известно и о чем писал сам Иван Егорович, не раз заинтересованно беседовал с ним в домашней обстановке, за обеденным столом, откровенно говорил с ним не только на темы науки, но и о декабристах, о людях своего поколения. Видимо, для знаменитого профессора, кумира московской интеллигенции, и его супруги были внутренне важны общения с Забелиным, человеком иного круга, восприятие им заветных для них мыслей, что нельзя не подчеркнуть. Для Забелина же это было своеобразным университетом, тем более что он слушал лекции Грановского, которые тот читал небольшому кругу лиц на дому у молодого купца К.Т. Солдатенкова (столь много сделавшего для роста просвещения и здравоохранения).

Общение с Грановским облегчило Забелину вхождение в среду московской интеллигентской элиты (в частности, в кружок лиц, близких еще с Н.В. Станкевичем), что тоже стало своеобразной «школой» — помогало развитию склонности к размышлениям о связи времен и особенностях пути исторического развития народов, ознакомлению хотя бы в общих чертах с написанным в России и на Западе. Это помогало совершенствованию ассоциативного мышления, обогащению литературного языка, стилистики его (а тогда — напомним о «Былом и думам» Герцена — беседа формировала язык художественной и публицистической литературы не в меньшей мере, чем письменность), его нравственному образованию. Это же определяло в собственных глазах место в ряду современных ученых и общественных деятелей, или, точнее сказать, то место, которое ему хотелось занимать.

И образованных бар-литераторов, и профессоров тоже привлекала незаурядность даровитого простолюдина. И.С. Тургенев уже в 1852 г. писал Аксаковым (суждения которых во многом формировали общественное мнение Москвы): «Много говорил с Забелиным, который мне очень понравился: светлый русский ум и живая ясность взгляда. Он водил меня по московским древностям»⁹.

Однако Забелин, можно думать, чувствовал себя не совсем в своей тарелке в таком окружении. И любопытно, что особой душевной симпатией его пользовался Михаил Семенович Щепкин — тоже выходец из низов, добившийся благодаря великому таланту и трудолюбию естественного вхождения в среду образованных аристократов. И когда Забелин выбирал первую свою квартиру, он поселился ря-

дом с домом Щепкина. Щепкин не стал баринем, и в его гостеприимном доме (где зародился обычай «капустников») Забелин чувствовал себя проще и уютнее, чем в наследственных особняках.

Вообще своеобразная фигура Забелина, по воспитанию и по жизненному укладу, бытовым привычкам всегда остававшегося близким к московскому мещанству и купечеству, не вполне соответствовала образу жизни московской профессорской среды. И даже став московской знаменитостью и вполне обеспеченным материально человеком, будучи историографом Москвы, встречаясь с самыми высокопоставленными лицами (что он с гордостью помечал в дневнике) и с теми, кто пользовался широчайшей известностью (пример тому — Лев Толстой, обращавшийся к консультациям историка), Забелин стоял как бы особняком. И Исторический музей, где он и работал, и имел квартиру, оставался своеобразным домом-крепостью: там щедро одаривали научными консультациями, не допуская, однако, к уюту домашнего очага.

В данном плане следует подчеркнуть, что культура верхов московской интеллигенции, в лоне которой развивался ум и укрепился талант Забелина, хотя и была сильно европеизированной по форме, но являлась прежде всего сферой именно русской культуры. Многим представителям этой культуры было в высшей степени свойственно ощущение, ясно выраженное еще в 1830 г. Пушкиным: «Два чувства дивно близки нам — / В них обретает сердце пищу — / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам». 1830–1840-е гг. — время особого общественного интереса к истории, и прежде всего к отечественной истории. Историографом в последние годы жизни готовился стать Пушкин. В.Г. Белинский писал в 1841 г.: «Век наш — по преимуществу исторический век... Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии»¹⁰. А.И. Герцен вспоминал об этих годах: «Часть молодежи бросилась на глубокое и серьезное изучение русской истории»¹¹. Начинается деятельность ученых обществ, издаются научные труды о народных обычаях, существенно расширяется представление об источниках познания прошлого: ими признают не только письменные и высокохудожественные памятники материальной культуры и мемориалы, но и более широкий круг словесных и вещественных источников и тех, которые станут затем называть этнографическими.

Для лучших русских интеллигентов любовь к отчизне была и болью за отчизну. И западники, и славянофилы осознали мерзость крепостного права и полагали своей задачей помочь России избавиться от него. Убеденным противником крепостничества, дворянских привилегий, сословного угнетения был и молодой Забелин. Но ему — простолюдину, познавшему с детских лет унижение и бедность, естественно, не могло быть присуще чувство вины перед народом и ответственности за насилия, чинимые поколениями предков, обусловившие жертвенность части дворянской интеллигенции — от декабристов до революционных деятелей начала XX в.

Образованные интеллигенты, знакомившиеся с литературой, малодоступной для недостаточно владевшего иностранными языками Забелина, могли сравни-

вать в деталях прошлое и настоящее своей страны и других стран, размышлять в сопоставительном плане об особенностях нашего и их общественного сознания, философской мысли, о путях преобразований и цене преобразований — революционных и эволюционных. То были годы исканий истины, мучительных раздумий, страстных споров, и атмосфера эта оказала заметное влияние на развитие исторических (или, точнее сказать, социологических) взглядов Забелина, причем в своеобразном эклектическом сочетании элементов воззрений и славянофилов, и западников. И надо отметить, что умный и очень самолюбивый Забелин сразу понял, что при отсутствии соответствующего образования и общетеоретической подготовки ему не следует публично выступать по вопросам теории общественного развития или методологии исторического знания. Мысли такого рода он первоначально доверял лишь дневнику. И только позднее, обретя высокое научное имя, позволил себе в 1863 г. напечатать рассуждения о ходе исторического процесса в России и его понимании учеными и публицистами.

Забелин вступил на путь исследователя тогда, когда наблюдался поворот общественного сознания в отношении памятников истории и культуры допетровской Руси, что особенно явственно прослеживается со второй половины 1830-х гг.¹² Осознавалась уже и необходимость монографического изучения отдельных сфер прошлого. Это четко выразил М.П. Погодин, противопоставляя в 1838 г. современных ему историков Н.М. Карамзину. Он писал: «Нам надо отказаться от огромных предприятий, теперь пора разделения труда, по правилу политической экономии, пора монографий, — пусть один обрабатывает право, другой — войско, третий — промышленность, города и пр.»¹³. По существу, это развитие мысли того же Карамзина из знаменитого «Предисловия» к его «Истории государства Российского». Карамзин полагал необходимым изобразить «все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность... что уважалось предками», «представить характер времени»¹⁴.

И зря высказывают недоумение по поводу того, что Забелин писал об особом влиянии на него именно первого тома «Истории» Карамзина. В этом томе не только «Предисловие», где утверждается, что «малейшая черта древности дает повод к соображениям», но и данные «об источниках Российской истории до XVII века», среди которых отмечены, помимо основных для Карамзина, письменных, древние монеты, медали, сказки, песни, пословицы. Там особые главы «О физическом и нравственном характере славян» и «О состоянии древней России» (главы III и X). Карамзин отнюдь не сводил российскую историю к истории государственности, как нередко утверждают. Но он, уважая свой труд, писал прежде всего о том, что мог подтвердить материалом источников. Для изображения быта, «состава гражданского бытия» XV–XVII столетий источники в начале XIX в. лишь начинали выявлять — Россия не знала тогда ни этнографии, ни археологии, ни дипломатики, ни истории фольклора, лексикологии; только зарождалась идея археографических экспедиций; неведомы были многие сочинения иностранцев, изображавших жизнь современных им россиян...

Именно «Историей» Карамзина был указан путь к изучению местной истории, истории быта, народной жизни. Это хорошо почувствовал один из предтеч Забелина этнограф, фольклорист, краевед И.П. Сахаров — автор изданных еще в 1830-е гг.

«Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков», когда писал, что, «долго и много читая» Карамзина, еще в годы семинарского учения в Туле, понял, что местная история не может быть только государственно-политической, а должна быть «частной», описывающей быт граждан¹⁵.

Забелин, в гораздо большей степени, чем Н.А. Полевой, — продолжатель традиции Карамзина в изучении этой сферы российской истории. Тогда, когда он, начав с «частностей», проверив свои силы исследователя и убедившись в интересе к его сочинениям и ученых, и широкой публики, стал регулярно печатать в «Отечественных записках» статьи о «домашнем быте русских царей прежнего времени» (т.е. с начала 1850-х гг.), наука ожидала такой труд, а публика оказалась подготовленной к его восприятию. Уже ощущались результаты деятельности статистических комитетов, Археологической комиссии, Русского географического и Русского археологического обществ, знакомства с добавлениями к губернским ведомостям, с трудами по истории русского языка и фольклора, народных обычаев, с публикациями актов о быте народа в XVI–XVII вв.

Но именно Забелин первым столь многосторонне охватил комплекс материалов, которые связываются с тем, что называют ныне повседневностью прошлых эпох. И он же особенно убежденно отстаивал мысль, что жизнь народа — важнейший объект исторического изучения, а сам народ, народный «организм», и есть главный субъект истории. Историей народа он считал и события революционные, и сражения. А основной ячейкой жизни народа ему мыслилась семья, что на самом деле всегда было, есть и будет. И именно потому, что это само собой разумелось, изучение «обычной» жизни «обычного» человека (теперь его нередко называют «рядовым человеком») долго казалось — при особом внимании к государственным деяниям и «избранным» историческим личностям — темой, недостойной историка (и забывали, что ведь «отец истории» Геродот, по существу, был родоначальником и этнографии, т.е. науки, изучающей бытовые и культурные особенности народов).

Соображения, кажущиеся особенно существенными Забелину и действительно очень важные для понимания его исторических взглядов, сформулированы в предисловии к третьему изданию главного труда его жизни «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии»: «...домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни, общественной и политической или государственной. Это в собственном смысле историческая природа человека, столько же сильная и столько же разнообразная в своих действиях и явлениях, как и природа его физического существования. Ее естественная, непосредственная сила не раз обнаруживалась и постоянно обнаруживается во всех случаях, когда думают действовать на нее путем внешнего, механического принуждения. Государственные и административные реформы, политические опыты в перестройке народного быта никогда не удавались, если в них не было ничего сродного и соответственного требованиям и потребностям этой природы. ...Наша история представляет собой самое убедительное доказательство необыкновенной силы и живучести непосредственных народных элементов жизни и даже самых форм, в которых эти элементы выразились»¹⁶.

Народ для Забелина — все общество, сверху (от царя, «господаря», господина) донизу. Внутри общества Забелин выделял народные «типы», стараясь показать общее (в образе жизни и мысли), что свойственно всем и позволяет говорить о «народном» духе, и особенное.

Забелин изучал жизнь народа периода до петровских преобразований, когда произошло быстрое отчуждение верхов общества (ставших по-иностранному цивилизованными) и остального общества — по существу, именно с тех пор и допустимо рассуждать о двух культурах в одноязычной культуре одного народа. До того и обычаи каждодневности, и язык устной и письменной речи — и богатых, и знатных, и бедных простолюдинов — были общими для всех и понятными всем (а уже через сто с небольшим лет пушкинская Татьяна, «русская душою», писала любовное признание по-французски, а Грибоедов опасался, чтобы московских бар «умный бодрый наш народ» по языку «не считал за немцев»). И Забелин, описывая жизнь царей и цариц, начал последовательное изучение отнюдь не царского обихода только, а жизни всего народа — обычаев, распространенных в той или иной мере во всех слоях общества. Начал с изучения быта той сферы общества, быт которой особенно полно и всесторонне отражен в источниках и тем самым позволяет типизировать общее и особенное в бытовой истории. Затем он постарается изучить быт вотчинника-боярина XVII в., быт горожан московского посада.

Для Забелина государство неотторжимо от народа («Каково государство, таков и народ, и каков народ, таково и государство»), но в истории народа он отнюдь не считает возможным уделять преимущественное внимание истории государственных институтов власти и государственно-политических деяний. И в этом его существенное отличие от другого великого историка, тоже родившегося в 1820 г., убежденного «государственника» С.М. Соловьева. Забелин мальчиком, по его воспоминаниям, выделил для себя первый том «Истории» Карамзина — почти безличностный, не богатый яркими государственными деяниями. Соловьев же вспоминал: «...действовал во мне отроческий патриотизм: любил я особенно времена счастливые, славные для России; взявши, бывало, девятый том, я нехотя читаю первые главы и стремлюсь к любимой странице, где на полях стоит “Славная осада Пскова”»¹⁷. «Отроческий же патриотизм» Забелина рано выразился, видимо, в том, что он посчитал достойным внимания потомков и дела негромкие, чувствуя, что именно они — основа жизни народа и существования государства.

Очень рано (вероятно, еще юношей, приступившим к работе в Оружейной палате) он осознал и значение архивных (а затем и археологических) изысканий, первоначальных научных описаний и документальных публикаций как фундамента общих суждений и условия проверки степени основательности таких построений. И в 1871 г. он, не без мысли об уничтожении паче гордости, писал: «Сознание того, что я делаю прочное дело, что я кладу те неуклюжие, но твердые камни, которые хотя и будут скрыты глубоко в земле, но составят основание будущему зданию, такое только сознание и может двигать человека на упорный, медленный и неблагодарный, черный, первичный труд, настоящая истинная оценка которого большею частью лежит в будущем, когда выстроится все здание»¹⁸. Забелин, как все подлин-ные мастера науки, очень ценил свое владение «ремеслом» историка.

Признание его высокого авторитета «археолога» предопределило привлечение именно Забелина и к работе в области археологии древностей, и к исследованию истории Москвы с древнейших времен до близкого к нему времени, и к публикациям архивных материалов (словом «археолог» тогда обозначали и тех, кого и поныне называют так, и собственно археографов¹⁹). Вклад Забелина в эти сферы исторической науки очень весом, и существенно то, что он не только ввел в научный оборот множество новых исторических источников, но и выступил новатором в методике и археологических исследований, и трудов по истории города. Об этом написано немало; тема же «Забелин-археограф» заслуживает гораздо большего внимания историков археографии.

Не определено пока должным образом и значение того, что им сделано в области источниковедения. А ведь он был едва ли не первым крупным историком, который использовал на равных в своих трудах разные типы источников — словесные (причем и разговорный язык, и фольклор, и памятники письменности), вещественные в большом их многообразии, изобразительные, поведенческие (т.е. те, которые обычно являются объектом изучения этнографов). Более того, Забелин показал своими трудами, какое большое значение для исторических построений имеют наблюдения над явлениями природы, учет их при выяснении исторических фактов. Приемы работы Забелина (хотя он сам не был склонен к чрезмерному теоретизированию и во многом оставался эмпириком) можно отнести к той области научного знания, которую теперь называем комплексным источниковедением. Он во многом предтеча ученых второй половины XX в., в частности источниковедческой методики работ о древних городах М.Н. Тихомирова, научная жизнь которого тоже близко связана с Историческим музеем.

В определенной мере Забелин был предшественником и тех, кто обращал внимание на то, что ныне называем исторической психологией. И можно полагать, что внимание, с которым отнеслись читатели к трудам Забелина, было одной из побудительных причин для В.О. Ключевского выделить особо такие аспекты общественной жизни в знаменитом «Курсе русской истории» — после сочинений Забелина (а также Н.И. Костомарова, А.П. Щапова) невозможно было ограничиваться руслом проблематики, характерной для «Истории» С.М. Соловьева.

Забелин во многом выступил как новатор. Быть может, смелость ему придавало то, что он не был придавлен грузом уже общепринятого, выученного, должностящего быть повторенным. И разве не об этом писал великий методолог истории начала нашего века А.С. Лаппо-Данилевский в некрологе Забелина, когда отмечал, что Забелин «не прошел строгой научной школы; но вместе с тем не связанный ни учеными традициями, ни какой-либо новой доктриной, но с тем большей свободой мог отдаться исследованию» избранной им области русской истории²⁰. И другой академик поколения Лаппо-Данилевского, близко знавший Забелина, постоянно общаясь с ним более 15 лет в Историческом музее, М.Н. Сперанский писал, характеризуя его как «глубоко бытового историка», о «талантливой, громадной и в то же время самобытной эрудиции» Забелина и его «точных, ясных, жизненно правдивых, неизбежных выводах из большой работы мысли и столь же большого материала». Сперанский подчеркивает, что Забелин — «большой художник-изобразитель», «не владевший, как известно, достаточным знани-

ем иноземных языков, подобно русскому человеку XVI–XVII вв., сумел с лихвой возместить этот недочет своего образования, вдумываясь, вчитываясь в памятники старинной речи, сумел настолько с нею освоиться, что прекрасным своеобразным чистым русским языком изображал сложные явления, не боясь кажущейся скудости слов и выражений, и в то же время достигал... художественной красочности и изобразительности»²¹.

Некоторые формулировки Забелина ученого характера могут показаться несколько наивными рядом с философствованием современных ему историков-социологов, но суждения его всегда основательны, понятны читателю, художественно выразительны, а для специалиста становятся школой умения познать целое по частностям.

Забелин оставался далек и от социологического схематизма, и от тонкостей общефилософских концепций. Но он обладал замечательной прирожденной способностью видеть выявленные им факты в определенной системе. Его соображения опирались на здравый смысл, вековой опыт практики общественных отношений (и, в частности, взаимоотношений отдельной личности и власти) и множественность конкретных наблюдений.

В наши дни стало очевидным значение исследования каждодневной жизни, ее обихода («структуры повседневности», по определению Ф. Броделя) в познании хода исторического процесса. Особенности и изменения каждодневности зачастую в большей мере характеризуют лицо цивилизации, чем классовые антагонизмы. И труды Забелина во многом отвечают интересам сегодняшнего дня науки.

Это не означает, конечно, что научный уровень его трудов соответствует современным требованиям: наука со времени их появления прошла немалый путь, источниковая база существенно обогатилась, и методика исследования усовершенствовалась. В работах его встречаются и ошибочные утверждения (особенно о менее ему знакомом периоде истории Древней Руси, где обнаруживается нечто, граничащее с дилетантизмом). Но в целом место Забелина среди корифеев отечественной и мировой науки XIX столетия представляется гораздо более высоким, чем казалось еще несколько десятилетий назад, — и не только как знатока памятников материальной культуры, археолога и археографа, но прежде всего как историка народа, его быта.

Забелин в молодые годы склонен был участвовать в беседах и спорах и отнюдь не все время проводил за письменным столом (что, кстати, учитывая большую научную продуктивность его, свидетельствует о высокой организованности, культуре научного и литературного труда). А стариком, став «хозяином» Исторического музея (как его шуточно именовали там), чувствовал потребность в беседе в конце рабочего дня с молодыми сотрудниками музея (их называли «забелинскими молодцами») о «музейских делах или научных вопросах, связанных с ними»²². Забелин ощущал потребность и в обращении к широкому кругу читателей, тем более что, несмотря на свои огромные познания и покорявшую многих образную речь, был лишен возможности (видимо, из-за отсутствия университетского диплома) стать профессором. Он постоянно писал для журналов, рассчитанных на широкую публику (в том числе таких, как «Журнал садоводства», «Журнал охоты», «Детский отдых»), даже для газет, был одним из виднейших историков-просветителей.

Не только научные, но и просветительские задачи стояли, по мнению Забелина, перед Историческим музеем. Забелин видел в нем прежде всего музей истории народной жизни. В издании «Памяти Ивана Егоровича Забелина» помещено факсимиле его автографа: «Исторический музей не есть музей редкостей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т.е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок минувшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей». Замечательный знаток материалов Оружейной палаты, он понимал, что музей редкостей уже есть в Москве. И нужно создавать музей о народе и для народа. Хотя по политическим воззрениям Забелин был (или, точнее сказать, стал к концу жизни) монархистом, он прежде всего — народолобец. Исторический музей для него «вещественный выразитель и изобразитель тысячелетней истории русского народа во всех ее видоизменениях и бытовых положениях»²³.

Справедливо и символично, что научная конференция, посвященная Ивану Егоровичу Забелину, организована Историческим музеем и проходит в его залах. Около четверти века имена Забелина и Исторического музея казались современникам неотделимыми друг от друга. Забелин был научным руководителем музея; он формировал его научный коллектив, с самого начала привлекая к работе молодых по возрасту, но уже выдающихся ученых. Здесь он жил и работал. Музею завещаны его архив, библиотека, коллекции. В написанном в 1905 г. завещании «Заветы Ивана Егоровича Забелина» указывается: «Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марью Ивановну Забелину и Императорский российский Исторический музей... Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки»²⁴.

Усилиями дочери историка и сотрудников Исторического музея были изданы (или переизданы) его научные труды, описаны его собрание рукописей, его личный архив, включающий много писем — как он сам выразился, «от разных более или менее известных лиц», его библиотека. Не все пожелания, однако, высказанные в «Заветах», осуществлены. Не подготовлен даже к печати отдельной книгой (или книгами) сборник документов «Иван Егорович Забелин в письмах к нему от разных лиц», а такое издание смогло бы стать ценным источником познания истории общественной жизни и культуры России XIX – начала XX в. Не собраны воедино и мелкие статьи (а ученый надеялся и на такое издание), как продолжение «Опытов изучения русских древностей и истории», напечатанных в 1872–1873 гг. Не стал достоянием общественности и каталог библиотеки Забелина. Вероятно, волю ученого могли бы осуществить в Государственной публичной исторической библиотеке России, куда в конце концов поступил этот книжный фонд.

В Историческом музее происходили в 1920-е гг. заседания общества «Старая Москва», где не раз напоминали о научных заслугах Забелина и делились воспоминаниями об этом своеобразном человеке²⁵. И именно в Историческом музее, когда обстоятельства позволили, старались возродить память о Забелине, преданную было нигилистической критике, если не поруганию, в окружении М.Н. Покровского: напомним статью о Забелине в 25-м томе первого издания «Большой советской энциклопедии» (опущенную, кстати, в библиографическом указателе 1988 г.). Том

был сдан в производство в 1931 г., когда отдел народов СССР возглавляла в БСЭ М.В. Нечкина. В том же 1931 г. утратил свое имя и Забелинский проезд — проезд между зданием Исторического музея и Кремлевской стеной; его стали именовать «Кремлевским».

Память о Забелине вернули народу в годы Великой Отечественной войны, когда начали вспоминать о жизненном подвиге «великих предков». Думается, что, так сказать, официальное изменение отношения к творчеству Забелина стало обнаруживаться еще в предвоенные годы. Пример тому — книга Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (изданная в 1941 г.), где о Забелине написано совсем не в том тоне, что в статье БСЭ 1931 г. Вероятно, имела значение не только критика взглядов Покровского и его школы, но и то, что с благословения властей начали работу по подготовке академической «Истории Москвы», к которой привлекли и ученых, связанных еще с обществом «Старая Москва». А в историографии прошлого Москвы заслуги Забелина трудно было умалить. И первая статья о возвращенном как бы широкому читателю Забелине называлась «Историограф великого города — И.Е. Забелин (1820–1908)». Напечатали ее в книге 3/4 «Исторического журнала» за 1943 г. Небезлюбопытно, что автором ее был видный педагог-методист, ветеран школьного краеведения Е.А. Звягинцев, которому — по всей его многолетней предыдущей деятельности — особенно близким казался интерес Забелина к изучению повседневности, народного быта.

В августе 1943 г. на юбилейной сессии Ученого совета ГИМ в связи с 60-летием музея в докладе Н.Л. Рубинштейна «Русская историческая наука во второй половине XIX в. и организация Исторического музея» главное внимание было уделено Забелину, его роли в создании музея²⁶.

28 ноября 1945 г. Ученый совет ГИМ отметил 125-летие со дня рождения Забелина. Заседание открыла директор музея А.С. Карпова, а основными докладчиками были профессора Н.Л. Рубинштейн («Исторические труды И.Е. Забелина») и А.В. Арциховский («И.Е. Забелин и русская археология»). Доклад Арциховского стал основой статьи, напечатанной в 1948 г. Рубинштейн первым стал изучать творческое наследие ученого по архивным материалам (хранящимся в ГИМ), привлек внимание к его дневниковым записям. Статьи Рубинштейна о Забелине были опубликованы уже посмертно — в 1965 г. с предисловием профессора С.С. Дмитриева и в 1970 г. в «Ежегоднике Государственного Исторического музея». Рубинштейн же подготовил к печати неопубликованную часть исследования Забелина о Москве.

В 1961 г. имя Забелина снова появилось в названии московской улицы — так назвали большой переулок близ Государственной публичной исторической библиотеки России. К темам «Забелин-историк», «Забелин и общественные деятели и ученые его времени» стали обращаться все чаще, в том числе и мои ученики по Московскому историко-архивному институту. В 1984 г. вышла из печати и первая исследовательского характера книга о Забелине, написанная известным археологом и историком культуры А.А. Формозовым, — «Историк Москвы И.Е. Забелин», предисловие к которой было доверено написать мне. Хотя книга по манере изложения доступна самому широкому читателю, она основана на изучении многообразного архивного и печатного материала (что отражено и в примечаниях). В 1988 г. отдельной книжкой издан подготовленный О.Ф. Бойковой библиографи-

ческий указатель «Иван Егорович Забелин», включающий перечень трудов более полный (и — что тоже существенно — с указанием страниц сравнительно со «Списком печатных трудов», составленным К.С. Кузьминским и изданным Историческим музеем в 1911 г.). В издании 1988 г. приведена литература последних десятилетий о Забелине, свидетельствующая о все возрастающем интересе к его творчеству и к его своеобразной личности. Сейчас переиздаются главные труды ученого и — под редакцией профессора А.Н. Сахарова — давно готовившийся к публикации труд о московском посаде; появляются в печати новые статьи. И только радует, что изданный совсем недавно библиографический указатель трудов Забелина и о Забелине начинает уже устаревать.

Пусть же скорее наступит час, когда можно будет открыть залы Исторического музея посетителям и их будет встречать любимый самим Иваном Егоровичем портрет работы В.А. Серова. Полагаю, что именно портретам А.С. Уварова и И.Е. Забелина место в вестибюле музея. Далее, по стенам лестницы, ведущей на второй этаж, хорошо было бы видеть портреты тех, кто составил гордость музея и нашей культуры за годы более чем столетнего плодотворного служения музею делу науки и просвещения народа. А периодические Забелинские чтения пусть станут визитной карточкой научной работы музея и его связи с отечественной наукой!

¹ Литература указана в изд.: Иван Егорович Забелин. Библиографический указатель. М., 1988. С. 53–57.

² Щепкин В.Н. Иван Егорович Забелин как историк русского искусства. М., 1912. С. 3; Он же // Памяти Ивана Егоровича Забелина. М., 1911. С. 19.

³ Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры. М., 1952. С. 190.

⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях [: В 2 кн.]. М., 1990. Кн. 1. С. 37–38.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Памяти Ивана Егоровича Забелина. С. 3.

⁷ Статья «Ровинский Дмитрий Александрович» в «Энциклопедическом словаре, издаваемом Брокгаузом и Ефроном». СПб., 1899. Т. 52. С. 871.

⁸ См.: Новохатский К.Е. «Мне хочется быть лектором русской истории» // Памятники Отечества. 1989. № 1 (19). С. 61–66; Он же. «Прошедшее в настоящем...» Пассек Вадим Васильевич. 1808–1842 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 61–76.

⁹ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 59.

¹⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 6. С. 90.

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 161.

¹² Шмидт С.О. А.С. Пушкин о «Слове о полку Игореве» // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 172–174; Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд. М., 1990. С. 45 и след.

¹³ Погодин М.П. О местничестве // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3. С. 269.

¹⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского [Репринт изд. 1842–1844 гг.]: В 4 кн. М., 1988. Кн. 1. С. XIII.

¹⁵ Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского [Репринт изд. 1842–1844 гг.]. Кн. 4. С. 34–35.

¹⁶ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. С. 36.

¹⁷ Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 231–232.

¹⁸ Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей в истории [: В 2 ч.]. М., 1872. Ч. 1. С. 356 (ст. «Математический метод в истории»).

¹⁹ Об этом см.: Валк С.Н. Судьбы «археографии» // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1961 год. М., 1962. С. 457 и след.

²⁰ Лаппо-Данилевский А.С. И.Е. Забелин // Изв. Академии наук. Сер. 6. 1909. № 2. С. 123.

²¹ Цит. по: Филимонов С.Б. Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 274, 277–278.

²² Там же. С. 274.

²³ Цит. по: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. С. 179.

²⁴ Памяти Ивана Егоровича Забелина. С. 5.

²⁵ Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989 (указания на с. 154).

²⁶ Закс А.Б. Н.Л. Рубинштейн во главе научной работы Государственного исторического музея (1943–1949 гг.) (по материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 126.

КЛЮЧЕВСКИЙ И КУЛЬТУРА РОССИИ

Василий Осипович Ключевский — порождение культуры России, ее исследователь и творец, ее гордость.

Великий историк, ученый и педагог, классик русской прозы, мастер ораторского искусства и устной беседы, слава Московского университета и Московской духовной академии, всей Москвы и всей России, Ключевский единственный, кто был избран в Академию наук и ординарным академиком Историко-филологического отделения (в 1900 г.), и почетным академиком по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности (в 1908 г.).

Из трех богатырей российской науки истории в XIX в. (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) младший оставался неизменно популярным на протяжении и почти всего следующего XX столетия. Широкий интерес к прошлому нашего Отечества, возбужденный в начале XIX в. книгами «Истории государства Российского» Карамзина, стал с тех пор данностью бытия российской интеллигенции; и на рубеже XIX и XX столетий, стараясь объяснить настоящее прошлым, обращались прежде всего к «Курсу русской истории» Ключевского.

Тема «Ключевский и культура России» подразумевает разные аспекты: восприятие Ключевским культуры России, изучение им культуры России, вклад Ключевского в развитие этой культуры, включение Ключевского (и сочинений его, и личности) в представления других (и современников его, и потомков) о культуре России и т.д. В кратком выступлении допустимо ограничиться лишь постановкой некоторых вопросов в плане этой многообразной проблематики.

Ключевский был истинно русским человеком не только по воспитанию и манере поведения, но и по вкусам своим и образу мыслей. Это не означает, однако, что он довольствовался элементами культуры только русского происхождения. Как и другие российские интеллигенты той поры, он был европейски образо-

ван, знаком и с культурой зарубежной и воспринимал культуру России как часть мировой культуры, а православие как религию, объединяющую человечество, говорящее на многих языках. Ключевский еще в молодые годы заинтересованно старался узнать сам и поведать другим о том, что знали иностранцы о России в допетровский период (тема его первой книги), и включить данные о России в издание перевода популярной книги «для чтения в школе и дома» по истории общественного и частного быта Европы. А затем все в большей мере становится свидетелем возрастающего вклада россиян в мировую культуру — в развитие литературы и искусств, в совершенствование научных знаний и признания всемирно-исторических заслуг его соотечественников. (Хотя даже в канун кончины Ключевского в популярнейшем на всех пяти континентах французском однотомном словаре Ларусса «*Dictionnaire complet illustré*», так называемом «Малом Ларуссе», поместили из наших соотечественников портреты только императоров Петра I, Екатерины II и всех царствовавших в XIX – начале XX в., полководца Суворова, писателя Тургенева и музыканта Антона Рубинштейна.)

Для формирования мировидения Ключевского, основ его общественных воззрений и эстетических представлений особое значение имела пензенская юность, приобщившая его с детских лет к корневой народной культуре. Ключевский рано освоил запечатленные еще в фольклоре понятия о взаимосвязи природы и общества, обычаи общежития и просторечие сельских жителей и мещанства, духовенства и чиновничества. Эти впечатления сызмальства остро наблюдательного и приметливого Ключевского обусловили «глубокое знакомство с великорусским бытом, живую стихию народности», которые в Ключевском-историке особенно высоко ценил историк С.Ф. Платонов, ибо, по мнению младшего современника Ключевского, «понять старую русскую жизнь» в ее конкретности, избегая надуманного юридического схематизма, может только тот, кто «знаком с современным народным бытом»¹.

Литературовед Н.К. Пиксанов для книги 1928 г. «Областные культурные гнезда» — одного из самых значительных изданий «золотого десятилетия» нашего краеведения — эпиграфом избрал слова Гёте: «*Wer den Dichter will verstehen, / Muss in Dichters Lande gehen*» (Кто хочет понять писателя (автора), должен идти в землю его обитания (рождения)). С разгромом краеведения на рубеже 1920–1930-х гг. и сознательным устранением с магистрального пути развития гуманитарных наук ученых-краеведов постарались отступить и от «областного принципа в русском культуроведении» (именно этими словами начинается предисловие к книге Пиксанова) — тем самым отказались от последовательного изучения повседневности культурно-политической истории своего края и выявления примет типологии в историческом развитии той или иной местности, преимущественное внимание обращая на особо заметных деятелей всероссийского масштаба и на связи с провинцией выдающихся людей, постоянным местом пребывания которых были Москва или Петербург.

Пензенский край в средней части европейской черноземной России — это и достижения трудолюбия земледельцев, и крепостническое землевладение, устные предания о восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева и расправах с помещиками, и средоточие усадебной культуры, воспоминания об опальном реформаторе Сперанском и атмосфера ожидания отмены ненавистного всему передовому крепостного права. Здесь Ключевский ознакомился и с ис-

кони бытовавшей на Руси церковно-учительской литературой, и с основными элементами схоластической образованности, смог на практике ощутить и достоинства, и недостатки распространенных приемов обучения и воспитания. Как установлено теперь В.П. Козловым, основная масса рукописных и старопечатных книг находилась в первой половине XIX в. в среде низшего и среднего слоев провинциального общества. В Пензе было немало напоминаний и о родившихся или обитавших здесь классиках новой русской литературы.

Американский историк Р. Берне в статье 1989 г. подчеркивал, что именно «под сенью колоколов» Пензы «Ключевский получил то первоначальное образование и набор жизненных впечатлений, которые определили его характер, направленность умственных интересов, демократизм взглядов»². В выводах своих Берне лишь в малой мере опирается на труды пензенских авторов последних лет. А труды эти — книги, статьи, документальные публикации, в том числе о жизни старших современников Ключевского И.Н. Ульянова и В.Х. Хохрякова, — существенно расширяют круг наших конкретных знаний о социокультурной атмосфере в Пензе середины прошлого века. Узнаем и о том, что для улицы Поповки, где обитали священнослужители — родственники Ключевского по матери — и поселилась, овдовев, она сама с маленькими детьми, характерным было не только цветение садов, но и книги в домах, и среди них классические сочинения русской и зарубежной художественной и исторической литературы. Молодые поповичи обсуждали и новинки журнальной публицистики.

Это в совокупности с данными о других регионах России первого пореформенного десятилетия позволяет сделать и более обобщающего плана наблюдение о культуре российской провинции, побуждающее отказаться от категоричности некоторых расхожих мнений, основанных на восприятии образности художественной литературы без учета степени метафоричности обличительного стиля ее. Хотя выявлено в архивах множество фактов, убеждающих в дикой жестокости и диком же бескультурье помещиков-крепостников (вспомним и пушкинское определение — «барство дикое»), не следует забывать о том, что «недоросль» Митрофанушка был ровесником и Карамзина, и тех, в чьих семьях выросли будущие герои «Евгения Онегина» и «Войны и мира». В серьезных научных трудах не должно ограничиваться тенденциозно одноцветным изображением провинциальных помещиков последней четверти XVIII в. лишь как Скотининых и Простаковых; как и во второй четверти XIX в. не все походили на героев гоголевских «Мертвых душ». Также следует отказаться и от однолинейности в характеристиках городского духовенства и семинарского образования середины XIX в. Конечно, очень многое соответствовало изображению бурсы Помяловским и другими художниками слова и мемуаристами, но нельзя упускать из виду то, что в духовных учебных заведениях преподавали также даровитые просвещенные педагоги и ученые; и из среды семинаристов и вообще духовенства вышло немало властителей дум пореформенной России — публицистов, авторов популярных и поныне художественных произведений, ученых и педагогов, известных общественных деятелей.

Склонность Ключевского к писательству, афористическому выражению мыслей, беллетризованному философствованию, так явственно обнаруживаемым в его первых московских дневниковых записях и письмах в Пензу, формировалась,

конечно, еще прежде. Из Пензы в Москву он приехал достаточно начитанным в литературе прежних лет, с высоко развитой уже ассоциативностью мышления, с определенным навыком тренировки памяти и приемов художественно-литературного письма, с опытом споров и обсуждений в восприимчивой к его размышлениям дружеской среде молодежи.

Пензенская юность не в меньшей мере, чем рано проявившиеся способности к литературно-художественному творчеству и к риторике (которую тогда уже воспринимали не только как науку о красноречии, но и как теорию прозы), предопределила уже в студенческие годы в Москве особую заинтересованность в изучении российской истории и литературы, древнерусского языка. Ключевский избрал для себя школу не одного великого университетского учителя, а двух — С.М. Соловьева и Ф.И. Буслаева. И вероятно, для ученика и его взаимодействия с учителем имело значение и то, что Соловьев был сыном священнослужителя, а Буслаев провел юные годы в родной Ключевскому Пензе.

Оба великих предшественника Ключевского — и Карамзин, и Соловьев — непосредственно, визуально воспринимали зарубежную культуру. Побывали прежде, чем приступить к созданию своих главных исторических трудов, в Западной Европе, воспитывались на сочинениях зарубежных мыслителей, которые читали обычно на языке оригинала, следили за зарубежной периодикой. Большинство профессоров Московского университета прошли и школу стажировки в зарубежных университетах. Ключевский не выезжал за границу, был человеком иной внешней среды и иного культурно-бытового обихода. Он не имел и навыков свободной речи на иностранных языках. А следовательно, и утрачивал в такой ситуации пленящую всех быстроту языкотворческой реакции на услышанное и увиденное, не мог оставаться блистательно остроумным и язвительным собеседником. Не потому ли, став уже всемирно знаменитым, Ключевский чурался московских профессорских гостиных, где русский и иностранные языки перемежались, и легче себя чувствовал среди профессоров Духовной академии?

Москва ко времени переезда туда Ключевского уже полтора столетия была — по определению Пушкина — «порфиноносной вдовой». Она в буквальном смысле слова была окружена провинцией, москвичи были тесно взаимосвязаны с провинциальной жизнью. Но в профессионально-интеллигентской среде уровень культуры в сфере наук, литературы, искусств был не ниже петербургского. И когда говорили о столичной литературе, столичной науке, то подразумевали литературу и науку Петербурга и Москвы. Внешними средоточиями сравнительно широкого распространения и восприятия явлений культуры и общественной жизни тогда — когда не знали еще ни радио, ни телевидения, ни даже телефона — были периодическая печать и места постоянных встреч: читальни, клубы, театры, рестораны и особенно гостиные и кабинеты в частных домах, где практиковались обязательные журфиксы, т.е. встречи в определенный — фиксированный день (не говоря уже о салонах просвещенных хозяек). Основной темой разговоров, если исключить политику, были явления гуманитарной сферы — тематика традиционная уже в течение почти столетия.

Попович, провинциал, не имевший в Москве родственных связей в культурной среде и возможности приобщиться к разговорной традиции дворянских гости-

ных — близкой и к традиции провинциальных усадебных дворянских гнезд, — так сказать, столичное обличье культуры мог воспринять сначала лишь в студенческой, шире — в университетской среде. А это был период, когда демонстративно старались отряхнуть прах унаследованного от умствования и вкусов второй четверти XIX в. Идеи и рассудочные приемы мыслительной деятельности позитивистов сменяли романтические по духу споры современников Герцена и героев ранних романов Гончарова и Тургенева, воспитанных немецкой классической философией и утопическими воззрениями, восходящими еще к веку Просвещения.

В молодежной среде пореформенных лет «модными» почитались идеи Базарова, героев «Что делать?» Чернышевского, статьи Писарева, зарубежных социалистов. И чуткий и впечатлительный ум даровитого юноши именно это должен был впитывать как новое, с акцентом столичности и импортных воздействий. Сердечность демонстративно вытесняется рассудочностью, сентиментализм, естественно совмещавший рационализм века Просвещения с обязательными идеалами высокой нравственности, снисходительно и насмешливо воспринимается как манерное сентиментальничанье, а романтизм с его возвышенностью представляется театрализованной позой. Отрицание «идеализма» «отцов» — лозунг нигилистически настроенных «детей». Закономерности развития природы пытаются распространить на общественную жизнь, а приемы и терминологию естественных наук ввести в сферу и общественных наук — отсюда характерное для историка Ключевского желание познать «анатомию» и «физиологию» общественного, исторического развития.

Этому после крушения государственно-политических замыслов Николая I сопутствовал отказ от имперских амбиций (характерных для образа мыслей людей пушкинской эпохи), ослабление внимания и уважения к истории государственности, и особенно к истории внешней политики, и возрастание интереса к «народному», к настоящему и прошлому основного населения России. Синхронность этнографических работ, организуемых Географическим обществом и статистическими комитетами, необычайного успеха драм из жизни третьего сословия А.Н. Островского, прихода в литературу поколения писателей-«народников», а в изобразительное искусство передвижников — не случайна. У людей жертвенного начала и не освободившихся от утопических надежд на скорое общественное переустройство и верящих в силу насильственного воздействия на общественное сознание это вылилось в идеи революционного «хождения в народ» и даже якобы очистительного для общества террора. Ключевский, человек замкнутого характера, не склонен был к участию в общественно возбуждающих действиях, да и сверстники его, чуя огромность и необычность его дарования, оберегали своего, научно столь перспективного, товарища и не втягивали его в свои не безопасные для будущности дела.

Ключевский рано распознал и утомительность ученого схематизма в объяснении исторических явлений и навязываемых политико-идеологических схем. Крепкая корневая, культурная (и, что существенно, вкусовая) основа, восходящая к пензенской юности, и понимание своей неподготовленности к плаванию в русле новомодных течений удержали самолюбивого и дальновидного студента от увлечения новаторскими тенденциями, сохранили его в сфере основательного гуманитар-

ного знания и даже верности традициям своих профессоров. Но на менталитет Ключевского как мыслителя, на приемы его подхода к явлениям и выработку шкалы оценок эти новомодные веяния не могли не оказать влияния. По литературно-художественному стилю своему и, видимо, вкусовым симпатиям он в русле культуры русской классической литературы предшествующего времени, как бы неоклассик, близкий тем, кто сформировался еще в первую половину века, но по самому строю своей мысли и оценочному подходу к явлениям до конца дней оставался человеком 1860-х гг. Существенно и то, что к 1860-м гг. уже отошли в обществе от увлечения общефилософскими концепциями и, соответственно, попытками приложения их к отечественной истории и праву (что характерно для С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина). Быть может, потому-то Ключевского позднее совсем не волновали возможности привнесения новообретенных философских и социологических знаний в проблематику источниковедения и обществоведения, что особенно привлекало в начале XX столетия А.С. Лаппо-Данилевского, правоведов, историков экономики (в том числе «легальных марксистов»).

В период, когда — по его же словам — «студентам старших семестров уже виднеется жизненный путь»³, Ключевский осознал, что именно «профессорство» — наиболее доступная ему из высоких общественных ступеней. Ясно для него стало и то, что пользующийся уважением коллег и студентов профессор становится с возрастающим пониманием общественно-государственного значения науки весомой общественной силой. Он избирает при этом путь и ученого-исследователя, и профессора-лектора. Как бы вознамериваясь совместить в одном лице и С.М. Соловьева (все-таки прежде всего исследователя) и Т.Н. Грановского (прежде всего лектора). Быть может, и в этом ему помогали также наблюдения пензенской юности, представления о воздействии проповедей — и их содержания, и их формы — на аудиторию. Вероятно, нужно иметь в виду и особое влияние именно в ту пору на московское общество театра, и прежде всего Малого театра, который называли «вторым Московским университетом».

Среда, в которой воспитывался тогда ум Ключевского и определялись его интересы исследователя и педагога-просветителя, чуткое понимание характера восприятия в этой среде научного знания обусловили задачи дальнейшей творческой деятельности Ключевского и самый стиль его сочинительства и лекторскую манеру.

Первичные наблюдения, опиравшиеся и на жизненный опыт и на знания, почерпнутые из разнообразной литературы, от знакомства с памятниками культуры, затем постоянно пополнялись и поновлялись, особенно когда сам Ключевский вступил уже на профессорскую кафедру и привык к постоянному общению уже с лицами его нового круга и судьба «дарила его счастьем встречаться с образованными и мыслящими людьми»⁴.

Для системы восприятия Ключевским явлений культуры, общественного сознания характерно то, что он был писателем не в меньшей мере, чем ученым, хотя и обделен был, можно полагать, даром непосредственного радостного эстетического восприятия. Ум довлел надо всем. По существу, сфера открывающихся его умственному взору наблюдений — это сфера исторической психологии, даже если он и не ведал о подобных дефинициях, тем более о возможностях применения их к своему творчеству. И, как выясняется, именно в этой области знаний он оказал-

ся способным предвосхитить некоторые идеи социологов рубежа XIX и XX вв. Образ восприятия писателя-художника помог ему и в видении и изображении конкретных, «бытового» плана черт истории и экономики прошлого, его повседневности. И не как особой темы, что понимали еще до него, а как обязательной составной в познании процесса российской истории, не менее существенной, чем события государственной истории.

Можно думать, что дар конкретно-художественного восприятия мира и несклонность к философскому схематизму тоже следует принимать во внимание, ища объяснение тому, что Ключевский-историк придерживался представлений о многофакторности исторического процесса. И это же не позволяет уложить творчество Ключевского в прокрустово ложе четкой идеологии. Как это немисливо сделать часто в отношении других великих людей — Пушкина, Лермонтова, современников Ключевского — Чехова в литературе, Чайковского в музыке. Что отнюдь не препятствовало и самому Ключевскому, и его современникам, и нам, знакомящимся с его многочисленными высказываниями, усматривать определенную политическую, даже «партийную» позицию в тот или иной момент политической жизни России.

Сочинения Ключевского — книги, статьи, с недавнего времени афоризмы и дневниковые записи — постоянно в поле зрения ученых и широкой публики. Но вершиной славы его остается «Курс русской истории» и публичные выступления (лекции) на определенную тему. Хотя теперь установлено уже, что основные идеи «Курса» восходят еще к монографии о Боярской думе. М.В. Нечкина проследила это даже по первоначальным заголовкам докторской диссертации — «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества», характерно и заглавие введения к ней: «В предлагаемой работе Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе»⁵. Причем если в изложении материала по истории России допетровского времени историк опирается во многом и на результаты собственных исследовательских наблюдений (особенно по периоду «Московского царства» — XV–XVIII вв.), то XVIII в. не стал предметом его самостоятельного изучения, и он позволил себе, как справедливо определил Г.П. Федотов, «карикатурность в изображении XVIII в., вытекающую из нечувствия Империи», и вовсе обошел явления «духовной культуры»⁶.

Если в первой четверти XIX в., после победоносного утверждения России на международной арене, глубоко сочувствовали государственному пафосу «Истории» Карамзина и ее апофегматическому морализированию, то в конце столетия особенно понятны были и крен Ключевского в «социальную» историю, и скептицизм его характеристик политических деятелей и явлений государственной истории. «Курс русской истории» Ключевский обдумывал всю жизнь, продолжая шлифовать его стилистику, внося дополнения и изменения, подсказанные новейшей литературой. В этом великом памятнике исторической мысли и литературы особенно ощутимо проявились и просветительская тенденция, характерная для науки, литературы, и великий проникновенный талант историка, и высочайший литературный дар — Ключевский стоит вровень с классиками русской художественной литературы.

Ключевский понимал, что после многотомных пространных трудов Карамзина и Соловьева должно создать обобщающий труд, охватывающий всю русскую историю, но уже меньшего объема и доведенный до более близкого времени. Ознавал он и возрастающий (особенно после сочинений И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А.П. Шапова) интерес в обществе к истории народа, каждодневному быту.

В период, когда в России окончательно утвердилось понятие об университете как главной базе и профессиональной подготовки, и общей образованности, Ключевский избрал форму (опираясь, конечно, и на опыт предшественников) письменного изложения основного в отечественной истории именно в виде лекций. И с тех пор такой прием передачи научных знаний — и не только в научных целях, но и в общественно-просветительских — закреплен в наших общественных науках.

Это имело принципиальное — далеко выходящее за рамки собственно исторической науки — значение в плане развития научной культуры России и расширения массовых представлений о роли университетской профессуры вообще в развитии культуры России.

Лекции эти были написаны с учетом важнейшего, хотя и умышленно отобранного в науке отечественной истории и смежных с ней (Ключевский имел особую склонность откликаться рецензией-исследованием на новейшие научные монографии) и потому специалистами воспринимались как результат развития исторической мысли и указание на ее дальнейший путь. Этому способствовало и все усиливавшееся с годами воздействие трудов ученых, вышедших из «школы Ключевского».

Но сочинения Ключевского отражали и путь развития русской классической литературы — ее тематики, образности, стилистики языка. Если в «Истории» Карамзина заметно, что он — современник популярнейшего тогда в среде и взрослых читателей великого баснописца (а следовательно, и моралиста) Крылова, то, обращаясь к сочинениям Ключевского, чувствуешь, что и автор, и его читатели прошли путь знакомства и с реалистической литературой социально-бытовой тематики, и с терминологией и эзоповым языком публицистики середины XIX в. и сатиры Салтыкова-Щедрина. (И понятно, что Ключевский столь широко и научно доказательно обратился к творениям художественной литературы и как к источникам исторического познания.) Ключевский откликался на новинки и науки, и художественной литературы, и газетно-журнальной публицистики. Это сказывалось и на его «Курсе лекций», который он до конца дней совершенствовал.

Особенное значение имело и то, что Ключевский, как никто другой из современных ему ученых, обладал при этом и свойственным лишь самым замечательным артистам удивительным чувством общения с аудиторией (слушателей и читателей), ощущением ее ожиданий и потребностей, ее способностей к восприятию.

Лекции его — и в Московском университете, и в других учебных заведениях, выступления перед «широкой публикой» — оказывали поразительное воздействие на слушателей, на их разум и чувства. Для будущих преподавателей они становились школой высшего (хотя и недостижимого!) мастерства. (При этом близко знавшие историка — например, С.К. Богоявленский — подчеркивали подготовленность, отрепетированность «эффетов», преобладающих над импровизацией.)

После томов «Истории государства Российского» Карамзина в 1810–1820-е гг. никакое другое обобщающего характера сочинение российского историка не вызывало столь заметного общественного впечатления и не воспринималось сразу же как реальность не только науки, но и культуры в целом.

«Курс русской истории» читали повсеместно: в великокняжеских дворцах (где историк вел занятия), в училищах, готовивших и священников, и офицеров, и художников; книги эти постоянно отмечают среди выявленных при аресте у революционеров (В.И. Ленин читал том Ключевского с карандашом в руке в 1891 г.⁷). С начала 1890-х гг. и началось триумфальное шествие «Курса» в среде российской интеллигенции. Молодые ученые уже в начале 1880-х гг. воспринимали определяющее значение исторических построений Ключевского — выпускник Петербургского университета 1882 г. С.Ф. Платонов считал московского профессора одним из своих главных учителей, но эмигрировавшие тогда за границу В.И. Засулич и Г.В. Плеханов еще в начале 1890-х гг. не знали работ Ключевского, что вызвало удивление познакомившегося тогда с ними молодого Д.Б. Рязанова⁸.

К концу XIX столетия «Курс русской истории» Ключевского воспринимался уже как веха в развитии и исторической мысли (и социологии), и, шире, общественного сознания.

Образ Ключевского постепенно обретает значение символа — и историка, и московского профессора, и обязательной украшающей части культуры и общественной жизни Москвы. В то же время не только в мемуарах (когда на автора могло — пусть даже невольно — оказать влияние устоявшееся уже в обществе мнение), но и в дневниковых записях лиц, воспринимавших лишь внешнюю сторону деятельности Ключевского (его лекции, беседы), бросается в глаза характерное клише суждений, некий канон — очевидно, что уже в 1890-е гг. принято было говорить об ученом в определенной тональности, прибегая к набору слов, эпитетов, привычных при описании впечатления, производимого «звездами» искусства.

В то же время как человек воспринимался он как бы дистанцированно — не допускал близко к себе. А лучше знавшие его и чаще с ним встречавшиеся едва ли не единодушны в признании неадекватности блистательной яркости таланта и личных человеческих качеств. Ключевским восхищались, но он не был любим. Не хватало доброты, заинтересованного внимания к людям, простоты в обращении и столь привлекательных очевидно ощутимых моральных основ⁹. Для актеров, профессиональных преподавателей-лекторов очевидными были и черты того поведения, которое в старину называли лицедейством.

Но талант мыслителя и художника у Ключевского был так велик, что его сочинения обрели самостоятельную жизнь, как бы оторвавшись от его биографии. Личная жизнь этого великого человека может сейчас интересовать лишь немногих специалистов, как и образ его поведения в общении с другими людьми, и напоминать им мудрость наблюдения Флопера: «Не прикасайтесь к идолам — их позолота остается на пальцах». И дорог нам Ключевский именно своим научным наследием, проникновенной наблюдательностью и прозорливостью своих афоризмов.

К творениям Ключевского все время возвращается историческая мысль. Не определив для себя место Ключевского в истории науки, невозможно понять ход ее развития. И становится все очевиднее то, что значение сотворенного Ключев-

ским воспринималось современниками, а теперь ощущается и потомками как одно из вершинных достижений не только науки истории, но и вообще нашей отечественной культуры.

¹ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 258, 262.

² Берне Р.Ф. Молодой Ключевский: «Под сенью колоколов» Пензы / Пер. и коммент. В.А. Дворянова // Земство: Архив провинциальной истории России. Пенза, 1994. № 4. С. 34–59.

³ Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 8. С. 258.

⁴ Там же.

⁵ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 176.

⁶ Федотов Г.П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 6. С. 97–102.

⁷ Шмидт С.О. В.И. Ленин — читатель В.О. Ключевского // Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию академика Милицы Васильевны Нечкиной. М., 1971. С. 354–364.

⁸ К столетию со дня рождения Н.Г. Чернышевского (Прения по докладу Ю.М. Стеклова) // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 145–146.

⁹ Дневниковые записи А.Н. Савина о В.О. Ключевском / Подгот. М.Д. Филин // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 327–332.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА»

П.Н. Милуков в статье 1933 г. «Два русских историка (С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер)» использует характерный со второй четверти XIX в. для русской публицистики прием сопоставительного рассмотрения «новой столицы» как «города чиновной бюрократии» и Москвы, где «на первом плане общественность», и отмечает, что «физиономии обеих столиц» отразились и «в направлениях научной мысли». Платонов изображен им как «столичная штучка» и «вождь петербургской школы» историков, хотя и указывается на существенное влияние на него В.О. Ключевского (при этом автор оговаривается, что «все эти характеристики, конечно, относятся к дореволюционному прошлому»).

Сам же Платонов в пространной автобиографии 1925 г. (напечатанной впервые уже после появления статьи Милукова) на первой же странице ее счел должным написать о своих связях с Москвой. Указывает он на то, что родители его коренные москвичи и в Москве сосредоточена вся родня, и «не только происхож-

Впервые опубликовано: Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения: Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина (Москва, 26–28 января 1995 г.) [: В 2 ч.]. М., 1995. Ч. 2. С. 673–677. *Переиздано:* Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения [: Сб. статей и докладов Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина]. М., 1999. С. 533–537.

дение, но и сознательная преданность Москве с ее святынями, историей и бытом делала моих родителей, а за ними и меня, именно великорусскими патриотами». В детские годы Платонов «чувствовал себя как бы на родине» именно в Москве, хотя «оседлость... была и не там». Становится очевидным, что проблему, сформулированную в заголовке, не следует рассматривать, ограничиваясь рамками традиционного «противоположения» Петербурга и Москвы XIX – начала XX в. Тем более что для мироощущения Платонова 1920-х гг. немалое значение имело обретенное им в те годы положение в научно-общественной жизни Петрограда – Ленинграда, утратившего уже статус столицы.

Применительно к историку Платонову изучение этой проблематики допускает подход в нескольких планах: социокультурологическом, собственно историографическом (в плане развития исторической науки и тематики исследований и самого Платонова, и его научной школы), личностных связей (с родственниками, коллегами, функционерами). При этом нельзя упускать из виду различия между восприятием Платонова (и как личности, и трудов, им написанных) другими лицами и его самовосприятием.

Тема эта может оказаться интересной не только в аспекте историографической проблематики, но и истории общественного сознания и культуры последнего тридцатилетия прошлого века и первого тридцатилетия нынешнего. Однако пока допустима лишь постановка вопроса и выявление возможных направлений дальнейших исследований: для серьезно обоснованных выводов нельзя довольствоваться печатным материалом, а богатейший архивный фонд ученого только вводится в научный обиход (Российской национальной библиотекой в 1993 г. уже издан первый выпуск Каталога архива академика С.Ф. Платонова), и недостаточно изучены материалы личных фондов лиц, близких к Платонову, — из москвичей прежде всего академика М.М. Богословского (переписка двух академиков, особенно в 1920-е гг., была постоянной), а также Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, С.В. Бахрушина и др.

Московское начало сыграло значительную роль в формировании жизненных и научных интересов Платонова. В детстве он «жил под сильным влиянием отца», вложившего в него любовь к истории и литературе, впечатлявшего воспоминаниями о студенческих кружках Москвы середины XIX в. Московские студенты-историки возбудили у гимназиста интерес к занятиям историей. Профессорами-лекторами в Петербургском университете, определившими выбор студентом специализации по отечественной истории, были выпускники Московского университета К.Н. Бестужев-Рюмин, В.И. Сергеевич и окончивший Харьковский университет А.Д. Градовский. Среди главных своих учителей тех лет Платонов называет и лично ему тогда еще не знакомого В.О. Ключевского, влияние лекций и монографий которого он испытывал «в понимании смысла и содержания русского исторического процесса». В Ключевском Платонова привлекало и его, так сказать, плебейство, обусловившее глубокое знакомство с великорусским бытом. Выросшему в мещанско-чиновничьей среде Платонову рано стало очевидно то, что понять «старую русскую жизнь» в ее конкретности может только тот, кто «знаком с современным народным бытом».

Для первой большой самостоятельной работы Платонов избрал тему круга интересов Ключевского — земские соборы. Сделавшие Платонова сразу знаменитым

«Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» (докторская диссертация 1899 г.) воспринимались и им самим, и читателями как продолжение традиций Ключевского (особенно докторской диссертации последнего о Боярской думе). Преимущество проявилась в «изучении общественного строя и сословных отношений» во взаимосвязи с основными явлениями социально-политической истории эпохи.

Характерно и то, что тематика основных исследований и самого Платонова, и его учеников по Петербургскому университету — период Московского царства, а не петербургский период российской истории, хотя, в отличие от Ключевского и его «школы», они остаются в русле государственно-политической истории и истории общественного сознания (мало касаясь до 1917 г. экономических факторов исторического процесса), обнаруживая особую склонность к источниковедческим штудиям и высокий класс подобных исследований. Здесь, несомненно, сказывались традиции «петербургской школы» Бестужева-Рюмина и В.Г. Васильевского и влияющие труды великих современников Платонова — петербургских академиков А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова.

Любопытно и то, что положение Платонова в общественно-научной среде Петербурга было своеобразным и напоминавшим положение Ключевского в Москве. В Москве именно университетская профессура во многом определяла общественную и особенно научную жизнь. В столице же на рубеже XIX и XX вв. были фактически две такие микросреды; и различие двух, находившихся рядом (на одной набережной), средоточий науки — Академии наук и университета (и вообще высших учебных заведений) было заметно ощутимо современниками. Платонов, как и Менделеев, не принимаемый долгое время в ряды академической элиты, относился к иной, чем она, среде. Платонов был высокопоставленным чиновником системы образования и человеком, близким к президенту Академии наук — великому князю Константину Константиновичу, но он не принадлежал к академическому кругу, членом-корреспондентом Академии его избрали сравнительно поздно, в сборнике 1911 г. в его честь ни один петербургский академик-гуманитарий не участвовал (зато участвовали москвичи — С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, А.И. Яковлев). И хотя Платонов лично придерживался сравнительно консервативных политических убеждений и не склонен был к участию в деятельности политических партий (в отличие от видных академиков-гуманитариев и близкого к ним В.И. Вернадского), его каждодневная публичная деятельность профессора и функционера в системе просвещения делала его, пожалуй, наиболее известной фигурой среди историков в глазах петербургской интеллигенции. Этому способствовала и повсеместная всероссийская популярность его учебников для высшей и средней школы.

Это обретенное еще до 1917 г. общественное положение помогло ему, после избрания в 1920 г. академиком, утвердиться в общественном мнении как лидеру гуманитарных наук и организатору академической науки — он стал председателем Археологической комиссии, директором и Библиотеки Академии наук, и Пушкинского Дома и, наконец, академиком-секретарем Отделения общественных наук.

Положение изменилось и в том смысле, что если до революционного 1917 г. средоточием оппозиции к официальной академической науке и ее властным

структурам была Москва, то с переездом правительства в Москву оппозиционность в большей мере стала проявляться в Петрограде, где именно Платонов стал восприниматься как лидер профессуры, приверженной к давним традициям российских гуманитарных наук и чуждой социологической вульгаризации и нарочитого снижения научного уровня преподавания, насаждавших М.Н. Покровским. В 1920-е гг. Платонов еще больше сближается с московскими историками, вышедшими из «школы Ключевского». И не случайно по сценарию фальсифицированного «академического дела» 1929–1930 гг. именно Платонова изобразили главой общего заговора ленинградской и московской гуманитарной профессуры.

ТРУД АКАДЕМИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО «ПЕТР ВЕЛИКИЙ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ»

Реформы Петра Великого, возрастание роли государства и превращение России в великую мировую державу, предписанная сверху европеизация образа жизни, сама необычная личность первого российского императора, манера его поведения произвели огромное впечатление на современников и в России, и за рубежом и накрепко остались в памяти потомков — ни о ком другом из российских монархов не сохранилось столько суждений (и притом разноречивых) в литературе и фольклоре, ни о каком другом российском государственном деятеле XVIII–XIX вв. не писали столь много за рубежом.

В XVIII столетии, в «век Просвещения», Петр I мыслился не только преобразователем России, но и примером государя, который воплощает на практике идеалы политики «просвещенного абсолютизма». Таков образ Петра I в середине XVIII в. и у нашего великого соотечественника М.В. Ломоносова, и у властителя дум западноевропейцев Вольтера. И умная Екатерина II для возвеличения себя сочла наилучшим воздвигнуть в центре основанной Петром новой столицы Империи памятник ему — Медный всадник, где выбито: «Петру Первому Екатерина Вторая» («Petro Primo Catharina Secunda»), демонстрируя и перед россиянами, и перед всем миром, что именно она — достойная продолжательница его дела и потому тоже может быть названа «Великой». Н.М. Карамзину Петр I представлялся историческим героем, «которому нигде не было подобных»¹. После резких преобразований и террора Французской революции меняется отношение и к революционным мерам перестройки общества, и к методам действий Петра I. Тот же Карамзин уже в 1811 г. отмечает унижение Петром I родовитого дворянства и необоснованно решительные реформы России на западный лад: «...увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландией»². В изменении оценки деятельности Петра I и степени его новаторства сыграла свою роль и карамзинская многотомная «История государст-

Впервые опубликовано: Петр Великий — реформатор России. М., 2001. С. 12–24. (Материалы и исследования / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; вып. 13).

ва Российского». Лишь с изданием этих книг убедились не только в значительности героических событий истории России допетровского времени, но стали понимать, что и преобразования Петра опирались на отечественные традиции. Победители наполеоновских армий могли усматривать начало величия России уже в далеком прошлом.

Ярчайшим выражением отношения общества к Петру I были сочинения А.С. Пушкина «Полтава», «Медный всадник» и др. Пушкин готовил себя и к написанию истории Петра и его времени, выступая наследником Карамзина в историографии. Петр, его деятельность и ее последствия вызывают размышления декабристов и Чаадаева, оказываются в центре споров славянофилов и западников; рассуждения о Петре, сравнения с Петром I мы встречаем в сочинениях Белинского, Герцена и Огарева, Добролюбова и Чернышевского, в разного направления журналах 1850–1860-х гг., во многих научных трудах. Имя Петра I обретает знаковое значение символа. Как Колумбами называли и называют первооткрывателей (Ломоносов писал о «колумбах русских», покорявших Северный Ледовитый океан, Пушкин — о том, что «древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом»³); уже в недавнее время Юрия Гагарина именовали «Колумбом космоса»), так с Петром I сравнивали строителей, зачинателей, преобразователей. Если снова обратиться к примеру историографа Карамзина, то знаменитый филолог И.И. Срезневский в лекциях по палеографии начала 1870-х гг. образно формулировал: «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: оба должны были не забыть ничего»⁴ — и далее характеризовал роль историка в развитии специальных (или вспомогательных) исторических наук — палеографии, нумизматики, хронологии, генеалогии и т.д.

Образ Петра I и представление о содеянном им прочно вошли в обиходную культуру. И в формировании этих массовых представлений произведения литературы и искусства играют едва ли не большую роль, чем издания исторических источников и труды историков. Напомним о «Медном всаднике» работы Э.-М. Фальконе и М. Колло, изваявшей голову императора, о картине Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея», о стремительном Петре, изображенном В.А. Серовым, о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» и экранизации его — так внешность Петра I для большинства совпадает с фигурой Медного всадника (напоминая ширококостного Николая Симонова в фильме), а не с более близкой к сохранившейся «восковой персоне» новой скульптурой М. Шемякина в Петропавловской крепости.

Исторические труды о Петре I и его эпохе составлялись уже в XVIII в. Если первым в истории отечественной исторической мысли пространное сочинением, посвященным одному государственному деятелю, был публицистического стиля полупамфлет князя Курбского о его современнике Иване Грозном, то первым многотомным сочинением историко-биографического жанра, основанным к тому же на многообразной документации, были «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (ч. 1–12) И.И. Голикова, изданные в Москве в 1788–1789 гг.

Особый общественный резонанс вызвали «Публичные чтения о Петре Великом» С.М. Соловьева в Москве в год празднования двухсотлетия со дня рождения

царя-реформатора. Для истории Москвы и истории музеев России это знаменательный год, так как московские выставки 1872 г. положили начало и Историческому, и Политехническому музеям. С.М. Соловьев в речи, произнесенной в Московском университете в день рождения Петра I, так определил значение выставки: «Потомство празднует двухсотлетие дня рождения великого человека, и этот праздник есть праздник труда. Указанием на многообразные произведения труда человеческого, указанием на то, что делает наука для усиления труда, хотели мы справить поминки по Петре Великом в нашей старой Москве, обновленной, благодаря Петру, наукой и усилиями народного труда»⁵.

Значение свершавшегося в России при Петре I и под его воздействием, предпосылки и последствия петровской реформы и активной внешней политики привлекали особое внимание историков и московской школы (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского), и петербургской (К.Н. Бестужева-Рюмина, С.Ф. Платонова). В работах конца XIX – начала XX в., посвященных отечественной истории, постоянно наталкиваемся на соображения о том, как соотносится тот или иной изучаемый период и до, и после Петра I со временем петровских преобразований. Эпоха Петра Великого как бы верстовой столб отечественной истории, граница, с которой история России, безусловно, и у нас на Родине, и за рубежом рассматривается как органическая часть всеобщей истории, оказывающая воздействие на ход всемирно-исторического процесса. О петровской реформе и ее последствиях, о личности самого преобразователя писали и говорили и в канун революции 1917 г., и после нее (к образу действий Петра I обращались В.И. Ленин и И.В. Сталин), пишут и говорят и в наше время и опять-таки в сравнительном плане по отношению к настоящему. В книге А.Н. Медушевского «Утверждение абсолютизма в России»⁶ абсолютистское государство рассматривается как фундамент и первый шаг на пути формирования тоталитарной системы, а Петр Великий — в ряду харизматических вождей прошлого и современности.

Замысел труда, о котором пойдет речь, складывался у Михаила Михайловича Богословского в предреволюционные годы. Работа последовательная и сосредоточенная началась, видимо, в период Первой мировой войны и потом уже оставалась главным делом ученого. В работе этой отразились и опыт науки тех лет, и общественные настроения.

Монографии книжного типа о М.М. Богословском пока нет. Но ему посвящена большая, основанная на использовании архивных материалов — личного фонда ученого и др. — статья академика Л.В. Черепнина, написанная в 1973 г., видимо, как раздел задуманной им монографии «Школа В.О. Ключевского в русской историографии»⁷. О Богословском опубликованы также статья Л.А. Черной, сопровождающая издание его научного наследия, и очерк Т.И. Халиной⁸.

Родился М.М. Богословский в Москве в 1867 г., жил всегда близ Арбата, учился в Пятой мужской гимназии, где прежде учился В.С. Соловьев, а после него Н.М. Дружинин и Г.В. Вернадский. Гимназистом Богословский, подобно С.М. Соловьеву, был неизменно первым учеником. На историко-филологическом факультете Московского университета, как и некоторые другие ученики В.О. Ключевского, прошел школу основательной подготовки и по отечественной, и по всеобщей истории; был участником семинариев (тогда так произносили это слово) П.Г. Ви-

ноградова по всеобщей истории и писал позднее статьи и такой тематики. Был рекомендован к оставлению в университете для подготовки к профессорскому званию (т.е., говоря современным языком, в аспирантуру). Дипломное сочинение, написанное под руководством Ключевского, посвящено писцовым книгам, т.е. памятникам истории допетровского времени. Но, когда ему предложили выбрать тему пробной лекции в 1897/98 учебном году, назвал такую — «Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства». Магистерская диссертация, защищенная в 1902 г., — «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.». Литература о Петре I — тема и одного из его спецкурсов в университете. Петровскому времени особенно много места уделено в его общем лекционном курсе о России XVIII в. Изданная в 1904 г. небольшая книга имела название «Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в.»⁹.

Если в первой диссертации Богословского изучалась «самодержавно-бюрократическая монархия» XVIII в. (по его же определению), то темой защищенной в 1909 г. докторской диссертации стало исследование «самодержавно-земской монархии» предшествовавшего времени: конкретное содержание этого понятия раскрыто в двухтомной монографии о земском самоуправлении на русском Севере в XVII в.¹⁰, где мы видим и детальное ознакомление с историей общества в канун петровских реформ, и выявление реальных предпосылок этих преобразований.

В 1912 г. напечатан его небольшой очерк «Петр Великий (опыт характеристики)»¹¹, а в 1913 г. — уже пространная статья (хотя и популярная по форме изложения) «Император Петр I Алексеевич Великий»¹². С конца 1912 г. Богословский начал готовить большую статью с библиографическим приложением о Петре I для многотомного Русского биографического словаря¹³.

Важно подчеркнуть то, что М.М. Богословский был историком очень широкого профиля. Он читал общие лекционные курсы русской истории (от древнейших времен и включая XIX в.) и выступал в печати со статьями и очерками по разным периодам ее. Он деятельный участник обсуждений докладов разнообразной тематики на заседаниях научных обществ, знаток и комментатор источников и по истории Древней Руси (он считался непревзойденным руководителем семинариев по изучению Русской Правды, Псковской судной грамоты, судебных книг и др., что отмечают учившиеся у него столь непохожие один на другого академики Н.М. Дружинин, М.Н. Тихомиров, позже Л.В. Черепнин). Широта кругозора в отечественной и всеобщей истории помогли ему уяснить место и значение деятельности и эпохи Петра I во всемирно-историческом контексте, а опыт работы со многими разновидностями исторических источников и архивной эвристики, свободное владение древними и новыми иностранными языками стали прочной базой для сложного по замыслу фундаментального исследования и о Петре Великом, и о России его времени.

В 1911 г. М.М. Богословский занял в Московском университете кафедру В.О. Ключевского, преподавал и на Высших женских курсах, и в Московской духовной академии. Не склонный ни к общественно-политической деятельности (в отличие от А.А. Кизеветтера), ни к административной (как М.К. Любавский), он занимал накануне революции прочное ведущее место среди московских историков и был особенно уважаем виднейшими из петербургских коллег — А.С. Лаппо-

Данилевским и С.Ф. Платоновым (с которым вскоре вошел в близкие дружеские отношения, отраженные в большой переписке, готовящейся сейчас к печати в Археографической комиссии). Платонов энергично содействовал избранию его в 1920 г. членом-корреспондентом Российской академии наук, а через год — в 1921 г. — и академиком.

Консерватор по общественным воззрениям и по стилю жизни, Богословский был в то же время чуток к тому, что происходило в обществе (это явствует и из его дневника, и переписки). И понятно, что в период революционной ситуации его все более привлекало время реформ Петра I, а ставшие привычными занятия в хранилищах позволяли забываться в любимой исследовательской работе. Искренне и глубоко преданный научной работе, он даже после февраля 1917 г. был убежден: «Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколебались общественными движениями. Наука — одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря»¹⁴. Обстоятельства эти (отмеченные уже в литературе о Богословском) действительно имели немалое значение, побуждая ученого именно тогда приступить к такому обязывающему масштабному труду и продолжать его несмотря ни на что. Более того, ученый ощущал потребность в «годину унижения и бед» показывать «нашу славу в прошлом», полагая, что это «подействует нашему возрождению» (такого рода соображения прослежены в дневниковых записях 1915–1917 гг. сотрудниками ГИМ Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой, готовящими рукопись «Дневника» к печати)¹⁵.

Но главное состояло в том, что Богословский при огромной требовательности к себе, при склонности к изучению всей совокупности фактов со всеми относящимися к ним деталями (что подчеркивали и ближайший его друг и муж его сестры С.К. Богоявленский, и С.Ф. Платонов) долго не чувствовал себя готовым к выполнению задачи написания подробной, буквально поденной биографии Петра Великого. Ведь для него биография Петра — это и личная жизнь и деятельность царя, и русское общество, и международные отношения того времени.

Не позднее 1909 г. он пришел к убеждению, что историки не правы, интересуясь «исключительно деятельностью самого царя-реформатора», полагая, что общество оставалось в стороне, было лишь инертной массой, и Петр «изображался как скульптор, обтесывающий грубую, с трудом поддающуюся его резцу глыбу, придающий ей формы и превращающий в статую. Внимание исследователей всецело было поглощено скульптором, его мыслями, планами и действиями, и совершенно пренебрегало тем материалом, над которым он работал»¹⁶. И потому М.М. Богословский так приветствовал выводы Н.П. Павлова-Сильванского, опровергнувшего подобное мнение и выявившего в обществе силы, поддерживавшие Петра и даже инициировавшие его действия. В то же время он не соглашался с теми, кто думал, что Петр подчас механически воспринимал имеющиеся чужие образцы или легкодумно следовал подсказкам. Еще в тексте лекции 1897 г. ставит он и вопрос о власти царя и дворянстве. В статьях и дневнике встречаются мысли о роли земских соборов, о «революции в формах Разинщины и Пугачевщины». Он полагал, что «революция — роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы»¹⁷ (показательно, что эта запись в дневнике мая 1917 г.!).

Только апробируя источниковедческие навыки, составив достаточно цельное представление — и общесоциологическое, и о конкретике российской истории (причем и в диахронном, и в синхронном рассмотрении), — Богословский решил приступить к главному труду своей жизни. Имея уже некоторый опыт работ по этой тематике, он заметил не без юмора в дневнике 1916 г.: «Чтобы написать историю Петра Великого, надо самому быть вроде Петра Великого»¹⁸.

Через два года, в 1918 г., ученый писал академику А.С. Лаппо-Данилевскому, как и он, не сочувствовавшему ни лозунгам, ни действиям новой власти: «Только в научной работе и я нахожу душевное равновесие, и большое счастье, что у нас такая работа есть, я всецело погружен в... биографию Петра, которая начинается, однако, меня пугать своими размерами. Я поставил себе задачу описать его жизнь за каждый день этой жизни, в корне притом пересматривая все источники (изданные) и по мере возможности обращаюсь и в архивы. Очень сожалею, что не начал этой работы, когда был моложе. Теперь уже не смогу довести ее до конца, но, может быть, найдется кто-либо продолжатель. Пересмотр вопроса о Петре открывает мне немало нового, потому так к себе и привлекает»¹⁹. Но и не имея надежды увидеть начатый труд завершенным, историк с увлечением и неотступно продолжал эту работу до самого конца жизни. Работал с чувством долга перед наукой и родиной.

Богословский не отступал от принятого плана, который требовал скрупулезного и последовательного исследования. Он буквально жил впечатлениями от воспринимаемого из исторических источников, говорил и писал об этом близким. Обычно почти сразу почерпнутое в архивах воплощал в текст будущей книги. За два месяца до кончины он пишет С.Ф. Платонову в Ленинград: «Я работал параллельно: середину дня посвящал добыванию документов в Архиве, а утро — их обработке. Совсем отрешился от современности и ушел в 1700 год»²⁰.

Богословский работал так, чтобы его методика была ясной для тех, кто станет продолжать начатое им дело. Манера написания (составления) книги, в какой-то мере выглядящая старомодной, восходит к традициям становления исторической науки, когда она казалась не отделившейся еще от литературы и искусства и Клио чувствовала себя своей в сонме других муз. Рассуждения психологического порядка (о личностном и об общественном в сознании Петра I и его эпохи; оценки, иногда осуждающие нравственные критерии тех лет) ведут нас к морализирующим апофегмам «Истории» Карамзина.

Ученый избрал приемы изложения, восходящие, пожалуй, к книге М.П. Погодина о Карамзине, в еще большей мере к труду Н.П. Барсукова — автора много-томной биографии самого Погодина (учитывая также и позитивный опыт создания более близких по времени написания книг — незавершенной «Истории Екатерины II» В.А. Бильбасова и сочинений великого князя Николая Михайловича). Но насколько выше по подъему мысли, историографическим суждениям, литературному мастерству труд Богословского, сколько в нем убеждающей читателя источниковедческой основательности! Как интересен он не только для познания жизни Петра I и России его времени, но и для эстетики лаборатории научной мысли историка! Как выявляется в этом сочинении воспринятое уже у Соловьева, Забелина, Ключевского, Платонова!

Богословский был строг в требованиях к стилю изложения, к архитектонике книг по истории, особенно ценил красоту системы доказательств. Он резко отзывался о недостатках построения последних томов «Истории» С.М. Соловьева, еще резче о некоторых современных ему монографиях. «Во всех этих... томах по русской истории редко встретишь не только мысль, но и хоть бы мыслёнку; всё материалы и материалы, мелочь, гробокопательство. Досадно! Маленькая книжка С.М. Соловьева, статья К.С. Аксакова были куда более значительны, чем теперешние фолианты, в которых печатаются груды сырья...» — записывал он в дневнике 1916 г., времени, когда утверждался в его сознании детальный план исследования о Петре Великом. В историческом труде, по мнению Богословского, должно ощущаться «размышление автора над добытыми материалами»²¹.

Не имея, при всей своей добросовестности, убеждения в том, что им охвачено все относящееся к эпохе Петра I и тем более в должной мере объяснено, Богословский дал своему исследованию название «Материалы для биографии», что опять-таки в духе трудов середины XIX в., когда не преобладало еще внимание к концептуальному изложению и к эффектным построениям, опирающимся на определенно подобранное изложение фактов, что было свойственно Ключевскому. Так, П.В. Анненков озаглавил свое сочинение — «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», академик П.С. Билярский — «Материалы для биографии Ломоносова». Слово «Материалы» в заголовках трудов Я.К. Грота, П.П. Пекарского, М.И. Сухомлинова и других ученых тех годов — это и показатель представлений ученого о преемственности в развитии науки. Характерно и то, что если многие историки предпочитают ограничиваться ссылками лишь на издания недавних лет, то Богословский не раз возвращает читателя и к многотомной «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова, опубликованной еще в середине XIX в.

Богословскому были чужды и публицистическая направленность, и фактологическая громоздкость, и излишне наукообразные речевые обороты исторической литературы, и нарочитые красоты. Он стремился писать так, чтобы его труд был необходим ученому-специалисту и одновременно стал бы привлекательным и для широкой публики. И при этом воспринимался бы всеми прежде всего как основательное исследование. А «историческое исследование — это как бы некоторый фонарь — удивительный, прямо магический инструмент в руках историка: он обладает способностью освещать и как бы воскрешать далекое прошлое»²² — так заявлял ученый, обращаясь к коллегам-академикам на годовом собрании Академии наук в 1926 г.

К дореволюционному периоду относится лишь начальная стадия работы. Тогда, видимо, уяснились и основные принципы ее, которых автор неизменно придерживался, хотя в послереволюционные годы сознательно рушились традиционные представления и о ходе истории (М.Н. Покровским насаждалась социологическая и обычно безликая вульгаризация в показе и объяснении событий прошлого), и о литературных традициях русского языка. Богословский, лишенный уже права, как буржуазный «спец», немарксист, читать лекции в университете, но продолжавший вести большую исследовательскую, наставническую и организационную работу в Институте истории РАНИОН, в Историческом музее, в первое время и в архивном

ведомстве (особенно пока во главе его стоял Д.Б. Рязанов), целенаправленно следовал дорогим ему традициям науки, даже не имея надежды увидеть напечатанным при жизни в таком духе написанный труд. Работал в охотку, не стесняя себя в изложении мысли — ни в содержании, ни в стилистике, что прослеживается по письмам к академику С.Ф. Платонову (где сообщал и о переписке «своего Левиафана, или, скорее, “чудища обла и так далее”») ²³ и отражено в авторском предисловии.

Это была его основная работа как академика. Части ее М.М. Богословский печатал в академических и других схожего типа малотиражных изданиях (об этом узнаем из перечня печатных трудов историка) ²⁴. В 1920 г. издал в Москве и научно-популярную книгу «Петр Великий и его реформа» (близкую к тексту прежних его трудов об этом времени). К юбилею 200-летия Академии наук подготовил доклад «Русское общество и наука при Петре Великом». Намерен был написать небольшую популярную книгу для серии издательства Брокгауза–Ефрона «Образы человечества», но замысел этот, очевидно, остался неосуществленным: в архиве ученого нет чего-либо напоминающего такое сочинение. Да и вряд ли, если бы имелся предназначенный для подобного издания текст Богословского, его друг академик Платонов издал бы в 1926 г. книгу схожего типа — «Петр Великий: личность и деятельность».

«Предисловие» к труду датировано М.М. Богословским 15 августа 1925 г., когда уже, видимо, была завершена основная работа над первыми тремя томами «Материалов». «Предисловие» примечательно ощущением чувства собственного достоинства, верой в правоту своего дела. Начинается оно так: «Целью настоящего труда было дать, насколько возможно, более подробное описание жизни и деятельности Петра Великого. Для этого я старался собрать все те известия, которые сохранились о нем в разного рода памятниках. Свой рассказ я располагал по возможности в простейшем хронологическом порядке. Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности, наблюдать совершенные им действия, разгадывать одушевлявшие и волновавшие его чувства, представлять себе воспринятые им ежедневные впечатления и следить за возникавшими у него идеями. Есть особая прелесть в том, чтобы следить за жизнью исторического деятеля, переживать ее вместе с ним, как бы воскрешая его. Есть не меньшая прелесть в том, чтобы, наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и восстанавливать ту историческую обстановку, то есть те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала, с одной стороны, оказывая на них свое, и в настоящем случае могущественное, воздействие, с другой — в большей или меньшей мере испытывая на себе их влияние.

О Петре Великом написано, конечно, очень много. Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов — их не всегда критически твердо установленная достоверность, в области общих суждений — их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала. Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к на-

дежным общим суждениям. На своей дороге я встретил немало затруднений, главнейшим из которых было самое изложение фактов. Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически проверенный факт так, чтобы за достоверность изложения можно было вполне поручиться. Чем обобщение шире, тем построить его легче...» Завершается «Предисловие» словами: «Невозможно предвидеть, когда этот мой труд по условиям типографского дела и по разным другим соображениям смог бы появиться в печатном виде, и появится ли вообще когда-нибудь. В том постоянстве, с которым я, однако, непрерывно вел эту работу за последние годы, меня поддерживал пример наших древних летописцев и книжных “писателей”, не отступавших перед мыслью, что труд их останется на долгие и долгие годы в единственном рукописном экземпляре»²⁵.

И даже после того, как на Богословского внезапно обрушилось тяжкое горе — через три дня после написания «Предисловия» утонул единственный сын-студент, — работа продолжалась. Более того, она стала с тех пор единственной отрадой, воспринималась, по существу, как долг, завещанный от Бога, как у пушкинского Пимена-летописца. Богословский сознательно загружал себя работой: писал на другие темы — воспоминания об учителях и коллегах, — дал согласие на участие в академическом издании Русской Правды. (Эту инициативу Археографической комиссии, реализация которой была насильственно прервана в 1929 г., осуществляли потом под руководством Б.Д. Грекова только с середины 1930-х гг.) Но здоровье сдавало. В письме Платонову от 3 апреля 1929 г. Богословский сожалеет, «что приходится прерывать работу в Архиве и по накоплению материалов для дальнейшего»²⁶.

Изложение событий в «Материалах для биографии» Богословский успел довести до лета 1700 г. Части рукописи (составившие при издании три первых тома) были перепечатаны при жизни ученого в трех экземплярах. Он пересылал их в Библиотеку Академии наук в Ленинград (сообщая об этом в письмах к Платонову), передавал и в Библиотеку имени Ленина. Очевидно, один экземпляр оставался у него. Однако сейчас в личном фонде академика Богословского в Архиве Российской академии наук хранятся полный рукописный текст²⁷ и машинописный экземпляр лишь первого тома²⁸.

Из первого изданного тома узнаем о событиях до 9 марта 1697 г. В книге три раздела — «Детство», «Юность», «Азовские походы». Второй том, состоящий из двух частей, посвящен первому заграничному путешествию в марте 1697 – августе 1698 г.: часть первая — «Курляндия. Бранденбург. Голландия»; часть вторая — «Англия. Саксония. Вена. Польша». Том третий повествует о событиях 1698–1699 гг. Заголовки его частей: «Стрелецкий розыск», «Воронежское кораблестроение», «Городская реформа 1699 г.», «Карловицкий конгресс». Том четвертый — о событиях 1699–1700 гг. Заголовки частей: «Русско-датский союз», «Керченский поход», «Дипломатическая подготовка Северной войны», «Реформы и преобразовательные планы Петра 1699–1700 гг.», «Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовление Петра к Северной войне». В незавершенном томе пятом рассказывается только о посольстве Е.И. Украинцева в Константинополь в 1699–1700 гг.

Двадцатого апреля 1929 г. М.М. Богословский скончался. Похоронили его при большом стечении людей на Новодевичьем кладбище. Состоялись заседания памяти ученого. Извещения о смерти поместили в газетах. Но некролог напечатали толь-

ко в Ученых записках Казанского университета за 1929 г.²⁹ Другие некрологи в СССР — ни в Москве, ни в Ленинграде — не напечатали³⁰. Близилось начало сфабрикованного ОГПУ так называемого Академического дела — дела академиков-историков (ленинградцев С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева; в Москве — М.К. Любавского) и других видных ученых. В сценарии, реализовывать который стали с осени 1929 г., Богословскому отводилась роль главного сподвижника Платонова, руководителя московских «заговорщиков» (сейчас началось издание материалов следствия³¹, появилось немало работ, в той или иной мере характеризующих эту пагубную для гуманитарных наук и краеведения провокацию тоталитарного режима).

В архивах имеются материалы памяти ученого. Можно полагать, что намеревались издать сборник его памяти. А.В. Мельников подготовил для «Археографических ежегодников» некролог Богословского, написанный Платоновым³², очень теплый и уважительный (предназначавшийся, видимо, для академического официального издания), и другие материалы мемориального характера: среди них воспоминания С.В. Бахрушина, вскоре арестованного по «Академическому делу».

Понятно, что имя Богословского после «Академического дела» первоначально замалчивали. Когда обрушились на «школу Покровского» и вернули к научной деятельности коллег Богословского и Платонова (скончавшегося в январе 1933 г.), издали снова в 1937 г. платоновские «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» и приступили к подготовке к печати труда Богословского о Петре Великом. Издание было подготовлено Натальей Аполлинариевной Баклановой, ученицей Богословского, пострадавшей до того за сотрудничество с ним, под редакцией профессора Владимира Ивановича Лебедева, тогда едва ли не единственного члена партии среди видных специалистов по периоду феодализма в России. Первый том издали в 1940 г., второй — в 1941 г., третий (очевидно, подготовленный еще до войны) — в 1946 г., четвертый и пятый — в 1948 г.³³

Издание необычайно обогатило наши знания о Петре Великом и его времени. Книги насыщены интереснейшими, зачастую впервые вводимыми в научный оборот подробностями о быте и культуре в России и в зарубежье, о системе управления и делопроизводства, войнах и дипломатии той поры, о самом Петре и его окружении. Исследование отличает большое литературное мастерство. Оно является образцом и источниковедческого анализа (притом доступного и читателю-неспециалисту).

И естественно, что в наше время возникло желание переиздать эти книги, ставшие библиографической редкостью и остающиеся и по сей день самой подробной и выверенной биографией Петра I и истории России последней четверти XVII столетия.

К подготовке нового издания был привлечен мой ученик, молодой сотрудник Археографической комиссии Российской академии наук Андрей Васильевич Мельников (это тема и его дипломной работы в Историко-архивном институте РГГУ, и докладов на научных конференциях). Оказалось, что и в Библиотеке Академии наук в Петербурге, и в Российской государственной библиотеке в Москве не обнаруживаются сейчас машинописные экземпляры труда Богословского. Тщательно ознакомившись с рукописями личного фонда Богословского в Архиве РАН, Мельников выяснил, что при издании 1940-х гг. в авторский текст вносилась зна-

чительная конъюнктурная правка³⁴ и там имеется даже особое архивное дело с машинописными текстами, не вошедшими в изданный в 1946 г. третий том³⁵.

Изменен авторский заголовок труда (у Богословского «Петр Великий», в издании «Петр I»), опущен немецкий эпиграф, сокращена уже самая первая фраза. Было написано: «Петр Великий родился в Москве в Кремлевском дворце в ночь на четверг 30 мая 1672 г., на память преподобного Исаакия Далматского»³⁶; в издании опущена последняя часть фразы о памяти Исаакия. И далее устраняются упоминания о церковных праздниках, изменяются наименования (вместо «Немецкой слободы» — «Иноземная слобода» и др.). И, что еще более существенно, — устраняются иногда тексты с цитатами из источников и с размышлениями автора о степени их достоверности (особенно о сочинениях иностранцев). Внесены изменения в авторский литературный стиль, модернизирован язык.

Не включены в издаваемый текст замечания Богословского, неприятные для памяти Петра Великого, хотя и близкие к наблюдениям Пушкина о законах его, писанных кнутом. Например, осуждение обрезания бород как «грубой и до крайности резкой выходки человека, увлекшегося западноевропейской внешностью», модами и не находящего «своим выходкам преград»³⁷, или такие фразы: «Человеческая жизнь ничего не стоила в то время, и человеческая личность не была ограждена никаким правом против грубой и безжалостной машины политического розыска. Ничего не стоило выхватить человека из его мирной житейской обстановки, подвергнуть его всем ужасам тогдашнего следствия и затем равнодушно по миновании надобности выбросить его труп из застенка»³⁸. Такое в период сталинского террора публиковать не решались. Так же как и сравнение в явно негативном плане с Иваном Грозным в те годы, когда «опричное войско» было охарактеризовано Сталиным как «прогрессивное»: «Царь, сидящий в кресле, любующийся истязаниями подданных, — эпизод, относящий нас ко времени Ивана Грозного»³⁹. Не внесены в текст и рассуждения автора о совершенно необычном исполнении царем обязанностей палача: «И если он не мог удержаться от роли следователя, то по тому же самому он не мог не выступить и в роли палача»⁴⁰.

Оказались ненапечатанными и соображения Богословского о том, что у Петра не сразу оформился в сознании план преобразований и вообще не было четко сложившегося представления об этом: «То, что мы будем потом называть общим и отвлеченным термином “реформа” Петра Великого, слагалось из таких отдельных повседневных явлений, наталкивавших, естественно, на перемены и преобразования. Не будем забывать, что перед Петром никогда не было общего, заранее обдуманного и соображенного плана реформы, общей идеи о реформе как таковой. Такое мышление не было вообще свойственно людям конца XVII и начала XVIII века, и оно навязано им учеными мыслителями XIX столетия»⁴¹.

Подобные историко-социологические наблюдения не соответствовали политико-социологическим закономерностям в поведении вождей, утверждавшимся И.В. Сталиным в его сочинениях, особенно в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (о якобы ясной и четко прослеживаемой политической линии руководства партии Ленина–Сталина уже с начала XX в.). Опираясь на такой материал, можно даже попытаться написать статью о том, что именно опасались публиковать о Петре Великом современники «великого Сталина» (с наблюдениями социопсихологического порядка).

Совершенно очевидно, что труд Богословского был подготовлен так, чтобы он оказался угодным Сталину, заказавшему среди фильмов на исторические темы и фильм о Петре Первом.

Однако не будем торопиться осуждать готовивших труд Богословского к печати; тем более что издание сопровождалось ценным объяснительным словарем и указателями имен и географических названий. Поблагодарим за то, что они все-таки сумели сделать, вернуть читателю имя выдающегося историка и познакомив с настоящим обстоятельным жизнеописанием Петра Первого. Не сделай они этого тогда, труд Богословского, даже с большого масштаба конъюнктурной правкой, мог бы в период появления статей разоблачительного характера о его сподвижниках в науке А.С. Лаппо-Данилевском, А.А. Шахматове и А.Е. Преснякове и вовсе не увидеть свет. Показательно, что в рецензии негативной направленности на сборник статей 1947 г. «Петр Великий», напечатанной в № 4 журнала «Вопросы истории» за 1948 г. (т.е. в год выхода в свет последних двух томов труда Богословского), напомнили и об этом издании: автора статьи «Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки» профессора Б.Б. Кафенгауза упрекнули в том, что он не разобрал «принципиальные ошибки, содержащиеся в книгах М.М. Богословского и в предисловии к 1-му тому “Петр I”, где автор откровенно высказывает реакционные взгляды». Замечания Богословского о том, что легче строить широкие обобщения, чем достоверно изложить факты, расценивались как «выпад против советской исторической науки, которая базируется на теории марксизма-ленинизма и требует, чтобы историки не только собирали факты, критически их проверяли, но и обязательно делали из них соответствующие обобщения и выводы». Отметили как «недостаток» редакторского предисловия (В.И. Лебедева) то, что автор его «устранился от подробного критического разбора идеалистической концепции М.М. Богословского»⁴².

Ясно, что, готовя новое издание исследования М.М. Богословского о Петре Великом, необходимо буквально построчно сверять напечатанный уже текст с авторской рукописью (или авторизованной машинописью, если ее удастся обнаружить). Такое издание готовят в Археографической комиссии РАН при материальной поддержке Правительства Москвы. Ведь написанное Богословским посвящено именно московскому периоду правления Петра, и в изложении его содержится много интереснейшего о Москве тех лет и о москвичах. Труд академика Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» намерено выпустить в свет издательство «Наука». Подготовка к печати этого издания началась в 1999 г., в год Пушкина, так ярко изобразившего Петра Великого, его время, его место в истории России.

Издание это важно не только для познания петровского времени, но и для истории нашей науки и общественного сознания. Труд академика М.М. Богословского — памятник и Петру Великому, и отечественной исторической мысли.

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253.

² Он же. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 703; Пушкин А.С. Сочинения: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 49.

⁴ Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XVI вв. Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1865–1880 гг. СПб., 1885. С. 10 и след.

⁵ Цит. по: Цимбаев Н. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 344.

⁶ См.: Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

⁷ См.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 333.

⁸ См.: Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная: Научное наследие / Сост. Л.А. Черная. М., 1987; Халина Т.И. Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) // Историки России XVIII–XX веков. М., 1995. Вып. 2. С. 32–12. См. также: Халина Т.И. «В науке приятно быть и простым чернорабочим»: Михаил Михайлович Богословский // Историки России XVIII – начала XX века. М., 1996. С. 658–685.

⁹ См.: Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902; Он же. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. М., 1904 (2-е изд.: М., 1918).

¹⁰ Он же. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909–1912. Т. 1–2.

¹¹ Он же. Петр Великий (опыт характеристики) // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник [: В 6 т.] / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1912. Т. 3. С. 15–33.

¹² Он же. Император Петр I Алексеевич Великий // Государы из дома Романовых. 1613–1913 [: В 2 т.] / Под ред. Н.Д. Чечулина. М., 1913. Т. 1. С. 148–300.

¹³ Подробнее см.: Мельников А.В. К истории замысла труда М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Историческая наука на рубеже веков: Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 383–387.

¹⁴ Цит. по: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. С. 115.

¹⁵ См.: Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В. Дневник М.М. Богословского // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 2000 год. М., 2001. С. 271–279.

¹⁶ Богословский М.М. Памяти [Н.П.] Павлова-Сильванского // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 94.

¹⁷ Цит. по: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. С. 113.

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 141–142.

²⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 2329. Л. 10 об. (сведениями этими обязан А.В. Мельникову).

²¹ Богословский М.М. Научное значение [работ] С.М. Соловьева // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 21–22 (цит по: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. С. 121–122).

²² Он же. Русское общество и наука при Петре Великом: Речь академика М.М. Богословского в торжественном годовом собрании Академии наук Союза Советских Социалистических Республик 2 февраля 1926 г. Л., 1926. С. 3.

²³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2325. Л. 17 об.

²⁴ Наиболее полный «Список печатных трудов М.М. Богословского», подготовленный А.В. Мельниковым, см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 320–333.

²⁵ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии [: В 5 т.] / Под ред. В.И. Лебедева. М., 1940. Т. 1. С. 10–11.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2329. Л. 16–16 об.

²⁷ Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 636 (М.М. Богословский). Оп. 1. Д. 4–8.

²⁸ Там же. Д. 4а.

²⁹ Сыромятников Б.И. Памяти М.М. Богословского. 1867 – 20.IV.1929 // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1929. Кн. 2. Отд. 5. С. 394–396.

³⁰ За рубежом была опубликована статья: *Кизеветтер А.А.* Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков // *Современные записки* (Париж). 1930. Т. 41. С. 511–519.

³¹ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; Академическое дело 1929–1931. СПб., 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле: В 2 ч. Ч. 1, 2.

³² С.Ф. Платонов. Неизданный некролог М.М. Богословскому / Подгот. А.В. Мельников // *АЕ* за 1998 год. М., 1999. С. 388–396.

³³ *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. С. 3–435; М., 1941. Т. 2. С. 3–624; М., 1946. Т. 3. С. 3–502; М., 1948. Т. 4. С. 3–515; М., 1948. Т. 5. С. 3–316.

³⁴ См.: *Мельников А.В.* К истории публикации труда академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту*. М., 2000. С. 444–447.

³⁵ АРАН. Ф. 636. Оп. 1. Д. 36 («Акад. М.М. Богословский. Петр I. Том третий. Текст, не вошедший в издание 1946 г.»). Л. 1–65.

³⁶ *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. С. 13 (ср.: АРАН. Ф. 636. Оп. 1. Д. 4. Л. 1а–1).

³⁷ АРАН. Ф. 636. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

³⁸ Там же. Л. 59.

³⁹ Там же. Л. 139.

⁴⁰ Там же. Л. 80.

⁴¹ Там же. Л. 165.

⁴² *Антипов Г.* Рецензия // *Вопросы истории*. 1948. № 4. С. 122. Рец. на кн.: *Петр Великий: Сб. ст.* под ред. д-ра ист. наук А.И. Андреева. Л., 1947. Вып. 1.

ДНЕВНИК МОСКОВСКОГО ИСТОРИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

С недавнего времени дневниковые записи, эпистолярная и мемуарная стали для многих особо привлекательным чтением. Интересующимся историей это помогает отойти от навязчивого схематизма и одноцветности в изображении и истолковании явлений прошлого. Заметное усиление тяги ученых историографов к такого типа документации показывает изменение представлений о предмете и задачах историографии — отрасли исторической науки, изучающей ее историю, развитие исторической мысли. Ранее, в советские годы, внимание историографов сосредотачивалось преимущественно на концепциях исторического процесса (в целом и в частности), общественно-политических воззрениях историка и проявлениях его активного участия в общественной жизни. Ныне, осознавая все в большей мере, что всякое творение отражает натуру своего творца, стремятся ознакомиться и с источниками, позволяющими познать особенности образа мысли и поведения историка, приемы его каждодневного труда, его внутренний мир и его взаимосвязи

Впервые опубликовано: М.М. Богословский. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 3–27 (под назв. «Дневник московского историка и его особенности»).

с научным и иным окружением. Тем самым дневники, письма, мемуары историков стали восприниматься как существенная сфера их творческой деятельности; и численность документальных публикаций подобных исторических источников и трудов (статей, а теперь уже и книг), основанных на их изучении, неизменно увеличивается.

Историк Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) — профессор Московского университета, а также Высших женских курсов и Московской духовной академии, в 1921 г. ставший членом Российской академии наук, — одна из самых заметных фигур в сфере научно-просветительской жизни Москвы первой четверти XX столетия. В наши дни творческое наследие ученого вызывает возрастающий интерес; все более осознаем и значимость содеянного им для развития нашей исторической науки. В монографиях Богословского «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.» и «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» (в основе которых магистерская и докторская диссертации историка) исследуется повседневная жизнь, показаны информационный потенциал источников ее изучения (прежде всего документов делопроизводства) и методические приемы выявления таких данных, а история повседневности, микроистория, локальная история — проблематика, особо привлекательная в последние десятилетия для историков всего мира. Монументальный труд М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» остался незавершенным (биография доведена до 1700 г.), но признается самым выдающимся образцом исследования биографии изо дня в день государственного деятеля с такой обстоятельностью и добросовестностью.

Выпускник и профессор Московского университета, с 1911 г. заведовавший кафедрой русской истории, возглавлявшей до того В.О. Ключевским, сыграл особо заметную роль в формировании исследовательского и преподавательского мастерства тех виднейших историков советских лет, которые старались сохранять и совершенствовать славные традиции нашей исторической науки, — знаменитые профессора Московского университета академики Н.М. Дружинин, В.И. Пичета и М.Н. Тихомиров, учителя уже моего поколения историков, подчеркивали значение именно семинариев профессора Богословского предреволюционного десятилетия в становлении их творческих навыков и напоминали о дорогом учителе, обращаясь к молодежи. Наставничеству Богословского обязаны формированием уже в 1920-е гг. (когда профессора истории — «спецы» дореволюционных университетов — усилиями М.Н. Покровского были отлучены от преподавания в вузах) и школы исследователей — музейных работников в Историческом музее, к которой восходят достижения нашего современного музееведения. Богословский немало сделал и для выработки программы краеведческой работы 1920-х гг., развития архивного дела и его взаимосвязи с наукой.

Когда М.М. Богословский скончался 20 апреля 1929 г., пораженные этой утратой историки сразу же попытались написать тексты некроложного стиля, выступали с воспоминаниями. Готовился сборник статей памяти ученого. Но с фальсификацией ОГПУ «Академического дела» историков и арестом академиков С.Ф. Платонова (в Ленинграде) и М.К. Любавского (в Москве) и ученых из окружения их и академика М.М. Богословского работа эта прервалась. Как явствует из

следственного дела, Богословского старались изобразить руководителем московских участников сфабрикованного ОГПУ монархического заговора. Публикация его сочинений прекратилась, подготовленный С.Ф. Платоновым для академического издания некролог тогда не увидел свет.

В середине 1930-х гг. оставшимся в живых потерпевшим по «Академическому делу» дали возможность вернуться к научной работе. К тому времени отступились и от официально навязываемого М.Н. Покровским и его «школой» вульгаризаторского социологического схематизма и национального нигилизма в изображении прошлого России. «Государственнические» воззрения по существу находили отражение в официальной программе создания произведений искусства (прежде всего кино) и художественной литературы, долженствующих противостоять внушавшимся ранее представлениям Покровского об этом периоде истории. Решено было готовить и издание незавершенного много томного труда Богословского о жизни и деятельности Петра Великого. Этим занялась верная ученица Богословского Н.А. Бакланова¹. Правда, в издание этих пяти томов внесена была конъюнктурная цензурная правка — изменения и в заголовке и в тексте².

В учебном пособии профессора Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (вышедшем в 1940 г.) — лучше обобщающего типа историографическом труде советской эпохи — в емкой характеристике написанного М.М. Богословским отмечено, что историк ставил перед собой задачу «восстановить конкретную историческую картину», воспроизвести «конкретные отношения реальной жизни».

Но еще в 1948 г., когда развернулась безобразная кампания «разоблачения» вредности якобы методологии и общественно-политических взглядов виднейших ученых гуманитариев начала XX в. и появились в академических научных изданиях статьи такой направленности об историках А.С. Лаппо-Данилевском и А.Е. Преснякове и филологе А.А. Шахматове, писали, что в книгах Богословского о Петре I высказываются «откровенно... реакционные взгляды». И первые печатные труды, специально посвященные Богословскому, могли появиться только после посмертной реабилитации осужденных в 1931 г. академиков и возвращения им этого звания в 1967 г. Автор первой обстоятельной статьи о Богословском, напечатанной в 1974 г. в 93-м томе «Исторических записок», академик Л.В. Черепнин (сам в молодые годы пострадавший по «Академическому делу») использовал широко и архивные материалы, ознакомив и с фрагментами дневниковых записей историка. Использовала эти записи и Л.А. Черная во вступительной статье к подготовленной ею книге избранных сочинений М.М. Богословского (часть которых ранее не публиковалась) «Историография, мемуаристика, эпистолярная», вышедшей в 1987 г. Книга усилила интерес к историографическим трудам ученого, а его воспоминания «Москва 1870–1890-х годов» стали перепечатывать в московских изданиях.

Деятельность Богословского привлекла внимание Т.И. Халиной (Калистратовой), писавшей о преподавании истории в вузах и подготовке научных кадров в послереволюционное время. С конца 1990-х гг. всеохватным исследованием наследия академика (прежде всего архивного) занялся выпускник Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета А.В. Мельников — ныне старший научный сотрудник Археографической комиссии и Архи-

ва РАН, член редколлегии «Археографического ежегодника» и «Московской энциклопедии». Он составил список печатных трудов историка и литературы о нем, опубликованный в «Археографическом ежегоднике за 1999 год». Именно А.В. Мельников выявил цензурную правку при издании труда Богословского о Петре Великом в пяти томах в 1940–1948 гг. и начал подготовку академического издания этого фундаментального исследования, соответствующего авторскому тексту — первый том вышел уже с авторским заголовком «Петр Великий: Материалы к биографии» — в 2005 г. Мельниковым же подготовлены к печати две книги трудов историка «Российский XVIII век» (изданные в 2008 и 2010 гг.) — в первой объединены работы о времени Петра I, во второй о периоде истории России после правления Петра I. Его усилиями достоянием читателя стали обзор воспоминаний о Богословском и напечатанных в России и за рубежом некрологов его и некролог, написанный его ближайшим другом последнего десятилетия жизни академиком С.Ф. Платоновым. В Издательскую программу Правительства Москвы включен второй том издания «Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками». Во второй книге его переписка с Богословским — ценный источник изучения образа мысли элиты интеллигентов-гуманитариев Москвы и Петербурга–Петрограда–Ленинграда). Жизни и творчеству крупнейшего московского историка посвящены уже в нынешнем столетии диссертации, статьи, документальные публикации, Археографической комиссией РАН были организованы к годовщинам со времени кончины историка научные конференции — в 1999 г. и в 2004 г., материалы которых напечатаны в «Археографических ежегодниках» за 2000 и 2004 годы³.

В «Археографическом ежегоднике за 2000 год» опубликована и статья сотрудников Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой «Дневник М.М. Богословского». Фрагменты дневниковых записей напечатаны были ими в журнале «Вопросы истории» (№ 2 за 2009 г.) и вызвали живой интерес и у историков, и у широкого читателя.

Статья Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой сравнительно небольшая, но она дает представление и об основном содержании дневниковых записей, преобладающей там тематике, и о стиле авторского изложения. Приводятся и умело отобранные фрагменты таких записей. И потому целесообразно привести цитаты из начальной части статьи: «Ценность любого дневника — непосредственное воспроизведение действительности. Своеобразие дневника Богословского в том, что историк стремился по горячим следам вычленивать значимые события и процессы. Он вел дневник в период Первой мировой войны и двух революций 1917 г. Бурные события этих лет в той или иной степени нашли отражение на страницах дневника. Иногда историк просто сухо перечисляет факты, но, как правило, записи представляют собой попытку осмысления и оценку происходящего. Богословский неизменно пытается вписать дневные наблюдения в общий контекст русской истории.

Спектр проблем, волновавших Богословского, чрезвычайно широк. Наиболее полный материал дают дневниковые записи для изучения таких тем, как наука и научные интересы автора; его преподавательская деятельность, политические взгляды. Интерес представляют, кроме того, взгляды и суждения Богословского по вопросам воспитания детей, в том числе в средней школе, образования...

Присутствующие в дневнике философские рассуждения Богословского о вопросах бытия помогают понять его как личность. “Раскрывается” он на страницах дневника и как любящий заботливый отец; много теплых строк посвящены любимому сыну Михаилу — Мине, “Каплюшечке”.

Богословский выступает и как художник-бытописатель: в дневнике имеются интересные описания, например, типов мелкого торгового люда, “словно вышедшего из 17 века”, и даже пейзажные и жанровые наброски. Эстетические взгляды Богословского в некоторой степени выявляются по записям о его впечатлениях от посещений художественных выставок, театров и концертов».

Верным представляется и утверждение: «Консерватор по убеждениям, Богословский не мог принять не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию. Записи его дневника наполнены критикой деятельности и Государственной думы, и Временного правительства, и большевиков. Но наибольшее раздражение Богословского вызывала даже не смена государственной формы правления, а полнейшая неспособность Временного правительства распорядиться полученной властью, в результате чего Россия переставала существовать как государство»⁴.

В издаваемой книге впервые публикуются целиком все выявленные дневниковые записи историка. Допустимо, однако, предположить, что это — лишь дошедшая до нас часть массива дневниковых записей. Записи 1913 г. кажутся отрывком, обрывающимся незавершенной фразой. По принципу отбора материала для изложения и стилистикой они схожи с записями 1915–1917 гг. И Богословский вел их тоже и в Москве и в Сергиевом Посаде, где преподавал в Московской духовной академии («Пишу вечером у Троицы»). Записи же 1915–1917 гг. выглядят как продолжение текста, не имеют никакого зачина с мотивировкой цели и значимости ведения дневника, хотя и завершаются суждением общего порядка, как бы суммирующим сформулированное на предыдущих листах дневника. Правда, в записи от 16 июля 1916 г. Богословский отметил: «Сегодня исполняется ровно год, как я стал вести эти записи, не пропуская ни одного дня». Но возможно, в этих словах указание на определенные блокноты или на то, что записи впервые оказались столь регулярными — в дневнике 1913 г. пропуск в три дня (между 9 и 13 сентября). Впрочем, это может быть и отражением — не невольным ли? — приемов научной работы автора именно в то время, когда он буквально поденно восстанавливал биографию Петра Великого.

Записи 1919 г. специфического характера и могли быть сделаны и тогда, когда Богословский перестал следовать обычаю регулярной фиксации впечатлений прошедшего дня. В октябре 1919 г. ученый оказался в санатории, в необычном для себя положении: едва ли не впервые за многие годы лишен был привычной возможности и обязанности работать — писать свои сочинения или читать сочинения других историков и из дома взял книги, по тематике не относящиеся к ведущемуся им изо дня в день исследованию о Петре Первом. К тому же в санатории (точнее сказать, загородном стационаре) историк очутился в обществе незнакомых ранее лиц и в комнате, где обитало еще несколько человек. Обязанный подчиниться «порядку растительно-жвачной жизни», историк решил фиксировать такой образ существования.

Если в предположениях о массиве дневниковых записей имеется доля обнадеживающей истины, следует пытаться обнаружить в архивах не дошедшие до нас дневниковые записи и найти объяснение тому, почему они оказались не вклю-

ченными в документацию, предназначенную для передачи на хранение в Исторический музей. Возможно, что записи именно 1915–1917 гг. Богословский поспешил запрятать в архивохранилище Музея с обязательством не вскрывать пакеты с документами без его разрешения в связи с обострением наступления на «спецов» — профессоров истории еще дореволюционного времени. В ту пору, в 1928 г., М.Н. Покровский — глава партийного «исторического фронта», не раз и писал и говорил о «научном кладбище бывших ординарных, экстраординарных и в особенности заслуженных профессоров», о «запахе тлена, идущем от остатков “школы Ключевского”»⁵. И И.В. Сталин уже инициировал активизацию борьбы с людьми «непролетарской» идеологии, и тех, кого до 1917 г. относили к господствовавшим («эксплуаторским») классам, объявляли в массе своей «лишенцами», т.е. лишенными избирательных и других гражданских прав. А именно в записях 1916 и особенно 1917 гг. явственно обнаруживаются антиреволюционный настрой автора и откровенно негативные характеристики большевиков и их лидеров⁶.

Пока неясно, вел ли Богословский дневник с намерением использовать его в дальнейшем в работе над мемуарами. Совершенно очевидно, однако, что он рассчитывал на ознакомление впоследствии с этими записями сына. 27 ноября 1915 г., сообщив о покупке ему подарка — «печаточки», замечает: «Радость необычайная, когда он ее получил», и затем такой текст: «Милый мой “Каплюшечка”, если будешь читать эти строки, вспомни, как я любил тебя!» Небольшая редакционная правка позволяет полагать, что автор считал важным отражение непосредственных ощущений и возникавших тогда соображений с возможной точностью, так же как и уточнение примет описываемого момента, тем самым облегчая понимание текста и использование его в дальнейшем, — и показательно, что правка вносилась преимущественно в «строки» рассуждений и оценочных характеристик.

Это обуславливает еще большее доверие к дневниковым записям историка тех, кто будет обращаться к ним при комментировании других документальных публикаций об этих периодах истории Москвы и России и развития исторической науки.

* * *

Знакомясь с дневником историка, убеждаемся в том, что в основе запечатлеваемого в каждодневных записях — исторический контекст (если исходить из основного смысла латинского слова *contextus* — сплетение, соединение): ко многим явлениям настоящего Богословский подходит со сложившимися уже представлениями о ходе, особенностях и конкретных чертах исторического процесса, а представления о прошлом углубляются наблюдениями о взаимосвязи с современностью. Это заметно и в отборе отмечаемых и характеризуемых явлений прошедшего дня, и в широком социолого-философском подходе к другим явлениям. Наблюдаемое Богословским обретает под его пером исторические приметы,

⁵ Оставшиеся дома дневниковые записи за другие годы могли быть и уничтожены или переданы вдовой историка другим лицам, когда с конца 1929 г. начались аресты историков из ближайшего окружения Богословского (не раз упомянутых и в публикуемых дневниковых записях). Возможно, все-таки что-то уцелело и, лишенное опознавательных данных, осталось невыявленным и потому не атрибутированным в архивных материалах родных и знакомых Богословских?

начинает восприниматься как источник познания описываемого им времени, его своеобразия, типологии.

Для восприятия и оценки Богословским происходящего в современной России характерны (особенно если явление большой значимости) исторические аналогии, ассоциации, сопоставления, сравнения. Причем не только из русской истории (из периодов которой историк чаще всего вспоминает о «Смутном времени» начала XVII в.), но и из всемирной истории (Античности и раннего Средневековья, Реформации в Германии, Английской революции XVII в., Французской революции конца XVIII в., политических переворотов в Западной Европе конца XVII – первой половины XIX вв.). Подобные реминисценции объясняются и тем, что Богословский полагал, что «в истории основное бывает сходно с различиями в частностях» (запись 29 октября 1917 г.).

4 января 1917 г. у прозорливого историка уже возникли ассоциации с событиями, предшествовавшими свержению короля Карла I: «Происходит нечто подобное тому, что Англия переживала во второй четверти XVII в., когда все общество было охвачено религиозной манией. С тою разницей, что у нас мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов — политические резолюции об ответственном министерстве и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами, и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее...» (подчеркнутые слова написаны над строкой — показатель редактирования текста, — вероятно, сразу или вскоре после написания с целью уточнения формулировки, характеризующей позицию автора, и совершенствования литературной стилистики записи). И вслед за этим выразительное суждение: «Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по-цивилизованному, как в 1688 г. (в Англии. — С.Ш.) и 1830 (во Франции. — С.Ш.). А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечет за собой экспроприации, разбой и грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина и Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины и Пугачевщины».

4 марта, под первым впечатлением об отречении царя, взволнованная запись о будущем России, исходя именно из историко-географического контекста: «...неотвязчивая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно. Тревожные мысли приходят и о внешней опасности, грозящей в то время, как мы будем перестраиваться... как бы нам не оказаться не великой, а второстепенной державой, слабой республикой между двумя военными империями германской и японской. К чему приводили перестройки государства по теориям, мы видим по примеру Франции в течение XIX века. Не дай нам боже только последовать примеру польской республики!»

А 5 марта, исходя из общих представлений, основанных на осмыслении опыта всемирной истории, провидчески предположил: «Мне думается, что течение пройдет теперь по гегелевской схеме, т.е. после тезиса (старая монархия) наступит антитезис (республика) и только уже потом, когда антитезис себя исчерпает до дна, наступит синтез. Посмотрим». Богословский действительно смог «посмотреть»: дожив до зловещего в советской истории года «великого перелома».

Историк почти сразу же после Февральской революции уразумел ее особую историческую значимость и предсказал грандиозность ее последствий. 8 марта 1917 г. он записал: «Переворот наш — не политический только, не революция июльская или февральская (имеются в виду революции во Франции, точнее даже в Париже, в июле 1830 г., когда свергли Бурбонов — короля Карла X, и февраля 1848 г., когда свергли короля Луи-Филиппа. — С.Ш.). Он захватит и потрясет все области жизни, и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию». И далее с тревогой и самоубеждающей надеждой о едва ли не самом заветном для историка: «В частности, наша русская история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука — одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря». (Цитата эта справедливо приведена как итоговая в статье Е.В. Неберекутиной и Т.Ф. Сафроновой, пораженных «провидческим даром» Богословского⁶.)

Ссылки на историю и российскую и зарубежную (Франции, Польши, Северной Америки) и в политологическом рассуждении, завершающемся заключением: «Из абсолютной монархии прямо в “демократическую республику” не прыгают». Запись 27 июля 1917 г. начинается так: «Опыт пережитого выясняет мне с большой убедительностью два заключения. 1) Монархия в России не доделала своего, м.б., жестокого и неблагодарного, но необходимого дела, которое было доделано ею ко времени революции во Франции. Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом... 2) Русский народ не приобрел еще такого характера, выдержки и развития, чтобы те партии, на какие он теперь распадается по взаимной своей борьбе, могли обойтись без “верховного арбитра”, голос которого был бы уже окончательным и безапелляционным...»

Богословский, однако, продолжает еще использовать и терминологию писавших о России зарубежных авторов XVIII в., обозначавших термином «революция» переворот 1762 г.: «Революция — роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы. Революция 1762 г. была благодетельна потому, что на место дурака посадила замечательную умницу, которая и процарствовала во славу России 34 года (имеются в виду Петр III и Екатерина II. — С.Ш.). Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок сменила беспорядком и развалом и потому может быть для нас гибельна» (12 мая 1917 г.).

А 19 июня фиксирует такое умозаключение: «Был старый, старый сколоченный веками из разных пристроек и частей дом. В последние два века дому старались придать единство фасада. Но фасад не объединил составлявших его частей. Разразилась небывалая в мире гроза, и дом не выдержал, треснул и готов совсем развалиться. Пока он был цел, люди, жившие в нем, чувствовали стыд и уважение

к старому дому; когда он стал рассыпаться, исчезла и нравственная сдержка, и обитатели дали волю самым низменным инстинктам. Вот сравнение, пришедшее мне в голову при мысли о том, что творится в России» (подчеркнутые слова — свидетельство авторского редактирования).

Знание истории (а также художественной литературы) и личные впечатления («вспоминалось») определяли и представление об «истинной цене» «купецкого либерализма» и о том, что у купечества «с прогрессивными повадками» «та же алчность к наживе, с которою облапошивали и дедушки в смазных сапогах» (записи 27 мая и 6 сентября 1916 г.).

Нередки ассоциации с конкретными событиями и лицами русской истории. 18 июля 1917 г. историк пишет: «Россия в начале XVII в. видала единоличных самозванцев, в начале XX в. увидела самозванцев коллективных и столь же темных. За три века мы не справились. У нас все то же тяготение к самозванщине».

Богословский замечает схожее в отечественной истории и более нового времени — 8 сентября 1917 г., указывая на удивляющую быстроту изменений в высшем военном руководстве, пишет: «Таких кувырк-коллегий у нас со времен Павла Петровича (т.е. Павла I. — С.Ш.) не бывало». 9 ноября 1916 г. такая запись историка: «Буря против Штюмерера и обвинения его в измене напоминают очень травлю Сперанского в 1812 году. С тою разницею, конечно, что Штюмерер не Сперанский; но основательности в обвинении, вероятно, столько же. В его измену, взяточничество и т.п. я совсем не верю... Бог его знает, кто такой этот Штюмерер, но измена его мне ничем не доказана». И прибавляет к тому соображение, объясняющее противощтюмереровский настрой общества: «Неудобно, конечно, ставить во главе правительства теперь человека, носящего немецкую фамилию». Для нашей темы существенно то, что между этими фразами, начинающими и завершающими рассуждение о председателе Совета министров той поры, соображения, объясняющие характерное не только для человеческой природы Богословского, но и его источниковедческих приемов историка: «Есть два способа подходить к неизвестным людям. Первый способ: подлец. Докажи, что это не так. Второй способ: порядочный человек, и только после очень тщательно проверенных и взвешенных доказательств можно изменить мнение и признать его подлецом. Я подхожу к людям по второму способу. Чтобы поверить обвинению, мне нужны обязательные и бесспорные доказательства».

Рассуждая 29 января 1916 г. о Распутине, замечает: «...не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на распутии. Те же явления, что при Александре I в кружке Татариновой, позже в кругу почитательниц Иоанна Кронштадского, также признававших в нем Бога-Саваофа». К исторической ассоциации обращается Богословский — человек глубокой религиозности, и, сетуя о происходивших перемещениях в высшей церковной иерархии, — 24 ноября 1915 г. пишет: «...не сами ли эти иерархи своим низкопоклонством и угодливостью довели себя до такого положения, когда обер-прокурор может ими швырять? Когда Синоду предложили поставить в епископы Варнаву, безграмотного человека, почему же Синод, считая его неспособным занимать епископское место, все-таки поставил его и не нашел в себе мужества выступить с возражением? Пришлось бы по-

страдать, но почему же забыли о митрополите Филиппе? (осмелившемся в годы опричнины выступить против царя Ивана Грозного. — С.Ш.). Вступили в сделку с совестью; поэтому и покатались по наклонной плоскости и теперь пожинают плоды. Иерархи о церкви менее всего думают; главной пружиной их деятельности является личное честолюбие: повышение, награды, доходы... Сделались чиновниками, так и подвергайся всем неудобствам судьбы, между прочим и перемещениям».

Об А.Ф. Керенском — 24 июля 1917 г., в описании, как «выходил на три часа в отставку, потом по челобитью всех вновь взял бразды правления», восклицание: «То ли не Борис Годунов» (это, пожалуй, уже историко-литературная ассоциация, восходящая к пушкинской драме. Не раз цитируются и стихи А.К. Толстого исторической тематики и сатирического жанра).

Переживая начавшийся распад Российской империи, в связи с «Украинским съездом в Киеве», восклицает 6 апреля 1917 г., обращаясь к четырехсотлетней теории: «О Русская земля, собранная столькими трудами великорусского племени! Неужели ты начинаешь расплзаться по своим еще не окончательно изгладившимся швам! Неужели нам быть опять Московским государством XVI в.!»

В записи 2 августа 1917 г. параллель уже с историей Западной Европы: «Наши верховоды играют теперь во Французскую революцию XVIII в., о которой они кое-что почитали. Но народ наш еще не французы XVIII в., а немцы эпохи Реформации XVI ст., когда, переставая верить в иконы и мощи, выволакивали их из церквей и всячески надругались над ними». Это реакция историка на известие об отправлении царской семьи в Тобольск; и то же в сопоставлении с данными о свергнутых европейских королях Нового времени: «Зачем-то понадобилось переводить царскую семью в Тобольск! Ведь это лишнее издевательство в угоду разным советам! Потеряв веру в икону, недостаточно снять ее из переднего угла. Но надо еще надругаться над нею! Вот они дикари! Почему же Иаков II, Карл X, Людовик Филипп, да и теперь греческий король Константин могли уехать за границу и жить себе там — но это в цивилизованных странах».

Размышляя о событиях в связи с ростом цен, в записи 5 февраля 1917 г., он обращается уже к древней истории, напоминая о том, что происходило тогда перед Пилатом: «Толпа коллективно чувствовать может, а рассуждать нет». А 26 мая 1917 г. после разговора с М.К. Любавским и другими профессорами о «современном положении» и «об ожидающих нас перспективах» допускает сравнение с происходившим в период распада Римской империи и образования первых «варварских» государств: «Это прямо какая-то мрачная, потрясающая симфония. Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупы, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации, бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы переселения народов и т.д. и т.д.».

При описании явлений бытового обихода у Богословского тоже возникают ассоциации с прошедшим, иногда и о личном памятном — после посещения 27 июля 1917 г. дома сельского священника такая запись об «уютном домике»: «комнаты с чистыми полами, “дорожками” по ним и цветами у окон напомнили мне квартиру Ключевского». (Попович из Пензы, став знаменитым профессором, по-прежнему уютнее себя чувствовал в привычной с детства обстановке, и Богословскому это

явно импонировало.) В записи 6 января 1916 г. под впечатлением прогулки в Замоскворечье, когда «видел большую толпу народа на набережных и местах против Кремля в ожидании крестного хода», характерное наблюдение: «В Замоскворечье древнемосковского духа сохранилось больше, чем в других местах. В толпе, к которой я присматривался, много типов — из мелкого торгового люда, которые не ушли еще из XVII века, и если бы их переодеть в платье того времени, совершенно могли бы вдвинуться в толпу XVII столетия, также присутствующую при выходе государя на крещенское водосвятие». А в записи 15 августа 1916 г. о приходе на их дачу вечером «двух баб, продающих кур и масло» отмечено: «поднялся при этом необычайный крик.

Вот они “бабы-торговки”, о которых писал Петр Великий, предписывая сенаторам вести себя пристойно, не подражая им».

Фиксируются изменения, особо примечательные и для историка, в манере поведения и взаимоотношениях социальных групп (запись 28 сентября 1915 г.: «Маляров удалось достать не без труда. Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых»), в жизненном обеспечении (рост цен, исчезновение продуктов и товаров). Не раз указывается на активизацию евреев в общественной и особенно политической жизни — приходится, к сожалению, признать, что в воззрениях историка была и доля антисемитизма (запись 6 июня 1916 г. и др.), что свойственно было (судя по дневникам московского историка Ю.В. Готье и супруги петроградского историка С.Ф. Платонова), впрочем, и некоторым другим лицам его профессорского круга.

С.В. Бахрушин, вспоминая о Богословском, верно заметил, что он, «как художник», «не понимал, не мог понять исторический факт вне живой обстановки, вне того быта, которым он был окружен в действительности»⁷. Но, переносясь мыслью вглубь веков, Богословский учитывал то, что его умственный взор — взгляд человека научной культуры уже XX в., чего-то уже не способного понять в прошлом и в то же время усматривающего то, о чем (или о наименовании чего) не подозревали современники изучаемых исторических явлений. И как раз в связи с докладом именно Бахрушина об Остяцком княжестве XVII в. сформулировал в записи 18 ноября 1916 г. тонкие источниковедческие наблюдения: «Явления первобытной культуры надо изучать методами этнологии», но «рассматривать их для XVII в. приходится через бумаги Сибирского приказа, следовательно, сквозь призму изображения наших подьячих XVII в., едва ли подготовленных для этнологических изысканий».

В записях иногда прослеживается, как частное наблюдение подводит к предположению, даже выводу общего характера: так, убедившись в том, что проходившее под председательством великого князя Николая Михайловича заседание Русского исторического общества (на которое его и Любавского пригласили специально приехать), «ни к чему, конечно, не придя, было закрыто» и «все это было так беспорядочно», Богословский пишет: «Возможно, что таким же манером идут в разных наших высоких совещаниях и дела большой государственной важности» (запись 24 мая 1916 г.).

Наблюдения Богословского социолого-психологического порядка (если можно так выразиться) — это тоже рассуждения историка, думающего о характерном

для народа, прошлое которого изучает: «Душа русская — драгоценность, но оправа в ней дрянь» (это в записи 2 июля 1916 г. заключительная фраза разговора с деревенскими мальчишками, нарочито злоупотреблявшими в своей речи матерным лексиконом: увещания Богословского они восприняли, к удивлению его, «серьезно»). Выразительна и запись 4 ноября 1917 г. о Москве сразу после Октябрьского переворота, по возвращении с «прогулки по переулкам нашего района», т.е. Пречистенской части: «Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление!» И вслед за тем умозаключение-восклицание общего порядка и наблюдение над местными жителями: «Глубина русского дикаря, кто изведает тебя! Встречались обыватели интеллигентного вида унылые, испуганные, хмурого вида люди с поникшими головами». Знаменитый юрист Н.В. Давыдов, близкий знакомый Л.Н. Толстого и один из кумиров московский интеллигенции рубежа XIX и XX столетий, в мемуарах своих характеризовал именно район переулков Приарбатя (т.е. Пречистенской и Арбатской частей) как «средоточие московской интеллигентской обывательщины»⁸. Ее-то внешний облик в те дни и запечатлен в дневнике Богословского.

Наблюдения над явлениями современности побуждают историка формулировать соображения историко-психологического плана, даже источниковедческого. Записывая в Сергиевом Посаде 12 сентября 1916 г. рассказанное там его другом и коллегой по преподаванию в Московской духовной академии профессором И.В. Поповым, историк замечает: «Он мне передал красивую легенду, возникшую в Посаде по поводу пожара в Троицком соборе. В соборе 13 августа ночью затлелась вата в ризе преп. Сергия. И вот пошли рассказы о том, что некоторые видели, как преп. Сергей ушел из собора и монастыря. Не иссякает народное творчество в области легенд». И далее о разговорах с местными крестьянами: «С большим трудом стоило мне расспросить этого очевидца... о происшествии: он все сбивался на разные вводные, побочные рассказы, и это не в нем одном. То же и у матроса на пристани... — все какие-то околесицы». И вслед за этим предположение ученого: «Русский человек не привык ходить прямою шоссею дорогою, за ее неимением, а все пробирается окольными проселками, оттого и не скажет никогда ничего прямо». Показательны и соображения, возникшие в связи с отъездом его жены 6 августа 1917 г. с дачи в ближний к ней город Рыбинск посмотреть на выборы в городскую думу: «Объекты женского любопытства меняются, но существо остается тем же: прежде ходили “посмотреть” на чужую свадьбу, теперь мода на политику, значит, надо смотреть на выборы». Или наблюдение, важное в плане размышлений историка, занятого написанием именно биографии: «Люди в очень зрелых годах остаются такими же, какими приходилось знать их на школьной скамье» (запись 23 июля 1916 г. о малодостойном поведении видного политика В.А. Маклакова, с которым учился в одной гимназии).

Богословского о многом побуждают задуматься и возникшие сразу после Февральской революции соображения, тоже основывающиеся на опыте наблюдений историка, — 24 марта 1917 г. он записал: «Есть люди, для которых революционная деятельность была приятна своею таинственностью и опасностью. Как же они теперь будут себя чувствовать? Чем займутся, раз уже ни подпольной, ни опасной де-

ательности не будет? А между тем, этот род людей едва ли сразу исчезнет; он нарождался столетием».

Вероятно, дневниковые записи историка будут использовать в этой связи преимущественно в трудах по общественно-политической истории. Однако там немало — и именно в данном контексте — небезынтересного в плане развития культуры и науки. Для Богословского сильным переживанием стал урон, наносимый дорогим ему традициям русской культуры, ее православным основам и русскому языку. Он опасался последствий изменений в привычном бытовом обиходе.

После осмотра наследственной усадьбы Теляковских 23 июня 1917 г. записал: «Сколько вкуса, тонкого и изящного! И неужели все эти уголки теперь должны исчезнуть перед пропотелым “спижакон” товарища Семена и все должно быть заплелано подсолнечной скорлупой». Еще ранее под впечатлением поездки на пароходе на дачу под Рыбинском 6 июня писал о «подсолнухах, в колоссальных размерах поедаемых нашей демократией, загрязняющей их скорлупой все места, где она находится. При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непрерывном движении и работе. В зерне подсолнуха должно быть зерно нашей “свободы”». И под впечатлением от усадьбы Теляковских социологического плана соображение: «У барина в усадьбе, у священника в его домике, у мужика в его избе есть своя ему именно свойственная и им созданная обстановка, его именно отражающая. А “товарищ” в этом отношении ничего пока не создал».

Не раз повторяются свидетельства устойчивости историко-эстетических (если можно так выразиться) предпочтений Богословского — когда он пишет о красоте и смысле церковного пения, особом душевном настрое, возникающем в небольших малолюдных храмах, о прелести «нестеровского» пейзажа подле Сергиева Посада и «всей красоте верхней, чисто великорусской Волги, с ее тихими берегами, с белыми церквями расположившихся на берегах сел» (запись 28 мая 1917 г.). Или об очаровании старинных дворянских усадеб — 26 сентября 1916 г., купив книгу графа П.С. Шереметева о подмосковных Вяземах, написал: «К таким изданиям я равнодушен, как и к самим этим усадьбам. Хорошо, что принялись теперь за их описание: скоро на месте этих садов и парков, возбуждавших у лучших наших поэтов их поэтические вдохновения, появятся салотопенные и иные всякие заводы».

А в записях уже осени 1919 г. (которые вел «на тумбочке у постели», что разъясняется автором — «записываю кое-как и далеко не все, что хотелось занести») подчеркивается и историческая основа эстетическо-этических пристрастий: в записи, сделанной в воскресенье 3 ноября, читаем: «В церкви темно, только мерцание немногих лампад и свечей. Какая дивная поэзия в этом предрассветном богослужении и в этом возгласе “Слава Тебе, показавшему нам свет”, когда действительно свет показывается. Высокие сущности, вечные и незыблемые, человечество облакает в различные, меняющиеся, но всегда поэтические формы. Это и есть поэзия религии. В поэзии нашей религии меня привлекает ее красота и ее древность. Последняя связует поколения. То, что мы теперь видим и слышим в храме, видели и слышали наши предки XVII, XVI [веков] и еще более далекие предки».

Богословского коробила «порча русского языка в устах ученых». Это отметил даже, описывая докторский диспут семейно близкого ему Д.Н. Егорова, 28 февра-

ля 1916 г. и привел как примеры: «некоторые крылатые слова... показывающие» это: «“инфериорная масса” вместо “низший слой населения”, “дорога хорошей обустроенности и большой протяженности”, “засвидетельствованность” и т.д. Где ты, язык Тургенева!» 18 августа 1917 г. горестное восклицание о языке СМИ — средств массовой информации (как сказали бы мы сегодня): «Какая масса запoшленных выражений наполняет теперь газетные столбцы и как быстро благодаря усиленной всеобщей болтовне испошливается всякое новое выражение!» А 20 октября уже и резкое осуждение: «Господи, на каком безобразном интернациональном воляпюке говорят эти товарищи-большевики. Совет рабочих и солд. депутатов начинает издавать “декреты” и выражается так: “Принимая во внимание, что предприниматели, *саботируя* производство, *провоцируют* стачки, совет *декретирует*” и т.д. Что станется с русским языком после таких упражнений. Уже эта одна порча языка есть их великое преступление против России» (подчеркнуто автором).

Дневник показывает широту исторического кругозора Богословского, способность масштабного видения исторического процесса в его развитии и свойственное ему умение выявить конкретные и исторически типологические приметы и прошлого и настоящего. Вероятно, такой образ мышления делал для него особо привлекательным изучение повседневной истории и ментальности — и в массовой документации и в бытовом обиходе и выдающихся личностей (по дарованию, положению в обществе или совмещении этого, как у Петра I, В.А. Жуковского, В.О. Ключевского и др.) и обычных людей. Помогало Богословскому усмотреть это и в памятниках материальной культуры (что особенно проявилось позднее в его направляющей деятельности в Историческом музее).

Дневник историка Богословского убеждает в том, что нельзя, изучая историю такой сферы науки, как историческая психология, довольствоваться ознакомлением с сочинениями ученых, именуемых психологами, и только тех историков (а также литературоведов, искусствоведов, языковедов), которые сами декларируют, что заняты такой проблематикой. Немало ценного для представлений о сфере исторической психологии и инструментарии историко-психологических наблюдений можно выявить не только у Богословского, но и у других ученых, которых определяют просто как «историки» или «историки культуры», в том числе и у знаменитых предшественников московского профессора — у Н.М. Карамзина, Ф.И. Буслаева, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, А.П. Шапова.

Е.В. Неберекутина и Т.В. Сафронова справедливо утверждают в своей статье, что для Богословского «наука и научные интересы, работа — главное в жизни». И действительно, именно об этом больше всего и подчас детализированно написано в дневниках 1915–1917 гг., а также и 1913 г. И потому особенно заметно, как возрастает из месяца в месяц, а затем и изо дня в день внимание историка к вызывающей все большую тревогу общественно-политической ситуации в России.

Богословский сознательно уклонялся от активного участия в общественно-политической жизни, не склонен был к сближению с лицами, находящимися у вершины властной иерархии; он явно неблагосклонно относился к партийной активности других историков, даже относительно близких ему (показательно замечание о «митинговых замашках» в стиле выступления на заседании Ученого совета Уни-

верситета профессора А.А. Кизеветтера, возвращенного к преподаванию там после Февральской революции, видного деятеля кадетской партии — «говорил с митинговыми замашками, без которых, очевидно, уже не может говорить» — запись 27 мая 1917 г.).

Богословский был неустанно и заинтересованно занят научной (или научно-преподавательской) работой, отмечал в дневнике не только дни, но и часы, когда не удавалось отдаться любимому делу. В записи 28 июля 1917 г. соображения более широкого плана: «Для меня большая отрада, что я, работая, живу в 1697 г. в Голландии и таким образом хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее “товарищами”, “эсерами”, “линиями поведения” и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором». Схожие формулировки в записях и предшествовавших и последующих дней. 18 июля замечает: «Мысли о событиях, от коих только и отрываешься за работой, когда начинаешь жить в Голландии в 1697 г.». А 2 ноября, т.е. уже после Октябрьского переворота, написал: «Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется».

Запись о происходившем в этот день начинается словами: «Шестой день сидим в осаде, и этот день под жесточайшим обстрелом». И далее: «...совершенно отрезаны от всего мира и ровно ничего не знаем». Но отмечено: «Все утро и до 4 часов я работал над биографией (Петра I. — *С.Ш.*), занимаясь днем 7 марта 1698». А непосредственно перед фразой, приведенной первой, характерное и в том или ином варианте повторяющееся не раз наблюдение: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 года».

Однако Богословский был не из тех ученых, которые замыкались в своих «научных интересах». Он неустанно думал о современных событиях, волновавших его, — особенно переживал, что «из-за внутренних событий» может быть проиграна военная кампания («Ужасно подумать!» — запись 29 февраля 1917 г. и др.), затем все более о происходящем в самой России. Это очень тревожило Богословского и как знатока истории, опыт которой научил его предвидеть и пагубные для общества последствия творящегося вокруг, и как семьянина, заботящегося о будущем своих близких.

Дневниковые записи, начатые в первом блокноте 16 июля 1915 г., краткие, в одну-две фразы о прошедшем дне. Но уже 19 июля — не о своем личном и семейном: «Годовщина объявления войны. Вспоминались прошлогодние события». И о следующем дне — 20 июля — первая фраза: «Лиза (супруга историка Елизавета Петровна. — *С.Ш.*) от нетерпения получить газеты ездила за ними в Песочное...» Далее записи становятся все пространнее. И акцент на фиксировании событий, так сказать, внешнеполитических — положении на фронте — перемещается все в большей мере на внутривнутриполитические. И все это в собственно историческом аспекте.

В записи 24 июля об оставлении Варшавы рассуждение: «Варшава нам за нашу историю ничего кроме зла не приносила, и неизвестно, что выйдет из обещанной Польше автономии, может быть, повторение истории 1830 и 1863 годов (т.е. восстаний в Польше. — *С.Ш.*). Но все же жаль отдавать ее немцам. Лично меня гораздо больше тревожат известия в газетах о подступе немцев к Риге и об ее эвакуации. Ригю мы спокойно и беспрепятственно владели с 1710 г. Это приобретение Петра Великого, и потому должно быть прочно нашим. В такие моменты речи не-

которых думских ораторов о необходимости сейчас же проводить реформы местного управления и всякие другие реформы нашей внутренней жизни похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда прежде всего надо заняться тушением пожара». И уже в записи следующего дня, 25 июля, соображения социологического и историко-психологического, даже политологического планов: «Не понимаю тех, кто складывают всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но потому только, что и вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления. Разве мы в своей ежедневной, обыденной жизни умеем так много, так постоянно, точно и отчетливо работать, как иностранцы: французы, немцы, англичане? Мы все делаем кое-как, спустя рукава, смотрим на работу как на досадную помеху и стараемся отбыть ее как ни попало. Все это наследие у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи. <...> А вся наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих и пополняется...» (Историк опирался, рассуждая так, и на личные впечатления, так как имел привычку выезжать ненадолго за границу, где и ознакомился с памятниками истории и культуры, и наблюдал жизненный обиход различных западноевропейских стран.)

В записи 13 августа 1915 г. еще некоторое недоумение и вместе с тем характерное для последующего текста дневников совмещение размышлений о современных политических обстоятельствах с экскурсами в прошлое: «Писалась глава о второй поездке Петра на Белое море. Работа не шла: *мысль почему-то все направлялась* (подчеркнуто мною. — С.Ш.) к городам и территориям, покинутым нашими войсками. Что переживало при этом эвакуируемое и оставшееся население? Мне как-то особенно реально представлялась картина эвакуации Москвы, если бы такая эвакуация случилась, а чего теперь не может случиться! Как уйти из города двухмиллионному населению! Какая была бы сумятица, смута и беспорядок на вокзалах! В 1812 г. дело было гораздо проще: запрягали *своих* лошадей с обозом, в сопровождении челяди уезжали в свои деревни».

И далее уделяется все большее внимание тому, что происходит в политической жизни страны. А в записи 8 марта 1917 г. буквально крик души: «Мысль идет к текущим, или вернее, к мчащимся событиям, к бурно мчащимся».

11 мая 1917 г. запись: «Государство мне всегда не казалось привлекательным учреждением: всегда я видел в нем необходимое зло. В моем представлении оно неразрывно соединилось с казармой и тюрьмой. Теперь тюрьма раскрыта, казарма пустует или буйствует, и государство обратилось в какой-то грязный трактир...» (Вслед именно за этой записью ранее цитированная запись следующего дня со сравнением «революции 1762 г.» и «революции 1917 г.».) И уже 23 мая 1917 г. историк формулирует: «Размышлял о наших социалистах, возводящих на престол “пролетариат”. Западные социалисты стремятся достигнуть равенства, сравнившись с богатыми людьми, разбогатеи, наши желают равенства, разорив богатых и сведя их на положение пролетариев».

Информацию о современных событиях историк черпал из газет (особенно тех, на которые подписывался, — «Русских ведомостей» и «Русского слова»), из разго-

воров (прежде всего с коллегами и семейных), из услышанного и увиденного вне дома. Он явно не разбирался в различиях социал-демократических течений, не знал их истории — показательно, что о лидере меньшевиков он пишет 18 июля 1917 г.: «Большевик-писака Мартов (тоже псевдоним, вероятно)...» Но стремился узнать побольше и об этом — в записи 11 мая 1917 г. о разговоре у него дома с А.А. Кизеветтером: «Много говорили о “товарищах”, которых он изучил в совершенстве». Не так давно и кадеты казались Богословскому опасно левыми, и 23 августа 1915 г. он констатировал: «Побеждая, мы правеем, терпя неудачи, левеем». С начала 1917 г. все больше пишет о «социалистах».

А в записи 25 октября особо откровенно прорывается у историка то, что он сам обозначает как «здоровое национальное чувство», характерное для его восприятия и русской истории, и своих обязанностей определенным образом знакомить с отечественной историей, воспитывать отечественной историей.

В записи за предыдущий день — 24 октября, — где отмечено, что в работе «над Петром» «удалось кое-что сделать», описываются заседания факультетское в университете и в Археологическом обществе памяти ассириолога М.Н. Никольского, где выступали и приехавшие из столицы Н.П. Лихачев и Б.А. Тураев. Можно полагать, что с ними был разговор о событиях в Петрограде (тем более что в последнем абзаце записи за этот день нет обычной ссылки на газеты). Абзац этот начинается так: «В Петрограде явный мятеж гарнизона против правительства, поднимаемый “товарищем” Троцким, выпущенным из заключения под залог и безнаказанно ведущим свое дело. И нет у правительства силы пресечь это беззаконие! Канатный плясун (А.Ф. Керенский. — С.Ш.), ходивший все время на задних лапках перед товарищами, дотанцовывает свои последние дни... Что же это делается с русской землей? И неужели не явится избавитель?»

И вслед за тем едва ли не единственная запись в этом дневниковом массиве об особой актуальности занятий биографией Петра Великого именно в это время и значимости такой работы для развития исторического знания и общественного самосознания россиян в будущем. Приведем полностью начальную часть записи 25 октября. «Среда. Утро за работой над Петром. *Биография Петра получает для меня новый смысл*: в то время, когда мы так позорно отдаем все то, что при нем приобреталось с таким упорным трудом и с такими потерями, отрадно остановиться на этих славных страницах нашего прошлого, когда Россия проявляла в Петре свою бодрость, энергию и мощь. Это была не дряблая, гнилая, пораженная неврастением и разваливающаяся Россия, которую мы теперь видим. Может быть, если моя работа когда-либо увидит свет, она будет бесполезна в годину унижения и бед, показывая нашу славу в прошлом. Может быть, она поспособствует нашему возрождению, внеся в него крупицу здорового национального чувства. Но это, конечно, мечты» (подчеркнуто мною. — С.Ш.). Знаменательно, что такое именно признание, по существу предопределившее и объясняющее позицию Богословского-историка в последующие годы советской власти, сделано было именно в день Октябрьского переворота, когда ученый осознавал уже масштаб и направленность происходившего в столице и возможные последствия этого для России (ибо прямо вслед за тем написано: «События в Петрограде развертываются. Восстание началось открыто...»).

Дневниковые записи Богословского за 1916 г. и особенно за 1917 г. становятся уникальным историческим источником, позволяющим проследить — в развитии — причем буквально изо дня в день — общественно-политические настроения московской элитарной интеллигенции с обострением революционной ситуации. Запечатлены слова и мысли и видных тогда политических деятелей (не только Москвы, но и Петрограда), не выявленные пока в других исторических источниках. Изучение этих ценных данных должно стать темой специального исследования. И можно не сомневаться в том, что цитаты из публикуемого дневника окажутся в разнообразного жанра сочинениях о России и особенно Москве в революционном 1917 г.

Это — дневник не столько историографа, желающего, чтобы составилось определенное представление о нем как видном историке своего времени, а историка, более всего заинтересованного в том, чтобы сохранилось объективное представление о времени его жизни, о России этих лет.

* * *

Конечно, дневниковые записи Богословского содержат информацию, важную для занимающихся проблемами историографии. И тут тоже обнаруживаются поразительные конкретность и ясность исторического мышления, умение обозначить приметные детали явления и на основании этого создать цельный и значимый образ его.

Предмет историографии предопределяет многообразие задач и интересов историографа. Это — и изучение накопления знаний, а следовательно, и освоения исторических источников, расширения источниковой базы историка; изучение развития методики источниковедческого исследования; изучение развития исторической мысли, т.е. осмысления исторического процесса в целом и в частностях, что включает, естественно, характерные черты проблематики исторических трудов, истолкование исторических явлений, отражение изменений в методологии и методике исследования; история создания и бытования исторических трудов, влияние явлений общественно-политической жизни, науки, культуры на творчество этих лиц; история научных учреждений, учебных заведений и общественных объединений, занятых разработкой вопросов истории и хранилищ памятников истории и культуры; воздействие исторической мысли на общественное сознание⁹.

Дневники Богословского — уникальный по богатству резервуар разнообразной историографической информации. Там множество конкретных фактов и имен, суждений, существенных для историографа, и наблюдения более общего характера. И если в соображениях такого рода собственно исторических Богословский опирается на обширные познания о прошлом и опыт осмысления и изложения хода истории в своей профессорской деятельности, то соображения историографического плана свидетельствуют о всесторонней эрудиции в сфере научной литературы и предшествовавшего времени и новейшей и об опыте размышлений и о приемах и результативности труда и исследователя и преподавателя.

Богословский — убежденный сторонник крепкой организации властвования, консерватор в своих понятиях о жизненном укладе (и в бытовом обиходе, и в государственном масштабе), был поборником новаторства в сфере научной рабо-

ты — и исследовательской, и преподавательской. Однако новаторства основательного, опирающегося на овладение приемами «ремесла историка», серьезную историко-научную базу и являющегося результатом больших трудовых усилий.

Главным своим делом историка в те годы Богословский считал создание «Петриады» (как он, используя литературный шаблон XVIII в., называл иногда готовящуюся фундаментальную биографию Петра Великого). Богословский занят был «Петриадой», неустанно работал в охотку, но, видимо, далеко не все получалось при писании с первого раза — 1 июня 1916 г., переехав на дачу и вернувшись к прерванной работе, заметил: «Трудно заводить эту машину после перерыва. Пришлось многое перечеркнуть и переделать». Ученый сетовал на то, что вряд ли хватит сил и времени завершить задуманный труд и приходится отвлекаться другой работой. Об этом много в записках разных месяцев: 17 февраля 1916 г. записывал: «Занимался очень интенсивно Петром... Наконец-то дорвался до возможности заниматься наиболее интересным для меня делом»; 3 марта 1916 г. запись: «Наконец я вернулся к Петру. И, как всегда при таких возвращениях, разводить остывшие котлы и приводить в ход остановившуюся машину бывает нелегко». А уже 28 апреля того же года отмечает: «Началась моя страда — чтение кандидатских академических сочинений (т.е. сочинений выпускников Московской духовной академии. — С.Ш.) с горьким сожалением о необходимости на некоторое время прервать работу над Петром». Схожие формулировки повторяются не раз. В записи 23 ноября 1916 г. даже такой возглас: «...главное, досадно отрываться от Петра. На каждом шагу препятствия для работы! Хорошо бы уйти в какую-нибудь келью и работать над биографией в иноческом затворе».

На самом же деле Богословский не мог ограничиться занятиями своей «Петриадой». И отнюдь не потому только, что обязан был, как ответственный и заботливый глава семьи, обеспечивать ее материально. Историк ощущал потребность в атмосфере общей научной жизни — в общении с коллегами-профессорами и теми, в ком видел «будущих профессоров», в ознакомлении с широким кругом научной проблематики, не мог сосредоточиваться надолго лишь на определенной исторической тематике. Широта научных интересов, отзывчивость на новую мысль в основе его творческой природы. Не способен он был и оставаться безучастным к происходившему в общественно-политической жизни. Человек большого ума и редкостной исторической памяти, Богословский был человеком искренней религиозности и большой души с внутренним убеждением в своей обязанности общественного служения. Высокое чувство собственного достоинства, врожденные доброта и деликатность не позволяли ему делать что-либо без должной ответственности, кое-как, и уклоняться от ожидаемого от профессора и в то же время побуждали его к прямоте в выражении своего мнения (и публично, и в дневнике), даже если оно не во всем благоприятно и о близких и симпатичных ему историках своего же круга.

В записках подкупает столь нечастая в среде так называемой «творческой интеллигенции» способность радоваться чужим достижениям, вхождению в клан ученых молодых и многообещающих. Не только нет проявлений завистливости, но даже, так сказать, местнических понятий и, соответственно, ощущения, что в чем-то обойден и недооценивают твоих заслуг. При этом сам Богословский замечает это в

поведении даже особо уважаемых им коллег — в этом плане любопытно написанное о С.Ф. Платонове, которого не включили в Особую комиссию Русского исторического общества, организованную для празднования юбилея Александра II, в описании заседания Общества: «с этой минуты лицо Платонова приняло насмешливо-скептическое выражение, хранившееся им до конца заседания» — запись 24 мая 1916 г.; о том, что Платонов «очень уязвлен» этим (и, видимо, шел разговор на такую тему при посещении квартиры Платоновых им и Любавским), — в записи 25 мая. В записях Богословского не заметно ни мелочной обидчивости, ни выпячивания своей роли, и, конечно же, ни чванства, ни злорадства.

В описании проявлений благодарственного отношения к нему студентов и особо уважительного коллег профессоров весной 1917 г., когда Богословского временно «отрезали» (по его определению) от университета, обнаруживается не только душевная растроганность, но и некоторое недоумение. Правда, в записи 26 апреля на следующий день после избрания Богословского снова профессором, причем единогласно (а это — как отметил 25 апреля — «случай редкостный»), с некоторой горечью зафиксировано: «В газетах ни звука о вчерашнем факультетском избрании. Мне всегда удивительно несчастливилось на газетные известия. Редко когда какое-либо из моих выступлений отмечалось. Так и теперь. Об увольнении моем было сообщено несколько раз; а о единогласном избрании не сообщается».

Отсутствует и самолюбование, хотя и ощущается потребность подчеркнуть правильность своего поведения в случае, когда в обществе не установилось общепринятого мнения, — так, 12 марта 1917 г., после того как он и другие профессора, назначенные после 1905 г., были уволены из университета, коллегам, собравшимся для редактирования «Исторических известий», счел нужным заявить: «...совесть моя чиста и ни в чем меня не упрекает. В 1911 г. я остался в университете, потому что считал уход совершенно неправильным и прямо не мог уйти, я поступил бы, если бы ушел, против совести», и тем самым, заняв кафедру, «сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О. Ключевского, сберег (это слово написано вместо зачеркнутого «сохранил». — С.Ш.) их в чистоте и этим имею право гордиться».

Редкостно работоспособный историк с подлинной ответственностью относился ко всякому исполняемому им делу и не склонен был лишь «значиться» занимающим какое-либо видное положение. Показательна запись 16 февраля 1916 г., о предложении возглавить Археографическую комиссию при Археологическом обществе: «...наотрез отказался, сославшись на множество и тяжесть дел, когда сказали, что я могу и не действовать активно, а нужно — имя, я ответил, что иконой мне быть еще рано и что я должен еще работать».

Выявленные А.В. Мельниковым воспоминания об историке теперь можно рассматривать в контексте с его дневниковыми записями, и становится еще более понятным, что особое уважение вызывали и притягивали к Богословскому не только его эрудиция, научная одаренность, занимаемое им положение в мире науки и в московском обществе, но и привлекательные достоинства его личности.

Записи Богословского очень информативны, но обычно немногословны, без претензий на эффектную красоту. Здесь те же отмеченные академиком

С.Ф. Платоновым в некрологе Богословского «свойства простоты и безыскусственности, которые так талантливо сказывались в его ученых произведениях»¹⁰. Во всем скромность и внутреннее достоинство.

В дневнике немало наблюдений, помогающих составить представление о видных деятелях науки и политиках той поры, особенно о манере поведения, стиле речи его коллег по преподаванию (иногда и малоприятных для них). Подмечал Богословский и ценил остроумие собеседников (а также и выступавших с докладами и в прениях). И особо понравившееся записывал для памяти — 4 октября 1917 г. профессор философии Л.М. Лопатин при встрече с тонким остроумием сказал: «Я и не думал, чтобы русский народ был до такой степени *монархичен*. Как только монарха не стало — всякий образ и подобие потеряли!» (подчеркнуто автором).

Научные заседания, защиты диссертаций — явно интересовавшая его сфера жизни. Историк готовился к ним, знакомясь с новой литературой по теме и перечитывая ранее известную ему. Для него праздником становились особенно удачные заседания, доклады, и, сдержанный обычно в выражении своих чувств, эмоционально передавал впечатления. Особенно если открывал для себя даровитость молодых ученых. Даже в волнующее политическими обстоятельствами время, когда доклад В.Ф. Ржиги о Максиме Греке оказался «очень интересен и подал повод к оживленному прению», написал: «Мы все оживились в возникшем споре, и заседание надо признать на редкость удачным» (запись 5 октября 1917 г.). Вероятно, небезлюбопытно было бы проследить, что и в какой связи Богословский писал о своих современниках, вызывающих и поныне интерес историков.

Богословский скуп на пространные характеристики каких-либо лиц, но обычно указывает на черту, во многом определяющую существеннейшее в человеке. Так, он написал о М.К. Любавском, отметив, что тот «сделал весьма здравую характеристику» историка В.И. Герье: «У Любавского вообще много здравого великорусского смысла, и это лучшее свойство его ума» (запись 3 декабря 1915 г.). И Богословского коробило то, что на заседании памяти академика Е.Ф. Корша «был обрисован Корш — лингвист, ориенталист, знаток литературы, классик и т.д. Но совершенно остался не изображенным Корш как цельная личность: и отдельные характеристики остались не только не объединенными, но и не связанными» (запись 17 февраля 1916 г.). Сам Богословский сумел, узнав о кончине профессора Московской духовной академии историка церкви С.И. Смирнова, дать емкую характеристику и личности покойного, и значения такой утраты: «Ушла научная сила из Академии, редкая среди того хлама, который ее наполняет. Честный, прямой и добрый человек, талантливый труженик и строгий хранитель традиций, оставленных его учителями Голубинским и Ключевским» (запись 6 июля 1917 г.).

Известно, что у Богословского установились дружественно-доверительные отношения в 1920-е гг. с академиком С.Ф. Платоновым. В наибольшей мере благодаря Платонову он стал 4 декабря 1921 г. членом-корреспондентом Академии наук и уже через четыре месяца, 2 апреля 1921 г., академиком. Платонов, приезжая в Москву, стал останавливаться у Богословских, а Богословский, оказываясь в Петрограде-Ленинграде, — в квартире Платоновых. О близости двух самых выдающихся в те годы историков России свидетельствуют их переписка (более пятисот писем), некролог, написанный Платоновым, даже следственное дело Платонова

(1930–1931 гг.)¹¹. Такое сближение закрепилось в послереволюционные годы, но дневник Богословского помогает уяснить предпосылки этой редкостной дружбы. В 1911 г. Богословский не оказался еще в ряду московских историков, принявших участие в сборнике к юбилею Платонова, подобно ученым его круга С.Б. Веселовскому, Ю.В. Готье, М.К. Любавскому, А.И. Яковлеву. В дневнике 1915–1917 гг. о Платонове упоминается чаще, чем о ком-либо из иногородних историков, и неизменно уважительно — и о встречах в Москве и Петрограде, и об общественном настрое Платонова, и о письмах к нему и его. Показательно и то, что зафиксировано о разговоре при посещении в Петрограде академика А.С. Лаппо-Данилевского с хозяином квартиры и тоже пришедшим к нему членом Государственного совета бароном Иксуль-фон-Гильденбрандом: «Досталось также и Платонову; но так как я при попытке его бранить хранил упорное молчание, то выпады против него не были продолжительны» (запись 25 мая 1916 г.). Выразительна оценочного характера запись 19 января 1916 г.: «Получил открытку от С.Ф. Платонова в ответ на посланный ему оттиск статьи о Судебнике: “Многоуважаемого М.М. очень благодарит за присылку ему статьи об Устьянском кодексе преданный ему С.Ф. Платонов”. Последними словами об “Устьянском кодексе” дается мне понять, что прочел статью. Какая завидная вежливость и какая тонкость!» (В статье 1915 г. «Еще к вопросу о Судебнике 1589 г.» Богословский обосновывал мысль о составлении его в Устьянских волостях и отражении в нем правовых норм Северного Поморья.)

Думается, что не только печатные труды Платонова, но и его устная речь соответствовали представлениям Богословского о талантливом ученом: «Признак таланта — умение изложить самую сложную вещь в самой простой и ясной форме» (это написано Богословским 13 декабря 1915 г. после того, как математик, профессор университета П.К. Млодзеевский «изложил» ему одну из теорий высшей математики «с большим воодушевлением... замечательно просто, ясно и красиво»).

Сопоставляя дневниковые записи Богословского с письмами Платонова (опубликованными в первом томе издания «Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками», вышедшем в 2003 г., и с подготовленной к печати перепиской Платонова с Богословским и А.И. Яковлевым для второго тома этого издания), обнаруживаем несомненную близость суждений и вкусов обоих историков и в сфере исторической науки и преподавания в высшей и средней школе, и в общественно-политических воззрениях, даже, если можно так выразиться, в историко-культурных пристрастиях: в любви к облику старинных древнерусских городов, к усадебной культуре дворянских гнезд. Обоим свойственно и возрастающее с годами преклонение перед Пушкиным — об этом и в дневнике, в записи 13 января 1917 г.: «Вечером читал Мине “Капитанскую дочку” с величайшим наслаждением. Чем больше и больше читаешь Пушкина, тем больше удивляешься колоссальности этого дарования. На закате жизни он еще более нравится, чем в юности». Эта мысль будет повторена в 1920-е гг. Поздравляя Платонова с тем, что он стал во главе Пушкинского Дома, Богословский писал ему 6 марта 1924 г.: «...с каждым годом жизни все более и более люблю Пушкина и все пушкинское. Отдыхая у Вас (т.е. в квартире Платонова. — С.Ш.), с величайшим наслаждением перечитал некоторые его стихи, найдя в них все новые и новые красоты, прежде не замеченные, потому ли, что их пропускал случайно, или потому, что для каждого возраста в нем откры-

ваются свои красоты, не заметные для возраста более молодого»¹². Платонов же во второй половине 1920-х гг. не только способствовал изданию пушкинского наследия, но и напечатал статью «Пушкин и Крым» и книжку краеведческого уклона «Далекое прошлое Пушкинского уголка, Исторический очерк». Богословского интересовало и восприятие Пушкина в прошлом. 25 сентября 1915 г. отмечено, что вечером читал с А.П. Басистовым «письмо о Пушкинских торжествах 1880 г.». Друг юности его, Басистов, был сыном видного педагога, члена комитета по организации пушкинского праздника в Москве в связи с открытием памятника ему.

Богословский испытывал потребность знакомиться с новейшей литературой, и не только по отечественной истории, но и всеобщей, а по тематике, близкой к его профессорским занятиям, считал своим долгом. Полагал нужным обратиться и к литературе прежних лет, если в свое время не сделал этого.

Богословский почти всякий раз указывал, что читал в вечерние часы — чаще всего это была новейшая научная литература. Характеристики и оценки прочитанного обычно лапидарны: больше о произведенном впечатлении, причем почти в одинаковых выражениях в дневниках 1915–1917 гг. и 1919 г. Но иногда, зафиксировав первое впечатление, возвращался к характеристике той же книги, уточняя ее: подчас усиливая негативное в оценке или, напротив, выявляя привлекательное, свежее, ранее им не отмеченное.

Любопытны суждения о книге М.Н. Покровского «Очерки истории русской культуры» (том первый куплен был им 24 октября 1915 г., что отмечено в дневнике). Богословский с ним одновременно обучался у В.О. Ключевского, посещал домашние семинарии профессора всеобщей истории П.Г. Виноградова. В записи 14 ноября: «Вечер за книгой М.Н. Покровского... где много остроумия, знания, легкомыслия и марксистского схематизма». 16 ноября — о Покровском: «...расплатывается в ней по заранее заготовленным шаблонам, весьма банальным»; а в записи 19 ноября как бы суммирующее заключение: «...все оригинальное и индивидуальное: люди, события и идеи — стерто, и показываются только одноцветные, одинаковые для всех времен и народов классовые шаблоны». Тут явное противопоставление приемов подхода к историческому материалу и толкованию его — конкретно-исторического метода Богословского, устанавливающего в каждом историческом явлении и общее и особое, индивидуальное, и ищущего тому объяснения, и схематизма методики Покровского, достигшего в советские годы уже вершин вульгарного социологизма с примесью дешевого политиканства в книгах «Русская история в самом сжатом очерке» и в лекциях «Борьба классов и русская историческая наука», вышедших отдельной книгой в 1923 г.

Богословский строго судил сочинения и манеру поведения и близко знакомых ему историков из постоянного круга своего общения. Так, о труде С.Б. Веселовского в двух томах «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» отзывался «с досадой»: «...и во II томе он то же, что и в первом. Из-за мелочей нет представления о главном, из-за деревьев не видно леса. Умеет изображать только приказное делопроизводство и не способен на более широкий размах. Нет полета мысли, копаются в скрепах и справах...» (запись 28 июля 1916 г.). На следующий день, 29 июля: «Прочел 5 листов Веселовского, все более убеждаясь в том, что не способен к конструкции книги. Его книга —

это комментарий к трем томам Актов писцового дела, не Акты — приложение к книге, а книга — комментарий к Актам» (имеется в виду издание «Акты писцового дела Московского государства для истории землеустройства и прямого обложения в Московском государстве 1587–1649»). 7 августа снова запись: «Я кончил чтение книги Веселовского. Заключительная глава, которая должна бы, подводя итоги, давать резюме, вкратце излагать всю книгу, — образец неясности».

Возвращается — и несколько раз — к книге историка, близкого и по университетскому и по домашнему общению, А.И. Яковлева «Приказ сбора ратных людей». Богословский полагал, что Яковлев за свои заслуги и в научной и в преподавательской работе, безусловно, достоин получить докторскую степень, но тема для докторской диссертации выбрана незначительная, особенно для ученого такого дарования. 26 августа 1916 г. застав, «вернувшись в Москву» подаренную ему книгу, написал о ней как о «неоконченной». 29 августа отмечает: «Начал читать диссертацию Яковлева, и она стала меня подкупать рассыпанными там блестками таланта». 2 сентября передает разговор с зашедшим к нему Ю.В. Готье об этой диссертации: «Вот пример гибельного влияния Веселовского на Яковлева. Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана его диссертация! Ведь это предмет для небольшой статьи — не более того». 24 сентября по прочтении книги Р.Ю. Виппера «История Греции»: «Приветствую такую книгу общего характера, на которой отдыхаешь после чтения специальных монографий». И уже непосредственно о книге Яковлева: «Прекрасная вылитая по последнему слову артиллерийского искусства пушка, скорострельная и сложная, палит по ничтожному воробью. Бывают покушения на хорошие цели с негодными средствами, а здесь покушение с великолепными средствами на ничтожную цель».

Еще жестче и откровеннее оценки трудов более молодых историков. Не раз выражал недовольство книгой киевского историка А.М. Гневушева о новгородском населении в XV в., по писцовым книгам — «громадный том с таблицами, и таблиц больше, чем текста». Судя по его же записи 28 октября 1916 г., даже «резко несдержанно отозвался о таком способе писания». И именно в этой связи наблюдения историографа о новейших трудах (видимо, не только учеников киевского профессора М.В. Довнар-Запольского, но и некоторых своих младших коллег по Московскому университету): «Во всех этих огромных томах по русской истории редко встретишь не только мысль, но и хоть бы мысленку; всё материалы и материалы, мелочь, гробокопательство. Досадно! Маленькая книжка С.М. Соловьева, статья К.С. Аксакова были куда более значительны, чем теперешние фолианты, в которых печатаются груды сырья, по большей части ни на что не нужного». Возможно, в этих словах прорвалась досада Богословского и на самого себя, поскольку он, написав монографического масштаба дипломное сочинение о писцовых книгах, так и не обработал эти материалы хотя бы в статью постановочного плана?

Позволял себе формулировать и очень резкие отзывы, даже о написанном авторами, получившими признание в академических кругах, — так, об избранном в 1912 г. членом-корреспондентом Академии наук профессоре Новороссийского университета (в Одессе) И.А. Линниченко написал 20 декабря 1915 г.: «Прочел пошлейшую брошюру, присланную мне Линниченко о Перетятковиче. Нет Гоголя,

чтобы изобразить эту провинциальную профессорскую тину». К Линниченко у него было устойчиво негативное отношение, сложившееся еще в студенческие годы, когда ему не понравилась его манера чтения лекций (лекциями по истории Польши «именно учил тому, как не надо читать лекции», писал Богословский 20 октября 1915 г., вспоминая то время).

Чаше всего находим краткие, даже кратчайшие оценочные формулировки: о книге Б.Д. Грекова «Новгородский дом св. Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины» — «превосходная книга» (запись 24 мая 1916 г.); о книге И.В. Попова «Личность и учение блаженного Августина» — «книга, которую читаю с наслаждением» (запись 18 мая 1917 г.); об отрывке статьи А.Н. Савина «Два манора», «превосходно, точно, ясно и красиво написанной» (запись 19 апреля 1916 г.). 20 августа 1916 г. написал о чтении «очень интересной книги» Н.А. Скворцова «Археология и топография Москвы». Этот изданный в 1913 г. курс лекций Богословский взял с собой на время летнего отпуска, вероятно, в связи с написанием биографии Петра I. Число подобных примеров можно и умножить.

Характеризуя и оценивая печатные труды и устные выступления (научные доклады, слово при обсуждении их, лекции), он обращает внимание на систему организации материала (и введения в научный оборот новых данных и приемы обоснования своих выводов) и литературную форму его обработки. Вдумчивый педагог, опытный автор трудов, и научно-исследовательских, и научно-популярных, и учебных, Богословский задумывается и над тем, в какой мере автор учитывает возможности восприятия свершенного им читателем (или слушателем — очень часты указания на плохое чтение заранее заготовленных текстов и докладчиками, и оппонентами диссертаций). При этом Богословский строг, оценивая и свою деятельность. Написанное Богословским и о других и о себе помогает, конечно, познанию натуры самого автора, его образа мышления и темперамента, его воспитанности, нравственного кодекса.

Богословский понимал, что даровитость, склонность к самостоятельному творчеству проявляются еще в юные годы, и справедливо полагал, что для студента, избравшего научные занятия по призванию, сочинение, тем более дипломное, становится исследовательским трудом на его уровне научной подготовки, накопленных знаний и навыков. Это ясно выражено в его отзывах на сочинения многообещающих учеников, в частности, выпускников Московской духовной академии¹³: в дневнике он особо выделяет, надеясь увидеть его оставленным затем при университете, Б.И. Иванова — автора монографического типа работы о Кирилло-Белозерском монастыре. (Историк невысоко оценивал подготовку и обсуждение научных работ академии, где все проникнуто «бумажным формализмом», — запись 15 марта 1916 г.).

В дневнике ощущается неослабевающее внимание к студентам Московского университета, и особенно к оставленным там для подготовки к профессорскому званию (т.е., употребляя современную терминологию, аспирантам). Богословский заботится об этом «молодом рассаднике», хлопочет о получении некоторыми из них именных стипендий, упоминает о встречах и беседах с ними. Особенно отраднo было найти среди этих лиц тех, кого знал уже профессорами, — и одного из мо-

их преподавателей по Среднеазиатскому университету в Ташкенте в годы войны И.И. Полосина, и старших коллег по преподаванию в Историко-архивном институте В.К. Никольского, А.А. Новосельского, В.К. Яцунского. Имя В.К. Яцунского, ставшего затем историком широкой проблематики, ведущим специалистом и по исторической географии России и зарубежья, и по социально-экономической истории России XIX в., и замечательно заботливым педагогом, Богословский упоминает не единожды, а по прочтении «прекрасно написанного реферата о столкновении царевны Софьи с Петром» отметил: «Талантливый человек, смелый и ясный ум» (запись 28 января 1917 г.).

Думается, что отношение Богословского к своим ученикам и приемы его преподавания во многом формировали этих будущих профессоров и определяли и их критерии в оценке трудов уже своих учеников. Академик М.Н. Тихомиров, когда к нему в год празднования 200-летия Московского университета обратились с просьбой выступить в университетской многотиражке, написал (или продиктовал?) небольшую статью «Дорога в историческую науку», где назвал фамилии трех своих университетских учителей, здравствовавшего еще тогда девяностопятилетнего академика Р.Ю. Виппера, руководителя своей дипломной работы С.В. Бахрушина (умершего членом-корреспондентом Академии наук в 1950 г.) и М.М. Богословского — «Среди профессоров того времени выделялись такие люди, как Р.Ю. Виппер, М.М. Богословский и др.». И далее: «Замечательные просеминарские занятия по изучению Псковской судной грамоты вел профессор М.М. Богословский. Вероятно, тогда-то и зародился во мне тот повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь»¹⁴. Небезлюбопытно, что Богословский, записывая о работе своего семинара в университете 6 октября 1916 г. (в период, когда Тихомиров готовил уже дипломное сочинение о Псковском мятеже 1650 г. в семинаре у Бахрушина), передал впечатление от работы младшекурсников: «Довольно оживленно разрабатывается Псковская Правда (т.е. та же упоминавшаяся ранее Псковская судная грамота. — С.Ш.). Некоторые студенты вошли во вкус толкования памятника: не оставляют без внимания, можно сказать, ни одной буквы».

В то же время Богословский быстро улавливал характерные черты и начинающих историков, позднее проявивших себя не с лучшей стороны, — 26 сентября 1915 г. с недовольством заметил, что работе «над биографией Петра I» «помешал явившийся из Казани оставленный там при университете С.А. Пионтковский, державший государственные экзамены в бытность мою в Казани председателем комиссии. Он и тогда показался мне весьма недалеким и оставлен был ради того, что сын профессора: “по отцу и сыну честь”, сегодня я еще более убедился в этом...» Выдвинувшийся в 1920-е гг., ставший профессором как и многие другие, связанный с Комакадемией, в 1931 г. выпустил примитивную по социологической вульгарности книжку «Буржуазная историческая наука в России», целью которой было очернить историков круга Платонова и Богословского.

Удачей в моей судьбе было то, что в сентябре 1939 г. первокурсником попал в семинар исторического факультета МГУ, руководимый М.Н. Тихомировым, и он затем предложил заниматься под его научным руководством. Полагаю, что, комментируя с нами «Русскую Правду», Михаил Николаевич опирался и на воспринятое от Богословского, и для меня и некоторых других это тоже оказалось школой

возбуждения «повышенного интереса» к источниковедению и археографии. Думаю даже, что М.Н. Тихомиров, следуя примеру именно Богословского, руководствовался, созидавая свою знаменитую научную школу, едва ли не правилами времени столь глубоко изученного и Богословским, и Бахрушиным, и им XVII столетия, когда только изготовление подмастерьем шедевра своего ремесла давало право претендовать на положение мастера.

Однако в своих воззрениях Богословский иногда и устойчиво консервативен. Так, он остается по-прежнему убежденным в том, что из женщин не может выйти крупных ученых. 24 января 1916 г. записал: «Для ученой деятельности нужно творчество: эта деятельность не есть пассивное усвоение, а творчества нет у женщины. Нет женщин композиторов, нет поэтов, нет живописцев — не может быть и крупных ученых, хотя могут быть и нужны и должны быть очень образованные. Мы работаем на Высших курсах над повышением уровня женского образования, над вооружением женского труда знанием, а не для выработки женщин-ученых». Между тем Мария Склодовская-Кюри к тому времени уже дважды была удостоена Нобелевской премии (по физике в 1903 г., по химии — в 1911 г.), широко известно было о математике Софье Ковалевской, в России уже творила скульптор А.С. Голубкина, выдающийся петербургский историк-медиевист и палеограф О.А. Добиаш-Рожественская получила уже степень магистра (в 1917 г. она станет и доктором наук), уже проявили себя и Анна Ахматова и Марина Цветаева, называемые сегодня в ряду великих русских поэтов.

Ожидают пристального внимания методистов преподавания истории и тех, кто сам занят преподаванием в вузах, наблюдения Богословского о своих лекциях и руководимых им семинарах («семинариях», «просеминариях», по терминологии тех лет) — как дополнять «старый курс» выписками из «вновь прочитанной литературы», как «возбуждающе действует» на лектора «полная аудитория», побуждая говорить без всяких записок, и др.

Из записей узнаем, что особенно не удовлетворяет Богословского при совмещении исследовательской и преподавательской деятельности. Запись 9 ноября 1915 г.: «Я плохо читаю, между прочим и потому, что читаю два разных курса и веду четыре разных семинария, а мысль всецело направлена на “Биографию” (Петра Великого. — С.Ш.). Внимание рассеивается. Так разбрасываться нельзя». За пять дней до того, 4 ноября, написал: «Преподавательская работа мешает научной работе, а научная работа отвлекает внимание от преподавания: вот тягость профессорства». Незадолго до того, 24 октября 1915 г., записывает: «Я повторяю старое, а как бы хорошо было бы на каждой лекции сообщать что-либо новое и составлять ее заново. Но для этого надо бы читать всего 3–4 часа в неделю, т.е. служить в одном только университете». Но концентрация подобных мыслей выявилась лишь на нескольких страницах дневника и объясняется, можно думать, недовольством тем, что не мог в это именно время заниматься и «Петриадой» (ибо 4 ноября записал: «Удосужился несколько заняться биографией Петра, которая совсем за последнее время не двигалась»).

Богословский серьезно обдумывает и наиболее полезную систему чтения лекций, и планы подготовки к печати своего лекционного курса русской истории. 30 марта 1916 г. размышляет: «Утром продолжал готовить курс для печати.

Совсем это не то, что следовало бы. Нормально было бы издать нечто вроде обширного обязательного учебника, а в курсах ежегодно разрабатывать какие-нибудь отдельные темы, каждый год новые. Но каких бы трудов и какого бы количества времени и сил это потребовало!» А 10 сентября 1910 г., назвав прочитанное «для курса древней истории, который» думал «значительно дополнить», продолжает: «Начав в нынешнем году с древней истории, я имею намерение в течение остающихся мне до 25-летия (преподавания в университете. — С.Ш.) 3-х следующих лет прочесть последовательно весь курс русской истории, дополнить, исправить и таким образом подготовить к печати».

События в России 1917 г. стали препятствием для дальнейшей работы в этом направлении. Но в личном архиве Богословского имеются материалы такого рода. Издававшиеся и переиздававшиеся как раз в период публикуемых дневниковых записей, его учебники русской истории для школьников остаются, кажется, пока еще недооцененными методистами преподавания. Не выявлены еще и черты сходства и различия с университетскими литографированными курсами профессора. Возможно, научно-перспективным окажется и сопоставление этих учебных трудов заведующего кафедрой Московского университета Богословского с такого же назначения книгами заведующего кафедрой Петербургского университета С.Ф. Платонова. Не выявится ли и здесь близость, но уже в методических подходах?

Этой сфере деятельности Богословского уже посвящаются специальные труды¹⁵. Но пока еще детально не рассматривается это в контексте новых исследований о выдающихся историках — современниках Богословского — как педагогах и трудов А.Е. Иванова об университетах предреволюционных десятилетий. А в дневнике Богословского, письмах его и другой исходящей от него документации много интересного не только о содержательной стороне преподавания русской истории, но и о понятиях его о служении профессором. А для человека таких нравственных устоев преподавательская деятельность была не работой, обеспечивающей определенное жизненное положение, а именно служением.

При подготовке новых исследований такой тематики желательно обратить внимание на все формы преподавательской и учебно-методической деятельности Богословского — преподавание во всех учебных заведениях, печатные труды, предназначенные для учебных целей, начиная с первых статей, подготовленных именно для преподавателей средних учебных заведений и учащихся, особо интересующихся историей. Представления самого Богословского о призвании и обязанностях учителя образно выражены в его лекции о В.А. Жуковском-педагоге 1902 г.¹⁶

Использовать можно и издания и материалы делопроизводства учебных заведений и личного делопроизводства Богословского, отложившиеся в его архиве. Богословский считал нужным оставлять какую-то информацию о сочинениях своих студентов — 30 октября 1916 г. его посетила курсистка, «разыскивающая свое сочинение», которое он «читал в 1908 г.», и утерянное затем, когда она дала этот текст другому профессору в период государственных экзаменов. И Богословский отмечает: «Благодаря справке в моей записной книжке дело уладилось». Это — показатель не только ответственности, с которой Богословский относился к своим обязанностям преподавателя, но и высокой степени организованности в самой системе этой работы и отчетности о ней.

Мудрость и опыт педагога сказываются и в его записях о воспитании и обучении сына, во вдумчивом подборе литературы — и русской классической, и Ж. Верна на французском языке — для чтения ему вслух. Обосновывая свой взгляд, что «единственное средство воспитания — убеждение и главное — хороший пример», Богословский употребляет терминологию, принятую в методике высшей школы — «большой запас принципиальности», «педагогическая выдержка» (запись 13 августа 1915 г.). Соображения Богословского о детских воспитании и обучении, наблюдения, относящиеся к нежно любимому сыну, следовало бы также свести воедино. И тоже рассмотреть их в контексте с написанным в то же примерно время о воспитании и обучении мальчика Петра Первого.

Дневниковые записи Богословского — уникальный по информационной насыщенности и откровенности самовыражения исторический источник (во всяком случае, среди [подобных] сочинений других историков). Обогащаются представления исследующих и историографическую проблематику, и общественное сознание русской интеллигенции кануна революции и в революционный 1917 г., и то, что происходило в Москве той поры. Дневник, несомненно, окажется особенно интересным психологам. Написанное профессором русской истории нескольких высших учебных заведений и автором пособий для средних школ, блюстителем московской православной старины, выпускником 5-й гимназии, где принято было учиться сыновьям профессоров Московского университета, становится значимым источником и для познания образа речи, языка — и литературного и разговорного — московской интеллигентской элиты тех лет и ее отношения к вносимым в эту речь изменениям и новациям.

Ознакомление с дневниковыми записями историка показывает, что уже при их составлении формировался тот стиль изложения, который так пленяет нас в предназначенных автором для печати воспоминаниях о Москве своей юности и о коллегах-москвичах¹⁷.

Особенно много дает публикация дневниковых записей М.М. Богословского для размышлений о специфике дневников историков. Теперь, когда за последние десятилетия становятся достоянием читателей издания дневников, писем и мемуаров выдающихся историков первой трети XX столетия и трудов, этому посвященных, все более очевидно, как значима такая историческая документация для изучения не только развития науки и культуры, но и общественного сознания этой эпохи.

¹ О ней см.: Бакланова Н.А. // *Московская энциклопедия*. М., 2007. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 1: А–З. С. 117–118 (автор А.В. Мельников).

² Мельников А.В. К истории публикации труда академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // *Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту*. М., 2000. С. 444–447; Шмидт С.О. Труд академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // *Петр Великий — реформатор России*. М., 2001. С. 12–24. (Материалы и исследования / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; вып. 13). Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. *История Москвы и проблемы москвоведения*. М., 2004. С. 403–414. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 100–113]

³ В «Археографическом ежегоднике за 2000 год» (далее — АЕ) (М., 2001) напечатаны «Вступительное слово» С.О. Шмидта (с. 247–253), статьи Е.В. Неберекутиной, Т.В. Сафроновой «Дневник М.М. Богословского» (с. 271–279) и А.В. Мельникова «М.М. Богословский в воспоминаниях современников»

(с. 280–300). В АЕ за 2004 год (М., 2005) — «Вступительное слово» С.О. Шмидта (с. 171–175), статьи В.А. Муравьева «М.М. Богословский. Выбор проблемы реформ» (с. 175–180), Е.Н. Швейковской «М.М. Богословский — историк русского Севера» (с. 180–191), Е.В. Неберекутиной «“Заступник рода исторического” (Деятельность М.М. Богословского в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ)» (с. 190–206), Н.М. Осиповой «Личный фонд М.М. Богословского в Архиве РАН» (с. 206–207).

⁴ Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В. Дневник М.М. Богословского // АЕ за 2000 год. С. 272, 278.

⁵ Подробнее см.: Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противостояние историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 66–68.

⁶ Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В. Дневник М.М. Богословского. С. 279.

⁷ Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников // АЕ за 2000 год. С. 285–286.

⁸ Шмидт С.О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив. М., 1997. Вып. 1. С. 31. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 253–343.]

⁹ Шмидт С.О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. М., 2005. Т. 8 (126). С. 301–302.

¹⁰ С.Ф. Платонов. Неизданный некролог М.М. Богословскому / Подгот. А.В. Мельников // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 389.

¹¹ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова.

¹² ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 2324. Л. 5–6 об.

¹³ Неопубликованные отзывы М.М. Богословского о кандидатских сочинениях выпускников Московской духовной академии 1916–1917 гг. / Публ. А.В. Мельникова // АЕ за 2004 год. С. 516–526.

¹⁴ Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.

¹⁵ Пивоварова О.Г. Историко-педагогическая деятельность М.М. Богословского // Отечественная история. 2005. № 5. С. 151–158.

¹⁶ Шмидт С.О. Лекция историка М.М. Богословского 1902 года «В.А. Жуковский как воспитатель Александра II» // Жуковский и время: Сб. ст. Томск, 2007.

¹⁷ Богословский М.М. Историография, мемуары, эпистолярная: Научное наследие / Сост. Л.А. Черная. М., 1987.

Д.Б. РЯЗАНОВ И РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Деятельность Давида Борисовича Рязанова, которого при жизни в нашей стране и за рубежом называли создателем науки марксологического архивоведения, имела определяющее значение и для становления советского архивного дела, и привлечения научной интеллигенции (особенно ученых-гуманитариев) на службу советской власти. Но после того как Рязанова в начале 1931 г. исключили из партии и лишили звания академика, а затем в январе 1938 г. расстреляли, фамилия его долгое время употреблялась только в негативном смысле (борьба с «рязановщиной» считалась в 1930-е гг. одной из первоочередных задач на архивном «фронте»), еще чаще замалчивалась. Даже после XX съезда КПСС, когда в первой книге начавшего выходить

Впервые опубликовано: Д.Б. Рязанов — ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 20–30.

журнала «История СССР» (№ 1 за 1957 г.) в статье о Ленинских премиях 1920-х гг. напечатали абзац с положительной оценкой научных трудов Рязанова как первого из ученых-гуманитариев, получившего самую престижную тогда премию, на редколлегию (а я был заместителем главного редактора и организатором написания этой статьи Ю.С. Борисовым) поступила жалоба в ЦК. В советских изданиях об Октябрьской революции и рождении Советского государства и в 1980-е гг. о Рязанове вспоминали обычно лишь в связи с неприятием им каких-либо положений, сформулированных В.И. Лениным. Статьи о Рязанове отсутствуют и в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (3-е изд., дополненное, 1987 г.), и в вышедшем под редакцией П.В. Волобуева биографическом словаре «Политические деятели России. 1917» (1993 г.). И в звании академика Рязанов был восстановлен позднее остальных — только в 1990 г.

И хотя о заслугах Рязанова впервые заговорили на рубеже 1960–1970-х гг. (в 1989 г. В.В. Крылов опубликовал биобиблиографию Рязанова в № 6 журнала «Советская библиография», появились статьи В.А. Смирновой, Я.Г. Рокитянского, В.Е. Корнеева и др.), жизнь и творчество выдающегося ученого и общественного деятеля и по сей день остаются недостаточно изученными, а воздействие его на развитие науки и общественного сознания недооцененным. Между тем исследования такой тематики важны для познания не только биографии Рязанова, но и особенностей общественно-политической жизни, менталитета его эпохи.

Рязанов — колоритнейшая и едва ли не наиболее самостоятельная фигура российской революции и первых лет советского строительства. Неординарность личности мыслителя-эрудита, «туземца высокой культуры» (по определению А.В. Луначарского) и общественного деятеля с неукротимым бойцовским характером ощущалась всеми; некоторым казалась и небезопасной. Советское государство провозгласило марксизм официальной идеологией, а освоение этого учения — важнейшей задачей общественных наук. И уже положение ни с кем не сравнимого знатока творческого наследия основоположников марксизма, подкрепленное к тому же близкими личными связями с зарубежными социалистами и российскими революционерами-эмигрантами (именно к Рязанову обращались по этим вопросам Ленин и его соратники), обусловило уникальное и влиятельное положение Рязанова в правящей иерархии, хотя Рязанов никогда не избирался членом ЦК и самый высокий его правительственный пост — член коллегии Наркомпроса. Это тот редкий случай в истории страны Советов, когда не только (или не столько) должность обуславливала значение человека в общественно-политической жизни. Это нашло отражение и в неординарности юбилейного сборника к 60-летию академика Рязанова: и в его названии «На боевом посту», и в статьях и выступлениях о юбиляре (где мало упоминали о сделанном им, а прежде всего подчеркивали уникальные черты его личности, особенности его культурного облика)¹.

Сочинения Рязанова — научные труды и публицистика, документы, им подписанные, выступления на общественных форумах, — статьи и воспоминания о Рязанове многие годы были исключены из научного обихода: Рязанов оказался отлученным и от историографии. И соображения по теме, заявленной в заголовке доклада, носят пока лишь предварительный характер и ограничиваются данными о взаимосвязях Рязанова со «спецами»-гуманитариями (преимущественно исто-

риками) Петрограда и Москвы, т.е. с интеллигенцией дореволюционной формации — «старой», «буржуазной» интеллигенцией, как ее обозначали в разоблачительных документах рубежа 1920–1930-х гг.

Выросший в многодетной семье набожного еврея-торговца (его настоящая фамилия — Гольдендах) в Одессе — большом портовом городе широких международных связей и влияний, он рано проникся традициями русской литературы и передовой общественной мысли и в советские годы в анкете в графе «национальность» писал: «Еврей по происхождению и русский по национальности»². (Это характеризует и его отношение к пресловутой анкете, и представление о «национальности» как о социокультурной общности.) Показательно, что он избирает псевдоним «Николай Рязанов» по имени умного, образованного, блистательно владевшего секретами «эзопова языка» революционера-демократа, главного героя повести В.А. Слепцова «Трудное время», изданной в 1865 г. В том же энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, вышедшем в 1900 г., в статье С.А. Венгерова о Слепцове отмечено, что сочинение это «до сих пор остается в литературной памяти и в ряду повестей с общественной подкладкой занимает видное место». Рязанов был хорошо знаком и с русской литературой первой половины XIX в., стал первооткрывателем темы «К. Маркс и русские люди сороковых годов», до конца своих дней сохранял интерес к изучению литературы и общественной мысли времени Чернышевского и новейшей литературы. И тем самым имел достаточно полное представление о круте чтения современной ему российской интеллигенции (и на русском, и на иностранных языках), о ее культуре и общественно-политических настроениях. И очевидно сознавал и то, что в условиях революционных преобразований особо существенный для интеллигенции вопрос — судьба культурного наследия, его сохранение, отношение к нему. При этом под культурным наследием подразумевались не только памятники истории и культуры, но и живые хранители и продолжатели культурных традиций. Все это во многом предопределяло восприятие личности Рязанова — большевистского комиссара — интеллигенцией Петрограда, а затем и Москвы.

Известно, что в марте 1918 г. Рязанов стал уполномоченным по реорганизации архивов Петрограда, а с лета 1918 г. возглавил Главное управление архивным делом (ГУАД) и Отдел науки Наркомпроса. Любопытно, что этот лидер петроградских профсоюзов был назначен на такую должность «не большевистскими кругами», а по рекомендации лиц, «причастных к историческим и литературным кругам»: П.Е. Шеголева, «отчасти» В.И. Срезневского (организовавшего с начала XX в. в Отделе рукописей с помощью В.Д. Бонч-Бруевича хранение в Библиотеке Академии наук нелегальных изданий и архивов революционных организаций, на что дал согласие академик А.А. Шахматов и о чем знал непреременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург)³ — это отмечено в протоколе заседания совета Союза российских архивных деятелей от 27 марта 1918 г.⁴

О деятельности Рязанова — руководителя Отдела науки, об отношении его к людям науки как одного из руководителей профсоюзов почти ничего не знаем. Известно, что Рязанов организовывал лекции видных ученых перед рабочими (следовательно, можно предполагать его участие в эпизодах, схожих с теми, которые запечатлены в кинофильме «Депутат Балтики»). Очевидно, что не без участия Ря-

занова организованы были взаимоотношения Академии наук и правительства, и не без его содействия получила такую поддержку работа краеведов, возглавленная в ту пору Академией наук и ее непререкаемым секретарем С.Ф. Ольденбургом (а это была и сфера взаимодействия академических учреждений с провинциальной интеллигенцией). Научно-исследовательскую работу Рязанов считал «высшим типом просвещения», «высшим просвещением»⁵.

Однако эта сторона его многообразной деятельности остается пока совершенно неизученной — ни по официальной документации, ни по личным архивам ученых. Судя по тому как у него сложились взаимоотношения с историками, можно полагать, что роль Рязанова в привлечении на службу советской власти академиков и других «спецов» и использовании для ее нужд оставшегося от прежнего времени культурного наследия (а также живых носителей этих культурных традиций) была значительной, и не случайно совпадение по времени⁶ его назначения на такую должность в Наркомпросе и соответствующей направленности высказываний Ленина.

Об отношении к Рязанову ученых Петрограда, особенно негуманитариев, в те годы пока судить нелегко. В недавно напечатанном впервые письме М. Горького В.И. Ленину (декабрь 1919 г.) имеется фраза: «Если Вы поручите кому-нибудь — человеку умному и серьезному, а не Рязанову, напр., — составить перечень открытий и работ научных за два года, — вас поразит обилие ценнейших фактов высокого практического значения»⁷. Но отражает ли это взгляд самих ученых (или части их из бывших активных кадетов) или характер взаимоотношений М. Горького с Рязановым? Более всего известно теперь об отношении к Рязанову крупнейшего историка России С.Ф. Платонова, человека отнюдь не левых убеждений, приближенного в свое время к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу. Платонов не раз писал и говорил, что «благодаря сближению» с Рязановым «вошел в разумение свершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве» (цитата из собственноручных показаний арестованного академика от апреля 1930 г.). Об этом «образованном, благородном и симпатичном человеке», заместителем которого по ГУАДу в Петербурге он стал в 1918 г., Платонов счел необходимым написать и в предназначенной для напечатания в Германии автобиографии⁸.

О дружбе с Рязановым Платонов рассказывал и близким ему ученикам. Оказавшийся за рубежом в годы Второй мировой войны историк Н.И. Ульянов вспоминает в очерке «С.Ф. Платонов», напечатанном в США в 1977 г.: «В одной из бесед довелось услышать любопытный рассказ о дружбе его с Д.Б. Рязановым. Возникла она в первый год революции, когда тот был назначен заведующим Центрархивом, а Платонов — его помощником. Темпераментный Рязанов, слывший “огнедышащим” большевиком, был всего лишь огнедышащим марксистом. С большевизмом у него обстояло не вполне благополучно, что и сказалось потом на его судьбе. Но и как марксист он создал себе уйму врагов. Рассказывали, что, когда какой-нибудь красный профессор распинался перед аудиторией, Рязанов трогал его за локоть: “Послушайте! Послушайте! Ведь вы же ни черта не понимаете в марксизме!” Сам он был ученый-марксовед, исследователь, и не этот ли ученый темперамент сблизил его с Платоновым? Когда-нибудь будут отмечены заслуги этих двух людей в деле спасения архивных ценностей России.

В тогдашнем Питере шел разгром дворцов и правительственных учреждений. В здании Сената, где помещался Центрархив, постоянно звонил телефон, извещающий об опасности, грозившей тому или иному учреждению. Надо было спешить на выручку. Приходили иной раз в последнюю минуту, когда драгоценный материал оказывался уже выброшенным на мостовую, полит керосином, и только спички не хватало, чтобы он запылал. Толпа обычно была глубоко убеждена в своих огромных правах и кричала: «Царские бумаги спасаете?!» Но натиска Рязанова, его грозного голоса не выдерживала и отступала.

“Кипяток”, — восхитился им Платонов. Поведал однажды о таком эпизоде: явилась к нему в слезах вдова расстрелянного царского министра юстиции Щегловитова. Ее нигде не принимали на работу. Просилась на службу в Центрархив. Платонов колебался. Как доложить большевику и еврею Рязанову просьбу вдовы создателя дела Бейлиса? К величайшему удивлению, последовало распоряжение: “Взять!” И вдова была устроена. Начавшаяся в Центрархиве дружба Рязанова и Платонова продолжалась весь остаток жизни Платонова...»⁹ В письме 1928 г., прося защиты от самоуправления чиновников Наркомпроса (руководимых М.Н. Покровским), академик Платонов подчеркивал, что Рязанов «чуток к охране достоинства в научной работе»¹⁰.

Знаменательно в этом плане и суждение Н.А. Бердяева, соприкасавшегося с Рязановым, видимо, в период работы в Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве. (Это было место службы многих высокородных знатоков генеалогии и личных архивов и библиотек; и помещалось Хранчасар в бывшем особняке служившего там бывшего графа П.С. Шереметева¹¹, привлеченного затем консультантом к работе Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ).) Философ уже в эмиграции писал: «Тогда в Кремле еще были старые русские интеллигенты Каменев, Луначарский, Бухарин, Рязанов; и их отношение к представителям интеллигенции, писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов; у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к теснимой интеллигенции в России»¹². Следует подчеркнуть знаменательную закономерность: именно эти действительно образованные, творчески одаренные, трудолюбивые и получавшие радость от самого процесса научной работы лидеры большевистской революции, когда Сталин их отодвинул от большой политики, отдали свои силы науке — ее организации и созиданию индивидуальных исследовательских трудов (как уже прежде поступили активные участники революции 1905 г. А.А. Богданов и Н.А. Рожков). Для младших по возрасту из названных Бердяевым примером могла служить деятельность того же Рязанова, возвратившегося — уже на более широкой основе — к классическим формам научной работы историка, архивиста, археографа.

Такое уважительное отношение Рязанова к «старой» интеллигенции, привлечение стольких «спецов» к работе в системе архивов казалось подозрительным воинственным идеологам большевизма. И, когда он находился в заграничной командировке, 26 августа 1920 г., «в связи с отъездом Д.Б. Рязанова из Москвы» обязанности заведующего Главархивом возложили на заместителя наркома просвещения М.Н. Покровского. Возможно, что это отвечало и намерениям самого Рязанова, положившего тогда основные силы на организацию центра изучения

марксизма в Социалистической академии. Однако допустимо предположить и то, что еще прежде 1931 г. здесь сошлись стремления и М.Н. Покровского и И.В. Сталина, желавших уменьшения власти и влияния на общество Рязанова. Во всяком случае, Покровский счел возможным (в выступлении на чествовании в Центральном архиве в связи с 60-летием со дня своего рождения 4 ноября 1928 г.) напомнить о том «головкружительном впечатлении», которое произвело на его заместителя В.В. Адоратского посещение московских архивов в 1920 г.: «Везде сидят не наши люди, и у них в руках наши бумаги, наши дела... Верное большевистское чутье т. Адоратского подсказало, что творится что-то неладное. В.В. Адоратский подошел к В.И. Ленину и стал говорить, что за безобразие происходит и нельзя ли этому положить конец, т.е. тому, что наши архивы находятся в руках чужих людей»¹³. Не следует упускать из виду и то, какое влияние оказывал Покровский в те годы на члена коллегии Наркомпроса Н.К. Крупскую (которая сама говорила об этом позднее — в 1932 г. на заседании памяти Покровского)¹⁴. Напомним и о том, что в 1931 г. именно Адоратский сменил Рязанова на посту директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса и поставил свое имя как главного редактора на томах сочинений Маркса и Энгельса, готовившихся к печати Рязановым.

Имя Рязанова — организатора работы и создателя коллектива научно-исследовательского учреждения — должно стоять в одном ряду с именами крупнейших творцов системы научной работы тех лет, таких прославленных создателей научных институтов, связавших с ними свою жизнь, как И.П. Павлов, А.Ф. Иоффе, Н.К. Кольцов, Н.И. Вавилов, Н.Я. Марр.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса не ограничивался задачами изучения жизни и сочинений основоположников марксизма, а также Г.В. Плеханова. Он скоро стал всемирно признанным центром исследования истории революционного движения, материалистической философии, политэкономии. Там образовались ценнейшая по подбору изданий библиотека, архив, музей. В музее организованы были и первые в России новаторские по замыслу большие выставки исторической тематики (посвященные Великой французской революции, Парижской коммуне), вызвавшие и международный резонанс¹⁵. Велась многообразная работа по изучению и подготовке к печати сочинений классиков философии, политэкономии, издавались периодические издания с документальными публикациями, исследовательскими статьями, богатыми информацией библиографическими разделами. Публикация и комментирование сочинений Маркса и Энгельса — высокие образцы археографической культуры и искусства текстологии (издания «академического» типа, на языке подлинника и в переводе). Направляя работу сотрудников руководимого им института, Рязанов требовал высокого профессионализма, творческого освоения сделанного предшественниками, уважения к нему.

Это предопределяло и тематику и стиль работы в ИМЭ. Рязанов приглашал к сотрудничеству лиц, европейски образованных, свободно владевших иностранными языками, — только они могли быть квалифицированными переводчиками и комментаторами сочинений зарубежных мыслителей, выполнять необходимую работу в библиотеке, музее, архиве. Среди них оказались и отодвинутые от общественно-политической жизни бывшие меньшевики, а в музее и библиотеке и потому титулованных аристократов. Столь же серьезной и усидчивой работы ди-

ректор требовал и от недоучек выпускников Института красной профессуры, заявляя, что «для научной работы нет дофинских дорог». Это вызывало публичные выступления икапистов против «политической» линии Рязанова, доносы в ЦК.

Один из таких молодых сотрудников на съезде ВЛКСМ обвинил Рязанова в том, что среди переводчиков первого тома Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса нет ни одного члена партии; говорили, что к переводческой работе привлечены в основном бывшие меньшевики — А.М. Деборин и др. Рязанов с достоинством (и, конечно же, не обойдясь без издевки) отвечал с трибуны того же съезда: «...скажу с гордостью, мне удалось собрать ряд товарищей — я называю их товарищами, как называю товарищами и вас, хотя не все из вас входят в ряды партии. Мне удалось уговорить ряд товарищей не за страх, не за деньги, а за совесть работать в этом деле, упорно работать, добросовестнейшим образом работать за такое вознаграждение, за какое многие молодые люди никогда не будут работать»¹⁶.

Понятно, что при такой высокопрофессиональной требовательности к научной работе в отношениях Рязанова и «спецов» преобладало взаимное уважение. С Рязановым советовались, у него искали защиты историки «старой» школы, а он, в свою очередь, поддерживал (а скорее всего, и выдвинул?) идею организации в Академии наук Института методов исторического исследования на базе возглавляемой академиком Платоновым Археографической комиссии.

Когда решено было реформировать Академию наук, пополнив состав академиков коммунистами, наибольшее расположение академиков вызвала кандидатура Рязанова. И М.Н. Покровский не без умысла подчеркнул, выступая на юбилейном заседании в честь Рязанова: «Мне кажется, я не нарушу никакой особенной тайны, если скажу, что Д.Б. был единственным нашим ученым, которого старая ленинградская Академия наук соглашалась принять в свою среду раньше всяких наших общественных кампаний»¹⁷. Академики склонны были именно его избрать и вице-президентом. Во время предварительных выборов (7 марта 1929 г.) он прошел сразу (второй вице-президент, и прежде уже занимавший такой пост, — лишь при четвертой баллотировке)¹⁸. Но в Политбюро этого не допустили, и Рязанов снял свою кандидатуру под предлогом болезни. Рязанов, поддержанный одновременно с ним избранными академиками Г.М. Кржижановским и Н.И. Бухариным, защитил от разгрома Отделение общественных наук на заседании Политбюро¹⁹. Академик В.И. Вернадский в письме сыну отмечал, что Рязанов «вел себя очень свободно и во многом правильно», «он и Бухарин после первой сессии решительно выступили против ломки АН»²⁰.

Значение Рязанова в общественной жизни (причем не только в партийной среде) оставалось очень заметным. Рязанов становился все более неудобным властям после всего свершившегося в год «великого перелома». Демонстративная независимость его манеры поведения и высказываний, старомодная строптивость в духе социалистических партий рубежа веков, его «идейная неподкупность» (определение Л.Д. Троцкого) казались нетерпимыми с утверждением тоталитарного государственного режима и тоталитарной идеологии. Падение Рязанова и избранная форма публичной экзекуции обусловлены были не только отношением влиятельных ненавистников. Это отражало и существенные изменения общественно-по-

литической обстановки. Связано это было и с наступлением на «верхушку буржуазной интеллигенции», против «буржуазных спецов», провозглашенным в докладе Сталина на XVI партсъезде. Рязанов всей деятельностью своей противостоял такой партийной линии, и «спецы»-гуманитарии видели в нем своего защитника, если даже не союзника. Отражало это также изменение международной ориентации Советского Союза и зависимого от него Коминтерна — Сталин не склонен был теперь учитывать уникальные личные связи Рязанова с вождями Второго интернационала и мог не обращать внимания на осуждение ими расправы с международно знаменитым марксистом. Это отражало и превращение официальной идеологии марксизма уже не в «марксизм-ленинизм», а в сталинизм, в учение четырех «классиков» марксизма-ленинизма, а Рязанов настороженно относился даже к тенденции изображать Ленина новым «классиком» марксизма.

В этом отношении, исключив Рязанова из Академии наук и Комакадемии, его приравнивали к крупнейшим историкам, лишенным звания академика месяцем ранее, в феврале 1931 г., и тоже приговоренным к ссылке, — к С.Ф. Платонову, Н.П. Лихачеву, Е.В. Тарле, М.К. Любавскому, а также к академикам, оказавшимся в эмиграции. Обычно отмечали конкретные взаимосвязи преследования Рязанова и бывших социал-демократов (меньшевиков). Очевидно, имеются основания для определения такой конкретной взаимосвязи и с фальсифицированным в 1929–1931 гг. «Академическим делом».

¹ Подробнее см.: Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1995 год. М., 1997. С. 35–47.

² Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 107.

³ «Справка» В.Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А.А. Шахматова / Подгот. С.О. Шмидт // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 375–377; Робинсон М.А. А.А. Шахматов и обыск в Библиотеке Академии наук в 1910 г. // Изв. Отделения литературы и языка АН СССР. М., 1974. Т. 33. Вып. 2. С. 107–113.

⁴ Иванова Л.В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 198–199. Подробнее о Рязанове — организаторе архивного дела см.: Седельников В.О. Журнал «Исторический архив» и возникновение советской архивной периодики. 1918–1921 гг. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 107–108; Он же. ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 453; Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 16 и след.; Он же. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 27 и след.; Он же. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 27–30; Он же. Вступительное слово [на Тихомировских чтениях, посвященных 60-летию Декрета 1 июня 1918 г.] // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 122–126; Он же. Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 163–170.

⁵ Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929: Стенографический отчет. М., 1962. С. 220.

⁶ См.: Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

⁷ Письма М. Горького к В.И. Ленину // Неизвестный Горький (К 125-летию со дня рождения). М., 1994. С. 32. (Горький и его эпоха: Материалы и исследования; вып. 3).

⁸ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 60, 284 и др.; автобиография была напечатана в: Zeitschrift für osteuropäische Geschichte (Berlin; Leipzig; Königsberg). 1933. Bd. 7. № 4.

⁹ Новый журнал. (Нью-Йорк). 1977. № 126. С. 193.

¹⁰ Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов / Публ. Я.Г. Рокитянского // Вестн. АН СССР. 1991. № 11. С. 96.

¹¹ См.: *Быкова Л.А.* Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве 1919 г. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 289–308.

¹² Цит. по: *Сивцов В.* Великий изгнанник (к 120-летию Н.А. Бердяева) // Независимая газета. 1994. 18 марта.

¹³ Архивное дело. 1928. Вып. 4 (17). С. 74.

¹⁴ Вестник Коммунистической академии. 1932. № 4/5. С. 64–65.

¹⁵ *Корнеев В.Е.* Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 20-е годы документов К. Маркса и Ф. Энгельса и международного революционного движения // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 124–133; *Голосовкер М.* Парижская коммуна 1871 г. (Выставка) // Летописи марксизма. 1928. Вып. 7/8. С. 251–270.

¹⁶ VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 5–16 мая 1928 г.: Стенограмма. М., 1928.

¹⁷ На боевом посту: Сб. к 60-летию Д.Б. Рязанова. М., 1930. С. 119.

¹⁸ *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. С. 194.

¹⁹ *Шмидт С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 68–74.

²⁰ Пять «вольных писем» В.И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. Т. 7. С. 434.

ВЕК ЖИЗНИ ИСТОРИКА (О Н.М. ДРУЖИНИНЕ)*

13 января 1986 г. исполнилось 100 лет авторитетнейшему историку нашей страны, старейшему по возрасту действительному члену Академии наук СССР Николаю Михайловичу Дружинину. Редкостный юбилей! И поражает даже не длительность жизненного пути, а долголетие научного творчества — когда ученому было 92 года, вышла из печати последняя из его монографий «Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг.», увенчанная вскоре Ленинской премией. Эта книга — результат целенаправленных изысканий, начатых академиком на восьмом десятке жизни. Выходящее сейчас собрание избранных трудов Дружинина готовится при его живом участии.

Всемирно известный историк — автор сотен научных трудов; литература о его жизни и творчестве насчитывает много названий, а статьи к 100-летию ученого по-

* Полный первоначальный текст, послуживший основой статьи «Щедрый век историка: Старейшине советских историков академику Николаю Михайловичу Дружинину исполнилось сто лет» (Комсомольская правда. 1986. 14 янв.), а также частично некролога, написанного совместно с Б.Г. Литваком (Археологический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 325–327).

Впервые опубликовано: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 436–441.

явились не только во всех специальных исторических журналах, но и в журнале «Коммунист», газетах «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета» и др. Основная сфера исследовательских интересов Дружинина — история России периода капитализма. Им с наибольшей источниковедческой основательностью, опираясь на общеметодологические положения трудов классиков марксизма и огромный и многообразный фактический материал, обоснованы принципы периодизации истории нашей страны в XVIII – начале XX в., показаны конкретные особенности взаимосвязей социально-политических и культурных изменений с экономическими. Дружинин написал исследования и по истории революционного движения (особенно о декабристах), и по важнейшим вопросам социально-экономической истории (о государственных крестьянах, т.е. лично не закрепощенных — а они составляли в середине XIX в. около 45 % крестьянства; об основных тенденциях развития деревни после отмены крепостного права), и о деятельности государственных учреждений и проектах преобразований, о Москве XIX в., о войне 1812 г. и Крымской войне, по истории культуры, о людях науки. Некоторые положения, развивавшиеся в трудах Дружинина, утверждались в столкновении мнений, вызывали дискуссии, но сейчас основные его выводы и наблюдения настолько прочно закрепились в науке, столько раз повторены в учебниках и вузовских и школьных, что представляются как бы само собой разумеющимися; и специалисты могут даже и не знать имя первопроходца. Не высшее ли это признание широкого восприятия результатов труда ученого!

Книги и обобщающе-постановочного характера статьи позволяют назвать академика Дружинина одним из классиков советской исторической науки. Они стали заметными вехами ее становления и развития, именно о них будут впредь писать историки нашей науки — историографы. Но микроклимат науки, тенденции ее движения и распространения научных знаний обнаруживаются зачастую яснее в самой практике организации научной работы и распространения научных знаний, в периодических изданиях и в дискуссиях, в лекциях и в учебных пособиях, в научно-популярных брошюрах и в памятниках общественно-политической публицистики. Однако то, что влияло повседневно на образ мышления современников, нередко оказывается впоследствии затененным рядом широко известных наименований. И значение многообразной и неутомимой деятельности Дружинина не ограничивается его знаменитыми монографиями и статьями, подготовленными им документальными публикациями. Не только это определило его облик ученого и общественного деятеля, обеспечило именно ему исключительный авторитет в среде историков. Сама жизнь Николая Михайловича, требовательное отношение к своему делу как к части общего, культура взаимодействия с людьми тоже делались значительным фактором истории нашей исторической науки. И здесь немало поучительного.

Вскоре после 80-летия ученого издали его небольшую книгу «Воспоминания и мысли историка», затем переизданную в дополненном виде у нас и за рубежом. Это — и воспоминания, причем на широком фоне общественной и научной жизни, и размышления ученого о путях творчества, о культуре труда, о лаборатории исследования и преподавания, о формах распространения знаний, это — и советы молодежи. Книга написана не занимательно, скорее деловито, но это мысли, глубо-

ко продуманные, проверенные многолетним личным опытом и наблюдениями, советы человека, не только испытывающего радость от самого процесса труда, но и считающего важным добиваться совершенной организации этого процесса и наиболее эффективных его результатов.

В год Великого Октября Дружинину было уже более 30 лет, однако печатные работы его все относятся к советскому времени. А до этого были трудные «университеты» — годы интенсивного и на редкость целенаправленного студенческого бытия и революционной деятельности. Призвание к занятиям именно историей Дружинин почувствовал очень рано, когда родились первые опыты гимназических сочинений. И уже тогда он приобретает способность включать в сферу собственно исторических знаний впечатления и от произведений художественной литературы и искусства, и от поездок по стране, и от бесед со встречаемыми (так, от Ярославля до Москвы он прошел с рабочими, выброшенными с Путиловского завода). В гимназии он познакомился с «Коммунистическим манифестом» и некоторыми нелегальными сочинениями Ленина. Уже тогда, пишет Дружинин, закладывались основы его взгляда на историческое прошлое и на его связь с настоящим и будущим. Поступив на историко-филологический факультет Московского университета, он слушал лекции прославленного Ключевского и сразу же стал деятельно участвовать в семинарских занятиях. Но юноша-студент втягивается и в революционное движение, становится по предложению известной революционерки-большевички Инессы Арманд библиотекарем Московского комитета партии, а после ареста и тюремного заключения его высылают в Саратов, где он также включается в революционную работу. (Дружинин сейчас едва ли не последний из оставшихся в живых участников революции 1905–1907 гг.) Занятия в университете возобновляются лишь после этого. Причем Дружинин счел необходимым пройти полный курс и экономического отделения юридического факультета, и историко-филологического факультета.

Поражают целенаправленность, настойчивость, широта и последовательность в выборе тематики — проблемы и отечественной и всеобщей истории с древних времен до новейших, проблемы экономики (со статистикой) и правоведения. Тогда же был выработан — и уже на всю жизнь — прием ежедневных записей сделанного за день, а потом на основании их — ежемесячных отчетных сводок. Занятия были настолько основательны и с таким «заделом», что семинарские доклады стали зародышем обеих будущих диссертаций ученого — о декабристе Никите Муравьеве и о государственных крестьянах и реформе Киселева.

Призванный в армию в годы Первой мировой войны и избранный после Февральской революции председателем полкового комитета, Дружинин сумел окончить университет только после демобилизации, в 1918 г., и был оставлен там для подготовки к профессорскому званию (так тогда называли аспирантуру). Однако сдача магистерских экзаменов, а затем написание диссертации оказались делом нескорым. «Передовые историки, — напишет он позднее, — всегда сохраняли внутреннюю связь с обновляющейся жизнью и служили ей силой своей мысли и слова». И естественно, что Дружинин оказался в ряду тех интеллигентов, которые действительно включились в социалистическое культурное строительство; он стремится связать исторические знания с практикой их массового распростране-

ния, отдается памятникомохранительной деятельности, все глубже овладевает марксистско-ленинской методологией. Дружинин — у истоков становления советского архивного дела, советского музейного дела, советского краеведения. Причем он всегда был убежден, что популяризация должна опираться на предварительное научное исследование.

Дружинин рано осознал воспитательное значение истории и не раз тогда и позднее писал об этом. Он читает лекции в массовых аудиториях, разрабатывает методику экскурсионной работы и научной экспозиции в музеях. Сохранился трогательный документ — «адрес» с неприятными виньетками (написанный от руки, с грамматическими ошибками), которым был награжден Николай Михайлович в 1922 г. рабочими завода имени Владимира Ильича (бывшего завода Михельсона, на территории которого произошло покушение на Ленина). В «адресе» написано: «Простым изложением речи, нередко в течение двух с половиной часов, Вы сумели подействовать на слушателей так, что аудитория в конце концов не имела места, чтобы принять нового и нового слушателя, жаждущего получить некоторое знание из области истории России...» А в канун 10-летия Октября издали первый специализированный путеводитель на историко-революционную тему «По революционной Москве», стимулировавший дальнейшую работу по выявлению, изучению и сохранению памятников истории. Подготовлена была книга и проведена проверка достоверности сообщаемых фактов под руководством ученого секретаря Музея революции СССР Н.М. Дружинина.

И позднее, когда Дружинин с середины 1930-х гг. стал профессором университета и работал в Институте истории Академии наук СССР и действительно участвовал в подготовке и учебника для вузов, и серийной документальной публикации о крестьянском движении в XIX в. (а это ценнейшее многотомное издание готовили не только под его руководством, но и согласно детально разработанным им указаниям), и многотомных изданий по истории СССР, всемирной истории, истории Москвы и др., он полагал необходимым отдавать силы и распространению исторических знаний в самых широких массах, помогать привлечению к занятиям историей молодежи: читал лекции школьникам, участвовал в организации для них конкурсов. В военные годы Дружинин выступал и как лектор, и как составитель пособия для учителей «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны», а полученную им вскоре после войны Государственную премию отдал на улучшение детского дома, где жили сироты, потерявшие в войну родителей.

Изучение методов работы Дружинина — это школа овладения исследовательским мастерством, это и школа нравственности. Дружинин — убежденный сторонник основательности в работе, важности глубокого объективного ознакомления со всем тем, что было сделано предшественниками, для определения возможных новых задач или приемов исследования, и обязательной непосредственной работы с документами в архиве, «вчувствования» в содержание документа, в его форму. Академик Дружинин — убежденный пропагандист принципа самостоятельности при подготовке начинающего историка («каждый историк нащупывает собственные методы самостоятельной обработки источников»), «без этого немислим настоящий ученый». Об этом он говорил и выступая перед участниками руководимого мною научного студенческого кружка в Московском государственном

историко-архивном институте в 1970 г. Ученый пишет в своей книге: «Я желаю нашим молодым историкам включить этот принцип в свой “символ веры”, не отступать от него во имя личных практических соображений, не поддаваться дурному обычаю — избирать легкие, “общепринятые” темы, подгонять факты под известные, давно утвердившиеся положения и, страхуя себя от возможных осложнений, оперировать безобидными, “обтекаемыми” формулировками. Духовные искания всегда связаны с возможностью ошибок даже в том случае, если автор обладает хорошей методологической подготовкой и превосходным знанием предмета».

Академик Дружинин убежденный противник поспешных работ, и особенно построения (или принятия) сначала какой-то концепции, а потом уже — вольно или невольно — подгона фактов в соответствии с этим построением; лишь постепенно углубляется первоначальная характеристика явлений, и отдельные выводы по частным вопросам начинают связываться в единую и цельную концепцию. И его всегда настораживало, когда молодой ученый торопился поскорее, фактически не завершив исследование, опубликовать свою работу. «Слишком много печатается, как он успевает?» — говорил он в таких случаях с тревогой. Н.М. Дружинин настойчив и тверд в проведении своей линии, в обосновании положений, которые представляются ему правильными. Но он не считает возможным навязывать свое мнение и тем более хоть в какой-то мере подавлять авторитетом своего имени и положения. Он, сторонник и мастер научных дискуссий, более того, полагал своим долгом выступать в связи с особо волнующими или кажущимися ему особенно важными для развития науки вопросами, но дискуссионные выступления его (и среди них и такая форма, как открытые письма зарубежным ученым), даже самые острые по форме, неизменно корректны, и научные разногласия никогда не переходят в личную неприязнь.

Николая Михайловича отличает не только скромность, но и особая деликатность, уважительное отношение даже к самым младшим коллегам. Помнится, лет около 25 назад он был ответственным редактором сборника, где печаталась и моя статья. Он сделал ряд замечаний — и по существу, и стилистических (кстати, вполне обоснованных), но не позволил себе прямо их внести в текст, оставив решение на усмотрение автора; это было именно мнение редактора, а не предписание. Поймись бы такой культуре редактирования и отношения к авторам!

Николая Михайловича Дружинина глубоко уважают те, кто лично с ним знаком, не только как выдающегося исследователя и эрудита, организатора науки и педагога, ученого, много сил отдавшего пропаганде научных знаний. Необычайно велик его нравственный авторитет. К его словам, к его оценкам особенно прислушиваются. Это — совесть исторической науки.

Книгу 1967 г. «Воспоминания и мысли историка» академик Дружинин, обращаясь к молодежи, закончил словами: «Профессия историка связана с напряженным трудом и требует от человека суровой и длительной школы. Но если историк любит свою науку, если он находит радость в творческих исканиях, если его труд двигает вперед познание прошлого и служит лучшим идеям человечества, он будет вполне вознагражден сознанием своих плодотворных усилий и достигнутых результатов». Слова эти могут стать оценкой и жизненного пути самого Николая Михайловича Дружинина.

О МАРГАРИТЕ ЭММАНУИЛОВНЕ ГОЛОСОВКЕР

С годами своей профессиональной работы историка-исследователя, педагога, пропагандиста я все в большей мере убеждался в значении музеев в развитии культуры, науки, просвещения. Но новаторское творчество музейных работников первых послереволюционных десятилетий остается еще слабоизученным и не заняло должного места в формировании представлений об особенностях развития знаний и общественной жизни той поры.

В статье опираюсь на печатные материалы и документацию маминого личного архива, хранящегося у меня, вкрапленная и запечатлевшееся в детской памяти. Составить представление о периоде работы М.Э. Голосовкер (далее — М.Э.) в Музее революции СССР очень помогают документы из Научного архива ГЦМСИР, с которыми мне довелось познакомиться. Совокупность документации о ее работе в музее Института К. Маркса и Ф. Энгельса, в Музее революции СССР, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук показывает и то, как пресекалась в условиях тоталитарного режима творческая деятельность. И поэтому эти данные могут оказаться небезынтересными и для изучающих общественный климат второй четверти XX столетия.

Маргарита Эммануиловна Голосовкер (1889–1955), «литературовед, историк, один из зачинателей советского музейного дела», «автор экспозиций первых больших исторических выставок и выставок, посвященных великим писателям»¹, родилась в Киеве, в семье видного хирурга. Она училась в парижской Сорбонне, где прослушала литературоведческие и искусствоведческие курсы, в 1913 г. окончила юридический факультет Киевского университета. В 1915–1917 гг. была защитником — попечителем в суде по делам малолетних в Киевской судебной палате. С мая 1917 г. стала работать в Петрограде в Комиссии по охране детского труда Министерства социального обеспечения, с января 1918 г. в Наркомпроде — секретарем управления по продуктообмену (во главе которого был О.Ю. Шмидт). Затем с осени 1920 г. была ученым секретарем коллегии по изданию научной литературы в Главнауке Наркомпроса, членом секции научных работников.

К будущей музейной работе М.Э. приобщилась, начав службу научным сотрудником 1-го разряда в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (далее — ИМЭ) с 20 июля 1924 г., впоследствии она стала заведующей Отделами Великой французской революции и Парижской коммуны музея ИМЭ, где работала до 7 марта 1931 г.

Основанный и возглавленный Д.Б. Рязановым² ИМЭ был в годы его руководства одним из средоточий интенсивного развития гуманитарных наук. Там вместе с советскими коммунистами и коммунистами-эмигрантами трудились и беспартийные специалисты разных поколений. В институте целенаправленно собирались не только книги и рукописи, но и изобразительные материалы соответствующи-

Впервые опубликовано: Проблемы теории, истории и методики музейной работы. Музей современной истории России в прошлом и настоящем. М., 2007. С. 152–162. (Музейное дело: Сборник научных трудов; вып. 30).

щей ему тематики. Постепенно вызрела мысль использовать эти материалы в экспозиции выставок музейного типа.

Событием в музейной жизни стала новаторская выставка «Великая французская революция» (автор М.Э. Голосовкер), открывшаяся 27 мая 1927 г. в семи залах ИМЭ³.

Первой большой выставкой, вынесенной из стен института, была выставка «Парижская коммуна 1871 г.», организованная в четырех залах Центрального дома Красной армии летом 1928 г.

Автор выставки М.Э. Голосовкер в своей статье «Парижская коммуна 1871 г. (Выставка)» обосновывает принципы отбора материалов и организации экспозиции, рассчитанной «главным образом на массового посетителя», методы «не только показа истории в экспонате, современном изучаемой эпохе, но и рассказа истории при помощи этого экспоната»⁴.

В феврале 1931 г. был арестован академик Д.Б. Рязанов⁵, затем уволены многие, причем высококвалифицированные, сотрудники института. Формальным поводом «чистки» было избавление ИМЭ от сотрудников из бывших меньшевиков и эсеров и лиц, связанных с ними. В «Списке сотрудников ИМЭ, дальнейшее пребывание которых в институте нежелательно» значилась и «Голосовкер... музеевед, научный сотрудник первого разряда»⁶.

Вскоре М.Э. была зачислена в штат Музея революции СССР научным сотрудником первого разряда.

В это время готовилось решение вышестоящих инстанций о превращении Музея революции СССР в музей истории революционного движения во всем мире и социалистического строительства современной эпохи. Предполагалось воздвигнуть новое большое здание для развертывания там экспозиции. М.Э. поручили заняться именно этим — разработать план экспозиции нового музея, определить конкретно задание архитекторам-проектировщикам нового здания, изучить материалы и подготовить экспозицию по истории революционного движения на «Западе» в XVIII–XIX вв.

Постановлением ЦИК СССР от 21 сентября 1931 г. было признано необходимым расширить здание Музея революции СССР путем пристройки к нему нового корпуса, что давало возможность увеличить экспозиционную площадь в 4,5 раза. Музей приступил к подготовительным работам по разработке тематического плана и составлению архитектурного задания для нового строительства. И М.Э. стала ученым секретарем Проектнорочно-плановой комиссии (далее — ППК), состоящей из музейных специалистов, историков, художников и представителей партийных и общественных организаций. Сохранился подписанный М.Э. в должности ученого секретаря ППК подробный план работы комиссии с 1 февраля по 31 декабря 1932 г. с графиком работ и заседаний «рабочей тройки» — А.В. Шестаков, Н.М. Дружинин, М.Э. Голосовкер (не реже одного раза в 12 дней).

По этому документу предполагалось ознакомить с планами комиссии научную общественность в период командировки в Ленинград в феврале – марте 1932 г.: выступление с докладом в ленинградском Музее революции, «ознакомление с новым строительством и его задачами» дирекций Эрмитажа, Русского музея, Музея реконструкции сельского хозяйства и др. К составлению характеристик экспози-

ций, отдельных комплексов и залов привлекались руководители других отделов Музея революции СССР. Рассчитывали на участие консультантов из других учреждений, по «Западному отделу» для этого приглашался академик Н.М. Лукин. Лично М.Э. поручалось обеспечить работу по периоду «промышленного капитализма» по «Западному отделу».

Предусматривалась также поездка «рабочей тройки» в Ленинград для ознакомления с экспозиционными достижениями музеев, заключения договоров с музеями об обмене опытом. Раз в декаду «рабочая тройка» должна была знакомиться с экспозициями московских музеев, а также наладить ознакомление всех сотрудников музея с экспозиционными достижениями этих музеев, организуя экскурсии и обсуждение экспозиций по итогам посещения. Выработали план освоения и музейведческой литературы, «ознакомление с литературой по музейному строительству и музейной экспозиции на Западе» поручалось М.Э. Особо планировался обмен опытом художников, архитекторов, реставраторов⁷. Существенно было то, что объединялись усилия опытейших специалистов в организации музейной работы по проблематике революционного движения и шире — по всей истории Нового и Новейшего времени и в нашем отечестве (ответств. Н.М. Дружинин) и за рубежом (ответств. М.Э.).

В конце 1932 г. в выпуске № 4 «Справочника Музея революции СССР» была помещена статья М.Э. «Реконструкция Музея революции СССР» (в приложении 6 страниц планов).

В статье охарактеризованы «тематика расширенного Музея революции СССР и его задачи». В новом помещении предполагалось «развернуть всю историю революционного движения в бывшей царской России и историю народов СССР, показав их связь с революционным движением во всем мире». Революционное движение в Европе, Америке и странах Востока стремились показать «постольку, поскольку это необходимо для понимания пройденных этапов нашего революционного движения и для законченного представления о переживаемом периоде социалистической революции». Перед посетителями должны были пройти основные этапы революционного процесса начиная с эпохи феодализма, но наибольшее внимание намеревались уделить последнему этапу международного революционного движения. Расширяющийся музей «преследует прежде всего агитационно-политические задачи», и экспозиция его призвана «возбуждать революционные эмоции посетителей». Но жестко подчеркивалось и то, что экспозиция должна быть «строго научной по содержанию». Предполагалось создать и «особо оборудованные аудитории, приспособленные для более углубленного изучения экспозиции». В экспозиции должны преобладать подлинники, вещные трехмерные экспонаты, должны быть созданы бытовые уголки, воссоздана среда, в которой проходили те или иные процессы. По предварительным подсчетам, можно было бы выставить для обозрения до 200 000 экспонатов.

Была составлена схема тематического и экспозиционного плана, программа проектируемого музея, при этом был применен метод нанесения этих разработок на схематический чертеж с обозначением точных границ участка, посвященного тому или иному «циклу или комплексу» тематической экспозиции. (Здесь использовался опыт подготовки М.Э. выставок в ИМЭ.)

В расположение экспонатов был положен хронологический принцип с выявлением основных тематических комплексов революционного движения в нашей стране и за рубежом «в их взаимной связи и конкретном своеобразии». Экспозиция должна была строиться двумя параллельными рядами: внешний ряд посвящался революционным процессам на территории бывшей Российской империи и СССР; внутренний ряд должен был отобразить революционное движение в Западной Европе, Америке и восточных странах. Дополнением к этому основному материалу служат экспозиционные комплексы «Каторга и ссылка в царской России», «точно воспроизводящие тюремные казематы и камеры каторжных централов». (Комплексы эти предполагалось расположить этажом ниже, под залами «Народнические движения 1870–1880 гг.» и «Революция 1905–1907 гг.») Разработана была также схема прохождения экскурсий, устанавливающая их последовательность, взаимную тематическую связь, места вводных сообщений, отдыха и подведения итогов осмотра.

При расстановке экспонатов учитывались три типа экскурсий: 1) по сквозному маршруту; 2) по революционному движению в бывшей России и в СССР; 3) по революционному движению за рубежом. Далее указывались экспозиционные комплексы по тематическим циклам: от феодализма до середины 1930-х гг.

Кроме основных тематических циклов были запроектированы два вводных зала (географический и зал общественных формаций), два мемориальных зала («Маркс — Энгельс», «Ленин») и два зала — «Сталин» и «Ударники социалистической стройки». Причем последние четыре зала должны были быть так решены архитектурно, чтобы просмотр их экскурсионными группами мог проводиться и независимо от сквозного маршрута.

Следует иметь в виду, хотя это и не декларировалось, что проектируемый музей становился и основным музеем отечественной истории Нового и Новейшего времени, так как эти периоды не находили тогда отражения в постоянной экспозиции Исторического музея. Это во многом определяло и направленность работы по собиранию и приобретению новых материалов.

К статье приложены рисунки с планами экспозиции на втором, третьем, четвертом этажах проектируемого здания, там же информация о других помещениях: аудитории на 200–300 человек, помещении для периодических выставок, киноаудитории со зрительным залом на 500 человек, приспособленным и для массовых бесед-лекций и театральных постановок, конференц-зале, «кабинетах для методической работы и для углубленных занятий», помещениях для научно-исследовательской работы, библиотеке с книгохранилищем и читальным залом, архиве, мастерских, служебных помещениях, столовой, клубе, детских комнатах для детей посетителей музея и др.

Сообщалось об оборудовании экспозиционных помещений экраном, киноаппаратом с проекционным фонарем и т.д. и о том, каким представляется внешнее оформление музея: при простоте форм оно должно архитектурно характеризовать монументальное общественное здание «идеологического назначения»; отмечено, что применение дорогостоящих материалов не допускается.

Было образовано жюри для оценки эскизных архитектурных проектов под председательством директора музея С.И. Мицкевича в составе архитекторов-спе-

циалистов и историков-музееведов (в том числе М.Э. и Н.М. Дружинин). Был объявлен закрытый конкурс архитекторов, и строительство признали «первоочередным».

Заказы на составление проектов передали виднейшим архитекторам И.В. Жолтовскому, А.В. Щусеву и др., в мае 1932 г. открылась выставка эскизных проектов⁸.

Информация в статье о неосуществленном проекте небезынтересна в нескольких планах. Это — показатель широты, смелости в сфере проектирования музейных зданий, пример использования новейших для России начала 1930-х гг. музейных методик и технологии. Проект — это также один из случаев объединения в едином замысле начал науки и искусства с целью просветительского воздействия на широкие массы, когда иссякала уже вера в идеал, навеянный в первые послереволюционные годы мечтаниями утопистов прошлого и желанием предоставить приобщаемому к культуре народу сразу нечто, напоминающее платоновскую «академию». Это — и новаторский подход к рассмотрению явлений отечественной истории в тесной взаимосвязи с развитием всеобщей истории, и в то же время отражавший тот господствовавший в 1920-х гг. «ленинско-покровский» вариант марксистского видения исторического прошлого, когда политическую историю сводили, прежде всего, к борьбе угнетенных классов против эксплуататоров, к революционному движению. Хотя ни М.Э., воспитанная как историк в ИМЭ Д.Б. Рязановым, гораздо более терпимо, чем Покровский, относившимся к историкам-немарксистам и их взглядам⁹, ни тем более Н.М. Дружинин, осмелившийся в годы, когда Покровский играл ведущую роль на «историческом фронте», полемизировать с ним (в чем его поддерживал и С.И. Мицкевич)¹⁰, не придерживались узкоульгаризаторских воззрений Покровского.

В это время уже было заметно ощутимо и формирование культа Сталина как четвертого «классика» марксизма и личности, определяющей и воплощающей достижения социалистического строительства и идею построения коммунистического будущего.

Отказ от выполнения ранее принятого ЦИКом СССР решения о создании музея мировой революции объясняется не только необходимостью экономии средств в годы грандиозных затрат при выполнении плана первой пятилетки. И даже не тем, что [это был] период «национального развития», содержанием которого был, по определению И.В. Сталина, «пафос строительства»¹¹ (причем под «строительством» к концу пятилетки стали понимать в буквальном смысле слова преимущественно гигантское и все возрастающее развитие индустриализации), а тем, что сменялись вехи на путях познания и оценки исторического прошлого. Следуя варианту «сталинско-академического»¹² толкования истории, политическая история изображалась уже как государственно-политическая с достойными высокой оценки традициями и дореволюционной российской государственности. Да и Коминтерну и его лозунгам в СССР постепенно стали придавать меньшее значение.

Таким образом, отступление от замысла создания грандиозного музея истории всемирного революционного движения и пропаганды роли нашей страны в этом процессе должно осмысливаться в контексте изменений установок на «историчес-

ком фронте» тех лет, соответствующих изменениям в общественно-политической жизни в СССР и в международной обстановке.

В написанном М.Э. 12 апреля 1931 г. «Плане работы по Западному сектору с 1.IV.1931–XII.1932 г.», который, как отмечала автор, составил половину ее рабочей нагрузки, на М.Э. было возложено «организационное руководство научной бригадой по западной тематике», включающее «периодические совещания не реже раза в декаду». Научно-исследовательской работой ближайшего времени должны были стать «составление и разработка тематического плана по Великой французской революции» «с выделением разделов» от «старого порядка» до «падения Империи» и «литературная работа» по теме «Политическая карикатура периода II Империи» или, в зависимости от условий «при разборе первоисточников и иллюстративного материала», «Политическая карикатура Великой французской революции».

Предполагалось разработать «схемы» по Великой французской революции и Парижской коммуне 1871 г. для зашифровки материала, пересмотреть 4000 иллюстраций, составить «типичные карточки научной каталогизации» разделов этой тематики, списки необходимого для работы Музея революции материала в других музеях Москвы и Ленинграда (т.н. деизидерата), просмотреть списки и материалы, присылаемые из других хранилищ, и вести переписку с этими хранилищами, просмотреть каталоги зарубежных антиквариатов и составить списки заказываемых материалов. Особое значение придавалось заключению соглашений с другими музеями, и прежде всего — с ИМЭ. М.Э. руководила и работой аспирантов, прикрепленных к бригаде по западной тематике¹³.

М.Э. давались также поручения выполнять сверхплановые работы (например, в декабре 1931 г. «устройство выставки по империализму на Фабрике-Книге»). Но в основном М.Э. сосредоточилась на проектировании нового музея, о чем узнаем из ее статьи 1933 г. Она ездила вместе с Н.М. Дружининым в Ленинград, где пробыла месяц. Планировалась и ее командировка на один-полтора месяца в Париж. Это отражено в плане научно-исследовательских работ сотрудников музея на 1933 г. Там указаны и подготовка экспозиции по Великой французской революции для отдела «Декабристы», и две научные работы — каждая в три печатных листа — о карикатуре как политическом памфлете периода Парижской коммуны, и — «по встречному плану» — «Вторая Империя и осада Парижа. Период Коммуны» (вероятно, тоже о карикатурах), а также участие в подготовке альбома по революционному движению на Западе (подбор и комментирование иллюстраций в разделах о «Великой французской революции и о Парижской коммуне») и по встречному плану — работа «Гражданская война во Франции» К. Маркса в иллюстрациях. Планировалось и «овладение фондом Музея революции», ознакомление с фондами ИМЛ и Эрмитажа в связи с организацией нового музея, составление картотеки материалов о Парижской коммуне, приобретение материалов или их копий в музеях¹⁴.

Как член секции научных работников М.Э. участвовала в работе бригады по проверке экспозиции за 1931 г., в комиссии по разработке проектов рационализации работы научного сектора; готовила план соцсоревнования на 1933 г.; разрабатывала форму «дневника» научных работников и критерии определения функциональных обязанностей научного сотрудника; выступала на пленумах секции и т.д.

В перечне своих научных трудов М.Э. указала участие в выставках Музея революции — «Первая мировая война» (1932 г.) и «Карл Маркс» (1933 г.). Для Музея революции тематика последней выставки была новой. Работу по ее подготовке начали в ноябре 1932 г., М.Э. стала ответственной за оформление «западной части» выставки¹⁵. Всего на выставке было 27 щитов. Видимо, на М.Э. была возложена задача подготовить щит «Маркс и Парижская коммуна 1871 г.». В протоколах заседаний бригады по созданию выставки зафиксированы соображения М.Э. о принципах отбора материалов (ориентироваться на подлинники) и оформления щитов (желательный цвет, соотношение текстового и иллюстративного материала и пр.), о системе планирования работы, о материалах, которые необходимо получить в ИМЛ с информацией об имеющихся там дублетах. Зная хорошо и собрание ИМЛ, и то, что сотрудники его предпочитают монополизировать тематику западного революционного движения, М.Э. не раз замечала: «Надо показать, что мы делаем тоже свое дело, а не влезает в компетенцию ИМЛ».

В том же 1933 г. по заданию Коминтерна была подготовлена для Франции на французском языке выставка «Карл Маркс и Первая пролетарская революция», показанная в Париже¹⁶.

После торжественного собрания 18 марта 1933 г., посвященного памяти К. Маркса и Парижской коммуне, 22 марта 1933 г. состоялось совещание научной части музея с сотрудниками «Отдела Запада» (или «Западной части») — М.Э., С.С. Димант, Н.М. Барсовой. Председательствовал А.В. Шестаков. Обсуждался план «работы по Западной части (в порядке обмена опытом)». А.В. Шестаков акцентировал внимание на формах оказания помощи «уже существующим и реэкспонируемым отделам», полагая, что подготовку специальной выставки в музее о Великой французской революции можно и отложить. М.Э. не склонна была соглашаться с тем, чтобы ее отдел выглядел как вспомогательный при работе отделов отечественной истории. Она сказала, что «до сих пор только оказывала помощь другим, затыкала дыры. Не сделала ни одной научно-исследовательской работы». И предложила начать подготовку альбома «по западному революционному движению» и выявить в архиве и библиотеке музея соответствующий материал, инвентаризовать и паспортизировать его, распределить по тематике и опираться на это при создании серии альбомов по истории революционного движения начиная с Великой французской революции. Ей было предложено составить годовой план такой работы¹⁷.

М.Э. к тому времени уже утвердилась в мыслях о важности подготовки научно-просветительских изданий — своеобразного жанра в виде «книги-музея», «книги-выставки», где совмещался бы иллюстративный и текстовый материал и, тем самым, создавалось представление и об историческом явлении (или явлении культуры), и об источниках его познания. Там воспроизводились бы подлинные документы и изобразительные памятники, тексты того или последующего времени, важные для понимания явлений потомками, их оценки, отображения этих явлений в художественном творчестве и современном им и последующего времени, карты, схемы, диаграммы. Все это должно было предваряться статьями с характеристикой явления и приемов отбора материала для их изданий. Подобные издания приобщали бы и к познанию культуры музейного дела, были бы очень полезными в учебных целях.

Первым альбомом, приготовленным М.Э. к печати, был альбом в 20 печатных листов «Парижская коммуна 1871 г. Труды и дни», принятый к печати издательством «Academia» и объявленный в проспекте изданий на 1934 г. Консультантом или научным редактором его был А.Б. Ефимов, работавший ранее сотрудником Музея революции, в 1934 г. ставший членом-корреспондентом Академии наук.

Однако в самом Музее революции у М.Э. оказалось недостаточно возможностей, чтобы развернуть такого рода исследовательскую работу, особенно когда С.И. Мицкевич по болезни стал отходить от дел. И более того, к неординарному характеру ее деятельности некоторые лица в музее относились с настороженностью. Это проявилось при обсуждении в ее присутствии выполнения планов научными сотрудниками на заседании Бюро секции научных работников 21 апреля 1933 г. Там признали перевыполнение плана, но подвергли работу М.Э. неоправданной критике, а также обвинили ее в том, что она публично и в письменном виде не признала своих ошибок (неправильное «использование» цитаты Ленина в экспозиции музея). Дело М.Э. рассматривалось в апреле и мае 1933 г. несколько раз. М.Э. признала свои ошибки, но отрицала «уклонение от внесения исправления и переработок». В итоге была отмечена «большая и хорошая работа по подготовке экспозиции», но ударной работу М.Э. не признали¹⁸. В мае 1933 г. М.Э. был предоставлен отпуск на четыре месяца.

В Музее революции я бывал не раз и подолгу. Тогда начало у меня складываться представление о музее исторического профиля и о том, что может быть там экспонатом, а также о впечатлении, которое производит музей на посетителей, — о восприятии увиденного и услышанного. Хотя по малолетству сам обращал внимание первоначально лишь на немногие выдающиеся размерами произведения изобразительного искусства — картину Перова «Суд Пугачева», деревянную скульптуру Коненкова («Степан Разин») и др. Только прочитав о жизни некоторых декабристов и народовольцев, заинтересовался их портретами. В библиотеке я проводил много времени. В библиотеку не раз заходил С.И. Мицкевич, заговаривал со мною и напоминал мне манерой, голосом тех из врачей, которые вызывали симпатию (а я именно в то время из-за тяжелой болезни почек находился в общении с врачами).

Некоторые мамы сослуживцы старались приласкать меня. Р.Н. Фрумкина всегда показывала и дарила мне заграничные видовые открытки; О.С. Бажанова — жена видного советского хозяйственного руководителя — бывала у нас дома; А.В. Шестаков же был всегда приветлив, заводил разговор, помню его и в нашей домашней обстановке, когда обсуждались планы нового музея и выставок. Н.М. Дружинина помню только у нас дома и на вокзале, когда провожал маму и его в Ленинград. В Н.М. Дружинине пленяли какая-то уважительность к личности, даже в общении с мальчиком, и, конечно, безукоризненная воспитанность, манера вести беседу. Он тогда был еще с бородкой и очень красив.

Оформление столь длительного отпуска М.Э. было вызвано тем, что, в связи с обострением моего заболевания, врачами было рекомендовано провести летние месяцы в Форосе. Но, возможно, она решила и искать другую работу. Этот вопрос в Форосе и решился. Нас поселили на одном этаже с Т.Ф. Людвинской, занимавшей высокий пост во Всесоюзном обществе старых большевиков. Она задумала сде-

лать выставку о Ленине и пригласила М.Э. заняться этим. И с августа 1933 г. М.Э. стала работать под ее началом, а затем с 1935 г. вплоть до 1949 г. — в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук (ИМЛИ), где была создателем и руководителем сектора художественной иллюстрации.

Самыми значительными работами М.Э. в период службы в ИМЛИ, по признанию специалистов, были: выставка, посвященная А.С. Пушкину (1937 г.), иллюстративный альбом «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество» (издан в 1941 г.) и, к большому сожалению, неизданные альбомы «Родина в русской художественной литературе и изобразительном искусстве» (1943 г.), «М.В. Ломоносов» (1945 г.). Незадолго до смерти, уже будучи на пенсии и тяжелобольной, Маргарита Эммануиловна завершила последнюю работу — атрибутирование рисунков поэта Э.Г. Багрицкого¹⁹.

¹ Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1956. Т. 15, вып. 1. С. 96; Из творческого наследия советских писателей. М., 1965. С. 431–432. (Литературное наследство; т. 74).

² Подробнее см.: Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 35–47.

³ Летописи марксизма. 1928. № 5. С. 129–154. Подробнее о впечатлениях об этой выставке см.: Зикс А.Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь: Воспоминания (1905–1963): В 2 кн. М., 2000. Кн. 1: 1905–1933. С. 245–247.

⁴ Голосовкер М. Парижская коммуна 1871 г. (Выставка) // Летописи марксизма. 1928. Т. 7/8. С. 251.

⁵ См.: «Я не совершал никакого преступления»: Две саратовские рукописи академика Д.Б. Рязанова. 1932–1934 гг. / Подгот. публ. Г.Д. Головина, Я.Г. Рокитянский // Исторический архив. 1995. № 2. С. 201–221.

⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 44. Л. 125.

⁷ НА ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. С. 12–14 (План работы ППК с 1 февраля по 31 декабря 1932 г.).

⁸ Голосовкер М.Э. Реконструкция Музея революции СССР // Справочник Музея революции СССР. М., 1932. Вып. 4. С. 55–58.

⁹ Шмидт С.О. Д.Б. Рязанов и российская интеллигенция // Д.Б. Рязанов — ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 20–30. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 142–150.]

¹⁰ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. М., 1979. С. 43 и след.; Приложение 1: Письмо в редакцию (Ответ М.Н. Покровскому) (с. 119–131).

¹¹ Сталин И.В. Соч. [: В 13 т.] М., 1951. Т. 13. С. 149 (Запись беседы с г-ном Кэмпбеллом 28 января 1929 г. опубликована 30 ноября 1932 г.).

¹² См. программу «Историография» (автор В.А. Муравьев) в изданной РГГУ книге: Историко-архивоведение: Специальность 020800: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента. М., 2003. С. 596–597.

¹³ НА ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 254.

¹⁴ Там же. Д. 291. Л. 5.

¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 55 об.

¹⁶ Там же. Д. 287. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 52.

¹⁸ Там же. Д. 288. Л. 1–4 (Протоколы № 8, 10 от 21 и 26 апреля 1933 г.; Протокол № 12 от 25 мая 1933 г.).

¹⁹ Графика Багрицкого. Первый опыт изучения: Обзор Н.Д. Эфрос (По материалам М.Э. Голосовкер) // Из творческого наследия советских писателей. С. 397–434.

С.В. БАХРУШИН И М.Н. ТИХОМИРОВ:
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ УЧИТЕЛЕ И УЧЕНИКЕ

Сергей Владимирович Бахрушин и Михаил Николаевич Тихомиров — тема многоаспектная. К ней можно подойти и в плане истории развития представлений о феодальном периоде отечественной истории, и в плане изучения становления и развития советской исторической науки. Эту тему можно рассматривать и на грани науковедческого или даже психологического исследования, в плане взаимоотношений, а затем и взаимовлияния учителя и ученика, причем в особом ракурсе, когда в последние годы жизни учителя ученик наравне с ним оказался в первой шеренге советских историков. Но при любом подходе к теме вряд ли допустимо использование только опубликованных работ ученых, отражающих главным образом отношение их к научным трудам друг друга (характеристики этих трудов, цитаты из них, отсылки к ним в научно-справочном аппарате). Сейчас признается значительная ценность и неопубликованных документальных материалов (из архивов ученых, учреждений, научных обществ и др.) как историографических источников.

Именно архивные материалы о взаимоотношениях С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова — основная тема этих заметок. В подготовленном И.П. Старовойтовой научном описании архивных материалов М.Н. Тихомирова приведены сведения не только о документальных памятниках личного его фонда, но и о содержащих информацию о его жизни и деятельности документальных памятниках из других фондов Архива Академии наук СССР и его Ленинградского отделения¹. Заметки основываются на данных этого описания, а также на архивных материалах Общества изучения Московской губернии, выявленных и изученных С.Б. Филимоновым².

М.Н. Тихомиров учился в 1913–1917 гг. на историческом отделении историко-филологического факультета Московского университета, где его научным руководителем был С.В. Бахрушин. Об этом М.Н. Тихомиров говорит в своих «Воспоминаниях», которые он «надиктовал» на магнитофонную ленту, что и предопределило их стиль устного рассказа-припоминания: «...С.В. Бахрушин вел семинар по истории Великого Новгорода. Он и был моим *определяющим учителем* в Московском университете (курсив мой. — С.Ш.). Впоследствии он даже хотел меня оставить в Университете, во всяком случае поднимал этот вопрос. Но это было уже в самом начале революции, когда я и сам хотел выбрать научную карьеру»³. В автобиографической заметке «Дорога в историческую науку», напечатанной в многотиражной газете «Московский университет» 7 мая 1955 г., М.Н. Тихомиров подчеркнул: «...особенно большое влияние оказал на меня С.В. Бахрушин, тогда еще молодой доцент. Я работал в его семинаре и написал под его руководством дипломное сочи-

Впервые опубликовано: Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 62–74 (под назв. «С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (По архивным материалам)»). *Переиздано* (под тем же назв.): Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 425–436.

нение о Псковском восстании 1650 г., впоследствии напечатанное в виде монографии»⁴. В 40-е гг., представляя С.В. Бахрушину своих учеников, М.Н. Тихомиров неизменно отмечал, что сам себя считает его учеником, а мы, следовательно, «внуки Бахрушина».

В Архиве АН СССР, в фонде С.В. Бахрушина, сохранилось письмо М.Н. Тихомирова, отправленное им 23 апреля 1942 г. из Ашхабада, где находился тогда эвакуированный Московский университет, в Ташкент, куда были эвакуированы гуманитарные институты Академии наук СССР. Поводом для письма стало известие о награждении С.В. Бахрушина Государственной премией вместе с другими авторами I тома «Истории дипломатии». М.Н. Тихомиров писал: «Вы, вероятно, получили большое количество вполне заслуженных поздравлений с получением премии, но я не был бы Вашим учеником, если бы не поздравил Вас с тем же. Ваш успех в конечном счете является успехом и Ваших учеников; тут уже какая-то неразрывная связь, потому что если профессора выбирают студентов для продолжения их работ, то ведь и студенты выбирают для руководства профессоров. И я, конечно, горжусь, как и всегда раньше гордился, тем, что работал когда-то под Вашим руководством». Далее он пишет о научной школе, пройденной им в «семинаре о Великом Новгороде у приват-доцента Бахрушина»⁵.

В понимании С.В. Бахрушина, как затем и М.Н. Тихомирова, «научная школа» в высшем учебном заведении — это не только участие в семинаре под руководством высококвалифицированного преподавателя, но и подготовка самостоятельного научного труда по малоизученной тематике с привлечением архивных материалов. Оба были убеждены в том, что склонный и способный к научным занятиям студент уже в вузе может и должен работать именно как исследователь.

Первая опубликованная работа М.Н. Тихомирова — небольшая книга «Псковский мятеж XVII в. (Из истории борьбы общественных классов в России)», написанная в 1917 г., издана была в Москве в 1919 г.⁶, видимо, по рекомендации С.В. Бахрушина. М.Н. Тихомиров в то время находился в Самаре и как будто даже не знал об этом издании. Такое уважительное отношение к труду начинающего исследователя и забота о его будущем^{*} произвели сильное впечатление на М.Н. Тихомирова.

^{*} Благоклонность С.В. Бахрушина, его заинтересованное отношение к научной молодежи мне довелось испытать и на себе, когда он был оппонентом моей дипломной работы и кандидатской диссертации. Защита дипломной работы вызывала некоторое волнение и у моего научного руководителя М.Н. Тихомирова, и, естественно, у меня. Дело в том, что в годы войны не было практики публичной защиты дипломных работ на историческом факультете МГУ. Такую практику попытались ввести в 1944 г., ограничившись защитой дипломных работ тех выпускников, которых предполагалось рекомендовать в аспирантуру. Защита происходила на заседании кафедры истории СССР, и первой назначили защиту нашей группе из четырех человек, специализировавшихся по отечественной истории периода феодализма у М.Н. Тихомирова (Е.В. Чистякова, В.А. Александров, А.Н. Мальцев и я). Первой должна была обсуждаться моя работа об А.Ф. Адашеве. С.В. Бахрушин, которого М.Н. Тихомиров просил ознакомиться с работой, не только написал краткий — одновременно деловой и благожелательный — отзыв, но и выступил устно, отметив при этом как положительный факт подготовку под руководством М.Н. Тихомирова сразу нескольких работ по малоизученной тематике. Что же касается кандидатской диссертации, то здесь я сам настоял перед М.Н. Тихомировым, чтобы именно С.В. Бахрушина просили выступить ее официальным оппонентом весной 1949 г. В этой работе я осмелился

Опубликованная в 1917 г. одна из самых значительных работ С.В. Бахрушина — «Московский мятеж 1648 года» — близка к работе М.Н. Тихомирова и по тематике, и даже по терминологии заголовка — «мятеж»⁷. Написание обоих исследований обусловлено возрастающим интересом к истории классово-борьбы в канун великих революционных событий 1917 г.

Влияние С.В. Бахрушина на начинающего, ищущего свой путь в науке ученого несомненно. И оно не ограничивалось только сферой воздействия при написании М.Н. Тихомировым первого из известных нам его трудов, который оказался основой и изданной в 1935 г. книги «Псковское восстание 1650 г.».

В 1920-е гг. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров деятельно сотрудничали в Обществе изучения Московской губернии (области). С.В. Бахрушин тогда много сил отдавал работе в области исторического краеведения. По протоколам заседаний общества известно, что С.В. Бахрушин участвовал в обсуждении докладов М.Н. Тихомирова на заседаниях его культурно-исторической секции (отделения). Доклад «Села и деревни Дмитровского края в XV–XVI вв.»⁸ (2 марта 1928 г.) С.В. Бахрушин признал «образцом работ по историческому изучению деревни». При обсуждении 9 ноября 1928 г. доклада «Место битвы на р. Веле 1181 г.» он поддержал обращение М.Н. Тихомирова к методу проверки «летописного известия осмотром на месте»: «опыт топографического изучения, — по мнению С.В. Бахрушина, — заслуживает особого внимания».

Принимал участие и М.Н. Тихомиров в обсуждении докладов С.В. Бахрушина. Особенно важна протокольная запись о заседании 25 мая 1927 г., когда С.В. Бахрушин выступил с докладом об Александровской слободе. (Ни текст, ни тезисы доклада не приложены к протоколу заседания.) Обращение С.В. Бахрушина, впоследствии уделявшего столько внимания истории России времени Ивана Грозного, уже в 20-е гг. к такой теме очень любопытно. Известно и намерение культурно-исторической секции в 1929 г. организовать работу по систематизации и изучению архива Иосифо-Волоколамского монастыря. Эта работа мыслилась как совместная С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина и других ученых. М.Н. Тихомиров вместе с С.В. Бахрушиным наметил план разработки материалов архива и подготовки сборника актов по хозяйственной истории монастыря⁹.

С середины 30-х гг. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров работают в одних и тех же учреждениях — Институте истории АН СССР и на историческом факультете МГУ. В Архиве АН СССР имеются отзывы С.В. Бахрушина середины 30-х гг. о трудах М.Н. Тихомирова. Это отзыв о его научной деятельности в целом и характеристика опубликованной книги «Псковское восстание 1650 г.» в выступлении 23 мар-

оспорить некоторые положения исследований С.В. Бахрушина, и мне хотелось, чтобы именно он, будучи наиболее видным тогда специалистом по истории России времени Ивана Грозного и членом Ученого совета истфака МГУ, сказал, даже не соглашаясь со мною, достоин ли я ученой степени. С.В. Бахрушин познакомился с диссертацией, признал ее отвечающей соответствующим требованиям и согласился быть оппонентом. Однако почти накануне защиты он внезапно заболел, и врачи уложили его в постель. И тогда С.В. Бахрушин сам обратился с просьбой к профессору К.В. Базилевичу выступить вместо него оппонентом, чтобы не сорвать защиту.

та 1937 г. на заседании Отделения общественных наук АН СССР, посвященном результатам обследования работы Института истории.

Отзыв о научной деятельности М.Н. Тихомирова — машинописная копия из фонда М.Н. Тихомирова. Отзыв не датирован. Но так как он составлен в связи с постановкой вопроса о присвоении М.Н. Тихомирову ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации, то мог быть написан только в 1935 г. В отзыве С.В. Бахрушин указывает, что основная тема работ М.Н. Тихомирова — городские восстания в России середины XVII в., отмечает актуальность этой проблематики и подчеркивает, что история восстаний в Пскове и в Новгороде была «в предшествовавшей литературе совершенно не разработана». С.В. Бахрушин счел нужным напомнить, что М.Н. Тихомиров над этой темой «работает со студенческой скамьи», назвав опубликованные книги о Псковском восстании, печатавшуюся статью о Новгородском восстании и подготовленный к печати сборник материалов о восстании 1650 г. «С появлением книги М.Н. Тихомирова вопрос о Псковском восстании как об очень крупном эпизоде классовой борьбы в Московском государстве XVII в. можно, — по мнению С.В. Бахрушина, — считать вполне освещенным. Архивные материалы исчерпаны вполне автором, являющимся вообще очень хорошим знатоком архивных фондов». Далее С.В. Бахрушин характеризует содержание и основные выводы книги. «В общем итоге, — заключает он, — Псковское восстание выступает как явление очень крупное и гораздо более сложное и многогранное, чем до сих пор предполагалось. Работа М.Н. Тихомирова, таким образом, является значительным вкладом в историю СССР XVII в.». Второй темой научной работы М.Н. Тихомирова С.В. Бахрушин считает «историю феодального хозяйства XVI в.», отмечает обследование М.Н. Тихомировым архива Иосифо-Волоколамского монастыря и написанную на основании найденного материала большую статью о хозяйстве этого монастыря. Указывается в отзыве и на то, что М.Н. Тихомиров является «специалистом по археографии и критике источников, им открыт ряд новых источников», преимущественно конца XV–XVI в. Особо выделяется работа «Вологодско-Пермская летопись», которая оценивается как «капитальное исследование до сих пор малоизвестного источника, происхождение и состав которого М.Н. Тихомиров вскрыл с большим знанием и критическим умением». «Наконец, М.Н. Тихомиров, — пишет С.В. Бахрушин, — имеет несколько работ по Дмитровскому уезду и Самаре, которые могут служить образцом разработки такого рода историко-краеведческих тем»¹⁰.

При обсуждении работы Института истории С.В. Бахрушин особо выделил две монографии: Б.Д. Грекова «Киевская Русь» и М.Н. Тихомирова «Псковское восстание 1650 г.». Упомянув о рецензии А.Н. Сперанского на эту книгу, С.В. Бахрушин замечает: «...мое впечатление специалиста по истории XVII в., что она больше говорит о недостатках, чем доказывает. В сущности, это придирчивая критика». Однако С.В. Бахрушин обращает внимание и на «несколько слишком популярный стиль», и на сам план книги: «Излагается это очень живо, как хроника восстания. Я думаю, в научной работе нужно тематическое изложение. Тогда отдельные вопросы выступили бы более ярко и выпукло»¹¹. (М.Н. Тихомиров, как известно, и в дальнейшем сознательно стремился к тому, чтобы его труды были доступны не только специалистам, и старался писать живо и образно. Соображения по этому

поводу он обосновывает во введении к книге 1955 г., тоже посвященной народным восстаниям, но не XVII в., а Древней Руси¹².)

В июне 1939 г. С.В. Бахрушин оказал честь своему ученику, выступив официальным оппонентом на защите им докторской диссертации «Исследование о Русской Правде» вместе с акад. Б.Д. Грековым (который ранее тоже был учителем М.Н. Тихомирова — в Коммерческом училище, в Петербурге) и Н.Л. Рубинштейном. Е.В. Чистякова, охарактеризовавшая выступление Б.Д. Грекова и саму атмосферу заседания в Институте истории, справедливо полагает, что этот диспут можно считать «важным историографическим фактом, который способствовал движению науки вперед»¹³.

Известный пока машинописный экземпляр стенограммы заседания остался неуправленным и имеет лакуны. Можно думать, что С.В. Бахрушин не читал заранее подготовленный текст. В записи его выступления явственные элементы устной речи (повторы, возвращения к ранее сказанному, ссылки на слова выступавшего перед ним Б.Д. Грекова). Ученый обратил внимание и на вопросы источниковедческие (и даже текстологические), и на вопросы собственно исторические. С.В. Бахрушин отметил в начале выступления: «Те времена, когда источник брался как нечто данное, как нечто готовое, как нечто цельное, отошли в значительной степени в область преданий. Сейчас каждый источник приходится рассматривать как нечто сложное, комплексное, как результат очень длительной и большой работы. Я напому в этом отношении то, что было сделано в свое время академиком Шахматовым для того, чтобы показать, что представляет собой в действительности начальная летопись. Нужно сказать, что в отношении Русской Правды у нас до сих пор такой работы не делалось». Были, по мнению С.В. Бахрушина, только отдельные текстологические исследования, попытки классификации текстов. «Но основной вопрос, — продолжал он, — попытаться выяснить наслоения, которые постепенно складывались, выяснить, к какому времени они относятся и в каких условиях создавались отдельные части Русской Правды, не в смысле просто изучения, как произошли отдельные тексты, а как произошел весь этот памятник в целом в его различных редакциях. Это, в сущности говоря, новая задача, которую поставил себе М.Н. и по мере сил и возможностей эту задачу разрешил. М.Н. эту работу произвел, по-моему, чрезвычайно тщательно; чрезвычайно скрупулезно разобрал текст. Тут ему, конечно, очень помогло то, что он прекрасно усвоил метод Шахматова и использовал его. Помогли... и большие и широкие познания в области древнерусской письменности в целом».

Далее С.В. Бахрушин говорил о своих расхождениях с диссертантом. Он не согласился с датировкой древней Правды Ярослава 1036 г., полагая более основательной датировку, связанную с событиями в Новгороде 1015 г. Не согласился историк и с мнением М.Н. Тихомирова об изгоях и «словенах». «Изгой, — полагает он, — это человек, находящийся под патронатом церкви. Под это понятие подойдет и осиротевший князь». С.В. Бахрушин ссылается даже на факт из истории середины XV в., когда митрополит Иона принял под свой патронат детей великого князя Василия Темного, как детей князя-изгоя, ибо княжичи «рисковали сделаться жертвой своих врагов или родственников». Оценивая высоко то, что М.Н. Тихомиров удачно сравнивает различные термины в разных частях Русской Правды, показывая,

что «в таких-то частях памятника такой-то термин употребляется, а в других не употребляется», С.В. Бахрушин говорит, что термин «изгой» не встречается в поздних частях Русской Правды. Объясняет он это тем обстоятельством, что в XII–XIII вв. изгои ушли из-под протектората князя и находились под протекторатом церкви. И потому там, где говорится о княжеском имуществе, о них не шла уже речь, а об изгоях говорилось в специальных церковных уставах. Отсюда делается вывод, что первая статья Русской Правды возникла сравнительно рано и существовала тогда, когда церковь не взяла в свои руки покровительство над изгоями.

Останавливается С.В. Бахрушин и на истории создания Правды Ярославичей. Поддерживает мысль о том, что данные о втором съезде Ярославичей — легенда. И признает особенно интересным положение о связи возникновения этой части памятника с социальными движениями конца 1060-х – начала 1070-х гг., отмечая при этом, что подобная мысль имеется и в неизданной работе Л.В. Черепнина. «Очевидно, — констатирует С.В. Бахрушин, — материал дает основания так подходить к этому вопросу... Это ставит в связь законодательную деятельность князей с той классовой борьбой, которая тогда шла. Таким образом, методологически это очень правильная и интересная установка». С.В. Бахрушин поддерживает мысль М.Н. Тихомирова о том, что Покон вирный — это своеобразная уставная грамота, которая сначала существовала отдельно и была составлена позднее; и допускает, что составление ее возможно связать со временем Всеволода Мстиславича, но и это, «как всякая догадка, остается догадкой».

«Самой главной частью работы», и в смысле количества страниц, и в смысле смелости выводов, является, по словам С.В. Бахрушина, часть, посвященная Пространной Правде. С.В. Бахрушин характеризует интересную методику разбора в исследовании Кормчих и особо отмечает то, что доказано отсутствие и в Краткой и в Пространной Правде терминов, характерных для церковного законодательства. Обращаясь к М.Н. Тихомирову, С.В. Бахрушин сказал: «Я думаю, что если теория Ключевского, может быть, еще имеет некоторых адептов, то после Вашего исследования этот вопрос будет окончательно решен». Расхождения во взглядах ученых обнаружили в датировке самой Пространной Правды. С.В. Бахрушин не считает возможным связывать ее с событиями 1209 г., полагая, что многое в истории создания Пространной Правды напоминает порядок оформления некоторых статусов в западноевропейских городах. По его мнению, это не просто судебная реформа, а реформа, вызванная восстанием. Русская Правда, возникшая, как думает С.В. Бахрушин, в Киевской Руси, в первоначальном виде не дошла и подверглась затем переработке.

Естественно, что оппонент обратил внимание на оригинальную трактовку диссертантом вопроса о Сокращенной Правде: «Я бы сказал, что в этом заключается основной боевой вопрос Вашей диссертации. Сравнение между Сокращенной Правдой и Пространной Правдой Вы произвели с исключительным мастерством», рассматривая Сокращенную Правду как самостоятельную редакцию. Исследование это «опровергло представление о том, что Сокращенная Правда была просто механическим сокращением» и что Русская Правда подверглась такому сокращению в более позднее время — в XIV–XV вв. или даже позднее¹⁴.

Выступление С.В. Бахрушина явилось не просто отзывом на труд коллеги, а попыткой самостоятельного, исследовательского порядка размышления по этой же проблематике. Не следует забывать, что в конце 30-х гг. С.В. Бахрушин серьезно занимался изучением важнейших вопросов истории Древней Руси. В выступлении ощущаются заинтересованность и глубоко уважительное отношение к выводам и наблюдениям своего младшего коллеги. Характерно для С.В. Бахрушина и то, что он ссылается на труды совсем тогда молодых ученых — статью Б.А. Рыбакова «Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке», напечатанную незадолго перед тем во второй книге «Исторических записок», и — дважды — на неопубликованную работу Л.В. Черепнина о Русской Правде.

20 мая 1940 г. на заседании сектора Истории СССР до XIX в. обсуждали доклад С.В. Бахрушина «Предпосылки всероссийского рынка в XVI веке». Стенограмма заседания хранилась у С.В. Бахрушина. Текст его выступления имеет серьезную авторскую правку. Там же — и неправленая стенограмма выступлений в прениях по докладу А.А. Савича, К.В. Базилевича и М.Н. Тихомирова (без окончания). М.Н. Тихомиров подчеркнул, что «собран действительно громадный материал», и отметил, что «в большинстве случаев» взгляды его на развитие вотчинной торговли в XVI в. совпадают со взглядами докладчика. «Значение доклада, — по мнению М.Н. Тихомирова, — не только в том, что обращено внимание на вторую половину XVI в. как на время, когда создаются предпосылки к образованию всероссийского рынка, но и в том, что указан путь, на котором можно достигнуть разрешения этой проблемы». В то же время М.Н. Тихомиров полагал, что некоторые данные о торговле (в частности, о торговле солью) могут быть обнаружены еще и в XV в. М.Н. Тихомиров акцентировал внимание на источниковой базе доклада, отметив, что приходо-расходные книги монастырей в этом плане «почему-то никогда не использовались». Здесь, очевидно, будет лежать путь к изучению вопроса: «в изучении приходо-расходных книг можно проследить возникновение этих рыночных отношений в глубине, в массе». Интересно, по его мнению, и то, что явления экономической истории связываются в докладе с социальными сдвигами в XVI–XVII вв., с усилением политического влияния посадских людей, их роли на земских собраниях¹⁵.

Война разъединила С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова территориально. Но они знали о жизни и работе друг друга, иногда переписывались. Уже упоминалось о письме М.Н. Тихомирова от 23 апреля 1942 г. В этом письме М.Н. Тихомиров не только поздравляет С.В. Бахрушина с высоким признанием его научных заслуг, но и сообщает новости университетской жизни: о том, что «часто стали делать доклады», о защитах диссертаций; просит: «Повлияйте всей Вашей силой, чтобы» В.И. Лебедев, К.В. Базилевич и Б.Б. Кафенгауз «наесли на свои диссертации; обидно, что они так тянут, а говорить мне неудобно». Характерна концовка письма: «...напишите мне, как Вы себя чувствуете и над чем работаете, потому что я не могу представить Вас без работы».

С.В. Бахрушин ответил подробным письмом, написание которого было прервано болезнью. Он благодарил за «доброе, дружеское письмо» и сетовал: «Очень мне грустно, что волею судьбы я оторван от моих друзей и родного мне истфака. Сейчас более чем когда-либо чувствую, что мой родной дом в Московском универ-

ситете, а не где-либо в другом месте». Пишет, что «очень сошелся с Влад.Ив. Пичетой и более чем когда-либо оценил его необыкновенную сердечность и душевность», много видится с С.К. Богоявленским и Ю.В. Готье. (Они все жили в Ташкенте в одном доме, 84, по Пушкинской улице и питались в одной столовой.) Пишет о своих учениках: «Расстраивают меня очень известия о нашей университетской молодежи: [Р.В.] Жданов серьезно болен, [И.В.] Савков¹⁶ пропал без вести, а это мои любимые ученики последних лет. Здесь [А.А.] Зимин, он меня навещает, консультирует». Сообщив, что ему из-за болезни акад. Ю.В. Готье «пришлось взять сектор истории СССР, в который включен и советский период», замечает: «...работа интересная и организационная, какую я люблю — и как будто справляюсь с нею».

Больше писем за военные годы не сохранилось. Вероятно, их и не было. Это объясняется и особыми условиями жизни обоих корреспондентов, и характером их взаимоотношений. С.В. Бахрушин жил в окружении общих знакомых — историков-академиков и членов-корреспондентов; М.Н. Тихомиров — в окружении общих знакомых — преподавателей исторического факультета МГУ. Тогда содержание получаемых писем обычно сообщали друг другу. Переписка между соседом и другом С.В. Бахрушина В.И. Пичетой и М.Н. Тихомировым велась достаточно регулярно¹⁷. Можно предполагать, что сведения из этих писем узнавал и С.В. Бахрушин. Судя по откровенной характеристике им в письме к М.Н. Тихомирову обстановки в институте и деловых качеств некоторых сотрудников, между ними существовало взаимопонимание и отношения были достаточно доверительными. Однако большой близости не было, как и привычки постоянного общения в неофициальной обстановке. (Быть может, М.Н. Тихомиров, остро чувствующий свое мещанское происхождение и напоминавший об этом даже в отзыве на докторскую диссертацию М.Т. Белявского в 1963 г.¹⁸, не сумел превозмочь в себе первоначального, возникшего еще в дореволюционном университете ощущения различия своего и С.В. Бахрушина — представителя богатой династии купцов-мещанов.) В письме из Ашхабада М.Н. Тихомиров пишет в конце: «Если Вы меня еще помните, то напишите мне...» В пронизанном грустью письме, написанном 12 марта 1950 г. А.П. Пронштейну «под впечатлением двух смертей» — К.В. Базиловича и С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомиров замечает: «Я не был особенно близок с покойным...»¹⁹

По возвращении в Москву оба ученых принимали участие в написании одних и тех же трудов, в обсуждении научных работ друг друга. Имеется стенограмма обсуждения доклада М.Н. Тихомирова «Византия и Московская Русь» на заседании Отделения истории и философии АН СССР 5 мая 1944 г., посвященном вопросам византиноведения. В обсуждении доклада приняли участие С.В. Бахрушин, Е.Ч. Скржинская и Н.К. Гудзий. С.В. Бахрушин охарактеризовал доклад как «прекрасный» и отметил, что он не только показал связи между Москвой и Византией, но и «вскрыл яркую страницу из истории русской культуры, я бы сказал, страницу, которая до сих пор перед нами была закрыта». С.В. Бахрушин отметил: «XIV век в истории русской культуры в какой-то мере оставался пробелом в наших познаниях». Доклад же, восполняя этот пробел, показывает, что «русская культура развивалась одновременно с тем, как освобождалась она из-под власти “татар”» и

«по мере того как усиливается политическая мощь русского народа, идет рост русской культуры». Справедливой ему показалась мысль М.Н. Тихомирова о том, что таким путем в то время происходило знакомство не только с греческой культурой, но и с западноевропейской, под сильным влиянием которой уже находилась Византия, и особенно итальянской, а Италия переживала уже эпоху Возрождения. Существенна в этом плане роль балканских стран. «Черное море, — по словам С.В. Бахрушина, — было “окном в Европу” для XIV и XV веков». Он обращает внимание на роль Крыма в отношениях с Византией, которую следует детально изучить. В Крыму не только образовались генуэзские колонии, но и продолжали существовать значительные греческие поселения и даже самостоятельное Мангупское княжество. Считал желательным С.В. Бахрушин остановиться и на связях Константинополя с Тверью, на стремлении тверских князей и иерархов выступать в роли представителей Русской земли и использовать связи с Византией для усиления своей власти. М.Н. Тихомиров в заключительном слове, соглашаясь с основными положениями выступления С.В. Бахрушина, характеризуя роль греческого влияния в России XVII в., которую докладчик не считал положительной, сказал: «Мы как раз только вчера на эту тему беседовали с Сергеем Владимировичем»²⁰. Это тоже становится свидетельством бесед ученых по интересующим их вопросам истории и их взаимопонимания.

Взаимопонимание и взаимоуважение обоих замечательных знатоков истории и языка допетровской Руси нашли отражение и в сохраненной ими шуточной переписке на заседании в Московском университете, когда они оба уже были членами-корреспондентами Академии наук. В среде историков Московского университета бытовала манера составления пародийных грамот в стиле документов XVII в. М.Н. Тихомиров был мастером этого дела²¹, некоторые такие «грамоты» сохранились в его личном фонде и фондах других лиц. Акад. Б.А. Рыбаков образно говорил на заседании памяти акад. М.Н. Тихомирова 25 января 1966 г. о его «шутливых челобитных», о его «переписке во время заседаний, когда он стилем древнерусского дьяка излагал события современности, давал остроумные характеристики современников»²².

В личных фондах обоих ученых имеются небольшие бумажки с записями карандашом: в фонде С.В. Бахрушина — «грамота» М.Н. Тихомирова, в фонде М.Н. Тихомирова — «грамота» С.В. Бахрушина с припиской карандашом рукою М.Н. Тихомирова на обороте: «Ответ С.В. Бахрушина на мою явку, написанную на конференции о науке».

У этой игры, требовавшей не только быстрой и острой реакции и смекалки, но и досконального знания документов XVII в. и обычаев того времени, были свои правила. Ученые не без удовольствия оказывались вовлеченными в такую игру и полагали нужным и интересным хранить эти шуточные сочинения. Позволю себе привести полностью «грамоты», где речь идет о «дидаскалах» (т.е. учителях, наставниках; слово это характерно для языка XVII в.), о литературе, типичной для среды «чернокнижников», и названы имена известного литературоведа проф. Николая Каллиниковича Гудзия, проректора МГУ Азарова, а также упоминается об историке М.Н. Покровском и его «школе». Записки М.Н. Тихомирова и С.В. Бахрушина нечетко читаются на сгибах бумаги; с трудом разбираемые слова отмечены.

М.Н. Тихомиров написал: «...был я, сиротишка твой, на казенном училищном дворе, и в ту пору были на том дворе многие розные люди; а пришли они на тот двор ради учения книжного, потому что вышел указ всяких чинов жителям людем книжным словесам учиться». Далее идет речь о выступлении «книжного справщика» Гудзия. «А как, де, Миколка то говорил и о тою пору околничей Сергей Владимирович Бахрушин книгу читал и Миколкины речи не слушал, а, чаеся, что та книга воровская, и написаны в ней волшебства да чары, и знатно, что тот околничей русским дидаскалом не верит, а к чародейству и всякому колдовству (слово неразборчиво. — С.Ш.) прилежит. А как он, околничей, книгу воровскую читал и на лавке с ним сидел стряпчий Михаиле Тихомиров, и того околничего уговаривал да и с ним смеялся — токмо един благоверный муж по реклому Азаров того Михалку уговорил, чтобы он святую веру не поносил и над дидаскалы не ругался. А многие, которые люди тут были, тот околничего и Михаила смех видели и горьким плачем плакали, потому что тот Михалко ведомый бражник и вор, а за то надлежит его по градскому закону свести к торговой казни (слово неразборчиво. — С.Ш.)»²³.

С.В. Бахрушин, видимо, достаточно скоро ответил М.Н. Тихомирову. Причем в его «грамоте» некоторые употребительные в языке XVII в. слова написаны под титлами: «Государю царю и великому князю бьет челом и плачетца твой государев холоп Сергушко Владимиров сын Бахрушин. Ведомо мне учинилось, будто объявилась в Приказе воровская составная грамотка, а в ней пишут, бутто я, холоп твой, будучи на училищном дворе, дидаскалов не слушал и книгу бесовскую читал и неведомо чему смеялся. И я, холоп твой, книг бесовских, Рафлей и Шестодневов (слово неразборчиво. — С.Ш.) от роду не читывал и ныне не читал, а, на том училищном дворе будучи, правил книгу печатную, а в ней писано от божественных писаний мудрственное обличение еретиков новоявленных, чернокнижника Мишки Покровского учеников, а тот Мишка Покровский ежегодь в неделю поклонную соборне проклинается, и я, правя, не смеялся, а горько плакал. А что подьячий Мишка Тихомиров чему смеялся и ему кто что говорил, и того я не ведаю. Царь государь, смилуйся, пожалуй, вели мою явку записать»²⁴.

8 мая 1948 г. датируется отзыв С.В. Бахрушина на подготовленную к изданию «Книгу ключей Волоколамского монастыря»²⁵. Издание было подготовлено М.Н. Тихомировым, старшим из его учеников, и А.А. Зиминим, младшим из его учеников. Из этого памятника С.В. Бахрушин черпал материал для своих последних, оставшихся незавершенными трудов по социально-хозяйственной истории России XVI в. «Книга ключей...», по мнению Бахрушина, — «уникальный источник для характеристики организации крупного вотчинного хозяйства XVI в.». Она дает вместе с тем «неоценимый материал для понимания той системы политических и хозяйственных отношений, которая существовала не только в монастырских, но и в светских вотчинах и против которой боролся Иван Грозный». С.В. Бахрушин отмечает и ценность долговой книги этого монастыря, «иллюстрирующей взаимные отношения крупного вотчинника и зависимого населения вотчины», и пишет о том, что уставная грамота селу Бужарову «дополняет существенно известные нам монастырские уставные грамоты XVI – начала XVII в. и служит дополнением и пояснением к “Книге ключей”». Заканчивается отзыв характерной фразой: «Опытность и знания М.Н. Тихомирова служат гарантией высокого качества издания».

Таким образом, архивные материалы содержат разнообразные сведения о жизни и деятельности и С.В. Бахрушина, и М.Н. Тихомирова, об их взаимоотношениях и, вероятно, могут оказаться бесполезными при дальнейшем изучении многообразной исследовательской, педагогической, научно-организационной деятельности выдающегося русского историка Сергея Владимировича Бахрушина.

¹ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И.П. Староверова; под ред. Б.В. Левшина, С.О. Шмидта. М., 1974. (Труды Архива АН СССР; вып. 25).

² Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области) / Сост. и автор статьи С.Б. Филимонов. М., 1980.

³ ААН СССР. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 1. Д. 41. Л. 137.

⁴ Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.

⁵ ААН СССР. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 4. Л. 223.

⁶ Работа переиздана в приложении к кн.: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.

⁷ Переиздана в кн.: *Бахрушин С.В.* Научные труды [: В 4 т.]. М., 1954. Т. 2. При посмертном переиздании труда С.В. Бахрушина редакторы изменили его название, озаглавив «Московское восстание 1648 г.».

⁸ Доклад стал основой статьи, перепечатанной затем в кн.: *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 217–258.

⁹ Об этом см.: *Шмидт С.О.* Работа М.Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы) // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1973 год. М., 1974. С. 169–170; см. также: Материалы о деятельности М.Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии / Подгот. С.Б. Филимонов // Там же. С. 303–304.

¹⁰ ААН СССР. Ф. 693. Оп. 2. Д. 303а.

¹¹ Там же. Ф. 394 (Отделение общественных наук АН СССР). Оп. 2. Д. 7. Л. 24.

¹² *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 5–6.

¹³ См. об этом: *Чистякова Е.В.* Материалы Б.Д. Грекова в рукописном наследии М.Н. Тихомирова // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 58–61.

¹⁴ ААН СССР. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 22. Л. 28–41 об.

¹⁵ Там же. Ф. 624. Оп. 3. Д. 17. Л. 37–38 об.

¹⁶ В издании «Третья научная студенческая конференция Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова 18–23 апреля 1941 года» (изд. МГУ, 1941) на с. 31–32 напечатаны интересные тезисы рекомендованной С.В. Бахрушиным работы студента V курса И. Савкова «Москва и Крымское ханство в 50–70-х годах XVI века».

¹⁷ См. об этом: *Руколь Б.М.* Переписка М.Н. Тихомирова с В.И. Пичетой (1941–1943 гг.) // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 224–231.

¹⁸ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. С. 173.

¹⁹ ААН СССР. Ф. 693. Оп. 4. Д. 41. Л. 5.

²⁰ Там же. Ф. 457. Оп. 1а (1944 г.). Д. 40. Л. 52–56, 62.

²¹ См. об этом: *Шмидт С.О.* Памяти учителя: Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 29–30.

²² *Рыбаков Б.А.* Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 3.

²³ ААН СССР. Ф. 624. Оп. 4. Д. 223. Л. 2.

²⁴ Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 103.

²⁵ Там же. Ф. 454. Оп. 2. Д. 533. Л. 46.

И КРАЕВЕД, И АКАДЕМИК:
МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ. 1893–1965

«Автор родился и всю почти жизнь провел в Москве, и ему не для чего писать о своей преданности и любви к родному городу. Как всякий москвич, он любит свой город, его славное прошлое и великое настоящее. Пусть же эта книга, хоть в малой степени, ответит тому горячему интересу, который каждый из нас проявляет к истории нашей прекрасной столицы» (М.Н. Тихомиров. Древняя Москва).

Такими словами закончил М.Н. Тихомиров предисловие к своей книге — первой в советское время монографии о Москве XII–XV вв. М.Н. Тихомиров был подготовлен к такому обобщающему труду всем своим предшествующим творчеством исследователя и краеведа.

Михаил Николаевич Тихомиров родился в Москве 19 мая (по старому стилю) 1893 г. В 1912–1917 гг. он студент отделения истории историко-филологического факультета Московского университета. В 1923–1934 гг. преподает в средних учебных заведениях Москвы, с 1934 г. — в высших учебных заведениях исторического профиля: с 1934 г. на историческом факультете Московского университета (в 1946–1948 гг. декан, с 1953 г. — заведующий основанной им кафедрой источниковедения); в довоенные годы — в Московском институте истории, философии и литературы и в Московском государственном историко-архивном институте. Много лет работал в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, а затем и заведовал им. С Москвой связана и деятельность ученого с 1935 г. в Академии наук (членом-корреспондентом которой он стал в 1946 г., действительным членом в 1953 г.) — в Институте истории, позднее в Институте славяноведения; в 1953–1957 гг. он член Президиума АН СССР и академик-секретарь Отделения исторических наук; с 1956 г. — председатель возрожденной им Археографической комиссии. Московскими издательствами напечатаны почти все его книги (начиная с дипломного сочинения, изданного в 1919 г., М.Н. Тихомиров заявил о себе в науке сразу книгой!) и документальные публикации. В Москве 2 сентября 1965 г. М.Н. Тихомиров скончался; он похоронен на Новодевичьем кладбище, на площади, где происходят траурные церемонии.

М.Н. Тихомиров — историк очень широкого диапазона, и хронологического, и географического, и проблемно-тематического, даровитый педагог — создатель научной школы и видный организатор науки. Основные труды написаны им в 1930–1960-е гг. Он автор более десяти книг, сотен статей исследовательского характера, первооткрыватель и публикатор многих письменных исторических источников, инициатор и ответственный редактор научных изданий («Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», «Очерки истории исторической науки в СССР», «Археографический ежегодник», возобновленное по его инициативе Полное собрание русских летописей, сочинения историков В.Н. Татищева, В.О. Ключевского, М.Н. Покровского и др.). В то же время он составитель учебных пособий — и вузовских, и школьных — по истории и географии, источ-

никоведению и палеографии, практик музейного и архивного дела, популяризатор исторических знаний (брошюры и методические рекомендации, статьи в газетах и еженедельниках, публичные лекции и доклады), пропагандист учебного кино (еще на рубеже 1920–1930-х гг.), убежденный и страстный защитник памятников истории и культуры.

Основная сфера исследовательских интересов М.Н. Тихомирова — отечественная история с IX по XIX в., история славянских народов и Византии, специальные исторические дисциплины — источниковедение, историография, историческая география, археография (т.е. выявление, собирание, описание и издание письменных источников), палеография.

Именно М.Н. Тихомиров показал, что средневековая Русь была страной высоко развитой городской жизни, первым обобщил данные о народных движениях, написал многоплановое исследование по исторической географии России в XVI столетии, характеризующее и особенности социально-экономического и политического развития отдельных регионов огромной страны. Много трудов посвящено им деятельности государственных учреждений (земских соборов, приказному делопроизводству), международным связям (особенно с южнославянскими народами), внешней политике России и русским полководцам, происхождению названий «Русь» и «Россия», месту России во всемирной истории (в основе его посмертно изданной книги «Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.» — лекции, прочитанные в Париже в 1957 г.). Видное место в творчестве ученого занимали проблемы истории нашей культуры X–XVIII вв. (труды о городской письменной культуре Древней Руси, «Слове о полку Игореве», Андрее Рублеве, о роли Новгорода и Москвы в развитии мировой культуры, о библиотеке московских государей, начале книгопечатания, М.В. Ломоносове и основании Московского университета, о «народной» культуре и источниках ее познания и др.).

Отличительная черта трудов М.Н. Тихомирова — сочетание собственно исторического и источниковедческого исследования. Специально в источниковедческом плане написаны книга «Исследование о “Русской Правде”» (1941 г.; в основе ее — докторская диссертация), незавершенная монография о начале русского летописания, многие статьи и предисловия к публикациям памятников письменности (первых новгородских берестяных грамот, сказаний о Куликовской битве, Соборного уложения 1649 г., документов монастырских архивов, публицистических сочинений XVI–XVII вв. и др.). На протяжении десятилетий ученый выявлял летописные памятники во всех хранилищах Москвы и издал обзор их.

В 1968–1979 гг. издательством «Наука» издано посмертно шесть книг избранных трудов академика М.Н. Тихомирова: преимущественно статей (в том числе не опубликованных при его жизни), подобранных по тематическому принципу: «Русская культура X–XVIII вв.» (1968), «Исторические связи России со славянскими странами и Византией» (1969), «Классовая борьба в России XVII в.» (1969), «Российское государство XV–XVII вв.» (1973), «Древняя Русь» (1975), «Русское летописание» (1979). Издательством «Московский рабочий» переизданы в 1991 г. работы ученого в книге: М.Н. Тихомиров. «Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.».

Но даже самые сложные по тематике работы, самые изощренные текстологические штудии М.Н. Тихомиров старался писать доступным языком. Задача ученого, утверждал он, «заключается в популяризации науки, а вовсе не в том, чтобы эту науку сделать достоянием лишь немногих»¹. «Историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк — это и писатель. Иначе ему нечего браться за такой труд», — писал он в одной из последних своих статей в газете «Известия» в 1962 г.² И не только широта и многообразие интересов, но и подход к форме изложения исторического материала сближают М.Н. Тихомирова с великими демократическими традициями отечественной исторической науки, восходящими еще к Н.М. Карамзину и продолженными другими крупными историками XIX в.

М.Н. Тихомиров сумел сделать очень много. Он обладал великим даром трудолюбия, умел работать при всех обстоятельствах, никогда не жаловался на то, что приходится много трудиться. Он радовался творческой работе, как птица полету, считал это естественной формой своего существования. Даже путешествуя, он вел записи, не только отмечая виденное, а иногда и делая зарисовки зданий или архитектурных деталей, но и поверяя бумаге свои первичные соображения исторического характера. Писал он быстро, четким почерком, обычно без помарок, в последние десятилетия печатал на машинке. Имел, как правило, сразу же ясное представление об объеме готовящейся к печати рукописи и умел укладываться в намеченный объем. М.Н. Тихомиров гордился мастерским владением «ремеслом» историка и умело делал всю так называемую черновую работу: относился к ней уважительно и сердился на учеников (а человек он был не легкого характера!) за небрежность в научном аппарате, отсутствие унификации в оформлении статей и документальных публикаций. Высоко ценил умение легко читать древние тексты, быстро находить нужное место в книге. И школа Тихомирова была для учеников его не только школой мысли, но и «цехового ремесла» историка и — главное — преданной любви к труду историка.

Библиографические материалы о творчестве М.Н. Тихомирова издавались неоднократно начиная с 1953 г.³, а в 1974 г. отдельной книгой было опубликовано научное описание рукописного наследия М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук⁴ (ученый много лет возглавлял ученый совет этого архива). В 1987 г. в академической серии «Научные биографии» вышла книга о М.Н. Тихомирове его ученицы профессора Е.В. Чистяковой, в которой широко использованы и документы архивного фонда ученого, а в особом разделе охарактеризовано изучение им «средневековой Москвы»⁵.

Ознакомление с печатными трудами М.Н. Тихомирова, с документами его архива, с материалами учреждений, где он работал, убеждает, что интерес к познанию и исследованию прошлого Москвы и Московского края характерен для творчества ученого на протяжении всего его жизненного пути. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что помимо многих работ, сами заголовки которых с очевидностью свидетельствуют о прямом отношении к истории Москвы⁶, большинство трудов М.Н. Тихомирова, посвященных историческим явлениям XIII и последующих столетий, в той или иной мере касаются также истории Москвы.

Это и обобщающего типа работы по отечественной истории (включая учебные пособия) и истории отечественной культуры, и подготовленные к печати летописи и Соборное уложение 1644 г. Деятельность земских соборов происходила в Москве, и о приказном делопроизводстве ученый рассуждает главным образом на примере московских дьяков и подьячих. Москва была и центром внешних сношений Российского государства. Московские служилые люди и дельцы участвовали в подавлении городских восстаний. К Москве тяготели монастыри, документы которых интересовали М.Н. Тихомирова. Москва была средоточием русской культуры и культурных связей с южнославянскими народами. Здесь начиналось книгопечатание, хранилась библиотека великих князей, а позднее был основан первый в России университет. Многие описанные и опубликованные ученым памятники письменности создавались или бытовали в Москве. В Москве творили и о Москве писали те историки, которым посвящал свои статьи М.Н. Тихомиров. События московской истории стали сюжетом и литературно-художественных произведений ученого (в большинстве своем оставшихся неопубликованными), а язык московских приказных XVII в. он любил имитировать в пародийных «грамотах» (академик Б.А. Рыбаков напомнил на заседании памяти М.Н. Тихомирова о его «шутливых челобитных», о «переписке во время заседаний, когда он стилем древнерусского дьяка излагал события современности, давая остроумные характеристики современников»⁷) и т.д. и т.п. С Москвой связана и тематика многих диссертаций и дипломных сочинений молодых ученых, научным руководителем которых был М.Н. Тихомиров. Тема «Москва и ее прошлое» всегда была в поле зрения М.Н. Тихомирова — исследователя и пропагандиста научных знаний, профессора и организатора науки.

Определить роль М.Н. Тихомирова в развитии краеведения, так же как и место краеведения в его многообразном научном творчестве, в его педагогической, просветительской, организаторской деятельности, непросто. Недостаточно вычленишь работы краеведной тематики в массиве его сочинений и выявить факты его личного содействия развитию краеведения (печатными трудами, организацией музеев, выставок, изданий, участием в повседневной работе краеведческих обществ, направлением интересов своих учеников и сотрудников). Существенно отметить и обращение его к краеведческой литературе и приемам, свойственным работе краеведа, при подготовке трудов иной — более широкой — проблематики и рассчитанных на восприятие другого читателя, нежели потребитель сочинений о достопамятностях того или иного «края».

Но все-таки в творческой биографии М.Н. Тихомирова можно выделить период, когда он преимущественное внимание — во всяком случае, в подготовленных для печати трудах — уделял краеведной тематике: с 1917 г. и до разгрома краеведческих обществ и изданий в 1929–1930 гг. И это время было школой формирования выдающегося исследователя и педагога. Вероятно, тяге к краеведной тематике и столь легкому творческому вхождению в нее способствовал сам путь становления историко-культурных интересов М.Н. Тихомирова еще в детстве и в годы учения в средней и высшей школе. М.Н. Тихомиров родился близ Таганки. В семье конторского служащего Морозовской мануфактуры осталось в живых пять сыновей. Михаил был четвертым. Уклад жизни был мещанский, но отец любил читать, прививал детям любовь к литературе и истории. И знаменательно, что введение к

книге «Древнерусские города» (1946) М.Н. Тихомиров закончил словами: «Свою книгу я посвящаю памяти моего отца Н.К. Тихомирова, первого моего учителя в знакомстве с историческими памятниками, кому я обязан своей любовью к русской истории».

В воспоминаниях, которые академик М.Н. Тихомиров писал (или диктовал) и редактировал в последние свои годы, много места уделено московской жизни начиная с его детских лет. Эти бытовые зарисовки Москвы и Подмосковья (дачных местностей, ныне вошедших в черту города) представляют немалый интерес и для краеведа. Так, о Медведкове, где позднее назовут его именем улицу, читаем: «Медведково в то время было очаровательной местностью, поблизости от Свиблова. Оба села стояли на Яузе и были окружены вековым лесом». Сильное впечатление уже в детстве производили на него и памятники старинной архитектуры; позднее он утверждал, что архитектурой крепости Симонова монастыря «Москва могла бы гордиться не в меньшей степени, чем гордятся своими замками французы и немцы».

Однако мальчик оказался надолго оторванным от Москвы и семьи: в 1902–1911 гг., получив стипендию директора Морозовской фирмы, он стал учиться в закрытом Коммерческом училище в Петербурге, которое и окончил с золотой медалью. Но там, вспоминал М.Н. Тихомиров, «проиграв в знании древних языков», он «получил некий возмещающий эквивалент в виде законоведения, политической экономии и прочих предметов, которые не изучались в гимназиях и реальных училищах». Особенно же важным оказалось то, что в старших классах преподавал историю приват-доцент Петербургского университета Борис Дмитриевич Греков — будущий знаменитый историк. Он заметил у юноши «интерес к истории», пригласил к себе, рассказывал об изучении прошлого, говорил об истории России, познакомил с альбомом древнерусской скорописи, «зародив навсегда интерес к русской письменности». Именно в этой связи в статье, посвященной памяти академика Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомиров напишет в 1958 г.: «Счастливы те люди, которые могут вызвать в молодых душах интерес к науке, к знанию»⁸. (Эти слова М.Н. Тихомиров мог с полнейшим правом отнести, прежде всего, к самому себе!) Подаренную — возможно, именно в тот день — фотографию красивого человека лет под тридцать с уважительной надписью: «Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову на добрую память. Б. Греков, 28.V.911» — мы, ученики Михаила Николаевича, видели затем на стене его холостяцких комнат в Москве — и в маленькой, длинной, на втором этаже деревянного флигеля во дворе дома 46 по улице Герцена, и тогда, когда, став членом-корреспондентом АН СССР, он занимал уже две комнаты в коммунальной квартире двухэтажного дома на углу Беговой улицы и Хорошевского шоссе, и в последней просторной отдельной квартире — в высотном доме на Котельнической набережной (на третьем этаже, над кинотеатром «Иллюзион»). Выпускное сочинение в училище юноша писал на тему «Исторические взгляды А.С. Пушкина». Сочинение это не дошло до нас; но вряд ли там можно было обойти трагедию «Борис Годунов», столь важную для познания жизни Москвы XVI – начала XVII в.

«Кандидат коммерции» твердо решил заняться русской историей. Однако поехой поступлению в Московский университет были не только обязательство «отработать» бесплатное обучение и материальные трудности в семье, но и необходи-

мость сдавать экзамены по древним языкам. В течение года молодой служащий конторы Рябушинских в Китай-городе, получавший уже немалое по тем временам жалованье (40 рублей в месяц), «начиная с азбуки», сумел подготовиться к этим экзаменам и впоследствии не раз обращался к источникам на древних языках. В воспоминаниях воспроизведен разговор его отца с директором фирмы, от имени которого он получал стипендию в училище: «Что же, Миша думает быть профессором Московского университета? Для этого нужны деньги!»

В университете М.Н. Тихомиров много занимался у лучших профессоров. Позже, размышляя о задачах высшего образования, ученый не раз возвращался к впечатлениям тех лет. Он проходил школу изучения источников — и по русской истории, и по зарубежной: законодательных памятников, актов, житийной литературы. «Определяющим учителем» для него стал Сергей Владимирович Бахрушин — ровесник Грекова, происходивший из образованной семьи богатейших московских купцов, известных благотворительностью и страстью к собиранию книг и других памятников культуры⁷. М.Н. Тихомиров занимался под его руководством историей Новгорода и Пскова, но сам-то С.В. Бахрушин в то время как исследователь с особым интересом изучал прошлое Москвы: незадолго до поступления М.Н. Тихомирова в университет была опубликована работа Бахрушина о хозяйственной деятельности московских великих князей, в 1917 г. — большая статья «Московский мятеж 1648 года». К статье этой и по тематике, и даже по терминологии заголовка — «мятеж» — близко дипломное сочинение М.Н. Тихомирова о Псковском мятеже 1650 г.⁹ Написание обоих исследований было обусловлено возрастающим интересом к истории классовой борьбы в канун великих революционных событий 1917 г.

Прошлое Москвы очень интересует в студенческие годы и М.Н. Тихомирова. Среди немногих сохранившихся (или сохраненных им в его архиве) рукописей тех лет — конспекты трудов по истории Москвы, особенно московского церковного зодчества, выписки из материалов описаний подмосковных селений и их церквей, зарисовки (точнее сказать, чертежи) храмов и усадеб Подмосковья¹⁰. Можно предполагать, что сюжеты истории Москвы и ее культуры уже тогда были предметом взаимных интересов учителя и ученика. Такая подготовка, или самоподготовка, оказалась настолько основательной и выверенной на практике при ознакомлении с памятниками Подмосковья, что это сразу же выявилось в необычайной по творческой интенсивности его работе краеведческого характера в городе Дмитрове, где М.Н. Тихомиров начал службу в Союзе кооперативов: сначала практикантом по внешкольному образованию, затем инструктором по краеведению. Ему поручили организовать Музей истории родного края¹¹. Тогда только вырабатывался тип уездного краеведческого музея с тремя главными разделами: современной промышленности и промыслов, природы и историко-культурным. Первоначально фонд музея пополнялся силами одного инструктора — заведующего музеем, «которому приходилось ездить по району для собирания материалов, вести техническую работу в музее по обработке этого материала, нести на себе хозяйственные обязанности и переговоры по делам музея»¹². Пополнялись материалами сразу разные

⁷ См. об этом очерк Н.Г. Думовой «Профессиональные благотворители» в кн.: Краеведы Москвы. 1991. Вып. 1. С. 132–146.

отделы. Задачей было не только собрать материалы для музея, но и сохранить памятники истории и культуры, оставшиеся в покинутых прежними хозяевами усадьбах (вещественные памятники, книги, семейные архивы). По указанию М.Н. Тихомирова сфотографировали «виды» города Дмитрова — сейчас это уникальный источник познания внешнего облика небольшого старинного среднерусского города в первый год революции. Особо интересовали его карты, топонимические данные. Видимо, уже тогда он начал сверять содержащуюся в них информацию с визуальными наблюдениями, с современной лексикой, со сведениями письменных источников, тем более что ему поручено было написать историческую часть «Ежегодника по Дмитровскому уезду за 1918 год». Сохранились его заметки о некоторых селах — своеобразные эссе, в которых отражено и то, что было почерпнуто из известных уже источников, и предания, бытующие среди местного населения, и личные впечатления от поездки.

Позднее, обрета уже большой опыт краеведческой работы, М.Н. Тихомиров в анкете второй половины 1920-х гг. «Краеведы Московской губернии», отвечая на вопрос: «Начало вашей краеведческой деятельности. Кто имел на вас влияние, при каких обстоятельствах», скромно написал: «Начал работу в Дмитрове, работал над созданием Музея родного края с окт[ября] 1917 г. по май 1918 г. Работать тогда по краеведению не умел и работу вел плохо; наибольшее влияние на меня имел дмитр[овский] краевед Алексей Иванович Байдин». А.И. Байдин — агроном, земский служащий, был осенью 1917 г. гражданским комиссаром Дмитровского уезда, содействовал организации музея, передал туда библиотеку справочного характера и познакомил М.Н. Тихомирова с архивными материалами по истории города и уезда¹³.

М.Н. Тихомиров стал и первым экскурсоводом музея. Среди осмотревших экспозицию 1 мая 1918 г. — поселившийся тогда в Дмитрове Петр Алексеевич Кропоткин, знаменитый ученый-географ, революционер и мыслитель; сотрудниками молодого директора по организации музея стали дочери другого бывшего князя, Дмитрия Ивановича Шаховского — видного кадета, автора работ о П.Я. Чаадаеве, декабристах, близкого друга академика В.И. Вернадского.

Вынужденный семейными обстоятельствами переехать к старшему брату в Ильинский погост близ Егорьевска, М.Н. Тихомиров служил там в библиотеке, видимо, обрабатывал материалы по истории Дмитровского края и, во всяком случае, продолжал копить наблюдения и размышлять об источниках познания истории народа. Характерно его признание: «Вспоминая об этих временах, я часто думаю, что для меня большим счастьем было знакомство с провинцией, хотя бы и близкой к Москве, потому что только провинция может дать представление о настоящей жизни...»

Зимой 1919 г., в трудное голодное время для Москвы и Подмосковья, М.Н. Тихомиров получил приглашение от своих знакомых А.М. Земского и его жены Надежды, сестры писателя М.А. Булгакова, приехать на библиотечную работу в Самару. Там вскоре М.Н. Тихомиров оказался, в связи с наступлением белых, на полтора месяца новобранцем Чапаевской дивизии. Освобожденный по близорукости, когда миновала непосредственная опасность Самаре, от военной службы, он стал работать в библиотеке, музее, архиве, преподавать. Деятельно участвовал в работе

местного научного общества краеведческого типа — Общества истории, археологии и этнографии при Самарском университете. Сблизился с крупным историком древнерусской литературы академиком Владимиром Николаевичем Перетцем и его женой (позднее, в 1943 г., Варвара Павловна Адрианова-Перетц стала членом-корреспондентом АН СССР, возглавила Отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме в Ленинграде). Преподавая, М.Н. Тихомиров и сам обучался у них палеографии и текстологии. Именно в это время М.Н. Тихомиров особо проявил себя и в сфере, которую теперь принято называть полевой археографией. Он спас, в буквальном смысле слова жертвуя собой и серьезно заболев, рукописи старообрядческих Иргизских монастырей и архив и семейные вещи Аксаковых, оставшиеся в их родовом имении. Тогда же он готовил к печати статьи по истории селений Самарского края — работы в русле типично краеведной тематики.

В 1923 г., после закрытия Самарского университета, М.Н. Тихомиров возвращается в Москву, где работает в средних учебных заведениях преподавателем географии и обществоведения. Он интенсивно включается в краеведческую работу и уже тогда начинает последовательно (первоначально несколько лет как внештатный неоплачиваемый сотрудник) изучать и описывать рукописи, прежде всего летописи, в Историческом музее.

Еще в Самаре М.Н. Тихомиров подготовил к печати статью, имеющую прямое отношение к истории города Дмитрова, — «Князь Юрий Иванович Дмитровский» — о жизни и трагической кончине дяди Ивана Грозного. Это первый труд ученого по политической истории России XVI в. Тогда уже выработалась и система включения в собственно историческое изложение наблюдений источниковедческого характера. Автограф статьи сохранился лишь в архиве Дмитровского музея. На полях первой страницы рукою автора написано: «В Дмитровский музей родного края. Г. Дмитров. Моск[овской] губ[ернии]», на последней — дата: «20 февраля 1922 года»¹⁴.

Вскоре по возвращении в Москву М.Н. Тихомиров стал готовить небольшую книгу о городе Дмитрове. В предисловии к ее изданию, датированном 7 января 1925 г., автор пишет, что этот «небольшой очерк» «в основных своих чертах» был задуман в 1918 г. и работа «была продолжена по возобновлении связи с Дмитровским музеем, в прошлом году», т.е. в 1924-м. В предисловии же отмечается, что история города рассматривается «в экономическом разрезе. История города неотделима от вопросов торговли и промышленности; ими определяются в большинстве случаев рост и падение городов. Попутно я говорю о числе населения и внешнем виде города. Вопросы быта, администрации и политической истории оставлены мною в стороне, так как они заслуживают особого изучения»¹⁵. Эти формулировки, видимо, дань времени, когда официально господствовали взгляды М.Н. Покровского и преимущественное внимание предписывалось уделять истории торгового и промышленного капитала и революционного движения. На самом деле в книге представлена и достаточно широкая история города, и его топография с характеристикой важнейших улиц, площадей, даже зданий, а в примечаниях и в «Библиографии» указана многообразная литература (включая публикации источников) о Дмитрове и его уезде. Небольшая книжка «Город Дмитров. От основания города до половины XIX века» вышла как второй выпуск трудов Музея Дмитровского края в 1925 г.

Книга эта — первая в ряду изданий такой проблематики об отдельных небольших городах — вызвала отклики в печати тех, кто особенно много сил отдавал в то время развитию краеведения. Н.А. Гейнике писал в «Листке краеведа», что «книжка увлекательна для современного читателя, живо интересующегося вопросами экономики», а «для школьного работника... является превосходным пособием». Профессор И.М. Гревс в программной статье 1926 г. «История и краеведение» выделил издание, приглашая «к дальнейшему следованию по этому пути», а в 1927 г. напомнил, что М.Н. Тихомиров «выпустил удачно составленную монографию “Город Дмитров”»¹⁶.

В Москве М.Н. Тихомиров становится деятельным участником работы культурно-исторического отделения (секции) Общества изучения Московской губернии (области) в 1925–1930 гг.¹⁷ Он был с октября 1926 г. секретарем секции, с 1929 г. — заместителем ее председателя, состоял и в издательской комиссии общества, предложил в 1925 г. образовать комиссию по изучению городов Московского края; с 1929 г., в связи с работой по подготовке историко-географического словаря, он стал председателем президиума историко-географической комиссии. Видимо, М.Н. Тихомиров принимал участие в работе нескольких комиссий, так как, отвечая 2 августа 1930 г. на вопрос анкеты члена общества, подчеркнул названия нескольких комиссий, в работе которых желал бы участвовать: культурно-исторической, экономической, школьно-краеведческой, искусствоведческой, изучения мелкой промышленности. (Любопытно, что не названа им комиссия «по изучению г. Москвы».)

М.Н. Тихомиров выступал не раз с докладами (некоторые из них становились основой статей в периодических изданиях «Московский краевед» и «Московский край в его прошлом») и в прениях по другим докладам. Сначала тематика его докладов была связана с историей Дмитрова и Дмитровского уезда. На 1930 г. была запланирована работа по аграрной истории Иосифо-Волоколамского монастыря. Доклады 1928–1929 гг. в значительной мере явились результатом экспедиционной деятельности, предпринятой летом 1928 г. тоже по инициативе М.Н. Тихомирова.

Он предложил достаточно детально разработанный план «выборочного обследования селений Дмитровского края» по определенной схеме: «1. Название селений. 2. Местоположение селений. 3. Исторические данные о селении. 4. Взаимоотношения села и деревни. 5. Исчезнувшие села и деревни. 6. Памятники старины, сохранившиеся на местах (архивы, церкви, усадьбы и пр.)» и указал конкретно те «уголки уезда», которые следовало бы обследовать в первую очередь. М.Н. Тихомиров в течение трех недель исследовал — сопоставляя известия летописей, писцовых книг, актов с топографическими и топонимическими наблюдениями — Олъявидовщину (в том числе место битвы 1181 г. на р. Веле), Песношский монастырь, селения, связанные с водным торговым путем: составил карту селений и урочищ конца XVI в., расспрашивал местных жителей, прежде всего старожилов, особое внимание обращая на памятники старинного искусства.

При подготовке историко-краеведческого словаря Московской области предлагалось выделить темы «Историческое прошлое города», «Культурный облик города», «Благоустройство города», «Культурное влияние города на близлежащий район», «Революционные события в городе», «Выдающиеся уроженцы города».

За М.Н. Тихомировым закреплялось руководство работой по составлению исторической части словаря. Он готовил и совещание местных краеведов, занятых обработкой словарных материалов. Уже тогда сказались склонности М.Н. Тихомирова к коллективным трудам, желание привлечь к совместной деятельности специалистов и в центре, и на местах.

Особо следует выделить работу М.Н. Тихомирова по подготовке «Атласа и рабочей тетради по географии Московской области»¹⁸. В разделе атласа «Культурное состояние» предполагалось составить карты и список наиболее интересных музеев области, отметить «все памятники искусства и старины», воспроизвести «виды старинных памятников области», «виды местностей, связанных с революционным движением». В «Объяснительной записке» М.Н. Тихомиров, руководитель работы, рассматривал «Атлас...» как школьно-краеведческое пособие по географии и обществоведению. Планировалось созвать секционные совещания краеведов области и «широкого профиля совещание краеведческих организаций». Однако осуществлению этих намерений помешало преследование краеведческих обществ в 1929–1930 гг.

И М.Н. Тихомиров отошел — во всяком случае, в организационном плане — от собственно краеведческой работы. Перестал заниматься краеведением и его любимый брат — талантливый историк Борис Николаевич Тихомиров, с именем которого связаны достижения калужского краеведения второй половины 1920-х гг. (впоследствии он погиб во время сталинских репрессий)¹⁹.

Деятельность в Обществе изучения Московской губернии отвечала в ту пору многообразию и широте научных и общественных интересов М.Н. Тихомирова, его склонности к комплексному изучению различных типов и разновидностей исторических источников (комплексное изучение источников вообще было характерно для краеведения тех лет) и к конкретному «визуальному» ознакомлению с памятниками прошлого и остатками давней жизни, его потребности в широком распространении научных знаний. Творчеству М.Н. Тихомирова уже тогда было свойственно стремление к синтезу прошлого и настоящего, к выяснению в настоящем следов прошлого, а в прошлом — корней современности.

Просветительно-учебную работу, рассчитанную и на восприятие учащимися средней школы, М.Н. Тихомиров, однако, продолжает. На рубеже 1920–1930-х гг. он много сил отдает учебному кино (по истории, по географии), выступает перед сеансами и произносит дикторский текст в кинотеатре «Баррикады» (напротив зоопарка), печатает методические инструкции в журнале «Учебное кино», консультирует серию фильмов «Московский край».

Учебно-методические задачи ставил М.Н. Тихомиров перед собою и тогда, когда готовил первые статьи уже по истории города Москвы. Они были написаны в помощь учителям, для облегчения их работы при возобновившемся преподавании гражданской истории. В журнале «Преподавание истории в школе» (1936. № 3, 4) публикуются его очерки «Из истории Москвы» («Начальная история Москвы» и «Рост города в XIV в.»). Пробует силы ученый и в написании литературно-художественных произведений о прошлом Москвы; одно из них — пьеса «Великое смятение (Картины из эпохи восстания 1648 г. в Москве)» — сохранилось в его архиве в трех редакциях.

Но вскоре М.Н. Тихомиров приступил уже в исследовательском плане к изучению «Древней Москвы». Она стала темой его работы в Институте истории Академии наук: он выступил там с докладом такой тематики, предполагал к концу 1941 г. завершить небольшую книгу «Москва в период феодальной раздробленности». Именно эти подготовительные материалы взял он с собой в Среднюю Азию, куда переехал с эвакуированным университетом. (Не мыслящий себя вне круга учащейся молодежи, профессор М.Н. Тихомиров предпочел ехать не с академическим институтом в более удобный для жизни и буквально заполненный в то время деятелями культуры Ташкент, а в жаркий Ашхабад.) В июле 1942 г. он просил в письме виднейшему тогда москвоведу П.Н. Миллеру «оставить за ним» эту плановую работу, так как «все уже обдумано и частично написано»; и при отсутствии книг его «спасает древняя Москва»²⁰. Работа по написанию большего объема книги, как «целого произведения», началась с января 1943 г.

Подготовка этой книги может рассматриваться и как результат предшествующих трудов ученого, а также и как существеннейшая часть занимавшего его в те годы исследования о городах средневековой Руси. Несомненно воздействие очень плодотворной деятельности конца 1930-х гг., когда М.Н. Тихомирову пришлось определять информационные возможности всего основного массива письменных источников в отечественной истории до XIX в. (в период подготовки учебного пособия по источниковедению, где охарактеризованы важнейшие памятники письменности, содержащие сведения о прошлом Москвы, и где приведено в виде примеров немало ссылок на факты, отражающие именно московские события) и методику их исследования.

К тому времени у М.Н. Тихомирова уже оформилось социологическое представление о типологии средневекового города, о «городском строе» Древней Руси, имевшем, как он полагал, много общего с такими же явлениями в других европейских странах, о месте средневекового города в социокультурной среде.

Все в большей мере утверждалось у М.Н. Тихомирова и представление о характере источниковой базы подобного исследования. Уже его личный опыт ознакомления с прошлым города Дмитрова и его уезда, селений Самарщины, опыт историографии (прежде всего труд И.Е. Забелина о Москве), опыт краеведения убеждали в том, что нельзя ограничиваться письменными источниками, тем более что современным событиям памятников письменности XII–XV вв. известно крайне мало. М.Н. Тихомиров привлекает и письменные источники более позднего времени (не только поздние списки ранее созданных памятников, но и сочинения последующих веков), словесные устные источники — фольклор, топонимика, этимология разговорной речи, особенно ее архаизмов, изобразительные и вещественные памятники. Использовались им также и приемы извлечения ретроспективной информации, визуального наблюдения над уцелевшими остатками старины. М.Н. Тихомиров придавал большое значение природно-географическим условиям в жизни общества, местным, даже, казалось бы, малозначительным природным особенностям.

М.Н. Тихомиров воспринимал прошлое не умозрительно, отнюдь не только по книгам и архивным документам. Он ощущал внутреннюю потребность видеть то, о чем пишет. Исторические явления существовали для него всегда в определенной

естественно-географической среде и бытовом окружении. М.Н. Тихомиров объездил или исходил пешком многие места нашей страны. Он старался проверить *de visu* данные литературы и народных преданий, выявить границы и внешние отличительные черты давних поселений, охарактеризованных в его трудах. И заносил эти наблюдения в путевые записи, которые делал ежедневно, пока свежи впечатления. Ему не нравились скорые «туристские» наскоки. Он предпочитал раздумчиво и внимательно ознакомиться с местностью, с памятниками старины, приглядеться к новым для него людям, к их обычаям; и в краеведческом музее он начинал знакомство с отдела природы, выясняя для себя влияние ее на местный бытовой уклад (мне довелось наблюдать все это во время совместной поездки в Великий Устюг и Сольвычегодск летом 1951 г.)²¹.

Подготовка монографий о древнерусских городах и о древней Москве велась, по существу, одновременно, что обогащало осмысление обоих комплексов проблем: развития городской жизни в XI – первой половине XIII в. (на примере многих городов и разных регионов Восточной Европы) и во второй половине XIII–XV в. (на примере уже одного, но крупнейшего города). Для обеих книг характерно всестороннее исследование средневекового города, с акцентами на социально-экономические и культурные аспекты. Книги, вышедшие в издательстве Московского университета одна за другой («Древнерусские города» в 1946 г.; «Древняя Москва» в 1947 г.), воспринимались как некое единство.

Сходство обеих монографий обнаруживается не только в подходе к историческим явлениям и источникам информации о них, но и в самом распределении материала по разделам и внутри разделов, во «внутреннем строе» изложения, даже в манере его: насыщенность фактографическими наблюдениями и четкость обобщения социологического порядка, строгая последовательность — даже повторяемость — элементов построения разделов; простота языка с вкраплением цитат или отдельных слов из старинных памятников письменности, часто в переводе автора. Такой научно-литературный стиль (напоминающий об опыте преподавания в школе) обеспечивал доступность книг ученого и для так называемого массового читателя.

Отдельные разделы книг М.Н. Тихомиров, по своему обычаю, публиковал в виде статей, а сведения по истории Москвы обобщил, как и прежде, и в учебно-методическом плане, напечатав три статьи в журнале «Преподавание истории в школе» (1946. № 3–5). Любопытно отметить, что М.Н. Тихомиров охарактеризовал в статьях для учителей всю историю Москвы до того времени, когда столицей стал Петербург, — последняя статья озаглавлена: «Москва в XV–XVII веках».

В книге «Древняя Москва» восемь глав: «Начало истории Москвы», «Великокняжеская Москва», «Великие князья в борьбе за власть против князей-совладельцев и бояр», «Московская торговля и купечество», «Московское ремесло и московские ремесленники», «Иностранцы в Москве», «Рост и заселение городской территории», «Московское просвещение и литература». В приложении опубликованы четыре повести о начале Москвы и схема города и его окрестностей в XIV–XV вв.

Оба широкомасштабных исследования сохраняли особенности, свойственные краеведческой литературе, где пристальное внимание уделяется топографии и топонимике города, истории отдельных улиц, обстоятельствам и срокам заселения

городских районов, быту и укладу жизни различных слоев населения (организации и расположению торгов и ремесленных мастерских, церквам, монастырям и кладбищам и т.д.), памятникам культуры местного происхождения и вообще знаменитым местным памятникам истории и культуры. Такие частности, обычно привлекательные для краеведа, экскурсовода (а сам М.Н. Тихомиров, уже бывший признанным профессором, в послевоенные годы доставлял себе удовольствие, выступая в роли экскурсовода, рассказывая своим ученикам о зданиях и дворах в Китай-городе), имели существеннейшее значение для книги, как и краеведческие работы «частного» порядка, на которые автор ссылался.

И это вообще характерная черта некоторых книг М.Н. Тихомирова, восходящая, думается, к краеведным началам его творческой биографии. В книге «Древнерусские города» главам типологически обобщающего характера о городском населении, борьбе за городские вольности и внешнем виде городов предшествовала самая большая глава — «Географическое размещение городов», представляющая собой совокупность микроисследований о 65 городах. И позднее, в книге «Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.» (1955) замечен схожий прием исследования.

М.Т. Белявский проникновенно напишет об этом в статье «Памяти большого ученого»: «Это настоящий сборник великолепных маленьких монографий о землях Древней Руси, монографий, показывающих, как нужно искать и находить источники там, где, казалось бы, никаких шансов на это нет; как их использовать и как писать кратко, ярко, убедительно и интересно»²². Важно заметить, что во введении к этой книге сам М.Н. Тихомиров пишет: «Эта работа основана на длительном и внимательном изучении источников. Но автор ее ставил перед собой не только исследовательские, но и популяризаторские задачи...»²³ Такие же задачи стояли перед ним и при подготовке книг о древнерусских городах и Москве. Но подобные приемы — и обращения к источникам, и описания исторических явлений — заметны и в более академической по стилю изложения книге «Россия в XVI столетии», подготовленной к печати уже незадолго до кончины М.Н. Тихомирова. В основе книги начала 1960-х гг. — университетский спецкурс 1950-х гг., когда на лекции для цитирования Михаил Николаевич приносил не только издания источников (летописей, писцовых книг, актов), но и работы краеведов с закладками, пометами на полях и между строк. Так он приучал молодежь к уважительному отношению к этой литературе.

Ученый закрепил основные свои выводы и наблюдения и в главах готовившегося к печати первого тома академического издания «Истории Москвы» (книга вышла в свет в 1952 г.). М.Н. Тихомиров выступил 9 сентября 1947 г. с докладом «Первые два века Москвы» на общем собрании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 800-летию Москвы, читал публичные лекции о Москве и ее роли в образовании централизованного государства (в Политехническом музее в 1947 г. и в 1951 г., в Московской партийной школе). 6 июня 1954 г. академика М.Н. Тихомирова попросили выступить при открытии памятника Юрию Долгорукому в Москве; 23 ноября 1954 г. об истории Москвы он говорил в Доме пионеров. В личном архиве его сохранились краткие тезисы этих выступлений. (М.Н. Тихомиров не имел дара ораторской импровизации и обычно готовился к

публичным выступлениям; но разговорный его язык отличался образностью, меткостью и точностью характеристик.)

В середине 1940-х гг. формируется школа учеников М.Н. Тихомирова, готовивших под его руководством дипломные сочинения и диссертации. И нетрудно обнаружить непотухающий интерес и учителя и учеников к тематике по истории Москвы, к историческим сочинениям, написанным в Москве. Особо следует выделить диссертацию Дины Исааковны Тверской, ставшую основой ее книги «Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка» (1959), изданной под редакцией академика М.Н. Тихомирова. Много сделала для изучения Москвы Д.И. Тверская и как музейный работник — автор музейных экспозиций и теоретик музейного дела. Накануне своей кончины 10 августа 1975 г. она готовила статью и доклад на тему «М.Н. Тихомиров и музеи», основанные на привлечении и архивных материалов²⁴.

Проблемы истории средневекового города, и особенно Москвы той поры, привлекают внимание ученого и позднее. Накапливается новый фактический материал, возникают новые соображения, формулируются новые обобщающего характера наблюдения. И снова одно за другим выходят исследования: «Древнерусские города» (1956) и «Средневековая Москва в XIV–XV веках» (1957).

В предисловии к новой книге о Москве М.Н. Тихомиров писал, что исследование основано на книге «Древняя Москва», «но оно не является просто переработкой более раннего текста». Задача той книги была показать, что Москва впервые названа в летописях уже городом и развивалась как все возрастающий город, связанный и с международным обменом. Но «теперь нет необходимости эту мысль доказывать, так как она уже принята в нашей исторической литературе». И потому «основная задача» новой книги — «более или менее всестороннее освещение жизни русского средневекового города XIV–XV столетий. Исследование ограничено рамками этих столетий, потому что предшествующие века в истории Москвы освещены только немногими письменными свидетельствами и археологическими находками, сделанными на ограниченной территории». С конца же XV в. начинается для Москвы «новый период». Внешние показатели этого: строительство Кремля и переустройство посадов при Иване III; в области политической истории — и для истории России, и для истории Москвы — присоединение Новгорода и падение татарского ига.

Построение и распределение материала новой книги заметно отличается от книги 1947 г. Там сведения о ремесле и ремесленниках приведены в одной небольшой главе; в книге же 1957 г. две главы: «Московское ремесло» и «Ремесленное население Москвы. Черные сотни и слободы». Значительно больше материала приведено о торговле и московском купечестве, о московском просвещении и литературе. Появились новые главы — «Московское боярство», «Митрополичий двор. Церкви. Монастыри. Духовенство», «Классовая борьба и восстания черных людей», «Городские бедствия и происшествия». Приложен указатель географических, этнографических и топографических названий. В то же время исключено приложение с повестями о начале Москвы.

Мартом 1956 г. датирована записка М.Н. Тихомирова о составлении «Московского некрополя»²⁵. Он, видимо, знал то, что сделано было в этом направлении

П.Н. Миллером и другими москвоведом. В записке предлагалось составить «полный список захоронений выдающихся лиц, похороненных в Москве, памятники или могилы которых сохранились до настоящего времени». Отмечая особое значение надгробных надписей как важных источников по истории культуры и о прошлом Москвы, М.Н. Тихомиров считает необходимым цитировать их в описании памятников, а «наиболее замечательные могилы» фотографировать. «Московский некрополь» должен был стать и «своего рода охранным документом». Первый том издания, по его мнению, следовало посвятить захоронениям в Кремле, на Красной площади, в Китай-городе, «дальнейшая работа проводится по удельным кладбищам». Однако замысел этот остался тогда неосуществленным.

М.Н. Тихомиров, издавна тесно связанный с музеями, активно участвовал в работе Музея истории и реконструкции г. Москвы (в частности, выезжал на места вновь открытых старых зданий или фрагментов их и приглашал на такие консультации своих учеников), в создании Музея имени Андрея Рублева. Он помог сохранению основных принципов экспозиции Оружейной палаты, утверждая в выступлении на совещании 1955 г., что Оружейная палата «создает впечатление колоссального богатства и колоссальной заботы о собирании вещей»²⁶. М.Н. Тихомирова волнуют не только судьбы музеев и памятников истории и культуры, но и то, что у научной молодежи не воспитывается потребность в познании этого. В статье 1956 г. о подготовке молодых ученых к исследовательской работе он с огорчением и недоумением даже замечает: «...знакомство с памятниками старины, столь многочисленными в Москве, считается необязательным для историков. Иной аспирант-историк просидит в Москве три года и за это время ухитрится ни разу не повидать московские исторические памятники; например, пишет о 1905 годе и не побывает на Красной Пресне»²⁷. Темы «История Москвы» и «Памятники Москвы» и в дальнейшем сопутствуют творческим устремлениям М.Н. Тихомирова. Москве и Московскому краю отведено существенное место и в его фундаментальном труде историко-географического характера «Россия в XVI столетии». Эта монография вышла в том же 1962 г., что и небольшая книга «Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы» — результат неутомимых изысканий в течение сорока лет. Книга эта, по мысли М.Н. Тихомирова, должна была стать «путеводной нитью для других исследователей».

Готовил к печати М.Н. Тихомиров (с помощью Н.Н. Покровского, ныне члена-корреспондента АН СССР) и описание собранной им коллекции рукописей. Описание части этой коллекции — трехсот рукописей — опубликовано было уже после кончины ученого, в 1968 г. Эту ценнейшую коллекцию собиратель еще при жизни передал в дар Сибирскому отделению Академии наук СССР. Именно академик Тихомиров стоял у истоков возрождения славных традиций дарения народу и государству замечательных частных коллекций. Ученый был убежден, что переселенцы берут с собой на новые места самое дорогое — книги и иконы; поэтому стал инициатором организации археографических экспедиций в Сибири — в результате произошло то, что позднее назовут «археографическим открытием Сибири»²⁸. «Тихомировское собрание» в Новосибирске (рукописи, старопечатные книги, иконы, подбор палеографических пособий) и поныне остается научной опорой развернувшихся там исследований истории народной культуры.

В первой половине 1960-х гг., благодаря статье М.Н. Тихомирова о библиотеке московских государей, опубликованной в журнале «Новый мир»²⁹, возродился интерес и серьезных ученых к этой таинственной сокровищнице древних рукописных книг на греческом, латинском и древнееврейском языках. Вопросы эти обсуждаются на заседаниях общественной комиссии, возглавляемой М.Н. Тихомировым, на страницах еженедельника «Неделя» и в других изданиях³⁰. Возвращается он и к теме о начале московского книгопечатания: опять-таки, как в исследовательском плане, так и в научно-популяризаторском. М.Н. Тихомиров был научным руководителем работы по вскрытию гробниц Ивана Грозного и его сыновей в Архангельском соборе Московского Кремля, выступал об этом с докладами, статьями в газетах. Особенно памятна яркая статья «Последние из рода Калиты» в газете «Известия», перепечатанная посмертно в одной из книг его избранных трудов³¹. Академик М.Н. Тихомиров до конца дней своих оставался исследователем и просветителем, пропагандистом исторических знаний в широких слоях народа.

В 1967 г. именем М.Н. Тихомирова названа улица в Москве, в районе новостроек, в Медведкове (сам Михаил Николаевич был противником изменения старых и привычных названий улиц). В 1969 г. установлена памятная доска на высотном доме на Котельнической набережной, где ученый жил с 1954 г. и где находилось «Тихомировское собрание» памятников культуры. Именем Тихомирова называли аудиторию в здании исторического факультета Московского университета (сначала в старом, а затем в новом здании) и установили мемориальную доску. На титульном листе «Археографического ежегодника», начиная с выпуска 1968 г., значится: «Основан в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым». С 1968 г. ежегодно проводятся и Тихомировские чтения — пленарные заседания или конференции Археографической комиссии, посвященные жизни и деятельности ее основателя, актуальным проблемам археографии и близких к ней наук, изучающих документальные памятники.

Академик Михаил Николаевич Тихомиров любил свой родной город, гордился тем, что он коренной москвич, история Москвы оставалась сквозной темой его творчества. И москвичи могут гордиться делами и славой своего земляка, еще при жизни ставшего классиком нашей исторической науки.

¹ Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 348.

² Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны (Памяти академика М.Н. Тихомирова). М., 1967. С. 17.

³ Михаил Николаевич Тихомиров: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1963. Литература 1963–1983 гг. о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова указана в статье И.Е. Тамм в «Археографическом ежегоднике» (далее — АЕ) за 1983 год (М., 1985. С. 250–255). См. также: Шмидт С.О. О наследии академика М.Н. Тихомирова // Вопросы истории. 1983. № 12. С. 115–123. Литература 1983–1990 гг. указана в АЕ за 1990 год (М., 1991).

⁴ Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И.П. Старовойта; под ред. Б.В. Левшина, С.О. Шмидта. М., 1974. (Труды Архива АН ССР; вып. 25).

⁵ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987.

⁶ Труды эти перечислены в составленной Л.И. Шохиным библиографии в книге: Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1991.

⁷Рыбаков Б.А. Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 29–30. Такая шутливая переписка М.Н. Тихомирова и С.В. Бахрушина во время одного из заседаний ученого совета МГУ в послевоенные годы сохранилась. См.: Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 72–73. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 164–174]; См. также: Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. С. 29–30; Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. С. 30–31.

⁸История СССР. 1958. № 5. С. 57.

⁹Переиздано в кн.: Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVI в. М., 1969.

¹⁰ААН СССР. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 2. Д. 60, 61, 287.

¹¹Подробнее об этом см.: Хохлов Р.Ф. М.Н. Тихомиров и Дмитровский музей // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 315–318.

¹²Из отчета Дмитровского союза кооператоров за 1918 год. Цит. по: Филимонов С.Б. Малоизвестные материалы о деятельности академика М.Н. Тихомирова в 1918–1923 гг. // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 104.

¹³Материалы о деятельности М.Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии / Подгот. С.Б. Филимонов // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 299–300.

¹⁴Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 393. Статья впервые напечатана в этом издании (с. 155–169).

¹⁵Там же. С. 170. Основной текст книги перепечатан в этом издании с учетом изменений, сделанных в связи с подготовкой нового издания ее в конце 1950-х гг. Замысел этот не был осуществлен тогда.

¹⁶Об этом см.: Филимонов С.Б. Материалы о М.Н. Тихомирове в журнале «Краеведение» // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 221.

¹⁷Подробнее см.: Шмидт С.О. Работа М.Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края (Новые материалы) // АЕ за 1973 год. С. 167–172; Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989.

¹⁸См.: Материалы о деятельности М.Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии. С. 298–310.

¹⁹См. о нем: Артизов А.Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Обзор материалов жизни и деятельности // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 111–123.

²⁰Подробнее см.: Шмидт С.О. Послесловие // Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.

²¹Шмидт С.О. Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова). С. 14–16. Путевые заметки эти частично опубликованы в кн.: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. С. 410–412.

²²Белявский М.Т. Памяти большого ученого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1966. № 1. С. 10.

²³Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 5–6.

²⁴О работах Д.И. Тверской см.: АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 354–358, 370–371.

²⁵Записка М.Н. Тихомирова 1956 г. о составлении «Московского некрополя» // АЕ за 1989 год. С. 305–306.

²⁶Выступление М.Н. Тихомирова 20 января 1955 г. на совещании о работе Музеев Московского Кремля / Подгот. к печати М.Т. Белявский // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 352.

²⁷Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны. С. 11.

²⁸Шмидт С.О. Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 11–20; Деревянко А.П., Покровский Н.Н. М.Н. Тихомиров и сибирская археография // АЕ за 1973 год. С. 202–203.

²⁹Тихомиров М.Н. О библиотеке московских царей: Легенды и действительность // Новый мир. 1960. № 1. С. 196–202. Перепечатано в кн.: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. С. 281–291.

³⁰Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982. С. 64.

³¹Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 81–83.

К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ
М.Н. ТИХОМИРОВА

М.Н. Тихомиров — как отмечалось уже не раз — владел секретом простоты литературного языка, писал доходчиво, образно, сознательно избегая в стилистике каких-либо манерных изысков. Ему всю жизнь оставалась близка традиция реализма «Ежемесячных литературных приложений» к журналу «Нива» (с собраниями сочинений виднейших писателей), на которой формировались вкусы многих читателей начала XX столетия.

Определяя действенность труда историков, М.Н. старался утвердить мысль — особенно в научно-публицистических статьях — о существенном значении литературной формы исторического сочинения. И даже в исследовательских работах ставил перед собой и «популяризаторские задачи». Охотно выступал на страницах газет, еженедельников, ежемесячных литературно-художественных и общественно-политических журналов (к примеру, статью, изменившую господствовавшие тогда представления о библиотеке московских государей, напечатал в 1960 г. в журнале «Новый мир»).

Сочинял М.Н. легко, писал сразу четким почерком, формулируя четкие же мысли. И потому дневниковые записи первых впечатлений от знакомства с новой местностью, с памятниками культуры, первичных соображений историко-культурного характера и страницы опубликованного им схожи по стилистической манере. А в печатных трудах по истории городов обнаруживаются и текстуальные совпадения с такими записями.

В 1934 г. М.Н. опубликовал повесть «Первый печатник» об Иване Федорове. В конце 1920-х гг. начал работу над романом «Третий Рим», в середине 30-х гг. написана пьеса «Великое смятение (Картины из эпохи восстания 1648 г. в Москве)». В 60-е гг. имел замысел «создать краткие повести по истории» и биографического характера книгу об Иване Грозном¹. Краткие повести об исторических деятелях XV–XVI столетий подготовлены к печати для книги избранных произведений М.Н. «Сошествие в глубь веков» (в издательстве «Правда»). Очерк 1940-х гг. о княгине Ольге опубликован в приложении к книге с описанием научного наследия М.Н. В научном описании этом, составленном И.П. Старовойтовой, выделен целый раздел «Историко-литературные произведения, стихотворения, поэтические переводы» со сведениями о многих сочинениях, начиная с юношеских стихотворений 1907 г., и о планах неосуществленных произведений².

На заседании памяти М.Н. Тихомирова 25 января 1966 г. академик Б.А. Рыбаков заметил, что «можно собрать еще один том его сочинений, который не предназначался для печати: это шуточные челобитные, его переписка во время заседаний, когда он стилем древнерусского дьяка излагал события современности, давал острые, всегда остроумные характеристики современников»³. Некоторые из таких пародийных сочинений в стиле документов XVII в. сохранились в личном архиве М.Н. и в других архивах, и о них упоминается в работах, посвященных М.Н.⁴ «Пе-

реписки» М.Н. с С.В. Бахрушиным во время заседания Ученого совета МГУ конца 1940-х гг. воспроизведена в печати⁵. (Правда, с пропуском в «явке» М.Н. фразы: «И как те люди собрались и книжный справщик Миколка Гудзий учал им говорить, что де окромя наших российских дидаскалов иных добрых и на свете нет, да и многие иные речи говорил, что не упомнить»⁶.) М.Н., видимо, сам получал немалое удовольствие от сочинения таких пародийных текстов. Для него это было формой душевной разрядки и даже отдыха: не случайно М.Н. обращался к подобному жанру в летние дни археологических экспедиций. И нетрудно представить, сколько смеха было после прочтения написанного в экспедициях А.В. Арциховского и Д.А. Авдусина и как это сближало студентов и аспирантов с профессором.

М.Н. переводил произведения древнерусской литературы — и прозаические, и поэтические (в их числе повести о Куликовской битве, которые и изданы под его редакцией в серии «Литературные памятники»), следуя в этом традиции отечественных историков и филологов, восходящей еще к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Переводил он и стихотворения Генриха Гейне.

Стихотворения, так сказать, самостоятельной тематики обычно менее оригинальны. Их скорее можно отнести к жанру того обиходного стихотворства — смеси разнообразной по тональности лирики с пародийностью, которое было в обычае российской интеллигенции, воспитанной на определенных поэтических образцах. Стихотворения его скорее могут привлечь внимание не историка литературы, а специалиста в области социальной психологии, социологии, истории русского литературного языка. Но для познания умонастроения М.Н., понимания его жизненной ситуации в тот или иной момент, отношения к отдельным людям и к определенным историческим (или историко-культурным) явлениям, восприятия им стилистики литературно-художественных произведений знакомство с его стихотворным наследием дает очень много. Это показало и обращение к стихам М.Н. в научной биографии Е.В. Чистяковой⁷, публикация еще ранее стихотворения М.Н. «Могиле Месропа Маштоца», написанного во время пребывания в Ереване в марте 1953 г.⁸ Существенно и то, что сам автор, видимо, был отнюдь не безучастен к некоторым из таких сочинений, так как уже в последние годы жизни наговорил их для магнитной записи (что тоже отмечено в изданном научном описании его рукописного наследия).

Для умонастроения М.Н. показательны уже юношеские стихи, написанные еще не устоявшимся почерком, а затем частично перепечатанные. А нам, его ученикам, во многом понятно стихотворение лета 1948 г. с авторской пометой на машинописи «Незадолго до болезни»:

Я ухожу в неведомые страны,
Где завтра нет, а есть одно вчера,
Где будут все и поздно или рано
Там скажут всем: «Тебе пора».

«Тебе пора», но кто пору укажет,
Когда я должен перейти в тот свет,
Где ждут меня давно уже на страже
Болезни престарелых лет.

Покинуть мир, покинуть город старый,
Родимую и милую Москву,
Ее проулки, площади, бульвары
И многошумную молву.

Покинуть мир, покинуть эти чащи,
Где весело по веткам скачет дрозд,
Где вкус цветов лесного меда слаще
И по ночам так много звезд.

Покинуть мир, где видел столько горя,
И столько радости, пусть с горем пополам,
Уйти, уйти в неведомое море,
Откуда нет возврата нам.

Я жить хочу, но все ж без укоризны,
Без жалобы в дорогу соберусь,
Я верный сын бессмертной той отчизны,
Которая зовется Русь⁹.

Конечно, обращался в стихотворной форме М.Н. и к историческим сюжетам. Видимо, ему было особенно дорого стихотворение об Иване Грозном «Страх». Стихотворение датировано 1928 г., но первоначальный вариант его написан еще в 1911 г., когда М.Н. явно находился под впечатлением восприятия образа грозного царя по IX тому «Истории» Карамзина (и, соответственно, сочинений Пушкина, А.К. Толстого), а позднее правил уже текст, перепечатанный на машинке (видимо, с магнитной записи). И потому это стихотворение небезынтересно для понимания исторических взглядов ученого и того времени, когда он писал о библиотеке Ивана Грозного, а также впечатляющий газетный очерк «Последние из рода Калиты». Стихи приводятся полностью с учетом авторских поновлений (т.е. вписанных новых слов вместо зачеркнутых):

В царской спальне жарко и уютно,
Мягкая постель зовет на сон,
А за окнами утрюмо и беспутно
Вихрь и снег стучат со всех сторон.

Но царю не спится, тонкий полог
Тяжким панцирем навис над ним,
Голова в жару, а час полночный долог,
Ночь мрачна, как старый нелюдим.

Хоть бы звук послышался единый,
Шорох бы раздался вдалеке,
Тишь кругом, но человек незримый
Спрятался за печкой в уголке.

Чует царь, что взгляд глядит кровавый,
Так и сыплются огнистые лучи;
«Яко исчезает дым, уйди, лукавый,
Злобный тать, ворующий в ночи».

Царь стоит, согнувшись, на коленях,
На стенах дрожат лучи лампад,
А за окнами, заткавшись в черных тенях,
Вихрь и снег неистово гудят.

Лики бледные икон старинных
Смотрят с тихой скорбью на царя,
Шепчет царь в своих прошениях длинных,
Непрестанно что-то говоря.

А незримый тихими шагами
Ходит в комнате, как хитрый волк.
Вот шуршит под цепкими когтями
У кроватных занавесок шелк,

Вот мелькает он по стенам темным бликом
И хвостом задел за кольца дверц.
«О, когда б не стыдно было криком
Разбудить и стражу и дворец».

Царь глядит на образа с мольбою:
«Боже, здесь и жизнь моя и грязь».
А за окнами и в окна черной мглою
Вихрь и снег врываются, крутятся.

Вот мелькают тени на иконах,
Сколько в комнате собралось их,
И бледнеет блеск лампадок золоченых,
И сереют лики у святых.

Нет спасенья, круг незримый ближе,
Громче ратных труб неслышный вой,
Все, кто был замучен и унижен,
Все стоят, как войско, пред тобой.

Нет, теперь уже молиться поздно,
Хуже пытки твой полночный страх.
И хотя льстецы тебя прозвали Грозным,
Ты из праха и земной лишь прах.

(Д. 201)

В недатированном стихотворении о Москве, начинающемся строчками «Родная русская столица / Ты здесь лежишь передо мной» и написанном едва ли не в связи с празднованием 800-летия Москвы, М.Н. напоминает о своей родовой принадлежности к москвичам:

Москва, твоей великой силе
И мой отец, и старый дед,
Как москвичи, всю жизнь служили,
А я от юношеских лет

— и о месте посадских людей в истории Москвы:

В людском тысячелетнем марше
Для всех был пращуром Адам,
И род Романовых не старше,
Чем род любого из крестьян

...Не знали вовсе родословья
Ни кожемяки, ни ткачи.
Но звали их в средневековье
Почетно: «мужи-москвичи».

И храбры были эти мужи,
И говорили иногда:
«Не князю, а земле мы служим
И строим наши города».

(Д. 201. Л. 49–50)

В 1958 г. М.Н. задумал было написать большое стихотворение (или поэму) «Александр Невский», видимо, с тремя вариантами зачинов: «О, великая и могучая / Светло-Светлая Земля Русская / От Карпатских гор к морю Белому, / Как цветной ковер ты раскинулась...»; «Сегодня в замке ликованье, / Повсюду слышен шум и крик: / “Настал, настал расплаты миг, / Из пепла больше Русь не встанет...”»; «Старый Волхов взбушевался, / Бьется злобно в берега. / Он теперь один остался / Непокорным, как всегда...»

В стихотворениях отражены размышления автора о законах Бытия, о вечном и преходящем (стихотворение 1925 г. «Боги» и др.), о природе и походах за грибами, впечатления о новых для него местах, бытовых ситуациях и в довоенные, и в послевоенные годы. Любопытно стихотворение 1950 г. «Эмигрант»:

Он, когда-то русский барин,
Нынче только эмигрант,
На заброшенном бульваре
Тихо слушает джаз-банд.

...Он тоской безумной болен,
И когда трещит джаз-банд,
Звон родимых колоколен
Точно слышит сквозь туман.

И своей мечты невольник,
До сих пор не верит он,
Что родимой колокольни
Стих печальный перезвон...
(Д. 201. Л. 42)

Среди стихотворений современной автору тематики немало пародийного стиля: и о делах академических и университетских, и о «шалостях Амура» (начинающиеся словами: «Из всех богов Амур, конечно, / Всех больше причиняет мук» — Д. 203. Л. 1), и о холостячестве некоторых историков (сам М.Н. оставался холостяком).

Особенно, если можно так выразиться, «веселился» профессор в августе 1945 г., когда был приглашен А.В. Арциховским к участию в археологических раскопках в с. Беседы под Москвой. Это было первое послевоенное лето, лето радостных надежд. Тогда сочинено было и стихотворение («Деревня, где копал Артемий, / Была прелестный уголок. / Туда с собой он приволок / Копальщиков лихое племя...») с комическим описанием труда и быта археологов («...Вот обнажаются скелеты: / Одна мадам, один мужик; / Их обдирают в тот же миг, / Снимая бусы и браслеты» — Д. 203. Л. 4)¹⁰. Там же сочинены и шуточные челобитные и расспросные речи с упоминанием «Толстова приказа», т.е. деканата истфака МГУ, возглавлявшегося тогда С.П. Толстовым (Д. 207. Л. 1–2 об.).

23-м октября 1953 г., днем избрания М.Н. действительным членом АН СССР, датировано стихотворение «Академик», написанное под впечатлением разговора с коллегой, близким ему еще со студенческих лет:

«Итак, теперь Вы академик
И будет Ваша жизнь полна», —
Сказал профессор-неврастеник
И выпил рюмочку вина.

«Скажите, отчего же полнее
И лучше будет жизнь моя», —
Сказал я, тягостно краснея
И за него и за себя.

«Ну, как же, — отвечал он смело, —
Вам будет дача и гараж,
Почет за дело и без дела
И подходящий антураж».

Сказать по правде, озадачил
Меня профессорский апломб.
Так вот в чем цель: гараж и дачи,
Квартира... Может, целый дом.

Почет за всякое безделье
За выслугу преклонных лет.
То юбилей, то новоселье
И с выпивкой большой обед.

Нет, мой профессор-неврастеник,
Ошиблись вы, не тот уж век:
Я лишь по званию академик,
А в жизни просто человек.

С академическими выборами октября 1953 г. связаны и забавные стихи, записанные позднее с голоса М.Н. и частично напечатанные в книге Е.В. Чистяковой. Они начинаются словами: «В Академии наук / Раздается шум и стук, / Все на выборы спешат, / Кандидатов указуют / И усердно голосуют...» (Д. 203. Л. 16–16 об.).

«Академической жизни» посвящал М.Н. и достаточно тщательно отделанные стихи, и многочисленные экспромты. Так, сохранилось четыре варианта басни «Лисица-диссертант» (апреля 1952 г.), затем также прочитанной М.Н. для магнитной записи:

Наукам раз Лисица обучалась,
С профессорами лично зналась,
В их честь нередко поднимала тост,
Отметив творческий их рост.
И в результате так зазналась,
Что диссертацию листов печатных в сорок пять
Решила защищать.
И написавши книжку
Да в оппоненты пригласив Мартышку,
Она представила свой труд
В какой-то Институт.
Когда ж в Совет ученый поступило дело,
Лисица приготовилась к защите смело.
Вот биографию Лисицы огласили —
У ней все предки трудовые были —
В лесах всегда лисиц любили,
И помнят все лесные птицы
О милосердии Лисицы.
Лисица сделала вступительное слово,
Свежо и очень ново,
На тему о воде толченой,

Хотя и скучно, но учено.
А главное — мудрено.
«Не правда ли, — сказала Кошка томно, —
Лисица дивно знает свой предмет
И, несомненно, наш Совет
Ей вынесет привет?»
«Конечно», — отвечал Козел довольно сонно,
Он в этот день осокой обожрался
И на Совете отсыпался.
Тут в зале раздалась аплодисменты
И взяли слово оппоненты.
От тучности своей немножко задыхаясь,
Заговорил почетный рыжий Кот:
«Наш диссертант, с рутинной не считаюсь,
В науку внес переворот.
И вот,
Оставив в стороне огрехи,
Отметим мы его успехи: он труд свой написал
Совсем как наш Осел».
Тут Кот солидно за ушами почесал
И с кафедры сошел.
Оратором вторым поднялася Мартышка.
И заседание близилось к концу,
Как вдруг из публики явилась Мышка,
Хоть мышкам выступать и вовсе не к лицу.
«Я опытным путем, — так Мышка пропищала, —
Пыталась воду в ступке истолочь, —
Но оказалось это мне не в мочь,
И медным пестиком я ступку лишь сломала.
Я заверяю Институт,
Что воду в ступке не толкут!»
Раздались тотчас крики тут:
«Нельзя так выступать безбожно!
Ученый коллектив... — и вдруг простая Мышь!
От критики такой в больницу угодишь.
Толчение воды вполне возможно».
Тут сам Козел, переварив осоку,
Отметил, что ученое призвание высоко.
Но председатель вдруг закрыл собрание
И заявил: «Зачем нам так шуметь,
И всякий знает ведь,
Какие у Лисицы званья».
Толчение воды вошло в научный быт,
Оно имеет крупный сбыт.

(Д. 203. Л. 12–15 об.)

Образцом сочинения во время заседания можно рассматривать экспромт середины 1950-х гг., озаглавленный «Два слова о руководстве» и с пометой внизу «Экспромт на заседании Президиума 13 апр.»:

Академики вначале
Институты возглавляли,
Члены же корреспонденты
Появлялись на моменты.
Но с течением времен
Был порядок изменен,
И пошли в директора
Твердым шагом доктора,
Пылким рвением объята.
Тут и наши кандидаты
Стали дело возглавлять,
Поучать и направлять.
Хорошо скакать на воле,
Ждут своей веселой доли
Докторанты,
Аспиранты
И, быть может, лаборанты.
(Д. 203. Л. 10)

То, что М.Н. благосклонно сопутствовала муза Клио, давно уже для всех очевидно. Но сам он, обладавший образным мышлением и скорый на ассоциации, не раз обращал свой взор к другим музам. И это необходимо иметь в виду, изучая углубленно жизнь и творчество классика нашей исторической науки.

¹ См. об этом: *Шмидт С.О.* Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1965 год. М., 1966. С. 15–16, 18.

² Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание. М., 1974. С. 31–35. (Труды Архива АН СССР; вып. 25).

³ *Рыбаков Б.А.* Михаил Николаевич Тихомиров // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 3.

⁴ *Шмидт С.О.* Памяти учителя. С. 29; *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 30–31.

⁵ *Шмидт С.О.* С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 72–73. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 164–174.]

⁶ Архив АН СССР. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 4. Д. 223. Л. 2.

⁷ *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров. С. 10, 31.

⁸ Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1965. № 4; *Чистякова Е.В.* Академик М.Н. Тихомиров и Армения // Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР. 1983. №10.

⁹ ААН СССР. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 1. Д. 201. Л. 41–41 об. Далее номера дел и листов указываются в основном тексте в скобках.

¹⁰ *Чистякова Е.В.* Школа академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература феодального периода. Новосибирск, 1990. С. 356–357.

ПЕРЕПИСКА Н.П. КОНЧАЛОВСКОЙ И М.Н. ТИХОМИРОВА

В Археографической комиссии немало сделано для ознакомления с научным наследием академика Михаила Николаевича Тихомирова и увековечения его памяти. Жизнь и творчество М.Н. Тихомирова — одна из сквозных тем едва ли не всех «Археографических ежегодников», вышедших после кончины первого председателя нашей комиссии в 1965 г. Информация об этом сведена в библиографическом указателе «Михаил Николаевич Тихомиров», в основной своей части подготовленном еще покойной И.Е. Тамм и затем пополненном¹. Однако в архивах таятся еще не вошедшие в научный обиход данные, небезытересные для изучения творческого наследия М.Н. Тихомирова и общественного сознания его времени. К такого рода документации относится и переписка историка с московской писательницей Натальей Петровной Кончаловской (1903–1988).

Н.П. Кончаловская по рождению принадлежала к московской интеллигентской элите предреволюционного времени (дед ее по матери — великий художник В.И. Суриков, дед по отцу — известный издатель, отец — видный живописец Петр Петрович Кончаловский, дядя Максим Петрович — выдающийся терапевт, другой дядя, Дмитрий, — историк, переводчик «Двенадцати цезарей» Светония, эмигрировавший в 1941 г. и выпустивший за рубежом мемуары), а в годы переписки — к высшей советской литературной элите (жена Сергея Владимировича Михалкова, мать Андрона Михалкова-Кончаловского и Никиты Михалкова); и взгляды ее, тем самым, в определенной мере отражают воззрения и этой среды.

Выявлена пока только та часть переписки, которая находится в фонде М.Н. Тихомирова в РАН — это, видимо, все письма Кончаловской (Ф. 693. Оп. 4. Д. 298), и лишь одно письмо Тихомирова (Оп. 4. Д. 24а) и отзыв Кончаловской об историко-художественном очерке Тихомирова «Соломонида» (Оп. 2. Д. 335)².

Основной повод, да, пожалуй, и основная тема переписки — прошлое Москвы в творчестве и мироощущении корреспондентов. 10 июня 1948 г. Кончаловская, закончив вторую часть книги «Наша древняя столица», посвященную XVI – началу XVII в., обратилась к Тихомирову «как крупнейшему специалисту по этому разделу истории» с письмом (автограф), где просила «посмотреть... мою работу и дать, хотя бы в самой краткой форме... указания». Заканчивается письмо словами: «...буду Вам крайне признательна, т.к. буду спокойна за историческую правду». Писательница преподнесла ученому изданную первую часть книги, «для того чтобы была яснее цель» ее труда — «исторические картины для детей — картины прошлого в стихах» (Оп. 4. Д. 298. Л. 2–3).

О письменном отзыве Тихомирова на вторую часть книги пока нет точных свидетельств, но на часть, посвященную XVII в., несомненно, имелся его письменный отзыв. Причем отзыв достаточно детальный, поскольку Кончаловская в благодарственном письме от 17 марта 1952 г. (машинопись) сообщает: «Получив Ваш отзыв о третьей части “Наша древняя столица”, я незамедлительно взялась за правку книги по Вашим указаниям, с которыми во многих случаях я согласна», —

и далее конкретизирует содержание этих замечаний. Они касались и стихосложения, в частности, видимо, обращения «к народной напевности», и потому Кончаловская сочла необходимым отметить: «Ведь поэзия у меня не менее важное дело, что и история. А иногда, должна Вам признаться, одно идет за счет другого».

При этом Кончаловская оспаривает суждение Тихомирова, рассматривавшего ее стихи «на фоне стихов» Маршака и Михалкова: «...с такими корифеями детской литературы никак не иду в сравнение. Но должна Вам сказать, что ни тот, ни другой и никто из детских поэтов, пожалуй, не возьмется за такую труднейшую, серьезнейшую тему, как история родной земли. Тему, требующую тщательного изучения материала многие годы. Тему, которую надо кровно любить и отдавать ей все свои силы, все свое время, все свои помыслы. Ведь мною написано уже семь тысяч строк! Трудно написать такое количество абсолютно хороших строк, гораздо проще написать книгу коротких детских стихов, которые легче придумываются, легче пишутся и начисто отделяются. А ведь я взяла на себя огромный труд, за который пока еще никто не брался, и если у меня есть хоть капелька исторического видения, то думается, что я получила ее в наследство от деда моего художника В.И. Сурикова, преданно любившего русскую историю и постоянно рассказывавшего мне всякие сказки из истории Руси, когда я была еще совсем маленькой девочкой. И для меня эта работа не случайна. Я уверена, что если бы предложили эту работу Маршаку или Михалкову, то ни тот, ни другой не взяли бы за нее, потому что это надо так любить, как научил меня мой дед. Но в конце концов каждому — свое!» (Л. 4–4 об.).

Тихомиров почти сразу ответил на письмо. И это вызвало быструю реакцию корреспондента. Письмо Кончаловской (машинопись), датированное 26 марта 1952 г., много дающее для представления об отношении писателей и ученых к ее замыслу и — главное — о различии их подхода к художественным произведениям исторической тематики и к историко-познавательным задачам детского воспитания, приводится полностью:

«Ваше письмо заставило меня немедленно сесть за машинку и написать Вам все, что вдруг очень взволновало и обеспокоило меня.

Я Вам крайне признательна за Ваш обстоятельный, убедительный и довольно острый ответ. Ничего нет полезнее и интереснее для писателя, чем такая хорошая, открытая беседа в письме. Сейчас я не могу удержаться, чтобы немедленно не выложить Вам свои мысли. Вы пишете, что Вы первым приветствовали мою первую книгу, дали более прохладный отзыв о второй и почти холодный о третьей. Вот теперь мне хочется объяснить Вам, почему у меня сейчас так тревожно и смутно на душе. Дело в том, что мне приходится сталкиваться с нашими писателями, с большими поэтами и интересными критиками. И вот уже шесть лет я слышу одно и то же мнение и у Маршака, и у Твардовского (которого я очень ценю как поэта, очень!). И у Суркова, и у Тихонова. Все эти поэты утверждают, что нельзя писать целую книгу стихов одним размером, одним стилем, одной запевкой, как я делаю это в первой книге. Я всю книгу писала размером пушкинских сказок или размером “Конька-Горбунка” Ершова. Если бы Вы знали, сколько порицания мне пришлось выслушать от наших поэтов. Как они меня за это преследовали! Они утверждали, что это — риторика, что это механическая рифмовка, что это бессмысленное рифмование, невзирая на разные эпизоды, разные времена, разные

стили, разные эпохи. Что нельзя Мамаево побоище описывать в той же интонации, как и взятие Казани, а взятие Казани, как Ливонские походы Грозного. И вторую книгу мне пришлось, а вернее, не пришлось, а захотелось, делать в разных интонациях и в разных размерах. Все литераторы убеждали меня, что не только эта, но и все книги, так как они будут посвящены разным эпохам, должны быть разнообразными и не повторяться из одной в другую. И я с этим согласилась и страшно радовалась, что нашла в себе много новых возможностей менять форму, интонацию, рифму, голос, краски. И только то, что касается внешних описаний Москвы, Кремля, Китая-города, бытовых сценок рынка, бытовых картинок, — это уже остается в неизменном четырехстопном хорее, привычном традиционном ритме сказки. Мне даже предложено при переиздании непременно первую книгу переделать на разные размеры, чтобы сойти с этого, как бы всем приевшегося и набившего оскомину хорая.

И вот представьте себе, что историки — Греков, Тарле, с которыми мне довелось беседовать о моих книгах, и вот теперь Вы, Михаил Николаевич, — все историки в один голос утверждают, что лучшая — это первая книга, а писатели просто презирают мою первую книгу и требуют непременно переработки. Вот теперь представьте себе, как мне трудно решить, кого же мне слушаться? А слово «риторика» — страшное слово, лучше совсем ничего не писать, чем заниматься риторикой.

Еще интересная подробность: я просила поэтов и опытных «поэтических» редакторов подчеркнуть мне, по их мнению, неудачные строчки синим карандашом, а удачные — красным. И оказалось, что все, что историки считают удачным, литераторы считают неудачным, а все, что у историков считается плохими строчками, литераторы приветствуют. Далее, часто бывает так, что литераторы против исторических фактов, как раз тех, которые необходимы, по мнению историков. Барто мне заявила, читая третью книгу: «Кому интересно знать про этот ваш Соляной бунт? Или про Медный бунт? Это же все одно и то же! Все это скучно, нудно!»

А по мне, самое дорогое — это то, что ребята могут пойти в село Коломенское и увидеть эти богатейшие памятники русской древней культуры. И может быть, кто-нибудь из них полюбит это дивное русское искусство! Мне кажется, что теперь Вы представите себе, до чего ж трудное мое положение, и, может быть, где-нибудь пойдете мне навстречу. Одно только я поняла и глубоко удовлетворена, искреннее Ваше отношение, настоящее, доставляет мне большую радость. Благодарная Вам до глубины души, Ваша Наталья Кончаловская».

Допустимо предположить, что письма, содержание которых могло оказаться полезным для ее дальнейшей работы, Кончаловская печатала на машинке, оставляя себе копии. Письмо же от 11 декабря 1962 г. снова написано от руки. Перед тем Тихомиров прислал ей только что вышедшую монографию свою «Россия в XVI столетии»³, а возможно, и письмо, в котором писал о своей художественно-исторической повести (вероятнее всего, о «Соломониде», так как в архиве академика сохранился отзыв Кончаловской об этом сочинении).

Письмо имеет значительный самостоятельный интерес и приводится целиком. Небезлюбопытно, что появляется обращение «дорогой Михаил Николаевич» (раньше у обоих было обращение «глубокоуважаемый»). Можно думать, обращение «дорогой» было уже в авторской надписи ученого на его книге.

«Получила Ваш подарок. Спасибо Вам большое. Открыла я книгу сразу на 78 странице и налетела на Василия Блаженного и вдруг сразу попала воображением в гущу москвичей, смеющихся над голым юродивым, и так это было по-суриковски здорово, кратко и ясно. Просто радостно читать было! Я мечтаю познакомиться с Вашей повестью, конечно, лучше “глазами” — дайте мне рукопись. Почту за честь и доверие, если Вы мне покажете ее.

Я сейчас буду в Москве.

А как Вам нравится сообщенице о том, что следует восстановить памятник “Свобода” на Советской площади, которое было на днях в “Правде”.

А ведь у Аджубея⁴ моя статья “Князь ‘Долгие руки’”. Аджубей говорил, как только в ЦК будет постановлено перенести “князя” поближе к Кремлю, так мою статью напечатают: вот будет для меня радость. Должна Вам сказать, что у меня к этому конопатому узурпатору чисто личная неприязнь. Когда я хожу мимо этого памятника, я каждый раз ему говорю: “Погоди ты у меня, слетишь ты с этого поста, как пить дать! Будешь под Боровицкой башней стоять в садочке!” Я его просто не переносу. Он все-таки, наверно, как человек был препротивный, ну вот через века чувствую! Из своей книги я его выбросила. Жду Вашей рукописи. Ваша Наталья Кончаловская».

В приписке Кончаловская сообщает, что ей очень хочется показать Тихомирову оперу Верди «Фальстаф» в Большом театре, к которой написала русский текст либретто («Я работала над ним с упоением») (Л. 7–8).

После того Кончаловская получила возможность ознакомиться с повестью Тихомирова «Соломонида»⁵ и написала отзыв о ней, датированный 5 мая 1963 г. К повести этой она подошла как литератор к сочинению другого литератора, предназначенному для литературно-художественного издания. Ответом на него было письмо ученого (машинопись) от 17 июля 1963 г. Письмо это — не только образец эпистолярного стиля историка, но и чрезвычайно интересно рассуждениями о сочинениях исторического содержания, предназначенных для самого широкого читателя, и о своих творческих задачах в этом плане⁶. Письмо приводится целиком: «Дорогая Наталья Петровна. Отвечаю на Ваше хорошее письмо с большим опозданием, потому что долгое время был в отъезде, спасаясь от юбилея⁷. К тому же никакой спешности в моем деле нет. Скажу откровенно: Ваш отзыв больше меня удивил, чем огорчил. Основное мое желание заключалось в том, чтобы попытаться создать краткие повести по истории, а вовсе не делаться писателем. Быть ученым — это не меньше, чем быть писателем, все зависит от масштабов. Но вот использовать некоторое умение писать по истории со знанием дела, но доходчиво — это не совсем просто. И здесь напрасны презрительные ссылки на научно-популярную литературу по сравнению с писательством. Несчастье наших исторических романистов и заключается в том, что у них нет романов и недостоверная история. А во Франции давно господствуют сочинения среднего типа; это не роман и не история, а среднее — история, написанная для читателей. Примером такой литературы являются, например, сочинения Кабаниса и т.д.

Их, эти сочинения, читают с интересом, а многие наши исторические романы только переплетают для книжных полок. Не думайте, что я пишу Вам в качестве обиженного, нет. В 70 лет писателем не делаются, а автором очерков быть возмож-

но. Так я и буду делать по силе возможности. Кстати говоря, мне вспомнился один случай из времен моей молодости. В Самаре⁸ в начале революции был ЛИТО, где выступали поэты. Вышли два поэта. Один написал гладко, но был осужден за то, что небо у него бросало свет на домны. Стихи другого были признаны лучшими, несмотря на нескладность рифмы, потому что в них домны бросали свет на небеса, то бишь их завоевывали. Счастливый поэт стал выступать с рифмами, но однажды я его увидел на площади перед ЛИТО. Он грозил кулаком. Я и мой спутник спросили его: в чем дело. Непризнанный гений сказал, показывая на ЛИТО: Вот они не признали, таланта нет. От самарского Горация сильно пахло вином. Так и я, заканчивая это письмо, могу сказать: Не признали, таланта нет. Увы, выпить я не могу и посему кулаком не угрожаю, а шлю Вам самые лучшие пожелания. Говоря старым языком, всегда готов к Вашим услугам» (Д. 24а).

20 июля 1963 г., «только что получил письмо», Кончаловская спешит ответить Тихомирову и объясняет, что лишь сейчас поняла, что хочется автору и какую цель он преследует. Во многих планах интересны наблюдения в конечной части письма-автографа: «...между прочим, Вы зря отрекаетесь от “писательства”. Я с этим в корне не согласна. Историк должен уметь красиво и хорошо писать — завлекательно! В этом и есть залог тяготения читателя к истории. Моей учительницей по истории в гимназии Потоцкой была Елена Алексеевна Ефимова. Эта крошечная седая женщина, сухими лапками перебирившая цепочку от часов на своей белой английской блузе, иногда рассказывала так вдохновенно, что я в 60 лет помню эти уроки, а иногда она говорила так, что только бы скорее звонок! Но то, что она рассказывала с вдохновением, я помню до сих пор!

Очень интересен пример с домнами и с поэтами. В данном случае Вы подходите к поэтам как историк, а я — как поэт! И здесь тоже один критерий, который зависит от того, как к этому подходить — искусство важно или не искусство решает, а политика? Может быть, рифмы-то здесь не играют роли. Мне хочется привести Вам пример из жизни Сурикова. В “Переходе Суворова через Альпы” много исторических неточностей, на которые ополчились Верещагин и даже Толстой Л.Н. Когда Сурикова попросили это переделать, он сказал: “Ни за что! Почему? Потому что так красиво!” Вот прошло уже 75 лет с тех пор. Много картин было написано на Суворова в Альпах. И там уже так точно было все сделано — комар носу не подточит! А Вы не знаете, пожалуй, ни одной из них, а знаете только Сурикова. Только потому, что это — искусство, и оно живет и сохраняется народом, и о “Переходе Суворова” народ знает именно по его картине. Вот ведь, что такое искусство. Сердечно благодарю Вас за письмо. Ваша Наталья Кончаловская» (Л. 10–10 об.).

Хочется думать, что в не поступившем еще на государственное хранение личном архиве Н.П. Кончаловской сохранились письма М.Н. Тихомирова — там наверняка имеются наблюдения, существенные для изучения прошлого Москвы и его восприятия историками и писателями во второй половине нашего столетия.

¹ Книга издана Научной библиотекой РГГУ и Археографической комиссией в 1996 г. К сожалению, Д.Н. Бакун при подготовке оригинал-макета опустил указание на годы 1933, 1934, 1957 (с. 16, 31).

² В книге «Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание» (сост. И.П. Старовойта. М., 1974) документы эти описаны под № 712, 1132, 1511.

³ В том же 1962 г. все три части сочинения Кончаловской изданы отдельной книгой «Наша древняя столица: картины из прошлого Москвы» в серии «Школьная библиотека» стотысячным тиражом.

⁴ Он был тогда главным редактором газеты «Известия».

⁵ Повесть «Соломонида» см.: Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1997 год. М., 1997. С. 665–674.

⁶ Цитаты из того письма уже использовались в трудах о Тихомирове (*Шмидт С.О.* Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 18. Перепечатано в кн.: *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1977. С. 356–357).

⁷ 1 июня 1963 г. академику М.Н. Тихомирову исполнилось семьдесят лет. Он был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина (награждение званием Героя Социалистического Труда ученых-гуманитариев в ту пору еще не вошло в обычай). Но, не желая праздновать свой юбилей, уехал из Москвы, однако событие это было отмечено статьями в научных изданиях, и в честь ученого издали несколько сборников статей — единственный пример в нашей историографии! (см.: Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Биобиблиографический указатель. М., 1996. С. 60–61).

⁸ Самарский период жизни запечатлен в его воспоминаниях 1960-х гг. См.: *Тихомиров М.Н.* Самара в моей жизни (1919–1923 гг.). Самара, 1994. (История Самарского края в документах, материалах и воспоминаниях).

«ИЖДИВЕНИЕМ И НЕУСЫПНЫМИ ТРУДАМИ МИХАЙЛЫ ТИХОМИРОВА»

В предисловии к своей книге «Древняя Москва», выпущенной к восьмисотлетию Москвы в 1947 г., академик Михаил Николаевич Тихомиров писал сам о себе: «Автор родился и всю почти жизнь провел в Москве, и ему не для чего писать о своей преданности и любви к родному городу». Книга была первой после прославленного труда И.Е. Забелина обобщающей монографией о далеком прошлом нашей столицы. И мне, ученику М.Н. Тихомирова, радостно сознавать, что его труд не утратил своей научной и просветительской ценности и в прошлом году переиздан издательством «Московский рабочий».

М.Н. Тихомиров был историком очень широкого диапазона. В его трудах доказано, что Древняя Русь была страной высокоразвитой городской жизни и городской культуры; он же первым обобщил сведения и о народных движениях XI–XIII столетий, и о городских восстаниях на Северо-Западе Руси в «бунташном» XVII в., написал капитальные исследования о законодательном памятнике Средневековья Русской Правде и об исторической географии России XVI в. Он писал об Андрее Рублеве и начале московского книгопечатания, о библиотеке московских государей и возглавлял комиссию, изучавшую судьбу библиотеки Ивана Грозного. Писал о Ломоносове, основании родного ему Московского университета, где основал кафедру источниковедения, о выдающихся московских историках, был редактором сочинений В.Н. Татищева, В.О. Ключевского, С.Б. Веселовского...

Впервые опубликовано: Вечерняя Москва. 1993. 4 июня. С. 3.

Тихомиров — неутомимый первооткрыватель и публикатор памятников письменности и самоотверженный защитник памятников истории и культуры. Его стараниями мы обязаны и строительству нового здания Архива Академии наук, и возобновлению издания Полного собрания русских летописей. Он шутил, что на новых томах издания следовало бы поставить слова в духе XVIII в.: «Издано иждивением и неусыпными трудами Михайлы Тихомирова».

Его заботило и то, как пишутся школьные учебники. Именно в газете «Вечерняя Москва» в 1958 г. он писал: «Нередко в раннем детстве у ребят проявляются выдающиеся музыкальные способности. Но мир пока не знал ни одного пятнадцатилетнего экономиста, историка или философа... Программы и учебники крайне перегружены деталями. Порой авторы, составляющие пособия для школ, имеют в виду не столько учителей и учеников, сколько рецензентов».

Еще при жизни он стал классиком отечественной исторической науки. И слава богу, улице его имени в одном из новых районов Москвы не надо возвращать предыдущего названия — его не было.

Уже двадцать пять лет в Москве проходят ежегодные Тихомировские чтения, организованные на этот раз Академией наук, МГУ и Историческим музеем, они посвящены 100-летию со дня рождения знаменитого московского историка.

А.В. АРЦИХОВСКИЙ

17 февраля 1978 г. скончался Артемий Владимирович Арциховский — один из самых знаменитых историков нашего времени.

Выдающийся исследователь, педагог, организатор науки, член-корреспондент Академии наук СССР, А.В. Арциховский был ученым огромного таланта и редкой широты эрудиции. Ему равно были доступны и новаторские обобщающего характера социологические построения, и детальные фактологические исследования. Его заслугам в значительной мере обязано утверждение археологии прежде всего как исторической науки. Им разработаны основные представления об источниковой базе археологии и методике обучения археологов. Труды А.В. Арциховского — замечательный пример комплексного использования разнотипных исторических источников (вещественных, изобразительных, словесных — причем и письменных, и разговорной речи, и фольклора, — естественно-географических и др.), особенно при изучении средневекового города и истории быта. С именем А.В. Арциховского связаны высокие достижения в области всестороннего изучения древнерусских миниатюр как исторических источников, предопределившие во многом дальнейшие работы других специалистов. Им заложены и основы изучения и публикации бере-

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 359–360 (под назв. «Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978)»). *Переиздано (с дополнениями):* Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 405–407.

стяных грамот, впервые открытых руководимой им археологической экспедицией в Новгороде. Это открытие века особенно сблизило археологию и археографию.

А.В. Арциховский был одним из членов-учредителей Арчеографической комиссии, а труды его существенно способствовали обогащению и совершенствованию методики археографической работы. Непревзойденный знаток и исследователь памятников материальной культуры, А.В. Арциховский был инициатором и редактором обобщающих трудов по истории русской культуры периода феодализма, неумолимо содействовал расширению представлений об отечественной культуре, о вкладе русского народа в мировую культуру.

Для А.В. Арциховского научно-исследовательская работа неотделима от преподавательской. Прирожденный педагог, он много сил отдавал воспитанию у студентов научного мышления, распространению научных знаний. А.В. Арциховский — организатор и бессменный руководитель кафедры археологии Московского государственного университета; научная школа Арциховского занимает заметное место в развитии нашей науки. Он много способствовал тому, чтобы основы археологии стали обязательной составной частью подготовки будущих историков во всех вузах страны. Своеобычный человек, с особой манерой речи — афористически-образной и лаконичной — и поведения, А.В. Арциховский не только оказывал большое воздействие на своих многочисленных непосредственных учеников, но и надолго запоминался всем, кто его знал.

Имя А.В. Арциховского известно в нашей стране и за рубежом. В честь А.В. Арциховского при жизни его были подготовлены сборники статей — в 1962 и в 1972 гг.; опубликована в серии «Биобиблиография ученых СССР» брошюра «Артемий Владимирович Арциховский» (М., 1973), где указана обильная литература на многих языках о жизни и деятельности ученого. В «Арчеографическом ежегоднике за 1972 год» (М., 1974) напечатана статья об А.В. Арциховском как источниковеде (А.Д. Горского), а еще ранее — в «Арчеографическом ежегоднике за 1967 год» — отзыв академика М.Н. Тихомирова о научном творчестве А.В. Арциховского. Вклад Артемия Владимировича Арциховского в развитие науки и высшего образования очень велик. К творчеству его будут обращаться многие поколения и ученых-специалистов, и все те, кто испытывает потребность углубленного познания прошлого и связей его с современностью.

* * *

Содержание и объем статьи памяти А.В. Арциховского в «Арчеографическом ежегоднике» были обусловлены и «жанром» некролога, и тем обстоятельством, что об ученом уже опубликовали материалы в других томах «Ежегодника». Поэтому приводим ниже статью автора об А.В. Арциховском, написанную в 1994 г. для издающейся в России энциклопедии «Британика».

Арциховский Артемий Владимирович (26(13).12.1902–17.02.1978) — русский археолог и историк культуры. Сын профессора ботаники, учился в гимназии в Новочеркасске, где ему привили любовь к гуманитарным знаниям. В 1925 г. окончил Московский университет, специализируясь под руководством археолога В.А. Городцова. Научные интересы его первоначально были связаны с археологией Подмосковья и методикой сравнительного изучения археологических данных по истории

быта и сельского и ремесленного производства, что нашло отражение в книге «Курганы вятичей» (1930). Продолжая раскапывать курганы, производил раскопки и в Москве в середине 1930-х гг., в центре города, в районе строительства метрополитена. С 1929 г. начались раскопки близ Новгорода, с 1932 г. — в самом Новгороде. Арциховскому и его сотрудникам принадлежит заслуга разработки методики раскопок средневекового города на территории городской жизни, продолжающейся в течение веков, и установления приемов определения там хронологии ярусов культурного слоя. Отличительная черта трудов ученого — сравнительное использование вещественных и иных типов исторических источников для изучения явлений не только истории материальной культуры, но и социополитической истории.

С начала 1930-х гг. детально изучал древнерусские книжные миниатюры, охарактеризовав их как «окна в исчезнувший мир», и в докторской диссертации «Древнерусская миниатюра как исторический источник» 1940 г. обобщил содержащуюся в них информацию в широком плане социокультурной и государственно-политической истории. С 1927 г. преподает в Московском университете, с основанием там кафедры археологии (1939) — ее заведующий. Разработал не имевший тогда аналогии в мировой педагогической практике лекционный курс с изложением достижений и российской и зарубежной археологии в изучении длительного периода истории от первобытной эпохи до позднего Средневековья, ставший основой учебников «Введение в археологию» и «Основы археологии».

Разрабатывал и проблемы историографии археологии (преимущественно о трудах российских археологов). После Второй мировой войны возглавил уникальную по масштабам и научной результативности Новгородскую археологическую экспедицию, восстановившую облик и боярских усадеб, и ремесленных мастерских средневекового города. Особо знаменитым, приобретшим всемирный резонанс стало открытие в 1951 г. берестяных грамот, переменившее наши представления об уровне развития грамотности Древней Руси и о технологии писания в ту пору. Он же руководил подготовкой многотомного научного издания «Новгородские грамоты на бересте».

Арциховский создал научную школу археологов широкого профиля и способствовал введению археологии в ряд обязательных для будущих историков университетских дисциплин. Он инициатор и главный редактор многотомного коллективного труда «Очерки русской культуры» (отредактированные им тома охватывают период XIII–XVII вв.). Видный организатор науки, Арциховский был в 1952–1957 гг. деканом исторического факультета МГУ, с 1957 г. ответственным редактором журнала «Вестник Московского университета. История». В 1960 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Удостоен государственных премий за работы Новгородской экспедиции (1970) и, посмертно, за книги по истории русской культуры (1982).

Арциховский был своеобразным человеком, с особой манерой поведения и речи — афористически-образной и лаконичной (его формулировка «археолог — история, вооруженная лопатой» вошла в повсеместный научный обиход) и в то же время с характерным искажением в произношении букв алфавита. Запоминающаяся внешность (крутолобый, высокий и широкоплечий, с тяжелой походкой), беспрецедентная память на имена, даты, тексты (бытовало даже выражение «арциховская память») придавали особый облик самой личности исследователя и педагога.

Н.Н. ВОРОНИН — ЗОДЧИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ХРАНИТЕЛЬ*

Николай Николаевич Воронин (родился 13 декабря 1904 г., скончался 4 апреля 1976 г.) стоял у истоков Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Знаменитый исследователь истории Древней Руси, археолог и искусствовед, первым из историков удостоенный Ленинской премии (в 1965 г.), был автором многих книг, статей и научных реконструкций не дошедших до нас или видоизмененных памятников архитектуры. Список научных трудов Н.Н. Воронина за 1925–1965 гг. — в сборнике статей, подготовленном к 40-летию его научной деятельности: «Культура Древней Руси» (М., 1966), за 1966–1974 гг. — в сборнике статей «Средневековая Русь» (М., 1976), готовившемся к 70-летию ученого, но ставшем книгой его памяти.

Н.Н. Воронин был неутомимым и убежденным исследователем и защитником памятников нашей культуры. Название книги 1960 г. «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства», обращенной к самому широкому читателю (а также и к тем облеченным властью лицам, от которых зависит дальнейшая судьба старинных памятников культуры), можно признать девизом его творчества и общественной деятельности. Это — и завет современникам и потомкам.

Главная тема многостороннего творчества Н.Н. Воронина — культура русского Средневековья, культура и материальная, и духовная: архитектура и живопись, летописи и жития, фольклор и ремесла. И все это в тесной взаимосвязи с явлениями социально-экономической и государственно-политической истории. Отличительная черта трудов Н.Н. Воронина — обращение ко всем типам исторических источников: к памятникам письменности и к фольклору при изучении древних зданий и фресок; к памятникам изобразительного искусства при исследовании творений древних писателей и разговорного языка той поры.

Н.Н. Воронин замечательно владел комплексной методикой источниковедческого исследования, обладал редкой способностью синтетического — и одновременно образного — мышления. Но в основе его оригинальных широких построений всегда строгий анализ — искусствоведческий, текстологический, даже технологический, учитывающий малейшие детали и поновления и словесного текста, и памятника архитектуры, особенности материала (камня, дерева и др.) и его изменений во времени или от пребывания в земле.

* Послесловие к кн.: *Воронин Н.Н.* В защиту памятников культуры. Посмертная книга Н.Н. Воронина, посвященная проблемам охраны культуры (с приложением составленного И.В. Ковалевым обзора архивных материалов фонда ученого), была подготовлена в 1990 г. для издания Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Но в ВООПИК не сумели изыскать средств для выпуска книги в свет.

Н.Н. Воронин еще в аспирантские годы, в Ленинграде, вошел в большую науку и как историк — знаток памятников письменности, и как археолог. В его книге 1935 г. «К истории сельского поселения феодальной Руси» выясняется социально-экономическое значение таких древнерусских терминов, как «село», «деревня», «погост», «слобода»; в другой работе — роль народных восстаний в общественной жизни Руси XI в.

Особенно его привлекали проблемы архитектурно-археологического изучения древнерусских городов: Владимиро-Суздальской земли (в Боголюбове он открыл целый дворцовый комплекс), Гродно, Смоленска. Сопоставляя материал новейших археологических находок с ранее известными многообразными памятниками, он приходил к обобщениям и социологического характера, и в плане изобразительных искусств. При этом Н.Н. Воронин большое внимание уделял не только эстетической стороне, но и материально-производственной и социальной основе древнерусского зодчества. Много сил он вложил в написание и редактирование двухтомного коллективного труда «История культуры Древней Руси. Домонгольский период», за участие в котором был удостоен Государственной премии. Он участник и коллективных трудов — «История русской литературы» (где писал разделы об искусстве) и «История русского искусства».

С началом Великой Отечественной войны — ученый в рядах народного ополчения Васильевского острова, острова Академии наук и Ленинградского университета. Когда ученого по состоянию здоровья отозвали из армии, он, потрясенный зверствами фашистов, сознательно разрушавших и памятники культуры, с особой страстной горечью и преданной любовью писал о древнерусских городах и их судьбе. Н.Н. Воронин разрабатывал проблему реконструкции городов, где до войны сохранялись старинная планировка и древние памятники. В вызвавшей большой общественный резонанс статье «О восстановлении древнерусских городов» (Исторический журнал. 1945. № 3) Н.Н. Воронин едва ли не первым с такой смелой правдивостью написал о «грубых ошибках», совершенных при реконструкции Москвы в конце 1920–1930-х гг., когда были уничтожены замечательные памятники истории и искусства.

Блистательно написанную книгу «Древнерусские города» сам автор определил как собрание 12 «портретов» городов русского Средневековья. Другую книгу, вышедшую в том же 1945 г., он посвятил городам Владимиро-Суздальской земли. В этих небольших книгах воплощены новаторские идеи, изложенные в очерке 1944 г. «Главнейшие этапы русского зодчества X–XV вв.», но написаны книги в расчете на самого широкого читателя. Н.Н. Воронин был убежден в необходимости именно такой литературы в год победоносного окончания Великой Отечественной войны, и прежде всего воинам, возвратившимся к мирному труду.

Н.Н. Воронин подготовил и первое в нашей научной литературе монографическое исследование государственно-политической истории Владимиро-Суздальской Руси. Владимиро-Суздальское княжество было в XII – начале XIII в. крупнейшим европейским государством. Развитие государственности там непосредственно предшествовало развитию централизованного государства в России (процесс этот был прерван опустошительным нашествием кочевников во второй четверти XIII в.), а культурное наследие Владимиро-Суздальской Руси — славная

страница в истории мировой культуры. Тесно взаимосвязывая явления государственно-политической истории и истории общественного сознания и культуры, Н.Н. Воронин написал замечательную по тем временам монографию «Андрей Боголюбский». Это было первой серьезной попыткой обобщить сведения об этом едва ли не самом значительном государственном деятеле Руси XII в., который в гораздо большей мере, чем его отец, Юрий Долгорукий, был действительным основателем Москвы и других городов в отдаленном от Киева Залесье в 1140–1150-е гг. Написанная в научно-популярной форме, книга эта становилась доступной и интересной самому широкому читателю. Однако работа, набранная уже в виде книги в издательстве Академии наук и одобренная академиком Б.Д. Грековым, не вышла в свет. 19 сентября 1953 г. мне прислали на отзыв труд Н.Н. Воронина на официальном бланке Редакционно-издательского совета (РИСО), где написали: «Работа была доведена до верстки и рассыпана после получения прилагаемого отзыва тов. Пашуто». Этот отзыв В.Т. Пашуто перевесил и мой, и другие положительные отзывы (находящиеся ныне в личном фонде Н.Н. Воронина)*. Судьба книги, в создание которой он вложил столько души, болезненно отразилась на здоровье Николая Николаевича. С тех пор нервное истощение возвращалось к нему все настойчивее.

Снова обобщить наблюдения о прошлом Владимиро-Суздальской Руси Н.Н. Воронину удалось далеко не сразу и лишь в части, относящейся к истории архитектуры, но двухтомный со многими иллюстрациями фундаментальный труд «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.» (1961–1962), удостоенный Ленинской премии, стал триумфом ученого. Выдающийся знаток древнерусского искусства, преданный почитатель творчества Н.Н. Воронина Г.К. Вагнер назвал это исследование «философией русской истории того важнейшего 400-летнего периода, в течение которого формировались основы русской национальной культуры»¹.

Н.Н. Воронин, глубоко изучив историю и культуру Древней Руси (и на юге — Киевской, и на севере — Новгородской), убедительно показал, что культура — и прежде всего архитектура Владимиро-Суздальской земли (наиболее сохранившаяся — хотя тоже далеко не полностью — часть великого культурного наследия той эпохи) — наследница этой замечательной культуры XI – первой половины XII в. А сама «владими́ро-суздальская архитектура и вся художественная культура Северо-Восточной Руси — по определению Г.К. Вагнера — впервые в развернутом виде предстали в качестве основы культуры Московской Руси»². Так первоначальные общеисторические представления летописцев (составителями Лицевого летописного свода времени царя Ивана IV запечатленные и в миниатюрах), воспринятые, начиная с В.Н. Татищева, российской историографией XVIII – начала XIX в., осно-

* Хотя сейчас этот труд во многом устарел и содержание его в определенной мере поглощено статьями последующих лет самого Н.Н. Воронина, стоит все-таки поставить вопрос об издании книги в том виде, в каком автор ее подготовил тогда к печати. И сопроводить это издание научными комментариями. Ведь издаем же мы снова труды других историков — современников Н.Н. Воронина; тем более что это не только ценный памятник исторической мысли тех лет, но и выдающийся образец исторической прозы. [Книга опубликована. См.: *Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский*. М., 2007. — *Ред.*]

ывавшейся преимущественно на памятниках письменности, нашли подтверждение и в памятниках архитектуры и живописи.

С такой же увлеченностью и так же поражая читателей разносторонностью своей эрудиции, Н.Н. Воронин много лет, а особенно в последние десятилетия жизни, исследовал памятники письменности и живописи — «Слово о полку Игореве» и «Слово» Даниила Заточника, «Поучение» Владимира Мономаха, жития святых, памятники русско-византийских отношений. Он воссоздавал творческий образ Андрея Рублева, а в украшенном миниатюрами «Житии преподобного Сергия» увидел источник для суждений о неутомимой строительной деятельности Ермолиных. Академик Л.В. Черепнин в статье, написанной к 70-летию ученого, проникновенно заметил: «Когда читаешь одну за другой работы Воронина, посвященные литературным памятникам и сюжетам XII–XV вв., то перед глазами невольно вырисовываются контуры книги, которая органически продолжила бы “Зодчество Северо-Восточной Руси” и, может быть, стала бы третьим томом этого капитального труда. Какое получилось бы чудесное полотно, и памятники зодчества от соседства с литературными произведениями засветились бы еще более ярким светом»³. И не думал ли об этом и сам Н.Н. Воронин, начиная именно такими словами статью 1967 г. «Древняя Русь: история и искусство»: «Тема о связях древней истории русского народа и истории его искусства, конечно, не может быть исчерпана в рамках журнальной статьи. Это тема большой и интересной книги, которая, несомненно, когда-нибудь будет написана»⁴.

Н.Н. Воронин почитал своим долгом в соответствии с лучшими демократическими традициями отечественной науки отдавать силы и популяризации научных знаний, воспитанию любви не только к памятникам культуры, но и к самому процессу ознакомления с этими памятниками, с историей их создания и жизни на протяжении длительного времени. Большое значение он придавал и передаче внешнего облика старинных памятников искусства и истории. Будучи незаурядным фотографом, он запечатлел образ их в разное время года, наглядно показывая неотторжимость здания от окружающей его природной среды. И у меня дома, у стола, где работаю, уже несколько десятилетий перед глазами большая черно-белая фотография дивного храма Покрова на Нерли в окружении тогда еще существовавших деревьев. Эту им самим сделанную фотографию подарил мне Николай Николаевич. Она и память о душевном человеке, так же как и подаренные после его кончины Екатериной Ивановной Горюновой книги пятого (середины 1840-х гг.) издания «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, по которому, уже под наблюдением Д.С. Лихачева и моим, впервые после более чем семидесятилетнего перерыва, издательством «Книга» в 1987–1988 гг. был воспроизведен репринтным способом монументальный труд нашего великого писателя и историка.

К людям, которые ему симпатичны, которым он доверял, Н.Н. Воронин относился с особой сердечностью, с внимательной заботой, а если это ученые, то и с требовательным ожиданием ощутимых результатов их творческой работы. Схожим, и потому, возможно, совершенно несовместимым даже с малой долей равнодушия, было и его отношение к памятникам культуры. Он считал себя лично ответственным за их сохранность и судьбу, за их использование, и прежде всего в воспитании историей, в воспитании патриотизма.

Н.Н. Воронин особое внимание уделял той сфере науки и культуры, которую называл краеведением. В его представлении это — широкое понятие, включающее и научные исследования, и знание о каком-либо регионе (иногда очень значительном и по территории, и по вкладу его в развитие мировой культуры), и охрана памятников истории и культуры, и распространение этих представлений. Характерна для него подпись на первой книге двухтомного труда «Зодчество Северо-Восточной Руси»: «Дорогому Сигурду Оттовичу на добрую память о старом краеведе. XI.73. Н. Воронин». Обширная монография, воспринимаемая ныне как классический труд по истории архитектуры в тесной взаимосвязи с историей культуры, представлялась ему и как результат краеведческой деятельности автора. В надписи нет уничижения данной темы рядом с другими — более широкой проблематики. Именно так широко было понимание Н.Н. Ворониным краеведения, так уважительно его отношение к научной проблематике краеведения и к научным трудам краеведов. (Ссылки на такие работы постоянны в исследованиях Н.Н. Воронина.)

И потому Н.Н. Воронину была особенно дорога небольшая книга «Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской: Книга-спутник по древним городам Владимирской земли», не раз издававшаяся в нашей стране и переведенная на иностранные языки. В предисловии Н.Н. Воронин писал: «...мне хотелось бы, чтобы эта книга читалась не в тиши комнаты, положенная в узкий круг света настольной лампы, а под открытым небом, в непосредственном общении с памятниками, у их стен, под их сводами. Мне хотелось бы, чтобы она породила волнение и желание увидеть не только эти — владимирские, — но и другие древние города великой Русской земли. Поэтому я назвал эту книгу спутником».

Убежденность в необходимости изучения Древней Руси хорошо выражена в слове Н.Н. Воронина у гроба Михаила Николаевича Тихомирова (произнесенном 6 сентября 1965 г.). Он говорил, что М.Н. Тихомиров умел «побеждать не чинами и званиями, а непреклонной волей ученого, верой в свою правоту, высоким сознанием того, что Русь стала не вчера, что наше сегодня стоит на фундаменте веков, что изучение многовекового прошлого русского народа не прихоть книжного червя, а патриотический долг русского ученого-гражданина. Изучение истории Древней Руси и ее культуры вовсе не “уход в прошлое”, а воскрешение этого прошлого, его возврат сегодняшнему дню и коммунистическому завтра. Народ без прошлого — не народ, страна без прошлого — не родина. И нельзя снова не вспомнить 1941 год, когда мир содрогнулся, услышав слова приказа по Восточному фронту гитлеровского фельдмаршала фон Рейхенау, что “никакие исторические или художественные ценности на Востоке (читай в СССР!) не имеют значения”. Уничтожив прошлое и памятники культуры народов, легче их поработить. Это прекрасно понимали фашистские главари. Этого нельзя забывать и нам...»⁵

Н.Н. Воронин с особым чувством ответственности писал небольшую, обращенную ко всему народу книжку «Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства», вышедшую немалым по тому времени тиражом — в 25 000 экземпляров с иллюстрациями! С волнением ожидал отклика на нее. И, пожалуй, самым значительным и донныне впечатляющим был отклик-статья академика Д.С. Лихачева (тогда еще члена-корреспондента АН СССР), открывающий третий номер

журнала «История СССР» за 1961 г. Статья, содержащая целую программу охраны старинных памятников — и искусства и письменности, была названа «Памятники культуры — всенародное достояние».

Первый абзац ее такой: «Где бы ты ни жил, читатель, в больших или малых городах или в сельских районах Советской России, если ты любишь свою Родину, свой народ и гордишься его славной многовековой историей, — ты не можешь не любить вошедших в наши дни из глубины веков памятников культуры прошлого. Этими словами начинается небольшая книжка Н.Н. Воронина “Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства” (М., Искусство, 1960). Кратко, содержательно, просто, с большим увлечением и искренней любовью к русской истории рассказывает Н.Н. Воронин о том, чем ценны для нас памятники культуры прошлого, какую роль должны они играть в воспитании советского патриотизма, об их значении для современного градостроительства, для современного искусства, каково должно быть их место в культуре будущего. Памятники прошлого в наших советских городах — это обширный и неумолкающий лекторий, учащий патриотизму, способствующий эстетическому воспитанию, повествующий о великой роли народа в истории культуры. Забота о памятниках — это забота не только о прошлом, но, главным образом, о будущем, о наших потомках, которым они, несомненно, понадобятся. Десятки поколений сохраняли для нас эти памятники, и наш долг передать эту культурную эстафету будущим поколениям.

Призыв Н.Н. Воронина неотлагательно усилить внимание к сохранению памятников культуры прошлого должен быть всячески поддержан. Надо обсудить меры для поддержания памятников культуры и вопрос о месте исторических памятников в наших строящихся и перестраивающихся городах, в национальном облике нашей культуры»⁶.

Д.С. Лихачев и далее не раз приводит цитаты из книги Н.Н. Воронина, подкрепляя ими свои суждения: об ухудшении положения с охраной памятников, о неумении увидеть за церковным сооружением прошлых веков его национальной ценности, об особой ответственности современных градостроителей в сохранении памятников культуры. «Призыв Н.Н. Воронина как нельзя более своевременен, — пишет Д.С. Лихачев. — Градостроителям надо прежде всего понять, что сохранение памятников культуры прошлого — дело не их личных вкусов и взглядов, а дело общенародное. Памятники культуры принадлежат народу и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто и через двести лет»⁷.

Конечно, в книге, изданной тридцать лет назад, немало суждений, наборов цитат и фразеологизмов, не только характерных именно для той эпохи, но просто обязательных тогда для обеспечения возможности самого издания подобной тематики. Кое-что может показаться странным, даже наивным. Но не следует упускать из виду, что Н.Н. Воронин — один из первых, кто заговорил о дорогом и для него и для всего народа с такой убежденностью и верой в необходимость этого призыва. И потому об этой книжке полезно напомнить и современному читателю.

Положения эти в той или иной степени Н.Н. Воронин развивал и в последующих своих сочинениях и публичных выступлениях. Основные научные выводы о

значении древнерусского искусства для познания истории страны изложены в упомянутой статье 1967 г.

Очень много дают для понимания общественной деятельности Н.Н. Воронина материалы его личного архива, находящегося ныне в Государственном архиве Владимирской области. Уроженец города Владимира, Н.Н. Воронин был удостоен чести стать его Почетным гражданином. И хотя он скончался в Москве, прах его похоронен на почетном месте владимирского кладбища.

В архиве не только отклики на печатные труды Н.Н. Воронина и коллег его по научной деятельности, и вовсе незнакомых людей, но и тексты его писем об охране памятников руководителям Коммунистической партии и Советского государства, в редакции газет и журналов, его публичных выступлений.

Н.Н. Воронин выступил на учредительном съезде ВООПИК 9 июня 1966 г. Тогда эта страстная, смелая речь не была напечатана. Но крепко вошла в сознание слушателей; о ней вспоминали даже на пленуме Центрального совета ВООПИК в ноябре 1988 г.

Эти архивные материалы изучает старший научный сотрудник архива Илья Владимирович Ковалев. Его обзорного характера статья «Вопросы охраны памятников истории и культуры в эпистолярном наследии Н.Н. Воронина» напечатана в «Археографическом ежегоднике за 1988 год» (М., 1989)⁸.

Эти хранящиеся в архиве сочинения Н.Н. Воронина — памятник его времени, общественного сознания тех лет, показатель того, в каких условиях приходилось писать и действовать ученому-просветителю, страстному и убежденному защитнику и пропагандисту нашего культурного наследия. И можно только поражаться тому, как последовательно старался Н.Н. Воронин, смело обращаясь в самые высокие тогда инстанции, отстаивать свои взгляды, с какой неутомимостью и бесстрашием пытался он убедить в том, что необходимо принять практические меры (с достаточной четкостью и детальностью им продуманные и обоснованные) для защиты памятников нашей культуры и воспитания уважения к ним.

Теперь, когда мы ищем предтеч происходящей ныне перестройки общественного сознания, должно напомнить о тех мастерах и знатоках культуры, которые не боялись и в иные времена открыто действовать и высказывать вслух суждения, со звучащие во многом нашему сегодня.

¹ Вагнер Г.К. Николай Николаевич Воронин // Культура Древней Руси: Сб. ст. М., 1966. С. 11.

² Он же. Николай Николаевич Воронин // Средневековая Русь. М., 1976. С. 5.

³ Черепнин Л.В. К семидесятилетию Николая Николаевича Воронина // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1974 год. М., 1975. С. 223. Перепечатано в кн.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 248–253.

⁴ Вопросы истории. 1967. № 2. С. 45.

⁵ Воронин Н.Н. Слова в память Михаила Николаевича Тихомирова // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 318.

⁶ История СССР. 1961. № 3. С. 3.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ См. также: Ковалев И.В. Материалы по музейному делу и краеведению в фонде Н.Н. Воронина // Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 362–364.

ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИК Б.А. РЫБАКОВ

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР Ленинская премия 1976 г. в области науки и техники присуждена директору Института археологии Академии наук СССР академику Борису Александровичу Рыбакову за цикл работ по истории русской культуры X–XVI вв., опубликованных в 1963–1974 гг.

Этой высокой награды удостоены работы — книги «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», «Слово о полку Игореве» и его современники», «Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”», «Русское прикладное искусство X–XIII веков», «Русские карты Московии XV – начала XVI века» и многие статьи, написанные уже тогда, когда он стал всемирно известным ученым, академиком, и результаты его научного творчества получили широкое признание. Именно в последние десятилетия развернулась особенно интенсивная научно-организационная, научно-редакционная и научно-преподавательская деятельность Б.А. Рыбакова. Это не частый в истории науки пример такой неослабевающей плодотворной и многосторонней научной деятельности.

В 1928 г. Московским университетом был издан «Сборник научно-археологического кружка», где опубликована первая печатная работа (о раскопках вятических курганов) Б.А. Рыбакова. Двадцатилетний студент был не только одним из авторов, но и редактором сборника — так сразу же проявилось характерное для всей последующей творческой деятельности ученого неразрывное сочетание научно-исследовательского и научно-организаторского начал. В студенческие годы (1926–1930) Б.А. Рыбаков имел возможность пройти школу научной работы у крупнейших историков (Ю.В. Готье, С.В. Бахрушина) и археологов того времени, что, быть может, и определило другую характерную черту последующей деятельности Б.А. Рыбакова — единство в одном лице археолога и собственно историка. О своем учителе В.А. Городцове, основателе многих разделов археологии, человеке на редкость всеобъемлющих знаний, Б.А. Рыбаков впоследствии писал: «Он умел зажигать молодежь своим энтузиазмом, своей горячей любовью к науке. От учеников он требовал целеустремленности, упорного и постоянного труда, творческого отношения к археологии». Ранние печатные труды Б.А. Рыбакова¹ в значительной степени связаны с исследованиями, начатыми в студенческие годы и продолженными в годы работы в музеях. Эта деятельность (прежде всего в Государственном Историческом музее) принесла Б.А. Рыбакову славу замечательного знатока многообразных вещественных источников и способствовала выработке оригинальной методики их изучения. С начала 30-х гг. в Б.А. Рыбаков много сил отдает составлению историко-географических карт (широко известных и по музейным экспозициям, и по изданиям научно-исследовательского и учебного характера). Историко-географическую карту ученый рассматривает «не как справочник», а как «историко-географический метод, как одну из форм синтеза».

Уже в ранних трудах ученого заметны и необычная широта исторических интересов (тематическая, хронологическая и географическая), склонность и способ-

Впервые опубликовано: Преподавание истории в школе. 1976. № 4. С. 29–33.

ность к синтетическому исследованию различных типов исторических источников, к смелым, даже подчас дерзновенным гипотезам и широким обобщениям и в то же время к детальнейшему изучению отдельных источников или их групп. Исключительная одаренность сочеталась с уверенным профессионализмом, рано достигшим высокой степени совершенства. Рано обнаружилось и блестящее литературное мастерство Б.А. Рыбакова, свойственный его трудам полемический задор, умение писать увлекательно и доходчиво, чувство творческого общения с читателем. В 1932 г. выходит из печати первая монография Б.А. Рыбакова о радимичах. В этой книге, основанной на изучении отнюдь не только археологического материала, подняты важные вопросы становления феодализма, истории развития ремесел и возникновения городов как ремесленных центров. Эти проблемы становятся надолго главной темой исследований ученого, обобщенных в обширной монографии «Ремесло Древней Руси», защищенной в 1942 г. (в 34 года!) в качестве докторской диссертации, а в 1948 г. вышедшей отдельной книгой и удостоенной Государственной премии СССР I степени (в 1949 г.). В 1952 г. Б.А. Рыбакову была присуждена Государственная премия СССР II степени за участие в коллективном двухтомном труде «История культуры Древней Руси» (ученым написаны главы о ремесле, торговле и торговых путях, военном деле, прикладном искусстве и скульптуре). В этих работах четко выявилась особая способность Б.А. Рыбакова увидеть общее в частном и в то же время не заслонять обобщениями конкретного.

Б.А. Рыбаков поставил в своей монографии задачу — изучить важнейшую часть того хозяйственного фундамента, на котором строилась блестящая культура Древней Руси. Он исследовал технику всех ремесел, открыл новые способы распознавания происхождения и датировки находимых при раскопках вещей и убедительно показал торговый характер русского ремесла, что ремесло до середины XIII в. развивалось на уровне передовых стран Западной Европы и этот расцвет ремесла был подготовлен предшествующим развитием материальной и духовной культуры древнерусских земель. Выявил ученый и признаки цеховой организации русского ремесла, которому был нанесен удар нашествием орд Батыя. Приводимый в книге мартиролог русских ремесел существенно помогает пониманию причин последующей отсталости России. Новый подъем ремесел и городской жизни начинается с середины XIV в. Тем самым не только опровергались бытовавшие прежде теории об экономической отсталости Древней Руси, но были выявлены и экономические предпосылки образования централизованного государства. Исследование Б.А. Рыбакова открыло широкие перспективы разностороннего изучения русской культуры и ее роли в мировой культуре Средневековья. И не случайно, что в первых же рецензиях на книгу Б.А. Рыбакова авторы их (Б.Д. Греков и А.В. Арциховский) написали, что книга совершила настоящий переворот в нашей исторической науке.

Молодой ученый оказался в одном ряду с теми выдающимися историками старшего поколения (Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров), которые первыми в столь широком плане и на столь богатом материале подошли к основной проблематике истории Древней Руси — изучению жизни трудящихся, в одном ряду с теми археологами-новаторами, которые приступили к последовательному изучению разнообразного и ранее, казалось бы, несопоставимого археологического и неархеологического материала в плане широких исторических и социологических обобщений.

Выдающиеся научные заслуги Б.А. Рыбакова были отмечены избранием его в 1953 г. членом-корреспондентом АН СССР. В 1958 г. Б.А. Рыбаков стал действительным членом Академии наук СССР.

В последующие годы Б.А. Рыбаков продолжает интенсивную и многообразную творческую деятельность. Возглавляя с 1956 г., как директор Института археологии Академии наук СССР, археологическую работу в нашей стране, Б.А. Рыбаков не замыкается в проблематике археологии (хотя и лично руководит раскопками древнерусских городов). Не ограничивается Б.А. Рыбаков и тематикой отечественной истории, много сил уделяя обобщению данных по истории славянских народов. В 1973–1975 гг. Б.А. Рыбаков был академиком-секретарем Отделения истории и членом Президиума Академии наук СССР.

Б.А. Рыбаков — автор трудов о культуре предков современных русского, украинского и белорусского народов, о древнем язычестве, о соотношении язычества и раннего христианства, о возникновении древнерусской государственности и противостоянии народов нашей страны иноземным поработителям, по истории Киевской Руси и периода, названного им «эпохой “Слова о полку Игореве”». Выводы и наблюдения ранних из этих работ обобщены в главах первого тома многотомного издания «История СССР. С древнейших времен до наших дней» (главным редактором первой серии, охватывающей период до Великой Октябрьской социалистической революции, был Б.А. Рыбаков) и в научно-популярной книге «Первые века русской истории» (1964).

Много и неутомимо занимается Б.А. Рыбаков изучением истории культуры Древней Руси. История культуры рассматривается им в теснейшей взаимосвязи с историей общественных отношений, классовой борьбой. Продолжая изучение археологических источников русской истории (точнее сказать, вводя их в оборот науки), ученый восстанавливает внешний облик русских средневековых городов и городков-замков, способствуя тем самым углублению представлений о городской культуре того времени, о развитии международных культурных связей. Исследуются памятники материальной культуры и изобразительного искусства. Высокие художественные достоинства изделий безымянных мастеров по металлу и камню, символика изображений на украшениях и других памятниках прикладного искусства охарактеризованы в книге-альбоме «Русское прикладное искусство X–XIII веков» (М., 1971). Исследуются и словесные источники — летописи, устное народное творчество, следы старины в нашей разговорной речи. Все это позволило представить широкую картину развития исторической и философско-общественной мысли и художественного сознания Древней Руси.

Б.А. Рыбаков предпринимает попытку пересмотреть представления о начальном периоде русского летописания, выявляет элементы «полемического летописания», участие приближенных бояр в составлении княжеских летописей XII в.

Придерживаясь «исторического взгляда на русские былины» (таково название одной из работ Б.А. Рыбакова), продолжая традиции так называемой исторической школы (но, в отличие от нее, подчеркивая, что былины распространялись не в аристократической, а в народной среде), ученый полагает, что былины слагались в связи с конкретными историческими обстоятельствами, и старается выяснить реальную подоснову былинных событий и деятельности былинных героев — «былинной

летописи». Выяснилось, что около 30 имен, упоминаемых в былинах, реальны. Эти исследования объединены в книге «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (М., 1963), во многом гипотетической и полемической, написанной страстно и убежденно и вызвавшей, в свою очередь, полемику среди литературоведов и историков.

Две большие монографии посвящены величайшему памятнику отечественной и мировой средневековой культуры «Слову о полку Игореве» — «Слово о полку Игореве» и его современники» (1971) и «Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”» (1972). Б.А. Рыбаков выявляет теснейшие взаимосвязи проникнутой историзмом бессмертной поэмы и летописей. При характеристике политической истории автор не ограничивается событиями, современными «Слову», но углубляется в первые десятилетия XII в. и в более ранние времена; удается ему обнаружить следы воздействия «Слова» и в памятниках последующего времени. Б.А. Рыбаков убедительно показывает, что автор поэмы, призывавший к единству Руси, сумел стать выше феодальных перегородок и династических споров. «Слово о полку Игореве» воспринималось как голос всего народа.

Одновременно эти книги Б.А. Рыбакова являются и замечательным историко-географическим комментарием к поэме. В деталях воссоздана картина политических отношений в Восточной Европе второй половины XII в., деятельности русских князей. Ученый подробно, с учетом календарных сроков, опираясь на картографические и естественно-научные наблюдения, рассматривает последовательно все этапы похода Игоря.

Склонность исследователя к исторической географии и картографии особенно обнаружилась в монографии «Русские карты Московии XV – начала XVI века», где восстановлена история древнерусского картографирования и показано, что русские картографы внесли существенный вклад в развитие мировой картографии эпохи так называемых Великих географических открытий и что источниками для известных западноевропейских карт Московии (так называли на Западе Российское государство) XVI – начала XVIII в. послужили не дошедшие до нас русские карты, составленные в конце XV – начале XVII в. Исследовательское мастерство Б.А. Рыбакова в этой книге, великолепно изданной в 1974 г. издательством «Наука», напоминает искусство художника-реставратора.

Эти книги Б.А. Рыбакова 1963–1974 гг. совместно с ранее изданными трудами ученого действительно являются, по образному выражению академика А.П. Окладникова, «энциклопедией древнерусской культуры» («Правда», 16 марта 1976 г.). И именно эти исследования академика Б.А. Рыбакова увенчаны Ленинской премией 1976 г.

Б.А. Рыбаков — неутомимый и активный пропагандист исторических знаний. Более 40 лет он преподает в вузах, с 1939 г. — на историческом факультете Московского университета, где читает лекции по отечественной истории периода феодализма. Среди его непосредственных учеников — ученые, зарекомендовавшие себя серьезными исследователями. Б.А. Рыбаков участвует в написании учебных пособий для высшей и средней школы. В 1975 г. под его редакцией издан учебник для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века». Б.А. Рыбаков — автор первых разделов учебника. Он выступал с лекциями и за рубежом, был первым со-

ветским историком, читавшим лекции в Парижском университете — Сорбонне (где, кстати, поразил присутствовавших особым даром рисования на доске географических карт). Б.А. Рыбаков считает необходимым участие крупных ученых-историков в работе не только высшей, но и средней школы; он полагает, что «историки должны активно вмешиваться в преподавание, начиная с самых первых ступеней, помня о том, что в начальной школе надо обеспечить эмоциональное образное восприятие истории». Б.А. Рыбаков постоянно выступает с лекциями перед самой широкой аудиторией — по радио и телевидению, со статьями и интервью в газетах и в научно-популярных журналах. И сами названия его «путешествий в глубь веков» — газетных и журнальных статей, — емкие и запоминающиеся, призывали внимание читателя.

Теснейшее взаимодействие научно-исследовательской и научно-популяризаторской деятельности — особенность творческого облика Б.А. Рыбакова, который умеет образно и доступно изложить в популярной форме содержание своих специальных трудов. С большим литературным мастерством пишет он и о сюжетах, которым не посвящал специальных исследований. И дело здесь не только в литературно-художественном даровании ученого — блестящего стилиста и оратора, а и в том, что он является продолжателем лучших демократических традиций отечественной исторической науки. О необходимости постоянного обращения к широкой аудитории, об огромной воспитательной роли исторических знаний, о долге ученого-исследователя непосредственно общаться с широкими слоями читателей и слушателей говорил Б.А. Рыбаков и на Всесоюзном совещании историков 1964 г. И отнюдь не случайно, конечно, что именно Б.А. Рыбаков руководит работой школьников-археологов и принимает столь деятельное участие в деле охраны и пропаганды памятников истории и культуры, в советском музейном строительстве.

Имя академика Рыбакова широко известно за рубежом. Труды его издаются на иностранных языках и способствуют распространению марксистско-ленинских представлений об историческом процессе. Они действительно противостоят зарубежным фальсификаторам истории нашей Родины. Б.А. Рыбаков — постоянный участник международных конгрессов и конференций, член иностранных академий наук, почетный доктор зарубежных университетов.

Заслуги Б.А. Рыбакова высоко оценены — он награжден двумя орденами Ленина и другими правительственными наградами, а также иностранными орденами.

Ученый полон творческих замыслов. Б.А. Рыбаков возглавляет начатую по его инициативе работу по подготовке свода археологических источников по истории нашей страны от палеолита до Средневековья, который является первым в мире обобщающим изданием систематизированного, превращенного в полноценный исторический источник археологического материала. Сам Б.А. Рыбаков — составитель комментированного свода датированных древнерусских надписей XI–XIV вв. — необходимого пособия для всех специалистов в области эпиграфики и палеографии. В настоящее время по инициативе и под руководством Б.А. Рыбакова приступили к составлению многотомного труда «Археология СССР», призванного обобщить все основные достижения отечественной археологии. Тем самым фактически готовится обобщающее исследование по истории культуры

первобытно-общинного, рабовладельческого, раннефеодального периодов истории нашей страны. Б.А. Рыбаков отнюдь не ограничивает свои научные интересы историей дофеодальной и раннефеодальной Руси. В 1976 г. опубликована его статья «Задачи изучения культуры русского крестьянства XIX в.», в которой он призывает рассмотреть богатейший фонд крестьянской традиционной культуры в целом как историческое явление, определить его воздействие на формирование культурного уровня русского крестьянства, т.е. большинства населения страны, и изучить процесс пополнения и изменения наследственной культуры новыми элементами, связанными уже с городской культурой. Ученым определен и широкий круг исторических источников этой проблематики.

Не менее интересны его наблюдения о народной, так сказать, прикладной педагогике, на которую в определенной мере опирались великие педагоги прошлого. Недавно Б.А. Рыбаков выступил с публичными докладами «Путешествие Геродота в Скифию» и об историзме русского героического эпоса; он занят исследованием древнерусского народного мировоззрения; завершается работа над учебником по отечественной истории для средней школы.

Ученый-коммунист, патриот, горячо любящий свою Родину и стремящийся пробудить интерес, внушить уважение к культуре своего народа, к трудовым и ратным подвигам наших предков, академик Борис Александрович Рыбаков не только замечательный историк отечественной культуры, но и один из самых выдающихся деятелей нашей современной культуры.

¹ Список печатных трудов Б.А. Рыбакова по 1968 г. см.: Борис Александрович Рыбаков М., 1968. (АН СССР. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. ист.; вып. 9).

Н.П. АНЦИФЕРОВ И АНЦИФЕРОВСКИЕ ТРАДИЦИИ

Научная конференция, посвященная Николаю Павловичу Анциферову, показывает и связь времен, и междисциплинарность современных научных гуманитарных представлений. Должно приветствовать инициативу Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Государственного Литературного музея, сумевших организовать столь многоплановую международную научную конференцию, и поблагодарить Российский гуманитарный научный фонд, поддержавший эту инициативу.

Отнесенное к тематике пленарных заседаний и секций — «Наследие Н.П. Анциферова и наука о литературе», «Локальный текст и местный хронотоп как объ-

Впервые опубликовано: Н.П. Анциферов: Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения» (25–27 сентября 2012 г.). М., 2012. С. 7–14 (под назв. «Слово при открытии Международной научной конференции “Первые московские Анциферовские чтения”»).

екты научной интерпретации», «Локусы русской дореволюционной литературы», «Локусы русской литературы 1920–1930-х гг.», «Локусы новейшей русской литературы», «Локусы зарубежной литературы и литературы русской эмиграции», «Локальный текст в теоретическом осмыслении», «Н.П. Анциферов — труды и дни» — определяет направленность дальнейшей работы по изучению и использованию творческого наследия нашего выдающегося ученого-просветителя. Значение конференции и в том, что она демонстрирует плодотворность и перспективность сотрудничества академических учреждений, вузов и хранилищ памятников истории и культуры — музеев, архивов, библиотек.

Публичное широкое возрождение памяти об Анциферове отражает настроение времени «перестройки» и изучение материалов об этом периоде конца 1980-х — начала 1990-х гг. потому и обретает самостоятельный интерес и в плане познания истории общественного сознания, особенно в среде ленинградской интеллигенции периода «перестройки». Первая конференция, посвященная памяти Анциферова, приуроченная к столетию со дня его рождения, прошла в Ленинграде в 1989 г. В Ленинграде же вскоре после этого события была утверждена Анциферовская премия за лучшие труды по петербурговедению. В это время заметно возросло внимание к краеведению, и сочинения Анциферова и его памятная лицам старших поколений многосторонняя деятельность организатора краеведческого движения, экскурсовода, музейного работника в наибольшей мере первоначально воспринимались в ракурсе именно краеведческой проблематики. И по сей день для краеведов он остается классиком историко-культурного и литературного краеведения. В день вручения Анциферовских премий, когда награждают медалью с изображением Анциферова, вспоминают его краеведческую деятельность. Так делал академик Д.С. Лихачев, еще в молодые годы восхищавшийся его мастерством экскурсовода, так, продолжая эту традицию, делаю и я как председатель жюри Анциферовских премий.

Союз краеведов России, отделение краеведения Историко-архивного института РГГУ отметили 50-летие со времени кончины Анциферова, организовав научную конференцию. В ней приняли участие историки, но особое значение имели выступления литературоведов, тех, кому обязаны мы организацией нынешней конференции в ИМЛИ РАН, — члена-корреспондента РАН Н.В. Корниенко и Д.С. Московской. 19 января 2010 г. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» состоялся вечер памяти Николая Павловича Анциферова¹. Подобный вечер, названный организаторами «Н.П. Анциферов — исследователь, филолог, музейный работник», прошел в апреле того же года в Государственном Литературном музее². Показательно, что в организации мероприятий памяти Анциферова принимают действенное участие и историки, и филологи, и музейные работники, москвичи и ленинградцы-петербуржцы, а теперь и ученые других городов России и других государств. Творчеству и биографии Анциферова посвящаются диссертации, труды его переиздаются, неопубликованное его наследие возвращают читателю (так, усилиями Д.С. Московской стала доступной ученым-гуманитариям литературоведческая диссертация Анциферова).

В программе нашей конференции, инициированной учреждениями, сосредоточенными в сфере науки о литературе, главное внимание уделено литературовед-

ческой проблематике. Должны прозвучать доклады о том, что сделано самим Анциферовым, и о сотворенном под воздействием его трудов в последующее время. В истории науки и искусства такое случалось не часто, когда не занявший при жизни привилегированного положения ученый (Николай Павлович получил ученую степень кандидата наук в возрасте 55 лет) посмертно стал восприниматься как вдохновитель современных научных изысканий, как классик культурологии и литературоведения, хотя унаследованное у него излагается подчас с использованием иной, новой терминологии. Положения его трудов стали категориями научной культуры нашего времени, предопределили научную методiku наших дней. И переиздаваемые его работы волнующе притягивают к себе читателей уже XXI в.

Программа конференции радует и тем, что ученые новых поколений, по-новому подходя к явлениям, уже ранее изучавшимся, не отвергают культурное наследие, не приписывают себе забытое старое, называют своих предшественников, показывая тем самым уважение к научной традиции. Отмечаю это и потому, что со времени так называемого постмодернизма стало модным пренебрежительное отношение к традициям и — что еще хуже — провозглашение новаторским того, что вовсе не является таковым, а означенным новейшей модной (и обычно иноязычной) терминологией: так, провозгласили некую «новую локальную историю», понося при этом тематику и методiku прежнего краеведения.

Интерес к творческому наследию Анциферова объясняется не только футурологическим подходом к явлениям культуры прошлого, т.е. вниманием к научным приемам, кажущимся ныне особенно перспективными. Особенно привлекает теперь, на рубеже XX и XXI вв., присущая трудам Анциферова междисциплинарность — результативное совмещение методики работы историка, филолога, искусствоведа, географа с явным уклоном в сторону психологии. Последнее особо ценимо сейчас, когда история менталитета и история повседневности с их отражением в исторических и литературных памятниках становится едва ли не преобладающей у гуманитариев всего мира. Это свойство научного подхода Анциферова предопределило возрождение внимания к его трудам, как и к наследию классиков науки XIX и даже XVIII в. (Ж. Мишле и др.).

Но следует иметь в виду и обстоятельства общественной жизни и развития общественно-исторического сознания именно в нашей стране в период «перестройки». Тогда, после навязываемого на протяжении десятилетий и особенно с конца 1920-х гг. тяжкого и примитивного одностороннего и воинственного отношения к несогласным, после годов вульгарно-социологического схематизма в оценках явлений культуры и исторических личностей, стала яснее ощущаться потребность с нравственных позиций и с большей толерантностью оценивать прошлое. Тем более что в России со времен Н.М. Карамзина утвердилась традиция морализирующего психологизма и в художественной литературе, и в публицистике (причем у авторов, придерживающихся разных общественно-политических воззрений). Этим объясняется и общественный бум конца 1980-х гг. в отношении к «Истории государства Российского», сразу вышедшей в нескольких изданиях, и то, что в 1991 г. был официально отпразднован тройной юбилей Карамзина — 225-летие со дня рождения, 200-летие основания им «Московского журнала», где напечатаны были «Письма русского путешественника» и «Бедная Лиза», и 175-летие сдачи в печать первых

восьми томов «Истории». Именно нравственно-психологический подход к явлениям: нерасторжимость объективности, опирающейся на имеющуюся источниковую базу, с субъективностью личностной оценки исторических явлений, событий и лиц — подкупал читателя. Да и поносили, даже запрещали в советское время «Историю» Карамзина вовсе не за то, что историограф был убежденным сторонником самодержавной власти, а именно за эту особенность его изложения. Ведь Карамзин убедительно, в запоминающихся образах и формулировках показал различие «самодержавия» (полагавшего обязательными и для государя следование установленным законам и заботу о подданных) и самовластия, примером которого изображена опричнина Ивана Грозного, государя, особо близкого мироощущению Сталина. Карамзин, как он сам отметил, писал «для души, ума и сердца». В русле таких представлений, характерных для великой нашей литературы XIX в., для русской интеллигенции, в среде которой «интеллигентская» образованность была неотъемлемой от интеллигентности поведения, мыслил и интеллигент-гуманист Анциферов. Он был наследником представлений людей XIX в., полагавших своим долгом просвещать тех, кто не имел возможности получить образование, и использовать его для нравственного совершенствования. И потому Анциферов, как и его университетский учитель И.М. Гревс, не почитал допустимым сосредоточиться на научно-исследовательских штудиях и сознательно — и до 1917 г., и уже, конечно, в советские годы — отдавался научно-просветительской деятельности.

Программа конференции соответствует направленности общественно-исторических воззрений самого Анциферова, для которого важнее всего было сохранить историко-культурные традиции, привить уважение к содеянному прежде, который был убежден в том, что, только освоив культуру не только знаний, но и нравственных представлений, можно формировать культуру будущего. Анциферов был подлинным наследником линии общественного сознания, которая определилась уверенностью в том, что просвещение более всего способствует росту нравственности. Однако уже в годы его жизни становилось яснее и то, что просвещение «без сердца», развивая научные знания и возможности, может привести к акциям, пагубным для человечества.

Для историков существенно то, что доклады конференции дают богатый материал, подтверждающий, что литературные памятники являются историческим источником той эпохи, когда они были созданы, источником познания общественной мысли, психологии, многих обстоятельств тех лет и отношения людей того времени к явлениям прошлого. Для более глубокого понимания значения содеянного Анциферовым важно уяснить это в контексте его времени. Надо иметь в виду, что Анциферов был не только наследником и продолжателем научно-просветительских традиций отечественной и мировой гуманитарной культуры и новатором в методике исследовательских подходов, но убежденным и активным общественным деятелем, т.е. человеком, сознательно формирующим широкое общественное мнение.

И отнюдь не случайно, что сферой своей каждодневной публичной деятельности Анциферов в советские годы избрал краеведение, тем более что он был подготовлен к этому знакомством с практикой экскурсионного дела, с опытом и отечественного, и зарубежного краеведения XIX – начала XX в. После разгрома

историко-культурного краеведения на рубеже 1920–1930-х гг. и отторжения от руководства им Академии наук, нанесших урон развитию науки и формированию нравственных представлений народа, краеведение перестало играть какую-либо роль в общественной жизни и в системе просвещения, а в трудах по истории гуманитарных наук в 1920-е гг. роль эта замалчивалась и краеведческие издания советских лет не цитировались. Студенты моего поколения, конца 1930–1940-х гг., уже утратили память о нем. Соприкосновение с историко-культурным краеведением сознательно ограничились рамками музейной деятельности, оставив некоторые его элементы в программе школьного обучения. Научная и общественная работа краеведов первого десятилетия советской власти была заклеена как «реакционная» в статье тома Большой советской энциклопедии, вышедшего в 1937 г. Уцелевшие активисты краеведческой работы 1920-х гг. даже не включали напечатанного в краеведческих изданиях в списки своих печатных трудов.

С конца прошлого века историками немало сделано для реабилитации значения краеведения 1920-х гг. в изданиях, вышедших в Москве, Петербурге, провинциальных городах. Вдумчивые литературоведы выявили сходное в путях развития краеведения и художественной, особенно очерковой литературы 1920-х гг. Показателем признания и за рубежом существенного вклада российского краеведения в развитие науки и культуры и возродившегося внимания к нему в конце XX в. можно считать организацию в 2000 г. в парижском университете Сорбонна Международной научной конференции со знаменательным названием «Краеведение в России (1890–1990): начало, кризис, возрождение». (Книга ее материалов «*Les études régionales en Russie (1890–1990): origines, crise, renaissance*» издана в 2002 г.) Однако историки литературы зачастую остаются неосведомленными о новейших исторических трудах краеведов, так же как историки о трудах литературоведов, потому желательно, чтобы в программе следующих Анциферовских чтений были бы обязательно и доклады о роли Н.П. Анциферова в развитии краеведения особенно в период его «золотого десятилетия» и чтобы председатель Союза краеведов России профессор В.Ф. Козлов подготовил бы специальный доклад о том, что напечатано было тогда Анциферовым в центральных краеведческих изданиях. Видимо, стоит подумать и о подготовке докладов о религиозных исканиях Анциферова, тем более что этой малоизученной, но существенной сфере интересов интеллигенции 1920-х гг. Анциферов уделил внимание и в своих воспоминаниях.

Анциферов не склонен был ограничиваться при изучении города рассмотрением явлений культуры, полагая необходимым (что обосновывается в статье «Краеведение как историко-культурное явление»³) показать многоаспектное развитие города — и как центра промышленности, торговли, революционного движения; это отражено и в принципе составления им документальных хрестоматий о прошлом города. Показателен и заголовок статьи 1928 г., когда стали уже открыто дискредитировать направленность историко-культурного краеведения: «Краеведение как путь исторической науки. Историко-культурные ландшафты»⁴.

Краеведение было значимым научно-общественным явлением в 1920–1930-е гг. О краеведении говорили на заседаниях высших советских и партийных органов, о нем много писали; виднейшие ученые осуществляли научное руководство им. Тесными были взаимосвязи Академии наук с краеведами на местах (материал об этом

обобщен в моей большой статье «Российская академия наук и развитие краеведения»⁵). Именно в сфере краеведения, в организации работы музеев, архивов, научно-просветительских обществ нашли применение своим знаниям многие ученые-гуманитарии, лишенные возможности преподавать и трибуны для публицистической и лекторской деятельности. Большинство их не принимало новые лозунги социалистических преобразований, но считало своим долгом сохранить культурное наследие, сделать его достоянием более широкого круга лиц.

Краеведческая работа спланировала местную интеллигенцию, укрепляла ее связи с «большой» столичной наукой, привлекала тянущуюся к знаниям молодежь, давала возможность реализовать индивидуальную заинтересованность творческих личностей, проявлять некоторую независимость от предписываемых стандартов. И А.В. Луначарский, и М. Горький, и С.Ф. Ольденбург и другие его коллеги-академики, столько сил отдававшие руководству краеведческой работой, рассматривали ее как полезную форму участия в том, что называлось «социалистическим строительством». Краеведение представлялось им «культурным движением общественного характера», призванным воздействовать «на самый быт, создавая новую форму жизни провинциального деятеля, выковывая новый психологический тип культурного работника». Такая «добровольная культурная работа», полагали они, могла «вливать новое содержание в провинциальную жизнь». Как писали тогда, «краеведение должно быть соединено с краестроительством».

Но провозглашаемый принцип «добровольности» участия в краеведческих начинаниях, здоровое акцентирование внимания на местных особенностях и опыте, уважительное отношение к местным традициям (зачастую освященным давними религиозными привычками), сплоченность молодежи близ просвещенных лиц, воплощавших такие традиции, уже с середины 1920-х гг. вызывали все возрастающую настороженность и подозрение во властных структурах. Возможности самостоятельной научной и общественной деятельности краеведов все более ущемлялись. Главными задачами объявлялись те, которые удовлетворяли местные производственные нужды, и краеведение стало одной из первых жертв усиливавшегося тоталитаризма уже на рубеже 1920–1930-х гг. Последующий разгул массового террора привел не только к забвению первых жертв его, но и к забвению значения краеведения 1920-х гг.

Так как мне довелось немного общаться с Николаем Павловичем в послевоенные годы, а также общаться с теми, кто хорошо помнил его еще по петроградским временам, полагаю важным отметить особую привлекательность его личности. Внешняя красота гармонически соответствовала строю его души, очаровательной манере его устной речи, обнаруживаемой и в том, что им было написано. Ощутимость его человеческого достоинства, неутомимость его любознательности, естественный демократизм в общении, совмещающийся с закоренелой подлинной воспитанностью и благожелательностью, делали общение с ним и очень приятным, и, так сказать, ответственным, заставляли подтягиваться до его уровня уважения к теме разговора и к собеседнику, оставляя чувство приобщения к светлому и веселому. Черты его личности в немалой степени отражены в сочинениях его как научных, так и в дневниковых, в его переписке, и надо изучать и издавать это бесценное наследие для обогащения нашего и наших потомков.

Хочется думать, что наша конференция положила начало регулярным Анциферовским чтениям в Москве и что в дни уже следующих таких чтений мы сможем положить цветы и у доски памяти Николая Павловича Анциферова на доме 41 Большого Афанасьевского переулка. Доска на этом доме тем более уместна, что именно улица Арбат и Приарбатье — средоточие и мест жительства выдающихся писателей XIX–XX вв., и мест, избранных для проживания их литературных героев — писателями, жизнь и творчество которых изучал Н.П. Анциферов.

25 сентября 2012 г.

¹ Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». М., 2010. Вып. 11.

² Круглый стол к 120-летию со дня рождения Н.П. Анциферова // Звено-2010: Вестник музейной жизни. М.; СПб., 2011. С. 121–167.

³ Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 3. С. 83–86.

⁴ Краеведение. 1928. № 6. С. 321–338. [Точное название статьи Н.П. Анциферова — «Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты)». — *Ред.*]

⁵ Шмидт С.О. Российская академия наук и развитие краеведения // Исторические записки. М., 2012. Т. 14 (132). С. 5–87.

И.Л. АНДРОНИКОВ

11 июня 1990 г. после тяжелой болезни скончался Ираклий Луарсабович Андроников — один из самых знаменитых деятелей и историков нашей культуры, писатель, артист, ученый, доктор филологических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий, народный артист СССР, человек неповторимого таланта, обладавший даром проникновения в прошлое и удивительного внушения создаваемой им образности в наше сознание.

Ираклий Андроников — редкостный сплав генетических основ культуры разных народов. Петербургская-петроградская европеизированность и эlegantность вкуса и манеры поведения (легкость, но всегда в пределах допустимого, ни малейшего даже намек на «моветон») и многовековая грузинская культура с ее совмещением древних христианских обычаев и восточного культа праздничной публичности доброжелательного гостеприимства. Изящная, точная графика и классицизма и российского серебряного десятилетия и щедрые наивные мазки Пиросмани. И все это в чарующе-естественном единстве. Здесь и семейный дух просветительства (дед его по матери — виднейший педагог рубежа веков, историк, приобщавший к преподаванию школьников университетских профессоров) и театральности (тетке его выразил особую признательность К.С. Станиславский в книге «Моя жизнь в ис-

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 319–322 (под назв. «Ираклий Луарсабович Андроников (1908–1990)»). *Переиздано:* Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 462–466.

кусстве»), и грузинская народная театральность, когда праздник становился и школой мудрости, а тамада представлялся поэтом-новеллистом и наблюдательным историком-психологом. (Брат Ираклия, знаменитый физик, грузинский академик Элевтер Андроникашвили, — тоже автор поразительных по живости очерков об ученых-физиках.) Быть может, это предопределило особую тягу к познанию жизни и творчества именно Лермонтова, в мироощущении которого и «космополитический» Петербург, и Кавказ, и восприятие русскими Кавказа?

У Ираклия к этому добавилась еще школа аналитической строгости и широчайшей эрудиции научной методике классиков нашего литературоведения и языкознания — Б.М. Эйхенбаума и Б.В. Томашевского, Л.В. Щербы и В.М. Жирмунского. Серьезные познания в истории, особенно XVIII–XIX вв., и профессиональная музыкальная подготовка, закрепленная вживанием в быт знаменитой Ленинградской филармонии, и сокровища музеев Ленинграда и его пригородов. Какие источники обогащения души и ума и какая способность восприятия и воплощения этого богатства культуры, науки и искусства вместе с повседневными житейскими наблюдениями в художественные образы и системность научной прозы!

В Ираклии Андроникове многое поражало и притягивало к нему. Все оказывалось в плену его обаяния. Можно, пожалуй, говорить о пафосе обаяния — открытого, проникновенно умного и доброго одновременно, с заразительной радостно-ироничной артистичностью. Дружбы его искали, и не потому только, что почиталось престижным водиться со знаменитостью. С ним, в его обществе просто было бесконечно интересно, радостно и в то же время поучительно: мир, окружающие нас люди раскрывались в более богатом спектре красок, чем прежде; заметным оказывалось то, на что прежде не обратил бы внимание: постигалась цена наблюдений над частностями — и все это становилось уроком более углубленного и ассоциативного восприятия увиденного, услышанного, прочитанного. Причем, как в игре, увлекательно и ненавязчиво. Это и как-то по-особому тонизировало — смех всегда очищает душу, освежает мысль.

В годы сталинщины это имело и особое, так сказать, общественно-оздоровительное значение. Мне довелось еще школьником быть на одном из первых выступлений Андроникова, в Доме журналистов. В тот период люди интеллигентского круга уже опасались ходить друг к другу в гости, собираться большими компаниями, дух подозрительности и страха придавливал всех. И какими радостно-просветленными стали лица собравшихся в зале, как дохнуло на всех уходящей от нас раскованностью поведения! Сколь важно было в те годы показать, что юмор, как форма и повседневного поведения, и критического выражения мыслей в отношении известных людей, остается в нашем бытии. Как это поддерживало дух! Ираклий был любим, именно любим, и более близко знавшими его, и все возрастающим кругом зрителей, слушателей, читателей.

В российской культуре давняя традиция — исполнение автором им же сочиненных устных рассказов, типологизирующих явления, восходящая, по крайней мере, еще к другу А.Н. Островского Ивану Горбунову. Но Ираклий Андроников воплощал в своем творчестве образы исторических лиц, причем достаточно известных. Он — создатель особой уникальной разновидности исторических источни-

ков: воспроизведения и образа исторических лиц, и представления о них современников. Это — отнюдь не имитация внешне узнаваемых черт таких людей (хотя и в этой области он был способен на вершинные достижения, например передача великолепия голосов Качалова или Остужева). Ираклий — это чудо перевоплощения: и словарь, и порядок слов, и интонационная манера, характерные элементы внешнего облика — выражение лица, движение рук, походка.

Степень сходства наводила первоначально мысль на сравнение с кинокадрами, а позднее с видеозаписью. Но это всегда и художественный образ, отражающий и творца его, притом не только его талантливость писателя и артиста, но и логическую точность исследовательского подхода к явлениям. Выделяется существенное, обычно и знакомое уже, но наряду с основным лейтмотивом осязательные и иные мелодии. (Сравнение с музыкальным произведением напрашивается не напрасно — творчество Андроникова всегда контрапункт во всем его многообразии!) Заметно недосказанное, невыраженное, и как бы виден путь к нему. А это подчас и страшит. Андроников — доброжелательный художник и человек, но он и наблюдательный мыслитель-аналитик. Остается — и едва ли не сознательно — намек и на менее привлекательное в тех же людях: эгоцентричность, равнодушие, снисходительную барственность, нарочитость любезности, показную приветливость, недостаток чувства юмора... Созданные образы в какой-то мере на грани шаржа и гротеска. Но такие обобщения, сгустки художественно воплощенных черточек характера всегда отличает безупречный вкус, а следовательно, и такт. Это — показатель не только меткого глаза и опыта художника, тонкого слуха музыканта, но и проникновенного ума исследователя-психолога и историка культуры, знающего цену тому или иному историческому свидетельству.

И теперь, когда многих из изображенных уже нет в живых и нам легче определить и оценить их место в нашей общественной жизни и культуре, когда мы узнаем немало нового о них из оставленного ими самими (дневники, записные книжки, мемуары и др.), из рассказанного о них или из официальной документации, сравнивая с изображенным (и написанным) Андрониковым, едва ли не всякий раз убеждаешься в том, как зорок был его взгляд и безграничны возможности актера, — отнюдь не все зная о своих героях, он сумел воссоздать главное в их образе. И как благодаря этому обогащается понимание многих явлений культуры XX в., облегчается комментирование многих мемуаров и художественных произведений, отражающих эти же годы. Особенно по сравнению с тем временем, которое так детально изучал Андроников — литературовед и историк, — с эпохой Пушкина и Лермонтова.

Андроников никогда не монологичен: не только в устных выступлениях, где естественны контакт и единомыслие, ответственность чувств с аудиторией, но и в том, что он писал. Рядом с ним всегда ощущается собеседник: они ожидают, чувствуют (точнее сказать — предчувствуют) реакцию друг друга, откликаются на нее. Вносился и элемент бытового (т.е. в какой-то мере и нам всем свойственного), но без пошлости, снижения образа. Тем самым великие становились доступнее для восприятия, ближе к нам, выходили из рамок портретов в пантеоне знаменитостей. И это тоже способствовало тому, что создаваемое Андрониковым становилось частью нашего восприятия этого человека.

Столь всеобъемлющее проникновение в образ мысли и поведения известных ему и нам наших современников помогло Андроникову в постижении поведения и культурного облика и людей прошлого (особенно первой половины XIX столетия), которое он изучал неутомимо и вдохновенно. А нам, убедившимся в проникновенности такого подхода, позволяло поверить в предложенные им интерпретации явлений далеких лет.

Андроников был выдающимся историком культуры и литературоведом. Общепризнанный классик лермонтоведения — публикатор его сочинений, интерпретатор творчества, знаток его биографии. Но и замечательный знаток времени декабристов и Пушкина, искусств — музыкального, изобразительного. Когда же он занялся поисками второй части ленинского труда «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», то выяснилось, что он детально знает историю и литературу рубежа XIX–XX вв. А как много было ему ведомо в истории советской литературы, одним из создателей которой он сам являлся!

Вклад И.Л. Андроникова — литературоведа, историка, археографа в эти отрасли научных знаний очень весом и опять-таки своеобразен. Он удивительно естественно сочетал в себе мастера-исследователя, введившего в лабораторию научных изысканий, и просветителя, обращавшегося к самой широкой аудитории и находившего у нее сочувственный отклик. Его доводы и наблюдения исследовательского характера (прежде всего о текстах и рисунках Лермонтова, фактах его биографии) прочно вошли в обиход ученых-специалистов, но он как никто другой способствовал приобщению к археографической культуре и самой широкой публики.

Историко-литературоведческий, а точнее сказать, историко-культурологический метод И.Л. Андроникова казался близок к приемам работы М.О. Гершензона, вызывающим в наши дни все больший интерес. Но немало сближений обнаруживается и с трудами его университетских учителей и новаторов 1920-х гг. Ю.Н. Тынянова и В.Б. Шкловского. Обращаясь к семейным архивам и преданиям, способствуя «организации», созиданию новых документов (прежде всего воспоминаний) о людях прошлого, их окружении, их времени, он возобновлял и утраченную было традицию российской научной поисковой мысли, восходящую к П.В. Анненкову, П.И. Бартеневу, М.И. Семевскому, В.Я. Богучарскому. Однако ошибочнее всего было бы полагать, что это — эклектизм. Просто подлинный талант восприимчив ко многому; и творчество — всегда синтез культуры и предшествовавшего времени и современности.

Отнюдь не все содеянное И. Андрониковым воплощено в текстах или звукозаписи. Так, он, например, неоднократно выступал на расширенных заседаниях студенческого научного кружка источниковедения МГИАИ. Такие импровизации становились праздником для присутствующих и подлинной научной школой для молодежи. Эти мысли лишь в малой степени запечатлены в блистательном очерке «Хранители правды», предваряющем первый выпуск издаваемых ЦГАЛИ СССР книг «Встречи с прошлым» (1970). По существу, это — первая попытка обобщения данных об «истории наших литературных архивов», «о замечательных архиварисах, об увлекательной судьбе документов, о великих открытиях, сделанных в тишине читальных залов, рукописных отделов библиотек и музеев». Это вдохновило и других обратиться к живой истории архивов и архивных изысканий, внедри-

ло в сознание мысль, что об архиве надо говорить с почтением, ибо «это мы, какими будут себе представлять нас потомки».

Ираклий Луарсабович был членом Археографической комиссии АН СССР и сделал доклад на Тихомировских чтениях 1970 г. Доклад напечатан в виде статьи в книге материалов этих чтений и в «Археографическом ежегоднике за 1970 год». Он сам предложил и название его: «О современных коммуникациях в сфере археографических поисков». И.Л. Андроников не только попытался ответить на вопросы, что и как искать из документации Нового и Новейшего времени, но и обобщил в какой-то мере свой личный опыт (известный уже ранее по публикациям и выступлениям о тагильской находке, рассказал о портретах лиц, близких к Лермонтову, и др.) и выступил как убежденный пропагандист публичных обращений к читателям, радиослушателям, телезрителям, уверенный в необходимости в наши дни использовать «новые формы и средства современных коммуникаций». И можно утверждать, что ничья инициатива не находила такой отклик, как обращения именно Ираклия Андроникова. Сколькими ценнейшими документами обязаны ему хранилища рукописей — архивы, библиотеки, сколькими уникальными предметами — наши вновь организуемые музеи (прежде всего Пушкина и Лермонтова в Москве)! А как велик его вклад в воспитание в обществе и, что, может быть, еще важнее, в государственных хранилищах уважения к архивам обычных людей!

Ираклий Андроников обладал даром одаривать других, обогащать их сопричастностью к творческому труду. Ошеломленные и осчастливленные его талантом, мы постигали благодаря ему многое в культуре и прошлого и настоящего, учились более углубленному и светлому видению мира истории, литературы, искусства, обретению умения заметить существенное в деталях и сочетании их.

И какое счастье, что телевидение запечатлело многое из того, что сотворил этот одержимо талантливый человек. Ираклия Андроникова необычайно интересно читать, слушать по радио или в грамзаписи, но подлинное впечатление от него — зрительное! И таким он останется для многих поколений.

СУДЬБА ИСТОРИКА Н.Л. РУБИНШТЕЙНА

Николай Леонидович Рубинштейн родился 11 (23) декабря 1897 г. Заседание его памяти Археографическая комиссия проводила совместно с Государственным Историческим музеем, где Н.Л., как заместитель директора, возглавлял научную работу в 1943–1949 гг., и с Историко-архивным институтом РГГУ, ставшим в 1957 г. последним местом его преподавательской деятельности.

В середине нашего столетия даже среди самых выдающихся советских историков России Н.Л. выделялся не только широтой и многообразием фундаментальных исследовательских интересов и редкостной образованностью (глубокие зна-

ния в области всеобщей, точнее сказать западноевропейской, истории, права, экономики, истории искусств и литературы), но и своеобразием творческой манеры: социолого-конструктивная направленность мысли и восприятие всякого исторического явления как части системы совмещались со склонностью к детальнейшему изучению отдельных фактов (или групп их) с применением многообразных эвристических методик специальных исторических дисциплин. При этом Рубинштейн — и крупнейший исследователь, и новатор-преподаватель, создатель научной школы, и неутомимо изобретательный организатор работы в сфере науки истории и музейного дела. Творческая деятельность Н.Л. — славная и поучительная страница в истории развития исторической мысли, а преследование этого благородного труженика, целью работы которого была общая польза, — один из убедительных показателей аморальности сталинского режима. Счастливо уцелев в годы массовых репрессий второй половины 1930-х гг., Н.Л. пал жертвой разнузданной борьбы с так называемым космополитизмом, что сказалось на его здоровье, лишило возможности созидания научной школы в Московском университете и в Историческом музее, стало помехой в завершении работы и в плане обобщения новых наблюдений в сфере историографии, и в выполнении замысла написать обобщающий труд по социоэкономической истории России второй половины XVIII в.

Значение и того, что успел завершить ученый, очень велико, а личность Н.Л. оставила большой след в душе тех, кто с ним общался. Рубинштейну, пожалуй, первому из историков его поколения посвящен аналитический по мысли большой биографический очерк, основанный на изучении и архивного материала. Это — статья его друга, университетского профессора С.С. Дмитриева, напечатанная в 1964 г. с приложением списка печатных трудов Н.Л. в 72-м выпуске «Ученых записок Горьковского университета» (Нижний Новгород). Статья Дмитриева стала в те годы важным историографическим фактом и потому, что в определенной мере стимулировала появление статей других авторов в схожем стиле, но с еще большей, пожалуй, акцентировкой индивидуального отношения к своему герою, — об историках М.Н. Тихомирове в «Археографическом ежегоднике за 1965 год» и А.Л. Сидорове в «Исторических записках» (Т. 80).

С.С. Дмитриев обратил внимание читателей на то, что имеет место смешение иногда двух историков с одинаковыми не только фамилиями, но и именами и отчествами. Это представляется тем более существенным, что другой Н.Л. Рубинштейн (1902–1952) — тоже доктор исторических наук, специалист по истории советской внешней политики — выступал в печати и по вопросам историографии: в 1920-е гг. — о славянофилах, с апологетическими статьями о М.Н. Покровском, а в 1939 г. — с обличением того же Покровского (в журнале «Под знаменем марксизма», № 5). В статье того же журнала (№ 5 за 1924 г.) «М.Н. Покровский — историк России» он провозглашал: «Теперь мало кто заглядывает в работы Ключевского, забыт Платонов...», — а нашему Н.Л. Рубинштейну мы обязаны подготовкой в 1930-е гг. к печати курса лекций Ключевского, статьями об этом, поддержкой нового издания книги С.Ф. Платонова «Очерки смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» (1937). В мои университетские годы, чтобы устранить возникающую путаницу, другому Н.Л. Рубинштейну дали прозвище «Генкин муж» (его супругой была известный историк профессор Э.Б. Генкина).

Материалы о Н.Л. печатались в сравнительно недавнее время и в Москве, и в Саратове, где он преподавал в годы эвакуации (в сентябре 1941 – октябре 1942 г. заведовал кафедрой истории народов СССР исторического факультета Саратовского университета; одно время был и деканом исторического факультета). В «Археографических ежегодниках» (далее — АЕ) опубликованы статьи о Н.Л. (причем заказанные редакцией): в АЕ за 1985 год статья И.В. Ковалева «Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна»: в основе этого обзора материалов личного фонда Н.Л. в РГБ — работа моего дипломника по Историко-архивному институту, которая, к сожалению, не переросла в диссертацию, так как автор уехал тогда из Москвы. Но выявленное им убеждает в том, что можно и полезно издать книгу в той или иной мере подготовленных к печати трудов Н.Л. такой тематики, присоединив к ним напечатанные при жизни статьи. В АЕ за 1989 год опубликована статья старейшины нашего музееведения А.Б. Закс «Н.Л. Рубинштейн во главе научной работы Государственного Исторического музея (1943–1949 гг.): По материалам архива ГИМ и личным воспоминаниям». В 1988 г. в Издательстве Саратовского университета вышла книга (правда, малотиражная) «Проблемы экономической истории и теории: Межвузовский научный сборник. Вып. 2, ч. 4», посвященный памяти Н.Л. Он предварен статьей В.В. Пугачева и В.А. Динеса «Николай Леонидович Рубинштейн и экономическая история» (с. 3–18), в которой предпринята попытка рассмотреть биографию историка и «контекст личности с обстановкой» (выражение знаменитого сиолога академика В.М. Алексеева). Н.Л. посвящен и недавний очерк А.Н. Цамутали в издании 1997 г. Института российской истории РАН («Историческая наука России в XX веке»). Материалы юбилейной конференции, публикующиеся в настоящем томе «Археографического ежегодника», еще в большей степени обеспечат источниковую базу для написания книги об историке Н.Л. Рубинштейне; а такая книга важна для изучения не только истории исторической науки и распространения исторических знаний, но и общественной жизни нашей страны в советский период.

Очевидно, что при сочинении такой книги, как и других трудов о жизни и творчестве Н.Л. — а его жизненный путь — это прежде всего творческий путь, — исходить нужно из последней опубликованной при его жизни статьи «О путях исторического исследования» в журнале «История СССР» за 1962 г. (№ 6). Она написана по предложению редколлегии журнала, задумавшей напечатать цикл статей о творческом опыте советских историков. Это документ и биографический, и собственно историографический. Из статьи о формировании исследователя и его творчестве, о тематике и методике работы ученого, преподавателя, организатора науки явствует, каким историографическим фактам Н.Л. придавал наибольшее значение, как он использовал разработанную им шкалу ценностей историографических источников применительно к собственной научной биографии, что он полагал необходимым подчеркнуть, от изложения чего в той или иной мере уклонился и почему. Статью эту интересно сравнить с другими, схожего содержания, причем не только с напечатанными примерно тогда же в том же журнале, но и с иными — в частности, с «Автобиографической запиской» С.Ф. Платонова 1920-х гг. Тем самым выясняется, какими критериями (и в какое время) руководствуются крупные и высокообразованные историки при определении кажущихся им значительными

историографических фактов, осмысливая особенности своего жизненного пути на карте развития исторической науки. Полагаю, что у Н.Л. подход к отдельным разновидностям историографических фактов формировался постепенно в процессе все более углубленной разработки историографической проблематики. Статью «О путях исторического исследования» рекомендовал бы как обязательную литературу при подготовке студентов к экзаменам и по историографии, и по источниковедению, а аспирантов — к сдаче кандидатского минимума. Думается, что и автор рассчитывал на поучительные размышления молодого читателя.

В статье сформулированы положения, объясняющие многое в творческой биографии самого Н.Л. — и в его личной научной работе, и в его методике преподавателя и научного руководителя. Н.Л. убежден был в том, что «теоретическое изучение вопроса и разработка конкретного фактического материала должны идти рука об руку: не может быть плодотворного накопления фактических данных без предварительного выяснения для себя основных теоретических посылок, без последовательного параллельного анализа и научной систематизации уже собранных данных»¹. Убежден он был и в том, что «серьезное конкретно-историческое изучение всегда включает его историографическое осмысление»².

В статье Н.Л. использовал свободу высказаться о том, каким требованиям должна отвечать работа историографа. Это было внутренне необходимо сделать Н.Л. и потому, что его вынудили достаточно жестко идеологизированно и политизированно сформулировать представления о подходе к занятиям историографией в статье «Основные проблемы построения русской историографии», напечатанной в журнале «Вопросы истории» за 1948 г. (№ 2), и раньше ему не предоставляли возможности печатного ответа тем, кто намеренно необъективно выступал против его книги «Русская историография» в 1948–1949 гг. В статье 1962 г. заметны элементы и самооценки, и оценки-предостережения трудов некоторых из тех лиц, кто возомнил себя историографом после разгрома книги Рубинштейна. Н.Л. писал: «Историографическая тема — не только конкретно-историческая, но требует также особо серьезной методологической и философско-исторической трактовки. Историографическое изучение требует наличия соответствующих исторических знаний в области той тематики, которой занимался изучаемый историк. Историограф должен обладать определенной исторической научной компетентностью, а это означает требование научной зрелости от избирающего историографическую тематику»³.

Позволю себе поделиться некоторыми дополнительными соображениями сравнительно с тем, что писал Н.Л. о себе и что узнаем из статей, ему посвященных, сведениями из переписки Н.Л. с М.Н. Тихомировым, а также памятными впечатлениями (и документацией) очевидца «проработки» Рубинштейна.

Вероятно, все-таки не в должной мере выделяют счастливую способность Н.Л. претворять в целенаправленное творчество именно историка все воспринимаемое им. Это творчество обогащали и книги, и общение с людьми, и ознакомление с культурным и природным наследием, а наблюдения над явлениями всеобщей истории всегда вели к сопоставлениям и ассоциациям из изучаемой им отечественной истории. Это свойство умственной природы Н.Л. можно было наблюдать и во время научных заседаний, в публичных докладах, в беседе. Иногда оно было необычайно заразительным. К обычной информации на уровне новостей-сплетен

Н.Л. оставался безучастен: у него не возникало вслед за тем интересных ему самому творческих ассоциаций — и в его обществе, тем более в его доме, разговоры на такие темы не имели места. Но наблюдения над подобными явлениями, над обусловленными ими поступками людей оседали, конечно, в сознании Н.Л., как и опыт размышлений философов и писателей о темном в человеческой натуре. И он с мудрым достоинством, не опускаясь ни до перепалки, ни до унижительного и неискреннего покаяния, оставаясь неизменно воспитанным, претерпевал то, что выпало на его долю с конца 1940-х гг., сказанное и сделанное теми, кто еще совсем недавно старался демонстрировать совершенно иное отношение к влиятельному тогда деятелю науки. Конечно, и опыт истории, и опыт личного существования при тоталитарном режиме Н.Л. многому научили. Но и это не могло изменить столь привлекательного в своей основе — особенно у человека такой интенсивной умственной работы и столь высокого интеллекта — доброжелательного отношения к людям. Он сохранял и прежде простодушие, и доверчивость.

Не отмечены пока и особенности вхождения Н.Л. в среду влиятельных московских историков. Он переехал в Москву в период резкого обострения взаимоотношений историков и неприкрытого партийного вмешательства в повседневность исторической науки. Слышны были отзвуки «Академического дела», когда арестовали видных ученых «старой школы» и их учеников, а труды этих историков публично шельмовались. Арестован и лишен звания академика был и Д.Б. Рязанов, целенаправленно старавшийся привлечь «спецов» к строительству «социалистической» культуры. Назревали серьезные конфликты и в среде воинствующих выпускников Института красной профессуры, особенно в связи с усиливавшейся болезнью М.Н. Покровского. Немало предопределялось тогда давними еще личностными связями (по Московскому университету и РАНИОНу, Институту красной профессуры). Отсутствие у одессита Н.Л. таких прилипчивых многолетних контактов, пожалуй, облегчило его положение. А познакомившись с ним, нетрудно было почувствовать, что по своему характеру Н.Л. не склонен к участию в групповых конфликтах.

В то же время он — один из немногих молодых историков — имел уже научное имя, и выступления его на конференции историков-марксистов 1928 г. выделялись и эрудицией, и серьезностью. Он сразу же воспринимался как чуждый интриганства и искательства (и потому уже в определенной мере не опасный), как трудолюбивый и ответственно относящийся ко взятым на себя деловым обязанностям серьезный специалист по отечественной истории (причем по феодальному ее периоду, оголенному после ареста московских профессоров) и в области относительно политически нейтральных специальных исторических дисциплин. Известно было, что в конце 1920-х гг. Н.Л. импонировала теоретическая активность Покровского, но себя он не запятнал разоблачительными выступлениями против ученых «старой школы» поколения своих университетских учителей. Внутренняя порядочность Н.Л. была очевидна. Это обусловило отсутствие сопротивления (причем в несходных по взглядам и имеющимся уже традициям группировках историков) восхождению Н.Л. по ступеням научной карьеры.

Но еще существеннее, видимо, то, что Н.Л. в большей мере, чем кому-либо из историков России его поколения, присущи были склонность и способность к тео-

ретическим построениям (причем со стремлением глубже овладеть прежде всего теорией марксизма-ленинизма) и в то же время основательность исследовательской методики, даже навыки ученого-эрудита классического образца. Тогда стал уже проникать в работу историков (и в исследования, и в преподавательскую деятельность, и особенно в публичные выступления — и печатные, и устные), так сказать, цитатный марксизм. Довольствовались набором цитат из трудов тех, кого величали классиками марксизма-ленинизма (или в просторечии просто «классиками»), которые в обязательном порядке фигурировали в написанном и сказанном историками. В основном это были цитаты конкретно-исторического содержания (как, скажем, молодого В.И. Ульянова о «всероссийском рынке» или, позднее, И.В. Сталина об особенностях образования в России централизованных государств), но иногда и более широкого плана (о значении классово-борьбы, революции, о влиянии экономики на политику, идеологию и др.). Считалось, что это и есть овладение марксизмом, — и знаменитый наш пожилой историк В.И. Пичета, когда его принимали в партию на историческом факультете МГУ, наивно заявил, что он знает все, что Маркс и Ленин написали о феодализме. Дискуссии сводились зачастую тоже к толкованию известного уже набора цитат — цитат достаточно хорошо известных, так как страницы с ними включали в обязательный список литературы по кандидатскому минимуму.

Рубинштейна отличало то, что он вдумчиво и последовательно изучал все наследие «классиков», обнаруживал там то, что еще не входило в обиход историков, старался рассматривать написанное «классиками» в контексте развития исторической (а также философской, экономической) мысли, вообще общественного сознания, причем в масштабе не только отечественной, но и мировой истории. Другие ученые такого обычно избегали, или им было это недоступно. В наши аспирантские годы подобный подход Н.Л. к трудам «классиков» (как и близкий по методике подход Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, Б.Ф. Поршнева) казался некоторым из нас особенно привлекательным, наталкивал на самостоятельную работу в том же направлении. И в этом отношении Н.Л. был одним из главных моих университетских учителей, хотя непосредственно под его руководством ни одной работы не готовил.

Потому-то лишь Н.Л. мог взвалить на себя труд написать и книгу по историографии, и обобщающую работу по истории нашей страны (для Большой советской энциклопедии). Именно его консультациями дорожили ученые в смежных областях науки. Помню, как его пригласили в середине 1940-х гг. выступить в Институте мировой литературы Академии наук с докладом об особенностях развития и основах периодизации нашей истории и с каким интересом — с участием видных литературоведов — обсуждался этот доклад.

Не будем сейчас останавливаться на том, что Н.Л. старался освоить и даже пропагандировать историко-футурологическую концепцию, оказавшуюся утопией. И он, и многие другие честные люди верили в то, что наступает новая эра, тем более люди его поколения, воочию видевшие грандиозные социокультурные изменения в окружающем их обществе и знакомые с историко-теоретическими обоснованиями этих изменений. Н.Л. стремился осмыслить официальные общественные теории (прежде всего относящиеся к объяснению прошлого) и определить и для

себя самого, и для других их исторические корни и место в перспективном развитии общественного сознания, научного мышления. Он полагал, что марксизм-ленинизм — это непрерывное движение; и именно эту цитату из раннего сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса Н.Л. счел важным привести в предисловии к «Русской историографии»: «Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое устраняет теперешнее состояние»⁴. Показательно, что это единственная цитата «классиков» в предисловии и что позднее и за рубежом, и в нашей стране с обращения именно к трудам молодых основоположников марксизма началось сопоставительно-критическое рассмотрение основных положений учения Маркса и Энгельса и утвердившейся затем догматики марксизма-ленинизма, особенно в его сталинском варианте, застолбленном в «Кратком курсе» истории Коммунистической партии. Н.Л. отнюдь не ограничивался использованием облегчающих существование ученого-гуманитария всем известных цитат. И это настораживало тех, кто привык лишь к бездумному повторению указанного свыше или давно общепринятого.

Думается, что Н.Л. руководствовался представлением о тесной связи учения марксизма с планетарным развитием общественного сознания и науки, опираясь при этом и на суждения самих Маркса, Энгельса и Ленина, и на обилие ссылок в их сочинениях на труды предшественников. Взаимосвязь развития научной и общественной мысли в России и в остальном мире и преемственность как естественную основу этого развития Н.Л. понимал еще в большей мере, размышляя над ходом развития исторической науки, отнюдь не всегда столь новаторской, как написанное классиками марксизма. Не мог это не ощутить Н.Л. и по своему личному исследовательскому опыту — к началу 1930-х гг. он был автором исследований по истории и Древней Руси, и XVII–XIX вв., — и по социоэкономической, и по общественно-политической проблематике, и обдуманно выявлял и обрабатывал архивный материал для широкого плана исследований о России периода генезиса капитализма. Он опирался на традиции предшественников не только в технологии исследования, но и при истолковании исторических явлений.

О степени готовности к написанию обобщающего труда по русской историографии (при тех требованиях, которые предъявлял к историографу сам Н.Л.) и настрое ученого в ту пору в определенной мере свидетельствует его библиографическая и редакторская работа — подбор вышедших книг (и тематика их, и авторы) в Соцэкгизе, где в 1933–1939 гг. он был редактором в исторической редакции, а до того, в 1931–1933 гг., работал в Научно-исследовательском институте иностранной библиографии ОГИЗа (где руководил Группой истории). Показательна статья «Иностранная периодика по истории России и СССР (Материалы Института иностранной библиографии ОГИЗа)» (в № 1 (29) журнала «Историк-марксист» за 1933 г.), отличающаяся и историографической направленностью.

Даже в журнале, издававшемся Обществом историков-марксистов и Институтом истории Коммунистической академии, где на титульном листе сохранилось в траурной рамке имя «отв. ред.» М.Н. Покровского, Н.Л., предварив статью составленной в соответствующем стиле преамбулой и прибегая время от времени к принятому в таких изданиях лексикону, поместил материал, содержащий серьезную информацию, знакомящую со взглядами, явно не совпадающими с марксистскими. Так, достаточно подробно излагая основные установки статьи немецкого уче-

ного Лева о влиянии изящной словесности на русское социальное движение в XIX в., Н.Л. сообщает: «Некрасов представляет для Лева корни народничества. Мобилизующая оценка народничества как “крестового похода” интеллигенции расценивается как “подмена эстетического момента этическим”. В подтверждение приводится тезис Канта: “Объективное стремление к идеальной цели без личной заинтересованности есть эстетическое стремление”. Писарев понимается автором как основоположник русского марксизма: “Элементы писаревского нигилизма составляют основу коммунизма”. В заключение автор пускается в рассуждения об Октябрьской революции. Она, по его мнению, направлена против интеллигенции. Она — та же пугачевщина, обязанная успехом только организаторскому гению Ленина и неспособности к практическому действию интеллигенции, воспитанной на литературе...» Добавляет и то, что авторские «рассуждения приправляются цитатами из Ленина, конечно, соответственно истолкованными»⁵.

Н.Л. знакомил и с трудами эмигрантов, напоминая об именах даже видных и антисоветски настроенных лиц, отдававших по-прежнему много сил политической деятельности, — со статьями А.Ф. Керенского и С.П. Мельгунова, с рецензией, характеризующей новое, существенно дополненное издание труда П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры». Образованнейший Н.Л. осознавал, естественно, что у российского читателя давний опыт и понимания по намекам, и чтения между строк. И когда, излагая враждебные взгляды, только констатируют этот факт, избегая привычных в подобных случаях резких эпитетов, то это тоже о многом говорит. А Н.Л., сообщая о том, что в журнале «*Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte*» «не раз сталкиваемся с антимарксистскими и антисоветскими выпадами», так информирует о статье одного из его редакторов, Р. Заломона, о положении в исторической науке России: «Статья посвящена двум историографическим работам: 1) изданию ЛОКА (Ленинградского отделения Комакадемии. — С.Ш.) “Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы” (доклады Зайделя и Цвибака) и 2) книге С. Пионтковского “Буржуазная историческая наука в России”. Статья полна резких нападок на ведущуюся в СССР борьбу с буржуазной историографией, перемешанных с прямой издевкой над советскими историками», — и чуть далее: «Кстати сказать, в иностранной исторической прессе мы совершенно не находим откликов на смерть Покровского; буржуазные исторические журналы проводили его в могилу враждебным молчанием»⁶. Показательно и то, что Н.Л., предвосхищая уже наши представления последних лет, под историографией истории своего Отечества понимал не только «русскую историографию», т.е. составную часть российской исторической науки, но и то, что написано о России и за ее рубежами. Небезлюбопытен и заголовок статьи. Очевидно, что Н.Л. не считал допустимым и дореволюционную Россию называть «СССР». Между тем с созданием новых школьных и вузовских учебников с середины 1930-х гг. утвердилось на долгое время именно такое словоупотребление, и даже один из секторов Института истории Академии наук имел странное название «сектор истории СССР периода феодализма».

И выбор русской историографии темой обобщающего труда, да еще предназначенного для учебных целей, конечно, свидетельствует о сознательном же его противостоянии нигилистической тенденции Покровского и его окружения по

отношению к историографическому наследию, и особенно к видным историкам предшествовавших лет. Это обусловило в определенной мере и нарочитое внимание к «портретированию» и к насыщению ее библиографическими данными о жизни и творчестве историков. Величие внутреннего обязательства, взятого на себя Н.Л., и в том, что он не имел предшественников в построении книги такого содержания — не было еще более или менее устойчивой традиции и в изложении (и в истолковании) историографического материала. Создатели вузовского учебника по отечественной истории до XIX в. (в числе которых был тот же Н.Л. — автор раздела о XVII в.) позволили себе во многом опереться на учебники С.Ф. Платонова (и не только в построении книги, но и в содержательной ее части: материалы из учебника Платонова, кстати, как раз в то время, в 1937 г., издали для слушателей Высшей школы партийных пропагандистов). А Н.Л., работая над книгой «Русская историография», и М.Н. Тихомиров, готовивший в ту же пору учебник по источниковедению отечественной истории, не имели аналогов. Их книги новаторские — и по основному содержанию, и в учебно-методическом плане.

М.Н. Тихомиров сумел в своем учебном пособии сообщить данные и о неопубликованных исторических источниках, ввести в научный оборот цитаты из них. Н.Л. же ограничился только напечатанными историографическими источниками и именно такой труд представил затем для защиты как докторскую диссертацию. Видимо, при подготовке книги Н.Л. сознательно не привлекал архивный материал. Знарок архивной эвристики и систематизации архивных выписок для использования не только им самим, но и учениками, Н.Л., конечно, понимал важность архивных материалов и для изучения историографии. Более того, именно он способствовал тогда же, как редактор, подготовке к печати не изданных ранее лекций А.Е. Преснякова по истории Древней Руси, а затем стал инициатором издания неопубликованной части труда И.Е. Забелина по истории Москвы и написал об этом специальную работу. Но в отборе материала для основного изложения в учебном пособии полагал допустимым ограничиться лишь тем, что сразу же могло в свое время оказывать воздействие на достаточно широкий круг читателей. Отражало это также уровень развития в ту пору и историографии и источниковедения. В учебном пособии «Историография истории СССР» (1961), в подготовке которого принимал участие не только Н.Л., но и еще шесть преподавателей МГИАИ, этот вопрос по-прежнему даже не ставится, как и в академических «Очерках истории исторической науки в СССР». Становление источниковедения историографии в значительной мере происходило в МГИАИ, и силами не только преподавателей, но и аспирантов и студентов, и я горжусь той ролью, которую сыграл в этом научный кружок источниковедения (с 1960-х гг.).

В конце введения к книге «Русская историография» читаем: «У М.Н. Покровского в конечном итоге пропадает историческая наука как целое и ее развитие; все сведено к антагонизму двух исторических концепций. И если подлинная задача марксистского анализа — раскрыть классовую ограниченность пройденного этапа для преодоления этой ограниченности, но вместе с тем для освоения и развития его положительных достижений, то у М.Н. Покровского фактически выпала последняя основная задача марксистской историографии»⁷. В этих стилистически усложненных формулировках (быть может, нарочито усложненных?), по существу,

декларируется и основная задача книги: внушить представление о преемственном развитии науки русской истории как «целого», подчиненного закономерностям и гносеологического порядка, воспитать уважение современников к трудам и дореволюционных предшественников, направить их мысль на овладение этим наследием, и прежде всего исследовательской технологией. Понятно, что это не могло не импонировать М.Н. Тихомирову и другим ученым, сформировавшимся в русле старых университетских традиций.

Утверждение Н.Л. оппонентом докторской диссертации М.Н. Тихомирова о «Русской Правде» знаменательно и вряд ли могло иметь место без согласия (если не инициативы) самого диссертанта. Другие два оппонента — учитель Тихомирова по Петербургскому коммерческому училищу Б.Д. Греков и «определяющий учитель» диссертанта (по его же выражению) в Московском университете С.В. Бахрушин. Греков в то время был уже академиком, директором Института истории СССР; Бахрушин — руководитель подразделения этого института, занимающегося проблематикой истории России периода феодализма, член-корреспондент Академии наук. Имя Н.Л. в таком сообществе — тоже показатель общественного положения и научного авторитета Н.Л. накануне войны.

В то время, видимо, у Николая Леонидовича и Михаила Николаевича сложились близкие душевные отношения. Об этом можно судить по их переписке военных лет (имеющей и самостоятельное значение для изучения жизни и творчества обоих ученых⁸). Н.Л. оказался в эвакуации в Саратове; М.Н. Тихомиров с Московским университетом — в Ашхабаде, позднее — в Свердловске.

В первом же письме М.Н. Тихомирова из Ашхабада читаем: «Я не виделся с Вами только несколько месяцев, а уже очень соскучился. За последние годы я очень привык к Вам, и наши встречи для меня всегда были дорогими, так хотелось бы повидаться и поговорить о многих делах» (Л. 1 об.). В ответ на это письмо с соболезнованиями по поводу смерти матери (М.Н. писал: «Я редко встречал такого доброго, сердечного и умного человека, каким была Ваша покойная мать, и для меня лично тяжело думать, что я больше ее не увижу») Н.Л., сообщая, что и в Саратове образовался «небольшой круг друзей», замечает: «...но ведь с ними меня не связывает столько лет совместной работы и близости, а затем, ведь это люди, так мало знавшие покойную маму. Здесь мне, в сущности, не с кем поговорить о ней; письма друзей в какой-то мере заменяют мне эту беседу и приносят тепло хорошей дружбы. А Вы же знаете, что наша симпатия и дружба взаимны. Приятно будет, когда снова окажемся вместе и сможем по-старому поговорить друг с другом, хотя и не будет уже той уютиности в моей домашней обстановке» (Л. 1. Письмо от 12 февраля 1942 г.). А какое о многом говорящее начало письма М.Н. Тихомирова от 30 апреля 1942 г.: «Дорогой Николай Леонидович! Иногда одни и те же мысли приходят людям в разных концах земли. Вы подумали, что я забываю о Вас, а я то же самое подумал о Вас, не получая от Вас писем. Мне только пришло в голову, что Вы не такой человек, чтобы так легко забыли о людях, а тут на столе оказалось и Ваше письмо. Отвечаю на него без задержки...» В письме и такие многозначительные слова: «Дорогой Николай Леонидович, никогда не сомневайтесь в моих дружеских чувствах к Вам. Я не просто схожусь с людьми и еще менее просто забываю о них, не забывайте только и Вы обо мне» (Л. 11–11 об.). Н.Л. писал М.Н. Тихомиро-

ву из Саратова 8 мая 1942 г.: «...с Вами у нас как-то как раз за последнее время установились особенно хорошие простые дружеские отношения, когда так легко и хорошо бывает обо всем поговорить» (Л. 4). В письмах Н.Л. — забота о М.Н. Тихомирове, даже нежность, а упоминания о родственниках свидетельствуют о том, что адресат был с ними лично знаком.

В письмах много интересных подробностей о научной работе обоих ученых, о состоянии дел в Московском и Саратовском университетах, о многих их коллегах. В письме от 12 февраля 1942 г. Н.Л. восклицает: «Вы едва ли поверите, какую большую корреспонденцию я сейчас веду» (Л. 1 об.). Он сообщает о письмах общих знакомых — С.В. Бахрушина (тревожащегося за Ю.В. Готье, «который заметно сдает»), С.С. Дмитриева и др.

В письмах имеются ценные свидетельства о непрекращающейся многообразной научной работе обоих историков. И о книге «Русская историография», вышедшей в свет уже после начала войны (она была подписана в печать 31 мая 1941 г.). М.Н. Тихомиров пишет 7 декабря 1942 г.: «Экземпляр своей книги (речь идет о книге М.Н. Тихомирова «Исследование о Русской Правде: происхождение текстов», подписанной к печати в июне 1941 г.; во введении к книге благодарность Н.Л. — С.Ш.) стараюсь удержать для Вас. Историографию Вашу я купил в Ашхабаде, но отдал Б.Д. Грекову, заявившему, что этой книги в Ташкенте нет (Греков находился в эвакуации в Ташкенте вместе с институтами Отделения общественных наук АН СССР. — С.Ш.). Впрочем, книгу Вашу для меня купили в Москве. Бесцветно и ненужно написал о Вашей книге [О.Л.] Вайнштейн, но книга уже прочно вошла в науку при всей спорности постановки отдельных вопросов». За день до того, 6 декабря 1942 г., и Н.Л. пишет о своей книге «Русская историография»: «Исподволь занимаюсь еще понемногу и над своей Историографией. Здесь пока обсуждения еще не было. В отдельных беседах всячески хвалят, но многим еще недосуг было все прочитать, а поэтому и обсуждать» (Л. 6 об.). Особенно, пожалуй, интересна информация в письме Н.Л. от 12 февраля 1942 г.: «По университету работал это время над курсом Источниковедения — Вашим курсом. Понемногу вошел во вкус, но, признаться, задумал его несколько в ином плане, чем это сделано у Вас. Вот бы поговорить с Вами на эту тему...» (Л. 1 об.). Как важно было бы найти материалы об этом в личном фонде Н.Л. Рубинштейна, сколько нового мы могли бы узнать о творческой лаборатории Н.Л., о методике его педагогической работы, а возможно, и о самой проблематике источниковедения! И как мешает отсутствие доступа к документам этого фонда и других фондов ОР РГБ изучению жизни и творчества Н.Л. Рубинштейна!

М.Н. Тихомиров сообщает о себе в письме от 22 марта 1942 г.: «Помогаю в работе местным архивным работникам по описанию архива (дело интересное и во многом поучительное), кроме того, немного пишу на старинную свою тему о древнерусском городе. Мне помнится, что этой темой интересуетесь и Вы, но думаю, что и параллельные наши работы мешать друг другу не будут, слишком серьезной и важной является эта тема. Сейчас пишу доклад об Александре Невском к 700-летию (5 апреля) Ледового побоища» (Л. 7). И о том же в письме от 30 апреля 1942 г.: «Здесь я работаю также в архиве, готовим с начальником архива описание его фондов. Самый интересный из них — это фонд Канцелярии начальника Закаспийской

области. Я готовлю и большую статью об организации Закаспийской области. Это звучит неожиданно, но там в архиве я нашел прямо удивительные документы. Эти пыльные бумаги как-то прямо переносят в другой мир, и часы работы в архиве стали для меня опять источником наслаждения, точно мне 20 лет, когда я разбирал псковские материалы». В этом же письме доверительное признание, явно рассчитанное на понимание адресата: «...я хорошо знаю, что мои вкусы к рукописям, источникам, архивам стоят как-то одиноко» (Л. 11–11 об.).

В письме от 10 апреля 1942 г. имеются свидетельства напряженной творческой научной работы Н.Л.: помимо лекций в двух вузах, «сделал несколько научных докладов. Сдал в печать брошюру о полководческом искусстве Суворова; когда выйдет, пришлю. Договорились более или менее о брошюре на тему “Возникновение народного ополчения в нач. XVII в.”. Здесь у меня получилось, кажется, кое-что новое и интересное, сдавать рассчитываю в июне. По этому очерку мне особенно интересно и ценно будет Ваше суждение. Время от времени приходится печатать статьи в газете. Завтра и я выступаю с публичным докладом о Ледовом побоище на объединенном заседании Ленингр. и Сарат. унив-тов. Кроме того, писал уже Вам, что в этом году пришлось позаняться источниковедением, и сложился ряд мыслей по этой теме. Об этом, надеюсь, поговорим уже лично. Страшно тянет назад в Москву...» (Л. 13 об.). В письме от 16 декабря 1942 г. упоминается брошюра «Полководческое искусство Суворова», изданная в Саратове в 1942 г.: «Мою книгу выслали Вам сейчас почтой. В Ташкенте я послал ее Бахрушину и Готье, а Грекову, признаться, не послал: считаю, что его личное поведение в отношении меня за последние годы не давало для этого никаких оснований, и к тому же он, не раз даже обращавшийся ко мне за моими оттисками, ни разу не счел нужным передать мне оттиски своих работ. Делать же это, только исходя из его официального положения, я не считал нужным» (Л. 9 об.). (Эти слова любопытны для характеристики личности и самого Н.Л.)

В письмах Н.Л. — интересная информация об истфаке МГУ. Его сначала пригласили на должность заведующего кафедрой музееведения. (И.И. Минц не проявлял никакой заинтересованности в отношении работы Н.Л. на возглавляемой им кафедре истории СССР.) Но когда Н.Л. стал его заместителем по кафедре, то сразу же начал предпринимать усилия для организации научной работы преподавателей (прежде всего издания научных трудов) и изменения системы подготовки аспирантов: «...я, как Вы знаете, не умею быть пассивным», — рассказывал об этом Н.Л. в декабре 1942 г. (Л. 6).

Познакомился я с Н.Л., да, наверное, и впервые увидел его пятикурсником, в 1943 г. Тогда он был заместителем заведующего кафедрой истории СССР исторического факультета Московского университета. Зав. кафедрой И.И. Минц делами ее (кроме представительства и изредка председательствования на заседаниях) не занимался. Ведущую роль играли Н.Л. и С.В. Бахрушин, какие-то административные функции выполняли Г.Н. Анпилов и П.П. Епифанов. Н.Л. сознательно вносил в работу аспирантуры начало творческого и умно организованного труда иощряемой самодеятельности.

На заседаниях и в беседах он не показывал, как думать и формулировать мысль, в виде назидательного — тем более откровенно демонстрируемого — при-

ема. У него это просто получалось как бы само собой; и для способных становилось поучительным. Подкупала и его неизменная заинтересованность в творческом общении с собеседником. Он не только напрягал и обогащал ум собеседника, но, казалось, и сам подпитывался этой беседой и возбужденно, со стройной логичностью начинал размышлять в заданном темой направлении, щедро подсказывал новые ходы, пути поисков, варианты решений — при этом обычно упоминая и о литературе, и о первоисточниках, и даже их изданиях и явно не задумываясь над тем, осознает ли впоследствии собеседник, что Н.Л. является соавтором рождающихся в тот момент идей (а это чаще всего были идеи диссертации, статьи более молодого или даже начинающего историка). И напротив, именно в форме совета, рекомендации давал он указания о методах составления и использования научно-справочного аппарата, о приемах исследовательской технологии.

Была продуманная, требовавшая немало труда для реализации система сдачи кандидатского минимума (по трем периодам — феодализм, капитализм, история советского общества, при научном кураторстве еще двух руководителей — специалистов по другим периодам истории, с подготовкой письменных материалов). Были и заседания только аспирантов с участием лишь немногих преподавателей (иногда посвященные обсуждению теоретических вопросов). Некоторых аспирантов, как и студентов его спецсеминара (по истории России второй половины XVIII в.), Н.Л. приглашал в Исторический музей и домой, в огромную перегородженную комнату большой коммунальной квартиры в д. 1 по Телеграфному переулку. После демонстрации 1 мая и 7 ноября там собиралось (а ля фуршет) особенно много народу. Всегда оказывались насыщенными историко-культурными ассоциациями и свежим восприятием взаимосвязи прошлого и настоящего и случайные, незапланированные встречи на выставках, в концертных залах, в театре, на заседаниях, однажды летом и на Рижском взморье (там выяснилось, что Н.Л. — одессит по рождению, хороший гребец).

Н.Л. был лишен ораторского дара, дикция у него была плохая, а словарь его был зачастую пересыщен специальными терминами. Не склонен Н.Л. был и к публичным остротам, тем более к анекдотам (что отличало речь И.И. Минца). Слово его было обращено к заинтересованному слушателю. Оно привлекало уважительным отношением к воспринимающим, стройностью и в то же время поисковой направленностью мысли, основательностью системы доказательств. Для решивших всерьез отдать силы настоящему изучению истории лекции Н.Л. — и еще в большей степени его семинары — становились школой формирования научного мышления.

Нет впечатляющих эффектов и в напечатанном Н.Л. — все написано деловито, и материал распределен так, чтоб удобнее располагался в памяти с пониманием явлений в развитии и во взаимосвязи с другими, а также яркого и особенного в этих явлениях (умело подобраны цитаты из источников, особенно историографических), чтоб создавалось представление и об источниковой базе изучаемой проблемы. А не о проблемном Н.Л. писать не мог: ограничение историка собственными фактологическими задачами ему, видимо, было не только неинтересно, но и непонятно. Во всех его трудах — больших и малых — постановка вопроса, попытка объяснить невыясненное, оспорить распространенное мнение; и всегда знакомство с ними побуждает мысль к напряжению, даже в учебной литературе. Несклон-

ность, да, пожалуй, и неприспособленность Н.Л. к рассчитанным на эффект публичным выступлениям — устным или письменным — не сделали его имя знаменитым в более широкой среде, чем общество историков, музейных работников. Знаменитые российские историки, как правило, были и писателями.

Но сейчас, на рубеже нового века, оглядываясь на путь движения науки истории за столетие, убеждаемся, что вклад Н.Л. в развитие этой науки один из самых значительных. Из историков середины века он был историком особенно широкого исследовательского диапазона, достойным наследником в этом плане традиций А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова, Ю.В. Готье.

В программе заседания, посвященного памяти Н.Л., основное внимание сосредоточено на творчестве Рубинштейна-историографа. Это, пожалуй, и понятно. Его «Русская историография» по прошествии десятилетий воспринимается как вершинный показатель уровня развития исторической науки довоенных лет, как классический труд. Да, только Н.Л., на мой взгляд, и можно признать классиком в изучении российской историографии. При этом должно подчеркнуть и то, что это — классический образец и учебного пособия (правда, рассчитанный на обращение к нему сильного студента). Видимо, это соответствует понятиям и самого Н.Л. при подходе к характеристике деятельности историка в контексте эпохи и выявлению историографом главного в его творчестве. В предисловии к «Русской историографии» Н.Л. заметил: «...перед историком встает сложная и ответственная задача — определить конкретную историческую обусловленность рассматриваемых научных концепций, принадлежность изучаемого историка к определенному историческому периоду, определенной общественной среде. Деятельность историка протекает на значительном отрезке времени, но каждый историк имеет определенный период научной зрелости, когда оформляется его научное мирозерцание, — и это есть тот период, который представлен данным историком в общем развитии исторической мысли»⁹. Н.Л. — автор «Русской историографии» — отвечает таким историографическим критериям.

Но велико значение и раннего исследования Н.Л. о Древней Руси — он прежде Б.Д. Грекова и независимо от него показал развитие феодализма в этот период. Доселе недостаточно оценено сделанное Н.Л. и для изучения истории России второй половины XVIII в., и социально-экономической истории (это проблематика самостоятельной работы и тех, кто относится к научной школе Н.Л.), и государственно-политической (именно Н.Л. первым из советских историков обосновал значение для дальнейшего развития России свершавшегося в годы правления Елизаветы Петровны). Н.Л. предполагал широкое по замыслу исследование, посвященное и сельскому хозяйству, и промышленности, и торговле, притом во взаимосвязи с явлениями общественно-политической истории. Существенно и то, что этот труд приобретал самостоятельное значение и в развитии источниковедения и архивной эвристики. (Это становится очевидным при ознакомлении с упоминавшейся статьей И.В. Ковалева.) Последний, незавершенный фундаментальный труд Н.Л. — редкий в истории науки пример совмещения теоретического исследования историко-экономической проблематики и источниковедческих синтеза и анализа, основанных на сопоставительном изучении многообразных (и по разновидностям, и по локальному признаку) источников. Пожалуй, Н.Л. — един-

ственный из крупных историков, который совмещал бы в такой степени работу исследователя и преподавателя с музейной.

К сфере историографии при широком — на мой взгляд, единственно верном — понимании ее предмета изучения следует отнести и преследование «Русской историографии» Н.Л. Рубинштейна, хотя оно может рассматриваться и как эпизод общественной жизни. Это — тема особого изучения, причем в историко-ведческом плане. И конечно, при опоре на становящиеся ныне доступными архивные материалы. В данной статье ограничусь пока в основном материалами печатными и из моего личного архива.

Событие это, тесно взаимосвязанное с другими явлениями общественной и собственно научной жизни тех лет, доселе не рассмотрено в должной мере именно в таком контексте. Здесь многое переплетается, остается неизученным, и сводить дело только к проявлению антисемитизма — примитивный подход: под таким лозунгом Н.Л. добивали уже позднее, по прошествии месяцев, как и его братьев, старший из которых чл.-корр. АН психолог С.Л. Рубинштейн.

Ведь в те годы проявлялись не только великодержавные патриотические настроения, столь импонировавшие и широкой общественности после великой победы в войне, но и тенденция неприятия зарубежной культуры, притом не только в ее гуманитарно-либеральном аспекте, но и в сфере естественных и даже точных наук. Организованные по указанию партийного руководства разоблачительные обсуждения творчества видных и наиболее современных по формам его выражения ученых, деятелей искусства и литературы отражали интересы не только партийно-государственной верхушки, но и тех «полуобразованцев», которые, достигнув заметного положения в сфере науки и культуры, таким путем рассчитывали удержать свое влияние.

В гуманитарных науках, по существу, имел место и возврат к представлениям о «фронтах» борьбы, характерным для рубежа 1920–1930-х гг., когда особенно ожесточились противостояния М.Н. Покровского и его «школы» и со специалистами «старой школы», и с теми, кто, как Д.Б. Рязанов, готов был действительно сотрудничать с ними. Продолжая, естественно, вслед за Сталиным, публично поносить «ошибки» Покровского, они следовали на самом деле его узкоклассовым взглядам на отношение к научному наследию. (Вообще, как уже установлено, для Сталина и его сподвижников характерно было: взяв на вооружение лозунги противников — особенно Троцкого, использовать и их для борьбы с этими противниками.)

Организацию обсуждения книги Н.Л. «Русская историография» следует рассматривать в сопоставлении с другими публичными спектаклями-эксекуциями такого типа, когда организаторы соревновались в том, на каком поле культуры — музыки, литературы, естественных наук, философии, истории и др. — это пройдет выразительнее и выигрышнее для непосредственных руководителей и активистов такого «действия». Ну и, конечно, учитывались и другие проявления насаждаемой сверху тенденции определения особенностей и места советской культуры тех лет в развивающейся мировой культуре (что предопределяло и установление нормативов отношения к культурному наследию).

И именно Н.Л. с его широтой научных и общественных воззрений, с его убеждением в том, что отечественная культура — часть мировой культуры (и воспри-

нимающая и обогащающая ее), а марксизм — вечно живое учение — тоже относится к сфере мировой культуры, более других подходил для того, чтобы его творчество стало предметом специального обсуждения в таком духе. Здесь исходили и из давних понятий о космополитизме, отмеченных как «неправильные» еще в статье о космополитизме в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1895): «Весьма часто К. берется лишь в отрицательном смысле как простое отсутствие патриотизма или привязанности к своему народу...»¹⁰

Конечно, нетрудно было уловить и демонстративно положительное отношение автора «Русской историографии» к труду дореволюционных историков и их учеников. И тем самым выступления против книги Н.Л. смыкались с начатой тогда же пропагандой негативного отношения к сделанному русскими историками начала XX в. и примитивными (а подчас и недобросовестными) попытками объяснить их научно-методические взгляды фактами общественно-политической биографии (постыдные статьи об А.А. Шахматове, А.С. Лаппо-Данилевском, А.Е. Преснякове). Не стоит упускать из виду и особые частные обстоятельства — тягостную общественную атмосферу, сложившуюся тогда на историческом факультете МГУ, позволяющую проявить вредоносную активность лицам, чуждым представлений о подлинной интеллигентности, нравственном достоинстве и самоуважении (а также и о столь необходимой настоящему историку способности представить, как может выглядеть его сегодняшнее поведение по прошествии времени, когда станут ему давать «историческую» оценку).

В складывании обстоятельств каждой конкретной ситуации тогда имели очень большое (зачастую даже первостепенное) значение личностные факторы: характер и индивидуальные интересы (особенно карьеристские, самоохранные) отдельных лиц, групповые вкусы, особенности степеней зависимости и пр., т.е. то, что нелегко уловить в письменной документации тех лет. И потому, пожалуй, важны воспоминания, несмотря на всю их субъективность и ошибки памяти. И не следует автоматически (согласно складывающейся уже к нашему времени схеме) переносить данные формального порядка (к примеру, о должностном положении или прежнем месте службы, родственных связях и т.п.) на характеристику — тем более оценку — индивидуальных действий тех или иных лиц в данной конкретной ситуации.

Можно полагать, что решение избрать на историческом «фронте» объектом критики именно «Русскую историографию» Н.Л. было принято в вышестоящих партийных инстанциях. И поручили это первоначально журналу «Вопросы истории» — печатному органу Института истории Академии наук, но издающемуся издательством «Правда». Формально можно было исходить и из того, что вышедшая уже в начале войны книга, по обстоятельствам времени, не стала предметом серьезных обсуждений и рецензий, а ныне интерес к этой проблематике возрос и существенно изменились установки в подходе к изучению явлений отечественной истории и развития общественной мысли.

Хитроумная редколлегия, во главе которой был многоопытный вице-президент Академии наук В.П. Волгин и где фактически направлял все дела И.А. Кудрявцев, высокообразованный историк и функционер партийно-научной журналистики¹¹, для того чтобы продемонстрировать новаторство в реализации схем подобных об-

суждений, а быть может, и смягчить ожидаемый удар и по Н.Л., и по нашей исторической науке в целом, надумала начать обсуждение вопроса о содержании и построении курса русской историографии со статьи самого автора книги «Русская историография». В сноске «От редакции» к статье уведомляли об этом. И статью Н.Л. сразу же сопроводили статьей «Русская историография XVIII века» члена редколлегии журнала М.Н. Тихомирова (тогда уже члена-корреспондента АН СССР).

В самом начале статьи М.Н. Тихомирова отмечено: «Нет никакого сомнения, что труд Н.Л. Рубинштейна восполнил большой пробел в нашей исторической литературе и в настоящее время является единственным пособием по русской историографии, правда, несколько громоздким для занятий в высших учебных заведениях (41,5 печатного листа), но, во всяком случае, достаточно полным. Автор проделал громадную работу и свел воедино обширный и разнообразный материал, изучил почти всю основную литературу, относящуюся к русской историографии, и таким образом оказал немалую пользу нашей исторической науке. Книга Н.Л. Рубинштейна вышла в 1941 г. и по обстоятельству военного времени осталась вне критического рассмотрения. Между тем в ней имеются такие положения, которые представляются не только спорными, но и прямо неверными, в первую очередь в оценке историографии XVIII века...» А завершается статья так: «Стремление повсюду видеть заимствования, послушное следование западноевропейским идеям заставило Н.Л. Рубинштейна дать, по существу, неправильную характеристику наших историков XVIII в. Мы позволили себе остановиться на некоторых вопросах, которые представляются нам неправильно разрешенными в книге Н.Л. Рубинштейна. Целью нашей критики отнюдь не является огульное охаивание громадной работы, проделанной автором, за которым остается заслуга написания первой «Русской историографии» с древнейшего времени вплоть до наших дней. Однако нам кажется, что трактовка русской историографии XVIII в. сделана в книге Н.Л. Рубинштейна в значительной мере неправильно, с чем согласен и автор (имеется в виду статья Н.Л. в том же номере журнала. — С.Ш.). В новом издании книги Н.Л. Рубинштейна раздел историографии XVIII в. должен быть коренным образом переработан»¹².

Как выяснилось довольно скоро, эти журнальные статьи не спасли ни Н.Л., ни редколлегию, которую вскоре заменили новой. Но это придало определенное своеобразие публичному обсуждению книги.

Некоторые полагали, что рассмотрение книги Н.Л. — это прежде всего выявление имеющихся в издании 1941 г. несоответствий изменившимся к концу 1940-х гг. политико-идеологическим установкам и что допустимо обсуждение на научной основе, облегчающее переработку или даже переиздание этого труда. Так восприняли первоначальную задачу критики работ историков, когда обнаружили «недостаточное» освоение элементов марксизма-ленинизма (т.е. того, что именно в данный момент выпячивается в этой теории как особенно актуальное), «пережитки» концепций немарксистской науки (в таком случае обычно говорили о «буржуазном объективизме», или некритическом отношении к «буржуазному» наследию), что подразумевает тем самым возможность и признания ошибок, и даже исправления их самим «ошибающимся». Такая направленность очевидна при обсуждении учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева «История СССР» (обсуждению на заседании исторического факультета МГУ 26 октября 1948 г., в котором

«примучили» принимать участие и аспирантов М.Н. Тихомирова¹³, предшествовали статьи в периодической печати). То, что «критика» профессоров-историков ограничивается выявлением по сложившейся уже традиции элементов «буржуазного объективизма» и что следует им помочь избавляться от унаследованных еще от своих учителей недостатков, полагал и В.В. Дорошенко*.

И М.Н. Тихомиров поверил в то, что именно так и будет. Иначе он не допустил бы в своей статье в «Вопросах истории» излишне резкие по форме выражений, что, видимо, отразилось и на их взаимоотношениях с Н.Л. В личном фонде академика М.Н. Тихомирова имеются и два письма Н.Л. послевоенных лет. В открытке, присланной с Рижского взморья 30 июля 1947 г., есть обращение «Дорогой Михаил Николаевич», радость по поводу того, что появился сигнальный экземпляр книги «Древняя Москва», забота об отдыхе М.Н. Тихомирова (который много бывает в городе «по делам деканата»), привет «Георгию Андреевичу (Новицкому. — С.Ш.) и товарищам по факультету». В письме же от 22 марта 1954 г., хотя и подписанном, так же как и открытка 1947 г., «Дружески жму руку», обращение «Глубокоуважаемый Михаил Николаевич» и все сводится к деловой просьбе о напечатании статьи об историке С.М. Соловьеве в журнале «Вопросы истории». (Возможно, что письмо и адресовано было М.Н. Тихомирову как академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР.) Это — статья, написанная для «Очерков истории исторической науки в СССР» (главным редактором первого тома был М.Н. Тихомиров, по инициативе или, во всяком случае, с одобрения которого Н.Л. предложили выступить снова в печати по историографической проблематике). Н.Л. полагал, что «Очерки» не выйдут в 1954 г., и в связи с намерением редакции журнала публиковать статьи «о наиболее видных русских буржуазных историках» просил М.Н. Тихомирова, если нет «против этого возражений», передать статью в редакцию с замечаниями, которые он постарается «учесть при окончательном оформлении». Заканчивается письмо так: «Если же Вы считаете ее публикацию в журнале неудобной, то очень прошу поручить отослать мне прилагаемый текст». Статья не была напечатана в журнале — возможно, потому, что книгу «Очерков» уже в 1954 г. сдали в набор. Но поздравительная телеграмма 1953 г. в связи с избранием М.Н. Тихомирова академиком написана с душевным подъемом: «Дорогой Михаил Николаевич! Несказанно рад Вашему заслуженному избранию, открывающему новые возможности вашей неиссякаемой творческой энергии. Желаю здоровья, сил, многих лет творческой работы, крепко жму руку и обнимаю. Рубинштейн»¹⁴.

Память о взаимоотношениях с Н.Л., видимо, и согревала, и в то же время саднила душу М.Н. Тихомирова. И потому во время нашего последнего свидания, летом 1965 г. в Кремлевской больнице, когда я упомянул о С.Н. Валке, Михаил Нико-

* Фронтвик-коммунист, талантливейший и любимый университетский аспирант видного историка западноевропейского Средневековья профессора А.И. Неусыхина, выступил примерно в ту же пору публично с критикой его трудов, что глубоко огорчило потрясенного этим учителя. После этого Дорошенко добровольно перешел на работу из МГУ в Ригу, в университет и в академический институт, не мог никогда избавиться психологически от нанесенной самому себе душевной травмы, тем более что в своих выдающихся работах по истории Прибалтики он был продолжателем и пропагандистом научной методики Неусыхина.

лаевич вдруг заговорил на тему, никогда не поднимавшуюся ранее в разговорах со мной, о том, что бывают по-настоящему по-христиански добрые люди, заботящиеся об общем деле независимо от взаимоотношений с участниками этого общего дела, и вспомнил в этой связи с сердечной теплотой Н.Л. (о котором до того давно со мной не говорил).

Обсуждение книги «Русская историография» состоялось на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами истории СССР университетов и педвузов, проходившем в марте 1948 г. в клубе Московского университета. Возможно, что оно было задумано как одно из заседаний малой формы, напоминающих обсуждение книги Г.Ф. Александрова по истории философии и идеологической направленностью, и организацией. Интересной для историографа особенностью было то, что накануне была опубликована в журнале «Вопросы истории» (№ 2) статья самого Н.Л. «Основные проблемы построения русской историографии». Н.Л. указывал первым на многообразные существенные «недостатки» (причем без унижительных попыток объяснительных оправданий) книги и на те моменты, на которые следует обратить внимание в дальнейшей работе по этой проблематике. В заключение статьи Н.Л. заметил: «На примере своей собственной книги мы хотели показать, какие выводы следуют для историков из философской дискуссии. Указанные выводы и специальное выступление А.А. Жданова определяют те задачи, которые стоят перед коллективом советских историков в настоящее время в деле создания марксистско-ленинского труда по русской историографии»¹⁵.

Были напечатаны на машинке и тезисы его доклада «Задачи и пути перестройки курса русской историографии». Доклада такой тематики на кафедре не припоминаю. Быть может, тезисы были приготовлены к совещанию. По содержанию они близки к тому, что Н.Л. говорил в конце совещания¹⁶. (Вступительного слова Н.Л. на совещании не дали; и это само по себе уже было показательным.) Воспроизводимый полностью текст — более двух страниц машинописи через один интервал на папиросной бумаге — интересен для понимания того положения, в которое был поставлен тогда Н.Л., и общественного микроклимата начала 1948 г.

Задачи и пути перестройки курса русской историографии. Тезисы доклада

1. Философская дискуссия и специальное выступление тов. Жданова заострили внимание всех работников идеологического фронта на требовании настоящей партийности в науке, на задачах последовательной реализации принципов диалектического и исторического материализма. Работники идеологического фронта получили за последние годы также ряд других руководящих указаний принципиального значения от нашей партии, которые должны лечь в основу всей нашей научной работы.

Из этих указаний партии вытекают для нас следующие основные положения.

а) Вся наша работа должна быть борьбой за марксистско-ленинскую науку. Это означает в области историографии требование раскрытия в ходе конкретного развития исторической науки процесса преодоления дворянско-бур-

жуазных идеалистических концепций и последовательного утверждения подлинно научного, материалистического, наконец, марксистско-ленинского понимания истории.

б) Наша идеологическая работа должна быть проникнута идеей советского патриотизма. Это требует от нас серьезного раскрытия действительного развития русской национальной науки и ее достижений и соответственно борьбы с низкопоклонством дворянско-буржуазной науки перед западными влияниями, превращавшими русскую науку в простое отражение западноевропейской науки.

в) Наконец, историография должна сама служить развитию исторической науки и ее движению вперед, т.е. должна рассматривать конкретное развитие исторического знания и познания прошлого с точки зрения его приближения к марксистско-ленинскому подлинно научному пониманию исторического развития. Именно в этом заключаются целеустремленность и целенаправленность историографии, ленинская партийность в науке, противостоящая объективистскому, нейтральному подходу к науке.

[2] Моя работа «Русская историография», появившаяся в 1941 г. и явившаяся первым опытом советского курса русской историографии, не преодолела до конца буржуазных традиций в историографии и в ряде отношений не может удовлетворить тем требованиям, которые мы обязаны предъявить сейчас к марксистско-ленинской работе по русской историографии.

[3] Хотя в основу ее положены связь развития исторической науки со сменой общественных формаций, определение социально-экономических основ и классовой природы исторических теорий и направлений, но самая смена их рассматривается скорее в плане эволюционном. Книга не дала последовательного показа борьбы исторических идей как проявления классовой борьбы в идеологии и как движущего начала исторического развития.

Так, в частности, в курсе не получила должного освещения историческая концепция революционных демократов середины XIX в. в их борьбе с буржуазной историографией. Не развернуто значение борьбы марксизма с народничеством для развития исторической науки.

4. В работе не развернут показ действительных достижений русской исторической науки в ее общем конкретном развитии, не показаны ее мощный подъем и всестороннее развитие на протяжении XIX и XX вв., в результате чего не создается должного представления о достижениях русской науки и ее общенаучном значении.

В связи с этим в ряде случаев неправомерно выдвигается ряд чужеземных влияний, не показан критический характер их использования и преодоления, являющихся на деле движением науки вперед. Такова трактовка влияния Нибура на критическое направление в русской историографии, немецкой философии на Соловьева, западных социологических теорий на русскую мелкобуржуазную историографию второй половины XIX в. и др.

Отсутствие последовательной линии в этом вопросе привело к неправильному определению действительного места в русской историографии таких историков, как Миллер, Эверс, Шлецер, и к необоснованному включению в исто-

риографический обзор таких авторов, как Байер, Фишер и некоторые другие историки-иностранцы, не имеющие отношения к развитию русской исторической науки.

5. Моя работа «Русская историография» не выделила вопроса о конкретных итогах каждого отдельного исторического этапа, которые должны быть раскрыты в системе позитивной разработки основных конкретных проблем, поставленных в порядок дня на каждом данном этапе. В результате она не помогает до конца вскрыть сущность развернувшейся борьбы и определить свое отношение к этим вопросам в духе той партийной принципиальности, которую Ленин всегда противопоставлял буржуазному объективизму.

6. Наконец, в книге отсутствует раздел советской историографии, который не был еще разработан в то время. Разработка этого раздела должна вместе с тем создать необходимую перспективу для настоящей марксистско-ленинской оценки пройденного пути исторической науки.

7. В свете изложенных положений должны быть определены основные задачи и пути перестройки курса «Русской историографии».

8. Необходима прежде всего четкая периодизация развития русской исторической науки, а именно:

а) феодальный (или летописный) период русской историографии до конца XVII в.,

б) превращение исторического знания в науку — дворянский период исторической науки (XVIII в.),

в) развитие буржуазной исторической науки (дореформенный период),

г) кризис буржуазного идеализма и борьба за материалистическое понимание истории (2-я половина XIX в.),

д) кризис буржуазной науки в целом и оформление марксистско-ленинского направления в русской историографии (начало XX в.),

е) советский период русской историографии.

9. В каждом периоде должны быть последовательно рассмотрены:

а) общественное развитие данного периода как определяющее начало идеологической борьбы,

б) общее развитие исторической науки (исторические знания на данном этапе),

в) рост научного мировоззрения: борьба школ и направлений за передовую историческую науку,

г) конкретные итоги исторического изучения: основные проблемы и их конкретное разрешение.

В изучении XVIII в. должна быть отчетливо выделена основная линия развития, обращенная к разрешению основных вопросов русского исторического процесса и представленная Татищевым, Ломоносовым, Щербатовым, Болтиным. Необходимо, далее, выделить зарождение новой буржуазной струи в исторической науке, представленной Крестининым, Новиковым, Чулковым.

Развитие исторической науки в первой половине XIX в. раскрывается в борьбе новой, буржуазной исторической науки с дворянской. (Критическое направление и Карамзин, историческая школа и русский романтизм.) В то же

время середина века отмечена выступлением русских революционных просветителей и их борьбой за новое социальное направление в историографии.

Для второй половины XIX в. (так называемый пореформенный период) характерно дальнейшее развитие этой борьбы, переходящее непосредственно в борьбу за материалистическое направление в исторической науке. Она сказывается и в кризисе буржуазного идеализма, в развитии позитивистских учений и их быстром разложении, наконец, в материализме революционных демократов, сменяющемся в последней четверти XIX в. борьбой за марксистско-ленинскую науку.

Два последних периода русской историографии представляют историю победы марксистско-ленинской исторической науки в России, которая опирается на бессмертные труды Ленина и Сталина.

Н. Рубинштейн

Заместитель министра высшего образования, открывая заседание, сказал: «Чем обстоятельней будет рассмотрена эта книга, тем больше оснований будет рассчитывать на то, что проф. Н.Л. Рубинштейн напишет новое, полноценное учебное пособие по русской историографии, основанное на марксистско-ленинской методологии, насыщенное богатым научным материалом». Он призывал не ограничиваться разбором книги, ставить более широкие вопросы, закончив пожеланием: «Пусть наше совещание явится началом всесторонней, глубокой критики и самокритики на историческом фронте, своеобразным смотром научных и преподавательских сил в области истории».

Но уже первым выступавший профессор И.К. Додонов (из Ташкента) использовал, характеризуя книгу Н.Л., только одну краску — черную. Он отверг данное Н.Л. определение предмета историографии, акцентировал внимание на том, что историческая наука — «составная часть идеологии, при этом наиболее воинствующая», что «русская историческая наука сугубо партийная наука» и «ее развитие тесно связано с классовой борьбой». И — по существу в противовес мнению зам. министра — заявил, «что речь может идти не о новом, улучшенном издании книги Н.Л. Рубинштейна, а о том, чтобы заново написать “Русскую историографию” на совершенно иных принципиальных основах»¹⁷. Именно такой подход отвечал намерениям властных структур и предопределил основную тональность последующих выступлений. (Додонов был особо отмечен, вскоре переведен на работу в Москву и, несмотря на малую коммуникабельность в общении, назначен заместителем директора Института истории АН СССР. Трудлюбивый и даже образованный, но совершенно однолинейно мыслящий историк, он стал позднее одним из авторов коллективных трудов по историографии, выступая в духе лекций М.Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая наука».)

И случилось так, что большинство выступавших, обличая Н.Л. и ссылаясь на последние партийные документы, характеризуя книгу Н.Л. и предлагая внести новое в изучение русской историографии и построение ее учебного курса, как правило, повторяли мысли самого Н.Л., но обычно без ссылок на его статью. Некоторые выступления были примитивными по уровню; новое проскальзывало лишь тогда, когда говорили о сюжетах своей личной работы (т.е. по ограниченной временны-

ми или тематическими рамками проблематике¹⁸). Выступавших либо обязали высказаться, либо они хотели таким образом обратить внимание на себя, на свое стремление очищать марксистско-ленинскую науку от плевел. Жалко и в то же время зловеще выглядело выступление И.И. Мордвышина из Пединститута г. Иваново, напечатавшего перед тем письмо о книге Н.Л. и получившего слово только седьмым, — он обижался за то, что публично не оценили его инициативу, не выделили его роль: сработал симптом «Бобчинского и Добчинского», боровшихся за то, чтоб было известно, кто первым сказал «э».

Н.Л. тоже был на сцене (но, если память не изменяет, не за столом президиума, а сбоку стола). Он пытался было указать на то, что уже сам — и совсем недавно — отмечал то, в чем его укоряют, и понимает, в каком направлении должна идти его дальнейшая работа, но его обрывали и продолжали «учить», опираясь на формулировки самого же Рубинштейна. Сначала он что-то записывал, вскидывал голову при особо крепких выражениях, недоуменно разводил руками, но затем, как-то сразу махнув рукой, затих и, уже ничего не записывая, сидел грустно и тихо, не глядя в зал, — понял, что обсуждение превращается в осуждение. Но заключительное слово ему дали.

Н.Л. оставался работать и на кафедре МГУ, и в Историческом музее и даже продолжал размышлять (конечно, в свойственном ему научном аспекте) о том, что стало особенно актуальным отнюдь не только для историографов, — о проблеме «низкопоклонства» перед культурой других народов как явлению общественного сознания. Более того, наивно продолжал вовлекать в сферу своей мысли кафедральную молодежь. Так родилась идея организации аспирантской теоретической конференции, реализация которой оказалась роковой для Н.Л. и, полагаю теперь, для исторического факультета МГУ. Тем более что это совпало с пиком «разоблачений» театральными критиками, борьбы с «безродным космополитизмом». О событиях той поры и их уроках недавно образно писал академик Ю.А. Поляков в статье-воспоминаниях «Весна 1949 года» в журнале «Вопросы истории» за 1996 г. (№ 8).

Впечатление от общественной атмосферы на истфаке можно получить, ознакомившись с книгой воспоминаний вдовы любимого и самого близкого ученика Н.Л. Авраама Моисеевича Разгона Е.З. Ардашниковой¹⁹, где много написано и о Н.Л., а также с многотиражной газетой «Московский университет» того времени²⁰.

В номере № 15/16 от 14 марта 1949 г. на странице второй имеется подборка материалов о кафедре истории народов СССР истфака под общей шапкой «Разоблачить до конца буржуазных космополитов». «Буржуазными космополитами» объявлялись прежде всего Н.Л. Рубинштейн, академик Исаак Израилевич Минц, профессор Израиль Менделевич Разгон, читавший лекционный курс по истории советского общества. Больше всех внимания уделялось Н.Л. Статья о Н.Л., озаглавленная «Об одной “теоретической конференции”», имеет подпись: «А. Кара-Мурза, М. Найденов, аспиранты кафедры истории народов СССР». Остальные материалы — хроникальные — без подписи. Приводим эту статью полностью.

Кафедрой истории народов СССР было принято решение о проведении теоретической конференции, посвященной жгучему политическому вопросу — борьбе с низкопоклонством перед Западом. Имелось в виду, что коллектив ка-

федры, глубоко вскрыв корни, политическую сущность, конкретные проявления низкопоклонства, поможет вооружить работников идеологического фронта мощным теоретическим оружием для беспощадной борьбы с буржуазной идеологией.

Однако конференция пошла по неправильному пути. Состав докладчиков на конференции был ограничен только аспирантами, а сама конференция была построена по странному «хронологическому» принципу. Вместо того чтобы сразу подойти к определению политической сущности низкопоклонства и значения борьбы с ним в наши дни, был избран обратный порядок: первое заседание посвятили истории борьбы с низкопоклонством в XVIII в., второе — в XIX в., и только на третьем заседании (которое так и не состоялось) предполагалось обратиться к вопросам современности. Более того, идеологическое руководство конференцией фактически было передоверено профессору кафедры Н.Л. Рубинштейну.

Профессор Рубинштейн приобрел печальную известность в исторической науке как автор книги по русской историографии, которая насквозь пропитана духом безродного космополитизма. Раболепствуя и пресмыкаясь перед западной культурой, всячески принижая самостоятельную роль русских ученых в развитии исторической науки, Рубинштейн в своей книге показал себя убежденным носителем антипатриотических взглядов. Следует добавить, что незадолго перед конференцией эта книга была подвергнута резкому осуждению именно в коллективе кафедры истории СССР, а профессор Рубинштейн был заклеен как низкопоклонник на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами истории народов СССР и во многих статьях на страницах советской печати.

Открывая по поручению партбюро кафедры теоретическую конференцию, Рубинштейн произнес пространное вступительное слово. Вместо того чтобы дать правильную теоретическую основу работе конференции в духе партийного понимания явления низкопоклонства, профессор Рубинштейн направил конференцию по пути ложного академизма, подменил партийную направленность абстрактными схоластическими рассуждениями, начисто выхолостив политическую остроту вопроса. Но сквозь туманные схоластические рассуждения отчетливо выступает исторически неверная, политически вредная концепция. Профессор Рубинштейн развивает порочный тезис о постоянстве и неизменности явления низкопоклонства в истории нашей Родины. Он имеет в виду идеологию низкопоклонства вообще. Он выясняет вопрос о том, когда возникла так называемая «идеология низкопоклонства», говорит «об одном из исторических этапов явления низкопоклонства», о «последовательности этой идеологии», явления XVIII века рассматривает как «органическую часть всей проблемы». Профессор Рубинштейн, найдя какие-то «волны» низкопоклонства в истории нашей Родины, пытается создать сомнительную «волновую» теорию. Он так формулирует свой основной вывод:

«Низкопоклонство в различное время и в разные эпохи имеет одинаковую основу, одинаковую политическую сущность» (!?)

Профессор Рубинштейн пытался дать теоретическое обоснование закономерности современного низкопоклонства, извращая историю нашей Родины.

Для этого он объединил различные по своей природе проявления низкопоклонства перед Западом общими, надуманными чертами и свойствами, от чего нынешняя борьба партии против космополитов и антипатриотов выглядит как один из многих этапов извечной борьбы с неким постоянным явлением, издавна присущим русскому народу, как какая-то хроническая болезнь. В угоду этой концепции профессор Рубинштейн не остановился перед гнусной фальсификацией прошлого и настоящего, стараясь обратить русскую историю против русского народа.

Надуманная и вредная, насквозь космополитичная схема профессора Рубинштейна находится в полном противоречии с действительностью и прямыми указаниями партии. Она демобилизует советских людей в момент острой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством и смазывает всю политическую остроту этой борьбы. Профессор Рубинштейн утверждает: «Если в современности мы можем говорить об известных пережитках, остатках буржуазного сознания в наших условиях, то для других периодов это явление было значительным и значимым. Именно эти периоды и должны привлечь наше особое внимание».

Развивая свою порочную концепцию, Рубинштейн договорился до полного искажения сущности космополитизма, полностью извращая враждебную деятельность космополитов. Он заявил: «Низкопоклонство тесно связано с желанием уйти от современной действительности, от закономерностей ее развития, от движения жизни вперед, уйти и увести от нее сознание современника...»

Вся нелепость и вредность этого утверждения предельно ясна. Для каждого очевидно, что низкопоклонники и космополиты не только не уходят от действительности, но, наоборот, всю свою деятельность подчиняют целям борьбы с нашей социалистической действительностью. Безродный космополит профессор Рубинштейн открыто выступил адвокатом космополитов и антипатриотов, против которых направлена борьба всего идеологического фронта.

Подобрав надуманные черты якобы единого по своей сущности во все времена низкопоклонства, Рубинштейн не только смазывает политическое значение этого вреднейшего явления современности, но мельчит, умаляет значение той борьбы, которую ведет с ним партия.

Так, не желая различать времени, масштабов, политического значения этой борьбы, верный своему тезису о «вечности» низкопоклонства, космополит Рубинштейн смазывает значение борьбы большевистской партии за построение коммунизма.

Своим очередным выступлением профессор Рубинштейн еще раз показал, что он не только не разоружился после разоблачения его порочной книги, но еще более ярко обнаружил свои вредные взгляды. Более того, на этой теоретической конференции Рубинштейн выступил открытым заступником презренных космополитов и антипатриотов.

Партийное бюро кафедры допустило ошибку, фактически устранившись от руководства конференцией и перепоручив его такому воинствующему космополиту, как профессор Рубинштейн. В период, когда партия развертывала ожесточенную борьбу с безродным космополитизмом, коллектив кафедры ис-

тории СССР в течение 9 месяцев занимался мышьюной возней вокруг частных тем из далекого прошлого в полном отрыве от современности и задач сегодняшнего дня. Политически вредное выступление профессора Рубинштейна не встретило должного отпора на двух заседаниях теоретической конференции. Никто из докладчиков и выступавших, проявляя своеобразное низкопоклонство перед авторитетом, не попытался разобраться в этой концепции. Она была принята на веру и послужила «теоретическим» базисом для последующих выступлений и даже встретила одобрение ряда коммунистов. Некоторые товарищи, ссылаясь на «исчерпывающую теоретическую полноту» вступительного слова, отказались от самостоятельной разработки вопроса. Коммунист тов. Шмидт, пресмыкаясь перед мнимым авторитетом лжеученого, заявил, что «общие рассуждения Николая Леонидовича, которые мы слышали, мне кажется, в основном настолько правильны¹, что я не буду выходить за рамки более или менее конкретного доклада».

Теперь перед партийной организацией истфака стоит задача — глубоко вскрыть политические ошибки конференции и принять все меры для ликвидации ее вредных последствий.

Этот мерзопакостный документ, несомненно, следует признать историографическим источником, причем содержащим достаточно многообразную информацию и об общей тенденции партийно-исторической мысли, и о стилистике и терминологии «разоблачительных» выступлений историков МГУ.

«Пресловутой» конференции уделено внимание и в других газетных материалах. В хроникальной статье «За большевистскую партийность в исторической науке: с собрания партийной организации исторического факультета» сообщается, что на собрании 3 марта «Т. А. Кара-Мурза и М. Найденов подвергли резкой критике политическую направленность теоретической конференции аспирантов кафедры истории СССР. Партийное бюро кафедры фактически передоверило руководство конференцией профессору Н.Л. Рубинштейну, автору идеалистической, пронизанной духом низкопоклонства и космополитизма книги “Русская историография”. Своим политически ошибочным и вредным вступительным словом профессор Рубинштейн направил всю конференцию на ложный путь, придав ей небольшой, по существу антипатриотический характер. В своем выступлении на партийном собрании профессор Рубинштейн пытался опорочить партийную критику своих ошибок и смазать политически вредную сущность своей антипатриотической деятельности». В заметке о двухдневном, 7 и 8 марта, отчетно-выборном партийном собрании на кафедре истории СССР тоже читаем о том, что ряд товарищей «еще раз заклемили непартийное выступление проф. Рубинштейна на теоретической конференции аспирантов», но большее внимание там уделено «осуществлению своих антинародных целей» Минцем и его приспешниками», «группкой Минца», занимающейся проблемами истории советского общества. Ря-

¹ Видимо, не без влияния доклада Н.Л. и своих размышлений той поры я предложил позднее, в 1950 г., первому моему дипломнику в МГИАИ Виктору Ивановичу Буганову тему «Борьба с западным влиянием в сатирических журналах Н.И. Новикова» (Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 377).

дом и сообщение под заголовком «Своевременное выступление» о выходе номера стенгазеты истфака «Историк-марксист», в котором под шапкой «Разгромить до конца космополитов-антипатриотов в исторической науке» напечатали и статью Н. Новиковой, озаглавленную «Когда за дело берутся прожекторы», «об организации пресловутой “теоретической” конференции по истории низкопоклонства» — такова была общественная атмосфера на историческом факультете^{*}.

Меня тогда именно эта история непосредственно не коснулась. Объяснялось это тем, что те же Найденов и Кара-Мурза поспешили со мной расправиться еще прежде — в конце 1948 г., поставив на партбюро вопрос о том, что я не представил в срок кандидатскую диссертацию. (В период аспирантуры я серьезно заболел, лишен был возможности заниматься в ленинградских архивах, поэтому пришлось изменить тему диссертации, которая — не без влияния как раз знакомства с Н.Л. и его трудами — была посвящена реформам П.И. Шувалова, и вернуться к более изученному XVI в. и написать диссертацию вместе со сбором дополнительного материала буквально в девять месяцев; накопленные же при исследовании архивов елизаветинского времени материалы стали предметом нескольких статей последующих десятилетий²¹.)

Партбюро истфака вынесло мне взыскание, но М.Т. Белявский (в то время секретарь партбюро) сделал так, что вопрос был не сразу передан на рассмотрение партсобрания, и ко времени партсобрания я смог положить в кабинет кафедры переплетенную диссертацию. (И тут с благодарностью вспоминаю друзей по университету, которые помогли мне в считывании машинописного текста, переплетении рукописи и пр.) Несмотря на «обличения» Найденова и С.И. Антоновой, за разговор голосовали девять человек, и президиум партсобрания вынужден был удовлетвориться обсуждением, признанным поучительным для других аспирантов. Имело значение, конечно, и то, что в защиту Шмидта выступили коммунисты-фронтовики студенческой группы, где я был пропагандистом. Возвращаться снова к Шмидту партбюро было неловко. А когда обратились в Историко-архивный институт, преподавателем которого я стал 1 февраля 1949 г. (но, кажется, еще не успел встать на партучет), то проректор А.Д. Никонов «послал их подальше». Вообще именно Никонову^{**} я обязан устройством на работу в МГИАИ (в МГУ меня на-

* Как показательный для общественной атмосферы тех месяцев на память приходит еще один эпизод. Люди моего поколения помнят несколько экзальтированную истфakovскую машинистку Анну Ивановну, с декольте не по возрасту и странноватой прической. Вдруг она, столкнувшись со мной в факультетском коридоре, стала меня целовать. И когда я в недоумении отшатнулся, объяснила, что «в благодарность». Оказывается, она видела, как в день «осуждения» на партсобрании Н.Л. я на глазах у всех, стоя в центре зала, несколько минут разговаривал с ним во время перерыва. А дело обстояло так: когда мы поздоровались за руку и на мгновение оказались рядом, то все стали нас обходить, и мы не могли сдвинуться с места, обтекаемые на расстоянии отворачивавшимися в сторону участниками собрания.

** А.Д. Никонов на истфаке в свое время сдерживал особенно ретивых сторонников крайней партийной линии. И хотя он в духе других «проработчиков» выступал по поводу деятельности профессора И.С. Заввича, повседневность общественной жизни кафедры Новой истории мы не знали, а на фоне остальных он выделялся склонностью к сохранению приличий. И потому, подчеркивая то, что Никонов в военные годы служил в «Смерше», не следует на основании этого делать однозначный

мерены были направить в Томский университет), а в МГИАИ во время кампании борьбы с «буржуазным объективизмом», когда устранили от работы А.И. Андреева, вынудили покинуть институт Черепнина (он был замечательным лектором)*, выдвигали обвинения и против Яцунского, в то время не было столь заметных элементов характерного для истфака МГУ откровенного антисемитизма. Даже в те месяцы, когда власти распалили антисемитские настроения, обстановка в МГИАИ существенно отличалась от истфакской**. Все познается в сравнении.

В очерке Г.В. Костырченко «Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов» во втором томе книги «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал», изданной в 1997 г. РГГУ под общей редакцией Ю.Н. Афанасьева, показано, к каким аморальным поступкам приводили в момент резкого партийно-государственного давления инстинкт самосохранения, опасение лишиться занимаемого положения или стремление к большой власти (а возможно, и страстность общественного темперамента) даже по-настоящему высокодаровитых и храбрых на поле военного боя людей, таких как А.А. Фадеев и К.М. Симонов, когда они тоже оказались действительно включенными в борьбу с «космополитами». Так же повел себя и талантливый историк

вывод о его общественной позиции и манере поведения. В «Смерш» направляли людей разного типа. Там служил и А.С. Черняев (что тоже норвят подчеркнуть), который и тогда, и позднее (когда он занимал видный пост в Отделе науки ЦК, курируя работу историков) проявлял доброжелательность и неизменную порядочность. (Это обнаруживается и в его воспоминаниях, где он показал себя и талантливым писателем, и мыслителем-мемуаристом, и честным человеком.) Суждение об историке (да и вообще о человеке) только на основании формальных анкетных данных — как раз пережиток историографических подходов сталинских времен.

* Совершенно безосновательно утверждение В.Д. Назарова в очерке о Л.В. Черепнине в книге «Историки России XVIII–XX веков» (М., 1995. Вып. 2. С. 149), будто «Черепнин вынужден был покинуть Историко-архивный институт... в связи с непрекращающимися нападками А.И. Андреева и многих других ученых — ревнителей "последовательно классовых оценок в исторической науке"». А.Н. Цамутали справедливо отметил это в рецензии на издание в журнале «Отечественная история» (1997. № 2. С. 186). Напротив, именно Андреев был главным объектом ревнителей последовательно классовых оценок и держался при этом с большим достоинством. Подробно об этом см.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* Мы учим советских людей, а не древних греков (Из истории вузовской исторической науки конца 30–40-х годов) // История СССР. 1989. № 6. С. 92–104. Л.В. Черепнина же, на всю жизнь запуганного арестом и последующими страданиями в начале 1930-х гг., вынудили выступить и против А.И. Андреева, как ученика и последователя А.С. Лаппо-Данилевского, и против Н.Л. Рубинштейна, как автора статьи об отечественной истории в Большой советской энциклопедии. См.: Вопросы истории. 1949. № 6. С. 100–107.

** Цитаделью мракобесия МГИАИ стал было в годы «трапезниковщины». Но сталинские времена уже прошли, и приходилось довольствоваться письмами-доносами в вышестоящие инстанции и избавлением от неугодных преподавателей. Но эти преподаватели устраивались на новую работу, и, как правило, в престижные учреждения (Институт истории АН СССР, Университет дружбы народов, Московский государственный институт международных отношений и др.). Ошельмованные же на истфаке МГУ в 1949 г. обычно не могли найти работу в Москве. Подробнее о событиях в МГИАИ на рубеже 1940–1950-х гг. и в 1970-е гг. см. в тексте беседы с А.В. Кузьминым в издаваемом РГГУ альманахе «ИстФакт»: «Я всегда был верен ИАИ, не мыслил себя вне ИАИ, общения с моими учениками — прежними и нынешними...» (в печати).

и педагог-наставник, основатель научной школы историков, впервые серьезно и смело занявшийся изучением истории России периода империализма, А.Л. Сидоров^{*}. (Быть может, это объясняется также тем, что он уже испытывал опалу и понимал, чем кончится для него новая.) Не помню, чтобы Сидоров действительно выступал против Рубинштейна, тем более характеризовал его как «псевдоученого» (он сам, как исследователь-новатор и педагог, понимал, конечно, огромный научный потенциал Н.Л.). Тогда он сконцентрировал внимание на «своем» участке атакуемого «исторического фронта» — «группке Минца». Но, став заведующим кафедрой истории СССР истфака МГУ, он, естественно, во многом определял складывавшуюся там обстановку.

Сохранился протокол расширенного заседания Ученого совета истфака от 25 марта 1949 г., посвященного проявлениям «космополитизма» и борьбе с ним. Есть запись и выступления Н.Л., покаянного по направленности своей и состоящего из стандартизированных клише. Начиналось оно так:

Я думаю, всем понятно, что мне особенно тяжело выступать сегодня, когда вопрос о космополитизме, на разоблачение и разгром которого партия направила все внимание советской общественности, имеет непосредственное отношение к моим работам, которые справедливо подверглись сейчас решительной критике (на заседании речь шла и о «Русской историографии», и о статье в томе «СССР» Большой советской энциклопедии. — С.Ш.). Я глубоко сознаю, что в условиях, когда мир раскололся на два лагеря и наша страна во главе всего передового человечества ведет решающую борьбу за свободу, за дальнейшее развитие в мире, — обязанность каждого ученого, советского ученого, а тем более ученого-коммуниста, быть на передовой линии огня. Этому учат Ленин и Сталин нас, и об этом не так давно напомнил нам товарищ Жданов. А это значит для нас прежде всего — обязанность бороться, вести самую непримиримую борьбу с растленной наукой, с загнивающей наукой, зарубежной наукой Запада, борьбу с идеологией космополитизма, являющейся орудием оголтелой агрессии американского империализма. Это значит — обязанность раскрыть все величие нашей Советской страны, нашей советской культуры, показать роль русского народа в мировой истории.

Мне совершенно ясно, что, каковы бы ни были мои личные желания и побуждения, мои научные работы не отвечали этой большой принципиальной задаче. А это значит, что в своей работе я отошел от основных принципов

^{*} Это выглядело странно и потому, что среди близких учеников А.Л. Сидорова были М.Я. Гефтер, А.Я. Аврех и др. И когда в начале того же 1949 г. повесилась в Иванове, в общежитии Пединститута (где ее «проработкой» верховодил уже упоминавшийся Мордвишин), преподававшая там Нина Исааковна Разумовская — самая талантливая студентка и позже аспирантка моего выпуска истфака (травля совпала с трудными обстоятельствами в ее личной жизни), то в организации кремирования ее в Москве и материального его обеспечения более всех помогла жена А.Л. Сидорова, Г.В. Лебедева. (В только что опубликованной дневниковой записи С.С. Дмитриева от 28.III.1949 г. отмечено, что поводом к преследованию было то, что Нина «вступилась за Рубинштейна». См.: Отечественная история. 1999. № 3. С. 149.)

марксизма-ленинизма, нарушил ленинские требования непримиримой большевистской партийности в науке и в результате оказался в плену у буржуазно-объективизма, допустил грубейшие космополитические ошибки. Крайне тяжелое это сознание для советского ученого...

Далее коротко сказано о некоторых выступавших до него, конкретном характере, «недостатках» трудов Н.Л., хотя он и позволил себе попытаться как-то «оправдать» свою методику: «Мне казалось, что я противопоставил материализм и марксизм буржуазному идеализму, но именно противопоставил, а не показал борьбу, не показал, как в борьбе создавалась действительная наша наука, наша советская наука». Н.Л. решительно возражал лишь против отнесения его к «группе», даже к ученикам И.И. Минца: «Я не могу в результате не поставить вопрос и о том, откуда, как получились эти ошибки у меня? Здесь, правда, высказывание профессора Сидорова давало объяснение, что это результат развития идей, идущих от Минца, что я выступал учеником Минца, что я отнесен к группе Минца. Я должен это решительно отвергнуть. Я никогда с Минцем в своей научной работе не был связан, и, я думаю, работники кафедры знают, что я нисколько не соприкасался с Минцем в своей научной работе. Я не могу смотреть на Минца как на теоретика нашей науки, мне чужда и далека была такая постановка вопроса и в той статье, о которой говорил профессор Сидоров...» (речь идет об историографическом разделе в энциклопедической статье. — С.Ш.). Свои «ошибки» Н.Л. объяснял тем, что «пошел за... буржуазной историографической литературой». Свое выступление он завершил словами:

И передо мной, перед ученым, который подводит такие итоги, возникает вопрос: как ему преодолеть эти ошибки, может ли он выйти из них и пойти правильным путем, путем марксистско-ленинской работы, путем советского ученого? И мне кажется, мне думается, мне хочется верить, что в моей научной работе, в моей исследовательской работе, в частности, за последнее время, было кое-что такое, что говорило о том, что я в этом направлении веду свою работу, в моих исследованиях есть шаги вперед (очень мало). И я понимаю, что долг, лежащий на многих моих работах, очень велик и очень тяжел. Но с помощью большого коллектива советских ученых-историков я эту работу по исправлению ошибок сумею сделать и дать такие работы, которые требует от нас советская родина, наш советский народ. Я уверен, что я все силы отдам для того, чтобы вместе с вами, учитывая задачи замечательного строительства нашей родины, нашей науки, на ту великую борьбу, которая ведется сейчас нашей страной* (неправленая стенограмма).

Грустно читать этот вымученный текст. Подобного жанра выступление казалось обязательным условием продолжения творческой деятельности — даже в

* Возможностью ознакомиться с текстом данного выступления я обязан немецкому коллеге Флориану Энкке (Encke), изучающему по близкой мне историографической проблематике материалы наших архивов.

сфере такой (сравнительно с историографической проблематикой) относительно спокойной тематики исторической науки, как экономическая история России второй половины XVIII в. (Вспомним, что считал допустимым для себя писать в те же годы даже великий Шостакович!) И это — увы, тоже — историографический факт, причем очень характерный для той поры.

В апреле 1949 г. Н.Л. лишили возможности продолжать работу в Московском университете; из Исторического музея он предпочел уйти сам. Ему вынесли партийное взыскание. (В коммунистическую партию он вступил в военные годы.)

И потому самостоятельного исследования заслуживает тема об ущербе, нанесенном преследованием книги Н.Л. развитию нашей историографии. Снижение тогда ее научно-теоретического уровня очевидно, что отразилось и в академических «Очерках истории исторической науки в СССР», и в сменивших книгу Н.Л. учебных пособиях, в тенденции работы историографов в Московском университете (прежде всего А.М. Сахарова, М.Е. Найденова).

Для Н.Л. наступило тяжелое время. И он показал, что исследовательский труд — его призвание. Все силы он вкладывал в работу, посвященную истории генезиса капитализма в России. И удавалось печатать исследования на эту тему, даже книгу. Постепенно Н.Л. стали привлекать к работе и по историографической проблематике. Возможность преподавать он получил лишь в Московском библиотечном институте — вузе, где его уникальные знания и методические навыки не могли быть в должной мере востребованы. Перейдя на работу в МГИАИ в 1957 г., Н.Л. смог снова уже вести и личные занятия по широкому кругу проблем. Но преимущественное внимание уделял сюжетам истории XVIII в. и дал заявку на подготовку в МГИАИ книги «Источники по социально-экономической истории России XVIII века», которую надеялся завершить в 1960 г. В авторской аннотации отмечено, что «изучение источников сопровождается выяснением основных архивных фондов и состояния их научной разработки»²². Но из-за всего перенесенного силы Н.Л. иссякали. После инфаркта (август 1958 г.) Н.Л. через год вышел на пенсию. Скончался Н.Л. Рубинштейн в одночасье — 26 января 1963 г.

Прощались с Н.Л. в актовом зале Историко-архивного института, в помещении, где теперь отмечалось 100-летие со дня его рождения. Вообще к Историко-архивному институту стягиваются нити, напоминающие о разных периодах жизни Н.Л. Гимназический учитель в Одессе, которому он особенно обязан утверждением интереса к серьезным занятиям историей, — И.Л. Маяковский — основал здесь кафедру теории и практики архивного дела. На кафедре, где стал работать Н.Л., среди преподавателей оказались тогда и двое активных участников проработки книги Н.Л. «Русская историография» в 1948 г. — И.К. Додонов и В.Е. Иллерицкий, и упоминавшийся уже И.А. Кудрявцев, и Шмидт: на рубеже 1950–1960-х гг. мы все вместе готовили в Историко-архивном институте новое учебное пособие по отечественной историографии до 1917 г. В книге, изданной в 1961 г., из 30 глав 9 написаны Н.Л. Так не всегда объяснимые связи и совпадения становятся фактами не только биографии, но и историографии. Время и в данном случае все ставит на свои места.

Если исходить из принципов распределения материала в книге «Русская историография» 1941 г., то характеристике творчества Н.Л. и его значения для разви-

тия нашей исторической науки должна быть отведена в подобного типа обобщающем труде специальная — персональная — глава. Сделаем же так, чтобы имя Николая Леонидовича Рубинштейна заняло достойное его выдающееся место в будущих трудах по российской историографии и написанное им продолжало обогащать нашу современную науку.

¹ История СССР. 1962. № 6. С. 96–97.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 113.

⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 5.

⁵ Историк-марксист. 1933. № 1 (29). С. 143.

⁶ Там же. С. 141.

⁷ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. С. 4 (15–16).

⁸ Письма Н.Л. Рубинштейна в АРАН в фонде М.Н. Тихомирова см.: Ф. 693. Оп. 4. Д. 524. Л. 1–13 об. Письма М.Н. Тихомирова в ОР РГБ в фонде Н.Л. Рубинштейна см.: Ф. 521. К. 27. Д. 9. Л. 1–11 об. В тексте указываются листы дел в скобках.

⁹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. С. 4.

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Кн. 31. С. 379.

¹¹ Позднее И.А. Кудрявцев много сделал для улучшения преподавания отечественной истории историографии в МГИАИ. См.: Мельник А.Н. Творческие материалы личного фонда И.А. Кудрявцева // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1984 год. М., 1986. С. 286–290.

¹² Вопросы истории (далее — ВИ). 1948. № 2. С. 94, 99.

¹³ См.: Аврех А.Я. Обсуждение учебника истории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. обществ. наук. 1949. № 4. С. 101–109.

¹⁴ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 524. Л. 10, 12, 13–13 об.

¹⁵ ВИ. 1948. № 2. С. 93.

¹⁶ Ватинов А. Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // ВИ. 1948. № 6. С. 135.

¹⁷ Там же. С. 126–127.

¹⁸ Там же. С. 126–135.

¹⁹ Ардашникова Е.З. Не только личное: Повесть о жизни А.М. Разгона — воина, ставшего ученым, рассказанная его женой. М., 1998 (особенно гл. 4).

²⁰ Там же.

²¹ Некоторые статьи такой тематики объединены теперь в книге: Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия: XVII – первая треть XIX века. М., 2002.

²² См. об этом: Ковалев И.В. Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 289.

В.И. ШУНКОВ — ИСТОЧНИКОВЕД И АРХЕОГРАФ
(ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)*

Бесомость вклада, внесенного Виктором Ивановичем Шунковым в науку, в познание прошлого нашей страны, в значительной степени объясняется тем, что в Викторе Ивановиче необычайно целостно сочетались историк и источниковед. Виктору Ивановичу присуще было в полной мере редкое чувство исторического материала, он в совершенстве владел методикой источниковедческого исследования.

Ученый, склонный и способный к широким и смелым обобщениям, к социологическому подходу к историческим явлениям, В.И. Шунков в то же время обладал склонностью и способностью к скрупулезнейшему источниковедческому анализу исторического материала, даром конкретно-исторического видения. В В.И. Шункове творчески сочетались мастерство марксистско-ленинской методологии и мастерство исследовательской профессиональной методики изучения исторического материала, унаследованное еще от лучших представителей домарксистского периода развития нашей науки. Его труды не только существенно обогащают наши исторические представления, совершенно по-новому объясняя важные и сложные исторические явления, но и являются школой исследования, школой исторического и собственно источниковедческого мастерства. И это тем более бросается в глаза, что В.И. Шунков обладал еще и счастливым умением писать не пространно, а объемно, и маленькие его работы имеют подчас не меньшее научное значение (и по поставке вопросов, и по мастерству анализа источников, и по четкости выражений), чем его большие исследования. В.И. Шунков был одним из самых умных и образованных и, говоря старым языком, просвещенных деятелей нашей науки.

В.И. Шунков влиял на развитие нашей науки не только своими трудами — книгами, статьями, докладами, но и непосредственным направляющим воздействием на движение исторической мысли и своих учеников, и отдельных ученых, и больших коллективов историков, влиял своими устными замечаниями — краткими, но всегда выразительными и серьезными, — даже вопросами во время заседаний и, конечно же, своей многосторонней организаторской деятельностью. Эта направляющая научно-организаторская деятельность В.И. Шункова подчас даже заслоняла для неспециалистов его научно-исследовательскую деятельность, до сих пор все-таки еще недостаточно глубоко оцененную.

Хотелось бы остановиться на некоторых малоизвестных фактах преимущественно того начального периода деятельности В.И. Шункова, когда происходил процесс становления ученого. У Виктора Ивановича очень рано проявился глубокий интерес к истории, к изучению ее на материалах первоисточников.

В.С. Познанский обнаружил в архиве замечательный документ — письмо студента Томского университета В.И. Шункова от 2 июня 1921 г., присланное из г. Ма-

* В основе статьи — доклад на заседании памяти В.И. Шункова 28 февр. 1968 г.

риинска известному сибирскому ученому-краеведу Н.Н. Бакаю, который в то время руководил Томским губернским архивом¹. Это письмо свидетельствует об участии Виктора Ивановича в археографических экспедициях, целью которых было выявить новые документальные материалы, главным образом по истории революционного движения, и предотвратить их расхищение и гибель.

Уже в этом письме ясно обнаружилось свойственные Виктору Ивановичу серьезное отношение к науке, способность оценить значение исторических источников («Ведь, страшивая пыль, почти в каждой бумажке, от которой веет временем прошлого, находишь значение и важность. Самый скучный статейный список ссыльного, скучный сам по себе, оживает и приобретает интерес, лишь только представить, что он в массе других может лечь в основу подсчетов ссыльных, их количества, их общественного положения и т.д.», — писал он своему руководителю), смелость в постановке научных проблем и широта тематики (он ставил перед собой задачу «изучить вопрос в общесибирском масштабе»), практическая деловитость (как именно может справиться губархив «существующими средствами» с поступающими материалами? что оставить на местах?).

Будучи студентом МГУ, где Виктор Иванович прошел школу С.В. Бахрушина, В.И. Шунков начал преподавать историю в учебных заведениях и сразу же показал себя как даровитый методист. Уже в первой печатной работе, опубликованной в «Вестнике просвещения» в 1926 г. (№ 5/6. С. 72–79), «Как мы изучаем деревню (из опыта работ 2-й опытной школы МОНО)», замечен обостренный творческий интерес к краеведению, к истории крестьян, к источниковедению. Впоследствии результаты этой работы с учениками были изложены в другой статье, «Работа пятой группы в летней школе. Деревня», написанной совместно с преподавателем естествознания Татьяной Михайловной Поповой, впоследствии Шунковой, и опубликованной в 1928 г. в первом номере журнала «Естествознание в школе». Для этих учебно-методических работ характерен как бы взрослый, научный подход, т.е. тот единственный подход, который мог заинтересовать ребят, внушить им уважение к тому делу, которым они занимались, и соответственно воспитать самоуважение.

Это были годы расцвета краеведения. Тогда же не гнушались заниматься краеведением такие крупные деятели нашей партии и культуры, как Крупская, Кржижановский, Куйбышев, Луначарский. Н.К. Крупская обращала особое внимание на разработку программ школьного обучения, опирающихся на конкретный материал. «А где же черпать этот материал, как не в краеведении? Вот на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем», — говорила Н.К. Крупская на III краеведческой конференции в декабре 1927 г. И в этом же выступлении она привела как раз пример особенностей развития деревни в разных губерниях Европейской России накануне Октябрьской революции, подчеркнув, что это помогает понять и особенности революционного движения и путей социалистического преобразования в этих районах.

Видные ученые — историки, географы, естественники, литературоведы — тоже много сил уделяли краеведческой работе. Под краеведением понимали изучение края в совокупности явлений экономических, общественных и природных. Тогда полагали, что нет особых «школьных» методов, а есть научные методы, что

нет «школьного краеведения», а есть «краеведение в школе», как нет школьной математики или школьного естествознания, а есть естествознание в школе. Только эти научные методы и эти научные представления должны быть доведены до сознания школьника доступными его восприятию способами. И молодой В.И. Шунков был одним из тех, кто нес научные методы познания в школу, в практику школьного преподавания.

В эти годы по инициативе и под непосредственным руководством Н.К. Крупской передовые педагоги-новаторы вырабатывали и проверяли на практике новые школьные программы и новую методику обучения. Одной из таких опытных школ была очень популярная тогда среди научно-педагогической общественности 2-я опытная школа им. К.А. Тимирязева, руководимая Надеждой Ивановной Поповой (впоследствии видным историком отечественной педагогики)².

Статья первая «Как мы изучаем деревню» — это сводка докладов, сделанных самими ребятами. Здесь четко определен круг вопросов, на которые школьники могли искать ответ, причем каждый год (работа велась в течение трех лет в летнее время) вопросы все более усложнялись и все время обращалось внимание на источниковедческую сторону. Первая тема «Быт деревни (пережитки старины)». Подчеркивается особый характер темы, ибо материал не поддается быстрой и легкой фиксации, нелегко выявляется путем обычного летучего опроса, необходим метод медленного вживания в деревню. Затем, когда поняли, что «надо не расспрашивать, а видеть и наблюдать», появляется новый сложный комплекс вопросов: общие сведения о деревне — описание, план, сколько домов, сколько человек, сколько бедных и богатых жилищ; жилище — внешний и внутренний вид изб, обстановка, санитарные условия; утварь; семейные отношения; обряды и обычаи, наряды; поэзия — песни, частушки, заговоры, сказки; религия, суеверия; искусство — узоры, резьба, вышивка; язык — старинные слова, слова советского времени, деревенские формы слов, национальные слова, местный словарь; школа и отношение крестьян к школе; партия и деревня — пионеры, комсомольцы, коммунисты, отношение к ним; есть ли клубы, кружки; отношение крестьян к Советской власти, выявление роли Советской власти в изменении деревенской жизни. Деревня, которую изучали и в которой жили и работали, находилась в Рузском районе. Это была небогатая, так сказать, типичная деревня. Предложенные вопросы сразу же приобщали ребят к тому, с чем они должны встречаться в каждодневной жизни. Ведь именно в эти годы печатались книги выдающихся партийных публицистов о быте деревни, и среди них интересная книга Я.А. Яковлева «Деревня как она есть» — произведение новаторское и в плане собственно краеведческом, и в плане этнографического изучения современности (произведение, которое очень полезно было бы переиздать, как исключительное по своей источниковедческой ценности!).

Ребята 2-й опытной школы сталкивались с вопросами хозяйственной жизни, принимали участие в ней, помогая местным жителям в работе на поле и дома (и, конечно, подружались с сельскими ребятами и ездили друг к другу), они оказывали помощь при определении суммы налогов, при переделах земель (проверяли эти данные по материалам исполкома, составляли таблицы, диаграммы, схемы), познавали общественную жизнь — различия крестьян по роду занятий, по имущественному положению, и в то же время знакомились с биологией, географией,

учитывали различие севооборота, узнавали народные приметы (поспела малина, значит, поспела и рожь; когда цветет черемуха, надо сеять овес и т.д.).

И когда знакомишься с большими трудами В.И. Шункова и особенно с выписками из источников (с его тетрадами, «амбарными книгами», которые составлены лаконично, по строгой системе), начинаешь понимать, что это как бы прикладное источниковедение очень помогло ему в дальнейшей исследовательской работе. Здесь уже В.И. Шунков столкнулся с важнейшими вопросами методики источниковедения, причем сравнительного источниковедения, когда широко и в сопоставлении использовались различные типы источников (фольклор, лингвистика, письменные, этнографические — непосредственные наблюдения и участие в работе, изобразительные, вещественные). Это делает понятным, почему в последующие годы, несмотря на огромную занятость другими делами, В.И. Шунков умел так быстро обнаруживать, так конкретно и глубоко описывать изучаемые им явления и аграрной истории, и истории Сибири в целом.

Не случайно, что, оценивая исследовательские работы других ученых, Виктор Иванович всегда обращал внимание на источниковую базу, на умение видеть специфику естественно-географических условий. Так, в отзыве на докторскую диссертацию В.А. Александрова «Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край)» он пишет: «Работу отличает хорошее понимание и учет географических условий, различных на исследуемой им огромной территории... Это внимание к историко-географической стороне исследования делает описание изучаемых процессов предельно конкретным и выводы убедительными. Привлечение историко-этнографических материалов дало исследователю дополнительные возможности для аргументации его выводов и очень оживило изложение»^{*}.

В отзыве на докторскую диссертацию М.М. Громыко «Западная Сибирь в XVIII веке. Очерки русского поселения и земледельческого освоения» читаем: «Очень привлекает стремление автора, широко осуществленное, положить в основу исследования разработку трех типов источников. Их совокупность не только дала обширную источниковедческую базу, но и возможность перепроверки и восполнения показаний отдельных типов источников... Умная и тщательная проработка большого круга источников позволила автору ввести в научный оборот новый фактический материал, дать детальное описание основных явлений с модификацией их по отдельным районам изучаемого региона, сформулировать общие выводы».

Это особо пристальное и всестороннее отношение к первоисточникам характерно для всей исследовательской работы Виктора Ивановича, начиная еще с аспирантских докладов. Один из них «Греческие колонии на юге России» сохранился. Доклад начинается с источниковедческого обзора, где немало сравнительно-источниковедческих наблюдений, ставится вопрос о достоверности, степени полноты, возможности сопоставлений различных источников. Характерны осторожность и основательность выводов и предположений: «Открытый материал оказывается

^{*} ААН СССР. Ф. 1555. Фонд В.И. Шункова еще находится в обработке и только благодаря любезности Н.Г. Михайловой, описывающей его, можно было ознакомиться с некоторыми документальными материалами.

иногда зыбкой почвой для суждений или ввиду разногласий чтений, или из-за сомнительной датировки».

Мало известна и другая сторона деятельности Виктора Ивановича Шункова, отраженная в архивных материалах далеко не полностью, — его деятельность по преподаванию в области вспомогательных исторических дисциплин. Он вел эти занятия в Московском государственном университете, в Московском государственном историко-архивном институте и в Московском государственном институте международных отношений.

Сохранились материалы занятий по палеографии на истфаке МГУ в 1940/41 учебном году, свидетельствующие о том, что В.И. Шунков был одним из первых, кто создал самостоятельный учебный курс по этой дисциплине. В.И. Шунков, судя по библиографическим заметкам, использовал разнообразную литературу обобщающего и частного характера, в том числе и стенограммы лекционного курса М.Н. Тихомирова (с его авторской правкой). В лекциях обращалось внимание и на сведения по истории палеографии и дипломатики (отечественной и зарубежной), но основной целью было помочь выработке практических навыков в области этих вспомогательных исторических дисциплин. Специальные лекции посвящены были материалам для письма, орудиям письма, орнаменту, правилам передачи текста, выработке заголовков, т.е. и элементам археографии. Умело подобраны были образцы почерков и разновидностей документов. Во второй половине 1940-х гг. В.И. Шунков вернулся к этим занятиям. Сохранились написанные на другой бумаге и другими чернилами новые дополнительные листы со ссылками на послевоенную литературу.

Вел тогда В.И. Шунков и практические занятия по палеографии для слушателей краткосрочных архивных курсов. Имеется программа этих занятий, в объяснительной записке к которой определяется основная цель занятий — помочь «приобрести необходимые навыки в чтении памятников, писанных скорописью XV–XVIII вв., определения времени их написания, ознакомиться с методами установления подлинности или подложности рукописей и документов». Слушателям сообщались сведения и собственно источниковедческие. Например, в двухчасовой лекции характеризовались внутренние данные источника, важные для определения времени, места его возникновения (имена, топографические данные, события, дни недели, переходящие праздники, особенности языка), в четырехчасовой — юридические особенности документов. При распределении материалов сказался вдумчивый опытный педагог, учитывающий психологию учащихся, возможности и пути восприятия нового материала.

С 1930-х гг. В.И. Шунков отдает много сил изучению истории трудового населения России XVII в. — ремесленников, кабальных людей; готовит публикации документальных материалов, пишет исследовательские работы. Основной герой его исследований, как всегда, народ.

В.И. Шунковым впервые привлечены материалы сыска для изучения истории ремесла. Он приходит к убедительному выводу о раздроблении ремесел между различными группами городского населения Новгорода и Пскова.

Особенно много сделал В.И. Шунков для изучения кабальных книг. Хорошо известна небольшая статья по поводу издания «Новгородские записные кабальные

книги», опубликованная в 1939 г. Виктор Иванович восстановил традицию рецензий-исследований — замечательную традицию, столь характерную для современников В.О. Ключевского. В.И. Шунков ставит вопросы: какие источники признавать кабальными книгами, когда они возникли, как модифицировались в течение XVII в., растворившись к 1700 г. в общих крепостных книгах; выясняет, как практика служилой кабалы и крестьянской порядной объединила различные книги прежде, чем это было сделано в административном порядке. Таким образом, было конкретизировано положение, что для делопроизводства Российского государства характерно не конституционное развитие, а зависимость от обычной практики.

В.И. Шунков показал, что кабальные книги, дошедшие до нас почти исключительно по Новгородской и Псковской землям, должны были составлять и в других городах. Исследователь смог прийти к такому суждению на основе изучения множества архивных материалов и печатных изданий. Он выявил новые кабальные книги и составил их полуперечень-полуописание (рукопись эта находится в архиве). Здесь и имена писцов, указание географических мест (отмечены листы соответствующих описаний), пометы о разновидностях документов (порядные, поступные, данные, служилые кабалы и др.), приведены полные заголовки рукописных книг. Рукопись эту, несомненно, необходимо подготовить к изданию, и, очевидно, Археографическая комиссия должна этим заняться.

Ознакомление с большим числом кабальных книг и здравый подход к возможностям публикации массовых источников позволили поставить важнейший вопрос о приемах издания таких массовых источников, содержащих типические данные о трудовом населении. В.И. Шунков полагал, что «нельзя отказываться от всякой обработки документа при издании в силу ложно понятого пиетета перед старой бумагой, не подвергнув этот документ предварительному исследованию»³, т.е. провозглашался принцип, что археография — это прежде всего часть источниковедения!

В.И. Шунков показал, что при переплетении рукописных «деловых» книг оказывались перепутанными листы и в то же время соединенными вместе разные части книг, даже части не схожих между собой разновидностей книг, что необходимо предварительно выяснить при подготовке издания (это подтвердилось ныне и при исследовании писцовых книг).

В рецензии ставится вопрос о строгости археографической подготовки издания, о том, что надо следовать единым правилам даже в оформлении издания (пагинация, орфография); указывалось на необходимость примечаний. Наконец, и это особенно важно, формулируется мысль о необходимости издания таких рукописных книг с сокращениями. Оставлять их «неприкосновенными» было целесообразно тогда, когда известны были две-три книги, но теперь, когда знаем сотни подобных книг, к сокращениям подводит самый характер материала. «Чрезвычайная устойчивость» формуляра самой кабалы и записи и наличие дословных повторений позволяют производить значительные сокращения при публикации без всякого ущерба для исследователя. Это сбережет не только «бумагу, набор и т.д., но и внимание читателя». «Нет сомнения, — пишет далее В.И. Шунков, — что сокращенное издание требует большого напряжения от составителей. Зато благодаря этой работе можно будет дать в руки исследователя весь сохранившийся матери-

ал, и это может служить достаточной наградой за произведенный труд. Именно в разработке приемов сокращенной передачи текста кабальных книг и должен был бы заключаться смысл нового издания».

Здесь сформулирована первостепенная задача современной археографии. Мысль В.И. Шункова в этом отношении близка к мысли и других ученых, размышлявших над проблемами археографии, — С.Н. Валка, В.К. Яцунского, А.А. Новосельского и др. — сторонников сокращенных изданий. В последние годы такой метод успешно применяется за рубежом, в частности во Франции⁴.

В.И. Шунковым были подготовлены к печати новгородские писцовые книги рубежа XVI–XVII вв. (7101–7117 гг.). Машинописный экземпляр этой работы (текст и предисловие) находится в Архиве Института истории. Имеется и отзыв (датированный 31 марта 1938 г.) одного из самых скупых на похвалу ученых С.Б. Веселовского. Он написал в Архивный совет Института истории: «Рассмотрев приготовленные к печати тексты кабал за 106 год, я нахожу, что, во-первых, сокращения проведены последовательно, а во-вторых, ни в коей степени не касаются существенных элементов текстов кабал. Поэтому я считаю приемы сокращений и проведение на деле принятых приемов вполне целесообразным, тем более что они дают не менее 35–40% экономии места».

Уже эти ранние труды Виктора Ивановича подготовили многие его дальнейшие начинания. И совершенно естественно, что именно В.И. Шунков мог ставить сложные вопросы методологии и методики изучения, выявления и издания исторических источников, что именно В.И. Шунков стал первым редактором журнала «Исторический архив», где выступал с обобщающими обзорными статьями, в том числе об изданиях документальных сборников к 50-летию Октябрьской революции, был постоянным научным консультантом Главного архивного управления. Естественно, что именно он был одним из авторов доклада об издании исторических источников в СССР на X Международном конгрессе историков в Риме (1955 г.), где подводился итог большой проделанной работы и формулировались задачи на будущее. Естественно, что именно Виктора Ивановича считал своим наследником организатор Археографической комиссии академик М.Н. Тихомиров. Он был заместителем председателя комиссии и после кончины М.Н. Тихомирова продолжил его дело. Как председатель комиссии В.И. Шунков придавал особое значение проблематике источниковедения, научно-методической разработке вопросов археографии, стремился привлечь внимание к изучению и публикации материалов по истории революционного движения и истории советского общества. Естественно и то, что именно В.И. Шунков, возглавив комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, в числе многих плодотворных планов предложил серию издания сборников исторических источников. Известно, что он был деятельным сторонником наметившегося еще при Б.Д. Грекове и Н.И. Вавилове научного сотрудничества историков и естественников, считая, что при изучении сельского хозяйства (даже Нового времени) неписьменные источники не менее важны, чем письменные. Естественно и то, что именно В.И. Шунков возглавил дело систематического изучения источников по истории Сибири XVI–XIX вв.

И тем более грустно, что такой ученый ушел от нас. Наш долг сделать труды его, даже заготовки трудов, достоянием научной общественности.

¹ Советские архивы. 1968. № 2. С. 33.

² *Попова Н.И.* Школа жизни. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1924; Школа в деревне. «Школа жизни» с сельскохозяйственным уклоном: Сб. ст. / Под ред. Н.И. Поповой. М., 1926; Как мы живем и работаем в нашей «Школе жизни»: Сб. рассказов учащихся 2-й опытной школы им. К.А. Тимирязева / Под ред. Н. Поповой. М., 1925.

³ Историк-марксист. 1939. № 2. С. 160.

⁴ *Люблинская А.Д.* О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 277–289.

В.И. ШУНКОВ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виктор Иванович Шунков — выдающийся исследователь и организатор науки — был председателем Археографической комиссии в 1965–1967 гг. Преемник академика М.Н. Тихомирова на этом посту, В.И. Шунков еще при жизни организатора Археографической комиссии много сделал для формирования и утверждения тех форм и направлений ее деятельности, которые мы теперь характеризуем как «тихомировские традиции».

Первое после кончины Виктора Ивановича заседание Археографической комиссии было посвящено его памяти. Это было совместное заседание с Отделением истории АН СССР (где Шунков с 1959 г. — т.е. еще до избрания его членом-корреспондентом АН СССР в 1962 г. — был заместителем академика-секретаря) и возглавлявшимся им до конца жизни Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР и комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Материалы заседания опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1967 год». Эти статьи, так же как и статьи-некрологи в периодических и других изданиях и статьи (академика А.П. Окладникова и др.) в посвященных памяти ученого специальных изданиях, вышедших в Новосибирске, были первыми попытками историографического осмысления вклада В.И. Шункова в развитие нашей науки и культуры. Но еще до этого советские и зарубежные специалисты высоко оценили значение монографий Шункова для исследования аграрной истории периода феодализма и истории Сибири; рецензентами книг его были такие видные ученые, как Б.Б. Кафенгауз, Н.В. Устюгов, В.К. Яцунский. Литература о жизни и творчестве Шункова по 1971 г. указана в выпуске известного серийного издания «Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Виктор Иванович Шунков» (Серия истории, вып. 10, составитель Р.И. Кузьменко) и использована в моей статье, предваряющей эти библиографические данные.

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 194–195 (под назв. «Вступительное слово»).

В том же 1971 г. в «Археографическом ежегоднике за 1970 год» был напечатан подготовленный Н.Г. Михайловой «Обзор документальных материалов фонда Шункова» (в Архиве АН СССР). Там охарактеризованы и наследие его самого, и отзывы о его трудах, письма к нему и материалы мемориального характера. В 1974 г. вышла книга трудов ученого «Вопросы аграрной истории России». В книгу включены не только ранее напечатанные труды, но и не публиковавшиеся прежде, причем более широкой тематики, чем отражено в названии книги. Издание новой книги Шункова и присуждение в 1973 г. ему (посмертно) вместе с А.П. Окладниковым Государственной премии как главным редакторам «Истории Сибири» (в пяти томах) вызвало также отклики в печати. В 1975 г. состоялось совместное заседание Отделения истории АН СССР и Археографической комиссии, материалы которого опубликованы в «Археографическом ежегоднике за 1975 год». На этом заседании в связи с докладом Е.Н. Кушевой было принято решение подготовить к печати кабальные книги конца XVI–XVII в., используя археографические приемы, разработанные применительно к этим памятникам Шунковым, довести до конца работу, начатую им еще до войны. В настоящее время В.М. Панеях в Ленинграде готовит такое издание. Оно должно включить все то, что было сделано Шунковым, а также результаты дальнейшего выявления и изучения кабальных книг. Об исследованиях Шункова, особенно по истории Сибири, аграрной истории, историографии, написано немало, в том числе и в обобщающих трудах и учебных пособиях по истории советской исторической науки. (Об этом можно узнать из библиографических материалов за 1971–1985 гг., подготовленных в ИНИОН для публикации в «Археографическом ежегоднике за 1985 год».) С годами становится все очевиднее, как велик вклад, внесенный Шунковым в развитие нашей науки, как его многосторонняя деятельность в значительной мере определила важные научные направления (и собственно научно-исследовательского, и научно-информационного характера), оказавшиеся затем особенно перспективными.

Шунков был участником Великой Отечественной войны. Ученый секретарь Института истории АН СССР кандидат исторических наук Шунков ушел на фронт добровольцем-красноармейцем в трудный для судьбы Москвы день 15 октября 1941 г. Знаменательно и то, что именно на фронте ученый стал членом Коммунистической партии. Шунков писал тогда: «Историей я занимаюсь совсем в другом смысле: вместо того, чтобы писать ее, я ее делаю. Таких историков теперь у нас много». Но и в действующей армии он оставался историком и учителем-воспитателем: читал лекции, писал статьи. Об этом важнейшем этапе в биографии ученого написано уже и в опубликованном обзоре документальных материалов его фонда, и особенно детально — в статье вдовы ученого Татьяны Михайловны «В.И. Шунков — участник Великой Отечественной войны» (основанной преимущественно на письмах и дневниковых записях мужа), и в ее «Воспоминаниях», т.е. на материалах семейного архива Шунковых. Тем самым уже положено начало изучению темы «В.И. Шунков и Великая Отечественная война».

19 апреля 1985 г. Шункову исполнилось бы 85 лет. В канун великого праздника 40-летия Победы, приближению которой он отдал столько сил, в Археографической комиссии решено было отметить этот юбилей заседанием, посвященным участию Шункова в войне и роли его в изучении военной истории нашей Родины. Са-

мый молодой из докладчиков, родившийся через 15 лет после Победы, С.В. Журавлев выявил в Центральном архиве Министерства обороны документы о деятельности Шункова в годы войны. Эта официального характера документация содержит много важных сведений для познания биографии ученого и воина. Доктор исторических наук, профессор Смоленского пединститута, заслуженный деятель науки РСФСР Д.И. Будаев молодым офицером слушал выступления Шункова во фронтовой обстановке. Участники Великой Отечественной войны доктора исторических наук Н.А. Ивницкий и Б.Г. Литвак были ближайшими сотрудниками Шункова в первый период деятельности журнала «Исторический архив». Их совместными усилиями определен характер издания, ставшего заметным явлением в развитии археографии. Шунков в военные годы участвовал в работе Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны, стоял у истоков историографии этой огромной темы. И когда ему было доверено в 1955 г. руководство научным историко-архивоведческим журналом, он оказался среди тех, кто уделял особое внимание изучению такой проблематики. По материалам, опубликованным в журнале, видно, как широко и научно перспективно мыслил В.И. Шунков, определяя возможную источниковую базу исследования истории Великой Отечественной войны.

Заслуги Виктора Ивановича Шункова — ученого и гражданина, исследователя истории нашей Родины и ее беззаветного патриота — в свете новых данных становятся еще более весомыми.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ САМСОНОВ (1908–1992)

5 апреля 1992 г. скончался академик Александр Михайлович Самсонов — ветеран Великой Отечественной войны и ее выдающийся историк¹. Россия во Второй мировой войне — главное в его исследованиях и публицистике, в многолетней организационной и просветительской деятельности. Труды в этой сфере научных знаний принесли А.М. Самсонову широкую известность в нашей стране и за границей. Именно этому были в основном посвящены и статьи в «Археографических ежегодниках» за 1983 и 1988 годы, напечатанные в связи со славными юбилейными датами в жизни ученого².

Подошел А.М. Самсонов к такой проблематике, обладая уже опытом изучения далекого прошлого, опытом преподавания и журналистики, а главное — опытом личного участия в военных действиях и фиксации происходящего на фронте в документации, исторической по своему характеру и назначению. Путь военного историка — от составления книги-летописи по истории корпуса, офицером которого одолел дороги войны (с намеренно выбранным подзаголовком «Материалы к истории»), до обобщающего типа исследований и публицистических сочинений

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 353–354.

самой масштабной проблематики и о Второй мировой войне в целом, и о важнейших ее событиях: на фронте и в тылу, в нашей стране и за ее рубежами, с особым вниманием к общественному сознанию эпохи. При этом, даже в годы господства тоталитарного режима, А.М. Самсонов в большей мере, чем другие советские авторы, старался и сумел удержаться в пределах источниковедчески обоснованного изложения, опирающегося прежде всего не на навязываемую концепцию, а на факты, имеющиеся в доступном ему поле исторического зрения. И с самого начала — а с обретением влиятельного положения в мире науки и издательского дела в еще большей степени — прилагал много усилий к созданию достоверной источниковой базы изучения событий войны: организовывал написание и издание воспоминаний военачальников, добивался рассекречивания архивной документации, ознакомления с напечатанным за границей. В последнее десятилетие своей жизни академик много и доверительно писал и о своих личных впечатлениях военных лет. Убеденный в том, что память о Великой Отечественной войне — это прежде всего народная память, он настойчиво и неумолимо старался привлечь и рядовых ее ветеранов к созданию источниковой базы изучения периода военной години.

А.М. Самсонов был членом Археографической комиссии и ее верным другом. Не только высокопоставленным доброхотом, но и деятельным участником ее начинаний. Издания особенно дорогой ученому серии «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах», организатором которой он являлся, обсуждались по его предложению на совместном заседании редколлегии и Археографической комиссии в 1975 г. Там отмечалось источниковедческое новаторство книг серии, признаваемое достижением археографии истории Новейшего времени³. Тематика работы комиссии оказалась близкой интересам ученого и в плане поисков, сохранения и описания документальных материалов военных лет, и в плане его многообразной деятельности руководителя издательства «Наука», главного редактора «Исторических записок», серийных изданий «Памятники исторической мысли» (председатель редколлегии), «Литературные памятники» (заместитель председателя редколлегии), украшением которой стали подготовленные под его редакцией книги А. Твардовского «Василий Теркин» (1986), «А.В. Суворов. Письма» (1986). А.М. Самсонов выступил со вступительным словом на заседании, посвященном 90-летию основателя комиссии академика М.Н. Тихомирова (Тихомировские чтения 1983 г.), не раз соглашался стать рецензентом томов «Археографического ежегодника», защищал комиссию, когда пытались (по указке Отдела науки ЦК КПСС или пришедших оттуда в Академию наук руководителей Института истории) препятствовать осуществлению перспективных направлений ее работы, ущемить ее интересы. И мы с сердечной признательностью вспоминаем все сделанное Александром Михайловичем для Археографической комиссии и ее сотрудников.

Имя академика А.М. Самсонова накрепко вписано в книгу достойных деяний науки и культуры, а имевшие возможность личного общения с ним не забудут этого неизменно красивого, высокого, статного человека с благородной сединой, его доброжелательной и деловой житейской мудрости.

³ См. некролог: Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 252–254.

² Курносов А.А. Академик А.М. Самсонов — археограф и источниковед истории второй мировой войны (К 75-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1983 год. М., 1985. С. 189–191; Курносов А.А., Стрижков Ю.К. Пять лет трудов историка (К 80-летию академика А.М. Самсонова) // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 134–137.

³ См. об этом в хроникальном сообщении Ю.В. Андрушайтите и Л.Н. Расопчиной о совместном заседании 26 февраля 1975 г. Археографической комиссии и редколлегии серийного издания (АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 346–350).

М.Т. БЕЛЯВСКИЙ — ПРОФЕССОР И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

11 февраля 1989 г. скончался видный историк и общественный деятель, член Бюро Археографической комиссии АН СССР профессор Михаил Тимофеевич Белявский¹.

Когда узнаешь об уходе из жизни человека, с которым более 40 лет обращались друг к другу на «ты», первое ощущение — боль, и первая мысль: как мало уже нас остается. Вспоминаются сразу близкие душе подробности частного характера, и трудно определить общезначимость сделанного этим человеком, свойственное именно ему в типологии современной культуры. А историку необходимо это сделать, и если это был ученый, писавший для других, а следовательно, и для потомства, то помочь тем, кто не знал его лично, определить место этого ученого в развитии науки, культуры, общественной жизни.

Михаил Тимофеевич Белявский был, прежде всего, незаурядной личностью. И присущие ему личные — и очень притягательные — черты явственно заметны во всем его творчестве, в самом выборе тематики научно-исследовательской и преподавательской работы, а также и общественной деятельности. М.Т. Белявский не мог писать о том, о чем у него не болела душа; и сразу же обнаруживалось его страстное отношение к тому, что он писал, делал, говорил. Он был просветителем по убеждению и по призванию и обладал даром говорить и писать так, что это было важно и ученым специалистам, и широкой аудитории. Он всегда чувствовал эту аудиторию и даже писал в своеобразной разговорной (позднее — лекционной) манере, достигая и на письме высоких образцов ораторского искусства (как, к примеру, в статье 1966 г. «Памяти большого ученого» об академике М.Н. Тихомирове).

М.Т. Белявский родился 21 ноября 1913 г. в селе Горки Смоленской губернии. На Смоленщине многое напоминает о значительных событиях нашей истории, о давних традициях отечественной культуры, о героическом сопротивлении внешним врагам и широких международных экономических и культурных связях. Отец его, сын крепостного крестьянина, был сельским священником, а следовательно, человеком, причастным к чтению и составлению проповедей и в то же вре-

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 330–332 (под назв. «Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989)»). *Переиздано:* Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 459–462.

мя пребывающим в бытовой атмосфере деревни, близким по образу жизни и мышления к крестьянству. В дореволюционной России, как известно, из среды сельского духовенства вышло немало людей, тяготеющих к просветительской деятельности, к занятиям историей, краеведением, к познанию того, что ныне называем социальной экологией. И краеведение воспринималось ими как краелюбие. Именно на Смоленщине в советские годы начали творческий путь писатели, олицетворяющие во многом русскую народную интеллигенцию с ее пристальным интересом к взаимосвязи и времен и народов. И М.Т. Белявский стал — в 1930 г. — преподавать в школе, затем окончил вечернее отделение географического факультета Московского городского педагогического института.

Обретенный им опыт войны (М.Т. Белявский ушел добровольцем на фронт, стал там членом партии, был тяжело ранен) еще более убедил его в важности познания истории и сохранения памятников культуры. М.Т. Белявский был откровенно современен в своих научных и общественных устремлениях и в исследовательской методике, и в то же время всегда в русле давней прогрессивной традиции русской науки — традиции просветительства. И ему помогло и то, что в аспирантские годы на историческом факультете Московского университета (с 1948 г.) он прошел школу ученых широкого профиля научных интересов и большой общественной чуткости — Н.Л. Рубинштейна и М.Н. Тихомирова, принадлежавших именно к этой нашей просветительской традиции.

Думается, можно сказать, что М.Т. Белявский сумел «построить» свою жизнь в послевоенные годы так, как ему хотелось: любимое дело (преподавательская работа на кафедре отечественной истории исторического факультета МГУ; на том же факультете преподавала и его покойная жена — известный историк Польши Ирина Михайловна Белявская), дружная семья. Он не искал престижных или денежных должностей, не навязывал своих суждений; и уважение коллег и учеников приходило к нему само, так же как и его непрерывно втягивали в общественную работу. Профессор Белявский нашел себя и творил — писал, читал лекции, руководил работой молодежи, участвовал в научных заседаниях и на собраниях общест­венности «в удовольствие». И сетовал он не на перегрузку работой, а на болезни, становившиеся помехой этой работе. М.Т. Белявский заинтересованно знакомился с работой других, особенно молодежи, умел быть одновременно и строго придирчивым, и доброжелательным и обнаруживал неподдельную радость, когда узнавал об открытиях и добрых начинаниях других. Дар редкий и особенно привлекавший к Михаилу Тимофеевичу!

М.Т. Белявского давно уже признали виднейшим специалистом по истории России второй половины XVIII в., особенно истории общественного сознания и культуры «века Просвещения»; и авторитет его в «академических» кругах был очень высок. И кандидатская его диссертация (защищенная в 1952 г.) и докторская (защищенная в 1963 г.) стали основой монографий «М.В. Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955) и «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева» (М., 1965), прочно вошедших в основной фонд современной исторической науки. Отзыв официального оппонента второй диссертации, академика М.Н. Тихомирова, написанный взволнованно и с большим уважением к труду М.Т. Белявского, напечатан в приложении к книге «Рукописное

наследие академика М.Н. Тихомирова» (М., 1974). М.Н. Тихомиров особо отметил, что «М.Т. Белявский поднял и вводит в науку большие залежи неизвестных ранее источников по истории крестьянского вопроса в России середины XVIII в.», и далее: «Не сомневаюсь, что труд М.Т. Белявского займет почетное место в нашей исторической литературе, посвященной истории России XVIII в., в особенности в истории крестьянского вопроса — кардинального вопроса в истории России на протяжении многих веков». В 1984 г. издана книга «Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)», к 275-летию со дня рождения Ломоносова вышла книга, ему посвященная «Все испытал, во все проник» (М., 1986). Этому периоду истории посвящено и большинство исследовательского характера статей и документальных публикаций М.Т. Белявского (список печатных трудов его насчитывает около 250 названий). Значительна его роль в подготовке книг о XVIII в. университетского издания «Очерки русской культуры». М.Т. Белявский — автор глав о России конца XVII–XVIII вв. в вузовском учебнике «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века», подготовленном под редакцией академика Б.А. Рыбакова, составитель и редактор сборников документов по истории России XVIII в., руководитель многих работ молодых исследователей по этой тематике.

М.Т. Белявский был большим знатоком архивных материалов, опытным археологом и источниковедом, деятельным членом Бюро Археографической комиссии, редактором и рецензентом ее изданий, членом редколлегии и редактором томов (и автором предисловий и составителем комментариев) избранных трудов первого председателя комиссии М.Н. Тихомирова.

М.Т. Белявского всегда заботила мысль об уровне преподавания истории, о распространении, внушении читателям, слушателям, зрителям подлинных исторических знаний, о степени познания ими путей постижения таких знаний. И тут он не жалел сил ни на авторскую, ни на редакторскую, ни на организационную (как правило, и организационно-методическую) работу. Он был заместителем главного редактора учебника (ответственным редактором) по отечественной истории для вузов, руководителем научно-методического совета Министерства высшего образования, членом научно-методических и научных советов Министерства культуры РСФСР и ряда музеев, много делал для внедрения науки в преподавание истории в школе и в организацию внешкольной работы. М.Т. Белявскому была присуща потребность воплотить мысли исследователя в лекции и учебные пособия, рассчитанные на самый широкий круг читателей, и, как его главные университетские учителя, он не мог ограничить себя комплексом проблем, относящихся лишь к одной эпохе. Амплитуда научных интересов и — что особенно важно — возможностей Белявского как исследователя и популяризатора удивительно велика.

Именно ему мы обязаны утверждением интереса молодежи к методике работы в музеях с разнообразными памятниками истории и культуры, созданием учебного пособия такой тематики (в основе книги «Работа в музеях с историческими памятниками при изучении истории СССР с древнейших времен до 1917 г.» (М., 1978) — его любимый лекционный курс в Московском университете), организацией — и с его участием — многих научно-просветительских экскурсий. М.Т. Беляв-

ский страстно и неутомимо побуждал к большему вниманию к памятникам Нового времени, особенно времени тяжких и героических лет Великой Отечественной войны. Ему мы обязаны и возрождением внимания к некрополям, и прежде всего к захоронениям на московских кладбищах. Заголовок последней его статьи, опубликованной в альманахе «Памятники Отечества» (1989. № 1), — «Охрана памятников, краеведение и проблема некрополей». М.Т. Белявский был бессменным председателем секции истории советского общества Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, руководителем организованных ею конференций и инициатором и редактором подготовленных там изданий, членом президиума Центрального совета общества и одним из первых был удостоен награждения званием почетного члена общества. Он постоянно встречался и с юными следопытами истории; а выступления его на различных общественных форумах, как правило, были действенными стимулами дальнейшей работы, а подчас становились и знаменательными факторами развития культуры и запоминались надолго.

М.Т. Белявский преданно любил ставший ему родным Московский университет и едва ли не более других сделал для изучения его истории. Он был подлинным патриотом и нашей Москвы и опять-таки много сделал для сохранения памяти о москвичах — местах их жизни и деятельности, их захоронениях. Часть работ такой тематики издана: книга «Их имена увековечены в Москве» (М., 1980) о питомцах и преподавателях Московского университета, много статей. Другие подготовлены к печати. Следовало бы объединить в одну книгу его труды о московском некрополе. Это станет и одним из памятников замечательному деятелю науки и культуры, столь много сделавшему для воспитания уважения к исторической памяти.

¹ Некрологи см.: Вопросы истории. 1989. № 7. С. 189; История СССР. 1989. № 7; Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1989. № 5.

А.М. РАЗГОН — ИСТОРИК МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Деятельность Авраама Моисеевича Разгона — историка и музееведа — получила международное признание. Он представлял свою страну в международных объединениях специалистов музейного дела, был участником и руководителем подготовки международных изданий по музееведению. Особенно велик его вклад в изучение истории музейного дела.

* Текст является приветствием к участникам конференции работников музеев Москвы и Московской области по теме «Музей и традиции», проходившей в Музее революции 16 апреля 1996 г.

Впервые опубликовано: Научное наследие А.М. Разгона и актуальные проблемы музееведения: Чтения к 70-летию со дня рождения А.М. Разгона: Тезисы докладов. М., 1990. С. 10–15.

Докторская диссертация А.М. Разгона «Исторические музеи в России (1861–1917)» посвящена именно этой теме. Диссертацию он защищал в 1973 г. в Саратовском университете; официальными оппонентами были И.Д. Ковальченко, М.Т. Белявский и Г.Г. Мезенцева, а мне довелось познакомиться с ней в качестве рецензента ВАКа. Это исследование не вышло отдельной книгой, но его части (об охране исторических памятников в дореволюционной России, о Российском Историческом музее, археологических, этнографических, военных музеях и др.), опубликованные в виде статей, прочно вошли в научный обиход, а основные выводы и наблюдения суммированы в автореферате диссертации.

Задуманный в конце 1940-х гг. обобщающий труд по истории музейного дела (проект которого был подготовлен под руководством Г.Л. Малицкого) оказался неосуществленным, и диссертация А.М. Разгона стала первым монографическим исследованием, специально посвященным историческим музеям, истории музейного дела, формированию и развитию музееведческих представлений в дореволюционной России.

Труд такого типа и масштаба мог быть подготовлен только потому, что А.М. Разгон уже имел большой опыт работы в области музееведения и его истории, творчески освоил опыт научной школы профессора Н.Л. Рубинштейна — выдающегося историка¹, историографа, музееведа. Авраам Моисеевич был не только учеником, но и другом Николая Леонидовича², а Рубинштейн стал домашним человеком в семье Разгона³.

К тому времени А.М. Разгон уже был известен как автор исследования об исторических музеях и охране памятников в России с начала XVIII в. до 1861 г. и обобщающих статей о музеях в «Советской исторической энциклопедии». Он основательно знал и историю России второй половины XVIII в.⁴ — периода, когда формировались представления о значении коллекций памятников истории и культуры, о важности охраны таких памятников и возможностях использования их в просветительских и научных целях, и понимал взаимосвязь этих факторов развития культуры с явлениями социально-экономической истории (изучавшейся им детально по первоисточникам) и политической истории.

В то же время А.М. Разгон основательно изучил и историю музейного дела в советские годы. Все это позволило ему определить значение сделанного в области музейного дела в эпоху капитализма, особенности, характерные для тех лет, по сравнению с предыдущим и с последующим временем, понять (и показать), какие традиции дореволюционного музейного дела могли быть использованы в советском культурном строительстве.

История музеев рассматривается А.М. Разгоном как составная часть развития науки и культуры и в тесной взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни и ее антагонизмами. При этом отечественная культура воспринимается не в отрыве от зарубежной, но с учетом возможностей освоения и зарубежного опыта.

И тематика исследований, и приемы выявления историографических источников и определения историографических фактов в русле более широких историографических представлений, сформировавшихся к середине 1960-х гг.⁵ в результате перемен в общественном сознании после XX съезда КПСС, нашли отражение, в частности, в дискуссиях по историографии и источниковедению отечественной

истории и о самом предмете «историография» (так же как и о предмете «источниковедение») в журналах «История СССР», «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «Исторический архив». Выделение ученым трудов о музеях и их истории, самой музееведческой деятельности как существенных историографических фактов имеет самостоятельное значение (хотя в их оценке Разгон не освободился еще от распространенного в то время политизирующего подхода к проблемам методологии, даже к методике исторических трудов).

Монография Разгона важна и в плане определения возможной источниковой базы исследований по истории музеев и музейного дела. Это — многообразные письменные источники — и печатные, и архивные (как правило, впервые вводимые в круг широких научных знаний), и визуальные наблюдения над материалами музейных коллекций. Особое внимание уделялось тому, что сосредоточивалось обычно лишь в архиве самих музеев или учреждений и общественных организаций, в ведении которых они находились, а также в личных фондах лиц, причастных к музейной работе. Именно там обнаруживаем много ценного о предыстории организации музеев, о повседневности музейной жизни, о круге взаимосвязей музеев, о значении музеев в общественной жизни и в творческой биографии отдельных деятелей науки и культуры, о роли видных ученых в организации и работе некоторых музеев. Работа А.М. Разгона написана на стыке историографии и источниковедения, истории культуры и истории общественного сознания. Тем самым расширяются и возможные сферы взаимодействия музееведения с этими сферами знания.

Впервые с такой полнотой прослежена борьба различных общественных тенденций в развитии музейного дела в России. Особое внимание, соответственно духу времени, уделено роли деятелей освободительного и революционного движения в области выявления, собирания и охраны памятников истории и культуры, организации музеев, пропаганды исторических знаний в музейной практике (прежде всего в районах, где находились политические ссылки). Охарактеризована в этом плане и роль В.И. Ленина и его соратников в собирании и изучении материалов по истории русской революции (большевистский революционный музей в Женеве и др.). Это предопределяет понимание роли ветеранов революционного движения в организации музейной архивной работы уже в советские годы (С.И. Мицкевича, М.С. Ольминского, Д.Б. Рязанова, П.Ф. Куделли и др.).

А.М. Разгоном обобщены данные не только по истории организации музейного дела и музееведения (в частности, о методике музейной работы, развитии музееведческой мысли в плане систематизации, описания, экспозиции музейных предметов), но и показаны взаимосвязь этих явлений с движением исторической мысли и их роль в развитии исторической науки и распространении исторических знаний и в истории культуры и общественного движения (рассматриваются научные, образовательные, общественно-воспитательные, просветительские функции музеев).

Выявлено значение музеев как источниковой базы исторической науки и понимание этого современниками. Особенно ясно определяются взаимосвязи развития музейного дела и археологии, этнографии, специальных исторических дисциплин. Это важно и в аспекте изучения истории высшего образования в России (без музейных собраний не могли бы возникнуть соответствующие кафедры). Не-

малое значение имела деятельность рукописных подразделений музеев и библиотек для развития архивоведения и книговедения, археологии, специальных историко-филологических дисциплин.

Наблюдения А.М. Разгона по истории музейного дела существенны для исследования истории краеведения — и как общественного движения, и как сферы научной деятельности. Музеи на местах возникали в результате многосторонней и, зачастую, подвижнической деятельности краеведов (среди которых были и богатые меценаты, и рядовые интеллигенты — учителя, священники, статистики, врачи, офицеры и др.), они оставались центрами местной культуры (тесно взаимодействующими с учеными архивными комиссиями, статистическими комитетами, различными обществами). После 1917 г. эти музеи, — как правило, в тесной взаимосвязи с архивами — стали средоточием развития краеведения в его «золотое десятилетие», а организаторы и руководители дореволюционных музеев были активнейшими краеведами 1920-х гг., способствовали сохранению и развитию традиционных народных промыслов⁶. В музеях интересовались не только обществом (его прошлым и настоящим), но и природой. Это способствовало становлению и закреплению элементов и навыков экологической культуры.

В трудах А.М. Разгона по истории музеев (особенно, так сказать, специализированных — археологических, этнографических, военных, а также местных) содержится множество ранее неизвестных или неучтенных фактов о памятниках истории и культуры, их описании, изучении, охране. И, тем самым, труды эти приобретают характер необходимого справочного пособия. И не только по истории различных сфер нашей науки и культуры, но и при подготовке «Свода памятников истории и культуры», «Каталога личных фондов отечественных историков», путеводителей по музеям и архивам и других изданий сводного характера. А данные эти важны, конечно, и для подготовки новых работ по истории музеев, краеведению, биографических очерков о краеведах.

Занимаясь историей музейного дела, А.М. Разгон, естественно, в той или иной мере соприкасался с многообразными проблемами музееведения и внес значительный вклад в развитие теории и практики музейного дела, в формирование методики его преподавания в высшей школе, в становление его терминологии (об этом шла речь в докладах на научных чтениях памяти А.М. Разгона в 1990 г.)⁷.

Те, кто были лично знакомы с А.М. Разгоном (а я его помню еще со времен института МГУ 1940-х гг.), понимают, что важным фактором достигнутого в сфере музейной мысли и организации работы в области музееведения были привлекательные личные качества Авраама Моисеевича — его доброжелательное и уважительное отношение к людям, трудолюбие, организованность и долг личной ответственности, заинтересованность в результатах общей работы без мелочного выпячивания своей роли и навязывания своих взглядов, умение возбудить и поддержать творческое вдохновение других (причем и старших, и младших по возрасту) и, конечно же, большое личное обаяние. Его не только уважали, но и любили.

Роль А.М. Разгона — и его печатных трудов и докладов, и его лекций в вузах, и его руководящего участия в работе научных коллективов и редакционных коллективов — в закреплении творческих взаимосвязей (нарушенных после разгрома краеведения на рубеже 1920–1930-х гг.) музейного дела и «большой» — академической

и вузовской — науки очень заметна. И это, несомненно, должно быть отражено в обобщающих трудах по истории нашей науки и культуры.

¹ О Н.Л. Рубинштейне см.: *Дмитриев С.С. Памяти Николая Леонидовича Рубинштейна // История СССР. 1963. № 3. С. 239–242* (на с. 242–244 список печатных трудов); *Он же. К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн (1897–1963) // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. Ист.-филол. 1964. Вып. 72. С. 415–478; Ковалев И.В. Материалы по социально-экономической истории России XVIII в. в рукописном наследии Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1985 год. М., 1986. С. 285–289; Закс А.Б. Рубинштейн во главе научной работы Государственного Исторического музея (1943–1949 гг.) (По материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 124–133; в АЕ за 1998 год (М., 1999) в разделе «К 100-летию со дня рождения Николая Леонидовича Рубинштейна» (с. 202–238) статьи С.О. Шмидта (где указана и новейшая литература), В.А. Муравьева, О.М. Медушевской, М.В. Катагощиной.*

² *Полякова У.М., Рубинштейн Е.И. А.М. Разгон — выпускник МГУ, ученик профессора Н.Л. Рубинштейна // Научное наследие А.М. Разгона и актуальные проблемы музееведения: Чтения к 70-летию со дня рождения А.М. Разгона: Тез. докл. М., 1990. С. 3–6.*

³ *Ардашникова Е.З. Не только личное: Повесть о жизни А.М. Разгона — воина, ставшего ученым, рассказанная его женой. М., 1998* (см. гл. 4: «МГУ. Встреча с Н.Л. Рубинштейном»).

⁴ *Список печатных трудов А.М. Разгона / Сост. Э.С. Угрюмова // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 270–274; Угрюмова Э.С. Обзор библиографии А.М. Разгона // Научное наследие А.М. Разгона... С. 38–40; Белозерова И.В. Обзор личного архива А.М. Разгона (1920–1989) из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Научное наследие А.М. Разгона... С. 36–38.*

⁵ *Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР: Сб. ст. М., 1965. С. 6–28; Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 3–49.*

⁶ *Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.*

⁷ *См.: Научное наследие А.М. Разгона... (Тезисы выступлений Д.А. Равикович, К.М. Газаловой, К.Г. Левыкина, Т.Г. Игумновой, А.Б. Закс, Н.П. Финягиной, В.Л. Егорова).*

ЛЮБИМАЯ УЧЕНИЦА М.Н. ТИХОМИРОВА (К ЮБИЛЕЮ Е.В. ЧИСТЯКОВОЙ)

Так мы — «тихомировцы», ученики М.Н. Тихомирова (да и другие тоже), рано стали говорить о Елене Викторовне Чистяковой. И опирались при этом на слова самого Михаила Николаевича, повторявшего не раз — не без самоиронии относительно своей внешности, но и с гордостью, — что самая красивая студентка нашего курса стала именно его аспиранткой. Когда рассуждают о научной школе Тихомирова, как правило, называют и имя профессора Е.В. Чистяковой. Это пред-

Впервые опубликовано: Россия XVII века и мир: Юбилейный сборник к 80-летию доктора исторических наук, профессора Елены Викторовны Чистяковой. М., 2001. С. 5–17 (под назв. «Любимая ученица Тихомирова»).

ставление закрепилось и в большой уже литературе, посвященной академику Тихомирову, а затем и в написанном о самой Е.В. Чистяковой как исследователе и педагоге¹, а в списке ее печатных трудов, опубликованном трижды, тема «Жизнь и творчество М.Н. Тихомирова» — одна из основных с конца 1960-х гг.²

Е.В. Чистякова — Леля — в сентябре 1939 г. на первом курсе исторического факультета Московского университета оказалась в студенческой группе, где семинарскими занятиями по отечественной истории (тогда говорили: «по истории СССР периода феодализма») руководил М.Н. Тихомиров, незадолго перед тем защитивший докторскую диссертацию. Первые месяцы еженедельных занятий свелись в основном к комментированию текста Русской Правды. Теперь мы понимаем, что это было не только школой приобщения первокурсников к основам исторического исследования, и особенно источниковедческого подхода к изучению истории, но и давало возможность руководителю семинара присмотреться к студентам. Уже в сентябре он предложил нам на выбор темы докладов. Леля (которую сразу же избрали комсоргом нашей шестой группы второго потока) остановилась на теме «Юрьев день и заповедные годы». Моей темой стала «Идеология самодержавия в сочинениях Ивана Грозного». Как уяснили мы позднее, уже тогда определилась проблематика, привлекающая особое внимание исследователя³. С середины ноября формой работы семинара стало прочтение и обсуждение наших докладов. Самым первым был доклад Лели 16 ноября 1939 г. Это совпало с днем ее 18-летия. Решимость выступить с докладом первой из участников семинара (объединявшего две учебные группы) обнаружила уже тогда некоторые свойственные Е.В. черты характера: организованность, умение распределять свои силы, смелость.

Но позднее — и в Москве, и в период эвакуации истфака МГУ (с которым, а не с Институтом истории Академии наук, эвакуировался и М.Н. Тихомиров, не мысливший себя без преподавательской деятельности) Е.В. с большим интересом занималась тем, что связано с Западным Средневековьем. И лишь когда пришло время выбирать тему дипломной работы, склонилась к специализации по истории допетровской Руси. Оказаться среди дипломников М.Н. Тихомирова ей помог наш однокурсник Вадик (Вадим Александрович) Александров (впоследствии видный специалист по социальной истории России, преимущественно XVII в., и по истории Сибири, этнографии, источниковедению, историографии). Тема ее дипломной работы — «Владимир Андреевич Храбрый». К эпохе двоюродного брата Дмитрия Донского Е.В. вернется затем лишь в 1980 г. — в статье о Куликовской битве, прославившей этого князя. Оппонентом Е.В. выступил Сергей Владимирович Бахрушин — член-корреспондент Академии наук (М.Н. Тихомиров стал членом-корреспондентом позже, в 1946 г.) — фактический (а может быть, и утвержденный официально?) заместитель заведующего кафедрой истории СССР, руководивший всей ее работой, относящейся к периоду отечественной истории до XIX в. (и даже, пожалуй, всего досоветского периода). С.В. Бахрушин согласился быть оппонентом и моей дипломной работы о «временнике» Ивана Грозного А.Ф. Адашеве, защищенной на том же заседании. Тогда к публичной защите допускали лишь тех, кого предполагали рекомендовать в аспирантуру. На том заседании была защита только четырех дипломников Тихомирова: кроме нас — В.А. Александрова и Саши (Александра Николаевича) Мальцева⁴.

Мы стали первыми аспирантами профессора Тихомирова, и нас первыми стали называть «тихомировцами». В статье «Школа академика М.Н. Тихомирова» Е.В., указав, что в 1944 г. к М.Н. Тихомирову «поступили в аспирантуру сразу четыре человека», отметила: «С этого времени он вел отсчет своим ученикам, их считая первыми, за первыми следовали следующие поколения истфаковцев. Вот как он писал об этом автору статьи в Воронеж в сентябре 1948 г.: “Зимой, как приедете, опять соберемся у меня. Так хорошо было всем встретиться вместе. Теперь уже будет два поколения: старшее, Ваше, и младшее”»⁵.

М.Н. Тихомиров предложил Е.В. заняться изучением России середины XVII в. и доверил тему, особенно близкую ему самому еще со студенческих лет, когда он готовил, опираясь преимущественно на архивные материалы, работу о Псковском восстании 1650 г. Возможно, что он советовался и с С.В. Бахрушиным, который в свое время был научным руководителем его дипломного сочинения⁶. Вероятно, выбирая тему, рассчитанную на результативные архивные разыскания, мало освещенную в научной литературе, М.Н. Тихомиров учитывал и творческий исследовательский потенциал Е.В., и ее огромное трудолюбие, прирожденное умение распределять время — то, что она сама затем выделяла в работе учителя, когда писала: «Дисциплина труда у него была на первом месте». В той же цитированной выше статье Е.В. обобщает свои наблюдения о Тихомирове — руководителе аспирантов: «Он был заинтересованным педагогом, долго подбирал тему диссертации, учитывал интересы и возможности аспиранта, очень ценил дерзание в науке, открывая неожиданные стороны диссертанта. Темы любил давать широкие, но в то же время конкретные, развивая в людях любознательность и интерес к сопредельным эпохам»⁷.

Первоначально М.Н. Тихомиров был настроен настороженно, узнав, что Е.В. ждет ребенка, выговаривал даже ее однокурсникам за такую рекомендацию, сетовал на свою недалекость. Но был пленен действиями Е.В., когда она, вскоре после родов, «рванула» в Псков, чтобы познакомиться с таможенной книгой XVII в. Диссертация была защищена в 1948 г. Ей было дано название «Из истории классово-борьбы в русском городе XVII в. (Реформа А.Л. Ордина-Нащокина в Пскове 1666 г.)». Е.В. защитила раньше, чем Мальцев и я, и М.Н. Тихомиров, упрекая нас, выговаривал: «Вот Леля и родила, и воспитывает сына, и дом ведет, и успевает, а вы...» (Я, из-за болезни сменив тему, защитил диссертацию в июне 1949 г., и помнится, что Леля вечером, когда «обмывали» защиту дома в дружеской компании, принесла шоколадный набор, нарочито выбрав коробку с изображением здания Президиума Академии наук.)

Е.В. Чистякова с супругом В.А. Дунаевским, специализировавшимся на зарубежной истории Нового времени (а позднее и видным историографом), начинает преподавать в Воронежском университете. Это оказалось плодотворным для дальнейшей деятельности молодых ученых — они смогли попробовать силы и как лекторы, и как руководители семинаров, и как составители методических пособий, причем по многообразной тематике⁸. И сама Е.В. это осознала, когда писала М.Н. Тихомирову 20 апреля 1948 г.: «Несмотря на все трудности, я очень рада, что решила уехать и сразу начать работу “на полную мощь”. Это лучше, чем сидеть где-нибудь в учреждении от 8-ми до 8-ми»⁹. Хотя и любила поплакаться, при-

езжая в Москву; и в кругу «тихомировцев» ее называли тогда «воронежской вдовицей». Впрочем, сам Михаил Николаевич иногда (даже в письмах) обращался к ней «Лола», передразнивая говорившего по-русски с акцентом приехавшего из Казани и ставшего тоже его аспирантом Шамиля Фатыховича Мухамедьярова.

М.Н. Тихомиров продолжал быть советчиком Е.В., читал ее написанные в Воронеже труды (или их отдельные части). Е.В. напоминала об этом и в письмах: в цитированном от 20 апреля 1948 г. («Так страшно иногда недостает Ваших “прочисток” и добрых советов. Мне ведь они особенно шли всегда на пользу»). Показательно для характера отношений М.Н. Тихомирова с нами, что в том же письме Е.В. спрашивает его, «как идут дела у всех “тихомировцев”», о работе и здоровье Александрова, Мальцева, Шмидта, сетует на то, что «только Шура П. отозвался и черкнул письмо». Шура — это Александр Павлович Пронштейн, впоследствии видный историк и источниковед, создатель научной школы в Ростовском университете¹⁰. В письме от 5 октября 1950 г.: «Трудно представить, как я благодарна за Ваше внимание и письма. Они дают мне ту пищу, которой так не хватает; с ними ко мне приходит кусочек московского воздуха»¹¹, и далее — о готовящейся ею книге «по Воронежу XVII в.»: «Я хорошо знаю, как Вы загружены, но решаюсь еще раз злоупотребить Вашим вниманием и прошу разрешить прислать 1 главу (25–30 стр. на маш.) на просмотр. Я не обижусь, если Вы откажете, но я не могу решиться на издание самостоятельной книги, пока не получу именно Вашу визу»¹².

И М.Н. Тихомиров в письмах к Е.В. доверительно писал о своей работе, о самочувствии. Интересно и для историографа написанное 4 сентября 1948 г.: «Сам я готовлюсь к работе над изданием очередного тома Полного собрания русских летописей. Если когда-либо я вел бескорыстную научную работу, то это будет работа над летописью, трудоемкая, тяжелая, благодарная не сейчас, а для потомства, если только потомство вспомнит того, кто, как пушкинский Пимен, хотел, чтоб ведали потомки православных земли своей минувшую судьбу». В письме показательная для характера взаимоотношений корреспондентов концовка: «Пишите, не забывайте Вашего сердитого руководителя. Бывает ведь и наоборот: “жестко стелет, да мягко спать...”»¹³

Не менее показательна и переписка между ними на каком-то заседании, где вслед за запиской-вопросом М.Н. Тихомирова — на том же листе ответ Е.В.: «Лола. Некто Важинский подал заявление в аспирантуру. Написал он реферат о Воронеже в 1615 г., кончил Воронежский университет в 1955 г. Слыхали ли Вы о нем или нет? Напишите. М. Тих.» Е.В. тогда же ответила, начав так: «Это очень добросовестный воронежский студент. Он учился у меня на I к. и с тех пор сохранил привязанность к XVII веку...»¹⁴ (Впоследствии Владимир Михайлович Важинский стал доктором наук, преподавал в Липецке, в педуниверситете.)

Еще в период пребывания Е.В. в Воронеже М.Н. Тихомиров пригласил ее и меня познакомиться вместе с ним с северными старинными городами Великим Устюгом, Сольвычегодском, Архангельском. Мы совершили эту поездку летом 1951 г. Правда, у Е.В. заболел маленький сын Леонид (о котором не раз упоминания в письмах обоих — и М.Н. Тихомирова и Е.В.), она задержалась, и в Великом Устюге мы провели около недели вдвоем¹⁵, а остальную программу, намеченную нашим учителем, осуществляли уже все вместе. Об этом Е.В. рассказала в мемуар-

ного характера статье, написанной зимой 1999/2000 г., — «Белые ночи над Северной Двиной»¹⁶.

В статье о «школе» Тихомирова Е.В. справедливо заметила, что «аспиранты и вообще ученики были в какой-то мере семьей холостого и бездетного Михаила Николаевича, сопровождали его в поездках по стране», и так как «вечерами, как правило, Михаил Николаевич не работал, к нему приходила молодежь, соученики, коллеги»¹⁷. Молодых ученых — как верно подчеркнула Е.В. — «объединяло стремление добиться мудрого и взыскательного общения с ним»¹⁸. Предпочтительнее для М.Н. Тихомирова были встречи-беседы с одним-двумя. У него не было ни дара, ни опыта гостеприимного хозяина стола (или салона?), рассказы-воспоминания и остроты которого ожидают пришедшие. А поскольку в последние годы, когда переехал в просторную квартиру в высотный дом на Котельнической набережной (где теперь памятная доска), он нередко чувствовал себя нездоровым, то принимал и лежал в спальне-кабинете, хотя обычно хватало сил встать и выпить чай в так называемой столовой, основным украшением которой были книжные шкафы. И об этом любила напоминать, называя имя Тихомирова, моя няня, говоря: «Чувствуй(те) себя, как у Михал Николаича. Никто ж не видит». А дело было так: мы провели вечер вдвоем с М.Н. Тихомировым, и во время чаепития он, приметив, что мне явно понравилось смородиновое варенье, предложил положить в блюдечко новую порцию. Я дал понять, что это неудобно сделать, не имея чистой ложки. «Так никто ж не видит», — отреагировал хозяин.

М.Н. Тихомиров любил беседы с Е.В., радовался, когда она приводила с собой детей (Лёню или Олю), угощал, одаривал их, рассказывал потом о таких посещениях. Компанией же обычно собирались мужчины, с выпивкой; душой был Саша Мальцев — особо любимый Михаилом Николаевичем. Об этом подробности в статье-воспоминаниях академика Ю.А. Полякова¹⁹. Не помню, чтоб я хоть раз участвовал в квартире Михаила Николаевича (на Беговой улице или в Котельниках) в подобном застолье. А вот в день его рождения, как и в связи с приездами Лели из Воронежа, собирались обычно лишь старшие «тихомировцы».

Вообще, среди аспирантов профессора Тихомирова преобладали мужчины. Из женщин принимали по-домашнему одну Е.В., которую самые младшие именовали уже по имени и отчеству. Среди аспиранток, следующих по возрасту за нами, мы — первые «тихомировцы» — сошлись ближе других с очень умной, сердечной и широко образованной Диной Исааковной Тверской. Е.В. была близка по тематике социально-политической истории XVII в. диссертация Дины «Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка»²⁰. Естественно, что именно Е.В., когда собирались «тихомировцы», сидела рядом с академиком, выступала в роли хозяйки.

Однако, конечно, самое главное то, что в творческой деятельности Е.В. Чистяковой явственно заметны черты, характерные для творчества М.Н. Тихомирова. И не только в тематике и даже манере написания научных трудов, импонировавшей самому М.Н. Тихомирову, а он поместил ее статьи в двух первых выпусках «Археографического ежегодника» (за 1957 год и за 1958 год), подготовке которых, отбору авторов ответственный редактор уделял особое внимание. Но и в устойчивом интересе и ко всей отечественной истории, и одновременно к историографии

и специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам. Е.В., как и ее учитель, писала и учебные пособия по такой проблематике. Она — многолетний член Бюро созданной (или, точнее сказать, возрожденной) по почину академика Тихомирова Археографической комиссии Академии наук, деятельный участник организуемых ею научных конференций (в Москве и в других городах).

Е.В. обладает, подобно своему учителю, и способностью в сложившейся новой ситуации выявить predetermined этим обстоятельством новые темы исследовательских интересов и, используя накопившийся опыт работы историка и источниковеда, опираясь и на ассоциативное мышление, увлеченно и ответственно заниматься такой тематикой и добиваться весомых научных результатов. М.Н. Тихомиров, оказавшись в эвакуации в Ашхабаде, стал изучать в архиве документы, на основании которых позднее написал книгу «Присоединение Мерва к России», и радостью приобщения снова к архивным материалам делился в письме от 30 апреля к Н.Л. Рубинштейну в Саратов о фонде Канцелярии начальника Закаспийской области: «...там в архиве я нашел прямо удивительные документы. Эти пыльные бумаги как-то прямо переносят в другой мир, и часы работы в архиве стали для меня опять источником наслаждения, точно мне 20 лет, когда я разбирал псковские материалы»²¹. И Е.В., начав преподавать в Воронеже, тоже вскоре приступила к изучению этого края, написала статьи и книгу. А позднее, став профессором Университета дружбы народов, специализируется — и все более углубленно — на контактах России с народами трех континентов — Азии, Африки и Латинской Америки, а также написала книгу «Русские страницы Америки».

Еще более существенно, и опять-таки в русле тихомировской традиции, то, что в творчестве Е.В. нерасторжимы исследовательская работа и преподавательская деятельность, и они во многом связаны и по тематике. Е.В. сама в большей мере ощущала себя педагогом: у нее всегда была потребность общения с массовой аудиторией. (М.Н. Тихомиров, напротив, не склонен был к чтению общих лекционных курсов, рассчитанных на многочисленных слушателей, и читал внешне невыразительно; но зато был мастером специальных курсов для особо заинтересованных, вводя их в самую лабораторию исследования, а подчас и знакомя с подлинными документами своей коллекции, а тем более — с многообразной специальной литературой.)

У Е.В. был и вкус к участию в вузовской общественной жизни: там, где мы находились вместе, — в годы учения в Московском университете и работы в Московском историко-архивном институте — ее неизменно выдвигали в выборные комсомольские, а затем партийные и профсоюзные органы; в Историко-архивном институте она была умелым секретарем партбюро. Важно то, что Е.В. по нутру учебно-воспитательная система ведения семинарских занятий, свойственная М.Н. Тихомирову, и она не оставалась равнодушной к ученикам, немало сил отдавала заботе о них. А в руководстве аспирантами явно следовала представлениям своего наставника, убежденного в том, что такая работа «тесно связана с необходимостью развивать и углублять интерес к самостоятельной деятельности, не заглушать его пассивными методами работы»²².

И естественно, что особенно дорогой и в то же время стимулирующей творчество стала для Е.В. тема «Историк М.Н. Тихомиров». Е.В. была подготовлена к уг-

лубленному источниковедческому в своей основе подходу к такой теме. Ибо в своей личной практике и исследователя (особенно по близкой учителю проблематике истории классовой борьбы в XVII в. и зарождения исторической науки в России), и педагога постоянно осмысливала опыт свершаемого и свершенного Тихомировым и, быть может, даже невольно следовала многому, воспринятому у него — и в его печатных трудах, и в личном общении. Е.В. написала много статей о Тихомирове, основанных обычно на использовании и архивных данных, и первой написала книгу о М.Н. Тихомирове, изданную в академической серии «Научные биографии» в 1987 г. и прочно вошедшую в обиход историографов.

В ее книге преимущественное внимание уделено «главным линиям жизни Тихомирова и основным направлениям его трудов по истории России»²³. Диапазон тематики статей значительно шире — о Тихомирове и как палеографе, знатоке рукописей и старопечатных книг; с расширением интереса Е.В. к взаимосвязям России и зарубежья определилась и тема «Тихомиров и всемирная история» (статья об этом напечатана в 1994 г.). «В книге, — как пишет в предисловии («От редактора») В.И. Буганов, — то открыто, то скрыто звучит... личностная нота... “мемуарные” моменты украшают книгу, придают теплоту, сердечность»²⁴. В.И. Буганов — и «внук» и «сын» Тихомирова одновременно: он — мой первый дипломник по Историко-архивному институту (1951 г.), рекомендованный в аспирантуру к М.Н. Тихомирову в том же вузе, а Михаил Николаевич, знакомя нас — старших «тихомировцев» — со своим университетским учителем С.В. Бахрушиным, представлял нас как «внуков Бахрушина». Для Виктора Ивановича, как и для других «тихомировцев», особое значение имеет в книге согревающее душу памятное лично.

Для последующих поколений Тихомиров — прежде всего классик отечественной исторической науки, к историографическим трудам о котором должно подходить с выработанными уже критериями научной объективности и источниковедческой основательности. И потому особенно важно суждение более молодого поколения историографов. Один из самых эрудированных ученых этого поколения С.В. Чирков в рецензии на издание подчеркнул: «Хотя обаяние личности большого ученого оказывается таким сильным, что способно зачаровать исследователя, лишив возможности критического анализа даже через годы, прошедшие после непосредственного живого общения», Е.В. Чистякова «счастливо избежала подобного субъективизма». И далее С.В. Чирков разъясняет: «Сказался опыт историографического исследования, которое является одним из направлений ее разносторонней научно-педагогической деятельности. Сказался присущий исследователю привитый пройденной научной школой высокоответственный подход к изучаемой теме. Сказалась, наконец, та работа по исследованию разных сторон творчества учителя, которую Е.В. Чистякова проделала в своих предшествующих статьях о нем»²⁵.

Составленный И.Е. Тамм (и пополненный Л.И. Шохиним) биобиблиографический указатель «Михаил Николаевич Тихомиров», изданный в 1996 г., показывает, как весом вклад Е.В. Чистяковой в изучение жизни и творчества М.Н. Тихомирова²⁶. Профессор Е.В. Чистякова и в последующие годы продолжала публиковать статьи такой тематики, не расставаясь с образом своего наставника и обогащая на-

ши представления и о выдающемся исследователе и педагоге, и о сфере источниковедения и историографии.

¹ Литература указана в статье: *Батаева Т.В., Савин В.М.* Заседание, посвященное 75-летию Е.В. Чистяковой // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1996 год. М., 1998. С. 389–390.

² Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. истории и философии. М., 1993. № 1. С. 154–165 (сост. Т.В. Батаева); АЕ за 1991 год. М., 1996. С. 268–272; Чистякова Елена Викторовна: 75 лет со дня рождения / Сост. А.П. Богданов. М., 1996 (отдельное издание в сер. «Ученые Российского университета дружбы народов»).

³ См. об этом в предисловии («От автора») к кн.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 3–4.

⁴ О А.Н. Мальцеве см.: АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 388–390 (некролог; список печатных работ); АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 378–380 (о заседании на истфаке МГУ памяти А.Н. Мальцева).

⁵ *Чистякова Е.В.* Школа академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского. Новосибирск, 1990. С. 352.

⁶ Об этом см.: *Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров* (По архивным материалам) // Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984. С. 63–65. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 164–174.]

⁷ *Чистякова Е.В.* Школа академика М.Н. Тихомирова. С. 354.

⁸ См. об этом: *Чистякова Е.В.* Владимир Аронович Дунаевский — педагог, ученый, солдат // В.А. Дунаевский: Педагог, ученый, солдат. К 80-летию со дня рождения. М., 2000. С. 57; *Сапронова Н.Т.* В.А. Дунаевский и Воронеж // Там же. С. 94 и след.

⁹ АРАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Д. 659. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 1–2.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Д. 61. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ См. об этом: *Шмидт С.О.* Памяти учителя (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 14–15. Перепечатано в кн.: *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1999. С. 353–354.

¹⁶ В кн.: Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 471–474.

¹⁷ *Чистякова Е.В.* Школа академика М.Н. Тихомирова. С. 356.

¹⁸ *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 6.

¹⁹ *Поляков Ю.* Вечера у академика М.Н. Тихомирова // Новый мир. 1983. № 5. С. 208–217. Перепечатано в кн.: *Поляков Ю.А.* Корифеи отечественной исторической науки: Воспоминания. М., 1997.

²⁰ О Д.И. Тверской см.: АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 354–358, 370–371.

²¹ *Шмидт С.О.* Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 211. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 232–263.]

²² *Тихомиров М.Н.* О молодых ученых и исследовательской работе // Вестн. высш. школы. 1956. № 7. С. 14. Перепечатано в кн.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967.

²³ *Чистякова Е.В.* Михаил Николаевич Тихомиров. С. 6.

²⁴ Там же. С. 4.

²⁵ *Чирков С.В.* Книга об учителе // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 275.

²⁶ Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965): Библиографический указатель. М., 1996. С. 108.

70-ЛЕТИЕ АКАДЕМИКА В.Л. ЯНИНА

Валентину Лаврентьевичу Янину — крупнейшему отечественному историку, многостороннему исследователю, профессору — создателю научной школы, выдающемуся организатору науки и блистательному ее пропагандисту, неутомимому защитнику памятников истории и культуры, всемирно известному ученому и общественному деятелю 6 февраля 1999 г. исполнилось 70 лет.

Свершенное академиком В.Л. Яниным получило наивысшее для ученого-гуманитария его поколения признание: В.Л. Янин — лауреат Ленинской и Государственных премий, премии Ломоносова первой степени, Демидовской премии за достижения в области гуманитарных наук. Он первым удостоен высшей награды Академии наук за труды по истории — золотой медали имени С.М. Соловьева. Янин — почетный гражданин Великого Новгорода, член Президиума Российской академии наук (по избранию), председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда, заслуженный профессор родного ему Московского университета, где преподает с 1954 г. и с 1978 г. возглавляет кафедру археологии исторического факультета. Он — главный редактор энциклопедии «Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 г.», председатель серийного издания «Университетская библиотека», член многих государственных и общественных советов, экспертных комиссий и редакционных коллегий. Отрадно, что В.Л. Янин является членом Бюро и нашей Археографической комиссии, членом редколлегии ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» и «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг».

В 1997 г., к 45-летию научного творчества В.Л. Янина и 50-летию изучения археологии Новгорода возглавляемой им не одно десятилетие Новгородской археологической экспедицией, издали биобиблиографический указатель «Валентин Лаврентьевич Янин», включающий огромное число авторских номинаций и перечень диссертаций, написанных под руководством ученого. Сейчас с особой приятностью и удивлением можно убедиться в том, что сведения этого научно-справочного издания, тщательно составленного П.Г. Гайдуковым, кажутся уже устаревшими, так как в последующее время вышло в свет еще немало трудов.

Среди них четыре книги: «Актовые печати Древней Руси. X–XV вв.» (третий том в соавторстве с П.Г. Гайдуковым), «Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв.», «Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв.», новое, существенно расширенное издание очень популярной среди читателей и разного возраста, и разной степени подготовки книги «Я послал тебе бересту». В этой увлекательной по форме изложения книге читателя вводят в самую лабораторию исследовательского труда, источниковедческих изысканий ученого-эрудита. В печати очередной том комментированного издания новгородских берестяных грамот.

Исследования В.Л. Янина (как и приемы его преподавания) изначально на стыке наук. Во второй половине XX в. крупнейшие научные достижения — обычно именно на стыке наук. В научном творчестве Янина — на стыке не только тради-

ционной (по проблематике и методике) истории с археологией, но и с географией, филологией, специальными историческими дисциплинами. Блестящий археолог-практик, академик Янин таким путем существенно обогащает и методику археологических раскопок, и описания археологических предметов.

В.Л. Янин и обосновывал представления о предмете «комплексное источниковедение» (книга его 1977 г., в основе которой лекционный курс, следовательно, имеющая и учебное значение, имела заголовок «Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород»), и продемонстрировал возможности такого подхода при разностороннем — и по темам, и по особенностям разных классов источников — изучении прошлого Новгородской земли и вообще русского Средневековья.

В то же время это — и методологические рекомендации исследователям иной проблематики, очень важные и для краеведения. Такое источниковедческое новаторство характерно и для руководимых Яниным коллективных работ по истории и городской (он — ответственный редактор изданий о русском городе и о городах Подмосковья), и аграрной (несколько лет В.Л. Янин был председателем Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы), и по истории культуры. В.Л. Янин — автор особо ценных и в методическом плане специальных солидных исследований о денежной системе Древней Руси, о летописях, по сфрагистике, о берестяных грамотах, средневековых актах, планах и картах, о топографии некрополя Софийского собора, даже об исторических памятниках недавнего времени — о грампластинках и их описании (и здесь он — один из первопроходцев!), об историографических источниках (он ответственный редактор собрания сочинений Ключевского, публикатор трудов Н.П. Лихачева, автор статей об историках XX в.), не говоря о том, что описание и публикация берестяных грамот (а открытие их Новгородской экспедицией едва ли не важнейшее для изучения Средневековья событие в истории археологии в нашем столетии!) — на стыке и археологии и археографии. С докладом «О взаимосвязи археографии и археологии» В.Л. Янин выступил на Первой всесоюзной конференции по полевой археографии в 1976 г.

Мы горды тем, что В.Л. Янин принимает доброе и постоянное творческое участие в работе Археографической комиссии — выступает с докладами на ее заседаниях и организуемых ею конференциях, публикует статьи в ее изданиях, помогает в осуществлении ее начинаний. В.Л. Янин писал и об организаторе Археографической комиссии и основателе «Археографического ежегодника» академике Михаиле Николаевиче Тихомирове.

Многосторонняя исследовательская, культурно-просветительская, общественная деятельность В.Л. Янина существенно способствует закреплению в сознании представлений о значении специальных исторических дисциплин и памятниковедения в развитии культуры, распространению подлинно исторических знаний, воспитанию историей, а «история — наука нравственная» (это — заглавие статьи академика 1988 г. в журнале, рассчитанном на массового читателя). Поэтому имя Янина известно не только ученым нашей страны и зарубежья, но и так называемой широкой публике. Имя его — один из символов славы современной российской науки.

Пожелаем же Валентину Лаврентьевичу здоровья и новых больших творческих свершений.

ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА)

12 июля 1994 г. скоропостижно скончался архимандрит Иннокентий (в миру Анатолий Иванович Просвирнин). Кончина этого видного церковного деятеля — тяжелая утрата и для наших гуманитарных наук, отечественной культуры. Хотя сам отец Иннокентий более всего ощущал себя священнослужителем и был одним из самых почитаемых в Москве духовных пастырей, его в нашей стране и за рубежом признавали как выдающегося знатока, исследователя и публикатора памятников письменности, историка культуры и историографа отечественной археографии. Архимандрит Иннокентий казался воплощением живой творческой связи современных гуманитарных наук с магистральными двухвековыми традициями изучения памятников истории и культуры нашего Отечества, восходящими к Евгению Болховитинову и его младшим современникам.

Отец Иннокентий родился 5 мая 1940 г. в Омске в трудовой семье, мальчиком начал служить в церкви алтарником.

В Сибири, не знавшей унижений крепостничества, особенно долго сохранялись корневые основы нашей культуры. Там сберегали — и не только в старообрядческой среде — древние рукописи и иконы, старопечатные книги, фольклорные обычаи, необходимые и для строения новой жизни. Академик М.Н. Тихомиров был убежден в этом в начале 1960-х гг., когда предложил программу организации археографического обследования Зауралья и передал в дар Сибирскому отделению Академии наук свою бесценную коллекцию рукописей, старопечатных книг и икон — «Тихомировское собрание». Деятельность ученых последующих десятилетий — тому подтверждение. Произошло то, что характеризуют ныне как «археографическое открытие Сибири» и чему посвящена уже большая литература.

Анатолий Иванович с особой теплотой, возвращаясь мыслью к Сибири, говорил о людях, преданиях, природе родного края и при получении монашеского сана в 1977 г. принял имя Иннокентия в память знаменитого апостола Америки и Сибири, сибиряка родом, умершего в 1879 г.

Жизненный путь архимандрита Иннокентия — ученого и общественного деятеля — отличают редкостная духовная целеустремленность, просветительская направленность. Глубоко верующий человек, молитвенник, постоянный читатель священных книг, он, однако, не уклонялся от обычных условий жизни гражданина советского государства, не навязывал свои воззрения окружающим и не противопоставлял им себя: учился в школе-десятилетке, служил в армии и не сразу по окончании Московской духовной семинарии принял монашеский сан. Вероятно, все это помогало ему обрести опыт разностороннего знания жизни и овладения современной духовной и материальной культурой, а затем и новейшей технологией, используемой в науке, — он был первоклассным фотографом, одним из первых среди отечественных историков освоил практику научной работы с помощью ми-

крофиш и стал их убежденным пропагандистом. Он обладал счастливым даром находить Учителей и учиться у них — воспринимал так не только тех, с кем непосредственно общался, беседовал или чей жизненный подвиг созерцал воочию, но и тогда, когда мог познакомиться лишь с их нравственным и научным наследием.

С 1963 г. жизнь А.И. Просвирнина почти три десятилетия была связана с Издательским отделом Московского Патриархата, с 1978 г. — он заместитель главного редактора «Журнала Московской Патриархии»; его усилия во многом обеспечили выход в свет таких изданий, как многотомная «Настольная книга священнослужителя», двенадцать книг Служебных миней. По окончании в 1968 г. Московской духовной академии он преподавал в семинарии, а затем и в самой академии. Свою диссертацию посвятил старчеству Оптиной пустыни; в лекционном курсе по истории Русской Православной Церкви охватывал путь ее развития вплоть до Новейшего времени. Эти занятия нашли отражение в исследованиях и просветительски-популярных статьях (археографического, историкоэведческого, историографического, библиографического жанров) о подвижниках православия, его историках. Особенно много работ ученого опубликовано в «Журнале Московской Патриархии».

В последние годы, уйдя (по существу, вынужденно) на покой, отец Иннокентий нашел приют в Новоспасском монастыре в Москве, где наместник архимандрит Алексей (Фролов) предоставил ему возможность жить в келье глубоко им почитаемого выдающегося археографа епископа Порфирия Успенского. Отец Иннокентий и скончался в монастыре. Там с ним прощались Патриарх всея Руси Алексий II, многие священнослужители, ученые, провожавшие светлой души человека. Большой деревянный крест на могиле почившего — перед входом в храм.

А.И. Просвирнин рано зарекомендовал себя знатоком материалов наших рукописных хранилищ. Причем внимание его привлекли не только рукописи старинных памятников письменности, но и неопубликованное научное наследие археографов и историков православия. И уже по одному тому он оказался вовлеченным в направляемую Археографической комиссией Академии наук работу по подготовке сводных каталогов славяно-русских рукописных книг и личных фондов отечественных историков.

Отец Иннокентий понимал, как велико и нравственное, и научное значение совместных работ ученых духовного сана и других исследователей «традиционной культуры». Этим термином тогда обозначали изучение памятников религиозного содержания и происхождения (особенно Нового времени). Но ему чужда была навязчивость. Отличавшийся всегда большим тактом, Анатолий Иванович даже во внешних проявлениях своего поведения считался с воззрением, воспитанием, привычками других (долгое время на заседания Археографической комиссии он приходил в цивильном темном костюме), думал о том, чтобы не поставить в неудобное положение перед бдительным начальством тех, кто шел на сближение с ним, чувствовал высоту его помыслов. Ведь партийные установки даже в середине 1980-х гг. определяли во многом лица, приближенные к власти значительно раньше и приученные к тому, что одним из постулатов партийно-государственной догматики является атеизм. Даже в последние годы жизни Сталина, когда публично и организовано выступали преимущественно против космополитизма (т.е. действовали в духе откровенного антисемитизма), опасным для жизни оказывалось и

соблюдение религиозной обрядности православия (на истфаке МГУ довели из-за этого до самоубийства в 1949 г. члена партии Ирину Львовну Перельман, талантливую ученицу академика Б.Д. Грекова, мою однокурсницу).

Человек высокой нравственной культуры, Анатолий Иванович с уважением относился и к тем, кто не придерживался религиозных взглядов, ценил в людях добросовестность, профессионализм, внимание к другим.

Архимандрит Иннокентий, пожалуй, первым из наших священнослужителей стал деятельно участвовать в научных начинаниях (конференциях, изданиях) Академии наук и государственных хранилищ — архивов, библиотек, музеев. Много содействовал он и тому, чтобы участие сотрудников таких учреждений стало заметным в научных работах, возглавляемых Московским Патриархатом, и чтобы об этой стороне деятельности священнослужителей был более осведомлен широкий читатель.

В рассчитанной на такого читателя богато иллюстрированной подарочного типа книге-альбоме «Троице-Сергиева Лавра» (М., 1985) не только «страницы истории» с запоминающимися подробностями и умело подобранными текстами о первом столетии существования обители, основанной Сергием Радонежским, о его «умении видеть талант» своих учеников и развить его, о присущем им всем «высоком уровне культурной, духовной зрелости», но и впервые после долгих лет молчания вводимые в обиход сведения о дальнейшей истории монастыря, его роли в развитии науки и культуры в XVIII–XX вв. В книге подробные очерки «Литургическая жизнь», «Общественное служение в Лавре послевоенных лет», с особо выделенными данными об академии и семинарии, церковно-археологическом кабинете. Велико самостоятельное значение и библиографического приложения. В статье «Тысячелетие русской книжности» в популярном историко-биографическом альманахе «Прометей» (1990. Т. 16), опирающейся на археографический опыт отечественной науки, умело нарисована картина истории и самой книжности, и ее изучения, особенно в последние десятилетия.

Отец Иннокентий был неутомим в стремлении сделать достоянием многих сокровища и нашей старинной письменности, и документы по истории церкви Нового времени, и материалы научных трудов предшественников в этих областях знания. Не все его инициативы оказались осуществленными или достигли определенной степени завершенности; не всегда находились помощники, нередко при реализации таких намерений не упоминались его заслуги, а то и имя зачинателя. Можно полагать, что это причиняло ему душевную боль. Но ученый был далек от суетного славолюбия и так богат новыми идеями, что не цеплялся за мысль о своем приоритете. И сумел осуществить все-таки удивительно много.

Последовательно выявлялось неизданное рукописное наследие историков церкви и исследователей религиозной литературы, причем обращалось особое внимание на их научно-методические заветы, составлялись библиографические перечни трудов. Подготовлены статьи о Евгении Болховитинове, Леониде Кавелине, Порфирии Успенском, К.И. Невоструеве и др. — усилиями отца Иннокентия возвращены имена, выключавшиеся более 50 лет из историографии отечественной науки. По его почину сделаны микрофильмы всех листов Лицевого летописного свода времени Ивана Грозного (разные тома которого находятся в разных

хранилищах) и предоставлены в распоряжение крупнейших хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска. Как это важно для сравнительного изучения миниатюр разных рукописных книг и системы редактирования текста! Один из таких «ларцов» с микрофильмами меня просили поднести в дар от Издательского отдела Патриархата академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву в день празднования его 80-летия. Сейчас он в Пушкинском Доме.

Архимандрит Иннокентий — автор «Библейского проекта». Под его руководством готовили десятитомное научное издание (иллюстрированное) Русской Библии. Это факсимильное воспроизведение Геннадиевской Библии конца XV в., сопровождаемое синодальным русским переводом и иллюстрациями (прежде всего, миниатюрами лицевых рукописей). Успели издать два тома — «Новый завет». К составлению научного сопровождения (в последнем томе) — статей, комментариев — привлекли многих специалистов.

Отец Иннокентий составил библиографию «Афон и Русская Церковь», изучал историю Афонского подворья в России, ознакомился с памятниками Афона на месте и, наконец, стал инициатором организации поездки туда руководимой им группы ученых осенью 1983 г. Так была восстановлена отечественная традиция изучения на месте памятников Афона. Это был первый опыт организации совместной научной экспедиции сотрудников церковных и светских учреждений. Мне, как председателю Археографической комиссии, предложили вести переговоры с греческой стороной. Много внимания уделял этому и академик-секретарь Отделения истории АН С.Л. Тихвинский. Во время неоднократных встреч с иерархами, руководителями научных и иных учреждений России и Греции можно было убедиться, с каким уважением относились к отцу Иннокентию и как исследователю, и как организатору науки, и, пожалуй, как к дипломату. В результате продуманно подготовленной экспедиции, с предварительным копированием ранее составленных описаний памятников культуры, представление о них и расширилось, и уточнилось. Уже в декабре участники экспедиции докладывали о ее результатах на заседании Археографической комиссии¹. В феврале 1984 г. микрофильмы, фото- и ксерокопии рукописей Пантелеймонова монастыря с аналитическими пометами передали в Библиотеку Академии наук для дальнейшей научной обработки и изучения более широким кругом ученых. А в марте 1985 г. архимандрит Иннокентий выступил с докладом об этом на Международной конференции по изучению памятников средневековой книжности в Ленинграде, организованной с участием Комиссии рукописей СИБАЛ².

Естественным казалось предложить кандидатуру А.И. Просвирнина в состав Археографической комиссии при очередном переутверждении состава ее членов. Списки членов научно-проблемных советов Академии наук в области общественных наук утверждались тогда в ЦК КПСС, и лиц, получивших ученую степень за труды в области богословия, не принято было включать в их состав. И только благодаря благожелательному доверию к деятельности Археографической комиссии нашего куратора Д.В. Кузнецова случилось так, что священнослужитель стал членом одного из академических научно-проблемных советов.

Ученый — инициатор работы и по выявлению и переводу на микрофиши рукописей с творениями и жизнеописаниями всех подвижников Русской Православной Церкви. А в статье «Русская патристика (постановка вопроса)» в сборнике в

честь Н.Н. Покровского³ он обосновывает мысль, что к патристике следовало бы относить и творения русских «отцов», которые «прежде всего добрые люди нашей земли». Он определяет, указывая на наследие археографов Н.К. Никольского и С.И. Смирнова, источники составления самостоятельного Месяцеслова русских святых (около 1000 имен), с которыми связаны те или иные оригинальные или переводные русские источники. Амплитуда его непосредственной научно-публикаторской деятельности очень велика — от издания древнейших рукописных книг священного содержания до «Деяний Поместного собора Российской православной церкви 1917–1918 гг.».

Отец Иннокентий много способствовал укреплению взаимосвязей с зарубежными учеными, изучающими памятники славянской письменности, исследователями культуры Балканского полуострова и Ближнего Востока. Установил контакты с православными людьми Северной Америки и с теми, кого интересуют история русских поселений там и поддержание памяти об Иннокентии (Вениамине). Ученый выступал с докладами на съездах и конференциях славистов, византистов, участвовал в международных совещаниях по вопросам библеистики, описания рукописей.

Под его руководством подготовлено (преимущественно на основании уже имеющихся справочников) первое издание информационного типа, обобщающее сведения о хранящихся в архивах материалах по истории Русской Православной Церкви. О подготовке и издании аннотированного справочника-указателя «История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России» (М., 1993) наш журнал, придавая этому большое значение, сообщал в 1994 г. уже дважды⁴. Запланировано — тоже в основном силами сотрудников ВНИИДАД — издание аналогичных справочников по материалам федеральных архивов, музеев, библиотек. Осуществление этого замысла станет и добрым напоминанием о заслугах неутраченного археографа.

Особое внимание отец Иннокентий уделял развитию краеведения, причем отнюдь не ограничивался той его областью, которую столетие назад определяли как церковную археологию. Активно проявил себя в сферах и научной, и просветительской, и по охране памятников истории и культуры. Мне довелось быть свидетелем вызывавших живой интерес докладов ученого на конференциях по историческому краеведению (в Пензе), по уникальным территориям (в Симферополе) и убеждаться в том, какое сильное и благотворное впечатление оставляли его, ставшие регулярными, лекции преподавателям истории в средней школе, съезжавшимся в Москву для повышения квалификации. Эти выступления содержали и самоценный нравственный заряд воспитания историей и сообщали важную источниковедческую и библиографическую информацию, знакомя попутно с приемами ее получения. В меньшей мере то же проявлялось и в его докладах в аудиториях работников архивов, музеев. Всем запомнилось вдохновенное слово на конференции «Личные фонды и коллекции — источник сохранения национальной памяти России» (12 апреля 1994 г.). А сколько глубокой признательности за многолетнее содействие его работе ощущалось в выступлении на научных чтениях к 100-летию со дня рождения выдающегося нашего археографа М.В. Щепкиной в Музее-доме Романовых (20 марта 1994 г.).

В отце Иннокентии было то, что можно было бы назвать рублевским началом. Писание икон, как и «литературный труд, было особой формой молитвы». Эти проникновенные слова Д.С. Лихачева отец Иннокентий не раз приводит в своих печатных работах. Думается, что и для него самого археографическая работа была тоже особой формой молитвы. Служение просвещению, науке для человека его склада было неотделимо от Служения Богу.

Известно, что великое видится на расстоянии. И можно полагать, что в грядущие времена станут еще заметнее роль отца Иннокентия в становлении плодотворного научного сотрудничества священнослужителей и ученых, работающих в государственных учреждениях, и значение его новаторских достижений в области археографии; и имя архимандрита Иннокентия (Просвирнина) закрепится в ряду славных имен подвижников отечественного просвещения.

¹ Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 333–336.

² Шмидт С.О. Международная конференция по изучению средневековой книжности // Вестн. АН СССР. 1985. № 12. С. 66.

³ Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 183–189.

⁴ Романова С.Н. О работе над справочником «История Русской Православной Церкви в документах» // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 93–96; Старостин Е.В. [Рецензия] // Там же. № 5. С. 126–127. Рец. на кн.: История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннот. справочник-указатель. М., 1993.

В. ШУКШИН И ЕГО СЦЕНАРИЙ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Василий Шукшин — писатель, режиссер, актер — давно уже любим и читателями, и кинозрителями. Произведения его подкупают цельностью, любовью и уважением к человеческому в человеке, непосредственностью восприятия жизни и особой душевной простотой. Это — высокие и очень чистые — достижения нашей современной культуры. Поэтому мне, как историку, было особенно отраднo, что В. Шукшин обратился к исторической тематике, и заранее интересно было узнать, что увидел такой настояющему современный и такой народный художник в далеком прошлом.

Новое произведение В. Шукшина посвящено Степану Разину, точнее Степану Разину и России — теме, неминусемо заставляющей и автора, и читателя (и, конечно, будущего кинозрителя) задуматься над такими важными, волнующими всех нас проблемами, как «человек и история», «личность и народ», «народ и государст-

Впервые опубликовано: Из прошлого в будущее: Проверка на дорогах: Об историзме кино: Сб. М., 1990. С. 190–195 (под назв. «История одного отзыва: О литературном сценарии В. Шукшина “Я пришел дать вам волю (Степан Разин)” (Москва, 1966 г.)»). *Переиздано:* Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 209–214 (под назв. «О литературном сценарии В. Шукшина “Я пришел дать вам волю (Степан Разин)”»).

во», «личность и государство», а также «пути и закономерности истории», «общее и особенное в историческом развитии», «возможности и ошибки исторического предвидения».

Передовые мыслители, выдающиеся художники слова, мастера музыки и изобразительных искусств постоянно обращались к истории, чутко улавливая связь прошлого с современностью. «Однако только история рода может объяснить истинные требования оного», — заметил еще Пушкин. Интерес В. Шукшина именно к Степану Разину и к великой народной войне, им возглавленной, понятен и естествен. Это, действительно, самый любимый народный герой феодального периода нашей отечественной истории, воплотивший в себе многие исконные черты русского характера. И не случайно, конечно, что Ленин произнес речь при открытии памятника Разину, что образ этот привлекал самых выдающихся деятелей русского искусства XIX–XX вв., что народные сказители сделали Разина героем и тех особенно памятных событий, которые на самом деле произошли задолго до его рождения (в русских исторических песнях Разин вместе с двумя другими любимыми народом богатырями Ильей Муромцем и Ермаком участвует в штурме Казани 1552 г. — победа над «Казанским царством» особенно поразила воображение народа, долгие годы терпевшего «от кровопролитий и пленений варварских»). Образ свободолюбивого богатыря, оказавшегося способным повести за собой народные массы, давно уже стал символическим образом, воспринимаемым обычно вне узких конкретных хронологических и локальных рамок. Тем труднее задача художника, желавшего, чтобы образ этот не утратил прочно вошедших в наше сознание как бы вневременных характерных черт, и в то же время решившегося его изобразить на фоне определенной исторической эпохи, представить в системе строго проверенных наукой исторических реалий.

Сейчас становится все более очевидным, что на формирование представлений о событиях прошлого особенно велико воздействие талантливых произведений художественной литературы и в последнее время — киноискусства (и нам, историкам-специалистам, нельзя с этим не считаться). Для наших современников война 1812 г. связывается прежде всего с эпопеей Толстого «Война и мир», а не с восприятием исторических документов и специальных трудов историков (хотя среди исследователей был и такой мастер исторической прозы, как академик Тарле), время Петра I — с романом Алексея Толстого и с воплощением образа Петра в кинофильме Н. Симоновым (хотя внешне Симонов и далек от многочисленных достоверных изображений Петра), пугачевщина — с «Капитанской дочкой» и романом Шишкова, 1905 г. — с «Броненосцем Потемкиным» Эйзенштейна, Гражданская война — с «Чапаевым», для молодого поколения Великая Отечественная война — с «Балладой о солдате». И, вероятно, благодаря «Оводу» Войнич (или его инсценировкам и экранизациям) мы особенно много знаем именно об итальянских карбонариях (а не о деятельности Риго в Испании или о французских революционерах 1848 г.), а деятельность леди Гамильтон мы представляем — именно благодаря кинофильму и чудесной актрисе Вивьен Ли — значительно яснее, чем деятельность ее более достойного внимания младшего современника Роберта Оуэна. Число подобных примеров нетрудно умножить. И это налагает особую ответственность на писателя, взявшегося воспроизвести далекое прошлое!

В. Шукшин знакомился и с первоисточниками, и с историческими исследованиями, и в произведении его учтены достижения ученых, изучавших события народной войны под предводительством Разина. Вряд ли только стоило так снижать образ Василия Уса, который, судя по новейшим историческим работам¹, был более самостоятельным и исторически значительным деятелем, чем его представил В. Шукшин. Василию Усу в меньшей степени, чем Разину, были присущи слабости казацкой психологии и идеологии; он склонен был искать длительного союза с горожанами; да и о непробудном пьянстве его как будто нет прямых данных в исторических источниках.

В. Шукшин знает многие бытовые подробности XVII в., данные эти ненавязчиво включены в сценарий и не кажутся (как это, к сожалению, зачастую бывает в так называемых исторических кинофильмах) взятыми напрокат музейными экспонатами.

В. Шукшин внимательно и любовно изучал язык памятников XVII столетия. Действующие лица его сценария говорят своеобразным языком, во многом близким старинному и в то же время вполне понятным нашим современникам, не имеющим специальной исторической подготовки. Отдельные характерные для той поры выражения умело включены в текст, так же как и отрывки современных Разину документов. Сделано это тактично, ибо нельзя, чтобы герои современного фильма говорили языком людей XVII в. (в этом одна из причин неприятия широким читателем романа А. Чапыгина о Ст. Разине), и в то же время излишняя современность языка могла бы привести к утрате ощущения аромата старины и казалась бы неуместной на фоне изобразительных реалий XVII в.

Вероятно, было бы нетрудно отметить в сценарии некоторые отступления от известных нам исторических фактов (или, точнее, введение неизвестных по источникам фактов), бытовых наблюдений и вольности языкотворчества (в отдельных случаях я сделал это карандашом на полях машинописи). Но ведь задачей автора было создать не учебный исторический фильм, не справочник по истории старинного быта и не учебное пособие по истории русского языка, а художественное произведение, передающее дух исторической эпохи, правду главного, а не частных. И это В. Шукшину удалось.

Конечно, В. Шукшин под определенным углом зрения, руководствуясь своим художественным и в то же время научно-историческим видением, реконструировал исторические события: включил в сценарий лиц, о которых нам ничего не известно по сохранившимся памятникам, заставил их говорить слова, также не запечатленные в источниках. Но это — право художника, а в художественном творчестве воображение играет особенно большую роль. Напрасно только думать, что в творчестве ученого историка воображению отведено малозаметное место. Ведь историк обладает знанием отнюдь не всех фактов, относящихся к изучаемому им явлению, а лишь немногих фактов, фрагментов знаний об этом явлении. Особенно заметны эти пробелы при изучении жизни народных масс и народных движений в антагонистических обществах: мы вынуждены пользоваться, как правило, документами, вышедшими из среды, враждебной народу, искаженно отражающими народные чаяния и действия. Ведь народ в то время был безграмотным, а устные предания обычно существенно подновлялись на протяжении веков. Не имеем

мы, историки, и возможности экспериментальным путем воспроизвести явление прошлого, а следовательно, проверить абсолютную точность его описания. И поэтому всегда должны прибегать к мысленному эксперименту, т.е. тоже к приему исторической реконструкции, должны как бы дорисовывать в своем сознании слабо освещенные стороны и взаимосвязи изучаемых явлений и в своих многочисленных чертежах пользоваться — на основе типизации наблюдений — и жирными линиями, и пунктиром. И задачи историка-ученого и писателя-художника близки: стремление к показу и выявлению наиболее характерных и достоверных с их точки зрения фактов. Этим определяется и несомненное сходство в восприятии читателями трудов историков и писателей. (Не случайно ведь некоторые неискушенные читатели пишут письма литературным героям.)

В. Шукшин сумел избежать опасности модернизации мышления и действий своих героев. Автор видит, конечно, их поступки «свежими и нынешними очами» нашего современника, но действуют и говорят его герои так, как могли действовать Разин и его современники, — так не подтверждаемые историческими источниками факты (такие, как, например, разъяснение Разиным, почему он вынужден использовать самозванца в своей армии, сближающее эту сцену с есенинским «Пугачевым», или убийство Матвея Иванова) кажутся художественно достоверными и, соответственно, исторически допустимыми.

В сценарии как бы ощущается «бунташный» XVII в., век закрепощения крестьян, великих народных восстаний Болотникова и Разина, массовых городских волнений и вольной крестьянско-казацкой колонизации окраин государства. Показаны и свободолюбие, и дикая ненависть к угнетателям казацкой вольницы (и городских низов), и в то же время ее неорганизованность, историческая ограниченность даже самых умных и смелых мыслителей казаков (они боролись не столько за что-то, сколько против конкретно осязаемого зла); и «разбойный» характер разинщины и страстная тоска по обычному крестьянскому труду; и вековое озлобление на господ, страх перед «бумагой»; и умственная темнота и мужественное простодушие, непосредственность и душевное богатство и благородство этой вольницы (как привлекательны образы Макси и старого деда!). Показаны и потребность казаков в вожде, способном повести их за собой, и то, почему именно Разин смог на длительное время стать таким вождем.

Глубоко впечатляющ образ самого Разина — убежденного, мужественного, страстного вождя. Разин плоть от плоти этой казацкой вольницы — и удаль, и практическая смекалка, и ум, и даже наивность и заблуждения у него казацкие, и в то же время он куда значительнее всех других казаков; и это делает понятным, почему именно он сумел приобрести у казаков авторитет, а затем и стать знаменем восстания в Поволжье. По-суриковски крепко, ярко, живописно (и одновременно всегда индивидуализированно) даны образы других казаков. Менее выразителен (как бы в графической манере) царь. Впрочем, это, видимо, художественно оправданно, так как не рассредоточивает внимание читателя (и зрителя), притянутое к разнице, и позволяет автору ввести — не нарушая художественного единства — публицистические ремарки и оценки. Живописно и также широко, просторно изображены массовые сцены. Народ — не хор трагедии, позволяющий эффектно выделить или уяснить поступки героя, не живописный фон, оттеняющий его зна-

чительность и своеобразие. Народ — полноправный участник драматического действия, разыгрывающегося перед зрителем, действия очень динамичного, насыщенного событиями. В сценарии В. Шукшина и герой — народ, и народный герой — Степан Разин.

Это — эпически-трагедийное произведение, без примеси снижающей трагедийность мелодраматичности. В. Шукшин верно выразил дух эпохи Разина (гораздо справедливее эти годы называть временем Разина, чем временем царя Алексея Михайловича!), и тем самым произведение его будет способствовать не только развитию и усилению интереса к особо значительным явлениям истории, но и формированию правильных исторических представлений об этих явлениях. С исторической точки зрения вполне допустимы и публицистические отступления в сценарии, и откровенно авторская интонация Матвея Иванова. Это восходит к давним традициям русской классической литературы, к Пушкину и Льву Толстому. О сценарии В. Шукшина не хочется писать языком историка-профессионала, с позиции ученого-специалиста. Это — прежде всего мастерское художественное произведение, произведение большой мысли и большой силы эмоционального воздействия. Пусть же поскорее замысел В. Шукшина воплотится в кинофильм!

Послесловие

Публикуемый отзыв написан в декабре 1967 г. Незадолго до того Лев Моисеевич Рошаль обратился ко мне в Московском государственном историко-архивном институте (где мы оба преподаем) с вопросом: как бы отнесся к тому, если бы ознакомили с киносценарием Шукшина о Степане Разине? А через несколько дней из редакции журнала «Искусство кино» прислали сценарий с сопроводительной запиской на бланке издания, подписанной С.Г. Розеном, в которой просили «дать научное заключение на эту работу». Записка датирована 14 ноября 1967 г.

Признаться, к чтению приступил с некоторой настороженностью. Проза и фильмы Шукшина воспринимались с особым чувством. Но ведь это о современной жизни, об ощущениях современников в изображении и оценке поступков, мыслей, образа жизни их тоже нашим современником; здесь же — тема историческая... Но я, как и многие другие, уже тогда, а еще в большей мере позднее, оказался плененным самобытным талантом Шукшина, проявившимся и в видении, осмыслении и воспроизведении далекого исторического прошлого. Осмыслении в духе, как определил бы сегодня, народной истории, т.е. и понимания событий народом, и понимания роли народа в истории.

Конечно, сейчас бы написал по-другому. Много не только в недавнем прошлом, но и в далеком воспринимается и оценивается иначе. «Бегут, — говоря словами Пушкина, — меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас». Особенно теперь, под впечатлением происходящего на наших глазах, обнаруживаешь и провидчество Шукшина, способность его увидеть элементы настоящего в глубинах истории народа, проникнуть в корневую взаимосвязь времен. Больше мы знаем о Василии Макаровиче и его творчестве. Обогатились наши конкретные знания о времени Степана Разина, вообще об истории и ее месте в жизни человека, в формировании основ общественного сознания. Текст 1967 г. в русле моих размышлений именно

тех лет о проблемах источниковедения и историографии, нашедших отражение и в научно-популярной форме — в статье «Историзм мышления», напечатанной дважды (второй раз в расширенном виде) в сборнике статей общественных деятелей и деятелей культуры «Наука убеждать», подготовленном в издательстве «Молодая гвардия» (1967, 1969). Но текст печатается таким, каким он был в декабре 1967 г.; и интересен он прежде всего тем, что это документ того времени.

Сценарий был напечатан в журнале «Искусство кино» за 1968 г., в № 5 (с. 143–187) и № 6 (с. 131–185). А затем мне позвонил от имени Шукшина (находившегося в то время вне Москвы, на съемках) директор картины с просьбой проконсультировать при постановке фильма и помочь Василию Макаровичу увидеть в архиве (речь шла о Центральном государственном архиве древних актов) подлинники документов XVII в., и особенно «прелестных писем» Разина, т.е. грамот, которыми он «прельщал», привлекал на свою сторону народ. Я согласился, но желание В.М. Шукшина уже тогда приступить к работе над фильмом не осуществилось.

Об этом отзыве зашел позднее разговор в доме наших общих знакомых Румянцевых — Ольги Михайловны (редактора журнала «Октябрь», члена партии с дореволюционным стажем, скончавшейся 14 декабря 1988 г.) и ее дочери Ирины Георгиевны (скончавшейся 14 апреля 1979 г.). Дом Румянцевых стал в 1960-е гг. для Василия Макаровича родным. В воспоминаниях о Шукшине «Говорить правду, только правду» (в книге «О Шукшине. Экран и жизнь». М., 1979) Ольга Михайловна пишет о том, как образ Степана Разина и мотив воплощения его в искусстве сопутствовали Шукшину все время, пересказывает содержание и моего отзыва на сценарий (с. 272–273). Несколько раз Румянцевы звонили мне, когда «Вася» (как они называли его) заходил к ним. Но меня не оказывалось дома. Познакомились мы на премьере фильма «Печки-лавочки» в Доме кино. Говорили с ним (и Ириной Георгиевной Румянцевой) об этом фильме, об образе мыслей и жизни «дипломированной» интеллигенции, о характере моды в ее среде на «народное». Поразила не столько мужиковатая угловатость Шукшина, которая сразу внешне бросалась в глаза, сколько интеллигентская застенчивость, несветская серьезность, впитывание мыслей собеседника. Условились встретиться в доме у Румянцевых, поговорить и о Разине. Потом получил по почте книгу «Беседы при ясной луне» с надписью: «Сигурду Оттовичу Шмидту — на память, с уважением. Май 74 г. В. Шукшин».

А утром 3 октября 1974 г. Ирина Георгиевна прокричала мне горестно в телефонную трубку: «Вася умер!» Мы его хоронили. Букет и моих светлых роз лег в его гроб.

Теперь понимаю все яснее, что уход из жизни Василия Макаровича Шукшина в момент такого взлета его дарования, такого обостренного осознания не только настоящего, но и его связи с прошлым, с истоками отечественной истории — невосполнимая потеря и для развития исторического мышления. Ведь историю народ познает в значительной мере через творчество действующих на его разум, сердце и воображение художников слова, театра и кино, мастеров изобразительного и музыкального искусства.

¹ Чистякова Е.В. Василий Ус — сподвижник Степана Разина: Пособие для учителей. М., 1963.

НАСЛЕДНИК РОССИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В.Я. ЛАКШИН

Мы собрались в год юбилея журнала «Новый мир», его 75-летия, а пик славы журнала и его воздействия на общественное сознание — это время, когда редактором был Твардовский, пригласивший в редколлегия и потом своим первым заместителем Лакшина. 2000 г. — это и год 30-летия с тех пор, когда журнал Твардовского перестал существовать. Для людей моего поколения «Новый мир» Твардовского едва ли не самое знаменательное и запомнившееся явление культуры и общественной жизни периода, наступившего после разоблачения культа личности. Деятельность именно Лакшина во многом определяла лицо «Нового мира» тех лет. И Твардовский — всемирно авторитетный литератор, любимый поэт России, особенно современников Великой Отечественной войны, прижизненно признанный классиком нашей литературы, пригласив Лакшина, имел основания для такого выбора. Великий поэт ведь был глубоким мыслителем в своих поэтических произведениях и автором интересных и оригинальных статей и устных выступлений о классиках нашей литературы прошлой и о современниках. А Лакшин, как никто другой, совмещал в себе, подобно Добролюбову, и литературного критика, и ученого историка литературы. И полагаю теперь, что они оба — и Твардовский, и Лакшин — ставили перед собой задачу не только формировать общественное сознание и самоуважение людей, но и возратить характерное для литературы русской в XIX в. уважение и интерес к толстым журналам.

И вспоминая Лакшина, должно, конечно, говорить о «Новом мире» и противостоять некоторым недостойным суждениям, обнародованным в дни юбилея журнала, и потому солидаризируюсь с выступлением В.А. Твардовской и в его пафосе, и в его горечи.

Но оставленное в памяти Лакшиным, внесенное им в нашу культуру и в нашу науку не ограничивается временем его работы в редакции «Нового мира». Он был и приглашен туда потому, что уже стал известным читающей публике выдающимся литературным критиком, автором книги «Толстой и Чехов» и многих статей, любимым преподавателем в Московском университете, а после ухода из журнала более двадцати лет издавал книгу за книгой, статью за статьей, и некоторые из этих трудов прочно закрепились в историографии литературоведения; стал редактором журнала «Иностранная литература», академиком Российской академии образования, приобщал к высокой культуре миллионы телезрителей. И только учитывая все это, можно в должной мере осознать и то, что стремился сделать Лакшин в «Новом мире», — успел сделать и понять то, что деятельность редколлегии «Нового мира» Твардовского, Лакшина и их сотоварищей привела к изменению понятий о роли журналов в нашей повседневности, в формировании нашего сознания, и следствия того были разные и отнюдь не однозначные — одним из них была и противостоящая направленности «Нового мира» и его откровенной тенденции возрождения лучших традиций российской интеллигенции дея-

тельность кочетовского «Октября», а затем и иных изданий более близкого к нам времени.

«Новый мир» Твардовского не только привлек к участию в журнале прогрессивно мыслящих людей, но и даровитейших мастеров художественного слова. Сосредоточивая внимание на современной России, ее будущем, традициях культуры, которые следует передать этому будущему, «Новый мир» был по-пушкински отзывчив к явлениям мировой литературы, мировой истории, интернационален в широком смысле этого понятия. Отечественная литература и отечественная история мыслились как части всемирных явлений, обогащающих их и обогащаемые ими.

Лакшин — подлинный наследник российских просветителей, деятельность которых восходит еще к журналам Новикова. И здесь вспоминаются сеятели «разумного, доброго, вечного» — не только революционные демократы, но и Карамзин, и Пушкин до Белинского и Герцена, и Чехов на рубеже XIX и XX столетий.

Для Лакшина, как и для них, задачи эстетики и этики неотторжимы друг от друга.

Он более других своих современников тяготел к традиции великих критиков, целью которых было воспитание общественного сознания и нравственности. У нас — увы! — укоренилось представление о том, что критиковать — это значит находить недостатки, т.е. заниматься только критиканством. Между тем называвший себя сам критиком Белинский не только отмечал слабые стороны творчества Бенедиктова, но и первый написал цикл статей о Пушкине, восхищался Лермонтовым. Лакшин неизменно сохранял и собственное достоинство, и старался сохранить и поддержать достоинство русской литературы, русской культуры России.

Лакшин действовал с убеждением в том, что его долг приобщать к ценностям культуры и России, и мира, приобщать и взрослых, и юных. Он был Учителем и по дарованиям своим, и по вере своей в то, что просвещение — основа нравственности. Эта мысль, не раз формулированная и Карамзиным, и Пушкиным, была близка и понятна ему. И человек, глубоко современный по мироощущению и ясно чувствующий, что доходит быстрее и крепче до ума и души наших современников, особенно молодежи, Лакшин сразу же понял значение телевидения в формировании и поддержании наших эстетических и этических представлений. И явился творцом подлинно научно-просветительского направления в телевидении и одновременно — художественного. Полагаю, что ему тут помогали не только его знание истории театра и драматургии, но и общение со средой актеров, опыт и семейных наблюдений, и размышлений над зрительским восприятием. Вообще восприятие написанного и сказанного — одна из главных и волнующих тем лакшинского творчества, что отражено даже в заголовке статей его в «Новом мире»: «Писатель, читатель, критик». Педагогика для Лакшина прежде всего воспитание, воспитание души и ума. И это тоже традиция великой русской литературы, отраженная даже в биографиях, в тематике произведений ее классиков — и Карамзина, Жуковского, Пушкина, и позднее Льва Толстого, Достоевского, Чехова.

Лакшин сумел остаться воплощением русской интеллигенции и, что гораздо труднее, совмещенности этого понятия с понятием «интеллигентность».

Слово «интеллигенция» западноевропейской лексики пришло в западные языки из литературы России. В оксфордском словаре английского языка, во французском словаре «Ларусс» написано, что это «латински звучащее слово из России и означает свободно мыслящую часть человечества». И не могут перевести разницу в смысле слов «интеллигенция» и «интеллигентность».

Интеллигенция — образованность, интеллигентность — манера поведения, свойство мысли. Немногим это дано в совмещении.

Слово «интеллигенция» придумал и впервые написал не Боборыкин, а Жуковский еще в год рождения Боборыкина, в дневнике 1836 г. Это слова пушкинского круга. У меня об этом статьи 1990-х гг., и это мнение утвердилось в статьях сборника «Русская интеллигенция. История и судьба», вышедшего в издательстве «Наука» в 1999 г.

Когда Пьера Безухова Толстой в «Войне и мире» приводит в салон фрейлины Анны Павловны Шерер, молодой человек полагает, что там собралась петербургская «интеллигенция», и он ожидает услышать умные речи, а вынужден слушать дебила князя Ипполита. То есть уже в середине прошлого века не смешивали понятия «интеллигенция» и «интеллигентность». Не всякий интеллигент по своему образованию и профессиональным занятиям интеллигентен. Разделение в реальности «интеллигенции» и «интеллигентности» все более ощутимо — и это едва ли не главная утрата нашей российской культуры, потеря ее драгоценной и привлекательнейшей особенности. И за рубежом это тоже понимают.

Когда несколько лет назад Нобелевский комитет пригласил двух россиян, воплощающих для них совмещение интеллигенции с интеллигентностью, они выбрали двух человек: Дмитрия Сергеевича Лихачева и Булата Шалвовича Окуджаву. И они были правы, потому что эти лица — воплощение такого совмещения. Вот к такого рода людям можно отнести и Владимира Яковлевича Лакшина.

Как историк, понимаю, что ко всякому явлению прошлого следует подходить с двух позиций: какое значение оно имело для современников и как оно по своим последствиям оценивается потомками, а если это явление культуры, то в какой мере востребовано ими. Некоторые явления, оказывавшие заметное воздействие на современников, сильно волновавшие их, со временем утрачивают эту силу, особенно в наш быстротекущий век с его сменой событий и впечатлений.

И я рад, что сегодня мы снова собрались и что люди, которые по возрасту не могли общаться с Владимиром Яковлевичем, тем более не могли переживать те ущемления, которые были нанесены совести народа закрытием «Нового мира», что они здесь. Потому что нельзя говорить, что люди уходят из жизни. Они уходят из повседневности. Мы не можем с ними общаться. Они живут в нашей памяти. Но они, те, которые заслужили, они остаются в жизни.

И радуется, что в канун новых столетия и тысячелетия собравшиеся в этом зале ощущают себя современниками не Доренко или наукообразно искажающего наше прошлое Фоменко, а современниками Лакшина, имя которого будет достойно представлять наше время в будущем, перейдет в грядущее тысячелетие.

«НЕ ПОКУПАЮТСЯ, НЕ ПОКУПАЮТСЯ
ДОБРОЕ ИМЯ, ТАЛАНТ И ЛЮБОВЬ!»

К 70-летию Булата Окуджавы

У моего письменного стола на книжной полке среди портретов дорогих мне людей стоит фотография Булата Окуджавы, несмотря на то, что мы никогда, казалось бы, особенно близки не были. Трудно сказать кратко, чем для меня является Булат. Он — тепло моей памяти. В мои годы, когда уже душа, по мудрому определению Тютчева, — Элизиум теней, когда живешь уже как бы одновременно и настоящим, и прошлым, Булат помогает поддержать ощущение взаимосвязи времен, взаимосвязи культуры, тот желанный биоритм культуры, к которому привык — не только физически, но и психологически.

Наша совместная фотография сделана в Музее Герцена его директором Ириной Александровной Желваковой. Дом-музей Герцена и Музей Пушкина на Пречистенке — это места, которые являются неким символом сохранения преемственности нашей отечественной культуры, причем в ее арбатском варианте. И хотелось бы сегодня сказать в первую очередь об Арбате Булата Окуджавы.

Булат многогранен, его творчество нельзя свести к одному только Арбату. Но полагаю, что воспетое им «арбатство» во многом предопределило самого Булата, во многом предопределило и отношение к нему.

Булат сетует, будто бы и его вина есть в том, во что превратился Арбат («все время пел об Арбате, вот к нему и привязались»), сделавшийся одновременно и местом обитания элитарных чиновников, могущих выбирать для себя адрес жительства, и в то же время — воплощением псевдокультуры, а заодно и совершенно неупорядоченных форм торговли. На самом деле все и так, и не так.

Арбат — как общеизвестно и общепринято понимать — это не только сама улица, но средоточие улиц и переулков, создающих какой-то особый ареал традиционной российской интеллигентности. В районе Арбата в недавние годы старались поселиться прежде всего потому, что он оставался районом, где нет заводов, относительно чистый воздух, бульвары, почти нет транспорта и выхлопных газов, где находятся жизненные удобства элиты, ее поликлиника, где близко самые главные и важные правительственные учреждения, где основные центры культуры — театры, консерватория, кино, библиотека, старое здание университета. Все это само по себе заманчиво. Но, конечно, роль Булата здесь тоже велика, ибо не в последнюю очередь благодаря ему сложилось мнение, что всякий живущий на Арбате уже как бы является носителем какого-то особого интеллигентского начала. Не случайно, когда выпустили недавно журнал «Бестселлер», круг читателей которого демонстративно ограничили элитарной интеллигенцией, то сочли выигрышным поместить на обложке портрет Булата Окуджавы. Видимо, это подчеркивание имеет основание для тех, кто опасается, что без внешней атрибутики их могут и не принять за интеллигентов...

Впервые опубликовано: Авторская песня. 1994. № 2. С. 13–14. (Спецвыпуск «Несколько слов о любви... Булату Окуджаве»).

Булат — действительно символ интеллигенции. Интеллигенции нашего времени, интеллигенции двадцатого века. И — символ арбатской интеллигентности. Привнесенное им в литературу слово «арбатство» прежде всего может быть отнесено к нему самому. Даже сейчас, когда он, переселившись в Безбожный переулок, называет себя «эмигрантом арбатского двора», он возвращается к своему истоку и мыслит категориями привычного ему «арбатства».

Булат Окуджава действительно серьезно повлиял на общественные представления об Арбате. И не нужно этому удивляться! Это — путь развития, путь рождения и формирования наших исторических знаний. Ну, посудите сами: вы, конечно, знаете об Отечественной войне 1812 г. Как это знание в вас вошло? А просто совсем маленьким вам прочитали «Бородино» Лермонтова. Когда стали старше, открыли для себя «Войну и мир» Толстого. Если же вы еще не читали «Войну и мир», то уж по крайней мере смотрели фильм. И уже потом, даже избрав профессию историка, выдержав конкурс в историко-архивный институт, университет, педвуз, вы знакомитесь с исследованиями ученых, хотя среди авторов таких трудов — и знаменитый академик Тарле... Еще более это убедительно при подходе к истории революции первой половины XIX в. в Западной Европе. Всем известно особое значение событий 1830 г., и еще большее — 1848 г. А помнят люди прежде всего о карбонариях в Италии — под впечатлением «Овода» Войнич, кинофильмов об этом, музыки Шостаковича. Такие примеры нетрудно множить.

Конечно, от Окуджавы, от его стихов, которые все читали, пели, произошел в значительной степени современный образ Арбата. Когда я стал заниматься Арбатом специально, уже имея большую профессиональную подготовку, познакомившись с обильным материалом, то понял, насколько глубоко, проникновенно и правильно охарактеризован Окуджавой Арбат. «Ты течешь, как река...» — это вообще великое стихотворение, хрестоматийное, которое должно включать в антологии самого избранного нашей российской поэзии.

Но образ, созданный Булатом Окуджавой, оказался удивительно исторически достоверным, проникновенным и соответствующим накопленным новым сведениям о прошлом Арбата. Воистину прав был Пушкин, когда в споре о том, кому принадлежит история, царю или народу, заметил: история принадлежит поэту!

Булат — певец Арбата. Казалось бы, в наше время нужно бежать прочь от городского шума — туда, где «дым костра создает уют»... Но Окуджава излечивает нас, оставаясь очень урбанистичным поэтом. Оказывается, и в городе можно оставаться самим собой! Можно избавляться от суеты, если у тебя есть достаточное богатство души, если рядом с тобой люди, которые тебе близки...

...В связи с недавним 500-летним юбилеем Арбата был подготовлен альманах «Арбатский архив», который сейчас сдается в производство, благодаря помощи ассоциации «ВЕСТ». И сразу же после большой статьи о роли Арбата в истории культуры России там идет подборка стихотворений и песен «Арбат Булата Окуджавы». Без такого материала немислим альманах об Арбате — иначе, как говорится, нас не поймут! Булат предварил эту подборку небольшим предисловием, назвав его «А годы проходят, как песни...». Вот они, его слова:

«Я много раз говорил о том, что Арбата больше нет. Я сетовал об этом. Действительно, его физическое существование так резко преобразилось, что ничего ино-

го и не скажешь. И это, увы, не только мое мнение. Так думают многие арбатцы. Но, к счастью, Арбат стал символом еще задолго до своей физической гибели. Он продолжает им оставаться и до сих пор. Нельзя уничтожить историю, дух. Они продолжают существовать и подогревают и вдохновляют нас на деятельность. И то, что мы скорбим, засучиваем рукава, пытаясь уберечь свое прошлое, то есть самих себя, — разве это не признак того, что истинный Арбат уже прочно в нашей крови.

А стихи об Арбате, написанные еще тогда, когда он существовал, что ж, это ведь частица моей жизни тоже. Стихи, как и жизнь, невозможно переписать заново...

Булат Окуджава. Август 1993 г.»

* * *

Почему же Булат остался необходимым всем нам, тогда как многие другие отшумели и ушли?

Он стал известен тогда, когда появились первые популярные имена шестидесятников, но был старше самых громкогласных и славолюбивых из них. Он быстро завладел умами молодежи, но одновременно оказался таким желанным и ожидаемым старшими поколениями...

Булат — единственный, пожалуй, из всех шестидесятников, кто был и остался дорог сразу четырем поколениям, если считать отрезок времени деятельности поколения 17–18 лет. Почему? По-видимому, здесь дело и в его биографии, и в свойствах его души: «Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь».

Булат принадлежит к фронтовому поколению. Поколению, кроме того, пережившему все ужасы «ежовщины», утраты и страх вероятной безбудущности. Все, о чем он пишет, им прочувствовано и выстрадано. Он действительно имел право так написать, ибо сумел сохранить веру в людей, в доброту. Подлинный фронтовик, знающий, что такое героизм и ужас войны, он познал ценности духа, познал радость человеческого общения в нечеловеческих условиях, обрел житейскую мудрость.

В том, что он стал писать песни, что так много песен писали на его стихи, есть, вероятно, и психологическое начало: когда кругом тяжело, непонятно и зыбко, превозмочь эту тяжесть легче с песней — прилюдно, не наедине, когда, казалось бы, не один слушаешь «надежды маленький оркестрик». Фактически это традиция великой литературы, сближающая Окуджаву с самыми классическими поэтами первой половины XIX в. — Пушкиным, Лермонтовым, Гейне, — когда самые замечательные стихи становились романсами.

Вообще-то Булат по доходчивости и метафоричности своего стиха, я бы сказал, находится в русле самой классической русской литературы. У него совершенно нет трюкачества, игры в формалистические изыски. Это — элементы той классической простоты, которая, конечно же, свойственна столь любимому им Пушкину. В основе творчества Окуджавы — нравственная высота русской литературы.

Думаю, еще один элемент сыграл важную роль в поэзии Булата. Это — его грузинское начало, великая культура искусства тамады, искусство произнесения слова за гостеприимным грузинским столом, мудрость и благожелательность к собеседнику.

Булат был и остался очень демократичным человеком — это свойство его натуры. Достигнув высокой элитарности положения в литературе, он остался очень

демократичным и во внешнем облике, и в отношениях с людьми. И это-то есть, собственно говоря, основа понятия российской интеллигентности — и в нашем понимании, и в зарубежном. Ведь не случайно, что на вручение Нобелевской премии 1993 г. пригласили двух наших соотечественников: Дмитрия Сергеевича Лихачева, являющегося опять же символом интеллигентности и нравственного начала, и — Булата Шалвовича Окуджаву! Это достаточно символично и красноречиво говорит о том, что именно связывают за рубежом с понятиями о великом вкладе России в культуру, науку и развитие нравственного начала в человеческой жизни. И это очень важно!

День 9 мая объединяет людей, особенно пожилых, печалью и какой-то душевной просветленностью. День окончания войны. День Победы. День радости и скорби о стольких невернувшихся!

В этот день во дворе дома, где прошло детство Булата, где до сих пор жива одна из двух посаженных им березок, по зову души собираются молодые люди и несколько часов подряд читают стихи и поют песни Булата. Собираются слушатели, ведут себя тихо, уважительно, задумчиво. Это все происходит близко от моего дома, и я всегда стараюсь урвать хоть какое-то время, чтобы тихо постоять там с думами о былом и о тех, кто уже не вернется. То есть — войти в тот самый Элизиум теней, о котором упоминал в начале. И мне радостно от того, что «младая жизнь» играет рядом.

Булат нужен людям, потому что в нем есть мудрая доброта. С годами все более убеждаюсь в том, что это уникальное и самое драгоценное человеческое свойство. Вот именно это нечасто наблюдаемое сочетание — таланта, доброты и нравственности — воплотилось в Булате. В нем присутствуют одновременно и эстетическое, и этическое начало. Думается, именно это и дорого многим...

ВИКТОР ЛИПАТОВ

Виктор Сергеевич Липатов (1935–2007) — видный писатель-эссеист, публицист, поэт, искусствовед, общественный деятель. Сын сельской учительницы и шахтера, родился в Донецкой области, но высшее образование получал в Москве — в 1957 г. окончил Московский государственный историко-архивный институт, где мы и познакомились. В.С. Липатов — один из самых даровитых и достойных его выпускников, человек светлой души и воплощение уже едва ли не атавистических представлений о российской интеллигентности. Человеческие качества особенно выделяли его, когда он оказался на ответственной комсомольской работе — в 1959–1963 гг. В.С. Липатов был секретарем горкома ВЛКСМ в подмосковном Подольске. Затем он был занят организационно-редакторской деятельностью: заведу-

Впервые опубликовано: Арбатский архив. М., 2010. Вып. 2. С. 281–283 (под назв. «Об авторе» перед публикацией: Липатов В. Рыцари правды и красоты (В. Поленов, В. Серов, В. Борисов-Мусатов, П. Корин)).

ющий отделом, позже заместитель главного редактора газеты «Московский комсомолец», в 1966–1986 гг. — член редколлегии, редактор отдела комсомольской жизни, потом литературы и искусства газеты «Комсомольская правда». В период значительного общественного внимания к этой газете В.С. Липатов — автор эссе на темы нравственности, литературы и искусства — в плееде особо любимых и уважаемых читателями журналистов. Много лет он был ведущим знаменитой рубрики «Этюды о художниках». Изящно написанные, основанные на огромном научном материале очерки эти имели большое значение для формирования эстетических и нравственных представлений молодежи, воспитания у нее уважения к наследию мировой культуры и в то же время становились нередко и новым словом в искусствоведении. Из этих талантливых эссе составила популярная книга «Краски времени». Некоторые сочинения о мастерах, творивших на Арбате и в Приарбатье или в домах арбатских меценатов, включены в наш альманах. Очень важно было бы обеспечить возможность ознакомления с наследием В.С. Липатова ученых и учащихся. Это памятники и общественной просветительской культуры.

С 1986 г. В.С. Липатов стал главным редактором журнала «Юность». Сменив на этом посту своих знаковых предшественников — Валентина Катаева, Бориса Полевых, Андрея Дементьева, он сумел сохранить лицо журнала, верного гуманистическим традициям русской классической литературы. Поэт тонкого лиризма и одновременно философской мысли, обнаруживает в своих стихотворениях (объединенных в нескольких поэтических сборниках) воздействие русских лириков XIX в. и романтической поэзии первых десятилетий XX в. Показательны названия некоторых из сборников — «Тайна сдержанного сердца», «Свет в ладонях». В.С. Липатов — лауреат литературных премий, а также премий Ленинского комсомола и имени Николая Островского. В.С. Липатов с самого начала был членом редколлегии «Московской энциклопедии», городской экспертной комиссии книгоиздания (где был председателем секции «Москва в классической литературе»), энергично содействовал изданию литературы о Москве, сочинений московских писателей. Многие начинающие авторы обязаны именно ему вхождением в художественную литературу.

Скромность, душевность, доброжелательство и подлинная образованность снижали ему большую симпатию коллег и читающей публики. Это нашло отражение и в словах скорби на страницах центральных и московских газет в январские дни 2007 г.

А.Г. ВЕКСЛЕР — АРХЕОЛОГ-МОСКВОВЕД

Творческая и научная деятельность А.Г. Векслера растянулась на долгие десятилетия и как бы имеет два плана: Векслер — ученый, Векслер — просветитель. Главная тема его творчества — Москва. Ко всем историческим явлениям мы под-

Впервые опубликовано: Археология Москвы — линия жизни: Сб. статей и материалов к 80-летию А.Г. Векслера. М., 2102. С. 31–33.

ходим с двумя критериями: что они означают для современников и как оцениваются теми, кто через какое-то время будет заниматься теми же проблемами и при таком подходе, когда личные ощущения современников уже не фиксируются памятью, а остается преимущественно оценочная характеристика созданного. О профессоре А.Г. Векслере будут говорить как о человеке, трудами которого и его сотрудников оформилась археология древней Москвы как обязательная составная часть изучения нашего великого города.

Археологией Москвы интересовались издавна. Значение археологических раскопок понимал еще И.Е. Забелин. В ГИМе, где работали В.А. Городцов и его ученики, очень ценили все археологические находки, позволяющие узнать больше о прошлом. Самый широкий знаток П.Н. Миллер в своих выставках «Московский мусор» понимал их исключительную значимость для просвещения москвичей. Он всячески старался привлечь внимание к пониманию ценностей, извлеченных из земли. Вехой были археологические работы, организованные в период строительства Московского метро, где особенно себя проявил ставший первым заведующим кафедры археологии МГУ Артемий Владимирович Арциховский, воспитавший будущую школу археологов.

Из поколения студентов, когда я учился, на старших курсах особенно выделялся М.Г. Рабинович, сделавший археологию Москвы главным предметом своего творчества. Исследование им московских материалов наряду с другими источниками обеспечило основательность источниковой базы его трудов, в частности такой крупной работы, как «Развитие ремесла в Средневековой Руси». Мой учитель М.Н. Тихомиров в своих исследованиях древней Москвы стремился использовать и археологические материалы, но по-настоящему, в широком плане и без перерывов, развернулась эта работа благодаря эрудиции и умелой настойчивости А.Г. Векслера. Именно тогда стали организовывать серьезные и достаточно дорогостоящие раскопки в центре города при новом строительстве, постоянные выставки находок приучили к тому, что археологические если не раскопки, то, по крайней мере, разведки должны предшествовать строительству на всей территории разрастающейся во все стороны Москвы. В результате раскопок существенно обогатились не только музеи, но и само представление широкой публики о значимости такого рода исторических памятников, отнюдь не всегда выразительных, чаще всего во фрагментах, но в целом дающих научное основание для представления, как развивалась жизнь на территории Москвы на протяжении тысячелетий, а не только сотен лет.

Регулярные исследования, организуемые археологическими группами и умело направляемые А.Г. Векслером, еще более убеждали в том, что 1147 г. — это дата не создания Москвы, а лишь первого, самого раннего из дошедших до нас упоминаний о Москве. Принимавший другого князя Юрий Долгорукий организовывал этот прием в месте, где уже были удобства городской жизни, характерные для того времени. Александр Григорьевич обогатил нас обобщением данных о большой территории средневековой и досредневековой Москвы. Он вел раскопки не только в старых районах, близких к Кремлю, как, например, совсем близкая территория Арбата, но и в других — дальних районах. Благодаря его деятельности зафиксировано более тысячи памятников на территории Москвы, из них 15 памятников

музеефицированы. Очень существенно то, что сама организация раскопок становилась школой обучения молодежи и в то же время сферой распространения подлинных исторических знаний. Конечно, организовывать такие же глубинные, в плане проникновения в глубь земли, и достаточно длительные раскопки на Великой улице, или на Арбате, в самом Кремле было невозможно. Но сопоставление обнаруженных артефактов в разных местностях давало право сравнения с материалами из Кремля, создавало понятия типологии памятников материальной культуры, создававшихся внутри Кремля. А если учесть, что одновременно происходили грандиозные по масштабам раскопки в Великом Новгороде, а также раскопки и в других, меньших по масштабам и исторической значимости, городах Средневековья, то теперь можно утверждать, что накапливался все больше вызывающий доверия материал для социологических обобщений и историко-культурных наблюдений и соображений об особенностях исторического развития различных регионов всей допетровской России.

Работы, проводимые под руководством А.Г. Векслера, окончательно убеждали нас в том, что историю Москвы нельзя представить и, соответственно, писать о ней без осмысления периода до 1147 г., а также последующих столетий, бедных уцелевшими источниками. И открытия московских раскопок стали важным фактором развития наших понятий о возможностях археологии, методики исследований и информативности ее данных в целом. Лично большой заслугой Александра Григорьевича является то, что он не ограничился статьями, предназначенными для специалистов, а изначально полагал необходимым широко популяризировать археологические данные о Москве. И это имело и имеет большое значение уже для совершенствования самой системы распространения исторических знаний, и не только для москвоведения, а вообще информативности исторических источников. Это имеет значение для воспитания исторического мышления, и не только интереса к истории, но и уважения к исторической науке. И не случайно, когда возникла идея создать историко-культурный альманах «Арбатский архив», посвященный местности «междубульварья», мы понимали, что необходимо включение статьи об археологических раскопках. Александр Григорьевич написал для нашей книги, готовящейся при активном участии Б.Ш. Окуджавы, статью «Кладоносная земля Арбата», имеющую подзаголовок «Строки истории, археологические находки. Клады» (1997 г.). Александр Григорьевич умел находить привлекающие внимание, зазывные заголовки своих статей, например «И оживает прошлое...», для историко-краеведческого альманаха «Куранты», для многих статей, подготовленных им для московских газет и журналов. Его научная деятельность в лучших демократических традициях нашей отечественной исторической науки.

Очень радует и обнадеживает, что Александру Григорьевичу удалось обобщить в своей последней книге (притом отлично изданной, снабженной богатым иллюстративным материалом) «Раскопки на Великом Посаде. Теплые торговые ряды» (2009 г.) данные о раскопках, проводимых им в Москве в районе Ильинки.

Хочется думать, что он обогатит нас и другими ценными изданиями такого же типа — «Раскопки» на Великой улице в Китай-городе и на Арбате и в других местностях. Этой «Векслериане» суждена будет долгая признательность и ученых, и всех, кому дороги знания о Москве.

Очень важно, что Александру Григорьевичу удалось добиться от руководства Москвы материального обеспечения более длительных по времени раскопок с учетом находок, относящихся к Новому времени, к более поздним временам, например, к XVIII–XIX вв. Это позволило воочию представить изменение уровня социально-экономической жизни и культуры на протяжении столетий. Я убежден, что раскопки, проводимые в Москве, очень важны не только для познания прошлого нашего великого города, но и для создания представления о культуре в общественном сознании людей нашего времени, восприятию ими историко-культурного наследия.

Конечно, говоря о А.Г. Векслере, нельзя не отметить приятность общения с ним. Мне довелось испытать ее при встречах с ним не только на разного масштаба научных форумах, от больших конференций до заседаний специалистов, но и в обычной обстановке. Мне особенно вспоминаются очень приятные наши прогулки по Вене в 1999 г. во время открытия памятника А.С. Пушкину. Мне довелось наблюдать, как воспринимает Александр Григорьевич, своеобразно и, можно сказать, умело, Вену и ее памятники. В этих беседах невольно проявлялись его методика, опыт и живая любознательность. И для меня, историка, имеющего дело в своей работе преимущественно с памятниками письменности, да и вообще с памятниками семи-восьми недавних столетий, его наблюдения становились дополнительной школой профессионального образования.

Как москвич и москвовед и как главный редактор «Московской энциклопедии», заведующий кафедрой москвоведения Историко-архивного института (РГГУ), полагаю должным поблагодарить от души Александра Григорьевича за содеянное им, столь расширившее наши возможности в изучении прошлого Москвы, в приемах обучения студенчества и привлечения внимания к истории Москвы широкой общественности.

ЮБИЛЕЙ МОСКВОВЕДА. 90 ЛЕТ В.В. СОРОКИНУ

4 августа 2000 г. исполнилось 90 лет Виктору Васильевичу Сорокину — выдающемуся москвоведу, литератору, историку, библиографу. Первооткрыватель и эрудит, авторитетнейший знаток архивных материалов и редких изданий о памятных местах Москвы, по истории московских улиц и зданий, адресов и мест захоронения известных москвичей (особенно ученых и писателей и лиц, связанных с Московским университетом, — его преподавателей и выпускников), В.В. Сорокин широко известен и оригинальными исследовательскими трудами, и составленными им (или при его участии) справочными и библиографическими пособиями, и как неутомимый популяризатор краеведческих знаний в массовых изданиях (газетах и журналах), и как щедрый на помощь научный консультант многих коллектив-

ных трудов и нескольких уже поколений москвоведов. Вклад В.В. Сорокина в развитие москвоведения, в совершенствование эвристики архивной, библиотечной, музейной работы трудно переоценить. Особенно значительна роль В.В. Сорокина в расширении представлений об источниковой базе изучения истории Москвы XVIII–XX вв., ее культурной жизни, старейшего в России Московского университета. В.В. Сорокин много сделал для познания нового в биографиях не только известных москвичей, но и о пребывании в Москве знаменитых россиян, постоянно проживавших в других местностях.

Более полувека В.В. Сорокин неустанно способствует просвещению москвоведением. На выводы и наблюдения В.В. Сорокина опираются и в исследовательских трудах, и при разработке школьных программ преподавания москвоведения, и в начавшейся работе по созданию «Московской энциклопедии». Серия статей «По Москве исторической» в журнале «Наука и жизнь» сделала эту тематику привлекательной для всех россиян и российского зарубежья.

В.В. Сорокин — по его словам — стал краеведом «с детских лет под влиянием бабушкиных рассказов» о прошлом Клинского края Подмосковья. В 1920 г. родители переехали в Москву, где он окончил школу-девятилетку с библиотечным уклоном, а затем, уже работая, учился на библиотечных курсах и литературно-критическом отделении Литературного института имени М. Горького. В 1929 г., став сотрудником Научной библиотеки Московского университета, он вскоре выявил в фондах ее рисунки дома поэта и вельможи И.И. Дмитриева на Спиридоновке, установив авторство архитектора А.Л. Витберга. Руководитель комиссии «Старая Москва» П.Н. Миллер предложил юноше выступить с докладом на ее заседании, но назначенное на февраль 1930 г. 465-е заседание не состоялось, так как это общество краеведов было закрыто. (И знаменательно, что, когда возобновилась деятельность комиссии «Старая Москва», на первом же ее заседании, через 60 лет, 12 февраля 1990 г., был заслушан доклад В.В. Сорокина о юных годах Д.И. Фонвизина — именно Виктор Васильевич воплощал живую связь времен в традиции москвоведения!)

Оказалась неизданной и книга В.В. Сорокина «Студенческие годы Михаила Лермонтова по архиву Московского университета», запланированная к 100-летию со дня гибели Лермонтова. Бомба попала в здание, где находилась типография, уничтожила и рукопись, и отпечатанные листы. (Вообще, трагической была судьба не только гениального писателя, но и изданий, ему посвященных: бомба — но уже в Ленинграде — в том же 1941 г., попав в склад на Гостином дворе, уничтожила и почти весь тираж — а это 10 000 экземпляров! — новаторской по замыслу большой книги-альбома «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», подготовленной в секторе художественной иллюстрации Института мировой литературы Академии наук под руководством М.Э. Голосовкер.)

За долгие годы своей плодотворной деятельности В.В. Сорокин выявил много уникальных данных по истории московских домов — об их архитекторах, владельцах, жителях, о захоронениях на московских кладбищах. Созданные им картотека и фонотека сами по себе являются ценнейшим памятником истории и культуры. И естественно, что именно В.В. Сорокин одним из первых стал Почетным членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Когда Л.В. Иванова и я стали готовить рассчитанное на несколько выпусков издание с очерками о краеведах Москвы, решили не ограничиваться очерками об ушедших из жизни, но и обратиться с просьбой написать автобиографию к виднейшим из здравствующих москвоведов. И первой была помещена живо написанная, с благодарным напоминанием о многих именах, статья В.В. Сорокина «Для того, чтобы спасти» (в книге «Краеведы Москвы». М., 1991. Вып. 1. С. 270–283). К статье приложен «Список работ В.В. Сорокина» (с. 283–287). К радости нашей, список этот с тех пор существенно пополнился, что нашло отражение и в справочнике «Москвоведы», изданном Мосгорархивом в 1996 г. Виктор Васильевич трудится неутомимо и с увлечением. Быть может, этот азарт поиска в архивах и библиотеках унаследован от предков — страстных и умелых охотников и птицеловов, поставлявших певчих птиц в трактиры и жилые дома? В последнее время В.В. Сорокин старается суммировать накопленные им данные о местах жительства и захоронения лиц пушкинского круга.

15 сентября 2000 г. в непринужденной обстановке дружеского застолья юбиляра тепло приветствовали в Управлении охраны и использования памятников истории и культуры города Москвы. Собрались и выступали историки и архитекторы, руководители и сотрудники библиотек, архивов, музеев, преподаватели ставшего ему родным Московского университета и других вузов Москвы, москвоведы всех поколений. Благодарили за огромный вклад в изучение прошлого Москвы и ее культуры, за неизменную помощь, неутомимое сотрудничество. Все от души желали Виктору Васильевичу бодрости, радости творческих свершений.

ПЕРВЫЙ РАЗ БЕЗ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА...*

Сегодня, 28 ноября 1999 г., мы первый раз не можем поздравить Дмитрия Сергеевича с днем рождения: прошло менее двух месяцев со дня его похорон. Для тех, кому близок Дмитрий Сергеевич как человек, ощущение тяжелой утраты не пройдет. Более того, становится, пожалуй, еще более ощутимо, что он был важной частью не только нашего общественного бытия, нравственной доминантой его, но и личной жизни. И потому можно утверждать, что те, кто был осчастливлен общением с Дмитрием Сергеевичем, тем более одарен его благорасположением, навсег-

* Это — измененный и расширенный текст вступительного слова [на совместном заседании Археографической комиссии РАН и Дома-музея Марины Цветаевой, посвященном памяти Д.С. Лихачева. — *Ред.*]; наиболее приближенный к выступлению текст — в сборнике материалов памяти Д.С. Лихачева, подготовленном к печати Домом-музеем Марины Цветаевой. [См.: Вечер памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева: Первые чтения. 28 ноября 1999 г. М., 2000. С. 15–30, 61, 62, 69–72. — *Ред.*]

да сохраняют его образ в своей душе. Нам это необходимо для поддержания и самих себя, и для того, чтобы достойно вести себя в наше нелегкое время.

Но мы понимаем, что наш долг — и не только в память великого старшего современника, но для того, чтобы передать достойнейшее в нашем культурно-нравственном наследии гражданам грядущего века, — рассказать о Лихачеве всем, кто лично не был с ним знаком, побудить их к чтению его трудов, восприятию его выступлений перед телеэкраном, одарить и XXI в. академиком Лихачевым. Как историк рассчитываю и на то, что образ Лихачева, труды его будут убеждать в том, что следует с большим уважением относиться к своему прошлому, что понимание взаимосвязи времен — в основе развития культуры.

Это заседание проходит в гостеприимном Доме-музее Марины Цветаевой, возникшем во многом благодаря инициативной поддержке Дмитрия Сергеевича, ставшем ныне одним из заметных центров культурной и научной жизни Москвы, и особенно Приарбатя. Оно организовано Музеем и проходит совместно с Археографической комиссией Российской академии наук, одна из главнейших задач которой сохранять и изучать наше историко-культурное наследие. А жизнь и труды академика Лихачева воспринимаются как особо драгоценное его достояние. Трудно предвидеть с уверенностью, как будут оценивать наше время и его деятелей потомки, но хотелось бы, чтобы эталоном достижений в науке и нравственности в общественном поведении для них стало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева. И если случится так, то небезынтересным окажется написанное и сказанное о нем и об отношении к нему даже тогда, когда еще не все отстоялось в сознании, нет еще четких словесных формулировок, не отделено субъективное от объективного и немало остается попросту неизвестным. Можно полагать, что возникнет и некрасивый в произношении термин «лихачевоведение» (как утвердился уже термин «окуджавоведение») — термин на перекрестии нескольких наук и областей творчества. И охватывать он будет не одну сферу знания. Ибо Лихачев — великий ученый, при жизни во всем мире признанный классиком в области и истории древнерусской литературы, и теории литературоведения, и специальных историко-филологических наук.

Д.С. Лихачева можно сравнить по многообразию проблематики его научных трудов, масштабности и результативности исследований с такими корифеями наших гуманитарных наук, как академики Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов. И нет сомнения в том, что дальнейшее развитие науки о древнерусской литературе, о взаимосвязи словесности и искусства, а также специальных историко-филологических наук будет опираться на сотворенное академиком Д.С. Лихачевым, а многотомное издание под его руководством памятников древнерусской литературы останется основой изучения ее.

Лихачев — и неумоимо изобретательный и смелый организатор науки, создатель научной школы и ученый-просветитель. Он и писатель, воплощавший в своем творчестве традиции эссеистики и мемуаристики русской классической литературы, образности и лаконичности ее языка. И эта его деятельность должна будет обязательно найти отражение в учебных пособиях и исследованиях соответствующей проблематики.

Но академик Лихачев — и видный общественный деятель, слова и дела которого оказали немалое влияние на ход общественной жизни, сознание современни-

ков, притом не только в нашей стране. Этому следует найти место и в трудах историков, социологов, культурологов.

Думаю, что редкостное творческое долголетие ученого, его способность и после 80- и даже 90-летия откликаться быстро и с привычными творческими ассоциациями и практическими рекомендациями на современнейшие явления науки и общественной жизни — явление исключительное; этот феномен может заинтересовать научную мысль ученых-медиков и других специалистов в области естественных наук.

В «Археографических ежегодниках» не раз публиковались статьи о деятельности академика Лихачева в сферах археографии, источниковедения, историко-филологических наук, о той помощи, которую он оказывал Археографической комиссии в ее работе. Приходилось мне писать об этом и в других изданиях, и в широкой прессе, опираясь подчас и на архивные материалы — письма Дмитрия Сергеевича основателю и первому председателю Археографической комиссии академику М.Н. Тихомирову. Об этом круте научных тем повторяться не стану.

Так как мы собрались в Москве и приходящие на вечера в Дом-музей Цветаевой привыкли к тому, что москвоведение, культура Москвы особенно частые темы разговора в этом зале, позволю себе привлечь внимание к теме «Дмитрий Сергеевич Лихачев и Москва»; об этом, хотя и коротко, уже напечатано в моей статье в газете «Вечерняя Москва» за 8 октября 1999 г. («Наш великий современник: сегодня — девять дней, как умер Дмитрий Сергеевич Лихачев»).

Дмитрий Сергеевич — петербуржец по рождению, воспитанию, манере поведения. Он преданно любил свой родной город и старался воспитать любовь и уважение к Петербургу у молодых поколений, много писал и говорил о Петербурге, оставил воспоминания о нем. Именно его по праву первым удостоили высокого звания «Почетный гражданин Петербурга». Он досконально знал и Петербург, и его окрестности, и историю их изучения и заинтересованно следил за всем новым в петербурговедении. Я мог убеждаться в этом и в самое недавнее время как председатель жюри по присуждению Анциферовских премий за труды по петербурговедению.

Но Д.С. Лихачев хорошо знаком был с прошлым и настоящим Москвы и много сделал для изучения ее истории, сохранения ее памятников, утверждения роли Москвы в развитии культуры России и мира. В его трудах — и исследовательских, и популярных — запоминающиеся емкие характеристики литературы, искусства, общественного сознания Московской Руси. Он писал и о классиках литературы конца XVIII–XX в. (от Карамзина до Андрея Белого, Есенина, Пастернака), и об искусстве московского авангарда, и даже о рисунках Нади Рушевой. На протяжении многих лет он постоянно работал и отдыхал в Узком; в богатой тогда библиотеке санатория Академии наук он находил литературу и для своих книг «Поэзия садов» и «Русское искусство от древности до авангарда». В Москве с его участием (а часто и по его инициативе) проходили многие научные конференции об изучении древнерусской литературы, книжности, истории культуры, о современных проблемах культурологии. В Москве в декабре 1991 г. состоялось заседание, посвященное юбилею Н.М. Карамзина: Д.С. Лихачев возглавлял юбилейный комитет, произнес вступительное слово, добился репринтного переиздания «Истории государства

Российского». В Московском Доме ученых проходила и научная конференция, посвященная 80-летию академика, а в Научном совете по истории мировой культуры готовили сборники в его честь — последний, изданный к 90-летию, имеет показательное название «Русское подвижничество».

Как руководитель и вдохновитель деятельности Фонда культуры, Д.С. Лихачев стремился к тому, чтобы в президиум фонда вошли видные деятели культуры всей страны и Москва стала средоточием их взаимодействия. Благодаря его личному обаянию и ореолу его имени в фонд стали поступать ценные дары — прежде всего из зарубежья, была создана Библиотека российского зарубежья, которая по инициативе председателя Фонда культуры, поддержанной всеми членами его президиума, находится ныне в Доме-музее Марины Цветаевой. Д.С. Лихачев — инициатор и таких заметных московских изданий, как ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия», журнал «Наше наследие». Личный вклад академика Д.С. Лихачева в развитие культуры и науки Москвы очень весом. И думается, что не только преклонение перед жизненным подвигом Дмитрия Сергеевича, но и признательность за все сделанное им для Москвы и москвичей побудили мэра Москвы Ю.М. Лужкова приехать в день панихиды в Петербург и сказать душевное слово.

Д.С. Лихачев ощущал даже культурно-топографические особенности нашего города. В период, когда он возглавлял Фонд культуры, Д.С. Лихачев останавливался обычно в гостинице, ныне носящей название «Арбат», в Плотниковом переулке. Мы гуляли по переулкам Приарбатья, где ученый как бы впитывал аромат этого заповедника русской литературы, и затем проникновенно отметил в письме: «...в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату. Невский слишком официален...»

Дмитрий Сергеевич был и прирожденным воспитателем общественного сознания, формирующим представления о нравственности и культуре, об отношении к историко-культурному и природному наследию, о богатстве родного русского языка. Он придавал большое значение своей работе по написанию произведений для широкой аудитории, для детей, выступлениям перед телеэкраном, по радио. Д.С. Лихачев — и великий педагог, потому именно его избрали первым почетным членом Российской академии образования. Думается, что это отражает и характерное для его личности: Дмитрий Сергеевич был добрым, нежным, уважающим сыном, мужем, отцом, дедушкой, прадедушкой. В общении с самыми близкими родными людьми как бы вырабатывал особо доверительную манеру обращения, простоту запоминающегося и доступного слова.

В последнем телефонном разговоре со мною Дмитрий Сергеевич радовался новому, вышедшему этой осенью в Петербурге изданию его книги для молодых читателей «Письма о добром». Это перепечатка книги, изданной в Пензе в 1996 г. к 90-летию Д.С. Лихачева, с предисловием «О добром и прекрасном человеке» в ту пору президента Российской академии образования А.В. Петровского и моим послесловием «О жизни и деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева». Какой прекрасный подарок детям Петербурга! Необходимо, чтобы и московские дети и их родители обогатились подобным изданием.

«Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро», — говорил возвращенный из ссылки Пушкин,

объясняя, почему он именно так написал записку императору о народном воспитании. Этим же руководствовался и Д.С. Лихачев. Вот слова из его последней беседы с корреспондентом «Московских новостей» (1999 г., 5–11 октября, с. 13): «Я рад, если что-то могу сделать для других, если кому-то может пригодиться мой совет или мнение по тому или иному вопросу. Признаться, иногда сомневаюсь, что могу переломить ситуацию, но, если мое участие хотя бы в виде подписи дает кому-то надежду в нынешних непростых условиях, я обязан откликнуться».

Дмитрию Сергеевичу чуждо было равнодушие, хотя и он оставался подчас субъективным во вкусах и оценках. Известно, какое значение имело его вмешательство в ход того или иного дела, какой вызывало общественный резонанс и как неблагоприятно иногда это отражалось на его личной судьбе (к примеру, после его выступления перед телезрителями в защиту Невского проспекта и парков в окрестностях Петербурга он вызвал гнев ленинградского партийного руководства и едва ли не единственный из академиков не был отмечен, когда было массовое награждение орденами в связи с 250-летием Академии наук). Сколько памятников культурного и природного наследия обязаны Дмитрию Сергеевичу своим сохранением, о скольких памятниках мы узнали именно благодаря ему! А как эффективно и своевременно было его участие и в общественной жизни (вплоть до недавнего обращения к Президенту России с советом принять участие в захоронении останков царской семьи в Петербурге).

Поведение, характер мышления, направленность культурных интересов Д.С. Лихачева обычно возводят к культуре начала столетия, т.е. к так называемому Серебряному веку. Полагаю, что справедливее было бы усматривать корни этого еще в начале XIX столетия, когда представлялись неотделимыми культура и нравственность и «свое писательское дело — по определению самого академика — авторы воспринимали как служение Родине». Деятельность Д.С. Лихачева в традициях Карамзина, Жуковского, Пушкина, убежденных в преобразующей силе просвещения, воспитывающего нравственное чувство и общественное мировоззрение, в особом значении преемственности исторических представлений. Для них воспитание души было основой обучения, и высокая мудрость всегда смягчалась чувством. Их сближало и убеждение в том, что российская история — сфера и мировой истории, а российская литература — часть всемирной. Они — истинные патриоты России — были глубоко чужды национал-шовинизма, и Д.С. Лихачев — автор книг и статей «о русском» — и в творчестве своем, и как руководитель серийного издания «Литературные памятники» старался обеспечить знакомство россиян с литературой народов мира.

Убежденный в том, что «духовность — главная ценность», а «нравственность — основа культуры», он всегда жил «с думой о грядущем» (это все заголовки его сочинений). Д.С. Лихачев использовал свой авторитет для служения идее добра, при этом не поступаясь собственным достоинством, оставаясь в ладу с самим собой. Так воспринимался и Карамзин, который, по определению Гоголя, «показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве».

С академиком Лихачевым прощались торжественно и официально. В зале Таврического дворца был даже воинский почетный караул. Некоторых это покоро-

было, и мне, как человеку, близкому к Дмитрию Сергеевичу и к его семье, понятно, как это не вяжется с достоинством их неизменно скромного интеллигентного образа жизни. Но как историк, знающий, что державность — в основе наших государственных представлений, я был удовлетворен тем, что высшие официальные почести воздаются наконец первому интеллигенту России, достойнейшему ее гражданину, никогда не занимавшему должности более высокой, чем заведующий отделом академического института. Также меня порадовало и то, что с возрождением высшего ордена Андрея Первозванного первым наградили Дмитрия Сергеевича.

О таком человеке неверно говорить, что он ушел из жизни. Он ушел из нашей повседневности; знавшие его лично навсегда утратили прелесть общения с ним. В наших душах и сердцах Дмитрий Сергеевич сохранится, конечно, навсегда. Но Лихачев должен остаться в жизни и грядущих поколений, и не только в истории науки. Сейчас уже решено готовить книгу его сочинений в серии «Литературные памятники», ибо Лихачев — классик русской эссеистики, мастер литературного портрета. Необходимо собирать материал и для томов издания типа «Научное наследие», включая и материалы, важные для изучения исследовательской лаборатории ученого, и теле- и радиопередач, и обязательно эпистолярное наследие, срочно выявляя письма у адресатов (или их наследников). А перевод теле- и кинофильмов с участием Лихачева на долговременную техническую основу едва ли не самая первоочередная задача.

Дмитрий Сергеевич — из тех немногих выдающихся людей последних десятилетий, кто владел утрачиваемым — уввы! — искусством сочинения писем. Темой их были и научные проблемы, именно там обосновываются и формулируются и оригинальные научные суждения (как в переписке с поэтом Николаем Асеевым о «Слове о полку Игореве» или в письмах к академику М.Н. Тихомирову об изучении и издании лицевых, т.е. иллюстрированных рукописей средневековой Руси и исследовании особенностей письма в различных скрипториях). Но там отражено существенное и в нашей государственно-политической истории, общественном обиходе повседневности, в развитии культуры. А доверительная манера Дмитрия Сергеевича, его заинтересованность в мнении собеседника побуждали и писавших ему к интересным размышлениям, воспоминаниям, важным для историка, социолога, психолога, культуролога. Потому целесообразно готовить к печати всю переписку (т.е. обеих сторон) или описание ее. Именно в комплексе — это особенно ценный памятник истории и культуры.

Написанное и сказанное Д.С. Лихачевым — дар, который передает уходящий век грядущему. Жизнь Дмитрия Сергеевича Лихачева, сотворенное им должны прочно войти в сознание как одна из опор корневой системы наших нравственности и культуры.

Д.С. ЛИХАЧЕВ И МОСКВА

Дмитрий Сергеевич — петербуржец по воспитанию, по манере поведения. Он преданно любил и хорошо знал родной город, старался воспитать уважение к петербургским традициям, следил за новыми изданиями о Петербурге, в чем я мог убедиться и как председатель жюри по присуждению Анциферовских премий по петербурговедению, в заседаниях которого он неизменно принимал деятельное участие. Но Д.С. Лихачев много сделал для изучения прошлого и Москвы, сохранения ее памятников культуры, утверждения ведущей роли Москвы в современной мировой культуре, в развитии научных знаний.

Московская тематика прослеживается в творчестве ученого еще с довоенных лет. Это исследования и научно-популярные работы об общественном самосознании Московской Руси, московских летописях, сочинениях Ивана Грозного, посольских книгах как памятниках литературы, об Андрее Рублеве, градостроительной символике Успенского собора Московского Кремля, о сотворенном московскими писателями и Нового времени, о заслугах московских ученых.

Лихачеву присуще было особое внимание к «интеллектуальной топографии», помогающей, на его взгляд, в понимании особенностей и творческой биографии писателя, и выбора места действия в его сочинениях. Проявлялся в этом плане и интерес к современной ему Москве — небезлюбопытны его наблюдения о восприятии москвичами Арбата: «...в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату. Невский слишком официален...» И его притягивали москвичи, как бы излучавшие «арбатство». Показательна дарственная надпись Б.Ш. Окуджаве на книге «Поэзия садов» — «...самому замечательному, самому любимому, самому благородному на добрую память о незабываемой встрече в Стокгольме». Туда их пригласил Нобелевский комитет как наших соотечественников, воплощающих черты «интеллигентности» самого старшего поколения участников Второй мировой войны, и они были очарованы друг другом. И, как выразился Пушкин, «бывают странные сближения»: памятная доска с изображением Д.С. Лихачева, установленная на стене здания редакции журнала «Наше наследие» в 1-м Неопалимовском переулке, — творение московского скульптора Г.В. Франгуляна, работы которого — памятники Булату Окуджаве на Арбате и в Бельгии, основателю Санкт-Петербурга Петру Великому в Антверпене и уроженцу Москвы Пушкину в Брюсселе.

Д.С. Лихачев знаком был и с подмосковными местами жизни писателей, с уцелевшими памятниками усадебной культуры, любил подолгу жить вместе с женой Зинаидой Александровной в академическом санатории «Узкое» — там, в библиотеке, он находил книги для своих работ о поэзии садов и искусстве, встречался с писателями, учеными.

В Москве академик не раз выступал с научными докладами, руководил научными конференциями и заседаниями. Его вступительным словом началось юбилейное заседание памяти Карамзина в декабре 1991 г. в Колонном зале Дома союзов, а еще

ранее он добился согласия на репринтное переиздание «Истории государства Российского». Многие его книги выходили в московских издательствах. Он — постоянный автор московских журналов и газет, а статья, название которой сразу вошло во всемирную научную терминологию — «Экология культуры», впервые напечатана в 1979 г. в журнале «Москва». Д.С. Лихачев — основатель продолжающихся московских изданий ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия» и журнала «Наше наследие». Он заметно содействовал созданию Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева и Дома-музея Марины Цветаевой, установке памятника Пушкину в Пушкинском сквере к 500-летию Арбата. Научной конференцией в Московском Доме ученых отмечали 80-летие академика, и Тенгиз Абуладзе счел возможным ознакомить там ученых-гуманитариев с не вышедшим еще на широкий экран фильмом «Покаяние». В Москве издавали сборники в честь ученого, подготовленный к 90-летию имеет показательное название «Русское подвижничество».

К середине 1980-х гг. признанный влиятельным деятелем, возглавив Фонд культуры, Д.С. Лихачев стал активным участником и происходивших в Москве общественных мероприятий и казался воплощением и подлинной интеллигентности, и достойного публичного поведения, и отважного и мудрого, но без поспешности и склонности к внешне эффектным фразам и поступкам, доброжелательного в помыслах и в практической деятельности.

Личный вклад Д.С. Лихачева в развитие культуры Москвы очень весом. И, думается, не только преклонение перед жизненным подвигом Дмитрия Сергеевича, но и признательность за все, сделанное им для Москвы, побудили мэра Москвы Ю.М. Лужкова приехать в день панихиды в Петербург и сказать прощальное слово.

О кончине Д.С. Лихачева писали крупнейшие московские газеты. 28 ноября 1999 г., в день рождения великого современника, состоялось в Доме-музее Марины Цветаевой совместное с Археографической комиссией Академии наук заседание его памяти. И вскоре усилиями Н.И. Катаевой-Лыткиной издали книжечку «Вечер памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева» с текстами всех выступлений. А в книгу «Археографический ежегодник за 1999 год» добавили раздел со статьями о Д.С. Лихачеве академиком Н.Н. Покровского, Д.В. Сарабьянова, В.Н. Топорова, члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской, Б.Ф. Егорова, директора Библиотеки Конгресса США Дж. Биллингтона и автора этих строк. Немало статей о Д.С. Лихачеве напечатано было в Москве и в последующие годы. Имя Лихачева уже в декабре 1999 г. присвоено Российскому НИИ культурного и природного наследия. В издательстве «Русский путь» в 2003 г. вышла его книга «Введение к чтению памятников древнерусской литературы», где объединены статьи, предваряющие книги многотомного издания «Памятники литературы Древней Руси».

Конечно, в Москве к 100-летию со дня рождения Д.С. Лихачева проводится немало конференций и заседаний и подготовлены книги — так, в издательстве «Наука» переизданы его книги «Человек в литературе Древней Руси», «Текстология: краткий очерк», в серии «Литературные памятники» «Письма о добром» и в приложении к этому классическому памятнику художественно-моралистической литературы статьи Д.С. Лихачева о задачах серии, работу редколлегии которой он возглавлял много лет, о предшественниках на этом посту академиков С.И. Вавилова и Н.И. Конраде, предисловия к изданным в серии по его почину роману Андрея

Белого «Петербург» и воспоминаниям художника и искусствоведа А.Н. Бенуа. Вышла в свет и книга члена-корреспондента РАН В.И. Васильева «Дмитрий Сергеевич Лихачев и книга: из истории академического книгоиздания».

Выявляется немало материала для исследований по тематике и «Москва в жизни и творчестве Д.С. Лихачева», и «Д.С. Лихачев в культуре Москвы».

Образ Дмитрия Сергеевича Лихачева остается в благодарной нашей памяти, а содеянное ученым и писателем — в фундаменте современной культуры. Хотелось бы, чтобы жизнь и творчество его воспринимались и как нравственные вершины.

ИЗДАТЕЛЬ О.К. ДРЕЙЕР

С Олегом Константиновичем Дрейером мы были на «ты», так как учились оба в 7-й школе; но особенно близки не были, домами не встречались. И потому мог со стороны наблюдать, как велик был авторитет его уже в годы юности.

В школе у нас не было сближающих интересов — я был моложе на несколько классов, а Олега помню уже как председателя учкома. 7-я школа (тогда Хамовнического района города Москвы) в доме 15 по Кривоарбатскому переулку помещалась в здании, специально построенном в предреволюционные годы для Образцовой женской гимназии. Там еще преподавали некоторые гимназические учителя, даже, кажется, продолжала жить начальница гимназии Н.П. Хвостова. Учились преимущественно дети служащих (что типично для Приарбатя тех лет), т.е. с детства приученные к чтению и легко воспринимавшие методику преподавания гимназического типа; в 1920-е гг. там учились будущий президент Академии наук М.В. Келдыш и его одноклассник конструктор лунохода Г.Н. Бабакин, актер М.Н. Названов, поэт Е.А. Долматовский, писатель А.Н. Рыбаков, избравший эту школу местом действия своих литературных произведений «Кортик» (преподавателя рисования и черчения Борфедта помнили и мы — в середине 1930-х гг.) и «Дети Арбата». Но среди учащихся были и дети, значительно более слабо подготовленные, — безотцовщина из густонаселенных домов 6 и 8 по Кривоарбатскому переулку, — объединившиеся затем в банды, ликвидированные в середине 1930-х гг. И у них были свои критерии в определении тех, кто мог быть признан авторитетным. И вот в этих непростых условиях именно Олег выделялся — прежде всего своими выступлениями, присутствием в президиуме собраний, происходивших в актовом зале. Его отмечали и педагоги (в частности, особо запомнившаяся мне преподавательница литературы и русского языка Фаина Васильевна Китаева и преподаватель математики Елизавета Васильевна Воронова), и школьники. И явно не обижали обитатели домов, мимо которых должен был проходить живший в доме 3 по Кривоарбатскому переулку Олег, как не трогали и его младшего брата. Конечно, на всех

не могло не подействовать свойственное Олегу особое обаяние; он вызывал уважение и у учащихся, и у учащихся. И не тем только, что легко учился (в школе было немало отличников), складно говорил, отличался быстротой реагирования, с ответственностью относился и к делу, и к слову, обладал большим общественным темпераментом. А — полагаю уже теперь — заинтересованным уважением к другим и самоуважением, естественностью (да и независимостью) своего поведения. Именно Олега помнят и по сей день младшеклассники — мои сверстники.

Затем, конечно, не раз встречал Олега (наши дома в одном маленьком переулке) — здоровались, с приязнью разговаривали и расставались до следующей такой же случайной встречи, но основные вехи биографий друг друга в те годы знали. И когда я перешел на основную работу в Академию наук, услышав однозначно положительные отзывы об О.К. Дрейере, не удивился.

Он тогда уже руководил Издательством восточной литературы и имел устойчивый авторитет человека, воплощающего высокую культуру издательского дела. К нему равно благоволили академики, очень разные по характеру, — Михаил Николаевич Тихомиров и Александр Андреевич Губер.

Когда с образованием Археографической комиссии М.Н. Тихомиров стал формировать ее штаты, он прислушивался к мнению О.К. Дрейера. И благодаря его рекомендации в штат комиссии была принята обаятельная умница Ирина Евгеньевна Тамм, работавшая ранее в Издательстве восточной литературы. Она написала затем под научным руководством М.Н. Тихомирова диссертацию и подготовила позднее новаторского значения биобиблиографический указатель «Михаил Николаевич Тихомиров», изданный в 1996 г., уже после ее кончины (там была опубликована и статья о ее научной работе).

М.Н. Тихомиров устроил так, что именно в руководимом О.К. Дрейером издательстве вышла в 1960 г. первая подготовленная мною книга, титульным редактором которой он был: «Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.». В то время и я оказался приобщенным к редакторской деятельности как заместитель главного редактора созданного в 1956 г. журнала «История СССР» (ныне он называется «Отечественная история»), и знакомство с О.К. Дрейером возобновилось и на профессиональной основе. И какими полезными, умными, продуманными оказывались его советы и предостережения, даже оброненные как бы мимоходом.

В ту пору я понял и особо привлекательное свойство Дрейера-руководителя: высокий профессионализм, самоотдача делу, страстная увлеченность, смиримая накопленным практическим опытом, сочетались с явно ощутимым доброжелательством, умением представить возможности исполнителя (и поддержать его, если он робок) и внушением уверенности в том, что в случае неприятности Дрейер не переложит вину на другого (доверяя и поручая кому-то, он брал ответственность за такой выбор). С ним было работать интересно, поучительно, надежно.

Он — младший по возрасту — был не менее авторитетен, чем знаменитые издательские «старички». И потому, когда я написал совсем недавно небольшую статью в связи с подготовкой выхода первого номера нового журнала «Научная книга», назвал и Олега Константиновича в числе подвижников академического издательства, помогавших мне приобщаться к культуре издательского дела.

САМАЯ БЛАГОРОДНАЯ НИВА (ИЗДАТЕЛЮ С.М. ЛИНОВИЧУ 50 ЛЕТ)

Более 6 миллионов книг в 1996 г., свыше 8 миллионов — в 1997-м. На следующий год эта цифра перевалила за 10 миллионов. Сегодня предприятие «Московские учебники и Картолитография» имеет возможность выпускать до 15 миллионов учебников в год, реализуя программу правительства столицы «Московский учебник». Предприятие это действительно участвует и в осуществлении программы Правительства Москвы и Комитета образования по оказанию помощи учебно-методическими изданиями русскоязычным школам стран СНГ, а также образовательным учреждениям ряда регионов России.

Мне хорошо известна работа предприятия и его бессменного руководителя Семена Матвеевича Линовича по изданию многообразных учебных пособий по москвоведению, помогающих ребятам знать и любить родной город. И когда я как председатель Союза краеведов России или жюри конкурсов работ школьников по истории своей Родины показываю эти издания на всероссийских встречах педагогов и краеведов, ко мне сразу же обращаются с просьбой содействовать в получении экземпляров таких изданий, чтобы использовать новаторский опыт в схожей тематике изданий о своем крае.

Трудно переоценить вклад полиграфистов в выпуск изданий, посвященных 850-летию нашего города. Среди них прежде всего назову «Москва. 850 лет» в двух томах и трехтомную академическую «Историю Москвы с древнейших времен до наших дней». В период подготовки к Пушкинскому юбилею из типографии вышли сочинения великого поэта, альбом «Коллекция Государственного музея А.С. Пушкина», очаровательные по внешнему облику «Сказки» с воспроизведением рисунков Александра Сергеевича и «Кремль пушкинской поры».

Вышли из печати и первый том капитального многотомного труда «Православная энциклопедия», и книги-альбомы об адмирале Кузнецове и Клавдии Шульженко, такие издания, как «Москва. Геология и город», «История финансов Москвы», «Московские особняки», — подарочные (альбомного типа) и скромные справочники, изобилующие библиографическими данными, и сборники документальных материалов (подготовленные совместно с Мосгорархивом).

Руководимые мною Московский городской совет по москвоведению (по изданию литературы для школьников и учителей) и Городская экспертная комиссия книгоиздания в своих рекомендациях ориентируются прежде всего на возможности этого издательства. И когда мэр Ю.М. Лужков и Правительство Москвы одобрили проект издания двухтомной «Московской энциклопедии», я просил при утверждении меня главным редактором, чтобы издательской базой нового, наиболее насыщенного информацией справочно-исторического издания о нашем великом городе сделали именно «Московские учебники и Картолитографию».

В эти дни Семену Матвеевичу исполняется пятьдесят. И поздравляя его, пожелаем, чтобы его огромная творческая энергия способствовала бы еще многим начинаниям, определяющим высокий уровень издательской культуры нашей Москвы.

ОСНОВАТЕЛЬ МУЗЕЯ ПУШКИНА А.З. КРЕЙН

12 ноября на 81-м году жизни скончался Александр Зиновьевич Крейн — авторитетнейший музейный работник России, организатор Музея А.С. Пушкина в Москве, неутомимый пропагандист музейной культуры.

Выпускник московской школы, по возвращении с фронта Отечественной войны Крейн ощутил острую потребность восстановить порушенные памятники, сохранять наше культурное наследие, воспитывать в уважении к нему молодежь. Работа в аппарате Министерства культуры позволила ему оценить многостороннюю деятельность музейщиков, их просветительскую роль в нашем обществе. Крейн мог убедиться, сколь благотворно воспитание Пушкиным, и полагал необходимым основать Музей Пушкина и в Москве, на родине поэта, где ему поставили и первый памятник, открытие которого в 1880 г. стало первым Пушкинским праздником.

Но создать такой музей было очень трудно, так как все материалы грандиозной Пушкинской выставки 1937 г. в московском Историческом музее передали в Ленинград, и они стали основой тамошнего Музея Пушкина. И все-таки в 1961 г. в Москве, на Пречистенке, в особняке пушкинских времен, открылся музей, первым директором которого стал Крейн, а затем был музеефицирован и дом 53 на Арбате, где Пушкины поселились после свадьбы. Притягательная сила музейщиков была так велика, что туда стали передавать в дар предметы искусства и быта. В частности, вдова профессора И.Н. Розанова К.А. Марцишевская передала ценнейшую библиотеку русской поэзии. Крейн завел книгу даров, выставил ее в экспозиции, рассказывал о дарах и дарителях в печати. По существу, уже тогда начала складываться традиция передачи коллекций в дар государству как именных. Московский Музей Пушкина стал и средоточием научной работы его сотрудников, и местом научных заседаний, на которых выступали москвичи и гости столицы, и центром широкой просветительской деятельности. Здесь слушали чтецов, музыкантов, организовывали выставки, стала постоянной экспозиция детских рисунков, а позднее проходили обсуждения студенческих докладов, теперь и Пушкинские чтения для учителей.

Крейн — автор книг и статей о Музее Пушкина, привлекательных по форме и поучительных для музейных работников, в среде которых он пользовался особым уважением. Он достойно представлял нашу страну в международных организациях. И после ухода с должности, несмотря на мучительную болезнь, находил силы для завершения книги об опыте своей музейной деятельности.

В год Пушкинского юбилея остро ощущалось, как много обязаны мы Крейну в представлениях о Пушкине и его времени, как обогатил он Москву присутствием Пушкина. И конечно, особая признательность ему от арбатцев, которым усилиями Крейна возвращен дом Пушкина на Арбате.

Созданный Крейном и его сподвижниками музей останется на века. Но важно, чтобы в грядущее столетие перешла и благодарная память о самом Александре Зиновьевиче, чтобы была издана книга его трудов и воспоминаний о нем. Это та страница современной культуры, которой должно гордиться и в будущем.

ПОДВИЖНИЦА ДОМА-МУЗЕЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ Н.И. КАТАЕВА-ЛЫТКИНА

7 сентября 2001 г. на 84-м году жизни скончалась Надежда Ивановна Катаева-Лыткина — инициатор создания Дома-музея Марины Цветаевой, бессменный руководитель этого культурного центра. Сибирячка, из семьи интеллигентов — подвижников культурного строительства первых советских лет, в 1937 г. стала студенткой Первого Московского медицинского института. Затем — путь фронтowego хирурга, удостоенный высоких наград. После войны Надежда Ивановна работала в медицинских учреждениях, пока ее не уволили за несогласие с обвинениями по «делу врачей». И хотя потом она и защитила диссертацию об опыте полевой хирургии, но полностью переключилась в иную сферу деятельности: окончила искусствоведческое отделение Московского университета, защитила диссертацию о художнике Фальке. Работала экскурсоводом, выступала в печати по тематике истории искусства и музейного дела. В 1941 г. ей предоставили комнату в доме, где до отъезда за рубеж жила Цветаева. Узнав об этом в послевоенные годы, Надежда Ивановна увлеченно занялась изучением жизни и творчества поэта, а в 1970-м задалась мыслью создать там «Маринин дом».

Когда здание в Борисоглебском переулке оказалось в аварийном состоянии и жителей расселяли, Надежда Ивановна упорно отказывалась выехать и сумела найти союзников в лице академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, в ту пору руководителя Фонда культуры, префекта Центрального округа Москвы А.И. Муzyкантского, а затем и Ю.М. Лужкова. В 1992 г. возник центр, где впервые в России сконцентрировались материалы о культуре российского зарубежья. Здесь проходят международные конференции памяти Цветаевой, заседания, посвященные другим российским писателям-эмигрантам: Борису Зайцеву, Ивану Бунину и советским — от Бориса Пастернака до Михаила Кольцова, выступают ученые и поэты, тещи и музыканты. Развивается издательская деятельность, привлекают музейная экспозиция и библиотека. Усилиями и заботами Надежды Ивановны и ее помощников-подвижников Дом-музей стал очагом культуры для москвичей, особенно арбатцев. Именно там по почину Надежды Ивановны еще в 1999 г. состоялись совместно с Археографической комиссией РАН первые в России чтения памяти Д.С. Лихачева.

Последний раз мы собирались совсем недавно — 31 августа, в 60-ю годовщину гибели Цветаевой. В тот день видели и слышали Надежду Ивановну и телезрители. Редкий счастливый пример, когда уже очень пожилой человек так востребован обществом!

Человек высокой нравственной убежденности, недюжинной смелости, изумительной энергии, прирожденный организатор-просветитель, Надежда Ивановна Катаева-Лыткина стала знаменитой фигурой культурной жизни столицы, много сделала для сохранения традиций московской культуры, московского гостеприимства. Она останется не только в благодарной памяти близко знавших ее. Это славное имя и в летописи московской истории.

Н.А. ГОРСКАЯ И НАЧАЛО ЖУРНАЛА «ИСТОРИЯ СССР»

С Натальей Александровной Горской познакомился зимой 1956/57 г., когда шла подготовка к изданию нового журнала «История СССР». Тогда Н.А. Горская, уже имевшая опыт исследовательской работы историко-источниковедческого плана, написавшая диссертацию по социально-экономической истории России XVI–XVII вв., стала овладевать навыками научно-редакторской и научно-организационной работы, а также взаимодействия с широким кругом ученых Москвы, Ленинграда и провинциальных городов. О роли редакционного коллектива журнала в формировании видного деятеля науки последующих десятилетий и роли самой Н.А. Горской в становлении образа нового журнала в контексте обстоятельств научной и общественной жизни рубежа 1950–1960-х гг. и пойдет речь в этом полумемуарном эссе.

После XX съезда партии было создано два новых академических журнала исторической тематики: «История СССР» и «Новая и новейшая история» и утверждены их главные редакторы: М.П. Ким и А.А. Губер (тогда члены-корреспонденты Академии наук СССР) и их заместители. Мне предложили (как полагаю, по рекомендации академика-секретаря Отделения исторических наук М.Н. Тихомирова и сотрудника Отдела науки ЦК партии А.С. Черняева) стать заместителем М.П. Кима, который, возглавляя секцию истории общества «Знание», был знаком со мною как с активистом секции. Оставаясь доцентом Московского государственного историко-архивного института (где работал с февраля 1949 г.), я перешел в декабре 1956 г. на основную работу старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, и главной моей обязанностью до середины 1960 г. стала деятельность в журнале.

М.П. Киму и мне сразу же пришлось формировать первый состав сотрудников редакции журнала. Предполагалось, что будет шесть отделов, возглавляемых заведующими, и три из них по проблематике периодов отечественной истории (или, как принято было тогда ее обозначать, «истории СССР») — советскому периоду, периодам капитализма и феодализма. О заведующих первых двух договорились сразу же, ориентируясь на особо перспективных в молодом поколении историков, — Максим Павлович выдвинул Виктора Петровича Данилова, я — Ивана Дмитриевича Ковальченко. Назвать имя кандидата в руководители отдела феодализма не решился, не посоветовавшись предварительно с М.Н. Тихомировым, с большой заинтересованностью относившимся к новому журналу и явно намеренным стать его автором, естественно, в наибольшей мере по тематике именно этого отдела.

Однако вскоре встретившийся мне Анатолий Михайлович Сахаров вдруг сказал: «Теперь придется опять быть вместе». На мой удивленный вопрос: «Где?» — он ответил: «В твоём новом журнале, где буду возглавлять отдел феодализма». Очевидно, А.М. Сахаров имел уже договоренность об этом в ЦК или с М.П. Кимом. С А.М. Сахаровым, в ту пору доцентом истфака МГУ, был давно знаком по истфа-

ку. Мы обращались друг к другу на «ты», но после его безобразной активности в период противокосмополитической кампании в МГУ¹ с ним в деловом плане общался мало и перестал иметь касательство к делам кафедры истфака. Когда же он стал руководить редакцией «Истории СССР» Большой советской энциклопедии (второго издания), меня отдалили от участия в подготовке статей для этого издания (статью о М.Н. Тихомирове А.М. Сахаров вынужден был мне заказать по настойчивому требованию самого Михаила Николаевича).

М.Н. Тихомиров, узнав о таком плане, объявил, что, если А.М. Сахаров получит назначение, он отказывается быть членом редколлегии нового журнала. А.М. Сахаров в свое время писал под научным руководством М.Н. Тихомирова дипломную работу. Именно в тот период осенью 1948 г. в актовом зале истфака МГУ было устроено обсуждение учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева «История СССР» (Т. 1) для неисторических факультетов вузов, и партбюро факультета обязало выступать на нем учеников М.Н. Тихомирова. А.М. Сахаров высказал замечания, свидетельствующие, что его профессор не овладел марксизмом-ленинизмом. Замечу, что в тот начальный период кампании против ученых-гуманитариев акцентировали внимание еще на «идеологических» ошибках, на отступлении от марксизма-ленинизма, и первыми объектами целенаправленной критики были ученые с благозвучными славянскими фамилиями: в академическом Институте истории — А.И. Андреев, ученик А.С. Лаппо-Данилевского. Вынужденный тоже выступить, я тогда упрекал автора в том, что он недостаточно учел в учебном издании новейшие достижения исследований, и прежде всего, его самого по истории средневековых городов. Когда несколько учеников (Сахаров не был среди нас) провожали пешком Михаила Николаевича домой (он, став членом-корреспондентом АН СССР, переехал тогда из дома на Большой Никитской в дом на Беговой улице), он с горечью и недоумением говорил именно о двух выступлениях — А.М. Сахарова и доцента истфака, который приписал ему пропаганду «норманнской теории». М.Н. Тихомиров, конечно, заметил незаурядные способности А.М. Сахарова и его образованность, видел в нем перспективного научного работника, но, высоко оценив его дипломное сочинение, счел возможным написать в отзыве обращение к будущему научному руководителю диссертации, тогда как в отзывах на дипломные работы его сокурсников выразил желание руководить и их работой над диссертациями.

В такой ситуации от приглашения А.М. Сахарова работать в редакции нового журнала пришлось отказаться. М.Н. Тихомиров не назвал желанного ему заведующего отделом феодализма, но дал понять, что он рассчитывает на согласование с ним этой кандидатуры. Тогда И.Д. Ковальченко и, кажется, В.И. Корецкий указали мне на Н.А. Горскую, с которой до того я не был знаком, хотя, конечно, как и другие, не мог не обратить внимание на молодую, красивую и элегантную женщину, посещавшую заседания сектора феодализма Института истории. Узнав, что Н.А. Горская была последней аспиранткой академика Б.Д. Грекова, М.Н. Тихомиров благословил переговоры с ней. И она заведовала отделом феодализма журнала 13 лет, а тогда была единственной дамой, руководившей отделом в редакции.

К началу 1957 г. коллектив сотрудников редакции сформировался. Для обеих редакций новых исторических журналов предоставили часть комнат большой

квартиры в доме 19 по улице Кузнецкий мост (которая, как говорила мне доктор исторических наук Софья Ароновна Фейгина, до революции была квартирой ее отца). Сотрудники нашего журнала разместились в четырех комнатах третьего этажа, выходявших окнами на улицу: небольшая для машинисток (ими были две родные сестры, четко работавшие, но державшиеся несколько обособленно, — одна была женой арестованного после падения Берии видного работника МВД), последняя для главного редактора, его заместителя и ответственного секретаря (там собиралась и редколлегия) и между ними две смежные большие комнаты для остальных сотрудников.

М.П. Ким обеспечивал необходимые контакты с вышестоящими партийными и советскими инстанциями и с Академией общественных наук, где готовили диссертации на темы, признаваемые особо актуальными, и указывал на то, что считалось в этих инстанциях особенно своевременным или, напротив, вызывало настороженность. Сам он читал обычно именно эти материалы. Каждодневное руководство работой и прочтение полностью материалов всего журнала было возложено на меня.

У нас быстро возникла творческая атмосфера и система взаимоотношений, которую Ю.Ф. Карякин характеризовал, обращаясь ко мне, как «просвещенный абсолютизм». Молодые, энергичные, увлеченно занимавшиеся проблемами науки и просветительства сотрудники без натуги, с интересом делали свое дело и по существу подавили возможности самостоятельности двух навязанных нам сверху сотрудников старшего возраста — сниженного к нам с более высокой должности ответственного секретаря редакции и другого, вовсе ни к чему не пригодного, защитившего диссертацию по историко-партийной тематике и считавшегося заведующим отделом критики и библиографии.

Среди первых сотрудников редакции нашего журнала были незаурядные люди с задатками лидерства, проявившие себя позднее и как видные ученые, и как организаторы науки и преподавания в высшей школе. Они по существу пробовали в ту пору свои силы, и такая деятельность явно помогла им потом развернуться. Способности именно к такой деятельности выражались у них в разнообразных формах — и у И.Д. Ковальченко и В.П. Данилова, и у занимавших первоначально более низкое положение в редакторской иерархии В.З. Дробижева и Ю.Ф. Карякина — ученых-мыслителей широких интересов, и у проявивших себя затем в научно-редакторской сфере Л.К. Шкаренкова и Ю.И. Игрицкого.

Наталья Александровна и по тематике ее фактографической диссертации в традициях классического источниковедения начала XX в., и по нежеланию активно участвовать в устных научных спорах, отличающихся новизной постановки проблем, и по сдержанной манере поведения, выделяющей ее среди запальчивых и острых на словцо коллег по редакции, казалась на первый взгляд не похожей на них. Но она скоро органично вписалась в эту редакционную среду, быстро обрела ощутимый авторитет среди них, и авторитет этот был замечен со стороны. Выяснилось скоро и то, что такое совмещение творческих людей неодинакового внешнего темперамента в одном коллективе при общей для них всех заинтересованности в общем деле и отсутствии мелочной обидчивости явно на пользу этому делу.

Более того, именно Н.А. Горская, выделявшаяся организованностью и четкостью следования установившимся у нас правилам редактирования, предопреде-

ленным сроком подготовки материала, к тому же работавшая в то время лишь в журнале (И.Д. Ковальченко связан был с истфаком МГУ, В.П. Данилов с Институтом истории), как бы цементировала коллектив и определяла тональность его каждодневного настроения. Это особенно проявилось, когда чуть позднее пришла работать, первоначально литературным редактором, Наталья Георгиевна Думова — хорошо образованная, знавшая языки, выпускница факультета журналистики; она именно в период редакционной работы переквалифицировалась в историка, автора значимых трудов по истории общественной жизни России начала XX в. Обе Натальи сблизились и пожизненно оставались близкими подругами.

Всех сотрудников объединяло складывающееся, если можно так выразиться, альтруистическое отношение к редактированию, представление о призвании и обязанности редактора по возможности совершенствовать редактируемый текст, хотя приобретаемые текстом достоинства будут восприниматься читателями как достижения не редактора, а автора. В то же время Наталья Александровна всегда тактично считалась с индивидуальными особенностями стиля автора, манерой его поведения и системой восприятия, отражавшими черты характера, и за время моей работы в журнале не было случая, когда приходилось бы разбирать конфликт между ней и каким-либо автором.

Работа первых лет журнала «История СССР» отражала некоторые черты времени, которые вслед за И. Эренбургом называют годами «оттепели». Хотя этим чертам уделяют меньшее внимание и историографы и публицисты, предпочитая довольствоваться напоминаниями о вызывавших быстрый резонанс явлениях — громкогласных выступлениях поэтов и журналистов, разоблачениях еще недавно навязываемых суждений о событиях истории, особенно недавних десятилетий. Связывается это зачастую преимущественно с людьми сравнительно молодыми в те годы, получившими возможность открытого выражения своих мнений. На самом деле изменений в развитии гуманитарных наук не произошло бы, если бы сразу же начиная с 1956 г. не включились в дело обновления пути и приемов движения этих наук некоторые видные, авторитетные и — главное — оснащенные высокой профессиональной подготовкой ученые пятидесяти и более лет. Показательно, что М.Н. Тихомиров уже в апреле 1956 г. добивается создания Археографической комиссии².

В выработке направлений работы журнала, в подборе авторов, в обсуждении и даже редактировании материалов действительное участие принимали первоначально такие члены редколлегии, как В.К. Яцунский (ему, в частности, обязаны сразу же выявившимся вниманием к проблемам местной истории и, соответственно, к трудам местных историков, возрождением интереса к краеведению), М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин (благодаря именно им троим удалось ввести рубрику «Вспомогательные исторические дисциплины»), М.В. Нечкина. М.П. Ким и Ю.А. Поляков, курировавшие советский отдел, к ним очень прислушивались и содействовали тому, чтобы материалы по этому периоду по научному уровню походили на материалы отделов предшествовавших периодов истории. Имело значение и то, что возглавивший отдел народов СССР коммунист с большим стажем Александр Павлович Шелюбский, избранный партторгом редакции, легко вписался в круг более молодых.

Передовая первого номера журнала была написана еще в стиле унаследованного от прежних лет общесловия, но были особым шрифтом выделены слова о «назначении и характере» журнала «являться научно-исследовательским изданием». Указывалось на намерение «уделять значительное место источниковедению, архивоведению и вспомогательным историческим дисциплинам», а также работам «по вопросам советской и дореволюционной историографии».

Сразу же было решено организовать в редакции отдел «История СССР за рубежом» и готовить для него статьи не столько разоблачительного уклона, сколько информационного, знакомя с основным содержанием, а не только с политико-идеологической направленностью книг иностранных ученых и зарубежных периодических и продолжающихся изданий. Руководить им пригласили моего сверстника Евсея Исааковича Спиваковского, начинавшего учиться на истфаке МГУ тоже в 1939 г., но сразу же призванного в армию и потому задержавшегося с написанием диссертации (он защитил ее лишь в 1967 г.), который специализировался на иностранной библиографии. Он сдерживал подчас тех авторов, которые склонны были излишне рьяно обличать или, напротив, слишком доверчиво принимать суждения зарубежных авторов. Такая же тенденция в отношении к зарубежной литературе проявлялась и в редакции соседствующего с нами журнала «Новая и новейшая история», где главный редактор, образованнейший и обаятельнейший Александр Андреевич Губер, руководил каждодневной деятельностью редакции и поддерживал новаторски настроенных сотрудников, которым иногда не давал развернуться его заместитель.

Научно-исследовательский характер журналу придавала, прежде всего, источниковедческая основательность его материалов, позволявшая составить представление о степени полноты используемой источниковой базы и о приемах обращения с историческими источниками. Старались придерживаться и толерантности в самом стиле изложения, не уклоняясь от демонстрации разномыслия и пытаясь выявить его источниковую основу, избегая принятых ранее прикрытий цитатами из написанного теми, кого называли классиками марксизма-ленинизма.

Предоставляли возможность публиковать статьи и по темам, кажущимся на первый взгляд частными, понимая, что без подобных исследований невозможно написать убедительный труд обобщающего типа. От примитивной социологической вульгаризации, характерной для времени господства взглядов М.Н. Покровского, к тому времени уже отказались, но подтягивание изложения (его конструкции и тематического отбора фактов) для иллюстративного подтверждения цитаты классиков марксизма-ленинизма было еще общепринятым, так же как толкование мыслей классиков марксизма-ленинизма, не адекватное понятиям руководителей идеологического фронта, объяснялось (и даже каралось) как антинаучное.

В историографии еще не решались отказываться от характеристики немарксистских взглядов как ненаучных, опять же цепляясь за вырванные из контекста ленинские цитаты. Это отражалось на примитивном толковании кризиса российской исторической науки начала XX в., принижении роли отечественной исторической науки в период, когда мировое научное сообщество, демонстрируя свое уважение не только к России, но и к нашим историкам, приняло решение проводить очередной Всемирный конгресс историков в 1918 г. в столице России. На рубеже

1940–1950-х гг. публичная демонстрация неуважительного отношения к наследию самых выдающихся русских ученых-гуманитариев (историков и филологов), помещение статей такой направленности о видных по положению ученых разных поколений в периодических изданиях и критика, доходящая до неприличия, тех, для кого эти классики науки дореволюционных лет оставались научными авторитетами, были еще очень памятны и мешали освоению научных традиций, а тем более решимости провозгласить их научную значимость и необходимость использования для дальнейшего плодотворного развития наших гуманитарных наук.

Приходилось выбирать не только темы, но и авторов, значимость выступлений которых будет особенно заметна; так, для восстановления в среде широкой ответственности понимания весомости вклада в науку Н.Л. Рубинштейна просили написать обстоятельную рецензию на его монографию о сельском хозяйстве России XVIII в. именно академика Н.М. Дружинина, исходя из того, что этот выдающийся историк имеет и особо высокий моральный авторитет. Но первое время попытки изложения без утайки и сокрытия вычеркивавшихся при Сталине из истории имен вызывали жалобы на редакцию (в частности, за упоминание Д.Б. Рязанова в числе лауреатов Ленинской премии в статье Ю.С. Борисова в самом первом номере журнала). Старались использовать и устанавливающиеся личные связи с зарубежными учеными — особенно благотворными были последствия проведенного в Москве в 1958 г. Всемирного конгресса славистов, где немало внимания уделялось и российской истории и довелось иметь общение даже с эмигрантами.

Нелегким оказалось совмещение высокого уровня статей известных уже ученых и молодых. Н.А. Горской повезло — в первых двух номерах особо заметными были как раз статьи ее коллег по обучению на истфаке МГУ В.И. Корецкого о закреплении крестьян и Л.В. Милова об «Экономических примечаниях» XVIII в. Подготовка к печати таких статей облегчила ей вхождение в практику научного редактирования, а затем позволяла, указывая на эти эталонные сочинения, требовать больших усилий от предлагавших свои опусы авторов и отказывать не могущим и тем более не желающим прилагать такие усилия.

Н.А. Горская сама в эти годы не выступала как автор журнала. И мне это понятно, так как сам первую исследовательскую статью поместил лишь в номере 4 за 1960 г., когда уже определилось намерение покинуть редакцию. У Натальи Александровны были и большие семейные заботы — в феврале 1959 г. появился на свет Антон, ныне достойно продолжающий научные традиции Натальи Александровны и ее мужа Анатолия Дмитриевича Горского. Насколько помнится, Наталья Александровна в месяцы отпуска в ожидании ребенка и последующие не прерывала работы в журнале. Оставаясь и затем заведующей отделом журнала, Н.А. Горская после изменений в редколлегии и утверждения в 1960 г. главным редактором журнала В.Д. Мочалова, функционера историко-партийной идеологии, подвизавшегося до того как биограф И.В. Сталина, явственно способствовала сохранению и в тех условиях ставшей уже характерной для этого издания источниковедческой основательности его материалов.

Наталья Александровна неизменно расширяла свою исследовательскую тематику, обогащала и совершенствовала источниковедческую методику. Позднее мог наблюдать ее возрастающую историографическую эрудицию, когда Наталья Алек-

сандровна вела заседания секции Аграрного симпозиума, а затем и сектора истории феодализма в академическом Институте российской истории.

Наталье Александровне, как и Анатолию Дмитриевичу, свойственна была обаяющая признательность тем, кто оказал влияние на их творчество, тем более если они еще и уважительно относились к исследовательским устремлениям молодых тогда еще историков. Они полагали своим долгом отразить в печати впечатления от общения с выдающимися учеными и освоения сделанного ими. Анатолий Дмитриевич подготовил для «Археографического ежегодника» статьи об А.В. Арциховском и Л.В. Черепнине³. Наталья Александровна сосредоточилась в 1990-е гг. на написании книги о жизни и творчестве Б.Д. Грекова и восприятии его современниками, используя многообразный и впервые вводимый в научный обиход архивный материал. Обращение к проблематике истории исторической мысли, казалось бы, далекой и от социально-экономической истории позднего Средневековья, и от традиционных источниковедческих штудий, и от исторической демографии — проблем, обеспечивших уже Н.А. Горской прочное имя в исторической науке, убеждает в том, как велик был ее исследовательский потенциал⁴.

Потребность «написать книгу о Борисе Дмитриевиче Грекове, историке и человеке» Н.А. Горская ощущала как «необходимость исполнить свой долг и перед его памятью, и перед наукой историей, которой он посвятил всю свою жизнь»⁵. В рассуждениях автора книги во введении — итоги глубокого ознакомления с историографической и биографической литературой и большого жизненного опыта: «Знаю только, что любая попытка воссоздать словесно образ ученого, мыслителя, общественного деятеля (да, наверное, и вообще другого человека) заведомо обречена по высшему счету на неудачу. Любая такая личность неизмеримо глубже и многомернее того, что мы о ней можем знать и думать. Понимание многих ее поступков не дано нам или ввиду плохого знания ускользающих во времени конкретных мелких и крупных обстоятельств жизни, или в силу собственной нашей обусловленной для каждого уровнем полученного им воспитания ограниченности, хотя и корректируемой временем, но остающейся определенным препятствием при попытке понять и объяснить чужую жизнь»⁶. Там же и формулировка, помогающая осознать представления самой Натальи Александровны об идеальном образе ученого-историка: «...в высшей степени уважительное отношение к делу, которым он занимался всю жизнь, лишенное даже в мелочах какой-либо тени пренебрежения, научно выработанное убеждение в огромном значении истории как науки. Отношение, которое оказывало колоссальное воспитательное воздействие на всех, с кем он общался. Это явление можно назвать магией профессионализма»⁷.

Не останавливаясь на рассуждении о степени обоснованности подобной характеристики в отношении именно Б.Д. Грекова (а мне довелось быть участником семинаров и слушателем лекций и его, и других профессоров, обучавших студентов моего поколения; С.В. Бахрушин, М.Н. Тихомиров, Н.Л. Рубинштейн, Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, А.И. Неусыхин казались нам тогда оказывающими большее воздействие на студентов, чем Б.Д. Греков), позволительно отметить, что в самой Наталье Александровне с годами становилось все более привлекательным ощущение дарованной ей «магии профессионализма» и все более заметным воздействие этого на других.

Размышляя об особенностях натуры Натальи Александровны, прежде всего приходит на ум определение «достоинства»: достоинство в научной работе, достоинство в поведении, во внешнем облике, достоинство, вызывающее уважительное доверие, подчас и восхищение, достоинство, совмещающееся с естественностью и врожденным вкусом — вкусом в работе, вкусом во всем. Естественным для Натальи Александровны было и уважение достоинства других. Она не позволяла себе, и как редактор тоже, навязывать свое мнение, тем более обличать несогласных с ней. Терпимость — то, что ныне часто обозначают как толерантность, — представлялась ей само собой разумеющейся. Ей были чужды какая-либо манерность, нарочитость, тем более экзальтированность. Ум, как и наблюдательность, ощущались во всем, но это был не холодный, а теплый ум, ищущий притом простых решений, избегающий сознательной и назойливой изощренности, если можно так выразиться, ум, удобный и в рассуждениях о науке, и в бытовом обиходе.

Натура выражалась и в том, как сама Наталья Александровна формировала свой внешний облик. Она, безусловно, осознавала неординарность своих внешних данных и то, что не может не обратить на себя внимание, видимо, рано поняла и то, что во внешнем облике, а тем самым и во внешней привлекательности, многое преходяще, и дольше всего сохраняется естественное, что окружающие с годами начинают воспринимать как наиболее ценное. Наталья Александровна избранный в юности внешний облик сохранила в основе своей неизменным — та же прическа, то же отсутствие заметного макияжа, тот же стиль одежды. Причем в сразу же ощутимых и вызывающих у некоторых особую признательность традиционных (и внешне скромных) формах, запечатленных в русской классической литературе и изобразительном искусстве: прическа с пучком, естественного цвета волосы, одежда, соответствующая современной моде и традиционному стилю для русских женщин (не было слишком открытых платьев, слишком коротких юбок, броских украшений). Наталья Александровна умела и выделяться, и быть носительницей традиционных ценностей, т.е. оставаться самой собой, неизменно сохраняя достоинство и вызывая уважение.

¹ См. об этом в моих статьях о профессоре Н.Л. Рубинштейне (1999 г.) и А.П. Каждане (2003 г.), перепечатанных в книге: *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России. М., 2012. Т. 2, кн. 2: Двадцатое столетие.

² См. об этом: *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 413 и след. (статья 2009 г. «Архив РАН и Археографическая комиссия РАН: Тихомировские традиции»); *Он же.* 50 лет деятельности Археографической комиссии // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 2006 год. М., 2011. С. 7–8.

³ *Горский А.Д.* А.В. Арциховский как источниковед (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 226–233; *Он же.* Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в творчестве Л.В. Черепнина (К 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 162–171.

⁴ Подробную характеристику этой книги в плане развития историографии предыдущего и последующего времени см.: *Швейковская Е.Н.* Наталья Александровна Горская: служение истории и людям // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 348–358.

⁵ *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 4, 6.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Там же. С. 7.

СОЛЖЕНИЦЫН-ИСТОРИК

Благодарю за предоставленную возможность выступить вне программы и на первом же пленарном заседании перед лицом соотечественников и зарубежных участников Международной научной конференции, посвященной творчеству всемирно почитаемого российского писателя. Конечно, Александр Исаевич Солженицын — знаменитейший в России современный писатель. И всем очевидно, что тема литературного творчества такого художника слова и мыслителя самодостаточна для программы научной конференции. Тем не менее, как профессиональный историк, и к тому же историограф, т.е. историк исторической науки, убежден, что творческий облик Солженицына — особенно в последние десятилетия — это и облик историка-исследователя (хотя и с характерной для исторической науки нашей эпохи публицистической направленностью), инициатора создания ценной источниковой базы для работы других историков.

И не потому только, что общественно-исторические взгляды неотделимы от художественной основы творчества Солженицына, и вообще всякое подлинно художественное произведение становится источником познания современного писателю мира жизненных реалий и общественных представлений, а следовательно, и этических и эстетических идеалов. Ведь ставшую классической характеристику Белинского «Евгения Онегина» как «энциклопедии русской жизни» должно воспринимать и как методически-установочную при подводе историка к литературным памятникам. Тем более, что Солженицын отобразил жизнь заключенных в тюрьмах и лагерях, о чем нельзя было узнать в доступных тогда историкам источниках. В произведениях его — и особенно явственно в таком шедевре, как «Матрёнин двор», — отражены и целомудренное простодушие, и те черты корневой нравственной культуры народа, о чем не принято было в те годы размышлять публично. Но и потому, что Солженицын много сделал для обогащения собственно исторических знаний, опирающихся на традиционную базу архивных печатных материалов, возбудил внимание к важной исторической проблематике.

В этом зале уже напоминали сказанное Александром Исаевичем о желании в молодые годы стать и писателем, и священником, и военачальником. Думается, что это допустимо понимать и как стремление и изображать мир, и проповедовать свои взгляды, и вести за собою, защищая их. И занятия историей позволяют это делать.

А это — в русле многовековых традиций отечественной литературы, восходящих еще к периоду до нашествия восточных кочевников: «Повесть временных лет» — да и другие, менее значительные по своим художественным достоинствам летописи — памятник и исторической мысли, и литературы, и даже издавалась в академической серии «Литературные памятники». А каким ценным источником собственно исторической информации является «Слово о полку Игореве»! Такое явление характерно и для развития мировой культуры со времен Античности —

напомним имена Геродота, Фукидида, Тацита, Плутарха. Первый российский писатель конца XVIII в. Карамзин положил начало распространению научных исторических знаний в широком обществе; и если Пушкин оценивал его многотомную «Историю государства Российского» как вершинное произведение русской прозы, могущее соперничать с шедеврами зарубежной литературы, то великий филолог Срезневский сравнивал Карамзина-«исследователя» с Петром Великим, полагая, что он — родоначальник в России специальных исторических дисциплин. Пушкин в последние годы жизни выступал и как профессиональный историк, готовясь, продолжая дело историографа Карамзина, к написанию биографии Петра Великого, а времени восстания Пугачева посвятил и историческое сочинение, и «Капитанскую дочку».

И так как Солженицын сумел сохранить свободу общественно-исторического мышления и к тому же — в отличие от советских историков — был по-настоящему осведомлен о развитии исторической мысли в среде российской диаспоры, он решительно подошел к рассмотрению существеннейших и трагических тем нашей истории, вынужденно обойденных в советских изданиях. Это — лишение Родины, эмиграция и лишение свободы в Советской России, а также всегда болезненно воспринимаемая тема «Евреи в России». Конечно, его выводы и наблюдения отнюдь не бесспорны, никак не могут быть охарактеризованы как конечные. Но автор — особенно в таком труде, как «Архипелаг ГУЛАГ», — опирается во многом и на впервые вводимый в науку материал. И что особенно должно отметить, сочинения Солженицына стимулируют дальнейшие исследования той же проблематики.

Не будучи профессионалом-историком, Солженицын уловил и то, что к рубежу тысячелетия историки преимущественное и к тому же очень пристальное внимание стали уделять изучению не государственно-политической и социально-экономической истории, даже не истории культуры и менталитета, а истории повседневности, микроистории, локальной истории, каждодневному существованию обычных людей. И Солженицын много содействовал тому, чтобы выявлялись документальные памятники, помогающие исследованиям такой тематики, особенно сохранившиеся в семьях эмигрантов, а в России в семьях репрессированных. И поощрял собирание и публикацию таких исторических материалов. И это тоже славная традиция российской исторической науки, прежде всего археографии, — так действовали во второй половине XIX в. Бартенев и Михаил Семевский, в начале XX в. Богучарский. Таким путем пытался идти и Бонч-Бруевич, организуя Литературный музей, а до него подвижники краеведы первого десятилетия советской власти, репрессированные затем в злое время «великого перелома», в 1929–1930 гг.

Солженицын, как и Дмитрий Сергеевич Лихачев, рано осознал необходимость усилий по возвращению на Родину памятников культуры и общественной мысли российской эмиграции. Для людей моего поколения особенно явственно ошутимы результаты тех перемен, которые называют «перестройкой». Это открывшаяся наконец возможность говорить то, что думаешь, общаясь даже с малознакомыми людьми, и утверждение представления о том, что культура российской диаспоры, российской эмиграции является естественной составной частью российской культуры. Российская культура — это культура тех, кто говорит по-русски, мыслит образами русского языка, кому снятся сны с русской речью, где бы эти люди ни нахо-

дились. И как отраднo, что поколение моих внуков и правнуков может уже в школьные годы получить представление о жизни и творчестве русских по рождению и началу их деятельности корифеев мировой культуры, а не ограничиваться, как было ранее, сведениями лишь о доэмигрантском периоде их творчества.

Организация Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и ее все более развивающаяся многогранная деятельность — важные события нашей общественной, культурной, научной жизни, и прежде всего московской жизни. Конечно, если бы Александр Исаевич Солженицын не был всемирно признанным писателем и не имел бы столь высокого авторитета общественного деятеля, такая желанная для многих инициатива не была бы поддержана. И мы должны быть благодарны и стоявшему у истоков этого начинания Александру Ильичу Музыкантскому, и оказывавшему столь ощутимую всеми и столь действенную поддержку мэру Москвы Юрию Михайловичу Лужкову. Здание, в котором происходит конференция, воздвигалось невиданными темпами даже для неизменно интенсивного московского строительства. И конечно, нельзя не поблагодарить Виктора Александровича Москвина, стараниями которого еще в прежнем скромном помещении Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» приобрела значение одного из особо заметных центров нашей гуманитарной культуры.

А завершить хотелось бы выражением уверенности в том, что жизни и творчеству юбиляра — академика Александра Исаевича Солженицына — будут отведены солидные разделы не только в обобщающих трудах по истории художественной литературы, но и в трудах по истории исторической мысли.

ИСТИНА ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ (О Н.П. КРАСАВЧЕНКО — РЕКТОРЕ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА)

Работаю в Историко-архивном институте с 1949 г., можно сказать — его старейшина. Окончив Московский университет, где был учеником Михаила Николаевича Тихомирова, в Историко-архивном институте оказался по распределению и с тех пор его фактически не покидал. Даже когда на рубеже 1956–1957 гг. перешел в Академию наук, то все равно оставался в Историко-архивном в качестве совместителя или «почасовика».

Николай Прокофьевич Красавченко пришел в институт в очень трудное время, ситуация была просто предельная. Дело в том, что в 1968 г. ректором Историко-архивного стал С.И. Мурашов. Существует пословица: о мертвых либо хорошо, либо ничего. Думаю, историки не могут следовать этой пословице. Мурашов оказался для института однозначно негативной фигурой. В прошлом комсомольский

Впервые опубликовано: Николай Красавченко и его университеты. Элиста, 2006. С. 174–178 (под назв. «Истина познается в сравнении»).

работник, провинциал, каким-то образом сумевший стать начальником главка университетов в Министерстве высшего образования. Чтобы от него избавиться, главк уничтожили, а его назначили к нам. Это был человек, совершенно неприлично выпячивавший себя, барственный, очень любящий фаворитизм, малограмотный в своей области — истории партии (а он заведовал кафедрой), убежденный сторонник тоталитарного режима и восстановления того, против чего было направлено Постановление о культе личности, один из тех пяти, кто подписал когда-то статью о необходимости восстановить «доброе имя» Сталина. Он кичился близостью к заведующему Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникову и всячески использовал это в своих целях. Проректором при нем был М.С. Селезнев, человек не интеллигентный, полуграфоман, однако по-своему честный и необычайно трудолюбивый. Сам Мурашов был бездельником, любил только ездить, получать, представлять. Линию ректора проводила выдвигаемая им секретарь партбюро Н.А. Морозова, профессионально слабо подготовленная к преподаванию в вузе. Из института ушли десятки очень достойных людей — проректор (в 1963–1968 гг.) Василий Иванович Кострикин; заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Михаил Афанасьевич Пережогин — фронтовик, потерявший на войне глаз; доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР (советского периода) Людмила Марковна Зак; доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР (досоветского периода) Елена Викторовна Чистякова; бывший проректор Иван Архипович Кудрявцев, преподававший на той же кафедре, и многие другие. Конечно, это отразилось на студентах.

Что касается меня, то поначалу Мурашов рассчитывал с моей помощью создать себе авторитет, но никакого альянса у нас быть не могло. Кончилось тем, что он перевел меня «на часы», хотя я был председателем Археографической комиссии Академии наук. С 1973 г., т.е. три последние года его ректорства, я просто отказывался от зарплаты.

Выжить меня ему не удалось, так как меня удерживал студенческий научный кружок — мое любимое детище. Возникло даже «дело» — обвинение Шмидта в клевете на институт. Узнали, что, когда меня попросили выступить перед студентами истфака МГУ, я сказал, что в Историко-архивном институте, который не такого ранга, как МГУ, студенческих кружков больше, чем в университете; сказал это по праву, потому что в 1941 г., накануне войны, был в числе тех нескольких студентов (самый младший по возрасту) и четырех профессоров, которые выступили учредителями Научного студенческого общества университета, разработавшими его устав (об этом были публикации буквально накануне войны, о чем написано и в книге по истории МГУ). А Мурашову донесли, будто я ругал институт. И вот пошли письма в министерство, вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву, в ЦК; сделано это было так грубо, что всем было ясно: все это, как выразился Федосеев, «бодяга». Кроме того, сохранилась запись моего выступления. В Отделении истории появилась комиссия, и тут положительную роль сыграл академик-секретарь Б.А. Рыбаков и др. (А.М. Самсонов, Ю.А. Поляков, В.Л. Янин). В общем, устранить меня не удалось (хотя это сильно сказалось на здоровье), так как в министерстве не поддержали Мурашова и «подписантов»; тем более — я возглавлял Археографическую комиссию: по формальным параметрам, это научно-проблемный совет,

следящий и за подготовкой кадров в своей области научных знаний, и человека такой должности сложно было отлучить от МГИАИ.

Однако в целом в институте сложилась ситуация, когда старые сотрудники, его патриоты, утратили надежду на сохранение достойных традиций в научной системе обучения и элементарной порядочности в отношениях между преподавателями и студентами. Скажем прямо, Мурашов загубил институт: настолько резко он снизил его уровень.

Мы думали: как спасти институт? Что делать? Брезжила надежда на то, что Мурашов должен, в конце концов, «пасть» в результате своих просто наказуемых дел, ведь то, что сейчас стало обычным, тогда было преследуемым. И наконец его, действительно, сняли по воле ЦК партии. Ему, в частности, вменили в вину и то, что он преследовал преподавателей института, и назывались две фамилии — заведующей кафедрой теории и практики архивного дела, профессора Клавдии Ивановны Рудельсон (она — выпускница МГИАИ, перешла из-за этого во Всесоюзный научно-исследовательский институт делопроизводства и архивного дела) и моя.

Когда пришел Николай Прокофьевич Красавченко, он был вынужден разгребать в буквальном смысле авгиевы конюшни. Ему пришлось поначалу иметь дело со многими людьми, приучившими себя к пресмыкательству. При Мурашове всячески поощрялись характерные для сталинского периода доносы и пр. — я-то еще помню те времена.

Новый ректор пригласил меня одним из первых зайти к нему. До этого мне приходилось его видеть, но знакомы мы не были. Я слышал хорошие отзывы о нем, в частности, от ифлийцев: в ИФЛИ учились Людмила Марковна Зак и Константин Николаевич Тарновский, один из моих самых близких друзей на протяжении долгого времени. Николай Прокофьевич сразу сказал, что восстанавливает меня в институте, но пока может дать мне лишь четверть ставки. Это было уже хорошим началом.

Ректор сразу восстановил и К.И. Рудельсон. Приглашал вернуться других. Но главное, на мой взгляд, что он тогда сделал, — это пригласил на работу в институт профессора Константина Николаевича Тарновского, талантливого исследователя и замечательного преподавателя. Эта одна из первых акций Николая Прокофьевича — весть о ней быстро разнеслась по институту — сразу определила его лицо. Восстановить Шмидта в первые же дни ректорства было проще, потому что его публично никто не обличал, а вот то, что Красавченко взял опального Тарновского, отлученного от преподавания в университете, где его так любили, обвиненного в том, что он возглавляет некое «новое направление», связываемое с П.В. Волобуевым, М.Я. Гефтером! Речь шла о группе крупных историков — исследователей истории России периода империализма, которые по-новому, т.е. в отличие от сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», в отличие от С.П. Трапезникова, историка, члена-корреспондента Академии наук, в 1965–1983 гг. заведующего Отделом науки ЦК КПСС, объясняли предпосылки и ход Октябрьской революции 1917 г., развитие России в период капитализма. Тарновскому «зарезали» докторскую диссертацию, единогласно прошедшую Ученый совет в Институте истории СССР АН СССР. Члена-корреспондента АН СССР П.В. Волобуева, которого власть имущие идеологи необычайно боялись, потому что он был с биографией партий-

ного функционера и по своему характеру — организатором, конкурентом в партруководстве, сняли с директорства в Институте истории. Последовала проработка в печати. В марте 1973 г. на совещании в Отделе науки ЦК КПСС под председательством Трапезникова сторонников «нового направления» обвинили в отказе от марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях; проблему многоукладности экономики России на рубеже XIX–XX вв. фактически объявили «вне закона». К.Н. Тарновского, теоретика, историка широкого профиля, перевели в сектор исторической географии, где он должен был работать над историческим атласом.

Николай Прокофьевич все это знал и, тем не менее, совершил этот шаг, привлекая к нему уважаемых историков и за пределами МГИИ. Конечно же, он сделал большой подарок студентам: Тарновский великолепно читал лекции и вел семинарские занятия. Константин Николаевич принял предложение Красавченко, потому что уважал его. Я помню его однозначно положительные суждения о личности и деятельности Николая Прокофьевича, причем высказанные не нарочито, «по допросу», а так — к слову, невзначай, и не только при мне.

Николай Прокофьевич оказался широким, великодушным, не мстительным, не мелким человеком, он не преследовал так называемых «мурашовцев», они просто лишились влияния.

Сложность положения Красавченко в Историко-архивном состояла в том, что в Калмыкии, создавая университет, он определял его лицо, а тут он пришел в вуз с давними традициями. В «домурашовские» времена у Николая Прокофьевича были достойные предшественники. Анна Сергеевна Рослова, директор института в 1950–1962 гг. (в институте ее звали «матушка» и недавно очень тепло отмечали ее столетие), сумела в сталинские времена создать обстановку непреследования: она не терпела доносы. И в период космополитизма, уволив преподавателя, позволившего себе в пижаме принимать студенток (одна из них — позднее тележурналистка Аида Петрова — пожаловалась на это), на его место она взяла Людмилу Марковну Зак, фронтовичку, гвардии капитана, но тоже с «пятым пунктом». Она сумела и в этом плане уберечь институт. После Анны Сергеевны в 1961–1968 гг. ректором был Л.А. Никифоров, видный историк, сохранявший достойные традиции.

При Мурашове эти традиции были разрушены. Красавченко пришел в вуз, где существовала оппозиция, но торжествовало пресмыкательство. Николай Прокофьевич сумел изменить этот тонус. И я считаю это его очень большой заслугой. Он полностью восстановил традицию отсутствия шовинизма, национализма. Он работал в контакте с секретарем партбюро Г.С. Акимовой, чуждой интриганству, специалистом по архивоведению.

Замечу, что при нем у нас ожила научно-издательская деятельность. Он бывал на заседаниях кафедр, не только своей — отечественной истории, но и других, и внимательно прислушивался к пожеланиям обновить учебный процесс. Очень уважительно относился к нашим представлениям, просьбам поддержать того или иного студента. В отличие от Мурашова, он никогда не препятствовал выдвижениям в аспирантуру, не оказывал воздействий на конкурс, очень поощрял научную самостоятельность студентов. Дух фаворитизма исчез из стен института. Если при Мурашове у нас было ощущение духоты, безвоздушия, то с приходом Николая

Прокофьевича в Историко-архивном подул свежий ветер, начался новый период, открылось новое дыхание. Это было главное ощущение. А «старики» по достоинству оценили возвращение институту традиций.

Николай Прокофьевич был человеком любознательным и ценившим разнообразие взглядов и интересов, даже если эти интересы ему лично были не всегда близки; на мой взгляд, это признак природной, внутренней интеллигентности.

В этом и было кардинальное различие с Мурашовым: тот руководствовался только карьеристскими соображениями, интересами личного благополучия, а Николай Прокофьевич был другой. Ему, открытому, благожелательному человеку, не был присущ чиновничий стиль, как и чувство того, что он — «истина в последней инстанции».

Неудивительно, что последнее прощание с ним в Историко-архивном институте на Никольской было таким многолюдным и звучали слова признательности. Люди пришли не показаться, отметить, а по зову души. Среди тех, кто пришел, были и выпускники, уже не связанные с институтом, продолжавшим, тем не менее, многое значить для них.

Думаю, что и для Николая Прокофьевича, и для Константина Николаевича Тарновского все происшедшее в стране было и путем к прозрению, и трагедией, потому что это были искренние люди, работа для них не была «выполнением задания», они делали свое дело. Это были люди с идеалами.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА МЕДУШЕВСКАЯ КАК ПРОФЕССОР ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА

Внезапный уход из жизни Ольги Михайловны Медушевской — утрата невозполнимая. Ольга Михайловна занимала первенствующее место среди ветеранов-преподавателей, вышедших из среды институтского же студенчества. Медушевская была символом научного престижа Историко-архивного института и в России, и за рубежом. Несмотря на возраст, именно она была образцом и научной продуктивности, причем по проблематике, непосредственно относящейся к преподавательской программе ИАИ, и по организованности в работе. Показательно, что заслуженный профессор РГГУ О.М. Медушевская неизменно оставалась ученым секретарем Ученого совета РГГУ, тем самым демонстрировалось и то, что Московский государственный историко-архивный институт с его системой преподавания и научной работы — основа образования первого в России гуманитарного университета.

Теперь уже всем очевидно, что Медушевская создала фундаментальное научно-педагогическое направление в российском источниковедении, в теории позна-

вания прошлого. И совершить это смогла, сумев обобщить данные многообразной и многоязычной литературы и опыт личных наблюдений и выводов, накопившийся с изучением исторических источников разных типов и видов и с передачей таких знаний в преподавательской деятельности. Ольга Михайловна — исследователь по призванию и педагог-просветитель по зову души — обладала и даром учительства, и пожизненного благодарного ученичества.

Представления об источниковедении и его методике и об источниковедческой доминанте исторического познания Медушевская успела воплотить в текстах не только статей, но и книг. И это позволяет заинтересованно и с признательностью писать и говорить об Ольге Михайловне и тем, кто не был обогащен личным общением с ней, не ощущал обаяния ее личности.

Можно и должно говорить о вкладе содеянного Медушевской в нашу науку и в нашу педагогическую культуру; имеются все основания называть ее имя в ряду самых выдающихся историков последних десятилетий. Однако я, около 60 лет знакомый с Ольгой Михайловной, буду говорить не столько о конечной значимости содеянного ею, сколько о том, каким представлялось значение совершаемого ею на протяжении этого времени, когда мы оба были преподавателями ИАИ (и более 50 лет на одной кафедре). Мог наблюдать как давний сотрудник Академии наук восприятие ее личности, ее сочинений и в академических кругах, в среде сотрудников архивных учреждений, и на научных форумах многообразной гуманитарной тематики, и при чтении статей Медушевской (а некоторые из них выходили в изданиях, где был редактором). Тем более что мне не довелось (из-за болезни) сказать слово об Ольге Михайловне в день прощания с ней.

Ольга Михайловна в своей творческой деятельности и в поведении оставалась верна традициям своей юности 1940-х гг. Быть может, это помогло ей сохранять и молодой строй души, и молодость внешнего облика? А также не уделять время и внимание обсуждению суеты каждодневности взаимоотношений своих коллег?! В конце 1940-х гг. в традиции кафедры вспомогательных исторических дисциплин ИАИ (а также и кафедр отечественной истории — тогда она называлась кафедрой истории СССР — и всеобщей истории) были тесные взаимосвязи с академическими учреждениями; многие преподаватели были сотрудниками Академии наук. У старейших по возрасту и стажу преподавательской работы масштабность эрудиции, допускавшая исследования многообразной тематики, совмещалась с мастерством методики внушения знаний. Для них обучение студентов представлялось и воспитанием: уча, они воспитывали; а аспирантов готовили, руководствуясь едва ли не правилами времени существования цехов, когда только изготовление подмастерьем шедевра своего ремесла давало ему право считаться мастером.

Мне довелось начать служение Историко-архивному институту в феврале 1949 г., когда кафедрой руководил профессор Александр Игнатьевич Андреев, и заседания этой кафедры, проходившие в знаменитом «теремке» (в то время, помимо практических занятий палеографией, я читал общий лекционный курс отечественной истории XVIII в. первокурсникам по программе кафедры истории СССР), стали школой вхождения в атмосферу МГИАИ. На кафедре была атмосфера и заинтересованности научной проблематикой и методическим аспектом преподавания, и приятной живости отношений, даже какой-то домашности. Главным был

А.И. Андреев, но заинтересованно высказывались и оживленно спорили и профессор В.К. Яцунский, тогда еще молодой и очень подвижный Л.В. Черепнин, увлеченно входивший в сферу преподавания А.А. Зимин. К творческому соучастию в деятельности кафедры заведующий старался приобщить и аспиранток Олечку (О.М. Медушевскую), Лёлечку (Е.И. Каменцеву), Ирочку (И.А. Миронову), как их величали в кафедральном разговорном обиходе. (Подробности о кафедре того времени — в трудах Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского о ее истории.) Теперь понимаю, что многое в стиле работы кафедры — из воспринятого от времени, когда научная жизнь и старших, и младших поколений ученых сосредотачивалась еще не в учреждениях Академии наук, а на вузовских кафедрах.

Такая обстановка мне казалась тогда особо привлекательной и тем, что напоминала исторический факультет МГУ студенческих лет и первых аспирантских месяцев, обиход отделения периода феодализма моей кафедры истории СССР и соседней кафедры истории Средних веков, на что вовсе не похоже было то, что происходило на истфаке 1948 – начала 1949 г. в период так называемой антикосмополитической кампании (о чем в моей статье «Судьба историка Н.Л. Рубинштейна» в «Археографическом ежегоднике за 1998 год»).

Это способствовало и формированию представлений о достойных формах взаимодействия профессоров, по-настоящему озабоченных будущим своей науки, уровнем подготовки аспирантов. Случилось так, что у Медушевской оказалось по существу два научных руководителя. Она начинала работу над диссертацией под руководством А.И. Андреева и по близкой его личным исследовательским интересам тематике. Но после того как он был отстранен от работы в МГИАИ, научным руководителем аспирантки утвердили В.К. Яцунского. Яцунский, дав согласие на это, тактично советовался с Андреевым и не только не препятствовал обращениям к нему Ольги Михайловны, но и полагал естественным продолжение консультирования с прежним руководителем диссертации.

Особенно приятной и побуждающей к творчеству такая обстановка на возглавляемой Андреевым кафедре вспоминалась позднее — после того как действия кафедральных же преподавателей (точнее — преподавательниц) стали поводом для ухудшения микроклимата и на кафедре, и в МГИАИ в целом — имею в виду письмо-донос в вышестоящие инстанции Е.Н. Даниловой 1949 г., приведшее к уходу из МГИАИ профессоров А.И. Андреева и Л.В. Черепнина и попыткам выявить «буржуазный космополитизм» у В.К. Яцунского, и организованную А.Т. Николаевой публикацию письма в редакцию газеты «Культура и жизнь» (ее в широком кругу называли «Братской могилой») ее мужа Якобсона, попытавшегося дискредитировать руководителя МГИАИ А.С. Рослову. Тогда на защиту ее чести выступили как соавторы по учебному пособию по русской историографии (и я в их числе), так и академики Н.М. Дружинин и М.Н. Тихомиров. Ольга Михайловна в тех ситуациях держалась достойно.

В дальнейшем, все в большей мере признаваемая влиятельным преподавателем и ученым, Медушевская проявляла неизменную заботу о сохранении добротности микроклимата своей кафедры, а в годы властвования в МГИАИ С.И. Мурашова и его приближенных, когда, казалось бы, характерным стал сервильизм, кафедра вспомогательных исторических дисциплин, возглавляемая Е.А. Луцким,

сумела сохранить вызывающую уважение независимость и при этом по-прежнему высокий уровень научно-преподавательской деятельности во многом и потому, что Луцкий мог опираться на Медушевскую и Ирину Александровну Миронову. Ольга Михайловна была человеком очень воспитанным, неконфликтным, обязательным (ее поведение становилось эталонным для других членов кафедры) и в то же время не склонным к административно-организационной деятельности, и поэтому она упорно отказывалась стать заведующим кафедрой.

Медушевская ранее других преподавателей МГИАИ, да, пожалуй, и преподавателей других московских вузов, заинтересовалась историографией теоретического источниковедения, вычленила его элементы и в советской литературе, на официальном уровне долго избегавшей такой проблематики. Затем обратила внимание на подобную проблематику в трудах ученых социалистических государств Европы, в большей мере соприкасавшихся в ту пору с научной мыслью мира капитализма. А потом позволила себе перейти в плане «критики», изначально не во всем негативной, к рассмотрению сочинений авторов трудов, выходявших в Западной Европе и Америке. Характеристика тенденций развития теоретической мысли зарубежных авторов, не придерживавшихся марксистских взглядов, была, как верно замечено в проникновенной статье И.Л. Беленького «Путь научного поиска» (напечатанной к юбилею Ольги Михайловны в «Археографическом ежегоднике за 1992 год»), «информационно-просветительской» установкой, выраженной в условиях того времени, «разумеется, неясно». Но и это многое значило для склонных к самостоятельным раздумьям, обогащало их научный инструментарий и утвердило особое уважительное отношение к деятельности Медушевской в кругу ученых-гуманитариев, ощущавших необходимость освобождения от оков политико-идеологической регламентации.

Тогда еще не наступила возможность без ярлыковых помет знакомить с конструкциями общественного развития, иными, чем марксистско-ленинские, но уже понимали, что если ученые нашей страны желают занимать достойное место в мировой гуманитарной науке, то необходимо и в этих областях знания, подобно тому, как принято в естественных, математических, технических науках, творчески осваивать новейшие достижения мыслительной культуры стран капитализма. С созданием сектора методологии истории в Институте истории Академии наук попытались включить такое ознакомление с новейшей исторической мыслью (с историологией) зарубежья в программу работы возглавляемой мною группы теоретического источниковедения. Источниковедение признавалось предметом вузовского преподавания; академик М.Н. Тихомиров организовал в МГУ кафедру такого наименования. Утверждая наличие в нем разных уровней и сфер знаний — конкретного источниковедения и теоретического источниковедения, можно было, казалось бы, заняться и более широкой, но явно смежной с теоретическим источниковедением проблематикой теории исторического познания. На заседаниях, организуемых группой, обсуждались подобные доклады, а в изданном в 1969 г. сборнике статей «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», где была статья Медушевской «Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х гг.», помещены статьи В.С. Библиера и А.Я. Гуревича об историческом факте, источниковедческом аспекте социальной

психологии. Однако после положительных рецензий в советской и зарубежной прессе в 1969–1971 гг. книга, по наущению Отдела науки ЦК КПСС, получила в 1972 г. рецензию в журнале «Вопросы истории» (в № 1), где негативно оценивались статьи авторов с нерусскими фамилиями за некритическое отношение к научному наследию и современным трудам ученых, не придерживавшихся навязываемым партийным руководством догматических взглядов; и подготовленный к печати второй выпуск издания (и тоже с участием Ольги Михайловны) не допустили к сдаче в производство; таким образом, задумка иметь продолжающееся издание сборников статей по теоретическим и методическим проблемам источниковедения не могла быть тогда реализована.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, Ольга Михайловна продолжала выявлять относящиеся к теории исторического познания и методологии истории в трудах, которые принято было рассматривать лишь в аспекте развития методики источниковедческой практики, и подходить к сочинениям российских авторов в контексте развития мировой исторической и философской мысли. Мало кто из преподавателей МГИАИ так расширял из года в год проблематику личных научных исследований и с подобной полнотой знакомился с современной мировой литературой, отражавшей новейшие тенденции развития научного знания.

Медушевская стремилась многое почерпнуть из смежных отраслей знания, с интересом посещала научные заседания и в учреждениях Академии наук (именно она и А.Д. Степанский из преподавателей МГИАИ были постоянными посетителями заседаний Археографической комиссии), и в учреждениях архивного ведомства, и др. И именно Ольгу Михайловну старались «заполучить» докладчиком на организуемых этими учреждениями научных конференциях и заседаниях: так, в книгах «Археографического ежегодника» (где, как правило, публикуются доклады, сделанные на заседаниях Археографической комиссии) напечатаны ее статьи «Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное сознание» (доклад на конференции 1994 г. памяти А.С. Лаппо-Данилевского) и «Источниковедческая проблематика “Русской историографии” Н.Л. Рубинштейна» (доклад на конференции к 100-летию со дня рождения ученого).

Труды Медушевской обогащали и наши знания о научном наследию, об особенно актуальном в нем и в наши дни, и представления о современных возможностях творчества источниковеда, о предназначении источниковедения. Ольга Михайловна стремилась к тому, чтобы эти новаторские подходы стали доступны и учащимся, приобщающимся к работе историка, и уже работающим историкам-архивистам — недаром она охотно выступала на конференциях, организуемых ВНИИДАД.

При обсуждении диссертаций и глав их на кафедре ВИД Медушевская всегда обращала внимание на методику работы, степень ее новизны в историографическом и архивоведческом планах и, конечно же, проникновения в текст ее теоретической проблематики. Ей хотелось, чтобы теоретические рассуждения были бы не обязательным привеском к тексту исследования, а определяли ход и стилистику изложения и при этом соответствовали бы индивидуальным особенностям мышления диссертанта. Ольга Михайловна не жалела сил, знакомя его со своими соображениями и подсказками.

Важно отметить как пример самоотверженности педагога по призванию собеседования Медушевской с аспирантами накануне сдачи ими кандидатского минимума. Она старалась довести до их сознания новое в источниковедении как теории познания истории, исходя прежде всего из типологии и особенностей изучаемых именно ими источников. И не жалела времени на разъяснения, учитывая и индивидуальные черты аспиранта, степень его одаренности, уровень эрудиции. Для аспирантов (во всяком случае для тех, кто был причастен к деятельности кружка источниковедения) это было уроком воспитанности и уважительного отношения маститого ученого к молодежи. Ольга Михайловна и сама не раз посещала заседания кружка (а они проходили только в вечерние часы), рекомендовала посещать их своим дипломникам и аспирантам и непременно присутствовала, когда они выступали там докладчиками. Ее подчас удивляло и огорчало то, что представлявшееся ей само собой разумеющимся с трудом усваивалось, но она была терпелива, осознавая, что усвоенное знание — это не запоминание, а понимание. И, как человек душевный, не забывала о том, что оценки на экзаменах отражаются на решении о стипендии и старательных студентов должно поддерживать, имея в виду и различие природных данных.

У Медушевской, профессора с многолетним стажем и автора стольких трудов методической направленности, конечно, образовалась научная школа; ее аспиранты гордятся тем, что прошли школу обучения-воспитания у такого внимательно к молодежи и щедрого на помощь педагога. Но показательно, что «школа» эта в большей мере в сфере не теоретического источниковедения. Ольга Михайловна понимала, что призвание к самостоятельной работе именно в такой области научного знания — удел немногих, и даже самые выдающиеся исследователи и знатоки источников могли оставаться чуждыми специальному интересу к подобной проблематике (если ограничиться именами профессоров МГИАИ, то это М.Н. Тихомиров и П.П. Смирнов, Н.В. Устюгов и И.Л. Маяковский, А.В. Чернов и Н.П. Ерошкин и др.). И самые глубокие творцы нового в исторической науке, как опытные педагоги, учитывали разницу в возможностях восприятия нового знания, новых методических рекомендаций людьми разной подготовки, разной направленности интересов. Показателен в этом отношении подход академика А.С. Лаппо-Данилевского, для возвращения имени которого как классика исторической мысли в нашу современную науку так много сделала Ольга Михайловна: как разнится стиль изложения и словарь в рассчитанном на практиков архивной работы и ищущих фактологический материал в исторических источниках лекционном курсе по дипломатике частных актов и в предназначенной для склонных к теоретизированию «Методологии истории».

Правда, с недавнего времени и сама Ольга Михайловна, увлеченная перспективами научного видения «многообразия и широты междисциплинарных контактов источниковедения», иногда отступала от выработанных правил ориентации на привычные для студенческой аудитории знания и возможности. (Мне приходилось уже говорить и писать о методических перекосах в подготовленном кафедрой учебном пособии 1998 г. «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории», новаторском по замыслу и существенно обогащающем теоретический кругозор не только у учащихся, но и учащих.) Быть может, это проис-

ходило не без воздействия кафедральной молодежи с ее — если пользоваться выражением Пушкина — «слепым пристрастием к новизне» и невнятицей принципов отбора цитат из новой переводной литературы?

Медушевская была по существу уникальна, а потому и недостижима. В какой-то мере к ее уровню мыслителя и человека из преподавателей кафедры, основной работой которых является служба в РГГУ, приближался лишь профессор В.А. Муравьев — и талантом, и широтой образованности, и доброжелательным отношением к студентам, заинтересованностью в судьбе не только приближенных учеников. Но он был занят по преимуществу разработкой проблем историографии и исторической географии.

Ольга Михайловна искренне радовалась достижениям других, особенно молодежи, помогала советом, если была в том необходимость, письменным отзывом-рекомендацией. Ее натуре естественно присуще было совмещение ума и сердечной доброты, и уж безусловно — толерантность в подходе и к жизненным явлениям, и к научным суждениям. Именно она, более других углубившаяся в изучение современных проблем наукознания, сохраняла привлекательные черты несколько уже старомодной интеллигентности.

Знаменитый историк академик С.Ф. Платонов в воспоминаниях и автобиографии 1920-х гг. не раз обращался к характеристике своих профессоров по Петербургскому университету рубежа 1870-х – начала 1880-х гг. Главным для него в оценке, исходя уже из многодесятилетнего опыта и своего творчества ученого и педагога, и наблюдений над коллегами и их учениками, оставалось совмещение ценностей нравственного порядка и воспитывающих элементов в сфере наукокультурологической, к которой относятся научная новизна лекций, методика передачи знаний и возможности восприятия их учащимися, представления о взаимоотношениях и уровне взаимопонимания учащего и учащихся. Показателен заключительный абзац его статьи памяти филолога и историка академика А.А. Шахматова, отличавшегося, по словам Платонова, «в жизни моральной строгостью»: «Он с теми же высокими нравственными свойствами трудился и на ученом поприще — и здесь не только уча, но и воспитывая». Позднее с такими высокими критериями редко уже подходили к оценке профессоров. Но, напоминая о деятельности Ольги Михайловны, допустимо и в наше время воспользоваться такими образцами определений: профессор Ольга Михайловна Медушевская была из тех немногих преподавателей высшей школы, к которым испытывают и глубокое уважение за ученость, и глубокую душевную признательность за доброжелательно заинтересованное отношение к учащейся молодежи.

ПАМЯТИ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЛИТВАКА (1919–2002)*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

29 июня 2002 г. мы потеряли близкого нам человека и крупного ученого-историка, архивиста и публициста Бориса Григорьевича Литвака. И долг людей, не только знавших, любивших, уважавших его, но и заботящихся о будущем отечественной историографии, сделать наши впечатления от общения с Б.Г. и от прочитанного нами из того, что он написал, достоянием тех, кто останется после нас. Поэтому Археографическая комиссия организовала это заседание совместно с Историко-архивным институтом, где Б.Г. впервые вкусил радость настоящего научного творчества. Хотя началось это раньше, еще в конце войны, когда ему поручили собирание материалов по истории воинского подразделения, где он служил. Показательно, что именно этого офицера избрали для такой работы; в ту пору подобная работа велась во многих воинских частях и для некоторых предопределила их будущее, как, например, Александра Михайловича Самсонова, который стал выдающимся историком Великой Отечественной войны и академиком.

Здесь, в институте, Б.Г. обрел друзей, выбрал в жены красавицу-однокурсницу Мальвину Губенко, нашел учителей, а это был период, когда преподавали в ИАИ по-настоящему выдающиеся ученые. Б.Г. имел возможность пройти и подлинную школу научно-практической подготовки, и школу отношения учителя к ученику. Эти профессора, в силу политико-идеологических обстоятельств, вынуждены были, придерживаясь правил мимикрии, говорить с кафедры и писать то, что должно было тогда говорить и писать (тем более что у многих из них, по мнению отдела кадров, были серьезные изъяны в биографии, о чем можно было им и напомнить). Но во взаимоотношениях с даровитыми учениками, особенно с фронтовиками, стремящимися овладеть знаниями, восполняя потери пропущенных лет, проявлялись достойнейшие черты их человеческой природы, их педагогического мастерства, учитывающего индивидуальные особенности учащихся. И это стало для Б.Г. школой человечности ученого и педагога.

Собравшись именно в этом зале, мы, естественно, возвращаемся мыслью к молодому Борису Григорьевичу, к тому, что он вынес с собой из этих стен для дальнейшего жизненного пути, как это влияло на его отношение к более молодым выпускникам ИАИ, начинавшим работать уже под его началом. Судя по кругу собравшихся, в большинстве те, кто был лично знаком с Б.Г. и у которых велико же-

* Публикуются авторизованные тексты выступлений С.О. Шмидта на совместном заседании Археографической комиссии РАН и Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, состоявшемся 26 ноября 2002 г. в Актовом зале ИАИ РГГУ. На заседании присутствовали сотрудники Археографической комиссии и выпускники ИАИ, коллеги по работе Б.Г. Литвака в ИРИ РАН, его друзья и родные.

Выступления были записаны на магнитофон и расшифрованы благодаря помощи дочери Б.Г. Литвака Н.Б. Ершовой и ее мужа В.Ф. Ершова.

вание снова ощутить общение с ним. Потому, когда собираются объединенные памятью, то воспоминания, индивидуальные и коллективные, восстанавливают образ ушедшего от нас и как бы возвращают к обогатившим нас в свое время моментам. Сейчас для нас главное в ощущении обаятельного образа человека с редчайшим органическим сочетанием глубокого ума и очень щедрой доброты. И при этом поразительной организованности, феноменальной работоспособности, позитивной энергии, особого чувства своих обязанностей, как и моральных обязательств. Добавим к тому явственно ощутимую — и потому уже для большинства особо привлекательную, но для иных и настораживающую — заинтересованность и в познании, и в действенном участии в развитии науки (а также ее практических приложений), и в общественной жизни. Ощущение человеческой притягательности и привлекательности настолько преобладало в личном общении, что, пожалуй, препятствовало даже осознанию масштаба его личности как исследователя — и эрудита, и новатора в одном лице. Предполагаю, что еще долго те, кто близко знаком был с Б.Г., прежде всего будут предаваться воспоминаниям, выражениям чувства признательности за свершенное Б.Г. и для нашего общего дела, и для каждого из нас.

Особый долг научно-проблемного совета и научного коллектива, каким является Археографическая комиссия, где он много лет был заместителем председателя и действенным членом редколлегии «Археографического ежегодника» (далее — АЕ. — *Ред.*), подготовить книгу его научных трудов по источниковедению, архивоведению, археографии. В основном, пожалуй, по археографии, так как свои соображения источниковедческого плана в различных статьях он сумел все-таки в значительной мере воплотить в монографиях о крестьянской реформе, о крестьянских движениях, особенно о массовых источниках Нового времени. Б.Г. — активнейший участник работы симпозиумов по аграрной истории, и в ежегодниках симпозиума это было отражено. А напечатанное в АЕ, в архивных журналах обобщить в печатном виде он не успел. Сделать это — наша обязанность. Конечно, следовало бы издать такую книгу избранных трудов с грифами АК РАН и ИРИ РАН, который должен гордиться трудами Б.Г. Но там, в системе административного руководства, сложилась нездоровая атмосфера и демонстративно обнаруживается антагонистическое отношение к Археографической комиссии и ее руководителям. Однако полагаю, что нашу инициативу поддержат в Институте славяноведения, где изначально штатными были все сотрудники комиссии, а год назад в него перешел и я. Думаю, что Ю.В. Андрушайтите и Е.Н. Швейковская могли бы в свободное от «Ежегодника» время подготовить такую книгу. Это будет уже Литвак для читателей третьего тысячелетия.

Литвак воплощал в своей научной и исследовательской, редакторской и преподавательской деятельности ту направленность развития исторической науки, которая с особой четкостью обозначилась — и притом в глобальном масштабе — на рубеже тысячелетий, когда явственно определилось самостоятельное значение вспомогательных исторических дисциплин как фундаментальных в работе историка, и, соответственно, источниковедение, археографию и др. стали с большим основанием называть специальными историческими дисциплинами. Тесную взаимосвязь и взаимозависимость их и собственно исторической науки, т.е. исследовательской практики историков, осознавали уже на рубеже XIX и XX вв. Виднейшие историки создавали и классического образца источниковедческие труды (как

С.Ф. Платонов), и даже по методологии истории (как А.С. Лаппо-Данилевский). Их приемы мышления и навыки в истолковании и использовании исторических источников привнесли в преподавание и некоторые из их учеников, с которыми общался Б.Г. в Историко-архивном институте.

Но его учителями стали не только А.И. Андреев и В.К. Яцунский, Л.В. Черепнин и профессора архивоведения ИАИ, но и Н.М. Дружинин, и ленинградец С.Н. Валк. Литвак сумел перенести приемы подхода к источникам более раннего периода на источники XIX в. и источники социополитической, социоэкономической истории. Избрав массив источников, более близкий исследовательским интересам Яцунского, он в своих работах показал такое совмещение методологического источниковедческого подхода с методикой, практически важной и для археографии, какое свойственно было лишь С.Н. Валку.

Б.Г. умел выявить значение для развития источниковедения, историографии, да и археографии трудов авторов, которых обычно не включали в обиход имен почитаемого историографического ряда. Полагаю, что это не только добросовестность эрудита, но и отражение образа поведения и в жизни — сколько он вводил в мир науки, сколько работ он доводил до уровня, достойного «Археографического ежегодника» или «Исторического архива»! А как умно и тепло одновременно он писал об ушедших — и об учителях (конечно же, о Викторе Корнельевиче Яцунском), и о младших коллегах, как о Юрии Яковлевиче Рыбакове, в некрологе которого сумел поразительно емко охарактеризовать его труды по источниковедению социально-экономической истории XIX в. и их значение.

В его печатных трудах выявлялись и присущие ему скромность, такт, простота — никакой рисовки, ясно и остроумно, без малейших признаков яканья. Так было и в служебных отношениях: он всегда делал очень много и за других, и за начальников прежде всего, но никогда не позволял себе говорить об этом, тем более подчеркивать свою роль. Б.Г. становился лидером, потому что выделялся и высоким мастерством, и неистощимой, казалось, энергией и притягательностью своего отношения к людям. Он был порожден нашей отечественной культурой, особенностями нашей истории, отразившимися в его личной биографии просветителя, ставшего воином и с чувством воинского долга и упорством делавшего то, что считал должным, и в мирное время. В этом помогало ему и характерное для российской интеллигентности, точнее для интеллигентской ментальности, совмещение элементов корневой ментальности русских, украинцев, евреев.

И за рубежом, где только и можно было при его тяжелой и, по существу, неизлечимой болезни продлить особым лечением физическое существование, он мыслями был в России, писал и для диаспоры, и для тех, кто жил в нашей стране. И роль его в просвещении диаспоры историей и культурой России очень значительна. Хорошо, что часть написанного за рубежом удалось ему самому объединить в сборники статей. Это — важный источник и для изучения в будущем нашей историографии рубежа веков.

Убежден в том, что темы «Литвак-историк», «Роль Литвака в развитии специальных исторических дисциплин» — темы особых исследований, и диссертационных тоже. Думается, что материалы нашего заседания облегчат труд будущих историографов и вызовут дополнительный интерес.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предположение мое подтвердилось — сегодня более всего говорили о Борисе Григорьевиче как о дорогом для собравшихся человеке, друге, учителе. Это отражает свойственную возрасту выступавших ностальгию о времени молодости и о тех ушедших, которые и по сей день олицетворяют для нас то время. В определенном возрасте душа ощущается уже и как Элизиум теней, умерших, но остающихся частью нашей продолжающейся жизни. Это ощущаю буквально физически, когда, уже под 70 лет, я потерял няню, с которой прожил бок о бок всю жизнь, во сне стали являться вместе с живыми и другие покинувшие этот мир.

Но немало услышали мы и о том, что Б.Г. сделал для развития нашей науки, сохранения и уважения к нашему наследию, как значительна была его роль в общественной жизни, и тем самым, как отметили, определяется еще тема «Литвак в общественной жизни и культуре россиян». Здесь важно показать, как россиянин остается россиянином и за пределами России и как отзывчив был Б.Г. на происходящее в России, в ее ученых сферах (напомню об отклике на статью В.П. Козлова об археографии в журнале «Отечественные архивы»). Для меня, естественно, особенно трогательно то, что в конце последней книги статей Б.Г. — отклик на сборник статей в мою честь «Источниковедение и краеведение в культуре России».

Мог не раз наблюдать, как радовались встречам с Б.Г., когда он приехал к нам, — и не только соученики по Историко-архивному институту или сослуживцы по журналу, но и другие, к примеру, В.Л. Янин, когда привел Б.Г. на одно из заседаний в Фонде культуры, где представляли издание, осуществленное с помощью РГНФ. А как согревали нас его звонки по телефону из-за океана, и не только обязательные — новогодние!

В АЕ за 2002 год будут напечатаны и материалы нашего заседания в авторизованном виде, и написанное теми, кто не мог присутствовать сегодня здесь. И конечно, нужно ускорить подготовку книги статей Б.Г. Литвака.

ВСПОМИНАЯ В.И. БУГАНОВА

Грустно и в то же время приятно присутствовать на таком заседании. Грустно, что человек еще молодой, — а тот, кто был учителем, понимает, насколько моложе его был Виктор Иванович, — ушел из жизни. Но не часто бывает, чтобы творческий путь ученого оставлял такой след в науке и такой след в сердцах. Жизнь наша стремительна, борьба за выживание науки отнимает очень много сил, и тем не менее те образы, которые остаются, это, видимо, образы тех, без кого современная наука не может двигаться вперед. Без памяти о них, без обращения к их трудам,

Впервые опубликовано: Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей памяти В.И. Буганова. М., 2001. С. 13–19. Доклад прочитан автором на «Чтениях памяти В.И. Буганова» в октябре 1997 г.

к опыту их, мы не можем выжить. Ибо выживать мы можем только тогда, когда убедим других, что наша наука необходима и что ее высокий уровень нужно поддерживать. Поэтому мы должны благодарить руководство института, руководство Центра, что таким способом продолжена жизнь Виктора Ивановича.

Конечно, и для Калерии Цереновны, и для других близких Виктор Иванович Буганов не только ученый, и то, что он сделал в науке, — это, может быть, даже не главное в их взаимоотношениях. Но для большинства — это, конечно, человек науки, человек организаторского опыта, следы деятельности которого сохраняются в нашей сегодняшней жизни. Мы имеем опыт обогащения памятью; и мне как председателю Археографической комиссии об этом легче говорить. Так как есть опыт Тихомировских чтений, проводимых с 1968 г. (когда исполнилось 3 года со дня кончины основателя комиссии и 75 лет со дня его рождения) и посвященных жизни и творчеству Михаила Николаевича Тихомирова и тем проблемам, реализации которых в науке он отдал свою жизнь. Я думаю, что такой путь — это лучший путь сохранения памяти и о Викторе Ивановиче — прямо и непосредственно ученике и продолжателе как раз дела Михаила Николаевича Тихомирова.

Вероятно, из всех здесь присутствующих я дольше всего знал Виктора Ивановича. Мы познакомились в 1950 г. Я был начинающий преподаватель Историко-архивного института, кажется, даже еще не доцент, и Виктор Буганов остался в памяти, ну, во-первых, потому, что он был очень хорош собой, поэтому выделялся, хотя на этом курсе был — некоторые помнят — такой красавец, как Михаил Афанасьевич Пережогин. Этот курс был вообще блестящим: Борис Григорьевич Литвак, Юлия Викторовна Андрияшайтите, Светлана Арамовна Левина и Юрий Александрович Тихонов, здесь присутствующий, Илья Андреевич Булыгин и Валентин Федорович Кутьев. На курсе были объединены участники войны и школьники. И среди них выделиться так, чтобы как-то показаться сильным, — было очень непросто. Потому что вернувшиеся с фронта так изголодались по настоящей мысли, что по-настоящему серьезно занимались и уже примерно на второй год восстановили механику быстрого освоения знаний и быстрой реализации их во что-то существенное. Школьники были довольно сильными соперниками. Виктор проявил себя скоро, вошел в кружок Николая Владимировича Устюгова, стал даже старостой кружка, и в общем он на меня вышел, а не я на него. Тогда это были первые мои дипломники, и вот он пришел ко мне. Конечно, поддаться его обаянию было очень просто, но ведь обаятельная внешность еще не означает, что можно что-то делать.

Буганов сразу же обнаружил упорство, трудолюбие и, несмотря на явное самолюбие, умение и желание учить самого себя. Я познакомился с Виктором Бугановым еще с другой стороны. Я быстро понял, что он в своей семье первый человек, ставший интеллигентом, человек, который не вырос в окружении книг, стоящих на полках. А вот, скажем, мои первые детские впечатления: мне не дают вынимать книги с книжных полок; естественно, что в нашем доме это было тогда главное и сейчас осталось главным богатством. У него этого не было, и он достиг всего сам. У нас в институте был прелестный руководитель библиотеки, его некоторые, наверное, помнят, — Глеб Вадимович Тронин. Я посмотрел абонемент студента Буганова и поразился — как много, как целенаправленно и как широко охватывая те-

матику он читал. Он читал не только классику. Он брал книги по истории музыки, которой он очень увлекался (даже начал собирать пластинки), он брал книги по истории искусства — причем не только русского, но и зарубежного. Он брал мемуары, он брал книги, конечно, и по истории. Понимаете, человек поставил перед собой задачу самообразования — он намерен был идти в науку и понимал, что ему нужен тот широкий кругозор, который позволит ему гораздо легче ориентироваться в многообразии возможных объектов, которые ему встретятся.

Это не частый пример. Причем, вероятно, даже изменение руководителя — он ушел от того, с кем сначала работал, — и выбор еще только начинавшего тогда Шмидта — тоже этим в какой-то мере определялись. Ему хотелось какой-то более широкой тематики. И я заставил его переделывать диплом, довести до требуемых источниковедческих кондиций. Но Виктор не был активистом-комсомольцем; и с его аспирантурой было не так просто. Потому что тогда была довольно жесткая норма на выдвижение аспирантов. И боролись и абитуриенты, и их руководители. И вот тут Анна Сергеевна Рослова, директор института, помогла — она очень хотела привлечь в Ученый совет института Михаила Николаевича Тихомирова, что украсило бы институт. Михаил Николаевич к Анне Сергеевне очень хорошо относился, знал ее давно по историческому факультету МГУ. Она была, действительно, человек большой души, хотя ученый совсем никакой, но из тех партийных работников, которые искренне хотели, чтобы наука двигалась вперед, и которые с искренним уважением относились к труду ученых. Михаил Николаевич дал согласие, но сказал: «Вы знаете, ну что я буду ученым украшением? Надо, чтобы у меня было что-то в институте — лекции мне читать трудно, я читаю у себя в университете, а вот дайте мне аспиранта». Естественно, аспирантом должен был быть кто-то из выпускников института, потому что ученики Михаила Николаевича шли либо в университет, где он состоял профессором, либо в Академию наук, где он был уже членом-корреспондентом. И я тогда решил подсказать ему Буганова; но подсказать Михаилу Николаевичу кандидатуру — сложное дело. Потому что Михаил Николаевич (а Владимир Андреевич Кучкин знает это не меньше меня) — человек не самого простого характера, — ему нужно было, чтобы человек ему подошел и чтобы он мог поверить в него.

Я помню даже, как произошло их знакомство. Это было у метро «Кропоткинская». Мы поговорили, сидя на бульваре; Тихомиров потом назначил свидание. Я понял, что и на Тихомирова личное обаяние Буганова оказало воздействие. Конечно, он очень хорошо держался, сдержанно, показал свою воспитанность. Михаил Николаевич его вызвал, и у них был какой-то разговор. Михаил Николаевич сказал: «Я согласен». У меня на следующий день экзамен на первом курсе. В это время заседает комиссия, дающая рекомендации в аспирантуру. Я посылаю записку Анне Сергеевне: «Михаил Николаевич Тихомиров согласился быть членом Ученого совета и согласен руководить аспирантом, если ему рекомендуют в аспирантуру Буганова». Там уже в списке десять человек есть. Но кого-то выкинули, и Буганов оказался тем десятым, кого рекомендовали в аспирантуру. И он стал первым аспирантом, единственным аспирантом Тихомирова по Историко-архивному институту.

Тут уже начинаются свои отношения, но я чувствую, что на меня Тихомиров косится. Виктор Иванович стал себя хуже вести, чем он ожидал. Он ему дал необы-

чайно трудную тему: разрядные книги. Эту тему никто не разрабатывал в таком плане, ну, вероятно, после Милюкова, в течение почти пятидесяти или шестидесяти лет. И вот в какой-то момент то, что шло хорошо, вдруг стало меньше удовлетворять руководителя: то ли Буганов отвлекся, то ли что-то не то делал, зарабатывая, что тоже было необходимо. Михаил Николаевич мне пожаловался. Я передал, конечно, сейчас же Виктору. Нужно было еще найти его (он жил за городом, телефона не было), чтобы он ко мне пришел. Беседа с научным руководителем была очень серьезная. Виктор говорил, что вот так вообще его не «пороли». Но, видимо, эта «порка» оказалась столь позитивной, что после этого Буганов ставился в пример: вот Буганов же понимает, а вот вы старше его, а не понимаете то, что мы вам говорим. То есть он, так сказать, выполнял больше, чем, может быть, даже мы, старшее поколение, могли.

В результате Михаил Николаевич оставил его при себе. И это главное, что мне и хотелось. И он ему сначала доверил работу, которая была, конечно, гораздо больше, чем диссертационная тема, и притом иная тематика, чем в дипломе. И тем, кто знает труды Виктора Ивановича о разрядных книгах, известно, сколько наработок осталось у него и для дальнейших исследований. Потому что у него чуть ли не до десятка статей по материалам, не вошедшим в его монографию. Но порученная работа приучила и к изучению летописания. Михаил Николаевич ему доверил подготовку издания летописей — дело, которое сам лелеял, он искал людей, которые могут стать продолжателями его дела. И в итоге Виктор Иванович стал руководителем Летописной группы и человеком, который направлял к этому многих, уже более молодых, чем он. Этого всего добился он сам. Потому что летописи он фактически не изучал в архивном институте вообще, как и разрядные книги он не изучал.

Он был, конечно, очень способный, трудоспособный, но он любил трудиться. И не потому что он был лишен возможности других удовольствий, ведь радость общения с ним испытали многие. Но это был красивый, сильный, крепкий мужчина, который, любя жизнь, в то же время не может себя чувствовать нормально вне труда. И то, что сейчас здесь мы видим на книжной выставке, — это не все, что сделано; поражает, что это сумел написать и издать один человек. И тут, конечно, нужно сказать не только о его способностях, не только о том, что он продолжал держать в то трудное время линию, утверждающую основы источниковедческой работы, т.е. те настоящие тихомировские традиции, которые в нашем институте в то время отнюдь не всеми поддерживались. Но и о том, как он проявил себя, как только обнаружилась возможность реализации присущего ему организаторского таланта. Он сделал необычайно много для того, чтобы продолжить это дело Тихомирова. Великие старики вспоминали Симеона Гордого, академики — и Лаппо-Данилевский, и Тихомиров, не сговариваясь друг с другом, всегда повторяли: «Чтобы свеча не погасла». Вот это он продолжал. Потому что, конечно, продолжать издание летописей, даже при поддержке Бориса Александровича Рыбакова, авторитет которого очень велик, трудно. Ведь авторитет авторитетом, но кто-то должен летописи готовить к печати, их могут не выкинуть из плана, посчитавшись с мнением академика Рыбакова, но если их не будут готовить два-три года, то скажут «все». Он умел заставить полюбить и хорошо делать эту сложную трудоемкую работу.

И потому его вклад как человека, убежденно боровшегося за источниковую базу наших исторических знаний, очень велик.

И не только о России периода феодализма, на выставке это хорошо видно. Ведь Буганов занимался историографией, источниковедением ленинских трудов, причем трудов сложных, социально-экономической тематики, постепенно дорос до трудов по Новому времени (диплом, кстати, был по XVIII в., журналам Новикова). И это тоже очень привлекает, и не случайно он сначала стал членом-корреспондентом Российской академии образования, а потом и Академии наук. Он обладал тоже редким свойством уметь не только писать для исследователей как исследователь, но и писать для широкого круга читателей, не снижая научного уровня, что очень нужно именно для исторического образования, знакомя со школой своей работы. Это не всем дано.

В будущем году Виктору Ивановичу 70 лет исполнится, в это время, если мы доживем, будем, вероятно, его отмечать. Я не уверен, что обязательно должны быть ежегодные Бугановские чтения, но, конечно, к 70-летию чтения не могут не быть. Мне хотелось бы пожелать, чтобы то, что здесь будут сегодня говорить, успеть издать к 70-летию, чтобы это был сборник памяти Виктора Ивановича Буганова, основой которого будут сегодняшние доклады. Чтобы не ограничиться только тем, что было на конференции, хотя, может быть, в части научной и ограничиться, потому что здесь очень продуманная программа (от периода летописного до сегодняшнего дня). Но чтобы еще обратиться к тем, кто по каким-то причинам не мог присутствовать или не мог даже быть в Москве, с просьбой написать о Викторе Ивановиче. Обратиться к П. Бушковичу и к некоторым другим иностранным коллегам, потому что его хорошо знали за рубежом, он много раз там бывал. Чтоб у нас был раздел воспоминаний. Может быть, найдут и письма, которые допустимо сейчас публиковать, если даже очень хвалебные, то сейчас уже это можно делать. Может быть, стоит даже опубликовать отзывы того же Михаила Николаевича, которые у него сохранились, отзывы его оппонентов, чтобы была и такая часть, посвященная, так сказать, «бугановиане». Желательно, чтобы были фотографии, потому что жалко лишить тех, кто его не знал, возможности познакомиться с внешним обликом Буганова. Это было бы, по-моему, данью нашей памяти человеку, которому присутствующие очень многим обязаны и который фактически в значительной степени определил, по крайней мере до конца этого столетия и тысячелетия, деятельность организованного при нем Центра, сумевшего собрать нас на эту конференцию.

Что касается хроники заседания, то было бы хорошо, чтобы не только «Археологический ежегодник», который обязан и готов поместить эти материалы (желательно, чтобы кто-то и об этом написал, это будет как раз 98-й год, к 70-летию). Я, пользуясь присутствием здесь главного редактора журнала «Отечественные архивы», членом редколлегии которого до конца жизни оставался Виктор Иванович, предложу: может быть, хронику нашего заседания поместить там. Буганов, конечно, как человек умный, понимал, что тяжело болен, может быть, он отгонял эту мысль, не желая делиться с другими, и у него появилась потребность писать о других. Очень волновался, поместим ли мы статью о А.Г. Манькове, которую он написал для нашего «Ежегодника». Написав уже обо мне раньше, он все время хотел на-

писать статью о Шмидте. Я говорил ему, что неудобно, особенно в «Историческом архиве», в «Отечественных архивах», где член редколлегии... «Нет, нет, я должен это сделать». Потом стало невозможно возражать, и я подсказал в соавторы А.Н. Медушевского... Я думаю, что если мы напишем о нем и вспомним, то это тоже будет в традиции последних лет его жизни, когда у него была личная потребность поделиться очень добрыми мыслями о людях, которым в какой-то мере чувствовал себя обязанным или которые ему что-то дали для его научной жизни. Вот этим я хотел бы закончить выступление и поблагодарить еще раз, уже от лица Археографической комиссии, тех, кто сумел организовать сегодняшнее заседание.

СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е.С. СИЗОВА

Евгений Степанович Сизов — из первых и самых близких мне учеников по Московскому государственному историко-архивному институту. Его чарующее обаяние, чистота души и ума пленяли и товарищей по научному студенческому кружку источниковедения отечественной истории МГИАИ (где его выбрали старостой), и людей моего домашнего круга. В статье «Историк и источниковед Евгений Степанович Сизов» его друг С.М. Каштанов (ныне член-корреспондент РАН, всемирно известный специалист по актовому источниковедению и истории допетровской Руси) писал: «Бесконечно грустно и обидно, что так рано ушел из жизни редкий по своим душевным качествам человек, доброжелательный по натуре, талантливый, блестяще ведший исследования в новом направлении источниковедения, любимый всеми окружающими — семьей, друзьями, коллегами, учителями и учениками»¹. Когда в 2000 г. отмечалось 50-летие кружка источниковедения, перепечатали образчики Жениного юмора и сочиненное о Сизове в 1950-е гг., и «старрики» кружка вспоминали о нем с особой сердечностью². Женя Сизов — тепло моей памяти. Его фотография институтских времен (в неизменной — и, вероятно, единственной тогда — синей спортивной куртке) у письменного стола воспроизведена в последнем сборнике, изданном к моему юбилею. Перед глазами или как бы на слуху и некоторые эпизоды нашего общения (быть может, и потому, что именно Женя первым из учеников еще в студенческие годы стал своим в нашем доме). И даже, будучи уже многоопытным историком и историографом, не могу отделить восприятие научного творчества Сизова (очень близкого моим научным интересам и по тематике, и по методике) от восприятия его личности.

Женя родился 13 марта 1930 г. В семье его все были музыкальны, но не обнаруживался интерес к гуманитарным знаниям, однако сама старейшая и красивейшая из московских больниц (Первая градская, бывшая Голицынская, где он жил в школьные годы) и ее местоположение внушали представления об устойчивости корневых традиций — и этических и эстетических. В этом уголке Москвы многое

могло побудить пытливого и приметливого юношу задуматься над вопросами о взаимодействии общества и природы, о взаимосвязи исторических эпох и разных стилей в искусстве и градостроительстве, о путях выявления следов прежней жизни. Здесь, пожалуй, особенно заметно для Москвы тех лет совмещались красота уцелевших памятников классической архитектуры и парка Нескучного сада близ Москвы-реки и ускоренное строительство новых зданий, патриархальный мещанский уклад жизни в домах с палисадниками и в бывших трактирах для извозчиков и помпезная основательность многоквартирного Дома академиков, новации созданного еще в 1920-е гг. «комбината» массовой советской культуры — Центрального парка культуры и отдыха — и начало прокладки большой транспортной магистрали международного стиля — Ленинского проспекта.

Исторические размышления изначально казались привлекательными; однако был большой интерес и к химии, и любитель гимнастики горнист пионерского отряда Женя Сизов задумал поступать в военное училище, но медкомиссия не пропустила его по здоровью. Избранный им, в конце концов, Историко-архивный институт, как скоро выяснилось, отвечал его призванию, тем более что тяга к гуманитарным знаниям отличала Женю уже в школьные годы (как вспоминал в разговоре со мной одноклассник Сизова — видный литературовед и публицист Вадим Валерианович Кожинов). В администрации института он встретил позднее и юную Розу, только начинавшую служебную карьеру, что предопределило его счастливую семейную жизнь.

Обратил я внимание на первокурсника Сизова уже весной 1949 г., в первую мою экзаменационную сессию в вузе (с которым связал с тех пор свою преподавательскую судьбу). Он попросил разрешения досрочно сдать экзамен по отечественной истории, так как торопился уехать работать вожатым в пионерлагере. Таких «досрочников» было несколько человек, симпатичный и стеснительный юноша в белой рубашке с закатанными рукавами явно выделялся среди них самостоятельностью своего ответа и знанием дополнительной литературы. Видимо, и я ему приглянулся чем-то, так как с началом работы под моим руководством зимой 1949/50 учебного года научного студенческого кружка источниковедения Женя стал участвовать в его заседаниях, правда, нерегулярно (на фотографии 13 апреля 1950 г., признаваемой датой отсчета при праздновании кружковых юбилеев, его, как, впрочем, и С.М. Каштанова, нет).

Вскоре он сблизился с младшекурсниками тех лет (Вандой Белецкой, Львом Дьяконицыным, Сергеем Каштановым, Галиной Тарле, Игорем Фесуненко, Владимиром Кабузаном, Алексеем Курносовым, Андреем Пшеничным и др.), составившими ядро кружка, — так зарождались кружковая дружба и кружковый юмор. В цитированной уже статье сборника, подготовленного к 30-летию кружка, С.М. Каштанов отмечал: «Исключительна роль Жени в истории кружка. Он был душой многих наших начинаний тех времен, когда в кружке еще не было “стариков”. Женя являлся вторым (после С.А. Левиной) старостой кружка. Сколько вдохновения внес он в жизнь нашего коллектива еще не “зрелых” тогда источниковедов! Вспоминаются его стихи, баллады, импровизации, которые он исполнял, аккомпанируя себе на гитаре. Как сочетались в них лиризм, юмор, теплота, такт! В сплочении кружковцев, сохранившемся затем на многие годы, Женя сыграл пер-

венствующую роль...»³ Показателен ответ самого Е. Сизова на вопрос анкеты к 25-летию кружка: «Годы работы в Кружке. Впечатления об этом?» — «С 1950 года. Впечатления бывают от чего-то привнесенного извне, а то, что совместно вынашивалось, рождалось, создавалось коллективно и было тем, без чего нельзя, — навсегда остается любимым детищем»⁴. Е.С. Сизов был объединяющим началом для «стариков»-кружковцев и по окончании МГИАИ. Не раз выступал и на кружке с сообщениями о своих работах по истории Кремля, организовывал посещения музеев Кремля. Когда отмечали присуждение мне докторской степени в июне 1965 г. и в Дом архитектора пригласили около ста человек (из них треть кружковцев), именно Женя оформил «эмблемами» столы для гостей. На столе, предназначенном для молодежи, была расшифровка аббревиатуры НСО (Научное студенческое общество) — «Наш Сигурд Оттович»⁵. А когда наступило время танцев, как хороши они были с Розой и как великолепно и в то же время артистично он разрешал Розе, сразу же признанной первой красавицей среди собравшихся, танцевать с другими кавалерами, преимущественно уже старшего возраста...

Е.С. Сизов всегда был занят тем, что называют общественной работой; но, трудолюбивый и скромный, не тянулся к видным должностям, публичным выступлениям, красованию в президиумах собраний. Он стал казначеем студенческого профкома, первым помощником тоже любимого всеми председателем профкома В.И. Кострикина (Василий Иванович был позднее проректором МГИАИ, а затем ученым секретарем Института истории СССР Академии наук). Он — и увлеченный участник драмкружка, которым руководила в ту пору Ксения Маринина (известная ныне многим и по телепередачам). В драмкружке была и Татьяна Петровна Коржихина (увы, покойная), ставшая затем профессором МГИАИ и автором важнейших учебных пособий и исследований по истории государственных учреждений советского периода. Роль Бальзамина он сыграл самозабвенно, на уровне хорошего профессионального актера.

Одновременно он способен был с полной отдачей заниматься сбором материалов для дипломного сочинения. Тема работы была подсказана зав. кафедрой истории СССР профессором А.А. Новосельским в русле проблематики, интересовавшей его и Н.В. Устюгова: «Заемные кабалы Керетской волости Соловецкой вотчины как источник по истории крестьян этой вотчины на рубеже XVII–XVIII вв.». Дипломное сочинение рекомендовали к печати, а статьи такой же тематики напечатали в Трудах МГИАИ⁶. Помнится, что перед заседанием кафедры Женя зашел за мной и, когда начали обедать, от волнения отказался что-либо есть. Няня моя — Франциска Александровна, относившаяся к нему с любовной симпатией, вдруг, повысив голос, решительно сказала: «Это что еще такое? Сейчас же есть, а то не будет сил защищаться!» — и Женя вынужден был давиться котлетой. Позже он — один или с Розой — регулярно демонстрировали у нас дома и на даче Франциске Александровне «этапы» роста их сына Андрея. Занятый больше с ней, чем со мной, мальчик, естественно, не запомнил моего имени. И памятен такой эпизод, когда Андрюша уже научился снимать телефонную трубку. Я как-то позвонил Сизовым, он, взяв трубку, произнес: «Кто спрашивает?» Услышав труднопроизносимое и непонятное ему сочетание слов «Сигурд Оттович», чистым громким голосом провозгласил: «Папа, тебя какой-то глупый дядя просит». Смущенный Женя подошел к

телефону, и я сразу же услышал басовитый рев, показывающий, что мама начала воспитывать сына наиболее запоминающимся способом...

Дипломное сочинение показало, что у Е.С. Сизова есть и склонности, и незаурядные способности к самостоятельной научно-исследовательской работе. Но поступлению его сразу же в аспирантуру воспрепятствовали тогда в партбюро МГИАИ. И, как убеждался не раз, незаслуженные пакости и в этом случае дали возможность проявиться затем благотворным последствиям: уже в 1956 г. Е.С. Сизов начал работать в Государственных музеях Московского Кремля, а с 1975 г. стал уже главным хранителем. Его разносторонняя, почти четвертьвековая деятельность заметно способствовала расширению и распространению знаний и о памятниках Кремля, и о научной работе Музеев Кремля.

Е.С. Сизов оказался как бы предназначен для работы такого вида. При его редкостном трудолюбии, организованности, аккуратности, памяти на детали он быстро овладел опытом технологии хранения памятников культуры и все в большей мере становился всесторонним их знатоком. Исследовательская жилка и навыки культуры архивиста обеспечивали высокий уровень описания им памятников, а подход к исследованию исторических источников методами комплексного источниковедения, вероятно, в определенной мере предопределялся и проблематикой кружка источниковедения. Научно-исследовательская работа в московских музеях, причем многопрофильная, восходит еще к традициям могикан музейного дела середины XIX в., которые были одновременно и замечательными собирателями, хранителями, знатоками памятников истории и культуры, и разносторонними их исследователями. Но Е.С. Сизов, при его общественном темпераменте и доброжелательстве, был еще и прирожденным просветителем и пропагандистом научных знаний. Ему свойственна была скрупулезная добросовестность во всем — и во взаимоотношениях с людьми, и в научных исследованиях. Не позволял себе он и примитивизации, обращаясь к «широкой публике». К сказанному и написанному Е.С. Сизовым знавшие его относились с неизменным доверием. В своих научных трудах он стремился опереться на наивозможно прочную источниковую базу, тщательно выясняя все, что сделано его предшественниками, уделял особое внимание полноте научного аппарата. При этом он обладал и даром художественно-эмоционального восприятия прошлого. Источником познания этого прошлого для Е.С. Сизова не в меньшей мере, чем памятники письменности, становились и произведения изобразительного искусства, старинные предметы, природное наследие. И он умел такое ощущение передать и читателям, и слушателям лекций и объяснений экскурсовода.

Именно в Музеях Кремля определилась тематика и его научно-популярной (просветительско-описательной), и его научно-исследовательской деятельности⁷. Совместно с И.С. Ненароковой Е.С. Сизов подготовил книгу «Художественные сокровища Государственных музеев Московского Кремля» (два издания — 1975 и 1978 гг.), богато иллюстрированную, с емкими и информационно насыщенными описаниями. Е.С. Сизов — автор статей и аннотаций к разделам «Музей “Успенский собор”», «Музей “Церковь Ризположения”», «Музей “Благовещенский собор”», «Музей “Архангельский собор”» и аннотации к разделу «Музей искусства и быта XVII века». Основная тематика его публичных выступлений в Москве, в дру-

гих городах России, за рубежом, в беседах с разновозрастной аудиторией, по телевидению, в печати — история Московского Кремля и его памятники, Кремль в истории и культуре России. Е.С. Сизова признавали авторитетным историком-краеведом Москвы⁸.

Е.С. Сизов был секретарем комиссии ученых, возглавляемой академиком М.Н. Тихомировым, исследовавших придел Архангельского собора с захоронением царя Ивана IV и его сыновей, писал об этом (иногда и под псевдонимом), выступал с докладами, консультировал М.М. Герасимова, восстанавливавшего по костным останкам внешний облик Ивана Грозного. История Архангельского собора в источниковедческом аспекте определилась и как тема диссертации, разделами которой становились статьи исследовательского типа для изданий Академии наук, Московского Кремля и др.⁹

Е.С. Сизов не имел склонности к общетеоретическим построениям при подходе к проблемам собственно историческим и источниковедческим, но изучаемое им рассматривал как часть целого; всегда имел в виду соотношение общего и особенного. И потому-то его конкретные, казалось бы, частного характера, наблюдения воспринимались как важные, даже определяющие, при изучении более масштабных и в то же время спорных вопросов. Такое значение имели соображения Е.С. Сизова о политическом содержании стенной росписи Архангельского собора (особенно в приделе, предназначенном для захоронения первого российского царя) и обоснование ее датировки 1564–1565 гг. Это существенно важно при изучении умонастроения Ивана IV в период начала его переписки с Курбским и в канун организации опричнины¹⁰. Роспись придела аллегорически напоминает биографию Ивана Грозного с упором на «обиды» от бояр, что помогает понять как манеру использования царем-писателем текстов Священного Писания и отцов церкви в тенденциозно-политических целях, так и его представление о соотношении письменного текста и иллюстраций к нему и о восприятии этого «зрительного ряда» (что необходимо учитывать при исследовании редакционной правки на листах Лицевого свода о времени правления Ивана IV). Не говоря уже о том, что это обогащает наши знания об образованности и начитанности царя Ивана, о рукописях его библиотеки (или лиц его окружения — митрополитов Макария и Афанасия, Сильвестра, А. Адашева, Висковатого и др.).

Установление того, что о захоронении в Архангельском соборе Василия — сына князя Владимира Андреевича Старицкого — не могло быть написано прежде 1574 г., — важнейшее датирующее свидетельство: рукопись этой части Лицевого свода не могла быть окончательно оформлена ранее этого года. Е.С. Сизов произвел и палеографический анализ интересовавших его листов Шумиловского тома Лицевого свода и датирует эти листы — и по филиграммам, и по содержанию — временем от 1574 до 1581 г., когда в соборе был погребен царевич Иван Иванович (о нем в летописном сказании «О положении мощей великих князей и удельных в Архангеле» нет упоминания).

Это подтверждает датировку Лицевого свода, обоснованную еще более ста лет назад по филиграммам Н.П. Лихачевым и характеризующую как образец палеографического исследования в учебных пособиях академиком М.Н. Тихомирова (по источниковедению) и Л.В. Черепнина (по палеографии). Распространившиеся с се-

редины XX в. суждения о составлении дошедших до нас рукописей Лицевого свода, посвященных времени правления Ивана IV, уже в 1560-е гг. (о которых упоминает в своей статье и Е.С. Сизов) — основаны не на соображениях палеографического порядка, а на тенденциозной направленности редакционной правки, характерной для сочинений царя якобы лишь в 1560-х гг. Тщательное полистное изучение всех рукописей Лицевого летописного свода А.А. Амосовым¹¹ убедительно показало, что завершающий этап работы над Лицевым сводом был не ранее конца 1570-х гг., и ошибочным является утверждение Б.М. Клосса, полагавшего (без учета наблюдений Е.С. Сизова над почерком писца и стилем миниатюриста Шумиловского тома, терминологии той поры, практики переписки и издания книг), что работу над Сводом завершили к 1576 г. (хотя, к сожалению, мнение Б.М. Клосса как единственно достоверное навязано редактором такому солидному изданию, как «Словарь книжников и книжности Древней Руси») ¹².

После обобщающего характера статьи 1964 г. «Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов» и особенно книги «Воображены подобия князей» (Стенопись Архангельского собора Московского Кремля)» (М., 1969) в серии «Публикация одного памятника» Е.С. Сизов задумал подготовить монографическое исследование об Архангельском соборе. В дарственной надписи мне сборника «Древнерусское искусство. XVII век» (М., 1964), где напечатали его статью, есть и такие слова: «...мое маленькое участие в сборнике зарождает во мне большую надежду на будущее...»

Изначально мыслилось: подход к этой теме должен быть в тесной взаимосвязи проблематики исследований и методики собственно исторического, искусствоведческого и историографического и даже литературоведческого планов, причем автор не ограничивался XVI и XVII столетиями. Ему хотелось показать, как «в лицах раскрывается история России» и в живописных образах воплощаются идеи и о преемственности в историческом развитии государственности (Киевская Русь — Владимиро-Суздальская Русь — Московская Русь, позднее — Московское государство времени Ивана Грозного и Российское государство при Алексее Михайловиче), и о значении «утверждения централизованной власти». Формирование идеологии живописного замысла исследовалось во взаимосвязи с другими историко-культурными начинаниями середины XVI в. в сфере и государственной, и церковной деятельности, с созданием памятников письменности (и нарративных, и делопроизводственных), изобразительного искусства, градостроительства, возрождением Кремля после страшного пожара 1547 г. Ученый стремился освоить обильную и многообразную литературу столь широкой тематики, устанавливая и элементы преемственности в современных ему трудах от сочинений современников Карамзина, Буслаева и Забелина, и то, что сближало в советские годы специалистов разного профиля (историков, филологов, искусствоведов) в изучении истории и культуры допетровской Руси, особенно XVI в.

Однако широкие историко-культурологические обобщения выдающихся старших его современников интересны были ему не только своими выводами и наблюдениями (общего — особенно компаративистского — и частного характера) и исследовательской методикой, но и приемами литературно-художественного воплощения этих взглядов. Ибо постепенно Е.С. Сизов утвердился в мысли: попы-

таться написать книгу, исследовательскую в своей основе (где все подтверждается ссылками на архивные материалы, литературу или визуальные наблюдения), популярную по форме, обязательную для ученого-специалиста и привлекательную для широкой публики.

По существу, Е.С. Сизов следовал демократическим традициям наших гуманитарных наук, восходящим еще к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Но во второй половине XX в. верными этой традиции остались немногие. К тому же надо было обладать и литературным мастерством, и знанием психологии интеллигентного читателя века науки о науке, когда интересно знать не только об историческом явлении, но и о том, как это узнано и насколько достоверны приводимые соображения. Е.С. Сизов специально изучал стилистику ученых-гуманитариев, умеющих и склонных обращаться в своих сочинениях не только к специалистам. (Таких, как историки России феодального периода М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков в советские годы, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков, некоторые из учеников В.О. Ключевского в первой четверти XX в.) Особенно важным казалось обучение на трудах Н.Н. Воронина и Д.С. Лихачева, обладавших даром вдохновенно писать о памятниках истории и культуры (словесных и изобразительных).

В творчестве Сизова совмещались образность и точность мышления, изящество и богатство литературного языка, четкость научных формулировок и доступная всем однозначность определений. Он как бы ощущал возможность восприятия написанного им и строгим на критику, оснащенным специальными знаниями исследователем, и популяризатором-просветителем, ожидающим методической помощи, и теми, кто склонен к самостоятельному обобщению, знакомясь со следами прошлого.

Е.С. Сизов увлеченно, самозабвенно (хотя и со свойственной ему неторопливостью и основательностью в проверке всех фактологических данных) готовил книгу об Архангельском соборе, продумывая архитектуру ее, подбирая запоминающиеся эпиграфы, но не успел завершить к тому времени, когда к нему пришла безжалостная и мучительная болезнь (опухоль мозга). Сейчас этот труд публикуется посмертно в издании «Архангельский собор Московского Кремля», и уже не отдельной книгой, а с добавлениями работ тех, кто совместно с Е.С. Сизовым и вслед за ним изучали историю Архангельского собора. Сочинение Е.С. Сизова окончательно подготовлено к изданию благодаря самоотверженности Наталии Андреевны Маясовой, замечательного знатока не только древнерусского шитья и памятников материальной культуры Древней Руси, но и художественных сокровищ Московского Кремля, многолетнего научного сотрудника его музеев, в годы работы Сизова — заместителя директора Музеев по науке.

Впервые издающийся труд Е.С. Сизова «Храм Архангела Михаила на Соборной площади в Кремле», можно полагать, будет оценен как высокий образец исторического сочинения, одновременно и исследовательского, и научно-популярного. К этой книге, обобщившей и знания литературы об истории и культуре Руси XVI–XVII вв., и данные об основных научных открытиях самого автора, будут обращаться не только все, кто интересуется прошлым Московского Кремля и его памятниками истории и культуры, но и те, кто захочет узнать о развитии исторической мысли и общественного сознания россиян 1970-х гг. В то время именно

труды Е.С. Сизова побудили во многом к дальнейшему всестороннему изучению темы «Архангельский собор».

Уже будучи больным, Евгений Степанович задумал воплотить в научную статью и свои соображения о «возрасте» Оружейной палаты Московского Кремля, советовался со мною; я поддержал его намерения — и потому, что эти соображения были оригинальны и основательны, и чтобы отвлечь его от мыслей об ухудшающемся самочувствии. В 1972 г. отмечали 425-летие Оружейной палаты конференцией в Музеях Кремля, насыщенной интересными научными докладами. Среди выступавших были Е.С. Сизов и я. Мы все исходили из представления о том, что Оружейная палата впервые упомянута в летописном описании пожара 1547 г., т.е. руководствовались тем же принципом, что и при установлении даты для юбилея Москвы (впервые упомянутой ровно за 400 лет до того), хотя, конечно, понимали, что так же, как угостить обедом можно только в построенном уже «граде», пожар охватывает лишь уже существующее здание.

И только Е.С. Сизов в дальнейшей работе, при его особой способности к медленному пристальному чтению летописного текста, заметил то, на что ранее не обращали внимания. В летописчике, опубликованном М.Н. Тихомировым в 1940 г., текст которого затем был переиздан в томе избранных трудов ученого «Русское летописание», Оружейная палата упоминается под 1537 г. как «набережная оружейная палата». И так как в летописях нет упоминания о возведении каменных дворцовых помещений в 1510–1530 гг., то очевидно, что палата эта была частью нового дворцового ансамбля, строительство которого завершили в 1508 г.

Евгению Степановичу оказалось уже не по силам готовить статью для печати. В переданных мне его супругой заготовках статьи были несвойственные ему обрывы и повторы. И я решил, опираясь на эти материалы и, конечно, на текст напечатанного М.Н. Тихомировым летописчика, подготовить заметку для рубрики «Неизвестное об известном» газеты «Известия». 6 мая 1978 г. на последней странице газеты появилась небольшая статья «Сколько лет Оружейной палате?», где рассказывалось о том, как Е.С. Сизов установил дату первого упоминания Оружейной палаты и построения ее первого здания. В это время Евгений Степанович вышел из больницы после операции, оставившей большой шрам на голове, и находился дома. Он мог тогда еще ходить. Обрадовавшись, купил много экземпляров газеты и попросил зайти к нему. Оставшись один дома и двигаясь уже замедленно, пытался проявить и присущее ему кулинарное мастерство и, хотя грустное выражение не покидало его лицо, казался обретшим какую-то надежду. Это было наше последнее свидание в домашней обстановке.

Через недолгое время он опять оказался в Кунцевской больнице, и когда я посещал его, то убеждался, как он все менее становился похож на себя. Держался Евгений Степанович мужественно и благородно — он никогда не навязывал себя людям, не навязывал он другим и свою болезнь. Улыбка была той же чарующей, даже когда голова была обвязана бинтами, но бесконечно грустной и всепонимающей и всепрощающей. Несмотря на то что Роза Васильевна и врачи предпринимали все возможное и невозможное, в ночь на 1 мая 1979 г. Евгения Степановича не стало. Редко какие похороны и поминки были выражением столь искреннего и всеобщего горя. Ощущалась всеми большая невосполнимая человеческая утрата. Этого светлого человека и сейчас нам так недостает!

¹ Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980. С. 189.

² Кружку источниковедения — пятьдесят лет. М., 2000. С. 45, 50, 62, 92–95, 96, 101, 104; *Кашианов С.М.* Пятьдесят лет в строю // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 493.

³ Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины. С. 189.

⁴ Кружку источниковедения — пятьдесят лет. С. 50, 62. См. также: *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 421 (статья 1980 г. «Наш кружок» [То же в наст. изд., кн. 1, с. 517]).

⁵ Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 365.

⁶ *Сизов Е.С.* Заемные кабалы Керетской волости Соловецкой вотчины как источник по истории крестьян на рубеже XVII–XVIII вв. // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 391–394; *Он же.* Организация труда на северных слюдяных копиях на рубеже XVII и XVIII вв. (По материалам Керетской волости Соловецкого монастыря) // Там же. М., 1961. Т. 16. С. 389–395.

⁷ Памяти Е.С. Сизова (1930–1979) // Произведения русского и зарубежного искусства XV – нач. XVIII в. / Гос. музей Московского Кремля. М., 1984. С. 247–248. (Материалы и исследования; вып. 4).

⁸ *Иванова Л.В.* Сизов Евгений Степанович // Историки и краеведы Москвы: Некрополь. М., 1996. С. 139.

⁹ *Сизов Е.С.* Новые материалы по Архангельскому собору Московского Кремля. Когда был построен Архангельский собор? // Архитектурное наследство. М., 1963. Вып. 15. С. 176–177; *Он же.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство: XVII в. М., 1964. С. 160–174; *Он же.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 265–276; *Он же.* О происхождении Покровского придела Архангельского собора в Москве // Сов. археология. 1969. № 1. С. 243–250; *Он же.* Граффити в усыпальнице Архангельского собора // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 119–126; *Он же.* К реконструкции интерьера Архангельского собора XVI века // Московский Кремль — древнейшая сокровищница памятников истории и искусства: Тез. науч. конф., посвящ. 425-летию Оружейной палаты (22–24 ноября 1972 г.). М., 1972. С. 35–38; *Он же.* Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // Материалы и исследования / Гос. музей Московского Кремля. М., 1973. Вып. 1. С. 86–94; *Он же.* К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 126–140; *Он же.* К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Материалы и исследования / Гос. музей Московского Кремля. М., 1976. Вып. 2. С. 62–97 (прил. 1: Расположение надгробных «портретов» князей в росписях Архангельского собора XVII в. (с. 85); прил. 2: Сводная таблица гробниц и надгробных изображений в росписях Архангельского собора XVII в. (с. 87–97)); см. также по именованному указателю в кн.: Московский Кремль: Указатель литературы (1723–1987) [В 2 ч.]. Ч. 2: Московский Кремль — уникальное собрание памятников истории и культуры. М., 1998; см. список работ Е.С. Сизова в кн.: Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002.

¹⁰ См.: *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 240; *Он же.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 263; *Он же.* Россия Ивана Грозного [Сб. ст.]. М., 1999. С. 153 (лекция в Париже в 1965 г. «Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI века (в послевоенные годы)», с. 199 (статья 1969 г. «Таинственный XVI век»), с. 366 (статья 1976 г. «Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому»), с. 417 (статья 1978 г. «Исследование Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги»»); *Он же.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 133.

¹¹ *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

¹² *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в.: В 2 ч. Л., 1989. Ч. 2: Л–Я (статьи Б.М. Клосса «Летописный свод Лицевой» и «Царственная книга»).

А.Л. СТАНИСЛАВСКИЙ И ТРАДИЦИИ ЕГО КАФЕДРЫ

Александр Лазаревич Станиславский — выпускник Московского государственного историко-архивного института 1962 г. по кафедре вспомогательных исторических дисциплин — стал с октября 1980 г. преподавателем этой кафедры, с декабря 1986 г. по день кончины 27 января 1990 г. был заведующим своей родной кафедрой.

В годы, когда А.Л. Станиславский возглавлял кафедру, с приходом в МГИАИ ректором Ю.Н. Афанасьева существенно изменилась и общественно-идеологическая атмосфера в вузе и заметно возросло его значение в общественной жизни Москвы и всей страны. Ощущались все более очевидно и научный потенциал МГИАИ, и плодотворность его взаимосвязей с академической наукой. Все это позволило именно МГИАИ стать основой для создания первого в России гуманитарного университета — РГГУ.

Интенсивная работа кафедры и сама направленность ее деятельности способствовали реализации тех общевузовского масштаба начинаний, которые намечал ректор, — ведь в эти годы в стенах МГИАИ выступали не только видные общественные деятели, с именами которых связывают начавшуюся тогда «перестройку», но и крупные ученые (причем и советские, и из зарубежья). Расширены были и возможности привлечения к преподаванию (по совместительству) таких ученых.

А.Л. Станиславский смог приступить к преподавательской работе, достигнув уже сорокалетия, но она оказалась таким же его призванием, как и научно-исследовательская. Это определялось и его натурой, и воспринятым к тому времени опытом. А.Л. Станиславский был не только разносторонне образованным человеком с тягой и к художественной литературе, и к таким умственным упражнениям, как шахматная игра, но ему присуща была и подлинная интеллигентность, т.е. представление о неотделимости образованности от нравственного начала, убеждение в допустимости разномыслия и неизменно требовательный профессионализм в выполнении своей работы. Не менее существенно то, что ему присущи были и самоуважение и уважительное, доброжелательное отношение к людям, а также особо притягательная в педагоге черта — способность не навязывать свое мнение, а убеждать образом своего мышления, своим поведением. В представлении его, образование — это всегда и воспитание — воспитание и других, и самовоспитание. Он почитал первой обязанностью учителя в высшей школе способствовать профессиональной самостоятельности студента, поощрять развитие его творческих навыков.

А.Л. Станиславский приступил к преподавательской работе, а затем и к организации ее в руководимом им кафедральном коллективе, имея уже большой опыт научно-исследовательской деятельности в ее традиционных формах написания научных трудов и подготовки к этому путем выявления первоисточников и литературы в архивохранилищах и библиотеках, а также архивной и музейной деятельности,

причем не только хранительской и научно-описательской, но и просветительно-пропагандистской. Это давало ему возможность определить приемы извлечения исторической информации из исторических источников разных типов (не только словесных — прежде всего письменных, но и изобразительных, вещественных), сопоставительного изучения ее и проверки этой методики и результатов наблюдений в разнокалиберной аудитории (в среде и ученых специалистов, и у широкой публики, в частности у экскурсантов музея-панорамы «Бородинская битва», где он служил в 1962–1964 гг.). А опыт практической работы в архивах (сначала в одном из институтов Академии медицинских наук, а затем, в 1967–1980 гг., в Архиве Академии наук) позволил ему уяснить линии соприкосновения и взаимного использования архивных и археографических знаний и специальных исторических дисциплин (и в комплексе, реализуемом обычно в сфере источниковедения, и каждой в отдельности), убедиться наяву во взаимопроникновении археографии и источниковедения, приобщиться к тематике источниковедения историографии.

Очень существенно то, что в Архиве Академии наук А.Л. Станиславский приобрел опыт описания личных фондов ученых и подготовки к печати их незавершенных трудов, опыт ознакомления с творческой лабораторией ученого. Это способствовало обогащению и совершенствованию его личной научной методики, а позднее и методики работы его учеников. Думается, что это убеждало его и в том, что архивные материалы являются не менее важными историографическими источниками, чем печатные, особенно при изучении жизни и творчества историка, деятельности сообщества ученых (или педагогов).

Показательно, что, когда А.Л. Станиславский счел необходимым обратиться к изучению истории своей кафедры, он опирался прежде всего на архивные материалы. Эта работа (выполненная совместно с Л.Н. Простоволосовой) имела не только собственно историографическое значение, хотя может быть признана образцом исследования по истории одной кафедры, определявшего и взаимосвязь ее деятельности с общественно-политической жизнью, и значение этой деятельности для развития науки и педагогической мысли в соответствующей отрасли знания и формирования молодой поросли специалистов. Доклад о судьбах кафедры на Ученом совете МГИАИ 13 сентября 1989 г. произвел огромное впечатление, но это был последний доклад его...

Обращение к архивным и иным источникам по истории МГИАИ было внутренне необходимо и самому А.Л. Станиславскому для формирования понятия о стиле работы учителя в высшей школе. С какой цепкой внимательностью он присматривался к обнаруживаемому в архивах материалу о педагогических наблюдениях его предшественников, можно судить и по последней по времени написания его статье, напечатанной в сборнике статей «Мир источниковедения». Полагаю, что такому внимательному мыслителю, как А.Л. Станиславский, помогало и воспринятое в молодые годы в научном студенческом кружке источниковедения, где и приобрел друзей на всю жизнь (кстати, за пятьдесят лет деятельности кружка лишь одно заседание прошло без моего личного участия и руководства, и заменял меня тогда по моей просьбе именно А.Л. Станиславский).

А.Л. Станиславский сумел определить лучшее и наиболее перспективное в традициях кафедры на протяжении всех лет ее существования и явно особо выделял

традиции, восходящие к А.И. Андрееву, долгое время замалчивавшиеся или тенденциозно негативно оценивавшиеся, и постарался даже в какой-то мере восстановить саму атмосферу кафедральной и повседневной жизни тех лет, хорошо памятную мне, начинавшему именно на этой кафедре в феврале 1949 г. свое служение Историко-архивному институту. То была пора и новаторских по замыслу и постановке вопросов публичных заседаний, и обсуждений научных докладов членов кафедры и аспирантов, и планирования и реализации изданий сборников трудов, и творческого участия молодежи в жизни кафедры, и кафедральных заседаний преподавателей, и бесед с Александром Игнатьевичем, проживавшим тогда в здании ИАИ.

И А.Н. Сперанский, и особенно А.И. Андреев стремились приобщить к преподавательской работе на кафедре ученых широкого спектра научных интересов и наиболее видных специалистов в области отдельных исторических дисциплин и сделать так, чтобы разнородные (и по масштабу, и по специфике) знания совмещались в программе подготовки научной молодежи. Заботились они целенаправленно и о воспроизводстве преподавательских кадров на кафедре, и, конечно, об укреплении престижа кафедры, причем не только в рамках своего вуза. А.И. Андреев был инициатором создания учебных пособий по вспомогательным историческим дисциплинам и в то же время научных конференций историографо-методологической направленности, обращаясь к классическому научному наследию — от П.М. Строева до А.С. Лаппо-Данилевского. Преемственность представлялась ему основой прогресса и в исторических науках, так же как и своевременное освоение международного опыта.

Много и умело заботился о престиже кафедры позднее и профессор Е.А. Луцкий, заведовавший кафедрой в 1960–1976 гг., способствовавший повышению уровня преподавания источниковедения и смежных с ним дисциплин при ознакомлении с историей Нового и особенно Новейшего времени, усвоению основ исторической библиографии, обеспечивший О.М. Медушевской возможность углубленных занятий в области теории и методики отечественного и зарубежного источниковедения. Но Е.А. Луцкий не был специалистом по феодальному периоду истории, при изучении которого выработаны наиболее совершенные приемы методики в области издавна развивавшихся вспомогательных дисциплин — дипломатики, палеографии, метрологии, хронологии, генеалогии и др., и — главное — вынужден был в годы, когда ИАИ руководили С.И. Мурашов и М.С. Селезнев и он стал цитаделью однолинейных идеологических просталинских воззрений возглавляемого С.П. Трапезниковым Отдела науки ЦК КПСС, занять оборонительную позицию, что и позволило сохранить кафедру (и состав ее, и достоинство) в это тягостное для института время.

А.Л. Станиславскому никогда ранее не приходилось руководить как администратору каким-либо коллективом. Но организованность и четкость в работе, целеустремленное неутомимое трудолюбие, долг ответственности и заботы о времени и своем и других, чувство собственного достоинства в сношениях с вышестоящими и в то же время отсутствие тщеславной самолюбивой мелочности и, конечно же, естественная интеллигентность, тонкий юмор и такт способствовали укреплению на кафедре атмосферы и деловитости, и уюта. Особо уважительное и друже-

ственное отношение к А.Л. Станиславскому в кругах и академических и в среде историков-архивистов облегчило утверждение кафедры, к руководству которой он приступил, в системе общемосковских, общероссийских и даже международных научных начинаний.

А.Л. Станиславскому обязаны приглашением на постоянную преподавательскую работу (по совместительству) С.М. Каштанова, уже тогда приобретшего мировую известность как специалист и в области традиционных вспомогательных исторических дисциплин. И теперь именно на кафедре формируется научная школа Каштанова. Это показательно и для нравственного облика заведующего кафедрой. На кафедре тогда работал Шмидт, продолжавший руководить (правда, в меньшем объеме, чем прежде) работой студентов и аспирантов и по тематике истории России XVI–XVII вв. и источниковедения этого периода истории. Теперь еще появляется Каштанов, занятый проблематикой, еще более близкой личным научным интересам Станиславского, это не может не привести к уменьшению возможностей отбора для себя научной молодежи, особо интересующейся такой проблематикой. Более того, когда в МГИАИ перешел на основную работу В.Б. Кобрин — тоже видный специалист в том же русле научной деятельности, проявивший себя как великолепный лектор, читавший курс отечественной истории периода феодализма, он оказался профессором не кафедры отечественной истории, а на кафедре Станиславского. И тот обеспечил Кобрину оптимальные условия для работы и ввел в домашность кафедральной повседневной атмосферы.

Строй души А.Л. Станиславского проявился и в организации Первых чтений памяти А.А. Зимина в 1990 г. А.Л. Станиславский был дипломником А.А. Зимина и многое, конечно, воспринял от своего эрудированного и даровитого учителя. Но отношения у них сложились непростые, так как мнение А.А. Зимина о позднем создании «Слова о полку Игореве» казалось ему недостаточно основательным; и научным руководителем кандидатской диссертации его стал В.И. Буганов, бывший ранее дипломником С.О. Шмидта и аспирантом М.Н. Тихомирова. А.Л. Станиславский не позволял себе переносить личные симпатии или антипатии на оценки научного творчества и считал вполне допустимым несогласие близких к нему лиц с его научными взглядами. Интересы кафедры, престиж ее — и научный, и моральный — были для него выше субъективного, личного. Он, если можно так выразиться, был душевно объективен, а это свойство только высокой души, человека доброго сердца и больших внутренних обязательств в отношении науки.

Именно при Станиславском руководимая им кафедра стала действенным организатором, а затем и инициатором научных конференций широкого профиля: в 1987 г. конференции, посвященной 300-летию Славяно-греко-латинской академии, в начале 1988 г. первой в нашей стране межвузовской конференции по генеалогии «Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования». С первых Зиминских чтений 1990 г. закрепились традиции организации кафедрой (иногда совместно с подразделениями Академии наук) ежегодных межвузовских научных конференций (всероссийских или даже международных) по многообразной актуальной проблематике источниковедения и смежных с ним вспомогательных (специальных) исторических дисциплин и методологии истории. С именем А.Л. Станиславского связывается и традиция посвящать такие конференции памяти

профессоров кафедры. Памяти самого Александра Лазаревича были посвящены чтения в феврале 1991 г. — научная конференция «Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма». Широкая проблематика и наименование конференции отражали многообразие творческих историко-философских интересов ученого.

Посмертное издание монографии А.Л. Станиславского «Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории» и других трудов историка (в том числе учебного пособия по истории кафедры), в подготовке которых к печати много сил отдала жена и верный друг его Светлана Петровна Мордовина (тоже выпускница МГИИ, кандидат исторических наук), статей о жизни и творчестве его, отдельной книгой в серии «Ученые РГГУ» биобиблиографического указателя «Александр Лазаревич Станиславский» надолго ввели имя этого выдающегося исследователя и педагога в историю науки.

Деятельность А.Л. Станиславского — руководителя кафедры — высокий образец изучения, освоения и развития лучших традиций кафедры. Ныне уже сама его деятельность — в основе традиций кафедры. Будем же достойны этого.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОСПИТАННИК И ПРОФЕССОР ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА (О В.А. МУРАВЬЕВЕ)*

Выступавшая на нашем заседании профессор Елена Анатольевна Вишленкова употребила очень значимое словосочетание для характеристики Виктора Александровича Муравьева — «профессорская культура». Он был носителем профессорской культуры, знатоком истории профессорской культуры, старательным проводником профессорской культуры; противостоял отступлениям от профессорской культуры и на своей кафедре тоже. Во многом для молодых он воплощал те традиции, которые сам воспринял от старших поколений, а для нас — пожилых — он был утешением, в нем видели продолжение того, что мы еще знали в высшем своем проявлении, причем в привлекательном демократическом варианте, потому что историки моего возраста имели возможность слушать лекции, иметь личное общение с Косминским и Сказкиным, Бахрушиным и Дружининым, Тихомировым и Рубинштейном, в Ленинграде с Валком и Адриановой-Перетц, здесь, в Историко-архивном ин-

* В основе статьи авторизованная аудиозапись выступления на Историографических чтениях памяти профессора Виктора Александровича Муравьева, прошедших 30 октября 2010 г. в Историко-архивном институте РГГУ.

Впервые опубликовано: Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. статей: В 2 т. М., 2013. Т. 1. С. 25–35 (под назв. «Выдающийся воспитанник и профессор Историко-архивного института»).

ституте — с петербуржцем Андреевым и Яцунским и получить представление об образе профессора-гуманитария еще рубежа XIX–XX вв., наследниками и продолжателями дела которых они ощущали себя, полагая, что профессорство — это нечто и ответственное, и личностное, и обозреваемое, и, соответственно, судимое со стороны не только студенчеством, но и более широкой общественностью.

В.А. был в этом плане человеком, можно сказать, не совсем современным — без деляческих тенденций и должностных претензий. Однако у В.А. был и современный стиль мышления; он живо и быстро воспринимал новое в научных представлениях и в научной технологии и способствовал распространению всего этого именно в Историко-архивном институте, ибо, болея за Историко-архивный институт и будучи несколько лет его проректором (не самым, может быть, удачным, но очень преданным делу и заинтересованным), составил программу обновления Историко-архивного института. Об этом писал Владимир Петрович Козлов, и нужно настаивать, чтобы он, охарактеризовавший это в статье в «Вестнике архивиста» (*Козлов В.П. Историко-архивный институт: хроника развала и точка бифуркации // Вестник архивиста. 2003. № 1 (73)*), написал специальную статью о том, что сделал именно Муравьев. Это важно отнюдь не только для памяти о Муравьеве. У Историко-архивного института юбилейный год, и нужно, чтобы помнили и впредь имена тех, кем славился институт, а В.А. был одним из лучших его выпускников и одним из самых выдающихся его преподавателей, кто размышлял о том, каким быть институту в будущем. В.А. Муравьев, подобно ушедшему вслед за ним профессору Александру Давидовичу Степанскому, ощущал именно Историко-архивный институт родником своего творчества и домом родным; Муравьев — ученый и учитель воспитан прежде всего Историко-архивным институтом, потому что в заголовке этой статьи не слово «выпускник», а «воспитанник». И глубоко справедливо, что именно В.А. Муравьеву и А.Д. Степанскому присвоили почетное звание «Заслуженный профессор РГГУ», и коллектив успел поздравить их с этим заслуженным званием.

В.А. ощущал традиции русской интеллигенции и дорожил ими. И он один из тех немногих людей его поколения, в которых сохранялись такие традиции. За долгую жизнь я успел повидать тех, кому в год революционного переворота было под тридцать, даже под сорок и пятьдесят, и которые были и оставались живой связью прошлого и настоящего. В.А. родился значительно позднее и вовсе в иной социальной среде, и не книги занимали главное место в комнате, где прошло детство. Но интеллигентность, причем именно в традиционном принятом представлении, была коренным свойством его натуры. При этом В.А. отнюдь не замыкался в кругу научных занятий: любил компании и характерный для них треп, ощущал потребность работать руками, и я мог убедиться в дачной обстановке, как умело и с охоткой он это делал, так же как умел готовить разными способами омлет или иное вкусное блюдо. Такая привлекательная старомодность поведения и мышления была у него врожденной. В.А. Муравьев был человеком стиля литературных героев русской классической литературы и некоторых историков предреволюционных еще лет, творчество и жизнь которых изучал как историограф. Это были индивидуальности, но не мыслящие себя вне общества и ощущающие призвание служить этому обществу.

Для круга лиц более широкого, чем непосредственно причастные к работе в Историко-архивном институте, это и связанная во многом и с именем Муравьева традиция организации кафедрой в период зимних каникул ежегодных конференций по проблематике источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин. Зачинатель их Александр Лазаревич Станиславский — его усилиями организованы были первая в советское время конференция по генеалогии (В.А. стал ответственным редактором сборника тезисов конференции) и чтения памяти А.А. Зимины. А характер, научный уровень и выбор основной тематики последующих ежегодных конференций прежде всего предопределялись деятельностью В.А., его современной и в то же время старомодного стиля (редчайшее сочетание!) эрудицией, его обаянием, его заинтересованностью в общении с участниками конференции.

В.А. успевал знакомиться со всем новым в исторической литературе, интересовался этим; и приезжим было интересно и приятно общаться с ним. Они знали о его научных трудах — специальных и написанных им статьях ответственной тематики в энциклопедических изданиях. Он мог считаться «именитостью» и как заведующий кафедрой и член разных советов. Но не казался мэтром, не имел свойственных мэтрам внешних данных. И одевался скорее так, как принято среди профессоров математики и физики, а не гуманитариев, говорил негромким голосом. Но и на кафедре, и в кругу домашнем он сохранял то, что принято обозначать определением «интеллигентный облик», и главное «интеллигентскую» манеру обращения и поведения — не обижал других ни словом, ни тональностью разговора, ни признаками снисходительного высокомерия, хотя мягкотелости было, пожалуй, даже больше нормы (чем иногда и пользовались близнаходящиеся).

Сейчас пора юбилеев и Историко-архивного института, и РГГУ. В нынешнем году юбилей, который не только для меня, но, смею думать, и для некоторых выпускников Историко-архивного института, да, пожалуй, и института в целом, может быть признан значимым. 50 лет назад начал работу первый руководимый мною спецсеминар по источниковедению историографии, главной задачей которого на десятилетия стало выявление и изучение архивных материалов историков и об историках, и прежде всего исследование находившегося в личных архивах ученых, в архивах научных обществ.

Об этом писал и В.А., специально С.В. Чирков, говорил и я в напечатанном затем докладе «Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии» на Всесоюзной конференции преподавателей историографии 1973 г. в Смоленске. В этой не переиздававшейся моей статье первой охарактеризована как раз работа В.А. Муравьева (затем сравнительно подробно — участников семинара и того учебного года, и последующих годов Н. Митрофанова, В. Афиани, С. Филимонова, С. Чиркова, М. Робинсона, К. Новохатского, Г. Присенко, А. Зайцева и др.). Привожу этот текст: «Участнику семинара 1961–1962 гг. В.А. Муравьеву была рекомендована тема об архиве Н.П. Павлова-Сильванского. Ему удалось составить обзор материалов (в трех ленинградских архивах) и библиографию трудов ученого и откликов на его работы. О творчестве ученого судили преимущественно по его печатным трудам, и из поля зрения историографов долго выпадали последние работы Павлова-Сильванского — лекционные курсы (о

них напомнили С.Н. Валк и А.Л. Шапиро) и публицистические заметки, особенно четко отразившие определенную эволюцию его общественных воззрений. Материалы эти были использованы позднее автором и в диссертации 1969 г. о теориях феодализма в России и в русской историографии конца XIX – начала XX в. (научный руководитель В.Е. Иллерицкий)». В сносках к этому тексту — указания на статьи В.А. такой тематики в 22-м томе Трудов МГИАИ и в «Археографическом ежегоднике за 1969 год».

На нашем заседании присутствуют двое участников того семинара пятидесятилетней давности. Евгений Васильевич Старостин — ныне профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела нашего института, бывший немало лет и директором института, — тема его кандидатской диссертации зародилась в период еще семинарской и дипломной работы о П.А. Кропоткине как историке Великой французской революции. И сохраняющая неизменно молодой вид Елена Николаевна Швейковская, ныне тоже доктор наук, сотрудник Археографической комиссии и руководитель прославленного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Она с годами также возвращается к историографической проблематике, в частности, к проблеме изучения М.М. Богословским Русского Севера, исследованию научного наследия В.А. Александрова и Н.А. Горской. Участником именно того семинара был И.Л. Беленький, первым написавший тогда работу о неизданной части «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова, ныне общепризнанный корифей исторической библиографии, автор многих трудов по проблематике исторической и особенно историко-философской мысли. Статья участника семинара Владимира Петухова (затем, к сожалению, отошедшего от занятий наукой) о материалах писцовых книг в исторической литературе XVIII – начала XIX в. была напечатана в томе академического издания — «Археографического ежегодника», посвященного юбилею ее председателя академика М.Н. Тихомирова. Само собой разумеется, что статьи участников семинара напечатаны в сборниках трудов научного студенческого кружка источниковедения.

Участники семинара составили в те годы ядро Научного студенческого кружка источниковедения, где В.А. смог сблизиться, даже подружиться со старшими кружковцами «поколения» С. Каштанова, А. Курносова, И. Фесуненко, Ю. Рыбакова, Г. Тарле и с почти сверстниками (А. Станиславским, Г. Лялиной, Н. Лебедевой, В. Кабановым, М. Макаровым и др.), а затем и с младшими. Там позволяли вольно рассуждать на темы источниковедческие и собственно исторические и о проблемах общественного сознания. Можно было наблюдать, как выступления Виктора привлекали все большее внимание, вызывали уважение к сказанному им и симпатии к его человеческим качествам.

Увлеченность проблемами теоретического источниковедения, особенно в плане изучения историографического наследия, была так велика, что направленный на работу в Уфу В.А. присылал оттуда и мне, и Иосу Беленькому интересные своими наблюдениями и выводами письма с суждениями такого рода, иногда целые трактаты. У Иоса они сохранились в упорядоченном виде, и очень хорошо было бы обобщить их содержание в статье памяти Муравьева — там проявлялись его прирожденная талантливость, ранняя эрудиция и свежесть мысли, а также литературная одаренность.

Уже в первый год семинара закрепились в сознании В.А., написавшего под моим научным руководством дипломную работу о малоизвестных сочинениях Н.П. Павлова-Сильванского, заинтересованность в проблематике исследований, ставшей для него важнейшей на многие годы, — развитие исторической мысли в России конца XIX – первой трети XX в. В.А. рано ощутил прелесть проникновения в лабораторию научного творчества своих далеких предшественников и в источники формирования их общественного сознания, умел увидеть путь движения их научной мысли, ее обогащение от архивных находок, ее восприятия теми, кто соприкасался с этими учеными. То же обнаруживалось обычно и в его выступлениях при обсуждении научных докладов. Однако случилось так, что сам В.А. опубликовал далеко не все даже из имеющихся у него заготовок к печати по материалам архивов Павлова-Сильванского и Б.И. Сыромятникова. И наша вина в том, что не понуждали его с должной силой сдать в печать уже написанное им. Больше опубликовано по тематике его докторской диссертации по историографии революции 1905–1907 гг. Опыт углубленного изучения трудов историков еще дореволюционного времени позволил ему успешно применить апробированную в этих исследованиях методику такой тематики к историографическим трудам уже советской эпохи.

Привлеченный В.Е. Иллерицким, а затем секцией исторических наук Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Научно-методическим советом по истории Министерства просвещения СССР к организационно-информационной деятельности в масштабах всей страны, В.А. обработал анкетные обследования 1970 г. и 1972 г. и на Всесоюзной конференции преподавателей историографии в вузах 1973 г. выступил с докладом «О преподавании историографии истории СССР и всеобщей истории на исторических факультетах университетов и пединститутах», помогшим всем нам — и участникам конференции в Смоленске, и другим — по напечатании ее материалов составить конкретное представление об уровне развития историографии и степени интереса к ней. Это дало ему возможность еще тогда завязать творческие взаимосвязи со многими историками разных регионов, что облегчало затем организацию в МГИАИ конференций разной тематики, предопределяло участие самого В.А. во многих научных конференциях и заседаниях в разных городах и приглашение выступать там оппонентом при защите диссертаций, читать лекции. Присущие В.А. коммуникабельность и любознательность тоже способствовали этому. Заметным было и его участие в деятельности академического научного совета по истории исторической науки, возглавляемого академиком М.В. Нечкиной. В.А. рано стал одним из самых известных преподавателей Историко-архивного института, с именем которого связывалось представление о самом МГИАИ, а затем и РГГУ у широкой общественности.

В.А. продолжал занятия в архивах и ознакомление с новейшей историографической литературой, причем и отечественной, и зарубежной, и делился радостью новых открытий и соображений. Делился щедро, обогащая других и не заботясь о том, вспомнят ли те первородство этих мыслей. Он толкал молодежь (да и сверстников, и даже старших) к дальнейшим самостоятельным размышлениям, видя в этом и свой долг профессора.

Уже профессором В.А. попытался представить широкую панораму развития исторического мышления в постановочного характера статье 1999 г. «История, исторический источник, историография, история исторического познания: размышления о смысле современных историографических исследований». Это нашло дальнейшее выражение в книге «Историко-архивоведение: Специальность 020800: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента» (М.: РГГУ, 2003). Это побудило меня к написанию статьи «Размышления об “историографии историографии”» (Исторические записки. М., 2005. Т. 8 (126)), где и полемизирую с ним по некоторым вопросам. Но и тогда, и теперь прежде всего благодарен, что именно творческие искания В.А. вернули меня снова на время в сферу источниковедчески-историографических размышлений, которые в 1960-е гг. были едва ли не основной темой моих исследовательских штудий. Муравьев умел побуждать к творчеству не только младших по возрасту историков, но и старших поколений.

В.А. заинтересованно и доброжелательно присматривался к студентам; и тем, в ком замечал склонности и способности к самостоятельной научной работе, старался помочь, способствовать расширению их научного кругозора, обретению ими высокого класса ремесленных навыков, вкладывая в понятие «ремесло историка» тот смысл, который постигается при чтении книги Марка Блока, так озаглавленной. Ветеран кружка источниковедения, его староста и историограф, продолжающий близкое общение с теми, чью дружбу обрел в кружке, В.А. подталкивал к участию в кружковой работе творчески перспективных студентов так же, как это делали другие преподававшие в Историко-архивном институте его ветераны С.М. Каштанов, Ю.Я. Рыбаков, Е.П. Маматова. То же старались делать и О.М. Медушевская, И.А. Миронова, А.А. Зимин, В.К. Яцунский, Е.А. Луцкий, М.Н. Черноморский, лучшие ученики которых апробировали доклады, особенно по тематике своих дипломных и диссертационных работ, на заседаниях кружка обычно в присутствии своих научных руководителей. Если бы так не поступали специалисты по Новой и Новейшей истории, не смог бы, как руководитель кружка, обеспечить достойный репертуар заседаний по этим периодам истории.

Затем эта традиция стала сходить на нет, что и стало одной из главных причин прекращения деятельности кружка в день празднования его 50-летия в апреле 2000 г., а затем моего перехода на другую кафедру. Я перестал читать лекционный курс еще в начале 1970-х гг., т.е. утратил и обязательное общение со студентами на экзаменах. Еще ранее, перейдя на основную работу в Академию наук, прекратил руководство семинарами первокурсников: и состав кружка стал пополняться студентами, пришедшими туда по рекомендации старших кружковцев и других преподавателей. Полагаю, что студенты, специализировавшиеся на кафедре, с уменьшением связи с кружком немало потеряли. Не говоря уже о формальном, но значимом при определении отношения к выпускнику вуза моменту, когда это первое впечатление определяется представлением о том, чьим учеником является студент. Помнится, что я, уже став доцентом, особенно близких мне и казавшихся особенно даровитыми учеников старался обеспечить официальным научным руководством более «именитого» профессора. И когда профессор А.А. Новосельский на кафедре отечественной истории (которая тогда называлась кафедрой исто-

рии СССР) в день защиты диплома старостой нашего кружка, моим прямым учеником и по-настоящему близким мне Евгением Сизовым (скончавшимся затем главным хранителем Музеев Московского Кремля) сказал, что это по существу не его, а мой дипломник, ответил: «Алексей Андреевич, это дипломник профессора, доктора, заведующего кафедрой, следовательно, его можно рекомендовать в аспирантуру, в отличие от дипломника молодого доцента». То же повторилось в следующем году, когда руководителем диплома Л. Дьяконицына (ставшего потом известным и как искусствовед, и как художник) по рекомендованной мной теме просил утвердить заведующего кафедрой А.С. Рослову. Когда В.А. получил возможность бюрократическим порядком оформить свою работу над кандидатской диссертацией, я не только не был еще председателем Археографической комиссии, но и доктором наук. Научным руководителем стал профессор В.Е. Иллерицкий, которому В.А. немало помогал в руководящей деятельности на ниве историографии.

Для В.А. Историко-архивный институт был родным, тем более что и в дачном поселке, где В.А. очень любил бывать, он неизменно что-то мастерил, разводил цветы, соседями его были коллеги по институту, в большинстве своем не только по преподаванию, но и учению в молодые годы в МГИАИ. В.А., пожалуй, как никто другой умел передать свое ощущение творчества и личности ученых, связанных с Историко-архивным институтом, именно в контексте своих представлений о любимом им вузе, других его преподавателях и студентах — имею в виду его великолепные эссе о С.М. Каштанове (в сборнике в его честь) и о В.К. Яцунском в книге 2009 г. «Учителя учителей». Этот дар В.А. писать и говорить о других коллегах умно, неординарно и в то же время благожелательно обуславливал то, что, когда собирались коллеги, в частности кружковцы разных «поколений», у меня дома, именно В.А. просили быть тамадой.

При общении с В.А., особенно деловом, сразу обнаруживались и сложности — он не был человеком слова, не умел или даже не хотел укладываться в сроки, но к написанному им слову относился творчески и ответственно. Возможно потому, что сравнительно немного сам признавал уже полностью подготовленным к печати? У В.А. была особенность в чем-то и очаровательная, но подчас малоприятная для дела — у него мысль, инициатива, живость восприятия, тяга к соучастию подчас преобладали над деловитостью и чувством ответственности. И он отвлекался на новые идеи зачастую до того, как успел довершить ранее начатое. И если В.А. что-то обещал написать, то это значило: можно ожидать нечто яркое, интересное, но чаще всего исполненное не к сроку или тогда, когда кто-то другой уже напечатал по той же тематике.

В.А. заинтересованно воспринимал новое в науке, но избегал моды быстрого подхвата новейших теорий, калькирования новых терминов и злоупотребления иностранными словами при наличии того же смысла понятий в русском языке и в этом тоже (быть может, и не задумываясь даже) следовал доброй традиции русской исторической науки начала XX столетия.

Лекции В.А. в студенческой аудитории мне не довелось слушать, но не раз убеждался в том, что студенты, мнению которых доверяю, сумевшие посвятить себя занятиям наукой и преподаванию, выделяли именно его лекции (а также и консультации) по историографии и исторической географии, и по форме изложения (хотя

он говорил тихим голосом и приходилось напрягаться), и из-за широты подхода к явлению, и — главное — за побуд к дальнейшим самостоятельным рассуждениям. Выступления же на научных конференциях и заседаниях (особенно если был подготовлен — хотя бы частично — и какой-то текст), как правило, всегда особо отмечались присутствовавшими, а позже читателями материалов таких форумов.

Хотя неудобство делового общения с В.А. было явно ощутимо, мешало подчас четкому планированию работы, профессора-ветераны кафедры О.М. Медушевская, Е.И. Каменцева, Е.А. Луцкий, при разнице и характеров и научных пристрастий, относились к Муравьеву и уважительно, и с душевной симпатией. Ибо он был не только даровит и эрудирован (причем и в терминологии методики преподавания), но глубоко порядочен, незлобив, не склонен к амбициозности, чужд интригантства. Пока он руководил кафедрой, там замечалась иногда и некоторая неразбериха, но сопричастными к кафедре и частыми гостями ее из своего вуза и из других вузов, архивов, музеев, городов ощущалась творческая атмосфера, благожелательное отношение к другим кафедрам и специализирующимся там студентам. Изменение такой атмосферы особенно стало очевидно с уходом из жизни Ольги Михайловны Медушевской — в статье «О.М. Медушевская как профессор Историко-архивного института» для сборника ее памяти я писал: «В какой-то мере на уровне мыслителя и человека из преподавателей кафедры, основной работой которых является служба в РГУ, к ней приближался лишь профессор В.А. Муравьев — и талантом, и широтой образованности, и доброжелательным отношением к студентам, заинтересованностью в судьбе не только приближенных учеников».

О Викторе Александровиче искренне и тепло говорили после его кончины, ошарашенные внезапностью его ухода из жизни. И по прошествии времени такая тональность в оценке В.А. Муравьева как человека и как ученого еще крепче утвердилась в сознании. Существенно важно, чтобы оставался не только след в душах лично знавших его, — В.А. не был человеком организованным. Можно думать, что не было особой организации и в его личном архиве, тем более что В.А. обладал способностью к быстрой импровизации в зависимости от обстоятельств и вряд ли потом записывал даже особо удачные устные выступления. На кафедру передано то, что сохранилось, и материалы эти — они на бумаге, в звукозаписи и в компьютере — систематизированы. И ожидаем, что в Архиве РАН, с руководством которого есть договоренность, образуется фонд профессора В.А. Муравьева, а такого рода документация должна быть там, где обеспечены и современные условия хранения, и доступ к наследию ученого.

Хочется думать, что коллеги и ученики подготовят к печати сборник статей, напечатанных или предназначенных уже самим автором для печати, и его лекционные курсы по историографии и исторической географии (или хотя бы фрагменты их). Полагаю, что это — долг руководителей РГУ, а также должно стать практикой нашего университета таким путем закреплять память о содеянном его «заслуженными профессорами». Это возвышает престиж вуза, где выпускники и профессора — историки такого масштаба. Знаю, что коллеги по кафедре, которых должно от души благодарить за организацию заседания памяти В.А. Муравьева, приложат усилия к тому, чтобы поскорее сделать достоянием читателей сборник памяти профессора Виктора Александровича Муравьева. Издание книг профессо-

ра В.А. Муравьева и ему посвященных — лучший способ сохранить память о выдающемся выпускнике и профессоре Историко-архивного института РГГУ. Это — и показатель вклада института в развитие исторической науки.

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ РЫБАКОВ
(1935–1991)

24 мая 1991 г. скоропостижно скончался Юрий Яковлевич Рыбаков — ведущий специалист по источниковедению России XIX – начала XX столетия, человек редкого трудолюбия и редкой скромности. Скончался сразу же по приезде из командировки во Владимир, где самозабвенно занимался в архиве — иначе работать он не умел — и возвращался мыслью к дням своей юности — туда еще в 1956 г. ездил вместе с друзьями по студенческому научному кружку источниковедения отечественной истории МГИАИ, там будущий проникновенный знаток материалов не только столичных (московских и петербургских), но и провинциальных архивов начинал и самостоятельную творческую деятельность: первый его печатный труд — статья в сборнике 1961 г. к десятилетию научного студенческого кружка — написан на основании изучения ведомостей фабрик и заводов Владимирской губернии за 1820–1850-е гг. И дорогими памятными впечатлениями он делился с местными историками-архивистами (уже из последующего поколения кружковцев).

Ю.Я. Рыбаков родился 9 ноября 1935 г. в Переславле, близ Плещеева озера. В его семье трудолюбие, ответственное отношение ко всякому делу и доброжелательное отношение к другим почитались превыше всего. В 1953–1958 гг. Юра Рыбаков — студент Московского историко-архивного института, где его скоро выделили и преподаватели и студенты, и он стал персональным сталинским стипендиатом как лучший студент вуза. Привлекали и его неутомимая любознательность и в то же время серьезная основательность при подготовке докладов, организованность мысли и склонность и способность к изощренной источниковедческой методике. Эти рано обнаружившиеся качества исследователя, сочетавшиеся с душевной внимательностью и добротой, с застенчивостью и с внутренним неприятием карьеристской психологии, вызывали особую симпатию, что отражено и в шуточном студенческом фольклоре.

Уже в студенческие годы Ю. Рыбаков пробовал силы в настоящей исследовательской работе по истории советского периода под руководством С.И. Якубовской и XIX в. под руководством В.К. Яцунского, и эти сочинения были отмечены на Всесоюзных конкурсах студенческих работ.

В.К. Яцунский, ставший его главным наставником, возлагал на юношу большие надежды, доверяя разработку проблем, особенно его тогда привлекавших,

знакомя с сокровенными приемами нашего ученого «ремесла», рассчитывал видеть его своим аспирантом. Но Ю.Я. Рыбаков сначала работал (в 1958–1961 гг.) как историк-архивист в Ярославле, в 1960–1961 гг. — начальником отдела дореволюционных фондов Госархива Ярославской области. Он подготовил аннотированное описание многих архивных фондов хранилищ не только Ярославля, но и Ростова Великого, Рыбинска, Углича. В Ярославле он близко сходитя с замечательным знатоком памятников Древней Руси — археографом и нумизматом Владимиром Васильевичем Лукьяновым и позднее напишет статью о нем в «Археографическом ежегоднике за 1988 год». Напишет он с благодарностью памяти (и это характерно для строя души Юрия Яковлевича) и о Викторе Корнельевиче Яцунском (статья в «Археографическом ежегоднике за 1969 год» и в книге «История географических знаний и историческая география. Этнография». Вып. 4. М., 1970).

Аспирантом В.К. Яцунского он был в 1961–1964 гг., и часть его диссертации была еще при М.Н. Тихомирове напечатана в «Археографическом ежегоднике за 1964 год». Поработав затем некоторое время снова в Ярославле, где начал и педагогическую деятельность в вузе, Ю.Я. Рыбаков в 1966 г. окончательно поселился в Москве. Пять лет он преподавал на родной ему кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИИИ, где защищал дипломную работу, готовил диссертацию. Широкий исторический и историографический кругозор и требовательное внимание к методическому мастерству сочетались с уважительным и сердечным отношением к молодежи, бытовые трудности которой старожилу общезитий были особенно понятны. Это снискало ему (хотя Юра Рыбаков и не обладал особо выигрышными данными — ни ораторским даром возбуждающей или образной речи, ни полемическим задором, ни своеобразием внешних манер) не только признательность, но и любовь студенчества. Естественно, что Ю.Я. Рыбаков при чистоте его душевных устремлений в пору, когда в МГИИИ с приходом к власти в ректорате С.И. Мурашова и М.С. Селезнева при полном сервиллизме партбюро начались гонения на прежних преподавателей и подлинную науку, оказался в числе протестантов, и в 1971 г. он перешел на основную работу в Институт истории СССР АН СССР, в сектор источниковедения истории СССР дооктябрьского периода, позже — отдел источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода, сотрудником которого оставался до конца своих дней.

Здесь, помимо непрерывной, внешне, быть может, даже изнурительной, но так обогащавшей его мысль исследовательской работы, он немало сил отдает и организационно-издательской деятельности по подготовке сборников статей по истории и генеалогии, об источниках по истории России XIX – начала XX в., живое участие принимает в обсуждении волновавших тогда проблем теоретического источниковедения. Удивлявшее многих естественное совмещение объективности оценок людей с неизменной доброжелательностью, а, пожалуй, также и безотказная добросовестность побуждали выдвигать именно Ю.Я. Рыбакова на общественную работу, связанную с непосредственным общением с людьми, рекомендовать его в избирательные комиссии по выборам в Советы депутатов.

Ю.Я. Рыбаков работал неустанно и последовательно, совершенствуя, конечно, исследовательскую методику, но не поддаваясь соблазну скорого обращения к модным ее приемам: ему претила не только политико-идеологическая конъюнкту-

ра, хотя она не могла не найти отражения во фразеологии трудов тех лет, но и, так сказать, методико-гносеологическая. Лаборатория его исследования всегда оставалась ясной читателю и выводы и наблюдения его могли быть проверены. Это делает, кстати, его работы особенно полезными для усвоения студентами.

Уделяя неизменно внимание историографическим оценкам трудов своих предшественников, Ю.Я. Рыбаков с придирчивой и едва ли даже не болезненно требовательной строгостью подходил к своим трудам. И никак не решался, несмотря на уговоры, назвать сделанное им докторской диссертацией.

В наши дни яростной, а порой и бесшабашной переоценки ценностей с особым волнением читаешь книги ушедших товарищей, чей творческий путь окончен и которые уже не смогут корректировать свои воззрения или отказаться от своих заблуждений. Читаешь свежими глазами, освобожденными от шор, и оцениваешь творческое наследие тех, кто был еще подвластен прошлым догмам и кто их вовсе не считал догмами. Оценивая труды Ю.Я. Рыбакова, с радостью убеждаешься, что они выдержали испытание временем и сохраняются в историографии отнюдь не библиографическим балластом. Талантливый ученик великого учителя — В.К. Яцунского, Ю.Я. Рыбаков всегда оставался на позициях искусного источниковеда, для которого только правильно интерпретированный источник — высшая цель исследовательского труда. А как известно, концепции исторические приходят и уходят, а источник исторический вечен, вечно его талантливое освоение. Рыбаков последовательно изучал важнейшие комплексы источников по истории российской промышленности XIX в. В 1976 г. выходит его монография «Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование», в 1986 — «Промышленное законодательство России первой половины XIX в. Источниковедческие очерки».

Первая книга была высоко оценена не только в нашей стране, но и в Германии, Польше, США и Чехословакии. Эти работы содержат самый обстоятельный анализ становления государственной статистической службы, призванной анализировать процесс развития отечественной промышленности. Автор разработал методику анализа так называемых ведомостей о промышленных предприятиях, которые, конечно, использовались исследователями и до Ю.Я. Рыбакова, но, поскольку исследователи подходили к этому источнику чисто «потребительски», т.е. некритически брали из него ту или иную «цифру», то они не избежали многих ошибок и заблуждений. Рыбаков изучил «анатомию» ведомостей, изменяющееся по времени содержание рубрик; он рассматривал «ведомости» как единую конструкцию, где отдельные рубрики взаимосвязаны и их содержание может быть правильно понято только с учетом этих взаимосвязей. Иначе говоря, он дал исследователям ключ к прочтению «кода» этого центрального источника учета промышленного потенциала страны.

Этот же принцип комплексного изучения источника лежит в основе второй монографии, которая также вызвала живой отклик в нашей литературе, несмотря на то, что во второй половине 1980-х гг. приоритеты отдавались другой, более злободневной тематике. Дав полный обзор фабрично-заводского законодательства России первой половины XIX в., автор особое внимание уделил анализу кодификационной практики русских юристов и юридических учреждений, что дало возможность по-новому рассмотреть отдельные стороны политики царизма в об-

ласти промышленности. Четвертая глава книги «Особенности источниковедческого анализа промышленного законодательства первой половины XIX в. как отражения промышленной политики российского абсолютизма» станет полезнейшим пособием для всех, обращающихся к законодательным источникам вообще и к промышленному законодательству в частности. Отметим, что автор очень бережно и корректно относится к своим предшественникам, изучавшим промышленную политику и промышленное законодательство начиная с 30-х гг. XIX в. Весь материал книги Рыбакова значительно корректирует, казалось бы, установившиеся взгляды и оценки. В этом ее не только источниковедческая, но и историографическая ценность. Достойным завершением источниковедческой трилогии Юрия Яковлевича является рукопись его последней монографии «Фабрично-заводское законодательство России второй половины XIX в. Источниковедческое исследование», которая рекомендована к печати Ученым советом Института российской истории. Эта рукопись должна быть опубликована, несмотря на известные трудности, переживаемые нами в эти дни. Дело чести его товарищей добиться ее публикации. Это будет не только данью памяти оригинального ученого, но и важным вкладом в познание истории России XIX в., в развитие специальных исторических наук.

ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ КРЫЛОВ (1940–2005)

Скончавшийся 28 февраля 2005 г. от неизлечимой болезни член Археографической комиссии, доцент РГГУ и главный библиограф Научно-практического центра «Эвристика» его научной библиотеки Вячеслав Викторович Крылов¹ в восприятии многих был неотделим от родного ему Историко-архивного института и более всего известен научными трудами в тех областях специальных исторических знаний, для преподавания которых составлял учебные пособия и программы по предметам «археография», «библиография», «информационная эвристика».

Историк-архивист родился 11 ноября 1940 г., учился в школе подмосковного Люблино, после службы в армии был в 1962–1967 гг. студентом МГИИИ, где специализировался на кафедре археографии, участвовал в деятельности студенческого научного кружка источниковедения (и как многие другие кружковцы и по окончании вуза тоже). Показательны и заголовок («Добросовестно относиться к архивным источникам») и методически-наставническая направленность первого печатного труда студента (Советские архивы. 1966. № 3). Это — отклик на научно-популярную книгу о видном участнике Октябрьской революции П.Е. Дыбенко. Там отмечается недопустимость отступления от «хорошо известных» правил археографии: «использование документа, ранее опубликованного, должно сопровождаться соответствующей ссылкой, и лишь в случае разночтения текст дается по архивному источнику». И приводятся примеры ссылок на архивы, «хотя цитируемые документы... уже напечатаны в

различных журналах и документальных сборниках». Указываются и неточности в передаче текста, приводящие к искажению документов. К «серьезным погрешностям» справедливо отнесен «и метод переписывания из источников и литературы отдельных фраз и целых абзацев без соответствующих ссылок и без кавычек» (с. 118). По окончании с отличием МГИАИ В.В. Крылов не прерывал с ним связь, работал в аппарате Главархива СССР, а в 1971 г. вернулся в МГИАИ и стал преподавателем кафедры археографии, в 1972 г. заведовал кафедрой архивоведения и археографии.

Выросший в среде без традиций интеллигентской образованности (обычно гуманитарной в своей основе), В.В., по существу, — самородок. Не выработалась и тяга к рассуждениям безбрежной историко-культурной или социопсихологической ассоциативности; ему вообще чуждо было наукообразное общесловие, особенно если уснащалось к тому же и новомодной иноязычной терминологией. Крылова изначально привлекало конкретно-историческое знание. В то же время он придерживался деловито выверенной практикой дисциплины в научной методике своей работы и в рекомендациях студентам и принципа простоты, доступности изложения. Это прослеживается с первых же печатных трудов его, список которых опубликован в «Археографическом ежегоднике» (далее — АЕ) за 2000 год.

Первая статья уже исследовательского масштаба, напечатанная еще в студенческие годы, в 1967 г., в сборнике тезисов докладов студенческой конференции, «Журнал “Пролетарская революция” и его роль в публикации исторических источников». Публикации произведений В.И. Ленина в том же журнале посвящена и статья в сборнике материалов, подготовленном к 20-летию кружка источниковедения в 1970 г. (Показательно, что именно В.В. писал об этом юбилее, в журнале «Советские архивы».) О журнале «Пролетарская революция» его статья 1974 г. и доклад на Тихомировских чтениях Археографической комиссии 1975 г. Однако диссертация такой тематики с названием «Журнал “Пролетарская революция” (1921–1941 гг.) и его роль в становлении и развитии советской археографии», почти схожим с заголовком первой статьи, была защищена в МГИАИ лишь в 1989 г. Вероятно, задержка оформления исследования в диссертационную работу объясняется несколькими обстоятельствами — и занятостью преподавательской и научно-методической деятельностью; и невозможностью при микроклимате тех лет в МГИАИ и на возглавляемой его научным руководителем М.С. Селезевым кафедре объективной характеристики выявленных им данных о журнале и его сотрудниках, — но и свойствами натуры В.В. — он был ненавязчив в интересе к своей личности, скромен в оценке своих научных трудов, непробивным в их публикации, не склонным ни к карьеризму, ни к интригам, а как исследователь прежде всего фактолог. При характеристике исторических явлений и методологических принципов довольствовался принятыми клише: клише же в 1970–1980-е гг. в подходе к изучаемой им исторической проблематике не отличались четкостью, а на его кафедре пытались консервативно придерживаться воззрений прежних лет. И не случайно время подготовки к защите диссертации совпало с началом последовательной и плодотворной работы В.В. по тематике «Библиографическая реабилитация» — под такой рубрикой стали в журнале «Советская библиография» публиковать серию составленных им биобиблиографий (предваренных очерками публицистического стиля) партийных деятелей, заклеянных в годы сталинизма

как «враги». Имело значение, видимо, и то, что в те годы В.В., отвлеченный многим, еще не в такой степени, как позднее, ощущал радость полнокровной научной работы и потребность ее реализации в печатном слове.

В Вячеславе Викторовиче, прошедшем первые десятилетия жизни в зеленом еще тогда ближнем Подмоскowie, счастливо совмещались черты поведения горожанина и столичной образованности с изначально развитым восприятием природы и потребностью сохранения такого ощущения — природное наследие было для него составной частью его культурного наследия. Он выискивал и пересаживал приглянувшиеся ему растения в поле и в лесу, внося индивидуальный творческий элемент в близлежащий доступный его воздействию дачный ландшафт. Мог наблюдать, как Слава любовно навел порядок и на моем дачном участке. Убежден, что соображения научного плана приходили ему в голову и тогда, когда он корчевал пни, босоножный косил или поливал свежесаживаемое, задумчиво предопределял степень активности разгораемого им костра. Он не только в душевном плане, но в научном, больше раскрывался на пленэре (если употреблять терминологию, обычную у пишущих об изобразительном искусстве). И уже остепененного В.В. не покидало желание показать мощь удалого молодца: мог поднять кафедру в актовом зале ИАИ. По ассоциации возникают в уме воспоминания М.Н. Тихомирова о виднейшем филологе-слависте профессоре и академике М.Н. Сперанском, который в 1920-е гг. в возглавляемом им рукописном отделе ГИМ «преспокойно передвигал шкаф, наполненный книгами», делая это «не без некоторого кокетства своей силой и с удовольствием...»²

В.В. был, однако, отнюдь не прост и не всегда открыт, хотя подчас и выдавал жесткие и нелицеприятные характеристики и людям, и их деяниям. Еще в студенческие годы он в летние месяцы работал в пионерских лагерях и несомненно пленял ребят своей умелостью. Но в МГИАИ избегал общественной активности. У него не было и близких постоянных друзей среди однокашников-студентов, а затем и коллег по преподаванию. По существу, он был — если воспользоваться определением Киплинга — кошкой, которая гуляет сама по себе. Но у нас рано определилась взаимная душевная симпатия, установились доверительные отношения, и я, усмотрев способность В.В. к научному творчеству, склонность к педагогическому стилю общения и доброжелательный интерес к студентам, старался укрепить его веру не только в свои физические силы и ловкость. Казалось бы, при таком мощном торсе ему более всего подходят топор, молот, коса. Но В.В. умел и мастерски готовить пищу, сервировать стол, чистить посуду. Владение навыками ремесленного мастерства, вызывавшее не только восхищенное удивление других, но и удовлетворявшее самоуважение, в натуре В.В., — и методика его научной работы отличалась и добротностью, и изяществом, и столь важной при воздействии преподавателя на студента (и вообще всякого учащего на учащегося) ясностью приемов лабораторного исполнения.

Внешность красавца атлета, нарочитое ерничество в разговорах о своей научной деятельности, а подчас о подобной работе и коллег, не способствовали формированию представления о муже науки. Сначала думалось, что это не главное у любителя природы, мастеровитого умельца, знатока бытового хозяйственного обихода. Не включался В.В. и в дискуссии о предмете археографии и предназначе-

нии и ее, и других специальных исторических дисциплин, об изменении или сохранении их терминологии, внедрении новой методик. Но с годами все более ощущали и его большой ум, и тонкую приметливость, и высокую профессиональную эрудицию. И становилось все очевиднее и то, что он — едва ли не единственный из читавших общий курс археографии в ИАИ — имеет вкус к практической работе публикатора документов и особенно внимательно присматривается к усвоению студентами навыков такой работы, может доверительно поделиться с ними накопившимся опытом. А его личные исследования — и о выявлении, и о публикации, и об истолковании документальных памятников — вызывают особое доверие источниковедческой основательностью.

Преобладающий исследовательский интерес В.В. — архивные и печатные материалы по истории общественно-политической жизни и культуре России XX в., и прежде всего о «знаковых фигурах» первой трети столетия. И он годами не расставался с привлекавшей конкретно-исторической тематикой. Это — и серия статей о журнале «Пролетарская революция» (и об организации работы в журнале, и о том, что опубликовано), и подготовленный к печати указатель напечатанного там за все годы. В.В. выявил важные сведения о самарском периоде жизни основателя нашей Археографической комиссии академика М.Н. Тихомирова, по договоренности с Самарским университетом готовил к печати и составленные М.Н. Тихомировым описания хранившихся в Самаре архивных фондов — семейного Аксаковых и Иргизских монастырей. В.В. ознакомил нас с эпистолярным наследием академика В.Н. Перетца времени его ссылки, информировал о графическом наследии историка Е.А. Косминского в статье с зазывным названием «Вторая пламенная страсть академика Е.А. Косминского». И когда был обнаружен в архиве документ, важный для представления об О.Ю. Шмидте как руководителе учреждения, его отношения к людям в период массовых репрессий, попросил, чтобы именно он опубликовал его с комментариями (Соглядатай: Донос на академика О.Ю. Шмидта и его сотрудников // Вестник РАН. 1995. № 11).

В.В., опираясь на архивную документацию, убежденно придерживался мнения, что идеи декрета 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» в РСФСР «родились в дискуссиях членов Союза РАД (Союза российских архивных деятелей. — Ред.)» еще в 1917 г., их «активно и творчески отстаивал Д.Б. Рязанов, а затем и воплощал их в жизнь» и «предшественником нынешней Федеральной архивной службы является Центральный комитет по управлению архивами, созданный в апреле 1918 г.». Именно такой взгляд соответствует и моим представлениям об этом, впервые развитым еще в докладе 1968 г., а затем не раз в статьях и докладах. Следует указать, что В.В. первым заметил, высказав многозначачщее предположение, «что декрет был принят на заседании Комиссии при СНК (“Малого” СНК, где рассматривались и решались мелкие, так называемые “вермишельные” вопросы), и не отсюда ли последующее отношение советской власти к архивной службе?»³

Плодотворную для развития и исторической науки деятельность Д.Б. Рязанова как руководителя архивного ведомства, пресеченную в 1920 г., В.В. изучал специально, выступая со статьями, докладами, рецензиями, первым исследовал местную деятельность Д.Б. Рязанова с Б.И. Николаевским и возвратил российской

науке имя этого выдающегося историка-архивиста и знатока истории революционного движения.

В.В. подготовил биобиблиографии видных партийных лидеров и общественных деятелей, труды которых (так же как и литература об их жизни и деятельности) много десятилетий были запрятаны в спецхране, — Ю.О. Мартова, Ф.П. Дана, Д.Б. Рязанова, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина, Б.И. Николаевского, В.А. Тер-Ваганяна, Ф.Ф. Раскольникова. Сочинения этих прижизненно весьма известных лиц отражали заметные явления жизни эпохи, а подчас во многом и формировали общественно-политическое сознание определенных прослоек соотечественников в России и за рубежом. Сделанное Крыловым устраняло зависимость от ранее тенденциозно подобранных и интерпретируемых исторических источников, обеспечивало возможность обращения к более многосторонней и объективной печатной источниковой базе по истории России первой трети XX столетия. В то же время в период, когда модным стало утверждать, что руководящие революционные деятели, как правило, были малокультурными или даже чуждыми культуре, эти биобиблиографии убеждали в том, что и в такой среде были люди большой образованности, выделявшиеся литературным даром, ценившие (правда, под определенным углом зрения) многое в культуре прошлого, и поэтому-то некоторые из них, отодвинутые от активной политической роли, смогли затем творчески и результативно включиться в научную работу.

Инициатива создания в журнале «Советская библиография» в 1989 г. рубрики «Библиографическая реабилитация», напечатание на страницах журнала более 30 материалов (статей, указателей литературы, обзоров, рецензий), работа в журнале «Библиография» в 1997–2001 гг. и членом редколлегии способствовали утверждению авторитета В.В. в среде библиографов и книговедов.

Особенно много сделано В.В. для уяснения значения свершенного опальным Л.Б. Каменевым в развитии издательской культуры и организации работы литературоведов в первой половине 1930-х гг. как директором издательства «Academia» и директором академических институтов русской литературы (Пушкинского Дома в Ленинграде) и мировой литературы. В.В. впервые познакомил и с неизданными трудами Каменева — оказывается, именно он был инициатором факсимильного издания герценовского «Колокола» и написал предисловие к изданию (опубликовано в АЕ за 1994 год), выработал программу издательских проектов, приуроченных к пушкинской годовщине 1937 г., и дальнейшей деятельности академических институтов, сам много писал и о Пушкине, и о других классиках отечественной и мировой литературы. Этой тематике посвящено несколько докладов и статей. Готовилась книга о работе Каменева тех лет, и В.В. делился со мною, общавшимся в детстве с Каменевым и знакомым с кругом его сотрудников, интереснейшими соображениями по поводу своих архивных изысканий.

Понятно, что в этой связи он занялся изучением архивных материалов об издательстве «Academia» и первым напечатал статью такой тематики еще в 1993 г. в № 4 «Вестника РАН». Когда представилась возможность подготовить книгу об этом, ему предложили написать и о прежнем издательстве со времени его основания, и о принявшем это же название издательстве, основанном в 1991 г. Об издательстве 1920-х гг. в Петрограде–Ленинграде он сумел тоже собрать ценный архив-

ный материал. Но уже давала о себе знать беспощадная болезнь, возможности для работы ограничивались — В.В. стал проводить немалое время в больнице, а достаточно глубоких познаний в области книжной культуры и графического (и вообще изобразительного) искусства он не имел и вынужден был довольствоваться компилятивными данными, включать в текст книги и то, что относится к новому издательству, отнюдь не обладающему теми чертами книжной культуры, которые отличали так привлекавшее его внимание каменевское — издательство «Academia» в Москве первой половины 1930-х гг.

Сознвая близость конца, В.В. очень хотел увидеть свой труд изданным в виде книги, горестно переживал то, что из издания исключили часть научного аппарата, вместо предполагаемого и абсолютно необходимого в таком издании именного указателя поместили рекламу изданий новой «Academia». И в рецензии, которая уже не могла огорчить скончавшегося В.В. Крылова, обоснованно указаны дефекты издания. Но и в этой недоброго тона рецензии написано, что часть книги, посвященная истории издательства 1920-х – 1930-х гг., опирается в значительной мере на архивные источники и представляет «по материалу несомненный историко-культурный интерес» и «в особенности интересны страницы, посвященные деятельности основателя издательства А.А. Кроленко» и Каменева. И верно замечено, что архивные источники «в книге перечислены со всеми подробностями» (с. 157) и «можно предполагать, что ссылки вычеркнуты из рукописи рукою редактора, озабоченного, вероятно, тем, чтобы книга не выглядела слишком сухой и лучше продавалась»⁴.

Большой опыт архивиста и археографа, особый вкус к архивным изысканиям по проблематике истории культуры побудили к приглашению В.В. на руководящую работу и в Архив РАН; его ввели в состав Ученого совета Архива, и В.В. казалась перспективной такая возможность расширения сферы научной деятельности. Но болезнь резко усилилась, и ему пришлось отказаться от принятого было предложения. И действительно, когда после перерыва в два-три месяца увидел его осенью 2004 г. на заседании этого Ученого совета, ужаснулся разительной переменой в его внешнем облике. Жизнелюб, спортсмен с поразительным достоинством переносил тяжесть обрушившегося на него недуга — сохранял благожелательное отношение к людям, тактично не навязывал информацию о своем нездоровье. И к такому поведению проникаешься особым уважением — В.В. был и душевно красивый человек. Он старался и умел преодолевать физическую слабость.

Памятно его едва ли не последнее публичное выступление 24 декабря 2004 г. на ежемесячной «краеведческой встрече на Никольской», когда в здании Историко-архивного института происходит представление новейшей москвоведческой и краеведческой литературы. Решено было представить и книгу «Издательство “Academia”: люди и книги. 1921–1938–1991» (М., 2004), хотя она по профилю своему не относилась к обычно демонстрируемым новым изданиям. В.В. не раз присутствовал на этих заседаниях, собиравших, как правило, немало интеллигентской публики разных поколений. И В.В. явно хотелось ощутить реакцию этих книголюбов при ознакомлении с темой и результатами его работы и с содержанием обычных на подобных встречах выступлений председательствующего заведующего кафедрой региональной истории и краеведения В.Ф. Козлова и руководителя Центра исторического москвоведения Шмидта об авторе и его трудах. Зал был полон.

На таких встречах представляют всегда несколько изданий — начали с книги Крылова (хотя в программе было представление и моей книги 2004 г. «История Москвы и проблемы москвоведения»). Когда выступал В.В., была совершенная тишина. Говорил он в приятной лекторской манере с присущим ему легким юмором и с вдохновением. И только о важнейшем для него — о славном своими деяниями издательстве 1920-х – 1930-х гг., и особенно о деятельности Л.Б. Каменева и ее культуроформирующем значении. С большим чувством повествовал и о репрессиях, обрушившихся на Каменева и его сотрудников. Проникновенные слова вызвали единодушные аплодисменты и необычно много вопросов, на которые В.В. отвечал четко, эрудированно, с изяществом. Коллеги по ИАИ отмечали необычный подъем духа В.В. в тот вечер, но и быстро наступившую усталость, когда он, почти сразу, извинившись, покинул зал. Это была воистину лебединая песнь Вячеслава Викторовича. Постоянные посетители наших встреч были буквально потрясены тем, что следующая встреча — уже в 2005 г. — началась поминальным словом моим о В.В. Крылове, и мы вставанием почтили память того, впечатление об образе и деятельности которого оставалось еще таким свежим.

Когда последний раз ему звонил по телефону, в феврале 2005 г., Слава тихим и грустным голосом, отвечая на вопрос о самочувствии, сказал: «Помираю». Зная свойственную ему форму выражения и интонацию, не сообразил, что это — констатация реального положения вещей.

Для В.В. очень много значил Историко-архивный институт: с ним связаны и его работа с людьми, и научная работа. Это — его жизненный причал. В.В. болел душой, наблюдая упадок его, но и дорожил честью альма-матер и иногда даже слишком ретиво защищал ее, не сразу осознав, какие серьезные последствия могут быть от все более ощутимого пренебрежения к Историко-архивному институту со стороны руководства образованного на его именно основе РГГУ⁵. В.В. Крылов заслужил, чтобы в ИАИ и РГГУ предприняли действенные меры для использования во имя дальнейшего развития знаний научного наследия этого незаурядного историка-архивиста, археографа и библиографа. Полагаю, что следует издать книгу трудов В.В. Крылова, включив в нее статьи и биобиблиографические указатели и, конечно же, и в первоизданном виде подготовленные им части исследования об издательстве «Academia» 1921–1937 гг. со всем научным аппаратом. Так память о Вячеславе Викторовиче останется не только у тех, кто мог почувствовать его человеческое очарование.

¹ См. некрологи: Вячеслав Викторович Крылов (1940–2005) // Библиография. 2005. № 2 (подпись: «Редакционная коллегия журнала “Библиография”»); Памяти В.В. Крылова // Отечественные архивы. 2005. № 2. С. 141 (подпись: «Коллеги»); Вячеслав Викторович Крылов // Вестник архивиста. 2005. № 2. С. 314–315 (подпись: «Друзья, коллеги»).

² Тихомиров М.Н. Исторический музей: Воспоминания // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 69.

³ Крылов В.В. Идеи декрета от 1 июня 1918 г. родились в дискуссиях членов Союза РАД // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 12–14.

⁴ Рац М.В. «Academia»: два издательства в одной книге // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. Рец. на кн.: Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia»: люди и книги, 1921–1938–1991. М., 2004.

⁵ См.: Отечественные архивы. 1998. № 3.

ПАМЯТИ ИСТОРИКА-АРХИВИСТА А.А. КАЦА

Жизнь А.А. Каца оборвалась тогда, когда результаты его творческой деятельности стали особенно заметными и он был полон новых замыслов. Выходящая книга была задумана как первая в ряду масштабных изданий, знакомящих с богатством Центрального архива документальных коллекций Москвы, созданного в значительной мере усилиями самого А.А. Каца. Книга эта — высокий образец археографической культуры. А.А. Кац проявил себя как опытный текстолог, а в комментариях, требовавших больших знаний в сферах истории и культуры и знакомства с многообразной литературой и другими архивными документами, — как наблюдательный и эрудированный, источниковедчески основательный исследователь.

Андрей, окончивший в 1983 г. Московский государственный историко-архивный институт, был моим дипломником, а затем и аспирантом-заочником, защитившим там же (но уже когда МГИАИ стал факультетом образованного на его основе Российского государственного гуманитарного университета — РГГУ) диссертацию в 1992 г. Он был постоянным членом нашего студенческого научного кружка источниковедения, и статья «Малоизвестные материалы И.Г. Прыжова в ЦГАЛИ СССР», резюмирующая сделанное в дипломной работе, напечатана в сборнике 1990 г. к 40-летию кружка. У него изначально проявился особый вкус к изучению личных фондов и развилось умение находить там новую документацию о творчестве фондообразователя, рассматривая это в сопоставлении с ранее уже известным. И работа с личными фондами в архиве Москвы стала для него очень притягательной.

А.А. Кац неустанно описывал такие фонды, выявлял там ценные данные не только о жизни и деятельности фондообразователя, тем более что круг его интересов был широк и Андрей с молодых лет выделялся в среде сверстников своей образованностью и в то же время приятной скромностью, стеснительностью.

Диссертация его была о фондах личного происхождения в архиве, который в 1992 г. назывался ЦГАОРСС г. Москвы; и обзор хранившихся там личных фондов государственных и общественных деятелей был опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1992 год». В том же издании напечатаны и другие его статьи, и тоже по материалам ЦАДКМ (о дневниковых записях генерала армии И.Р. Апанасенко первых месяцев Великой Отечественной войны, обзор фонда историка К.Н. Тарновского). В книгу «Ежегодника за 1997 год», подготовленного к юбилею Москвы, включена статья А.А. Каца с показательным заголовком — «Центральный архив документальных коллекций Москвы — первый московский архив документов личного происхождения». Вдохновенную и в то же время в лучших традициях академической эрудиции статью Андрей написал в сборнике «Мир источниковедения» 1994 г. — «Айседора Дункан и студия “Гептахор”» (из материа-

Впервые опубликовано: Воспоминания счастливого человека: Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Авт.-сост. А.А. Кац. М., 2007. С. 848–849 (под назв. «Памяти Андрея Азариевича Каца»).

лов личного фонда музыкального педагога С.Д. Рудневой)», т.е. того самого фонда, документы которого стали основой издаваемой книги. На совместной конференции Мосгорархива и Археографической комиссии, посвященной 60-летию Московской битвы 1941–1942 гг., выступил с интереснейшим докладом о документах, выявленных в ЦАДКМ при подготовке сборника «Москва прифронтовая». Статьи его охотно печатали и в других изданиях.

И именно А.А. Кац составил путеводитель по фондам личного происхождения¹ и старался сделать хранящееся в ставшем родном архиве достоянием читателей, причем и ученых-специалистов, и широкой публики. Так, в выдающегося значения 4-м выпуске историко-краеведческого альманаха «Московский архив» посмертно опубликованы подготовленные А.А. Кацем материалы о рабочем-булочнике и воспоминания Н.А. Седикова «“Старики” в Отечественной войне». У Андрея была тяга к историко-биографическому жанру, и в написанном им ошутимы и большая литературная образованность, и серьезное внимание к стилистике.

А.А. Кац работал самозабвенно, ему присуще было счастливое совмещение увлеченности и редкого трудолюбия. Предлагаемое им к напечатанию вызывало доверие, и А.А. Кац почитался как высокоавторитетный историк-архивист и среди сотрудников архивов, и среди ученых и преподавателей, группирующихся вокруг Археографической комиссии Академии наук.

Андрей считал своим долгом сохранять память об исторических явлениях и запечатлеть в памяти и то, что перед его глазами, — он был и страстным фотографом. И, вероятно, это его и погубило, когда он, увлекшись и позабыв об осторожности, сорвался с края скалы летом 2005 г.

Кончина Андрея Азариевича не только тяжкое горе родных и близких, но и большая утрата для науки познания прошлого. В издающейся сейчас первой части «Московской энциклопедии» будет помещена статья об А.А. Каце. Но небольшой справочной статьи недостаточно. Желательно, чтобы появилась серьезная, сопровождаемая списком трудов, статья исследовательского типа о научном творчестве Андрея Азариевича Каца, о методике столь результативной работы даровитого историка-архивиста и археографа. Тем более что археографическая деятельность А.А. Каца проявилась — а это редкость в наше время — во всех ее сферах в традиционном понимании руководителями Археографической комиссии академиками П.М. Строевым и А.Ф. Бычковым в XIX в. и академиками С.Ф. Платоновым и М.Н. Тихомировым в XX в.: А.А. Кац много сил отдавал и выявлению документальных памятников (и соответственно организации передачи их в его архив), и всем видам и описания и публикации документальных памятников. А к изданию исторических источников А.А. Кац подходил с той меркой, которую нынешний председатель Археографической комиссии С.М. Каштанов охарактеризовал применительно к актам Средневековья: «Это не поточное производство, а искусство, требующее высокой квалификации, труда, нравственности и стремления к виртуозности».

¹ Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам личного происхождения / Сост. А.А. Кац. М., 1998.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КАШТАНОВ
В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ*

В 2005 г. в сборнике статей в честь С.М. Каштанова (*Ad fontem / У источника: Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005*) напечатана великолепно написанная статья профессора Виктора Александровича Муравьева «Сергей Михайлович Каштанов и Историко-архивный институт (Заметки коллеги и друга)» (с. 81–89). Это не только одна из лучших статей Муравьева, но и образцовое эссе историографо-мемуарного жанра. Мы убеждаемся в том, что когда умный, талантливый, наблюдательный и доброжелательный ученый пишет о другом человеке науки, ему явно симпатичном и вызывающем у него подлинный сильнейший интерес и своими трудами, и своей личностью, то появляется сочинение, по-настоящему мудрое и художественно привлекательное. Полагаю, что этой статье место, несомненно, и в сборнике трудов профессора В.А. Муравьева, который должно готовить в Историко-архивном институте РГГУ, столь многим ему обязанном. Обращение к статье поможет информации и о том, что ранее напечатали о юбиляре (там названы и мои статьи). В сборнике много иллюстраций, и как раз отражающих то, что связывает юбиляра с Историко-архивным институтом, отзывы о его дипломной работе А.А. Зиминой, А.Т. Николаевой, Л.В. Черепнина. В статье действительно показано, что С.М. Каштанов — «одно из самых знаковых явлений Историко-архивного института за все три четверти века его существования». И потому-то эту статью стоит поместить в издание нового расширенного варианта сборника РГГУ «Учителя учителей», вышедшего в 2009 г., тем более что статья того же автора о профессоре В.К. Яцунском — одна из самых удачных и глубокомысленных в этой умело и любовно составленной книге.

И тем не менее я позволил себе на юбилейном заседании, посвященном 80-летию исследователя и педагога, выступление свое озаглавить почти сходно со статьей В.А. Муравьева. Это объясняется тем, что выступление такой тематики необходимо при праздновании юбилея в родном Каштанову высшем учебном заведении — институте, который он окончил, где преподает и где формируется его научная школа. А я, думается, с ним дольше и ближе знаком, чем кто-либо другой в сегодняшнем институте, был официальным оппонентом его диплома и обеих диссертаций, ответственным редактором сборников, издававшихся в его честь. К тому же статья В.А. Муравьева напечатана в академическом издании и могла остаться малоизвестной широкому кругу лиц, причастных к Историко-архивному институту.

Я начал преподавать в МГИАИ в феврале 1949 г. А через год директор института Анна Сергеевна Рослова, человек очень душевный и много сделавший для

* В основе статьи — выступление на XXIV ежегодной научной конференции кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ «Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии» 26–28 января 2012 г., посвященной 80-летию С.М. Каштанова.

развития института, решила отметить 20-летие нашего института и организовать в мае выставку, посвященную юбилею, в Первой аудитории, и меня просила разработать ее экспозицию. Приглашен был фотограф с опытом работы в прессе, и он сумел в марте-апреле 1950 г. сделать много снимков. Эти фото лекций, семинаров, заседаний кафедр и другие стали существенным дополнением к тем материалам, которые сохранял у себя незабвенный патриот нашего института директор библиотеки Глеб Вадимович Тронин, носитель традиций вуза. Среди новых фотографий были две, которые стали знаковыми для Сергея Михайловича и для меня.

На одной запечатлено заседание моего семинара (точнее просеминария) первокурсников по отечественной истории в день, когда докладчиком оказался Сережа Каштанов. Его однокурсникам, пришедшим в вуз в сентябре 1949 г., лекций общего курса «Истории СССР до XVIII века» (как его тогда именовали) я не читал. Лекции эти, которые затем довелось читать 17 раз, впервые начал читать лишь в сентябре 1950 г. Студентов курса Каштанова знал лишь по занятиям практикума по палеографии, и то из других групп. Когда покинул наш институт преподаватель-совместитель В.Т. Пашуто, его семинар по истории во втором полугодии 1949/50 учебного года предложили вести мне. С группой Каштанова познакомился впервые в феврале 1950 г., и доклад свой этот первокурсник, насколько я помню, готовил без моего участия. Доклад, судя по выражению лиц слушавших его, воспринимался и студентами и преподавателем с явным интересом. Каштанов снят со спины, но зато стоя на кафедре, так как семинар наш был во Второй аудитории, называвшейся тогда «кишкой», где не было стола для преподавателя и докладчика. Фото датируется апрелем 1950 г.

В связи с выставкой 13 апреля сфотографировали и заседание руководимого мною студенческого научного кружка источниковедения — третье или четвертое его заседание. Докладчиком выступила первокурсница Ванда Белецкая, основываясь на своем докладе о сочинениях Курбского (сделанном в руководимом мною семинаре по истории СССР). Среди немногих участников того заседания кружка не видно Каштанова. Он стал деятельным членом кружка и вдохновлявшим других кружковцев позднее. Оба однокурсника-докладчика, фотографии выступлений которых были на выставке, позднее обрели известность, чем наш институт мог гордиться: В. Белецкая — журналист, автор нескольких книг (преимущественно по научно-просветительской тематике) и многих статей, и знаменательно, что будущий выдающийся ученый сразу же запечатлен на кафедре.

О кружке источниковедения С.М. Каштанов писал и говорил не раз — он стал и научным историографом кружка, и его бытописателем в стихах и шаржах. Но не менее существенно то, что едва ли не все кружковцы, писавшие о кружке, и журналисты, готовившие статьи о кружке, неизменно выделяли его роль в кружке, отмечали, как уважают и любят его кружковцы всех поколений. Каштанов — единственный кружковец, который посещал его заседания все годы (даже став уже членом-корреспондентом Академии наук) до завершения пятидесятилетней работы кружка в апреле 2000 г. Он — автор и научного жанра обзорных статей в сборниках работ кружковцев о результатах деятельности кружка с упоминанием многих имен и с характеристикой научного значения содеянного этими кружковцами, и юмористических поэтических произведений или имитирующих стилистику до-

кументальных источников, ознакомление с которыми в «юбилейные» дни всегда радостно предвкушали ветераны кружка. (Некоторые из таких сочинений напечатаны затем в малотиражном издании РГГУ «Кружок источниковедения 1950–1995. 13 апреля 1995 г.», а также в книге «Кружку источниковедения 50 лет», изданной РГГУ в 2000 г.)

О роли Каштанова в кружке и в развитии кружковой творческой самостоятельности говорили и выступавшие на заседании, организованном к 60-летию кружка по инициативе профессора В.Ф. Козлова (бывшего в студенческие годы старостой кружка) в 2010 г. О значении кружка в жизни юбиляра основательные соображения в статье В.А. Муравьева, об этом и другие материалы сборника «Ad fontem / У источника», но остаются недостаточно использованными высказывания самого Сергея Михайловича.

Особо выделил бы его статью «Тридцать лет спустя, или Кружок глазами кружковцев», опубликованную на страницах 172–187 в сборнике статей кружковцев 1980 г. «Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины» (где напечатано более десяти студенческих работ нынешних преподавателей Историко-архивного института). С.М. Каштанов пишет о кружке как о «сложившейся» школе «научной мысли и научного воспитания», обобщая ответы многих кружковцев на вопросы анкеты «Что вам дал кружок?» и «Что осталось в памяти о кружке?». Старейший кружковец, никогда не отрывавшийся от него и наблюдавший там студентов разного возраста и их взаимоотношения с выпускниками института — «стариками», продолжавшими приходить на заседания кружка, старался «проанализировать причины его притягательности для себя и других». В статье утверждается, что «сочетание анализа и синтеза составляет примечательную особенность дискуссий в кружке», создающих «общий интерес»; и кружок — «горнило многих научных трудов, которые оказываются предназначенными для дальнейших публикаций, защиты в качестве дипломных работ, диссертаций» и «одно из замечательных мест, где менее всего чувствуется отчужденность поколений», а «научное воздействие кружковцев друг на друга создает атмосферу подлинной духовной общности, приносит настоящую радость». Автор заключает: «Кружок дорог всем его участникам. Он помогает юности связать себя с Наукой. А Науке оставаться юной».

В статье подчеркивается и то, что в кружке «сложились определенные этические нормы и традиции. Для кружка характерны откровенность и прямота в высказывании критических замечаний, тактичность и уважение к личности друг друга, щедрость дарения мыслей, доброжелательность, неравнодушие, нетерпимость к бахвальству, трескучей болтовне, пустозвонству, корыстным побуждениям в отношении науки, голому делячеству. Поэтому мне вполне понятно, когда кружок определяют не только как школу научной мысли, но и как школу научной этики и даже больше — этики вообще».

Теперь, по прошествии лет, возвращаясь мыслью к временам, когда собирался кружок, и убедившись в том, что особо близкими людьми и для Сергея, и для меня остаются те, с кем сблизился в кружке, все более осознаю, что та атмосфера кружка, о которой рассуждал С.М. Каштанов в своей статье, в значительной мере создавалась благодаря ему. Конечно, многое определялось личностью и умением

руководителя, участием в работе кружка преподавателей, руководивших студентами, которых они направляли в соответствии со своими научными интересами и педагогическими приемами, и выступавших с докладами других ученых. Но такое длительное совмещение «научной мысли» и «научной этики» и содружество старших и младших сохранялось во многом благодаря Каштанову. Наблюдая за тем, как он, обретая все возрастающую значимость в мире науки (притом и в нашей стране, и за рубежом), остается прежним, лишенным спесивости, чуждым назидательности, любознательно заинтересованным в общении и с более молодыми, только начинающими научно мыслить, понимаю, как поддерживало это главное и привлекательное в кружке, как способствовало формированию представлений о достойном образе мысли и поведения ученого, взаимоуважительных отношениях увлеченных своей творческой деятельностью людей независимо от их возраста и служебного положения.

Студента Каштанова рано выделили из других и студенты, и преподаватели, хотя он вовсе не отличался общественной активностью. Дипломное сочинение его оценили как достойное присуждения ученой степени кандидата наук (единственный случай в многолетней истории МГИАИ!). Моя заметка в стенгазете 1954 г. «Вместо диплома — диссертация» перепечатана в сборнике 2005 г. в честь С.М. Каштанова «Ad fontem / У источника». Кафедра ходатайствовала об этом, но не была поддержана, полагаю, что это пошло на пользу молодому историку, который получил время и на углубленное продолжение начатого исследования, и на расширение своего историко-источниковедческого кругозора, и для накопления преподавательского опыта.

В годы его аспирантуры на кафедре вспомогательных исторических дисциплин сохранялся еще поучительный для будущего преподавателя микроклимат, характерный для времени руководства кафедрой А.И. Андреевым, принесшим научно-преподавательские навыки петербургских научных школ академиков А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова, и, в отличие от истфака МГУ, где именно в те годы стали преимущественно присматриваться к идеологической (точнее даже идеолого-политической) стороне деятельности преподавателей, по-прежнему акцентировали внимание на уровне «ремесла историка» (если употреблять терминологию книги Марка Блока). На кафедре продолжали поддерживать практику преподавания совместителей из Академии наук, причем и старшего, и более молодого поколений (В.К. Яцунский и тогда еще молодой А.А. Зимин и др.), и активно стимулировали творческую активность оставленных еще при А.И. Андрееве в аспирантуре таких перспективных преподавателей с исследовательскими склонностями, как Е.И. Каменцева, О.М. Медушевская, И.А. Миронова. На кафедре придавали особое значение исследовательской работе аспирантов и преподавателей, что было характерно для дореволюционного времени, когда еще не образовались институты Академии наук и индивидуальные исследования велись преимущественно в университетах.

В изданиях МГИАИ С.М. Каштанов напечатал свои ранние труды (его статья аспиранта была единственной в сборнике статей преподавателей МГИАИ, подготовленном к 25-летию института в 1955 г.), но возможность преподавать в родном вузе он получил лишь через десятилетия, хотя профессор Е.А. Луцкий, заведовав-

ший кафедрой ВИД, предложил ему в 1970 г. прочитать лекцию по дипломатике. Однако рассчитывать на то, что в период, когда пришедшие к власти в вузе старались избавиться от тех преподавателей, которые придерживались дорогих им традиций, пойдут навстречу Луцкому, не приходилось. Для придерживавшегося тех же традиций и близкого кругу изгоняемых преподавателей места совместителя тогда не нашлось.

Преподавателем МГИАИ С.М. Каштанов стал в 1987 г. Пригласил его новый заведующий кафедрой А.Л. Станиславский (тоже кружковец, как и его супруга и преданный помощник в делах С.П. Мордовина). И это показательно для благородной природы Александра Лазаревича. Специализирующийся как исследователь на истории России XVI–XVII вв., он имел в штате кафедры совместителя Шмидта, продолжавшего руководить и работой дипломников, специализировавшихся по истории России эпохи феодализма. На кафедру пришел профессором на полную ставку и В.Б. Кобрин — четыре доктора наук, занимающихся проблематикой одного и того же периода отечественной истории, и притом интересующихся прежде всего государственно-политической тематикой и в собственно истории, и в источниковедении! Но для Станиславского престиж его кафедры, научный уровень его коллектива были важнее демонстрации собственного престижа. Изучавший (вместе с Л.Н. Простоволосовой) историю кафедры, он был убежден в необходимости пытаться возродить андреевские традиции формирования состава кафедры и программ ее деятельности и углубления исследовательского начала в студенческих работах.

В.А. Муравьев имел основание написать, что хотя это и был другой Каштанов, ставший уже ученым, имеющим высокий авторитет в России и за рубежом, «Не знаю, как у Сергея Михайловича, у меня было ощущение, что Каштанов после какого-то затянувшегося путешествия вернулся домой». И патетические слова концовки статьи В.А. Муравьева отражают реальность, а завершается статья таким абзацем: «Знаю, что, как бы ни была сложна судьба Историко-архивного института, какие бы люди ни были вокруг все эти годы, какие бы радости и неприятности ни чинила порою судьба, нет в его душе никакого иного чувства, кроме чувства благодарности к школе, подарившей ему, в конечном счете, счастливую жизнь в науке, к ее людям, к ее атмосфере, к друзьям и коллегам, и нет другого стремления, как эту школу беречь».

В этой статье сведения и об учениках профессора Каштанова в институте и сделанном уже ими в науке, о роли его в выработке «разовых» кафедральных специализаций и учебных программ, участии его в организованных кафедрой научных конференциях и в подготовленных кафедрой изданиях.

В научно-педагогической деятельности С.М. Каштанова (а такую деятельность неточно было бы обозначать определением «педагогическая», ограничиваясь этим одним словом) синтезирован опыт наблюдений и над работой в Историко-архивном институте (при том, что воспринимавшееся в юности студентом и аспирантом осмысливается в плане использования этого в дальнейшей работе ученого и педагога) и деятельностью своей и других в последующие годы.

Проследживается, однако, то, что было заложено еще в 1950-е гг. В составленной им учебной программе «Дипломатика», в отличие от предшествовавших вузов-

ских программ этого предмета (или разделов об этом в учебных пособиях), использован новейший опыт и зарубежных исследований, ощутим компаративистский уклон — думается, что это не только от активного участия в международных научных форумах, посвященных многообразным вопросам дипломатики, но и от ранних кафедральных впечатлений, когда В.К. Яцунский, создавая курс исторической географии нашей страны, учитывал методику изучения исторической географии за рубежом и помнил, что А.И. Андреев в подходе к преподаванию дипломатики был убежденным последователем методики А.С. Лаппо-Данилевского, неизменно опиравшегося на труды зарубежных ученых, исследовавших акты Западной Европы.

Можно думать, что и ведущийся уже много лет профессором Каштановым семинар молодых исследователей, привлекающий на заседания специалистов из академических учреждений, других вузов, хранилищ памятников письменности, в какой-то мере восходит и к кружку источниковедения, но является и более специализированным по тематике, и, конечно, выступления таких специалистов — более высокого научного уровня. Но у Каштанова есть удачный опыт руководства и студенческим кружком в Московском областном педагогическом институте, где он преподавал в 1972–1975 гг. Работы участника этого кружка, защитившего затем диссертацию, незаурядно даровитого Г.В. Семенченко напечатали по рекомендации его научного руководителя в «Археографических ежегодниках».

С.М. Каштанов печатал ранние свои научные труды в изданиях МГИАИ, но преподавать там, к сожалению, получил возможность через десятилетия (об этом тоже в статье В.А. Муравьева), однако взаимосвязь с кружковцами и преподавателями МГИАИ оставалась неизменной, как и любовь Сергея Михайловича к своей alma mater. И научная школа Каштанова начала формироваться в МГИАИ, по существу, ранее времени, когда он снова стал с 1987 г. преподавать в родном ему вузе.

Каштанов создал научную школу, и относящие себя к этой школе вносят все более весомый вклад в развитие науки, способствуют поддержанию высокого научного уровня работы архивов. Об этом тоже немало — и с признательностью — написано в статьях о С.М. Каштанове. Он много сделал для повышения научного потенциала источниковедения и других специальных исторических дисциплин, археографии и архивоведения. В то же время ему кажутся необоснованными попытки рассматривать источниковедение преимущественно в плане теории истории (что наблюдалось в программах его кафедры в начале нынешнего столетия).

С.М. Каштанов немало писал об Историко-архивном институте, его преподавателях, выпускниках, студентах, о развитии тех отраслей знания, которые в программе преподавания. Убежден в том, что должно просить юбиляра подготовить сборник таких его трудов (напечатанных ранее и оставшихся неопубликованными) для издания издательством РГГУ отдельной книгой. Книга станет не только значимым историографическим источником, но и источником, формирующим представления об Историко-архивном институте, его истории, его научном потенциале.

Сергей Михайлович Каштанов — гордость Историко-архивного института и всего Российского государственного гуманитарного университета, он удостоен звания «Заслуженный профессор РГГУ». Сейчас, когда С.М. Каштанов согласился

возглавить созданную впервые Высшую школу специальных и вспомогательных исторических дисциплин, он получил более широкие возможности для выражения своих взглядов и реализации своих замыслов ученого и педагога, а институт с большим правом может претендовать на первенство в определении развития дальнейшего комплекса специальных исторических дисциплин.

От души поздравляя дорогого Сергея Михайловича со славным юбилеем, поздравляя и Историко-архивный институт с появлением такой перспективы плодотворного развития специальных исторических дисциплин в тесной взаимосвязи с основной проблематикой исторического знания у нас при направляющем участии всемирно известного ученого.

К ЮБИЛЕЮ В.Ю. АФИАНИ

Выпускник Историко-архивного института 1970 г. Виталий Юрьевич Афиани, один из самых авторитетных российских историков-архивистов, 19 февраля отметил свой юбилей. В его творческой деятельности успешно совмещаются неутомимый первооткрыватель и публикатор исторических документов, исследователь широкого профиля в сферах и специальных исторических дисциплин, и отечественной истории XIX–XX вв., инициативный и эрудированный организатор архивного дела.

В 1972–1992 гг. В.Ю. Афиани был сотрудником Археографической комиссии Академии наук, где вел основную работу по составлению совместно со специалистами многих хранилищ (архивы, библиотеки, музеи) Каталога личных архивных фондов отечественных историков (первый том уже издан) и реализации комплексной научной программы «Культура российской провинции XVIII – начала XX в.», а это, прежде всего, организация международных, всероссийских, региональных конференций и издание их материалов. Два тома материалов последней конференции с докладом В.Ю. Афиани «Десять лет программе “Культура российской провинции”» вышли в свет в 2005 г.

С образованием на базе архивов ЦК КПСС Центра хранения современной документации (ныне Российский государственный архив новейшей истории) В.Ю. Афиани стал заместителем его директора. Здесь сразу же проявились присущие ему осведомленность в области архивной и археографической практики, организаторские способности, увлеченность своим делом, трудолюбие, ответственность, творческая инициатива, доброжелательность и простота в общении. Одновременно он занимался серьезной редакторской и оргработой в выходящем с 1993 г. научно-публикаторском журнале «Исторический архив». Особенно велика роль В.Ю. Афиани в выявлении и подготовке к печати материалов по закрытым ранее темам, во введении в научный оборот документов высших партийных органов.

Поддержанный виднейшими историками — академиками Н.Н. Покровским, А.А. Фурсенко и др., В.Ю. Афиани продемонстрировал результативность использования опыта, накопленного классиками археографии при публикации документов прежних веков, в подготовке издания документов недавних десятилетий, в том числе в документальной серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева: Идеологические комиссии ЦК КПСС». С 2003 г. В.Ю. Афиани возглавил Архив Российской академии наук и заявил о своих творческих приемах организацией научных конференций, открытием выставочного зала для популяризации фондов архивов системы РАН, предложением и широким обсуждением перспективного плана дальнейшей деятельности архива прежде всего как научно-исследовательского центра.

Начиная с изучения еще студентом архива филолога и искусствоведа академиком Ф.И. Буслаева, В.Ю. Афиани непрерывно занят многообразными по тематике и разновидностям используемых источников исследовательскими изысканиями: им определено понимание «журнальной археографии»; он деятельный участник академического издания сочинений Н.М. Карамзина, комплекса документов по истории советской идеологии и приемов ее воздействия на общественную жизнь (и особенно на интеллектуальную элиту), автор методологических статей по источниковедению, археографии, архивоведению. С 2002 г. В.Ю. Афиани начал преподавательскую деятельность, но пока еще не в Историко-архивном институте, где в 1982 г. защитил диссертацию «Публикация исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX века. (Опыт историографического изучения)». Убежден, что его знания практика-архивиста, археографа, исследователя, его обаятельная манера публичных выступлений должны стать достоянием и альма-матер. И я — научный руководитель дипломника и аспиранта В.Ю. Афиани — горжусь таким учеником и желаю ему физической неутомимости и новых свершений на обоих близких мне поприщах — и архивном, и академическом.

ПРИЗВАНИЕ — КРАЕВЕД. К 50-ЛЕТИЮ В.Ф. КОЗЛОВА

Грядет юбилей ведущего в наши дни московеда Владимира Фотиевича Козлова — природного и увлеченного ученого-просветителя. Его многообразная научно-исследовательская, педагогическая, издательская, общественная деятельность проходит в лучших демократических традициях московской профессуры.

Как исследователь он зачинатель источниковедения истории краеведения, москвоведения и памятниковедения, он неутомим в архивных изысканиях документов о судьбах истории и архитектуры (и прежде всего Москвы и Подмосковья), уникальный знаток печатных материалов, особенно малотиражных изданий в этих областях знания. И потому, когда по инициативе университета Сорбонна в Париже в 2000 г. была организована Международная научная конфе-

ренция «Краеведение в России: истоки, проблемы, возрождение», именно он сумел подготовить масштабный доклад о роли местных изданий в развитии истории и культуры. Он автор трудов и об исследователях московской церковной старины в XIX – начале XX в., и о видном советском историке, возродившем деятельность Общества истории русской усадьбы, — Л.В. Ивановой, ответственный редактор книги «Московеды: Справочник о краоведах, обществах и научных учреждениях», заместитель главного редактора «Московской энциклопедии», первый заместитель председателя Союза краеведов России.

Проведший юные годы в Крыму, Владимир Козлов является знатоком памятников и его истории и культуры; и помнится, что на конференции в Афинах в связи с Пушкинским юбилеем именно его доклад пленил греческих профессоров, так как содержал малоизвестные сведения о греческих поселениях и монастырях, с которыми в Крыму знакомился Александр Пушкин.

Придя в Историко-архивный институт, уже отслужив в армии, Козлов быстро обрел авторитет и у студентов, возглавив вузовский комитет ВЛКСМ, и в среде преподавателей, оценивших трудолюбивого и любознательного юношу: первые его научные печатные труды — работы студенческих лет. Даже будучи на основной работе в музеях, архивах, издательствах, он как бы прирос к ставшему родным Историко-архивному институту.

Первый заведующий основанной около десяти лет назад кафедры региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, Козлов сумел разработать успешно осуществляемую программу, нацеленную на то, чтобы студенты всесторонне овладели навыками научного и просветительского ремесла. Кафедра все в большей мере становится и всероссийским центром разработки проблем вузовского преподавания краеведения, и труды конференций такой тематики изданы. Перейдя профессором именно на эту кафедру, ощущаю, какая там благожелательная, трудовая и творческая атмосфера, и с обнадеживающей радостью воочию наблюдаю, как формируется новая научная школа давнего моего дипломника и аспиранта. Козлов — инициатор и неизменный руководитель ежемесячных вечерних заседаний с представлением новейшей литературы по москововедению, когда в актовом зале Историко-архивного института объединяются москволюбы — и ученые-специалисты, и любители разных поколений.

Владимир Козлов — главный редактор книг, подготовленных в издательстве «Московедение», изданных на высоком полиграфическом уровне, свойственном АО «Московские учебники», для учащихся и учащихся, и за реализацию этой программы ему вместе с группой ученых и педагогов была присуждена в 1999 г. премия Правительства Российской Федерации «За разработку концепции развития и совершенствования курса москововедения в средних учебных заведениях г. Москвы». Он — составитель пособия «Москва в экскурсиях», являющегося пособием и по экскурсионной работе, и путеводителем по Москве, и сам вдохновенно проводит экскурсии.

Хочется, чтобы у Владимира Фотиевича еще долго хватало сил на такую неутомимую творческую деятельность, вызывающую столь широкие душевные симпатии и уважение.

АВТОБИОГРАФИЯ 2004 ГОДА

Родился 15 апреля 1922 г., вечером в Страстную субботу, в Москве, в переулке близ Арбата, в квартире (в ту пору коммунальной), где обитаю и по сей день. На формирование моей личности и выработку склонности к занятиям в сфере гуманитарных знаний оказали влияние и традиции домашнего окружения, и восприятие атмосферы особой ментальности, которые ныне обозначают словом-термином «арбатство». Возрастал в городской интеллигентской среде смешанного национального состава, но длительное (более 67 лет) общение с мудрой и доброй няней (изначально воспринимавшейся всеми как член семьи) Франциской Александровной Тетерской — «Татой», как я называл ее с малых лет, — рано убедило меня в том, что подлинная «интеллигентность» не всегда тождественна с представлением об «интеллигенции» (к которой относят людей в зависимости от уровня их образованности и служебного положения).

Раннее становление гуманитарных интересов объясняется и малыми способностями к техническим навыкам и точным наукам, и увлеченностью мамы ее работой. Мама, Маргарита Эммануиловна Голосовкер, — видный музейный деятель, экспозиционер; автор выставок исторической тематики, создатель сектора художественной иллюстрации в Институте мировой литературы Академии наук; под ее руководством был составлен альбом «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество» — своеобразная книга-музей, выпущенная в 1941 г. Несомненно и воздействие «энциклопедизма» отца, Отто Юльевича Шмидта, — широты интересов и многосторонности знаний, привязанности основателя и первого главного редактора «Большой советской энциклопедии» к собственно редакторско-энциклопедической работе, внимания к составлению справочного аппарата, историографическим и библиографическим элементам. До тринадцати лет я много болел, пристрастился к чтению литературы для взрослых — и не только произведений классиков художественной литературы, но и мемуаров, биографий и особенно энциклопедических справочников.

Сейчас все более осознаю раннее воздействие на мой образ мировосприятия «арбатства», особенно после семидесяти лет, когда приохотился к теме «Арбат в истории и культуре России» и стал постигать, почему классики нашей литературы, начиная с Тургенева и Л. Толстого, а после 1917 г. писатели — и советские, и эмигранты — поселяли своих героев близ Арбата и Приарбатья для типологического отображения происходящего не только в Москве, но и в России. Я еще застал явные следы того «дворянско-интеллигентско-литературного» Арбата, о котором в период моего младенчества любовно вспоминал в эмиграции Б.К. Зайцев, — Арбата и Приарбатья многих переулков и переулочков, небольших храмов, сквериков, старомодных одежд и привычек (особенно в тех квартирах, где бывшие владельцы сумели уплотниться себе подобными), а на самой улице с шумным и опасным движением трамваев, авто и извозчиков — множество книжных магазинов и ларьков и привлекательные витрины с антиквариатом и старинной мебелью.

И учился я в прежних гимназиях, где немало оставалось еще дореволюционных учителей, — в бывшей женской Хвостовской (описанной в произведениях А.Н. Рыбакова о «детях Арбата») и в бывшей Флёровской у Никитских ворот, тогда уже знаменитой 10-й (позже 110-й) школе имени Ф. Нансена, — там преобладали дети из староинтеллигентских семей и поощрялись, при требовательной строгости в оценке знаний, оригинальная методика обучения и некоторая самостоятельность учащихся. Удивительный по яркости дарования и способности очаровать душу юных учитель русской словесности Иван Иванович Зеленцов внушил мне представление о достоинствах лекционного курса обучения и о радости совместного творчества разновозрастных участников в литературном кружке. Роль школьного учителя показалась мне особенно значимой, когда сам с удовольствием отдался общим и специальным лекционным курсам и пятьдесят лет руководил научным студенческим кружком.

Полагаю, что восприятие мастерства и преданности своему делу школьных учителей, в частности, организации еженедельного оригинального урока «Газета», т.е. рассуждения о газетных новостях, директором школы И.К. Новиковым (а также и осмысления недостатков в школьном преподавании), предупредили во многом то, что уже в восьмом классе у меня возникло желание стать профессором. Думаю, что это объяснялось не мечтательной самонадеянностью, а тем, что собственно «профессорская» среда, хорошо знакомая с детства, воспринималась и как естественная сфера обихода; и там не принято было (что существенно в период юношеского морального максимализма) демонстрировать свое положение с вызывающей неприязнь спесью (что позже приходилось не раз наблюдать в иной уже обстановке).

Уверенный уже тогда (и, как показала дальнейшая моя жизнь, не без основания), что знания по не интересным для меня и нелегко дающимся предметам (по физике у меня в аттестате стояла тройка) мне никогда не пригодятся, я высвободил время от подготовки уроков на ознакомление (правда, беспорядочное) с художественной литературой, трудами историческими, по истории литературы и искусства, мемуарами и изданиями в плане биографики, с энциклопедическими справочниками (первые, самые элементарные познания во французском языке приобрел от самостоятельного чтения второй части «Пти-Лярусса», приобретенного мамой, когда она училась в Сорбонне). Так, с целодневным восприятием творческого трудолюбия самых близких мне людей и с возрастающей заинтересованностью избранными мною занятиями, закреплялось представление о трудолюбии не только как основе жизненного существования, но и о радости такого ощущения.

Зарождался и начальный опыт работы, так сказать, редакционно-издательской: был редактором стенгазеты, школьных альманахов. К юбилею И.И. Зеленцова инициировал подготовку машинописного сборника статей и воспоминаний о нем, «организовал» устные мемуары его знакомых. Укреплявшийся вкус к такого рода самостоятельности, как понимаю теперь, немало предупредил в тематике и методике моей будущей деятельности — и научной, и преподавательской, а также в формировании тяги к редакционно-организаторской работе, которой неизменно отдаю силы и по сей день.

Позволил себе столь подробно написать о периоде, предшествовавшем студенческим годам, когда собственно и началась биография ученого и педагога, так как убежден в том, что если — согласно представлениям современной психологии — основные способности, пристрастия и антипатии складываются еще в дошкольные годы и считается общепризнанным, что все мы «вышли из детства», то профессиональные склонности определяются уже в школьном возрасте. Что это именно так, подсказывает опыт ранней подготовки подмастерьев в «цеховых» ремеслах и в искусствах, организация специальных школ для одаренных музыкантов, танцовщиков и художников. То же обнаруживается и в сфере овладения научными знаниями и подготовки к профессиональным занятиям. Теперь, когда в последние годы возглавляю жюри Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век», соображения мои о раннем развитии научных (и даже специализированных) исторических интересов и о возможностях самостоятельного овладения некоторыми приемами исследовательской методики, все в большей степени подтверждаются (к счастью, и в отношении тех юных, у которых не имелось семейных культурных традиций).

Наконец, делаю это, руководствуясь убеждением, что всякое историческое явление в его развитии — стало быть, и собственный путь историка! — следует рассматривать в контексте и настоящего и последующего времени, т.е. выяснять, чем оно казалось (и как воспринималось) в тот момент и чем оказалось для будущего — таким образом выявляются и зарождение развивающегося явления, и его последствия и, тем самым, становится возможным определить особенности (и явления в целом, и хода его развития) и оценить его «историческое» значение.

С сентября 1939 г. — студент исторического факультета Московского университета. Даром судьбы оказалось то, что просеминарий в нашей группе вел Михаил Николаевич Тихомиров, ставший вскоре главным моим научным руководителем. Приемы комментирования текстов «Русской правды» (заимствованные им в какой-то мере от М.М. Богословского, т.е. основанные на впечатлениях его студенческих лет) легли затем в основу моих семинарских занятий в Историко-архивном институте. Понял, сам став преподавателем высшей школы, что это не только метод возбуждения самостоятельной мысли студентов, но и путь выявления способностей учеников и, соответственно, отбора тех, с кем хотелось бы продолжать дальнейшую работу уже исследовательской направленности. Осознал потом и существенно важное в методологическом и даже в общественно-политическом планах внушение мысли о том, что не следует ограничиваться однозначным подходом к историческим явлениям, тем более однозначными объяснениями и оценкой. Это уже начало восприниматься как убеждение при изучении всех исторических эпох, и тем более Новейшего времени (хотя публично об этом тогда не принято было говорить и обязаны были придерживаться «единственно верных» формулировок четырех классиков марксизма-ленинизма, особенно здравствующего четвертого классика).

26 декабря 1939 г. выступил на семинарских занятиях с докладом «Идеология самодержавия в произведениях Ивана Грозного». Этот никем, кроме меня, не замеченный факт считаю началом моей публичной биографии историка. Тему выбрал из предложенных Тихомировым и готовился по первоисточникам, сразу же приобрел

рета у букиниста устряловское издание сочинений Курбского, овладевая древнерусским языком и оставляя на полях первые маргиналии наукообразного стиля. Не помнится, чтобы Тихомиров консультировал и подсказывал литературу. Доклад получился самостоятельный и, главное, основанный на изучении (конечно, доступными мне тогда, относительно примитивными приемами) текста источника и комментариев к нему. Это внушило первую мучительную радость творческого осмысления исторического материала и показало всеопределяемую значимость источниковедческого подхода к теме.

С тех пор именно такой подход в основе дальнейшей моей самостоятельной научной работы, а затем и обучения студентов. А тематика истории России времени Ивана Грозного стала надолго главной темой исследований, к которой возвращаюсь иногда и поныне.

Поскольку, видимо, уже примеривался к «профессорской» деятельности, полезным для будущего оказался и стиль замечаний Тихомирова, его заключительных слов. Навсегда уроком остался его вопрос о фразе в тексте моего доклада о боярах, которые «руками и ногами» защищали свои богатства или привилегии: «Скажите, а как они это делали ногами?» И понял, что даже в темпераментно написанном тексте недопустима подобная неряшливость. И, что еще более важным оказалось для будущего педагога и руководителя научного подразделения, — острая ироническая реплика подчас куда действеннее, чем морализующее поучение.

Я заинтересованно, вовсе без желания высунуться, участвовал в обсуждении почти всех докладов на семинаре (и, как понимаю теперь, вероятно, немало мешал профессору, нарушая его план ведения занятий), ознакомился с литературой и источниками достаточно широкой тематики. Тогда уже утвердился и в круге проблем, которым позже и ограничился исследовательский интерес, — государственно-политическая история, история общественного сознания и специального научного знания, история культуры. Обнаружился (быть может, еще явно не осознаваемый) особый интерес к изучению «исторической» личности в контексте исторических обстоятельств ее времени (как масштабных, так и частного свойства). Это проявилось в выборе тем докладов на втором курсе — о «Государе» Макиавелли и об Алкивиаде.

Рано понял и то, что занятие источниковедением не только особо привлекательная форма научного мышления, но и относительно нейтральная в идеологическом контексте, так как собственно «ремесленные» навыки (определение места и времени создания, авторства, текстологических особенностей, редакций источника) ценятся как полезное наследие специальных знаний.

В 1941 г. вошел как представитель студентов 2-го курса в оргбюро по созданию на историческом факультете Научного студенческого общества; проект выработанный нами устав был напечатан в многотиражке «Московский университет» в мае 1941 г., а в апреле в книжечке тезисов докладов на Третьей научной конференции МГУ появилась страница моих тезисов «Алкивиад» (по докладу в семинаре К.К. Зельина). Упоминанием об этом теперь начинаются изданные списки моих печатных трудов.

В ноябре 1941 – июле 1943 г. был студентом историко-филологического факультета Среднеазиатского университета в Ташкенте. Там учился достаточно ин-

тенсивно (даже стал сталинским стипендиатом), и оказалось возможным получить, по существу, историко-филологическое образование. В Ташкент эвакуировали не только мамин, но и другие академические гуманитарные институты Москвы и Ленинграда. Я слушал лекции виднейших ученых и бывал на научных заседаниях, где выступал и старик Р.Ю. Виппер, и пожилые уже ученики историков В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова, литературоведа А.Н. Веселовского; особенно полезным было участие в методологическом семинаре по литературоведению Н.К. Пиксанова. С М.Н. Тихомировым переписывался, и во время встречи в поезде (когда эшелон МГУ направлялся из Ашхабада в Свердловск) получил благословение на занятия избранной мной темой — об А.Ф. Адашеве (этому выдающемуся современнику царя Ивана IV тогда не было еще посвящено специальных работ). Такой интерес к жизни и оценке деятельности влиятельнейшего реформатора, лишённого власти, а затем посмертно оболганного самим властителем, объяснялся и аллюзиями на события времени сталинского тоталитаризма. Дипломную работу писал уже в Москве.

В 1944–1948 гг. — аспирант М.Н. Тихомирова по кафедре истории СССР истфака МГУ. В июне 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию «Правительственная деятельность А.Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия» (первая часть работы о биографии Адашева и его участия в делах внутренней политики). Выбрав аспирантуру не в Академии наук (куда тоже приглашал Тихомиров) и готовясь прежде всего к преподавательской деятельности, полагал важным иметь опыт работы с архивными документами и специальной литературой не только по истории XVI в., — первоначально темой диссертации были государственные реформы П.И. Шувалова. Сделал уже немало заготовок, пользовался и консультациями Н.Л. Рубинштейна и Г.А. Новицкого, но по состоянию здоровья лишен был возможности длительного сидения в ленинградских архивах, необходимого для завершения знакомства с источниками. И потому, во многом опираясь на ранее сделанное, спешно написал диссертацию, близкую к теме дипломной работы, используя заготовки, не могущие вместиться в дипломное сочинение обычного объема, и убеждаясь при этом, как расширяется понимание явлений в контексте с другими, даже иных столетий. К истории политики России середины XVIII в., к обоснованию мысли о политике просвещенного абсолютизма еще при Елизавете Петровне, до восшествия на престол Екатерины II, возвращался, однако, затем не раз в статьях и докладах (и в России и за рубежом).

Своими впечатлениями об университетских годах делился уже не раз: в статьях о Тихомирове и его учениках, и о Рубинштейне, и моем сверстнике А.П. Каждане. Все больше убеждаюсь в том, как много мне дало общение в те годы с профессорами С.В. Бахрушиным, Е.А. Косминским, С.Д. Сказкиным, с моими товарищами студенческих и аспирантских лет, особенно с однокурсниками Б.С. Поповым, А.П. Кажданом, А.И. Першицем, Н.И. Разумовской, Е.В. Чистяковой, а также с В.В. Дорошенко, А.А. Зиминым, А.П. Пронштейном.

В 1945–1951 гг. был внештатным преподавателем-консультантом Заочной высшей партийной школы: выезды с лекциями и консультациями в другие города, семинары с московскими группами, отзывы на контрольные работы; причем все это за весь период отечественной истории, — как тогда выражались, от палеолита до

Главлита. Это давало и опыт преподавания (и прежде всего, опыт общения с учащимися), и существенно расширяло исторический кругозор: и в рамках хронологии, и по далекой от моих индивидуальных исследовательских пристрастий проблематике социально-экономической истории и об источниках ее изучения. После первой — и удачной — командировки в Литву возгордился успехом, а особенно тем, что ко мне обращались «профессор» (что понятно для местности распространения латинского языка, где этим словом обозначают преподавателя). Видимо, следовало сразу же сбить с меня спесь, и через несколько дней после возвращения дома раздался телефонный звонок: нарочито деланным голосом попросили к телефону «профессора Шмидта». На удивленный мамин вопрос: «Кто его просит?» — ответом было: «Академик Шмидт» (родители жили врозь, но до конца жизни поддерживали самые близкие отношения). Это был полезнейший урок — слово «профессор» применительно к самому себе я стал употреблять лишь через 25 лет, когда в 1970 г. мне присвоили это звание.

К аспирантским годам относятся первые пробы пера в широкой прессе: хроникальные обзоры научных конференций и популярная газетная статья «Основатель Москвы — Юрий Долгорукий» (1947), первые попытки написания материалов для энциклопедических словарей — сначала мелкие статейки для трехтомного словаря, а затем и статьи для 2-го издания «Большой советской энциклопедии».

В аспирантские годы главной формой моей общественной работы (а также деятельности в обществе «Знание») были лекции (конечно, устные) и беседы на исторические темы. Это были встречи с аудиторией разного возраста, разной степени образованности — в вузах, художественных училищах, научных институтах, на заводах, на профсобраниях служащих и работников сферы бытового обслуживания. Часто подобные выступления сопровождались ответами на вопросы. И оказалось, что в дальнейшем это существенно помогло в преподавательской работе, в выступлениях за рубежом и в особенности в выступлениях перед телекамерой: в 1960–1970-е гг. на учебном телеканале были циклы передач «Беседы об истории», обычно из Исторического музея, по отечественной истории до XIX в. (они повторялись в течение нескольких лет). И по сей день в моей жизненной практике беседы на разные темы — и по истории, и по истории литературы, и по проблемам современной культуры и общественной жизни (краткие интервью во время научных форумов, конкурсов школьных работ, вернисажей выставок и т.д. и т.п.).

Существенной вехой в моей жизни стал февраль 1949 г., когда я начал работать в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), с которым не расстаюсь и после перехода на основную работу в Академию наук (зимой 1956/57 гг.) и без которого не мыслю своего существования.

Здесь, связанный работой преимущественно со студентами дневного отделения, по-настоящему обрел и совершенствовал навыки лектора и руководителя семинаров, научных работ студентов (первым дипломником был В.И. Буганов, впоследствии член-корреспондент РАН) и диссертантов. Лекционный курс отечественной истории до XIX в. я очень скоро стал предварять чтением вводных лекций для первокурсников — о первичных основах и о ходе истории, об источниковедении и специальных исторических дисциплинах, об историографии (позднее такого типа лекции, получив название «Введение в специальность», внедрены были в

практику многих вузов). Изначально ограничивал число моих дипломников, ориентируясь прежде всего на тех, в ком видел потенциальных исследователей. Они, как и настроенные на дальнейшую самостоятельную научную работу ученики некоторых других преподавателей кафедр вспомогательных исторических дисциплин (где застал заведующим еще А.И. Андреева) и истории СССР, составили костяк начавшего работу зимой 1949/50 учебного года студенческого научного кружка источниковедения — официальной датой его основания признается 12 апреля 1950 г., когда заседание еще очень маленького по составу кружка (с участием преподавателя И.А. Мироновой) сфотографировали для фотовыставки к 20-летию МГИАИ.

Прежде всего, именно в кружке формировалась та научная школа, созданием и работой которой более всего дорожу в своей деятельности. И особенно горжусь тем, что в одной из статей обо мне (в одноименном «Всемирном биографическом энциклопедическом словаре») написано: «Создал науч.-пед. школу в источниковедении».

Кружок, называвшийся «студенческим», сразу же имел среди участников и аспирантов, а затем в его работе продолжали участвовать и «старики», т.е. окончившие уже МГИАИ, и даже «остепененные». Докладчиками нередко выступали и «гости» — в их числе видные ученые (и не только московские). При том, что все заседания завершались заключительным словом Шмидта, руководителями работ молодых участников были и другие преподаватели. Кружок отличался широтой тематики: обсуждались проблемы общественно-политической истории и истории культуры в хронологическом диапазоне от Древней Руси до наших дней, и особенно проблемы источниковедения, историографии, краеведения и такого нового направления, как «источниковедение историографии». Издали несколько книг научных трудов кружковцев; многим из них открыли дорогу к публикациям в академических изданиях. На руководителя пала и печальная обязанность посмертного издания книг ушедших от нас кружковцев — Е.С. Сизова, А.А. Амосова, А.Д. Зайцева. В атмосфере кружковых заседаний, экскурсий, домашних встреч как бы стиралась разница в возрасте, и у некоторых надолго закреплялись дружеские отношения (у старших кружковцев центром сближения стал С.М. Каштанов, теперь член-корреспондент РАН; он и поныне выступает и как «историограф» и поэт-пародист нашего кружка). Юбилеи кружка становились событиями в жизни и руководителя и кружковцев нескольких уже поколений. Кружок собирался 50 лет, и теперь, в пожилые годы, самые мне близкие люди — все из кружковцев.

Творческое общение с участниками кружка (среди которых ныне немало докторов наук и несколько десятков кандидатов), не в меньшей мере, чем с коллегами-сверстниками (К.Н. Тарновским, В.В. Дорошенко, Б.Г. Литваком и др.), обусловило активность моего участия в журнальных и устных дискуссиях по вопросам источниковедения, историографии и особенно преподавания их, а затем и по археологии.

Опыт кружковых заседаний с разнообразием и широтой их тематики и с системой быстрого реагирования при обсуждении и оценке тех или иных вопросов явно пригодился при работе (особенно организационной и редакторской) в Академии наук — и тогда, когда стал заместителем главного редактора журнала «История СССР» (в 1957–1960 гг.), а позднее руководителем группы теоретического источниковедения Института истории (в 1963–1968 гг.), и тогда, когда стал предсе-

дателем Археографической комиссии Академии наук (в 1968 г.), ответственным редактором «Археографического ежегодника» и других ее изданий; руководителем организуемых ею научных конференций. На этих собраниях кружка выработалась (а потом и совершенствовалась) своеобразная манера ведения заседаний, которую отмечают, когда председательствую на различных форумах у нас и за рубежом.

Очевидно, это в некоторой степени отражало (и в то же время предопределяло) и мою манеру исследовательской работы, с ее явным предпочтением «малых форм» (статьи — иногда, впрочем, и типа микромонографий; доклады; дискуссионные выступления) и быстрым реагированием на волнующую научную общественность проблематику или методические установки. Ведь и написанные (преимущественно на основе защищенной в январе 1965 г. докторской диссертации «Исследования по социально-политической истории России XVI века») книги «Становление русского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного» (1973; с тремя разделами: «Начало Московского царства» — преимущественно о восстании 1547 г. в Москве, «Становление земских соборов», «Местничество и абсолютизм») и «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (1984), называемые за солидность объема и тематики монографиями, на самом деле объединяли в одном переплете несколько микромонографий (конечно, с авторским объяснением допустимости подобного объединения). Более или менее приближаются к типу монографий лишь сравнительно небольшие книги, задуманные отчасти и как учебные пособия: «Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.» (1985), «Краеведение и документальные памятники» (1992) и «Василий Андреевич Жуковский — великий русский педагог» (2000).

Преобладание «малых форм» объясняется и тем, что подавляющее число моих научных трудов не инициировано самим автором, а обусловлено скорее внешними обстоятельствами — необходимостью скорого отклика на предложение принять участие в научной конференции, дискуссии, издании, посвященном юбилейной дате, в сборнике в честь или в память ученых. Зачастую первые подходы в виде сравнительно кратких этюдов (обычно с предпочтением эссеистского стиля) стимулировали дальнейшую, более углубленную работу по той же проблематике и появление новых (иногда даже более объемных) трудов.

Круг моей каждодневной работы — и как исследователя, и как пропагандиста гуманитарных знаний — многообразной проблематики. И лишь в период непосредственной подготовки какой-либо статьи, текста или тезисов доклада сосредотачиваюсь — притом всегда на сравнительно недолгое время — только на одной теме (или срочном редактировании). Как правило, возвращаюсь — и не раз! — к прежней (или соприкасающейся с ней) тематике уже на новом витке знаний, в контексте новых обстоятельств.

Правда, можно проследить и то, какие проблемы становились «фаворитами» в те или иные годы: сперва «Россия Ивана Грозного и источники ее изучения», далее «источниковедение историографии», а затем и специально история архивного дела, позднее — краеведение. Проблематика теории и методики источниковедения — особенно определение понятия «исторический источник» и принципы классификации исторических источников, обоснование значения природных явлений как

источника исторических знаний — была едва ли не самой главной в период подготовки инициированных мною сборников «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». Периодически усиливался интерес к изучению восприятия трудов историков широкой «публикой» (статьи «История государства Российского» Н.М. Карамзина в культуре дореволюционной России», «В.О. Ключевский и культура России», «Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры» и др.). Появились циклы работ об «Арбате» в истории и культуре России, о культуре российской провинции, о краеведении как научном знании и как форме общественного самопознания, об общественном самосознании российского дворянства... В то же время не угасал в определенной мере преобладающий интерес к отдельным творцам культуры — к Карамзину, Жуковскому, к историкам Тихомирову и Платонову, с конца прошлого века неизменно к Пушкину и пушкинознанию. Старался обеспечить и возможность издания творческого наследия моего дяди — философа и писателя Якова Эммануиловича Голосовкера.

Все более или менее заметное в моей биографии детально зафиксировано в разделе «Основные даты жизни и творчества», предваряющем «Список печатных трудов С.О. Шмидта», подготовленный А.В. Мельниковым и опубликованный в книге «Сигурд Оттович Шмидт: Биобиблиографический указатель» (М., 2000; серия «Ученые РГГУ»), — там и о служебных назначениях (включая данные о членстве в ученых советах и редколлегиях), и об участии в научных конференциях в России и за рубежом, и о научных командировках, и о награждениях. А в списке печатных трудов объединяются данные обо всем напечатанном за год (от книг до газетных интервью и заметок), приводятся сведения об устных выступлениях (отсутствуют, правда, сведения о выступлениях по телевидению и радио), о выступлениях в качестве официального оппонента диссертаций, а также даются перечни написанных под моим руководством и диссертаций и дипломов. Указатели облегчают ориентирование в этом большом списке, так как отдельно указаны данные о «книгах и брошюрах», «статьях, тезисах, выступлениях в изданиях книжного типа», «рецензиях», «документальных публикациях», «статьях в энциклопедиях и справочниках», «редактировании», «выступлениях в периодике, интервью». Имеется и раздел «Литература о жизни и трудах С.О. Шмидта» с подразделами «Справочные издания» и «Статьи в периодике и изданиях книжного типа». Расписаны там и статьи сборника 1994 г. «Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта» и сборника 2000 г. «Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту», в котором участвовали не только считавшие себя моими учениками, но и коллеги из разных городов России и ближнего и дальнего зарубежья. Старейший из авторов — академик Д.С. Лихачев — родился на 71 год раньше, чем самый младший — студент Андрей Мельников, ставший затем сотрудником Археографической комиссии и главным верным помощником моим в работе последних лет.

В 2000–2003 гг. степень интенсивности работы, пожалуй, не уменьшилась; отличается ее по-прежнему и многотемность. Это видно и по списку печатных трудов за 1997–2002 гг., приведенному в «Археографическом ежегоднике за 2002 год». В 2003 г. среди напечатанных статей есть и большого объема — ««Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания»;

«Замыслы пожилого москвича-москвоведца и пути их реализации: “Большая Московская энциклопедия”, “Арбат — визитная карточка истории и культуры Москвы”, «Самый талантливый с нашего курса» (в сб. «Мир Александра Каждана»). Выступал с пленарными докладами на международных научных конференциях: «Краеведение в России (1890–1990). Зарождение, кризис, возрождение» (в Париже), «Региональная история России XVI и XVII вв. в российской историографии» (в Вене), «Региональные энциклопедии в России на рубеже столетий» (в Санкт-Петербурге), «Русская эмиграция и ее влияние на отечественную историческую мысль» (в Москве) и др. По-прежнему координирую работы в области краеведения и москвоведения (председатель Союза краеведов России, руководитель учебно-научного Центра исторического краеведения и москвоведения в РГУ, главный редактор «Московской энциклопедии»). В Археографической комиссии РАН, став с апреля 2002 г. ее почетным председателем, остаюсь ответственным редактором ее изданий («Археографического ежегодника», «Каталога личных архивных фондов отечественных историков», сочинений академиком С.Ф. Платонова и М.М. Богословского) и организатором и руководителем научных конференций. Как академик Российской академии образования принимаю участие в работе ее Отделения образования и культуры и пишу статьи для ее изданий. Продолжаю — естественно, с меньшей регулярностью — участвовать и в деятельности тех редколлегий, ученых и научных советов, членом которых остаюсь и поныне. Продолжаю и педагогическую работу (теперь уже на организованной по моему почину кафедре региональной истории и краеведения, возглавляемой В.Ф. Козловым). И до сих пор знакомство первокурсников с ИАИ, по ставшей уже давней традиции, начинается с моих вводных лекций. Сохраняются потребность и способность учиться; но теперь уже не у старших (ранее для меня было очень значимо близкое общение с ленинградцами С.Н. Валком и Д.С. Лихачевым) и даже не у сверстников, а у младших.

В 2002 г. издали четвертую книгу моих избранных трудов «Общественное самосознание российского благородного сословия (XVIII – первая треть XIX в.)» — первые три книги избранных трудов, подобранных по проблемно-тематическому признаку («Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии», «Археография. Архивоведение. Памятниковедение», «Россия Ивана Грозного»), изданы были в 1997–1999 гг. Выходят из печати книги под моей редакцией и с моими предисловиями, статьи в научных и других изданиях, газетные интервью. Пришла корректура книги «История Москвы и проблемы москвоведения». В издании, объединяющем сто работ, пять разделов: «Прошлое Москвы» (с XII по XX в.); «Москвоведение и очаги его развития» (только о XIX–XX вв.); «Ревнителю истории и культуры» (с преобладанием материалов об историках); «Представления изданий (предисловия и послесловия)» и «Журналистские публикации бесед-интервью». Одна из главных тем исследовательской работы сегодняшнего дня — «Пушкин в среде дипломатов».

Отметил уже, что появление большинства моих печатных трудов обусловлено как бы подталкивающими извне обстоятельствами. Возможно, что необходимость составления этой «Автобиографии», побудившей к размышлениям о месте того или иного момента ее в контексте всех прожитых мною лет, приведет к попытке написания и более объемного сочинения об особенностях пути историка.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ К 100-ЛЕТИЮ ОТТО ЮЛЬЕВИЧА ШМИДТА

Вероятно, знаменательно, что заседание памяти О.Ю. Шмидта происходит именно в Доме ученых. Он — один из основателей Дома, и мы, получая наши книжки членов, много лет видели щит, где был его портрет двадцатых годов. Он многократно выступал здесь с лекциями об Арктике и другими лекциями, он выступал здесь, о чем говорил хорошо Николай Николаевич [Митрофанов], с той удивительной лекцией осенью 43-го г. о взаимосвязи наук для молодежи, где были солдаты, студенты, школьники. Он тогда впервые, освобожденный от вице-президентской должности, сформулировал там ясно и четко положение о стыках наук и о важности овладения культурой знаний, в какой бы области знаний человек ни работал. Здесь происходили до недавнего времени все заседания Академии наук и общие собрания. Иногда он был председателем, ибо в те времена первый вице-президент — была такая должность — вел прения, вместо мало способного к ведению таких собраний президента, который только открывал торжественные собрания (тогда это был Комаров). О.Ю. Шмидт вел заседания. В книге Маркеловой об Академии в первый год войны описано, как сидят академики 23 июня в президиуме, остается незанятым председательское место, и вот входит стремительной своей походкой О.Ю. Шмидт, «известный, как теперь Гагарин» и так далее, садится и говорит, что делать Академии наук. Здесь были и общие собрания. Есть фотографии, где он и многие академики с женами, жены не спят, академики дремлют. Это такой полупустой зал...

Здесь Вышинский произнес одну из своих обвинительных речей, направленную против Отто Юльевича (они жили в одном подъезде, но это не мешало Вышинскому делать свое дело), в которой говорил, что благодаря изобретательности О.Ю. Шмидта Академия наук медленнее всех разоблачает врагов народа. Это был 39 или 40-й год. Ему стало плохо, и его отвезли в больницу, что, может быть, его и спасло. Это было именно здесь. Так что Дом ученых это не случайное место в биографии О.Ю. Шмидта, в нашей культуре. Мы все — сыновья, внуки и правнуки — очень благодарны организаторам этого заседания и всем, кто сделал для увековечения памяти О.Ю. Шмидта столь многое.

Мы благодарны за то, что руководители Академии наук сочли возможным не только присутствовать здесь, но и сказать свое теплое, умное и в то же время вернувшее их в молодость слово. Что проведена была международная конференция в Институте физики Земли имени О.Ю. Шмидта, руководимая проф. Витязевым, о современных проблемах изучения развития Солнечной системы, планет и космогонии. Что Борис Сергеевич Соколов оказался одним из редакторов, наряду с академиком Прохоровым, той энциклопедии, о которой нам сообщил Виктор Панов — директор издательства «Советская энциклопедия», — «О.Ю. Шмидт — энциклопедист». Что М.А. Садовский согласился, снова, как и десять лет назад, вести наше собрание, где он тогда сделал не только яркий доклад, но и поделился

многими очень интересными воспоминаниями. Что уже новое поколение людей — Владимир Николаевич Страхов не мог по молодости общаться лично с О.Ю. Шмидтом — сейчас по-новому и совершенно по-современному видят облик ученого и облик организатора науки. Мы надеемся, что будет дополнено и то, что подписано нашим президентом, — будет издан 4-й том трудов О.Ю. Шмидта. Именно хорошо, что он не был издан, ибо очень многое нельзя было издать. Там упоминаются имена лиц, которые 10 лет назад не упоминались, там были левацкие загибы, за которые его снимали с Наркомпроса и которые теперь оказываются более новаторскими, чем принято [было думать тогда].

Надеюсь, что подготовится сейчас книга, по типу книг об академиках, где будут воспоминания... Я думаю, что очень многое не было бы сделано, если бы не оставались верные памяти О.Ю. Шмидта и дружбе с ним друзья, и, прежде всего, Софья Владиславовна Козловская, которая была научным референтом О.Ю. Шмидта и которая в эти дни буквально не жалела сил. Понимаете, хоть она и выглядит очень молодо, но она успела быть референтом человека, скончавшегося тридцать пять лет назад.

«Советская энциклопедия» в данном случае пошла шмидтовским путем: это новаторское издание, которое Галина Викторовна Якушева осуществила, — первая попытка индивидуальной энциклопедии — попытка энциклопедии энциклопедиста. Это первая книга по истории собственно культуры и просвещения тех, для нас не очень знаемых, десятилетий. Нас очень порадовало сейчас сообщение Алексея Ивановича [Кострикина] — наследника Отто Юльевича по кафедре — о Шмидтовских чтениях в Москве, но такие чтения проходят не только здесь. Тут исполняются слова Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что у нас единое пространство культуры. Очень много сделано в Киеве — профессор Боголюбов издает лекции О.Ю. Шмидта по естествознанию и напечатал первую лекцию. Именно киевский ученый Олеся Васильевна Матвеева написала книгу об О.Ю. Шмидте, которая принята к печати в нашей серии «Люди науки» в Академии наук.

Дальневосточный доцент из Благовещенска Никитченко (к сожалению, погибший в автокатастрофе), совершенно не знавший О.Ю. Шмидта, написал на редкость приятную книгу об О.Ю. Шмидте для издательства «Просвещение». Естественно, что тут находятся полярники, сподвижники Отто Юльевича. М.И. Шевелев (находящийся сейчас с инфарктом в больнице) — его ближайший помощник и сподвижник — не пожалел сил, чтобы написать новый доклад об О.Ю. Шмидте и волновался, будет ли он прочитан, — и спасибо Зиновию Михайловичу Каневскому за этот доклад и дополнения.

Здесь мы видим тех, кто начинает и кончает традиционные встречи челюскинцев 13 февраля, — а они до сих пор собираются в ресторане «Прага» в день гибели «Челюскина», собираются уже дети и внуки, и это очень трогательно: Александр Ервандович Погосов и Виктор Евсеевич Гуревич, которого сейчас можно увидеть не только в этом зале, потому что по телевидению идет программа «Под знаком пи», где часть программы посвящена О.Ю. Шмидту и где как раз рассказывает о полярных делах Виктор Евсеевич. Если бы не было такого внимания, то, вероятно, молодые поколения просто всего этого не испытали бы, в то время как все это и очень любопытно, и важно знать.

Мы также благодарны за то, что это становится традицией и в Могилеве-Белорусском, где родился О.Ю. Шмидт. Там уже есть музей О.Ю. Шмидта общественный, там же организуется государственный музей. Там проводились вечера, специальные встречи, конференции на заводе, с учащимися, посвященные О.Ю. Шмидту. Туда пожертвовал при жизни все свои произведения, посвященные полярной тематике, народный художник СССР Федор Павлович Решетников — и шаржи, и картины, и скульптуры. И там два дня будет нечто шмидтовское, куда поедут также и родственники. Конечно, откликнулись газеты, и Савва Морозов сейчас выступил в «Известиях». Это вызывает самую сердечную благодарность и признательность.

И мне уже как историку хочется сказать, что О.Ю. Шмидт, оказалось, и тут в какой-то мере сыграл знаменательную роль. Мы ведь с вами присутствуем сейчас во времени, которое зачастую называется тоже «смутным временем», когда принято темной краской мазать все то, что было когда-то одноцветно светлым, когда люди, равнодушные к культуре, к другим и даже к собственной чести, быстро меняют те взгляды, которые они высказывали, меняют свои слова и, зачастую, хотя бы отрешить нас от наследия. Мы гораздо больше узнали — мы узнали бездну мук и бездну того страшного, что было у нас в эти годы. Еще больше мы убеждаемся в том, как трудно было жить в те годы настоящим людям. И как важно для наших современников, чтобы они знали, что традиции нашей отечественной интеллигенции оставались традициями постоянными, традицией душевного подвига, традицией трудолюбия. И вот, если сейчас возвращается О.Ю. Шмидт — одно из имен, с которыми символически связывается развитие нашей страны на протяжении десятилетий, — это тоже знак, я бы сказал, оздоровления нашего микроклимата. Потому что без традиции, без связи времен, без совместного действия поколений мы существовать не можем. И то, что происходит сегодня здесь, как-то немножко помогло и этому.

Еще раз позвольте от всех нас сердечно поблагодарить и председательствующего, и всех за то, что мы собрались здесь и с ненадуманной теплотой. Сейчас это труднее всего, больше всего ценишь сердечную доброту в наши дни, и она на этом собрании очень чувствуется.

ПАМЯТЬ О НИКОЛАЕ ОСТРОВСКОМ

Я, можно сказать, примкнувший к славе и чести Н.А. Островского, но действительно очень рад, что меня пригласили выступить в начале этой многообещающей конференции. Во-первых, потому что принадлежу к тому поколению, которое воспитывалось на романе «Как закалялась сталь». Это мы первые читали «Как закалялась сталь», и, может быть, даже наше впечатление более значительно, потому что

Впервые опубликовано: Материалы Международной научно-практической конференции «Н.А. Островский — вчера, сегодня, завтра» (Москва, 27–29 апреля 2004 г.). М., 2006. С. 124–128 (под назв. «Николай Островский и мое поколение»).

я вырос в интеллигентской среде, воспитан был на русской классической литературе, учился в знаменитой тогда школе имени Нансена у Никитских ворот, где училось много известных — и до того, и впоследствии — ученых, артистов. В память именно наших выпускников поставлен у нынешнего здания школы памятник «Реквием — 1941». Ученики были из домов профессуры и дома высшего командования Красной армии. И родители многих учеников стали жертвами репрессий в 1936–1938 гг.

Наше поколение, воспитанное совершенно замечательным гениальным учителем словесности Иваном Ивановичем Зеленцовым, восприняло Островского как продолжение классических традиций интеллигенции, на которых мы воспитывались, к которым нас старались в какой-то мере приучить. Нас поразило, конечно, не литературное мастерство, а та редкостная искренность, такая редкостная вера в то, что пишешь. Такая честность в то время, касающаяся не только светлого в деятельности создателей советской власти, но и кровавой Гражданской войны, и сама по себе героическая биография писателя, конечно, нас необычайно подкупала. Я думаю, что для нас имело значение и то, что мы понимаем только сейчас: Н.А. Островский фактически пришел в литературу (не в школьную программу, тогда школьная ограничивалась М. Горьким и В. Маяковским) хронологически в период жестоких несправедливых репрессий, и вот такая книга, такая вера, она поддерживала всех, имела очень большое значение для сохранения морального духа поколения, которое с именем Островского, с духом Островского шло на войну.

Именно это поколение было воспитано Островским. Замечательную книгу Виктора Кина «По ту сторону» уже упрятали в спецхран, Гайдара мы уже переросли, это литература уже следующего за нами поколения. И поэтому по возрасту символом романтики революции — прямо вслед за горьковскими «Песня о Соколе», «Буревестник» — в наше время являлся Николай Островский.

Это было необычайно важно. Сейчас, по прошествии времени, понимаю, что Николай Островский в то время необычайно много сделал для формирования представления за рубежом не только об идеалах нового, строящегося тогда социалистического государства, но и в формировании представлений о традиционности российской ментальности, где есть жертвенность, где главное — нравственность, что особенно подчеркивал И.С. Тургенев. Тургенев, живший в Париже, первым из великих русских писателей был признан за рубежом. Если вы посмотрите словарь «Petit Larousse» 1908 г., там только три портрета россиян, кроме царей: А.В. Суворов, Антон Рубинштейн, который был всемирно известным пианистом, и И.С. Тургенев. Это было время, когда до признания Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого величайшими писателями за границей еще не дошли.

Когда в 1936 г. приехал в СССР Андре Жид, он мечтал встретиться с Н.А. Островским. А. Жид был один из самых популярных французских писателей, будущий Нобелевский лауреат, мы его знаем в том числе и как автора большой работы о Ф.М. Достоевском, который был для него символом интеллигентности, вообще раскрывал русскую душу. Я его видел в Парке культуры в 1936 г. в день выступления участников антифашистского конгресса, был там и А. Толстой, и другие. Андре Жид ел наше эскимо с таким интересом, потому что за границей тогда эскимо не бывало, это наше изобретение. Он был одним из самых прозорливых иностран-

цев, который оказался в России в середине 30-х гг. и почувствовал все, что уже творится и чем грозит тоталитарный режим.

И он же нашел абсолютно искренние слова человеческого преклонения перед духом Николая Островского, назвав его святым. Нечто похожее сказал об Островском и Ромен Роллан. Я думаю, частично объяснением такой оценки служит то, что они видели в Островском продолжение высоко нравственной русской литературы. Потом книга А. Жида об СССР была объявлена у нас клеветой, а его прощание с писателем считали поцелуем Иуды. Сейчас мы понимаем, что А. Жид сумел по достоинству оценить и положение в стране, и глубину личности, и человеческий подвиг Н.А. Островского.

Я хочу подарить вам книгу, вероятно, ее нет в музее. Это сборник студенческих работ МГИАИ 1980 г. к 30-летию студенческого кружка по источниковедению. В нем опубликована работа ныне известного архивиста и литературоведа Сергея Шумихина. Он нашел письма той самой революционно настроенной писательницы Валентины Иовны Дмитриевой, которая так помогала Островскому в Сочи. Письма ее соратникам по народническим убеждениям в Музей Кропоткина в Москве носят личный характер, это письма для близких людей, это письма с воспоминаниями о том, кем они были и за что их осуждали в дореволюционные годы, и о современности. В этих письмах В.И. Дмитриева восхищается личностью, идейностью, цельностью, добротой и талантом Н.А. Островского. В этой публикации много цитат. Я передаю вам этот сборник.

Мне кажется, что сегодняшнее заседание, наша конференция имеет большое значение и для нас, и для заграницы. Я из-за болезни ноги какое-то время не ездил за рубеж, где ранее бывал почти ежегодно, раз или два был представителем СССР в одном из комитетов ЮНЕСКО, а с конца 1990-х гг. стал ездить как член Государственного Пушкинского комитета и поразился изменениям, которые произошли в мире, так сказать, интересу к России. Раньше была настороженность к огромной державе, строящей нечто пугающее, социалистическое, да еще имеющей мощный военно-промышленный комплекс. Но об этом уже в 2001 г. не говорили, но говорили о культуре, причем не только о великой культуре, но и о культуре малых форм. Главный парижский университет Сорбонна устраивает на свои деньги по своей инициативе международную конференцию, посвященную 100-летию российского краеведения. Я и мои коллеги были приглашены участвовать в ней, т.е. существует интерес именно к ментальности России, понятие о том, что российская культура и в ее вершинах, и в повседневных реалиях является богатейшим вкладом в мировую культуру.

Не случайно сейчас, когда отмечается юбилей восстания декабристов, самое дорогое в декабристах это то, что просвещенные, богатые, с прекрасно складывающейся карьерой аристократы были такими совестливыми людьми, что готовы были пожертвовать многим для общества. Или, если хотите, Наташа Ростова в Москве накануне пожара, это по возрасту то же самое поколение, что и Корчагин. Н.А. Островский в советской литературе — продолжатель вот такой культурной традиции. За рубежом понимание этого гораздо менее идеологизировано, чем у нас, не связывается с классовым принципом, а с каким-то душевным принципом, выделяющим из других россиян. Поэтому мне это как-то патриотически приятно.

И очень важно другое, о чем сегодня с грустью говорили. Профессор Ремизов сказал, как чернят нашу Родину. Как недооценивают вклад нашей страны в историю Второй мировой войны, а это — главный вклад в победу над фашизмом. К сожалению, в этом виноваты в значительной мере мы сами. Они ссылаются на литературу конца 80-х, 90-х гг. Мне стыдно как члену Академии образования, я просто не знал, что Н.А. Островский выведен из школьной программы, ведь он воспитывает душу, воспитывает вовсе не утопические идеи, а уважение к смелости, мужество и патриотизм, веру в идеалы, хотя Н.А. Островский, как мы все понимаем, был утопистом в своих воззрениях.

Если бы он еще прожил один год, то узнал бы, что тот самый Григорий Иванович Петровский, портрет которого висел у него в кабинете над кроватью, который вручал ему орден Ленина, был выведен из Политбюро, у него арестовали обоих сыновей, а самого старого большевика с трудом устроили заместителем директора Музея революции. И это, вероятно, была бы трагедия и для самого Н.А. Островского.

Не все действовали тогда из-за карьерных соображений, были люди, которые готовы отдать собственную жизнь во имя достижения идеала и счастья других. Таким был и Н.А. Островский, может, потому В.И. Дмитриева с таким интересом отнеслась к нему. Она, автор очень известных в конце XIX в. произведений, героями которых были революционеры, люди бескорыстные, жертвовавшие собой, описывала беды крестьянской жизни. Она была убеждена в том, что нельзя создавать представление об истории и жизни россиян только по приспособленцам и беспринципным людям. Убежденность, бескорыстное служение обществу, духовная сила свойственны русскому характеру. Именно эта Россия и выиграла Великую Отечественную войну, именно эта Россия сумела сохранить дух, несмотря на зловещий тоталитаризм и публичное пренебрежение к личности. И фигура Н.А. Островского получает в этом отношении общественный характер.

Очень важно, что музей сохраняет образ писателя, который облегчает жизнь и вызывает уважение, и это обеспечивает и будущее музея. Павел Корчагин — это символ человеческого достоинства, до которого подавляющему большинству из нас не дотянуться. И ведь не случайно есть улица Павла Корчагина, на которой живет, кстати, мой брат здесь в Москве, и Н.А. Островский как совершенный идеалист назван Дон Кихотом своего времени.

Не хочу задерживать ваше внимание. Но хочется как москвичу, как редактору «Московской энциклопедии», которому важно то, что делается в Москве, поблагодарить музей за то, что у нас сохраняется центр высокой музейной культуры. Здесь мы видим и выставку о З.А. Волконской, в салоне которой, кстати, провожали едущую в Сибирь к мужу-декабристу Марию Волконскую. Здесь же замечательный музей такого светлого человека, как Н.А. Островский, и экспозиция о достижениях тех, кто имеет ограниченные возможности здоровья и, по примеру Н.А. Островского, верит в жизнь и до конца мужественно борется за свое место в жизни. Хочу пожелать музею еще большего общения с самым широким кругом посетителей.

Представления изданий
(предисловия, послесловия)

СУДНЫЕ СПИСКИ МАКСИМА ГРЕКА И ИСАКА СОБАКИ

С обнаружением Сибирской археографической экспедицией «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки» в научный оборот вводится ценнейший источник по общественно-политической истории России первой половины XVI в. До этого судный список Максима Грека, содержащий сведения о судебных разбирательствах 1525 и 1531 гг., был известен только по неполным и, соответственно, во многом непонятным поздним спискам. Сибирский список является и самым ранним (рукопись датируется 1590-ми гг.), и самым полным.

Публикуемый памятник дает исследователям много нового для биографии выдающегося писателя XVI в. Максима Грека, к жизни и творчеству которого в последнее время усиливается интерес и в нашей стране и за рубежом. Важные сведения узнаем из судных списков и о событиях политической истории второй четверти XVI в. — о времени правления Василия III и начальном периоде правления Ивана Грозного.

Сибирская рукопись впервые дает полное представление о тексте так называемого «Судного дела Максима Грека», включая формулу приговора и новые для науки источники, в частности переписку о суде над Максимом Греком виднейших деятелей того времени. Теперь стали известны письма о деле Максима Грека великого князя Василия III, митрополитов Даниила, Иоасафа, Макария, новые данные об отношении к этому делу Вассиана Патрикеева, М.Ю. Захарьина, М.В. и В.М. Тучковых; документально удостоверена несостоятельность версии о тайных сношениях Максима Грека с правительством султанской Турции...

Значительный самостоятельный интерес представляют материалы церковного суда в феврале 1549 г. над сотрудником Максима Грека Исаком Собакой, ставшим к тому времени архимандритом придворного Чудова монастыря в Кремле. Об этом судебном разбирательстве историки раньше ничего не знали — тем самым выявляются данные о серьезном конфликте в церковно-придворной среде в канун преобразований, проводимых «Избранной радой». Попутно определяется, наконец, точная дата церковного собора февраля 1549 г. (заседания его начались 24 февраля), деятельность которого была тесно связана с так называемым «собором примирения» конца февраля 1549 г. А этим собранием (с участием широкого круга светских лиц) датируют обычно начало реформ рубежа 1540-х и 1550-х гг.

Впервые опубликовано: Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 5–9 (под назв. «От редактора»).

Публикация сибирской рукописи сопровождается публикацией ранее известных «Судных списков Максима Грека» и сравнительным текстологическим исследованием всех этих рукописей.

В обстоятельной статье Н.Н. Покровского охарактеризовано научное значение этого открытия¹, приведены выявленные в рукописи ранее неизвестные факты, содержится детальный источниковедческий анализ памятника.

Н.Н. Покровский убедительно показал, что публикуемый судный список Максима Грека был составлен в 1540-е гг., вероятно, в связи с подготовкой процесса Исака Собаки, и мыслился прежде всего как публицистическое сочинение. Составитель его смешивает сведения о судебных процессах 1525 и 1531 гг. Очевидно, у него уже не было под рукой судного списка 1525 г. Возможно, что этот документ сгорел в митрополичьей казне во время «великого пожара» в Москве в июне 1547 г.

Ссылка на обретение «в царской казне», т.е. в Царском архиве, «подлинного соборного списка Данила митрополита всеа Руси» как бы раскрывает сам механизм составления подобных публицистических памятников и приемы, с помощью которых пытались убеждать в их подлинности. Одной из целей составления этого памятника было удовлетворить возрастающий общественный интерес к судьбе и сочинениям Максима Грека. Однако имя Максима в записи заседаний собора 1548 г. обойдено — это уже пора милостей, приближения Максима к царю и митрополиту. Публикуемый памятник (даже в первой своей части, основанной на материалах процессов 1525 и 1531 гг.) становится, таким образом, ценным источником общественно-политической истории не только 1520-х – начала 1530-х гг., но и второй половины 1540-х гг. Небезлюбопытен, прежде всего в плане истории общественной мысли, и сам факт переписки рукописи в 1590-е гг., свидетельствующий о возрождении интереса к Максиму Греку и его творениям в канун «бунташного» XVII столетия.

Научное значение сведений, заключенных в публикуемом памятнике, отнюдь не ограничивается данными о судебных процессах Максима Грека и Исака Собаки и о деятельности прикосновенных к этому лиц — облегчается понимание и неясных до сих пор важных обстоятельств политической истории, и темных мест давно уже изучавшихся памятников публицистики. Так, казалась непонятной путаница сведений о судебных процессах 1525 и 1531 гг. в так называемой «Выписи» о втором браке Василия III — остротенденциозном сочинении, направленном против Ивана IV. Это использовалось даже для доказательства позднего происхождения «Выписи», вторичности ее по отношению к «Истории о великом князе Московском» Курбского (составленной в 1570-е гг.). Теперь имеются документальные свидетельства того, что уже в памятнике 1540-х гг. обнаруживается путаница едва ли не такого рода. Тем самым не только появляется дополнительный аргумент в пользу датировки «Выписи» примерно 1546–1547 гг. (о чем писал еще в 1928 г. М.Н. Тихомиров), но и возникает заманчивая перспектива рассмотрения возможных точек соприкосновения судных списков Максима Грека и Исака Собаки и «Выписи» и изучения их в ряду публицистических сочинений второй половины 1540-х – начала 1550-х гг., а ведь это время интенсивной публицистической деятельности Максима Грека и Макария, Сильвестра и Ермолая Еразма, Ивана Пересветова и Ивана Грозного. Открывается путь и к истолкованию одного из самых темных мест переписки Ивана Грозного и Курбско-

го и «Истории» Курбского. Давно уже обратили внимание на то, что Курбский оставил без ответа обвинительные выпады в первом послании царя против своего деда по матери боярина М.В. Тучкова, более того, умолчал о Тучковых в пространной «Истории о великом князе Московском». Теперь выясняется, что Тучковы были доносителями на Максима Грека, которого Курбский называл своим «возлюбленным учителем», и особенно возвысились именно тогда, когда близкий родственник Курбского по отцу (также прославляемый им в «Истории») кн. С.Ф. Курбской попал, как и Максим Грек, в опалу.

Пока можно говорить лишь о первых соображениях, возникающих при чтении Сибирской рукописи. Это — первичные толчки исследовательской мысли, но нет сомнений в том, что дальнейшее углубленное исследование сибирского сборника в целом² и особенно сравнительное изучение его с другими материалами по истории России XVI в. приведут к новым интересным открытиям.

Сибирская находка знаменательна и как большой успех полевой археографии. Рукописный сборник, часть которого публикуется в настоящем издании, украсил собрание рукописей и старопечатных книг в академическом городке под Новосибирском. Основой его стала уникальная коллекция, переданная академиком М.Н. Тихомировым безвозмездно Сибирскому отделению Академии наук СССР в 1965 г. (так называемое «Тихомировское собрание»). М.Н. Тихомиров верил в то, что Сибирь может и должна стать средоточием особенно перспективной работы в области выявления и изучения памятников древнерусской письменности и культуры. Он разработал и первоначальные планы организации экспедиционной археографической деятельности в Сибири. По его инициативе началось обследование с этой целью старообрядческих поселений Сибири и Дальнего Востока в 1959–1962 гг.

После первой археографической разведки в Западной Сибири Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской в 1965 г. экспедиционная деятельность археографов (В.Н. Алексеева, З.В. Бородиной, Е.И. Дергачевой-Скоп, Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской, а с недавнего времени также Г.П. Енида, Е.З. Журавлевой, А.Н. Кручининой, Н.В. Понырко, Л.С. Соболевой и др.) в Сибири стала регулярной³. В экспедиционной работе принимают участие сотрудники Сибирского отделения Академии наук СССР, преподаватели и студенты Новосибирского государственного университета. Рукописный сборник, содержащий судные списки Максима Грека и Исаака Собаки, обнаружен был летом 1968 г. в отдаленном алтайском селе комплексной археографической экспедицией под руководством ученика академика М.Н. Тихомирова Н.Н. Покровского (являющегося в настоящее время заместителем председателя Сибирского отделения Археографической комиссии).

Участники организованной в Москве Археографической комиссией научной конференции, посвященной опыту археографических экспедиций в РСФСР («Тихомировских чтений 1970 года»), единодушно отмечали большое научное значение и результативность методики полевых археографических работ в Сибири. Новый центр археографической деятельности смог возникнуть лишь благодаря содействию руководителей Сибирского отделения Академии наук СССР. Председатель Сибирского отделения АН СССР академик М.А. Лаврентьев с самого начала энергично поддерживал это перспективное направление научного поиска. Широта и

размах, свойственные археологическим изысканиям академика А.П. Окладникова, оказались в немалой мере присущи и деятельности возглавляемого им Сибирского отделения Археографической комиссии. Сибирское отделение Археографической комиссии стало одним из ведущих методических центров полевых археографических исследований в нашей стране. Деятельность сибирских археографических экспедиций — выдающееся достижение отечественной археографии.

¹ Уже первые сообщения об этом открытии — статья Н.Н. Покровского «Сибирская находка: Новое о Максиме Греке» (Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138), доклад в Археографической комиссии (см.: Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1969 год. М., 1971. С. 328) и др. — вызвали живой интерес ученых. Материалы эти — с разрешения Н.Н. Покровского — были использованы в новейших исследованиях — в книге Н.А. Казаковой «Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века» (Л., 1970), в статье С.О. Шмидта «Новое о Тучковых: Тучковы, Максим Грек, Курбский» (в сборнике статей памяти Б.А. Романова «Исследования по социально-политической истории России». Л., 1971. С. 129–141).

² Так, в грамоте митрополита Макария, тоже включенной в сибирский сборник, находится подтверждение казавшейся странной датировки В.Н. Татищевым начала реформы по централизации культа местных русских святых 1543 г. (Эти данные привел в своей статье в «Вопросах истории» Н.Н. Покровский.) В известных ранее списках грамоты она датируется 1547 г., и фактическая основательность датировки сибирского сборника нуждается в серьезной проверке (в рукописной копии конца XVI в. могла быть указана и ошибочная дата, отличающаяся от даты первоначальной рукописи), но сами эти данные удостоверяют то, что Татищев, обрабатывая материал для своей «Истории Российской с древнейших времен», опирался на какие-то первоисточники, и задача исследователя выявить эти источники, определить их научную ценность, прежде чем пытаться опровергать как заведомо недостоверные так называемые «сомнительные известия» Татищева.

³ Подробнее см.: Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274. См. также: Тихомировские чтения 1970 года: Материалы науч. конф., посв. опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970 — тезисы доклада Н.Н. Покровского, выступления Е.И. Дергачевой-Скоп, Н.В. Понырко и др.

БИБЛИОТЕКА ИВАНА ГРОЗНОГО

История библиотеки московских государей — или (как ее часто называют) библиотеки Ивана Грозного — в последние годы привлекает внимание и ученых-специалистов, и широкой общественности. Но после книги С.А. Белокурова «О библиотеке московских государей в XVI столетии», изданной еще в конце прошлого века, не появлялось специальной монографии, посвященной этой теме. В 1930-е гг., как выяснилось, готовил такую книгу Николай Николаевич Зарубин.

Впервые опубликовано: Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н.Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова; под ред. С.О. Шмидта. Л., 1982. С. 3–14 (под назв. «От редактора»).

Н.Н. Зарубин (1893–1942) — выдающийся знаток древнерусской письменности, книговед, библиотековед, текстолог, археограф — много лет работал в Библиотеке Академии наук СССР. 5 января 1942 г. он скончался в Ленинграде, обессиленный голодом первой военной зимы¹.

Личный фонд Н.Н. Зарубина хранится в Рукописном отделе БАН. Там находятся два машинописных экземпляра работы «Библиотека Ивана Грозного и его книги» и подготовительные материалы к ней. В «Историческом очерке рукописного отделения Библиотеки Академии наук» (написанном А.И. Копаневым и В.А. Петровым) упоминается среди трудов второй половины 1930-х гг. составленная Н.Н. Зарубиным «научно-библиографическая справка» о библиотеке Ивана Грозного². Ссылки на эту работу содержатся также в библиографических исследованиях М.В. Кукушкиной³ и М.И. Слуховского⁴.

Однако труд Н.Н. Зарубина до сих пор оставался мало известным даже специалистам. Впервые содержание этого труда было более или менее подробно раскрыто в докладе «К истории изучения русской книжной культуры XVI в.» на Всесоюзной конференции «Книга в России до середины XIX века» в феврале 1976 г., опубликованном затем в виде статьи в издании БАН⁵.

При упоминании о библиотеке Ивана Грозного сразу же возникает представление о ценнейших памятниках культуры — сокровищах античной рукописной книжности, тщательно скрывавшихся от современников, а затем и вовсе исчезнувших — погибших или запрятанных в тайниках московских царей (предания о библиотеке, рассказы, записанные со слов очевидцев писателями XVI в., известны, а самих рукописей обнаружено сравнительно мало), и о большой и многообразной литературе, посвященной этой тематике.

Н.Н. Зарубин не ограничился рассмотрением вопроса об этой таинственной библиотеке. Он поставил перед собой цель гипотетически реконструировать и ту библиотеку, к которой постоянно мог обращаться Иван Грозный; а царь Иван, как писали в начале XVII в., был «муж чудного разсужения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело»⁶. Предшественником Н.Н. Зарубина в этой работе был тонкий знаток и глубокий исследователь источников по истории русской культуры XVI в. И.Н. Жданов, постаравшийся еще в 1870-е гг. собрать указания на те сочинения, которые могли быть известны Ивану Грозному, т.е. на те книги, «которые ему принадлежали или которые ему представлялись»⁷.

Труд Н.Н. Зарубина отличается большой основательностью, едва ли не оптимальное использование всей известной к тому времени литературы (на русском и иностранных языках), включая газетные статьи и хроникальные заметки. Приводимым в работе фактам-свидетельствам (прямым и косвенным) о библиотеке и книгах Ивана Грозного сопутствуют пространные примечания библиографического, источниковедческого и историографического характера. Н.Н. Зарубин кратко и объективно характеризует существующие точки зрения, фактологические основания тех или иных выводов и наблюдений, сопровождая их нередко своими критическими замечаниями. При этом автор придерживался хронологической последовательности — по времени появления в печати работы или печатного указания на какое-либо высказывание. В этом плане исследование Н.Н. Зарубина можно рассматривать и как историографический очерк изучения вопроса о биб-

лиотеке московских государей в XVI столетии⁸. Самому Н.Н. Зарубину была более других близка точка зрения А.И. Соболевского, верившего в существование царской библиотеки с древними рукописными книгами.

Н.Н. Зарубин предпринял также попытку, «отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту», составить «Алфавитный перечень книг Грозного». Перечень этот составлен «в основном по материалам картотеки древнерусской Рукописной книжности академика Н.К. Никольского», которая уже тогда находилась в Рукописном отделе БАН⁹. Перечень Н.Н. Зарубина включает почти втрое больше сведений, чем приведено у И.Н. Жданова. Составленный Н.Н. Зарубиным в алфавитном порядке названий Перечень рукописных и старопечатных книг содержит 154 номера с наименованием книг (точным или примерным) или указанием количества их.

Перечень сопровождается аннотациями с архивными и библиографическими данными, а иногда и с критическими замечаниями о суждениях предшественников. Работа Н.Н. Зарубина построена как бы на стыках ретроспективной аннотированной библиографии, археографии и источниковедения. Необходимость именно такого построения диктовалась спецификой самого материала исследования, требующего зачастую для его атрибуции весьма пространных разысканий, хотя суть этих разысканий, их техника и сами пути поиска остались во многих случаях за рамками изложения, в котором автор ограничивался лишь итоговым заключением.

Принцип отбора книг в Перечне, однако, не всегда ясен. Остается непонятным, почему из сочинений самого Ивана Грозного упомянуто только его Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, не названы адресованные ему послания (Курбского и др.), памятники (отечественного и зарубежного происхождения), цитируемые и упоминаемые царем в своих сочинениях, так же как и памятники, на которые указывали Ивану Грозному в своих обращениях к нему современники. Можно предполагать, что такие памятники (или хотя бы некоторые из них) должны были находиться в личной библиотеке Ивана Грозного или — во всяком случае — в легко доступной ему библиотеке. Он имел привычку цитировать «целыми книгами, и паремьями и посланьми» — в чем его с чувством превосходства упрекал изящный стилист князь Курбский¹⁰. В Послании в Кирилло-Белозерский монастырь царь прямо пишет: «Разгнув книгу, обретох сие послание»¹¹.

В то же время в составленном Н.Н. Зарубиным Перечне названы книги, которые не обязательно должны были входить в состав библиотеки именно Ивана Грозного: книги, «пожалованные» им или от его имени в монастыри (такие книги могли находиться в особом фонде, ранее существовавшем или для того и образованном и включавшем, видимо, и конфискованные рукописи или перешедшие к царю вместе с выморочным имуществом); синодики, посылавшиеся в монастыри по распоряжению царя; книги, находившиеся в Царском архиве — главном государственном архиве того времени. Вряд ли сосредоточивались именно в библиотеке Ивана Грозного и все книги, написанные по его повелению¹².

Составленный Н.Н. Зарубиным Перечень, независимо от того, с какой степенью полноты он отражает состав библиотеки Ивана Грозного, имеет большую самостоятельную ценность. Он важен вообще для изучения древнерусской книжности как фактора истории культуры, интересен в плане исследования судеб отдельных книг и собраний их, библиогеографии и самой системы миграции книг,

читательских вкусов и потребностей людей XVI столетия, для изучения биографии Ивана Грозного и его современников, фактов политической и культурной истории этого периода.

Большой интерес представляет мысль Н.Н. Зарубина — объяснение, почему нельзя с должной полнотой выявить книги, принадлежавшие Ивану Грозному: «В полном объеме вопрос о книгах Грозного мог бы быть решен при том условии, если бы была приведена в известность рассеянная по разным библиотекам наша древняя рукописная и старопечатная книжность, а также были бы собраны о книгах все те данные, какие имеются во множестве во вкладных, приходо-расходных, писцовых, переписных книгах и тому подобных документах, — материал, остающийся до сих пор почти целиком вне поля зрения исследователей». Это и программа деятельности (подсказанная, впрочем, уже прежде трудами Н.К. Никольского, Н.П. Лихачева, П.К. Симони, В.Н. Перетца, В.П. Адриановой-Перетц и других исследователей). И приятно отметить, что эта программа усилиями историков, литературоведов, искусствоведов и особенно книговедов и библиотекведов успешно осуществляется¹³.

Исследование Н.Н. Зарубина, отражая развитие науки, уровень знаний и исследовательской методики своего времени, интересно, конечно, и в плане истории советской науки. Это — знаменательный историографический факт. Особенно любопытно сравнительное рассмотрение работы Н.Н. Зарубина 1930-х гг. с работой М.Н. Тихомирова (впервые опубликованной в 1960 г.), обнаруживающее близость в оценке труда С.А. Белокурова (который — по словам М.Н. Тихомирова — «сыграл своего рода роковую роль в вопросе о библиотеке московских царей»¹⁴). Взгляды С.А. Белокурова, как отмечает Н.Н. Зарубин, «вошли в научный оборот в качестве прочно обоснованных выводов», и нужно было обладать не только глубокими познаниями и широтой представлений о культуре Руси XV–XVI вв. (предвосхитивших суждения ученых последующего времени, основанные на изучении материалов, зачастую неизвестных еще при жизни Зарубина), но и недюжинной смелостью, для того чтобы выступить против мнения, ставшего «достоянием университетских курсов».

Труд Н.Н. Зарубина представляет большую ценность и как памятник книговедческой мысли. Тонкий и своеобразный источниковед, высоко эрудированный знаток истории старинных библиотек¹⁵ (в архивном фонде его сосредоточены копии рукописных описей таких библиотек или «казны»; Н.Н. Зарубин готовил серию очерков по истории библиотечного дела в Древней Руси, первый из которых был напечатан еще в 1924 г.¹⁶) и рукописной книжности, опытный текстолог (широко известно подготовленное им академическое издание Моления Даниила Заточника), Н.Н. Зарубин во многом предвосхитил и современные методы книговедческих и библиотекведческих исследований.

Издание труда Н.Н. Зарубина о библиотеке Ивана Грозного — не только дань признательности и уважения к памяти ученого. Труд этот содержит ценные сведения многообразного характера, до сих пор еще не вошедшие в научный оборот. Издание его несомненно будет способствовать дальнейшему углубленному исследованию истории средневековой русской книжной культуры и общественной мысли, культурной и политической истории России XVI столетия.

За время, прошедшее после написания труда Н.Н. Зарубина, стали достоянием науки ценные архивные материалы; вышло много научных публикаций памятников письменности и изобразительного искусства (тематически основанных на литературных произведениях), научных описаний рукописей, монографий, статей, тезисов докладов, информационных сообщений по книговедению и библиотековедению, по истории культуры и истории России XV–XVI столетий. Расширились наши представления и о знакомстве на Руси с памятниками античной книжности, о многосторонних культурных связях Руси с Византией и южными славянами и об Иване Грозном — писателе и читателе, и соответственно о возможном составе его библиотеки.

Возрождение научного интереса к библиотеке Василия III и Ивана Грозного связывают обычно со статьей М.Н. Тихомирова «О библиотеке московских царей (Легенды и действительность)» и последовавшей за ней литературой (исследовательского и популярного характера). Доверие к скептическим выводам С.А. Белокурова было существенно поколеблено, и соображения о путях розыска этого бесценного культурного наследия находили поддержку виднейших ученых. Это — следствие и обогащения современных знаний о русской культуре XV–XVI вв., и более углубленного изучения дошедших до нас свидетельств о сокровищах античной письменности в «казне» московских государей в сравнении с данными других многообразных источников.

Все это обусловило необходимость составления научных примечаний и дополнений к публикуемому труду Н.Н. Зарубина. Эти примечания и дополнения подготовлены кандидатом исторических наук научным сотрудником Отдела рукописной и редкой книги БАН А.А. Амосовым — автором хорошо известных специалистам исследований по истории архивного дела в России XVI–XVIII вв., источниковедению, кодикологии, филиграноведению. А.А. Амосов проделал большую исследовательского характера работу по ознакомлению с указанными Н.Н. Зарубиным памятниками письменности в хранилищах и с современными описаниями этих памятников*, с отмеченной Н.Н. Зарубиным литературой. (Работа по комментированию, кстати, еще раз убеждала в большой эрудиции Н.Н. Зарубина, тщательности его разысканий, скрупулезной точности при цитировании, основательности научных заключений.)

При комментировании учитывались и публикации источников, и исследования, появившиеся после написания Н.Н. Зарубиным его труда. С особым тщанием старались учесть литературу, непосредственно посвященную истории библиотеки московских государей (включая журнальные и газетные материалы), хотя сведения эти, естественно, не могут быть признаны исчерпывающими**. Кратко эти данные

* Работа эта могла стать успешной только благодаря содействию руководителей и сотрудников Архива Академии наук СССР и его Ленинградского отделения, Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, Центрального государственного архива древних актов, Рукописных отделов Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного Исторического музея, любезно предоставлявших все необходимые материалы.

** Так, не могла быть использована подготовленная к печати монография крупного и высокообразованного современного книговеда М.И. Слуховского о царской библиотеке XVI в. Издание этой работы отвечало бы насущным задачам книговедения.

обобщены в предпосланном собственно примечаниям обзоре А.А. Амосова «Вопрос о библиотеке Ивана Грозного в литературе последних десятилетий». Там определяются современные источниковая база проблемы и состояние ее изучения.

Можно добавить, однако, еще некоторые соображения и свидетельства, как будто еще не использованные теми, кто интересовался библиотекой Ивана Грозного. Если полагать, что автором жизнеописания Максима Грека был А.М. Курбский, то его сочинения или устные рассказы, вероятно, явились и одним из источников информации за рубежом об этой библиотеке. Курбского современники считали лицом, «наиболее осведомленным» о Российском государстве, знающим «подноготную московских дел»¹⁷. У Курбского были обширные связи в Польско-Литовском государстве, причем не только с православным духовенством и магнатами, но и с лицами из католических кругов. Его знали и при дворе германского императора; он установил сношения с высшим православным духовенством юго-востока Европы, даже с константинопольским патриархом¹⁸. Поэтому не исключена возможность нахождения в зарубежных памятниках письменности дополнительных сведений о библиотеке московских царей, почерпнутых у Курбского. Быть может, царь Иван потому и распорядился ознакомить пастора Веттермана и сопровождавших его лиц с книгами таинственной «либерей», что и до гуманистически образованных людей в Восточной Прибалтике тоже дошли слухи об этих богатствах и о том, что их скрывают? Ведь это сделано было (на что уже обратил внимание М.Н. Тихомиров¹⁹) вскоре после бегства Курбского за рубеж и начала его переписки с грозным царем.

В XVII в., как выясняется, сведения о библиотеке русских царей имелись не только у лиц, близких к Ватикану, Константинополю (Стамбулу) и Афону (знакомство с рукописями этих хранилищ кажется особенно перспективным для изучения истории библиотеки), но и у голландца Никласа Витсена, участника посольства в Москву в 1664 г., впоследствии известного ученого и государственного деятеля, близкого к Петру I. Сохранилась его дневниковая запись о том, как он спрашивал в Москве у приставов посольства «о библиотеке царя. Говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты». «Только одни наши братья имеют туда доступ», — ответили ему²⁰. Обращает внимание указание на то, что осведомители Витсена сообщили ему («говорят определенно») и о собрании древних рукописей, причем именно древнегреческих, и о тех документальных материалах (летописи и карты), которые хранились в государственном архиве. (Впрочем, источником сведений Витсена мог быть и Паисий Лигарид, с которым он встречался в Москве.)

Остается неуточненным вопрос о происхождении некоторых греческих рукописей — творений античных писателей и ученых, находящихся ныне в Синодальном собрании Государственного Исторического музея и не принадлежащих к числу тех, которые вывез в XVII в. с Афона А. Суханов. В основе Синодального собрания, как известно, «книжная казна» московских митрополитов (позднее патриархов). Не оказались ли там, подобно новым рукописям царской библиотеки (царский экземпляр Миней Четых, тома Лицевого свода, посвященные времени правления Ивана Грозного²¹), и отдельные рукописи из царского собрания античных памятников письменности (или остатки этой «либерей»? Они могли быть пе-

реданы туда и в так называемое Смутное время, и в годы патриаршества Филарета, фактически управлявшего государством за своего малоспособного к делам правления сына царя Михаила Федоровича Романова. Не следует забывать о страшном московском пожаре 1626 г., когда «всякие казны бесчисленно много выгорело все без остатку»²², а описи патриаршей библиотеки «казны» не обнаружены пока ранее 1630-х гг.²³

Характеризуя книжное собрание Ивана Грозного, правильнее было бы говорить о двух библиотеках, о двух (или даже трех) разделах царского книжного фонда — античном (малодоступном или даже вовсе недоступном) и современном, которым пользовался царь и который был доступен, видимо, и для его приближенных²⁴.

В этом более доступном собрании Иван Грозный находил рукописи при написании своих посланий. К этой библиотеке могли обращаться при подготовке к диспутам на религиозные темы, в поисках исторических аналогий (в частности, редактируя летописи или при составлении «ответных речей» иностранным дипломатам). Там, видимо, были и книги — рукописные и печатные, которые царь Иван давал для прочтения или дарил отдельным лицам. Именно об этом «царском книгохранилище» упоминал Дж. Горсей, и приводить данные о подаренной ему царем печатной книге 1581 г. издания — Острожской Библии (как это делает В.Н. Осокин) в качестве доказательства существования у Ивана Грозного библиотеки старинных античных рукописей нет оснований.

Это — дворцовая, домовая библиотека, состоящая преимущественно из сравнительно новых рукописей и печатных книг, хотя могла включать и отдельные старинные рукописи. Она, как и государственный Царский архив, была в ведении тех же лиц — печатника, а также казначея и думного посольского дьяка. В их ведении должна была находиться и книгохранилище с античными рукописями — в рассказе Ниенштедта о знакомстве с книгохранилищем пастора И. Веттермана эти лица и упомянуты.

Можно полагать, по аналогии с патриаршей библиотекой, где наряду с патриаршей домовая казна существовала еще и патриаршая келейная казна²⁵, что у царя также имелась и личная, как бы подручная библиотека. Состав ее вряд ли был неизменным*, кроме нескольких книг «священного писания» (как их принято было называть), постоянно надобных для «душеполезного» чтения (а также подаренных с «благословением» особо почитаемыми лицами), да еще, может быть, травника-лечебника. Это — «книги государева постельные казны». Некоторые из них упомянуты в «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов»²⁷. Важно отметить, что там названа и «книга летописец». Царь Иван — по словам Курбского — «дobre веси от летописцев русских»²⁸; у него

* В личной библиотеке, в «царских чертогах», должна была временно находиться и книга, содержащая погребальную церковную службу, о чем узнаем из Пискаревского летописца: «Того же году (7071 г. — С.Ш.) невкое время послал царь и великий князь Иван Васильевич к отцу своему и богомольцу к Макарию митрополиту книги просити душеполезные. И Макарей прислаше ему погребален. И князь велики гневашесь на него тайно и рече ему: «Прислал еси ко мне погребален, а в наши царские чертоги такие книги не вносятца»²⁶.

никогда не ослабевал интерес к русской истории, прежде всего к описанию истории своего царствования — в официальной «исторической» интерпретации этих событий он принимал руководящее непосредственное участие.

Эта личная библиотека царя, как полагал Н.П. Лихачев, помещалась в верхнем этаже «постельных хором» дворца²⁹ и входила в состав постельной казны государя, так же как и его личный архив (представлявший собой тоже собрание документов неопределенного состава, главным образом временно переданных из государственных архивов, и прежде всего Царского архива³⁰). Постельная казна находилась в ведении постельничего. Ее могли включать и в состав «походной казны», сопровождавшей царя во время военных походов, ездок по монастырям и т.д. Характерно, что в сочинениях Пересветова, Курбского, в посольских книгах читателем не об одной «казне», а о «казнах» царя Ивана IV.

Различие дворцовой книгохранильницы-«казны» и постельной книгохранильницы было скорее не качественным, а количественным. Вычленив книги собственно личной библиотеки царя крайне трудно, тем более что личную библиотеку отличала неустойчивость состава и многие книги могли находиться там (подобно и некоторым делопроизводственным документам) во «временном пользовании». После смерти государей книги из личной библиотеки поступали в дворцовую, а документы — в государственный архив. Пытаясь представить обычный круг чтения царя Ивана, определить книги, к которым он мог всегда обращаться*, следует иметь в виду не только личную, но и дворцовую библиотеку его, которую также можно называть библиотекой Ивана Грозного.

При реконструкции круга книг, принадлежавших Ивану Грозному (т.е. относящихся к его библиотеке), а тем более известных ему, нельзя, по-видимому, ограничиваться только прямыми показаниями источников — упоминаниями в описях имущества царя, архива, сведениями о книгах, подаренных Ивану Грозному или Иваном Грозным. Целесообразно — вслед за И.Н. Ждановым — привлечь и сведения о книгах, знакомство с которыми или даже принадлежность которых Ивану Грозному несомненна (хотя и нет прямых указаний на такую принадлежность). Это позволило А.А. Амосову по принципу «Перечня книг», сделанного Н.Н. Зарубиным, составить сводку сведений (археографических, источниковедческих, библиографических) о памятниках публицистики и историографии XVI в. и подготовить этюды «Русская публицистика XVI века в библиотеке московских государей» и «Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного». Эти работы, имеющие, конечно, и самостоятельное научное значение, являются существенными и необходимыми дополнениями к реконструируемому кругу книжности, доступной Ивану IV.

* К таким книгам, видимо, все-таки принадлежали, вопреки сомнениям Н.Н. Зарубина, и книги Великих Четых Миней митрополита Макария, во всяком случае книга за октябрь, из которой царем Иваном были почерпнуты сведения о житии Уара. Эпизоды этого нетрадиционного для росписей жития изображены на стенописи Архангельского собора, непосредственно над гробницей Ивана Грозного. Детально исследовавший и датировавший росписи 1564–1565 гг. Е.С. Сизов справедливо полагал, что «появление этого сюжета в росписи придела-усыпальницы, видимо, не в последнюю очередь связано с волей самого царя Ивана»³¹.

Завершается издание составленным А.А. Амосовым «Списком источников и литературы», содержащим указания круга памятников и исследований, использованных как Н.Н. Зарубиным, так и в комментариях к труду его и в дополнительных обзорах-перечнях, написанных А.А. Амосовым.

Таким образом, справочное библиографическое пособие «Библиотека Ивана Грозного» содержит как описание книг этой библиотеки, также и тех материалов, с помощью которых наиболее полно реконструируется состав библиотеки Ивана Грозного.

Издание «Библиотека Ивана Грозного» важно не только для изучения истории и попыток научной реконструкции библиотеки московских государей XVI столетия. Оно полезно и для изучения многих других проблем книговедения и истории, и, в частности, для раскрытия состава фондов старейшей в нашей стране научной библиотеки — Библиотеки Академии наук СССР — и установления многообразных связей материалов этих фондов с фондами других хранилищ, для дальнейшего развития и совершенствования методики археографических и источниковедческих разысканий. <...>^{*}

В заключение редактор и издатель считают своим приятным долгом поблагодарить д.и.н. М.В. Кукушкину, д.ф.н. Я.С. Лурье, к.ф.н. Н.Ф. Дробленкову, к.и.н. И.Н. Лебедеву, к.и.н. Н.Ю. Бубнова, к.и.н. В.В. Морозова, к.и.н. С.А. Морозова, взявших на себя труд ознакомиться с работой в рукописи и сделавших ряд ценных замечаний, а также еще раз выразить признательность коллективам названных выше рукописных хранилищ за оперативное и обязательное предоставление необходимых нам материалов.

¹ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2: XIX–XX века. С. 61; История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 434.

² Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. С. 65–66.

³ История Библиотеки Академии наук СССР. С. 423; *Кукушкина М.В.* Рукописные книги, подаренные Иваном Грозным в Антониево-Сийский и Соловецкий монастыри // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции: Сб. ст. М., 1976. С. 393.

⁴ *Слуховский М.И.* Библиотечное дело в России до XVIII века. Из истории книжного просвещения. М., 1968. С. 182.

⁵ *Шмидт С.О.* Исследование Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР / Под ред. М.В. Кукушкиной. Л., 1978. С. 37–53. В статье дано и внешнее описание экземпляров работы Н.Н. Зарубина; указана литература о Н.Н. Зарубине и его трудах.

⁶ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека. 3-е изд. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. С. 620. Автором этой характеристики был — как это недавно установлено М.В. Кукушкиной — князь С.И. Шаховской (*Кукушкина М.В.* Семен Шаховской — автор Повести о Смуте // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 75–78). Об Иване Грозном — писателе и знатоке литературы см., в частности, работы: *Жданов И.Н.* Сочинения царя Ивана Васильевича // Сочинения И.Н. Жданова [: В 2 т.]. СПб., 1904. Т. 1. С. 81–170; *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения: В 8 т. М., 1957. Т. 2. Лекция 30; *Лиха-*

* Опущено изложение археографических особенностей этого издания.

чев Д.С. Иван Грозный — писатель // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 452–467; Он же. Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1975. С. 265–288; Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). М.; Л., 1958. Т. 14. С. 256–265; Дуйчев И. Византия и византийская литература в Посланиях Ивана Грозного // Там же. Т. 15. С. 159–176.

⁷ Жданов И.Н. Сочинения царя Ивана Васильевича. С. 128–142.

⁸ Кратко данные литературы конца XIX в. о библиотеке московских государей попытался обобщить В.С. Иконников (Иконников В.С. Максим Грек и его время. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1915. С. 165–166).

⁹ О «Картотеке» см. специальные статьи: Зарубин Н.Н. Академик Н.К. Никольский // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М.; Л., 1936. № 4. С. 119–124; Покровская В.Ф. Картотека академика Н.К. Никольского // Труды Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 142–150; Адрианова-Перетц В.П. Картотека Н.К. Никольского // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 121–125.

¹⁰ Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные // Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. С. 113.

¹¹ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 166.

¹² Шмидт С.О. Исследование Н.Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги». С. 48–50.

¹³ См., в частности, статьи: Лихачев Д.С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 3–10; Сапунов Б.В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI–XVII вв. // Там же. С. 37–50; Луппов С.П. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 11–24; Коланев А.И. Советская литература по истории русской книги эпохи феодализма за последние десять лет (1966–1976) // Там же. С. 24–36; Шмидт С.О. Некоторые источниковедческие вопросы изучения истории русской книжности // Там же. С. 47–51.

¹⁴ Тихомиров М.Н. О библиотеке московских царей (Легенды и действительность) // Новый мир. 1960. № 1. С. 196–202. Перепечатано в кн.: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 281–291. (Далее сноски даются по последнему изданию.)

¹⁵ Ср. оценку М.И. Слуховского (Слуховский М.И. Русская библиотека XVI–XVIII вв. М., 1973. С. 80–83).

¹⁶ Зарубин Н.Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси. Т. 1: Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение // Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2: Материалы и исследования. Вып. 1. С. 190–229.

¹⁷ Лурье Я.С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году (по материалам Венского архива) // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 463 и след.

¹⁸ Шмидт С.О. Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976. С. 313–314.

¹⁹ Тихомиров М.Н. О библиотеке московских царей. С. 286–287.

²⁰ Witsen N. Moscovische Reyse. 1664–1665. Graven Hage, 1966–1967. Перевод сочинений Витсена сейчас готовится к печати с комментариями Р.И. Максимовой. [См.: Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник / Пер. со старогол. В.Г. Трисман; предисл. Р.И. Максимовой, В.Г. Трисман. СПб., 1996. — Ред.]

²¹ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в Описание А.В. Горского и К.И. Невострюева) / Сост. Т.Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1. № 1.

²² Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 6–7.

²³ Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 170–173.

²⁴ Слуховский М.И. Русская библиотека XVI–XVIII вв. С. 137.

²⁵ Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. С. 170–171.

²⁶ Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 190.

²⁷ Описание домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1850. Кн. 7: Смесь. С. 6–7.

²⁸ Сочинения князя Курбского. С. 133.

²⁹ Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 25–26, 63.

³⁰ Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // Ученые записки МГУ. М., 1954. Вып. 167: Кафедра истории СССР. С. 45–46.

³¹ Сизов Е.С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 170–172.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ОТЗЫВ С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ А.Н. ТОЛСТОГО “ИВАН ГРОЗНЫЙ”»

Публикуемый отзыв, написанный Степаном Борисовичем Веселовским (тогда еще членом-корреспондентом АН СССР) в 1945 г., — не первый отклик ученого на драмы Алексея Николаевича Толстого об Иване Грозном. По окончании работы над пьесой «Орел и орлица» Толстой ранней весной 1942 г. прочитал ее в Институте истории АН СССР. (Об этом упоминается во многих работах об А.Н. Толстом.)

Институт истории, как и другие гуманитарные институты Академии наук СССР, был эвакуирован в Ташкент и располагался в здании балетной школы Тамары Ханум на Пушкинской улице — одной из центральных в городе. В том же доме жили и многие сотрудники Академии наук. Большинство же членов АН СССР жили недалеко, в другом доме на той же Пушкинской улице (называвшемся в просторечии Домом академика, как и незадолго до того построенный дом в Москве — ныне дом 13 по Ленинскому проспекту). Открытое заседание происходило в зале первого этажа, где днем была столовая, а вечерами иногда научные заседания, вызывавшие особый интерес, а также бесплатные концерты (музыкантов и драматических актеров) и литературные вечера.

Мне, тогда студенту Среднеазиатского университета и к тому же проживавшему в доме Тамары Ханум, довелось быть свидетелем и этого чтения, и авторского чтения в университете. Сейчас уже не припомню, какое публичное чтение из этих двух было ранее (вероятно, в доме Тамары Ханум), но они различались.

В университете, где в актовом зале было сравнительно много молодежи, Толстой сидел на возвышающейся сцене. Вид его — холеного, элегантного, с кольцом-печаткой на пальце, — столь отличный от вида других в ту трудную пору, и свободная артистичность исполнения как бы переносили нас в довоенное время, в атмосферу литературных вечеров, праздничной театральности, приподнятого

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 296–304. Пространный отзыв С.Б. Веселовского, подготовленный к публикации К.А. Аверьяновым, помещен там же на с. 305–313.

настроения. Авторское чтение производило сильнейшее художественное впечатление, прямо-таки зачаровывало. («Чтение меня поразило, как поражает музыка», — писала и слушавшая Толстого, читавшего в 1943 г. «Трудные годы» артистам МХАТ, известный театральный деятель М.О. Кнебель¹.) Сочный, образный язык и четкость дикции, великолепное владение красивым, сильным, барственно-го тембра голосом, способность к актерскому перевоплощению в передаче интонационных особенностей речи действующих лиц и состояния их души казались поразительными и в какой-то мере даже мешали восприятию собственно исторического содержания пьесы, ее текста и подтекста.

В доме Тамары Ханум Толстой был сдержаннее в манере исполнения и голос казался глуше (быть может, и потому, что помещение не было приспособлено для публичных выступлений). Видимо, сказывалось и волнение автора, ожидание им отзывов историков-специалистов. О волнении Толстого по дороге в дом Тамары Ханум писала позднее художница Валентина Ходасевич, сопровождавшая его на это заседание. Толстой, передавший заранее пьесу для ознакомления ученым, по ее словам, мрачно изрекал по дороге: «...я знаю — многие уже прицелились, будут придираяться...»²

Сейчас уже трудно вспомнить, кто выступал именно в доме Тамары Ханум при обсуждении пьесы. Но суждение Веселовского выделялось среди хвалебных или утихо-неопределенных речей. непохожим на других был и его внешний «старомодный» облик: черная визитка, серые брюки в полоску, ботинки на более высоких каблуках, чем носили в предвоенные годы. Стоя на кафедре (расположенной на уровне пола), Веселовский обращался к написанному тексту. Замечаний было много — и общего характера, и особенно об исторических неточностях и несуразностях; причем, кажется, в последовательности, соответствующей сценам пьесы. Дух и направленность того выступления были такими же, как и в отзыве 1945 г. (Вероятно, Веселовский в 1945 г. использовал текст 1942 г.) Толстой с несколько наигранной самоуверенностью и плохо скрывая раздражение говорил в ответ, что это произведение художника, а не историка, и писательская образность допускает неточности в деталях и хронологии. Задержался в сознании и подтверждается воспоминаниями А.С. Веселовской о домашних рассказах ответ Толстого на упрек в небрежном отношении к памяти современников Грозного (кажется, боярина Федорова, для поминовения которого царь сделал большой вклад в монастырь, что свидетельствовало, по мнению Веселовского, о невиновности боярина): «А вам не все ли равно!», и на ехидное замечание, на каком же языке говорили (в картине третьей) при встрече Иван IV и воспитанная в восточных традициях, не знавшая нашего языка черкесская княжна, Толстой парировал: «На языке любви, а он везде одинаков».

Любопытны подробности об этом заседании и реакции на него в дневниковых записях и письмах жены историка Ольги Александровны, с которыми любезно познакомил дочь их Анна Степановна. Материалы эти (цитаты из которых приводятся с сокращениями слов, как в автографе) много дают и для понимания биографии С.Б. Веселовского, его своеобразного положения в среде других историков. В письме Борису Степановичу Веселовскому (сыну от первого брака) читаем: «Ст. Бор. рассердился на Ал. Толстого за его драму “Иван Грозный”. И в Инст. истории после чтения автором драмы сказал все, что нашел нужным сказать». Письмо

датировано 23 апреля 1942 г. Произошедшее волновало семью Веселовских и позднее. В письме к невестке Наталье Константиновне (жене Бориса Степановича) от 15 июня 1942 г. Ольга Александровна подробнее пишет обо всем этом: «Особенно остро почувствовалось одиночество Ст. Бор. на чтении Алексея Толстого — он читал новую свою пьесу об Иване Грозном. У Ст. Бор-ча есть уже ряд еще не напечатанных, но замечательных статей, работ об Ив. Грозном и его времени.

Пьеса Толстого очень эффектна, сценична, хватает за жабры, но “с точки зрения историка... в высшей степени бесцеремонна”. Но не на пьесу рассердился Степан Борисович. А на общий дифирамбный, гимновосторженный хор реверансов, какими была встречена эта пьеса историками! Как ни странно сказать это о Ст. Бор-че, но он до простодушия искренно сердился и негодовал (“Им до истории никакого дела нет!”).

Я только рада была, что в своем беспощадно прямом, ясном, но вполне и безусловно корректном отзыве Ст. Бор. не повысил голоса и не делал жестов. М.б. корректность формы, спокойствие и ровность голоса и были еще более убийственны и действенны для автора. Автор не справился со своим оппонентом. Он поступил умно: просто отмахнулся и спрятался за общие фразы. (О том, что пьеса уже одобрена и копыя ломать уже ни к чему — не так грубо, но смысл совершенно этот.) Интересно — как она будет поставлена в Малом театре? Успех она, вероятно, иметь будет. Пьеса сценична и эффектна.

И как замечательно, великолепно прочел Толстой свою пьесу! Даже я, которая слушала ее невольно сквозь призму оскомины от нее Ст. Бор-ча, была зачарована авторской блистательной читкой. И дернула его нелегкая писать именно об Иване Грозном!» Заканчивается эта часть письма рассуждением: «Я понимаю: нужно и важно теперь вспоминать и художественно восстанавливать величавые и высокие моменты истории и строительства нашей страны, родины», но «не теряя чувства меры и правды».

Публикуемый отзыв представляет интерес и для историков литературы, и для историографов, и для понимания общественного сознания тех лет. Хотя в комментариях к изданию дилогии в Полном собрании сочинений А.Н. Толстого написано, что он «неоднократно выступал с чтением первоначальных вариантов своей “драматической повести” о Грозном, чутко прислушиваясь к отзывам аудитории»³, замечания Веселовского (во всяком случае, большинство их) писатель счел возможным не учитывать при доработке пьесы.

Отзыв интересен и в плане исследования России XVI в. (а Веселовский именно тогда особенно целеустремленно занимался историей этой эпохи): в частности, сообщениями о том, каким путем Первое послание Курбского дошло до адресата — царя Ивана. Но особенно важен этот документ из архива ученого как показатель оценки им событий российской истории, противостоящей принятой тогда в советской литературе (и научной и художественной) апологетике Ивана Грозного и его политических деяний, и как свидетельство того, какое значение Веселовский придавал освещению исторических событий в художественной литературе (особенно в военные годы, когда так возросла тяга к познанию своего прошлого).

В этом отношении много дает сравнительное рассмотрение отзыва на пьесу А.Н. Толстого об Иване Грозном и отзыва августа 1943 г. на роман В.И. Костылева

«Иван Грозный», опубликованного с предисловием А.А. Зими́на в 1973 г.⁴ Веселовский был стоек в своих представлениях о деятельности Ивана Грозного и ее последствиях и правдив в выражении своих мыслей — и в написанном, и в публичных выступлениях. Он не мог не знать, как оценивается деятельность Ивана Грозного видными тогда историками (тем более что и С.В. Бахрушин, и Р.Ю. Виппер жили с ним в Ташкенте в одном доме), и, конечно же, помнил соответствующего характера выступления при обсуждении пьесы А.Н. Толстого в Ташкенте. Вероятно, ему было ясно и то, какое высокое лицо заинтересовано в публичном выражении таких взглядов. Ведь отзыв о драматической повести «Иван Грозный» написан после того, как заставили переделать постановку пьесы «Орел и орлица» в Малом театре (осень 1944 г.) и в самых авторитетных органах массовой печати появились хвалебные отзывы о сочинении Толстого и новой постановке этой пьесы в том же Малом театре весной 1945 г.⁵

На обложке архивного дела с отзывом рукою жены ученого О.А. Веселовской помета чернилами «Весна 1945 г.». И там же памятка: «22.IX.45 г. читала вслух Ст[епану] Бор[исови]чу, Ане, брату Борису». Но последней странице машинописи, там, где подпись С.Б. Веселовского, дата «VIII. 1945». Видимо, первоначальный вариант отзыва был написан весной 1945 г. (Не послужили ли поводом выход драматической повести отдельной книгой⁶ или известие о смерти писателя, скончавшегося 23 февраля 1945 г.?) Текст был, видимо, напечатан самим автором, так как, по свидетельству его дочери, Веселовский из-за катаракты в те годы печатал свои сочинения. В машинописи — многочисленные редакционные изменения первоначального текста, внесенные рукою жены ученого (быть может, под диктовку автора). Включен новый абзац: воспоминание о заседании в Ташкенте («После авторской читки... с такой же бесцеремонностью, как с первой») — и изменено заключение. Первоначальный текст его был таким: «В заключение в связи с постановкой драматической повести А.Н. Толстого на сцене, что дает возможность познакомиться с повестью большому количеству лиц, мне представляется вполне уместным высказать недоуменный вопрос. Литература об Иване Грозном, научная и художественная, огромна. Об Иване Грозном и его времени напечатано множество книг и статей по старой и по современной орфографии. Эпохой Грозного интересовались и интересуются очень многие. Наконец, средняя школа и вузы дают учащимся некоторые сведения об основных фактах этой эпохи. Естественно, возникает вопрос, что скажут советские читатели, интересовавшиеся прошлым своей родины, и учащиеся, когда будут знакомиться с Повестью в чтении или театре? Ведь они найдут в ней не только новую трактовку личности Ивана Грозного и оценку его как исторического деятеля, но также множество непримиримых противоречий решительно со всем, что они вычитали самостоятельно и чему учились в школе. А.Н. Толстой по справедливости пользуется репутацией великого мастера русского слова; но следует признать, что, написавши Повесть об Иване Грозном, он взялся не за свое дело, не имея на то надлежащей подготовки, и потому его произведение оказалось совсем неисторичным».

Веселовский, внешне, казалось бы, отрешенный от житейской суеты, преданный лишь своей науке и заботам о профессионализме готовящих себя к занятиям историей⁷, как теперь все в большей мере выясняется, был глубоко отзывчив к со-

временности и болел за чистоту исторических знаний. В обращении к теме «Иван Грозный» он видел и свой нравственный долг⁸ (недаром для него в этом отношении всегда оставался примером Н.М. Карамзин со «своей неизменной добросовестностью» и подчеркиванием нравственного начала в истории⁹). Ученый писал в те годы преимущественно в ящик письменного стола, воспринимался некоторыми даже как реликт старой науки. Но, упорно работая в избранном им направлении, Веселовский охотно знакомил со своими не напечатанными еще сочинениями и верил в то, что в будущем обратятся к его трудам. И с 1960-х гг. имя академика С.Б. Веселовского прочно утвердилось среди классиков нашей науки о России XIV–XVII вв.

Ясно, что утверждение авторов комментариев к изданию дилогии в Полном собрании сочинений А.Н. Толстого, будто писатель лишь «в некоторых моментах второстепенного значения позволял себе известные отступления от исторической канвы»¹⁰, далеко от истины¹¹. Но несомненно и то, что Толстой был знаком и с первоисточниками — памятниками письменности и фольклора XVI – начала XVII в. (даже контаминировал цитаты из различных источников)¹², и с историческими трудами о времени Ивана Грозного*, и с предшествовавшими художественными произведениями об этой эпохе: М.Ю. Лермонтова (в пьесе «Трудные годы» среди действующих лиц купец Степан Парамонович Калашников), А.К. Толстого и др.

О языке и стиле сочинений Ивана Грозного Толстой говорил, выступая на I съезде писателей в 1934 г., а в январе 1935 г. В.Д. Бонч-Бруевич писал А.М. Горькому, что Толстой «очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты, и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать»¹³.

В мае 1940 г. Толстой получил заказ на пьесу об Иване Грозном и весной 1941 г., рассказывая о своих творческих планах, сообщил, что приступает «к пьесе о начале созидания русского государства из эпохи Ивана Грозного». Писать он ее начал 17 октября 1941 г. в Зименках под г. Горьким и завершил в феврале 1942 г. в Ташкенте¹⁴.

Еще в 1920-е гг. на него заметное впечатление произвела книга Р.Ю. Виппера «Иван Грозный», и, работая над пьесой, Толстой сознательно придерживался в характеристике государственно-политической истории России времени Ивана Грозного и в оценке деятельности первого российского царя все более утверждавшейся в те годы точки зрения (нашедшей отражение и в вузовском учебнике, где автором соответствующего раздела был С.В. Бахрушин). Толстой был убежден в прогрессивности государственной централизации и необходимости для России единовластия: это прослеживается и по его романам «Хождение по мукам» и «Петр I».

Об Иване Грозном Толстой напоминал и в своих публицистических выступлениях тех месяцев. В статье «Родина», напечатанной 7 ноября 1941 г., он писал, что

* Это отмечено в комментариях к т. 10 сочинений А.Н. Толстого, в трудах литературоведов, где указаны и исторические источники и труды историков, к которым обращался писатель в период работы над дилогией и ранее.

Иван Грозный «со страстной настойчивостью и жестокостью» «разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха. Таково было постоянное стремление всей Руси — взлет в непомерность»¹⁵. Выявлены и другие высказывания Толстого именно того времени (в том числе и не опубликованные тогда) о царе Иване — государственном деятеле, писателе, человеке.

Образ Ивана Грозного, воссоздаваемый А.Н. Толстым, явно противопоставлен был широко известному читателю и зрителю «каноническому» образу царя из драмы А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»¹⁶. Писатель ожидал сравнительного рассмотрения пьес двух знаменитых однофамильцев (и отзыв Веселовского является подтверждением такого хода мыслей у знакомящихся с новой пьесой о грозном царе) и стремился показать их несхожесть и по содержанию, и стилистическую. Быть может, даже для подчеркивания этого несходства с трагедией в стихах А.К. Толстого введено было необычное для русской литературы определение: «драматическая повесть».

С пьесой Толстого, изданной первоначально тиражом в 200 экземпляров, ознакомился И.В. Сталин, проявлявший особый интерес к событиям времени Ивана Грозного и их оценке. И его суждение нашло отражение в статье М.Б. Храпченко (занимавшего тогда пост председателя Комитета по делам искусств) «Современная советская драматургия», напечатанной в газете «Литература и искусство» 30 мая 1942 г. При характеристике нового произведения Толстого отмечалось «большое значение правильного изображения» деятельности Ивана Грозного и то, что царь Иван показан в пьесе «преимущественно в личном быту. Кипучая деятельность Ивана Грозного по “собирацию” земли русской, созданию централизованного государства не нашла отражения в пьесе. Широкий размах государственных преобразований, осуществляемых Иваном Грозным, также остался вне поля зрения автора. Борьба Ивана Грозного с боярством сведена в пьесе к внутриворцовым распрям. Роль опричнины, на которую опирался Иван Грозный, по существу не показана. В пьесе затронут вопрос о войне с Ливонией, однако разгром Ливонии русскими войсками в пьесе вовсе не показан. Несомненно, что пьеса А.Н. Толстого “Иван Грозный” не решает задачи исторической реабилитации Ивана Грозного»¹⁷. А В.Р. Щербина в книге 1956 г. о А.Н. Толстом пишет: «В первом издании драматической повести “Иван Грозный” в качестве главного мотива борьбы государя с боярством воздвигалась идея самовластия. И.В. Сталин, прочитав первую часть дилогии “Орел и орлица”, посоветовал автору дать более широкое освещение государственной деятельности Грозного и смысла введения им опричнины. Художник приступил к работе над второй частью произведения “Трудные годы” и вносит серьезные дополнения в первую часть»¹⁸.

На самом деле изменения в пьесе «Орел и орлица» не имели принципиального характера. И Толстой решил написать еще одну новую пьесу об Иване Грозном, т.е. дилогию, а первоначально даже трилогию (о чем сообщил в статье «Над чем работаю», помещенной в журнале «Огонек» в январе 1943 г. и приуроченной к 60-летию писателя). Вторую часть Толстой сам считал «центральной»¹⁹. Видимо, уже во второй половине 1942 г. начата была работа над второй пьесой, так как в заклю-

ченном в январе договоре о представлении пьесы МХАТ был указан срок сдачи — 1 марта 1943 г. Пьеса была закончена 16 апреля 1943 г.²⁰ И именно в тот день, как вспоминал драматург Б.С. Ромашов, Толстой говорил ему: «Третью часть писать не буду. Это страшно. Это такой мрак, крушение всех его (Ивана IV. — С.Ш.) надежд, нельзя писать в такое время. Не подниму. После войны как-нибудь»²¹.

Особенно важно указание самого писателя о различии его намерений при работе над разными частями дилогии, учитывая, что вторая часть была написана после указаний Сталина: «Работа над первой пьесой “Орел и орлица” была для меня опытным изучением Грозного, его характера, людей его времени. Вторая пьеса — “Трудные годы” — раскрывает характер царствования Ивана, смысл и причинную связь его деяний»²². Изучавшая материалы, отложившиеся за период работы Толстого над дилогией, П.А. Бороздина пишет о многочисленных правках и изменениях, о трех основных редакциях первой пьесы и четырех основных редакциях второй части дилогии, о том, что отчетливо видно «стремление усилить политико-государственный стержень произведения»²³.

Тенденция автора ясна. Но что побудило писателя к такому смещению событий и дат и смешению стилей? К чему было так демонстративно нарушать хронологию известных исторических событий и деятельности исторических лиц, прибегать к почти балаганным формам в изображении значительных явлений государственной жизни, прежде всего Земского собора? Только ли поспешность и желание поскорее представить свое новое сочинение на суд тому, кто ожидал его окончания? Или потребность денежного обеспечения себя (а Толстой любил и умел жить «открытым домом», был, по словам С.В. Михалкова, «человеком застолья») и трудность в условиях эвакуации проверки исторических сведений (но ведь в Ташкенте, помимо сотрудников Института истории, находился тогда и такой знаток времени Ивана Грозного, как профессор И.И. Полосин)? Или сознательное небрежение к исторической точности, ненужной, мол, для произведения искусства? Все это, видимо, следует учитывать. Но вряд ли здесь не было и умысла.

Толстой — человек циничного ума, с развитым чувством юмора, склонный к игре в жизни и к наблюдениям ее проявления в окружающих*. Не хотел ли Толстой, естественно, как и все интеллигентные люди той поры, тяготящийся сталинско-бериевскими приемами управления и сдерживания общественного мнения, показать, с одной стороны, что писателя-фаворита за произведение на заказную тему не посмеют (зная это) укорить в печати за отступление от исторической истины, а с другой — выявить и уровень требований к истории, и знания этой истории Сталиным и его окружением и вызвать ассоциации у читателя? Мудрый да поймет! Трудно поверить в то, что автор «Сестер», «Гадюки», столь детально следовавший за наблюдениями академика М.М. Богословского в романе «Петр I», объясняющий (или, правильнее сказать, оправдывавший) в опубликованной в начале 1943 г. автобиографии литературные недостатки романа «Хлеб» тем, что это была попытка «обработки точного исторического материала художественными средствами»²⁴, не ведал, что творит, и не думал о том, как оценят потомки (да и современ-

* Это ясно заметно в известных изображениях Толстого И.Л. Андрониковым и в записанных им устных рассказах.

ники) его «лебединую песню»? Тем более что Толстой считал дилогию «Иван Грозный» «любимым детищем», которое долго вынашивалось^{*}.

Обстоятельства общественно-политической жизни, стремление самоутвердиться (или точнее — утвердить себя в глазах Сталина и его окружения) отодвигали сроки завершения работы Толстого над широким полотном романа о Петре Великом, начатой в момент раздумий о корнях, путях и катаклизмах революционных преобразований в нашей стране. Толстой нарочито писал в упоминавшейся автобиографии: «Что привело меня к эпопее “Петр I”? Неверно, что я избрал эту эпоху для проекции современности. Меня увлекло ощущение полноты, “непричесанности” и творческой силы той жизни, когда с особенной яркостью раскрывался русский характер.

Четыре эпохи влекут меня к изображению по тем же причинам: эпоха Ивана Грозного, Петра, гражданской войны 1918–1919 годов и наша сегодняшняя, небывалого размаха и значительности». Писатель был заинтересован в том, чтобы дезавуировать распространенное тогда представление о поводах его особого интереса к определенным историческим эпохам и историческим личностям. И официально он преуспел в этом, получив публичную поддержку такого ведущего тогда критика, отличавшегося к тому же умением быстро ориентироваться в конъюнктуре и ее изменениях, как А.Л. Дымшиц. О характере историзма дилогии «Иван Грозный» Дымшиц писал: в произведениях А.Н. Толстого нет ни «искусственного притягивания истории к современности», ни «пресловутого “опрокидывания” современного в прошлое», а «есть тот здоровый историзм, который выражается в органическом чувстве традиции, в осознании связи современности с прошлым»²⁶.

Но в выделении эпох отечественной истории, притягивающих его художественный интерес, Толстой был правдив. Образ царя Ивана привлек его не позднее начала 1930-х гг. И вероятно, не только как человека «великой страстной русской души»²⁷ и в какой-то мере предтечи Петра I на троне. Не побудили ли Толстого к этому и события рубежа 1920–1930-х гг., названные тогда «великим переломом», определившие дальнейшее развитие и деревни и города и непосредственно отразившиеся и на судьбах окружавшей писателя литературно-художественной интеллигенции, а вскоре и лиц, принадлежавших прежде (или по происхождению своему) к высшим слоям дворянства? А осенью 1941 г. трагические события первых месяцев Великой Отечественной войны, во многом обусловленные и государственно-политическими акциями предшествовавших лет?

Обращение к образу Ивана Грозного и именно к эпохе опричнины, к годам поражения в борьбе с ордами крымского хана и ухудшения положения на ливонском фронте позволяло показать, что такое жестокость самовластия и ее последствия, одиночество подозрительного и вознесенного надо всеми самовластца («Доколе еще вырывать плевелы и сучья гнилые рубить? Остаюсь голо как дерево...»), самооценку самовластца и оценку его народом, как выглядит народное представительство, какой ценой «Россия должна стать великим государством». Небезынтересно,

^{*} «В моей литературной жизни эта повесть о Грозном — самая важная работа», — писал Толстой 18 октября 1943 г. секретарю Горьковского обкома партии М.И. Родионову (в 1950 г. осужденному вместе с Н.А. Вознесенским, А.А. Кузнецовым и др.)²⁵.

что вторую пьесу Толстой начал (после одобрения первой пьесы Сталиным) сразу со второй картины — сцены Земского собора²⁸. Вспомним многие слова и действия обеих пьес (особенно второй и ее название «Трудные годы») и завершающую общее впечатление финальную картину второй пьесы: стан Грозного и «вдали зарево пылающей Москвы», сожженной крымскими татарами, слова из письма царя в этот трагический момент: «А мы, слава богу, здоровы и духом крепки. <...> Случилась у нас беда невеликая...» — и заключительную фразу царя в диалогии: «Горит, горит Третий Рим... Сказано — четвертому не быть... Горит и не сгорает, костер не тленный и огонь неугасимый... Се — правда русская, родина человекам...» В последней цитате отточия А.Н. Толстого²⁹. Нет ли двусмысленности в словах и в образе действия царя в заключительной сцене диалогии? Не этим ли объясняется и неоднозначность оценки диалогии (и ее общественно-политической направленности) в литературоведческих работах?³⁰

Образ царя Ивана, особенно во второй пьесе, многое мог подсказать истинно даровитому актеру, на многое подтолкнуть его общественное сознание, ассоциативность психологических наблюдений. Роль царя в пьесе «Трудные годы» готовил в МХАТ Н.П. Хмелев — великий актер, особо ценимый Сталиным. Сохранились записи близких к нему людей о вживании Хмелева в эту роль, поисках прообразов ее в жизни. Те, кто видел актера в сценах из пьесы, признавали единодушно это исполнение вершиной его творчества, когда «Хмелев впервые зазвучал как трагический актер». Отметившие это М.О. Кнебель и А.Д. Попов писали вскоре после кончины Хмелева (но еще при жизни Сталина!): «Одиночество Ивана в борьбе с боярством, возведение абсолютизма царской власти в степень божественной миссии делали для Ивана трагически непостижимой боярскую измену»³¹. Живым прообразом стал для Хмелева его дед — человек очень злого и властного характера, ослепший и потому особенно подозрительный. Для Хмелева Иван Грозный, по словам работавшей с ним над ролью М.О. Кнебель, человек «умный, властный, хитрый, жестокий». Хмелев говорил, что «Грозный для него сейчас — самое главное в жизни». «Поймите, я в Грозного вложил всю душу и боюсь, дойдет ли все то, что я задумал»³².

И вероятно, крупнейший наш театровед П.А. Марков — человек, близкий издавна Хмелеву, — был прав, когда добавил к ранее написанной — еще при жизни актера — статье о Хмелеве в 1964 г. текст об отношении актера к исполнению им роли Ивана Грозного: «Он брал роль очень глубоко. И Грозный возникал во всех сжигающих противоречиях. О какой бы то ни было сентиментальности здесь, конечно, не могло быть и речи. Хмелев судил своего Грозного с очень высоких человеческих позиций. Думаю, что “историзм” образа его интересовал гораздо менее, чем борьба между пожаром страсти, охватившей этого измученного, страшного в своей подозрительности человека, и мучительными думами о родине и своем призвании»³³. Хмелев понимал, на что он шел, был напряжен до предела и не вынес такого напряжения духа: он упал во время генеральной репетиции в костюме грозного царя и через несколько часов скончался в родном ему театре. Это случилось 1 ноября 1945 г.

И диалогия Толстого, и работа Хмелева над ролью Ивана Грозного — это поиски ответа на вопросы: как оценивать (или оправдывать, убеждая самого себя) жестокого властителя, полагающего, что он воплощает в себе государство и стремле-

ние народа, как объяснить отношение современников (и близко общающихся с ним, и широких слоев) к такому государю. Проблема, к которой обращена мысль и сейчас, когда очевидны пагубные последствия культа личности Сталина. Но об этом думали — хотя и редко решались говорить вслух даже среди близких людей и тем более писать прямо — и участники и современники тех событий. Все это дает основания для дальнейших размышлений о творческих намерениях А.Н. Толстого, о «загадке», как удачно нашел слово С.Б. Веселовский, драматической повести «прославленного писателя».

В публикуемом тексте машинописи с рукописной правкой отдельные неточности в цитатах из пьес А.Н. Толстого исправлены публикатором.

¹ Кнебель М.О. Вся жизнь. М., 1967. С. 433.

² Цит. по: Петелин В.В. Судьба художника: Жизнь, личность, творчество Алексея Николаевича Толстого. М., 1982. С. 524–525.

³ Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 10: Пьесы. С. 699. Авторы коммент. А.В. Алпатов и С.Н. Дурылин.

⁴ Зимин А.А. Академик С.Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в художественной литературе // История и историки: Историогр. ежегодник, 1971. М., 1973. С. 351–376.

⁵ Некоторые из них — статья Д. Заславского о драматической повести Толстого (О правде русской // Большевик. 1944. № 10–11) и статьи о спектакле Малого театра С. Голубова (Правда. 1945. 30 мая) и Н. Погодина (Известия. 1945. 30 мая) — помещены в книге «“Иван Грозный” (драматическая повесть Алексея Толстого на сцене)» (М., 1946).

⁶ Толстой А.Н. Иван Грозный: Драматическая повесть в двух частях. М., 1945. С иллюстрациями П.П. Соколова-Скаля, художника постановки пьесы «Орел и орлица» в Малом театре, и П.В. Вильямса, художника готовящейся постановки пьесы «Трудные годы» в Московском Художественном театре.

⁷ См. записи его лекций в МГИАИ (Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978).

⁸ См.: Смирнов И.В. Приобретение навеки // Знание — сила. 1987. № 9. Очерк о С.Б. Веселовском в разделе «Люди науки».

⁹ Шмидт С.О. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского [Репринт изд. 1842–1844 гг.]: В 4 кн. М., 1988. Кн. 4. С. 28–43; Он же. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: Сб. к 70-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1989. С. 187–202.

¹⁰ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 697.

¹¹ См.: Веселовский Т.Т. Диалогия А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 184, вып. 6. С. 161–181; Титкина Т.С. Об исторической правде в диалогии А.Н. Толстого «Иван Грозный» // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. 1959. Вып. 53. С. 60–83.

¹² Векслер И.И. Алексей Николаевич Толстой. М., 1948. С. 468–469. Об этом же — в трудах литературоведов, изданных позднее.

¹³ Цит. по: Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой: Жизнь и творчество: Краткий очерк. М., 1960. С. 221.

¹⁴ Там же. С. 284, 287–288.

¹⁵ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 14: Рассказы, очерки и статьи. 1941–1944 гг. С. 162.

¹⁶ См.: Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой: Жизнь и творчество. С. 290–291.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 288–289.

¹⁸ Щербина В.Р. А.Н. Толстой: Творческий путь. М., 1956. С. 481. См. также: Западов В.Л. Алексей Николаевич Толстой. Л., 1969. С. 124.

¹⁹ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 373.

²⁰ *Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой: Жизнь и творчество. С. 289.*

²¹ Цит. по: *Ромашов Б.С. Драматург и театр. М., 1953. С. 464.*

²² *Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379.* Первоначально напечатано в журнале «Смена» в феврале 1944 г.

²³ *Бороздина П.А. А.Н. Толстой и театр. 2-е изд. Воронеж, 1975. С. 18.*

²⁴ *Толстой А.Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 1. С. 88.* «Краткая автобиография» впервые была напечатана в журнале «Новый мир» (1943. № 1. С. 109–110).

²⁵ См.: *Крестинский Ю.А. А.Н. Толстой: Жизнь и творчество. С. 293.*

²⁶ *Дымшиц А.Л. «Иван Грозный» Алексея Толстого // Звезда. 1944. № 4. С. 117.*

²⁷ *Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 89.*

²⁸ *Кнебель М.О. Вся жизнь. С. 444.*

²⁹ См.: *Толстой А.Н. Иван Грозный: Драматическая повесть в двух частях. С. 144, 145, 150; То же // Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 575.*

³⁰ Эти работы названы в книгах П.А. Бороздиной «А.Н. Толстой и театр» и Л.И. Зверевой «А.Н. Толстой — мастер исторической драматургии» (Львов, 1982).

³¹ *Попов А.Д., Кнебель М.О. Н.П. Хмелев — Иван Грозный // Ежегодник МХАТ, 1945. М., 1948. Т. 2. С. 156.*

³² *Кнебель М.О. Вся жизнь. С. 441, 443, 464, 465.*

³³ *Марков П.А. О театре: В 4 т. М., 1974. Т. 2. С. 344.*

ИССЛЕДОВАНИЯ А.В. АРЦИХОВСКИМ МИНИАТЮР ЛИЦЕВЫХ ЛЕТОПИСЕЙ

Эта книга Артемия Владимировича Арциховского (1902–1978) стала достоянием читателя ровно шестьдесят лет назад. В условиях военного времени в МГУ можно было осуществить издание лишь тиражом в тысячу экземпляров, на бумаге невысокого качества и в мягкой обложке, но все-таки с воспроизведением рисунков миниатюр из лицевых рукописей. В ту пору выход книги воспринимался и как радостный симптом возрождения серьезной научно-издательской деятельности старейшего университета России.

Профессор А.В. Арциховский имел уже прочную репутацию видного археолога, историка русского Средневековья и заметного деятеля в области организации высшего образования. Он был тогда заведующим кафедрой археологии на историческом факультете Московского университета (основанной под его руководством в 1939 г.) и научным сотрудником Института истории материальной культуры Академии наук (переименованного в 1959 г. в Институт археологии). А.В. Арциховский обладал к тому времени и немалым опытом музейной деятельности и уже разработал не имевший аналогов в мировой педагогической практике лекционный курс с изложением достигнутого отечественными и зарубежными археологами в изучении длительного периода истории от первобытной эпохи до позднего

Впервые опубликовано: Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004. С. 5–20 (под назв. «Предисловие»).

Средневековья, ставший фундаментом его широко известных учебных пособий «Введение в археологию» и «Основы археологии».

Исследованием миниатюр летописей как исторических источников А.В. Арциховский вплотную начал заниматься, видимо, после издания книги 1930 г. «Курганы вятичей», которую академик М.Н. Тихомиров так оценил в 1953 г.: «...работа... показала значение вятичей, как одного из крупнейших восточнославянских племен, в образовании русской народности. Эта работа цитируется не только в специальных археологических трудах; она оказала большую помощь в изучении истории Москвы и образования русского литературного наречия»¹.

Уже в 1932 г. вышла в свет немалого объема работа Арциховского «Миниатюры Кенигсбергской летописи» (так ученый называл вслед за некоторыми из своих предшественников Радзивиловскую летопись). Затем появились статьи о миниатюрах Лицевого свода и других рукописей XVI в. В 1940 г. Арциховский защитил докторскую диссертацию «Древнерусские миниатюры как исторический источник», которая стала основой переиздаваемой ныне книги.

Миниатюры русских лицевых рукописей допетровского времени изучали еще в XIX в., когда на значение их для познания истории культуры указывал великий филолог и искусствовед Ф.И. Буслаев. А.Е. Пресняков на рубеже XIX и XX вв. привлек внимание к редактированию миниатюр летописей с политической целью. Однако еще к началу 1920-х гг. исследование миниатюр лицевых рукописей относили прежде всего к сфере истории искусства и в какой-то мере также истории книжности, кодикологии.

Теперь история выявления и изучения миниатюр русских лицевых летописей допетровской эпохи освещена в историографического плана монографии В.Д. Черного «Русская средневековая миниатюра: направления, проблемы и методы изучения», вышедшей в свет совсем недавно (книга подписана к печати 30 декабря 2003 г. и датирована на титульном листе 2004-м годом), уже тогда, когда редакционная подготовка нашего издания была завершена. Само появление такой солидной по объему монографии (в ней 37 печатных листов) — убедительное свидетельство возрастающего внимания и все более разностороннего подхода к исследованию миниатюр лицевых рукописей. Там рассматривается вопрос от периода «становления научного отношения к миниатюре» в XVIII–XIX вв., а в последней, четвертой главе «Интеграционные процессы в изучении миниатюры (1960–1990-е гг.)» выделены разделы и о «научно-справочных и методических публикациях», и специально об исследованиях «атрибуционных», «книговедческих», «искусствоведческих», «источниковедческих», «культурологических». Хотя В.Д. Черный подчеркивает особое значение монографии Арциховского и его статей преимущественно в плане развития «источниковедческих» исследований, из его же обзора выясняется, что эти труды изначально оказывали воздействие на развитие и других «направлений» миниатюрзнания.

Фундаментальная основательность и в то же время методологическое и методическое новаторство книги Арциховского предопределили признание ее одним из высших достижений наших гуманитарных наук тех лет. В такой оценке были единодушны и рецензенты М.Н. Тихомиров, Н.Н. Воронин, Б.А. Рыбаков (отзывы эти перепечатываются в приложении к нашему изданию).

В то время еще господствовало представление о крайней условности изображений в русской миниатюре, о незначительной исторической достоверности рисунков. Напоминая об этом в своей рецензии, М.Н. Тихомиров убежденно формулирует: «Книга Арциховского своего рода комментариев к нашим лицевым сводам, комментарий научный и, прямо скажем, одинаково полезный для историка, археолога, этнографа и даже историка литературы. Читателю становится совершенно ясно, какое большое внимание уделяли миниатюристы иллюстрируемому тексту». Заключает эту рецензию 1946 г. М.Н. Тихомиров так: «Ценность всякой книги измеряется в первую очередь тем новым, что автор вносит в науку. В этом отношении право первого исследователя, поставившего во всей широте вопрос об изучении древнерусской миниатюры как исторического источника, всецело останется за Арциховским». По существу это повтор написанного в первом же абзаце рецензии о том, что тема «Древнерусские миниатюры как исторический источник», «поставленная в таком разрезе, разрешается впервые в нашей науке. В дальнейшем все будущие исследователи русской миниатюры будут основываться на книге А.В. Арциховского»².

В другой рецензии Н.Н. Воронина значительнейшим достижением Арциховского признаются его наблюдения над изображением «вещевых реалий» и доказательства того, что миниатюристы Лицевого свода заимствовали представление о форме вещей в давнее время из более ранних лицевых рукописей. Саму методику автора монографии Воронин определил как «музейно-археологическую»³. Добавляются и примеры самостоятельности иллюстраторов текста — уже в Радзивилловской летописи, где обнаруживается необычайная осведомленность художников о событиях во Владимирской земле во второй половине XII в., в иллюстрациях имеется избыточная информация по сравнению с иллюстрируемым текстом. Так, в момент убийства князя Андрея Боголюбского среди заговорщиков изображена женщина; это, вероятно, Улита Кучковна, о злодеянии которой сохранялась память еще в преданиях XVII в. Особенно показательно то, что при отступлении в тексте от правды художник, вопреки написанному, изображает то, что было на самом деле: по тексту, убийцы отрубили у князя правую руку; миниатюрист изображает отсеченной левую. Исследование останков Андрея Боголюбского выявило правоту художника⁴, а следовательно, и его особую осведомленность.

Исследователь из поколения учеников Тихомирова и Арциховского А.Д. Горский, подходя в 1970-е гг. к научной биографии Арциховского уже в историографическом контексте (и истории творчества самого ученого, и развития науки в середине XX в.), замечает, что до работ его не была раскрыта и обоснована «степень фактологической достоверности миниатюр», «не проводился развернутый и всесторонний источниковедческий анализ этого важного вида источников по истории русского средневековья». А это «требовало колоссальной предметной эрудиции — в смысле знания не только множества различных древних предметов (топоров, сох, плугов, серпов, орудий ремесла, оружия, одежды, утвари и т.д.), но и всего многообразия явлений, в которых воплотилась материальная и духовная культура Древней Руси. Знания в области естественных наук имели большое значение для научного комментирования изображенных на миниатюрах природных явлений, животных...» «Исследования А.В. Арциховским древнерусских миниатюр и гербов как исторических источников, — как выразительно пишет Горский, —

приобшили к “миру вещей” (вещественные памятники) и “миру слов” (памятники письменности) своеобразный “мир изображений”⁵.

Интеграционному подходу к изучению миниатюр лицевых рукописей, когда «изучение письменных и вещественных исторических источников переплетается теснейшим образом», Арциховский во многом обязан школе Ю.В. Готье в Московском университете еще в 1922–1925 гг. Он сам не раз повторял это в докладе-статье памяти академика Ю.В. Готье «Ю.В. Готье как археолог». Арциховский считал одной из главных заслуг Готье «объединение истории и археологии», напоминая в середине 1940-х гг., что лет двадцать до того археологию причисляли «то к художественным наукам, то к естественным наукам», а теперь «единство наук представляется... чем-то само собой разумеющимся, настолько общи их задачи».

Видимо, допустимо употребление для обозначения ученого-специалиста, не ограничивающегося в своей практике работой в «поле», термина «историк-археолог», как это принято в отношении «историков-архивистов», когда они не замыкаются в рамках охранительско-технологической работы. Можно полагать, что методика историка-археолога, опирающегося в своих выводах общеисторического значения на письменные источники не в меньшей (а иногда даже в большей) мере, чем на вещественные, продемонстрированная в статьях Арциховского 1930-х гг. по истории древнего Новгорода (о ремесле, о городских концах), восходит к усвоенному из работы Готье 1928 г. «Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальской земли», о которой упоминается в этой статье. И заканчивается статья указанием на отличие учеников Готье от других археологов — на «некоторое своеобразие московских археологов», для которых характерно «стремление к взаимопроверке письменных и вещественных источников»⁶. И не случайно Арциховский особо выделял это как достоинство работы историков в рецензиях на книги М.Н. Тихомирова о древнерусских городах и Б.А. Рыбакова о ремесле Древней Руси (что особо отмечено в статье Горского об Арциховском⁷).

Книга Арциховского побудила и других историков, используя столь результативную методику, продолжить исследования по изучению реалий (и обиходных, и политико-идеологических) миниатюр лицевых рукописей. Первыми работами такого направления были уже упомянутые рецензии на книгу, написанные Н.Н. Ворониным и Б.А. Рыбаковым. Рецензию Рыбакова отличает более многостороннее, чем в книге, обращение к памятникам словесности (особенно к «Слову о полку Игореве»)⁸.

Отлично осведомленный и об отечественной литературе о книжных миниатюрах, и о методике зарубежных исследователей, изучавших зарубежную же средневековую миниатюру, Арциховский, можно полагать, изначально сознательно ограничил проблематику и тематику своей работы в области миниатюрзнания.

Арциховский уклонился от рассмотрения особенностей художественной стилистики миниатюр и попытки определить значение творчества миниатюристов для развития приемов и совершенствования мастерства в изобразительном искусстве в целом. Не выделены в книге и замечания о специфике приемов передачи пространства и времени в миниатюре, о семантике организации цветового строя миниатюр (изучением чего через пятьдесят лет займется А.А. Амосов в комплексном кодикологическом исследовании о Лицевом своде⁹, отказавшийся, в свою оче-

редь, от анализа содержательной стороны и текста, и миниатюр летописей). Не считал нужным Арциховский делиться с читателем и своими соображениями об эстетических принципах взаимосвязи и соотношения текста и иллюстраций на листах рукописи (что особенно важно при изучении творческой деятельности средневековых книжников), ограничиваясь обозначением сюжета и характеристикой его истолкования в тексте и в иллюстрации.

Из двенадцати «томов» Лицевого свода, в которые переплели в XVIII в. его разрозненные листы, Арциховский детально ознакомился лишь с теми, где излагаются события отечественной истории и, следовательно, имелась возможность сопоставительного рассмотрения изображенного на миниатюрах и самих «реалий». Но, к сожалению, ученый основательно исследовал миниатюры только пяти томов из шести, посвященных отечественной истории, полагая, что Царственная книга (где отражены события 1533–1553 гг.) не относится к Лицевому своду, а лишь «тесно связана с ним» и «рисунки ее сравнительно бедны содержанием»¹⁰.

Не вполне понятно, чем Арциховский в данном случае руководствовался. Наука же — увы! — не смогла обогатиться его соображениями о миниатюрах и Царственной книге, которая, как теперь убедительно показано, является частью листов грандиозного Лицевого свода. Особенно обидно то, что и к этим листам свода можно отнести наблюдения ученого о миниатюрах Синодального тома, тоже посвященного времени Ивана Грозного: «моделями для мастера (или для его русских и близких оригиналов) были не столько древние рисунки, сколько окружавшая его в жизни обстановка. В этом убеждает... изучение изображенных вещей. Жизнь и быт XVI века хорошо отразились в этом томе»¹¹. Тем самым выпали из поля зрения ученого и многие детально изображенные события в Москве (в частности, изменения, внесенные в рисунки после властного редактирования Синодального тома), и подробнейшие изображения того, что относится к истории Казанской войны. Сейчас составить понятие о содержании миниатюр Царственной книги и месте их на листах рукописи можно по книге 2004 г. об обоих томах Лицевого свода, отражающих историю годов правления Ивана Грозного¹².

Когда позднее, в 1950–1960-е гг., Арциховский консультировал меня при работе с миниатюрами Царственной книги, щедро одаривая наблюдениями ученого редкой эрудиции¹³, заметно было, с какой заинтересованностью он рассматривал принесенные ему фотографии миниатюр. В отзыве официального оппонента моей докторской диссертации, защищенной в январе 1965 г., А.В. Арциховский заметил: «Пишущий эти строки когда-то много занимался летописными миниатюрами и неоднократно доказывал, что рисунки иногда существенно дополняют, иногда своеобразно истолковывают текст летописи». И подчеркнул, характеризуя обращение к летописям времени Ивана Грозного при изучении эпохи его правления: «Тут важно, что художники были современниками изображаемых событий, в отличие от большинства других летописных миниатюристов». (Отзыв позднее был напечатан в виде рецензии на мою книгу 1973 г.¹⁴)

Обратившись к томам «гигантского исторического Лицевого свода, опознанного и систематизированного А.Е. Пресняковым»¹⁵ (т.е. к томам, посвященным событиям российской истории), Арциховский не стал заниматься выяснением вопросов о его происхождении и времени составления отдельных томов, доверяясь

мнению ученых рубежа XIX и XX вв., согласившихся с выводом Н.П. Лихачева (основанным на выявлении водяных знаков рукописных листов) о работе по подготовке Лицевого свода в третьей четверти XVI в. После фундаментального исследования Амосова, полистно изучавшего все филигранные огромного рукописного свода, уточняется, что такая работа велась и во всяком случае завершалась уже в начале четвертой четверти XVI в.¹⁶

Но новаторская монография Арциховского, поражающая в то же время всесторонностью эрудиции и скрупулезностью сопоставительного изучения более одиннадцати с половиной тысяч миниатюр (да еще при сравнительном подходе к информации словесной и изобразительной, т.е. и текста, и миниатюр), сразу же стала опорой в исследованиях не только историков (и русского средневековья, и археологов, и источниковедов, и этнографов) и книговедов, но и искусствоведов. К этой книге обращались и при исследовании времени составления отдельных томов Лицевого свода и свода в целом, при решении задач, стоявших перед кодикологами, текстологами.

Использование данных из книги Арциховского в трудах ученых разных специализаций, в музейных экспозициях, в лекциях, рекомендациях этого издания студентам предопределялось не только глубокой содержательностью монографии, но и манерой написания Арциховским своих книг и статей (характерной также и для его лекционных курсов), позволяющей подчас обращаться к его исследованиям и как к научно-справочным изданиям. М.Н. Тихомиров говорил в этой связи, характеризуя в 1953 г. научные заслуги ученого и педагога: «При этом следует отметить крайнюю лаконичность языка А.В. Арциховского, вследствие чего громадные темы укладываются у него в небольшие по размерам книги. Этой особенности трудов А.В. Арциховского может позавидовать любой из наших историков и археологов. Про труды А.В. Арциховского с полным правом можно сказать, что в них просторно для фактов и построений и тесно для слов...»¹⁷

Собственно источниковедческое значение книги Арциховского для дальнейшего развития и конкретного (тем более прикладного), и теоретического источниковедения отнюдь не ограничивается убедительной демонстрацией того, к каким плодотворным научным результатам приводит комплексное изучение памятников письменности (прежде всего, рукописных миниатюр) и вещественных памятников. Выводы и наблюдения Арциховского имели существенное значение и в плане проблематики теоретического источниковедения, и для определения предмета «сравнительное источниковедение» и «комплексное источниковедение».

Исследование Арциховского (не ставившего перед собой задачи декларировать набор теоретико-культурологических соображений) показывало, что и в памятниках Средневековья удается выявить совмещение намеренной (так сказать, запрограммированной) информации с непроизвольными свидетельствами, а в информации о прошлом отражение мироощущения времени создания памятника¹⁸. Арциховский уже в самом начале книги внушает читателю мысль, что в миниатюрах «идеологий, собственно говоря, две. Одна из них принадлежит заказчикам, другая — мастерам. Переплетение получается довольно причудливое»¹⁹. Проблема особенностей отражения в источниках реальной действительности и вех приятия ее — сфера, сближающая историческое источниковедение (и науку

истории в целом) и с психологией, и с социологией, с изучением тех явлений, которыми интересуются исследующие столь привлекательную с недавнего времени проблематику истории «ментальности».

Освоение книги Арциховского важно для определения специфики так называемого сравнительного источниковедения, задача которого — выявить общее и особенное в изучении и использовании разнотипных источников (их формы отражения реальной жизни, содержания, места в разных системах коммуникационных связей, соотношения при изучении разных эпох, явлений разного порядка и др.)²⁰. Если сравнительное источниковедение можно отнести к сфере теоретического источниковедения, то комплексное источниковедение — сфера совмещения и проникновения методик конкретного источниковедения, характерных для изучения разных типов и подтипов исторических источников. И обращаются к его приемам прежде всего при изучении конкретных явлений исторической действительности (в том числе и происхождения и особенностей бытования самих исторических источников).

Именно монография Арциховского, вслед за которой ознакомились с монографиями Тихомирова о городах («Древнерусские города» 1946 г. и «Древняя Москва (XII–XV вв.)» 1947 г.) и Рыбакова («Ремесло Древней Руси» 1948 г.), утвердила сравнительно широкие представления о методике и возможностях такого изучения во взаимосвязи разного типа исторических источников — словесных (прежде всего письменных), вещественных, изобразительных, поведенческих (их часто называют «этнографическими»), которое позднее стали определять как «комплексное источниковедение». В наибольшей мере это — «интеграция письменных и вещественных источников», и синтез их «в едином исследовании» признается «главным средством развития исторической науки сегодня»²¹.

В основе продемонстрированной Арциховским методики комплексного источниковедения убежденность в том, что археология — органическая часть исторической науки и никак не может быть отнесена к «вещеведению» или «памятниковедению». Задача археологии — изучать всю историческую проблематику и определять место вещественных исторических источников в процессе познания прошлого, и даже для тех эпох, когда все более возрастает количество памятников письменности и в жизненном обиходе, и в сохранившемся до наших дней массиве источниковедческой информации.

Сам Арциховский в работах 1940–1970-х гг. не только успешно применял, но и совершенствовал методику комплексного источниковедения. Как верно отмечено в статье об Арциховском в книге биографий «Историки России» 2001 г., «у Арциховского был талант устанавливать связь между миром вещей и текстов, вещей и чувств, вещей и идей. И если бы он не прославился как выдающийся археолог, то вошел бы в историческую науку как зачинатель исторического культуроведения», и упоминаются статьи его 1940-х гг. «Лыжи на Руси», «Одежда», «Оружие», главы «Пища и утварь», «Средства передвижения» в «Очерках русской культуры XIII–XV вв.»²².

Нынешняя молодежь, однако, не ясно себе представляет, что у истоков формирования понятий о предмете и методике «комплексного источниковедения» (распространенных после публикации трудов ученых из поколения учеников Арциховского), об интеграции письменных, вещественных, изобразительных исторических источников — прежде всего работы А.В. Арциховского еще 1930–1940-х гг.

Это произошло и потому, что более широкую славу, а затем и всемирное признание А.В. Арциховский приобрел напечатанными позднее учебными пособиями по археологии и особо замечательными результатами возглавляемой им археологической экспедиции в Великом Новгороде. Работа археологов в древнем городе началась в 1932 г. и возобновилась после войны. Великим событием в истории этой уникальной экспедиции по изучению средневековых древностей в центре большого современного европейского города явилось открытие в 1951 г. первых берестяных грамот. Тем самым материалы археологических раскопок стали бесценным источником и по изучению письменности и разговорного языка Древней Руси. Это открытие особенно сблизило археологию с археографией (первые публикации найденных берестяных грамот подготовлены Арциховским или под его руководством) и с языкознанием.

Дальнейшая, иной тематики научно-исследовательская работа Арциховского (ставшего в 1960 г. членом-корреспондентом Академии наук), увенчанная многими наградами и широко отраженная и в зарубежных изданиях, большая научно-редакционная работа (с началом выхода в 1956 г. академического журнала «Советская археология» он главный его редактор; возглавлял он и редколлегия серии «История» «Вестника Московского университета»), неумолимая педагогически-организационная деятельность (в 1952–1957 гг. он был деканом исторического факультета МГУ), руководящая роль в подготовке многотомного труда по истории русской культуры²³ как бы заслонили память о книге 1944 г. Об историографическом значении книги пишут, как правило, меньше, чем о других научных достижениях Арциховского даже в статьях, специально посвященных его жизни и творчеству. Исключением является, пожалуй, лишь превосходная статья Горского «А.В. Арциховский как источниковед (к 70-летию со дня рождения)», напечатанная в «Археографическом ежегоднике за 1972 год».

А жизнь и творчество знаменитого историка нашли отражение в немалом числе изданий²⁴: в честь Арциховского издано два сборника статей — к 60-летию и к 70-летию²⁵, посмертно напечатаны некрологи и статьи (Д.А. Авдусина, Л.Р. Кызласова, А.А. Формозова, В.Л. Янина и др.). Писали и говорили и о своеобразии внешнего облика, образа жизни, поведения. Убежденный холостяк, запоминавшийся бытовой неумелостью, Арциховский был своеобразным человеком с особой манерой поведения, нестандартными вкусовыми пристрастиями и неприязнью, с характерным искажением букв алфавита при произношении (из курса в курс слушатели лекций повторяли, как он говорил «трупные растопти» вместо «крупные [раскопки]», «товарная женщина» вместо «коварная» и т.п.). Речь его была лаконичной и образной (его формулировка «археология — история, вооруженная лопатой» вошла в повсеместный научный обиход), иногда и афористичной до ядовитости (как характеристика одного из преуспевающих молодых коллег, «способный, очень способный, способный на все»). Подозреваю, что ему могли даже приписывать краткие афоризмы (как Пушкину эпиграммы других). Запоминавшаяся внешность (крутолобый, высокий и плечистый, с тяжелой, неповоротливой походкой), беспрецедентная память на имена (он помнил имена и отчества, а также и оценки едва ли не всех студентов, отвечавших ему на экзамене), даты, тексты стихотворные и прозаические (бытовало даже выражение «арциховская

память») — все это придавало особый колорит облику исследователя и педагога²⁶. Это нашло отражение и в материалах коллекции записей В.Д. Дувакина и его сотрудников в собрании Отдела фондо документов Научной библиотеки МГУ. Создавая с конца 1960-х гг. фонд звуковых мемуаров по истории русской культуры первой трети XX в., беседовали с проявившим себя уже в то время как заметный ученый Артемием Владимировичем и с его учениками и сотрудниками последующих десятилетий; обзорные эти данные в статье Д.Б. Спорова²⁷.

В наши дни, через шестьдесят лет после первого издания, кажется подчас странной, даже раздражающей идеологизированная фразеология, обязательная тогда для исторической литературы в условиях регламентации научной мысли. А то, что воспринималось с признательностью как новация, может выглядеть теперь общеизвестным, само собой разумеющимся. В определенной мере устарела даже фактологическая база книги, настолько пополнились с тех пор наши сведения о миниатюрах лицевых рукописей, которые изучал Арциховский, и подавно о миниатюрзнании в целом. Но произошло такое обогащение представлений об этих миниатюрах как об исторических источниках в значительной мере благодаря воздействию именно этой основополагающей монографии и последующих трудов Арциховского. Рассматривая книгу 1944 г. в историографическом плане, В.Д. Черный совершенно справедливо утверждает, что «в силу чрезвычайно широкого диапазона затронутых в монографии тем она вызвала к себе интерес историков различного профиля и стала мощным стимулом к появлению многочисленных отраслевых исследований, использующих миниатюру в качестве основного источника»²⁸.

Характеризуя источниковедческие работы 1940–1950-х гг., опирающиеся на миниатюры, «различные по своему характеру и тематике», В.Д. Черный констатирует, что начаты они были «под влиянием» монографии Арциховского, и называет имена ученых, принадлежавших в ту пору и к поколению самого Арциховского, и к младшему, — М.Г. Рабиновича, Б.А. Рыбакова, С.О. Шмидта, А.Д. Горского, И.Л. Богоявленского²⁹.

Несомненное воздействие «обобщающей работы» Арциховского, явившейся «важным этапом в изучении миниатюр», подчеркивает в монографии 1965 г. «Миниатюры русских исторических рукописей» XIII–XVI вв. О.И. Подобедова³⁰, ставившая перед собой искусствоведческие и кодикологические задачи. Отмеченные ею «ценнейшие наблюдения по поводу отражения в древнерусской миниатюре своего рода “феодальной табели о рангах”» способствовали выработке культурологических представлений об этикетности мышления средневекового человека (развитых в трудах Д.С. Лихачева) и обоснованию взгляда Д.С. Лихачева на книжную миниатюру как повествовательную систему.

Существенными оказались соображения А.В. Арциховского и для изучения истории древнерусской литературы и искусств — они способствовали, так сказать, удлинению ее вглубь столетий. Убедительно подтверждались предположения о существовании более ранних не дошедших до нас лицевых рукописей (летописного жанра, житий) и о том, что миниатюрам более давних веков тоже были присущи стремление к достоверности в изображении реалий и следование «этикетным традициям». Иначе миниатюристы последующего времени не сумели бы так

изображать вещественные памятники той поры, «поскольку историко-археологических сведений у создателей миниатюр предположить невозможно»³¹.

Этими важнейшими и для датировки рукописей источниковедческими наблюдениями руководствовались и при исследовании лицевых рукописей (и близких к ним и нелицевых) в последующие десятилетия, обосновывая существование их протографов³². И не случайно статью о миниатюрах, помещенную в приложении к факсимильному изданию Радзивилловской летописи в 1994 г., академик Б.А. Рыбаков, напоминая о своей рецензии почти полувековой давности, начинает так «“Окнами в исчезнувший мир” назвал миниатюры Радзивилловской летописи один из исследователей этих замечательных рисунков А.В. Арциховский. Нам очень важно знать, какую Русь увидим мы в эти окна. Будет ли это Русь эпохи Ивана III (к которой относится бумага рукописи) или же времени Всеволода Большое гнездо, а может быть, и более раннего времени?»³³

Исследование Арциховского укрепляло понятие о более высоком, чем принято было тогда признавать, уровне культуры Древней Руси и наличии уже тогда элементов письменной и художественной культуры, которые прежде относили лишь к западноевропейскому Средневековью. Потому-то Арциховский так радостно и убежденно поддерживал мнение Г.К. Вагнера о высоком искусстве скульптуры во Владимиро-Суздальском княжестве XII–XIII вв. (мы оба были официальными оппонентами его диссертации). Это объясняет, почему ученый еще до открытия берестяных грамот, существенно изменивших представления об образованности жителей Древней Руси (во всяком случае, горожан) XI–XVI вв., уверен был в существовании еще не выявленных памятников письменной простонародной массовой культуры тех веков. М.Н. Тихомиров, находившийся в длительных дружеских отношениях с Арциховским, счел важным отметить в 1953 г., «что само открытие грамот на бересте сделано было проф. А.В. Арциховским не случайно, а в результате сознательных поисков письменных документов, о чем проф. Арциховский неоднократно говорил в своих докладах»³⁴.

И без включения сведений из работ последующих десятилетий книга Арциховского остается несравненной по полноте и степени доказательности «энциклопедией по истории русского оружия, предметов обихода, по истории русской миниатюры и т.д.», как характеризовал ее М.Н. Тихомиров в 1953 г.³⁵ В книге собран ценнейший материал по истории и жизненного обихода, и общественно-политического сознания Руси, и особенно современников Ивана Грозного. Она сохраняет значение и поучительнейшего пособия по использованию приемов комплексного источниковедения, и важного историографического источника.

А.В. Арциховский издал не весь машинописный текст своей докторской диссертации — возможно, что это было обусловлено допустимым для издательства объемом книги. В.В. Морозов — старший научный сотрудник Археографической комиссии Российской академии наук, автор и диссертации, и других работ о Лицевом своде и его миниатюрах (преимущественно в томах о событиях XVI в.)³⁶ — в научном архиве Института археологии РАН выявил и подготовил к печати не вошедшие в издание части исследования. Должно выразить благодарность директору Института археологии члену-корреспонденту РАН Николаю Андреевичу Макарову за поддержку и одобрение переиздания книги А.В. Арциховского в ее тепе-

решнем варианте и заведующей научным архивом Института Ирине Магомедовне Умаровой за заботу и помощь в работе с архивными материалами.

Книга переиздается в год семидесятилетия со дня основания любимого Артемием Владимировичем Исторического факультета Московского университета и накануне праздника 250-летия со времени основания Московского университета. Изданием этого классического исторического труда мы отдаем дань уважения и тому вкладу в историческую науку, который внесли профессора университета, формировавшие именно там свои научные школы.

¹ К 65-летию А.В. Арциховского // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1967 год. М., 1969. С. 338.

² Вопросы истории. 1946. № 2. С. 33–37; Тихомиров М.Н. Русская культура X–XIII веков. М., 1968. С. 277–281.

³ Рецензия Н.Н. Воронина опубликована в № 9 «Вестника Академии наук СССР» (1946. С. 108–113).

⁴ Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003. С. 179.

⁵ Горский А.Д. А.В. Арциховский как источниковед (к 70-летию со дня рождения) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 226–233.

⁶ Арциховский А.В. Ю.В. Готье как археолог // Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 1945. Вып. 1. С. 21–24.

⁷ Горский А.Д. А.В. Арциховский как источниковед. С. 228.

⁸ Рыбаков Б.А. «Окна в исчезнувший мир». По поводу книги А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» // Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 1946. Вып. 4. С. 36–41.

⁹ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

¹⁰ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 41.

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Лицевой летописный свод XVI века: Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е.А. Белоконь, В.В. Морозов, С.А. Морозов; отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003.

¹³ См. об этом: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

¹⁴ Арциховский А.В. [Рецензия] // История СССР. 1974. № 3 С. 194–195. Рец. на кн.: Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

¹⁵ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 40.

¹⁶ Шмидт С.О. О книге А.А. Амосова «Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование» // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 462–463.

¹⁷ К 65-летию А.В. Арциховского. С. 338.

¹⁸ Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 43–44. Статья «Современные проблемы источниковедения» (1969 г.).

¹⁹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. С. 4–5.

²⁰ Шмидт С.О. Путь историка. С. 50–52.

²¹ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 5, 21.

²² Дмитриева И.А. А.В. Арциховский // Историки России XVIII–XX вв. М., 1999. Вып. 6; Она же. Арциховский А.В. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 748.

²³ См. об этом в кн.: Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004. Статьи «Археологии кафедры» (с. 25–30), «Арциховский Артемий Владимирович» (с. 33–36), «Вестник Московского университета» (с. 71).

²⁴ См.: Артемий Владимирович Арциховский: Биобиблиографический указатель. М., 1973; Арциховский А.В. // Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь. 2-е изд. Саратов, 2000. С. 37.

²⁵ Историко-археологический сборник (К 60-летию А.В. Арциховского). М., 1962; Новое в археологии (К 70-летию А.В. Арциховского). М., 1972.

²⁶ Шмидт С.О. Артемий Владимирович Арциховский // Шмидт С.О. Путь историка. С. 407.

²⁷ Споры Д.Б. Устные воспоминания об А.В. Арциховском (К 100-летию со дня рождения ученого) // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 371–395.

²⁸ Черный В.Д. Русская средневековая книжная миниатюра. М., 2003. С. 159.

²⁹ Там же. С. 413.

³⁰ Подобедава О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 7.

³¹ Там же. С. 105.

³² Лихачев Д.С. Текстология: на материалах русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 438.

³³ Рыбаков Б.А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков // Радзивилловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр. СПб.; М., 1994. С. 281.

³⁴ К 65-летию А.В. Арциховского. С. 338.

³⁵ Там же.

³⁶ Морозов В.В. Лицевой летописный свод XVI в.: Уроки историографии // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 52–65; АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 42–55; АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 43–55.

КНИГА А.А. АМОСОВА «ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД ИВАНА ГРОЗНОГО»

В основу монографии Александра Александровича Амосова положена диссертация «Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Опыт комплексного историко-ведческого исследования», представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук Ученому совету Санкт-Петербургского отделения Института российской истории Академии наук. Диссертация была успешно защищена 17 декабря 1991 г. Оппонентами выступили крупные ученые-специалисты: член-корреспондент Академии наук Л.А. Дмитриев — заведующий Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома, широко известный литературовед и текстолог (теперь — увы! — покойный), Ю.Г. Алексеев — виднейший знаток истории эпохи Российского централизованного государства, Р.Г. Пихоя — создатель уральской школы археографов. Такой подбор оппонентов — филолог, историк, археограф — показателен, так как новаторское и в то же время фундаментальное исследование А.А. Амосова на стыке направлений гуманитарных наук — отечественной исто-

Впервые опубликовано: Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 3–10. Переиздано: Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 456–464 (под назв. «О книге А.А. Амосова “Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование”»).

рии, истории древнерусской литературы, истории изобразительного искусства, историографии, книговедения и комплекса специальных исторических (или даже историко-филологических) дисциплин — источниковедения, археографии, текстологии, кодикологии, палеографии, филигранологии. И А.А. Амосов показал блестящее владение методикой всех этих научных дисциплин, обеспечившее столь результативное исследование именно в русле комплексного источниковедения, традиции которого восходят к трудам Н.П. Лихачева, А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Н. Щепкина на рубеже XIX и XX столетий, М.Н. Тихомирова, А.В. Арциховского, Л.В. Черепнина, Д.С. Лихачева, В.Л. Янина в более близкое к нам время. И потому труды А.А. Амосова стали вехой не только в изучении древнерусских рукописей с миниатюрами и истории летописания, но и в развитии исследований в сфере нескольких специальных дисциплин. Более того, укрепили представление о правильности суждений тех исследователей (академиков М.Н. Тихомирова, Д.С. Лихачева и др.), которые полагают, что фундаментальной основой науки являются как раз специальные историко-филологические дисциплины.

Ко времени написания диссертации, тем более подготовки ее к изданию, А.А. Амосов имел уже серьезный опыт исследовательского творчества, нашедшего воплощение во многих печатных трудах и научных докладах, где собственно историческая проблематика тоже естественно совмещалась с источниковедческой, археографической. Только по теме диссертации было тогда опубликовано двадцать четыре статьи. Защита диссертации воспринималась как радостное событие нашей научной жизни. Принимал не без гордости поздравления и я, так как А.А. Амосов первым получил докторскую степень из тех, кто был и моим дипломником, и моим аспирантом, но также и потому, что на странице 30 автореферата диссертации можно было прочитать: «Рассмотрение возможных временных границ заключительного этапа работы над рукописями Лицевого свода приводит к убеждению, что из всех возможных и высказывавшихся мнений только мнения Н.П. Лихачева и С.О. Шмидта подтверждаются объективными показаниями знаков бумаги».

А.А. Амосов родился 10 сентября 1948 г. в селе Черевково Архангельской области. Фамилия Амосовых несколько столетий встречается в источниках по истории Поморья; некоторые лица из этого разветвленного рода играли заметную роль в местной общественной жизни — А.А. Амосов, видимо, из потомственного крестьянского клана. Отец его — инвалид войны — работал в леспромхозе, мать — учительница биологии и химии в сельской школе, которую сын окончил с золотой медалью. Сызмальства он оказался в пространстве культуры, где продолжали жизнь старинные традиции письменности, изобразительного искусства, фольклора; родные места его притягивали и археографов. Юноша возрастал в атмосфере уважения к исторической памяти. И показательно, что перечень его печатных трудов начинается статьями о родном крае в местных газетах. В Московском государственном историко-архивном институте, куда поступил в 1966 г., А.А. Амосов сразу же обнаружил особую тягу к изучению методики исторического исследования, самих приемов исторического познания. Круг интересов его и в учебных занятиях, и в научном студенческом кружке источниковедения (с которым сразу сроднился и не терял связи всю жизнь) оказался очень широким — становилось очевидно, что ему в радость и творить исторические конструкции, и отдавать силы мельчайшим скру-

пулезным наблюдениям. Неутолимая любознательность, научная основательность в подходе к прошлому и поразительное трудолюбие студента, разносторонность его устремлений и уникальная память, появление уже тогда печатных трудов, основанных на архивных изысканиях, убеждали и преподавателей в том, что это человек с незаурядным научным будущим. Подкупали, конечно, и учащихся и учащихся и глубокая порядочность А.А. Амосова, и присущее ему чувство собственного достоинства, неспособность к искательству и неприятие его у других, то, что ему чужды и сплетни, и завистливое злословие.

Темой дипломной работы была избрана такая, где совмещались увлеченность историей родного края и новаторская методика современного комплексного знания, — «Источники по истории монастырского землевладения на Севере (Методика выявления и анализа)». Это во многом предопределило и тему кандидатской диссертации (защитенной в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в 1975 г.) — «Архивы двинских монастырей: очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций». В этой насыщенной конкретными наблюдениями монографии много нового и об источниковедении истории архивного дела на первом этапе его развития, и об основных элементах «практической археографии» XVI–XVIII вв. и значении ее для формирования науки археографии, т.е. науки о выявлении, описании и публикации письменных памятников.

Кандидатскую диссертацию А.А. Амосов защищал уже сотрудником Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук, освоив значительные элементы практики археографической работы этого выдающегося тогда центра изучения письменной культуры Древней Руси и имея опыт научного общения с сотрудниками и Ленинградского отделения Института истории (где он был аспирантом и работали еще С.Н. Валк и его ученики), и Пушкинского Дома, где многосторонняя археографическая деятельность научных школ В.П. Адриановой-Перетц и Д.С. Лихачева оказалась богаторезультативной. Такая творческая амальгама научных школ Москвы и Ленинграда была особенно плодотворной для тянувшегося к освоению историографического наследия и в то же время неутомимого в исследовательской изобретательности молодого историка.

В Библиотеке А.А. Амосов очень много сделал для дальнейшего изучения этого богатейшего собрания памятников письменности — в плане и описания рукописей, выработки методики составления информации о них, исследования происхождения и содержания этих памятников, публикации и самих памятников и сведений о них, данных об обращении к ним других ученых, и для пропаганды этого культурного наследия и достижений его освоения в среде широкой общественности. Отдел и БАН в целом стали для него домом родным, предметом гордости и заботы, и именно противостояние стремлению чуждого всему этому нового директора Библиотеки порушить научные и нравственные традиции деятельности всемирно известного Отдела рукописей и фактическое отторжение от любимых занятий в БАН, вызвавшее самоотдачу общественно-административной деятельности в Государственной думе, а затем издательской деятельности, истощило физические силы и нервные возможности А.А. Амосова и приблизило его ранний трагический конец.

Работая в БАН, ставший членом Археографической комиссии Академии наук, А.А. Амосов был в Ленинграде–Петербурге связующим звеном с Археографиче-

ской комиссией, с проводимой по ее инициативе и под ее руководством многими хранилищами страны работой по подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописных книг (по XVI в. включительно), Каталога личных фондов историков, организации археографических экспедиций в полевых условиях (сам почти ежегодно возглавлял — и удачно — такие экспедиции, участвовал во всесоюзных, все-российских, региональных конференциях и семинарах такой проблематики), во многом способствовал объединению усилий специалистов в области филигранологии (и на Первом всесоюзном совещании по филигранологии в 1987 г. в Москве выступил с докладом о задачах и перспективах ее развития). Ему в значительной мере обязаны и реализацией замысленной замечательным вологодским ученым П.А. Колесниковым уникальной программы многотомного описания письменных памятников (от древности до наших дней), хранящихся в музеях Вологодской области; он — и автор статей методико-историографического характера о «Вологодской программе»¹. И в нашем отечестве, и за рубежом А.А. Амосов обрел прочную репутацию высокого авторитета в области изучения и рукописной, и старопечатной книги, выдающегося знатока специальных научных дисциплин сферы и источниковедения, и связанных с ним археографии и книговедения.

Заслуга прежде всего А.А. Амосова — издание БАН в 1982 г. книги под моей редакцией «Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание». В книге напечатана работа погибшего в дни Ленинградской блокады Н.Н. Зарубина, пытавшегося реконструировать личную библиотеку царя Ивана и определить его круг чтения и подготовившего критический обзор всей литературы о библиотеке московских государей с бесценными античными рукописями. А.А. Амосов не только комментировал исследование Н.Н. Зарубина, но и обратил особое внимание на не рассматривавшиеся автором в этой связи рукописи книг Лицевого свода и публицистику и не менее детально, чем его предшественник, охарактеризовал всю литературу 1940–1980-х гг. о библиотеке московских государей (причем не только статью М.Н. Тихомирова, публикации которой в 1960 г. мы обязаны возрождением веры в существование библиотеки античных рукописей и специальных ученых штудий, но и множество популярных работ, даже газетных статей). Книга эта и по сей день наиболее солидная сводка данных и об источниках XVI–XVIII вв. о библиотеке и о литературе, этому посвященной. На книгу было немало откликов и в нашей стране, и за рубежом, и в Италии в 1998 г. вышло ее сокращенное издание. Тема нашего последнего телефонного разговора за несколько дней до его внезапной кончины — подготовка А.А. Амосовым дополнений о литературе 1980–1990-х гг.

А.А. Амосов принимал деятельное участие в подготовке факсимильного издания, под редакцией М.В. Кукушкиной, хранящейся в БАН древнейшей иллюстрированной русской летописи, названной по имени ее давнего владельца Радзивилловской. Издание, осуществленное наконец при особых усилиях издательства «Глаголь» в 1994 г., стало событием в истории и науки, и книжного дела. А.А. Амосов — один из тех, кто описывал миниатюры рукописи.

Всеобогатяющийся исследовательский и научно-просветительский опыт, результативная проба своих сил в разных специальных историко-филологических дисциплинах, владение инструментарием современной научной технологии и, конечно же, энциклопедическая образованность в областях знаний о культуре и

общественном сознании, ментальности Древней Руси позволили А.А. Амосову приступить к подготовке поистине фундаментального труда о летописном Лицевом своде Ивана Грозного. Этот колоссального объема памятник исторической мысли — история и всемирная и отечественная, от древнейших времен до современности — воспринимается и как выдающееся произведение письменности и изобразительного искусства. Научная литература, ему посвященная, обильна и противоречива; наибольшие разногласия вызывал вопрос о времени заключительной работы составителей Лицевого свода и редактирования известий о событиях правления самого Ивана Грозного.

Избрать такую тему для диссертации мог человек истинного мужества и чистой души — ведь большинство ученых, с мнением которых о датировке Лицевого свода и приписок к нему А.А. Амосов не склонен был соглашаться, это здравствующие доктора наук, имеющие немалый авторитет в научном мире. Знакома еще в 1982 г. со своей моделью «прочтения» истории создания описания времени Ивана Грозного в Лицевом своде, он осознавал, что это «требуется пересмотра (и порой кардинального) некоторых уже прочно устоявшихся в отечественной источниковедческой и исторической литературе представлений», и объяснял: «Целью исторической науки, как и любой науки, является стремление к познанию истинной природы изучаемых явлений и событий; в этой цели мы и видим нравственное оправдание изложенных соображений. Подтвердить или опровергнуть нашу модель прочтения можно лишь на основании обстоятельного и всеобъемлющего исследования последних томов Лицевого свода...»²

В этом «обстоятельном и всеобъемлющем исследовании» Лицевого свода А.А. Амосовым трудно сказать даже, что больше поражает: масштабность и ответственность поставленных задач или условие выполнения главной задачи — скрупулезность полистных наблюдений. Ведь это почти 10 000 листов, на которых более 16 000 миниатюр! А.А. Амосов подчеркивал, что предметом его исследования является «внешняя сторона памятника», материальный носитель текста и изображений — бумага и структура создававшихся тогда рукописей (летописный свод дошел до нас с большими утратами; сохранившиеся листы оказались частично перепутанными), а также способы кодирования образной информации в миниатюрах. То есть первоочередное внимание уделялось тому, что обычно оставалось вне поля зрения большинства его предшественников, сосредоточенных, как правило, лишь на содержательной стороне памятника (и текста, и миниатюр), на его исторической информативности и уже по одному тому ограничивающихся логической — в той или иной мере всегда субъективной — системой доказательств. Занятия такого рода относятся к проблематике кодикологии, сравнительно недавно оформившейся специальной историко-филологической дисциплины, изучающей историю изготовления, состав и судьбу рукописной книги (от латинского слова «codex» — книга; родительный падеж — «codicis»). И при издании диссертации именно это слово вошло в заголовок монографии. А.А. Амосов не считал возможным использовать отдельные элементы внешней критики источников «без предварительного изучения всех ее составляющих»³.

А.А. Амосов впервые после Н.П. Лихачева в конце XIX в. изучал одновременно все рукописи, составляющие основной корпус Лицевого свода и даже близкие к не-

му по происхождению и манере исполнения, и главное внимание, вслед за Н.П. Лихачевым, уделил методике датирования рукописей по показаниям водяных знаков — филиграней, учитывая при этом все варианты и разновидности филиграней (Н.П. Лихачев ограничивался иногда установлением видов их, не отмечая другие варианты). Учитывал А.А. Амосов и накопленный опыт наблюдения о возможной залежности используемой бумаги (здесь особое значение имеют труды В.Н. и М.В. Щепкиных).

История создания Лицевого свода прослеживается А.А. Амосовым на основе последовательного изменения филиграней по методике, разработанной автором. Принципиально новым является и раздел книги, посвященный анализу формальных признаков миниатюр и выявлению семантики изобразительного языка Средневековья. Столетней давности исследование Н.П. Лихачева о филигранях Лицевого свода вернуло памятник, относимый тогда учеными к XVII в., к последним годам царствования Ивана Грозного. Выводы Н.П. Лихачева сразу же признаны были образцовыми (прежде всего, великим его современником академиком А.А. Шахматовым) и вошли позднее как классический пример в учебники академиков М.Н. Тихомирова по источниковедению (1940, 1962 гг.), Л.В. Черепнина по палеографии (1956 г.), в книгу академика Д.С. Лихачева о текстологии (2-е издание в 1983 г.)⁴.

Тем не менее в послевоенные годы стали появляться работы — и притом одна интереснее другой и по живости изложения, и по остроте постановки вопросов, — которые обосновывали отнесение приписок на листах Лицевого свода о событиях времени Ивана Грозного к более ранним годам его правления. Опирались при этом не на датировку филиграней, а на обстоятельства государственно-политической истории и на памятники политической публицистики. Выявление в Лицевом своде и одном из изданий Печатного двора Александровской слободы однотипной бумаги казалось основанием использования наблюдений и над филигранями для более ранней датировки завершения работы над Лицевым сводом. Это мнение даже представлено как единственное (по существу, «навязано») в статье «Летописный свод Лицевой» в словаре книжников и книжности Древней Руси⁵, хотя это и в противоречии с историографометодическими принципами выдающегося значения справочника, обычно демонстрирующего наличие разных взглядов на происхождение и датировку литературных памятников.

Выводы А.А. Амосова о датировке и составных частях Лицевого свода — на уровне конструкций точных наук, да и основаны они на технологиях, применяемых и в этих науках. В точных науках в подобных ситуациях обычно ищут взамен прежних — оказавшихся не во всем обоснованными — объяснений новые, соответствующие новому знанию. Совершенно очевидно, что рано или поздно придется так поступить и ученым-гуманитариям, продолжая изучение летописного Лицевого свода.

Это налагает особые обязательства на ученых, занятых исследованием эпохи Ивана Грозного. Государь этот правил более пятидесяти лет, и личность его наложила заметный отпечаток и на историю его времени, и на толкование исторических событий современниками и потомками. Это ясно ощущается и в приписках к своду, изменяющих и трактовку, и оценку событий недавнего времени. Но если периодам правления Избранной рады и опричнины посвящены многие книги и

статьи, то последние годы жизни Ивана Грозного по-прежнему остаются слабоизученными, хотя Р.Г. Скрынников в своей известной книге «Иван Грозный» эффектно озаглавил страницы о событиях тех лет «Последний кризис». Источники, датируемые концом 1570-х – началом 1580-х гг., не сопоставлены еще одни с другими с должной детальностью, как не сопоставлены данные и серьезных исследований о начале освоения Сибири, о завершении Ливонской войны, попытках ограничения монастырского землевладения, о симптомах правовым путем оформить полное закрепощение крестьян, о сменяющихся брачных намерениях царя-вдовца и о сватовстве с девицей, родственной английскому королевскому дому. Напомним и о приходивших именно тогда к царю мыслях о бегстве за рубеж, и о нечаянном убийстве сына-наследника. О пересмотре оценок событий и лиц прошлого, о страхе приближающегося конца свидетельствует и составленный в 1580-е гг. Синодик — ведь это показатель отношения и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. Во взаимосвязи с этими и другими, пока еще менее исследованными, явлениями тех лет, прежде всего отраженными и в литературных памятниках, следует искать взаимосвязи с приписками к лицевым летописям.

Об этом задумывался и сам А.А. Амосов — глубокий знаток источников (особенно нарративных), современных созданию и редактированию Лицевого свода. Но полагал недопустимым в монографии с так им самим определенными задачами и методикой исследования выходить за пределы того, что дают «объективные данные, полученные из самого оригинала изучаемого памятника»⁶. Самоуважение и душевное целомудрие, характерные для его личности, отразились и в его исследовании.

Книга издается посмертно. Александр Александрович скончался от сердечного приступа у себя дома, в Петербурге, 15 апреля 1996 г. Книга подготовлена к печати его другом и сотоварищем по «Вологодской программе» В.В. Морозовым — старшим научным сотрудником Археографической комиссии в Москве, автором серьезных исследований и о Лицевом своде.

Внезапная кончина необычайно одаренного и высокоэрудированного ученого, человека светлой души и большого обаяния глубоко опечалила многих. В мае 1996 г. в Пушкинском Доме состоялось заседание памяти А.А. Амосова, где говорили о нем, вспоминали его коллеги из Москвы, Петербурга, Новосибирска и других городов России. Материалы этого заседания и перечень печатных трудов А.А. Амосова напечатаны в «Археографическом ежегоднике за 1996 год». Незабвенный Александр Александрович Амосов обладал счастливым даром и восприятия, и воспроизводства культуры и воплощал в своей творческой деятельности и корневые простонародные культурные традиции, и традиции веков научной культуры Москвы и Петербурга.

¹ Шмидт С.О. Об авторах этой книги // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1998. Ч. 4, вып. 3. С. 3–5.

² Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 192.

³ Там же. С. 158.

⁴ Памяти Н.П. Лихачева посвящен 26-й том продолжающегося издания «Вспомогательные исторические дисциплины», вышедший в 1998 г., уже после кончины А.А. Амосова. В открывающей книгу статье охарактеризована и публикуемая ныне его монография (Шмидт С.О. К. 60-летию со дня кончины академика Н.П. Лихачева (Об изданиях последних лет). С. 16–17).

⁵ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в.: В 2 ч. Л., 1989. Ч. 2: Л–Я. С. 30–32 (автор Б.М. Клосс).

⁶ Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде. С. 193.

ДЬЯКИ И ПОДЬЯЧИЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В XVI ВЕКЕ

Издаваемая книга содержит богатейшую информацию об организации внешних сношений Российского государства в конце XV–XVI в. и о деятельности тех, кто был причастен к посольской службе. Это — ценный справочник по истории государственных учреждений, прежде всего Боярской думы и центральных приказов, и особенно о дьяках и подьячих XVI в., заметно восполняющий сведения известных монографий и справочных изданий как дореволюционных (Н.П. Лихачева, С.А. Белокурова), так и советских (С.Б. Веселовского, А.А. Зимина и др.) ученых.

Труд В.И. Саввы — результат ознакомления со всеми посольскими книгами конца XV–XVI в. и их фрагментами, хранящимися в архивах и опубликованными, а также со многими другими источниками (старинными архивными описями, делопроизводственными документами, русскими нарративными памятниками, сочинениями иностранцев о России и др.). Все эти данные систематизированы тематически и в хронологической последовательности. Работа изобилует выдержками из источников.

Профессор Харьковского университета Владимир Иванович Савва (1865–1920) — автор трудов по отечественной истории XV–XVIII вв.¹ В.И. Савва был далек от передового общественного движения, и опубликованные его работы не затрагивают проблемы, волновавшие прогрессивную научную общественность. Далеки они и от методологических исканий, характерных для буржуазной науки начала XX в. Это — специальные исследования конкретной тематики, отличающиеся, однако, историографической тщательностью, и в основе большинства из них архивные документы, в значительной своей части впервые вводимые в научный обиход. Ценность трудов В.И. Саввы в их фактологической насыщенности.

Еще в монографии «Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей» (Харьков, 1901) В.И. Савва уделил большое внимание русскому посольскому обряду и русской посольской документации. Глава 6 («Московский посольский обряд»)

Впервые опубликовано: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В.И. Савва; подгот. к печати В.Ю. Афиани, С.А. Морозов; ред. С.О. Шмидт. М., 1983. Ч. 1. С. 3–7 (под назв. «От редактора»).

и глава 7 («Доказательства, представлявшиеся московскими государями в пользу прав их на царский титул») занимают больше половины книги.

С начала нашего столетия В.И. Савва стал последовательно изучать всю сохранившуюся посольскую документацию конца XV–XVI в. Он составил обзоры содержания посольских книг, сделал много копий посольских и других документов, выписок из разнообразных архивных и опубликованных источников, находящихся ныне в его личном фонде в Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве — фонд 795². Это послужило подготовительным материалом для лекций и статей ученого³ и особенно для книги о Посольском приказе XVI в.

«Изыскание о Посольском приказе до Бориса Годунова» включало шесть глав. В 1917 г. в Харькове небольшим тиражом была издана книга В.И. Саввы объемом более 400 страниц. Это первый выпуск труда «О Посольском приказе в XVI в.», состоящий из глав: 1. «Боярская дума у Посольского дела» и 2. «Казначей у Посольского дела». Исследование это существенно конкретизировало и обогатило представления ученых о деятельности Боярской думы, казначеев и печатников в конце XV–XVI в.⁴ Ссылки на выводы и наблюдения В.И. Саввы с тех пор постоянно встречаются в трудах о Российском государстве XVI в., об истории государственных учреждений, дипломатии и международных отношений.

В предисловии к книге, датированном сентябрем 1917 г., В.И. Савва писал, что «в рукописи остались приготовленные к печати главы: 3 — о дьяках у Посольского дела до времени, когда дело это приказано было И.М. Висковатому; 4 — о Посольских дьяках в XVI в. с И.М. Висковатого; 5 — о вторых Посольских дьяках и дьяках, привлекавшихся к Посольскому делу во второй половине XVI в.; 6 — о подьячих Посольского приказа и подьячих, привлекавшихся к Посольскому делу в исходе XV в. и XVI в.»⁵.

Текст этих глав, переписанный для печати, обнаружен был мною в личном фонде ученого (ед. хр. 734–738). Листы, однако, оказались перепутанными. Пришлось восстанавливать последовательность их, сопоставляя с черновыми вариантами и выписками из посольских дел, сосредоточенными в этом же фонде. При этом обнаружилась утрата, видимо, ряда листов. Некоторые главы остались незавершенными, с краткими карандашными пометками в конце.

Но и в таком виде не напечатанная при жизни автора часть его книги представляется достаточно законченной и имеет значительную научную ценность. Книга В.И. Саввы (обе ее части — ранее опубликованная и издаваемая ныне) и по сей день остается наиболее детальной сводкой сведений по истории организации внешних сношений Российского государства конца XV–XVI в., о функционировании государственных учреждений того времени и о правительственных деятелях — от бояр до подьячих. В работе имеется и богатый фактический материал по государственно-политической истории России и истории международных отношений.

При подготовке к изданию второго выпуска труда В.И. Саввы о Посольском приказе сохранены без изменения стилистические особенности его работы, пунктуация. Были проверены фактические данные и ссылки на источники. В необходимых случаях внесены уточнения и исправления. Проведена унификация сокращений, использовавшихся В.И. Саввой в тексте работы и в справочном аппарате;

введены дополнительные сокращения. Цитаты из опубликованных источников даны с сохранением различий в передаче текста в разных публикациях, но с заменой вышедших из употребления букв.

Понятно, что в такого рода справочном издании особое значение имеют указатели. Так как первый выпуск труда В.И. Саввы о Посольском приказе в XVI в. вышел без указателей, к изданию приложены указатели: именной, географический, учреждений, охватывающие оба выпуска. Тем самым существенно облегчается и использование книги, изданной в 1917 г.

Рукопись и указатели подготовлены к печати научным сотрудником Археографической комиссии АН СССР В.Ю. Афиани с участием С.А. Морозова. Ссылки на опубликованные источники сверены В.Ю. Афиани и С.А. Морозовым, на архивные источники — С.А. Морозовым и С.Е. Князьковым. Переводы цитат на древних языках осуществлены М.В. Байдиной.

Существенную помощь при работе над рукописью и при ознакомлении с архивными материалами ЦГАДА оказал заведующий отделом информационно-поисковых систем этого архива С.Е. Князьков. Моя работа в ЦГИА УССР не была бы успешной без содействия члена коллегии Главархива при Совете министров УССР К.Е. Новохатского. При подготовке работы к печати и издании ее помогали заместитель директора Института истории СССР АН СССР доктор исторических наук, профессор В.И. Буганов и сотрудники руководимого им сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода.

Глубокая признательность члену-корреспонденту АН СССР В.Т. Пашуто, рецензировавшему рукопись подготовленного издания, а также всем тем, кто способствовал выходу в свет этой книги.

¹ О В.И. Савве см. литературу в кн.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиография / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1965. С. 371.

² См.: Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве. Путеводитель. Киев, 1958. С. 268–269 [ныне Ф. 1285].

³ Савва В.И. Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во 2-й пол. XVI в. Харьков, 1913; *Он же*. Заметки о Боярской думе в XVI в. // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 55–72.

⁴ Рецензия В.Г. Геймана на это издание («Новая попытка исследования о Боярской думе») опубликована в «Русском историческом журнале», № 7 (Пг., 1921. С. 166–176).

⁵ Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. III.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ: А.И. РАЗДОРСКИЙ.
«КОНСКАЯ ТОРГОВЛЯ МОСКВЫ В XVII ВЕКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ 1629 И 1630 гг.)»

Наличие лошади определяло во многом жизненный обиход человека и возможности его военной службы долгий период времени — вплоть до распространения автотранспорта и железнодорожного сообщения. И потому документ, фиксирующий сделки о продаже и покупке лошадей, становится источником первостепенной важности и при изучении социально-экономической истории, и государственно-политической истории, и для исследования повседневной жизни прошлых лет, а к такой проблематике неизменно возрастает интерес историков и социологов во всем мире.

В XVII столетии в Москве была главная таможня страны. Но из огромного массива московских таможенных книг, фиксировавших разнообразие товарного обращения, уцелело ничтожно мало, и выявлением сведений об этом особо дорожат ученые. Так, данные четырех случайно сохранившихся книг Московской Большой таможни 1690-х гг. были использованы для значимых выводов и наблюдений в монографии Д.И. Тверской с показательным названием «Москва второй половины XVII века — центр складывавшегося всероссийского рынка», вышедшей в 1959 г. под редакцией академика М.Н. Тихомирова.

Конских таможенных книг по Москве ранее вообще не обнаруживали, и выявленные А.И. Раздорским в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) две такие книги рубежа 1620–1630-х гг. имеют уникальную историческую ценность. Эти документы дают возможность составить представление об объеме и обороте конской торговли, о составе участников торговой операции (социальном, географическом, этническом, персональном), о факторах ценообразования, структуре таможенных пошлин. Важно отметить, что московский конский рынок заметно отличался от таких рынков в других городах составом покупателей (и, соответственно, возможностями и вкусом их), так как среди них были не только рядовые обыватели, но и люди, принадлежащие к общественной верхушке государства, и приезжие иностранцы.

Алексей Игоревич Раздорский зарекомендовал себя как видный специалист и по истории России XVII–XIX вв., и по проблематике таких научных дисциплин, как источниковедение, археография, историческая библиография, и потому подготовленный им труд значим для исследователей во всех этих сферах. Информация конских таможенных книг подана им в форме регестов, позволяющих представить значительный по объему текстовый материал в удобном, компактном виде. Убедительными пропагандистами такой археографической методики публикации массовых исторических источников XVI–XVII вв. выступали классики нашей археографии С.Н. Валк и В.И. Шунков. Методика составления регестов именно таможенных

книг, разработанная А.И. Раздорским, успешно применялась им в работе с таможенными книгами других городов (Курска, Вязьмы, Можайска, Белгорода и др.).

В регестах приводятся детальные сведения о дате торговой сделки, продавцах и покупателях, поручителях коммерческой операции, о лошадях (пол, возраст, масть, дефекты) и стоимости их, об уплачиваемых торговых пошлинах. При этом интересующиеся историей делопроизводства, документоведения, особенностями подобных разновидностей источников могут ознакомиться с фрагментами рукописей полностью и даже с воспроизведением некоторых листов, что даст возможность удостовериться в степени информационной основательности отбора данных, приводимых в регестах.

Научная публикация этих уникальных памятников письменного делопроизводства допетровской Руси имеет важное значение для изучения не только московской старины, но и другой проблематики отечественной истории и источниковедения.

КНИГА В.Г. БУХЕРТА «АРХИВ МЕЖЕВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ (1768–1918)»

Межевой архив — архив Межевой канцелярии — в последние сто пятьдесят лет существования Российской империи был средоточием документации, к которой особенно часто обращались землевладельцы, и в его работе как бы объединялись функции и действующего архива, и исторического. Уже с XIX в. ценную информацию стали черпать из его документации и исследователи.

В настоящее время Межевой архив — составная часть крупнейшего хранилища отечественных документов дореволюционных лет — Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Автор книги уже много лет является заведующим архивохранилищем фондов межевых учреждений РГАДА. И отрадно, что книгу о знаменитом хранилище написал практик-архивист этого учреждения.

На мой взгляд, книга В.Г. Бухерта совмещает информационный потенциал научно-справочного издания, необходимого для исследователей, и достоинства учебного пособия. Пожалуй, впервые в сочинении, посвященном одному архивохранилищу, с такой основательностью, опираясь и на архивный, и на печатный материал, показаны основные линии развития хранилища документов в учреждение научного типа, сферы деятельности архивистов (комплектование, создание справочного аппарата, различные направления использования документации — как для справок, так и для исследовательских трудов), их личный вклад в развитие исторической науки и архивного дела, роль документальных материалов архива в

науке отечественной истории и отношение ученых читателей (среди которых довольно много знаменитых имен) к этой архивной информации.

Приятно, что автор, выпускник Московского государственного историко-архивного института, защитив диссертацию по этой проблематике и подготовив к печати на основе ее учебное пособие, продолжает столь же добросовестно и продуктивно исследовательскую работу по материалам и фондам Межевого архива и другим — особенно личным — фондам, и статьи и подготовленные им документальные публикации регулярно появляются в печати.

Хочется пожелать, чтобы эта книга воспринималась как начало серии учебных пособий о важнейших наших архивах, подготовленных совместными усилиями сотрудников этих хранилищ и Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

ПОДВИГ ПЕРВОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА (О Н.И. НОВИКОВЕ)

Николай Иванович Новиков был наиболее широко известным при жизни интеллигентом последних трех десятилетий XVIII в., периода, к которому принято относить формирование интеллигенции в России. На исходе европейского века Просвещения многосторонняя и неутомимая деятельность Новикова представлялась воплощением в жизнь идей просветительства в сохранявшей во многом еще прежний жизненный уклад крепостнической России. Сама биография его отражала и корневые связи, и вторжение нового, характерные для российского просветительства, и естественное, хотя и столь редкое совмещение интеллигентности в образе мысли, в поведении с овладением всем тем, что присуще интеллигентской образованности, и даже с своевременнейшими достижениями технологии интеллигентского труда.

Выходец из среды потомственного подмосковного дворянства, Новиков оказался в первом наборе учащихся гимназии при только что созданном Московском университете. Позже стал сотрудником комиссии по составлению проекта «Нового уложения», где обсуждались не только изменения в законодательстве, но и состояние общественной жизни России. После роспуска комиссии стал издавать сатирические журналы, быстро обретя широкую популярность у читателей. Но еще прежде, в 1768 г., приобщился к издательской деятельности, которая станет вскоре его основным занятием и принесет славу — прижизненную и посмертную — и страдания. Новиков обладал поразительным организаторским талантом, деловой сметкой, новаторской смелостью, широким кругозором и даром привлекать к участию в своих начинаниях, вызывать доверие у известных уже авторов и у начинающих, для которых работа с ним становилась школой и литературной и просветительской деятельности, и жизненного поведения.

Впервые опубликовано: Нефедов А.В. Мастер слова и дела: Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова. М., 2010. С. 8–15 (под назв. «Подвиг первого интеллигента»).

Конечно, Новиков стремился к тому, чтобы в России поскорее освоили достижения западноевропейской науки и просвещения. Но он опирался при этом прежде всего на отечественный опыт и возможности. На Руси с распространением после принятия православия письменности закрепилось понятие об особой «учительной» роли литературы, как и основанной на ее усвоении проповеди. Новиков исходил именно из такого традиционного для культурного сознания православных россиян представления о предназначении литературы и, следовательно, о первенствующих обязанностях литератора и особенно издателя. Убеденный в том, что просвещение — главный двигатель прогресса в основе нравственного развития человечества, он старался влиять на отбор и направленность переносимого в Россию из зарубежья, укоренившегося в нашем обиходе, беспощадно клеймил подражание только внешним признакам моды, низкопоклонство перед Западом. В то же время он прилагал усилия к ознакомлению россиян с достижениями в лечении больных и в ведении сельского хозяйства, в науках и в искусствах, в педагогике, обеспечивая перевод иностранной литературы такого рода и всячески культивируя создание схожего типа трудов отечественных авторов. Новиков был и неутомимым пропагандистом изучения отечественной истории, издания памятников ее — от древности до новейшего времени. Именно его убежденности в пользе своего общественного служения и неистощимой изобретательности обязаны и современники, и потомки многотомным изданием в 1773–1775 гг. «Древней Российской вивлиофики» — уникальной в мировой научно-издательской практике того времени публикации памятников отечественной истории и переизданием ее с существенными дополнениями в 1780–1790 гг.; «Опыта исторического словаря о российских писателях», а затем и многотомного труда купца И.И. Голикова «Деяния Петра Великого», обусловивших во многом дальнейшее развитие гуманитарных наук. Это предопределило дальнейшую роль изданий журнального типа в распространении сведений обо всех сферах научного знания.

Многообразие тематики и жанров изданий Новикова, новаторство его в этой сфере отечественной культуры достойно преклонения. Как и изначально старание обогатить общество литературой, рассчитанной на читателей разных интересов и разной сословной принадлежности и даже разного возраста.

Для интересующихся научными знаниями и практическими направлениями в ведении хозяйства, для любителей художественной и религиозно-нравственной литературы, для детей и их воспитателей в 1785–1789 гг. стал выходить первый русский журнал, именно им адресованный, — «Детское чтение», подготовка которого стала началом литературно-издательской деятельности будущего нашего великого писателя и историка Н.М. Карамзина. Издавались сочинения и самых известных уже, и начинающих отечественных писателей, переводы классиков литературы Античности и последующих веков и виднейших западноевропейских писателей XVIII в., которые теперь уже прочно утвердились в сознании как классики мировой литературы и общественной мысли.

Переехав в Москву, в 1779 г. Новиков развернул невиданную прежде по масштабу издательскую деятельность, арендовав университетскую типографию, организовав «Типографскую компанию», выпуская периодические издания газетного, журнального типа и книги со множеством названий. Около трети книг, издавае-

мых тогда в России, вышло из его типографий, во многих городах была организована книжная торговля. В Москве открылась библиотека-читальня, школы для детей разночинцев, бесплатная аптека. Многое удавалось сделать благодаря вспомоществованию близких ему друзей-масонов, среди которых были люди и очень состоятельные. Особенно заметно проявились и его благотворительность, и его хозяйственная смекалка в родовом подмосковном имении Авдотьино и ближних к нему местностей. Работа Новикова и его сотрудников убеждала в том, что длинные интеллигенты — это люди дела, придающие особое значение и профессиональной подготовке, и нравственному началу в своих поступках.

Новиков, безусловно, придерживался прогрессивных общественных воззрений, но не был революционно настроен: бичевал злоупотребления крепостничества, своеволие и невежество крепостников, но сам не отпустил при этом на волю своих крестьян и выступал в роли радивого хозяина, охотно осваивающего новое в сельском обиходе.

Отслуживший молодые годы в столице в гвардейском полку, ознакомившись с обстоятельствами придворной жизни, да еще в момент дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II, общавшийся позднее с императрицей в роли докладчика о делах Уложенной комиссии, насмотревшись на проявления и следствия фаворитизма, Новиков не стремился оказаться среди приближенных государыни, дорожа самостоятельностью. Быть может, потому-то и решил обосноваться подальше от двора, в Москве, где в ту пору в наибольшей мере и формировалось поколение российских интеллигентов.

Содеянное Новиковым и его сотрудниками позволяет утвердиться в мысли о том, что средоточиями развития российской культуры в его время освоения западноевропейских форм образованности и просветительской деятельности стали оба великих города — Петербург с академиями наук и художеств и Москва, охарактеризованная Пушкиным как «порфиноносная вдова», с ее университетом и интеллигентским сообществом.

Столь заметная и результативная деятельность Новикова вызывала недовольство и зависть у отодвигаемых тем самым с арены успеха. Излишняя инициативность московского издателя, становившегося формирующим общественное мнение и даже — вместе со своими младшими коллегами — властителем дум, не могла нравиться и высшим властям в столице. Туда посылали доносы, действию которых на мог помешать даже убежденный в полезности творимого Новиковым и в чистоте намерений этого глубоко религиозного человека знаменитый московский митрополит Платон. В 1792 г. Новиков, лишенный уже многих возможностей продолжать с прежней интенсивностью свое издательское дело, был арестован. И без суда заключен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Выпущенный после смерти императрицы Екатерины II сыном ее Павлом I на свободу, он был и физически больным, и психологически сломленным и не смог уже активно участвовать в общественной жизни, замкнувшись с верным другом и единомышленником С.И. Гамалея в своем родовом имении Авдотьино близ подмосковных Бронниц.

Кончено, преследование императрицей Екатериной II происходило под впечатлением событий Великой французской революции, когда в 1792 г. масонство в России было запрещено. Но многие оставались членами масонских лож, и среди

них — и приближенные ко двору вельможи, и видные литераторы, и другие заметные в обществе лица, такие как и масон, розенкрейцер Новиков. Масонами были знаменитые в ту пору иностранцы — король Фридрих II, Гёте, Гайдн, Моцарт. И главное, видимо, не в принадлежности к масонству. Новикову не могли простить независимость издательских проектов и суждений, то, что он осмеливался высмеивать литературные творения самой императрицы. И самым роковым для него было подозрение в недозволенных связях с наследником престола Павлом Петровичем, ненавидевшим мать и нелюбимым ею. Неоправдываемая подозрительность, побуждавшая к жестоким решениям, свойственна даже тем государям, мудрость которых, по справедливости, всемирно прославлена.

Заключение Новикова в крепость, устранение с общественной арены такого активного ревнителя просвещения нанесло немалый урон нашей культуре.

Автор книги «Мастер слова и дела» Александр Нефедов — известный журналист, краевед, автор многих печатных работ, посвященных прошлому и настоящему столицы и московского края, лауреат различных творческих, в том числе литературных и краеведческих конкурсов. С юных лет он проводил летние месяцы близ села Авдотьино — родовой вотчины Николая Ивановича Новикова, и местные предания о его подвижнической деятельности, многосторонность постепенно полученных знаний о его благодеяниях формировали в авторе первичные понятия об исторической памяти, возбуждали интерес к познанию прошлого, изучению и коллекционированию памятников истории и культуры. И меня, пожилого ученого-историка, особенно радует то, что с напоминанием о жизненном подвиге великого российского просветителя и о важности в большей мере приложить усилия к сохранению памяти о нем и воспитанию на примере его жизни нравственности наших современников и потомков выступил сравнительно молодой исследователь. Ибо осознание взаимосвязи времен, уважительное отношение к культуре прошлого особенно показательный признак уровня и направленности развития современной культуры.

КНИГА А.А. ФОРМОЗОВА ОБ И.Е. ЗАБЕЛИНЕ

Наконец выходит книга об Иване Егоровиче Забелине, человеке, прижизненно уже широко известном, запечатленном в выразительных портретах Репина и Серова. И неудивительно, что книга напечатана в издательстве «Московский рабочий».

Забелин не только крупный дореволюционный ученый, с именем которого связано становление таких перспективных направлений исторической науки, как история материальной культуры, народного быта, средневекового города. Забелин

Впервые опубликовано: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984. С. 5–8 (под назв. «Об И.Е. Забелине и этой книге»).

не только выдающийся археолог своего времени и видный организатор музейного дела. Это ученый и деятель культуры, особенно много сделавший для изучения истории именно Москвы и ознакомления с памятниками истории и культуры — словесными, вещественными, изобразительными, — находящимися в московских хранилищах или на территории Москвы. История Москвы и москвичей оставалась главной темой творчества Забелина. Основой для соображений частного характера и для выводов обобщающего типа о каждодневной жизни русского народа и его общественных верхов были прежде всего московские события, памятники московского происхождения, наблюдения над современным ему бытом Москвы и Подмосковья. Последние десятилетия жизни Забелина неотделимы от руководимой им научно-исследовательской и собирательской деятельности Исторического музея в Москве, где помещалась и его квартира. И по воспитанию и образу мышления Забелин был тоже типичным москвичом своей эпохи.

Научные и общественные заслуги Забелина высоко оценены. Его именем названа улица в центре столицы. На его труды постоянно ссылаются в исследованиях разнообразного содержания. Без его работ не может обойтись писатель, художник, режиссер, композитор, желающий серьезно познакомиться с бытом Руси, с образом жизни русских людей XV–XVIII вв.: на наблюдения Забелина опирался еще Станиславский, готовя постановку исторической драмы А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» к открытию Московского Художественного театра в 1898 г. Материалы, добытые в результате организованных Забелиным археологических раскопок, стали основой для создания целой библиотеки на разных языках; к памятникам этим обращаются все, кто изучает историю скифов и скифское искусство.

Естественно, что характеристике трудов Забелина отведено достойное место в обобщающих историографических работах. Однако книги о Забелине до сих пор не было. Начатое Н.Л. Рубинштейном в 1940–1950-е гг. монографическое изучение жизни и деятельности Забелина (основанное, в отличие от его предшественников, на исследовании и архивных материалов) осталось незавершенным. Книга А.А. Формозова — первый обобщающего типа труд, специально посвященный исследованию всей долгой жизни Забелина и всех сторон его творчества.

Книга А.А. Формозова — автора многих исследований и научно-популярных работ в области археологии и истории науки — результат изучения всего богатого печатного наследия Забелина и материалов его огромного архива, переданного в Государственный Исторический музей, архива, к документам которого в последнее время все чаще обращаются ученые. В книге вводится в научный обиход много ценных архивных данных, в том числе неизвестные ранее записи Забелина о прославленном профессоре Московского университета Грановском, о знаменитых людях, с которыми встречался Забелин, о научных начинаниях, участником которых он был, о событиях, свидетелем и современником которых являлся. Тем самым книга обогащает наши представления и об истории науки и общественной жизни России на протяжении почти восьми десятилетий.

Хотя книга построена в жанре биографического исследования и примыкает к изданиям серии «Жизнь замечательных людей», автор не ограничивается вниманием только к явлениям жизни и творчества своего героя. Все это рассматривается и оценивается в связи с другими явлениями общественной жизни и культуры.

При этом автор опирается и на старые издания — научные труды, памятники публицистики, воспоминания, — и на новейшие исследования и документальные публикации, обращается к произведениям художественной литературы и изобразительного искусства.

В книге много действующих лиц. С ними в той или иной мере был связан Забелин, либо они так или иначе выражали свое отношение к Забелину. Это ученые, литераторы, общественные деятели 1840-х гг. и времени первой революционной ситуации, писатели, в том числе Л.Н. Толстой, деятели рубежа XIX и XX вв. Показаны интерес Забелина к явлениям общественного развития и изменения его общественно-политических воззрений — от либерализма и убежденного антикрепостничества в середине XIX в. до консерватизма в последние годы жизни.

Забелин предстает перед читателем не только как ученый-исследователь (историк, археолог, археограф-первооткрыватель и публикатор памятников письменности), писатель-пропагандист исторических знаний, коллекционер, организатор и руководитель музейного дела, но и как своеобразный культурный феномен, теснейшим образом связанный с корнями народной культуры. Поучительна и сама биография Забелина — бедняка-самоучки, ставшего благодаря беспримерному трудолюбию, целеустремленности и яркому дарованию знаменитым ученым, почетным академиком.

Забелин сформировался в атмосфере еще дореформенной России и в определенной мере до конца жизни оставался верен мыслям, волновавшим в годы его молодости и славянофилов, и западников (причем в своеобразном эклектическом сочетании) и казавшимся уже неуместными поколению его внуков. Он сам признавал преемственную связь своей деятельности и ученых и писателей 1830–1840-х гг., и прежде всего В.В. Пассека — инициатора широкого ознакомления с описаниями памятников отечественной культуры. В то же время Забелин с доброжелательным любопытством относился к деятельности молодых научных сотрудников Исторического музея, ставших к концу его жизни уже общепризнанными учеными, выполняя как бы роль их ученого наставника, ценил их живой интерес к его рассказам о пережитом, уважение к его всевозрастающей славе непревзойденного знатока памятников далекой старины.

Забелин подчас близок в своих научных суждениях к таким историкам, как И.М. Снегирев и даже М.П. Погодин, и во многом напоминает историков-краеведов, отличаясь особой приметливостью и интересом к частностям и прошлого, и настоящего. Современники, однако, еще при жизни признавали его «учеником Грановского». Понятие ученичества в данном случае нельзя понимать в буквальном смысле: обучение у такого-то профессора в высшем учебном заведении и написание исследования под его руководством, работа в той же области знаний, в том же методическом или идейном плане. Учились и у тех, кого лично не знали, но чьи работы читали, штудировали. Формированию ученого способствовало знакомство с трудами и особенно личное общение с учеными и другого круга специальных интересов. Особое значение это имело в молодые годы, когда не утрачена яркость восприятия личности и обнаруживается тяга к общению с «учителями жизни». Грановский не раз заинтересованно беседовал с Забелиным в домашней обстановке, откровенно говорил с ним и о декабристах, и о людях своего поколе-

ния. Это стало для не прошедшего университетского образования Забелина своеобразным университетом, помогло его нравственному воспитанию, развитию склонностей к размышлениям о связи времен. Общение с Грановским облегчило ему и вхождение в среду интеллигентской элиты Москвы уже в 1850-е гг. и как бы определяло в его собственных глазах место его в ряду ученых и общественных деятелей XIX в. (или, точнее сказать, то место, которое ему хотелось бы занимать). Однако своеобразная фигура Забелина, по воспитанию и жизненному укладу всегда остававшегося близким к московскому купечеству и даже мещанству, не вполне соответствовала образу жизни московской профессорской среды. И даже став московской знаменитостью и будучи официальным историографом Москвы, Забелин стоял как бы особняком...

Книга об Иване Егоровиче Забелине, несомненно, окажется полезной для специалистов-ученых. Думается, что она привлечет внимание и широкого круга читателей, особенно тех, кто хочет узнать о путях развития отечественной культуры, об изучении прошлого Москвы.

КНИГА А.Д. ЗАЙЦЕВА О П.И. БАРТЕНЕВЕ

Андрей Дмитриевич Зайцев, скончавшийся в ночь на 8 марта 1997 г. на сорок седьмом году жизни, обладал редкой человеческой притягательностью. Он был умен, изящно остроумен, обаятелен и доброжелателен. Его отличали одаренность исследователя и литератора, необычайное трудолюбие, организованность и высокое чувство ответственности. Андрея Дмитриевича любили, и ему доверяли. Внезапная его кончина ощущалась как большая потеря и для науки, и для близко знавших его.

А.Д. Зайцев был зачинателем всестороннего изучения многообразной деятельности историка и археографа П.И. Бартенева, основателя и бессменного редактора ежемесячного исторического журнала «Русский архив», автора трудов о России времен Романовых, публикатора исторических источников и их описаний, организатора написания мемуаров о значительных событиях государственно-политического характера, о знаменитых людях, о повседневности, одного из основоположников пушкиноведения.

А.Д. Зайцев в своем исследовании опирался не только на изданное Бартевым, но прежде всего на архивные материалы (это и огромный архив самого Бартенева, и личные архивы, архивы учреждений и общественных объединений). Тем самым впервые определялось большое значение архивной документации при исследовании истории памятников печати — периодических изданий. «Русский архив» предстал перед нами в контексте истории развития общественной мысли, науки (и исторических наук, и литературоведения), журналистики, книговедения.

Впервые опубликовано: Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенева и журнал «Русский архив». М., 2001. С. 3–4 (под назв. «От редактора»).

Конкретные наблюдения, основанные на сопоставительном рассмотрении архивных и печатных материалов, привели исследователя к постановке важных вопросов в области источниковедения, историографии, истории публицистики, археологии и книжного дела.

Близкие А.Д. Зайцеву люди знали, сколько из замысленного, частично подготовленного к публикации осталось незавершенным: и работа по прежней тематике, связанной с изучением наследия Бартенева и его издания, и работа о роли журнальных публикаций в развитии археологической мысли. А.Д. Зайцев планировал создать и труд о месте энциклопедических изданий в развитии культуры, а также научного и общественного сознания россиян и, кроме того, об источниковой базе таких исследований.

Редактор по призванию, А.Д. Зайцев и в РГАЛИ был главной движущей силой при подготовке сборников «Встречи с прошлым», а также других изданий, и особенно в издательстве «Большая советская энциклопедия» (ныне «Большая российская энциклопедия»), где Андрей Дмитриевич был заведующим редакцией «Отечественная история» и стал вести основную работу по подготовке нового типа энциклопедии — «Отечественная история с древнейших времен до 1917 года». Историк-эрудит, обладавший и врожденным литературным вкусом, А.Д. Зайцев щедро отдавал свои силы подготовке к печати статей других авторов. Может быть, поэтому у него не оставалось ни времени, ни сил, чтобы довести до печати глубокие по наблюдениям и блестящие по форме свои устные выступления на различных научных форумах.

На посвященном памяти Андрея Дмитриевича Зайцева заседании Археологической комиссии РАН (членом которой он состоял) совместно с РГАЛИ и издательством «Большая российская энциклопедия» решено было подготовить к печати сборник трудов историка по проблематике истории общественного сознания в журналистике XIX – начала XX в.

В сборник этот включены: книга «Петр Иванович Бартенева», вышедшая в 1989 г. и высоко оцененная в посвященных изданию рецензиях и во многих других трудах близкой тематики; подготовленный к изданию Указатель материалов журнала «Русский архив» за 1909–1917 гг., а также статьи, как ранее издававшиеся, так и публикуемые впервые.

Андрей Дмитриевич Зайцев — и уроженец, и историк Москвы, поэтому симптоматично, что первое издание его книги о П.И. Бартенева вышло в серии издательства «Московский рабочий» «История Москвы. Портреты и судьбы». Об А.Д. Зайцеве-москвоведке напечатана статья в одноименной энциклопедии «Москва», а издание трудов ученого-историка включено в план изданий по москвоведению. Работы А.Д. Зайцева существенно обогащают наши представления о Москве XIX – начала XX в. Но помимо этого исследования А.Д. Зайцева много дают и при изучении общественного сознания и публицистики России последних двух веков, и при ознакомлении с методикой источниковедения — исторического и литературоведческого.

Творческая жизнь Андрея Дмитриевича Зайцева — достойная признательности и современников и потомков страница истории гуманитарных наук и книжного дела в Москве.

КЛЮЧЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В мае 1991 г. в Пензе всей Россией отмечали юбилей прославленного земляка Василия Осиповича Ключевского — 150-летие со дня рождения (он родился 16 (28) января 1841 г.) и восьмидесятилетие со дня кончины (12 (25) мая 1911 г.).

В конференции, посвященной жизни и творчеству великого историка, приняли участие ученые разных городов — из высших учебных заведений, учреждений Академии наук, архивов, музеев, библиотек, издательств — и давно известные своими трудами, и лишь начинающие путь в науку.

Тогда был издан сборник тезисов докладов «В.О. Ключевский и современность» с материалами не только о Ключевском, но и по тематике, близкой его широкому научным и общественным интересам. Конференция, организованная совместными усилиями учреждений Пензы (Управление культуры Пензенского облисполкома, Пензенский педагогический институт) и Москвы (Академия наук — Археографическая комиссия, Институт истории СССР, Советский фонд культуры), стала заметным событием в изучении творческого наследия Ключевского и вообще в развитии нашей историографии и стимулировала дальнейшие научные изыскания и размышления.

Когда встретило признательный отклик издание в 1993 г. книги «Историческое краеведение» по материалам проходившей в Пензе ранее II Всесоюзной конференции по историческому краеведению, у тех, кто возглавляет в Пензе работу в сфере культуры, возникла мысль издать отдельной книгой и доклады на конференции, посвященной памяти Ключевского. Тем более что информация о ее заседаниях заинтересовала и местную, и центральную прессу. При этом для такого издания решено было отобрать из докладов на конференции только то, что непосредственно связано с изучением жизни и творчества Ключевского и восприятием его наследия последующими поколениями. Но в то же время в сборник включены труды о Ключевском и тех авторов, которые готовились, но не сумели принять участие в конференции 1991 г.

Издаваемая книга отражает все возрастающую в последние годы тягу к более углубленному изучению творчества Ключевского, да и вообще классиков дореволюционной отечественной исторической науки (особенно Н.М. Карамзина), к выяснению новых данных биографии Ключевского, определению места свершенного Ключевским в развитии науки, культуры, общественной жизни и его эпохи, и последующего времени.

Издаваемую книгу можно было бы назвать и «Новое о Ключевском». Это — новые темы, впервые публикуемые документы или сведения о них, новое прочтение ранее известного, устанавливаемые новые связи наследия классика нашей науки и литературы и волнующих вопросов современности. Материалы книги убеждают в том, что наследие Ключевского продолжает обогащать наше сегодняшнее историческое мышление, наш арсенал эстетических и этических представлений. Оно остается высоким образцом методического совершенства в сферах и лектор-

ского мастерства, и исследовательского подхода к выявлению и изучению исторических источников, и приемов преподавания в высшей и средней школе. Возвращает к ценностям, ушедшим было из обихода нашей культуры, к нравственным основам воспитания историй.

Все публикуемые материалы (кроме посмертно издаваемого фрагмента из монографии скончавшегося в 1980 г. выдающегося нашего историка А.А. Зимина) написаны в условиях ситуации общественной жизни последних лет и в той или иной мере отражают привнесенное в наше сознание в эти годы. Размышление над написанным Ключевским побуждает более зорко всматриваться и в прошлое, и в настоящее. Ключевский оказывается невольно втянутым и в общественно-политические страсти наших дней — в некоторых статьях это ощущается даже слишком обнажено. Так же как вырисовывается и тенденция (восходящая едва ли не к типологии мышления периода культа личности) как бы иконизировать некоторые суждения и оценки историка. Между тем даже если Ключевский и оказывался ближе к истине, чем его предшественники и современники, то ведь с тех пор, как он формулировал свои положения, наука прошла достаточно длительный путь: открыты новые исторические источники, по-новому истолкованы многие исторические явления, существенно изменилась система источниковедческой эвристики. И вряд ли сам Василий Осипович, если бы он владел такими новыми знаниями, остался бы во всех случаях при своих прежних мнениях.

Нетрудно заметить, что в этой книге соседствуют статьи широкой проблематики и частного характера, опирающиеся на архивные изыскания, и такие, в основе которых толкование не раз напечатанного и рассчитанное на сравнительно широкую аудиторию. И это естественно, так как наследие Ключевского — питательная среда для развития и научных исследований, и просветительской деятельности.

Хочется пожелать, чтобы эта книга стала началом серии изданий сборников трудов ученых Пензы и других городов, объединенных интересом к наследию великого уроженца Пензенской земли, друзей Дома-музея Ключевского. В Пензенском крае богатые, достойные подражания традиции научно-просветительской деятельности и приобщения к ней студенческой молодежи и широких кругов общественности. Большую известность и за пределами края обрели не только мемориальные музеи великих Лермонтова и Белинского, но и музей в самом городе Пензе, посвященный писателям — уроженцам края, и Государственный объединенный краеведческий музей, составной частью которого является недавно созданный Музей Ключевского, и Художественный музей, и Музей одной картины, и музей всемирно знаменитого Мейерхольда, и музеи малых городов (мемориальные музеи А.И. Куприна, А.Г. Малышкина). Событиями становятся конференции в память знаменитых земляков (среди них — университетский учитель Ключевского, великий языковед и искусствовед Ф.И. Буслаев), издания их материалов. Живой интерес вызывают возникшие недавно, с возрождением краеведения, такие издания, как «Пензенский временник любителей старины», «Земство. Архив провинциальной истории России» и богатый историко-литературными публикациями журнал «Сура». (Об этом напечатано и в № 1 журнала «Отечественные архивы» за 1995 г.) Все это делает Пензу значительным средоточием не только изучения отечественной культуры, но и ее современного развития.

ИСТОРИК-АРХИВИСТ С.К. БОГОЯВЛЕНСКИЙ — ЗНАТОК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ПРИКАЗНОГО АППАРАТА И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА XVI–XVII ВВ.

Сергей Константинович Богоявленский (1872–1947) — едва ли не самый выдающийся из историков-архивистов России первой половины XX столетия и единственный из историков того времени, кого преимущественно за заслуги по введению в научный обиход ценных архивных материалов и развитию методики современного архивного дела избрали в 1929 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР, да еще без защиты диссертаций и издания монографических исследований. Жизнь и творчество С.К. Богоявленского охарактеризованы в статье А.В. Топычканова, любовно и старательно подготовившего это издание, опираясь на печатные труды ученого, документацию его личного архива и других архивных фондов учреждений и отдельных лиц.

Большая часть научного наследия С.К. Богоявленского — труды о периоде отечественной истории, когда Российское государство XVI–XVII вв. часто называли — даже в официальной документации россиян и тем более в сочинениях иностранцев — «Московским государством». Хотя ученый был исследователем широкой проблематики — немало сделал как археолог, написал исследования по истории XVIII в., научно-популярные работы по тематике XIX в., труды по истории архивного дела и его современной методике, оставил воспоминания об историках старшего поколения¹; но — как верно заметил академик Л.В. Черепнин — «один город привлекал особое внимание Сергея Константиновича на протяжении всей его научной деятельности — это его родной город и русская столица Москва. История Москвы — тема, которая сопутствовала С.К. Богоявленскому во всю его жизнь, чем бы он ни занимался еще»². В этой книге впервые собраны статьи непревзойденного знатока сохранившихся документов из архивов учреждений допетровской эпохи об управлении и делопроизводстве Московского государства: о Боярской думе, приказах, управлении Москвой. Перепечатывается и признанный классическим справочником-исследованием труд С.К. Богоявленского «Приказные судьи XVII века» с учетом авторских дополнений и уточнений, внесенных в эту работу после ее первого издания. В книге объединены и исследования, снабженные многообразным научным аппаратом, и научно-популярные статьи (тоже, как правило, основанные на архивных материалах), и документальные публикации — среди них и уцелевший фрагмент текста каждодневного делопроизводства (почти полностью погибшего в пожарах последующих лет), убеждающий в личной едва ли не садистической жестокости и подозрительности царя Ивана Грозного, о которой столь много узнаем из публицистических сочинений россиян и иностранцев.

В Приложении публикуются шуточные сочинения историка, написанные им в «приказном стиле». Подобное имитирование — в обычае московских историков

Впервые опубликовано: Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 9–10 (под назв. «Предисловие»).

1920–1940-х гг. и более молодого возраста (М.Н. Тихомирова и др.). Это характеризует историко-культурные интересы и пристрастия московской интеллигенции из окружения семьи Богоявленских-Богословских в повседневности личного общения. Это помогает уловить и аллюзии из прошлого, которыми пользовались, характеризуя современность.

С.К. Богоявленский — историк, к наследию которого ныне обращаются чаще, чем к сочинениям тех, кто преимущественное внимание уделял построениям и оценкам концептуальной направленности. Труды С.К. Богоявленского — добротная основа источниковой базы москвоведения XVI–XVII столетий.

¹ *Станиславский А.Л.* Личный фонд С.К. Богоявленского в архиве АН СССР // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1972 год. М., 1974. С. 283–285; Список научных трудов С.К. Богоявленского. Литература о нем / Сост. Н.Я. Крайнева // Там же. С. 286–290.

² *Черепнин Л.В.* Сергей Константинович Богоявленский (1872–1947) // Там же. С. 207.

СЛОВО С.К. БОГОЯВЛЕНСКОГО О МОСКВОВЕДЕ П.Н. МИЛЛЕРЕ

Публикуемый текст — «Слово» члена-корреспондента С.К. Богоявленского на заседании памяти П.Н. Миллера в 1944 г. Это — машинопись с авторской правкой, возможно, для напечатания в виде статьи. На этот текст впервые обратил внимание А.Л. Станиславский в обзорного характера статье «Личный фонд С.К. Богоявленского в Архиве АН СССР». Он привел и слова о Миллере: «...представлял из себя полную энциклопедию Москвы, сделавшись сам ее достопримечательностью»¹.

Крупнейший историк-архивист С.К. Богоявленский зарекомендовал себя еще на рубеже столетий как знаток и исследователь прошлого Москвы и Подмосковья. Об этой сфере его творческой деятельности в настоящем издании помещен очерк, написанный правнуком ученого М.К. Функом², тоже историком-архивистом, научным сотрудником Архива РАН. С.К. Богоявленский был человеком доброй мудрости и большого обаяния. В его воспоминаниях о П.Н. Миллере ясно ощущаются черты речи С.К. Богоявленского — простой, образной и в то же время точной в определениях.

С П.Н. Миллером ученый был связан совместным интересом к прошлому Москвы с начала нашего столетия. Он принимал участие в работе общества «Старая Москва», душой которого всегда оставался П.Н. Миллер, сочетавший «обширные знания по истории Москвы с талантом организатора и пропагандиста».

Впервые опубликовано: Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1995. [Вып. 2]. С. 116–119 (под назв. «Послесловие»; текст сопровождал публикацию статьи С.К. Богоявленского «Памяти П.Н. Миллера» (1944)).

Когда стали в Академии наук готовить многотомную «Историю Москвы», П.Н. Миллер передал С.К. Богоявленскому план академического издания «История города Москвы»; первый машинописный экземпляр этого текста (37 л.) с указанием даты (27 марта 1941 г.) также хранится в фонде С.К. Богоявленского (ААН СССР. Ф. 553. Д. 154).

В книге С.Б. Филимонова «Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края» (3-е изд. М., 1989) на с. 131–134 в хронологической последовательности названы темы докладов и сообщений П.Н. Миллера, зафиксированные в протоколах заседаний общества почти за 20 лет: «Памяти Щукина», «О прошлом местности “Кулишки”», «План Москвы 1606 г.», «План Москвы 1824 г.», «В защиту исследователя старой Москвы П.В. Хавского», «О плане Москвы П.В. Хавского 1843 г.», «О К.Я. Тромонине», «Церковь Георгия в Старых Лучниках на Лубянке», «О Музее старой Москвы», «О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1918–1919 гг.», «О Г.И. Хлопове», «Картинная галерея Е.Д. Тюрина в Москве», «О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1920 г.», «Памяти А.Н. Петунникова», «100-е заседание Комиссии», «Медали по Москве и собрание их в Музее старой Москвы», «Геодезическая планиграфия Москвы за первые 100 лет. 1739–1839 гг.», «Баронский гонор в Москве (похороны барона Л.К. Бодэ в 1859 г.)», «Рукописная уника. Рукописный атлас Московской губернии 1800 г., принадлежащий Музею старой Москвы», «С.Б. Алмазов — собиратель по старой Москве», «О работе Комиссии по изучению старой Москвы за 1921 г.», «О писателе “по Москве” Д.И. Никифорове», «О собирании материалов о “писателях, собирателях и изобразителях Москвы”», «О жизни и деятельности Н.А. Скворцова», «Памяти А.А. Григорьева», «Рукописная книга о Москве», «О музейном собрании П.И. Щукина», «Островский — москвич», «Памяти И.И. Кузнецова», «О Д.Н. Анучине», «О пожаре в башне китайгородской стены с документами Казенной палаты XVIII–XIX вв.», «О Н.Д. Струкове», «О работе Комиссии за 1923 г.», «О книжной торговле на Спасском мосту», «О своих изысканиях по вопросу о домах в Москве, связанных с именем А.С. Пушкина», «О своих изысканиях по книгам церкви Богоявления в Елохове о месте рождения А.С. Пушкина», «О докладе И.Я. Стеллецкого о библиотеке Ивана Грозного, зачитанном 9 июля 1924 г. в Историческом музее», «О П.С. Уваровой», «Об истории здания Малого театра», «О 200 заседаниях “Старой Москвы”», «О 15-летию “Старой Москвы”», «Об издании записок Сигизмунда Герберштейна», «Об обнаруженных материалах по палатам С. Ушакова», «О масонском гнезде в Москве», «Усадьбы Московского уезда в конце XVIII в.», «О фиксации сносящихся в Кремле архитектурных сооружений», «Об адресе, исполненном А.М. Васнецовым и поднесенном от “Старой Москвы” Академии наук СССР по случаю ее 200-летнего юбилея», «Об истории дома XVIII в. на Никитской улице», «Об истории местности театра Ф.А. Корша», «О театре Ф.А. Корша», «О А.И. Калишевском», «Глиняный подсвечник на службе москвичам», «О С.О. Долгове», «О событиях 1905 г. в Москве», «О 300 заседаниях “Старой Москвы”», «Новый план Исаака Массы», «О Н.А. Рожкове», «Об установлении мемориальной доски на месте дома, где родился А.С. Пушкин», «Об архитектуре собора Василия Блаженного», «Народные революционные выступления в Москве на протяжении веков», «Об обнаружении места расположения первого

стекольного завода в России», «Французы в Москве XVIII в.», «О поездке в деревню Духанино для розысков места расположения стекольного завода», «О П.В. Кислякове», «Две поездки в деревню Духанино осенью т/г», «Бутырская тюрьма, ее история и быт», «О похоронах М.Н. Ермоловой», «О В.В. Згуре», «К истории церкви Трех Святителей», «Пушкинский план Москвы», «Об архитектуре церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду», «О А.Н. Ильине», «О М.А. Дурнове», «Место новой Третьяковской галереи», «О письме архитектора С.Ф. Кулагина с информацией о своих работах», «О находящихся у него экспромтах В.А. Гиляровского», «О портрете И.Е. Забелина», «О вскрытии в лютеранской кирке могил дочери Б.К. Миниха, Я.В. Брюса и его жены», «О литературе, указывающей на связи А.С. Грибоедова с декабристами», «О праздновании 1 мая 1906 г. в Бутырской тюрьме», «О поездке в Павловскую слободу Воскресенского уезда для определения места расположения железодельного завода», «Исторические источники по истории фабрично-заводской промышленности в старой Москве», «Об открытии мемориальной доски на доме, где жил Д.И. Фонвизин», «Москва и москвичи по эмигрантским листкам 50–60-х гг. XIX в.», «О хронике событий 1905 г. в Москве».

Поражают и многообразие интересов, и эрудиция докладчика. А ведь, судя по тем же протоколам, П.Н. Миллер деятельно, научно компетентно участвовал и в обсуждении большинства докладов на заседаниях Общества.

В этом плане любопытна и краткая справка о П.Н. Миллере в справочнике «Научные работники Москвы», составленном комиссией «Научные учреждения и научные работники СССР» и изданном издательством Академии наук в Ленинграде в 1930 г. (Сведения о лицах были собраны еще в предыдущие годы.) Там отмечены не только «наименования основных наук», но и «более узкие научные специальности и даже отдельные научные вопросы, в области которых данное лицо преимущественно работает».

На с. 184 о П.Н. Миллере напечатано: «Хран[итель] отд[елен]ия “Старая Москва” ГИМ, зам[еститель] предс[едателя] О[бщест]ва изуч[ения] Московской губернии и предс[едатель] его секции “Старая Москва”: история, ист[ория] города Москвы — топография, planoграфия, быт». И указаны его адрес: Красные Ворота, Хоромный туп., 6, кв. 20; место и дата рождения (16. XI. [18]67, Саратов). Как сказано в «Пояснении» к изданию, «даваемые о каждом научном работнике сведения о его научной деятельности, как общее правило, по возможности точно отражают данные, сообщаемые о себе самими научными работниками». Следовательно, сам П.Н. Миллер счел нужным выделить именно эти «узкие научные специальности».

В первой же фразе С.К. Богоявленский напоминает о кончине незадолго до того и двух других выдающихся историков Москвы — М.И. Александровского и Н.П. Розанова. Очерки о них напечатаны в первом выпуске нашего издания «Краеведы Москвы» (М., 1991).

¹ Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 258.

² Функ М.К. Знаток московской старины. Сергей Константинович Богоявленский. 1871–1947 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1995. [Вып. 2]. С. 139–152.

МАТЕРИАЛЫ ПО МЕТОДИКЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В АРХИВЕ И.И. ПОЛОСИНА

Известный советский историк профессор Иван Иванович Полосин (1891–1956) был не только оригинальным исследователем прошлого нашей Родины, но и высокоталантливым педагогом. И.И. Полосина отличало многообразие научно-исследовательских интересов¹; это же характерно и для его педагогической деятельности.

Среди общих и специальных лекционных курсов, подготовленных И.И. Полосиным для студентов педагогических вузов и университетов, был и лекционный курс, посвященный вопросам использования источников в педагогической работе, который можно было бы охарактеризовать как курс прикладного источниковедения. По содержанию он близко соприкасался с лекционным курсом «Методика преподавания истории». Текст этого курса в архиве И.И. Полосина, находящемся ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, не обнаружен. Вероятно, полезно было бы попытаться восстановить его содержание по записям лекций слушателями. В архиве имеется лишь проспект курса «Источниковедение и историография» (далее — Проспект), составленный И.И. Полосиным в 1941 г. и предназначенный для студентов Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта.

Проспект написан в небольших ученических тетрадях и состоит из введения и трех частей («Признаки исторического источника», «Методика и техника анализа исторического источника», «Методика и техника исторического синтеза») с общей нумерацией параграфов (всего 37 параграфов). Первая, наиболее пространная часть занимает целую тетрадь. По-видимому, написана она была в один прием, одними чернилами, крупным ясным почерком. Тогда же, можно думать, были написаны и формулировки обоих параграфов второй части. Однако § 27 «Учение об аргументах» написан уже карандашом. Третья часть, видимо, написана была уже позже. Она представляет собой лишь перечень вопросов, на которые предполагалось обратить внимание в лекционном курсе. Перечень этот широк и недостаточно определен по содержанию: здесь вопросы методики и техники исторического изложения (порядок изложения, использование цитат и т.д.), сведения об оформлении исследований (структурном, библиографическом, об указателях, заголовках и т.п.), данные по методологии истории (задачи истории в понимании историков разных формаций, исторический факт и его показатели, история как исторический процесс, история как историческая наука) и историографии. Среди них и вопросы, имеющие непосредственное отношение к источниковедению: в § 30 «Методика и техника исторического изложения» два подпункта («Использование источников и исследований: каких? как? Ввод цитат из источников и исследований: каких? как?»). Завершить курс предполагалось обзором литературы по вопросам источниковедения и историографии. Представляется целесообразным опубликовать лишь две первые части Проспекта.

Пониманию содержания Проспекта помогают ознакомление с неправомерными стенограммами лекции И.И. Полосина «Источники и их анализ», прочитанной учителям и методистам Москвы 9 мая 1944 г. (28 страниц машинописи через один интервал), и обсуждения этой лекции. Судя по вводным фразам, это одна из лекций курса по методике преподавания истории. Ее тема сформулирована И.И. Полосиным так: «Вопросы об источниках, которыми мы пользуемся при подборе соответствующего материала». В этой лекции некоторые мысли Проспекта получили дальнейшее развитие, конкретизированы и иногда даже иллюстрированы ссылками на исторические факты и примерами из педагогической практики лектора.

Лекция в целом скорее может быть интересна педагогам-методистам, так как И.И. Полосин обращает внимание на поведение педагога в аудитории, отмечает значение жеста, интонации, советует пристальнее наблюдать за актерами на сцене (отмечает особую роль пауз, необходимость «научиться не только мастерству речи, но и мастерству молчания», напоминая при этом об игре М.С. Щепкина).

Лекция во многом полемична, И.И. Полосин считал нужным сосредоточить внимание на тех группах источников, «о которых источниковеды забывают», «вытянуть их из забвения» — «это жест, реальное действие; это язык во всем его богатстве; это народная мудрость, осевшая в фольклорном творчестве».

И.И. Полосин полагал необходимым «обращаться к истории языка и семантике отдельных терминов», «сосредоточить внимание лектора на том огромнейшем, совершенно неисчерпаемом ресурсе, которым нужно по-настоящему овладеть, — без чувства языка, без остроты чувства языка иной раз не сумеешь понять как письменных, так и печатных документов». И.И. Полосин приводит соответствующие примеры в подтверждение своей мысли: о значении слов «смерд» и «приключиться» в Древней Руси (вспоминая при этом статью 104 «Пространной Правды») и об изменении этого значения в наше время, раскрывает реальный конкретно-исторический смысл пушкинских выражений «пошлая дорога» и «хамы» (применительно к крепостным). Особенно любопытен пример словотворчества Суворова, позволивший лектору сразу же перейти к вопросу о необходимости использования и «фольклорного богатства». Полосин говорил: «В самом деле, всем известны суворовские каламбуры: всем известно, как он еще после Альпийского похода мечтал о том, как бы “обновить” кампанию... Он говорил “обновить кампанию”, и многие из современников, а затем и историков-исследователей думали только о том, что Суворов думал о возрождении новой кампании. Но учтите чутье Суворова, чувство языка у него и что он свои каламбуры строил и на особых ударениях, и перенесите ударение — и все становится ясно: “обновить” кампанию, т.е. провести кампанию так, как она была проведена Суворовым и Багратионом под Новью, т.е. так, что даже император Павел I и тот приказал воздавать Суворову почести, равновеликие императорским. Обновить — обнóвить». Этот отрывок дает представление о лекторской манере И.И. Полосина, о его искусстве непосредственного общения с аудиторией.

И.И. Полосин указал и другие группы источников, классифицируя их «только по признаку формы»: вещественные (включая археологические), графические (включая примитивные схемы), письменные (с выделением исследований и художественной литературы).

Специально остановился И.И. Полосин на характеристике «историко-географических источников», подчеркнув особую необходимость подобных характеристик и отметив отсутствие их в вузовских учебниках истории («Прошу найти хотя бы одну историко-географическую характеристику в двухтомнике [истории] СССР, рассчитанном на студентов вузов. Их нет! История протекает вне пространства!»).

И.И. Полосин преследовал цель помочь «продвинуть к слушателю тот или иной источник», «организованно его показать слушателям» и хотел внушить мысль, «что все эти источники живут вокруг нас и требуют от нас внимания для работы над материалом давно прошедших времен... Вот почему я утверждаю, — продолжал И.И. Полосин, — что не нужно быть специалистом-ученым, дипломированным профессионалом для того, чтобы организовать систему своих понятий. Не нужно быть непременно признанным художником, мастером художественного слова для того, чтобы организовать систему образов».

Лекция вызвала живой интерес у слушателей, запечатленный в какой-то мере в вопросах и выступлениях. Выступавшие отнюдь не во всем согласились с И.И. Полосиным. Недоумение, в частности, вызвало положение о желательности воспроизведения действий во время лекций, занятий. Вероятно, хорошо было бы использовать эти материалы при подготовке трудов по истории советской педагогической мысли. В данном случае цитаты из лекции публикуются в качестве примечаний к Проспекту, так как помогают осмыслить отдельные положения Проспекта, изложенные в тезисной форме.

В Проспекте, как и в других работах И.И. Полосина, немало необычного, спорного, и, конечно, не все выдержало испытание временем. Но думается, что и сейчас Проспект имеет научную ценность и может оказаться небезыңтересным в плане поисков путей дальнейшего развития методики источниковедения. Некоторые положения Проспекта (о соотношении источника и исследования, о принципах классификации источников, об историко-географических источниках и др.) ныне стали предметом особых исследований и научных дискуссий.

В Проспекте можно почерпнуть много полезного и для практической педагогической работы, особенно в связи с постановкой вопроса о необходимости преподавания источниковедения при подготовке будущих учителей средней школы². Задачей предполагаемого лекционного курса было облегчить учителю подготовительную работу к занятиям со школьниками, помочь в организации системы понятий и образов. Характерная и привлекательная черта лекционного курса — многообразие подхода к историческим явлениям, способствовавшее развитию самостоятельности исторического мышления и педагогического творчества. Проспект любопытен и в историографическом плане как пример относительно ранней попытки осмысления вопросов методики источниковедения в период становления этой научной дисциплины как предмета преподавания.

Наконец, публикуемый Проспект лекционного курса И.И. Полосина приобретает особое значение и как памятник общественного сознания. На обложке тетради читаем: «17 октября 1941 г. Москва». В тот день фашистские войска находились близ Москвы. Ученый-патриот, глубоко веривший в победу своего народа, именно в это время размышлял над проблемами обучения молодого поколения советских людей, думал о его будущем.

Текст Проспекта печатается согласно правилам издания современных письменных памятников. Недостающие буквы в некоторых словах раскрываются в квадратных скобках.

¹ Жизнь и творчество И.И. Полосина на основании детального знакомства с материалами его архива охарактеризованы в статье Л.В. Черепнина «И.И. Полосин как историк» (в кн.: *Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 26–28*).

² См. об этом материалы дискуссии в журнале «Новая и новейшая история» за 1961–1963 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «К 80-ЛЕТИЮ В.П. ДАНИЛОВА»

Виктор Петрович Данилов родился 4 марта 1925 г., скончался 16 апреля 2004 г. Буквально в канун кончины его удостоили высшей академической награды историка России — золотой медали имени С.М. Соловьева, присуждаемой РАН. Несмотря на почтенные годы, он был творчески неутомим и полон новых замыслов, по-прежнему поражал неослабевающей работоспособностью и дисциплиной в организации своего труда, обнадеживающе заинтересованным отношением к творчеству других ученых, особенно более молодых, умением сплотить в общей работе людей разного возраста, разной степени подготовки, а подчас и разных воззрений. Его личный пример самоотдачи делу оказывался и заразительным, и научно перспективным. Мы публикуем рекомендацию о присуждении В.П. Данилову медали С.М. Соловьева, написанную академиком РАН Г.Н. Севостьяновым в марте 2004 г.

Внезапная кончина выдающегося ученого и организатора науки вызвала немало откликов и на родине¹, и за рубежом². В.П. Данилов был едва ли не самым авторитетным за рубежом из наших историков, специализирующихся на изучении советской эпохи. Он руководил осуществлением проектов выявления и издания архивных документов совместно с учеными других стран и зачастую был инициатором этих археографических предприятий, участвовал в работе многих международных форумов, преподавал в зарубежных университетах, его труды публиковались на разных языках. И потому статью памяти российского историка предложено было для настоящего издания написать выступившему с проникновенным словом у его гроба иностранному ученому, хорошо осведомленному об организации совместных начинаний ученых-гуманитариев России и других стран. Алексис Берелович (Berelowitch) тогда был директором Франко-российского центра общественных наук в Москве (в ИНИОН). Братья его также известны активным участием во франко-российских научных мероприятиях: старший — Андре — видный специалист по истории допетровской Руси, Владимир — известный

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007. С. 171–173 (под назв. «От редактора»).

историк России XVIII–XIX вв., культуролог, переводчик сочинений и классиков русской литературы XVIII в. и писателей XX в. Все они в своей преподавательской деятельности связаны с Высшей школой социальных наук и университетами Парижа.

Статья эта показывает, что в среде зарубежной научной общественности признается наиболее значимым в содеянном В.П. Даниловым. Так же как и в перепечатанной в переводе на русский язык в альманахе «Нестор» статье американских ученых, основное внимание в ней уделено изучению В.П. Даниловым истории крестьянства, а также общественной позиции историка. Несомненно, что эта тематика заслуживает и дальнейшего углубленного изучения и в плане ознакомления с жизнью и творчеством одного из крупнейших отечественных историков XX столетия, и в плане истории общественной жизни современной ему России.

Однако специального изучения заслуживает и свершенное В.П. Даниловым для развития источниковедения и историографии, и особенно археографии. Член Археографической комиссии с 1968 г., В.П. Данилов напечатал в «Археографическом ежегоднике за 1968 год» статью «Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса)», в 1977 г. — статью «Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции» в выпуске IV «Северного археографического сборника».

В.П. Данилов и С.И. Якубовская первыми из историков тогда еще сравнительно молодого возраста, специализировавшихся на изучении проблематики советской истории, постарались уже в 1950-е гг. использовать и пропагандировать методику «классического» источниковедения, опирающуюся на опыт исследования памятников письменности более раннего времени при подходе к источникам новейшего периода отечественной истории. И это во многом определялось и тем, что они в какой-то мере сами приобщались в студенческие годы к такой творческой деятельности: С.И. Якубовская на историческом факультете МГУ в семинаре по истории западного Средневековья Е.А. Косминского, В.П. Данилов — у высоко ценимого им учителя на историческом факультете Оренбургского пединститута П.В. Матвиевского. Становится все более очевиден вклад Данилова и Якубовской и в развитие историографической мысли. И это — не только смелая новаторская статья 1965 г. «О фигуре умолчания в исторической науке», подготовленная для «Нового мира» А.Т. Твардовского, запрещенная тогда к изданию и впервые напечатанная с предисловием и комментариями А.А. Курносова в «Археографическом ежегоднике за 1992 год» (М., 1994). В.П. Данилов немало сделал для изменения самого стиля историографической работы и как заведующий отделом советского общества начавшего выходить с 1957 г. журнала «История СССР». Он написал и большую статью «Изучение истории советского крестьянства» для сборника статей 1962 г. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС».

При оценке подготовленных по инициативе В.П. Данилова и под его редакцией документальных сборников, естественно, основное внимание уделяют введению в научный обиход новых исторических источников, принципам их отбора, их интерпретации. Но в плане собственно археографии следует специально исследо-

вать и методику выявления и подготовки к изданию этих архивных материалов, и организации столь результативной коллективной работы сотрудников многих архивохранилищ, научно-исследовательских учреждений, вузов. Желательно было бы для «Археографического ежегодника» подготовить статью именно об этом, ибо труды В.П. Данилова — веха и в развитии археографии и смежных с ней научных дисциплин.

¹ *Охотин Н.* Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 – 16 апреля 2004) // *Население и общество: Бюллетень.* 2004. 19 апр. – 2 мая; Памяти Виктора Петровича Данилова (4 марта 1925 г. – 16 апреля 2004 г.) // *Отечественная история.* 2004. № 6. С. 210–211 (подп.: «Друзья, коллеги, ученики»); Виктор Петрович Данилов // *Вестник архивиста.* 2004. № 3/4. С. 440–442 (подп.: «Друзья и коллеги»); *Вылцан М.А., Емец В.А., Сленев И.Н.* Творческий путь Виктора Петровича Данилова // *Вопросы истории.* 2005. № 9. С. 150–162; *Крестьяноведение: Теория. История. Современность.* М., 2006. Вып. 5.

² *Heimson L.H., Linn V.* Victor Petrovich Danilov // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2004. Vol. 5, № 3. P. 633–639; *Хеймсон Л., Линн В.* Виктор Петрович Данилов (1925–2004) // *Нестор.* 2000. СПб.; Кишинев, 2004. № 4. С. 359–363.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ИЗ АРХИВА К.Н. ТАРНОВСКОГО»

Константин Николаевич Тарновский (1921–1997) — один из самых выдающихся историков нашего поколения. Его по праву признают за молодую энергию талантливости и благородную направленность общественного темперамента и «шестидесятником» (хотя к ним относят преимущественно родившихся уже в 1930-е гг.). Его научные достижения тем более достойны уважения, что К.Н. смог приступить к серьезным занятиям историей, только пройдя весь путь войны в действующей армии. И сразу выделился даже среди студентов своего курса, давшего затем науке немало видных историков. Новаторские по замыслу и выводам исследования К.Н. изначально отличались источниковедческой основательностью и высокой историографической культурой, и К.Н. еще молодым утвердился в ряду ведущих специалистов и по истории России эпохи империализма, и по проблематике источниковедения и историографии. А так как это сочеталось с незаурядным педагогическим даром и лектора, и руководителя семинарских занятий, то К.Н. стал и почитаемым и особо любимым вузовским преподавателем. К.Н. присущи были и организаторский талант, и склонность к редакторской работе, тяга к публичной общественной деятельности.

Доброжелательное, заинтересованное отношение к людям, душевная открытость, умение слушать при отсутствии манеры менторской подачи своих суждений, широкая эрудиция (и не только в сфере гуманитарных наук, но и музыкаль-

ная) делали общение с К.Н. притягательным и для тех, кто не был с ним близко знаком. А когда К.Н. был рано сражен инфарктом и подвижность его стала ограниченной, гостеприимный дом Мары Платоновны и К.Н. — особенно в теплые месяцы дача (которую они снимали на станции «42-й километр» по Казанской железной дороге) — были средоточием общения ученых разных поколений. Обаятельный образ мудрого и любознательного собеседника запечатлелся в памяти и моих учеников, приезжавших ко мне на вблизи расположенную дачу и видевших его гостем и докладчиком на заседаниях нашего научного студенческого кружка источниковедения в Историко-архивном институте. Он откликнулся и душевной рецензией благословения на дальнейшую творческую деятельность, характеризуя сборник трудов кружковцев, подготовленный в 1980 г. к 30-летию кружка. Осознавая, что «для большинства авторов это первая научная публикация», заключил рецензию такими словами: «Третий сборник работ кружковцев, как и первые два, вызывает живой интерес историков. Он привлекает не только полученными результатами: работы молодых исследователей нацеливают на дальнейшую разработку и изучение исторических источников по отечественной истории и прежде всего архивных документов»¹.

Но яркая даровитость, независимость суждений и твердость в убеждениях, уважительное внимание, оказываемое К.Н. видными по положению учеными, в то же время возрастающие симпатии научной молодежи у некоторых вызвали настороженность и даже зависть, а у партийных бюрократов, определявших политико-идеологическую направленность работы историков, и недовольство. И это стало препятствием реализации себя К.Н. с должной трибуной в научной работе, и особенно в педагогической: «школа Тарновского» формировалась преимущественно из тянувшихся к нему остепененных уже ученых.

Мог наблюдать, каким творчески результативным становилось для студентов общение с К.Н., когда его снова допустили к преподаванию, но теперь уже не на истфаке МГУ, а в Историко-архивном институте (это — одна из первых акций нового ректора МГИАИ Н.П. Красавченко). Там особое значение имело и то, что в основе всех построений ученого была прежде всего архивная документация. А когда в конце 1970-х гг. рекомендовал К.Н. руководителям учебной программы телевидения для проведения цикла передач по отечественной истории XIX – начала XX в. (являющегося продолжением цикла по отечественной истории предшествующего времени, который я вел уже несколько лет), то К.Н. сразу завоевал признание и у методистов, и у учащихся, и нашу беседу троих — К.Н., Г.Х. Шахназарова (юриста и политолога, чл.-корр. РАН с 1987 г.) и меня — с учительницей истории И.В. Боганцевой стали передавать как знаковую в День учителя. Список печатных трудов К.Н. и литература о К.Н. опубликованы в 118-м томе «Исторических записок», вслед за статьей «Творческий путь К.Н. Тарновского» (авторы В.А. Емец, В.В. Шелохаев). Основная литература об ученом указана в статье о нем Н.А. Ивановой в книге «Историки России. Биографии» (М., 2001). Однако среди не отмеченного там — опубликованное в томах «Археографического ежегодника» (далее — АЕ). К.Н. не только принимал участие в организуемых Археографической комиссией заседаниях (что отражено в хроникальных сообщениях) и выступал со статьями в ее «Ежегоднике» (книги за 1980, 1983, 1987 гг.), но в АЕ за 1987 год опубликованы

ликован некролог, написанный Б.Б. Дубенцовым, в АЕ за 1991 год к 70-летию со дня рождения историка помещены статьи о нем (А.А. Курносова, С.О. Шмидта) и хроника заседания памяти К.Н. Тарновского.

Архив К.Н. передали в Центральный архив документальных коллекций Москвы (ЦАДКМ), ныне получивший название «Центральный архив-музей личных коллекций». Это — фонд № 157, краткое описание которого в составленном А.А. Кацем справочнике «Центральные архивы Москвы. Путеводитель по фондам личного происхождения» (М., 1998. С. 143–144). На страницах 314–324 АЕ за 1998 год А.А. Кац опубликовал и статью «Материалы личного фонда К.Н. Тарновского в ЦАДКМ».

Но часть документов остается у вдовы К.Н. и дочери их Татьяны, которые решили напечатать отобранное ими. Публикуемые письма свидетельствуют об отношении к К.Н. виднейших ученых и старшего, и младшего поколений.

Письмо академика Николая Михайловича Дружинина (1886–1986) — поздравительное к 50-летию. Академик благодарит за статью «Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (дискуссии начала 1960-х годов)», помещенную в сборнике статей «Проблемы социально-экономической истории России: К 85-летию со дня рождения академика Николая Михайловича Дружинина», вышедшем в Москве в издательстве «Наука» к 12 января 1971 г. В это время Отделом науки ЦК КПСС было уже инициировано решение о неутверждении К.Н. в ученой степени доктора исторических наук — и это после того, как голосование членов Ученого совета Института истории АН СССР было единогласным и получено было 17 положительных отзывов и от отдельных специалистов, и от кафедр вузов! И авторитетнейший в кругу историков их самый старший коллега счел важным продемонстрировать свою особо высокую оценку и автореферата диссертации. Это было тем более существенно, так как все знали, что именно Н.М. Дружинин отличается строгой сдержанностью в своих оценках. Два другие письма — соболезнования, адресованные Маре Платоновне ленинградскими друзьями К.Н. — Рафаилом Шоломовичем Ганелиным (чл.-корр. РАН с 1991 г.) и Александром Александровичем Фурсенко (чл.-корр. РАН с 1987 г., академик — с 1990 г.). Ученые Петербурга оказали большую поддержку К.Н. в период его преследования, организовали защиту докторской диссертации (правда, по иной уже тематике). К.Н. очень любил бывать в Ленинграде, работать в архивах, общаться с друзьями. В Петербурге к 80-летию со дня рождения историка провели Всероссийскую научную конференцию в академическом Институте истории (в помещении которого К.Н. защищал диссертацию и не раз выступал с докладами). Материалы ее стали основой сборника статей «Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время: Историография. Воспоминания. Исследования» (СПб., 2002).

¹ Тарновский К.Н. [Рецензия] // Советские архивы. 1981. № 4. С. 86. Рец. на кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1980.

Д.И. ТВЕРСКАЯ — ИСТОРИК И МУЗЕЕВЕД

Дина Исааковна Тверская (12 января 1925 г. – 10 августа 1975 г.) — видный советский историк и музеевед, специалист по отечественной истории и методике исторической работы. Ученица академика М.Н. Тихомирова по Московскому университету, написала под его руководством диссертацию, ставшую основой книги «Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка» (М., 1959), получившей широкое признание в нашей стране и за рубежом. Д.И. Тверская много сил отдала музейному делу. Она была сотрудником Государственного Исторического музея (1953–1964), где руководила несколько лет экспозиционным отделом по истории позднего феодализма, заведовала сектором истории советского общества в Научно-исследовательском институте музееведения (1964–1972). С ее именем связано решение многих важнейших вопросов методики музейного дела. Результаты деятельности Д.И. Тверской реализованы в подготовленных ею музейных экспозициях, в путеводителях по экспозиции, в статьях и методических разработках (об отделах истории советского общества краеведческих музеев, о музеях-заповедниках и др.), в лекционных курсах по истории музейного дела и музееведению в Московском университете.

Д.И. Тверская — участник экспедиций Государственного Исторического музея по выявлению и изучению памятников периода капитализма и истории советского общества (и в европейской, и в азиатской частях России). С 1972 г. она старший научный сотрудник Археографической комиссии АН СССР, где занималась в основном координацией и обобщением опыта археографических экспедиций. Вышедшая посмертно ее статья «О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период» (журнал «История СССР», 1976, № 1) имеет основополагающее значение. В то же время она участвовала в организации экспозиции выставки к 250-летию Академии наук на ВДНХ, готовила работу «М.Н. Тихомиров и музеи».

Для творчества Д.И. Тверской характерны и широта подхода к теме, смелость постановки научных проблем, и склонность к систематизации, искусство скрупулезного анализа многообразных исторических источников — и словесных, и вещевых, и изобразительных, и взаимодействующей с человеком природной среды. Ученый-новатор и эрудит, Д.И. Тверская была человеком удивительной организованности, работоспособности, доброжелательности и сердечности.

Впервые опубликовано: Музейное дело: Сб. научных трудов. М., 1992. Вып. 21: Музей — Культура — Общество. С. 61–62 (без назв.; предисловие к посмертной публикации статьи Д.И. Тверской «Музей как научно-исследовательское учреждение»).

СЛОВО О Л.В. ИВАНОВОЙ

Людмила Васильевна Иванова — ученый широкого историко-культурного кругозора, но с исследовательскими трудами решалась выступать в печати только по той проблематике, в которой считала себя освоившей доступную источниковую базу и историографическое наследие. В этой книге собраны труды Л.В. Ивановой по москвоведению и усадьбоведению. Это — труды, подготовленные к изданию в последний период жизни автора, в конце 1980-х гг. и в 1990-е гг. В первой части книги приводятся статьи и воспоминания тоже преимущественно о жизни и творчестве Людмилы Васильевны именно в это время.

В последнее свое десятилетие Л.В. Иванова — доктор исторических наук с 1983 г., ученый, уже хорошо известный своими трудами по истории культуры России XX в. и историографии (список трудов см. в «Археографическом ежегоднике за 1998 год» к 70-летию со дня ее рождения), — заметно способствовала подъему научного краеведения, разгромленного на рубеже 1920–1930-х гг. и подвергнутого политической дискриминации, и особенно москвоведения, и возрождению тогда же оклеветанного и загубленного усадьбоведения. Указание на эти даты показательно, так как отражает особенности пути развития научного краеведения в советское время.

Отринутое насильственным путем от «большой науки», т.е. академической и университетской, заклеенное ярлыком «антисоветчины» научное, точнее даже научно-учебное, краеведение более 25 лет в какой-то мере оставалось лишь в программе обучения школьных учителей и в деятельности местных музеев; и мы должны быть благодарны тем, кто сумел удержать некоторые краеведные традиции в нашем просвещении.

Но свеча не погасла, в основном, от того, что и в сфере «большой науки» занятия такой тематикой продолжались и не могли не продолжаться, ибо без познания частного нельзя осмыслить общее, а наша огромная страна отличается многообразием и естественно-географических условий, и социокультурных особенностей, и исторических традиций. Однако при этом опасливо избегали употребления термина «краеведение» и связанных с ним слов. Ведь по существу к тематике, которую до 1930 г. характеризовали как краеведную или краеведческую, относятся и фундаментальные исследования 1930–1940-х гг. виднейших ученых: книги М.Н. Тихомирова «Древнерусские города» и «Россия в XVI столетии», представляющие собой свод микромонографий об отдельных городах, «краях»; труды Н.Н. Воронина о Владимиро-Суздальской земле и древнерусских городах; работы В.И. Шункова о земледелии в Сибири; статьи В.К. Яцунского об особенностях экономического развития отдельных регионов России; и исследования по исторической географии. Без использования достижений краеведов 1920-х гг. не могли обойтись в санкционированных властью трудах, близких к традиционной краеведной тематике: при подготовке многотомных изданий по истории Москвы и Ленинграда, книг о больших городах, осо-

бенно приуроченных к юбилеям, по истории народов нашей страны; в сочинениях об усадьбах знаменитых людей.

Однако само краеведение первых десяти-двадцати лет советской власти, роль краеведения в развитии общественного сознания, тем более общественного движения, были темами табуированными в советской историографии той поры.

Публичное выражение уважительного отношения к краеведческой тематике, и, соответственно, к краеведным изданиям 1920-х гг., возобновилось с середины 1950-х гг., и, прежде всего, в новом журнале «История СССР» (ныне «Российская история»), где я был заместителем главного редактора. Лишь на третьем году его существования напечатали по инициативе В.К. Яцунского обзорную статью ярославского профессора Л.Б. Генкина «Книги по истории городов СССР» (1959. № 5) с постановкой вопроса о необходимости координировать работу такой тематики.

В 1965 г. в IV книге академического издания «Очерков истории исторической науки в СССР», излагающей развитие исторической науки в первые два десятилетия советской власти, краеведению из 854 страниц отвели одну (два абзаца!). И даже в книге 1986 г. — сборнике статей о выдающемся востоковеде и культурологе С.Ф. Ольденбурге — не решились написать о руководстве академиком краеведческой деятельностью в 1920-е гг.: об этом как бы попутно упомянуто в статье «Деятельность С.Ф. Ольденбурга в области музееведения и этнографии». А ведь секретарь Академии наук был руководителем Центрального бюро краеведения (ЦБК), редактором его печатного органа, вдохновителем краеведческого движения и почтовым адресом для всех краеведов страны, обращавшихся в ЦБК.

К середине 1960-х гг. краеведная деятельность стала в большей мере совмещаться с памятникоохранительной и получила официальную поддержку. К руководству образованного тогда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры привлекли известных ученых (не только гуманитариев) и других заметных деятелей культуры. В подготовке региональных сводов памятников культуры объединились усилия научных учреждений, вузов, хранилищ таких памятников (музеев, архивов, библиотек), энтузиастов — любителей родного края. С возникновением Фонда культуры во главе с академиком Д.С. Лихачевым все более утверждается представление о том, что созданное россиянами, находившимися в зарубежье, должно быть признано относящимся к отечественной культуре, и односторонний идеолого-политический критерий при оценке и характеристике явлений культуры и общественной жизни должен уступить место более широкому и гибкому подходу. Такое понимание культурного наследия продемонстрировано изданием «Наше наследие». Среди программных направлений деятельности Фонда культуры сразу выделили краеведение и взаимосвязи природного и культурного наследия.

В 1987 г. состоялась уже первая Всесоюзная конференция по историческому краеведению, а в 1990 г. — учредительный съезд Союза краеведов России. В 1990-е гг. реализуется научная программа «Культура российской провинции XVIII–XX вв.», объединяются специалисты, готовящие региональные энциклопедии. Работа финансируется при поддержке местных властей. Предпринимаются усилия для публикации трудов современных краеведов и краеведов прошлых лет. Поощряется издание сводов дореволюционных открыток, библиографических перечней. Сюжеты

из истории своего края оказываются наиболее привлекательными и для школьников, участвующих в конкурсах исследовательского типа работ исторической тематики.

Значение научных достижений российского краеведения в первой трети XX в., предвосхищавших некоторые современные представления мировой науки о локальной истории, микроистории, методике изучения повседневности, осознается и за рубежом. В 2000 г. в Париже, по инициативе Сорбонны, организуется Международная научная конференция, посвященная столетию российского краеведения, и материалы ее изданы отдельной книгой в серии «Cahiers slaves» (№ 6. *Civilisation russe. Les études régionales en Russie (1890–1990). Origines, crise, renaissance.* Paris, 2002).

Л.В. Иванова, несомненно, способствовала подъему научного уровня исторического краеведения, формированию представлений о научной значимости историографического наследия краеведов (особенно тех, кто занимался изучением и охраной усадеб), повышению интереса общественности к деятельности краеведов и вовлечению в их работу новых энтузиастов. С конца 1980-х гг. Л.В. Иванова отдавала все больше сил и времени не только организационной и редакционной работе, но и в своих исследованиях сосредоточилась именно на краеведческой тематике.

К тому времени она имела большой научный авторитет как автор книг, статей, справочно-библиографических публикаций по истории советской культуры и по историографии, однако такая работа велась в русле направлений, predeterminedных ранее программой работы коллективов научных сотрудников, возглавлявшихся видными учеными старших поколений. В сфере исторического краеведения Л.В. Иванова в большей мере выступала новатором в тематике и в методике исследований, в системе организации труда, требовавшей создания группы единомышленников и помощников.

Изучая источниковую базу истории и культуры исторической мысли России XX в., Л.В. Иванова воспринимала ее в широком контексте развития культуры и общественной жизни. Исследовательский опыт помог ученому быстро овладеть приемами изучения того, что восходит к предыдущему столетию (что особенно заметно в трудах об образе жизни Самариных и о Н.А. Найденове).

Думается, что погружение в краеведную тематику отвечало свойствам натуры Людмилы Васильевны, ее неутомимой любознательности, стремлению к сопоставительному рассмотрению исторических явлений и памятников истории и культуры разных стран и столетий. Достигнуть в короткий срок столь значительных научных результатов в трудах обобщающего плана и сугубо конкретных позволило не только совмещение дара исследователя с широкой эрудицией и приметливостью к деталям, но и опыт редактирования и преподавания в средней школе, да еще и в провинции, давший немало наблюдений над особенностями восприятия историко-культурной информации. Конечно же, залогом успеха Людмилы Васильевны были присущие ей редкое трудолюбие, целеустремленность и неизменная организованность в работе, совестливое ощущение чувства ответственности. Работая с Людмилой Васильевной в одном помещении (Института российской истории АН), общаясь на конференциях и заседаниях разных объединений (где мы оба

были членами), мог наблюдать, с каким особым уважением и доверием относились к сказанному и написанному ею коллеги разных поколений: и старшие, и сверстники, и более молодые.

Людмила Васильевна была классическим образцом исследователя, придававшего большое значение системе доказательств, использованию научной терминологии, форме изложения и оформлению научного аппарата. В то же время как ученый-просветитель она писала и говорила всегда ясно и доступно, не злоупотребляя ни модными зарубежными терминами, ни «красивостями» стиля, сочетая в то же время достойную сдержанность с эмоциональностью. Запоминаются, к примеру, ее слова в заключительной части статьи «Трагические судьбы членов Общества изучения русской усадьбы» об опубликованной тюремной рукописи А.Н. Греча, которая прозвучала не только как реквием дворянским усадьбам, но и как гимн во славу людям, которые, как и он сам, любовно и самоотверженно трудились над тем, чтобы сохранить в памяти историю и культуру русской усадьбы.

Написанное Людмилой Васильевной Ивановой в последний период ее неутомимого и вдохновенного творчества относится к сохраняющим долгий интерес ценностям научного «наследия москвоведения». Именно под таким грифом были подготовлены к печати (издательство «Языки славянских культур») книги трудов по истории Москвы и москвоведению выдающихся историков старших поколений С.К. Богоявленского и М.Н. Тихомирова. Собрание в одной книге трудов Л.В. Ивановой по москвоведению и усадьбоведению и материалов о ней и ее научной деятельности может рассматриваться как книга той же серии. Книга «Людмила Васильевна Иванова — краевед, москвовед, усадьбовед» предназначена и для ученых-специалистов, и для всех, кому дороги история и культура России, кто хочет больше знать о тех подвижниках науки, которые их изучали.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ «ЗАПИСКА А.А. КУРНОСОВА К.М. СИМОНОВУ ОБ АРХИВЕ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

В 1970-е гг., когда была составлена эта Записка, именно А.А. Курносов — знаток и источниковой базы истории Великой Отечественной войны, и методики собирания и изучения документов личного происхождения, более других сотрудников Археографической комиссии был подготовлен к составлению документа, поддерживающего благородный почин знаменитого писателя-фронтовика и одновременно содержащего важные практические рекомендации.

Алексей Антонович Курносов — долголетний научный сотрудник Археографической комиссии — с 1972 по 1999 г., широко известный своими трудами по источниковедению истории Великой Отечественной войны. Значителен его вклад в развитие современных представлений о методике исторического источниковеде-

Впервые опубликовано: Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 448–450 (под назв. «К 70-летию автора Записки»).

ния, историографии источниковедения и полевой археографии и о возможностях использования наработанных приемов выявления, описания и изучения источников более ранних периодов при подходе к документальным памятникам истории советского общества.

А.А. Курносов поступил в Московский историко-архивный институт в 1950 г. Этот набор студентов мне особенно памятен, так как им первым начал читать тот лекционный курс отечественной истории до XVIII в., с которым затем знакомил первокурсников более 20 лет; и преимущественно из первокурсников, сдававших экзамен (особенно когда — с переходом на основную работу в Академию наук — перестал руководить семинаром на первом курсе), формировались и первые «наборы» занимавшихся в научном студенческом кружке источниковедения, 50-летие которого отмечали в апреле 2000 г. Как показало будущее, это был один из самых ярких курсов ИАИ — однокурсниками Курносова оказались видные впоследствии исследователи, организаторы архивного дела, журналисты Юрий Виноградов, Александр Воробьев, Владимир Илюшенко, Зинаида Иноземцева (Дацюк), Владимир Кабузан, Владимир Мамонов, Александр Покровский, Галина Попова (Тумаркина), Андрей Пшеничный, Галина Тарле, Дмитрий Тебекин, Бруно Томан, Игорь Фесуненко. Курносов выделялся серьезным интересом к вопросам методики научного исследования, стал одним из самых заинтересованных и творчески активных участников работы студенческого научного кружка, найдя для себя в этом содружестве друзей на всю жизнь, для которых и по сей день остается дорогим им «Лёшкой». В газетных и журнальных статьях о кружке, в работах по истории его неизменно пишут и о Курносове; имя его запечатлено и в кружковом юморе (см. сборник материалов «Кружку источниковедения пятьдесят лет», изданный в РГГУ в 2000 г.).

А. Курносов — из первых учеников С.И. Якубовской, стоявшей у истоков разработки на новых началах проблематики источниковедения истории советского общества. Она смело и плодотворно синтезировала свой большой опыт изучения разных видов источников Новейшего времени (нарративных, актовых, статистических) и приемы, освоенные еще в семинарах классика науки истории зарубежного Средневековья и историографии Е.А. Косминского. Якубовская направляла занятия начинающего исследователя мемуаров и других документов о Великой Отечественной войне и заинтересованно следила за его штудиями в области теоретического источниковедения. Якубовская — научный руководитель кандидатской диссертации «Методы исследования мемуаров. Мемуары как источник по истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны», защищенной в 1965 г. Разделы ее стали основой статей не только в «Трудах МГИАИ» («Вопросы авторства в мемуарах о народном сопротивлении в тылу немецко-фашистских войск (1941–1944)» — Т. 17 и др.), но и в изданиях академического Института истории (статья «Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов (Историография вопроса)» напечатана в первом из сборников статей «История и историки» в 1965 г.). После кончины С.И. Якубовской А.А. Курносов публикует (в «Археографическом ежегоднике (далее — АЕ) за 1992 год») текст ее совместной с В.П. Даниловым статьи 1965 г. «О фигуре умолчания в исторической науке», которую не позволили тогда печатать в журнале «Новый мир».

С 1958 г. Курносов — сотрудник Института истории Академии наук. Он помогает в подготовке многотомных изданий и в то же время увлеченно размышляет о проблемах теории и методики источниковедения (вообще он работает всегда вдохновенно и даже мучительно и малоспособен заниматься тем, что его не может по-настоящему заинтересовать). Совместная с С.М. Каштановым статья «Некоторые вопросы теории источниковедения» (в № 4 журнала «Исторический архив» за 1962 г.) вызвала живое обсуждение и заметно способствовала усилению интереса и к теоретическому источниковедению в тот период дискуссий о предметах «историография» и «источниковедение» и приемах их преподавания.

С образованием в 1963 г. сектора по разработке вопросов методологии истории Курносов стал его сотрудником и сразу же почувствовал себя естественно в творческой атмосфере секторской работы, быстро сблизившись и со старшими по возрасту (А.А. Губером и др.) и активно включившись в общественную жизнь института, в деятельность его партбюро (где тогда были В.П. Данилов, К.Н. Тарновский, Я.С. Драбкин и др.). Его впечатления от тех лет отражены в статье первого сборника памяти руководителя сектора М.Я. Гефтера «За кулисами (По материалам Центра хранения современной документации)» (Век XX и мир. 1996. № 1), а также в статье памяти К.Н. Тарновского (в АЕ за 1991 год). В секторе А.А. Курносов работал в возглавляемой мною группе теоретического источниковедения, принимал деятельное участие в подготовке сборников «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». В 1969 г. сумели издать только первый сборник, где он и член редколлегии, и автор большой статьи «Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник)». Курносов — деятельный участник конференций, обсуждавших проблемы методологии истории и источниковедения (в Москве, Таллине, Геленджике и др.). Курносова привлекали к преподаванию в Историко-архивном институте, и некоторые соображения из его педагогической практики обнаруживаем в статье «О месте источниковедения в системе исторических наук» (в сборнике статей 1994 г. «Мир источниковедения»).

В Археографической комиссии Курносов первоначально основные силы отдавал организации работы по собиранию и сохранению документальных памятников советской эпохи — а это и Всесоюзная научная конференция по полевой археографии 1976 г., и конференции региональных отделений АК, участие в написании глав по такой тематике и о создании воспоминаний и описании семейных архивов в первом учебном пособии «Документальные памятники: выявление, учет, использование» (издано в 1988 г.), в составлении (совместно с другими учреждениями) методических пособий и писем для учителей, активистов Общества охраны памятников и советов ветеранов, содействие И.В. Поздеевой и А.М. Самсонову в организации выставки «Книга сражается» (1985), работа со школьниками и активистами комсомольских организаций.

Курносов неоднократно выступает со статьями такой проблематики, прежде всего в «Археографическом ежегоднике», членом редколлегии которого состоял в 1981–1994 гг., — в нескольких книгах АЕ опубликованы части исследования «Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне», готовит статьи и историографического уклона — «Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по

истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания)» о трудах ветерана и историка войны академика А.М. Самсонова и др. (см. названия работ в «Библиографическом указателе продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений», составленном Н.А. Долдобановой в 2000 г.) Как новаторская воспринималась тогда и его рецензия на книгу В.С. Голубцова «Мемуары как источник по истории советского общества» (Личность в истории, история в личности // История СССР. 1971. № 4). Специально изучая проблему собирания документов личного происхождения участников войны (об этом статья в АЕ за 1990 год), А.А. Курносов активно включается и в разработку более широкого вопроса комплектования государственных архивов документами личного происхождения (о чем совместная статья в АЕ за 1984 год).

В публикуемой Записке обобщен опыт и исследователя-источниковеда и историка-архивиста. Думается, что Записка имеет самостоятельную научную ценность и ознакомление с ней полезно и в учебно-методическом плане при изучении истории архивного дела, источниковедения, развития общественного сознания. А для нас — коллег и друзей Алексея Антоновича — это приятно и потому, что 30 декабря 2001 г. ему исполнилось 70 лет.

ИСТОРИК-АРХИВИСТ И РЕДАКТОР А.Д. ЗАЙЦЕВ*

Внезапная кончина в ночь на 8 марта 1997 г. Андрея Дмитриевича Зайцева так поразила его близких, что ощущается большая личная утрата и не хватает сил для того, чтобы организовать мысль и попытаться определить его вклад в развитие науки и культуры, осознать общественное значение этой утраты.

А.Д. обладал редкой человеческой притягательностью. Был очень умен, изящно остроумен, внутренне доброжелателен; его отличали большая одаренность и исследователя и литератора, необычайное трудолюбие, организованность в работе, сочетающаяся с особым умением наладить коллективную работу, высокое чувство ответственности. Его любили и ему доверяли. Пожалуй, это тот едва ли не уникальный случай, когда у человека, находящегося на виду, не было врагов. Не было, полагаю, даже завистников, потому что А.Д. были чужды интриги, сплетни, злословие, — он был открыт в отношениях с людьми, и с теми, кому подчинялся, и с теми, кто находился у него в подчинении. Он не добивался выигрышных постов, и когда занимал в сфере своей деятельности заметное положение, то это всем

* Выступление на заседании в Археографической комиссии РАН 10 апреля 1997 г., посвященном памяти А.Д. Зайцева.

казалось естественным, само собой разумеющимся при его квалификационно-профессиональных качествах и привлекательных чертах его личности, глубокой порядочности. Всем очевидны были его благожелательность, самоотдача общему делу и в то же время его требовательность, самоуважение, убеждение в необходимости уважать и мнение других — словом, нравственная добротность его натуры. И конечно, его большое личное обаяние (вспомним улыбку Андрюши, а его так многие называли и в его отсутствие) и воспитанность — здесь уже проявились заслуги бабушки Веры Филимоновны Ивановой, сумевшей создать стиль домашнего обихода, и мамы, Людмилы Анатольевны, для которой сын всегда оставался еще и другом.

Отношение к А.Д. проявилось и в час траурной церемонии — в холодный день, у дорожки близ семейной могилы на Ваганьковском кладбище. Среди многих собравшихся «сослуживцев» А.Д. большинство уже не были связаны с ним служебными отношениями — ни в РГАЛИ, ни в научном издательстве «Большая российская энциклопедия», ни тем более бывшие студенты Московского историко-архивного института. Даже те, кто не видел А.Д. месяцы, а то и годы, ощущали душевную потребность прийти на кладбище — такой след оставлял в сердце этот светлый человек. Это и потому, что он не считал возможным для себя прерывать творческие связи с учреждениями и коллективами, с которыми проработал столько лет и отдал много сил.

Для меня это — тяжкая потеря. И психологически противоестественно терять учеников — к такому нельзя подготовиться, особенно если уход из жизни был неожиданным и симптомы сердечной болезни прежде не проявлялись или оставались незамеченными. И как ученый, историограф, историк культуры, понимаю, каким незаурядным человеком в науке был А.Д. Я возлагал большие надежды на него, ожидал от него многого, знал и о его задумке написать диссертацию о роли российских энциклопедий в развитии отечественной культуры в целом, и особенно в сфере гуманитарных знаний и книгоиздательского дела. Об этом он намерен был выступить с докладом на III Всероссийской научной конференции «Российская провинция XVIII–XX вв. Реалии культурной жизни» в Пензе в июне 1995 г., но поездка не состоялась из-за служебной занятости. Ему хотелось привлечь к такой тематике и изучающих культуру российской провинции, причем не только в дореволюционные, но и в последующие годы, — ожидался интересный разговор. Быть может, остались какие-то заготовки в архиве А.Д.?

Становление А.Д. Зайцева-ученого, да и редактора, и организатора науки, проходило на моих глазах и, смею сказать, не без моего соучастия. Он из тех студентов Историко-архивного института, с которыми я сблизился душевно сравнительно скоро. И не потому только, что А.Д. отличался большими способностями, замечательной — столь необходимой в нашей профессии — памятью, а также склонностью неизменно и все более умело обращаться к научно-справочной литературе, не потому даже, что он выделялся широтой интересов и даром быстрого ассоциативного мышления, умел жарко и остроумно говорить, быстро уловить суть выступлений других и в то же время сразу подметить и их слабые стороны (и в системе доказательств, и даже — при его все возрастающей эрудиции — в источниковой и историографической базе). А оттого, пожалуй, что ему присущи были

подкупающе привлекательные человеческие качества, к нему тянулись другие молодые люди из моего окружения, быстро признавшие его своим в нашем студенческом кружке.

Особенность этого возникшего еще зимой 1949/50 г. объединения в том, что в его деятельности — в заседаниях, вне стен вуза, в изданиях — неизменно участвуют не только студенты и аспиранты ИАИ, но и окончившие его, даже давно, как, например, старейший по стажу Сергей Михайлович Каштанов (среди многообразной тематики трудов которого и «историография» нашего кружка), и, конечно же, многие более молодые выпускники. Всех окончивших вуз кружковцев ласково называют «стариками» и «старухами». Они-то фактически поддерживали особый микроклимат кружковой жизни, и вот они сразу же признали А.Д. своим. Он стал бывать и дома у меня — а там уже его стала привечать и соответственно обихаживать вкусной и сытной пищей и моя няня, Франциска Александровна, и «доверять» ему меня в поездках с ночевкой на дачу, где главным образом и происходили разговоры на «ученые темы». А.Д. (нередко босоногий) обнаружил и обретенные, видимо дома, хозяйственные навыки. С некоторыми из «стариков» кружка А.Д. сохранил близкие отношения многие годы, иногда кружковая дружба оказывалась и пожизненной. Испытав это на себе, А.Д. позднее очень много сделал для вовлечения в кружковую орбиту более молодых. Он приходил иногда на заседания кружка (чаще всего, правда, опаздывая из-за занятости на работе), работая и в РГАЛИ и в «Энциклопедии», — и как всех радовал его приход! Он умел слушать других, никогда не навязывал ни свое мнение, ни тем паче себя самого, был неизменно тактичен, хотя и скор на реакцию, иногда и резко отвергающую взгляд и формулировку других. Сохранился листок бумаги с четверостишием А.Д., характеризующим манеру и быстроту его творчества и, конечно же, отражающим восприятие им кружка. Поводом послужило воспроизведение глиняной статуэтки первобытного человека в книге Элиасберг о музеях Бухареста (1977), лежавшей тогда передо мною на столе. Статуэтке, изображающей задумавшегося мужчину в позе, напоминающей скульптуру Родена, тоже дали название «Мыслитель»:

Он одинок, а мысль блуждает
И хочет вылиться она.
Но он один, и он страдает —
В те годы не было кружка.

Показательно, что А.Д. (уже по окончании ИАИ) был один из инициаторов и реализаторов идеи подготовки машинописных сборников к юбилеям кружка и его научного руководителя и автором статей в этих сборниках (не только по тематике, связанной с его работой над материалами бартеневского «Русского архива», но и иной: «К вопросу о содержании понятия “общественная мысль” (предварительные формальные наблюдения)», «К истории советского пушкиноведения (А.М. Эфрос — исследователь рисунков Пушкина)» — эту статью стоит попытаться напечатать в связи с приближающимся пушкинским юбилеем). Именно он вместе с В.Ю. Афиани (другом по кружку; они были с разных курсов — разница в три года) подготовил уже для печатного сборника в честь моего 70-летия «Мир источни-

коведения» (М.; Пенза, 1994) статью об этом: «Преимственность (о сборниках статей, посвященных С.О. Шмидту)». В этой книге помещены и серьезная, постановочного характера статья А.Д. «Исторический журнал как предмет источниковедческого изучения (некоторые наблюдения)», и беседа со Шмидтом «О редакции и не только о ней». Член редколлегии этой книги, А.Д. является и основным автором статьи «От редколлегии». Можно понять, как мне дороги были такие знаки дружбы, внимания, любви и как много значил А.Д. в моей жизни. Ясно, что, пока я жив, Андрюша останется со мною.

А.Д. был моим дипломником и аспирантом. Думается, что избранная тема самостоятельной работы — «Русский архив» и П.И. Бартенева — удачно соответствовала стилю мышления начинающего исследователя. Она — на стыке исторической науки и истории литературы, специальных архивных дисциплин и, конечно же, бескрайнего в своих возможностях источниковедения; манило и «море» документов, обещающее интереснейшие открытия. Это отвечало и особенностям творческой натуры А.Д., совмещавшей способность к новаторским конструкциям и художественному подходу к явлениям (и — что еще важнее — к художественному воплощению своих замыслов) со склонностью к систематизации и скрупулезному комментированию. Разработка А.Д. этой проблематики — тема выступления М.П. Мироненко, лучшего на сегодняшний день знатока вопроса. Скажу лишь о том, что без моножурнала П.И. Бартенева нельзя себе представить ни ход распространения исторических и литературоведческих знаний той эпохи, ни источниковую базу отечественной истории XVIII–XIX вв., ни становление пушкиноведения. И биографию Бартенева, и журнал его А.Д. рассматривал в неразрывной связи с общественной жизнью того времени, с развитием науки и культуры. Поучительным оказалось и то, что он, не ограничиваясь безмерным богатством хранящихся в этом фонде РГАЛИ материалов, обратился к множеству других фондов в этом и иных архивах, и то, что он составил указатель содержания книг «Русского архива», являющийся продолжением изданного указателя за 1863–1908 гг. (издатель из США Норман Росс изъявил было намерение выпустить этот труд, отнимал время и у А.Д., и у меня, но далее разговоров дело как будто не пошло).

А.Д. в своей диссертации «“Русский архив” — исторический журнал (1863–1917): история собирания, организации и издания исторических материалов», защищенной в Институте истории СССР АН СССР в 1981 г., показал пример решения и собственно архивно-источниковедческих задач, руководствуясь опытом изучения наследия науковедения и им самим разработанной методикой. Он попытался реконструировать на основании личного фонда Бартенева фонд издававшегося им журнала и реставрировать источниковую базу изучения биографии историка и издателя, оставившего мало собственно биографических данных о своей личной деятельности. Выводы и наблюдения статей, докладов, автореферата диссертации А.Д. сразу же вошли в научный обиход, а методика, даже построение его диссертации стали образцом для других работ схожей тематики.

Но А.Д. решил подготовить и книгу о П.И. Бартенева. Это — исследование, написанное в форме, доступной самому широкому читателю, и с подлинным литературным мастерством, напоминающее лучшие образцы научно-биографической литературы, скажем, в серии издательства «Брокгауз и Ефрон» 1920-х гг. Работа по-

казалась такой подкупающе талантливой, что в моем предисловии «О П.И. Бартенева и книге о нем» о Зайцеве говорилось не менее, чем о Бартенева. Статью включил позднее в сборник избранных трудов по источниковедению и историографии «Путь историка» (М., 1997), который — увы! — не довелось уже видеть А.Д.

Всестороннее и детальное изучение всего, что связано с журналом «Русский архив», и сравнительное рассмотрение «Русского архива» и других периодических и продолжающихся изданий близкого профиля позволили А.Д. поставить вопросы, особенно важные в плане «журнальной археографии». В названной уже статье 1994 г. об историческом журнале как предмете источниковедческого изучения отмечаются отличия задач (а иногда и формы) публикации исторических документов в журнале и в тематических научных сериях и сборниках и большая ориентированность журнальных публикаций не столько на специалистов, сколько на широкого читателя. Формулируется «проблема психологического восприятия исторических источников, проблема актуализации исторических знаний и роли публикации исторических документов как общественной функции, функции формирования национального сознания». Подчеркиваются и полифонизм содержания исторической периодики, и целенаправленность деятельности редакторов журналов, обуславливающие подчас и тематические и видовые характеристики публикуемых там источников и обязывающие рассматривать их в органическом сочетании с другими материалами издания. Указывается и на то, что само появление ряда источников вызвано деятельностью журналов и журнальные публикации сыграли «немаловажную роль в формировании эпистолярной традиции и мемуаристики».

А.Д. имел немалые заслуги в становлении новейших традиций нашей археографии. Очень заметна его роль в издании сборников ЦГАЛИ «Встречи с прошлым» — он выступал и организатором работы, и автором (готовил к печати публикации и статьи — предисловия к ним), помогал изданию томов «Российского архива». А как оперативно, с каким знанием дела он подготовил по моему предложению детальный план совместного многотомного издания материалов основных исторических журналов XIX–XX вв., публиковавших и исторические источники, — материалов, отобранных по тематическому принципу, снабженных предисловиями и комментариями, как загорелся — еще до начинаний подготовителей серии «История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.» — идеей такого серийного издания, к сожалению, оставшейся неосуществленной!

Характерная черта натуры А.Д. — потребность не только в личном творчестве, реализации индивидуальных исследовательских замыслов, но и в организации коллективной работы, в редакторско-организационной деятельности. Для него это была тоже внутренне необходимая творческая деятельность. У А.Д. было несомненное редакторское призвание. Эта работа нелегкая, кажущаяся неблагодарной и зачастую такой и являющаяся. Но для тех, кто трудится в этой сфере по призванию и добровольному выбору, это — труд и благородный, и дающий результаты, ощутимые многими и полезные обществу на долгие годы. Однако это в значительной мере работа, остающаяся невидимой, более того — направленная на улучшение сделанного другими, которых, а не редакторов, обычно и вспоминают в этой связи. Надо подыскать автора и удержаться от того, чтобы — из-за желания славы или гонорара — не подготовить самому подписную статью-компиляцию, надо

быть решительным в исправлении ошибок и улучшении литературного стиля написанного. А авторы бывают и с гонором, и не во всем добросовестные — опираются подчас на прежние знания, оказываются некомпетентными в новейшей литературе. Некоторые слишком дорожат особенностями своего стиля изложения, а энциклопедические статьи имеют принятые в издании стилистические особенности. Потому нужно уметь согласовать с подобными авторами вносимые в их текст изменения. Настоящий редактор, редактор по призванию, по долгу совести, не может быть ни эгоцентричным, ни равнодушным. Это обычно люди доброжелательные, изначально мудрые, а затем и умудренные опытом, понимающие, что недостатки в написанном зачастую объясняются и отсутствием подобного опыта у автора, и несовершенствами природы человеческой. В издании энциклопедического типа работа редактора особенно сложна и ответственна. Тут мало самоотдачи. Необходимы и научный кругозор, вкус к выявлению и составлению справочных данных, знания на наиновейшем уровне науки, умение помочь изложить это все доступным языком. Вышедшие под редакцией А.Д. тома энциклопедии «Отечественная история» — издания высокого класса и новаторские в то же время: там в отличие от предыдущих энциклопедий не навязывается мнение, кажущееся единственно верным, а сообщается о различии мнений об исторических явлениях и на сегодняшний день. Для А.Д. это была работа и для души; а общение с кругом лиц, причастных к изданию, обогащало его, поддерживало творческое горение. Правда, А.Д. лелеял мечту о том, что и на новой работе он сумеет наладить международно-го класса информацию об истории, особенно об отечественной. И позволю предположить, что отсутствие в последние месяцы его жизни видимых результатов научно-просветительской деятельности тяжело отразилось на его физическом состоянии: А.Д. по своему миропониманию, по тем требованиям, какие предъявлял к самому себе, должен был постоянно ощущать, что сеет «разумное, доброе, вечное».

А.Д. продолжал себя чувствовать в энциклопедической среде своим — я убедился в этом, встретив его на книжной ярмарке в сентябре 1996 г., как раз у стендов с изданиями «Большой российской энциклопедии». Он был в элегантном светлом костюме, который так ему шел. Мы оживленно говорили с А.П. Горкиным и В.М. Каревым и о новых замыслах «энциклопедистов» (они демонстрировались на экране), и о готовящемся однотомнике энциклопедии «Москва». При нем, как ответственный редактор, просил выполнить мои скромные требования — дать мне тематический словник, т.е. такой, где слова распределены не кучно по алфавиту, а по тематическому признаку, и список авторов. Это так и не было сделано, что приводит к огрехам в издании — и к невключению имен, и к фактологическим неточностям, недопустимым в справочном издании. (На это я сетовал вскоре и в беседе с журналистом¹.) Разве А.Д. мог бы допустить какие-либо недоделки, даже если сроки подпирали и требовали отчитаться о работе? Полагаю, что именно А.Д. удовлетворял тому идеалу редактора, к формированию которого стремились еще в 20-е гг. создатели «Большой советской энциклопедии».

Уже на похоронах и на поминках нетрудно было убедиться в том, как дорога память об А.Д. и в РГАЛИ, и в издательстве «Большая российская энциклопедия». И наше заседание — совместное, Археографической комиссии РАН и этих учреж-

дений. А.Д. уже в 1987 г. стал членом Археографической комиссии, печатал свои труды в ее изданиях, участвовал в организуемых ею научных конференциях, способствовал ее взаимосвязям с другими учреждениями и общественными объединениями.

В «Археографическом ежегоднике за 1997 год», посвященном юбилею Москвы, опубликован некролог А.Д. Зайцева. Его подготовил В.М. Карев. В Университете истории культур согласились на то, чтобы дочь А.Д., Вера, подготовила дипломную работу об архивных материалах отца. В ней охарактеризовано не только научное, но и поэтическое наследие, о котором никто не знал. И полагаю, если бы А.Д., в отличие от современных печатающихся поэтов, не был бы так скромн и требователен к себе, то оказался бы отнюдь не последним и среди них. А.П. Горкин поддержал мысль поместить в готовящейся энциклопедии «Москва» статью «А.Д. Зайцев». Москва и москвичи — основная тема его исследовательских трудов, а деятельность А.Д. как автора этих трудов и в ЦГАЛИ, и в редакции «Энциклопедии» — вклад в развитие науки и культуры Москвы. Хочется думать, что удастся — хотя бы в рамках литературы по москвоведению — переиздать книгу о П.И. Бартеневе с приложением сведений о всех материалах, помещенных в книгах «Русского архива», и некоторых его статей.

Постараемся сделать так, чтобы память об Андрее Дмитриевиче Зайцеве и о сделанном им не только оставалась в сердцах безутешной Людмилы Анатольевны, его жены и детей, но и стала бы достоянием научной общественности. Уже сформулирована мысль о том, что человек как индивидуум уходит в тот момент, когда кончается его жизнь, а социокультурная личность живет, пока сохраняются свидетельства о ней. Наш долг — и друзей Андрея Дмитриевича, и историков — сохранить надолго память о нем.

¹ См.: Бессонов В. «Вот эта улица, вот этот дом» // Книга и время. 1997. № 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БИОБИБЛИОГРАФИИ МОСКВОВЕДА О.В. ПЕСКОВА

Значимый вклад Олега Владимировича Пескова в развитие москвоведения — его многочисленные печатные труды, созданная им уникальная коллекция печатных и архивных материалов о Москве, недавно переданная им в Главное архивное управление города Москвы (Главархив Москвы).

Не получив специального гуманитарного образования, О.В. Песков сам овладел знаниями и приемами, позволяющими ему стать авторитетным историком-

Впервые опубликовано: Олег Владимирович Песков: Биобиблиографический указатель / Сост. Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова, С.Ю. Шокарев. М., 2012. С. 3–4. (Российская интеллигенция; вып. 10) (под назв. «От редактора»).

краеведом. Успешно проявив себя в сфере техники, участвуя уже до того в создании лунохода, О.В. Песков все больше с увлечением отдается изучению Москвы и памятников московской истории и еще в молодые годы сосредотачивается на занятиях краеведением, ощущая это своим главным призванием. Сравнительно скоро эрудированный знаток прошлого и настоящего Москвы оказывается способным компетентно и быстро отвечать на вопросы об этом читателей, направляемые в редакции газет. Облегчает такую оперативную работу обращение к неустанно пополняемому личному архиву и библиотеке с богатейшим набором разнообразной москвоведческой информации. Потому-то я и настоятельно рекомендовал руководителям московского архивного ведомства обеспечить длительное существование такой источниковедческой базы москвоведения, приняв ее на государственное хранение.

Но в москвоведении есть и тема, в изучении которой именно О.В. Песков остается и по сей день главным и непревзойденным специалистом. Это — мемориальные доски — сведения о тех, о ком сохраняется память, высеченная в камне, и информация об истории установления и сохранения таких мемориалов.

О.В. Песков подготовил к печати и переиздававшиеся книги, и множество статей и газетных заметок по разнообразной тематике — о местностях Москвы, о московских событиях и известных москвичах, о музеях и библиотеках Москвы и каждодневном московском обиходе в прежние времена и сегодня.

Издание библиографического указателя выдающегося публициста-просветителя — памятник в истории москвоведения и существенно важно для дальнейшего развития москвоведения. В книге этой немало почерпнут и участвующие в подготовке масштабных изданий «Московской энциклопедии», путеводителей по Москве и все имеющие склонность к познанию конкретных и детальным сведений о Москве.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БИБЛИОГРАФИИ ИСТОРИКА А.А. ЧЕРНОБАЕВА

Неутомимая и разносторонняя деятельность ученого и педагога охарактеризована в статье, предваряющей список его трудов. Анатолий Александрович Чернобаев — один из немногих современных историков, к трудам которого постоянно с благодарностью будет обращаться не одно поколение читателей. Ибо А.А. Чернобаев не только автор значимых книг и статей по истории России Нового и Новейшего времени и историографии, но по его инициативе и под его руководством осуществлены издания, необходимые в работе ученых, специализирующихся в

Впервые опубликовано: Анатолий Александрович Чернобаев (к 70-летию со дня рождения): Библиографический указатель трудов, 1967–2010. СПб., 2010. С. 4–5 (под назв. «К выходу указателя трудов А.А. Чернобаева»).

изучении всех периодов отечественной истории, и тех, кому интересно знать, как в России изучали всемирную историю.

Наши исторические труды, даже самые выдающиеся, постепенно в той или иной мере устаревают с накоплением новых фактологических данных, с совершенствованием методики исторического исследования, с развитием новых подходов к изучению и оценке исторических явлений, с распространением новых общественных воззрений и вкусов. В гораздо большей степени обеспечена длительность использования изданий справочно-информационного типа и документальных публикаций. А.А. Чернобаев изначально является главным редактором выходящего с 1992 г. журнала «Исторический архив», обогащающего источниковую базу познания нашего прошлого, и особенно XX столетия, доступ к документации которого ранее десятилетиями был ограничен. А.А. Чернобаев — инициатор создания в номерах журнала новаторского по замыслу раздела — фотолетопись «Мастера русской историографии», впервые утвердившего в нашем сознании представление, что и изобразительный материал может стать собственно историографическим источником. На основании этих публикаций подготовлены два выпуска книги «Историки России. Иконография». А.А. Чернобаев — инициатор, редактор и автор ряда очерков в книге «Историки России. Биографии».

Особую популярность приобрел подготовленный А.А. Чернобаевым как автором-составителем уникальный библиографический словарь «Историки России XX века» — ценнейшее справочное пособие для историков, библиографов и, конечно же, историографов, где объединены в трех книгах данные и об ушедших, и о здравствующих ученых не только Москвы и Петербурга (Ленинграда), но действительно всей России. Издание уже получило расхожее наименование «Словарь Чернобаева», подобно словарям Даля, Ушакова, Ожегова. Уже этот трехтомник сохранит имя ученого-просветителя на долгие годы. И справедливо и полезно для читателей, что наступило время выхода в свет библиографического указателя трудов самого А.А. Чернобаева.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ:

С.О. ШМИДТ. «РОССИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО»

Название книги «Россия Ивана Грозного» может восприниматься неоднозначно. Это — и Россия времени Ивана Грозного, и Россия в представлении самого грозного царя, и понимание его роли в истории России и ее культуры современниками и потомками, особенно в последние десятилетия нашего века. Все эти подходы в той или иной мере — и иногда совмещенно — отражены в статьях сборника.

Публикуются статьи разных лет — и те, в основе которых была работа еще 1940-х гг., и те, где учтены труды ученых самого новейшего времени.

Впервые опубликовано: Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 3–8 (под назв. «От автора»).

На первом курсе исторического факультета Московского университета, в 1939/40 учебном году, подарком судьбы оказался руководитель семинара Михаил Николаевич Тихомиров, который и стал главным моим учителем в науке отечественной истории. Из названных им тогда тем докладов я остановился на теме «Идеология самодержавия в сочинениях Ивана Грозного». Доклад явился результатом самостоятельного изучения первоисточников, да еще на языке подлинника, — первая радость, горечь и гордость творчества, уже научного в своей основе. Увлечение сюжетами российской истории XVI столетия было так очевидно, что Михаил Николаевич предложил в конце года продолжить работу под его руководством, но уже по теме «Иван Грозный в Александровской слободе». Выбирая на последующих курсах тематику докладов по другим разделам нашей и зарубежной истории, пришлось «примеряться» к проблематике государственно-политической истории и истории общественного сознания. В военные годы мы с М.Н. Тихомировым оказались первое время в разных городах. В то время у меня появилось желание написать исследование об А.Ф. Адашеве. М.Н. Тихомиров поддержал меня, и дипломная работа была написана под его руководством. Позднее в беседе с журналистом Ю.С. Лексиним, задавшим «девять вопросов историку» (интервью с заголовком «Хочется думать, что не обрывал связь времен» опубликовано в журнале «Знание — сила», 1988, № 2)¹, я попытался объяснить выбор темы обстоятельствами времени культа личности Сталина. Это побуждало к размышлениям о роли революций и реформ в истории, а судьба Адашева напоминала в ту пору о судьбе тех, кто зачинал социалистическое переустройство, а потом не только погиб, но и был вычеркнут из истории в кровавые 1930-е гг. Работа об Адашеве оказалась основой обеих моих диссертаций.

Исследованию явлений XVI в. уделялось преимущественное внимание именно в период подготовки диссертаций; в остальное время в большей мере был занят иной проблематикой. И к теме «Россия XVI века» потом обращался в научном творчестве с особой сосредоточенностью лишь в период подготовки докладов и статей, поводом для которых становились чаще всего как бы внешние обстоятельства — предложения участвовать в научной конференции, в сборнике статей в честь ученого, написать рецензию, выступить официальным оппонентом при защите диссертации. И потому написанное мною тогда очень четко отражает направленность интересов и уровень знаний именно в то время. В статьях и характерный для определенной поры набор выражений, и даже прием приведения цитат классиков марксизма-ленинизма, без чего существенно затруднено было обоснование той или иной новой мысли.

Возвращение на протяжении десятилетий исследовательской и преподавательской деятельности к проблемам истории России Ивана Грозного свидетельствует о том, что меня никогда не покидал интерес к этому; и на новых витках творчества к прежним соображениям добавлялись свежие (иногда вызывавшиеся знакомством с новейшими суждениями других ученых); формировался интерес и к ранее мало привлекавшим внимание сюжетам.

Все работы давних лет я написал бы сегодня по-иному — с учетом и новой литературы, и своих наблюдений последующих лет. Да и стиль мысли и образ ее выражения не остаются неизменными — и когда готовил к печати книги, в значи-

тельной мере обобщающие содержание ранее напечатанных статей о Московском восстании 1547 г., земских соборах и местничестве (Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973), об архивах и летописях XVI в. (Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984), многое написал заново. Новая книга по проблематике взаимосвязана с двумя предыдущими. Вместе они составляют своеобразный триптих. Но сейчас сил на переделку ранее написанного уже нет. Да и более привлекают другие проблемы: и иные сферы прошлого, и новые приемы исследований.

Потому оставлено так, как было напечатано тогда, это ведь теперь и источник о развитии исторической мысли определенного времени и характерного именно для того времени умонастроения. Однако собрание в одной книге более 30 ранее написанных трудов — несомненный показатель того, что автор не отказывается от их основных идей и полагает, что обращение к этим трудам может быть небезынтересно и в наши дни.

Книгу предваряет обобщающего характера историографическая статья начала 1960-х гг. Обе части работы расположены по хронологическому принципу, начиная от самых ранних по времени написания. Печатаются они в первоначальном виде, лишь с необходимыми редакционными уточнениями. Остались и прежние формулировки и терминосочетания; поэтому, хотя автор последние десятилетия в своих трудах пользуется терминосочетанием «Российское государство», сохранено типичное для ранних работ словоупотребление «Русское государство». Чтобы не вносить путаницу, везде заменено лишь словосочетание «источниковедческая база» на «источниковая база» (так как в статье автора 1969 г. «Современные проблемы источниковедения» объясняется различие в понимании автором этих терминов, и термин «источниковая база» именно в таком понимании с тех пор прочно утвердился в языке науки). В научный аппарат изменения внесены только во внешнее оформление (сейчас иная последовательность элементов: инициалы после фамилии автора и т.д.). Сноски на издания исторических источников и литературу, которые могли быть доступны автору именно тогда, не заменены сносками на последующие издания. Необходимые разъяснения и добавления приведены в постраничных сносках и в квадратных скобках в примечаниях.

Автор глубоко признателен за содействие этому изданию своим ученикам по Историко-архивному институту в Москве, и прежде всего Александру Александровичу Амосову, первым из них получившему ученую степень доктора исторических наук.

Февраль 1992 г. Сигурд Шмидт

P.S.

Предисловие было написано в феврале 1992 г., незадолго до моего 70-летия, вскоре усилиями А.А. Амосова и издательства «Хронограф» был подготовлен набор книги. Однако обстоятельства коммерческого характера помешали осуществить замысел. В 1996 г. в издательстве «Прогресс» вышла книга «У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного» (в основе которой была работа 1973 г. «Становление российского самодержавства» с добавлением новых очерков, в том числе о приказной админи-

страции). В 1994 г. были напечатаны перечни моих трудов в «Археографическом ежегоднике» за 1992 г. и в книге «Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта». Позднее А.А. Амосов передал подготовленный с его помощью сборник статей издательству «Глаголь», зарекомендовавшему себя изданиями, ценнейшими в деле изучения и пропаганды истории и культуры Древней Руси. Руководителям издательства «Глаголь» Василию Ивановичу и Дмитрию Васильевичу Чернышевым чувствую себя глубоко обязанным.

Сам Александр Александрович Амосов многое успел сделать для изучения источников по истории России XV–XVII вв. Об этом шла речь и на заседании его памяти в Санкт-Петербурге 29 мая 1996 г. (материалы которого публикуются в «Археографическом ежегоднике за 1996 год»). Увлеченный и многообразно одаренный исследователь, первоклассный знаток памятников отечественной истории и культуры, он задумал сделать еще больше — и его талант, и широта научного кругозора, казалось, были тому порукой. Но внезапная смерть унесла Александра Александровича от нас 15 апреля 1996 г. — как раз в день рождения его вузовского учителя (на титульном листе подготовленной им к печати книги 1982 г. «Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание» надпись: «Дорогому Сигурду Оттовичу, учителю в науке и в жизни, крестному отцу и рецензенту этой книги, с трепетом душевным и смущением. А. Амосов»).

Известно, что не только учитель выбирает учеников, но и ученик выбирает учителя. Более того, настоящий учитель лишь тот, кого сам ученик признает учителем. И учителя не готовы к тому, чтобы терять таких учеников, да еще столь многообещающих и душевно близких.

Светлой памяти Александра Александровича посвящаю теперь эту книгу.

Май 1996 г.

Сигурд Шмидт

* * *

Оказалось, что книге этой следует предпослать и третье предисловие. Воистину, бог любит троицу. В издательстве «Глаголь» подготовили оригинал-макет издания, но для завершения работы не хватило средств. И книга готовится к печати по рекомендации Ученого совета Института российской истории РАН издательством «Наука». И это меня, конечно, радует. Все статьи, кроме самой ранней (об А.Ф. Адашеве), написаны в годы моей работы в Институте истории (с зимы 1956/57 г.), и большинство переиздающихся трудов напечатано в академических изданиях. В Институте истории 26 января 1965 г. защищал докторскую диссертацию по социально-политической истории России XVI в. (первая защита диссертации после переезда института в здание на ул. Дмитрия Ульянова, 19). Гриф родного для меня издательства «Наука» — на всех изданиях, подготовленных к печати Археографической комиссией РАН, председателем которой являюсь уже 30 лет.

Это издание — свидетельство труда историка на протяжении почти полувека. И чем больше лет проходит после первого появления в печати трудов, объединенных теперь в одной книге, тем явственнее несоответствие подчас написанного тогда современным установкам (прежде всего обращение к авторитету

классиков марксизма-ленинизма, особенно в статье, открывающей издание), а во многом и тому, что вышло из-под пера автора в последующие годы. И тем не менее автор не позволяет себе внести правку в текст, приблизить его к уровню моих нынешних знаний о России XVI в. и научной литературе об этом, к мироощущению, свойственному сегодняшнему общественному сознанию. Надо либо писать заново (а для этого у автора теперь уже нет возможностей), либо оставить так, как было. И потому в данном случае следую тому же правилу, что и при издании в 1997 г. других сборников моих работ «Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии» и «Археография. Архивоведение. Памятниковедение», и переиздаю прежние работы не в «исправленном и дополненном виде», а такими, как с ними впервые знакомились читатели.

И поскольку в сочинениях этих не мог не отразиться период их написания (и общественное настроение времени, и конкретные знания о предмете изучения), полагаю необходимым придерживаться принципа расположения материала в книге единственно по хронологии авторской работы, хотя, казалось бы, напрашивается для удобства чтения объединение групп статей по тематическим разделам (историографическая тематика, сюжеты истории внешней политики, политическая публицистика и др.). Это придает изданию определенный историографический интерес, показывая движение исторической мысли на протяжении десятилетий.

Так как изучение истории «Московского царства» оставалось и в недавнее время одной из тем моих исследовательских занятий, решил включить в книгу статьи, в основе которых доклады на научных конференциях последнего года — о Судебнике 1550 г. и о терминосочетании «Московское государство».

Завершает книгу предисловие к издающейся посмертно монографии А.А. Амосова о Лицевом летописном своде. Предисловие написано в 1998 г.

Душевно признателен за содействие в издании этой книги директору Института российской истории РАН Андрею Николаевичу Сахарову и тем, кто дал отзывы на рукопись книги и участвовал в ее обсуждении, — директору издательства «Наука» Владимиру Ивановичу Васильеву и сотрудникам редакции «Наука — история», требовательным и в то же время неизменно благожелательным.

Март 1997 г. [–1998 г.]

Сигурд Шмидт

¹ Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 441–451.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ:
С.О. ШМИДТ. «ПУТЬ ИСТОРИКА»

Это книга сочинений разных лет, обращенных к разной аудитории, — от исследований, предназначенных для специального издания или тезисов научного доклада до выступления перед широкой публикой на юбилейном заседании и газетного интервью. Когда накануне семидесятилетия составляли списки моих трудов*, ученики стали убеждать в целесообразности обобщить в книге (или в книгах) нашедшее отражение в статьях и устных выступлениях. Однако сейчас не остается уже времени для работы, требующей создания сложной (а подчас и новой) строительной конструкции и достижения стилистического единообразия, — стилистика дискуссионного полемического жанра далека от стилистики статьи-некролога, да еще с элементами личных воспоминаний об ушедшем. К тому же по прошествии лет стал о многом думать иначе и по-другому формулировать свои мысли; изменились и круг знаний, и спектр ассоциаций. «Бегут, меняясь, наши лета, меняя все, меняя нас», — мудро заметил Пушкин еще на четвертом десятке своей жизни. Но имеющиеся силы склонен по-прежнему отдавать новой, а тем самым более привлекательной проблематике.

Не приучил себя и к длительному сосредоточению на занятиях в сфере одной жестко ограниченной (темой, хронологическими рамками, формой изложения) проблематики, предпочитая жанры малых форм (статью, доклад, комментарий). В то же время знакомство с упомянутыми перечнями трудов обнаруживает несомненную взаимосвязь — в широком контексте осмысления исторического процесса и явлений современной общественной жизни — усиленного интереса в тот или иной период к определенным историческим сюжетам и к определенной методике изучения прошлого. И заметно, что исследованию государственно-политической и социокультурной истории России времени Ивана Грозного помогала подготовка трудов об общественно-политической мысли России Нового времени или о развитии российской историографии; общее и особенное в отечественной истории сравнительно со всемирной, отличительные линии ее представляются более объяснимыми при подходе одновременно с ближнего и с дальнего отрезков исторического пути, а общетеоретические построения источниковеда легче проверялись и четче ощущались применительно к источникам разных эпох и разных видов.

Опыт ознакомления с прошлым исторической науки, с данными о воздействии сотворенного историком на читателя и слушателя убеждает в том, что не одни книги следует признавать показателями уровня научных знаний и их общественного звучания. Напротив, случается так, что оформление нескольких статей в

* См.: Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 281–307; Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 366–373.

Впервые опубликовано: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 5–10 (под назв. «От автора»).

«монографию» становится тормозом в движении мысли ее автора, застревающего на ограниченном пространстве однажды избранного поля обозрения прошлого. Место ученого в науке и общественной жизни определяется не количеством печатных листов изданных им работ (тем более схожей тематики), а новизной и основательностью осмысленного впервые — тем, что остается не только в библиографии, но и в историографии.

И потому автор рещился готовить к печати сборники избранных трудов прежних лет, объединенных по проблемно-тематическому признаку, отобрав для нынешнего читателя то, что остается в основе своей верным и сегодня, что может оказаться небесполезным и при дальнейшем изучении таких проблем, и для понимания хода исторической мысли России второй половины нашего столетия. Книгам соответственно даны названия, достаточно четко определяющие их содержание: «Россия Ивана Грозного», «Археография. Архивоведение. Памятниковедение». У этой книги более усложненный заголовок — «Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии».

Название книги многое должно пояснить. Книга отражает движение поисковой мысли историка, накопление им опыта исследователя и популяризатора знаний. А это отнюдь не только достижения, но и ошибки. Здесь немало и предположений, формулировок, нуждающихся в дополнительном обосновании, проверке на прочность, и, естественно, повторов.

Автор возрастал в атмосфере городской научной культуры и традиционного для российской интеллигенции представления о долге общественного служения. А рядом — сопутствовала более 65 лет — няня, воплощение корневой нравственной мудрости. Не владея арсеналом научной терминологии и инструментарием исследовательской техники, она, тем не менее, всем своим мироощущением продемонстрировала нерасторжимость синтеза и анализа. Необычайно приметливая и памятливая, она по самым разным приметам выявляла и осмысливала общее и особенное. И мог рано убедиться в том, что в основе всех наших наблюдений и выводов, так же как и всех футурологических построений — опыт сопоставления прошлого и настоящего, своего и несвоего, т.е. «исторический» опыт и ассоциации. Вовлеченность родных и близких в «исторические» события, «исторические лица» в семейных преданиях и возможность с ранних лет лицезреть их, притягивая к занятиям историей, в то же время позволяли разглядеть в «исторически» значимом черты обыденного.

А когда утвердился в желании стать историком (на рубеже девятого и десятого классов), начал осознавать позднее прочитанное в формулировке Грановского, еще середины прошедшего века: «Можно без преувеличения сказать, что нет науки, которая не входила бы своими результатами в состав истории, имеющей значение передать все видоизменения и влияния, каким подвергалась земная жизнь человечества». Рано ощутил и то, что источником исторических знаний является не только собираемое в библиотеках, музеях, архивах (архивы поставлены на последнее место потому, что в ту пору в архивах не занимался, не был знаком даже с путеводителями), а все, могущее источать информацию, полезную для историка (хотя такую формулировку оказался способным обосновать, лишь став профессионалом исторической науки и преподавания).

И выявление, истолкование, использование исторических источников определились как излюбленное поприще всех моих дальнейших занятий — разномысленных, разноплановых, рассчитанных на восприятие разной аудитории. Опытная лаборатория источниковедческого наблюдения и исследования показала заманчивой прежде, чем узнал об источниковедческой терминологии, тем более раньше, чем увлекся размышлениями в области теоретического источниковедения. Особенно привлекательным казалось выявить не сам исторический факт (кто? что? когда? где? каким образом совершил? что и как изменялось?), а то, на основании чего можно это установить, достоверны, полны ли эти сведения, к каким приемам следует прибегать для приближения к исторической истине.

Эту увлеченную заинтересованность стремился передать затем моим слушателям и читателям. Студенческий научный кружок, которым руковожу в Московском историко-архивном институте с 1949/50 учебного года, при всей многосторонности тематики его занятий, справедливо называется кружком источниковедения; и ветераны его не случайно дали наименование «Мир источниковедения» сборнику их статей, подготовленному к юбилею научного руководителя и изданному в 1994 г. в Пензе под грифом Российского государственного гуманитарного университета.

Такая источниковедческая направленность мысли, вероятно, объяснялась не только индивидуальными склонностями и способностями, но и особенностями развития науки и общественно-политической ситуацией в стране. Исторические знания, как известно, воспринимались первоначально как обучающие: использование опыта прошлого в настоящем («история — учительница жизни, *magistra vitae*»). Отсюда — и представление о воспитании историей. А воспитание всегда воздействие и на разум, и на чувство; не случайно олицетворением и познанием прошлого, и его восприятием, покровительницей «истории» в античные времена мыслилась одна из муз — Клио. Утверждение общественного статуса собственно научного знания как бы освобождало науку «истории» от обязательств этой ее нагрузки, так привлекавшей общественность, столь обогащавшей художественную литературу и искусство. Как и другие науки, она сделалась в значительной мере наукой для науки же и дальнейшего возможного прикладного применения. Причем в меньшей степени, чем другие науки, так как закономерности истории недостаточно точны и повторяемы, с трудом проверяются опытным способом. Кроме того, наука истории с большей откровенностью обнаруживает свою зависимость от социополитических обстоятельств, опускаясь иногда до роли «служанки политики», приложения к официальной идеологии.

Это тоже вызывало у совестливых историков особое притяжение к источниковедению, к изучению правил выявления исторических сведений и обращения с историческими источниками, к исследовательской технологии, к комплексу общественно относительно нейтральных научных дисциплин, которые называют специальными или вспомогательными. Тем более что «с изучения источника начинается всякая серьезная историческая работа». Это утверждение моего главного университетского учителя академика М.Н. Тихомирова, слова из предисловия к первой книге основанного им «Археографического ежегодника» (за 1957 год), ответственным редактором которого я являюсь уже более 25 лет. А великий наш современник академик Д.С. Лихачев в статье со знаменательным заголовком «Исто-

рия — мать истины» сформулировал: «Красота научной работы состоит главным образом в красоте исследовательских приемов и скрупулезности научной методики». Имело значение и то, что овладение «ремеслом историка» («*métier d'historien*», по Марку Блоку) обеспечивало и некоторую независимость положения в научной среде и оберегало от занятий тематикой откровенно конъюнктурной.

Наблюдая с детства вблизи людей науки, рано понял, как они ограничивают себя в написанном для печати — и в то же время как отражаются в написанном и они сами, и наш век, и их положение в этом «веке», и отношение к окружающему. Потом только узнал, что мудрый наш историограф Н.М. Карамзин верно заметил еще в молодые годы: «Творец всегда изображается в творении, и часто против воли своей». Понял и то, как ищут сродника по мысли, собеседника, как диалогично зачастую написанное, как учитывают разнообразие нюансов эзопова языка и меру овладения им воспринимающего.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», — сказал поэт-современник (А. Кушнер). И это предопределило и тематику и методику моих печатных трудов и устных выступлений. Писать «в стол» не намерен был. Но избирал для занятий прежде всего такие исторические проблемы, которые можно было попытаться изучать в тех условиях, докапываться до истины, не ограничиваясь остановкой на полпути, и допускать возможность относительного разномыслия. Потому многих сюжетов, ставших позднее близкими, первоначально избегал в печатных трудах — до «оттепели» не выступал с такими статьями.

Но крепил мастерство историка-источниковеда. Овладевал и искусством обращения к сочинениям классиков марксизма для проведения новой, «своей», мысли или даже сталкивания лбами «классиков», чего опасались и старались не замечать. Цитаты из таких сочинений тогда обороняли, позволяли прикрыть самостоятельность непривычных суждений и внедрить их в сознание читателя. Тем самым изучение литературного наследия классиков марксизма становилось в ту пору школой формирования собственной мысли и приемов ее утверждения.

Особенно заманчивыми показались со второй половины 1950-х гг. темы историографии — развитие исторической мысли и исследовательской методики, распространение исторических знаний, определение места их в общественной жизни. При этом не ограничивался рассмотрением взаимосвязей с общественно-политическим сознанием и государственной реальностью, привлекали внимание и характерные для той или иной эпохи особенности научного мышления, отличительные черты творческого индивидуума (унаследованное им, самостоятельно развитое, приемы опознавания исторических объектов и фиксирования такого знания, способы передачи их другим — все особо показательное для «творческого почерка»). Под таким углом подходил и к сочинениям классиков марксизма, пытаясь определить самый ход их мысли, уровень имевшейся у них информации, приемы выражения взглядов и намерений, различия в том, что писали в расчете на определенную аудиторию и для самих себя. Постепенно это вылилось в представление об особой отрасли исследований — источниковедении историографии.

На всех статьях этого сборника метка времени. Теперь очевидно, какими по меньшей мере странными кажутся терминологические клише некоторых ранних работ, вроде — «неправильные взгляды, свойственные дореволюционным уче-

ным», или высокопарные эпитеты при упоминании классиков марксизма, даже партийных решений. Но это — документы эпохи. И изображать себя тех лет таким, каким позднее стал, тоже не намерен. «Еже писах, писах» — полагаю более достойным придерживаться этой древней мудрости.

В текст заново публикуемых трудов не внесено никаких изменений (дополнения даны в квадратных скобках). Повновления имеются лишь в научном аппарате, приведенном в соответствие с современными требованиями его оформления; при этом оставлены ссылки на цитируемые тогда издания и в тех случаях, когда позже выходили новые, оставлены и прежние названия хранилищ.

Публикуемые труды написаны в разное время — с начала 1960-х гг. Это, действительно, путь историка на протяжении более чем 30 лет. Статьи расположены в разделах книги в хронологической последовательности, в зависимости от времени их написания. Если поздняя статья включает и развивает существенные положения прежних работ, то публикуется последняя по времени напечатания, хотя более ранние могли быть и в большей степени отмечены в период их появления: так было с большой статьей 1965 г. «О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки» и с дискуссионными статьями 1960–1970-х гг. по историографии и источниковедению. Но наиболее существенные положения о предмете историографии и приемах выявления и изучения историографических источников нашли отражение в статье 1994–1995 гг. «Архивный документ как историографический источник», где имеются ссылки на те статьи. И потому ограничился включением в книгу недавней статьи.

С 1949 г. автор творчески связан с Московским историко-архивным институтом, на основе которого впоследствии был образован первый в нашей стране Гуманитарный университет, возглавляемый академиком Ю.Н. Афанасьевым. Связь с учениками (а некоторые из них теперь мои коллеги — преподаватели родного им вуза) осталась такой же тесной и после перехода на основную работу в Академию наук. Труды выпускников и студентов Историко-архивного института постоянно печатаются в «Археографическом ежегоднике», они — постоянные участники конференций, организуемых возглавляемыми мною Археографической комиссией Академии наук и Союзом краеведов России. Положения большинства помещенных в книгу статей, доходчивость их терминологии поверял в среде учеников и младших коллег. Так же как и опыт жизненных наблюдений, которым — быть может, даже и неосознанно — руководствовался и в своей практической работе педагога и исследователя.

Книга не была бы подготовлена без помощи моих учеников и содействия руководителей Российского государственного гуманитарного университета, без благожелательности сотрудников его издательства. Всем им глубокая признательность.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ:
С.О. ШМИДТ. «МОСКОВСКИЙ ИСТОРИК М.Н. ТИХОМИРОВ»

Михаил Николаевич Тихомиров все в большей мере воспринимается как классик отечественной исторической науки середины XX столетия, убежденно следующий в своей научной и преподавательской работе лучшим традициям предшествовавших десятилетий, и в то же время как новатор в исследовательской методике и как организатор науки.

В статье «От автора», предваряющей книгу моих избранных трудов «Россия Ивана Грозного», писал: «На первом курсе исторического факультета Московского университета, в 1939/40 учебном году, подарком судьбы оказался руководитель семинара Михаил Николаевич Тихомиров, который и стал главным моим учителем в науке отечественной истории. Из названных им тогда тем докладов я остановился на теме “Идеология самодержавия в сочинениях Ивана Грозного”. Доклад явился результатом самостоятельного изучения первоисточников, да еще на языке подлинника, — первые радость, горечь и гордость творчества, уже научного в своей основе. Увлечение сюжетами российской истории XVI столетия было так очевидно, что Михаил Николаевич предложил в конце года продолжить работу под его руководством, но уже по теме “Иван Грозный в Александровской слободе”. Выбирая на последующих курсах тематику докладов по другим разделам нашей и зарубежной истории, пришлось “примеряться” к проблематике государственно-политической истории и истории общественного сознания. В военные годы мы с М.Н. Тихомировым оказались первое время в разных городах. В то время у меня появилось желание написать исследование об А.Ф. Адашеве. М.Н. Тихомиров поддержал меня, и дипломная работа была написана под его руководством. Позднее в беседе с журналистом Ю.С. Лексиным, задавшим “девять вопросов историку” (интервью с заголовком “Хочется думать, что не обрывал связь времен” опубликовано в журнале “Знание — сила”, 1988, № 2), я попытался объяснить выбор темы обстоятельствами времени культа личности Сталина. Это побуждало к размышлениям о роли революций и реформ в истории, а судьба Адашева напоминала в ту пору о судьбе тех, кто зачинал социалистическое переустройство, а потом не только погиб, но и был вычеркнут из истории в кровавые 1930-е гг. Работа об Адашеве оказалась основой обеих моих диссертаций¹. И обе эти диссертации были написаны при научном руководстве профессора М.Н. Тихомирова, когда он был в 1949 г. уже членом-корреспондентом Академии наук, а в 1965 г. академиком².

Впервые последовательно знакомиться с трудами М.Н. Тихомирова и с его биографией пришлось в 1953 г., когда А.В. Арциховский (в ту пору декан истфака МГУ) предложил мне составить для напечатания в редактируемом им выпуске «Вестника МГУ» список печатных работ М.Н. Тихомирова и текст приветствия от ректората МГУ. А через два года уже сам Михаил Николаевич рекомендовал редакторам второго издания Большой советской энциклопедии именно мне заказать

Впервые опубликовано: Шмидт С.О. Московский историк М.Н. Тихомиров. Тихомировские традиции. М., 2012. С. 7–10.

статью о нем для 42-го тома этого издания. И естественно, что я, утвержденный при основании журнала «История СССР» в 1956 г. заместителем главного редактора при поддержке М.Н. Тихомирова (тогда академика-секретаря Отделения исторических наук Академии наук СССР), вызвался, уже не будучи членом редколлегии журнала, написать хроникальное сообщение «Семидесятилетие академика М.Н. Тихомирова», который был членом нашей редколлегии первого состава.

После кончины М.Н. Тихомирова меня включили в состав комиссии по организации похорон ученого и по разработке мероприятий для увековечивания его памяти. Вскоре начал знакомиться с материалами личного архива М.Н. Тихомирова (поступившего в Архив Академии наук) и в январе 1966 г. выступил на совместном заседании Отделения истории и Археографической комиссии памяти академика М.Н. Тихомирова с докладом, где сообщались предварительные данные об оставшейся неопубликованной части научного наследия ученого³. Доклад был первоосновой статьи, подготовленной для «Археографического ежегодника за 1965 год» — «Памяти учителя: материалы для научной биографии М.Н. Тихомирова».

Статья положила начало многолетним занятиям такой проблематикой: и работы, публикуемые в книге в соответствии с хронологией их напечатания, могли бы быть объединены и в книге, озаглавленной так же, как статья в «Археографическом ежегоднике», — «Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова».

Когда стал председателем Археографической комиссии и ответственным редактором «Археографических ежегодников», изучение и пропаганда научного наследия М.Н. Тихомирова были признаны одним из основных направлений в деятельности комиссии — в тематике ее заседаний, в подготовке материалов для «Археографических ежегодников» и других ее изданий, в плановой работе ее сотрудников (и прежде всего их усилиями подготовлено издание шести книг избранных трудов академика М.Н. Тихомирова). К этой значимой для истории науки и общественной жизни и дорогой моей душе тематике обращался позднее не раз и в печатных трудах, и в устных выступлениях — и не только в связи с юбилейными датами академика М.Н. Тихомирова и возрожденной по его почину Археографической комиссии.

С годами все яснее, что именно в период работы над первой большой статьей о М.Н. Тихомирове утвердился в основных представлениях и о предмете, задачах и методике той сферы научных знаний, которые определяю как «историографическое источниковедение историографии», и о форме изображения «портретов» историков — с тех пор такая проблематика стала постоянной в моем научном творчестве. Это побудило и к организации многолетней работы Археографической комиссии по составлению «Каталога личных архивных фондов отечественных историков».

Объединенные в книгу работы разного жанра написаны в разное время и по разным поводам. В них обнаруживаются повторы, даже текстуальные совпадения. Однако не стал устранять такие фрагменты текстов, ибо каждый из перепечатываемых трудов является отражением восприятия содеянного М.Н. Тихомировым и его образа, именно время написания этих работ обретает значение в контексте состояния науки и общественного сознания определенного периода.

В книгу включено не все, напечатанное мною о М.Н. Тихомирове, — полный перечень в приложенном Списке печатных трудов по этой тематике. В то же время

в книгу помещены три статьи, посвященные не непосредственно Тихомирову, а тем, в судьбе кого Михаил Николаевич сыграл существенную роль.

Изучением научного наследия М.Н. Тихомирова и его многообразной деятельности занимались и занимаются ученые разных поколений, и все ярче проявляется значимость этой фигуры для развития наших исторических знаний. Хочется думать, что дальнейшая углубленная работа в этом направлении расширит наши представления об истории науки и общественного сознания России середины XX в. и о методике исследования в сфере источниковедения и историографии.

¹ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 3–4. [То же в наст. изд., кн. 2, с. 500–504.]

² Отзывы М.Н. Тихомирова о моих дипломной работе, диссертациях и лекции о прошлом Москвы напечатаны в: «Ценность работ С.О. Шмидта по истории Русского государства середины XVI в. мною неоднократно уже подчеркивалась»: Из документального наследия академика М.Н. Тихомирова // Отечественные архивы. 2007. № 3. С. 98–107.

³ См.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 382. Статья В.Б. Павлова-Сильванского «Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1965 год».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ «МОСКОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Настоящее издание — «Московская энциклопедия» — подготовлено в соответствии с распоряжением мэра Москвы Ю.М. Лужкова от 1 ноября 2000 г. и отличается от вышедших в 1980 и 1997 гг. однотомных изданий «Москва: Энциклопедия» не только названием, объемом и сильно возросшим количеством статей, но и распределением материала. Наше издание — в двух томах, состоящих из нескольких частей. По структуре оно не схоже с другими энциклопедиями регионального типа: в первом томе «Лица Москвы» представлена информация только об «исторических лицах» (причем уже скончавшихся), во втором томе «Образ Москвы в прошлом и настоящем» — обо всем остальном. Энциклопедии — систематизированный свод знаний; различают энциклопедии универсальные (по всем отраслям знаний) и отраслевые (историческая, медицинская и т.п.). Наша — это совмещенный вариант: она отраслевая, поскольку относится к Москве, но в то же время универсальная, ибо Москва — огромный город с многообразием функций и особенностей развития в прошлом и ныне и в то же время — столица государства, центр края (княжества, губернии, области), велика ее роль в развитии истории и культуры нашей страны, во всемирной истории и в мировой культуре.

В первый том «Лица Москвы» включены краткие статьи о тех, кто оставил заметный след в истории (и особенно в истории Москвы), или имел особую прижиз-

ненную известность по результатам работы, или занимал определенное официальное положение, а также о тех, кто внес вклад в изучение Москвы, писал о современной им Москве (принципы отбора персоналий обосновываются в послесловии). Таким образом, это, по существу, и попытка создать первый краткий Московский биографический словарь.

«Московская энциклопедия» — из тех кратких энциклопедических изданий, которые благодаря своей тематике обычно регулярно переиздаются в обновленном виде, так как интерес к подобной информации сохраняется и у новых поколений. Москва, ее история и культура неизменно вызывают и будут вызывать внимание широкого круга лиц в России и за рубежом. И долг нашей редакции — подготовить издание так, чтобы поновления были не исправлением ошибок и устранением неточностей, а информацией, порожденной новым временем, новыми знаниями о прошлом и настоящем такого выдающегося историко-культурного явления, имя которому — Москва.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ «МОСКОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Распоряжение мэра г. Москвы Ю.М. Лужкова «Об издании “Московской энциклопедии”» начинается словами: «В целях глубокого освещения исторических событий, связанных с Москвой, полноценного отображения происходящих изменений в экономической, социально-культурной жизни и в облике города за последние годы, согласиться с предложением Археографической комиссии Российской академии наук об организации подготовки и выпуска в свет “Московской энциклопедии в 2-х томах”». Тем же распоряжением от 1 ноября 2000 г. был образован редакционный совет во главе с мэром г. Москвы и утвержден главный редактор издания.

Изначально было решено, что материал распределяется по тематическому признаку на два тома — «Лица Москвы» и «Образ Москвы в ее прошлом и настоящем» — с расположением внутри книг в алфавитном порядке, и начать работу с подготовки тома «Лица Москвы». Постепенно в процессе работы убеждались в целесообразности увеличения листажа издания: и первый и второй том намерены издать в трех частях. Последней частью второго тома будет «Атлас Москвы» с картами, схемами, текстовым материалом.

Первый том «Московской энциклопедии» представляет собой биографический справочник со сведениями о выдающихся москвичах по рождению и месту проживания, а также о лицах, связанных с Москвой своей деятельностью. Принципы отбора персоналий для включения в энциклопедию, утвержденные на засе-

дании редколлегии издания, были сформулированы в докладе на организованной мэрией г. Москвы в 2002 г. конференции, посвященной программе развития москвоведения¹.

При этом полагали существенным критерием наличие отдельной статьи о конкретном лице в таких изданиях, как «Всемирный биографический энциклопедический словарь» (М., 2000), «Российский энциклопедический словарь» (Кн. 1–2. М., 2001), энциклопедический словарь «Отечество. История, люди, регионы России» (М., 1999). Обязательно учитывалось наличие статьи в отраслевых энциклопедиях, хотя включить в словник имена всех тех, о ком имеются статьи в таких энциклопедиях, не представлялось возможным.

В словник первого тома энциклопедии включались персоналии следующих категорий:

1) лица, имена которых отражены в названиях (или отражались ранее) местностей, учреждений, общественных организаций в Москве; научных форумов, курсов, матчей, проводимых в столице^{*};

2) лица, в честь которых были установлены памятники и памятные доски;

3) лица, игравшие заметную роль в управлении государством и городом (московские князья, цари, главы Русской православной церкви, архиереи Московской епархии, губернаторы, генерал-губернаторы, наместники, городские головы, председатели Моссовета и Мособлисполкома, первые секретари Московского горкома и обкома Коммунистической партии и т.д.).

Это не означает необходимости более или менее пространной статьи, так как перечни таких лиц с указанием крайних дат их деятельности будут в статьях о «должностных номинациях» в томе «Образ Москвы»; там предполагается помещение и перечней предводителей дворянства, попечителей учебного округа, командующих военным округом, первых секретарей обкома ВЛКСМ, ректоров Московского университета, Московской консерватории, редакторов главных московских периодических изданий и т.п.

Необходимым полагали отметить статьями память о москвичах — героях войн и о тех, кто совершил воинский подвиг на территории Москвы и подступах к городу, о лицах, особо заметных в повседневной жизни Москвы того времени, — медиках, педагогах, священнослужителях, инженерах, основателях и руководителях промышленных и коммерческих предприятий, общественных объединений, попечителях в культурной и социальной сферах, коллекционерах и хранителях памятников истории и культуры, актерах и музыкантах, спортсменах, популярных журналистах и т.д. Это требовало избирательного подхода и во многом предопределялось имеющейся литературой и современным интересом к данной личности и той или иной сфере деятельности.

В энциклопедии представлены видные москвоведы, авторы записок о Москве, мемуаров (включая немосквичей, даже иностранцев), а также знаменитые немоск-

^{*} За исключением тех, кто никогда не был в Москве. Информация об этих персоналиях будет помещена во втором томе в связи со статьей о местности, учреждении и т.д. Также и следующий пункт — о памятниках.

вичи/россияне из ближнего и дальнего зарубежья, побывавшие в Москве (с указанием времени и повода пребывания).

О лицах особенно широко известных помещаются краткие статьи, но с отсылками к литературе о них и к библиографии их трудов. В статьях о лицах, проживавших и творивших не только в Москве, делается акцент на времени их жизни в Москве или московской тематике их творчества.

В том «Лица Москвы» помещаются статьи, как и в однотомной энциклопедии «Москва» 1997 г., только об уже умерших. Сведения о здравствующих могут приводиться в том «Образ Москвы» в статьях об учреждениях, общественных объединениях, предприятиях, с которыми связана их деятельность (с обязательным указанием времени этой деятельности).

Некоторые статьи (преимущественно о героях Великой Отечественной войны, революционных деятелях, архитекторах, артистах балета) перепечатаны, согласно договоренности с руководством «Большой российской энциклопедии» от 2000 г., из энциклопедии «Москва» 1997 г., главным редактором которой был руководитель редколлегии нашего издания (во всех случаях это указывается).

Структура статей традиционна для энциклопедических изданий. В качестве заглавия статьи — «черного слова» — в I томе даются фамилия (или имя), псевдоним либо закрепившаяся в обиходе двойная фамилия, образовавшаяся от соединения настоящей фамилии и псевдонима. Затем — имя и отчество. В статьях о церковных деятелях указываются в скобках светские имена. При фамилиях иностранцев приводятся и исконные написания их на родном языке.

Далее обозначены годы и места рождения и кончины; отмечается только год. Поскольку датировка до февраля 1918 г. приводится по старому стилю, возможно расхождение некоторых дат с указанными в изданиях, ссылающихся на даты нового стиля. При обозначении мест рождения и смерти административно-территориальная принадлежность показана на момент их упоминания.

Содержание статьи составляют биография, характеристика деятельности, творчества. В конце статьи содержатся указания на московские адреса и место захоронения в Москве. Выявление такого рода сведений оказалось особенно затруднительным, потребовало от сотрудников редакции больших усилий. Значительной долей информации обязаны собирателю данных по московской просопографии Д.И. Бондаренко. Но, к сожалению, в немалом числе статей такие данные отсутствуют.

В необходимых случаях биографическую часть статьи завершает информация об увековечивании памяти означенного лица. Это — наименование местности или учреждения, мемориальная доска, культурное, спортивное или научное мероприятие и т.д. При выявлении этих данных большую помощь редакции оказали москвоведы М.И. Вострышев (по наименованиям улиц) и О.В. Песков (по мемориальным доскам).

В случае если здание, дом, церковь, могила или другое сооружение не сохранилось, в статье дается указание — не сохр. Это, однако, не распространяется на захоронения в уничтоженных некрополях Москвы, к которым относится большинство монастырских кладбищ (Алексеевского, Спасо-Андроникова, Покровского, Новоспасского, Симонова, Данилова, Скорбященского, Златоустовского, Богояв-

ленского, Зачатьевского, Ивановского монастырей), а также городские — Лазаревское, Старое Лютеранское, Семеновское, Семеновское военное, Дорогомиловское, Еврейское, Братское.

Завершаются статьи библиографическими данными: указанием сочинений героя статьи, литературы о нем. Обязательно дается ссылка на списки трудов (иногда с указанием трудов, опубликованных позднее времени составления списка).

В 1980 и 1997 гг. уже выходили однотомные энциклопедии «Москва», подготовленные главным в стране энциклопедическим издательством «Большая советская энциклопедия» (с 1992 г. — «Большая Российская энциклопедия»). Наше издание существенно расширено по сравнению с предыдущими — и в объеме, и по числу статей: в книге 1980 г., как указывается в предисловии от издательства, — около 5000 статей, и немногим свыше 1000 о лицах; в книге 1997 г. — более 4000 статей. В нашем издании только в первой части первого тома более 2620 статей.

Отличие и в подаче материала: в нашем издании преобладают небольшие статьи справочного характера. Это издание прежде всего справочное, а не оценочное. Поэтому предложено и иное название: вместо общего для двух предыдущих книг («Москва: Энциклопедия») — «Московская энциклопедия».

Издание 1997 г. было подписано в печать в юбилейном для Москвы году, но готовили его в предшествующее этому время, и, соответственно, не было никакой возможности учесть данные множества книг, также увидевших свет в связи с юбилеем столицы.

Последнее десятилетие отмечено обилием новых трудов, статей, документальных публикаций, содержащих сведения, важные для справочного издания. Значительное количество такого рода материалов появилось в изданиях, выпускаемых по Издательской программе Правительства Москвы, по программам изданий Московской городской думы, Главархива Москвы, издательского центра «Московведение», издательств «Наука», «Большая российская энциклопедия», РОССПЭН и др. Целые библиотеки образовались из изданий, посвященных памятным датам всероссийского и всемирного исторического значения — 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина в 1999 г., 60-летию битвы под Москвой в 2001 г., 60-летию победы в Великой Отечественной войне в 2005 г., 250-летию Московского университета в 2005 г. Понятно, что сведения, почерпнутые из книг, вышедших в недавнее время, существенно обогащают информационный потенциал нашего справочного издания, особенно его библиографическую часть.

В каждом томе намерены поместить статьи библиографического плана в полтора-два листа с обзором справочной и библиографической литературы, аннотированным указателем важнейших изданий. В томе «Лица Москвы» предполагается статья «Лица Москвы в библиографических справочниках».

В работе над «Московской энциклопедией» участвовала большая группа специалистов — сотрудники научных учреждений, работники московских архивов, музеев и библиотек, преподаватели высших учебных заведений, энтузиасты-краеведы.

На последних этапах подготовки этой книги основную работу вели сотрудники «Московской энциклопедии» с момента основания проекта — Н.Н. Митрофанов, С.А. Уваров и С.Ю. Шокарев, а также сотрудницы редакции Л.И. Антошина и О.В. Николаева.

Сотрудниками редакции на разных этапах работы были В.Ю. Аверьянов, И.Л. Беленький, В.А. Волков, Е.А. Воронцова, А.В. Мельников, В.С. Мирошниченко, А.С. Орешников. Подбор иллюстративного ряда осуществляли В.Ю. Аверьянов, С.Б. Васильев, Е.А. Зубцова, Н.Н. Митрофанов, С.А. Уваров. Вся корректорская работа была проведена Е.Ю. Звездинской, Т.В. Павловой и Т.И. Томашевской.

Недавно мэром г. Москвы принято решение о подготовке многотомной «Большой московской энциклопедии». Мы искренне надеемся, что «Московская энциклопедия», начальная книга которой выходит в свет в год 860-летия первого упоминания города Москвы, сможет стать основой для реализации этого монументального новаторского научно-издательского проекта.

Коллектив редакции «Московской энциклопедии» сознает, что при работе со столь массивным объемом информации неизбежны отдельные упущения и возможны фактографические ошибки, устранение которых потребует специальных дополнений к уже опубликованным сведениям. Редакция благодарно примет такую информацию со всеми возможными дополнениями, замечаниями и поправками. Просим обращаться по адресу: 125252, Москва, ул. Зорге, 15, Издательский центр «Московведение», редакция «Московской энциклопедии», или: enc@comail.ru.

¹ Пять лет развития программы «Московведение»: Материалы научно-практической конференции ([Москва,] 15 апреля 2002 г.). М., 2003. С. 43–56; Шмидт С.О. История Москвы и проблемы московведения. М., 2004. С. 353–362.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ: «КРАЕВЕДЫ МОСКВЫ. ВЫПУСК 1»

Понятие «краеведение» закрепилось в нашем языке лишь около ста лет назад, хотя и восходит к одному из давних значений слова «край»: страна, область, местность. Слова «краеведение» нет ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, ни в энциклопедическом словаре, издававшемся Брокгаузом и Ефроном. В академический «Словарь русского языка» (1916) оно уже включено. И важно то, что изначальный смысл слова подразумевает не просто сведения о чем-то, но и путь познания и распространения этих знаний. «Ведение», по словарию Даля, это не только «знание, познание, разумение, сведение, понимание», но и «состояние ведающего».

В настоящее время утвердилось понимание краеведения и как науки, и как научно-популяризаторской деятельности определенной проблематики: прошлое и

* Нынешний электронный адрес редакции: mosenc@yandex.ru. — *Ред.*

настоящее какого-либо края во всем многообразии тематики, и как общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. По верному определению академика Д.С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки».

Краеведное знание — обычно комплексное знание и природы и общества, знание не только историческое, но и историко-культурное, историко-экономическое; не просто географическое, но и географо-биологическое, географо-астрономическое. А часто одновременно его можно отнести к сферам и гуманитарного, и естественно-научного знания.

Краеведение — это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного; метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи, учитывающий не только выводы научных теорий, но и первичные наблюдения обычной житейской практики.

Краеведение поэтому является (или становится) и школой познания методики мышления, и школой воспитания — воспитания культурой (а основа культуры — «память», и, следовательно, можно говорить о «воспитании историей»), школой становления и закрепления представлений о взаимосвязях в природе и в обществе, о взаимосвязи природы и общества, о взаимосвязях наук.

Краеведное знание убеждает в каждодневной необходимости обращения к опыту прошлого (и позитивному и негативному) и в то же время облегчает выработку форм творческого общения людей разных поколений, разного уровня образованности и специальной подготовки (научной или художественной, в области ремесел). Тем самым краеведение становится и школой воспитания уважения к опыту старших, к истокам нашим.

Краеведение — не только познание края; и история краеведения — не только изучение данных о таком познании в прошлом. Это всегда и отбор, а зачастую и совершенствование того, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений — в быту, в природопользовании, в сельском хозяйстве, в промыслах, в материальной и духовной культуре и, конечно же, в сфере нравственности.

Подлинное краеведение всегда — краелюбие. Воздействие его велико и на разум наш, и на душу, и на сердце. В этом-то главный смысл часто повторяемых слов Пушкина о любви к отеческим гробам, любви к родному пепелищу: «В них обретает сердце пищу». И потому-то так важно и для настоящего и для будущего возбудить краеведческий настрой у молодежи, у школьников, привить им навыки краеведческой культуры.

Краеведческая культура — одна из основ корневой культуры человека, а следовательно, и его нравственности, гражданственности. Такой она остается и в век высокой технической цивилизации и даже тогда, когда он насыщен социальным реформаторством. И это особенно стало очевидно после того, как краеведению был нанесен на рубеже 1920–1930-х гг. невосполнимый урон, столь тяжело отразившийся на развитии нашей культуры и нравственности.

Краеведные исторические знания — фактологическая опора первоначальной устной и письменной традиции. Эпоха, к которой восходят устные и письменные

предания о Москве, — XII в. А по крайней мере в XVI в. выявились уже представления о знаменательной роли Москвы в ходе отечественной истории, что прослеживается и по общерусским летописям (точнее сказать, летописи общероссийского содержания), где Москва — наследница величия Киева и Владимира, а московские князья и митрополиты — продолжатели традиций общероссийской государственности, и по местным летописям (т.е. летописям местного происхождения и посвященным преимущественно событиям местной истории), обычно кратким, где полагалось отмечать и особенно памятные события, происходившие в Москве или при действенном участии москвичей. Примерно с XVI в. осознается уже и роль Москвы во всемирной истории. Схема эта затем перейдет в обобщающие исторические труды ученых, начиная с «Истории Российской» В.Н. Татищева.

Со времени распространения в России собственно научных знаний и понятий об источниках таких знаний можно говорить уже и о том, что мы называем теперь москвоведением, и соответственно о его роли в развитии краеведения и науки в целом. В XVIII в. сформировалась и традиция тесной взаимосвязи краеведения с академической наукой, традиция, характерная именно для отечественного краеведения. Виднейшие тогда ученые придавали большое значение краеведным знаниям как одной из основ и историко-культурных, и экономических, и географических представлений. Знаменитый историк и писатель начала XIX в. Н.М. Карамзин (имевший звание Историографа) уже после огромного успеха первых томов «Истории государства Российского» (где множество данных о прошлом Москвы, особенно в примечаниях) составил «Записку о московских достопамятностях» — своеобразный путеводитель по Москве, и там образно сформулировал мысль: «Кто был в Москве, знает Россию». Так закреплялась традиция «большой» исторической науки в плане изучения Москвы и ее прошлого, которую можно условно назвать карамзинской.

Наиболее глубокое воплощение в XIX столетии она получила в трудах И.Е. Забелина — автора исследований и о Москве и о быте России, основным материалом для которых послужили также прежде всего сведения о московской жизни. О Москве, ее роли в истории и развитии культуры, о московских событиях и московских «достопамятностях», об уроженцах Москвы и деятельности других известных людей в Москве немало писали Ф.И. Буслаев и С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров и П.И. Бартенев, В.О. Ключевский и В.С. Иконников, С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков, М.А. Дьяконов и М.М. Богословский, Ю.В. Готье и С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский и С.В. Бахрушин, М.О. Гершензон и Н.К. Пиксанов, И.Э. Грабарь и А.И. Некрасов, Н.М. Дружинин и М.Н. Тихомиров, В.К. Яцунский и Н.Л. Рубинштейн, А.В. Арциховский и Л.В. Черепнин и другие ученые, отличавшиеся широтой диапазона их исследовательской проблематики. Между тем место москвоведения в биографиях отдельных ученых, известных трудами иной (или: и иной) проблематики, в истории деятельности научных учреждений, обществ, изданий до сих пор должным образом не выявлено. Не определено и значение в общественной жизни, в развитии исторической мысли и в организации исследований составления коллективных трудов по истории Москвы и ее окрестностей, по истории Московского университета и др., а

также обобщающего типа трудов по истории всей страны или отдельных областей культуры и экономики, где выделены явления московской жизни, страницы «биографии» Москвы.

Давно отмечен, но также еще не оценен в плане развития науки факт постоянного обращения авторов монографических исследований и трудов обобщающего-постановочного типа к наблюдениям краеведов, к локальному московскому материалу. Напомним об общеизвестном: установление отраженных в названиях улиц данных о ремесле, торговле, взаимосвязи города и деревни, о новопоселенцах оказывается важным для обобщающего характера выводов по социально-экономической истории и демографии, наблюдения о карте города в развитии имеют существенное значение для понимания представлений людей Средневековья и Нового времени о городе и городской жизни вообще, о системе оборонительных укреплений, об архитектурном ландшафте во взаимодействии с природой и т.д. Или данные о Пушкине и Льве Толстом, о Вернадском и Шаляпине в Москве, о пребывании в Москве Ленина и его адресатах, конечно же, имеют значение для познания жизни и деятельности великих людей и важных событий общественной жизни и истории культуры.

Особенно велико значение конкретных исследований краеведной (краеведческой) тематики для становления специальных исторических наук (исторической географии, источниковедения, археографии, генеалогии, геральдики, сфрагистики, нумизматики, метрологии и др.) и их научной терминологии, истории искусств и материальной культуры, для методики атрибутирования и описания памятников истории и культуры в музеях и архивах.

Известно, что главными центрами развития научной мысли и средоточения научных сил в период распространения понятия «краеведение» были Петербург (Петроград–Ленинград) и Москва.

Но для развития науки краеведения особое значение имело то, что история Петербурга начиналась с XVIII столетия, труды же по истории Москвы и археологические раскопки в Московском крае давали материалы для исследования многих проблем истории России с древнейших времен. Следует иметь в виду и то, что в ту пору, когда Москву именовали «порфиносною вдовою», там в большей мере, чем в официальной столице, развивалась деятельность различных общественных организаций исторического уклона (в их числе и по истории церкви, церковной «археологии»), а Московский университет и существовавшее при нем Общество истории и древностей российских, а затем и Московское археологическое общество, возглавляемое А.С. и П.С. Уваровыми, созывавшее съезды археологов России, имели более тесные и многосторонние связи с российской провинцией. Велика роль в развитии краеведения на местах и Московского архива Министерства юстиции (где сосредоточены важнейшие документы по истории феодальной России) и его директора академика Н.В. Калачова — инициатора организации губернских ученых архивных комиссий.

В 1920-х гг. Москва и Ленинград стали и лабораториями краеведческих знаний, целенаправленного формирования методики и практики, приемов краеведческой деятельности в нашей стране, музейного дела, архивного дела, библиографии, педагогики. Московведение, опирающееся на достижения «большой науки» и в значи-

тельной мере осуществляемое учеными деятелями этой «большой науки» (в 20-е гг. краеведению отдавали силы и академики, а для будущих академиков, таких как Н.М. Дружинин и М.Н. Тихомиров, оно стало школой исследовательской и научно-популяризаторской работы), воздействовало на развитие краеведения во всей стране. Изучение города Москвы или Московского края в целом, отдельных местностей, промышленных предприятий, усадеб и деревень, учреждений (в частности культурных, научных, учебных, театров, музеев, архивов и др.), памятников истории и культуры, местных обитателей и их быта, деятельности известных уроженцев или жителей Москвы предопределяло во многом пути краеведения в целом (и особенно той его области, которую в 1920-е гг. называли «городоведением»), уровень его методики, способствовало расширению научно-исследовательской и культурно-просветительской проблематики краеведческой работы.

Разгром краеведения в 1929–1930-е гг., когда видных краеведов объявили предателями контрреволюционной идеологии и устранили из общественной жизни, закрыли много краеведческих музеев и изданий, привел к резкому снижению научного потенциала и культуры краеведческой работы. В Москве это совпало с кампанией по уничтожению памятников архитектурной старины и церковной живописи. Активность московских краеведов проявлялась еще некоторое время в интенсивной работе по подготовке книг об истории фабрик и заводов, но и эта деятельность прекратилась после арестов в середине 1930-х гг.

Однако краеведение Москвы, москвоведение — это не только сфера краеведной тематики. Ибо Москва — и древний город, и давняя столица великого государства. Изучение Москвы неотделимо ни от истории важнейших событий в нашей стране, ни от представлений о России за рубежом: уже в XV–XVI столетиях Россию называли Московией, а русских москвитями. Распространено и в первоисточниках и в трудах ученых и публицистов наименование «Московское царство». Соответственно, и изучение истории России неотторжимо от истории Москвы, от событий, происходивших в Москве, от развития ее общественной жизни, экономики, культуры. И потому «московская» тематика и после оставалась заметной темой исследовательских работ в нашей стране; тем более что в Москве находятся главные музеи по истории нашей отчизны, главные наши архивы, где хранится основной массив документации по всей отечественной истории. Существенным поводом для стимулирования интереса к прошлому столицы стал юбилей Москвы — 800-летие со времени первого упоминания в письменных источниках (1147).

Историки и археологи, географы, искусствоведы и литературоведы, музейные работники, готовившие труды и по истории московских музеев, и в 1940–1960-е гг. в определенной мере продолжали — иногда с серьезными результатами — изучать прошлое Москвы. Свою лепту вносили и немногие уцелевшие (или возвращенные к творческой работе) краеведы. Однако дух краеведческого творческого общения, характерный для периода деятельности обществ «Старая Москва» и изучения русской усадьбы, отсутствовал. Не было и прежних тесных и обогащающих друг друга взаимосвязей краеведов с учеными научных учреждений и высших учебных заведений: краеведение перестало быть школой для научной молодежи.

Признаки начавшегося возрождения краеведения обнаруживаются, пожалуй, лишь с 1960-х гг., когда сказались уже результаты «оттепели», наступившей было после XX съезда КПСС. В то время образуются и республиканские общества охраны памятников истории и культуры. В последние годы заметны все более существенные симптомы того, что вновь находит понимание научная и общественная роль краеведения в нашей жизни. В 1987 и в 1989 гг. проведены Всесоюзные краеведческие конференции, в 1990 г. создан Союз краеведов России и краеведческие общества в других союзных республиках, Московское краеведческое общество. Издаются краеведческие хрестоматии и учебные пособия, сборники статей, труды по истории краеведения. Программа краеведения признана одной из главных программ Советского и Всероссийского фондов культуры.

Возобновилось издание трудов не только об отдельных памятниках истории и культуры Москвы (прежде всего в серийных изданиях «Биография московского памятника», «Биография московского дома», «Памятники Подмосковья»), но и по истории московского краеведения. В книге Ю.Н. Александрова «Москва. Диалог путеводителей» (1985) показана «родословная московского путеводителя», место подобных изданий в культурной жизни. Много сведений об истории москововедения и о роли московских ученых в разработке общих вопросов краеведения содержится в книгах С.Б. Филимонова «Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края» и «Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.)», вышедших в 1989 г. Не только для географов, но и для историков представляют значительный интерес издания Московского отделения Географического общества СССР. Изданы сборник материалов об Аполлинарии Васнецове и статей самого художника, который был выдающимся знатоком старой Москвы, книги о И.Е. Забелине, П.И. Бартеневе. Тема истории москововедения отражается все в большей мере в альманахах «Куранты», «Памятники Отечества» и «Отечество», в периодических изданиях («Археологический ежегодник» и др.), в трудах Московского университета (особенно в серийном издании «Русский город»), Московского государственного историко-архивного института, статьях журнала «Зодчий». Помощь в изучении москововедения, несомненно, оказывают библиографические издания, подготовленные в библиотеке имени Н.А. Некрасова. Московским фондом культуры в 1990 г. издан многообразного содержания сборник «Краеведение Москвы» по материалам семинара-совещания, проведенного в мае 1989 г. (Доклад «Роль москововедения в развитии отечественного краеведения» на этом семинаре стал основой настоящей статьи.)

Издание книг о москвичах-краеведах — долг памяти о тех, кто столько сделал для познания прошлого и настоящего Москвы, сохранения ее памятников, возбуждения к этим знаниям общественного внимания. Обогащение опытом наших предшественников — обязательное условие дальнейшего развития московского краеведения. Без такого рода индивидуальных портретов невозможно представить общую картину истории изучения Москвы, а ведь история москововедения до сих пор не написана!

Предполагается издать три книги очерков о москвоведах, об их жизни и творческих приемах, о восприятии сделанного ими современниками и потомками, об

их вкладе и в москвоведение, и в развитие нашей науки и методики научной популяризации знаний. В книгах представлены только те москвоведы, которые проявили себя в области историко-культурного краеведения. Статьи о краеведах — географах, биологах (а их научные и просветительские заслуги очень значительны) могут составить особую книгу. В каждом выпуске очерки расположены в хронологической последовательности, но во всех трех книгах предполагается поместить очерки и о москвоведах XVIII – начала XIX в., и о наших старших современниках.

Это очерки и о тех, для которых тема Москвы была определяющей в их творчестве, в исследовательской, преподавательской, публицистической, собирательской, музейной, экскурсионной работе, в том числе и о малоизвестных и полузабытых москвоведах; и о деятелях более широкого историко-культурного диапазона, о виднейших ученых. В последнем случае внимание сосредоточивается именно на москвоведческой стороне их многообразной деятельности, но это позволяет выяснить место московской проблематики не только в их творческой биографии, но и шире — в сфере культуры их времени.

О большинстве героев очерков специальные исследовательского характера статьи написаны впервые. В основе их вводимые авторами в научный обиход архивные материалы или воспоминания. Этим обусловлен и неодинаковый объем очерков. Сохранено и своеобразие авторской манеры изложения.

Хочется думать, что это издание будет способствовать восстановлению краеведной культуры москвоведения. Ранее она была одной из славных традиций российского краеведения.

Очерки, расположенные в хронологическом порядке, снабжены примечаниями и, по усмотрению авторов, списками основных опубликованных работ по тематике москвоведения.

КНИГА С.Б. ФИЛИМОНОВА ОБ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ АРХИВА ОБЩЕСТВ ПО ИЗУЧЕНИЮ МОСКВЫ И МОСКОВСКОГО КРАЯ

Историко-краеведческие материалы 1920-х гг. Общества изучения Московской губернии (области), включающие также и архивный фонд действовавшей с 1909 г. комиссии (затем секции) «Старая Москва», представляют особый интерес для всех, занимающихся историей Москвы и Московского края.

Впервые опубликовано: Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и автор статьи С.Б. Филимонов; ред. С.О. Шмидт. М., 1980. С. 3–4 (без подписи; под назв. «От редактора»).

В фондах Общества московских краеведов отложился многообразный материал по истории Москвы и ее окрестностей и по истории отечественного краеведения. Здесь сосредоточены уникальные данные по истории Москвы, отдельных районов, улиц, зданий, памятных мест, связанных с важными явлениями общественно-политической жизни и культуры, с деятельностью выдающихся писателей, ученых, художников; материалы о внешнем облике, быте, хозяйстве Москвы начала XX в.; сведения об архивных материалах по истории Москвы и Московской области и степени их использования.

Материалы Общества московских краеведов в значительной мере остаются неизданными и кандидатом исторических наук С.Б. Филимоновым впервые исследовались с такой тщательностью. Результаты работы, предпринятой С.Б. Филимоновым, оказались очень плодотворными. Определена тематика всех докладов, заслушанных на заседаниях «Старой Москвы» и Культурно-исторической секции Общества изучения Московской губернии (области), составлены обзоры этих архивных материалов, именной и предметно-географический указатели к протоколам заседаний. Методическое значение такой работы очень велико.

Сведения эти полезно использовать при составлении «Свода памятников истории и культуры народов СССР», перечней памятных мест. Они необходимы для работы по истории отдельных районов нашей столицы, городов и сел Московской области, при планировании музейных экспозиций и историко-тематических экскурсий.

Материалы эти имеют самостоятельное значение и для истории отечественной исторической науки, источниковедения и особенно истории исторического краеведения. Удалось выявить интересные историографические факты и, прежде всего, данные о неизвестных и малоизвестных трудах выдающихся советских ученых (А.В. Арциховского, С.В. Бахрушина, С.К. Богоявленского, Ю.В. Готье, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина и др.).

Публикуемая работа имеет не только познавательную ценность, но и дает ключ к дальнейшим изысканиям.

Первое издание этой работы вышло в 1976 г. Глубокая признательность рецензентам работы докторам исторических наук М.Т. Белявскому, В.П. Наумову, кандидату исторических наук Л.В. Ивановой.

В настоящем издании основной текст дополнен, а в Приложении публикуются тексты докладов деятельного участника комиссии «Старая Москва» академика живописи Аполлинария Михайловича Васнецова. Основанные на тщательном изучении разнообразных источников, доклады являются как бы историческим комментарием к широко известным картинам знаменитого художника. Работы А.М. Васнецова экспонируются в Музее истории и реконструкции г. Москвы и были воспроизведены в издании «Аполлинарий Васнецов: К столетию со дня рождения» (Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1957. Вып. 7).

О КНИГЕ Н. ПОЛУНИНОЙ И А. ФРОЛОВА «КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ СТАРОЙ МОСКВЫ»

Это — первая книга о коллекционерах старой Москвы, со второй половины XVII столетия до послереволюционных лет. Биографии собирателей и биографии коллекций: коллекций многообразных предметов и отечественного, и зарубежного происхождения.

Сто жизнеописаний лиц, одержимых страстью к коллекционированию, — вельмож и коммерсантов, ученых и художников, юристов и врачей, книгознатцев и любителей искусств, сподвижников просвещения и попечителей культуры, сформировавших в себе исследователя и поспешающих за модой. Очерки и о семи женщинах. Многоцветие характеров, различие устремлений, подчас смешение научного творчества и... тщеславия. Материал, интересный не только историку, но любопытный и психологу, социологу.

Имена разной степени известности в наши дни. Два закреплены в названиях музеев, постоянно возвращая памятью к их создателям — Третьякову и Бахрушину. Отдельным героям очерков посвящена значительная литература, и очерки лишь дополняют наши знания о таких знаменитых людях — о творческом облике Петра Великого и его сподвижника Брюса, об ученом-филологе Буслаеве, историке Забелине, экономисте Чайнове, о живописцах Викторе Васнецове, Верещагине, Нестерове. Имена государственных и общественных деятелей можно найти в энциклопедических словарях. Но немало и таких, чьи имена мы обнаруживаем только в специальных трудах, а то и вовсе в примечаниях к изданиям, посвященным их более известным современникам. Однако в свое время все эти фамилии были на слуху, о некоторых коллекциях говорила «вся Москва», воспринимая их как достопримечательность общественной жизни и культуры.

Возникают и обобщающего типа наблюдения социокультурного плана. Если на рубеже XVIII и XIX вв. наиболее видными коллекционерами были родовитые дворяне, то через столетие — фабриканты и банкиры — «Москва купеческая». Меняются и понятия об объектах коллекционирования, их культурной значимости, материальной ценности: к рубежу XIX и XX вв. все большее внимание привлекают современнейшее изобразительное искусство (русское и зарубежное, особенно французское) и русская старина — бытовая повседневность и барской усадебной культуры, и обиход простолюдина.

Книга убеждает в том, что коллекционирование способствовало расширению представлений об источниках «отечествоведения», «отчизнознания» (рассуждения группировавшихся подле коллекции графа А.И. Мусина-Пушкина стали школой формирования Карамзина как историка-источниковеда) и становлению отраслей специальных научных знаний, особенно в сферах книговедения и искусствоведения и, конечно же, музееведения (атрибутирование и научное описание музейных предметов).

Невозможно представить себе и столичное просвещение без общественной деятельности иных коллекционеров. Между тем В.А. Дашкова — устроителя Русской этнографической выставки 1867 г. — нет в пятитомной энциклопедии «Отечественная история», а основателя подаренной городу Цветковской галереи, с лучшим собранием рисунков русских мастеров, — в двухтомном «Большом энциклопедическом словаре». И подобного рода факты, увы, не исключение.

Постепенно все больше коллекционеров стремились к тому, чтобы их коллекции получали научное описание и были доступны для обозрения или даже изучения. Сберегая собрание от времени, т.е. от неизбежного рассеяния, его передавали в музеи, будь то Румянцевский или Исторический, или полагали в основу нового музейного собрания. Оказывается, что архитектор Е.Д. Тюрин еще в середине XIX в. мечтал об открытии общедоступной картинной галереи, а Бурьшкин завещал свой дом и капитал на создание музея старой Москвы. Князь С.А. Щербатов, в свою очередь, хотел превратить свой дом на Новинском бульваре в «городской музей частных коллекций». Время, как мы знаем, распорядилось иначе.

Книга Н. Полуниной и А. Фролова рассчитана на широкого читателя, но, благодаря системе указателей и библиографическим сведениям, она становится и научным пособием и может быть особенно полезной в канун юбилея Москвы.

Это книга о москвичах, о московских достопамятностях, о культуре Москвы. О памяти давних времен и о том, что осталось нам, — ведь именно частные коллекции лежат в основе современных музейных собраний.

ВОСПОМИНАНИЯ П.И. ЩУКИНА. ИЗ ИСТОРИИ МЕЦЕНАТСТВА В РОССИИ

Книга эта выходит в год, когда празднуется 850-летие Москвы, которой посвящается большая часть страниц воспоминаний почетного гражданина города П.И. Щукина, и 125-летие со дня основания Исторического музея. В связи с юбилеем музея решено одному из залов присвоить имя Петра Ивановича Щукина.

Подготовка публикации Государственным Историческим музеем воспоминаний П.И. Щукина показательна для нашего времени. Это — и знак признательности к памяти того, кто обогатил сокровищницу музея даром выдающегося историко-культурного значения, и свидетельство нового подхода к оценке деятельности меценатов-предпринимателей, их роли в сохранении и пропаганде культурного наследия, в развитии отечественной культуры.

Вызвавшая благодарное внимание читателей книга Н.Г. Думовой «Московские меценаты» (М., 1992) начинается очерком именно о П.И. Щукине, озаглавленным: «Подарено Историческому музею». Петр Иванович не только собрал замечательную коллекцию памятников искусства и материальной культуры, рукописей и книг. Он построил специальное помещение — музей для хранения и экспонирования

ния этих памятников, обеспечил возможность ознакомления с ними и издания «Щукинских сборников», в которых опубликованы многие из документов его собрания. Особенно поражало современников разнообразие и богатство его коллекции русских серебряных изделий и всего того, что имело отношение к Отечественной войне 1812 г. и — шире — России первой четверти XIX в. (там оказались и ценнейшие личные архивы декабристов).

Воспоминания П.И. Щукина своеобразны и по содержанию, и по форме. Это личные впечатления — то, что сохранила память автора (или сохранилось у автора в дневниковых записях и другой документации) об увиденном и услышанном, иногда и о преданиях более древнего времени — например, о молодости почитаемого им отца. Все это относится к сфере жизни крайне узкой элитарной прослойки богатейшего европеизированного купечества — лишь то, что творилось внутри или с чем (и с кем) непосредственно соприкасались лица, принадлежавшие к этой прослойке.

Причем отобранные факты преимущественно внешней жизни, с этнографо-географическими подробностями (много любопытного и во внешнем облике и быте Москвы и Подмосковья); особое внимание уделено повседневности, будничным разговорам коммерсантов-коллекционеров. Здесь почти нет следов размышлений на социальные темы, о душевных волнениях и переживаниях, как нет сведений и об интимной жизни автора и его близких.

К сожалению, не нашлось места и для напоминаний о том, каким образом мемуарист приобрел удивлявшие современников и вызывавшие их особое уважение серьезные познания в области искусствоведения, истории, библиографии — о встречах с людьми мира науки, книжности. Ведь П.И. Щукин нередко встречался с научным руководителем Исторического музея И.Е. Забелиным, с привлеченными им к музейной работе более молодыми учеными. Однако и то, что имеется в воспоминаниях, существенно детализирует выводы и наблюдения автора историко-социологического труда «Москва купеческая» П.А. Бурышкина, принадлежавшего к той же узкой социальной прослойке, что и братья Щукины, и тоже коллекционера.

Непривычна и форма мемуаров. Отсутствует характерный для большинства таких памятников зачин, где объясняется, что побудило автора к написанию воспоминаний и именно в такое время, что ему кажется особо значительным на его жизненном пути. Подобный зачин обычно как бы предваряет направленность мемуаров (следовательно, и внимание читателя их) и декларирует авторский принцип отбора явлений прошлого, достойных сохранения в будущем. В то же время уже на первой странице приводится текст первоисточника информации — печатного приглашения, сообщающего о помолвке. Тем самым воспоминания Щукина обретают достоинство и своеобразие семейного архива; например, перепечатываются и письма знаменитого живописца В.В. Верещагина, не выявленные пока в подлиннике, и меню, и гостиничные счета...

Тираж прижизненного издания «выпусков» (частей «Воспоминаний») всего 50 экземпляров — это даже не для любителей-библиофилов, а для узкого круга знакомых, но одновременно все-таки и для главных книгохранилищ, т.е. более широкого круга читателей, что, вероятно, и предопределяло отбор публикуемых фактов из запаса памяти или даже личного архива.

Мемуариста интересовали суждения предполагаемых читателей; он ожидал от них уточнений, дополнений, которые затем публиковал. Создается впечатление, что изданный текст — еще не сами «Воспоминания» (с типичными образцами «мемуаров» европейски образованный П.И. Щукин был хорошо знаком), а как бы материалы к ним, и автор допускал возможность их дальнейшей доработки — и стилистической, и в плане содержания. Ведь умер П.И. Щукин от внезапной болезни (гнояный аппендицит), всего 59 лет, и, казалось, мог не торопиться с отшлифовкой своего автобиографического сочинения.

В то же время дата публикации — 1912 г. — вряд ли случайна. В этот год имя мемуариста было у многих на устах. Щукин стал одним из самых деятельных устроителей юбилейной выставки к 100-летию Отечественной войны. О его коллекционировании, о домах на Малой Грузинской улице, о даре Историческому музею узнали и лица, далекие от волновавших собирателя интересов. Отнюдь не чуждый тщеславия, П.И. Щукин (а московская молва не скупилась на анекдоты о том, что он не расставался с присвоенной ему после его дара Музею парадной формой генерала) именно в этот год склонен был напомнить о себе.

В наши дни воспоминания хранителя Памяти и попечителя Культуры, выдающегося собирателя Петра Ивановича Щукина сами воспринимаются как ценный памятник Истории и Культуры. Это — уникальный источник сведений и об образе жизни верхнего слоя просвещенного московского купечества второй половины XIX – начала XX столетия (давшего России Алексеевых, Бахрушиных, Мамонтовых, Морозовых, Найденовых, Рябушинских, Солдатенковых, Третьяковых, Якупчиковых), и по истории организации системы коллекционирования — причем не только в России, но и в Западной Европе, и по истории становления отечественного музейного дела.

М.С. КУЗНЕЦОВ — МОСКОВСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Хочется поддержать инициативу Московского фонда культуры, организовавшего научно-практическую конференцию памяти Матвея Сидоровича Кузнецова. М.С. Кузнецов — один из самых видных предпринимателей и благотворителей города Москвы рубежа XIX–XX столетий. Это знаковая фигура. Он — создатель «Товарищества фарфорового и фаянсового производства М.С. Кузнецова», монополии, воспринимавшей в сфере производства и искусства лучшие традиции отечественной культуры фарфоро-фаянсовой промышленности. Кузнецовские изделия создавались для избранных и для всех: они украшали и самые богатые дома,

Впервые опубликовано: М.С. Кузнецов — предприниматель и меценат в культуре второй половины XIX – начала XX века: Материалы научно-практической конференции (Москва, 29–30 ноября 2000 г.). М., 2001. С. 3–4 (под назв. «Предисловие»).

и изысканные салоны, и рестораны, и гостиницы, были распространенным, обязательным атрибутом повседневности россиян всех сословий. Имя Кузнецова с уважением произносилось на международных выставках, и оно также было известно покупателям бедных лавок. Изделия кузнецовских предприятий формировали эстетический вкус и представления о совмещении удобства и высокого качества продукции у миллионов потребителей. Тем более что производственная деятельность «Товарищества М.С. Кузнецова» территориально расширялась все больше, охватывая не только среднюю полосу России, но и Украину и Прибалтику.

Наше современное фарфоро-фаянсовое производство во многом опирается на наследство «Товарищества М.С. Кузнецова»; и существенно важно то, что в программе конференции — выступления руководителей современных всемирно известных предприятий в Гжели, Дулево, Вербилках, Конаково о продолжении кузнецовских традиций производства и об образцах кузнецовских изделий в фабричных музеях.

С именем М.С. Кузнецова связаны многие достижения промышленной архитектуры и возведение по проекту классика стиля модерн в архитектуре и дизайне Ф.О. Шехтеля торгового здания на Мясницкой улице, ставшего вскоре также местом проведения художественных выставок.

М.С. Кузнецов являлся видным общественным деятелем и благотворителем. Это слово подходит к определению его деятельности больше, чем слово «меценат» (от имени древнеримского вельможи, который был покровителем знаменитых поэтов) и тем более ставшее в настоящее время модным слово «спонсор» (т.е. финансовый гарант), и не потому, что оно русское (Кузнецов особенно много помогал старообрядцам), а потому, что фабрикант тратил силы и средства не столько на поддержку памятников истории и культуры и мастеров культуры, сколько на строительство жилья, больниц, школ, библиотек-читален для рабочих и служащих своих предприятий. Из слов иностранного происхождения тут более подошло бы слово «филантропия», а оно переводится на русский язык как «человеколюбие» (благотворительность, помощь нуждающимся). Причем сфера деятельности Кузнецова в таком направлении не ограничивалась своими предприятиями — он был членом и попечителем многих благотворительных обществ, гласным Московской городской думы.

Показательно то, что организатор конференции — Московский фонд культуры — размещается в доме-усадьбе М.С. Кузнецова, где он прожил около сорока лет, и хорошо, что на стене дома по проспекту Мира, 41 (бывшей Первой Мещанской улице) теперь будет охранная мемориальная доска.

Московский фонд культуры, возглавляемый народным художником России Антониной Яковлевной Степановой, ведет многообразную культурно-просветительскую работу. Отрадно, что в Фонде обратились к изучению московских историко-культурных традиций, ведь культура предпринимательства — это тоже существенная сфера культуры, а не только социально-экономической жизни. Хорошо и то, что в такую работу вовлекли учащуюся молодежь и предпринимателей, не ограничиваясь привычным кругом ученых (историков и искусствоведов) и краеведов-активистов Московского краеведческого общества.

Страницы истории деятельности М.С. Кузнецова — это те страницы московской жизни, которые внесли значительный вклад в историю и культуру всей Рос-

сии. Хочется, чтобы конференция и публикация ее материалов в год девяностолетия со времени кончины М.С. Кузнецова побудили бы к дальнейшему ознакомлению с жизнью и творчеством замечательного благотворителя и к написанию книги о знаменитом москвиче, а Московский фонд культуры и наследники организационно-производственной деятельности М.С. Кузнецова обеспечили бы возможность такого издания.

О КНИГЕ А.Т. САЛАДИНА 1917 г.
«ПРОГУЛКИ ПО МОСКОВСКИМ КЛАДБИЩАМ»

Книга эта была подготовлена Алексеем Тимофеевичем Саладиным к печати около 80 лет назад. А.Т. Саладин надеялся на то, что сочинение это заинтересует знаменитое издательство Сабашниковых, только что выпустившее книгу «По Москве: прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям» под редакцией Н.А. Гейнике и др. (М., 1917). Но революционные события тех лет отразились на судьбах и автора, и его сочинения, и издательства. Книга тогда не нашла издателя; автор вскоре скончался от истощения; библиотека его разошлась по рукам, большая часть архива (включавшего и множество уникальных фотографий и негативов), видимо, погибла. Имя Саладина, и при жизни крайне редко упоминавшееся в печати, надолго исчезло из поля зрения москвоведов и библиографов.

Первые статьи о жизни и творчестве А.Т. Саладина появились лишь в 1990 г. — это студенческие работы моего ученика по Московскому государственному историко-архивному институту Андрея Васильевича Иванкина¹, выступившего и с докладом на семинаре-совещании москвоведов в 1989 г. Его очерк о раменском краеведе опубликован в первом сборнике «Краеведы Москвы», в 1991 г.² А теперь при деятельном участии другого моего ученика, Сергея Юрьевича Шокарева — научного сотрудника Музея истории Москвы и ныне уже аспиранта Российского государственного гуманитарного университета, автора работ о российской генеалогии, историческом некрополе, о лицах, заметных в истории России, и о тех, кто изучал источники по истории России и особенно Москвы, подготовлено к печати это особенно дорогое А.Т. Саладину его произведение и сопровождается реальным историческим комментарием о современном состоянии описанных в книге захоронений. Тем самым книга обретает значение путеводителя и по современным кладбищам Москвы, информируя о нынешнем состоянии «исторических» надгробий.

А.Т. Саладин родился 19 мая 1876 г. в многодетной семье выходцев из деревни, осевших в Тверской-Ямской слободе Москвы. Поступить по окончании в 1888 г. начального училища в гимназию трудолюбивому и любознательному мальчику не

Впервые опубликовано: Саладин А.Т. Очерки истории московских кладбищ. М., 1997. С. 277–296 (под назв. «Послесловие»).

удалось (не сумел справиться с экзаменами), но тяга к очагам просвещения была столь очевидна, что он, работая наборщиком в типографии, самостоятельно овладел учебной программой, сдал экзамены на курсы по подготовке сельских учителей. В 1896 г. получает свидетельство на право преподавания и начинает учительствовать в одном из подмосковных сел. Однако вскоре оказывается в числе политически неблагонадежных за то, что организованные при его участии «народные чтения» стали трибуной обсуждения и вопросов общественно-политической жизни. Лишенный места учителя (а труд такого рода, судя по написанному им — стилистике и самой направленности, — был призванием А.Т. Саладина), молодой человек устраивается на работу мелкого чиновника-делопроизводителя в управление Казанской железной дороги и перебирается на жительство в подмосковные Люберцы. Там сближается с революционно настроенными участниками событий 1905 г. Настроения недовольных были ему понятны и близки, что нашло отражение и в незатейливых по художественной форме стихах: «Все создано плетью, слезами полито, / Проклятьями воздух вокруг напоен. / И сколько здесь жизней напрасно разбито / В позорные годы тяжелых времен».

А.Т. Саладин был в дружбе с активным революционером-эсером машинистом А.В. Ухтомским, распространял листовки. В начале 1906 г. ему пришлось провести месяц в Бутырской тюрьме, затем жить под надзором полиции в селе Рязанской губернии. В середине 1908 г. перебирается с семьей в Рязань, где работает письмоводителем железнодорожной станции. В Подмосковье стало возможным возвратиться лишь в августе 1909 г. Он поселился в Раменском, где до конца жизни работал мелким чиновником на станции железной дороги. В Раменском и скончался 18 июля 1918 г. Могила его утеряна.

А.Т. Саладин еще в 1902 г. приобрел фотоаппаратуру и специализировался на изготовлении снимков с видами Москвы и Подмосковья. Он постоянно путешествует с этим нелегким грузом на плечах в поисках «натуры» — фотографирует усадьбы и исторические памятники, храмы и кладбища, железнодорожные вокзалы, уютные дачные места, пути прогулок. Фотографии группируются в изящно оформленные альбомы из которых некоторые сохранились («По пригородам Москвы» 1902 г., «По Москве» 1910 г., «Некрополи Москвы» 1915–1918 гг.).

Собирая материал по истории Подмосковья, с особым вниманием и, пожалуй, даже с особой любовью относился к Бронницкому уезду, к местам близ Московско-Казанской железной дороги. В 1914 г. ему удалось издать с иллюстрациями талантливо составленный и одновременно на редкость практически полезный «Путеводитель по пригородным и дачным местностям до станции Раменское Московско-Казанской железной дороги». В этой книжечке и историко-географическое описание (подчас и с индивидуального характера лирическими отступлениями), и сведения о дачных удобствах, железнодорожном сообщении и т.п.

А.Т. Саладин — краевед-просветитель по строю своей души и по убеждению. Обладал он и талантом своеобразного видения следов прошлого и умением передавать другим это живительное ощущение связи времен. Краеведение для него — краелюбие, а учительство — нравственная категория; обучая, он и воспитывает. «Бесконечно рад, — писал А.Т. Саладин отцу, — частицу моей любви к родной Москве передать другим, в особенности молодому поколению. Это будет лучшей

наградой, а никакой другой мне не надо». Живший в малом достатке, отец большого семейства, отличавшийся особой скрупулезностью и обязательностью в исполнении своих служебных обязанностей, А.Т. Саладин всей душой отдавался любимому делу краеведения, писал о Москве и Подмосковье без какой-либо материальной корысти. Лишь истинно привлекательным натурам особенно дорога возможность приобщения и других к радости душевного и умственного обогащения, ими самими испытываемой!

Историк-самоучка, писатель, художник-фотограф, А.Т. Саладин — из тех даровитых и совестливых самородков, которые, не принадлежа к касте выпускников высших учебных заведений, воплощали в своей деятельности высокие нравственные устои истинной образованности, подлинную интеллигентность. Такого типа люди свято руководствовались в своей общественной работе и в личном жизненном укладе заветом «сеять разумное, доброе, вечное». Благодаря в значительной мере трудам и самоотверженности подобных личностей укреплялись и обогащались разнообразием форм и само краеведение, и взаимосвязи его с общественным движением (на рубеже XIX и XX столетий с земством) и «большой наукой» (академической, университетской). Это и обеспечивало видное место краеведению в общественной и культурной жизни России в первые десятилетия XX в., тогда именно оно во многом определяло культурный облик российской провинции, ее научные и учебно-воспитательные потенции. Потому-то после бросавшегося всем в глаза подъема в 1920-е гг. — в «золотое десятилетие» советского краеведения — оно первым подверглось разгрому с утверждением сталинского тоталитаристско-бюрократического режима в зловещий год «великого перелома» — на рубеже 1920–1930-х гг.³

А.Т. Саладин ясно осознавал учебно-воспитательное значение исторического, точнее сказать, историко-культурного краеведения, особое значение краеведных знаний и навыков для формирования представлений (и самых первичных, и более усложненных) о взаимосвязи природы и общества, об источниках познания прошлого, о той сфере научного знания, которое ныне называют памятниковедением. Он был убежден в важности и дела организации «загородных прогулок», т.е. экскурсий школьников, и старался реализовать эти намерения с участием и своих детей и соседских. (Возможно, что такое внимание к привлечению детей в годы Первой мировой войны к участию в подобных «прогулках» познавательного-оздоровительного рода объяснялось у А.Т. Саладина и тем, что многие отцы семейств и старшие братья детей были на фронте, дети оставались обездоленными, и это помогало уберечь их от дурного воздействия «улицы».)

Взгляды эти в русле того направления, которое характерно для передовой педагогической мысли начала XX столетия. Показательно, что это обосновывалось — уже в первые советские годы — и обоими моими предшественниками по руководству Археографической комиссией Академии наук, когда они, в молодые годы, много сил отдавали преподаванию в средней школе и выработке его методики: возродивший с 1956 г. деятельность Археографической комиссии академик Михаил Николаевич Тихомиров — классик нашей отечественной исторической науки — в 1920-е гг. был организатором школьного экскурсионного дела и кинолектория для школьников (в кинотеатре напротив Московского зоопарка), а буду-

щий член-корреспондент Академии наук Виктор Иванович Шунков (председатель комиссии в 1965–1967 гг.) в 1920-е гг. был одним из пионеров школьного краеведения, автором статей о жизни и работе московских школьников в подмосковной деревне. Его первый печатный труд, опубликованный в № 5–6 «Вестника просвещения» за 1926 г., имел заголовок «Как мы изучаем деревню (из опыта работ 2-й опытной школы МОНО)». В более широком историко-культурном плане существенно то, что выработанная А.Т. Саладиным программа в определенной степени смыкалась с теми разработками и печатными трудами, которые мы связываем с деятельностью петербургского профессора-медиевиста Ивана Михайловича Гревса и его близкого ученика Николая Павловича Анциферова, начавших с экскурсий студентов в западноевропейские страны давних исторических традиций, а затем создавших стройную и научно обоснованную систему краеведно-познавательной деятельности в России в 1920-е гг.

А.Т. Саладин, можно полагать, был выдающегося таланта экскурсоводом, слова которого доходчивы и для юных. Ему присущи подкупающая доверительностью интонация и умение дать почувствовать то, что в основе его занимательного (а иногда и поучительного) рассказа — серьезные знания эрудита-знатока. Это ощущается по тем немногим очеркам, которые ему удалось напечатать в 1917 г. (очерки о «святых» местах Подмосковья и о местностях, напоминающих нам об именах Пушкина, Герцена). А.Т. Саладин свел знакомство с московским писателем и краеведом Иваном Алексеевичем Белоусовым, вокруг которого группировались литераторы «из народа». Переписывался с ним, при его содействии публиковал свои очерки. В личном фонде И.А. Белоусова в РГАЛИ имеются письма А.Т. Саладина, воспоминания о нем. На его поддержку А.Т. Саладин рассчитывал, готовя к печати и сочинения большого объема: «Прогулки по Москве», «Прогулки по окрестностям Москвы», «Прогулки по кладбищам Москвы». До нас дошла только рукописная книга «Прогулки по кладбищам Москвы», и даже не в одном экземпляре.

Вероятно, частью книги «Прогулки по окрестностям Москвы» были очерки, печатавшиеся в 1917 г. в журнале «Юная Россия» под общим заголовком «Прогулки под Москвой» и сопровождавшиеся фотографиями, сделанными автором: «По народной тропе» (Ярославское шоссе), «Скорбный путь» (Владимирка), «Царская усадьба XVII века» (Коломенское), «Усадьба вельможи XVIII века» (Кусково), «Московский невидимый град Китеж», «Святые горы под Москвой», «На поклоне родной Москвы», и опубликованные в сборнике под редакцией И.А. Белоусова «Дорогие места» в 1918 г. «Колыбель Пушкина», «В Соколове».

Публикуемая книга — результат и визуального знакомства со всеми московскими кладбищами и с литературой о московском некрополе, и — что особенно существенно — с многообразной литературой и устными преданиями широкого историко-культурного характера — от сочинений захороненных до написанного о них (очерков, воспоминаний, даже исследовательского характера книг и статей, заметок в журналах, газетах).

Традиция описания московских кладбищ, особенно надгробных надписей и памятников, ведет, по крайней мере, к пушкинским временам — замечательный для своего времени бытописатель Москвы 1830-х гг. Александр Анфимович Орлов, с сочинениями которого с интересом познакомились И.А. Крылов и А.С. Пушкин,

в 1834 г. выпустил книгу «Надгробные надписи, собранные Александром Орловым из всех монастырей и со всех кладбищ московских»⁴.

Не обходил описание кладбищ и младший современник А.А. Орлова, друг юности Герцена и Огарева Вадим Васильевич Пассек. Многосторонняя, оборванная ранней кончиной творческая деятельность этого увлеченного ученого и популяризатора, стоявшего у истоков нескольких отраслей отечественных гуманитарных наук — археологии, этнографии, фольклористики, статистики, археографии, видимо, была особенно ценима А.Т. Саладиным. Привлекала и сама личность Вадима, о котором с равной теплотой вспоминали позднее разошедшиеся уже к тому времени по разным «лагерям» общественной мысли славянофилы и западники. Можно думать, что Пассек был для А.Т. Саладина любимым образом предшественника; и потому-то он сфотографировался именно подле его могильного памятника (ныне — увы! — уничтоженного). А знакомство с трудами и биографией В.В. Пассека, которому мы обязаны и утверждением материалов о прошлом края на страницах местных изданий газетного типа, помогло А.Т. Саладину сформировать представление о возможности «обязанностях» краеведения и его историко-научной базе. Современный исследователь жизни и творчества В.В. Пассека К.Е. Новохатский точно и емко формулировал: «По предмету, характеру и методике исследования труды В.В. Пассека с полным основанием можно отнести к тому направлению общественной и научной деятельности, которое позже, уже в XX в., получило название “краеведение”. Причем его деятельность, пожалуй, краеведческая в самом полном, каноническом смысле этого слова. Ведь он занимался не только изучением, но и популяризацией прошлого и современного ему состояния различных местностей, комплексно используя для этого самые разнообразные источники»⁵.

Сочинение А.Т. Саладина о московских кладбищах можно охарактеризовать как новаторское. В книге объединяется и словесная информация о похороненных лицах и могильных памятниках, и изобразительный материал, причем специально подготовленный для издания. Теперь такого типа издания уже не в редкость. Но и по сей день никто не сумел объединить сведения о кладбищах в поучительно-занимательном и в то же время трогательном повествовании очень достойной и благородной манеры.

Сочинение А.Т. Саладина есть серьезное основание рассматривать в плане развития отнюдь не только краеведения, но шире — нашей российской культуры, общественного сознания. В период, когда нагнетали революционные настроения и официально провозглашали лозунг разрушения «до основания» «старого мира», А.Т. Саладин убежденно и любовно отдавал свои силы составлению Книги Памяти, воспитывая уважение к корневым многовековым основам нашей духовности и исторической преемственности поколений.

Память — основа не только культуры, но и мировосприятия. И именно сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений.

В основе общераспространенного отношения к понятию «некрополь»⁶ — еще первичные представления о важности сохранения памяти об умерших (а также и о возмездии от них или какого-либо «божества» за пренебрежение этой памятью). Это свидетельствует о давнем осознании того, что, хотя жизнь человека ограничен-

на сроком сравнительно немногих лет, есть некая связь времен и поколений, определяющая вечность самого процесса «бытия» человечества. И для действительности этой связи имеет значение не только освоение опыта предшественников, но и степень уважения к ним. И то и другое — опыт истории.

Проблема «жизнь и смерть» была, есть и будет одной из главнейших в мировоззрении и мироощущении и человечества в целом, и каждого отдельного человека. Подход к этой проблеме — сознательно мотивированный или в рамках привычного, кажущегося само собой разумеющимся, — во многом предопределяет представления и о прощании с умершим, и похоронах его, формах сохранения его памяти.

Это находит отражение и в религиозной обрядности, и во многих произведениях искусства (изобразительных, музыкальных), художественной литературы, и в праздниках памяти — в юбилеях с их особым церемониалом воспоминания об ушедших из жизни и оценки их деятельности и напоминанием о том, что предстоит вслед за ними делать или доверить живущим.

Идея сохранения тела умершего и связанных с ним предметов духовной и материальной культуры, устройства ему памятника — бесконечно древняя, воспринятая христианством из глубины веков. Всякое захоронение, отмеченное памятным знаком, всегда показатель отношения живых не только к умершему и делу его жизни, но и к самому обычаю, к идее сотворения памятника усопшему.

Следует иметь в виду и то, что захоронение — «мемориал» и кладбище в целом — являются элементами и нашей общественной жизни, ее не только внутренней, но и внешней стороны, ее публичности. Можно пытаться весь свой век не допускать никого к себе во внутренний мир, ограничиваться крайне узким кругом общения; кладбище же для всех открыто. Оно напоминает об умершем, и всем видно отношение к усопшим. Тем самым кладбище формирует и само представление о характере напоминания о прошлом: кого, за что и кому следует помнить и в какой форме выражать эту память.

И похороны (точнее: процедура похорон), и оформление места захоронения представлялись ранее и представляются теперь как своеобразный обряд, ритуал с определенным порядком последовательности действий и соблюдением церемониальных условностей, даже с особой манерой поведения, — это настолько вошло в наше обыденное сознание, что бюро похоронных услуг официально стали называть комбинатом ритуального обслуживания. Такая обрядность находит выражение и в выборе и оформлении места захоронения, во внешней форме могильного памятника, в содержании и форме надгробных надписей, т.е. в стереотипах, в определенной традиции (обычно достаточно устойчивой, хотя и многовариантной в частности), облегчающей тем самым ученым систематизацию и научное описание могильных памятников.

Четкие «приметы» стереотипных захоронений городского кладбища XIX в. отмечены Н.А. Некрасовым в стихотворении «О погоде»: «...где кресты, там мещане, / Офицеры, простые дворяне; / Над чиновником больше плита, / Под плитой же бывает учитель...»

Поэтому кладбище (и его состояние) становится для историка источником понимания общественного (и религиозного) сознания и системы символов культу-

ры не только тех лет, когда жили похороненные там, но и времени жизни их потомков. Эти знаковые системы — всегда и ценностные категории, причем обычно консервативные. Но и они меняются с годами: и по прошествии веков, и даже десятилетий (как в России после Октябрьской революции), нелегко уже осмыслить и даже приметить многое, казавшееся нашим предкам знаменательным. Показательны и степень внимания (или невнимания) к кладбищам вообще, к захоронениям определенных лиц (или лиц определенной сословной принадлежности), к элементам надгробных памятников (к примеру, уничтожение на могильных памятниках в 1920–1930-е гг. крестов) в те или иные годы. Отношение к мертвым всегда показывает и лицо живых.

В плане истории культуры отношение к могилам предков символизирует понятие о корнях своей истории и культуры и уровень нравственного развития общества. В России это особенно ясно выражено А.С. Пушкиным в незавершенном и неозаглавленном стихотворении 1830 г.:

Два чувства дивно близки нам —
 В них обретает сердце пищу —
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
 Земля была б без них мертва,
 Как пустыня
 И как алтарь без божества.

Тема «кладбища» вообще занимает особое место в поэтических размышлениях Пушкина. Напоминание о сельском кладбище возвращает к чистоте простодушной юности — вспомним слова Татьяны, обращенные к Онегину: «Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище, / За те места, где в первый раз, / Онегин, встретила я вас, / Да за смиренное кладбище, / Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной нянею моей».

Но и совсем юного поэта тревожила мысль о «камнях гробовых» — и в стихотворениях 1814 г. «Осгар» и «Воспоминания о Царском Селе», и в стихотворениях 1815 г. «Мое завещание» (там такое удивительное определение, как «тихий праздник погребенья»), «Гроб Анакреона», «Моя эпитафия». К этой теме возвращают нас и стихи последующих годов, среди них с детства запомнившаяся «Песнь о вещем Олеге» (1822 г.). И знаменательно, что за семь дней до сочинения программного стихотворения-завещания «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», когда поэт глубоко и неотступно размышлял об итогах им свершенного и о вечных ценностях, в августе 1836 г. написано было незаконченное стихотворение, начинающееся строками: «Когда за городом, задумчив, я брожу / И на публичное кладбище захожу...» Там — соображения о том, что можно было бы назвать «стилем кладбищ»: сравнение сельских кладбищ («кладбище родовое, где дремлют мертвые в торжественном покое» и «неукрашенным могилам есть простор») со столичным кладби-

щем, где могилы, «стесненные рядком», и «дешевого резца нелепые затеи, / Над ними надписи и в прозе, и в стихах / О добродетелях, о службе и чинах; / По старом рогаче вдовицы плач амурный, / Ворами со столбов отвинченные урны». На сельском же кладбище «на месте праздных урн и мелких пирамид, / Безносых гениев, растрепанных харит / Стоит широко дуб над важными гробами, / Колеблясь и шумя...» Совершенно очевидно, что в мучительный для него последний год жизни, думая о кончине (а быть может, и предвидя ее близость), Пушкин выразил здесь свою волю быть похороненным именно на родовом кладбище в Псковской земле, где «близ камней вековых, покрытых желтым мохом, / Проходит селянин с молитвой и со вздохом». Это подтверждается и письмом А.И. Тургенева от 1 февраля 1837 г.: «В 11 часов будет отпевание и потом перевезут его в монастырь, за 4 версты от его деревни, где он пожелал покоиться — до радостного утра!»

Конечно, эти размышления Пушкина в определенной мере отражают настроения меланхолизма, распространенные в период господства художественно-литературных стилей сентиментализма и романтизма. (Это глубоко, со многими примерами разъяснено в книге академика Д.С. Лихачева о поэзии садов 1982 г.) Обращение к теме кладбища характерно для стиля русской культуры конца XVIII – начала XIX в. Н.М. Карамзин, как и другие поэты той поры, еще молодым сочинял стихотворные эпитафии. Широко известна была его эпитафия 1792 г. на могилу ребенка: «Покойся, милый прах, до радостного утра»; эту надпись вспоминал А.И. Тургенев в цитированном письме о захоронении Пушкина; она и на могиле матери Ф.М. Достоевского, любимым чтением которого были последние четыре тома «Истории государства Российского».

Творчеству Карамзина как бы сопутствует тема кладбища — и в «Бедной Лизе», и в «Письмах русского путешественника», и в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре», где не только не раз упоминается о «погребениях знаменитых людей», но и вставлены рассуждения такого содержания: «Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести, все безмолвствует вокруг древнего гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословениями или проклятием идущих мимо и читающих гробовую надпись» (это о фамильном погребении Годуновых). Еще выразительнее Карамзин пишет в «Записке о московских достопамятностях» об Архангельском соборе Московского Кремля: «Вот святилище истории российской! Сии безмолвные гробы красноречивы для того, кто, смотря на них, воспоминает предания Московских летописей от XIV до XVIII столетия. Там искал я вдохновения, чтобы живо изобразить Донского и двух Иоаннов Васильевичей...» (Не пришли ли эти слова или упоминания о погребениях в «Истории государства Российского» на память Пушкину, когда он писал цитированные строки о «любви к отеческим гробам»?)

Карамзин же напечатал в журнале «Вестник Европы» в 1802 г. элегию В.А. Жуковского «Сельское кладбище» — вольный перевод английского стихотворения Т. Грея. Владимир Соловьев полагал, что «Сельское кладбище» может считаться «началом истинно человеческой поэзии в России», напомнил об этом и в близком по духу к нему стихотворении 1897 г. «Родина русской поэзии». Поэзии тех лет свойственно и ощущение в душе присутствия ушедших из жизни. Об этом мудро сказал Жуковский в утешающем нас и до сих пор четверостишии:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностью: *были*.

Сходна с таким пониманием и мысль Ф.И. Тютчева: «Душа моя, Элизиум теней».

Эти представления поэтов конца XVIII – первой половины XIX в. оказались близкими и многим поэтам последующего времени. (Вспомним строки И.А. Бунина: «И мне печаль могил понятна и близка, / И я родным преданьям внемлю».)

Потому что в основе их, прежде всего, многовековые устойчивые отношения к своим кладбищам, к самому акту захоронения, к покойникам и пониманию взаимосвязи захоронений и природы (уход тела опять в вечный круговорот природы). Похороны всегда дают повод к раздумьям не только об ушедшем человеке, но и о том, что он оставляет в памяти (что до пронзительности ясно отражено в картине В.Е. Попкова «Хороший был человек бабка Анисья»). Эти глубинные народные представления наблюдаем и в характерных мотивах преданий и песен: молитва, просьба не оставить тело без погребения или даже похоронить в определенном месте, на Родине (классически убедительный пример — «Заповит» Тараса Шевченко), близ могил родственников или сподвижников. И в общепринятом порядке — особенно у людей одиноких — копить и оставлять деньги на похороны и поминки. И в обычае — сажать на могиле деревья и цветы. И вряд ли основательны соображения нашего выдающегося мыслителя Н.Ф. Федорова, столь решительно противопоставляющего «светское», «городское» стихотворения В.С. Соловьева «народному», «сельскому» представлению о сельских похоронах и кладбищах.

Уже издавна выработалась, если можно так выразиться, система представлений о форме и месте захоронений. К давней традиции относится и обычай возведения храмов или часовен на месте сражений и в память павших на поле боя (начиная, по крайней мере, со знаменитого Софийского собора в Киеве). Еще в первой половине XIX в. стараниями вдовы генерала А.А. Тучкова был построен храм на Бородинском поле, где погиб ее муж. Рано утвердился и порядок захоронения лиц в определенном месте; в Московском Кремле: прах высших иерархов — в Успенском соборе, великих князей и их родственников (а позднее царей) — в Архангельском, великих княгинь и княжен — в Вознесенском монастыре; российских императоров хоронили в Петропавловском соборе Петербурга. Особенно почетным признавалось захоронение в храме или близ него.

До революции аристократическими кладбищами были в Петербурге Александровская лавра, в Москве в XVIII–XIX вв. кладбище Донского монастыря. На некоторых кладбищах (или даже в храмах, в XIX – начале XX в., и в домовых храмах) сосредоточены родовые усыпальницы определенных дворянских фамилий, позднее и купеческих. Стремление знатных людей закрепить за своим родом устойчивое место погребения и отметить его особой символикой (иногда включающей и родовой герб) можно рассматривать во взаимосвязи с составлением родовословцев (а изредка даже и родовых летописцев), изображением гербов на фамильных особняках.

В больших городах с XVIII в. выделяют постепенно места преимущественного захоронения лиц интеллигентных профессий (как на Пятницком кладбище в Москве, где близ друг друга захоронены историк Т.Н. Грановский, актер М.С. Щепкин, переводчик, друг Герцена, Н.Х. Кетчер и др.; «артистические мостки» на Новодевичьем кладбище; знаменитые «Литераторские мостки» на Волковом кладбище в Петербурге). В меньшей мере это заметно и на других кладбищах.

Захоронения давно признаются важным источником исторических знаний и предметом изучения искусствоведения. Не говоря уже о том, что археологи, как правило, раскапывают прежде всего древние поселения (точнее: места поселений) либо древние захоронения. Еще Н.М. Карамзин в предварявшей его «Историю государства Российского» главе «Об источниках Российской истории до XVII века» сетовал на то, что, «к сожалению, на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена».

Впоследствии было немало сделано для изучения некрополей — столичных (Москвы и Петербурга) и провинциальных — и составления трудов о них. В библиографическом указателе «Справочники по истории дореволюционной России», подготовленном под научным руководством П.А. Зайончковского и вышедшем вторым изданием в 1978 г., указаны основные материалы о некрополях. Отрадно, что в последующие годы усилиями М.Д. Артамонова, М.Т. Белявского, С.Е. Кипниса, В.В. Сорокина и др. изданы новые материалы о Московском некрополе. Опубликованы большой справочник-путеводитель «Исторические кладбища Петербурга» (СПб., 1993), составленный А.В. Кобаком и Ю.М. Пирютко, книги о кладбищах Иркутска, Тулы и других городов. Это — знамение времени, свидетельство и возрастающего понимания корневых основ нашей культуры, особого значения местных историко-культурных традиций, и расширяющихся представлений об источниковой базе исторических знаний.

Материалы «некрополей» важны не только для уточнения дат жизни и деятельности и биографий отдельных лиц и их генеалогических связей, но и для познания многообразных явлений государственно-политической и социокультурной истории. Так, исследования Е.С. Сизова (бывшего в последние годы жизни главным хранителем Государственных музеев Московского Кремля) о захоронениях в Архангельском соборе, в частности, тематики стенной живописи, сделанной по распоряжению царя Ивана IV в приделе, избранном им как место погребения, добавляют много существенно нового для понимания общественно-политических взглядов грозного царя в самый канун опричнины.

Надгробия привлекают издавна и историков искусств, тем более что создателями некоторых из них были крупнейшие мастера культуры, архитектуры, живописи, мозаичного искусства. На это обращал внимание еще Ю.Н. Шамурин в постановочно-обобщающей статье «Московские кладбища» в восьмом выпуске многотомного предреволюционного издания «Москва в прошлом и настоящем».

Некоторые надгробия признаются классическими образцами скульптуры — в советские годы работы на Новодевичьем кладбище: И.И. Шадра (надгробия Е.Н. Немирович-Данченко, Н.С. Аллилуевой), В.И. Мухиной (надгробия М.А. Пешкова, Л.В. Собинова), удивительное надгробие живописца Сергея Герасимова работы Е.Ф. Белашовой, изображающее спящего юношу в состоянии полета,

и др. Иногда памятником скульпторам становятся копии их же произведений (на могиле Е.Ф. Белашовой, на могиле С.Т. Коненкова на том же Новодевичьем кладбище, где воспроизведены и автопортрет, и сделанное им кресло его гостиной). Некоторые памятники с уничтоженных кладбищ или созданные из материала, не могущего выдержать наши погодные условия (например, из итальянского мрамора), становятся частью музейных экспозиций и воспринимаются как произведения искусства (вне зависимости даже от кладбищенских ассоциаций) — и ведь самый впечатляющий в мире скульптурный ансамбль — статуи Микеланджело «Утро», «Вечер», «День», «Ночь» — это ансамбль гробниц Лоренцо и Джулиано Медичи в церкви Сан-Лоренцо во Флоренции!

Для специалистов в области социологии и социальной психологии интересна символика знаковых систем надгробий, особенно традиционного типа, а также подчеркивающих профессиональную деятельность умершего: изображение пера и книги на могильных памятниках писателям и ученым, нот и музыкальных инструментов — музыкантам, кистей — живописцам, сабель и шлемов — военным и т.д.⁷

Объединения краеведов и в дореволюционные годы, и в первое («золотое») десятилетие советского краеведения уделяли немало внимания «историческим некрополям». Однако значительная часть собранных тогда и даже подготовленных к печати материалов осталась неизданной. Так, в обществе «Старая Москва» выявляли и исследовали не только старинные захоронения, но и могилы XVIII – начала XX в. В 1920-х гг. там была особая комиссия (комитет), регистрировавшая и охранявшая могилы выдающихся деятелей на кладбищах Москвы, — об этом узнаем из наиболее полного обзора архива общества (хранящегося в Российской государственной библиотеке), подготовленного С.Б. Филимоновым. (Дополненное, третье издание этой книги с указателями вышло тиражом уже 7000 экземпляров в 1989 г., под грифами Археографической комиссии АН СССР и Советского фонда культуры⁸.) В личном архиве старейшей активистки общества «Старая Москва» Ольги Владимировны Сваричовской-Мамет сохранились методические материалы комиссии «Проект инструкции для работы на кладбищах по выявлению могил выдающихся людей», образцы «учетной карточки по описанию могил». В 1925–1926 гг. были составлены «Списки выдающихся лиц, погребенных на московских кладбищах» (содержащие данные и о тех кладбищах и отдельных захоронениях, которые теперь не существуют). Составлены были и «Списки декабристов, захороненных на московских кладбищах», там скопированы и некоторые эпитафии. Готовили альбом фотографий могил декабристов (негативы переданы были Сваричовской-Мамет в Музей революции). Части могил уже нет, или сохранились они в измененном виде, поскольку уничтожались не только кресты, но сдавали в утиль и каслинское литье. Надо предпринять усилия к тому, чтобы найти эти материалы, важные не только для историков, но и искусствоведов (в частности, и знатоков прикладных искусств). Личный архив передали после кончины краеведа — на девяносто третьем году жизни — в Мосгорархив. Об этом фонде и коллекции открыток и газетных вырезок о прошлом и настоящем Москвы еще при жизни фондообразователя написано в студенческой статье Владимира Фотиевича Козлова — ныне председателя Московского краеведческого общества и заведующего кафедрой музейного дела Российского государственного гуманитарного университета⁹.

Материалы о городских некрополях — и в фонде одного из руководителей Комитета по охране могил выдающихся деятелей при обществе «Старая Москва», известного архивиста Николая Петровича Чулкова (в РГАЛИ), и они использованы С.Ю. Шокаревым и в комментариях к этой книге, и в статье о Н.П. Чулкове, подготовленной для третьего выпуска сборника «Краеведы Москвы», находящегося сейчас в печати. Обращение к архивным фондам (учреждений, обществ, личным) — важное предварительное условие возрождения отечественного краеведения.

Выясняется, что уже до нас было немало сделано, и следует ознакомить с результатами этой работы и использовать ее в нашей сегодняшней деятельности, проверять имеющиеся в этих трудах сведения, дополнять их. Поэтому особая задача в этом плане: сведение воедино данных об архивных материалах по московскому некроповедению, и прежде всего о подготовленных обобщающего типа трудах.

Показательно, что в Москве стали регулярными научные конференции, посвященные изучению московского некрополя, в организации которых участвуют различные научные и просветительские учреждения и общественные организации. На первой из этих конференций Людмила Васильевна Иванова предприняла серьезную попытку обобщить данные по истории изучения московского некрополя начиная с конца XVIII в., напомнить об изданиях, содержащих такие сведения, и архивных материалах¹⁰. Сейчас такая работа продолжается (главным образом усилиями Московского краеведческого общества). По инициативе и под редакцией Л.В. Ивановой в Институте российской истории Академии наук подготовлена книга о местах захоронения московских краеведов. Проблема «исторический некрополь» не может ограничиваться задачами научного характера. Это — сфера нравственной культуры. И забвение уважения к ушедшим из жизни и местам их упокоения не может не тревожить тех, кто думает о будущем нашего общества, о возрождении нашего духа. Все больше раздается в печати, по радио, с телеэкрана взволнованных голосов, призывающих, пока не поздно, обратить внимание на судьбу наших кладбищ, уберечь их от глумления, охранить, обиходить, да, именно обиходить, ибо кладбища, встреча со смертью — и нас самих, и наших близких — это сфера нашего повседневного бытия. Воспитание уважения к кладбищам должно входить необходимейшим элементом в воспитание историей. С малых лет! Младшие школьники должны — сначала под руководством учителей, а затем уже по зову сердца — ухаживать за памятниками, могилами. К этому следует приобщить и их родных. Это лишь сблизит школу и родителей ее учеников. Задача — охранять не только захоронения известных людей, но вообще могилы. И потому так греет душу стремление молодых людей (а среди них немало и студентов, бывших военнослужащих Советской армии) принять участие в экспедиции «Поиск» для установления имен погибших героев Великой Отечественной войны, чьи останки остались непогребенными.

Конечно, собственно «исторический некрополь» в таком огромном городе, как Москва, не может включать все захоронения. Пока с действительной полнотой сведения о захоронениях (притом и о похороненных, и о надгробиях) сосредоточены только в уникальном по богатству информации издании — в книге «Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища», подготовленной Соломо-

ном Ефимовичем Кипнисом (М., 1995). Приходится невольно ограничиваться выборочным перечнем имен и художественно выполненных надгробий. Тем более необходимо сосредоточить где-то данные обо всей документации кладбищ и соответствующей литературе, чтобы система получения справок о захоронениях приобрела бы и научную основу.

Интерес к некрополям, точнее сказать, расширение круга кладбищ и лиц, которым придавалось значение достойных особой исторической памяти, — показатель распространения исторических (и искусствоведческих) знаний и постепенной демократизации общественно-исторических представлений, понимания того, что внимания заслуживают не только лица, особо «избранные», — государи, государственные и военные деятели, виднейшие созидатели культуры. Это отражает и возрастающую потребность в изучении «повседневности», деятельности обычных людей и ее последствий. И, конечно же, осознаваемой на новом витке образованности и культуры нерасторжимой взаимосвязи времен, обыденного и вечного, того, что жизнь и смерть всегда рядом, и где конец различных форм нашего существования, мы не знаем и, быть может, никогда не узнаем.

Сочинение А.Т. Саладина «Прогоулки по кладбищам Москвы» сохранилось в фонде писателя, библиографа, москвоведа Николая Семеновича Ашукина — автора многих работ о русских писателях, книги «Москва в жизни и творчестве А.С. Пушкина» (М., 1949), составившего вместе с супругой Марией Григорьевной известный сборник комментированных изречений «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения». Ее рукой написана пояснительная записка, вложенная в рукопись: «Автор этой книги принес ее Ашукину с просьбой помочь опубликовать, но Ашукин отказался за неимением возможности. Саладин страшно расстроился, так как очень бедствовал. Кончилось тем, что Ашукин купил ее. Даже эта поддержка обрадовала его»¹¹.

Другой экземпляр рукописи и сохранившиеся фотографии из тех, которые А.Т. Саладин предназначал для ее издания, обнаружены у Валерии Валентиновны Лобановой, увлекающейся краеведением Подмосковья и проживающей в городе Жуковском. По этому экземпляру, любезно предоставленному исследователям, рукопись и подготовлена к изданию. Уцелевшие негативы фотографий надгробий В.В. Лобанова передала в дар Московскому городскому объединению архивов (Мосгорархиву). Некоторые из этих уникальных фотографий, к сожалению, плохо сохранились, но воспроизводятся почти что все фотографии, предназначавшиеся А.Т. Саладиным для такого издания. Материалы, связанные с жизнью и творчеством Алексея Тимофеевича Саладина, переданы родственниками его и В.В. Лобановой и в Раменский краеведческий музей, в экспозиции которого ныне — особый стенд о замечательном местном краеведе.

Издание книги — долг благодарной памяти и ее автору, и тем, кому эта книга посвящена.

¹ Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 386.

² *Иванкив А.В.* «Свою любовь к Москве отдаю юному поколению». Алексей Тимофеевич Саладин. 1876–1918 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 156–166.

³ Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 11–27; Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.

⁴ См.: Корнеев А.В. Бытописатель Москвы 1830-х годов Александр Анфимович Орлов. 1791–1840 // Краеведы Москвы. М., 1995. Вып. 2. С. 26–47.

⁵ Новохатский К.Е. «...Прошедшее в настоящем...» Вадим Васильевич Пассек. 1808–1842 // Краеведы Москвы. Вып. 1. С. 61. Фотография с изображением А.Т. Саладина, опирающегося на могильный памятник В.В. Пассека, воспроизведена между страницами 224 и 225 этого издания.

⁶ Подробнее см.: Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана. М., 1991. С. 8–23.

⁷ Сизов Е.С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 160–174.

⁸ Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / С предисл. и под ред. С.О. Шмидта. М., 1989.

⁹ Козлов В.Ф. Фонд и коллекция О.В. Сваричовской-Мамет // Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 66–69.

¹⁰ Иванова Л.В. История изучения Московского некрополя // Московский некрополь: История, археология, искусство, охрана. С. 34–47.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Д. 549. Л. 2.

О СПРАВОЧНИКЕ С.Е. КИПНИСА «НОВОДЕВИЧИЙ МЕМОРИАЛ»

Некрополь как свод сведений о захоронениях — это печатный памятник умершим, дань тем, кто ушел от нас в мир иной. Распространенное отношение к понятию «некрополь» опирается на представление о важности сохранения памяти об умерших (а также о возмездии за пренебрежение этой памятью). Это свидетельствует о давнем сознании того, что, хотя жизнь человека ограничена, есть некая связь времен и поколений, определяющая вечность самого процесса «бытия». Для ответственности этой связи имеет значение не только освоение опыта предшественников, но и степень уважения к ним. И то и другое — опыт истории.

Память — это ткань времен, которая связывает прошлое и настоящее. Без прошлого, каким бы оно ни было, нет настоящего, а значит, и будущего. Как заметил кто-то из великих мыслителей, «в состав того, что мы называем человечеством, входит более мертвых, чем живых». И при этом, как ни прискорбно, приходится считаться с тем, что «следы человеческой жизни гложут очень скоро» (И.С. Тургенев).

Уже само осознание столь непреложных фактов предопределяет роль, которую должны играть некрополи — хранилища памяти.

Впервые опубликовано: Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995. С. 6 (без назв.). Переиздано: Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря и кладбища. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 6 (без назв.).

Знаменательно, что в последние годы появились сборники материалов «Исторический некрополь Москвы», книги о кладбищах Москвы, Петербурга и других городов России. В энциклопедических статьях-персоналиях стали указывать места захоронений. Все это показатель культуры восприятия прошлого, знак связи времен. В 1995 г. была издана книга С.Е. Кипниса «Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища».

За создание книги и выдающийся вклад в изучение истории Москвы Городская дума наградила автора Почетным дипломом.

Второе, исправленное и дополненное, издание книги, завершающее более чем десятилетний труд автора, представляет собой уникальный по полноте сведений Некрополь, в котором собраны сведения о 25 739 лицах (в первом издании их 18 400). В нем содержатся данные о сохранившихся захоронениях на территории Новодевичьего монастыря (в первом издании такого раздела не было), о всех тех, чей прах покоится в земле и в колумбарии Новодевичьего кладбища, приведены сведения о погребенных в земле, но не значащих на надгробиях. По архивным изысканиям составлен достоверный список некоторой части лиц, похороненных на старой территории кладбища в период 1904–1918 гг. и чьи могилы утрачены. Такое возвращение людей в мир нашей памяти заслуживает быть отмеченным особо. Книга-реквием, несомненно, будет с благодарностью принята не только теми, чьи родные и близкие обрели вечный покой, но и всеми, кому дорого наше прошлое. Бесспорно ее и нравственное, и научно-историческое значение.

Подвижнический труд автора и всех тех, кто помогал ему в создании Некрополя, заслуживает глубокой признательности и уважения.

ЯКОБ ГОЛОСОВКЕР — ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ

Такая подпись обычна в рукописях и в дарственных надписях писателя и философа Якова Эммануиловича Голосовкера. Голосовкер родился в Киеве в семье хирурга 23 августа (4 сентября по новому стилю) 1890 г. Скончался в Москве 20 июля 1967 г. Могильный его памятник на кладбище подмосковного Переделкино — напротив захоронения Бориса Пастернака.

Голосовкер получил классическое образование в Киевском университете, выступил впервые в печати в 1913 г. После событий 1917 г. переехал в Москву. Сначала был организатором школьного образования, а затем до конца 1920-х гг. читал в вузах лекции по истории древнегреческой литературы, античной эстетике и философии. Голосовкер мыслил себя «классиком» в самом широком понимании этой ученой специальности — т.е. не только знатоком древнегреческого и латинского языков, но и литературы, философии, культуры Античности в целом и античной

Впервые опубликовано: Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. М., 1994. С. 328–330 (под назв. «Якоб Голосовкер»). Переиздано: Голосовкер Я.Э. Сказания о титанах. СПб., 2001. С. 327–348.

проблематики в мировой культуре последующих эпох, переводчиком и комментатором древних текстов, сочинителем литературно-художественных произведений на темы Античности.

Голосовкеру и после переворота оставался дорог мир идей, в основе которых были представления, сложившиеся прежде. И потому ему приходилось зарабатывать на жизнь в основном трудом переводчика. Он первым перевел произведения немецкого классика конца XVIII в. Гёльдерлина, «Так говорил Заратустра» Ницше (текст этот впервые издан в 1994 г.).

В 1936 г. Голосовкера арестовали. Три года он провел на каторге в Воркуте. Право московской прописки ему вернули лишь в 1943-м. В эти годы он познал и трагедию гибели от стихии огня своих произведений: художник, которому доверил накануне ареста рукописи, умирая, сжег их. Во время войны сгорела наша дача (Я.Г. был братом моей матери), где хранились другие рукописи. И он занялся мучительным восстановлением утраченного. В какой-то мере восстановлено было прозаическое произведение, действие которого происходит в Москве конца 1920 г., — оно напечатано под названием «Сожженный роман» в журнале «Дружба народов», № 7 за 1991 г., и переведено на иностранные языки. В 1963 г. издана книга «Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом “Братья Карамазовы” и трактатом Канта “Критика чистого разума”». В 1991 г. в четвертом номере журнала «Русская литература» напечатано эссе о произведении Лермонтова «Штосс». Посмертно — однако не полностью — издан и главный философский труд Голосовкера «Имагинативный абсолют» — сочинение о механизме и значении творческого воображения. Философ полагал, что воображение — это высший разум и что непонятное уму познают воображением. С выходом в 1987 г. книги «Логика мифа» имя автора сразу же вошло в сонм оригинальных мыслителей нашего столетия. В 1998 г. издана книга Я.Э. Голосовкера «Засекреченный секрет: Философская проза».

В послевоенные годы Голосовкер более всего был известен трудами в сфере культуры Античности. Изданы его книги переводов: «Гораций. Избранные оды», «Поэты-лирики Древней Эллады и Рима». В Детгизе выходят написанные ритмической прозой «Сказания о титанах» (дважды: в 1955 и 1957 гг.), отдельно «Сказание о кентавре Хироне» (1961). В них в литературно-художественной форме, опираясь на знания, накопленные наукой, философ предпринял попытку восстановить утраченные древнеэллинские мифы. Ученые высоко оценили и научное значение труда. Об этом написал А.П. Каждан в некрологе, посвященном Голосовкеру, в «Вестнике древней истории», № 2 за 1968 г. Подготовлена и выходит наконец из печати в 2001 г. огромная антология переводов произведений поэтов древних Греции и Рима, охватывающая почти полтора тысячелетия античной культуры и одновременно двести лет искусства русского перевода. Составлен был проспект и антология «Античный мир в русской поэзии».

Смыслом жизни философа была его творческая работа. Ей отдал он все силы и потому более всего дорожил своей свободой, независимостью духа, и сочинения его большей частью оставались не напечатанными при жизни. Незаурядный человек был наделен и незаурядной внешностью. Об этом образно писал знаменитый востоковед и историк культуры академик Н.И. Конрад, много способствовавший изданию трудов Голосовкера: «Все мы — писатели, ученые — в меру образованны,

в меру талантливо, но обыкновенно. Он же — ученый, писатель — необыкновенен. Как и его внешний облик: голова Маркса с глазами Тагора.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНТОЛОГИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ Я.Э. ГОЛОСОВКЕРОМ*

В рукописях сочинений и в дарственных надписях писателя и философа Якова Эммануиловича Голосовкера обычна подпись — Яков Голосовкер. Он родился в Киеве 23 августа (4 сентября по новому стилю) 1890 г. Скончался в Москве 20 июля 1967 г. Могильный памятник его на кладбище подмосковного Перedelкино напротив захоронения Бориса Пастернака.

Родители — дети коммерсантов («купцов первой гильдии»); отец — видный хирург. В интеллигентной еврейской семье была атмосфера европейской образованности русского склада. Летнее время брат и старшая сестра Маргарита, моя мать, проводили в имении деда по отцу близ знаменитой по Гоголю Диканьки либо в Швейцарии. Немецкий и французский языки с детства для них стали разговорными. Учился Я. Голосовкер в киевской Второй классической гимназии. Будучи студентом историко-филологического факультета Киевского университета, специализировался на изучении Античности и философии. Среди профессоров, оказавших на него влияние, выделял позднее классиков А.И. Сонни и В. Клингера (после Великой Отечественной войны между ним и жившим в Познани Клингером началась переписка) и философа А.Н. Гилярова. Еще в университете сблизился с молодым преподавателем философии Генрихом Ивановичем Якубанисом — автором работы о древнегреческом философе Эмпедокле (в 1994 г. труды Г. Якубаниса и Я. Голосовкера издадут в Киеве в одной книге¹). Я. Голосовкер впервые выступил в печати в 1913 г. и как ученый-классик (в журнале «Гермес»), и как поэт со сборником стихов «Сад души моей».

В послереволюционное время перебрался в Москву, где уже жила его сестра. Оказался вовлеченным в сферу деятельности Наркомпроса — был организатором школьного образования (одно время даже руководил бывшей Медведниковской мужской гимназией в Староконюшенном переулке), участвовал в подготовке изданий мирового литературного наследия (М., 1918); был приближен не только В.Я. Брюсовым (надпись его на книге «Летопись исторических судеб армянского народа»: «Дружески на память об общей работе» — датирована августом 1918 г.),

* С дополнениями и изменениями, специально сделанными автором для «Вестника Московского университета», публикуется статья, впервые увидевшая свет в кн.: *Голосовкер Я.Э. Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады*: В 2 кн. Томск; М., 2004. Кн. 1. С. 6–20.

но и наркомом А.В. Луначарским (имя его встречается в дневниках и воспоминаниях тех, кто связан был тогда с Наркоматом просвещения). Затем уехал в Крым (куда перебралась любимая им женщина), где занялся организацией охраны памятников, участвовал в деятельности литературных обществ.

С созданием Высшего литературно-художественного института (Брюсовского института) для обучения литературному мастерству стал там преподавать. Выпускники вспоминали его лекции по античной мифологии². По возвращении из Германии (где, пополняя подготовку ученого-классика, занимался под руководством У. Вилламовица-Меллендорфа) преподавал на Высших литературных курсах, во 2-м МГУ и других вузах до 1929 г. — читал лекции по истории и теории древнегреческой литературы, античной эстетике и философии.

Я. Голосовкер, подобно своим учителям и особо почитаемому им Ф.Ф. Зелинскому, мыслил себя «классиком» в самом широком понимании этой ученой специальности, т.е. не только знатоком древнегреческого и латинского языков, но и литературы, философии культуры Античности в целом и античной проблематики в мировой культуре последующих эпох, переводчиком и комментатором древних текстов, сочинителем литературно-художественных произведений на темы Античности. Позднее он формулировал: «Античность не была для меня дверью, замыкающей меня в мире классической филологии; она всегда была для меня верхней ступенью для постижения самых сложных загадок жизни и культуры и особенно законов искусства и мысли... Я всегда старался удалить от глаз читателя филологическую кухню, предъявляя ему только смысл и образ Античности, как явлений вечно живых и волнующих душу моих современников... [Античность] стала для меня не только колодезем, из которого я вытягивал мои ведра с живой водой, не только моим путем в литературу, но и преддверием к моему последнему творческому синтезу» (имеется в виду его главный философский труд о логике античного мифа, о роли воображения в развитии культуры). Слова эти приведены в блистательно написанной и глубокой по мысли статье 1968 г. выдающегося византолога А.П. Каждана «Памяти Якова Эммануиловича Голосовкера». Автор не раз беседовал с ним в нашем доме; после кончины был членом Комиссии по литературному наследию, ознакомился с рукописями писателя.

Я. Голосовкеру и после революции 1917 г. оставался дорог мир идей, в основе которых были представления, сложившиеся еще прежде. Пафос «социалистического строительства» его мало трогал, а в философии он не принимал материализма в его марксистском оформлении. (И в памяти еще следы споров Якова Эммануиловича с моим отцом, О.Ю. Шмидтом, — убежденным материалистом в своих философских и научных воззрениях. Они были одноклассниками в последний период школьного учения, в один день получили золотые медали по окончании гимназии; через несколько лет почти одновременно отпустили бороды.) Немудрено, что оригинальные прозаические и поэтические произведения Я. Голосовкера казались редакторам тех лет обычно неактуальными. Еще менее он мог рассчитывать на публикацию своих трудов по античной философии или о Ницше, почитаемом им великим и особенно близким ему мыслителем (у него на столе стоял глиняный бюстик немецкого писателя и философа собственной работы), из-за их, как тогда выражались, «идеалистической направленности». И потому он зарабатывал на

жизнь преимущественно трудом переводчика с древнегреческого, латинского, немецкого языков. И в этом плане работал с увлечением, изыскивая способы «передать словотворческое новшество» на другом языке (выражение А.В. Луначарского из отзыва на переведенный Я. Голосовкером текст Ницше). Он был убежден в том, что подлинный художественный перевод — факт современного литературного мастерства и современной художественной (а часто и научной) культуры.

Общаясь в 20-е – первой половине 30-х гг. прошлого века со многими литераторами и философами, Я. Голосовкер оставался вне литературно-партийной борьбы, любил тишину читального зала библиотек и одиноких прогулок, более всего дорожил возможностью самоуглубления. Это было, как писал он в 1940 г. в автобиографическом эссе «Миф моей жизни», «самопожертвование во имя самовоплощения творческой воли»; «пожертвовал всем, за что борются люди: возможностью легкой славы, карьеры, комфортом, положением... пожертвовал благоразумием и здравым смыслом трезвых людей», даже любовью. «Любимая женщина была, — по его словам, — из тех созданий, которых в силу сложнейших обстоятельств надо было выкупить у людей. Такую женщину выкупают или золотом, или славой», у него «не было ни того, ни другого». Смысл жизни Я. Голосовкер видел «в духовном созидании»³.

Часто с ним было нелегко в общении, слишком занят своими мыслями, а представлялось со стороны, что самим собой, иногда казался нервно-возбужденным. Я. Голосовкер жил холостяком (ранняя смерть невесты в молодые годы чуть не довела его до самоубийства), но отнюдь не был анахоретом; умел быть остроумным элегантным собеседником, увлекательным рассказчиком, сочинителем пародийных стихов, буриме. С юных лет занимался гимнастикой, судя по воспоминаниям, любил верховую езду; в 30-е гг. играл на бегах, дружил с чемпионом-жокеем А. Бондаревским (приходившимся ему родственником по матери). Среди его близких знакомых — писатели и старших поколений: Андрей Белый, И.А. Новиков, Ю.Н. Верховский, переводивший в те годы древнегреческих поэтов В.В. Вересаев, из более молодых — С.Д. Кржижановский, Ю.К. Олеша, С.В. Шервинский (свидетельства тому — надписи на книгах, сочинения самого Я. Голосовкера), ученые (литературоведы Н.К. Гудзий, Б.И. Ярхо, правовед Э.Э. Понтович). Из философов первоначально был близок с А.Ф. Лосевым, постоянно общался с Г.Г. Шпетом, до конца дней — с В.Ф. Асмусом, дарившим ему свои труды с надписью «другу-философу». В послевоенные годы чаще других общался с писателями В.И. Язвицким, возвратившимся из Китая В.Н. Ивановым, И.Л. Фейнбергом, К.Л. Зелинским и его сыном Владиком (его выступление на заседании, посвященном памяти Я. Голосовкера, проходившем в Центральном доме работников искусств под председательством Л.А. Озерова 15 апреля 1987 г., стало основой интересной статьи⁴). В последние перед болезнью годы жизни Яков Эммануилович, завершив свой главный философский труд, стал больше тянуться к людям, особенно к молодежи (и это правильно отметил В.К. Зелинский), но ему трудно было найти с ней общий язык.

Я. Голосовкер полагал накануне Великой Отечественной войны, что три незавершенных произведения были фазами его творческой жизни, «метаморфозами единого мифа» ее: произведение юности мистерия-трилогия «Великий романтик»

(1910–1913–1919), роман-поэма зрелости «Запись неистребимая» с прологом и с его первой частью «Видение отрекающегося» (1925–1929), а «все обуславливающим, все завершающим и все раскрывающим было философское произведение» «Имагинативный абсолют» (1930–1936). В первой части этого труда Я. Голосовкер пытается рассмотреть на всем протяжении роль абсолюта и имажинации (воображения) в философии. Первая линия идет от Аристотеля; вторая, идущая от Гераклита, Эмпедокла, Платона, линия художественной философии, утверждающей «познавательную роль воображения», ближе Я. Голосовкеру. Его понимание философии — «философия как искусство». Во второй части постулируется его теория, основные законы природы и культуры — законы духа как высшего инстинкта. В трагической автобиографии 1940 г., откуда приведены эти цитаты, отмечено, что к середине 30-х гг. это был «скорее труд предстоящий, чем выполненный»⁵.

Отдавая основные силы в 20-е – первую половину 30-х гг. своим философским трудам и художественным произведениям, разрабатывая проблемы восприятия Античности в Новое время, Я. Голосовкер размышлял и над проблемами новой русской и западной литературы и общественного сознания. В начале 20-х гг. выступал с докладом о Достоевском в Московском отделении Вольной философской ассоциации, подготовил для журнала «Россия» эссе «Сократ и Ленин», подбирал материал по теме «Мои современники» (поэты-писатели). Готовил сочинения о произведениях Лермонтова, Л. Андреева.

Из классиков мировой литературы его особо привлекают поэты-философы. В 20-е гг. Я. Голосовкер первым перевел на русский язык сочинения Гёльдерлина — роман «Гиперион», трагедию «Смерть Эмпедокла» (изданную в 1931 г.). В 1935 г. в том же издательстве «Academia» вышла книга «Лирика Древней Эллады в переводах русских поэтов», подготовленная Я. Голосовкером, включавшая и его переводы. Перевел он и «Так говорил Заратустра» Ницше, сопроводив текст обширными комментариями. Анонсированная на 1934 г. издательством «Academia» в серии «Мастера стиля», книга тогда не увидела света. В 1936 г. Я.Э. Голосовкер был арестован за связь с руководителем издательства, который должен был стать ответственным редактором книги. Им был опальный близкий сподвижник В.И. Ленина Л.Б. Каменев, расстрелянный вскоре после первого публичного процесса середины 30-х гг.

Недавно впервые опубликовано письмо Л.Б. Каменева М. Горькому, датированное 14 июля 1932 г. В это время он, как сформулировано в этом письме, «продолжал строить “Academia”». В предыдущих письмах от 10 июня и от 1 июля пространная информация о делах издательства, в этом — в основном о Я.Э. Голосовкере как переводчике Ницше для издательства: «При свидании упустил из виду одно дело, которое меня беспокоит. Вот оно. Меня уже недели три посещает странный и — по-моему — примечательный человек — Голосовкер. Философ, поэт, человек выразительной наружности и странных взглядов. Религиозно относится к литературе и к своему званию писателя. Стихи его не печатают, а выпущенный *Academi*’ей перевод Гёльдерлина (“Эмпедокл”) в одном журнале обругали за “третьяковщину”. Издательства его боятся. Между тем — он сейчас у нас лучший знаток Ницше. Мечта его жизни — дать новый, адекватный перевод Заратустры. Предприятие — нужное, но крупное и ответственное. Чтобы он сел за него вплот-

ную, его нужно обеспечить. Я хочу это сделать, но предварительно хочу Вашего совета. Голосовкер представил образцы своего перевода (7 песен из 70–80). Взгляните на них. Проверить их *точность* поручим специалистам, а вот с точки зрения русского языка, общего их стиля, неологизмов, избыточно вводимых переводчиком, хорошо бы знать Ваше впечатление...»⁶

М. Горькому перевод не понравился. Сравнивая новый перевод с переводами Ю. Антоновского и И.З. Васильева, он «сделал вывод»: «Стиль Голосовкера дает немало удобных поводов к издевке над ним... Общий тон перевода — на мой взгляд, тяжел, неуклюж и вульгаризирует Нитцше, — того, который известен нам по прежним переводам»⁷. И хотя М. Горький был председателем редакционного совета, однако Каменев больше доверял «специалистам», которых ознакомил с «образцами перевода» Голосовкера, и, видимо, Горький не настаивал на том, чтобы следовали именно его вкусовым пристрастиям. Среди «специалистов» был и академик А.В. Луначарский, блестяще говоривший на многих языках и знаток литературы на этих языках. Его мнение отражено в письме в издательство «Academia» 1933 г.: «Присланную Вами третью песнь “Так говорил Заратустра” в переводе Я. Голосовкера я просмотрел. Перевод безусловно хороший, хотя не лишен некоторых оригинальностей. Простите, но редактор, который ставил вопросительные знаки, отметки красным карандашом, является, на мой взгляд, человеком, в языковом отношении несколько ограниченным. Он совершенно не любит никаких, даже скромных, нововведений и держится за условный пуризм языка, как обыкновенно держатся за него иностранцы, плохо знающие самый дух языка. К тому же этот редактор, по-видимому, не заглянул в немецкий текст, а то он увидел бы, что все эти новаторства как раз введены для того, чтобы передать словотворческое новшество Ницше в немецком языке. По присланному образчику перевод можно вполне одобрить»⁸.

С арестом Каменева прервана была работа и по составлению антологии «Античный мир в русской поэзии» (по начало XX в.), видимо, тоже для издательства «Academia». Предполагалось, что в первом томе, посвященном Древней Греции, будут разделы «Мифология», «Эллада», «Эллинизм», во втором томе — разделы «Рим», «Республика», «Империя». Сохранился высокозаинтересованный отзыв виднейшего знатока русской поэзии И.Н. Розанова о составе этой антологии; книгами его знаменитой библиотеки (ныне переданной вдовой ученого в Музей А.С. Пушкина) Яков Эммануилович пользовался при подготовке работы.

Три года Я.Э. Голосовкер провел на каторге под Воркутой. По возвращении получил «минус сто», был прописан в г. Александрове, но часть времени до войны сумел проводить в Москве, а летом на нашей с мамой подмосковной даче. Лишь в 1942 г. ему вернули право на московскую прописку. Любопытно, что хлопотал об этом, — вероятно, по почину П.И. Чагина, — всевластный в мире писателей их партийно-государственный руководитель А.А. Фадеев (его, видимо, подкупало наивное простодушие эрудита-мудреца). Сохранились их фотографии вдвоем в Переделкино. 12 июня 1947 г. Фадеев подписал «на добрую память» вышедшую тогда в «Библиотеке избранных произведений советской литературы» книгу, содержащую его главные сочинения («Разгром», «Молодая гвардия»). Однако квартиру в Москве (в новом доме № 2 на Университетском проспекте) Яков Эммануилович

получил лишь в годы «оттепели» — до того скитался, меняя адреса переделкинских дач, домов творчества, гостиниц, частных квартир.

Изучение Античности в исследовательском плане, особенно отражение античного наследия в творчестве Ницше, оставалось для Я. Голосовкера затруднительно. Когда он задумал выступить с докладом о Прометее в античной трагедии и философии и в поэзии западноевропейской и русской (на основании статьи, написанной еще в 1933 г.), Отдел античных литератур Института мировой литературы Академии наук отвергнул это предложение. В выписке из протокола от 21 января 1941 г. читаем: «Ввиду того, что доклад “Прометей и Геракл” т. Голосовкера Я.Э. посвящен по преимуществу философскому пониманию образов Прометея и Геракла, Отдел античных литератур не считает возможным ставить его на заседании Отдела или группы мифологии, так как он не относится к тематике работ Отдела, установленной дирекцией Института, а кроме того, является спорным по таким принципиальным вопросам (понимание образа Прометея Марксом), которые Отдел не может считать дискуссионными»⁹.

По возвращении с каторги Яков Эммануилович познал трагедию гибели от стихии огня своих произведений: живописец, которому он доверил рукописи накануне ареста, умирая, сжег их; а затем во время войны сгорела и наша дача, где хранились другие рукописи. Я. Голосовкер занялся мучительным восстановлением утраченных сочинений. На основании уцелевших бумаг и по памяти были воспроизведены или написаны заново книга о Достоевском и Канте, эссе о повести Лермонтова «Штосс», сочинения на темы Античности и восприятия Античности в последующие эпохи. Пытается восстановить текст романа, дав ему новое название — «Сожженный роман». В 1940 г. пишет небольшую, трагическую по звучанию автобиографию «Миф моей жизни» — об истории и образе своего духа и творчества, о своих погибших и уцелевших сочинениях.

В 40-е гг. он имел намерение подготовить авторские книги эссеистского стиля «Секрет Автора» и «Античность как романтика и классика». Книга «Секрет Автора» (12 п.л.) должна была состоять из четырех разделов, а по существу самостоятельных произведений: «Секрет смысла или секрет черта (Достоевский и Кант)», «Секрет сюжета (“Штосс” — неоконченная повесть Лермонтова)», «Секрет формы (мысль и стих в одах Горация)», «Секрет интимного (эстетика и поэтика Гёльдерлина: роман “Гиперион” и трагедия “Смерть Эмпедокла”)». Книга «Античность как романтика и классика» (14,5 п.л. текста с комментариями) должна была состоять из трех разделов и включать 11 самостоятельных произведений. В первом разделе — сочинения об античной литературе и мышлении и «Античный мир в русской классической поэзии». Во втором разделе — три работы о творчестве Гёльдерлина, в третьем — только одно сочинение о «Штоссе» Лермонтова.

Работа над книгами не была завершена. Вероятно, заявка на их издание не встретила поддержки. Соображения о творчестве Гёльдерлина нашли воплощение в статье «Поэтика и эстетика Гёльдерлина»¹⁰, о творчестве Горация — в текстах, сопровождавших издание его переводов. Работа о Достоевском и Канте стала основой книги «Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом “Братья Карамазовы” и трактатом Канта “Критика чистого разума”», изданной издательством Академии наук в 1963 г. по рекомендации и с предисловием Н.К. Гудзия. Книга вызвала

немалый интерес и за рубежом; ее переиздавали и по-русски, и в переводе на японский язык (1968). Эта далекая от традиционности книга обязана изданием в значительной мере поддержке академика Н.И. Конрада, пожелавшего познакомиться и с другими неизданными сочинениями Я.Э. Голосовкера и ставшего после его кончины председателем Комиссии по литературному наследию Я.Э. Голосовкера.

В послевоенные годы Я. Голосовкер известен главным образом своими трудами, связанными с культурой Античности. Они обеспечивали ему и материальное существование. Так, в стихотворении «Муза» (1947) он писал:

Не ищу чертогов: мне бы
Тихий уголок,
Где бы я при скромном хлебе
Честно мыслить мог.

Изданы были книги его переводов: «Гораций. Избранные оды» (1948), «Поэты-лирики Древней Эллады и Рима в переводах Я. Голосовкера» (1955, 2-е изд. — 1963) с научными комментариями и обоснованием принципов перевода. Я. Голосовкер старался, чтобы в переводах его и подготовленных с его помощью «филологическая сторона» не преобладала над «литературно-художественной».

В 40–50-е гг. ведется работа над «Большой античной антологией». Это антология переводов древнегреческих и римских поэтов на русский язык, охватывающая почти полтора тысячелетия античной культуры и одновременно двести лет искусства перевода на русский язык — от Ломоносова до современников. Яков Эммануилович сумел привлечь к переводческой работе Б.Л. Пастернака и других поэтов. В период, когда бездомный Яков Эммануилович жил преимущественно на писательских дачах подмосковного Переделкино, создается (в середине 40-х гг.) Горацианский кружок, где под его началом занимаются античной поэзией. Туда оказались вовлеченными С.П. Бобров, Ю.Н. Верховский, Б.Л. Пастернак (сохранились письма его к Я.Э. Голосовкеру по этому поводу), О. Румер, И.Л. Сельвинский, М. Столяров, А.А. Тарковский, В.И. Язвицкий¹¹. В переплетенных томах машинописного текста около 2000 стихотворений (включая лирику, выявленную в драмах), написанных 135 античными поэтами в переводе 84 российских литераторов. Около 350 стихотворных переводов подготовлено к печати впервые. В машинописи 1860 страниц стихотворного текста (около 33 500 стихотворных строк) и еще 12 печ. листов текста «Мифологического словаря», новаторская статья о ритмомелодике, где обосновывается принцип перевода, основанный на теории благозвучия и чтения эллинского мелического стиха, теории, направленной против подстрочного буквалистского перевода слов, а не смысла.

Сохранилось немало положительных отзывов об этом монументальном труде — и академиков-антиковедов А.И. Белецкого (оценившего его как «литературно-культурный подвиг»), и И.И. Толстого, и философа В.Ф. Асмуса, литературоведов, писателей. Однако взгляды Я. Голосовкера, отличавшиеся от общепринятых (на отбор материала, его систематизацию, истолкование, приемы перевода), вызывали противостояние в Институте мировой литературы и на филологическом факультете Московского университета. К такому мнению склонились и редакторы

Гослитиздата, где подготовлена была уже корректура издания. Не помогло и вмешательство (в 1960 г. руководителя писательской организации и академика) К.А. Федина, «возмущенного» этим делом¹². Якову Эммануиловичу уплатили полностью гонорар, но... труд его не напечатали.

Возобновил Яков Эммануилович попытки подготовить и антологию «Античный мир в русской поэзии». Сохранился рекомендательный отзыв (1944) академика А.И. Белецкого. 1951-м годом датирована его заявка в издательство на включение в план издания книги «Античные мотивы в русской поэзии 19 и 20 вв.», упоминающая и об отзыве Д.Д. Благого.

А.П. Каждан отмечает, что «тяга к целостному воспроизведению прошлого» составляла суть поисков Я. Голосовкера, «поисков, в ходе которых он пришел к убеждению в невозможности путем серии логико-систематизирующих операций проникнуть в святая святых древнего общества. <...> Порядок, заявлял он, идеал аптекаря, а не исследователя; исследователь же наделен дивной способностью воспринимать мир “в его бесконечной динамической глубине”, в его противоречивой сложности и цельности. Так в упорядоченную систему классической филологии внедрялась фантазия — не как средство развлекательности и забавы, но как инструмент познания. Именно этот принцип лежит в основе книги “Сказания о титанах”, выпущенной по иронии судьбы Детгизом: ученый смело экстраполирует, воссозданная им антитеза двух миров — титанов и олимпийских богов — далеко не в каждом слове может быть обоснована ссылками на бесспорные свидетельства источников, но зато мифологический мир греков обретает ту жизненную силу, ту диалектику, которая начисто вымыта из бесчисленных классификационных пособий и систематизированных пересказов эллинских легенд и преданий»¹³.

Регулярная работа над фундаментальным сочинением «Античная мифология как единый миф о богах и героях» началась в 1944 г. Первая часть — теоретическая — «Логика античного мифа» и догомеровы варианты мифов о героях. Вторая — в форме повествований о «героических сказаниях» древних эллинов. Я. Голосовкер был убежден в том, что «эллинская мифология дошла до нас переработанной и сложившейся под углом зрения ревнителей Олимпийского пантеона». Консолидация эллинских племен и осознание себя единым народом потребовали такого единого пантеона. Мифология доолимпийских богов с их окружением исчезла, и образы доолимпийских богов, «обезображенные, предстали в виде темной силы перед лицом светлой силы — Олимпийцев... Позади этого принципа принижения мифологического образа лежит историческая судьба побежденных, истолкованная под углом зрения победителей». В ходе исследовательской работы созрел замысел восстановить и выразить в литературно-художественной форме утраченные сказания, «отражающие самое раннее детство творческой мысли эллинов». Это слова «от автора» к написанной ритмической прозой книге «Сказания о титанах», дважды изданной Детгизом (1955, 1967), напечатавшим и примыкающую к ней по содержанию книгу «Сказания о кентавре Хироне» (1961).

Книгу традиционной научной формы, восстанавливавшую «из осколков предания», «отрывочных упоминаний и намеков» древнеэллинские сказания о мире титанов, у Я. Голосовкера не было надежды издать. Тратить время на диссертацию Яков Эммануилович не считал допустимым; присвоить ученую степень по сово-

купности написанного ему не предлагали. А не облеченному ученым званием отступнику от знакомого не приходилось рассчитывать на поддержку публикации его труда в научном издательстве. Художественное же произведение нашло читателя и в юношеской среде, и среди взрослых. К нему возвращаются: только в недавнее время было три переиздания в издательстве «Высшая школа» в сопровождении статей о книге и ее авторе. Сочинение это молодой читатель воспринимает в одном ряду с «Песней о Гайавате».

Главным своим философским трудом Я. Голосовкер считал «Имагинативный абсолют», работа по написанию которого была завершена лишь в середине 50-х гг. Это сочинение о существе и механизме творческого мышления, о творчестве как феномене природном и историко-культурном. Творческое воображение — имагинацию — он признавал высшим уровнем творческого мышления, утверждая: «Когда мы, философы, наглядно созерцаем, мы воображаем идеи, т.е. воображаем смыслообразы. Но, воображая, мы их одновременно понимаем, т.е. когда для философа его философское воображение создает смысл, становится понятной реальная суть этого смысла». По его представлениям, философия не столько наука, сколько особое искусство: наука открывает законы, философия же, будучи знанием, есть знание смысла истины и воплощение этого смысла в образ, т.е. в «смыслообраз». Это-то и сближает философию и искусство, причем философия акцентирует смысл, а искусство — образ. Наиболее полное представление об имагинации — в разработанной Я.Э. Голосовкером концепции о мифе и его «логике» (преимущественно на основании образа мышления издавна изучаемого им периода Античности). Человеку, полагал Голосовкер, присущ своеобразный «инстинкт культуры», т.е. стремление к перманентному воспроизводству и созиданию духовных ценностей, когда он и приобретает свое подлинное бессмертие. По мысли философа, воображение — «высший разум» и «воображением познают непонятное уму». «Воображение, — по его убеждению, — спасает культуру от вакуума мира и дает ей одухотворенность. Поэтому торможение воображения, торможение его свободы познания и творчества всегда угрожает самой культуре вакуумом, пустотой. А это значит: угрожает заменой культуры техникой цивилизации, прикрываемой великими лозунгами человеческого оптимизма и самодовольства, а также сопровождаемой великой суетой в пустоте, за которой неминуемо следует ощущение бессмыслицы существования со всеми вытекающими отсюда следствиями: усталостью, поисками опьянения, скрытым страхом, нравственным безразличием и прочими продуктами цинизма и свирепости».

Философские сочинения издали — и то далеко не в полном виде — лишь в 1987 г. под названием «Логика мифа»¹⁴. Издание подготовлено Н.В. Брагинской и Д.Н. Леоновым и сопровождается статьей Н.В. Брагинской «Об авторе и книге». В приложении напечатан и отзыв о рукописи академика Н.И. Конрада, датированный январем 1968 г. Всемирно знаменитый ученый-гуманист и классик востоковедения увидел в Я. Голосовкере «одного из образованнейших и глубоких мыслителей нашего времени — своеобразного, неповторимого», книга которого «поражает и увлекает оригинальностью и глубиной мысли, художественностью ее выражения, остротой постановки проблемы»¹⁵. В парижском журнале «Символ»¹⁶ Н.В. Брагинская напечатала «Имагинативную эстетику» Я. Голосовкера, также со-

проводив ее статьей. Еще ранее в журнале «Вопросы философии», когда публиковались произведения «Миф моей жизни» и «Интересное», появилась статья Н.В. Брагинской «Слово о Голосовкере»¹⁷. Имя Я.Э. Голосовкера во все большей мере входит в сонм выдающихся оригинальных мыслителей нашего столетия. И соответственно обретает статус Учителя мысли. Ибо, как он сам заметил, «все подлинники философы — учителя: даже, когда они не хотели ими быть и ненавидели учительство»¹⁸.

Оригинальные художественно-литературные сочинения Я.Э. Голосовкера так же остались не напечатанными при жизни (большая часть их не издана и поныне). Лишь в 1991 г., в журнале «Дружба народов» (№ 7), был напечатан «Сожженный роман», — видимо, основное прозаическое сочинение его. Публикация сопровождается статьями готовившей ее знатока архивных материалов Я. Голосовкера Н.В. Брагинской об истории создания этого произведения и литературоведа М.О. Чудаковой, сопоставляющей только еще вводимое в обиход культуры сочинение со знаменитым романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Но многое в судьбе рукописи (или рукописей) романа остается неясным (и это подчеркивается в статьях). Что было сожжено в конце 30-х гг. — цельное сочинение или фрагменты, наброски его? Какие первоначальные части текста уцелели и когда автор это обнаружил (найдя «утраченную главу», он знакомил с ней в 50-е гг. близких ему писателей — поэта И. Сельвинского и др. — не мистификация ли это?)? Пытался ли автор после 1940 г. восстановить сочинение целиком или только части его? Сохранялся ли при этом прежний замысел или привнесено было новое (в частности, эпизод с сожжением рукописи)? Тут все наводит на размышления о фантазмагории нашего бытия. Слишком многое совпадает в жизни автора с действием произведения, порожденного его воображением: и рукописи были сожжены, и он сам окончил жизнь душевнобольным (страдавший от мании преследования), впрочем, как и особо любимые им писатели, сочинения которых переводил, — Гёльдерлин и Ницше.

Но даже если произведение и подверглось переработке в 50-е гг., в нем слишком явны приметы времени, характерные именно для конца 20-х гг., и особенно для мировосприятия, круга ассоциаций, системы образности литераторов-интеллигентов, родившихся на рубеже двух последних десятилетий XIX в. Неслучайно сразу приходит на ум роман современника автора Булгакова «Мастер и Маргарита»...

Свидетельств о знакомстве Я.Э. Голосовкера и М.А. Булгакова нет, хотя они оба в юности жили в Киеве и в одни и те же годы обучались в соседних гимназиях. Но известно, что среди знакомых Булгакова был профессор Б.И. Ярхо — выдающийся литературовед и языковед, которого признают прототипом одного из героев ранней редакции романа Булгакова, впоследствии замененного Мастером. Я. Голосовкер был в очень близких отношениях с Ярхо, глубоко переживал его арест, даже пытался — по наивности — вызволить его. Когда по возвращении с каторги он какое-то время жил в нашей квартире, брат Б.И. Ярхо, Григорий, посещал его. Можно полагать, что Б.И. Ярхо знал о сюжете «Записки неистребимой» или даже читал этот текст. Поэтому соображения исследователя творчества Булгакова М.О. Чудаковой, не исключающей знакомство Булгакова с рукописью Я. Голосов-

кера «и иницилирующего воздействия ее на поздние редакции романа» середины 30-х гг., представляются небезосновательными. Но, вероятно, самое существенное то, что оба писателя жили в схожих сферах социокультурных интересов и наблюдали одну и ту же общественную и собственно литературную среду. Многое сможет разъясниться, если удастся обнаружить экземпляр рукописи, переданной Я.Э. Голосовкером (по его поздней записи), видимо, на рубеже 20–30-х гг. двоюродному брату, Иосифу Биллигу, жившему тогда уже за границей.

Небольшое произведение Я. Голосовкера не во всем соответствует общепринятому представлению о романе — сам он называл его иногда «поэмой» (впрочем, явно влиявший на его творчество Гоголь называл поэмой «Мертвые души»). Это художественно-философское сочинение (местами даже публицистическое) и о себе, и о сумасшедшем доме, и о России периода утверждавшегося тоталитаризма. Здесь и о духе творчества (излюбленная автором идея о роли воображения), и о том, допустимо ли зло убивать злом, и об образе Ленина и крови Кремля, и ассоциации с Иисусом «Двенадцати» А. Блока, но уже в то время, когда пришло ощущение, что коммунистическая идея заменяет религию, экспроприируя идеалы человечества. Естественно полагать, что роман обращен был прежде всего к читателю-современнику. И в то время прозрения его вызвали бы особо сильное впечатление. Мы же с ним знакомимся на исходе века. Но — увы! — такова уж судьба настоящей русской литературы сталинской эпохи!

Предстоит еще уяснить место «Сожженного романа» в контексте и времени его создания (и воссоздания), и наших дней. Но и сейчас уже очевидно, что сочинение это очень своеобразно — и по форме, и по содержанию, и по мировосприятию.

Впрочем, странным казалось, судя по литературе и бытовавшим анекдотам, и житейское поведение его автора¹⁹, одержимого своими идеями, не ведавшего, что такое дипломатия в отношениях с людьми, вышестоящими на лестнице карьеры и прижизненной славы. Непонятной оставалась его неуступчивость.

Я.Э. Голосовкер сосредоточен был на своем творчестве, более всего дорожил своей свободой, независимостью духа. Необычна была и его внешность. Об этом образно писал академик Н.И. Конрад, много способствовавший изданию трудов Я. Голосовкера: «Все мы — писатели, ученые — в меру образованны, в меру талантливы, но обыкновенны. Он же — ученый, писатель — необыкновенен. Как и его внешний облик: голова Маркса с глазами Тагора»²⁰.

Признание к Якову Эммануиловичу Голосовкеру приходит лишь посмертно. Сочинения его переиздаются («Сказания о титанах», перевод трагедии Гёльдерлина и статья об Эмпедокле, отдельные переводы), другие наконец дошли до читателя. Публикация эссе «Секрет Автора (“Штосс” М.Ю. Лермонтова)»²¹ сопровождается статьей, основанной на архивных материалах, со сведениями о жизни и творчестве Я.Э. Голосовкера, «Сожженный роман» переведен на немецкий, польский, французский языки. Французское издание 1995 г. тоже предварено моей статьей об авторе²².

В 1995 г. издан и выполненный еще до середины 30-х гг. перевод великого творения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Это писательский подвиг переводчика. Подготовивший издание выдающийся филолог А.В. Михайлов признал в статье

«Вместо предисловия» перевод «необыкновенным и неповторимым... памятником мысли и стиля», конгениальным оригиналу — «сходство восприятий, мыслительных ходов, эстетических реакций — это родство и позволяет с уверенностью и с убежденностью следовать за каждым витком отпечатлевающейся в слове мысли, даже за каждым странным вывертом ее, и глубоко верить в образный строй книги и каждого ее отрывка, каждой фразы. Родство это простирается от малого до великого, от порывов чувства и той формы, какую они принимают, до целого — до того мифотворчества, в какое облекается все движение мысли»²³. Теперь это сочинение Ницше именно в переводе Голосовкера включено в план изданий академической серии «Литературные памятники».

В 1998 г. томское издательство «Водолей», немало уже к тому времени сделавшее для поддержания добрых традиций нашей культуры, подготовило книгу избранных трудов Я.Э. Голосовкера «Засекреченный секрет: Философская проза», отмеченную положительными откликами в печати. В книгу вошли «Миф моей жизни (Автобиография)», «Сожженный роман», «Интересное», «Секрет Автора (“Штосс” М.Ю. Лермонтова)», «Засекреченный секрет автора (Достоевский и Кант)».

В 2010 г. Центром гуманитарных инициатив в Санкт-Петербурге издан сборник трудов Я. Голосовкера «Избранное: Логика мифа» (сер. «Университетская книга»). Туда включена рукопись «Имагинитивного абсолюта» в авторской редакции 1956 г. и ранее публиковавшиеся сочинения «Интересное», «Лирика — трагедия — музей и площадь», «Достоевский и Кант», «Поэтика и эстетика Гёльдерлина», «Секрет Автора (“Штосс” М.Ю. Лермонтова)», «Миф моей жизни»; в разделе «Об авторе и его идее» переизданы статьи А.П. Каждана, Н.И. Конрада, Е.Б. Рашковского и М.А. Сиверцева, С.О. Шмидта. В аннотации к изданию читаем: «Его отличает мощное тяготение к двум культурным эпохам: Элладе и немецкому романтизму. Именно в них он видел осязаемое воплощение единства разума и воображения. Поиск их нового синтеза предопределил направленность его философского творчества, круг развитых им идей. Мысли Голосовкера о культуре, о природе культуры вписываются в контекст философских исканий в Европе в XX веке. Его мысль о естественном происхождении культуры как способности непосредственно понимать и создавать смыслы, о том, что культура “эмбрионально создана самой природой”, представляет интерес для современного исследователя. Философские и теоретические идеи известного русского мыслителя XX века Голосовкера приобретают особое звучание в современном научном дискурсе...»

Ссылки на сочинения и высказывания Я.Э. Голосовкера все чаще появляются и в научной и в популярной литературе, в журналах и газетах. Статьи о нем есть теперь не только в дополнительном томе Краткой литературной энциклопедии, как это было в 1978 г., но и в самых кратких энциклопедиях²⁴, в справочниках о российских философах²⁵.

До посмертного издания сочинений Я.Э. Голосовкер как оригинальный автор, — употребляя его же выражение о Гёльдерлине, — «значился в примечаниях к истории литературы». Теперь можно уже говорить не только о теме «Я. Голосовкер о русской и мировой литературе и философии», но и о теме «Я. Голосовкер в русской и мировой литературе и философской мысли».

Список литературы

- Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002.
- Брагинская Н.В.* Об авторе и книге // *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа: Исследования по фольклору и мифологии Востока. М., 1987.
- Брагинская Н.В.* Слово о Голосовкере // *Вопросы философии.* 1989. № 2.
- Брагинская Н.В.* Пепел и алмаз // *Дружба народов.* 1991. № 7.
- Брагинская Н.В.* О Голосовкере // *Голосовкер Я.* Сказания о титанах. М., 1993.
- Брюсовский институт: Воспоминания Б.И. Пуришева // *Археографический ежегодник за 1997 год.* М., 1997.
- Воронков К.В.* Страницы из дневника. М., 1977.
- Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8.
- Гёльдерлин Ф.* Смерть Эмпедокла. М.; Л., 1931.
- Голосовкер Я.Э.* (под псевд. Якоб Сильв). Сад души моей. Киев, 1913.
- Голосовкер Я.Э.* Некоторые указания на мой Метод. 1960 (рукопись).
- Голосовкер Я.Э.* Поэтика и эстетика Гёльдерлина // *Вестник истории мировой культуры.* 1961. № 6.
- Голосовкер Я.Э.* Достоевский и Кант: Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963.
- Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987.
- Голосовкер Я.Э.* Миф моей жизни (Автобиография) // *Вопросы философии.* 1989. № 2.
- Голосовкер Я.Э.* Сожженный роман [Публикация текста по арх. рукописи] // *Дружба народов.* 1991. № 7.
- Голосовкер Я.Э.* Имагинативная эстетика / Подгот. Н.В. Брагинской // *Символ.* 1993. № 29.
- Голосовкер Я.Э.* Засекреченный секрет: Философская проза. СПб., 1998.
- Голосовкер Я.Э.* Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. 1–3. М., 2004–2006.
- Голосовкер Я.Э.* Избранное: Логика мифа. СПб., 2010.
- Горький в зеркале эпохи (Неизданная переписка). М., 2010. Вып. 10.
- Зелинский В.К.* Между титаном и вепрем (Памяти Я.Э. Голосовкера) // *Голосовкер Я.* Сказания о титанах. М., 1993.
- Зелинский Ф.Ф.* Греческая религия. Пг., 1918; Киев, 1993; под наим. История античных религий. Древнегреческая религия. М., 2010.
- Каждан А.П.* Памяти Якова Эммануиловича Голосовкера (1890–1967) // *Вестник древней истории.* 1968. № 2.
- Луначарский А.В.* Неизданные материалы // *Литературное наследство.* М., 1970. Т. 82.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Стихотворения. М., 1994.
- Российский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 2001.
- Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
- Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 1993.
- Шмидт С.О.* О Якове Эммануиловиче Голосовкере // *Русская литература.* 1991. № 4.
- Энциклопедия культурологии. Культурология: люди и идеи. М., 2006.
- Якубанис Г.* Эмпедокл; *Гёльдерлин Ф.* Смерть Эмпедокла. Киев, 1994.
- Golosovker J.* Le Roman brûlé / Trad. du russe a W. Berelowitch; préf. de S. Schmidt. Paris, 1995.

¹ См.: *Якубанис Г.* Эмпедокл; *Гёльдерлин Ф.* Смерть Эмпедокла. Киев, 1994. Опубликованы перевод драмы, выполненный Я.Э. Голосовкером, и его статья об Эмпедокле по книге, изданной «Academia» в 1931 г.

- ² Брюсовский институт: Воспоминания Б.И. Пуришева // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 570.
- ³ Голосовкер Я.Э. Миф моей жизни (Автобиография) // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 111.
- ⁴ См.: Зелинский В. Между титаном и вепрем (Памяти Я.Э. Голосовкера) // Голосовкер Я. Сказания о титанах. М., 1993. С. 293–318.
- ⁵ Голосовкер Я.Э. Миф моей жизни. С. 114–115.
- ⁶ Горький в зеркале эпохи (Неизданная переписка). М., 2010. Вып. 10. С. 557.
- ⁷ Там же. С. 594.
- ⁸ Луначарский А.В. Неизданные материалы // Литературное наследство. М., 1970. Т. 82. С. 525.
- ⁹ Цит. по: Шмидт С.О. О Якове Эммануиловиче Голосовкере // Русская литература. 1991. № 4. С. 67.
- ¹⁰ См.: Голосовкер Я.Э. Поэтика и эстетика Гёльдерлина // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 6. С. 163–176.
- ¹¹ См.: Брагинская Н.В. О Голосовкере // Голосовкер Я. Сказания о титанах. М., 1993. С. 289; см. также: Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8.
- ¹² См. об этом: Воронков К.В. Страницы из дневника. М., 1977. С. 39.
- ¹³ Каждан А.П. Памяти Якова Эммануиловича Голосовкера (1890–1967) // Вестник древней истории. 1968. № 2. С. 224.
- ¹⁴ См.: Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
- ¹⁵ Напечатано в кн.: Голосовкер Я.Э. Логика мифа. С. 183.
- ¹⁶ См.: Голосовкер Я.Э. Имагинативная эстетика / Подгот. Н.В. Брагинской // Символ. 1993. № 29. С. 73–127.
- ¹⁷ Брагинская Н.В. Слово о Голосовкере // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 110–115.
- ¹⁸ Из статьи: Голосовкер Я.Э. Некоторые указания на мой Метод (апрель 1960 г., рукопись).
- ¹⁹ См.: Мартынов Л.Н. Поиски абсолюта // Мартынов Л. Черты сходства. М., 1982. С. 167–172.
- О Я.Э. Голосовкере последних лет жизни см. также: Зелинский В.К. Между титаном и вепрем.
- ²⁰ Русская литература. 1991. № 4. С. 70.
- ²¹ Там же.
- ²² Golosovker J. Le Roman brûlé / Trad. du russe a W. Berelowitch; préf. de S. Schmidt. Paris, 1995.
- ²³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Стихотворения. М., 1994. С. 4–5.
- ²⁴ См., например: Российский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 2001; Энциклопедия культурологии. Культурология: люди и идеи. М., 2006; и др.
- ²⁵ Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 1993. С. 50; Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 137–138; Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 237.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Т.А. МАВРИНОЙ «ЛУКОМОРЬЕ»*

Хочется думать, что книга «Лукоморье», рекомендованная к изданию городской Издательской программой Правительства Москвы, — подарок и первоклассникам, и их родным, и с книгой будут знакомить и гостей — детей и взрослых. Помнится, когда, десятилетия назад, стал выезжать в научные командировки за рубеж, то старался запастись книгами с иллюстрациями Т.А. Мавриной; и такой подарок вызывал радость и восхищение и у коллег-профессоров, и у их детей и внуков, и у читающих по-русски, и у незнакомых с нашим языком; и это было убедительной пропагандой русской культуры, ее народного духа.

«Картинки» Мавриной — и выдающиеся общепризнанные произведения изобразительного искусства, и помогают более углубленному познанию прочитанного. «Картинки» — иллюстрации и к сказкам Пушкина — величайшего поэта России, и к русским народным сказкам. Сказки всегда обогащают мудростью и воспитывают нравственное чувство. А это ведь главные задачи и художественной литературы, и устного народного творчества. Нарисованное Мавриной способствует тем самым формированию этических и эстетических представлений.

Художница создавала свои чудесные творения уже не в молодые годы и смогла сделать это не только благодаря необычайной даровитости и неумному трудолюбию, но и потому, что до конца своей долгой жизни сохраняла то светлое, что было воспринято в родной семье народных учителей, в образе старинного русского города, в красоте природы Поволжья. И — главное — она рано нашла дело по душе и по силам. А это — особое счастье, которое мы в большей мере можем сами себе обеспечить, чем здоровье и житейское благополучие свое и своих близких. Столь плодотворная жизнь Татьяны Алексеевны Мавриной — пример для подражания; и о ней тоже рассказано в книге.

Пусть же воспринятое в сказочных мирах Лукоморья поможет вам в выборе деятельности, которая будет давать радость на протяжении всей жизни.

* Предисловие, написанное по предложению мэрии в сентябре 2010 г. для подарочного издания детям Москвы к Новому 2011 г.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК С АРБАТА (О ХУДОЖНИКЕ КОЛЕ ДМИТРИЕВЕ)

К нему никто не успел обратиться по имени и отчеству, он навсегда остался Колей Дмитриевым, хотя заслуживает персональной статьи в энциклопедиях. Россия готова была одарить мир изобразительного искусства новым Валентином Серовым (дядя юноши, видный театральный художник Владимир Владимирович Дмитриев, полушутя так и называл племянника), но творчество юного художника оборвалось нелепой гибелью на шестнадцатом году жизни...

Психологи и историки искусства будут возвращаться к размышлениям о феномене Коли Дмитриева — как мог формирующийся талант создать так много и столь совершенных произведений (акварелей и рисунков) за такой короткий срок? Как могла наступить в отрочестве «болдинская осень», если сам Пушкин пережил ее лишь на четвертом десятке лет? Или, быть может, гениальный мастер формируется уже в такие годы, но пока еще ограничен небольшим опытом жизненных наблюдений и недостаточным знакомством с наследием мировой культуры?

Помню не покидающее меня и по сей день первое впечатление от выставки 1949 г. и от восприятия увиденного посетителями. Все были и очарованы прелестью изображенного, и удивлены искусством мальчика, произведения которого сразу же ставили в один ряд с уже известными шедеврами (т.е. созданиями взрослых мастеров), и буквально ошеломлены открывшейся им потерей. Казалось бы, почти все пережили в военную годину тяжесть утрат, как бы смирились с неизбежностью этого, а сейчас переживали трагедию российского искусства как личное горе. В зале была особая тишина и слезы. И какие необычные слова нашлись тогда у самых знаменитых, сколько непосредственности в написанном людьми менее известными. Пожалуй, пронзительнее всех ощущение от выставки выразил Борис Пастернак: «Головокружительность дарования этого удивительного мальчика несоизмерима с печальным фактом его смерти. Мне кажется, будь он, по счастью, еще жив и даже гораздо старше годами, все равно я точно так же плакал бы перед этими работами и от волнения не мог бы произнести ни слова».

По прошествии почти пятидесяти лет с выставкой, устроенной в 1995 г. Музеем А.С. Пушкина, знакомились дети и внуки тех, кто узнал о Коле Дмитриеве в конце сороковых. И каким лучезарным открытием это стало для многих, какой свет приходил в их душу (убеждался в этом, приводя на выставку новых и новых знакомых), какие искренние отклики появились в печати. И как радовало то, что в суете «тусовочной» общественно-политической жизни Москвы соприкасаемся с целомудрием и простотой и что может по-прежнему так воздействовать подлинное искусство, правдиво, глубоко и красиво отражающее жизнь, без трюкаческих условностей и без красотостей фотографического натурализма. Снова повеяло юным Серовым времени великих портретов («Девочка с персиками», «Девушка, освещенная солнцем») и пейзажа «Пруд». И опять вспомнились слова Пастернака

из того же письма, где и о мальчике, и о себе: «...и в какую подходящую минуту, и как все это мне было нужно!»

И поэтому мы должны быть глубоко признательны семье, любовно сохранившей наследие Коли, и тем, кто помог появлению этой книги, столь обогащающей наши представления о развитии изобразительного искусства и о возможностях раннего проявления истинной талантливости. Однако необходимо настаивать на том, чтобы в Москве была постоянная экспозиция произведений Коли Дмитриева. Если будет организован Музей Арбата — ее место в этом музее, ибо Коля Дмитриев с детства проникся духом «арбатства» и творчество арбатского отрока — одно из высоких воплощений его. Такая экспозиция, несомненно, окажет плодотворное влияние и на воспитание юных душ. Но некоторые шедевры хотелось бы видеть в постоянной экспозиции Третьяковской галереи. Творчество Коли Дмитриева должно жить и в грядущем третьем тысячелетии.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ-АЛЬБОМУ ХУДОЖНИКА АНТОНА КУМАНЬКОВА

Галерея света

Эта книга-альбом оказалась в Издательской программе Правительства Москвы и потому, что должно отметить первый юбилей — 50-летие даровитого московского художника, выставки произведений которого привлекают все большее внимание, и от того, что такое издание уместно приурочить к году, объявленному «Годом равных возможностей».

В недавнее время в помещениях музея, расположенных на территории управы «Арбат» — в Доме-музее Марины Цветаевой, в Доме-библиотеке А.Ф. Лосева, в выставочных залах Государственного музея А.С. Пушкина (близ квартиры А.С. Пушкина, в Денежном переулке), благодаря инициативе главы управы Арбат А.В. Садикова были организованы четыре выставки работ Антона Куманькова. На самой представительной из них — в Музее А.С. Пушкина — преобладали портреты: в этой портретной галерее изображения и видных московских деятелей культуры, прежде всего тех, кто связан с Малым театром, где немало лет был главным художником отец Антона Евгений Иванович Куманьков, народный художник России, прославившийся не только как видный художник театра и кино и книжный иллюстратор, но и художественной летописью, запечатлевшей переулки Москвы последних десятилетий ушедшего века, исчезающий на глазах уют нашего города. Портретная галерея Антона Куманькова несомненно заслуживает издания в виде специальной книги.

Однако для нашего издания отобрали лишь изображения детей и животных, предназначив его прежде всего для юных, приобщающихся к художественному

Впервые опубликовано: Художник Антон Куманьков. Альбом-память. М., 2012. (под назв. «О художнике Антоне Куманькове»).

видению мира, к осмыслению его через искусство, и их воспитателей и учителей. Тем более, что на выставках Антона Куманькова довелось наблюдать, как примагничивали их такие произведения художника, с каким вниманием и теплотой чувства знакомились с ними юные, как это объединяло детей и приведших их в выставочные залы взрослых.

Искусство Антона Куманькова — светлое. Оно и яркое, и углубленное, но не броское — никакой необычности, желания представить себя более видным. Такое ощущение совершенно не свойственно натуре художника. Он человек добрый, открытый, скромный, и для Антона-портретиста главное — показать то, что его особо привлекает в изображаемом человеке. Это отнюдь не тенденция приукрасить, а явное стремление ознакомить с тем, что вызывает симпатию и интерес у самого художника, воплотить душевное восприятие портретируемого, и тем самым знакомящиеся с произведениями Антона согреваются душевным настроем, присутствующим в его обаятельной натуре, приобщаются к свойственному ему чувству радости творческого труда.

Глаз художника сразу же замечает то, что ощущается сердцем, — какая неизбывная грусть в глазах и даже позах любовно изображаемых им воспитанников детского дома, так тянущихся к взволнованной заботе взрослых, для которых они могут стать родными. Но представления о нормах человеческих отношений, о воспитанности формировались прежде всего впечатлениями, воспринимаемыми в домашнем кругу, от образа жизни и поведения самых близких ему людей. А нежная любовь и забота о сыне, уважительное отношение к его личности, вдумчивое внимание к особенностям его душевного облика и физического развития отражены и в творчестве его родителей: мать — писательница Марианна Владимировна Качалова, автор прелестных небольших эссеистского стиля лирических очерков, где сын во многих главных герой и собеседник. Отец неизменно отбирает изображения сына мальчиком для буклетов и афиш своих выставок. Взаимопомощь, забота друг о друге, самоотдача своему делу, неизменность трудолюбия казались Антону само собой разумеющимися нормами человеческого существования. При этом обожаемый и вызывающий гордость достижениями своими сын отнюдь не был избалован. Антон был натурой цельной и добротной, без малейших признаков вундеркиндизма и зазнайства. И все это отражается в его художественном творчестве.

И потому решено было подготовить к печати альбом произведений Антона Куманькова, дополненный рассказами о героях его произведений и историями создания некоторых, особо дорогих сердцу художника картин. Этот альбом украсит библиотеку любых школ, воспитательных домов, детских комнат в квартирах, памятуя о многожды повторяемых словах «Красота спасет мир» и конкретизируя это в доступном ежедневному восприятию.

* * *

Предыдущий текст — перепечатка Предисловия, озаглавленного «Галерея света», к книге Антона Куманькова «Благослови детей и зверей», подписанной к печати летом 2009 г. Мне довелось наблюдать, каким счастливым казался Антон по выходу книги и как обрадованы были те, кого он или я одаривали книгой в 2009 г.

А летом 2010 г. мы неожиданно лишились Антона. Собравшиеся на панихиду в храме Святителя Николая в Толмачах были и глубоко опечалены, и как бы в недоумении: как могло такое произойти, когда художник полон начинаний и к нему приходит ширившееся признание. Говорили у гроба с редкостной искренностью, без тривиальных формулировок, подчас несвязно, горестно, от сердца. А он лежал спокойный, с задержавшейся знакомой полуулыбкой напротив знаменитой иконы Владимирской Божией Матери — чуда чистоты искусства, и дивная икона и Антон воспринимались как бы совместно.

Разговор о творчестве художника состоялся осенью 2010 г. в Центральном доме работников искусств. Там в большом зале на полукруглой стене была экспозиция избранных работ художника разных лет, развешанных почти вплоты одна к другой. Это давало возможность разом охватить выставленное на показ и, пожалуй, впервые увериться в том, сколь многообразны сюжеты его творчества и проявления его дарования и как во всех произведениях ощущается значительность его личности и излучаемая ею теплота.

Выступавшие в ЦДРИ говорили о важности обогащения широкого круга людей восприятием содеянного Антоном, а также сохранения в памяти светлого образа этого человека. И тогда возник замысел подготовить новую книгу, знакомящую с возможной полнотой с воспроизведениями творений Антона и одновременно передающую и то, чем был Антон для многих из общавшихся с ним.

На первом развороте книги «Благослови детей и зверей»: «С ласковой сыновней почтительностью посвящаю альбом моим замечательным родителям — Марианне Качаловой и Евгению Куманькову», Антон и родители его казались неразделимыми; и в доме была атмосфера сотворчества. Когда открыли Музей И.С. Тургенева в Москве на Остоженке, изображение собаки Муму Антоном, открывшее экспозицию рядом с портретом великого писателя, стало знаковым в ней. Именно в этом здании развернута была затем выставка переданных в дар Музею А.С. Пушкина (филиалом которого стал Музей И.С. Тургенева) произведений Е.И. Куманькова с изображением Москвы. В зале, где сосредоточено большинство из этих видов, и картина «Окно» с портретом мальчика Антона, смотрящего на Москву, — ощущение Москвы у отца-художника тоже связано с любимым сыном. В Музее А.С. Пушкина и готовилось это издание.

Новая книга Антона Куманькова и об Антоне Куманькове включена в Издательскую программу Правительства Москвы; следовательно, в обязательном порядке поступит и в библиотеки учебных заведений. В типографии «Наука», возглавляемой ее генеральным директором А.Д. Бобровичем, близко знавшим Антона и душевно ему глубоко симпатизировавшим, приложили старание к тому, чтобы одарить наше общество и прежде всего юных таким освежающим душу изданием.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АРБАТСКОГО СТАРОЖИЛА

Первый выпуск историко-краеведческого альманаха «Арбатский архив» вышел в 1997 г., в год празднования 850-летия первого упоминания Москвы в письменном источнике. А готовить издание начали еще тогда, когда отмечали юбилей 500-летия Арбата (точнее сказать, первого упоминания местности «Арбат» в русском письменном источнике), ставший в 1993 г. преддверием юбилейного праздника Москвы. Образованный в июне 1993 г. Оргкомитет по подготовке к юбилею Арбата, возглавленный мэром Москвы Ю.М. Лужковым, поддержал инициативу издания альманаха. Часть заготовленных для него материалов была в юбилейные для Арбата недели 1993 г. использована в газетах и журналах (в приложении к «Литературной газете» (ЛГ-Досье. 1993. № 6 — специальный выпуск «Куда ведет Арбат? — Знаменитой улице Москвы 500 лет») и в других), в теле- и радиопередачах. В обсуждении плана альманаха участие принял Б.Ш. Окуджава, так же как и в определении разновидностей материалов такого издания. А это — воспоминания, дневники и письма; художественные произведения (и в прозе, и в стихах), статьи и очерки, стенограммы заседаний и хроникальные сообщения. Допустимым признали перепечатку ранее изданного и помещение в виде иллюстраций и впервые публикуемого, и прежде уже известного.

В моих статьях — предваряющей книгу 1997 г. «От редактора» и «Арбат в истории и культуре России», а также в хроникальном сообщении «500-летие Арбата. Хроника юбилея» означены представления об Арбате и «арбатстве», которыми руководствовались, формируя редакторский портфель замысленного историко-литературного альманаха.

«Арбат» — одно из всемирно признанных олицетворений Москвы, ее истории и культуры. При этом под «Арбатом» издавна подразумевают не одну улицу с таким названием длиной менее километра между Арбатской и Смоленской площадями, но и соседние улицы с переулочьем. С рубежа XVIII и XIX вв. так обозначают и всю местность от улицы Остоженка до Тверской, между нынешним кольцом бульваров от храма Христа Спасителя до Пушкинской площади и существовавшими еще незадолго до Великой Отечественной войны бульварами Зубовским, Смоленским и Новинским и даже территории, примыкающие к этой местности (в границах современной управы «Арбат» территория близ Москвы-реки справа от Бородинского моста). Арбат — улица срединная в этой местности.

Распространение наименования «Арбат» на большую местность, чем одноименная улица, происходило тем легче, что короткий и звучный топоним этот отличается от других и в самой Москве, и в иных городах и «странное название» (определение Булата Окуджавы) хорошо запоминается. Позднее помогала и уникальная для советских лет топонимическая устойчивость, когда все другие улицы межбульварья изменили свое наименование. Все это способствовало закреплению представления об Арбате как об отличительной особенности и московской топонимики, и московской жизни.

Борис Пастернак писал о «мире Пречистенки и Арбата» как о едином целом. Именно по этим улицам получили в конце XVIII в. наименование полицейские части Арбатская и Пречистенская. К Арбатской части относилась местность от стороны улицы Арбат с четной нумерацией домов до улицы Тверской; к Пречистенской части — местность от стороны улицы Арбат с нечетной нумерацией домов до Москвы-реки. Местом пребывания частного пристава Арбатской части была Козиха близ Тверской улицы. Таким образом, «арбатский» адрес Пушкина (в наши дни дом 53 на улице Арбат, где теперь музей-квартира Пушкина) при его жизни был адресом «обывателя» не Арбатской, а Пречистенской части. Но для приезжего в Москву А.П. Чехова в конце XIX в. «одной из самых глухих местностей Арбата» мыслились переулки Мертвый и Могильцевские близ церкви Успения на Могильцах, относившиеся к Пречистенской части. Даже для Андрея Белого, первые двадцать шесть лет жизни проживавшего (до 1906 г.) в доме на углу Арбата и Денежного переулка, место детских прогулок, где «арбатцы свершали свои путешествия в круте», «кривыми переулками» Арбата, были прежде всего переулки Пречистенской части и Пречистенский (ныне Гоголевский) бульвар. Все это стало основанием для включения в историко-краеведский альманах, имеющий заголовок «Арбатский архив», материала о прошлом местностей, относившихся до советского времени и к Арбатской, и к Пречистенской полицейским частям.

Иван Бунин, впервые увидевший Москву девятнадцатилетним и с обиходом московской жизни более всего знакомый по дому старшего брата Юрия, видного общественного деятеля и публициста, проживавшего в Староконюшенном переулке, отмечал: «В старых переулках за Арбатом *совсем особый город*» (курсив мой. — С.Ш.). Наблюдательный писатель быстро ощутил, что понятие «Арбат» не столько историко-географическое, сколько социокультурное, но при этом достаточно широкое, даже размытое, и допускающее вычленение меньших ареалов со своей спецификой (как особенно аристократическая улица Поварская — там и в годы советской власти не появлялись магазины).

Арбат — это некая социокультурная общность, характерная для местности, где с рубежа XVIII–XIX столетий преобладали дворянские усадьбы (после пожара 1812 г. сравнительно небольшие), а со второй половины XIX оказалось средоточие московской интеллигенции. Если в мемуарах знаменитого революционера и ученого, теоретика анархизма П.А. Кропоткина район обитания его семьи во второй четверти XIX в. сравнивается с аристократическим Сен-Жерменским предместьем Парижа, то особо почитаемый в Москве юрист и общественный деятель Н.В. Давыдов — друг Л.Н. Толстого, проживавший на рубеже XIX и XX вв. почти там же, где находилась усадьба князей Кропоткиных, характеризовал тот же район как место средоточия «московской интеллигентской обывательщины» (понятно, что слово «обыватель» употреблено в общепринятом тогда значении: «постоянный житель какой-либо местности»).

С рубежа XIX и XX вв. здесь возводят особняки в стиле модерн для европейски образованных коммерсантов и многоквартирные доходные дома. Культуролог, графодовед, исследовавший литературный образ Петербурга, а затем и Москвы, Н.П. Анциферов писал о быстром изменении облика впервые увиденных им в самом начале XX в. арбатских переулков, «тогда еще обильных маленькими церк-

вушками, колокольнями, колокольным звоном и еще свободных от громадных, громоздких, холодных и скучных домов, которые дают теперь весь этот уголок Москвы». Хотя в лучшем из путеводителей «По Москве: прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям», изданном в 1917 г., можно было еще прочесть: «В стороне от шумной жизни столицы лежат две небольших площади, сохранившие старинный облик и обвеянные духом уходящей Москвы. Это Спасопесковская площадь и Собачья площадка, обе близ Арбата...»

В предреволюционные десятилетия в местности, воспринимаемой как «Арбат», редкостью были и фабрики, и правительственные учреждения, и большие торговые центры. Это — ареал существования преимущественно обеспеченных людей, где было особенно много и небольших храмов, и частных учебных и лечебных заведений; где как и в Тверской части Москвы (а это — территории между кольцом бульваров и Кремлем), — в отличие от других районов Москвы — активная жизнедеятельность продолжалась и после наступления сумерек. Совсем рядом были и главные «казенные» здания Москвы, дома собраний дворянского и купеческого, Английский и Охотничий клубы, университет и главная библиотека, консерватория, театр, музеи, центры торговли, рестораны, известнейшие гостиницы и московский Сити — Китай-город.

Все это формировало представление об «Арбате» как о своеобразном социокультурном пространстве, об особом месте «Арбата» и «арбатцев» (слово, введенное в речевой оборот Андреем Белым) в общественной жизни и в развитии культуры Москвы, с характерным именно для них образом поведения и мировосприятия. Жители тех мест, которым не были присущи такие свойства, как бы исключались из круга собственно «арбатцев» (в полумемуарного жанра сочинениях того же Андрея Белого это явно прослеживается). В то же время социокультурная общность «Арбата» была открытой: в нее вполне вписывались и многие из оседавших в Москве интеллигентов-литераторов, актеров, юристов, медиков, молодых людей, учившихся в Москве в университете, на Высших женских курсах, в других высших учебных заведениях, в консерватории, Училище живописи, ваяния и зодчества и др. Так, выходец из Калужской губернии, переехавший семнадцатилетним в Москву в 1898 г., когда его отец стал там директором металлургического завода, писатель Б.К. Зайцев своим ощущал именно «дворянско-интеллигентско-литературный Арбат». И особо любимая им «улица Св. Николая» (на самом Арбате находились храмы Николы Явленного на углу Серебряного переулка и Николы Плотника на углу Никольского (ныне Плотникова) переулка, а близ улицы на углу Николопесковских переулков храм Николы на Песках, снесенные на рубеже 1920–1930-х гг.) оставалась для него и в эмиграции до конца дней воплощением «образа юности отошедшей».

По возвращении Москве статуса столицы в межбульварье разместили многие посольства, некоторые здания заняли правительственные и партийные учреждения. Но по-прежнему не возникали заводы и фабрики, среди населения преобладали служащие, а в подвергнувшихся уплотнению и ставших коммунальными особняках и квартирах доходных домов оказалось много приезжих, причем преимущественно из окраин государства, которым ранее трудно было обосноваться в Москве. Не только социальный, но и национальный состав населения заметно из-

менился. Естественно, что среди эмигрировавших москвичей был весом процент «арбатцев». Оставшиеся же люди прежде привилегированных сословий, потесненные в своих домах и квартирах, сохранявшие во многом образ мыслей и манеру поведения арбатцев начала XX в., образовали своеобразную амальгаму с новоселенцами. В этой местности, особенно в более близкой к Кремлю и к центральным правительственным и партийным учреждениям, занявшим большие дома в самой центральной части города, воздвигавшиеся с конца XIX в. для представителя коммерческой элиты, поселялись в основной своей массе и сравнительно привилегированного положения функционеры этих учреждений и по-прежнему деятели культуры — искусства, литературы, науки.

К середине 1930-х гг. здесь среди жителей преобладали служащие, которых воспринимали как интеллигенцию, т.е. лиц интеллигентных профессий. И.В. Сталин в докладе о новой конституции определил «интеллигенцию» как «прослойку» между двумя слоями населения, занятого физическим трудом, — рабочим классом и крестьянством (тогда уже в массе своей по терминологии и СМИ, и учебно-просветительской литературы определявшимся словом «колхозники»). В прослойку «интеллигенция» попадали и все служащие: чиновники всех рангов — от высших до секретарей и счетоводов. С неизменным и быстрым увеличением численности служащих там все меньше оказывалось лиц, потомственно не занятых физическим трудом, и многие были первыми в роду, получившими не только высшее, но и среднее (и даже неполное среднее) образование. Но именно на том пространстве города Москвы, которое продолжали воспринимать как «Арбат», оставался — притом в сосредоточении — наибольший (по сравнению с другими ареалами Москвы) процент тех, кто происходил из семей, где уже не одно поколение занято было не физической работой и привычно к городской жизни (впрочем, в значительно меньшего размера городах и в местечках).

Все это, несомненно, влияло на формирование представлений об Арбате и у новопоселенцев, и у тех, чьи детские годы пришлись на первые послереволюционные десятилетия. И в представлениях этих были разные нюансы и акценты. Для Булата Окуджавы, воспитанного «арбатским двором», двором домов самой улицы Арбат, «арбатство, растворенное в крови» — это прежде всего элементы особо дорогой ему сохраняющейся социокультурной традиции, «уют» переулков Приарбатья. У проведшего детство в переулке близ Козихи видного культуролога и антиковеда Г.С. Кнабе, столь много сделавшего своими лекциями и статьями для побуда к размышлениям о специфике арбатского «мифа», это — акцент на идеологии прежде всего новопоселенцев. С распространением среди читателей — и отечественных и зарубежных — романа о времени сталинского тоталитаризма, которому А.Н. Рыбаков (проживавший в описанном им доме 51 на Арбате) дал заголовок «Дети Арбата», выражение это обретает и явный политико-идеологический подтекст, и определенные хронологические рамки.

Поскольку «Арбат» оставался средой обитания многих известных людей, то именно улицы и переулки этой местности особенно насыщены памятными досками и даже мемориальными музеями. Местность эту еще с пушкинских времен писатели избирают «ареной» действия своих художественных произведений и проживания их героев: и Л.Н. Толстой, и И.С. Тургенев, и М.Е. Салтыков-Щедрин,

после событий 1917 г. — и советские писатели, и эмигранты (А.Н. Толстой, М.А. Осоргин, М.А. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, Б.Л. Пастернак и другие менее известные ныне), не говоря уже о высокохудожественных сочинениях с мемуарной основой («Былое и думы» А.И. Герцена, произведения А. Белого). Показывая изменения лика Арбата, образа жизни и образа мысли арбатцев, писатели характеризовали перемены в судьбе России и всех россиян. (Первоначально это было особенно ощутимо в произведениях эмигрировавших писателей Б.К. Зайцева, М.А. Осоргина, М.И. Цветаевой.) В литературе и в искусстве Арбат становится еще в XIX в. как бы типологическим образом Москвы (от жанрового пейзажа В.Д. Поленова 1870-х гг. с показательным названием «Московский дворик», где изображен храм Спаса на Песках, до послевоенного кинофильма «Я шагаю по Москве», для основного действия которого избрали Кривоарбатский переулок по другую сторону Арбата) и в то же время типологическим отражением жизни всей России.

Слово «Арбат» давно стало обиходным в русской поэзии при обращении к образу Москвы — и для жителей города, и для немосквичей. Упоминание его встречается в стихотворных строках почти пятисот авторов — и малоизвестных, и самых знаменитых. Видный библиограф и москвовед В.М. Мешков объединил выявленные им стихотворения (или фрагменты их) в книге 2004 г. «Арбат предомно: Поэтическая, биографическая и библиографическая книга», где приведены сведения о жизни и творчестве авторов. Его поиск продолжается; в районной газете «Арбатские вести» регулярно публикуются новые очерки В.М. Мешкова. В стихотворениях нередко обнаруживается ощущение особенности восприятия Арбата и тем самым мировосприятия и общественного сознания автора: притягательности или, напротив, неприятия традиций «арбатцев» как социокультурного явления. Ныне, когда во всем мире у историков, социологов, психологов, культурологов возрастает внимание к изучению повседневности, микроистории, сферы менталитета, наблюдения такого плана обретают особую значимость для ученых.

Это явный показатель и распространенного представления об Арбате как о местности, наименование которой как бы воплощает представление о Москве в целом. В массовых песнях слова: «За нами Россия, Москва и Арбат». В современном фольклоре женитьбу на москвичке обозначают словами: «жениться окнами на Арбат». С конца 1980-х гг., и особенно после 1993 г., Арбат сравнивают с самыми известными местностями столиц других государств, причем авторы неодинаковой и стилистической, и общественной ориентации. Название «Арбат» дают магазинам, торговым точкам, ресторанам. О пешеходных улицах (особенно если там еще и интересные достопамятности) говорят: «Это — наш Арбат».

Юбилей Арбата оказался демонстрацией существенных изменений в общественном сознании россиян, в их отношении к своему культурному наследию. Это был едва ли не первый после революционного переворота 1917 г. праздник историко-культурного профиля без обязательно навязываемого политико-идеологического налета — российское культурное наследие мыслилось не только в современных государственных границах (и соответственно в рамках господствующей там идеологии), а в собственно планетарном пространстве. Тогда и говорили и писали об «Арбате» всех россиян, и о тех, кто стал эмигрантами, тоже. Культура рос-

сийской диаспоры воспринималась как составная часть многообразного российского культурного наследия и один из показателей его мирового значения.

В 1937 г. юбилею А.С. Пушкина, казалось бы, сплотившему все ветви российской эмиграции, противостоял торжественный советский юбилей, когда Пушкин официально провозглашался предтечей наших современных социокультурных преобразований и именно граждане Советского Союза представлялись его наследниками. О контактах, тем более о совместных мероприятиях с эмигрантами не смели и думать. Юбилей же Арбата буквально совпал по времени с международной конференцией с участием эмигрантов и их потомков «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг.». Мой доклад там имел название «Арбат в культуре российского зарубежья». К 1993 г. уже положительно сказался один из самых значимых результатов так называемой перестройки: культура российской эмиграции стала снова восприниматься на Родине как сфера развития российской культуры — даже в программах школьного обучения.

И юбилей Арбата явился в определенном плане предтечей не только юбилея Москвы 1997 г., но и пушкинского юбилея 1999 г. Мне, как члену Государственной комиссии по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина, это было явственно ощутимо на международных конференциях, заседаниях и у нас, и за рубежом.

После празднования юбилея Арбата еще в большей мере утвердилось понятие о том, что это — знаковая улица Москвы. Считается, что, побывав в Москве, должно обязательно полюбоваться Кремлем и его окрестностями и повидать Арбат. Кремль — это традиции величия российской державности и высокий образец градостроительного и изобразительного искусства. На Арбате же ожидают знакомства с историко-культурными традициями московской повседневности. И для многих внешний облик и образ жизни нынешней улицы Арбат формируют первое впечатление о том, что признают знаком (или даже символом) московской культуры.

Отнюдь не у всех представление об Арбате складывается как о некоей социокультурной общности — ареале улиц и переулков, и любознательность знакомящихся со столицей России сосредоточивается прежде всего на самой улице Арбат, или, как ее стали называть, «Старый Арбат», в отличие от застроенного по однотипным и малохудожественным стандартам Нового Арбата. Исходят при этом из почерпнутого в художественной литературе и мемуарах, в памятниках изобразительного искусства, искусства кино, из преданий москвичей, разговоров их об отношении к Арбату. Это чутко воспринял образованнейший знаток культуры и приметливый к ее деталям мыслитель академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. В последние годы жизни, в бытность руководителем Фонда культуры, он останавливался обычно в гостинице в Плотниковом переулке, получившей название «Арбат». Мы не раз прогуливались по переулкам Приарбатья, и он просил рассказать о прошлом этих мест, о том, где и когда бывали лица, хорошо известные ему по истории нашей культуры. Впечатлениями о Приарбатье Д.С. Лихачев делился с посещавшими его в гостинице. И когда послал ему первый номер газеты «На Арбате» (такое название было первоначально у нынешних «Арбатских вестей»), то он сразу же в письме от 30 марта 1995 г. откликнулся: «Очень тронула и газета “На Арбате” — в Пе-

тербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату. Невский слишком официален...»

Увы, сейчас, т.е. по прошествии около пятнадцати лет, москвичи не говорят уже о сегодняшнем Арбате с нежностью. Это сохраняется лишь в ностальгических ощущениях старожилов. И если у меня достанет времени и сил на подготовку книги об Арбате и «арбатстве» и продолжения работы по теме «Арбат в истории и культуре России» (начальная часть которой опубликована в первом выпуске альманаха «Арбатский архив»), то в заголовке (или подзаголовке) будут слова Булата Окуджавы «Когда еще Арбат существовал».

Несомненно, улица Арбат в последнее время приняла благоприятный внешний облик — выглядит ухоженнее; более упорядоченными, а иногда даже и красивыми кажутся места торговли. Новостройки в начальной части Арбата соответствуют понятиям об архитектуре современного города. Старожилам заметна забота управы «Арбат» и Центрального административного округа Москвы о нынешнем облике улицы. Оповестили в печати и о принятых Правительством Москвы решениях о развитии и дальнейшей реконструкции Арбата. Однако сегодняшний Арбат ничем не похож на улицу, воплощающую преемственность культурных традиций, не напоминает историко-мемориальную местность.

Арбат не дает представления и о каждодневном образе жизни москвичей, тем более что местных жителей почти не встретишь — улица заполнена приезжими. Бросается в глаза полное отсутствие детей дошкольного возраста и даже до 16–17 лет. Почти нет и пожилых людей. В магазинах цены на продукты из наиболее высоких в Москве; магазины и лавочки с необходимыми промтоварами (нитки и иголки, электрические лампочки, писчебумажные товары и др.) исчезли; присесть негде. Многие годы Арбат был средоточием магазинов книжных (особенно букинистических), репродукций. Некоторые из них остались, но там теперь преобладает антиквариат, а букинистические издания по ценам недоступны по-настоящему читающей публике. Арбат — улица гуляющих приезжих и обслуживающих их товарами, песнями и фокусами, рисованием портретов. И именно по такому Арбату формируется у гостей нашего города образ повседневной московской культуры, более того, и у иностранцев, наслышанных об особой роли Арбата в истории нашей культуры и получающих объяснение: почему именно здесь установлены памятники и молодой чете Пушкиных, и философу Лосеву, и Окуджаве, о ценностной шкале московских историко-культурных традиций.

Уважительный интерес приезжих к нашей российской культуре на Арбате не находит удовлетворения. Между тем с конца XX в. именно это особо привлекает зарубежную интеллигенцию. Прежде особенно интересовал феномен социально-политических преобразований в нашей стране, обеспечивших необычайные и пугающие достижения в области военно-промышленного комплекса. И потому модной и приносившей к тому же немалый доход специализацией становилась «советология». Теперь, после событий 1991 г., стремление овладеть этой специализацией за рубежом резко ослабевает. Но зато с возрастанием во всем мире интереса к проблеме культурного наследия человечества развивается потребность ознакомления с особенностями нашей многовековой культуры, историей ее развития, и не только в сфере высших ее проявлений.

В Сорбонне в 2000 г. организовали международную научную конференцию «Сто лет российского краеведения (1890–1990): происхождение, кризис, возрождение» с приглашением москвичей и других наших соотечественников (труды ее изданы отдельной книгой). Организаторы были заинтересованы в обсуждении такой проблематики не только из-за того, что наша огромная по территории страна является и многонациональной, и многоконфессиональной, с богатым многообразием природных условий и историко-культурных особенностей. Но и потому, что в первые годы советской власти до зловещего для судеб страны «великого перелома», закрепившего режим тоталитаризма, стали особенно тесными и плодотворными взаимосвязи «большой науки» — академической и университетской — с местными краеведами (это время золотого десятилетия нашего краеведения!) и была разработана методика исследований, опережавшая открытия зарубежных специалистов по изучению повседневности, микроистории, локальной истории, изменений в языке.

Широко отмечено было в Париже в 2001 г. 125-летие Тургеневской библиотеки международным colloquium «Париж и русская эмиграция: культура в изгнании, культура изгнания». Пушкинские торжества 1999 г. (сопровождавшиеся открытием памятников, конференциями, выставками) имели место во многих городах всех континентов. И если осуществится намерение создать небольшие гостиницы для иностранцев в арбатских переулках, то поселившихся в таких отелях лиц интеллигентных профессий будут интересовать прежде всего подлинные культурные традиции Москвы и России, воплощением которых их приучили признавать «Арбат».

Улица Арбат в последние десятилетия закрепила в широких общественных представлениях как неотъемлемая составная часть образа Москвы, даже визитная карточка нашего города, традиций его культуры с XVIII–XX столетий. И мы сами постарались в свое время создать такой имидж, т.е. целенаправленно сформированный образ, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях популяризации и рекламы этого явления (нарочито привожу определение понятия «имидж» из однотомного Большого энциклопедического словаря). Это уже данность. И следует постараться, чтобы знакомство с Арбатом вызывало высокие представления о культуре Москвы и России и в прошлом, и в настоящем.

Образ нынешнего Арбата никак этому не способствует. Во имя престижа Москвы надо попытаться облагородить его, сделать достойным нашего великого города. Арбат должен выглядеть как улица культуры и исторической памяти Москвы. И потому на научно-практической конференции «Пять лет развития программы москвоведения. Проблемы и перспективы», организация которой в апреле 2002 г. в здании мэрии города Москвы на Новом Арбате была приурочена к моему восьмидесятилетию, докладу своему дал заголовок: «Замыслы пожилого москвича-москвоведа и пути их реализации: “Большая московская энциклопедия”; Арбат — визитная карточка истории и культуры Москвы». Расширенный текст доклада был опубликован в изданной Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации города Москвы книжечке материалов конференции в 2003 г., перепечатан в книге моих статей 2004 г. «История Москвы и проблемы москвоведения»; и в этом вступлении к альманаху иногда текстуально повторяю сформулированное тогда и позднее в других статьях и интервью.

Пожелания об издании «Московской энциклопедии» в существенной своей части реализуются. В значительной мере благодаря действенной поддержке этой инициативы мэром Москвы Ю.М. Лужковым. И показательно, что в поздравительном обращении к выпускникам школ Москвы в июне нынешнего — 2009 — года Юрий Михайлович первым среди школьных предметов, постижению которых помогали им педагоги и наставники, называет историю («Вечерняя Москва» от 23 июня 2009 г.).

«Московская энциклопедия», задуманная в двух томах самостоятельной тематики «Лица Москвы» и «Образ Москвы в прошлом и настоящем», в первых своих книгах уже дошла до читателя — это первые две из четырех книг тома «Лица Москвы». Впервые составляется Московский биографический словарь. Если в однотомных энциклопедиях «Москва» 1980 и 1997 гг. было около тысячи статей об отдельных лицах, то в начавшей выходить «Московской энциклопедии» более десяти тысяч (причем включаются статьи только о скончавшихся исторических лицах). Среди них весомый процент арбатцев. Издание вызывает немалый интерес не только у москвичей, предполагается объявить подписку на дополненное переиздание.

С программой осуществления замыслов об Арбате как визитной карточке истории и культуры Москвы дело обстоит гораздо хуже. Благодаря энергичной поддержке мэра Москвы со второй половины 2008 г. восстанавливается специфика улицы как одного из средоточий книжной торговли столицы, но тоже далеко не в значимом масштабе и при помехах со стороны московских чиновников. Потому полагаю необходимым вновь поделиться некоторыми соображениями на этот счет. При этом исхожу из того, чтобы эти пожелания не требовали при осуществлении их особо больших затрат и изменений в программе реконструкции архитектурного облика улицы.

Можно обойтись без возведения новых зданий на улице Арбат. Но очень желательно было бы восстановить колокольню храма Николы Явленного на углу Серебряного переулка: большая улица, да еще с такой долгой и славной историей, не может быть без храма. Храм снесли в начале 1930-х гг., однако место осталось незастроенным большими домами. Колокольня на изгибе улицы, о которой с трепетной любовью вспоминали писатели-эмигранты, поддерживала ощущение холмистости местности и в период, когда не было многоэтажных зданий, видимо, помогла закреплению предания, будто наименование «Арбат» произошло от слова «горбат». Храм же новодел может и не быть повторением прежнего.

Хорошо было бы восстановить (отодвинув его при этом к линии основных домов) ампиный с колоннами особняк, соседствовавший с церковными зданиями и погибший в бомбежку 22 июля 1941 г. В этом доме, владельцы которого были связаны (прямо или косвенно) с Пушкиным, находился в течение десятилетий знаменитый его портрет работы В.А. Тропинина. Там удобно было бы открыть «Музей Арбата», причем не только с экспозицией о роли местности в развитии отечественной и мировой культуры — ведь Арбат с переулочьем до середины XVIII в. был и средоточием ремесленников (что отразилось в названиях переулков — Серебряный, Денежный, Плотников и др.). Арбат — и улица военной истории: по этой дороге двигались вышедшие из Москвы защитники Родины и нападавшие на Москву и покидали город пытавшиеся покорить наш народ. А в сталинские времена это

улица и особого охранительного режима. История улицы Арбат многогранна и не сводится только к традициям развития нашей культуры.

Именно в Музее Арбата вполне допустимо не ограничиться напоминанием о славных именах местных жителей, но воссоздавать обстановку московской жизни интеллигенции и в предреволюционное время, и в коммунальных квартирах первых советских десятилетий, используя при этом опыт экспозиции выставок, организованных к юбилею Арбата: «Арбату — 500 лет» в выставочном зале Музея А.С. Пушкина (в Денежном переулке), подготовленной музеями Историческим и А.С. Пушкина при участии Музея истории Москвы, и «Арбат и литература» в филиале Государственного Литературного музея (в доме 30 по Сивцеву Вражку). В будущем музее, несомненно, удастся собрать немало памятников подлинной каждодневности прошедшего столетия, и он может стать особо интересным и для широкой публики, и для ученых, и для писателей, художников, актеров.

В будущем Музее Арбата хорошо бы сосредоточить произведения «удивительного мальчика» с Арбата Коли Дмитриева, погибшего шестнадцатилетним. «Головокружительность дарования» его (слова Б. Пастернака) поразила уже на первой из выставок в 1949 г. Выставка 1995 г. в выставочном зале Музея А.С. Пушкина стала лучезарным открытием для следующих поколений.

На улице Арбат не было (кроме, пожалуй, снесенной колокольни) особо примечательных памятников архитектуры — привлекал он своей аурой и памятью об историко-культурных традициях. И для того чтобы восстановить статус особой привлекательности Арбата для студентов и школьников, для лиц интеллигентских профессий, не нужно изменять внешний образ улицы, а должно сделать так, чтобы снова появились притягательные для них культурно-образовательные центры и специфика торговли.

На Арбате и в Приарбатье воздвигнуты памятники и появились доски в память выдающихся арбатцев — деятелей культуры (в этой книге разного типа информация о них). На Арбате знаменитый Театр имени Евг. Вахтангова, напротив возник Театр имени Р.Н. Симонова, имеется теперь и Музыкальный центр П.Я. Слободкина. Но это все для вечерней жизни. Дневной же Арбат не может казаться интересным для тех категорий москвичей и приезжих, которые только что упоминались.

На Арбате в соседних домах квартира-музей Пушкина и квартира-музей Андрея Белого. Но главная экспозиция и центр пушкиноведения и пушкинолюбия в здании переулка близ улицы Пречистенка, а подлинные вещи Пушкина сосредоточены после закрытия организованной в Москве в 1937 г. выставки в Музее Пушкина в Петербурге, в последней его квартире у реки Мойки, где он скончался.

Хочется пожелать скорейшего выполнения обещания открыть на Арбате музей Булата Окуджавы, тем более что с годами все более убеждаемся в том, что это не только бард, любовь к которому не ослабевает, но проникновенный мыслитель, отражавший в своем творчестве и всечеловеческое и особо чувствительное для его времени и потому притягательный для людей разных поколений, общественных воззрений, разного жизненного опыта и уровня образованности. К Окуджаве испытывали душевную симпатию многие — и малоизвестные люди, и знаменитые и на Родине, и за рубежом. И потому музей Окуджавы станет музеем и истории общественного сознания его современников (и в России, и за ее рубежами).

Особенно важно, чтобы на Арбате был бы музей, привлекающий и взрослых и обязательный для школьной программы. Для него имеется здание, не использовавшееся доселе в таких целях, — единственный во всем этом районе образец барских палат дворцового типа, остаток Арбата времени действия «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Это — дом 37, особняк XVIII в., восстановленный после пожара 1812 г., интересный и своими владельцами (лица пушкинского окружения — великая актриса Екатерина Семенова, близкий к декабристам внук Екатерины II граф В.А. Бобринский, мемуарист Д.Н. Свербеев, в салоне жены которого, близкой родственницы П.Я. Чаадаева, десятилетиями собирались выдающиеся лица поколений и Пушкина, и Герцена, и Л. Толстого). Сохранились и внешний, и внутренний дизайн здания, большой внутренний двор. Во дворе — служебные здания новой постройки, которые легко приспособить для служебных помещений сотрудников и хранилищ музейных материалов. Там можно было бы построить и соответствующий современной технологии выставочный зал или зал для заседаний, под землей — помещения для раздевалки, столовую и пр.

В здании этом более полутора столетия размещаются судебные учреждения. Имеются уже документы, отражающие согласие рассмотреть вопрос о переезде в другое помещение в городе, если оно будет удовлетворять потребностям судебного учреждения. Хочется думать, что мэр Ю.М. Лужков приложит усилия к нахождению такого помещения. После уничтожения сооруженной в советские годы стены (называемой в просторечии теперь «стеной Цоя»), скрывающей то, что делалось в этом учреждении особого назначения, обнаружилось бы великолепное здание, украшающее улицу и возвращающее память к великим традициям нашей культуры.

Такое здание могло бы стать центральным для Государственного Литературного музея, размещающегося в помещении бывшего монастыря на улице Петровка, которое он обязан освободить и передать Православной церкви. Именно в Приарбатье расположены филиалы этого музея: в Сивцевом Вражке дом-музей А.И. Герцена и здание, где жили Аксаковы и до недавнего ремонта был Музей русской литературы XIX в.; в Трубниковском переулке — Музей литературы послереволюционной поры; в Денежном переулке — Музей-квартира А.В. Луначарского (там и архив музея). На территории бывших Арбатской и Пречистенской частей или у границы их — музеи классиков нашей литературы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, А. Белого, М.И. Цветаевой, А.Н. Толстого, а также певца Ф.И. Шаляпина, композитора А.Н. Скрябина, музыканта-педагога Е.Ф. Гнесиной, скульптора А.С. Голубкиной, знаменитый дом архитектора К.С. Мельникова. Государственный Литературный музей в великолепном здании на Арбате (тоже незаурядном памятнике архитектуры) в окружении мемориальных музеев прославленных писателей и деятелей искусств и воздвигнутых им памятников сделает понятным для всех — и для не владеющих русским языком тоже, — почему именно Арбат признают улицей нашей культуры.

Важно было бы вернуть улице Арбат свойственную ей около полутора столетий специфику улицы книжной торговли. Сейчас уже появились книжные развалы, и хорошо, что прежде всего там, где сосредоточены культурные учреждения: от театров и Дома-библиотеки А.Ф. Лосева по направлению к метро «Смоленская». Желательно, чтобы они оставались каждодневными: это удобнее и для про-

давцов (которым приходится оплачивать хранение их товара в ночное время), и для покупателей — любителям книги менее привольно на Арбате в выходные дни, когда их теснит праздноголяющая публика. Очень хорошо, если бы удалось иметь здесь центры продажи старой уцененной научной и учебной книги, где можно было приобрести и издания прежних лет, в которых надобность и у учащихся, и у специалистов, разрозненные тома энциклопедических справочников, продолжающихся научных изданий, собраний сочинений.

Арбат — место обязательного ознакомления иностранцев, большинство из которых не читают по-русски. У них потребность в сувенирах, причем именно московских, а не российских (или псевдороссийских), тем более не в предметах китча, которыми насыщены витрины арбатских магазинов и столики уличных продавцов. Важно, чтобы были магазины *именно московских сувениров* или магазин «Московский сувенир» с разными отделами и разнообразием ассортимента — и на разные вкусы, и на разные материальные возможности, но, конечно, рассчитанный преимущественно на массовый спрос знакомящихся с Москвой, желающих сохранить память об этом и одарить таким ощущением других.

Это может быть и всякого рода печатная продукция: книги, буклеты, репродукции, плакаты, конечно же, путеводители (и по Москве в целом, и по отдельным районам города, и, естественно, по Арбату с Приарбатьем). Это — фильмы, дивиди (DVD). Обязательно — самые распространенные виды сувениров, значки. Это — медали, монеты и ювелирные изделия, изделия из глины, стекла, металлов, дерева и кожи, тканей, вышивки и т.п., но *обязательно московской тематики*. Желательно было бы организовать производство массовым тиражом подобных изделий — значков, фигурок, тарелок и кружек, игрушек, платков и салфеток, галстуков, книжных закладок, календарей (на бумаге, на ткани) с изображениями московских памятников и видов, знаменитых москвичей и событий московской истории — памятников Пушкину, Гоголю (конечно же, работы Н.А. Андреева, запрятанного ныне в малый дворик и утратившего тем самым значение шедевра городского ландшафта), Достоевскому, Л. Толстому, Чехову, Горькому, Маяковскому, Есенину, Цветаевой, Окуджаве, Чайковскому, Пирогову, Минину и Пожарскому, Суворову, Гагарину, скульптуры «Рабочий и колхозница», зданий-храмов Василия Блаженного и Христа Спасителя, Триумфальной арки, Пашкова дома, Московского университета, Мавзолея Ленина, ансамбля на Поклонной горе и др. Помнится, как радовали родных и знакомых в годы, когда поездки за рубеж были мало кому доступны, эйфелевы башни и Нотр-Дам из металла, ручки с головами Наполеона и де Голля, платочки и календарики с видами Парижа, привозимые мною из Парижа, или мелкие вещицы бытового обихода, показательные для каждодневности болгар, чехов, немцев, итальянцев...

Вероятно, нетрудно убедить, что некоторая переориентация владельцев нынешних магазинов на Арбате с их зазывными витринами принесет им дополнительный доход. Все это помогло бы закреплению представления об Арбате не только как о пешеходной улице, но и его историко-мемориальной зоне.

Безусловно, особо привлекательной для немосквичей стала бы возможность ознакомиться с московской кулинарной культурой, да еще в обстановке, дающей понятие о московском гостеприимстве. На Арбате немало ресторанов и кафе, но

отнюдь не помогающих узнать, что такое московская, да и вообще русская кухня, накрытый по-русски стол. Вероятно, особенно в дневные часы, такие специфические кафе-столовые для обычных посетителей Арбата было бы небезвыгодно содержать и владельцам этих помещений.

Когда речь идет об Арбате, имею в виду и ближайшие дома приарбатских переулков, где можно разместить не только небольшие кафе, воссоздающие атмосферу уюта, о которой узнаем из произведений художественной литературы и мемуаров. Там же удобно было бы разместить и маленькие промтоварные магазины для повседневных нужд местных жителей.

Чтобы Арбат в еще большей мере ощущался улицей исторической памяти, хорошо было бы отметить стены старых арбатских домов списками «исторических лиц», там проживавших, ориентируясь на упоминание в книгах «Московской энциклопедии». Это могли бы быть одинакового внешнего вида доски из тонкого металла (быть может, с изображением свитка с написанными четкой прописью фамилиями, именами и отчествами, указаниями на занятия, обеспечивавшими «знаменитость», и даты проживания в этом месте). Данные такого рода имеются в «Московской энциклопедии» (при подготовке статей старались выявить места и проживания — по возможности все, — и захоронения), в статьях В.В. Сорокина «Памятные места Старого Арбата» («Наука и жизнь». 1985. № 7, 8), в ставшей классической книге Б.С. Земенкова «Памятные места Москвы: Страницы жизни деятелей науки и культуры» (1959), которую очень желательно было бы переиздать (сопроводив примечаниями, если дома не сохранились, изменили облик и стала иной нумерация), в путеводителе «Арбат» моей однофамилицы О.Р. Шмидт, книге И.И. Левина «Арбат. Один километр России» и во многих других книгах и статьях, в той или иной мере посвященных знаменитой улице и ее знаменитым обитателям.

Вероятно, наступила пора уже сейчас задуматься о подготовке в отдельной книге энциклопедии «Арбат» со сведениями, относящимися к прошлому и настоящему территории, ныне подведомственной управе «Арбат», и о проживавших там известных людях. Книга могла бы включать и очерк об «Арбате» как большой территории и ее социокультурном своеобразии. Материалы «Московской энциклопедии» — уже имеющаяся основа для подготовки такого издания. И если уже сейчас найдутся спонсирующие его, можно было бы начать вычленение всего, относящегося и к будущему однотомнику «Арбат. Энциклопедия» в редакции «Московской энциклопедии» и прилагаемого к ней географического атласа.

В недавнее время управа «Арбат» способствовала публикации карт, книг, открыток об Арбате, созданию фильмов из серии «Улицы и переулки Арбата». Последнее издание — книга «Арбат в жизни Гоголя» С.Ю. Шокарева была стремительно подготовлена в канун празднования юбилея Н.В. Гоголя благодаря энергичному содействию главы управы «Арбат» Алексея Вячеславовича Садикова и заместителя генерального директора издательства «Наука» Акрама Джапаровича Бобровича. Следует подумать о подготовке дополненного издания этой книги с учетом новых материалов о Гоголе в Москве, выявленных в связи с юбилеем, особенно тех, которые были представлены на выставках, организованных в начале 2009 г. Хорошо было бы подготовить серию небольших книг с иллюстрациями такого же типа: и об отдельных местностях территории «Арбат» в культуре России,

и «Пушкин и Арбат» (Арбат в жизни Пушкина и Пушкин в жизни Арбата последующего времени), и «Лев Толстой и Арбат», и «Мастерские художников и скульпторов на Арбате», «Арбат в жизни музыкантов», «Гимназии Приарбатья», «Квартиры профессоров Арбата и Приарбатья» и др.

Первый выпуск альманаха «Арбатский архив» был встречен одобрением читателей: появились отклики в печати; издание стало цитируемым не только в сочинениях московедческой тематики; книга быстро исчезла с прилавков книжных магазинов. Начали сразу готовить второй выпуск и собрали уже значительный материал для него. Но помешал дефолт. Возможность осуществления замысленного более десяти лет назад издания появилась благодаря инициативе А.В. Садикова и помощи в реализации проекта со стороны А.Д. Бобровича и его сотрудников. И члены редколлегии душевно признательны им и редакторам издательства «Наука».

Во второй выпуск альманаха включены и оставшиеся ненапечатанными материалы из собранных еще в 1990-е гг.; грустно, что некоторые из авторов не дождалась публикации написанного ими. Значительную часть книги составляет написанное недавно, уже для этого издания.

Возобновление издания альманаха «Арбатский архив», конечно, тоже должно способствовать обогащению информации об «Арбате», «арбатцах», «арбатстве», расширению представлений о значении всего этого для познания Москвы. И очень хотелось бы надеяться, что издание станет продолжающимся. В портфеле редакции имеются уже материалы и для следующего выпуска (и даже выпусков).

Предлагаемая программа рассчитана не на один год. Но если последовательно и целенаправленно действовать, то уже в скором времени знакомство с Арбатом и близко находящимися домами в переулках станет реально ощутимой демонстрацией преемственности в развитии российской культуры. Москва — одна из великих культурных столиц мира, а Арбат — улица и даже большей территории местность — название, неотделимое от представления о Москве. Арбат должен быть школой познания и прошлого, и настоящего нашего города и достойным воплощением исторической памяти и культуры Москвы.

О КНИГЕ В.М. МЕШКОВА «АРБАТ ПРЕДО МНОЮ...»

Произнося слово «Арбат», издавна подразумеваем не одну улицу с таким наименованием, но и соседние с переулочьем. Чехов относил к «местности Арбата» переулки близ Зубовской площади, о «мире Пречистенки и Арбата» писал Пастернак, а Окуджава разъяснял уже в послевоенные годы: «Арбат — хитросплетение переулков и улочек, дворов и сквериков... Все это, примыкающее к улице Арбат, и есть Арбат...» Арбат — улица срединная в этой местности и — главное — единст-

Впервые опубликовано: Мешков В.М. Арбат предо мною... Поэтическая, биографическая и библиографическая книга. М., 2004. С. 5-6 (под назв. «Предисловие»).

венная, неизменно сохранявшая более пятисот лет свое имя. «Странное название» это уникально в европейской России и уже тем самым становится одной из отличительных примет Москвы.

Около двухсот лет назад начало уже формироваться представление о «дворянско-интеллигентско-литературном Арбате» (как влюбленно писал о нем эмигрировавший писатель Б. Зайцев), и после революционных событий 1917 г. в этой отдаленной от фабрично-заводских районов местности в покинутых или уплотненных особняках и в больших квартирах доходных домов поселялись преимущественно служащие. И потому-то здесь особенно много мемориальных досок и музеев.

Пушкин жил на Молчановке мальчиком в предлицейские годы, близ Собачьей площадки по возвращении из ссылки; первая семейная квартира его на Арбате, где в канун свадьбы на «мальчишнике» сошлись самые выдающиеся писатели. Образ «Арбата» — во многих мемуарах. Арбат и Приарбатье — место действия выдающихся произведений русской литературы — начиная от романов Тургенева и «Войны и мира» Л. Толстого, произведений, написанных после Гражданской войны, — и советских писателей, и тех, кто оказался в эмиграции; и там отражены типологические явления общественной жизни России. «Арбатское» казалось воплощением «московского» в искусстве: пейзажу Поленова с изображением уцелевшего донныне храма Спаса на Песках дано название «Московский дворик», а действие кинофильма 1960-х гг. «Я шагаю по Москве» происходит по другую сторону улицы — в Кривоарбатском переулке. Андрей Белый ввел в обиход выражение «арбатцы» для характеристики людей определенного круга в начале XX в.; к исходу столетия утвердилось перенятое у Булата Окуджавы представление об «арбатстве».

Понятие «Арбат» постепенно стало восприниматься не как историко-топографическое, а как знаковое в культуре, один из любимых символов Москвы. Это чуть-чуть уловил знаменитый петербуржец Д.С. Лихачев, когда писал в середине 1990-х гг.: «...в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату...»

Знаток литературы о Москве, составитель изданной в 1997 г. библиографической энциклопедии «Москва вековая» В.М. Мешков увлеченно занялся выявлением стихотворных текстов об Арбате. Обнаружились упоминания в стихах и самых знаменитых авторов (даже немосквичей — Некрасова, Ахматовой), и стихи тех, имя которых сейчас мало что говорит. Почти пятьсот авторов, около тысячи стихотворений (или их фрагментов) — это Арбат как частица мировосприятия, притягательность или — напротив — неприятие его традиций. Составитель постарался определить, чем вызвано появление образа «Арбата», рассматривая его в контексте жизни и творчества известных писателей и знакомя с биографией и данными о творческом наследии малоизвестных авторов — так выясняется отражение рано обретшего социокультурную значимость явления в широком общественном сознании. Ныне, когда во всем мире у историков, социологов, психологов возрастает внимание к изучению культуры повседневности и к микроистории, это представляется особенно интересным.

Более всего эта поэтическая антология отражает ощущение людей отошедшего или уходящего времени. И действительно, сама улица, даже при всей ее укра-

шенности, буквально на глазах утрачивает прежний облик историко-культурного ареала Москвы. А ведь после празднования в 1993 г. юбилея 500-летия Арбата, осознаваемого как преддверие грандиозного юбилея Москвы в 1997 г., Арбат стал восприниматься как визитная карточка культуры Москвы, улица исторической памяти, посещение которой обязательно для приезжих.

Эта книга, хочется думать, поможет возвращению улице Арбат того образа, который осознается теперь только как «миф об Арбате», — и в большей мере реальностью станут широкая книжная торговля в магазинах и на лотках, музейные экспозиции и художественные выставки, уютные недорогие кафе, студенческая и школьная молодежь на улице, прогуливающиеся или отдыхающие на скамейках старики. Наш великий, славный своей историей город, привлекающий туристов и России, и всего мира, заслужил, чтобы Арбат по-прежнему являлся воплощением преемственности историко-культурных традиций Москвы и России.

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ О МОСКОВСКОМ УЧИТЕЛЕ СЛОВЕСНОСТИ И.И. ЗЕЛЕНЦОВЕ

Широко известный в 1930–1940-е гг. учитель российской словесности Иван Иванович Зеленцов (1879–1950) около тридцати лет преподавал в школах на углу Столового переулка и на углу Мерзляковского переулка — в «арбатском» средоточии Москвы. Выдающийся педагог даже в годы тоталитарного режима сумел оказать большое плодотворное влияние на становление образа мыслей и поведение своих учеников. Обучение для него было неотделимо от нравственного воспитания. И образ Учителя, общение с ним остались в памяти сердца и, как выясняется, оказались в корневой основе деятельности тех, кто связал свою дальнейшую судьбу с преподаванием в средней и высшей школе, с наукой и искусством.

Название книги — «Ты, солнце святое, гори!»: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове». Метафорическая формула Пушкина, пожалуй, точнее всего определяет основную направленность и содержание книги — точнее даже, чем последующие слова заголовка. Ибо это книга не о жизни учителя словесности, а о восприятии его творчества, света, им излучаемого, через годы после его кончины. Для многих авторов школьные уроки его, беседы с ним стали уроками жизни; но осознание этого пришло позднее. И книга эта не столько о 1930–1940-х гг., сколько о впечатлениях тех лет по прошествии десятилетий.

Это размышления людей о своей юности, о том, что осталось с нами и по сей день. Ибо «душа моя, Элизиум теней, теней безмолвных, светлых и прекрасных...» Мудрый Тютчев осознал это еще тридцатитрехлетним. С годами бытие наше все в

Впервые опубликовано: «Ты, солнце святое, гори!»: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост. Г.Д. Поневежская, С.О. Шмидт. М., 2000. С. 6–21 (под назв. «О книге, ее героях, ее авторах»).

большей степени ощущается как бы в двух измерениях: в общении и с живущими, и с покинувшими нас. Наша мысль, ассоциации, даже сны не ограничиваются визуально воспринимаемым и наблюдаемым; с нами постоянно и наше прошлое. И воспоминания зачастую более согревают, чем настоящее.

Память — основа и нравственности, и культуры, и мироощущения. И человек крепче хранит память благодарную, чем память злую: отрицательные воздействия чаще забываются. Это отметил в своих «Воспоминаниях» наш великий современник Дмитрий Сергеевич Лихачев, утверждая вслед за тем, что «интересы человека формируются, главным образом, в его детстве»¹. Для большинства участников издания Иван Иванович — одно из самых сильных впечатлений юности, из тех, что формировали нас в период становления личности. Живое присутствие его сохранялось в душе — а это значит, что творчество продолжалось и после ухода творца.

Основа книги — воспоминания. Они отражают понимание прошедшего уже в последующие годы, когда утрачены свежесть и точность непосредственного восприятия, а мысль — в плену накопленного жизненного опыта, освоенного культурного наследия, выработавшейся постепенно шкалы ценностей. И, стремясь выявить взаимосвязи прошлого и настоящего, корни того, что кажется ныне дорогим, в той или иной мере мы невольно поддаемся и мифотворчеству.

А документальных прижизненных материалов об И.И. Зеленцове выявлено крайне мало. Личный архив его не сберегли. Не уцелел и машинописный сборник статей и воспоминаний коллег и учеников, подготовленный нами зимой 1938/39 года к 60-летию Ивана Ивановича и 35-летию его педагогической деятельности².

Записи «лекций» Ивана Ивановича, сохраненные ученицами, даже если допустить, что зафиксировано все почти дословно, не могут передать интонационный строй речи, манеру разговора, особое умение обращаться одновременно и ко всем, и к каждому.

Все это не позволяет с должной последовательностью и полнотой восстанавливать его творческую жизнь в Москве. Тем более что мы, естественно, многое не в силах были осмыслить в происходящем вокруг нас, да и в нас самих. Нравственный подвиг учителя нам был тогда еще непостижим, и, конечно, не нам, учащимся, было тогда оценивать (или даже просто отмечать) его педагогическое новаторство.

Мы почти ничего не знали и о домосковской жизни нашего учителя. Известно было, что он вырос в семье священнослужителя, в сельской местности, и ему с детства была близка среднерусская природа. А в Москве он оказался в годы революции. Но ни об учении его в духовных учебных заведениях, ни о подробностях преподавательской работы в рыбинских гимназиях, тем более об участии в рыбинском религиозно-философском кружке нам не было известно.

Было у нас тогда и примитивнейшее представление о «темноте» провинциального существования, когда ничего не оставалось, как мечтать, подобно чеховским героиням, скорее перебраться в Москву. О своеобразии провинциальных культурных гнезд, о значении их для развития культуры, о наблюдении Н.М. Карамзина, что Россия произрастает провинцией, арбатские девочки и мальчики тех лет и не подозревали. Своеобразный «столицецентризм» понятий о прошлом и настоящем России подпитывался постоянно подтверждаемым ощущением того, что все определяющее судьбы России и нас самих исходит с небольшой территории Кремля и

Старой площади, где располагались службы Центрального комитета Коммунистической партии и правительства, соседствующих со всемогущими службами Лубянки (ОГПУ, НКВД, МГБ), — «начинается земля, как известно, от Кремля». Выводы и наблюдения докладчиков на организуемых ныне конференциях возглавляемого мною Научного совета по изучению культуры российской провинции даже в конце XX столетия воспринимаются как новаторские. Публикуемые в этой книге материалы участницы наших конференций Ю.И. Чубуковой³ как раз в русле этих новейших представлений.

Начинания рыбинской общественности, деятельность лиц, группировавшихся вокруг братьев князей Ухтомских (академик-физиолог Алексей Алексеевич — создатель учения о психологической доминанте) и просветителей братьев Золотаревых, известная далеко за пределами Рыбинска женская Мариинская гимназия (среди выпускниц ее — многолетний декан химического факультета Московского университета академик Александра Васильевна Новоселова), помогают понять, почему рыбинский гимназический учитель сумел выделиться даже среди учителей бывших элитарных столичных частных гимназий — женской Брюхоненко и мужской Флерова.

Документы о домосковском периоде жизни Ивана Ивановича много дают для более углубленного познания и московского периода педагогического творчества нашего Учителя. Становится ясно, что И.И. Зеленцов начал работать в Москве, имея уже опыт восприятия проповеднической культуры церковных учебных заведений, личного преподавания в женской и мужской гимназиях, просветительской работы в родительской среде, участия в деятельности научно-просветительских обществ.

В Москве И.И. Зеленцов поселился вместе с семьей другого педагога, Александра Адольфовича Боде (и до конца жизни жил там, в доме № 3 по Карманицкому переулку, в коммунальной квартире). Боде тоже был ранее преподавателем рыбинской мужской гимназии. Выпускник Московского университета, Боде преподавал русский язык и литературу, греческий и латинский языки⁴.

Когда и почему Зеленцовы перебрались в Москву, пока не уточнено⁵.

Известно, что учительствовать в Москве И.И. Зеленцов начал в 1918 г. в бывшей гимназии Марии Густавовны Брюхоненко, располагавшейся в том здании, где он преподавал и в последние годы жизни и где мы в конце 1950 г. прощались со своим Учителем. В 1930–1950-е гг. это была уже 100-я школа, ставшая после введения раздельного обучения школой для девочек. Затем туда перевели и 110-ю школу, помещавшуюся прежде в здании бывшей Флеровской мужской гимназии в Мерзляковском переулке (переданном учебным заведениям Московской консерватории). Там, на стене нынешней 110-й школы в Столовом переулке, поставлен памятник не вернувшимся с войны выпускникам и учителям «Реквием — 1941». Так что нынешняя 110-я школа — наследница обеих гимназий, и мужской (Флерова, основанной в 1907 г.), и женской (Брюхоненко)⁶. Иван Иванович преподавал и в 100-й, и в 110-й школе.

Гимназия Брюхоненко, пользовавшаяся «всеми правами казенных гимназий Министерства народного просвещения» (как объяснено в справочном томе «Вся Москва»), в канун Первой мировой войны приглашала учителями и преподавате-

лей высших учебных заведений. Среди учителей был тогда и Николай Владимирович Чехов — историк педагогики и методист преподавания русской словесности, с образованием Академии педагогических наук (в 1944 г.) ставший одним из первых ее действительных членов. Словесность преподавал Юрий Алексеевич Веселовский — литературовед и поэт-переводчик, автор многих книг и статей по истории русской и мировой литературы, книги по педагогике «Трагедия детской души». Историком был методист и популяризатор исторических знаний Василий Яковлевич Уланов, которому мы обязаны введением в обиход науки слова «краеведение». Врачом гимназии был будущий профессор Александр Михайлович Касаткин. По такому же принципу подбирали учителей и в соседней Флеровской гимназии, которая пользовалась «всеми правами правительственных гимназий». Директор ее, ученый-географ, также избранный в 1944 г. академиком Академии педагогических наук, Александр Сергеевич Барков обращал особое внимание (что и понятно в мужской гимназии) на подбор учителей по предметам негуманитарного цикла. Так, природоведение преподавали приват-доценты Московского университета Владимир Сергеевич Елпатьевский и Сергей Иванович Огнев, в дальнейшем автор классического многотомного труда «Звери СССР»⁷.

В школе, основанной Флеровым, сформировался изначально и особый стиль дружества учащихся, отмеченный в мемуарах первых ее выпускников, известных ученых — биолога Н.В. Тимофеева-Ресовского, филолога А.А. Реформатского, а также актера Игоря Ильинского и др. В послереволюционные годы в обеих школах сохранялось многое от высоких традиций преподавания и остался специфический социокультурный состав учащихся.

Арбат, если под этим наименованием понимать и улицы и переулки Приарбатья, т.е. территории дореволюционных Пречистенской и Арбатской полицейских частей, был средоточием местожительства московской интеллигенции — «московской интеллигентской обывательщины», по выражению близкого к Л.Н. Толстому юриста и общественного деятеля Н.В. Давыдова. (Понятно, что слово «обыватель» употреблено в его буквальном и тогда общепринятом понимании: «постоянный житель такой-то местности».) А еще ранее, особенно в послепожарный период первой половины XIX столетия, он был средоточием городских усадеб московского дворянства: князь-революционер П.А. Кропоткин характеризовал его как «Сен-Жерменское предместье» Москвы. «В старых переулках за Арбатом — совсем особый город», — отмечал Иван Бунин. О «мире Пречистенки и Арбата» писал и Борис Пастернак. Для Бориса Зайцева Арбат — это символ «дворянско-интеллигентско-литературной Москвы». Все это формировало представление об Арбате как о своеобразном культурном пространстве, об особом месте Арбата и «арбатцев» (слово Андрея Белого) в истории, общественной жизни и развитии культуры, о характерном именно для них образе поведения и мировосприятия. В наши дни вошло в речевой обиход перенятое у Булата Окуджавы понятие «арбатство».

С этой местностью связана и память о тех, кто прославил нашу отечественную культуру, начиная с самых великих — с Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Л. Толстого... Именник знаменитых арбатцев, перечень сочинений, там написанных, произведений искусств, там созданных, научных открытий, там сделанных, обсуждений, там состоявшихся, могли бы составить энциклопедию — потому-то

здесь и средоточие мемориальных музеев и памятных досок. Наконец, Арбат — это и заповедное поле русской литературы, где писатели поселяли своих героев⁸.

Уже со второй половины XIX в. начинает закрепляться представление о знакомой — московской, даже российской — функции Арбата в общественной жизни. Знаменитый городской пейзаж 1870-х гг. В.Д. Поленова, изображающий сохранившуюся и поныне (и, кстати, ближайшую к дому Ивана Ивановича) церковь Спаса на Песках, имеет название «Московский дворик». Действие фильма 1960-х гг. с обязывающим и привлекательным названием «Я шагаю по Москве» разворачивается по другую сторону улицы Арбат, в Кривоарбатском переулке. А в современной популярной песенке есть слова: «За нами Россия, Москва и Арбат».

Арбат, удержавший — в отличие от других ближних старинных улиц — неизменным свое историческое имя, стал и символом сохранения и преемственности культурно-нравственных традиций⁹.

Социокультурный феномен Арбата во многом объясняется тем, что Арбат был заповедником частной жизни — ни заводов и фабрик, ни правительственных учреждений; зато больше, чем в других районах (полицейских частях) Москвы, небольших церквей и переулков, частных учебных заведений и лечебниц, практикующих врачей и юристов.

Революционные события, конечно, изменили социально-экономический облик обитателей Арбата — немало богатых семей покинуло Россию или вынуждено было выехать из прежних квартир. Но среди новопоселенцев преобладали служащие — и ранее жившие в Москве, и приезжие из провинции. Прежних владельцев квартир «уплотняли» или они старались, если это удавалось, сами «уплотняться» себе подобными (по социокультурным характеристикам). Тем самым образовательный уровень Арбата, а следовательно, и арбатских детей продолжал оставаться сравнительно высоким. Арбат по-прежнему был ареалом прежде всего домашней жизни, а новые учреждения имели обычно культурно-просветительский или идеологический характер (на этой территории или у ее границ возникли Институт красной профессуры, Коммунистическая академия, Институт Маркса и Энгельса, Институт мировой литературы Академии наук, предтечи так называемых творческих союзов). В то же время здесь, в бывших особняках, оказалось средоточие посольств, а значит, и охраны этих зданий. И обстановка была менее криминальной, чем в других районах. На бульварах и в скверах няни и бабушки продолжали «пасти» детей, часто в группах с изучением иностранных языков. Все это позволяло сохранить в определенной мере некоторые элементы прежней педагогической методики бывших гимназических учителей. И в то же время предоставляло возможность совместного обучения детей с разными семейными и культурно-образовательными традициями и разным общественно-политическим настроением.

И.И. Зеленцов, как мы уже сказали, по прирожденному педагогическому дару и обретенному еще в Рыбинске опыту оказался в одном ряду с сильнейшими московскими учителями. Всем очевидны были его демократические взгляды, широта кругозора и неистощимая любознательность, чувство нового и методическая изобретательность, доброжелательное отношение к людям, любовь к детям, притягательное человеческое обаяние и, конечно, особые любовь и уважение к нему

школьников. В 1930-е гг. педагогическая культура И.И. Зеленцова воспринималась и как высокий образец советского учительского мастерства, и как свидетельство преемственности в отечественной педагогике.

Историк культуры профессор Г.С. Кнабе (выпускник 110-й школы 1938 г., но у И.И. Зеленцова не обучавшийся), еще в середине 1980-х гг. выступавший с докладами об особенностях культуры Арбата, рассматривал особенности арбатского мира, составившие, по мнению исследователя, основу его позднейшего образа, в значительной мере на материале арбатских школ.

В начале 1930-х гг. были восстановлены некоторые традиционные программы и методы обучения, стали стремиться к насыщению новых форм жизни культурным наследием. Атмосфера Арбата с его давними культурными традициями нескольких поколений демократической интеллигенции особенно соответствовала этим просветительским задачам. Все это совмещалось с убежденностью в прогрессивном движении к «светлому будущему», с романтическим комсомольским духом. Отличительными признаками «арбатской школьной цивилизации» были также органический интернационализм, чистота отношений между мальчиками и девочками, простота материальной жизни — свойственное московским школам той поры обретало черты, специфические для «арбатской» традиции¹⁰.

Именно тогда смог многосторонне раскрыться в Москве редкостный педагогический талант Ивана Ивановича и к нему пришла широкая известность.

Этому способствовала обстановка в 10-й (позднее 110-й) школе. Бывшей Флеровской гимназии присвоили имя всемирно известного норвежского исследователя Арктики и общественного деятеля Фрицьофа Нансена, организовавшего в годы Гражданской войны международную помощь голодающим Поволжья, избранного почетным членом Моссовета, а в 1922 г. удостоенного Нобелевской премии мира за гуманную деятельность. Портрет Нансена с его автографом висел на стене директорского кабинета, большой портрет маслом украшал актовый зал. Имя Нансена уже само по себе обращало внимание на школу, обязывало причастных к ней. Когда позднее школа стала носить имя знаменитого химика академика Н.Д. Зелинского, это, быть может, и подчеркивало высокий уровень химического образования в школе, но означало и утрату дорогих традиций.

В 1925 г. директором 110-й школы стал Иван Кузьмич Новиков (1891–1959), обретший известность как видный деятель советской педагогики. Он автор вышедшей двумя изданиями учебно-методической книги об организации учебно-воспитательной работы в школе. Едва ли не первым из педагогов-практиков он был избран в 1950 г. членом-корреспондентом Академии педагогических наук. Он и пригласил И.И. Зеленцова перейти на основную работу в школу.

Академик А.Д. Сахаров, учившийся в этой школе в пятом классе, вспоминал, что школа имела хороший химический кабинет и ее называли «школой с химическим уклоном», — там действительно успешно и нестандартно преподавал молодой выпускник этой же школы Борис Михайлович Вайнштейн (погиб на фронте в Великую Отечественную). Мемуарист отмечает, что директор «пользовался определенной самостоятельностью», вспоминает его «беседу на тему любви и дружбы, по тем временам нетривиальную» и еженедельный специальный урок «Газета»¹¹. В пятом классе ученики ограничивались обзором прочитанного, но в старших

классах вырабатывалась уже способность и противопоставлять разные мнения, и читать между строк.

Директору школы, его высоконравственному отношению к ученикам, родителей которых объявили «врагами народа», посвящен впечатляющий фильм кинодокументалиста Марины Голдовской «Дети Ивана Кузьмича» (1997 г.), созданный по сценарию выпускницы 110-й школы Майи Туровской. В фильме внимание сосредоточено на проблеме «директор школы и учащиеся». Для жизни и действительно функционирования школы не менее важна проблема «директор и учащие». Только коллектив учителей по призванию, для которых педагогическая деятельность не служба, а служение, мог обеспечить сохранение школой столь долго престижа «образцовой». Ради этого некоторым приходилось сдерживать амбиции, мириться с тем, что тот, кто способен действовать как лидер, в чем-то может быть и малоприятен. А лидер сознавал, что яркие индивидуальности нередко склонны к авторитарности и, удерживая их в коллективе, приходится чем-то самому поступаться.

Мы еще в школьные годы знали, что знаменитые наши Иваны не слишком любят друг друга. Видимо, Иван Кузьмич все-таки ревниво относился к тому исключительно высокому и независимому положению, которое Иван Иванович занял в среде и учителей, и школьников, а быть может, и к недоступной ему манере взаимоотношений Зеленцова с учениками. И.К. Новиков был неизменно сдержан, оставался дистанцированным от нас. И.И. Зеленцов же мог и вспылить, повысить голос, выгнать из класса, но всегда ощущалось, что он переживает за нас. К беседе с Иваном Ивановичем тянулись — а это и проводы (нередко групповые) домой, и душевный разговор после занятий вечером в затихшей школе, иногда без освещения, но при открытой двери класса (мы могли все видеть, но, естественно, не решались приближаться). Образ поведения Ивана Ивановича, его внешний облик также отвечали свойственной школьному возрасту потребности обожания. При чем его «обожали» не только девочки, но и мальчики, и в удовлетворении и демонстрации «обожания» мы иногда переходили границы разумного¹².

Позднее мы поняли, что недолюбливала Ивана Кузьмича и Вера Акимовна Гусева — замечательная учительница математики¹³, прозванная за крохотный рост Молекулой. В дни войны она возглавила работу школьного интерната в эвакуации. Ее усилиям мы более всего обязаны установкой мемориальной доски (уже в бывшей 100-й школе, получившей ныне имя 110-й) и памятника павшим в Великую Отечественную войну — «Реквием 41-го».

Это работа выпускника школы скульптора Д.Ю. Митлянского (заслуженный работник культуры РФ остается для нас, как и в школьные годы, Нолей). Фигуры пяти его сверстников, хорошо памятных нам, и доска с именами погибших учителей и выпускников¹⁴. Памятник установили сначала во дворе школы. Но нашлись бессовестные и беспамятные, которые, глумясь, ломали штыки, отрывали буквы, и памятник в 1993 г. перенесли на новое место, поставив на постамент на уличной стене школы (по Малому Ржевскому переулку). Когда отмечали 500-летие Арбата, Правительство Москвы поддержало материальным содействием установку только двух памятников — Пушкину в Пушкинском сквере у храма Спаса на Песках и восстановленного памятника «Реквием — 1941».

Учителя чувствовали себя членами и патриотами единого коллектива знаменитой школы, где культура общения признавалась высокой традицией. Несмотря на сложность своих взаимоотношений, они целенаправленно воспитывали эту культуру общения, поощряли близость, порожденную общностью работы, судьбы, — потому-то, видимо, для нашей школы была характерна практика организации кружков по интересам, объединявших разновозрастных школьников (а на заседаниях руководимого И.И. Зеленцовым литературного кружка мы встречались и с выпускниками). Именно здесь (кажется, ранее, чем в других школах) утвердилась традиция ежегодных встреч выпускников (в последнюю субботу ноября). К результатам такого воспитания можно отнести и идею сооружения памятника, и реализацию ее совместно бывшими учителями и учениками школ № 100 и 110.

Возможно, что наличие одновременно нескольких незаурядных учителей, со своей независимой аурой у каждого, тоже определяло особенности школы. Теперь понятно, что существование двух полюсов притяжения в школе (да еще носившей имя надпартийного гуманиста) в период культа личности Сталина, когда в регионах, учреждениях формировались и утверждались малые «культы», тоже оказалось существенным для нашего становления. Как и то, что личности эти как бы воплощали разные начала: Иван Кузьмич — масштабный и умелый организатор, сторонник четкой (в некотором роде даже показной) дисциплины, с ясно выраженной склонностью к теоретизированию и общественной направленностью действий — рациональное начало, а Иван Иванович — эмоциональное, интимное начало. И это убеждало в необходимости, привлекательности и того и другого. Показательно то, что при первом массовом награждении учителей в 1944 г. «за успешную и самоотверженную работу по обучению и воспитанию детей в школах» были награждены орденом Ленина и И.И. Зеленцов, и И.К. Новиков. В.А. Гусева была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

В газете «Комсомольская правда» от 16 декабря 1944 г. в связи с этим награждением поместили подборку материалов под заголовком «Народному учителю — всенародная слава! Благороден и почетен труд на ниве просвещения» и только одну фотографию (фото Т. Маят) с подписью: «Заслуженный учитель РСФСР Иван Иванович Зеленцов, награжденный орденом Ленина, среди учеников 110-й школы г. Москвы». Отмечен он там и в беседе с заместителем наркома просвещения РСФСР П.В. Золотухиным: «Высокой награды удостоился также Иван Иванович Зеленцов, учитель школы № 110 гор. Москвы. Это один из влюбленных в свое дело блестящих преподавателей литературы».

В газете «Московский большевик» от 16 декабря 1944 г. в передовой «Слава советскому народному учителю!» читаем: «...широко популярно имя директора 110-й школы Москвы Ивана Кузьмича Новикова, награжденного орденом Ленина. Его школа — одна из лучших не только в столице, но и в стране. Талантливый педагог и организатор, он сумел создать прекрасный педагогический коллектив, объединить его вокруг боевых задач школы, внести в педагогическую работу единый стройный стиль. Не случайно, что еще один представитель славного педагогического коллектива 110-й школы — преподаватель литературы Иван Иванович Зеленцов — также награжден орденом Ленина. Сколько школьников испытало на себе обаяние этого замечательного педагога, энтузиаста и знатока своего предмета!»

На первых уроках в восьмом классе (осенью 1936 г.) Иван Иванович поразил нас своей «лекционной манерой» — уроками-монологами, а «Слову о полку Игореве» посвятил больше времени, чем отводилось на это программой, стараясь нас познакомить с поэтическими особенностями «Слова», показать связь «Слова» со знакомыми нам уже тогда в какой-то степени памятниками русской классической литературы Нового времени, приобщить нас к пониманию некоторых сторон культуры Древней Руси и исконных черт культуры и нравственности нашего народа. И неожиданно, без предупреждения, нам было задание: написать в течение одного урока сочинение о Бояне. По этому сочинению ему хотелось проверить наши способности к восприятию «Слова о полку Игореве», а по этому восприятию получить представление о каждом из нас, начинавших учиться у него в восьмом классе, т.е. о том поколении молодых людей, поэт которого С. Наровчатов вскоре напишет в военные годы: «В любой я бабе видел Ярославну, в любом ручье Непрядву узнавал». Это цитата из моей статьи к юбилею «Слова о полку Игореве» 1987 г.¹⁵, в которой я считал необходимым вспомнить и об Иване Ивановиче. К светлому образу Ивана Ивановича я обращался не раз не только в беседах с моими учениками, но и в различных интервью¹⁶.

И родители, и сами учащиеся понимали, что Иван Иванович считает главным в обучении воспитание, что литература для него не столько образовательный предмет, сколько школа воспитания души и ума, что он стремился утвердить нас в потребности обращения к книге. К книге, а не вообще к печатному слову. Иван Иванович всегда имел в виду прежде всего непреходящие ценности. И великая литература представлялась ему и великой школой жизненных наблюдений и познания взаимосвязи с искусством, наукой. Он воспитывал Пушкиным, бесконечно любимым и почитаемым, хотел, говоря его же словами, «довести учащихся до Чайковского». «Пусть Солнце Пушкина осветит весь твой жизненный путь!» — это слова его новогоднего пожелания девятикласснице в первую послевоенную зиму. И арбатские девочки и мальчики были в ту пору аудиторией, способной воспринять намерения учителя, пойти за ним.

И.И. Зеленцов стремился одарить нас радостью приобщения к творчеству. Но учитель словесности придавал, конечно, соответственно большое значение и обучению нормам правописания. Однако не это было для него определяющим в оценке работы учащихся. Сохранилось сочинение девятиклассницы 1940 г. Инны Штейн о Тургеневе, с многочисленными исправлениями красными чернилами, указанием «13/28» (т.е. 13 орфографических и 28 синтаксических ошибок) и с заключением карандашом: «Отлично (передан тон и стиль Тургенева). Очень плоха грамотность. И.З.». Дочь дипломата (потом преподавательница иностранного языка), она до того училась в зарубежных лицеях, где преподавание велось не на русском языке. В этой оценке и поучительное методическое мастерство И.И. Зеленцова, и его широкая душа. И как жаль, что и поныне господствует формалистски-примитивный — по существу, бездушный — подход к сочинениям поступающих в вузы: это трагично для будущего науки и культуры, губит подчас судьбы абитуриентов, особенно из «глубинки» российской провинции.

Запечатлелись в памяти человеческие качества Ивана Ивановича, достоинство его поведения, любовь к ученикам. Как в период разгула борьбы с так называемым

космополитизмом он отстаивал право учениц еврейской национальности на заслуженную высокую оценку их сочинений, как еще в 1930-х гг. деликатно относился к детям «врагов народа» (и это был стиль поведения педагогов в 110-й школе, где не требовали от школьников публичного осуждения арестованных родственников). А как показателен рассказ выпускницы 100-й школы Марианны Узуновой (теперь она историк, доктор наук М.К. Трофимова): во время выпускного экзамена по литературе она, претендовавшая на медаль, дочь осужденного уже «врага народа», вдруг от волнения утратила способность писать и беспомощно смотрела на чистый лист бумаги. Ивана Ивановича это, конечно, взволновало уже на экзамене, а потом он умудрился сделать так, что выпускнице зачли сочинение. Такие рассказы становились школьными преданиями, доходили до младших учеников, воспитывали души. Естественно, что почти все авторы этой книги писали и думали не только об Иване Ивановиче, но и о других своих учителях, о своих соучениках и родственниках, о своей школе, том феноменальном явлении, которое мы называем «арбатством». И потому понятно, что в книгу вошли и материалы, где об этом всем можно подчас узнать больше, чем об Иване Ивановиче.

В этой книге — и друг Зеленцова по учительскому труду с первых лет московского преподавания Надежда Сергеевна Барабошкина (работавшая еще до революции 1917 г. классной воспитательницей в гимназии Брюхоненко), которой Иван Иванович доверил завещательное распоряжение 1945 г., давшее заголовок нашему изданию. Ивану Ивановичу, чутко ощущавшему всегда связь времен, безразлично было то, как станут поминать его, даже сам обряд похорон. Его завещание — пожелание прочитать у гроба «Вакхическую песню» Пушкина и стихи А. Кольцова и исполнять музыку Чайковского.

В книге об И.И. Зеленцове присутствуют и другие педагоги, конечно, упоминавшиеся уже И.К. Новиков и В.А. Гусева. Здесь и наблюдения — воспоминания о школьной и семейной жизни, о Москве 1920-х и последующих годов. Думается, что все это лишь обогатит и конкретизирует социокультурные представления о времени, когда жил Иван Иванович Зеленцов.

Инициатива фиксации памяти об Иване Ивановиче Зеленцове, о влиянии его на своих питомцев и тогда, в годы школьного учения, и на последующую их жизнь зародилась у его учениц предпоследнего выпуска женской (100-й) школы, Галины Данииловны Понежевской и ее подруг. Они и сами начали писать, и собрали сохранившиеся школьные записи и сочинения, дневники и письма, все, что было об учителе в печати. Затем стали обращаться к старшим выпускам — еще школы совместного обучения, 110-й школы. И мы, следуя их примеру, увлекли такой работой выпускников 110-й, а также других выпускниц бывшей 100-й школы. А затем и рыбинского краеведа Ю.И. Чубукову, которая написала большой очерк об И.И. Зеленцове, опубликованный в газете, ввела его имя в ряд тех лиц, которыми Рыбинск достойно гордится¹⁷.

Ивану Ивановичу Зеленцову была посвящена и большая радиопередача «Слово об учителе» в рубрике «Вечера на улице Качалова» из Дома звукозаписи на Малой Никитской, приуроченная ко Дню учителя в 1994 г. В беседе вместе с режиссером и ведущей Марией Журавлевой участвовали Г.Д. Понежевская, Г.И. Фокина-Сольц, окончившие женскую школу в 1949 г., и учившиеся в прежней

110-й школе архитектор Б.С. Маркус, народный артист СССР профессор ВГИК А.В. Баталов и С.О. Шмидт.

Постепенно сложилась книга и разновременного, и разнопланового материала. Ученицы И.И. Зеленцова по 100-й женской школе начали писать еще в период перестройки. Выпускники 110-й школы совместного обучения — позднее. Это восприятие людей и более старшего возраста, а следовательно, и иного жизненно-го опыта, переживших и годы сталинского террора, и Великую Отечественную войну, и настроения середины 1990-х гг., когда более четко выразились изменения в отношении не только к настоящему, но и к прошлому. Выпускницы 100-й женской школы оставались взаимосвязанными между собой и по окончании школы. Идея составления записей о любимом школьном учителе возникла у них примерно в одно время, в 1990 г., когда намечен был и особый вопросник, предусматривающий тематику воспоминаний. Выпускники же 110-й (смешанной, а затем мужской) школы — люди разного возраста, писавшие воспоминания к тому же в разные годы и, как правило, мало знакомые друг с другом.

И потому при расположении материала в книге мы придерживаемся своеобразной хронологии — не по ходу жизни героя, а в зависимости от времени написания или «открытия» тех или иных материалов.

Сначала идут прижизненные публикации о знаменитом педагоге, ставшие экспонатами школьного музея. Это статья писательницы и педагога Фриды Вигдоровой 1944 г. (записавшей позднее ход фальсифицированного судебного разбирательства по «делу» поэта Иосифа Бродского), письма военных лет — прямые свидетельства любви и уважения к Ивану Ивановичу его учеников, не расстававшихся с образом дорогого им человека и на фронте.

Приведу здесь отрывок из стихотворения одного из его учеников, поэта Марка Соболя, опубликованного в «Комсомольской правде» 18 декабря 1948 г. и посвященного И.И. Зеленцову.

Я запомнил сквозь все пролетевшие сроки
школьный класс, где дощатый некрашеный пол...
Мой учитель вошел — и на первом уроке
словно за руку взял — и повел, и повел...
И повел через время, и версты, и беды
удивительной речью, прямой и простой —
к перевалу, где Пушкин встречал «Грибоеда»,
к перекрестку, где умер в тревоге Толстой.

Кончалось стихотворение словами:

Вот легко отворяются школьные двери.
Встаньте, мальчики! Это Учитель идет.

Дальше в книге идет написанное ученицами 100-й женской школы 40–50 лет спустя. Сюда же присоединено написанное уже в 1998 г. выпускницами этой школы Н.К. Строевой и М.А. Эскиной. После — запечатленное в памяти 60–70 лет спу-

стя: воспоминания двух учениц школы в Столовом переулке 1920-х гг. и учившихся в 110-й школе в Мерзляковском переулке. Внутри этих разделов материалы — воспоминания, эссе, стихи — расположены в хронологической последовательности, в зависимости от года окончания школы авторами.

Ближе к концу книги — материалы о рыбинском периоде жизни И.И. Зеленцова, о становлении выдающегося педагога, выявленные в архивах кандидатом исторических наук Ю.И. Чубуковой, краеведом по призванию, вдохновенно занявшейся изучением подсказанной ей темы.

Затем помещено написанное теми, кто не испытал на себе воздействия И.И. Зеленцова-педагога, — статьи журналиста Т.С. Яковлевой о 110-й школе, доктора педагогических наук Б.З. Вульфова. Увлечен образцом И.И. Зеленцова и молодой автор — нынешний преподаватель словесности в 110-й школе Федор Викторович Романов. Их статьями и завершается книга.

Материалы книги неравноценны в информационно-познавательном плане: для многих авторов это первая проба пера в мемуарном жанре. Но в целом, думается, они помогают создать впечатление о московской школе и арбатских школьниках 1930–1940-х гг. и о восприятии этих явлений по прошествии нескольких десятилетий. И объясняют, почему и по сей день нам всем особо дорога память о нашем Учителе Иване Ивановиче Зеленцове. Это убеждает и в том, какую роль в воспитании, в становлении человека играет гуманитарное образование. Особенно если учитель-гуманитарий представляется олицетворением творчески-познавательного начала, средоточием нравственной силы — Личностью.

Все мы, ученики Ивана Ивановича, душевно признательны Галине Данииловне Поневежской, без инициативы, самоотверженности и убеждающей настойчивости которой наши намерения не могли бы быть осуществлены, а также Елене Львовне Херсонской и Ефиму Марковичу Гордину (выпускникам 110-й школы 1939 г.), Наталии Владимировне Шеваровой, взявшим на себя труд помочь в подготовке рукописи к печати. И особенно, конечно, мы признательны председателю Московского комитета образования академику Российской академии образования Любови Петровне Кезиной и генеральному директору АО «Московские учебники и Картолитография» Семену Матвеевичу Линовичу, обеспечившим реализацию нашего начинания — издание давно уже задуманной и собравшейся книги.

Думается, что книга эта интересна не только соприкасавшимся с Иваном Ивановичем Зеленцовым, как воспоминание о былом, как согревающий свет отошедшей юности. Это рассказ о замечательной личности, важный и для более юных поколений. Это источник изучения и школьной жизни, и общественного сознания советской интеллигенции. Это и свидетельство отношения уже в наши дни к прошлому, к тому, что помогает устоять и творить.

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 7–8.

² К инициативе проведения юбилея оказался причастен и я. Мы с Иваном Ивановичем иногда оказывались попутчиками, шли в школу и возвращались одной дорогой — наши проходные дворы, ведущие с разных сторон на Арбат, были почти напротив. (Я с переводом в новую школу из прежней, описанной в «Детях Арбата» А.Н. Рыбакова, был там едва ли не единственным учеником, проживавшим на Пречистенской стороне Приарбатья.) И как-то раз Иван Иванович обмолвился о том, что

важнейшие события его биографии связаны с датами глубоко почитаемого им Пушкина — он родился с ним в один день, 26 мая по старому стилю, первый урок о нем дал в дату его кончины. После того и ученики, и коллеги И.И. Зеленцова стали готовиться к его юбилею. Мы (в основном десятиклассники 110-й школы) задумали сборник воспоминаний и статей. Художником был мой одноклассник Сергей Шильников (впоследствии известный как автор запомнившейся многим картины первых послевоенных лет «Студенты», ныне профессор живописи Института им. В.И. Сурикова). Супруга Ивана Ивановича Вера Сергеевна согласилась дать нам фотографии. Писали статьи в этот машинописный сборник и учителя, и окончившие школу, и учившиеся в старших классах. В воспоминаниях Елены Любаревой (впоследствии историка литературы), Наталии Сытиной, Марка Гуревича описывался известный и по другим источникам эпизод, когда Иван Иванович предложил учащимся (видимо, пяти-шестых классов) вырвать из тетради лист, посадить в середине развернутого листа чернильную кляксу и описать то, что это напоминает. (Говорят, что это был новаторский прием педагогики рубежа 1920–1930-х гг.) Помню, как брал интервью (первый опыт в моей жизни) у знакомого И.И. Зеленцову профессора-фольклориста Юрия Матвеевича Соколова, охотно откликнувшегося на нашу просьбу.

О праздновании сохранилась лаконичная запись в моем дневнике 1939 г.: «Был вечер Ивана Ивановича Зеленцова (35-летие педагогической деятельности). Масса народу, масса речей, подарков, аплодисментов. Меня выбрали в президиум, и я что-то говорил, поднося журнал...»

³ См. также: Чубукова Ю.И. Малая Родина в жизни братьев Золотаревых // Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25–29 июня 1995 г.): В 2 кн. Пенза, 1997. Кн. 2. С. 190–200.

⁴ А.А. Боде скончался в 1939 г. Некоторые полагают, что его стихи 1916 г. были использованы в начале Великой Отечественной войны при создании новой патриотической песни (Советский Союз: годы испытаний. Великая Отечественная война: Рабочая тетрадь «Шаг за шагом»: История. М., 1995. С. 56–57).

⁵ В книге «Вся Москва» за 1916 г. (т.е. составленной еще в 1915 г.) упомянута среди преподавателей Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества (помещавшегося на Малой Кисловке) и Вера Сергеевна Зеленцова, супруга Ивана Ивановича (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 г. М., 1916. С. 283). Преподавателями там были известные музыканты, певцы, деятели драматического театра. И можно предполагать, что к знакомству с этим кругом лиц был приобщен (тогда же или — что вероятнее — позднее) и супруг Веры Сергеевны. Быть может, супруги какое-то время были в разлуке?

⁶ О гимназии Брюхоненко см.: Садкович Н. Летопись одной московской школы // Историческая газета. 1997. № 9 (21). С. 11–14. О 110-й школе, бывшей Флеровской гимназии, см.: Арбатский архив. М., 1997. Вып. 1. С. 420–437.

⁷ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 г. М., 1914. С. 425–426, 429.

⁸ Это Москва и романов И.С. Тургенева, и повестей о детстве и «Войны и мира» Л.Н. Толстого, место действия многих произведений художественной, мемуарной, публицистической литературы XX в., и дореволюционного, и советского периодов (Андрея Белого, А.Н. Толстого, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Пастернака, Б. Окуджавы, Ю. Казакова, В. Луговского, А. Рыбакова, Б. Ямпольского и др.), и российского зарубежья (Б. Зайцева, М. Осоргина, И. Бунина, М. Цветаевой и др.).

⁹ Подробнее см.: Шмидт С.О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив. Вып. 1. С. 17–18, 29–33, 115–117 [То же в наст. изд., кн. 1, с. 253–343]; см. также: Шмидт С.О. Арбат в культуре российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М., 1994. Кн. 2. С. 470–478. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 331–338. [То же в наст. изд., кн. 1, с. 349–357.]

¹⁰ Кнабе Г.С. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. М., 1998. С. 169–170.

¹¹ Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. № 10. С. 23.

¹² Вспоминается, как, уже десятиклассниками, после того как Иван Иванович, взволнованный своим юбилеем, оказался с сердечным заболеванием в клинике Вотчала, мы в день посещения, восполь-

зовавшись принесенным из дому белым халатом, стремились проникнуть к нему в палату. В один день там побывало... 18 человек. Вреда от таких «мимолетных видений», вероятно, как теперь понимаю, было больше, чем пользы.

¹³ См.: *Рибкало В.М.* Обзор документов личного фонда учительницы В.А. Гусевой // 40 лет научно-студенческому кружку источниковедения истории СССР: Сб. науч. студ. статей. М., 1990. С. 11–17.

¹⁴ О памятнике см.: *Брускова Е.* Долгое эхо. М., 1986. С. 84–102; *Яковлева Т.* Памятник на школьном дворе // *Куранты: Историко-краеведческий альманах.* М., 1987. Вып. 2. С. 84–102.

¹⁵ *Шмидт С.О.* «Слово о полку Игореве» и становление и развитие понятия о памятнике культуры // *Памятники Отечества: Альманах.* 1986. № 1 (13). С. 160. Перепечатано в кн.: *Шмидт С.О.* Археология. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997. С. 160.

¹⁶ «Знаменитая 110-я школа. Прекрасный учитель — Иван Иванович Зеленцов. Глядя на него, я постепенно понимаю, каким может быть одаренный гуманитарий» (из интервью 1988 г.); подготовку «сборника к 60-летию любовно почитаемого нами гениального (как я теперь все более осознаю) учителя словесности Ивана Ивановича Зеленцова» — вспоминал и в интервью, напечатанном в книге 1994 г. (*Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта.* М.; Пенза, 1994. С. 418). Напомнил об И.И. Зеленцове и в заключительном слове на посвященной Мусиным-Пушкиным конференции в Рыбинске в июле 1994 г., рассказав и о подготовленном его ученицами сборнике памяти учителя (Мусины-Пушкины в истории России: к 250-летию со дня рождения А.И. Мусина-Пушкина. Рыбинск, 1998. С. 363–364). О дорогом мне удивительного таланта педагоге и в изданиях 1997 г. — в альманахе «Арбатский архив», вып. 1 (в статьях «Арбат в истории и культуре России» и в подборке материалов из готовившегося тогда к печати нашего издания — статьи А. Дубровина, Е. Милановского, Е. Шукина, с заголовком «90-летие знаменитой арбатской школы»), и в специальном номере журнала «Мир образования», посвященном 850-летию Москвы (беседы о школьных годах) (Арбатский архив. Вып. 1. С. 111–112; *Мир образования.* 1997. № 7/8. С. 82–83).

¹⁷ *Чубукова Ю.И.* Преподаватель изящной словесности // *Рыбинские известия.* 1993. 1 окт. (в рубрике «Рыбинск и рыбинцы»); *Зеленцов Иван Иванович.* Правьте на звезды... Рыбинский край в отечественной науке XIV–XX веков / Сост. Ю.И. Чубукова. Рыбинск, 1999. С. 50–59.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ В.Е. ТУМАНОВА «ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ — ХРАНИТЕЛЬ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ»

Книга «Школьный музей — хранитель народной памяти» — важное и своевременное издание. Музеям издавна придавали большое значение в учебно-воспитательной работе, в распространении знаний, в приобщении к ним людей разных поколений, разных местностей, разной степени социальной подготовки. Особенно возрастает роль музея в век преобладания визуального восприятия знаний через телевидение, Интернет. Местные музеи всегда были и остаются главной базой овладения краеведческими представлениями, а следовательно, и понятиями об общем и особенном в обществе и природе. Ведь первоначально формируются знания о том, что рядом, доступно непосредственному восприятию. От любви к

Впервые опубликовано: Туманов В.Е. Школьный музей — хранитель народной памяти: Метод. пособие. 3-е изд., доп. М., 2006. С. 3–4 (под назв. «От редактора»).

малой родине и изучения ее приходят к познанию всей Родины, всего мира — и национального, и интернационального. Музей существенно конкретизирует и углубляет знания о родном крае и, как правило, воспринимается как его визитная карточка. Во всех более или менее значительных населенных пунктах имеются краеведческие музеи. Немало и музеев мемориальных (о людях, событиях) или по истории прославленного местного производства. Посещение таких музеев считают обязательным в программе экскурсий приезжих в ту или иную местность.

Музеи — важная составная часть регионального компонента учебного плана средних школ и высших учебных заведений, готовящих школьных учителей. А участие в организации школьного музея, собирании и описании его коллекций, устройстве его экспозиций, использовании его материалов в учебной программе по истории и литературе, географии и биологии приучает к приемам самостоятельной работы, исследовательской в своей основе. Работа о школьном музее, пропаганда его материалов и среди школьников и среди других лиц (прежде всего старших по возрасту) развивает многие навыки культурной самостоятельности, внедряет в сознание представления о памятниковедении, воспитывает любовь и уважение к своему краю. Это сближает юных со старшими увлеченными краеведами, и потому особенно важно, чтобы руководил музейной работой человек и неравнодушный, и в определенной мере подготовленный. Школьный музей может быть создан только там, где имеется подобный руководитель и необходимые условия для хранения и демонстрации музейных предметов. Там, где этого нет, должно довольствоваться стендами с материалами о школьном здании и по истории школы, об ее учителях и выпускниках.

Валерий Евгеньевич Туманов сейчас едва ли не наиболее видный знаток истории и методики работы школьных музеев. Он сам начинал активистом исторического кружка и музея в сельской школе дальнего Подмосковья, где учащиеся приобщались и к археологическим раскопкам, и к поиску вещественных и документальных памятников Новейшего времени, и к изучению традиционных поведенческих источников и элементов прошлого в разговорной речи. Выпускник Историко-архивного института, он работал в государственных музеях, архивах, органах образования, защитил в 1985 г. диссертацию по истории и методике работы школьных музеев РСФСР. Он автор ряда статей по проблемам краеведения и общественных музеев и большого раздела «Документальные памятники в школьных музеях» в учебном пособии «Документальные памятники: выявление, учет, использование», вышедшем под моей редакцией в 1988 г. в серии «Библиотека историка». В настоящее время В.Е. Туманов — заведующий сектором краеведения Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева и заместитель председателя Союза краеведов России.

В.Е. Туманов — неизменный участник всероссийских и региональных конференций, семинаров, слетов и олимпиад движения школьников-краеведов, смотров школьных музеев. Он непререкаемый участник всех мероприятий в области школьного краеведения и школьного музейного дела, проводимых Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения, с 2006 г. — член редакционного совета журнала «Юный краевед».

Книга адресована и взрослым и юным, и учащим и учащимся. В ней обобщен опыт работы в Российской Федерации за последние десятилетия. Она — и методическое пособие для руководителей, и приманка к интересным занятиям для школьной молодежи, и, естественно, путеводитель для тех, кто склонен приобщиться вообще к музейной работе. Здесь немало полезных сведений о широкого профиля проблемах музейного дела и по истории музеев. Тем самым книга обретает значение и пособия по музейному делу для начинающих этим интересоваться.

Полагаю, что книга в немалой степени восполняет образовавшийся в последнее время и остро ощутимый пробел в издании учебно-методических пособий подобной тематики.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ ТРУДОВ НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА МГИАИ

Первый сборник студенческих научных работ института вышел из печати в 1957 г. (10-й том «Трудов Московского государственного историко-архивного института») и встретил положительную оценку научной общественности (рецензии в журналах «Исторический архив», № 3 за 1959 г., «История СССР», № 4 за 1959 г.). Сборник состоял из работ, написанных в 1951–1955 гг. участниками различных студенческих кружков.

В настоящий том «Трудов» включены в основном работы участников студенческого научного кружка источниковедения истории СССР, десятилетие которого отмечалось в апреле 1960 г. (Исключение составляют работы Л. Баскиной, Т. Кузнецовой, А. Покровского, Б. Томана.) Все статьи сборника основаны на углубленном изучении многообразных исторических источников, часто впервые вводимых в научный оборот.

Участники кружка специально занимаются не только источниковедением, но и собственно историей СССР, архивными дисциплинами, историей государственных учреждений. С такими темами они и выступали на заседаниях кружка. Естественно, что это сказалось на тематике сборника, значительная часть статей которого посвящена вопросам архивоведения. Сборник, таким образом, в какой-то мере отражает уровень изучения всех специальных исторических дисциплин в нашем институте.

В кружке участвуют несколько десятков человек; не прерывают с ним связь и многие выпускники института. В книге помещены работы, написанные в 1955–1960 гг. Здесь напечатаны труды и ветеранов кружка (С. Каштанова, список печатных трудов которого насчитывает уже несколько десятков названий, Г. Тарле,

Впервые опубликовано: Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 16: Труды НСО: История СССР, специальные исторические дисциплины / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1961. С. 5–6 (под назв. «От редакции», без подписи).

А. Курносова и др.), и нынешних студентов института. Большинство работ представляет собой сокращенные варианты или отдельные переработанные части дипломных сочинений. В. Кабанов, М. Макаров, Н. Митрофанов, Н. Рогова написали свои работы на IV курсе, В. Петухов — на II–III курсах. Некоторые работы написаны авторами после окончания института (работы В. Гапонова, Л. Дьяконицына, В. Кабузана, Т. Кузнецовой, А. Курносова, С. Левиной, А. Пермякова, А. Покровского, Г. Тарле, И. Фесуненко).

Публикуемые работы написаны под руководством доцента Н.П. Ерошкина (работа Л. Бобровой), доцента Л.М. Зак (работы Б. Воскобойникова, С. Киничкой), доктора исторических наук А.А. Зимина (работы М. Бычковой, С. Печуро, Э. Чумаченко), профессора В.В. Максакова (работы Т. Кузнецовой, Г. Тарле), доцента К.Г. Митяева (работа Л. Баскиной), доцента А.Т. Николаевой (работа В. Петухова), профессора А.А. Новосельского (работа Е. Сизова), ст. преподавателя Н.А. Павловой (работа Л. Рошалья), доцента А.С. Рословой (работа Л. Дьяконицына), доцента М.С. Селезнева (работа А. Пермякова), доцента М.Н. Черноморского (работа Е. Черняк), доцента С.О. Шмидта (работы Н. Бураковской, Г. Головкина, С. Левиной, Г. Лялиной, Н. Митрофанова, А. Орешникова, Н. Роговой), доктора исторических наук Н.Н. Яковлева (работа Б. Томана), доцента С.И. Якубовской (работы В. Кабанова, А. Курносова, М. Макарова), профессора В.К. Яцунского (работы В. Кабузана, Ю. Рыбакова).

На некоторые статьи сборника дали рецензии ученые Москвы: профессора В.Д. Кузьмина и Л.В. Черепнин, кандидаты исторических наук В.И. Буганов, В.П. Данилов, В.Б. Кобрин, В.А. Кондратьев, И.Б. Миндлин, А.А. Преображенский, К.Н. Тарновский, Ю.А. Тихонов, В.А. Черных и А.Э. Экштейн. Мы искренне признательны им за ценные советы, а также горячо благодарим Н.Г. Думову, оказавшую большую помощь молодым авторам. Издание подготовлено к печати членами кружка источниковедения истории СССР. В редактировании рукописей участвовали С. Левина, Г. Тарле, С. Каштанов, А. Курносов, в подготовке рукописей к печати В. Петухов, М. Макаров, Г. Лялина, В. Кабанов, Н. Рогова, Т. Кузнецова, С. Мордовина, Н. Митрофанов, А. Орешников, Е. Шингарева, М. Бычкова, Т. Мачула, Г. Асина и др.

Научная ценность публикуемых статей не одинакова, различны и уровень знаний и опыт самостоятельного научного исследования и дарования авторов. Но все работы являются результатом самостоятельных раздумий, настойчивых архивных изысканий молодых исследователей, в большинстве своем впервые выступающих с печатным словом. Пусть же эти первые печатные строки молодых ученых будут началом их большого творческого пути в исторической науке!

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННОМУ 40-ЛЕТИЮ КРУЖКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Весной 1990 г. исполняется 40 лет непрерывной деятельности научного студенческого кружка источниковедения отечественной истории при кафедре вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Кружок образовался в 1949/50 учебном году под научным руководством С.О. Шмидта. Отличительные черты деятельности кружка: многообразие тематики; руководство разных преподавателей (даже разных кафедр) работой отдельных кружковцев; участие в его заседаниях не только студентов и аспирантов МГИАИ, но и ветеранов кружка — «стариков» (в их числе и тех, кто окончил МГИАИ более тридцати лет назад). При этом «старики»-кружковцы, преподающие в МГИАИ, становятся научными руководителями работы нынешних студентов. Самый ранний точно датированный документ истории кружка — фотография его заседания 13 апреля 1950 г. Потому-то юбилеи кружка отмечаются весной, в апреле, в месяц Дня науки.

Статьи кружковцев были напечатаны еще в 10 томе Трудов МГИАИ (Сборнике студенческих научных работ) в 1957 г. А к 10-летию, 20-летию и 30-летию кружка вышли уже особые издания научных статей кружковцев (студентов и аспирантов) и материалов по истории кружка: Труды МГИАИ (М., 1961. Т. 16: История СССР. Специальные исторические дисциплины); Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 (Вып. 1: Источниковедение истории СССР; Вып. 2: Источниковедение историографии (М., 1970)); Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины (М., 1980). Издания эти были отмечены в прессе, вызвали живой интерес научной общественности и студентов. Отклики на книги 1961 и 1970 гг., так же как и литература о кружке, указаны в издании 1980 г. О самом издании 1980 г. было написано в рецензиях К.Н. Тарновского (Советские архивы. 1981. № 4. С. 86); А.П. Окладникова и Н.Н. Покровского (Вопросы истории. 1981. № 12. С. 133–135); Ю.П. Шарапова (История СССР. 1982. № 2. С. 213–214); М.Т. Белявского (Вестник высшей школы. 1982. № 7. С. 61), а также в «Археографическом ежегоднике за 1980 год» (М., 1981. С. 352–353), газете «Комсомольская правда» (19 марта 1982 г.).

Эта книга, подготовленная к 40-летию кружка, состоит только из студенческих работ последних лет. Большинство из них написано студентами V курса; в основе некоторых статей — уже защищенные дипломные сочинения. А. Александров, О. Гайсина, Г. Елисеев, О. Елисеева, М. Плакса, И. Томан, Ф. Торстенсен, О. Хоруженко — студенты IV курса, С. Гапонов — студент III курса, П. Михайлов — студент II курса. Научные руководители: профессор В.И. Дурновцев (работа В. Бобкова), профессор С.М. Каштанов (работы К. Баранова, Г. Елисеева, О. Елисеевой, Л. Столяровой, О. Тюренковой, О. Хоруженко), старший преподаватель С.Е. Князьков (работа М. Функа), доцент В.Ф. Козлов (работы Ю. Крутикова, Л. Чернявской), профессор Т.П. Коржихина (работы М. Плаксы, И. Томан, Ф. Торстенсена), профес-

Впервые опубликовано: 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР: Сб. научных студенческих статей. М., 1990. С. 3–4 (под назв. «От редактора», без подписи).

сор О.М. Медушевская (работа О. Гайсиной), покойный профессор А.Л. Станиславский (работа С. Гапонова), профессор С.О. Шмидт (остальные работы).

Для большинства участников издания статьи в сборнике — первый их печатный труд. Пусть же эти статьи станут началом их пути в «большую науку».

ПРЕДИСЛОВИЕ К БИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ГЛАСНЫХ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Выходящий в серии «Московская власть» Биографический словарь — это книга о депутатах Городской думы 1863–1917 гг. В истории самоуправления Москвы их называли гласными. Слово в таком значении появилось в языковом обиходе в 1785 г., когда в Общую городскую думу получили право избирать своих представителей различные социальные группы населения. По Городовому положению 1862 г., разработанному специально для Москвы, Общая дума стала «всесословной», в нее 16 раз горожане избирали по 180 депутатов. Всего с апреля 1863 г. по июнь 1917 г. было избрано 1266 человек, и сведения об их деятельности (общественно-политической и иной) приведены в книге. Помещен и перечень 200 гласных, избранных в Думу в 1917 г.

Среди гласных представлены уроженцы Москвы, Подмосковья, других мест. Гласными избирали дворян (и титулованных, и получивших личное дворянство), богатых коммерсантов и мелких торговцев, священников, адвокатов, литераторов, профессоров — в их числе прижизненно знаменитые ученые и организаторы науки (медики Г.А. Захарьин, А.Н. Маклаков, А.А. Остроумов, В.Ф. Снегирев, зоолог и антрополог А.П. Богданов, химик И.А. Каблуков, механик С.А. Чаплыгин, историки Н.В. Калачов, М.П. Погодин, В.И. Герье, П.Г. Виноградов и др.). Своим участием в работе органов городской власти они поднимали уровень управления крупнейшим российским мегаполисом.

Гласные участвовали в разработке и реализации многих проектов, значимых для городского хозяйства и организации жизни горожан, проявляли заботу о содержании нетрудоспособных членов общества. В начале XX в. положительные результаты деятельности органов самоуправления, масштаб ресурсов муниципального хозяйства и уровень услуг приблизили Москву к европейским столицам.

При подготовке биографий привлекались многообразные документальные памятники (архивные и печатные) — материалы делопроизводства, пресса, воспоминания, дневники, исследовательская литература. Это позволило показать социокультурный и политический облик гласных, их индивидуальную роль в самоуправлении города.

Материалы этой энциклопедии биографий общественных деятелей, несомненно, будут полезны не только при подготовке справочного типа изданий (например,

«Московской энциклопедии», членом редколлегии которой является автор статей словаря В.Н. Быков), но и других. Они существенно обогащают представление всех интересующихся историей общественной жизни и культуры Москвы, прошлым видных «исторических» лиц и помогают сохранению благодарной памяти о содеянном ими.

О НЕЗАВЕРШЕННОЙ КНИГЕ Н.И. БУХАРИНА «ВРЕМЕНА»

После выхода в свет в 1994 г. первого издания незавершенного автобиографического сочинения Николая Ивановича Бухарина «Времена» в здании издательства «Прогресс» на Зубовском бульваре состоялось представление книги. Все были поражены самим фактом создания произведения такой доверительной тональности в тюрьме, в мучительном ожидании расправы. Произошло открытие Бухарина-писателя. На конференциях к столетию Бухарина, когда его имя вернули России, основное внимание уделяли темам «Бухарин — политический деятель», «Бухарин — мыслитель», «Бухарин — сподвижник и ученик Ленина», «Бухарин — строитель советской культуры». После ознакомления с книгой «Времена», встречи с неизвестными фактами, касающимися Бухарина, с неизвестным материалом о самом Бухарине, говорили о Бухарине-человеке, о свойствах его натуры, особенностях его обаяния и одаренности, о поразительной памяти — писательской, исследовательской, зрительной. Хотелось узнать еще больше о его личности, особенностях поведения. Тем более что в зале присутствовали и вдова его Анна Михайловна Ларина — мать получившего большое признание художника Юрия Ларина, — и дочь — доктор исторических наук Светлана Николаевна Гурвич-Бухарина, специалист по истории Франции нового периода, занявшаяся к тому времени как исследователь изучением творческого наследия академика Бухарина¹.

В 2008 г. книгу — и текст Бухарина, и предисловие, и комментарии Б.Я. Фрезинского, видного специалиста по истории общественной мысли и литературы России XX в., — полностью включили в издание «Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина». В этом издании есть и небольшое обращение «К читателю» дочери Бухарина. Там и такие слова: «Изучая общественные идеалы Николая Ивановича Бухарина, не позволим себе забыть о нем самом, о его душе». И приводится тюремная запись для себя, видимо, одна из первых по времени, где «раздумья в тюрьме»: «...в случае смерти — с чем помираешь? Во имя чего? В случае жизни — чем жить и для чего?» (с. 54–55).

«Времена» — важнейший и еще малоиспользуемый источник по изучению личности Бухарина, помогающий понять многое в его подходе к явлениям и прошлому, и настоящему, его нравственные критерии, оценки им людей и их взаимоотношений. Это — ценный источник и по истории русской интеллигенции рубе-

жа XIX и XX вв., и по восприятию происходившего на грани веков через десятилетия и после революционного переворота. Безусловно, здесь богатейший материал для психолога. Интересны «Времена» и для литературоведа, в особенности изучающего приметы классической литературы в советской, — Бухарин, показавший себя как блестящий литературный критик в докладе о советской поэзии на Первом съезде советских писателей в 1934 г., выступает и как один из творцов советской прозы.

Отмеченная Б.Я. Фрезинским «превосходная писательская память на все подробности жизни» позволяет признать «Времена» и богатейшим источником по истории Москвы рубежа XIX и XX вв.: мы многое узнаем о внешнем облике Москвы, причем разных ее уголков, о московских учебных заведениях, об образе жизни интеллигенции среднего и малого достатка (и прежде всего учителей), о психологии мальчишек тех лет, их круге чтения, их увлечении природой, спортивных склонностях... Незавершенные мемуары вряд ли войдут в антологию мемуарной литературы, но убежден в том, что в исторические хрестоматии о Москве и москвичах их фрагменты станут обязательно включать, а изучающие прошлое Москвы будут к сочинению Бухарина обращаться не меньше, чем к мемуарам о Москве родившегося в 1867 г. историка академика М.М. Богословского и родившегося в 1880 г. Андрея Белого.

И потому книгу включили в Издательскую программу Правительства Москвы и, существенно расширив комментарии, особое внимание уделили всему, относящемуся к Москве, ее улицам, ее храмам.

Б.Я. Фрезинский в предисловии к изданию романа «Времена» указал и на время начала работы над романом, и на этапы этой работы. Книга «Времена», в отличие от написанных в тюрьме «Философских арабесок», не задумывалась как итоговое сочинение автора, его завещание, и сосредоточился Бухарин на этой работе после завершения «Философских арабесок», в ноябре 1937 г. Убедительна и мысль Б.Я. Фрезинского о том, что «замысел выходил за рамки средства забвения и консервации прошлого, обретая определенный историко-публицистический масштаб». Однако вряд ли можно согласиться с категоричностью другого утверждения. Б.Я. Фрезинский пишет: «Начиная вторую литературную работу в тюрьме, Бухарин, разумеется, отчетливо представлял отпущенные ему сроки, и та мера подробностей, с которыми он описывал детские годы, позволяет сделать *однозначный* вывод: в его планы не входило создание беллетризованных мемуаров о всей прожитой жизни. Книга *несомненно* замышлялась *именно* как повествование о детстве и юности, максимум — о вхождении в революцию» (курсив мой. — С.Ш.). Полагаю, что допустимо и другое предположение.

Бухарин, действительно, «принимаясь за роман», как «политик, философ, социолог» «выходил на более широкую задачу: нарисовать картину... на широком и многокрасочном фоне Российской империи», но не обязательно ограничиваясь «детскими» годами. Ведь Бухарин начал работу над автобиографическим повествованием, еще надеясь на сохранение ему жизни. В январе 1938 г., через два месяца после того, он, видимо, уже утратил такую надежду. Потому-то в конце 7 главы, как тонко заметил Б.Я. Фрезинский, появились слова о «конце». А когда он стал размышлять о плане этого произведения, то мог полагать, что оно станет надолго

основной, если не единственной, темой его литературного творчества. Бухарин понимал, что даже если избежит казни, то будет отстранен от публичной деятельности, организационной работы. Скорее всего, и от научной, и от литературной. И писание мемуаров может превратиться в дело жизни на годы.

Возможно, задумано было нечто, напоминающее «Былое и думы» Герцена. Подробности в описании детских лет, упоминание такого числа исчезнувших затем из его жизни лиц и мест — все это допускало столь же пространно и так же (повторяя слова Б.Я. Фрезинского) «необычайно искренне и исповедально» поведать и о впечатлениях последующих десятилетий, о встречах и разговорах с видными современниками, о восприятии современной художественной, публицистической, научной литературы, о многообразии происходившего на Родине и в мире. Первоначально, при воспроизведении жизненных ощущений мальчика, автор вносил в свои наблюдения еще мало публицистичности. После седьмой главы нарастает насыщенность текста суждениями политико-идеологической направленности, фактами государственно-политической истории и истории общественного сознания (исторического, философского). И Бухарин проявил себя как писатель, используя приемы, традиционные для русской классической литературы, начиная с «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина и пушкинского «Евгения Онегина», внося элементы классики в текст автобиографического повествования. Но к событиям описываемых лет оказывается уместным приурочить рассуждения, характерные уже для современного образа мыслей Бухарина, взглядов идеолога социалистических преобразований, обогащенного не только опытом истории, но и знакомством с сочинениями об исторических событиях — и с первоисточниками таких знаний (официальной документацией, мемуарами, публицистикой), и с историческими трудами о явлениях прошлого. Особенно это проявилось в главах 12-й и 18-й, по существу вставных, но в той или иной мере и в других главах романа. И показательно, как Бухарин характеризует и исторические явления, и суждения об этих явлениях. Так, в главе 11-й, где описывается празднование столетия со дня рождения Пушкина, мы встречаем фразы, характерные для партийных идеологов 1920–1930-х гг. в оценке великих писателей, которые были убежденными противниками революционных методов переустройства общества. О В.А. Жуковском читаем: «...подловатая лживая версия льстивого царедворца, автора сентиментальных баллад и певца самодержавного оружия Жуковского о трогательном примирении Пушкина с царем и церковью на его смертном кровавом одре». Или об открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г.: «...торжество, когда первый апофеоз Пушкина делался, по-своему мастерски, гениальным реакционером Достоевским, кликушески голосившим на всю Россию: “Смирися, гордый человек!”» (с. 194–195).

Старался Бухарин успеть выразить и в этом произведении свое преклонение перед Лениным, характеризуя значимость действий молодого В.И. Ульянова, и широкое знакомство с его ранними сочинениями в годы, когда имя Ленина было менее популярно, чем имена других лидеров социалистов рубежа XIX и XX столетий. Бухарин был не только «любимцем партии», как определил его Ленин в документе, который многие называют его «политическим завещанием», он был любимцем семьи Ульяновых. Это явственно заметно в первых изданиях воспоминаний

Н.К. Крупской о Ленине. Дочь Бухарина Светлана и ее мать были частыми гостями в подмосковных Горках. Полагаю, что близость с этой семьей (с Н.К. Крупской и М.А. Ульяновой) помешала их аресту во второй половине 1930-х гг. (их арестовали лишь в 1949 г.). Бухарин по-настоящему любил Ленина, преклонялся перед ним.

Главная тема автобиографического произведения Бухарина — постепенное формирование общественного сознания мальчика, предопределившее всю дальнейшую деятельность революционера, мыслителя, литератора. А формировалось оно многообразием впечатлений — и от явлений общественной жизни, и от явлений природы, и от общения с людьми разной степени душевной близости и знакомства, разного социокультурного уровня, разных человеческих свойств, и от овладения культурным наследием, прежде всего литературой. Автор подчеркивает, что «активная общественная жизнь и ее веяния доходили до его сознания главным образом через так называемую изящную литературу» (с. 217). Отсюда такое изобилие имен писателей, литературных цитат и реминисценций.

Бухарин показывает возрастающую насыщенность жизненных впечатлений, многообразие их источников, воздействие на него разных частностей, всего, что отложилось в памяти, хотя понято и осмыслено было позднее, на другом уже уровне жизненного опыта. Его привлекают возможности показа и изменения мира в сознании мальчика. Иногда он формулирует это, как бы совмещая слова и мысли мальчика и автора: «Социальный мир явно расчленился в Колином сознании. Раньше для него люди разделялись только на две большие категории: взрослые и дети, причем взрослые обычно обманывают детей. Потом сами взрослые разделились на хороших и плохих, добрых и злых. А теперь выпирала наружу новая двойственность мира, его раскол на мир богатых и мир бедных» (с. 153).

Можно думать, что форма сочинения или даже идея его были подсказаны знакомой автору мировой литературой, в частности мемуарной. Не исключено, что одним из побуждающих примеров для обращения именно в тюрьме к мемуарному жанру стали мемуары Манон Ролан, знаменитой деятельницы Великой французской революции. Жена ученого-экономиста, ставшего затем министром, отличавшимся честностью и деловитостью, Ролана де ля Платьер, была хозяйкой парижского политического салона и писательницей. У Роланов первоначально собирались и умеренные, и радикальные деятели революции (в их числе Робеспьер), а затем салон стал очагом формирования взглядов жирондистов. Арестованная в апреле 1793 г., она в ноябре того же года была гильотинирована. Взойдя на эшафот, воскликнула: «Какие преступления совершаются во имя свободы!» В тюрьме мадам Ролан успела написать мемуары, где особое внимание уделила рассказу о становлении собственного общественного сознания (она была дочерью парижского художника и успешно овладела профессией отца) под воздействием освоенной ею литературы (и литературы прошлого, и современной). Бухарин не мог не читать эти мемуары, популярные в России и вышедшие в 1893 г. отдельной книгой в переводе на русский язык. И уж безусловно он читал книгу новелл «Женщины эпохи Французской революции» (впервые изданную в 1929 г.) писательницы Галины Серебряковой, ставшей женой его друга с гимназических лет и соратника по революционному движению и по партийно-государственной деятельности Г.Я. Сокольникова.

Знаменательна и отнюдь не однозначна обретающая трагическое звучание самая последняя фраза романа, относящаяся к ощущениям юного героя: «...ему было очень горько и досадно на самого себя». По существу это оценка финала своей жизни и того в жизни, что привело к такому финалу.

¹ О ней см. в части 3 «Методіа» книги «Россия и Европа. Дипломатия и культура» (М., 2007. Вып. 4).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ-НЕКРОЛОГА Е.Д. КУСКОВОЙ «АКАДЕМИК О.Ю. ШМИДТ»

За введение в научный обиход этого материала, интереснейшего не только в плане изучения биографии О.Ю. Шмидта, мы должны быть признательны рязанскому историку и книгоиздателю кандидату исторических наук Павлу Александровичу Трибунскому. Когда он направился в США для изучения архива выдающегося историка, публициста и общественно-политического деятеля П.Н. Милюкова (1859–1943) (Милюкову посвящены исследования ученого, высоко ценимые в среде историков), я попросил его, если представится возможность, скопировать газетные сообщения о пребывании отца в США после спасения челюскинцев в 1934 г. Он постарался обнаружить такой материал, и полученные от него ксерокопии использованы в статье правнука Отто Юльевича историка Кирилла Алексеича Левинсона, подготовленной для настоящего сборника. Вместе с ксерокопиями газет 1934 г. П.А. Трибунский по возвращении на Родину передал мне и ксерокопию из газеты 1956 г. — публикуемый текст, написанный Е.Д. Кусковой вскоре после кончины Отто Юльевича для уважаемой в русскоязычной среде зарубежья нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Материал этот был неизвестен тем, кто писал об О.Ю. Шмидте, хотя экземпляр газеты имеется в Российской государственной библиотеке.

Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) — одна из самых выдающихся общественно-политических деятелей и публицистов предреволюционной России. Вместе со своим супругом С.Н. Прокоповичем — также видным общественно-политическим деятелем и ученым-аграрником — Кускова была выслана за границу в 1922 г. на знаменитом так называемом «философском пароходе» (его невольными пассажирами стали в основном профессора-гуманитарии и философы МГУ). Супруги сначала остановились в Берлине, где Кускову избрали председателем Политического Красного Креста, затем они переехали в Прагу, откуда после ее оккупации немцами Кускова перебралась в Женеву. Там она прожила оставшуюся жизнь, активно участвуя во многих русскоязычных изданиях Европы и Америки, неустан-

Впервые опубликовано: Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей. М., 2011. С. 636–639 (под назв. «Предисловие»; текст предварял републикацию статьи Е.Д. Кусковой «Академик О.Ю. Шмидт» из нью-йоркской газеты «Новое русское слово» от 30 сент. 1956 г.).

но откликаясь на важнейшие события, происходившие в СССР и в эмиграции. Подробная биография Е.Д. Кусковой, написанная Н.Д. Ерофеевым, помещена в 3 томе биографического словаря «Русские писатели 1800–1917», изданном в 1994 г. (с. 246–248).

Поколениям, изучавшим биографию В.И. Ленина, имя Кусковой должно быть памятно, так как именно после ознакомления с написанным ею «Credo» в 1899 г. был составлен в сибирской ссылке «Протест российских социал-демократов» (известный нам по публикации в собраниях сочинений Ленина). Кускова и ее единомышленники полагали (и как теперь ясно, не без основания), что прямолинейная пропаганда социализма опасна для России и радикально настроенной интеллигенции следует сначала активнее способствовать развитию общественного сознания и культуры рабочего класса через его участие в различных школах, клубах, кооперативах, профсоюзах и лишь по мере этого втягивать его в политическое движение. За это революционные марксисты заклеили Кускову и ее сторонников как «предателей рабочего класса», «экономистов» — сведения об этих событиях рубежа XIX и XX вв. имеются во всех учебниках истории Коммунистической партии. Кускова и Прокопович, организационно порвав с российскими социал-демократами, продолжали активную общественную деятельность. Кускова стала известнейшим публицистом, сблизилась и с М. Горьким, и с кадетами, и с философствующими московскими мыслителями, была избрана в августе 1917 г. в Предпарламент, а Прокопович был одно время министром торговли и промышленности, а также министром продовольствия Временного правительства.

Е.Д. Кускова издавала газету, ставшую после Октября 1917 г. одним из центров оппозиции «диктатуре пролетариата», закрытую в начале 1918 г. В годы Гражданской войны она разделяла платформу так называемой третьей силы, суть которой сводилась к формуле: «Ни Ленин, ни Колчак». Она была членом возглавляемого Е.П. Пешковой Совета Политического Красного Креста, оказывающего помощь политзаключенным, независимо от их партийной принадлежности.

Е.Д. Кускова, Н.М. Кишкин (врач и выдающийся общественный деятель, бывший ранее при Временном правительстве «комиссаром для Москвы»¹), Е.П. Пешкова, друг академика В.И. Вернадского князь Д.И. Шаховской (к тому времени уже известный и научными трудами о своих родственниках — историке и публицисте XVIII в. князе М.М. Щербатове и П.Я. Чаадаеве) и другие лица близких общественных воззрений решили (поддержанные жившим в Полтаве В.Г. Короленко) организовать по линии Лиги спасения детей детские дома для беспризорников. (В связи с этим и произошла встреча Е.Д. Кусковой с О.Ю. Шмидтом.) Кускова стала активнейшим членом Комитета помощи голодающим в 1921 г., где была ответственной за пропаганду. За попытку установить контакты за границей Страны Советов комитет разогнали, а ее с супругом и Н.М. Кишкина арестовали, приговорив к смертной казни, от которой они были спасены телеграммами на имя Ленина, направленными Ф. Нансеном и Т. Гувером. Супругов отправили на Север, откуда и доставили в Москву для высылки за границу.

Общественный настрой и отношение Кусковой к большевистским функционерам очевидны. Тем более неожиданны и показательны ее впечатления об О.Ю. Шмидте — оставшиеся в памяти и от личного общения с ним, и от отноше-

ния к нему в московских учреждениях. Характерное для манеры его разговора передано, думается, близко к достоверности. Ее воспоминания-некролог О.Ю. Шмидта многое разъясняют в биографии О.Ю. первых лет советской власти, помогают пониманию характера отношений его и с советской верхушкой, и с более широкой общественностью. Кускова предназначала для печати текст, написанный ею в моем нынешнем возрасте, когда память о впечатлении отображаемого времени совмещается с ощущениями и размышлениями, откладывающимися в душе и сознании в последующие годы, хотя, возможно, автор мог обращаться и к записям (дневниковым?) давних лет. (Некролог был опубликован 30 сентября 1956 г., как оказалось, в день шестидесятилетия со дня рождения О.Ю. Шмидта.)

Кускова сразу же ощутила неординарность натуры О.Ю. Шмидта и доверительность его тона, четкость формулировок и особенно «деловитость», нечастую тогда у «советских заправил», и то, что он, не боясь «загрязнения революцией», «пытался делать практическое дело», спасти для будущего уцелевшее из наследия культуры и общественной жизни прежней России. Показательно и определение «странный человек», после того, как она и в сочинениях мемуарного типа, и в публицистических пыталась уже дать характеристику многим своим современникам разных поколений. Наблюдения Кусковой облегчают понимание того, как Шмидт умел находить общий язык со «старой» интеллигенцией (Е.Д. Кускова старше его на 22 года), да и вообще с людьми разных поколений и разного социокультурного статуса.

В то же время воспоминания эти характерны и для образа мышления самой Е.Д. Кусковой, интерпретации ею прошлого после десятилетий жизни в отрыве от Родины. Эти несколько страничек, независимо от тем «биография Шмидта» и «биография Кусковой», имеют и самостоятельное значение, и потому этот текст небесполезно рассмотреть в контексте с другими записями и мемуарами тех же лет. Так, замечание Шмидта о боязни интеллигенции «запачкаться о революцию» и рассуждения в этой связи Кусковой помогают осмыслить тенденцию остающихся в России ученых-гуманитариев заняться тогда именно краеведением, памятниковедением и закрепление на недолгий, правда, период теснейших творческих и даже административных взаимосвязей краеведения с «большой» — академической и университетской — наукой².

В воспоминаниях Кусковой обнаруживается, однако, и неполная осведомленность о некоторых затронутых ею обстоятельствах. Удивлявшее ее «влияние» Шмидта в разных учреждениях объяснялось не только его обаянием и коммуникабельностью (как выразились бы в наши дни), но и тем, что Шмидт действительно тогда «был везде» и «одновременно в самых различных советских учреждениях» и был связан с ними по работе в Наркомпроде.

В 1918 г. Шмидт был назначен членом коллегии Наркомпрода; в ноябре того же года он стал и председателем Комиссии по обследованию продовольственного дела в Москве; в мае О.Ю. был назначен членом Комиссии по разработке проекта декрета о бесплатном питании детей. А интерес самого Шмидта к деятельности кооперативов, видимо, удививший его собеседницу, объяснялся еще и тем, что он в Наркомпроде ведал и кооперативными делами, был председателем Кооперативной комиссии, публиковал статьи о кооперативах, готовил по указанию В.И. Ленина

декрет о потребительских коммунах; в апреле 1919 г. он был назначен представителем Совнаркома во временном правлении Центросоюза. Он постоянно общался с «кооператорами», был осведомлен об их настроениях³.

Воспоминания Кусковой особо ценны еще и тем, что они существенно конкретизируют представления о практической деятельности О.Ю. Шмидта в 1918–1920 гг., пока он был членом коллегии Наркомпрода (20 февраля 1920 г. он перешел на основную работу в Наркомпрос, назначенный членом его коллегии), тем более что в известных до сих пор воспоминаниях о Шмидте меньше всего говорится об этом времени. Предназначение автором своей статьи для популярной именно в США русскоязычной газеты — показатель сохранения интереса россиян, проживающих в Америке, к такой тематике. Хотя Кускова не сочла нужным написать о встречах Шмидта с американцами двадцать два года тому назад⁴. Или даже не вспомнила об этом, сосредоточившись на впечатлениях о первых годах советской власти и на продолжавшем ее волновать до конца ее дней вопросе об особенностях образа мысли и поведения «советских заправил» и о возможностях взаимодействия с ними.

Думается, что публикация этой статьи Е.Д. Кусковой будет использована при изучении темы «О.Ю. Шмидт» и более широкого круга тем.

¹ О нем см.: *Митрофанов Н.Н.* Гамбит доктора Кишкина // Арбатский архив. М., 2009. Вып. 2. С. 579–650.

² См. об этом: *Шмидт С.О.* Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. *Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии.* М., 1997. С. 153–166; *Он же.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992.

³ Подробнее см.: *Подвигина Е.П., Виноградов Л.К.* Государственная деятельность О.Ю. Шмидта в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // *Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность: Сб. ст.* М., 1959. С. 127–139; *Матвеева Л.В.* Отто Юльевич Шмидт. 1861–1956. М., 1993. С. 43 и след. (разд. «Переезд в Москву. Работа в правительственных учреждениях (1918–1922 гг.)»).

⁴ См.: *Левинсон К.А.* Зарубежные деятели об О.Ю. Шмидте // *Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей.* М., 2011. С. 359–360.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ В.С. КОРЯКИНА «ОТТО ШМИДТ»

Отто Юльевич Шмидт в середине 1930-х гг. — один из самых известных при жизни соотечественников. О Шмидте и руководимых им полярных экспедициях писали и в научных изданиях, и в массовых, и на Родине, и за рубежом. Писали видные ученые, общественные деятели и журналисты. Среди них такие мастера очеркового жанра, как Михаил Кольцов, Борис Горбатов, Лев Кассиль. Затем — при жизни же! — более десяти лет его имя замалчивали, вернув широкой общественности лишь в начале 1950-х.

Впервые опубликовано: Корякин В.С. Отто Шмидт. М., 2011. С. 402–407 (под назв. «Послесловие»).

После кончины О.Ю. Шмидта (сентябрь 1956 г.) в Академии наук СССР издали три книги «Избранных трудов О.Ю. Шмидта» — «Математика», «Географические работы», «Геофизика и космогония» (1959–1960). Подготовлена к печати и книга трудов по истории науки, а также статей и докладов, отражающих его роль в развитии культуры и в сфере государственной деятельности. В 1959 г. в издательстве Академии наук вышел в свет сборник, посвященный Герою Советского Союза академику О.Ю. Шмидту, — книга объемом около 30 листов «Отто Юльевич Шмидт. Жизнь и деятельность». В сборнике разделы: «Жизнь и творчество», «Воспоминания», «Письма и документы». Там же — «Библиография избранных трудов О.Ю. Шмидта» и указана «основная литература о жизни и трудах» его.

Изданы и другие книги об О.Ю. Шмидте — научные биографии^{*} и работы популярных жанров (научного, публицистического). В некоторых из подобных сочинений — Е.П. Подвигиной и Л.К. Виноградова «Академик и герой (Об О.Ю. Шмидте)» в серии «Герои и подвиги» (М., 1960), Н.Ф. Никитенко «О.Ю. Шмидт: Книга для учащихся 8–11-х классов средней школы» (М., 1992) и особенно И.И. Дуэля «Линия жизни» (М., 1977, в издании 1981 г. заголовок «Каждой гранью») — использованы и впервые вводимые в обиход науки архивные материалы из личного фонда О.Ю. Шмидта в архиве Российской академии наук, личных фондов других лиц, правительственных и академических учреждений.

В 1991 г. к столетию со дня рождения в редакции Большой советской энциклопедии Г.В. Якушевой подготовлена уникальная по замыслу «краткая иллюстрированная энциклопедия» «Отто Юльевич Шмидт — энциклопедист»^{**}. Напечатано было (прежде всего к юбилейным датам) немало статей о деятельности О.Ю. Шмидта в целом и об отдельных научных направлениях ее — пожалуй, ни о ком другом из наших академиков советского времени авторами статей в научных изданиях (журналах, сборниках материалов научных конференций и заседаний) не выступало столько ученых, особенно членов Академии наук, совершенно разных специализаций. Добротную краткую биографию отца с уникальными для познания его повседневной жизни наблюдениями успел опубликовать его старший сын Владимир Оттович — заслуженный профессор Московского государственного индустриального университета^{***}.

Особенно много сделано для увековечивания памяти об О.Ю. Шмидте в Институте физики Земли РАН, носящем с 1956 г. его имя. Институтом (или при его участии) организовывались и научные конференции, приуроченные к юбилейным датам жизни О.Ю. Шмидта. Сейчас передан в издательство и сборник «Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей». В многостраничной книге три части: «Научная деятельность», «Научно-организационная деятельность», «Отто Юльевич Шмидт в памяти людей». В последней части собраны

^{*} Самая основательная по своей архивной базе книга киевского профессора Л.В. Матвеевой напечатана в 1992 г. в академической серии «Научно-биографическая литература»; в 2006 г. книга переиздана в Киеве.

^{**} Под редакцией академиков А.М. Прохорова и Б.С. Соколова. Мне доверено было тогда стать консультантом издания (С.О. Шмидт).

^{***} В издании этого вуза в 2003 г.

и тексты выступлений на заседаниях памяти Шмидта. Вступительное слово на заседании в Московском Доме ученых, посвященном столетию со дня его рождения, 2 октября 1991 г., президента Академии наук тех лет академика Г.И. Марчука публикуется как «Предисловие» к этой книге В.С. Корякина. Для сборника и я написал большого объема текст «Этюды об О.Ю. Шмидте: соображения и воспоминания сына-историка».

Образ Шмидта запечатлен (начиная с небольшой поэмы для детей А.Т. Твардовского 1934 г.) в фольклоре, в произведениях изобразительного искусства*, особенно интенсивно обращался к этому сюжету Ф.П. Решетников — и в годы своей полярной биографии и позднее, когда стал уже народным художником СССР. Разнообразные сведения об О.Ю. Шмидте обнаруживаются в мемуарах, дневниковых записях, переписке, ибо, как заметил математик академик А.Н. Колмогоров: «Мало найдется работников в области культуры и науки, которые в своей работе не соприкасались бы так или иначе с Отто Юльевичем, — столь разнообразен был круг его деятельности и интересов, интересов всегда самых горячих». О.Ю. Шмидту — полностью или в той или иной мере — посвящены кинофильмы, особенно телефильмы (причем не с однозначной характеристикой и оценкой им содеянного и его личности).

Однако сразу же выясняется, что литература о Шмидте (особенно публицистическая), не говоря уже о художественных изображениях и телепередачах, преимущественно посвящена периоду его деятельности в Арктике. Но «Шмидт в Арктике» — это всего лишь около девяти лет! О другом в его жизни пишут и знают значительно меньше — чаще лишь о том, что связано с руководством Госиздатом и изданием Большой советской энциклопедии в 1920-х гг. и с разработкой Шмидтом и привлеченными им учеными космогонической гипотезы в последние годы жизни. Между тем без практики инициативного участия во многих правительственных начинаниях и смелости принятия решений еще в первое послереволюционное десятилетие О.Ю. Шмидт не смог бы совершить то, что ему удалось сделать в Арктике, а затем и в Академии наук (первым вице-президентом которой он был три года, с февраля 1939 г.). Фамилия Шмидта великое множество раз упоминается в напечатанном об Академии наук (а также о жизни академиков) в годы руководства Шмидтом деятельностью академии, но специального труда на тему «О.Ю. Шмидт и Академия наук» пока нет.

Поиски, ошибки и достижения О.Ю. Шмидта на административном поприще, воздействие на последующую работу в тех же сферах деятельности могут стать темой специальных изысканий, причем и по истории продовольственного дела и кооперации, даже советской финансовой политики, и по истории просвещения — организации образования (профессионального, в средней и высшей школе, в подготовке аспирантов) и системы руководства наукой. Могут быть также созданы особые самостоятельные исследования о роли О.Ю. Шмидта в истории книжного дела; о вовлечении им зарекомендовавших себя еще до революции профессиона-

* В рисунках скульптора Н.А. Андреева, живописи М.В. Нестерова, акварелях В.С. Сварога, шаржах Б.Е. Ефимова и др.

лов науки и преподавания («буржуазных специалистов», или «спецов», как их тогда называли) в советское культурное строительство; об интеллигенции в общественной жизни России XX в. и о взаимоотношениях Коммунистической партии и интеллигенции. И конечно же, по теме «Достигший высокого общественного положения интеллигент и тоталитарный режим». Об этом уже кое-что напечатано, но материал привлечен далеко не полностью. Такая интенсивная, на виду у многих, общественно-административная деятельность, какая была у О.Ю. Шмидта, не рассмотрена с должной обстоятельностью и в контексте непрекращающегося творчества ученого широких научных интересов, а также разнообразных исследовательских пристрастий.

Фигура О.Ю. Шмидта необычна на фоне его эпохи или, точнее, эпох советской истории — ленинской, постленинской, сталинской, постсталинской, — неординарны его поведение и его судьба. В Шмидте для историка (особенно изучающего XX столетие) интересны не только многообразие проявлений творческой энергии, совокупность дарований, но и то, что такая необычная для советской системы личность сумела столь заметно выявить себя в ту пору, когда культивировалась тенденция подчинения всего единым стандартам, руководящему началу и однозначному объяснению.

Очевидно, что теперь, с существенным расширением проблематики исследований о советском времени, с появлением возможности снова упоминать о делах тех, чьи имена вычеркивались из истории при тоталитарном режиме и с кем взаимодействовал О.Ю. Шмидт в каждодневной работе и при планировании будущих действий, в биографии его узнаем немало нового (прежде всего в сферах организационной служебной деятельности и идеологии) и сможем более детально определить, чем он выделялся в сообществе других лиц. Постепенно становится яснее и то, что сохранило свою значимость и по прошествии времени, в чем именно новатор Шмидт оказался предтечей направлений будущего развития или, напротив, самонадеянно тороплив и недальновиден.

И черты такого нового подхода заметны в книге В.С. Корякина. Хотя и Владислав Сергеевич Корякин — доктор географических наук, почетный полярник, признанный авторитет в науке изучения Северного морского пути, тоже наибольшее место уделит тем годам жизни своего героя, когда он основные силы отдавал освоению Арктики. Обнаруживается близость с книгами того же автора — «Челюскинская эпопея» (вышла совсем недавно в том же издательстве «Вече») и биографическими работами о выдающихся полярниках России XX в.: В.А. Русанове и Р.Л. Самойловиче. Книгу о Шмидте можно, пожалуй, рассматривать как завершающую часть этой своеобразной трилогии.

Впервые столь детально и на основе многообразных материалов (и архивных, и печатных, с учетом новейшей литературы) показана не только организаторская деятельность О.Ю. Шмидта с присущими ей особенностями и личный романтический героизм его, но и вклад осуществленных под его руководством экспедиций и запланированных мероприятий в расширение общественных представлений об Арктике и путях ее познания. Охарактеризована значимость такой деятельности и для практики освоения высоких широт, и для дальнейшего развития полярной науки как комплексного междисциплинарного научного знания. А это особенно

важно и интересно в наши дни, когда становится понятным, что степень использования природных ресурсов в Арктике во многом определяет будущее и нашей страны, и всего человечества.

Впервые охарактеризовано повседневное в работе Шмидта-полярника и обусловленность некоторых действий опытом его деятельности прошлых лет. В.С. Корякин, основательно ознакомившись и с архивной документацией, и с разнообразной литературой — не только о Шмидте, но и по смежной тематике, — попытался, показывая жизненный путь его, определить значимость звездных лет жизни (1933–1937) для понимания всего этого пути, образа мысли и поведения. Рассматривается все это неизменно в контексте особенностей истории изучаемых отрезков времени. И потому труд В.С. Корякина обогащает и тех, кто далек от арктических сюжетов.

Как историк и педагог полагаю, что тема «О.Ю. Шмидт в контексте своей эпохи» будет небезынтересна и последующим поколениям. Книга В.С. Корякина надолго останется базовой для проявляющих любознательность в этой сфере знаний. Мы, родные Отто Юльевича, душевно признательны и автору, и издательству «Вече», подготовившим это издание в год 120-летия со дня его рождения.

Публицистика,
журналистские
публикации бесед-интервью

И НА ВСЮ ЖИЗНЬ ДАР УЧЕНИЧЕСТВА

Книги, которым тесно в комнате. Они в высоких шкафах, на полках до потолка, на письменном столе и даже — стопками — на полу. Листы рукописи, корректура... Почему мы говорим: кабинет ученого? Мастерская — точнее.

Добрых полстены, выдавая увлечение хозяина, занимает литература о России XVI в. Признаюсь, что в свое время в Ленинской библиотеке я не без труда получила книгу его самого — «Становление российского самодержавства»: она все время была на руках. Запомнились строчки: «Труд свой автор посвящает памяти родителей — первых наставников на избранном пути. Достойные преклонения широта и многообразие их интересов, творческая одержимость и душевная щедрость навсегда останутся для автора побудителями творчества».

Портрет матери на стене. Одна из семейных реликвий — бережно хранимый подготовленный ею альбом о Лермонтове, который был выпущен перед самой войной. Фотография отца — его узнаешь сразу: легендарный Отто Юльевич Шмидт. Теперь в Большой советской энциклопедии они на одной странице: отец и сын. Сигурд Оттович Шмидт — известный историк, источниковед, председатель Археологической комиссии Академии наук СССР.

Но, кроме всего, он еще и педагог, много лет профессор Московского историко-архивного института. О научном студенческом кружке, которым он руководит (кружку уже больше 30 лет — феномен не частый!), не раз рассказывала наша газета. Кружке, который бывшие его воспитанники называют «школой мышления», «школой приобщения к науке». И еще — «этическим нормативом».

А с недавних пор Сигурд Оттович Шмидт стал — правда, несколько необычным — и школьным учителем: он ведет уроки истории по телевидению.

— Сигурд Оттович, не странно ли: в наш век, когда человеку стал доступен космос, один из самых высоких конкурсов в московских вузах вот уже стойко, несколько лет, конкурс в Историко-архивный институт? Архивы, «пыль веков», и современный, динамичный молодой человек — все-таки это трудно соединимо...

— «Пыль веков»? Но есть и другое определение: многовековая память человечества. Может быть, это звучит неожиданно, но историк-архивист — профессия футурологическая. От того, что он найдет и сохранит, зависят будущие знания о времени прошлом и времени настоящем.

Впервые опубликовано: Комсомольская правда. 1983. 6 окт. С. 2. Беседу вела Т. Яковлева.

Что касается высокого конкурса в наш институт, это отражение возрастающего интереса к гуманитарным наукам. Кроме того, нашему современнику, интересующемуся прошлым, уже мало ответа на вопросы: что? кто? где? почему? Он хочет получить ответ: а на основании чего мы делаем то или иное заключение? Откуда мы это знаем?

Историко-архивный институт привлекателен для молодого человека тем, что он приобщает его к источнику информации о прошлом — документам. А порой дает ему возможность и стать первооткрывателем.

Интересу к документу у молодежи, думается, во многом способствует движение красных следопытов. Когда держишь в руках найденную тобой историческую реликвию — письмо, документ, — начинаешь чувствовать отмерзающее постепенно дыхание времени.

— *Знаю, что к красным следопытам у вас особое отношение. Когда в Вологде, в командировке, я знакоилась с находками студентов, участников Всесоюзной экспедиции «Летопись Великой Отечественной», я услышала, что всю свою работу они ведут в тесной связи с Археографической комиссией. Большую помощь им — и другим следопытам — оказывают рекомендации «О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры», которые изданы Центральным архивом ВЛКСМ опять же вместе с вашей комиссией.*

Археография — еще недавно, казалось бы, такая специальная область знаний. Наверное, и сам термин-то еще не всем понятен — так, как, скажем, археология...

— Архео — древний, графо — пишу. Наука о собирании, описании и издании документальных памятников.

— *...И вдруг такой широкий «выход в массы». Это случайность, дань «злобе дня» или процесс закономерный?*

— Безусловно, закономерный. Более того, археографический поиск — своего рода знамение времени. Интерес к документальной памяти, а значит, и неизбежное обращение к археографии — свидетельство возрастающего историзма мышления в нашем обществе.

— *А между тем и сегодня, как и вчера, приходят в редакцию и такие письма. «Правда ли, что к каждому уроку истории нужно готовить дополнительный материал? — спрашивает девятиклассница. — Напишите, сколько точно статей мы должны законспектировать?» Отец другой школьницы высказывается еще определеннее. «Мы живем в реальном мире, — пишет он. — Ребятам предстоят экзамены в вуз, где требуются повышенные знания по математике, физике, химии. Они совершенно правы, когда требуют оградить их от сверхпрограммных знаний по истории». Выходит, сверхпрограммные знания по математике или физике — это допустимо, а история — пожалуйста, «оградите». Что вызывает к жизни такого рода письма? Думается, не только пресловутые «перегрузки». И не только сугубо утилитарный подход — учить только то, что «пригодится». За ними — взгляд на историю как на предмет второстепенный, не очень нужный. Как вы ответили бы авторам этих писем: зачем будущему физикау история? Или будущему математику? Или инженеру?*

— А зачем знать музыку? Зачем стихи, если можно говорить прозой? История так же необходима для развития человеческой души, как искусство. Но главное — историю нельзя не знать каждому потому, что человек не может без корней. Он не-

вольно, если он мыслит, задается вопросом: откуда он? Мы стоим на плечах наших предшественников. Весь наш опыт, вся наша культура.

Без знания истории мы не можем определить истинную ценность ни одного явления — ни прошлого, ни настоящего.

— Но, судя по тем же письмам, не всегда понимание это дает школа. Нередко человек выносит представление, что урок истории — это даты и прежде всего даты.

— Но тогда его учил хронологист, а не учитель истории! История — не только накопление фактов, а развитие мысли. Наука развивающаяся, движущаяся. И школьник должен это видеть. Знать, что есть еще вопросы, на которые не найдены ответы, есть вопросы, которые занимают умы, вокруг которых веками идут споры. Не надо перед школьниками делать вид, что на все есть однозначные ответы.

Преподавание истории в школе проигрывает и от того, что все еще слабы междисциплинарные связи, в частности между уроками географии и истории, истории и литературы. Многие представления о событиях и людях прошлого мы, как известно, первоначально черпаем из произведений художественной литературы и искусства. Уверен, что школьники благодаря «Оводу» Войнич, фильму, инсценировке знают куда больше о карбонариях, чем, к примеру, о революции 1848 г. Я уже не говорю о том, что 1812 г. в памяти каждого из нас крепко запечатлен прежде всего под влиянием «Бородино» и «Войны и мира». Художественное произведение с его отбором самого важного, самого типичного иногда может сказать о времени глубже и точнее, чем скрупулезное исследование с точными датами и фактами.

Но не все книги, из которых школьники черпают сведения о прошлом, равны по силе исторической правды. И учителю истории, на мой взгляд, необходимо показывать степень соответствия этих сведений уровню объективных исторических данных.

— А вы помните свои школьные уроки истории?

— Не столько уроки именно истории. Но влияние своих школьных учителей продолжаю ощущать на себе до сих пор — и учителя литературы Ивана Ивановича Зеленцова, и директора нашей 110-й школы Ивана Кузьмича Новикова. До сих пор, часто бессознательно, в работе со студентами обращаюсь к их методам. И, может быть, мой научный кружок в институте отчасти и появился оттого, что я в свое время вкусил радость общения в школьном кружке, который вел Иван Иванович. С благодарностью вспоминаю университетских профессоров. Сергей Данилович Сказкин не просто читал лекцию, а умел поднять до своих мыслей аудиторию...

Полагаю, и ему, и моему, как говорят, определяющему учителю в вузе — именно учителю, а не преподавателю, — Михаилу Николаевичу Тихомирову очень помогло то, что в университет они пришли с опытом преподавания в школе, отлично понимая психологию взаимоотношений учащего и учащегося.

Должен сказать, что с годами все больше прихожу к убеждению, что не всякий знающий специалист может быть педагогом. Дар учительства — несчастный дар. Можно много знать, уметь держаться с учащимися, владеть разными приемами обучения, даже казаться со стороны мастером своего дела, но если при этом нет постоянного живого интереса к ученикам, к движению их мысли, нет потребности в общении с ними, стремления, чтобы дошло до них то, что узнал сам, если ты душевно далек от них — ты не педагог.

И еще очень важное качество — терпимость. Нельзя силком требовать послушания и уважения. Нужно быть готовым к тому, что тебя не сразу поймут, не всегда сразу оценят то, что тебе кажется достаточно важным...

— *Дар учительства. А в одной из бесед со студентами вы сказали иначе: дар ученичества. Что подразумевали вы под этими словами?*

— Дар активного сотворчества. Это не памятьливость и даже не умение полно, глубоко, ярко запечатлеть в сознании то, что дает тебе учитель, а способность сделать своего рода «творческий рывок», суметь использовать приобретенные знания совсем, казалось бы, в другой области. В лекции по источниковедению я говорю, например, о дневнике Тани Савичевой. Один студент увидит в нем волнующий документ военного времени, Ленинградской блокады. А другой подумает еще и о том, что документальный памятник, необязательно выдающегося объема и написанный необязательно выдающимся человеком, может сфокусировать в себе представление о большом явлении. И когда он станет впоследствии работать над документами других периодов истории, он будет это уже иметь в виду, это явится для него своеобразным «методическим ключом». Высокая степень ассоциативного мышления — всегда показатель мышления творческого.

Дар ученичества — это и особое отношение к человеку, несущему знание. Это и благодарность учителю, и осознание преемственной связи времен. И умение учиться всегда и у всех — не только у тех, кто учит тебя по рангу. У книг. У жизни. У своих товарищей. И это не возрастное понятие! Даром ученичества обладает каждый, кто готов учиться всю жизнь, понимая, что не все он знает, не всегда прав. Кто может учиться у людей менее известных, более молодых...

— *А чему вы учитесь у своих учеников?*

— Не так просто ответить... Учусь умению «свежими очами» взглянуть даже на известное историческое явление. Они не отягощены знанием историографической традиции, у них еще не выработались определенные стандарты восприятия, и они способны увидеть то, что мне зачастую мешают увидеть мои знания.

— *Звучит как что-то данное — дар. А значит, данное не всем?*

— Не всем. Но задатки есть у каждого. Если они не развиваются, виноват сам человек. Тот, кто слишком занят сам собой, кто, если говорить о взрослых, слишком «блюдет свое положение», обычно утрачивает этот дар.

— *Дар — это радость, счастье. А учение, как известно, не только радость. Вот вы студентам-первокурсникам говорили, я слышала, что нужно научиться превозмогать себя, готовить к тому, что придется учить не только интересное, но и скучное...*

— Чтобы потом почувствовать радость владения материалом, дать мысли свободу! Полагаю важным, чтобы с самого начала студент стремился выработать у себя систему мышления. В наш динамичный век, насыщенный информацией, надо быстро реагировать на все, быстро мыслить. Опыт убеждает, что из памяти выветривается многое, но она сохраняет путь поиска. Чтобы не держаться за полу учителя или старшего, который не всегда окажется рядом, нужно знать, за какую нить ухватиться, а для этого владеть всей необходимой технической оснащенностью. К сожалению, некоторые первокурсники — знаю по опыту — полагают, что, попав в вуз, они обеспечили себе пять лет спокойной жизни. Им важен диплом о высшем образовании, который дает зачастую более престижное положение.

— Не всегда...

— Не всегда. К счастью, и не всегда большую материальную обеспеченность.

— К счастью?

— В том смысле, что это все-таки побуждает лишний раз задуматься, твое ли это призвание. Всякое призвание связано с готовностью приносить жертвы. Это касается порой и жизненных удобств. Думаю, нет большего самоунижения для человека, чем делать то, что не твое.

— Значит, и высокий конкурс не «страхует» институт от случайных людей?

— Система приема в вузы, на мой взгляд, нуждается в совершенствовании. Правильно ли, например, что решающее значение может иметь грамотно написанное сочинение? Конечно, элементарная грамотность архинеобходима! Но если человек пишет сочинение и ему хочется подумать, его ведет мысль, согласитесь, он может и забыть где-то поставить знаки препинания! И интересное сочинение может получить более низкую оценку, чем обкатанное, гладкое, без своих мыслей, но со всеми правильно расставленными запятыми... При распространившейся системе репетиторства такое сочинение написать нетрудно. Быть может, стоит подумать: принимать на первый курс не только студентов, но и, так сказать, кандидатов в студенты, с тем, чтобы окончательный состав определился ко второму курсу. И решительнее освобождаться от тех, кто не хочет учиться, не бояться, что это ляжет пятном на репутацию института.

В вузе должны оставаться те, кто имеет призвание быть студентом. Понимаю, что реализация этого предложения связана с известными сложностями, в том числе и финансовыми. Но в итоге это окупится. Потому что диплом получит не случайный человек, из института выйдет настоящий специалист. Ведь нынешним нашим студентам надо быть не только наравне с веком, а наравне с двумя веками. Им работать и в XX, и в XXI в.

«ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС РАДИОАКТИВЕН»

По средам вот уже почти сорок лет собираются на заседания члены научного кружка источниковедения истории СССР Московского историко-архивного института. Объединение это очень своеобразно и уникально по влиянию на души и судьбы причастных к нему людей. Приведу выдержки из ответов на вопросы традиционной анкеты «Что дал тебе кружок?».

«Самое яркое воспоминание — об атмосфере, которая царила десятилетия назад и продолжает оставаться определяющей сейчас: дух творческого горения, некротимой жажды познания в сочетании с исключительным доброжелательством».

Впервые опубликовано: Воскресные встречи: Беседы с интересными людьми. М., 1987. С. 34–46. Беседу вела К. Лаврова.

«Нельзя ответить однозначно на вопрос “что дал кружок?”. Для меня — это формирование личности, дружба, пронесенная через все эти годы».

«Такого вопроса в анкете нет, и очень жаль. Вопрос этот о научном руководителе. Спасибо Сигурду Оттовичу!»

Профессор, председатель Археографической комиссии Академии наук СССР Сигурд Оттович Шмидт буквально «божьей милостью» руководитель научного студенческого коллектива, где велика роль не просто ученого, а ученого особого типа — увлекающего эрудита.

Я была на лекции, когда он убеждал первокурсников «не наступать на горло собственной песне», если вдруг покажется верной иная точка зрения, чем у преподавателя: «Не стоит приучать себя подделываться под вкусы». И настойчиво требовал «приставать к лектору: мол, у вас противоречия; подчеркивать недоказательные места в учебниках...»

Всеми по разным поводам приводилось его излюбленное: «Аксиома? А может, теорема?», «Доверяя — проверяй». Но что слова, когда перед глазами — личность руководителя, чуждого всякого схематизма, раскованного, с его образным, картинным видением, умением говорить о сложнейших специальных вопросах просто, красочно, что, по отзыву кружковца, «навсегда легло фундаментом в представление о научной элегантности и мастерстве исследователя». Именно Сигурдом Оттовичем поддерживается здесь особый настрой «хотения думать» и открывается приятность этого занятия.

Сигурд Оттович — крупный ученый. Рядом с Отто Юльевичем Шмидтом в Советской энциклопедии стоит имя его сына. Сигурд Оттович — автор известных монографий по истории России, работ по источниковедению, истории архивного дела. Один из видных организаторов нашей исторической науки.

И боец, если требуется защитить научные принципы. Когда в институте одно время наметилась тенденция к ухудшению качества учебной подготовки студентов, Шмидт публично выступил против этой тенденции. Как председатель Археографической комиссии АН СССР, главный редактор ее изданий, Сигурд Оттович постоянно в научном поиске. Он инициатор создания пособий-рекомендаций о сборе, учете и использовании документальных памятников для руководителей общественных музеев. Много лет выступает перед телезрителями с циклами передач по отечественной истории, обращается в печати к широкому кругу общественности, краеведам и следопытам с настойчивым советом — искать и хранить исторические реликвии как великое достояние народа.

Широко заявленная общественная заинтересованность в развитии исторической мысли — отправной момент в разговоре со Шмидтом. Сигурд Оттович непременно подчеркнет:

— Интерес к документальным памятникам, к памятникам истории культуры — осязаемый показатель высокого развития современной культуры, результат воспитания историзма мышления. Помните, у Горького: «Знание развивается сравнением, а нашей молодежи не с чем сравнивать то, что ей дано, чем она обладает. Именно поэтому и по силе здоровой жажды хорошей жизни среди молодежи нередко встречаются парнишки и девчонки, которые не умеют ценить все то, что для них завоевано; встречаются задорные орлы, которые преждевременно мечта-

ют об уютном курятнике. Знание прошлого вылечило бы их от слишком торопливого стремления пользоваться достижениями настоящего, не думая о будущем, не стараясь углубить и расширить не ими завоеванное и заработанное хорошее наших “прекрасных, но еще нелегких дней”».

Между прочим, профессия историка-архивиста, если хотите, — самая футурологическая: только то, что он сохранит, опишет, и останется для будущего.

— *Сигурд Оттович, нынче интерес к истории вышел за рамки узкопрофессионального. Сборники документов читаются с большим увлечением, чем романы. Мы хотим знать и понимать сегодня больше, чем знали и понимали вчера, и, видимо, оценки историка как посредника между документом и нами становятся вдвойне ответственными?*

— Да, при этом очень важен упор на источники. Ныне хотят получить ответ не только на вопросы «когда? где? что произошло? кто и почему сделал?», но и «как это узнано? насколько надежны и достоверны данные, откуда мы черпаем сведения? не делаем ли мы ответственные выводы без достаточных оснований?». Доверие — не к выводам, а к системе доказательств автора. И история научного поиска оказывается подчас не менее привлекательной, чем его результаты.

«Он из замечательных историков широкого профиля», — характеризовал Шмидта один из его учеников. Поначалу был кружок «феодалов», когда XVI–XVIII вв. безраздельно занимали умы студентов. Будучи специалистом по феодализму, Шмидт, однако, с годами постепенно увел ребят к более близкой истории. Сейчас тут половодье эпох и тем — от «Слова о полку Игореве» до мемуаров участников боев в Брестской крепости. Непременна ленинская тема. Такой кружок как нельзя более отвечает натуре Шмидта, многопротяженности его знаний, устремлений, жадному любопытству, с каким он относится ко всему новому в исторической науке и которое привил окружающим.

— Широка важна именно для историка-архивиста, которому предстоит иметь дело с документами разных эпох, — не преминет подчеркнуть Шмидт профессиональный момент.

Но ученики обратят внимание и на момент «человеческий».

— Помнится, Сигурд Оттович был в Минске на Всесоюзной конференции. Нас с Сережей Филимоновым после заседаний в день отъезда потащил в музей Отечественной войны, потом в картинную галерею. До семи вечера мы бродили, а в восемь отходил поезд на Москву. Мы падали от усталости, а он, оживленный, неутомимый, бегаёт. По дороге ещё не пропустил ни одного книжного магазина, купил и тут же вручил мне в подарок книгу, которую я давно искал... Любознательность его неиссякаема, — рассказывает кружковец Михаил Шумейко.

— Я... одноколеев, — ищет образ Алексей Курносов. — Всю жизнь сижу на одной теме, копошусь в одном круге вопросов. Шмидт — многоколеев. Его интересует очень широкая проблематика. Он не отгораживается эпохой Ивана Грозного, специалистом которой считается. Не замыкается в источниковедении — часто на занятиях кружка звучат доклады по истории, историографии. Мне кажется, истоки мировосприятия Шмидта идут от семьи: он воспитывался в среде русской советской интеллигенции, знаком с широким кругом ученых не со стороны, а в лицо. И этот как бы личностный, персонифицированный подход к анализу времени

у Сигурда Оттовича сохранился и был перенесен им на историю, историческую науку. Он видит, чувствует, осознает эпоху в лицах, красках, ярких деталях, он населяет ее живыми персонажами и умеет передать свое ощущение слушателям, создавая образное видение времени. Это сказывается и в устойчивом интересе Сигурда Оттовича к личным архивным фондам историков. Персонификация истории и исторической науки — существенная черта стиля Шмидта.

— Артистичность плюс высокий научный уровень — вот что такое Шмидт, — считает Александр Амосов. И раскладывает по «полочкам» эту оценку. — Его научная эрудиция, кажется, безгранична. Но мало знать — важно уметь изложить. Слушать его заключительное слово на заседании кружка — наслаждение. И наконец, надо отметить такую черту учителя, как научная щедрость. Он всегда готов поделиться знаниями. Бывает, ученый копит все для себя, из него вытянуть что-либо трудно. Шмидт готов подсказать, навести на открытие, помочь открыть.

— Надо быть обязательно хорошим ремесленником, т.е. знать ремесло, иметь профессиональные навыки для выявления фактов, анализа, — размышляет Сигурд Оттович. — Первокурсники на занятиях кружка поначалу «немые»: молчат, подавленные обилием информации, превосходством старших в знаниях. И какая радость, когда вдруг после сугубо специального по теме доклада — град заинтересованных вопросов с мест, где сидят «молчалыки». Легко ли? Просто ли ребятам? Нет. Атмосфера интеллектуального напряжения требует постоянной работы. Нужно быть «в курсе», чтобы не просто поглощать, а участвовать. Это сложно. Поэтому-то те, кто хочет учиться «легко», кому всякого рода «копание», влезание в глубины кажутся излишней роскошью («Зачем это надо?»), у нас будут непонятны.

Сложно, трудно, напряженно... А что же взамен этого напряжения?

Радость своего, пусть маленького, но открытия. Тут подбираются люди, связанные родством особого рода — жаждой познания. И бесконечные «почему?» звучат как требовательное и бескомпромиссное «докажи», «убеди». При этом доказывать и убеждать надо не из-за отметки, не из расчетливого «сгодится на экзамене». Хотя, конечно, сгодится.

С самого начала заведено: работы студентов должны нести крупницы «большой науки», помогать исследованию и решению ее проблем. Члены кружка готовят сообщения, с которыми выступают на представительных научных форумах, печатаются в трудах Академии наук СССР, в изданиях Главархива СССР.

— Большая часть работ кружковцев, — рассказывает Шмидт, — основана на изучении и, так сказать, введении в научный оборот свежих архивных материалов от периода Средневековья до наших дней. Студенты впервые изучили архивы многих ученых, исследовали их творческую лабораторию, обнаружили ценные, ранее не опубликованные научные труды, выявили важные сведения об их педагогической и общественно-политической деятельности.

Казалось бы, многое известно о времени Ивана Грозного, кружковцами же изучены летописные повести и миниатюры, судебнo-следственные дела, приоткрывающие неизвестные страницы далекой истории. Сергей Филимонов, по существу, открыл фонд Общества молодых краеведов, которое действовало в первое десятилетие советского государства. Сергей Журавлев изучает, как создавалась история фабрик и заводов в середине тридцатых годов. Новые данные обнаружил Виталий

Афиани в архиве академика Буслаева, Андрей Зайцев — в материалах создателя журнала «Русский архив» Бартенева, Михаил Шумейко — в фонде историка и публициста Богучарского, Сергей Чирков — в архиве известного ученого Преснякова. Впервые обобщил печатные данные и архивные сведения о друге А.И. Герцена историке В.В. Пассеке Константин Новохатский, Илья Альтман собрал новые материалы по следственному делу Александра Ульянова. Среди первых печатных трудов по теме «Ленин и НОТ» — работа Вячеслава Банасюкевича...

Кружок вводит в курс важнейших поисков в исторической науке. Тут выступали виднейшие ученые, делегаты и участники различных международных конгрессов и симпозиумов. Гостями источниковедов были академики Н.М. Дружинин, Б.А. Рыбаков, члены-корреспонденты АН СССР А.В. Арциховский, Е.И. Дружинина, И.Д. Ковальченко, В.Л. Янин. Знаменитый антрополог и археолог М.М. Герасимов знакомил кружковцев с опытами восстановления лица по черепу в своей мастерской. Не раз выступал И.Л. Андроников с интереснейшими импровизациями о своих архивных разысканиях. Профессор М.С. Волин рассказывал о прижизненных изданиях биографии Ленина и принес с собой несколько таких редких изданий. С кружковцами встречались Б.Ф. Поршнев, Н.Н. Покровский, К.Н. Тарновский, Б.Г. Литвак, В.И. Буганов, С.А. Федюкин и другие видные ученые и деятели культуры. Картины и рисунки народного художника Е.И. Куманькова о Москве обсуждались вместе с мастером в выставочном зале...

Приведу еще выдержки из анкет. В массе вариаций вы почувствуете, наверно, один устойчивый мотив.

«Что дал кружок? Недоверие ко всякого рода писаниям, приноровленным ко времени или моде, и уважение к факту».

«Интерес на всю жизнь ко всему новому, неожиданному, здоровое любопытство (любопытность, что ли?). Отучил от бездумного и некритического отношения к аксиомам. Научил хотеть думать и открыл приятность этого занятия; укрепил нетерпимость к верхоглядству».

«Восклицательные и повествовательные предложения из иных лекций предстали предложениями вопросительными. Эти знаки вопроса не снимались, наоборот, вызывали и нагромождали новые. Над этим до сих пор и мучаюсь...»

В наиболее общем виде все это выражалось в оценке «дал радость познания». Будоражил мысль, выполняя роль дрожжей, закваски.

Сергей Морозов рассказывает:

— Обычно преподаватель боится новизны: это ведет к дополнительной сложности, да и неизвестно, что получится. А Шмидт не боится. Мы привыкли к духу беспокойного поиска истины. Это — суть, главное.

Ученые считают, что человеку органически свойственна потребность в познании, которая не носит лишь характера приспособления к окружающей среде (если ребенок знает, что какое-то действие приносит ему вред, он не станет его делать, т.е., познавая, он учится жить), но включает в себе нечто более глубинное, духовное, что ли, по нашим представлениям. Вся система личности стремится в целом не к пассивности, а к нарушению равновесия, созданию напряжения. Удовлетворение потребности в познании дает человеку ощущение счастья и служит основой для творчества, говорят психологи. Мне особенно понравилось, что само назначение потребности определяется так: «привести человека в движение». Достаточно со-

здать напряжение во внешней среде, дать толчок к активной работе мозга — и человек «закручен», «динамизирован». И другая вещь поразительна: пассивное состояние для человека неестественно, чуждо его природе (по наблюдениям ученых, изоляция мозга от внешнего мира приводит к расстройствам, поскольку мозг в этих случаях испытывает информационный голод). Какая прекрасная схема естественно развивающейся и растущей личности!

Но при этом велико значение факторов, которые приводят в движение, возбуждают эту потребность познания. Замечено, что однообразие и скудость раздражителей (та же неинтересность, скука) ведут, по существу, к ограничению познавательной деятельности у детей и к задержке развития. Значит, формирование познавательной потребности — залог формирования личности. Мне показалось, что кружок Шмидта и есть умелый инструмент для настройки личности на особую волну — радостного самовоспитания.

— Сигурд Оттович, студенты знают, что у вас заниматься не просто. Не отгораживает ли это ваш кружок от студенческой массы?

— Ничто так не претит лично мне, как дух этакой элитарности, «особенности», какого бы то ни было самовыделения. В кружке собрались люди не исключительных дарований или тяги исключительно к науке. Это ребята разных способностей и разного темперамента. Но они любознательны и склонны к творчеству, любят, ценят труд (но труд с увлечением), обладают даром ученичества и у старших и у сверстников, чувством товарищества и еще, пожалуй, чувством юмора, а следовательно, и некоторой способностью взглянуть на себя со стороны. Быть может, общее у многих кружковцев и то, что в источниковедении их привлекает возможность реализовать не утраченную с детства потребность самому разобраться, познать, из чего что сделано и как действует. Как правило, кружковец — это общественно активная деятельность. И активность выражается не только или даже не столько в традиционно-учебной сфере (а учатся кружковцы хорошо, да иначе и трудно было бы выдержать регулярную дополнительную нагрузку). Они деятельные общественники: члены комитета и бюро ВЛКСМ, комиссары, командиры и бригадиры студенческих стройотрядов, участники художественной самодеятельности, художники и фотографы, поэты и музыканты, люди, увлеченные техникой, спортсмены... Словом, это люди, интересы которых отнюдь не ограничиваются только наукой.

Микроклимат «кружкового бытия»? У нас не терпят ни претенциозных болтунов-верхоглядов, желающих словесной бравадой или наукообразными трюизмами обратить на себя внимание, ни догматически узкомыслящих людей. Выпадают из атмосферы кружка и те, кто пытается стать его членом из-за деляческих или престижных соображений — им здесь не ужиться.

Талант человеческого общения, умение понять и поддержать ценятся у нас не меньше, чем яркие способности к оригинальному ассоциативному или стройно логическому мышлению. К человеку, сосредоточенному только на своей мысли (пусть даже незаурядной), на своей работе, а значит, на самом себе, относятся с недоверием. Одаренная натура — это человек, наделенный душевной щедростью, а следовательно, и щедростью мысли. Убежден, что только люди добросовестные в жизни могут быть добросовестными в науке: таким обычно чужда трактовка явлений в угоду заранее облюбованной или подсказанной схеме.

— *Ваша роль в создании такой атмосферы...*

— Я очень прошу, я настаиваю на другой позиции: кружок — результат коллективного творчества руководителя и молодой «поросли». Это — принцип.

Увиденное в кружке говорило отнюдь не об аскетизме духа, не о суровом подвижничестве мысли, во всяком случае, не только об этом. Здесь живая, непринужденная атмосфера, дружеские отношения.

Чем кружок привлекает? Отсутствием формальности. Во-первых, никакой принудительности. Во-вторых, нет какой бы то ни было иерархии: все равны. Затем — доверие: тебя слушают с интересом и безразличием. Наконец, отсутствие догматического подхода ко всему.

На этот кружок можно не являться, если почему-то не хочется. Тут разрешается быть смешным, спросить о том, о чем хочется спросить. Нельзя одно: относиться неуважительно к кому бы то ни было, быть неинтеллигентным.

Один из участников опроса, проводившегося в связи с очередной годовщиной кружка, определил все это как «обстановку инициативного равенства: каждый чувствовал себя раскованным, не боялся говорить, изреченные глупости принимались вполне интеллигентно, осуждение, даже заглазное, ни разу мне не встречалось». А вот мнение нынешних:

— Можно задать вопрос, над которым академику вольно посмеяться. Но... здесь признак дурного тона — посмеяться. Академик серьезно ответит: «Каждый сам собой хорош. Независимо от возраста, положения, знания. Равный».

Первокурсник сказал:

— Тут атмосфера семейная...

В перерыве Сигурд Оттович, поблескивая очками, обязательно заведет разговор то об одном, то о другом из кружковцев:

— Вы знаете, это очень трогательно, Сережа Мякушев завтра уходит в армию, а сегодня явился на заседание.

То вдруг захочет показать, каков на воскреснике тот самый студент, который только что выступал с докладом, — там, на втором этаже, вешены фото...

Такова тут педагогика отношений. Доступность, общительность, отсутствие профессиональной высокомерности, снисходительности... Это и обуславливает непререкаемый авторитет С.О. Шмидта у учеников.

Если бы понадобилось коротко определить тип кружковца, я бы сказала, что это человек, умеющий радоваться. Все, что тут делается и говорится, делается и говорится с видимым удовольствием. С удовольствием читается доклад, с подъемом идет обсуждение. Тут в ходу улыбка; шутка считается признаком душевного здоровья, репризы из капустников, писанных по случаю круглых дат кружка, звучат в самые ответственные моменты разговора.

Вообще, сочетание научной углубленности и, я бы сказала, азартности, удовольствия от шутки, готовности искрометно хохотнуть в высшей степени характерно для кружка Шмидта. Иногда кажется, что идет не научное заседание, а театральное действие, настолько зрелищно, заразительно, захватывающе эмоционально и в хорошей игровой манере все происходит.

— Сигурд Оттович, ну а явление «стариков»?..

— «Старики» — вечные кружковцы, чаще всего это нынешние преподаватели вузов, работники многочисленных архивов (в некоторых архивах и институтах Академии наук — целые «гнездовья» бывших кружковцев). Явление «стариков», несомненно, специфическая черта нашего кружка. Они не «степенятся», подбирают вопросы докладчику, вперемежку с остальными выступают. У нас их любят. «Старики» нужны кружку, они питают его, обеспечивают высокий уровень обсуждения. И суд без пощады и совет без корысти!

Чаще других я встречала на заседаниях Сергея Михайловича Каиштанова, о котором могу без преувеличения сказать как о любимце источниковедов («Есть резон выступать, когда на заседании Каиштанов»). Сергей Михайлович — доктор исторических наук, ученый с большим авторитетом, человек живой по характеру; выглядит очень молодо для своих лет, явный нелюбитель громких фраз. Улыбается:

— Хожу сюда по консервативной привычке. А если серьезно? Знаете, на наших ученых заседаниях, секциях заранее знаешь, кто что скажет. А здесь каждый раз элемент неожиданного, новизны, ожидание открытия.

— Убежден: только те остаются интересными для других, кто сам не утрачивает интереса к людям, к познанию нового. Наверное, это и есть секрет «нестарения», — с особым удовольствием повторяет (любимая мысль!) Сигурд Оттович.

Понятие «учитель — ученики» в применении к Шмидту и его кружковцам имеет более емкий смысл: не просто временные, ограниченные курсом обучения в институте и в чем-то обязательные связи соединяют их, а глубокие отношения, основанные на духовном и научном единении, уважении и потому никак не ограниченные рамками студенческих лет. Вспоминаются традиции лучших передовых педагогов и воспитателей юношества прошлого, которые на всю жизнь сохраняли связи со своими питомцами, оставаясь для них Учителем в высоком смысле этого слова. «Он сохранил нас, он воспитал наш пламень, заложен им краеугольный камень...»

«Зачем человеку все это надо?» — думала я о Сигурде Оттовиче. Зачем из недели в неделю десятки лет приходит в одну и ту же аудиторию? Чтобы вновь встретиться с поколением «зеленых» студентов и с неиссякаемым энтузиазмом начинать с ними все сначала? Зачем тратить огромную энергию на подготовку этих новичков, когда они еще с робостью толпятся у стен храма науки, не решаясь поднять глаза?..

— Да он просто не может жить без молодежи, — без сложных копаний в душе руководителя, простодушно высказался один из кружковцев. И, как это часто бывает, именно простота выразила одну из существенных черт характера руководителя.

Михаил Шумейко рассказывал:

— Я пришел в институт «посмотреть». Выбора точного еще не было. МГУ? Историко-архивный? Не решался, как поступить. Стоял в вестибюле, читал объявления. И тут подходит Сигурд Оттович, улыбается доброжелательно: «На распутье?» — «Да», — говорю. Он: «Чем занимаетесь?» Я: мол, привлекает и история, и журналистика. Он начал со мной говорить. Рассказал о кружке, о ребятах — тут же привел пример выпускников, которые проявили себя и в области журналистики.

Закончил: «Если надумаете поступать, приходите в кружок». Так сказал все это, что сомнения отпали. Я поступил. Первая вводная лекция. Читает Шмидт.

Говорили только о нем: «Шмидт, Шмидт...» И все же в кружок я не сразу пошел. Пошел мой друг Саша Финадеев. И что же вы думаете? Сигурд Оттович спраши-

вает его: «А почему Миша не ходит?» Так я стал завсегдатаем, а потом и секретарем кружка.

— Сигурд Оттович, ну а если честно, зачем вам кружок?

— Знаете, нередко именно студенческие доклады и дискуссии оказываются толчком к творчеству для самого руководителя и, уж во всяком случае, препятствуют окостенению его мышления. Кружок доставляет особую, ни с чем не сравнимую радость человеческого и научного общения...

«Кружковец» — как бы пожизненное звание, оно носитя выпускниками института с гордостью и служит связующей нитью между ними. Часто кружковцы остаются друзьями на долгие годы, встречаясь, общаясь, сотрудничая.

— След кружка явен в них — так несколько торжественно сказал Валерий Гальцов о питомцах гнезда Шмидта. Я говорю здесь не о научных кадрах (подсчитано, что из кружковцев вышло много людей ученого толка: свыше семидесяти кандидатов и четверо докторов наук). «След этот» — в позиции людей, в их активном мироощущении.

Староста кружка Павел Сергеев родом из Малоярославца:

— Инициативу общественников-москвичей по реставрации памятников, — говорит он, — хочу привить на родной калужской земле. Воспитание историей — великое дело. Рождается совсем другое отношение к окружающему, к месту, где ты живешь, — желание сделать лучше для улицы, района, города.

Он рассказал об организации археографических отрядов в среде историков-архивистов — начинание исходило от кружка источниковедов. Очень много сделал для развития этого движения секретарь комитета комсомола института, бывший староста кружка Владимир Козлов. Ребята ездили во Владимир, Смоленск, Тулу — собирали фронтовые письма, документы о партизанском движении.

Во всем этом чувствуешь явное влияние школы Шмидта как школы воспитания активного творческого самочувствия. Профессиональная ли это черта историка-архивиста? Несомненно. Но это и черта общественно активной личности вообще, ибо жадность к новизне, самостоятельность мышления, нетерпимость к верхоглядству, верность призванию — залог личности деятельной, а не чиновничьей, равнодушной.

Я бы уподобила кружок некоему стимулятору роста творческого потенциала личности молодого человека, вступающего в жизнь.

«Творческий процесс радиоактивен», — сказал Юрий Олеша. Вот уж подлинно! Вышло более тридцати сборников научных трудов Историко-архивного института. Рядом с именами известных, маститых ученых — фамилии впервые приобщающихся к науке. Четыре книжечки изданы специально к десяти-, двадцати- и тридцатилетию студенческого кружка. Новые данные о ленинских документах, статьи об истории советских орденов, неизвестные материалы из архивных фондов знаменитых русских ученых... Глубокий, серьезный анализ источников. Авторы работ — студенты, аспиранты.

— Сигурд Оттович, наверное, не зря в старом кружковском «гимне» есть слова: «К Шмидту сын мой придет, и пусть все повторится сначала...»

— Да, мои сегодняшние новички как раз годятся в сыновья тем, кто начинал в кружке в 1950 году...

СИГУРД ШМИДТ, ИСТОРИК

Московский интеллигент со старомодными манерами и речью. Всю жизнь живет близ Арбата в набитой книгами коммуналке, которая лишь недавно стала его отдельной квартирой. В быту консервативен, из «новой техники» освоил лишь пишущую машинку. Легко находит общий язык со студентами и аспирантами. У него часто бывают молодые люди из научного студенческого кружка, которым он руководит уже 40 лет (рекордный срок в истории высшей школы и науки). Доктор исторических наук, председатель Археографической комиссии АН СССР, профессор Московского историко-архивного института, член президиума правления Советского фонда культуры, автор монографий и многих статей по специальным историческим дисциплинам и по истории России, заслуженный деятель науки РСФСР, Сигурд Оттович Шмидт — сегодня гость нашей 13-й страницы.

— Вижу у вас кружок с портретом Отто Юльевича Шмидта и надписью золотом: «Лучшему пионеру... 1934». Как чувствовали вы себя в лучах отцовской славы?

— Очень неудобно. Учился легко, но мне казалось, что воспринимают меня только как сына знаменитого Шмидта. Премии в 1934-м получили «лучшие пионеры» всех школ Москвы, но портрет в газете был напечатан только мой. Незаслуженность признания «заслуг» волновала и родителей, они перевели меня в другую школу, известную строгими традициями школу имени Нансена у Никитских ворот. Там я стал получать и «посредственно», по-нынешнему — «тройки».

И позже меня оберегали от соблазна престижности. Будучи аспирантом, был направлен читать лекции в Вильнюс, где по тамошней традиции ко мне обращались: «профессор». Вернулся в Москву переполненный чувством собственной значимости. И вот — телефонный звонок, просят профессора Шмидта. Интересуюсь: «Кто спрашивает?» Ответ: «Академик Шмидт». Урок! После него четверть века не осмеливался называть себя так, пока не стал на самом деле профессором.

Отец никогда не афишировал свои звания. Только во время войны на конвертах писал: «академик», чтобы цензура не придиралась к немецкой фамилии.

— Как отразилось на вашей судьбе немецкое происхождение? И как вы, историк, оцениваете нынешнее обострение национальных отношений?

— По сравнению с другими я не пострадал. Как и отец, по паспорту я русский. И по существу я человек русской культуры, мне душевно близок именно средне-русский пейзаж. До революции в документах фиксировали не национальность, а вероисповедание, и отец, потомок немцев-крестьян, переселившихся в Латвию в XVIII в., был записан лютеранином. В советские годы, во время одной из переписей, его «переписали»: русский. На мой вопрос: «Почему?» — он ответил позднее, уже когда появился нездоровый интерес к пятому пункту анкеты: «Потому что сны я вижу на русском языке!» По-моему, очень точный ответ! Мы живем среди соотечественников, а не среди соплеменников.

Как историк я знаю, что наша государственность оформлялась и укреплялась как многонациональная. Что народы нашей страны жили, как правило, в содружестве даже при различии вероисповеданий. В России не было междоусобных войн

под девизом уничтожения одного народа другим. Такова одна из корневых основ культуры русского народа. Последствия отступления от этой традиции могут быть только пагубны.

— *Когда происходят общественные катаклизмы (а социальная революция, в том числе бескровная, — катаклизм), возникает мысль: что останется от прежнего уклада? По-видимому, мы стоим на пороге новой культуры человеческих и производственных отношений?*

— Видимо, да. Но возможности этой культуры во многом предопределяются тем, что именно будет освоено из прежней культуры и обретет новое осознание. Необходимо возрождение многого из разрушенной культуры, пристальное, уважительное и последовательное освоение прежнего опыта, особенно нравственного.

Скопировать технику просто. Восстановить популяцию того или иного животного очень трудно, но можно. Восстановление же уровня культуры, прежде всего духовной, — дело архитрудное! Для этого потребуются упорная работа не одного поколения учителей-наставников не только в высшей школе, но (и особенно) в школе средней, в семье. У культуры лишь тогда есть будущее, когда ее корни не в образованной элите, а в народной толще. Истинная интеллигентность не определяется дипломом, должностью, ученой степенью или званием. Моя недавно скончавшаяся старая няня, человек с начальным образованием, была по складу души, любознательности, мудрой самоотдаче интеллигентнее, чем некоторые мои коллеги...

— *Но ведь существует отечественная интеллигенция как таковая.*

— Отечественной интеллигенции, на мой взгляд, свойственны действенные демократические традиции. Она всегда видела свой долг в приобщении других к культуре, нравственным идеалам. Ее отличают трудолюбие, уважение к людям, к их труду. А это предопределяет ответственное отношение к делу. Среди интеллигентов — увь! — немало и попусту говорящих, но утверждение, будто типичная черта интеллигенции — болтовня, восходит к злонамеренно распространявшемуся мифу об «интеллигентском словоблудии». Настоящие интеллигенты — не пассивные наблюдатели; это мыслители, строители жизни, что предопределило их уважение к инакомыслию — обязательному в совместном творчестве, несмотря на тягу к соборности и учительству.

— *Может ли дореволюционная интеллигенция служить нам примером нравственного отношения к окружающему миру?*

— XIX в. дал России и миру мощный слой интеллигенции с богатыми нравственными и общественно-культурными традициями. Именно в этой среде выросли многие выдающиеся деятели культуры, политические деятели, в том числе и большевистской партии. То были личности! От них бы набраться нравственной силы! Они понимали: что бы ни случилось, основа дальнейшего развития — культура. И хотели к ней, по давней традиции интеллигенции, приобщить побольше людей: мещан, рабочих, крестьян...

Вера в Просвещение, идущая от Карамзина, Пушкина и еще ранее от Татищева, Ломоносова, Новикова, типична для русской интеллигенции. А для ее богатой, высокопоставленной части — еще и идея жертвенности: вспомним декабристов, героев «Войны и мира» Толстого. Да и многие сподвижники Ленина — выходцы из

интеллигентской среды, даже дворянской. Они могли стать и профессорами, и высшими сановниками. Красин и Кржижановский были до революции видными инженерами, Стасова — дочь известного юриста, Коллонтай — дочь генерала, Чичерин — из семьи профессиональных дипломатов. Да и отец Владимира Ильича стал дворянином, статским генералом...

Возродится ли былая культура, покажет время (меня тогда уже не будет). Но глубоко уверен: если не возродится уважительное отношение к гуманитарным знаниям, не бывать этому будущему.

— *Мы привыкли мыслить глобально и бороться с надвигающимися опасностями абстрактно. А ведь реальный человек занимает не так уж много места, постоянно используя для жизни лишь несколько десятков квадратных километров, несколько городских улиц...*

— Потому-то так важно сосредоточиться на конкретных километрах и улицах. Уничтожение реликвий, напоминающих о родном деде, местных достопримечательностей обрывает плодоносящую линию памяти. Уничтожение речушки с привычными местными рыбами необычайно ощутимо для местных жителей: нарушается локальная экологическая система. Если ребенку с младенчества внушить, что эта речушка, этот лесок (не лес, а именно лесок!) и есть источники блага его ближних, он поймет и то, что все леса в мире состоят из нужных и любимых лесочков, которые — часть жизни человечества и могут быть дороги другим так же, как дороги ему этот конкретный лесок, эта поляна, здание... Культура подразумевает уважение и к иному жизненному укладу, к иным вкусам и мнениям. Нельзя отождествлять понятия «иной» (т.е. другой) и «чужой» (т.е. чуждый). Кто не с нами, отнюдь не всегда наш враг!

Очень важно, что сейчас проявляется такая тяга к возрождению краеведения, которому и я отдаю немало сил. Краеведение — это и наука познания своего края (а значит, и путей его преобразования), и общественное движение. Оно помогает пониманию общего и особенного в истории, оно — основа конкретных экологических представлений. Краеведению, столь широко развитому в первое послереволюционное десятилетие и столь тесно взаимосвязанному с академической наукой, не случайно был нанесен жестокий удар на рубеже 1920–1930-х гг., когда утвердились обожествление одной личности и обезличенная бюрократия, чуждая пониманию местных особенностей природы и исторического развития. Краеведение, опирающееся на демократические традиции интеллигенции, казалось властям небезопасным.

— *Как оцениваете вы то, что происходит сейчас в советской исторической науке, при возрастающем интересе массовых изданий к истории?*

— Конечно, радует и возрастающий интерес, и допустимость разномыслия. Стали знакомиться с неурезанной историей, с сокрытыми прежде первоисточниками — и архивными, и опубликованными, с трудами историков. Понимать, что сделанное за рубежом для познания нашей страны — отнюдь не всегда антисоветская акция и что без освоения написанного зарубежными учеными о нашей истории не может быть ее объективного изучения.

Возвращены имена многих политических деятелей и творцов культуры недавнего времени, сочинения историков и публицистов прошлых времен, стала

ощутимее весомость их вклада в мировую культуру, в развитие общественного сознания.

Но тревожит то, что назвал бы синдромом Бобчинского и Добчинского: «Кто первый сказал: “Э!”» Подчас стремятся поскорее напечатать статью или хотя бы публично порассуждать на кажущуюся модной тему — без серьезной подготовки, без основательного знания работ предшественников. Близкий моей душе актер Олег Янковский недавно на вопрос, что его более всего огорчает в нашем современном кино, ответил: «Пошлость и непрофессионализм». В какой-то мере это можно отнести и к нашей исторической науке, к исторической публицистике (в том числе и в выступлениях перед телезрителями).

По единичному судят об общем. На основании одного-двух фактов беспечно характеризуют деятельность человека на протяжении всей его жизни. В сущности, это наследие сталинщины, как и то, что наблюдается не инопонимание (в основе которого углубленное самостоятельное исследование), а инотолкование исторических явлений в угоду конъюнктурным соображениям и если не идеологическому нажиму, то читательскому спросу на «жареное»...

Беда наша — снижение научного профессионализма в ряде исторических работ: вырванные из контекста цитаты, ошибки в датах, именах, броские по форме определения, не подкрепленные доказательствами. Профессионализм — «ремесло историка» — должен быть в основе его научной культуры.

— *Можно ли говорить об исторической миссии России?*

— Предпочел бы менее претенциозное определение. Пушкин писал о «высоком предназначении» России. Влияние русской культуры на развитие мировой культуры огромно. Влияние русской выстраданной общественно-нравственной мысли — в литературе, в области социальной мысли, религиозно-нравственной философии, музыки, планетарного естествознания.

И конечно, сфера государственно-политическая, определяющая во многом пути всемирной истории. Наша страна в XIII в., как раз в канун Ренессанса, защитила остальную Европу от нашествия кочевников. Спасла европейскую цивилизацию ценой собственной отсталости. Россия положила предел разрастающейся имперской власти Наполеона. СССР ценой великих жертв спас человечество от чумы гитлеризма.

А в XX столетии именно народы нашей страны, испытав на себе эксперимент насильственных ускоренных преобразований, не опиравшихся на народные традиции, показали пагубность такого исторического экспериментирования для человечества вообще. И опять находятся силы для Возрождения. Спасительные для мира жертвы — пожалуй, действительно всемирно-исторического значения закономерности истории нашей Отчизны.

«КУЛЬТУРА БЕЗ КОРНЕЙ НЕВОЗМОЖНА»

Сигурд Оттович Шмидт живет в Кривоарбатском переулке, рядом со знаменитым особняком архитектора Мельникова. Одним концом переулок упирается в Арбат, против Вахтанговского театра и Музея Скрыбина, другим, огибая дом Хитрово, ставший приютом молодоженам Пушкиным, выходит в Плотников переулок. Памятники былого, нынешние знаменитости, соседствуют здесь.

Все свои семьдесят лет Сигурд Оттович прожил в этом старом московском доме, где даже родился в одной из комнат коммуналки. Входящие сюда испытывают потрясение: интерьер — сплошь книжный. Каждый журналист, который интервьюировал хозяина — а я здесь далеко не первый, — задает ему еще и вопрос о родословной. Сын выдающегося отца — математика, геофизика, полярного исследователя, академика, Героя Советского Союза Отто Юльевича Шмидта — известный ученый, профессор Историко-архивного института, уже почти 25 лет — председатель Археографической комиссии Академии наук, с недавних пор — председатель правления Союза краеведов России, член президиума Российского фонда культуры.

Сегодня в актовом зале института на Никольской (совсем рядом начинал путь в науку Михаил Ломоносов) соберутся друзья, коллеги, ученики С. Шмидта — еще юные и уже седые, студенты, аспиранты, кандидаты и доктора наук. По случаю его 70-летия будут звучать юбилейные речи, добрые пожелания, слова благодарности — и все от сердца. Вряд ли прибавить к ним что-то...

Вернемся в квартиру профессора. Входящий в нее не минует стеллажа, где на корешках одинаковых высоких переплетов — только фамилии. Это дипломные и диссертационные работы его учеников. На титульных листах — автографы, вроде этого: «Уважаемому учителю, дорогому Сигурду Оттовичу от благодарного, не только за приобщение к науке, ученика». И подпись: К. Новохатский. Тема работы — «Жизнь и деятельность историка В. Пассека».

— Давняя дипломная работа, — поясняет С. Шмидт. — Писалась в ту пору, когда историческое краеведение только начало возрождаться после разгрома, учиненного в «год великого перелома». Но вот недавно статья Новохатского, в основу которой легла та дипломная работа, напечатана в сборнике «Краеведы Москвы».

— Учитель в ученике выражает себя не столь непосредственно, как это делают писатель, скульптор или композитор в своих произведениях. Ученик впитывает и уроки жизни. Видите ли вы свое?

— Трудный вопрос. Научный студенческий кружок, которым я руковожу более 40 лет, воспитал несколько поколений. На мое 70-летие они намерены собраться, приедут и из других городов — им это приятно, а я просто не мог бы жить без них. С годами все меньше жалею о том времени, которое им отдал. Без общения с молодежью, проверки своих соображений на хорошо впитывающей, не отягощенной клишированными взглядами аудитории, без ее недоуменных вопросов, кото-

рые может задать только вступающий на путь науки, я не мог бы сам работать в науке... И еще: я чувствую преемственность, а это основа прогресса. Мы уже много пострадали от того, что попытались разрушить все «до основания». Культура без корней невозможна.

Хочу думать, что есть и моя доля в более чем ста кандидатских и полутора десятках докторских дипломов моих учеников-кружковцев...

Я и сам ученик. Мне выпало счастье пройти школу истфака МГУ и у академика М.Н. Тихомирова, который донес до нас лучшие традиции отечественной науки. Одна из них — совмещение исследовательской и педагогической работы.

— *Ваши научные интересы разносторонни. Одна из первых, еще юношеских, работ посвящена основателю Москвы Юрию Долгорукому. Постоянное внимание к письменным источникам, документам — предмету вашей специализации, археографии. В зрелые годы — книга о становлении российского самодержавства, об Иване Грозном, в которой, кстати, цитируете драму М. Ломоносова «Тамира и Селим»: «Кто родом хвалится, тот хвастает чужим...» Не потому ли вы историк, а не математик?*

— Нет. Просто я еще школьником осознал, к чему способен. Да и мама у меня была музейным работником... Но, по правде говоря, быть только сыном знаменитости — это тяготило. Я хотел сам свою жизнь делать.

Что же касается сферы моих научных занятий, то они, конечно, продиктованы и познавательными интересами, и желанием писать о том, что интересно современникам, что их волнует.

Ремесло историка требует честности. Сейчас мои ученики подготовили библиографию моих книг, статей — первая вышла в 1941-м. Так вот: ни одну я из списка не исключил, хотя в них есть и ссылки на документы времени, в том числе партийные, есть клише того времени. Но нет неприличных славословий, лести, дешевой конъюнктуры.

— *Возрождается краеведение. Вы, Сигурд Оттович, этому способствуете и как ученый, и как человек, которого называют москволюбом. В одной из своих статей вы цитируете Н.М. Карамзина: «Кто был в Москве, знает Россию»... Что привлекает вас к занятиям краеведением?*

— В моей жизни Москва сыграла существенную роль. Аспирантом МГУ, в канун 800-летия столицы, я читал лекции, готовил публикации. В моих книгах действие происходит в Москве. Скоро, в 1997 г., — 850-летие. Я люблю свой город, мне он всегда интересен. И родной моему сердцу Арбат, воспетый моим добрым товарищем Булатом Окуджавой, — мы росли на этой улице. Здесь и Пушкин, и Лермонтов, и Андрей Белый, и Цветаева. Рядом — Герцен, Осоргин. Ильф и Петров «привели» сюда даже своего Остапа... Хорошо бы не барахолку иметь на Арбате, а большую карту близлежащих музеев, других памятных мест... Краеведение — и наука, открытая массам, и общественное движение. В сущности, глубоко патристическое.

Патриотизм историка — в служении правде. Говоря о «школе Шмидта», его плодотворной научной, публикаторской и общественной деятельности, академик Д.С. Лихачев справедливо сказал: «Он являет собой пример Учителя».

«ЭТОТ СОВЕРШЕННО ОСОБЫЙ МИР...
ЛЮДИ ФОРМИРОВАЛИ СРЕДУ, И ОНА ВЛИЯЛА НА НИХ»

— Среди имен московских улиц, так или иначе изменявшихся на протяжении столетий истории города, Арбат — одно из немногих, которого не коснулась волна переименований последнего времени. Арбат всегда был, есть и, будем надеяться, останется навсегда Арбатом. Более того, сейчас, когда совсем не за горами 850-летний юбилей Москвы, возникло и все чаще звучит словосочетание «феномен Арбата». Поэтому первый вопрос к вам, Сигурд Оттович, как к председателю Союза краеведов России: что же он такое в российской и московской истории — наш Арбат?

— Сразу оговорюсь: историческое понятие Арбат — это не только улица. Арбатом сначала именовалась территория от Кремля до Москвы-реки, конусом лежащая от Троицких ворот меж Остоженкой и Никитской вплоть до будущих Новинского, Смоленского и Зубовского бульваров. В XIX–XX столетиях район межбульварья, по Пастернаку, — «мир Пречистенки и Арбата». И когда мы говорим о юбилее Арбата, вообще об Арбате, то имеется в виду не только улица как административная единица, а несколько улиц с переулочьем, скорее даже некая социокультурная общность, средоточие людей, занятых по преимуществу интеллектуальным трудом, которая сложилась здесь на протяжении двух последних веков и придала этому району Москвы то значение в истории культуры, какое и породило словосочетание «феномен Арбата».

Это было дворянское гнездо. И одновременно профессорское гнездо, гнездо врачей, юристов, писателей, философов... С конца XVIII в. Арбат стал не только местом жительства многих, чья жизнь и творческое наследие вошли в золотой фонд культуры, но и местом действия произведений русской классической литературы. Начиная с «Войны и мира», и у Тургенева, и у Чехова (помните рассказ «Страшная ночь» — Мертвый переулок, церковь на Могильцах?). И даже не столько Арбат, сколько Приарбатье (определение из словаря Пастернака. Это же выражение: «Мелькают Арбата знакомые лица»). Для Бунина — «в старых переулках за Арбатом совсем особый город», для Андрея Белого, у которого «история мира — Арбат», это — «зигзаги кривых переулков».

Это район определенного образа жизни, особый мир духовности, что позволило сформироваться и в художественной литературе, и в наших обычных представлениях мифу об Арбате и «арбатстве». Арбат вообще кажется некоторым как бы типологическим символом «московского», «Москвы», что нашло отражение и в искусстве: прелестная картина Поленова 1878 г., запечатлевшая церковь Спаса на Песках, названа «Московский дворик», а послевоенный кинофильм, съемки которого происходили в Кривоарбатском переулке (дом 9, с эркерами), — «Я шагаю по Москве». Как видите, это относится и к веку прошлому, и к недавним годам. Сохранив свое историческое имя, Арбат как бы символизирует преемственность в развитии нашей культуры.

Именно здесь происходят события и в послереволюционной литературе — в «Сестрах» А.Н. Толстого, в булгаковском «Мастере и Маргарите», в «Докторе Живаго», в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова.

Знаменательно, что именно Арбат виделся символом России и писателям первой волны эмиграции — Бунину и Цветаевой, Осоргину, написавшему роман «Сивцев Вражек», и Зайцеву, для которого «улица трех Николаев» (по имени трех ныне уничтоженных церквей) с ее переулками оставалась воплощением дворянско-интеллигентско-литературной Москвы. Интересно, что представление об особом мире Арбата и об особом месте его в нашей культуре приходит к нам теперь уже двумя путями — и через стихи Булата Окуджавы, «Сказки Старого Арбата» драматурга Арбузова, послевоенную прозу, и через возвращенное нашему читателю наследие российской зарубежной литературы. И показательно, что лучшим собранием зарубежных изданий и архивных документов становится Российский фонд культуры, основанный Д.С. Лихачевым (находится в доме Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке). Большинство этих материалов — пожертвования зарубежных соотечественников.

— *А теперь несколько слов о самом наименовании. Ведь различных версий о происхождении слова «Арбат» высказывалось в литературе немало, вплоть до лежащих на поверхности, но созвучию со словом «арба».*

— История «странного названия» (выражение Окуджавы) уходит в глубь веков. И с арбой связали его те, кто полагал, что первоначально это было место жительства мастеров Колымажного двора, который находился тогда между нынешним Гоголевским бульваром и Кремлем. Есть попытки объяснить этимологию слова русскими корнями. Например, историк И.Е. Забелин производил «Арбат» от слова «горбат», поскольку гористая «горбатость» местности, почти незаметная при современной застройке, явно просматривалась еще в прошлом веке, при его жизни.

Вполне возможно, пошло оно от арабского, позднее тюркизированного, «рабат», довольно часто встречавшегося в восточных языках для обозначения городского предместья (а городом на Руси был, в том числе и в Москве, Кремль, укрепленное поселение). Другую возможность предполагал москвовед Д.Н. Афанасьев, тоже от распространенного на Востоке слова, обозначающего овражистую и сырую местность, что соотносится с географией района.

Наиболее распространено мнение об Арбате — предместье. Нам сейчас, когда каждому направлению во все стороны от Москвы соответствует вокзал или шоссе, трудно представить себе, что прежде там были не столь доступные места. Ведь город, Кремль, окружали леса, болота, реки, холмы с оврагом (Москва на семи холмах), и только отдельные участки оставались проходимыми для конного войска, для торговых караванов. Одним из них были арбатские пески и поселения в их районе (о них напоминают названия здешних переулков — Спасо-Песковский, Николо-Песковский). Именно на месте Арбатской площади произошла встреча войск князя Пожарского с поляками, этой дорогой прошел Наполеон...

Предместьем Москвы XVII в., города, окруженного кремлевскими стенами, были располагавшиеся здесь стрелецкие и ремесленные слободы мастеров серебряного, плотничьего дела, места расселения царской obsługi (о них также говорят

названия улиц и переулков — Староконюшенный, Кречетниковский, Поварская, Скатертный, Столовый, Хлебный и т.д.).

— *Это одна сторона арбатской истории. Теперь, наверное, можно вернуться к другой, наиболее важной в понимании «феномена Арбата», и поговорить подробнее о Приарбатье как социокультурном центре...*

— Если сделать акцент на том, как и почему именно Арбат стал средоточием жизни духовной, начать надо, пожалуй, с века восемнадцатого.

Со времени, когда Москва стала «порфиносною вдовой», в Приарбатье, вблизи от Кремля, оседают дворянские фамилии, причем первоначально самые богатые и самые знатные, возникают усадьбы Голицыных, Долгоруковых, Трубецких, Волконских (близ места, где стоял затем храм Христа Спасителя, родился генерал-декабрист), Шереметевых, Апраксиных (там сейчас комплекс зданий Министерства обороны), Толстых, где через столетие жил отец писателя. Одним словом — самые приближенные к Петру Великому фамилии.

После закрепления статуса столицы за Петербургом территория довольно быстро заселяется отставным знатным дворянством и дворянскими семьями, тесно связанными с подмосковными имениями, в которых они проводили летние месяцы и откуда доставлялись все необходимые продукты. Так что район преимущественно дворянской Москвы четко определился именно с этого времени, хотя процесс и обозначился еще с периода «расселения» из Кремля, когда купеческие дворы начали концентрироваться в Замоскворечье.

После пожара 1812 г., опустошившего Приарбатье, здесь появились окруженные зеленью ампирные особняки, созданные обычно по единым планам. В этом смысле (парадоксально, но факт) пожар способствовал Москве «много к украшению».

Такие дома-усадьбы и образовали район, характерной особенностью которого стала жизнь семейная. В ближнем Приарбатье не было фабрик и заводов, редки гостиницы и казенные учреждения (даже гимназия казенная была до 1917 г. лишь одна), долго и магазинной торговли не было, так как большая часть необходимого для жизни или доставлялась из усадеб (и не только подмосковных, но и дальних), или имела в здешних городских, но устроенных по сельскому типу. Арбат — район домашнего, повторяю, жительство со множеством маленьких церковных приходов, где все друг друга знали, тихий и уютный. В этом смысле характерно описание этого «Сен-Жерменского предместья», оставленное князем Петром Кропоткиным (ученый и революционер родился в 1842 г. в Штатном переулке, жил в Староконюшенном).

Здесь же селились университетские профессора, врачи (в Приарбатье больше, чем где-либо в Москве, было и «домашних» врачей, и принимающих на дому; здесь то позже возникли и общества врачей). Именно здесь было много пансионатов, частных гимназий и, самое главное, был круг общения взрослых и детей. Для каждодневного быта характерны журфиксы, т.е. определенные фиксированные дни приемов, вечеров, особый — отмечаемый бытописателями Москвы — ритм жизни, даже распорядок дня: оживление в поздний час, когда в других частях города уже спали.

И пушкинская Москва... В основном — Приарбатье. Отсюда юный поэт уезжал в лицей, потом, после ссылки, жил у Соболевского на Собачьей площадке, у Никит-

ских ворот венчался, на Арбате выбрал себе квартиру после свадьбы. И лермонтовская Москва, и герценовская...

Не на Арбате ли формировалось и оттачивалось искусство беседы? Назовем несколько адресов: дом Хомякова на Собачьей площадке — знаменитая «говоришня» славянофилов, дом Герцена на Сивцевом Вражке и Огарева на Арбате — места споров западников и славянофилов, их дружеских пирушек, кружок Станкевича, собирались у Аксаковых. Недалеко от Арбата умирает Гоголь... Какие имена! Какие пласты русской культуры, литературы! Мемуарист начала XX в., вспоминая уже 1850–1880-е гг., писал о переулках между Пречистенкой и Арбатом как о «центре бывлой московской интеллигентской обывательщины». Вспомним Тургенева. Он поселяет отставного генерала («Дворянское гнездо») в доме с огромным гербом (это в Старокопюшенном), обедневшие герои его «Дыма» живут на Собачьей площадке, а богатая барыня из «Накануне» — на Пречистенке.

Эти литературные персонажи, конечно, не творцы культуры, но все-таки из круга лиц образованных. Но был еще и совсем иной, второй лик Арбата. Пока называл имена тех, кто являлся носителем культурных начал и создателем особого микроклимата Арбата и напоминал об «арбатском» в их сочинениях. Не следует забывать, что в то же время, когда в домах людей круга Пушкина или Герцена бурлила интеллектуальная жизнь и тянулись к высотам ума и души, совсем рядом, в арбатских же переулках, медленно текли годы в семьях героев «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина (мать писателя снимала домик в одном из арбатских переулков, возле дома своего отца), тоже принадлежавших к дворянскому сословию, но воплощавших мещанство и рутину, отнюдь не являвшихся носителями какой-либо культуры. Люди формировали среду, и она, в свою очередь, влияла на них. Причем эта своеобразная обособленность домашнего и в большой степени интеллектуального уклада сохранялась длительное время — в какой-то мере и в первые советские десятилетия.

— *Понятно, что век девятнадцатый — эпоха, настолько насыщенная именами и событиями, оставившими глубочайший след в нашей истории, культуре, литературе, что говорить о ней можно бесконечно. И все же — время не стоит на месте, и каким бы замкнутым ни был мир Арбата, бурный век двадцатый ворвался и в его тихие переулки. Что же он принес и как Арбат стал таким, каким мы его видим перед юбилеем?*

— Конечно же, изменения в мире касались и Приарбатья. Из веяний технического прогресса назову хотя бы конку, а затем трамваи, сразу значительно изменившие облик района и самой улицы. И еще строительство доходных домов, магазинов, гостиниц.

Интересное явление: культурная часть новоиспеченных нуворишей, купечества селится на Арбате. Особняк князей Трубецких становится домом Шукина, собиравшего полотно импрессионистов. Морозовы, Бахрушины, Абрикосовы, Рябушинские... Одни покупают старые барские дома, другие возводят здесь свои особняки в стиле «модерн». Но и они в своей интеллектуальной стороне жизни как бы поддерживают и продолжают «миф об Арбате».

Особо стоит упомянуть «профессорское» Приарбатье. Именно здесь сформировали сборник «Вехи» — Бердяев, Булгаков, Гершензон жили недалеко друг от друга...

Если взять адресную книгу дореволюционной Москвы, то сразу же увидим, что «арбатцами» (выражение Андрея Белого) были и физики Столетов и Лебедев, и географ и антрополог Анучин, и историки Соловьев, Герье, Виноградов, Виппер, и филологи Буслаев, Тихонравов, Стороженко, и многие другие профессора университета и консерватории, известные скульпторы, живописцы.

Большинство «арбатцев», радостно встретив Февральскую революцию, оказались неподготовленными к Октябрьской.

Однако эмигрантов — даже среди владельцев больших особняков — оказалось сравнительно немного, хотя на «философском пароходе» среди высланных из России в 1922 г. особенно много «арбатцев». Среди разнонациональных новопоселенцев коммунальных квартир явно преобладали служащие — Приарбатье попрежнему осталось средоточием тех, кого теперь уже называли прослойкой — интеллигенцией. А многие красивые особняки закрепили за посольствами. И опять-таки в Приарбатье и на его границах возникли и главные идеолого-культурные образования нового типа: Институт красной профессуры, Институт Маркса и Энгельса, Коммунистическая академия, Академический центр, здесь же и Союз писателей, и Дом ученых, и поликлиника ЦЕКУБУ.

И понятно, что жителей такого района не могли пощадить, преследуя буржуазных «спецов», священнослужителей, лиц классово чуждого происхождения в первые послереволюционные десятилетия, а в годы сталинского террора и тех, кто мыслил себя подвижниками социалистического идеала. Среди моих сверстников мало у кого не было арестованных родственников. Убила и разметала многих война. Все это способствовало изменению не только образа жизни «арбатцев», самого духа «арбатства».

Но как-то сразу Приарбатье резко изменило свой облик — внешний и самой манеры жизни — с появлением Нового Арбата, уничтожившего старинное гнездо переулков Собачьей площадки, а также со строительством высотных жилых домов для престижных обитателей. Массовым стало и отселение молодых семей из коммуналок в отдельные квартиры на окраинах города. Трогательные старомодные арбатские старики остались одинокими. Приарбатье заметно постарело и обезлюдело — не случайно большинство школ передано другим ведомствам.

Теперь становится все очевиднее, что десятилетиями создавался несколько идеализированно возвышенный миф об «арбатстве». Но не менее ясно и то, что прошлое именно Приарбатья и сохранившиеся осязательно привлекательные следы его давали основания для подобного представления.

— *Вернемся же теперь из прошлого к нынешнему времени. Создан Фонд социального развития Арбата, юбилейный комитет. Будут ли продолжены добрые традиции, зародившиеся здесь, в Приарбатье, что намечено сделать и кто во всех этих мероприятиях участвует?*

— За последние несколько лет, со времени создания Комитета общественного самоуправления микрорайона Арбата, с помощью многих ревнителей культуры (не хочу произносить модное ныне слово «спонсор») действительно возрождаются некоторые добрые дела «арбатцев». Прекрасно, что в доме 51 работает благотворительная столовая, организуется помощь старикам, малоимущим, обучают детей. Комитет и Союз краеведов России — инициаторы создания фонда «500-летие Ар-

бата». Учредители фонда — учреждения и общественные объединения, главные музеи Москвы и коммерческие структуры.

О юбилее напоминали еще ранее — об этом писали в «Вечерней Москве», снимали кинофильмы. Но основная подготовка началась с конца прошлого года. Программа, предложенная фондом «500-летие Арбата», одобрена образованным недавно юбилейным комитетом. И нам — коренным арбатцам — особенно приятно, что комитет этот возглавил мэр Москвы.

Намечены разнообразные начинания. Буду говорить только об историко-культурной программе. Несколько выставок в музеях Москвы, установка памятника Пушкину в Пушкинском сквере у Спаса на Песках, восстановление памятника «Реквием» не вернувшимся с войны школьникам близ Никитских ворот (тут помогает фирма «Каприто»), возвращение на «законное» место андреевского памятника Гоголю. Будут и заседания (торжественное — 1 октября), и конкурсы школьных сочинений и рисунков, и издания книг, буклетов и плакатов. Записываются воспоминания старожилов — «Арбат моей памяти». Особое значение придаю долговременным программам, в осуществлении которых, надеюсь, бесполезны и мои профессиональные навыки многолетнего председателя Археографической комиссии Российской академии наук и редактора ее изданий. Это подготовка «Арбатского архива» (первый его том имеем возможность напечатать благодаря помощи Международной ассоциации «Вест»), энциклопедии «Арбат» (об этом достигнута договоренность с Российским страховым народным обществом «Росно») с намерением выпустить ее к 850-летию Москвы. Да и вообще, подготовку нашего арбатского юбилея можно рассматривать и как своеобразный предвестник большого праздничного юбилея 1997 г.!

Мог бы перечислять и перечислять. Но хочу подчеркнуть главное: в связи с юбилеем Арбата разворачивается многосторонняя деятельность (и очень бы хотелось надеяться, что она не замрет после завершения юбилея, а перерастет в долгосрочную программу), в которой сочетаются и помощь правительственных структур, и «души прекрасные порывы» «арбатцев», и понимание московской интеллигенцией значения Арбата как уникального историко-культурного центра Москвы. Одним словом, очень широкая работа в добрых традициях нашей отечественной культуры. Подчеркиваю — культуры, ибо и благотворительность, и желание сохранить и даже, если нужно, возродить то прекрасное, что было в прошлом народа, города, напомнить о связи времен — это тоже культура. Культура памяти!

АРБАТ: ПЯТЬСОТ ЛЕТ В ИСТОРИИ, ДВЕСТИ ЛЕТ В ЛИТЕРАТУРЕ

— Следует сразу уточнить, что по существу в этом году мы празднуем не пяти-сотлетие, а двухсотлетие Арбата. Прошло пятьсот лет с момента первого упоминания местности нынешнего Арбата в летописи. В 1493 г. в храме Николы на Песках случился пожар, от которого потом сгорела почти вся Москва и даже часть Кремля. А если построена была церковь, где молились, крестили, венчали, отпевали, то это означает, что проживали здесь еще прежде, и не татары (о чем напоминает название улицы), а православные. С юбилеем Арбата как с юбилеем Москвы: ведь и Москва существовала уже до первого упоминания в 1147 г., но юбилей отсчитывают от этой даты!

Но вот свой духовный вес в культуре Москвы и России, а значит, и всероссийскую и всемирную славу Арбат стал приобретать к концу XVIII в., т.е. примерно двести лет назад. А уже в Приарбатье первых лет XIX в. Лев Толстой поселит героев «Войны и мира»...

— *Но ведь не строго на Арбате дом Ростовых, например...*

— Верно. Домом Ростовых признают усадьбу на Поварской. Старуха Охросимова — а это известная всей Москве барыня, выведенная под именем Хлестовой и в «Горе от ума» Грибоедова, — имела усадьбу в Чистом переулке. Сам Толстой стал пробовать силы как писатель в домике в Сивцевом Вражке и описал его позднее, поселив там после разорения Николая Ростова с матерью. Но под Арбатом с самого начала понимали не одну улицу (еще в XVII в. так называли, кстати, не Арбат, а нынешнюю Воздвиженку), а несколько улиц с переулочьем, с Арбатом посредине — первоначально от Троицкой башни Кремля как бы конусом расположенную местность от переулков нынешней Остоженки до переулков нынешних Никитских улиц. Еще в конце XIX в. в трагикомическом рассказе «Страшная ночь» молодого Чехова написано об окраине Арбата — о переулках Мертвом, Могильцевских. И под Арбатом или Приарбатьем понимали и понимают не улицу только — шумную и в общем-то не очень удобную для жилья, а переулки — мир кривых арбатских переулков, о которых писали Бунин и Андрей Белый. У Пастернака мы встречаем «мир Пречистенки и Арбата». И именно там поселяют своих литературных героев Тургенев (и в «Дворянском гнезде», и в «Дыме», и в «Накануне») и Лев Толстой, а в советские годы Алексей Толстой («Сестры»), Булгаков, Пастернак («Доктор Живаго»), Ильф и Петров. В литературе российской эмиграции, возвращенной ныне нашему читателю, — Бунин, Осоргин, Зайцев, Цветаева.

— *Почему же такое произошло на рубеже XVIII–XIX столетий?*

— После перенесения Петром I столицы Москва получила по-своему особый статус. Говоря словами Пушкина, статус «порфириносной вдовы». Специфика этого статуса состояла в том, что Москва, избавившись от типичной для столицы официальности, сохранила многие черты столицы.

Большинство потомственных дворян по-прежнему владели родовыми именами в Московской и других губерниях — поближе к бывшей столице. Не только

история связывала московских дворян с московскими землями. Земли вокруг Москвы всегда были более «хлебными», чем близкие к Петербургу.

Перенесение столицы избавило Москву и от служилой знати (придворной или служившей в коллегиях, позднее в министерствах), и от характерного для Петербурга засилья чиновников, придавало отличительное своеобразие поведению и даже внешнему облику дворянства обеих столиц, образу мысли и разговорам. По крайней мере уже с начала XIX в., с Карамзина, можно датировать характерные для российской литературы рассуждения, сравнивающие и даже противопоставляющие Москву и Петербург: у Пушкина и Вяземского, Белинского и Герцена.

— *Это вторая четверть XIX в. ...*

— Да. С конца XVIII в. в Москве проживало преимущественно отставное дворянство — те, кто не желал служить при дворе или в гвардейских полках, в частности «архивные юноши», служившие в Московском архиве Министерства иностранных дел, — с середины XVIII в. с открытием Московского университета, а затем университетского пансиона — склонные к получению высшего образования.

Средоточием дворянской Москвы постепенно стало именно Приарбатье, особенно межбульварье — между кольцом бульваров и бульварами линии Садовых улиц. Родившийся здесь в 1842 г. князь П.А. Кропоткин сравнивал его с аристократическим Сен-Жерменским предместьем Парижа. До перенесения столицы усадьбы знати были в районе Занеглинемья (как обозначали район к юго-западу от Троицких ворот Кремля и протекавшей там реки Неглинной) недалеко от Кремля. И при Петре I там строили дома самые приближенные и из родовитой, и из недавно возвысившейся знати. А далее жили ремесленники, придворная обслуга; об этом напоминают названия улиц и переулков — Поварская, Столовый, Хлебный, Серебряный, Денежный, Староконюшенный и др. К началу XIX в. Приарбатье превратилось в район дворянских усадеб — больших и малых, со службами, садами, огородами, с многими приходскими церквями. Здесь все друг друга знали. Ни торговли, ни гостиниц, ни значительных «казенных» заведений не было.

Арбат был район домашней жизни. И торговля, помимо самых необходимых товаров, была часто сезонная: помещики с весны до поздней осени уезжали в имения, и из имений все время тянулись возы с припасами, даже с дровами. А из тех, кто не унаследовал особняк, многие снимали квартиры на сезон. Как, к примеру, семья писателя С.Т. Аксакова — они часто меняли адреса, но всегда жили в районе как раз Приарбатья.

— *Но ведь это сравнительно небольшая территория — Приарбатье?*

— Да. Характерно то, что от этого гнездовья семейного быта совсем близко были и Кремль, а затем и храм Христа Спасителя, средоточия и общественной жизни дворянства (Дворянское собрание, Английский клуб), и торговли (Охотный ряд и ряды у Красной площади), и большие гостиницы, и центры культуры (университет, гимназии, Публичная библиотека, театры, позднее музеи и архивы, консерватория, клиники). И понятно, что именно здесь часто и поселялись те, кто был связан и службой со сферой культуры, — профессора, художники, особенно много врачей. Они тут тоже приобретали особняки, доходные дома (сдавали квартиры себе подобным же).

Эти тихие, чистые переулки, в отличие от Замоскворечья, жили и более открытой жизнью, как подчеркивали современники, и она начиналась преимущественно вечером. Существовал даже миф о сугубо «купеческом» Замоскворечье, тоже противопоставляемом остальной Москве. Хотя в районе Приарбатья жили отнюдь не только дворяне и много дворян проживало в Замоскворечье, а на рубеже XX в. в Приарбатье построили дома многие коммерсанты.

Существенно то, что Арбат, или, точнее сказать, Приарбатье, был относительно социально однородным кварталом — здесь не жили рабочие заводов и фабрик (до них было далеко добираться, и путь был дорог), не было средоточий приезжих студентов. Преобладали люди сравнительно обеспеченные и имевшие досуг, склонные к интеллектуальным занятиям, чему и отдавали свое время. Здесь много читали, рассуждали, музицировали. В обычае были журфиксы — фиксированные дни приема гостей, посетителей. Был особый микроклимат — уже в первой половине XIX в. Пушкин, уехавший отсюда (с Молчановки) в лицей в 1811 г., вернувшись после ссылки в 1826 г. в Москву, поселился на Собачьей площадке (его пригласил жить вместе с собой Соболевский, который и придумал выражение «архивные юноши»). Женившись, он выбрал местом для квартиры Арбат (там в доме 53 сейчас квартира-музей Пушкина). Здесь собирались и спорили славянофилы и западники — особенно часто в домах Хомякова на Собачьей площадке и Герцена на Сивцевом Вражке. На Молчановке жил Лермонтов, у Арбатской площади — Гоголь.

— *Их имена олицетворяют Арбат тех лет?*

— Точнее сказать, то, что нам дорого и по сей день в истории Арбата, что составляет его славу. Но нельзя и идеализировать Арбат. В те самые годы, когда умно говорили допоздна, искали истину, размышляли над судьбами России, ее историческим прошлым, в этих же самых переулках происходит действие «Пошехонской старины». Это реальное действие. Салтыков-Щедрин был очень точен, воспроизводя в этом произведении свое детство. Здесь, близ дома своего отца, снимала дом мать писателя, когда привозила в Москву дочку, чтобы выдать ее замуж. И описанные Щедриным встречи с женихами, разговоры невест и их маменек — они отнюдь не близки к тому образу мыслей, той манере поведения, которые были в те же именно годы у круга Герцена, Огарева, Аксаковых, Грановского. Это тоже Арбат тех лет, и тоже дворянский Арбат. И подобная контрастность арбатской жизни тоже типична для его истории и вообще для истории Москвы, потому что в Приарбатье жили не только творцы литературных произведений, но и их персонажи, из которых отнюдь не все положительные герои. И местом действия выбран Арбат писателями для того, чтобы показать типические черты и разнообразие жизни России — как и в недавнее время: в «Детях Арбата» А. Рыбакова, в повести Б. Ямпольского, в печатающейся автобиографической повести Окуджавы.

Подчеркивая собственно «арбатскую», дорогую нам традицию, неправильно было бы все сводить только к ней. Хотя в истории развития культуры запомнилась более всего и имеет наибольшее значение именно она.

— *Но ведь эта арбатская традиция сохранялась долго?*

— Более того — она была осмыслена, прочувствована, пожалуй, лишь в начале нашего века, когда Андрей Белый, родившийся на Арбате в 1880 г. и описавший

«мир» Арбата, придумал слово «арбатцы», когда здесь собирались и символисты, и мыслители религиозно-философского склада. Ведь здесь создавали и сборник статей «Вехи», жили Бердяев, Гершензон, а в 1922 г. из Приарбатьа выслали тех, кого отправили за границу на «философском пароходе». Пожалуй, именно к началу XX в. Приарбатье стало представляться средоточием московской интеллигенции и ее линий взаимосвязи. По существу Приарбатье и в первые послереволюционные годы — район преимущественно служащих, продолжало оставаться средоточием той «прослойки», которую обозначили словом «интеллигенция», и тогда, когда почти все жили уже в коммунальных квартирах.

— *И долго сохранялось такое лицо Арбата? Как повлияли на него события 1930-х гг.?*

— Точнее говорить не о лице Арбата (оно такое же, как и в других районах Москвы коммунальных квартир), а своеобразии его, что отражалось, в частности, на, так сказать, социокультурном облике арбатских школьников — они могли еще как бы творчески воспринимать замечательное мастерство арбатских гимназических учителей, а ведь в дореволюционных частных гимназиях Приарбатьа преподавали и такие мыслители, как Шпет, Лосев!

Но аборигены Арбата постепенно уходили из жизни, исчезал обычай общения, особенно с арестами, с уничтожением храмов. Многие по-хорошему старомодно воспитанные юноши и девушки погибли в войну; многих потом выселили из родных мест ради строительства престижных зданий. И, конечно же, среди арбатцев — людей такого происхождения и рода занятий — особенно многие стали жертвами репрессий — Арбат изменился тогда и внешне, по ритму жизни, и с середины 1930-х гг. собственно арбатское осталось в переулках. Сама улица стала правительственной трассой, с «топтунами», на которой было небезопасно задерживаться, гуляя. По Арбату и перестали гулять... Ну а «сломали» Арбат, пожалуй, тогда, когда сломали район переулков Собачьей площадки, настроив и там, и с другой стороны Арбата здания, которые называют высотками. В самом этом определении речевого обихода звучит неуважение к зданиям, ничем не напоминающим об искусстве архитектуры.

— *Когда состоится празднование пятисот-двухсотлетнего юбилея Арбата?*

— Праздновать мы будем все-таки 500-летие. 30 сентября и 1 октября. Создан юбилейный оргкомитет во главе с мэром города. До того планируются выставки: «Арбату — 500 лет» в помещении на улице Веснина, «Арбат и русская литература» в Трубниковском переулке, в филиале Литературного музея. Будут специальные издания, заседания, встречи со старожилками и, конечно же, благоустройство района Арбата, установка памятников и памятных знаков.

И, что меня особенно волнует, это начало осуществления долгосрочных программ по истории Арбата: подготовка первых выпусков альманаха «Арбатский архив» и материалов для энциклопедии «Арбат». Хотелось бы такую книгу издать к 1997 г., к 850-летию Москвы. Предтечей этого большого юбилея можно считать и наш юбилей Арбата.

«МНЕ ВСЕГДА СВЕТИЛО СОЛНЦЕ...»

— *Сигурд Оттович! Как известно, основы характера человека закладываются в раннем возрасте. Из чего складывались ваши детские впечатления?*

— Одним словом не скажешь... Да и с течением лет впечатления, точнее сказать, память о них, меняются. Оседают в сознании и сердце то, что когда-то могло казаться менее важным. Мне ведь идет восьмой десяток. С годами я обрел убеждение в том, что доброта, трудолюбие и самоуважение, особенно если они сочетаются с умом и жизненным опытом, — наибольшее достояние человека. Как осознал уже теперь, самыми существенными, поразившими меня детскими впечатлениями стали первые шаги за рамки привычного, выход в новый, «большой» мир — хотя, конечно, это был маленький мирок детского микрокосма, открытая створка двери на лестницу в нашем доме (ее распахнули, чтобы внести на кресле больную бабушку), необозримый луг, который я увидел. Хлев при деревенском доме, где летом жила семья и куда я впервые попал арбатским городским мальчиком. По существу, для моего сознания тех лет это был мир путешествий. Такими впечатлениями укреплялась в сознании мысль, что это — путь к открытиям.

— *Ваш отец, академик Отто Юльевич Шмидт, имел мировую известность...*

— Казалось бы, я не был обделен судьбой, и с самого раннего детства рядом со мной были люди из тех, что на слуху истории. Сейчас я понял, что воздействие на мое формирование и выбор профессии оказал не блеск славы отца, известного полярника, многостороннего ученого и общественного деятеля, энциклопедически образованного и на редкость одаренного человека. Напротив, у меня пробуждалось желание действовать в другой сфере, чтобы сохранить самостоятельность. К тому же с самого детства я был склонен к гуманитарным знаниям при ограниченных способностях в других областях. Пишущая машинка — основной вид техники, который я освоил. Из родных в моем становлении большую роль сыграл дядя по матери — писатель и философ Яков Эммануилович Голосовкер, к сочинениям которого ныне все больше обращаются. Его «Сказания о титанах» вышли в последний год в трех изданиях. Особенное значение имели мама и няня. Мать — Маргарита Эммануиловна — была среди зачинателей музейного дела в нашей стране. При ее участии были подготовлены первые исторические выставки: «Французская революция», «Парижская коммуна», литературные выставки, а также первая книга-выставка о жизни великого русского поэта — «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество» (альбом вышел в 1941 г.). Няня — Франциска Александровна — имела незаконченное начальное образование, но много читала и обучала меня чтению. Мы жили вместе всю жизнь. Женщина мудрая, очень внутренне интеллигентная, она запомнилась и моим ученикам по Историко-архивному институту. Своей доброжелательной мудростью, уважительно-заинтересованным отношением к тем, кто намного моложе ее.

— *Как вы стали историком?*

— В детстве я много болел, поэтому путешествия в прошлое, путешествия по книгам и по музеям занимали в моей жизни больше места, чем походы и поездки. Сказалось и мальчишеское самолюбие: каждый стремится бежать лучше других, грести лучше других. А я этими умениями не обладал и, как говорится, пошел другим путем. Что еще считаю важным — вокруг меня все всегда трудились. Это сыграло большую роль. Ведь для того чтобы что-то делать в исторической науке, нельзя ограничиваться концепцией. Нужно много, очень много времени, чтобы выявить факты, определить степень их достоверности, типичности. Это немалый труд! К «ремеслу» историка стараюсь приобщить своих учеников. Хочется думать, что научная добросовестность — наиболее характерная черта «школы Шмидта», о которой пишут и историографы, и журналисты. В 1987 г. была издана книжка в девяносто страниц — «Библиографический указатель» моих трудов с предисловием Дмитрия Сергеевича Лихачева. К счастью, теперь его можно заметно расширить. Продолжаю много писать...

— *Продолжаете ли вы преподавательскую работу и связана ли ее тематика с вашей научной работой?*

— Да, конечно. Не мыслю себя без лекций, семинаров, нашего студенческого научного кружка, где до сих пор встречаются те, кого зовут «стариками», т.е. выпускники Историко-архивного института, с которым я не расставался и перейдя на основную работу в Академию наук.

По сей день, пожалуй, самой дорогой из книг, которые я редактировал, остается изданная к 30-летию кружка, еще в 1980 г., книга с научными трудами кружковцев. Многие темы сочинений студентов и особенно аспирантов подсказаны мною, а сделанное ими сказывалось на направленности моих исследований. Однако полагаю совершенно недопустимым подписывать печатные труды, подготовленные под моим руководством, в числе прочих своей фамилией. Мне всегда особенно приятно ссылаться на публикации своих учеников. Среди них все больше места занимает краеведение. Первый доктор наук из тех, кто был и моим дипломником, и аспирантом, Сергей Филимонов (ныне профессор в Симферопольском университете) защитил диссертацию по истории краеведения «золотого десятилетия» (1920-е гг.) и издал три книги с моими предисловиями. Владимир Козлов — автор многих трудов об изучении и охране памятников истории и культуры, о церковном краеведении. Валерий Туманов — о школьном краеведении. Изданы работы моих учеников о подготовке «Истории фабрик и заводов», о краеведах Владимира, Рязани. Буквально сейчас пишу предисловие к работе Валерия Середы о начале тверского краеведения.

— *Сфера краеведения — малая родина. Как будто бы узкая проблематика в масштабах исторической науки...*

— Тут комплекс проблем. Просветительская деятельность — традиция отечественной демократической науки, московской профессуры. Ученому, особенно гуманитарному, трудно работать без широкой аудитории, воспринимающей его знания. В 1920-е гг., в период «золотого десятилетия» нашего краеведения, это было особенно очевидно. Лично моя малая родина — «край» Москвы — Арбат, улица и переулок. Хотя в 1993 г. отмечали 500-летие его первого упоминания, «Арбат» как историко-культурный феномен, средоточие российской интеллигенции фор-

мировался лишь около двухсот лет. Арбат — это редкостное обилие знаменитых имен, место действия многих литературных произведений. Здесь поселили своих героев Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой. После 1917-го г. — Андрей Белый, Алексей Толстой, Пастернак, Булгаков, Ильф и Петров, Луговской. Еще позднее — Окуджава, Ямпольский, Казаков, Рыбаков. Писатели нашего зарубежья — Бунин, Зайцев, Осоргин, Цветаева.

Мои личные занятия Арбатом убеждают меня, человека, профессионально занимающегося всю жизнь историей, как много значат собственные впечатления о малой родине, насколько они формируют представление об отечестве, о национальных традициях, о связи времен. Может быть, для меня имело значение даже то, что комнаты, в которых я жил всю жизнь, смотрели на юг. Мне всегда светило солнце.

— *Пушкин писал, что не желает своему отечеству другой истории. Что вы скажете по этому поводу, учитывая трагический опыт нашего столетия?*

— Другой поэт — наш современник — сказал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Сочетанием места, где ты живешь, и времени, которое отведено судьбою на твое земное существование, и определяется наше отношение к жизни. Не раз я бывал за рубежом. Видел тех, кто уехал туда. Хорошо встречали. Но я бы не мог представить своей жизни там. Даже природа... Я могу творить только в привычной для меня среде — русской полосе, на своей Родине.

Слова Пушкина, приведенные вами, относятся к последнему году его жизни. Именно тогда Александр Сергеевич в бессмертном «Памятнике» сформулировал свое обращение к потомкам. Это Пушкин того времени, когда он чувствовал себя наследником Карамзина как историка, писателя и государственного мыслителя. Ошибочно представлять Пушкина революционером. Он опасался мужицкого бунта — «бессмысленного и беспощадного». Но он жаждал реформ, был противником крепостного права. Пушкин — сын России. Он хотел ей блага, которое пришло бы тем путем, который окажется наименее болезненным.

— *Сигурд Оттович, что для вас лично краеведение?*

— Краеведение — это краелюбие. Это не только выявление того, что связано с прошлым, настоящим, это и неустанная забота о будущем, забота о том, что нужно сохранить, возродить. Мы должны быть бесконечно благодарны учителям — географам, литераторам, которые смогли сохранить наше наследие в трудные времена. Может, я покажусь странным, но я благодарен пионерии и комсомолу, которые, по крайней мере, побуждали к различным походам по местам революционной, боевой славы, воспитывали историей.

Сейчас канун великого юбилея Победы. Подумайте, ведь в последней войне погибли сыновья и внуки тех, кто в свое время воевал по разные стороны баррикад. Насколько важна память об этом времени! Значение краеведения в том, что при подходе к малому оно использует методику изучения большого. Оно лежит на стыке разных сфер знаний: истории, экономики, географии, литературы, искусства. В наш век, когда главная проблема — экологическая, т.е. проблема сохранения жизни на Земле, краеведение — лучшая естественная школа первичных экологических представлений.

Краеведение связано с элементами этических основ. Любовь и уважение к своему краю, его потребностям и интересам, может быть, являются и залогом поли-

тической дальнорзости, социальной стабильности, служат объединению усилий всех, думающих о благе своего места обитания, своих близких. Краеведение — это форма развития местной культуры и работа по мобилизации данных о культуре.

— *Есть ли приоритеты в современном краеведении?*

— Наша страна, даже в современных границах, велика. Разные природные условия, разные исторические традиции. Где-то особенно памятен трудовой подвиг шахтеров, металлургов, в других местах — хлеборобов, рыбаков. В европейской России сохранились дворянские усадьбы. В некоторых городах — больших и малых — чрезвычайно плодотворно проявили себя купцы, попечители культуры, земские деятели, священники. На многих территориях существовало крепостное право, а на европейском Севере и в Сибири его не было. Сохранились места революционных выступлений и ссылки революционеров. Велики различия исторической памяти в местах боев Отечественной войны и в местах лагерей для осужденных при сталинском режиме. Речь идет о региональных программах, в которых должны определяться приоритеты. И другое. Не стоит ограничиваться только жизнью знаменитых или замечательных людей. Нужно уметь в прошлом находить фигуры, определявшие местную общественную жизнь, проявившие себя в разных областях каждодневного трудового творчества, чья жизнь и быт были характерны для той или иной эпохи, исторической ситуации.

— *У вас есть хобби?*

— Пожалуй, нет. Я просто меняю одну тему в работе на другую. И книги я собираю не как коллекционер, а для работы, причем тут я жаден. Люблю работать дома, и нужно, чтобы все было под рукой, близ пишущей машинки, чтобы не идти лишний раз в библиотеку.

Я в таком возрасте, когда каждый день творчества — дар судьбы. Читаю очень много, но не всегда организовано. Не изменяю «Новому миру», само собой — профессиональным историческим журналам. Последнее время много занимаюсь Арбатом, темой «История государства Российского» Карамзина в историко-культурном контексте», Пушкиным, историей краеведения. Возвращаюсь, конечно, и к давней моей тематике — Россия эпохи Ивана Грозного, теоретическое источниковедение, историография XIX–XX вв.

— *Вы много путешествовали? Что особенно запомнилось?*

— Пожалуй, немного ездил, еще меньше активно ходил. Сразу вспоминается: «Дым костра создает уют...» Я с нежностью думаю о скромных кострах, которые были для меня редкостью. Наверное, поэтому есть места, к которым я очень привязан, и впечатления, поразившие на всю жизнь. Например, как я впервые увидел фрески Дионисия в Феррапонтовом монастыре. Получилось так, что сторожиха отлучилась и заперла меня в соборе на полтора часа. Долго находился в полумраке, и вдруг около полудня брызнуло солнце, и я увидел фрески как бы в другом свете. Произошло нечто феноменальное, потрясающее!

Помню, как ошеломленно смотрел на Уральские горы из вагонных окон, то с одной, то с другой стороны поезда. Какой радостью согрел впервые увиденный храм Покрова на Нерли! Потом старался увидеть его не только летом, но и в другое время года — и в разливе вод, и зимой. Или Великий Устюг, куда пригласил меня мой университетский учитель академик М.Н. Тихомиров, испытывающий по-

требность, столь понятную и мне, увидеть города, историю которых он изучал. Или Торжок, который впервые предстал моему взору под дугой радуги...

За границей бывал обычно недолгое время, и не всегда имел возможность проверить возникавшие ощущения новой встречей. Конечно, незабываемы впечатления от первого, трехнедельного, пребывания в Париже, куда я был приглашен чтением лекций, от музеев Флоренции, маленького городка Ассизи, где и воздух какой-то особенный, и ходится легко (как в нашем Кисловодске или в монастыре Иоанна Рыльского в Болгарии), от останков древнегреческих городов в Турции, экзотики восточного базара...

Радуюсь за тех, кому предстоит впервые увидеть старинные русские города и усадьбы, особенно те, где рукотворное в культуре естественно взаимосвязано с не случайным пейзажем, расположением близ реки, озера, леса. Где ощутима взаимосвязь природы и истории. Где живо, вопреки течению времени, истинное краелюбие.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ СТОЛИЦА

— Сигурд Оттович, что для вас Москва?

— Москва... Москва для меня, извините за высокий стиль, — средоточие Родины. Моя малая родина. То, без чего себя я не очень представляю. Здесь прошла вся моя жизнь, здесь были самые дорогие для меня люди, которых уже нет рядом, но они по-прежнему сопровождают меня.

С годами все больше понимаю мудрость Тютчева, сказавшего — он был тогда значительно моложе меня и мудрее — «Душа моя, Элизиум теней, теней безмолвных, светлых и прекрасных...»

Благодаря этому наблюдению, которое, вероятно, свойственно каждому человеку, прожившему уже некороткую жизнь, я могу строить социологический вывод историка, что память — не только основа культуры, это я знал и раньше, но память — основа мироощущения. Все, что мы думаем о настоящем, все наши размышления о будущем исходят из накопленного нами опыта. А опыт — всегда история, если мы даже не знаем такого слова. Это в равной мере относится к профессору, с которым вы беседуете; это справедливо для всякого, пусть даже не очень грамотного, но думающего человека.

Москва для меня вовсе не обязательно связана со столицей. Мне грустно, что часть москвичей — говорю не в упрек нынешним переселенцам, это характерно и для тех, кто жил в Москве в год моего рождения, — считают себя именно столичными жителями. Если бы столицу перевели, к примеру, в Нижний Новгород, как когда-то собирался сделать Иван Грозный, они расстались бы с Москвой.

Замечу, что Нижний Новгород, раскинувшийся у слияния двух рек, кажется, самой природой предназначен для столь высокой цели. Москва выросла на мест-

ности болотистой, низменной, гораздо менее живописной. Но она дорога мне и с ее кривым переулочьем, дорога многим была и тогда, когда столица располагалась на берегах Невы, а Москва, по пушкинскому выражению, оставалась «порфиросной вдовой».

И вместе с тем вспомните. «Москва... как много в этом звуке»... «Москва, Москва!.. люблю тебя как сын»... Признания великих людей России не случайны. Они могли этого и не говорить. Но не могли не сказать! Чувствовали, знали: в Москве есть свое, особенное, бесконечно дорогое нашему сердцу.

Возьмите первое дошедшее до нас детское сочинение Льва Николаевича Толстого, в котором описывается, как с Плющихи мальчик идет к Кремлю. Сочинение наивное, но сам факт! А Пушкин, его знаменитое лицейское «Воспоминания в Царском Селе» — оно же о Москве, о ее красоте, пострадавшей от наполеоновского нашествия.

Вот это сокровенное чувство любви к своей малой родине хотелось бы, чтобы жило в москвичах. Возможно, приближающееся 850-летие Москвы поможет в какой-то степени развитию, закреплению, а у иных и пробуждению этого чувства.

— *Восьмисотлетие Москвы, помнится, отмечалось широко. В волжском городе, где рос, проходили выставки, концерты, конкурсы, посвященные юбилею. Наша школа участвовала в специальном всегородском смотре, готовила грандиозную композицию, посвященную истории Москвы. Нескольким ребятам, и мне в том числе, доверили сделать макет Царь-пушки. Очень этим гордились...*

— Для меня тот юбилейный, 1947 год в какой-то мере был началом моей карьеры ученого, автора-историка, если слово «карьера» употреблять в обычном, не обидном смысле слова. К юбилею заказали статью о Юрии Долгоруком. Публикацию размножил ТАСС, перепечатал ряд газет. Между прочим, в статье имя Сталина ни разу не было упомянуто...

Приходилось тогда читать лекции о Москве. Моя тема «Москва — столица Московского царства». Прежде чем лектор предстал перед публикой, его текст посылался на отзыв — такой тогда был порядок. Без моего ведома текст отправили на рецензию самому первому специалисту по истории Москвы Михаилу Николаевичу Тихомирову, моему учителю. В то время он еще был членом-корреспондентом Академии наук — не академиком, я же, соответственно, — аспирантом. Текст Тихомирову понравился, он мне позвонил, и я получил от него благословение на занятие историей Москвы. Так что приближающееся 850-летие родного города значит для меня чрезвычайно много. Это в некотором роде возвращение в молодость.

— *Вернемся к предстоящему в 1997 г. юбилею... Как известно, вы тесно сотрудничаете с Правительством Москвы в подготовке праздника. Что предполагается сделать, чтобы он прошел достойно?*

Что касается подготовки к юбилею в целом, мне говорить трудно, так как знаком с его историко-культурной частью, даже, точнее, издательской программой, и с тем, что относится к самому родному для меня в Москве — к Арбату и Приарбатью. В начале 1993 г. состоялось совместное заседание Правительства Москвы и Президиума РАН, где родилась мысль: готовясь к юбилею, больше внимания уделить истории. Решено создать библиотеку «История Москвы с древнейших времен

до наших дней». Выработался план библиотеки, организован редакционный совет, который возглавил мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, а его заместителями утверждены: вице-мэр Владимир Иосифович Ресин, председатель научного совета Москвы Александр Павлович Брагинский и ваш покорный слуга. В состав редсовета вошли также историки, искусствоведы, архитекторы, писатели, работники музеев, библиотек, архивов, ответственные работники Правительства Москвы. На открытом заседании редсовета, состоявшемся в апреле нынешнего года, мне было доверено сделать доклад о планах издания этой библиотеки. План одобрили, и сейчас он осуществляется.

Отличительная особенность плана — совместная работа над ним многих учреждений, общественных организаций, специалистов различного профиля, а не отдельных чиновных лиц, как нередко случалось прежде. Чтобы план стал реальностью, его осуществляют академии наук, образования, архитектуры и строительства, университеты, Мосгорархив и центральные архивы, Книжная палата, библиотеки, музеи, общества краеведов, педагоги, государственные и частные издательства.

Предполагается выпустить разнообразные издания, рассчитанные на специалистов и на массового читателя, дорогие и дешевые. Увидит свет новая трехтомная «История Москвы», которую готовит Институт российской истории РАН совместно с Мосгорархивом. Идет работа над энциклопедией «Москва». Вероятно, это также будет не один том. С нашей помощью выходит «Москва православная» в двенадцати томах. Начинается издание сочинений историка Москвы Ивана Егоровича Забелина, чье научное наследие готовится к публикации сотрудниками Исторического музея, научным руководителем которого был ученый. Завершается подготовка библиографических указателей «Москва в отечественной и зарубежной литературе», обзоры архивных материалов. Намечено новое многотомное издание «История Московского государственного университета». Краеведы Москвы заканчивают работу над третьим томом одноименного сборника. Удалось возродить серию «Памятники архитектуры Москвы». Увидел свет четвертый том серии, посвященный Замоскворечью. На очереди пятый — «В окрестностях Камер-коллежского вала». Этот список можно продолжить. Но хочу обратить внимание на тенденцию: помимо общеобразовательного направления издаваемых трудов особое внимание уделяется их воспитательному значению.

В школах Москвы введен предмет «Москвоведение». Не все преподаватели подготовлены к тому, чтобы квалифицированно вести его. Кроме того, «Москвоведение» — предмет своеобразный. Добровольными помощниками в его изучении становятся бабушки и дедушки, родители, старшие братья, соседи. Понятно, что им нужно дать литературу, позволяющую получить разнообразные и точные сведения по истории Москвы. С этой целью издательство «Прогресс», например, подготовило «Азбуку московскую для детей и родителей» с немногими статьями, набранными крупным шрифтом, цветными картинками для маленького читателя и в то же время со многими сведениями мелким шрифтом для взрослых^{*}. Таким образом, издание станет и школой первичного знакомства с тем, что мы называем

^{*} Книга опубликована в 2005 г. — Ред.

«научным аппаратом». Вскоре увидят свет «Московские слова и словечки», другие книги, рассчитанные на семейное чтение.

На конференции, организованной Департаментом образования столицы, обсуждались планы издания учебной литературы по «московведению». Это уже крут чтения старшеклассников, и здесь важно было учесть, чтобы представление об исторической преемственности складывалось у молодежи многостороннее и не сводилось лишь к праву протеста против существования той или иной формы власти.

Задуманы популярные книги о разных районах столицы — Кремле, Китай-городе, Садовом кольце и т.д., а также издания, посвященные памятным монументам, Москве литературной, географии города на семи холмах, его топонимике.

Собираемся осуществить серию «ЖЗМ» — «Жизнь замечательных москвичей». Это книги карманного формата с минимумом иллюстраций, рассказывающие о москвичах, славных не только своим вкладом в ту или иную отрасль человеческой деятельности, но делами, характерными именно для Москвы, достаточно в ней известными. Герои книг не только государственные деятели, но учителя, купцы, врачи, архитекторы, меценаты.

Программа издания библиотеки рассчитана, как вы понимаете, на длительный срок и, надеемся, перейдет в следующее столетие, а теперь и тысячелетие, ибо тема Москвы — вечная тема. Планы у нас большие. Верится, что они будут осуществлены, и, когда в середине будущего века появятся историографические исследования о том, что делали сегодняшние москвичи, готовясь к юбилею города, надеюсь, о наших трудах помянут с признательностью.

Подчеркну, что осуществляют программу самые разные люди, и это имеет, на мой взгляд, особое нравственное значение, ибо свидетельствует о степени их просвещенности, терпимости, объединяющей любви к родному городу.

Между прочим, один сравнительно недавно прошедший небольшой юбилей подтверждает это мое наблюдение. Имею в виду 500-летие Арбата. Арбат — это не только одна улица, но территория нескольких улиц с переулочьем, примерно от Остоженки до Тверской. Юбилей явился в некотором роде полигоном устройства подобного рода историко-культурных праздников. Ведь Арбат — район определенного образа жизни, особый мир духовности, что позволило сформироваться и в художественной литературе, и в наших обычных представлениях мифу об Арбате и «арбатстве».

— *Сигурд Оттович, вот опять вернулись к Арбату, улице, по которой я шел к вам. Воистину, «начали прогулку с арбатского двора, к нему-то все, как видно, и вернется...»*

— Несомненно, Булат Окуджава прав. Арбат вообще кажется некоторым как бы типологическим символом «московского», «Москвы», что нашло отражение в художественной литературе — это место жительства героев «Войны и мира», романов Тургенева — и в искусстве. Прелестная картина Поленова, запечатлевшая церковь Спаса на Песках, названа «Московский дворик» (1878 г.), а популярный кинофильм режиссера Данелия, съемки которого проходили в Кривоарбатском переулке (дом 9, с эркерами), — «Я шагаю по Москве» (1964 г.). Как видите, это относится к веку прошлому и к недавним годам. Сохранив свое историческое имя, Арбат — одна из немногих улиц в Москве, которой не коснулась волна переимено-

ваний, — как бы символизирует преемственность в развитии нашей культуры. Именно здесь происходят события и в послереволюционной литературе — в «Сестрах» А.Н. Толстого, в булгаковском «Мастере и Маргарите», «Докторе Живаго» Пастернака.

Знаменательно, что именно Арбат виделся символом России и писателям первой волны эмиграции — Бунину, Зайцеву, Осоргину, Цветаевой.

А возьмите пушкинскую Москву. В основном — Приарбатье. Отсюда юный поэт уезжал в лицей, после ссылки жил у Соболевского на Собачьей площадке, у Никитских ворот венчался, на Арбате выбрал себе квартиру после свадьбы.

А лермонтовская Москва, герценовская? Тоже Арбат или прилегающие к нему улицы и переулки.

Не на Арбате ли формировалось и оттачивалось искусство беседы? Назову несколько адресов: дом Хомякова на Собачьей площадке — знаменитая «говорильня» славянофилов, дом Герцена на Сивцевом Вражке и Огарева на Арбате — места споров западников и славянофилов, их дружеских пирушек, кружок Станкевича, вечера у Аксаковых. Недалеко от Арбата умирает Гоголь.

Какие имена! Какие пласты русской культуры!

В то же время в тех же переулках обитали героини «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина, а примерно через сто лет персонажи «Двенадцати стульев». Но история отбирает для будущего обычно то, чем можно гордиться и современникам, и потомкам!

Но вернусь к арбатскому юбилею. Остановлюсь опять же на историко-культурной программе. Выставки в музеях, установка памятника Пушкину в сквере его имени у Спаса на Песках, восстановление памятника «Реквием» не вернувшимся с войны школьникам близ Никитских ворот. Прошли конкурсы рисунков, школьных сочинений, вышли книги, памятные буклеты, плакаты, записаны воспоминания старожилов «Арбат моей памяти», подготовлено издание «Арбатского архива», задумана энциклопедия «Арбат». Можно перечислять и перечислять. Но подчеркну главное — работа эта не замерла и после завершения арбатского праздника, а органично переросла в долгосрочную программу, тем самым стала предвестником больших, смею сказать всемирно-исторического значения, торжеств 850-летия Москвы, ко времени которого, надеюсь, откроется Музей Арбата, и 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

В этой программе объединены усилия официальных структур (председателем юбилейного комитета был мэр Москвы, его заместителями — префект Центрального административного округа Александр Ильич Музыкантский и я, многое сделал глава территориального управления «Арбат» Владимир Иванович Голованов), интеллигенции, понимающей значение Арбата как уникального историко-культурного центра города, и помощь попечителей (не люблю слово «спонсор»), которые вложили средства в то, что не дает сразу материальной отдачи.

Подобная широкая работа в добрых традициях нашей отечественной культуры. Подчеркиваю, культуры, ибо и благотворительность, и желание сохранить, и, если нужно, возродить то прекрасное, что было в прошлом народа, города, напомнить о связи времен, — это тоже культура. Культура памяти.

ВЕРНИСЬ, АРБАТ! И ВСЕ, ЧТО ВОКРУГ:
ВМЕСТО ОФИЦИАЛЬНОГО ОТВЕТА
Диалог А.И. Музыкантского и С.О. Шмидта

Официальные ответы на критические выступления в печати нынче не в чести, поэтому диалог заместителей председателя юбилейного комитета, созданного в 1993 г. к празднованию 500-летия Арбата, префекта Центрального округа Москвы Александра Ильича Музыкантского и академика Российской академии образования Сигурда Оттовича Шмидта — своего рода отклик на статью Вячеслава Баскова «Ах, Арбат, уже не мой Арбат. Хотели как лучше, а получилась “зона”. Пешеходная ли?» — пришлось, выражаясь журналистским сленгом, организовать.

Встреча была необычной — тем, что проходила не в кабинете префекта и не в редакции, а в замечательной староарбатской квартире Шмидта, в переулке Приарбатья. Мы сидим за небольшим, на высокой ножке и потому очень удобным круглым столиком (теперь таких не делают), пьем кофе из тоненьких чашечек, едим пряник, привезенный накануне Сигурдом Оттовичем из Тулы, куда он ездил в командировку, щелкаем замечательными щипцами, каких ни у кого не увидишь, орешки, и... разрабатываем концепцию возвращения заблудившегося после реставрации Арбата его исконной публике — арбатцам. Суть концепции — в диалоге должностного лица и ученого.

А. Музыкантский. Убежден: многие нынешние беды Арбата берут начало... от его известности, от того, что он у всех на слуху. Об интеллигенции и говорить не приходится — с середины прошлого века Арбат стал ее символом. Здесь жили и они сами, и часто — герои известных литературных сочинений. Но и люди полунинтеллигентные и даже совсем неинтеллигентные знают, слышали, понимают, что такое Арбат.

К тому же это единственная московская улица (из главных), которая не была переименована. Сравните: если, например, говоришь, что реставрируется особняк на Большой Дмитровке, то половина москвичей не представляет, где она, эта Большая Дмитровка. Совсем другое, когда упоминаешь Арбат. Ему 500 лет, он звезда мировой величины, до него всем дело. Увы, на рубеже перестройки его известность приобрела совсем иной, чем прежде, характер, стала вульгарной.

Пора, наверно, сказать и о нашей вине. Мы создали первую пешеходную зону в Москве не где-нибудь — на Арбате, проделали огромную работу, но общей концепции — что такое пешеходная зона, чем она должна отличаться от прочих улиц — так и не придумали. Хотя ясно, что это не только прямой кусок улицы длиной в километр, по которому не ходит транспорт. Пешеходная зона — еще и определенный стиль жизни, и восприятие человеком, идущим по улице, где нет машин, архитектуры зданий, того, что за фасадом, всего происходящего вокруг.

А человек, живущий на Арбате, как он себя чувствует? Жил на обычной городской магистрали, по которой ходили троллейбусы, теперь вынужден жить в пеше-

ходной зоне. Появились у него проблемы? Конечно. Нужны какие-то решения, в том числе административные, которые защитили бы его интересы? Нужны. Ничего сделано не было.

Плюс ко всему прочему создание пешеходной зоны совпало с началом перестройки. Это совсем случайное совпадение. Но оно привело к тому, что Арбат стал символом. На этот раз — правильно написано в статье «Литгазеты» — символом освобождения от тоталитарных запретов. На Арбат ехали, чтобы доказать: сейчас можно прочесть стих, какой хочу, вывесить любую картинку, любое «дацзыбао», пропеть любой куплет... Короче, можно то, что даже во времена хрущевской оттепели кончалось ближайшей кутузкой. Но чтобы понять самому: да, можно! чтобы доказать всем: можно! — надо сделать это на Арбате. Не в Нагатине или Теплом Стане — там это не будет символом разрешенности, символом снятия запретов. На Арбате — будет.

Но новый символ постепенно выродился в символ вседозволенности. И одновременно появился еще один символ: символ свободы торговли — ответ на Указ Президента торговать где угодно и чем угодно. На отрезке длиной чуть меньше километра в 1992 г. стояло 220 киосков.

Так Арбат и превратился в то, чем никогда не был, — стал криминогенно-коммерческим раем.

С. Шмидт. Арбат всегда подкупал тем, что сохранял (вместе с названием) представление о прежних ценностях. Тут не было фабрик и заводов, не было и казенных учреждений. Это жилой массив людей с относительным достатком, занятых интеллектуальным трудом. И даже когда отдельные квартиры и особняки сплошь стали коммуналками, их заселили преимущественно служащими.

Вы правильно отметили, что именно Приарбатье избирали местом обитания героев нашей классической литературы — от романов Тургенева и «Войны и мира» до послереволюционной, причем и советской, и несветской: «Сестры» Алексея Толстого, «Сивцев Вражек» Осоргина, «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», даже «Двенадцать стульев». А когда после революции многие люди высокой культуры и высокой мысли оказались за рубежом — а «философский пароход» в основном с Приарбатья! — то в эмиграции Арбат оставался для них символом Москвы, России — и для Бердяева, и для Марины Цветаевой. Борис Зайцев на девяностом году жизни писал, что, думая о Москве, вспоминает прежде всего улицу Святого Николая — так называли Арбат по именам трех порушенных его храмов. И как важно было бы восстановить колокольню Николы Явленного на углу Серебряного переулка — она, воспетая Буниным, во многом определяла нынешний облик Арбата, его историю (вспомним о Пьере Безухове), особый уют Арбата, стиль его жизни.

В 1930-е гг. среди арбатского населения оказалось больше всего пострадавших от репрессий. Почти не оставалось квартир, из которых кого-нибудь не увели. В арбатских школах, часто бывших гимназиях, учились множество детей, родители или родственники которых были арестованы. Однако любовь к «своему» Арбату (в широком значении этого слова, включая все Приарбатье, от Поварской до Остоженки, т.е. все бывшее межбульварье) арбатцы продолжали сохранять. Свидетельство тому и стихи Булата Окуджавы, и «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова.

Наступили годы, когда арбатцы начали разъезжаться. Дети захотели жить в отдельных квартирах и поехали в новые районы, по Арбату стали гулять, ходить в арбатские магазинчики бабушки и дедушки. Пока их не вытолкнула оттуда, не выгнала современная массовка. Когда слово «встреча» заменили словом «тусовка», когда появились другие, столь же выразительные словечки, эти люди просто ушли с Арбата в тихие переулочки. В Сивцев Вражек, например, — он еще тот, каким был, туда массовка не ходит, она вся на Арбате. В основном это странноватые молодежные группы, ищущие острых ощущений, но не знающие толком, чего хотят, и приезжие.

Меня больше волнует не то, что Арбат перестал быть символом интеллигентности, а то, что он стал символом чего-то глубоко немосковского. Приезжая в столицу, многие считают нужным отметить на Арбате, думая, что это и есть Москва. А Москвы здесь все меньше.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда я послал ему газету «На Арбате», ответил мне так: «Очень тронула газета “На Арбате” — в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату». Вот найдено слово — нежность. А что же теперь? Не только как старожил Арбата, но как историк я совершенно убежден, что мы просто обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы Арбат вернулся к москвичам, снова стал их отечеством.

Конечно, для этого нужны средства, необходимо участие правительства Москвы, но я смотрю в будущее с оптимизмом, поскольку в процессе подготовки к празднованию пятисотлетия Арбата мне уже доводилось наблюдать, с каким просвещенным вниманием относятся к истории Москвы и мэры столицы, и префект Центрального округа. Надо с их помощью сделать Арбат непривлекательным для тех, кто сейчас его оккупирует. И, с другой стороны, притягательным центром культурной жизни Москвы.

Здесь, конечно, должно быть много книжных магазинчиков. Не таких, в которых продаются дорогие издания, а, скажем, магазинов уцененной книги, нот, репродукций. Я просто мечтаю о книжных развалах на Арбате. Если это будет место, в какой-то степени напоминающее набережную Сены, люди определенного склада будут приезжать специально. Нужен и писчебумажный магазин. Кстати, на Арбате их было несколько (один из них воспет Андреем Белым), а сейчас все закрыты. Большие надежды мы возлагаем на Музыкальный центр Слободкина, который вот-вот должен открыться.

И еще одна идея: поставить в начале и в конце Арбата броские, такие, чтобы не обратить на них внимание было невозможно, щиты или витрины — путеводители по улице. Здесь ведь более десятка музеев: мемориальный Музей-квартира Пушкина, Музей Герцена, музей и мастерская скульптора Голубкиной, Музей-квартира Луначарского. Чуть дальше, на перекрестке, Музей Пушкина, Музей Толстого, где очень часто проводятся вечера. И люди едут, несмотря на все страхи. Дом-музей Цветаевой, Дом-музей Лермонтова, дом Горького, Музей Андрея Белого. С другой стороны Музей Скрябина. Вот эти очаги истории и культуры Приарбатья и есть настоящий Арбат, а приезжие подчас об этом и не подозревают.

Я бы открыл и специальный Музей Арбата — лучше всего в знаменитом доме Пороховщикова, в Староконюшенном. Во славу двух семей — Пороховщиковых и

Трубецких (князь Трубецкой — первый выборный ректор Московского университета — тоже занимал там квартиру). Такой музей прославил бы Арбат и его людей.

Если все это сделать, совершенно изменится контингент тех, кто посещает Арбат. Даже в магазины сюда станут приезжать не охотники за джинсами и жвачками, которые есть повсюду, а те, кому надо увидеть то особое, чего нигде, кроме Арбата, не найдешь.

А.М. Стоит подумать и о том, как изменить состав фирм-арендаторов на Арбате. Пока там прописались и хозяйничают многие из тех, что достались нам со времен «двоевластия», когда Арбатом командовал еще и Киевский райком партии. Избавиться от прежних хозяев очень непросто, но если будет разработана и принята (вместе с общественностью) концепция пешеходной зоны Арбата, они должны будут помогать ее осуществлению, поддерживать, иначе придется расторгать договоры. Убрали же мы с Арбата палатки, придется вести себя «круто» и с фирмами, которые рвутся на Арбат (престижно!), но не понимают, где они работают.

С.Ш. Пешеходная улица — это такая, на которой приятно провести время. А Москва — город дождливый, бывает довольно холодно. Значит, нужны не только скамейки. Пусть люди знают: на Арбате всегда можно получить чашечку кофе или бутылочку воды по доступной цене, там всегда есть где посидеть и по-го-во-рить! Арбат испокон века был местом, где оттачивалось искусство общения, беседы.

В Серебряном переулке есть здание бывшей средней школы. Почему бы не организовать там специализированное учебное заведение — институт искусств, с выставками, конкурсами? Поедут ребята со всей Москвы, даже со всей России. Придут и учителя, и родители детей, их родные и близкие.

А.М. Здесь у нас есть какие-то разногласия. Я чувствую: вы хотите как бы «приманивать» на Арбат людей, не озабоченных криминальными разборками, занимающихся искусством, любителей бесед в уютных кафе. А спросите тех, кто живет на Арбате: хотят ли они этого? Или им лучше жить на обычной городской улице? Мне кажется, они выбрали бы второе. И с этим нельзя не считаться.

С.Ш. Я думаю, у нас разногласий нет. Как арбатец, хочу, чтобы жить было нам удобнее и спокойнее — и при свете дня, и в темноте. Я имею в виду другое, говорю о воссоздании определенной, типичной для Москвы, сохраняющейся культурной атмосферы, которую здесь ожидают найти, но сейчас не находят. Вместо нее — какой-то привокзальный район с пришлыми людьми. А я уроженец не только Арбата, но и Москвы, и патриот Москвы, теперь даже главный редактор готовящейся энциклопедии «Москва», и мне грустно и обидно, если Арбат его нынешнего образа будет восприниматься немосквичами как лицо Москвы, ее визитная карточка.

А.М. В этом вы совершенно правы, в этом мы с вами полные единомышленники. Невозможно мириться с тем, что Арбатом завладели люди, которые принесли с собой вкусы и нравы, совершенно ему не соответствующие.

С.Ш. Между Никитской и Остоженкой самая неарбатская улица — это Арбат. Так что печали «Литературной газеты» — и наши печали. Два года назад был отпразднован юбилей — пятисотлетие Арбата, и моя работа над темой «Арбат — феномен истории культуры» продолжается. И очень горько думать, что, когда я ее закончу, мне, может быть, придется менять название на другое: «Каким был Арбат».

А.М. Вы же нас просвещали, рассказывая в своих работах о том, что у Арбата и прежде были периоды упадка. Надо, чтобы и нынешний закончился как можно быстрее, ради чего мы и обсуждаем статью «Ах, Арбат...», в основном правильную. А вот то, что в ней, на мой взгляд, совсем неправильно: прошло уже девять лет со времени создания пешеходной зоны, пишет автор, а там все еще что-то строится, строится, строится. Странно, Вячеславу Баскову это не нравится. Когда пешеходная зона создавалась, она рассматривалась как кусок улицы. И только. Что во дворе, за цоколем, за фасадом, на этажах домов — тогда не думали. Вот и приходится додумывать сейчас. А дома там стоят по 70–80 лет, многие без единого капитального ремонта. Как же их реконструировать, если не строить, строить и строить?

И последнее. Мое замечание о «приманивании» людей на Арбат связано с тем, что я хотел еще раз подчеркнуть: концепцию Арбата надо разрабатывать, имея в виду не только главную улицу, на которой всего-то домов с 1-го по 53-й, а сеть улиц и переулков по всей приарбатской территории. Только так мы можем спасти Арбат.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН — ОСНОВА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Культура является одним из главных показателей состояния народа и государства. А отношение правительства, партий, отдельных лиц к культуре зачастую признают едва ли не главным критерием для оценки сделанного тем или иным «историческим» лицом.

Еще 200 лет назад в понятие культуры входило следование каким-то признаваемым обществом нравственным правилам. Одновременно это сочеталось с определенной образованностью. Культура поведения, культура общения — они считались тоже нормами, без соблюдения которых нельзя было определить, культурный или некультурный человек. Подразумевалось, что хорошо воспитанный человек это и есть человек культурный.

Но постепенно понятие культуры было отодвинуто понятием цивилизации, которое подразумевало не столько общую образованность, еще менее — нравственное воспитание, сколько владение той технологией, которая типична для современного общества, пережившего техническую революцию. Умение пользоваться определенными навыками в быту, для работы, владение набором обязательных знаний, подтвержденных дипломом, — считаются зачастую главным. И это тревожит.

Дорога в будущее — это не только путь совершенства наших технических возможностей, облегчающих жизнь человека, но и путь сохранения верности тем проверенным поколениями нравственным устоям, которые позволяют судить, что такое добро и зло, что благородно и неблагородно. А эти убеждения не даются

только образованием. И верность им сохраняют нередко в большей мере люди — не «дипломированные».

Так же и творчество не обязательно удел тех, кто имеет специальное образование.

Мы знаем великие творения, когда их авторы опередили свое время, и только немногие люди — их современники — смогли оценить, что за этим стоит будущее. Пример — художники конца XIX в. Сейчас Ван Гог стоит дороже, чем многие другие Вань, жившие в XV–XVII вв. Его не признавали, и здесь, видимо, проявился большой вкус русских коллекционеров, которые ранее других сумели распознать цену Ван Гога. Мы знаем писателей, которые только посмертно получили признание, и т.д.

И еще одно наблюдение. Мы часто слышим о творческом потенциале людей искусства, даже официально объединяемых в так называемые «творческие союзы». Но ведь не только им это присуще. А ученые? Это что — не творцы? Наша профессия — не творчество? Разве мы можем что-то такое создать без творческих усилий, творческого озарения? Меня очень удивило, когда недавно, благодаря инициативе Д.С. Лихачева получив билет в Большой театр на встречу премьер-министра В.С. Черномырдина с творческой интеллигенцией, я увидел, что там не было людей науки, лишь немногие работники музеев. Вот такое понимание «творческой интеллигенции»!

Возьмем и такие профессии, как врач или учитель. Один формирует личность своего ученика, другой ставит сложный диагноз больному — как могут быть они не творцами?

Всякий думающий у нас человек понимает, что отношение властей к культуре, выделение средств на культуру — это забота не только о сегодняшнем дне. Вот это я бы хотел подчеркнуть. И я полностью разделяю точку зрения академика Д.С. Лихачева, к которому всегда относился с глубоким уважением и душевной симпатией, что культура представляет главный смысл и главную ценность существования государства.

Те, кто думает о культуре, выделяет деньги на культуру, создает микроклимат для ее развития, для воспитания культурой, кто думает о связи культуры и просвещения — эти люди думают о будущем. Может быть, самое тягостное, что меня сейчас огорчает, — это то, что государство резко уменьшило дотации на развитие культуры для детей. Не хватает денег на школьные учебники, на книжки, которые должны быть в каждом доме. Чего удивляться тому, что у мальчиков и девочек гораздо больше желания участвовать в какой-то благовидной коммерции, приносящей доход, в ущерб чтению... Книжные киоски завалены макулатурой, и государство не противостоит этому потоку изданиями, без которых не может формироваться личность.

Те, кто «делают» культуру, почему-то не понимают, что ее развитие во многом сейчас обеспечивается средствами массовой информации (СМИ). Телевидение есть везде, его смотрят, обмениваются сведениями, воспринятыми с телеэкрана. Но программы телевидения становятся все более далекими от культуры. Я — интернационалист и по образованию, и по воспитанию, и по крови, но считаю, что отход от традиций нашей отечественной культуры — широкой, демократической культуры, где всегда ощущалась связь времен, и демонстративные, нахлынувшие

на телеэкраны облегченные псевдоискусство и псевдолитература — это чудовищно чревато последствиями. Наши «звезды» сегодняшнего телевидения, с их дешевыми, зачастую нелепыми викторинами, где не требуется много знаний и усилий, чтобы ответить, получая в подарок то, для чего другие работают месяцами и годами, — это явление развращающее. Настоящее образование добывается трудом. Мы сейчас живем в такое время, когда распространение и — увы — поддержку получили полужнания и полуйскусство. Торжество кроссвордов и мыльных киносерриалов. Воспитанию культурой оставляют мало места на главных каналах телевидения.

Когда-то, более двадцати лет назад, мне доверили вести викторины по отечественной истории, циклы учебного телевидения, — я вел передачи из Исторического музея. Хотелось, чтобы люди из «глубинки» получили представление, что такое музей, видели подлинные памятники истории и культуры. Я не подделывался под школьного учителя, хотел, чтобы они имели представление и о том, как выглядит московский профессор. Мы получали много радовавших меня и редакторов заинтересованных писем. Но подобные передачи уходят с экранов. Научно-популярные циклы передач имеют гораздо меньше часов, чем имели раньше. Не повторяют даже передачи И. Андронникова и В. Лакшина.

Культура общения, культура восприятия — она не самозарождается, она наблюдается у других. Этого мы лишаемся. Все это, мне кажется, должно быть в государственной программе. Я бы создал вообще, если бы меня спросили, даже при Президенте Совет культуры, который периодически бы обсуждал первоочередные проблемы в плане развития культуры. И хотя мы давно забыли одну формулу, которая была известна в годы нашего детства, — «культурный фронт», но и сейчас это должен быть действительно фронт. Ведь речь идет о борьбе с бескультурьем, с наваждением внешней псевдоцивилизации, которая выживает настоящую корневую культуру, свойственную нашему народу, восходящую к Ломоносову, Карамзину и Пушкину, которой сейчас остается все меньше в средствах массовой информации.

Мы прожили долгое время в условиях, когда допустимым считалось лишь одномыслие, когда люди лишены были широкого общения, потому что любой спор мог увести в буквальном смысле слова в опасном направлении. Я помню, в 30-е гг. в домах собирались только родственники, и лишь дети позволяли себе приводить случайных товарищей по школе или по улице. Массовые репрессии страшно подействовали на психику народа. Молодые не понимают, что сейчас, во-первых, можно печатать и читать авторов самых разных взглядов, вкусов и воззрений, а следовательно, сравнивать и сопоставлять и все, что относится к российской культуре; во-вторых, нам вернули огромный массив зарубежной российской культуры, который мы просто не знали.

Мы даже не представляли, каким великим вкладом в мировую культуру является русская философия Серебряного века. Эти труды не издавались и не выдавались в книгохранилищах. То же можно сказать и о более раннем периоде. Даже для меня, уже пожилого историка, стало великим откровением возвращение обществу творчества Карамзина, которого я больше знал по примечаниям. Ведь Карамзин оказал воздействие не только на всю литературу — на мироощущение. «Борис

Годунов» Пушкина посвящен драгоценной для россиян памяти Карамзина. Достоевский писал: «Я возрос на Карамзине». У Л. Толстого в «Детстве» — первом его великом произведении — во фрагментах: в комнате мальчиков — детской, где они занимались, две книги: немецкие анекдоты учителя Карла Ивановича и том «Истории государства Российского». Русская культура, литература и нравственность опирались на восприятие сотворенного Карамзиным. Это все вернулось. Это, конечно, хорошо.

Но, как уже отмечал, традиции недостаточно культивируются, и люди, которые почитают себя способными или обязанными направлять культурное развитие, сами не всегда к этому внутренне подготовлены. Существует и такое явление, как неуважительное отношение к тем, кто, прожив многие годы при советской власти и сохраняя верность некоторым прежним идеалам, остался нравственным, порядочным человеком. Я думаю, что это в первую очередь от незнания, от нежелания подумать. Ведь ясно же, что часть людей образованных не только не могла, а и не желала ехать в эмиграцию. Многие были вдохновлены и пафосом нового строительства, тем, что, казалось бы, исполнялись желания российской интеллигенции сеять разумное, доброе, вечное. Организовывались музеи, библиотеки, архивы, ликбез — в тяжелых условиях тех лет находились средства. Сейчас мы живем гораздо лучше, а процент средств, отпускаемых на культуру, меньше.

Нужно понять, что и в советские годы во властных структурах были люди, которые искренне хотели привлечь интеллигенцию к новому строительству. Бердяев в эмиграции называл четыре имени: Луначарского, Бухарина, Льва Каменева и Рязанова. Можно назвать и другие имена, их не так много, но тем более их нужно выделить. В этом отношении знаменательно признание в автобиографии историка академика Платонова, который активно занимался архивным строительством, был одним из тех, кто осуществлял знаменитую архивную реформу, благодаря тому, как он объясняет, что его вовлек в это дело Рязанов, и такие примеры можно множить.

А у нас по-прежнему знают лишь две краски на палитре, и все, что не совсем соответствует сегодняшней моде на положительное, однозначно чернят, как, к примеру, деятельность Луначарского, столь много сделавшего для сохранения культурного наследия и людей «старой» культуры.

Нужно более тонко подходить к изучению многообразия культуры, взаимодействия с культурными процессами дореволюционной России и во всем мире. Думаю, что в XXI в. найдутся люди — добросовестные и профессионально подготовленные, которые сумеют вычленивать и в культуре советских лет те явления, которые были продолжением великой корневой культурной традиции нашей страны и могут рассматриваться как предтечи той культуры будущего тысячелетия, которая должна определить развитие человечества.

Среди многих явлений последнего десятилетия особо нужно отметить возрастание роли провинции в развитии отечественной культуры. Это старая традиция, характерная для России особенно. Во-первых, она огромная, и в этой стране, при отсутствии современных средств коммуникаций и общения, всегда были заметны местные социоэкономические и культурные особенности, которые характеризуют всю историю России. Достаточно сказать, что значительная часть территории России, которую принято называть страной крепостничества, не знала крепостного

права: все Зауралье и весь русский Север. И там были совершенно особые нравы и особая культура со старыми традициями. Россия всегда была и государством многонациональным.

Начиная с XVIII в. у нас было фактически две столицы. При наличии официального Петербурга, порфиноносная вдова, по определению Пушкина, Москва тоже оставалась столицей. И хотя Академия наук была в Петербурге, и там же были Академия художеств, императорские театры, но в Москве — первый в России университет, имелись такие же императорские театры, здесь была создана первая самая большая галерея русского искусства, не только происходило венчание на царство. Москва гораздо больше была связана с Центральной Россией, где находилась большая часть дворянских имений; из этой России были выходцы многих интеллигентских профессий. Все это создавало возможности как бы и для рассредоточения развития культуры, но и для разномыслия тоже. Московское «общество» всегда немного фрондировало сравнительно с чиновным Петербургом. В годы советской власти это фрондирование было устранено. Значение Ленинграда как культурного центра все время снижалось, особенно после того, как перевели отсюда Академию наук и самые знаменитые деятели культуры переехали в Москву. После убийства Кирова из Ленинграда вообще выселили многих по своему воспитанию и вкусам интеллигентско-дворянского происхождения. Ведь дворяне это не только потомки помещиков; личное, да и потомственное дворянство приобрели люди, достигшие определенного ранга, не только профессора. В годы репрессий сталинского режима подавлялись местные особенности, не случайно беспощадно были репрессированы многие краеведы. Об этом забыли. А краеведение пострадало одним из первых, еще в год «великого перелома».

Сейчас мы наблюдаем знаменательное явление — возрождение провинции. И не только в политической жизни, но и в части развития местной культуры. Люди начинают понимать, что не нужно ожидать указаний из Москвы. Мне приходится довольно много ездить, и я наблюдаю, как развивается сотворчество с местной интеллигенцией местной администрации, которая готова способствовать продолжению местных традиций, гордиться местными людьми. Это качество очень четко проявилось в Вологде. Недавно скончавшийся историк Петр Андреевич Колесников, начавший свою творческую жизнь избачом и учителем, благодаря большому таланту педагога и организатора, сумел еще 25 лет назад наладить работу по изучению истории Вологодского края. Он привлек к этому делу музеи, архивы, студентов, школьников — они создали полное описание документальных памятников, музеев Вологодчины, организовали работы по увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. И мы не случайно одним из первых избрали П.А. Колесникова почетным академиком Российской академии образования.

Вот, скажем, Пенза, из этого края и Лермонтов, и Белинский, и Огарев, Загоскин, академик Буслаев, Ключевский, Куприн, Малышкин, Мейерхольд и многие другие. Их жизнь и творчество получили здесь отражение в местных музеях. Происходит возрождение краеведения, появляются местные издания. Это вызывает живой интерес разных поколений, и особенно дорого узнать о деятельности тех людей, которые как бы олицетворяют в себе преемственность традиций. Связь времен является основой развития культуры.

«МОСКВА НЕ ЕСТЬ ОБЫКНОВЕННЫЙ ГОРОД...»

Председатель Археографической комиссии Российской академии наук и Союза краеведов России, старейший профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, академик Российской академии образования, в многочисленных научных трудах которого тема «История Москвы» — одна из главных, Сигурд Оттович Шмидт беседует с корреспондентом «Нашего наследия» Владимиром Потресовым.

— Сигурд Оттович, я знаю, что вы — один из немногих «арбатских» старожилов-москвичей, которому посчастливилось родиться и прожить долгую жизнь в одном и том же доме, причем в самом центре Москвы — рядом с местом, где находится знаменитое конструктивистское здание — дом Константина Мельникова. Сегодня, когда с ошеломляющей скоростью меняется привычная среда обитания и в вашем переулке нетронутыми остались лишь немногие дома, — чем для вас, «московского старожила», остается этот город, в чем его сохраненная особенность?

— Действительно, я являюсь редчайшим примером москвича, дожившего до семидесятипятилетия в одной и той же квартире — комната, где (тогда еще в коммунальной квартире) я родился, сейчас моя спальня. И в то же время мой опыт — это не просто опыт пожилого человека, но и ученого, который более полувека занимается историей — историей Российского государства и московских самодержцев, историей российской интеллигенции и отечественной исторической науки, проблемами источниковедения, т.е. выявления, изучения, публикации источников познания прошлого, использования их в научной, просветительской деятельности...

Для меня Москва — и русский державный город, и малая родина. Мои детские годы прошли под звуки арбатских колоколов — близ нашего двора была церковь Николы Плотника, мы очень хорошо слышали и колокола храма Христа Спасителя. Другие первые звуки — цокот лошадиных копыт по булыжной мостовой маленького переулочка. Я родился в годы нэпа, поэтому память воскрешает и запахи разнообразной, какой-то удивительно домашней снеди — голод уже сошел; и облик старомодных арбатских старушек и стариков в пенсне на шнурочке, женщин в длинных юбках, мужчин с тросточками, и молочниц, ежеутренне приходивших с бидонами, угольщиков и трубочистов, и здания бывших гимназий, где эти неизменно достойно и скромно одетые старомосковские интеллигенты были среди наших первых учителей и разительно отличались и воспитанной манерой поведения, и заинтересованно уважительным отношением к учащимся от некоторых учителей «новой формации»... Сейчас, когда у меня обнаруживается смешение личного ощущения и воспринятого под воздействием лет и знаний, ответить на ваш вопрос достаточно сложно. Москва для меня всегда — мой город, воплощающий русскую культуру и преемственность историко-культурных традиций, воплощающий для меня Россию. Могу сказать одно: я очень люблю Москву, но за свою жизнь я наблюдаю утрату Москвой «московскости» и чрезвычайно этим огорчен. Москва все больше принимает облик столицы, интересной, точнее, привлекательной для других своим положением, своими удобствами, своими необычайными

Впервые опубликовано: Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 5–11. Беседу вел В. Потресов.

материальными богатствами. Говорят, что сейчас чуть ли не 80% всего российского капитала «крутится» в Москве. Отсюда, наверное, и жуткий криминальный фон столицы. Такого никогда не было — ни при царе, ни при власти советской. Истинно — на Москве «гуляет братва», и повсюду множество суетливых молодых людей, что-то подсчитывающих. Раньше радовался тому, что моих иностранных коллег удивляло обилие читающих в Московском метро. Теперь читающих становится все меньше, а среди них больше занятых кроссвордами, т.е. той псевдокультурной дешевкой, которую насаждают ныне и наши телевизионные программы. Петербург, например, утратив многое от прежней культуры, еще, может быть, больше, чем раньше, — остался Петербургом, потому что он гордится тем, что он Петербург, особенностями своими, обретенными за почти трехсотлетнюю историю.

А Москва... Те, кто называют себя москвичами, теперь, к сожалению, гордятся тем, что здесь заседают Дума и Правительство, находятся центры партий и офисы, редакции влиятельных газет, десятки самозародившихся академий и множество лиц, называющих себя академиками. Здесь «тусовки», фестивали, казино, бани, где министры развлекаются с девочками, и т.п.

Я сейчас все в большей мере осознаю глубину наблюдения Карамзина — Россия произрастает провинцией. Теперь, когда постепенно все более отдаляемся от тоталитарного режима и жизнь наша уже не определяется мнением треугольника Старая площадь — Кремль — Лубянка, провинция позволяет себе думать, как она хочет, как она может, и делать то, что ей удобно. И если воспрянет Россия, то возрождение придет в большей мере из провинции.

А для провинциальной жизни, ее микроклимата культура — прежде всего своя, местная — имеет особое значение, это знак отличия. И там культура целомудреннее, чем в Москве, ближе к корневым основам. И мне, и как москвичу, и как ученому, знающему всемирно-историческую цену московской культуры, хочется, чтобы Москва впредь имела превосходство и в культурно-нравственном смысле. Для меня — и это традиция российской интеллигенции, средоточием которой всегда была Москва, — культура, тем более ее вершины, это — не только наука, искусство с литературой, подавно не высокая технология цивилизации, но ее нравственные основы, общественные представления, общественное поведение...

— *А Москва, по-вашему, теряет свое значение?*

— Москва на глазах теряет атмосферу величавости и одновременно — увы! — привлекательной домашней теплоты, ту самую «московскость». Она похолодела, она стала более деловой и торговой. И даже то, что делается к юбилею столицы России, могло бы делаться не только в Москве. Тем более странно постоянно слышать о разногласиях Москвы и федеральных властей, о том, что та или другая ветвь власти удерживается от выделения средств на то, что является и российским и московским одновременно. Мой университетский учитель, москвич по рождению и великий знаток прошлого Москвы, книгу трудов которого о Москве надеюсь успеть издать к юбилею, академик Михаил Николаевич Тихомиров заметил, что знает два «города в мире, история которых непосредственно и тесно связана с историей их страны, — это Москва и Париж». Все, что происходит в России, в какой-то мере отражалось в Москве, и все, что происходило в Москве, имело отражение в России. В Париже следят за тем, чтобы он, всегда имея престиж столицы

Франции, сохранял бы и многовековое очарование своего облика: в центре по-прежнему нет высоток, ощущаются уют старины, уважение к ней, элементы подкупающего приезжих домашнего гостеприимства. В Москве же иногда наблюдается отсутствие взаимосвязи времен, даже обрыв времен... Да и восстанавливается часто не то, что нужно. Скажем, если мы считаем, что Арбат — символ Москвы, пятисотлетие Арбата — предтеча празднования юбилея Москвы, то совершенно необходимо было бы восстановить церковь Николая Явленного.

— *То есть возродить «улицу Святого Николая»?*

— Да, но два Никольских храма невозможно восстановить — эти пространства застроены домами, а место, где стоял Никола Явленный, свободно. О храме этом читаем в «Войне и мире» Л. Толстого. Это знаменитый изгиб улицы, который стал незабываемым символом для бежавших от большевиков за границу Бунина, Зайцева, Шмелева, — они все о нем вспоминали. Эта церковь вернула бы дух Арбату, поскольку улица, где нет ни одного храма, допускает недостойное поведение — ведь даже неверующие люди рядом с храмом постесняются вести себя безнравственно. Вообще уверен, что храмы могут и должны стать центрами сегодняшних микрорайонов, формировать и их внешний облик.

Москва является огромным аккумулятором духовной культуры, вот только он требует основательной подзарядки.

Я — житель Арбата — особенно остро ощущаю невозвратимую утрату аромата московской жизни. Под «Арбатом» подразумеваю, конечно, — и не раз говорил и писал об этом — не только улицу с таким названием, но все Приарбатье, т.е. и улицы и переулочье примерно от Остоженки до Никитских. Это заповедник культуры: и место обитания ее выдающихся деятелей, и место, где поселяли классики нашей литературы, начиная с Тургенева и Льва Толстого, своих героев. В биографиях реальных «арбатцев» и поселенных в Приарбатье литературных персонажей как бы фокусировались судьбы российских интеллигентов. Отображенное именно в Приарбатье воспринималось как типологически московское — ведь прелестный жанровый пейзаж Поленова 1870-х гг. «Московский дворик» изображает место подле храма Спаса на Песках, а для съемок послевоенного фильма с названием «Я шагаю по Москве» избрали местом действия дом по другую сторону улицы Арбат — в Кривоарбатском переулке. Такое понимание «Арбата» как знака культуры нашло отражение в материалах альманаха «Арбатский архив», подготовленного в своей основе еще к юбилею 500-летия Арбата, в 1993 г., и ныне, кажется, наконец издающегося при материальном содействии попечителей культуры.

И все же Москва и по сей день — это необыкновенный город. Только Москва имеет такой великолепный Кремль, рядом с которым Красная площадь с собором Василия Блаженного. И величественное строгое здание Московского университета, и Манеж, а напротив Боровицких ворот и моста через Москву-реку диво мировой архитектуры эпохи классицизма — Пашков дом на холме. Ведь и когда столица переехала в Петербург, Москва осталась «порфиросной вдовой» — точнейшее выражение Пушкина.

Думается, что недостаточно учитывают изменение интереса иностранных туристов к России, так же как и «ностальгический» ген потомков выходцев из России. Если раньше многие приезжали и для того, чтобы посмотреть, что такое сто-

лица страны, идущей своим, отличающимся от других путем социальных преобразований, то ныне прежде всего привлекает то, что Москва — столица и исконный культурный центр страны, явившей миру величайшие достижения мировой культуры, — страны, в которой родились Толстой, Достоевский и Чехов, Станиславский и Шалапин, и пленивший все континенты балет, и музыка Чайковского и Шостаковича, кинорежиссура Эйзенштейна, неповторимое искусство Святослава Рихтера. Они открывают для себя и сокровища древнерусского искусства — Андрея Рублева, архитектуру. И потому особенно обидно, что к всемирно отмечаемому юбилею Москвы остаются необновленными стены здания Исторического музея, на самой Красной площади, и Москва не сумела помочь материально ускорению ремонта здания, где уже смонтировано по новейшим образцам все для экспозиции важнейшего в российской истории. Ведь, повторяю, история России — это и значение Москвы в российской и мировой истории. Исторический и другие музеи дают и представление о просветительской роли Москвы. Красная площадь должна восприниматься и как площадь реальной истории Москвы и России, и как площадь музея прошлого нашего Отечества!

— *Вы наверняка помните праздник 800-летия Москвы. В историческом плане срок небольшой, а сколько изменений! В чем существенная разница в этих двух важных для Москвы событиях?*

— 800-летие было первым большим историческим праздником после грандиозной войны. Праздником, заново утверждавшим традиции, которые пытались истребить в двадцатые-тридцатые годы, когда классовое абсолютно превалировало над общечеловеческим и общенравственным. Помню, тогда была напечатана моя газетная статья о Юрии Долгоруком, фигуре не самой значительной, однако характерной для определенного периода нашей истории, там я — не предвосхищая никаких событий — не упомянул имя Сталина, и тем не менее напечатали. Кстати, сейчас эта статья без единой правки воспроизведена в альманахе «Московский архив».

Празднование, конечно, не было столь помпезным. Я, например, аспирантом ездил по Москве и читал лекции в заводских цехах, в домоуправлениях и видел, с каким живым вниманием люди воспринимали исторические сведения о жизни города. С одной стороны, это было связано с большим притоком иногородних, которых интересовали знаменитые места столицы, названия и пр., а с другой — интерес коренных москвичей, которые вспоминали старые названия, уничтоженные церкви, где их крестили, и т.д. Тогда очень многих приучили к историческому чтению. Словом, юбилей был более искренним, домашним даже, привлекательным и для пожилых, поучительным для детей. Сейчас, то ли по недомыслию, то ли по недостаточной исторической образованности, слишком много внимания и средств уделено организации «внешних», парадных протокольных мероприятий. Огромные суммы уйдут на эффектные шоу (которые останутся однодневками, даже если все запечатлят кинокамеры), серии кинофильмов, и буквально приходится вырывать деньги на издания, т.е. на то, что остается надолго и доступно многим, приучает к размышлению о Москве, ее прошлом и настоящем. И издания выходят преимущественно дорогостоящие, подарочного типа, а где дешевые книжки для чтения дома, в пути? Для домашних библиотек нашего не слишком материально обеспеченного населения? И не лучше ли было бы, если бы вместо эффектных

«презентаций» или хотя бы наряду с ними руководители города и его регионов (территориальных управлений) встретились с местными жителями, рассказали бы о прошлом этой местности, о перспективах их московской жизни!

Потому-то мы, причастные к изданию книг библиотеки «История Москвы с древнейших времен до наших дней» (а я заместитель председателя редсовета библиотеки, председатель его — Юрий Михайлович Лужков), подготовив издания специально к юбилею — целиком посвященную Москве книгу «Археографическо-го ежегодника за 1997 год», третий выпуск сборника очерков «Краеведы Москвы», книгу трудов академика М.Н. Тихомирова о средневековой Москве, написанную еще в канун революции книгу А.Т. Саладина «Прогулки по московским кладбищам», составили долгосрочный план изданий — в том числе серийных — до конца нашего века и верим, что издания такой тематики будут выходить и в грядущем тысячелетии. Тем более что введенные в школах занятия по москвоведению станут частью нашего каждодневного обихода и, надо думать, будут способствовать сближению поколений. Тут много уже сейчас реализуемых замыслов издательского центра «Москвоведение»; организовали и Научный центр краеведения и москвоведения на базе Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

— *Сейчас много говорят о Красной площади, Мавзолее, могилах у Кремлевской стены.*

— Мавзолей за долгие годы не только для нас, но и для мира стал одним из символов Красной площади. Моя точка зрения, что Щусев нашел не только архитектурное, но и цветное решение Мавзолея, которое не нарушает величия Красной площади. Ее архитектурный ансамбль эклектичен. Там исторический Кремль XV–XVI вв. с надстроенными башнями, там храм XVI в., там здания XIX в. — Исторический музей и ГУМ, и вполне закономерно появление и памятника XX в., отвечающего эстетическим представлениям своего времени не только у нас, но и за рубежом.

Поэтому считаю, что Мавзолей, безусловно, должен остаться как выдающееся произведение архитектурного авангарда. Что же касается захоронений, то, наверное, стоит вспомнить мысль о перезахоронении в Пантеоне, на Воробьевых горах — это было бы разумно. Площадь не должна быть местом, где лежат покойники.

А насчет уничтожения Мавзолея — мысль чудовищная. Возвращает к временам разрушения храмов в зловещие годы «великого перелома». Неужели ничему не научились?

— *Не раз говорилось о том, что Москва катастрофически теряет свой облик, нарушается силуэт города. Насколько эти разговоры справедливы и какой вы мечтали бы увидеть Москву в 2047 г., в следующий юбилей?*

— Боюсь, что моя мечта покажется маниловщиной. Дело в том, что преступление против Москвы было совершено строительством некоторых высоченных и в архитектурном плане неинтересных новых зданий в центре. Надобности в этом не было — министерства и офисы не должны быть обязательно высотками. Теперь и с Воробьевых гор, и с Москвы-реки мы видим искаженный силуэт Москвы. Вот если у мэрии когда-нибудь найдутся средства, чтобы снести уродливые гиганты на Новом Арбате — это будет лучшим подарком к 900-летию столицы. Кстати, уже, кажется, решено снести бездарное здание — гостиницу на Тверской, превратив-

шую вместе с комплексом гостиницы «Россия» великую Красную площадь в нечто подобное двору-колодцу (я об этом писал еще лет тридцать назад). И начало главной улицы столицы обретет, наконец, достойный облик. Плюс — восстановление отдельных исторически важных зданий, как церковь Николы Явленного, о которой я уже говорил. К сожалению, мы не можем говорить о восстановлении Красных ворот или Сухаревой башни на прежних местах — они будут мешать движению, но, например, церковь Успения на Покровке, на мой взгляд, должна быть восстановлена. Такая политика позволит восстановить силуэт города — не азиатского и не европейского, а русского города. Словом, Москва находится в пути, и я уважаю руководителей города за энергию и верное служение Москве. Но Москва должна беречь свое своеобразие — и внешнего образа и деловой терминологии, во всяком случае в общении между россиянами. Мало нам «мэра» вместо «городского головы», так появились еще «префекты», «субпрефекты». А вывески, реклама!? Смешение американского с московским не лучше, чем давно осмеянное «французского с нижегородским». Что уж говорить о таких шедеврах московской лингвистики, как «маленький супермаркет»?

— *Возможно, 850-летие является «промежуточным» праздником, наметившим пути возрождения исторического облика города?*

— Возможно. Я очень признателен, что в непростой обстановке эта годовщина отмечается — нельзя людей лишать праздника, нельзя людей лишать ощущения того, что Москва достойна праздника. И радуется то, что во внешнем облике останутся надолго зримые напоминания о юбилейном годе, что возникает многое, облегчающее быт. Москва хорошеет на глазах. Новые здания стали строить со вкусом, с учетом того, как выглядят старшие по возрасту соседи. Запущенные дома обретают эффектный вид. Если бы удалось вернуть Москве и стены красного кирпича, некогда замазанные чьим-то властным распоряжением грязной краской! Как хорошо смотрелись они в снежные дни! Но обидно, если сам праздник сосредоточится преимущественно на эффектных театрализованных мероприятиях 5–7 сентября и после торжественного закрытия праздника в Лужниках туда возвратится супербарахолка. До конца года следовало бы проводить в музеях, библиотеках, клубах, вузах, школах, даже в интернатах и детских садах, более интимные (просветительские, игровые, развлекательные) мероприятия — 1997 г. должен быть годом Москвы и ее истории, а не неделей Московского празднества!

— *Когда-то, после первого пребывания в Москве, Александр Блок вернулся в Санкт-Петербург, как писал один из его современников, «настоящим москвичом». И вот сегодня — в год 850-летия Москвы — кто, на ваш взгляд, может считаться москвичом, которого, скажем так, не забудут в год следующего юбилея?*

— Во-первых, положение нашего города не позволяло говорить о людях, не имеющих достаточной славы. В каждом городе были и есть любимые врач, учитель, портниха, спортсмен, конечно, краевед, которых в масштабах города все любили, все знали, — а в Москве должно было быть что-нибудь немислимо большее.

А во-вторых, конечно, представления меняются. Недавно мы пережили тяжелую утрату — смерть Булата Окуджавы, человека, во многом воплотившего наши представления о недавней и ныне уже уходящей Москве. Булат — безусловно житель Москвы, житель Арбата, но при этом надо помнить, что родители его приеха-

ли в столицу взрослыми — т.е. у него не было корневых московских традиций, но он почувствовал дух Арбата, воспитался им и стремился воспитать «арбатством» других, одарил мир «Арбатом». И писатель Борис Зайцев приехал в Москву в начале столетия из Калуги уже юношей, окончившим школьное учение. Но проникся духом Москвы, полюбил наш «Арбат» — как средоточие «дворянско-интеллигентско-литературной жизни», проникся образом московской жизни, женился на москвичке, воспроизвел московскую жизнь в своих сочинениях. Недавно мне приходилось отвечать на подобный вопрос в телевизионной программе, причем быстро, — кого я считаю истинными москвичами. Я начал с Наташи Ростовской, хоть и с литературной героини, но истинной москвички, а кончил как раз Зайцевым и Окуджавой, которым Москва дорога как город, много давший их творчеству, обогативший их жизненными впечатлениями, друзьями.

— *Сигурд Оттович, в древней столице русские государи венчались на царство. Москва была теснейшим образом связана с самой идеей монархии, патриархальности, старого дворянского быта. Как вы сегодня, в конце XX в., относитесь к возрождению в России монархии, к тому, что возникают дворянские собрания и общества, поможет ли это нравственному возрождению страны и Москвы?*

— Тут две стороны. С одной, многовековая традиция единовластия, к которому привыкли россияне, освящалась идеологией. Страна это не изжила. Но в том виде, в каком существовала монархия, она имела массу условностей, правил, институтов, которые во всем мире сейчас практически отмерли. В странах, где монархия не уничтожалась, эти правила сохранились, не играя большой роли. Но у нас, поскольку монархия прекратила свое существование, вернуться к этому было бы довольно странно, потому что искусственно эту идею внедрить нельзя — идея должна обрести жизнь в массовом сознании. Россия — не Испания. Это многонациональная и «многоверная» огромная страна, части народа которой царь был чужд. А если говорить о так называемых претендентах на престол, то у оставшихся в живых потомков династии Романовых отнюдь нет единства взглядов в этом вопросе, и мальчик Георгий вряд ли имеет правовые основания для таких притязаний. Как я понимаю, этот вопрос закрыт, да он и не актуален в принципе для России. Николай II, законный русский царь, нарушив все положения и каноны, отрекся от престола. История России изменилась, и Романовы остались частью этой истории, ее прошлым. Царской семьи нет уже многие десятилетия. Поэтому серьезные политики и ученые вопрос о монархии не обсуждают.

Другое дело — дворянские институты и отдельные заинтересованные личности. Дворянские собрания мне понятны, но в конце XX в. не может быть объединения лишь по генеалогическому признаку, да к тому же прежде незнакомых лиц, — нужно сближение в социокультурном плане. Увы, в современной среде называющих себя дворянами проявляются, по существу, пробольшевицкие тенденции. Так, в журнале «Дворянское собрание» перепечатали с моего согласия мою статью об общественном сознании российского дворянства — это текст доклада на международной конференции в Париже в 1991 г., напечатанный во французском издании. Вероятно, необходимы были сокращения, и, не спросив меня, убрали все, что напоминало о негативных моментах в истории дворян-крепостников, вызывавших действенный протест в среде самой же дворянской интеллигенции, привед-

ших к жертвенному подвигу аристократов-декабристов, убрали как не совпадающее с мнением редакции.

— *Не являются ли многие этапные сооружения в Москве последних лет неким внесением в архитектуру города имперского сознания: Манежная площадь, Церетелевский памятник у Стрелки, даже восстановление храма Христа Спасителя?*

— Относительно храма — он, конечно, должен был быть в центре русского и мирового православия. Храм, в котором происходят главные богослужения. Я сторонник этого и потому, что перенос богослужений из кремлевских храмов позволит сохранить уникальные произведения древнерусской культуры, которые неизбежно страдают. Церковная служба современного масштаба немыслима в Успенском соборе Кремля.

Однако новодел остается новоделом — все, наверное, можно было сделать гораздо скромнее и дешевле.

Что касается Церетели — у меня неоднозначная позиция. Петр, на мой взгляд, хотя явно великоват, но, пожалуй, украшает место, которое обезображено строениями двадцатого века.

— *По-моему, он просто уничтожил один из самых романтических видов в Москве и начисто нарушил силуэт центра столицы. А уж сам памятник...*

— Нет, Петр тут неплох. Но меня раздражает игровой «зоопарк» возле места поминовения в Александровском саду. Это место встречи с подвигом, встречи с усопшими, и нужно приучать всех, что такое место требует покоя и душевной тишины. А когда рядом фигуры зверюшек и Вечный огонь — это отсутствие нравственной культуры и вкуса.

И я считаю — не то что к 900-летию Москвы, но к началу следующего тысячелетия — это безобразие должно быть убрано! Это — не произведение искусства. Там, где гуляние, — не место могилам. А там, где место памяти, — не место гуляниям и веселью.

— *Так как же вы оцениваете возрождение дворянских институтов — хорошо это или плохо?*

— Исключительно как самодеятельность. Я считаю это неестественным. Нужно возрождать те традиции, которые характерны для дворянской чести, — а объединяться могут люди разных наследственных сословий. Есть некоторые весьма известные роды России: Голицыны, Трубецкие, Васильчиковы, Шереметевы и ряд других, но они самодостаточны — им не нужно объединяться в собрания. Все более становится известной благотворная роль в истории нашей культуры Голицыных — ученых, художников, издана замечательная книга «Записки уцелевшего», выходят книги сочинений Трубецких и о Трубецких, воспоминания Сергея Дмитриевича Шереметева и труды конференций о Шереметевых, Воронцовых, интереснейшей конференции в Рыбинске о графах Мусиных-Пушкиных, не говоря уже о Толстых, Пушкиных... Дух аристократии нельзя создать искусственно.

— *Москва существовала как дворянско-патриархальная столица России. Петербург олицетворял дворянско-деловую столицу Империи. А вот во время недавнего визита в Санкт-Петербург Президент России высказал идею культурной столицы страны, которой, по его мнению, может стать Северная Пальмира. Что это — политический ход или реальная оценка вклада города в культуру?*

— Мне эта идея кажется серьезной и продуманной. Я еще помню время, когда Петроград–Ленинград воспринимался как более высокое культурное начало, чем Москва. Там была Академия наук со всеми ее атрибутами. Там жили многочисленные писатели, деятели культуры, вообще духовная аристократия. Петербургские традиции сегодня остаются не всегда востребованными — а это великие традиции культуры. Географическая разделенность культуры — хорошая тенденция.

Например, Дмитрий Сергеевич Лихачев — житель Петербурга, но это не мешает ему с уважением относиться и к провинциальной, и к московской культурам. Считаю, что дальнейшее развитие Москвы как деловой столицы будет вести к снижению ее «уютности», упадку стиля московской жизни, к которому мы привыкли. Этого уюта, который передается от человека к человеку, от рукопожатия к рукопожатию, уже не будет.

Меня раздражает «тусовочная» жизнь Москвы — в Петербурге сегодня больше времени остается с самим собой. Чтобы творить — нужно быть наедине с самим собой, в Москве это просто трудно осуществить. Я буду рад, если корневая петербургская культура даст такой плод. И может быть, это будет подгонять москвичей в другую сторону — не за материальными ценностями сегодняшнего дня. Но мне будет обидно. Ведь я же москвич.

— *Петербург считался городом дворцов, Москва — городом усадеб. Действительно, особую прелесть Москве придавали некогда усадебные сады с сиренью, многочисленные парки, бульвары и скверы. Не кажется ли вам, что Москва катастрофически теряет свое «зеленое ожерелье»? И дышать в ней становится труднее, и посидеть почти негде.*

— Это одна из самых больших бед Москвы. Хорошее дерево растет несколько десятилетий, погубить его можно за год. Посмотрите на яблони на проспекте Вернадского перед метро «Университет». Это же преступление. А погибшие липы на Большой Дорогомиловской и т.д., и т.д. А во что превратили сквер у Большого театра! Там не хватало только искусственного, нейлонового плюща. С убийством зеленых насаждений в Москве уничтожается ее сердце. Современный город — это и зеленые набережные, и скверы с тенистыми деревьями, и маленькие зеленые дворики, где можно вздохнуть после мегаполисной круговерти. Вот чем надо заниматься московским властям, и не только к юбилею. Особая, мощная, квалифицированная служба, с любовью относящаяся к этому сверхважному для Москвы делу, сейчас совершенно необходима. Здесь я должен сказать, что то, что в течение 8 лет редакция журнала «Наше наследие» восстанавливала на месте бывшей свалки и восстановила у дома редакции типичный «московский дворик», с цветами, кустами, деревьями и газонами, — добрый пример действенного отношения к городу, его истории, его духу.

— *Сигурд Оттович, может быть, мы сейчас как раз коснемся нового предмета — москвоведения, который, как я понимаю, и должен воспитывать вкус и нравственную культуру у юных москвичей. Скажите, это — очередная мода к юбилею или это образование будет продолжаться и потом?*

— Думаю — не мода. Сильно возрос в последние годы интерес к краеведению. Это — отражение и все возрастающего во всем мире интереса к изучению не только знаменательных явлений истории — событий и лиц, но и повседневности, ми-

кроистории, прошлого своей семьи, родственных связей. И в этом плане в России замечательные традиции, восходящие к «золотому десятилетию» нашего краеведения, к 1920-м гг. Это отвечает и современному интересу к взаимосвязям общества и природы, к экологии.

Должно выработать какой-то минимум москвоведческих знаний, который доступен всем. Мне даже кажется, нужны маленькие музеи в любом интересном или на первый взгляд неинтересном микрорайоне. Скажем, нужен музей Арбата. Подобный тому, что существует благодаря энтузиастам на проспекте Мира. Он стал бы средоточием памяти об истории культуры Арбата и Приарбатья. Там могла бы быть и постоянная экспозиция — и об арбатцах, и об «Арбате» в литературе и искусстве (тем более что не забылся опыт подготовки выставок к юбилею Арбата нашими музеями). И комната или стена с акварелями и рисунками гениального арбатского мальчика Коли Дмитриева, погибшего в 1948 г.

И такие очаги культуры и исторической памяти (разномасштабные, естественно) должны быть в каждом ареале большой Москвы. Необходимо выработать систему экскурсий — особо для местных жителей и для приезжих. Подготовить литературу о местных достопамятностях. Я очень рад, что наконец добился — при многолетнем равнодушии московских отделений и Общества охраны памятников, и Фонда культуры, — благодаря поддержке А.И. Музыкантского, установки на Арбате щитов с указанием ближайших музеев. Нужно приучать и приезжих и самих москвичей — причем с самых юных лет — к мысли, что Москва — город великих историко-культурных традиций, и воспитывать потребность приобщения к ним. Словом, нам предстоит работа, результаты которой начнут сказываться лишь в третьем тысячелетии.

— *Вы с оптимизмом относитесь к этой задаче?*

— С оптимизмом, потому что у человека есть потребность знать, что его окружает. Хочется надеяться, что через пятьдесят лет, в год 900-летнего юбилея столицы знание Москвы станет характерной чертой любого культурного москвича — от мала до велика.

МОСКВОВЕД О МОСКВОВЕДЕНИИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

— *Сигурд Оттович, вы — человек, в большой степени причастный к изучению москвоведения. Дайте в этой связи оценку предстоящему празднованию 850-летия Москвы. Расскажите о москвоведческих изданиях, выпуск которых приурочен к этому событию.*

— Юбилей Москвы — событие большого значения, государственно-политического и культурного, важное и для москвичей, и для живущих не в Москве. То, что делается в преддверии юбилея, во многом предопределяет не только внешний

облик Москвы, но и события общественно-политической жизни и, возможно, не только оставшихся лет нашего столетия.

Понятно, что существенно обогащается и москвоведение. Можно полагать, что в целом многообразную литературу о прошлом и настоящем Москвы, подготовленную к юбилею, станут позднее оценивать как значительную веху в развитии москвоведения. Одной из первых книг, если не первой, в которой на авантитуле напечатали «850-летию Москвы посвящается...», было издание биографических очерков «Краеведы Москвы. Выпуск первый». Книга вышла в издательстве «Московский рабочий» еще в 1991 г. с предисловиями Л.В. Ивановой и моим. Накануне юбилея указанием на то, что издания осуществлены к 850-летию Москвы, отмечены книги Издательской программы Правительства Москвы.

Среди названий этой программы — встреченный с признательностью москвоведцами, необходимый на долгие годы книжный путеводитель «Москва. Библиографический указатель. Книги 1900–1994 гг.», подготовленный Российской книжной палатой. Выходит и библиографическая энциклопедия «Москва вековечная», подготовленная В.М. Мешковым, автором путеводителя по книгам о Москве «Открытие Москвы» (1992).

Перепечатывается, правда, не всегда с должным отбором, и ранее изданное, и главное — появляются новые книги. Я, конечно, знаком не со всеми изданиями о Москве, ибо нет ни единого плана издания (что естественно при обилии издательств и их самостоятельности), ни сосредоточения в едином центре всего изданного. Не являюсь и членом Издательской программы Правительства Москвы. Но, как член художественного совета при Правительстве Москвы по подготовке празднования 850-летия города (где, кажется, я единственный ученый-гуманитарий), убеждаюсь, как трудно «выбить» сравнительно малые средства на издания, которые, кстати, надолго останутся как память о юбилее, и как намного бóльшие средства выделяются на внешне эффектные кратковременные праздничные акции. К культуре у нас, увы, относят прежде всего искусство, в какой-то мере художественную литературу, и только работников этой сферы величают творческой интеллигенцией, а не деятелей науки и просвещения. Об этом можно судить и по составу членов высших организационных структур.

И тем не менее книг о Москве выходит больше, чем в недавние годы.

— *Сигурд Оттович, если можно, расскажите более подробно о самых интересных, на ваш взгляд, новинках.*

— Отрадно, что значительное внимание уделено изданиям, привлекательным для широкого чтения и в то же время могущим быть использованными при занятиях москвоведением, которое стало учебным предметом. Потрудились разные издательства, в том числе и те, которые непосредственно не связаны с ведомством просвещения. Особенно много сделано усилиями Мосгорархива: изданы учебные хрестоматии, книги «От губернатора до мэра», о Великой Отечественной войне, об усадьбах недавнего ближнего Подмосковья, ныне находящегося на территории Юго-Западного округа, — «Усадебное ожерелье юго-запада Москвы» (редактор-составитель книги председатель Общества изучения русской усадьбы Л.В. Иванова). Напечатаны справочные издания о москвоведах, материалы конференции о московском некрополе. Подготовлен первый выпуск историко-краеведческого

альманаха «Московский архив». Его главный редактор — председатель Московского краеведческого общества В.Ф. Козлов. Надеюсь, что это издание станет продолжающимся.

Большая программа у АО «Московские учебники». Там недавно был создан издательский центр «Москвоведение», ведется не только работа по подготовке учебных пособий, изданы хорошо иллюстрированные книги: «Москва — 850 лет», в которой градостроительная тематика тесно связана с рассмотрением явлений гражданской истории и культуры, и книга о Северном административном округе, преимущественно историко-архитектурного уклона.

Учебная направленность присутствует и в книгах частных издательств. Так, в «Издательстве Брандес» вышли «Популярное москвоведение» (до эпохи Петра I) и пособие «Северо-восток столицы». Продолжается выпуск многотомных изданий, хотя из-за недостатка средств значительно более медленными темпами, чем предполагалось. Это «Памятники архитектуры Москвы», «Москва православная». Названные издания — из программы «Библиотека “История Москвы с древнейших времен до наших дней”». Наконец, появились издания и историко-архитектурного и справочного характера: «Архитектурные прогулки по Москве» И. Бусевой-Давыдовой и М. Нащокиной; «Москва 1890–1991» — путеводитель по современной архитектуре, составленный итальянкой Алессандрой Латур. Журнал «Наше наследие», помимо двух специальных номеров (№ 35/36 и № 43/44), издает «Московский альбом» — сборник воспоминаний о Москве и москвичах.

Истории имен московских улиц, их переименований, борьбе за возвращение прежних названий посвящена книга Ю.К. Ефремова «Московских улиц имена». Вышло в свет издание Г. Вдовина «Образ Москвы. Человек и город XVIII века». О москвоведении XVIII в. труд С.С. Илизарова. Книгой В.Б. Муравьева «Тверской бульвар» начата малая серия «Памятники Отечества». Вышли в свет очерки москвоведов Л.Е. Колодного «Хождение в Москву», «Московские были» Н.М. Молевой. Авторы — искусствоведы, языковеды, географы, историки... чуть ли не каждый день знакомят читателей с новыми изданиями.

— *Мы говорим о книгах, но ведь немало интересного, нового можно встретить и в прессе, пишущей о Москве.*

— Да, книгами часто ограничиваются составители сводных библиографий. Между тем развитие научной мысли, как правило, в большей мере обнаруживается в журнальных материалах — в статьях и заметках, документальных публикациях, откликах на новые издания. Очевидно, что для плодотворного развития москвоведения необходимо готовить и сводную библиографию статейных материалов с именными и тематическими указателями. А сколько заслуживающего внимания в газетных материалах! Традиционно привлекательны для читателей, в том числе историков, публикации «Вечерней Москвы», особенно когда появляются специальные подборки в «Градских вестях». Интересно и то, что печатают в «Вечернем клубе», в «Московской правде». Приятно, что подобные материалы стали публиковаться в такой газете, как «Первое сентября». Учитывая научное значение подобных публикаций, мы заказали краткий обзор напечатанного в «Градских вестях» для такого солидного академического издания, как «Археографический ежегодник», для тома, посвященного юбилею Москвы.

— Так что можно говорить о существенных достижениях в области литературы московедческого плана...

— Пока не поторопиться бы с такими выводами. Количество не всегда переходит в качество. Изданий немало, но огорчает то, что преобладают тома подарочного типа, труднодоступные по цене. А где книги для семейного чтения, книги карманного формата для чтения в пути, для домашнего чтения школьникам? Прекратилось издание серий «Биография московского дома», «Биография московского памятника». У многих издательств просветительско-воспитательные задачи едва ли не на последнем месте. Пока что нет массовых изданий об отдельных регионах Москвы, с занимательными рассказами о московской жизни, с жизнеописаниями москвичей, равно интересных читателям всех возрастов.

Приходится сожалеть и о том, что в некоторых, в целом полезных изданиях иногда обнаруживается поспешность при их подготовке — неполнота информации или ошибки. Например, в поразившем всех библиографическом указателе книг о Москве за 1900–1994 гг. в предисловии отмечено, что в книгу включаются все издания, относящиеся к Москве в целом и характеризующие ее в культурном, научном, историческом, географическом и других отношениях. Между тем в некоторых разделах легко обнаружить пропуски. Литература к юбилею 1997 г. побуждает думать о новом издании с учетом и новейших книг. Хочется думать, что третье тысячелетие мы встретим действительно полным справочником.

Прекрасное впечатление производит богато иллюстрированный, снабженный ценными картами, справочными данными, живо написанный, напечатанный на двух — русском и английском — языках путеводитель по историческому центру Москвы — «Москва великая», подготовленный, видимо, газетой «Московский комсомолец». Это — гид, отвечающий лучшим зарубежным стандартам. Если бы... если бы не фактические ошибки: русские войска взяли под командованием Чернышева Берлин не в 1762-м, а в 1760 г.; памятник Пушкину открыли не в 1881-м, а в 1880 г.; Пушкин не мог подарить актрисе Семеновой «Бориса Годунова» за год до выхода книги — он сделал это не в 1830-м, а в 1831 г., и Екатерина Семенова, конечно, не была неграмотной, а просто первоначально недостаточно образованной, потому-то писатели и растолковывали ей роли; Немирович-Данченко не играл на сцене Художественного театра, а был его режиссером; а знаменитого театрального и художественного деятеля, создателя объединения «Мир искусства» Дягилева звали Сергеем, а не Александром.

Или вот из написанной видным историком для серии «История для детей» книги издательства «Просвещение» «Наша древняя Москва» мы узнаем, что «в год нашествия Наполеона у врача Мариинской больницы появился на свет мальчик, названный Федором. В дальнейшем — это Федор Михайлович Достоевский, творчество которого составило славу России». На самом же деле в год нашествия Наполеона родился Герцен и рассказал об этом в «Былом и думах», а Достоевский родился в 1821 г. — смещены и цифры, и ассоциации.

Убежден, что и после юбилейных торжеств останется живой интерес к прошлому и настоящему Москвы, и в книги, выдержавшие проверку временем, можно будет внести дополнения и исправления.

— *Вы назвали в нашей беседе «Археографический ежегодник». Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом издании и его выпуске, посвященном юбилею Москвы.*

— «Археографический ежегодник» — орган Археографической комиссии Российской академии наук, организованной, или, точнее сказать, воссозданной по почину академика М.Н. Тихомирова в 1956 г., когда он стал ее председателем. Получен грант на издание книги-указателя к ежегоднику и другим изданиям комиссии за сорок лет ее существования. В ежегодниках — четыре раздела: «Статьи и сообщения», «Обзоры, описания, библиография», «Публикации», «Хроника». С 1968 г. появился и раздел «Тихомировские чтения».

Ежегодник за 1997 год целиком посвящен московской тематике. Его издание — результат поддержки Правительства Москвы, финансовой помощи руководства «Мост-Банка» и энергии руководителей и сотрудников издательства «Наука». Объем ежегодника превышает обычный почти в два раза — более 60 печатных листов. Среди авторов — их около семидесяти — такие известные историки, как С.М. Каштанов, Ю.А. Поляков, а также молодые ученые, студенты. Авторы не только московские. Мы им признательны, ведь наше издание хоть и престижное, но безгонорарное. В ежегоднике — особые разделы о московских юбилеях меньшего масштаба: 125-летию Исторического музея и 200-летию архивов Москвы. Хронология статей и других публикаций начинается с XV в.: документы монастырских архивов и приказов, записки иностранцев, дневники, мемуары, дела учреждений XVII–XX вв. В сборнике материалы разнообразной тематики: чертежи московских земель XVII в. и дневники о метростроевцах 1930-х гг., документы о коронации Александра III и анкета участника Октябрьской революции, информация о Политическом Красном Кресте, возглавляемом Е.П. Пешковой, и о литературной жизни 1860-х гг., а также публикация авторского оглавления дневника почтмейстера 2-й четверти XIX в. А.Я. Булгакова о политической, придворной, литературной жизни обеих столиц. Особенно много публикаций по истории москвоведения — об архивах и трудах историков И.Е. Забелина, П.Н. Миллера, Б.С. Земенкова, конечно же, М.Н. Тихомирова. Помещены отклики на новейшие издания московской тематики.

— *А в какие еще издания, подготовленные к 850-летию столицы, вы, уроженец и историк Москвы, вложили свои силы как редактор и организатор, автор?*

— Прежде всего назову дорогое для меня издание. Это альманах «Арбатский архив». Он был задуман еще в период подготовки к празднованию 500-летия Арбата — в 1993 г. К сожалению, тогда для этого не хватило средств. Сегодня при непосредственном участии руководителя территориального управления «Арбат» В.И. Голованова и главного редактора газеты «Тверская, 13» М.А. Полятыкина дело стало на практические рельсы. Но внесено много изменений, добавлено немало нового... Увы! некоторые авторы не дожили до сдачи в производство нашего сборника. Среди них и Булат Шалвович Окуджава, горячо поддерживающий идею издания, давший согласие стать членом редколлегии, передавший для публикации цикл «арбатских» стихотворений и интервью разных лет. В последнем нашем разговоре, за день до отъезда за рубеж, он согласился на перепечатку в альманахе своего последнего интервью из апрельского номера газеты «На Арбате».

Сюжеты материалов сборника разнообразные, но обязательно «арбатские». При этом под Арбатом понимается и Приарбатье. Среди материалов сборника —

рассказ о судьбе храма Бориса и Глеба, с которым связано упоминание Арбата еще в 1493 г. В основном же читатели, прочитав сборник, смогут ознакомиться с событиями периода XIX–XX столетий, явлениями истории общественной жизни и культуры. Воспроизведена и беседа с М.И. Рудомино о нефилологической библиотеке, из которой впоследствии выросла современная Библиотека иностранной литературы. В «Арбатском архиве» много материалов библиографического характера, хроники. Опубликованы редкие иллюстрации. Уже собрана значительная часть материалов для следующего сборника. Хочется верить, что издание покажется интересным не только коренным арбатцам и станет продолжающимся.

— *Сигурд Оттович, вы так подробно, «по-отчески» рассказали об «Арбатском архиве». А другие издания? Подробнее о них.*

— Другие издания с самого начала планировались как книги уже упоминавшейся мной «Библиотеки “История Москвы с древнейших времен до наших дней”», они подготовлены издательством «Книжный сад». Это третий выпуск биографических очерков (более двадцати из них с библиографическими данными) «Краеведы Москвы», книга академика М.Н. Тихомирова — великого знатока прошлого Москвы, классика москвоведения — «Средневековая Москва» (переиздание книги с таким же названием и статей по истории культуры), книга очерков о московских кладбищах А.Т. Саладина. Это рассказ о почивших и о надгробиях, сопровождаемый фотографиями памятников. Книга снабжена примечаниями молодого историка С.Ю. Шокарева, визуально обследовавшего все упомянутые в рукописи надгробия.

На эту же тему исследования М.Д. Артамонова, книга С.Е. Кипниса «Новодевичий мемориал».

Названные книги «Библиотеки», как и «Археографический ежегодник за 1997 год», также выходящий с эмблемой «Библиотеки», подготовлены, что называется, по зову души, без материального вознаграждения. А это, согласитесь, и есть одна из подлинных черт краеведения, которое, прежде всего, было во все времена краелюбием, и необходимое условие его развития как просветительского знания.

— *Вы много рассказывали об издании «Библиотека “История Москвы...”». А как она образовалась и каковы перспективы ее развития?*

— «Библиотека “История Москвы...”» была образована несколько лет назад. Председатель ее редакционного совета — мэр Москвы Ю.М. Лужков, заместители — первый вице-мэр В.И. Ресин, А.П. Брагинский, А.И. Музыкантский и я. В апреле 1996 г. состоялось заседание совета под председательством Ю.М. Лужкова, где я делал доклад о программе работы «Библиотеки». Выработана долгосрочная программа, по крайней мере до конца столетия. Хочу подчеркнуть, что это не юбилейная программа, ибо интерес к изучению прошлого Москвы не может ослабнуть.

Еще в 1995 г. были выпущены дорогостоящая книга «Московская старина», богато иллюстрированная, с приложением видеокассет, «Архитектурные памятники старой Москвы» и «Художественные сокровища музеев Москвы». Усилиями «Библиотеки» возобновилось многотомное издание «Памятники архитектуры Москвы». Издан том о Замоскворечье. Это и справочник, и историко-архитектурное исследование. Изданы первые тома 12-томника «Москва православная». И мы намерены завершить эти издания.

Но большинство книг, по тематике и по цене, рассчитаны на широкого читателя и на возможность использования их при преподавании московедения (научная, художественная литература, памятники истории, в частности мемуары, дневники Ю. Бахрушина, Ю. Нагибина). Уже издано 13 книг, планируются серийные издания художественной литературы о Москве, книг по ее истории, документальных, биографических. Альбомы, видеокассеты, издания для детей... Например, «Азбука московская». Это книга для детей и родителей типа энциклопедии, о дореволюционной Москве. Текст для дошкольников и младших школьников напечатан крупным шрифтом, а примечания и библиографические указатели — для взрослых, помогающих освоить азы московедения «почемучкам». Книга — урок и московедения, и знакомства с элементами энциклопедического справочника.

— *А как обстоят дела с изданием энциклопедии «Москва»? Вышедшее в 1980 г. устарело. Ведь вы — главный редактор.*

— Новое издание отличается от прежнего и объемом, и характером изложения. Даже в статьях исторической тематики направленность сугубо фактологическая. В статьях, посвященных отдельным лицам, — их московские адреса, места захоронения. Из-за материальных трудностей пока изготовлен только оригинал-макет. Очевидно, в будущем году книга выйдет в свет. Хорошо бы подготовить и второй том, уже сугубо справочного типа: со статьями обо всех без исключения названиях на карте Москвы, о большинстве учреждений и их руководителях и т.д. Такой том мог бы обновляться примерно каждое пятилетие.

— *Вы познакомились с нашим журналом. Каково ваше мнение о нем?*

— Познакомился все-таки недостаточно. Но радует то, что теперь, — когда книга, увы, уходит из обихода, ученые используют все в большей мере новые технологии, молодежь стала меньше читать, — вы воспитываете уважение к книге и поддерживаете представление о том, что пока прежде всего книга, печатное слово остаются главным фактором культуры. Вы нашли и приятную форму подачи материала — занимательную и в то же время богатую информацией, уделяете внимание определению места книги в эпоху компьютерного сознания, взаимосвязи и преемственности культур века прошлого и грядущего. И в то же время следуете доброй традиции совмещения в одном издании материала, привлекательного для любителей книги и профессионально-информативного. Мне это особенно приятно, ибо всю сознательную жизнь приобщаюсь к книге, имею большую библиотеку, горжусь ею, вообще из «книжных людей», чтение — и моя потребность, и моя любовь.

— *Спасибо, Сигурд Оттович, за беседу. Читатели «Книжного клуба» от всего сердца поздравляют вас с 75-летием и нашим общим праздником — 850-летием Москвы, к которому вы, как историк-московед, москвич, имеете самое близкое отношение.*

СИГУРД ШМИДТ: «НАЧНИТЕ С ИСТОРИИ СЕМЬИ»

Академик Российской академии образования, председатель Археографической комиссии Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, автор многих книг Сигурд Оттович Шмидт известен как крупный историк и педагог. Однако мы пригласили его в качестве гостя нашего журнала и даже не как педагога, а как коренного москвича, прожившего всю жизнь в Кривоарбатском переулке. И возможно, многие будут удивлены его воспоминаниями о школе 1930-х гг., что еще раз доказывает: историю нужно учить не только по учебникам.

— Сигурд Оттович, можно легко представить, какие люди окружали вас дома. Но интересно, в каких школах вы учились, ведь это было время, когда традиции дореволюционного образования, наверное, еще не были утеряны?

— Мне довелось учиться в двух школах, выросших из гимназий. Преподавательский состав последних, собственно, и составил костяк новых. Первой моей школой стала бывшая женская гимназия Хвостовой. Хвостовы — это семья, из которой вышло немало известных ученых-гуманитариев, а племянник Хвостовой, видный историк, академик Владимир Михайлович Хвостов, впоследствии даже стал президентом Академии педагогических наук.

Гимназия возникла незадолго до революции и еще не успела сделать свой первый выпуск. Ее преподаватели, которых подбирал сам Хвостов, были не просто хорошими, а выдающимися учителями, известными не только в педагогическом мире. Так, литературу преподавал тогда Иван Никанорович Розанов, прекрасный знаток русской поэзии и крупнейший коллекционер. После смерти вдова пожертвовала его бесценную библиотеку Музею А.С. Пушкина. Сам же Розанов в годы советской власти стал профессором литературы. В гимназии преподавали и видные историки, а врачом был Россолимо, именем которого впоследствии была названа улица в Москве.

Традиции гимназии смогли сохраниться и после того, как она стала школой. Именно ее описал в своих произведениях «Кортик» и «Дети Арбата» Анатолий Рыбаков, который сам учился в ней, правда, еще до меня, и даже возглавлял там учебный комитет. Здесь же ранее учился известный математик и механик, президент Академии наук СССР Мстислав Келдыш.

— Вторая школа была такая же сильная?

— Вторая еще до революции была уже очень знаменитой Флеровской мужской гимназией, которой в этом году исполняется 90 лет. Сейчас ее наследница — 110-я школа. Там учились многие известные впоследствии люди, а некоторые из них, как, например, генетик Николай Тимофеев-Ресовский, филолог Реформатский или актер Игорь Ильинский, оставили о ней воспоминания. Основателем гимназии был известный педагогический деятель Флеров, а директором — крупнейший географ и педагог Барков, который после образования Академии педагогических наук стал одним из ее академиков.

В середине 1920-х гг. директором, уже школы, стал Иван Кузьмич Новиков, не просто прирожденный педагог, но и великолепный организатор. Он, кстати, был первым педагогом-практиком, выбранным в члены-корреспонденты Академии педагогических наук. На посту директора Новиков проработал лет двадцать, и в эти годы школа, как говорится, гремела.

— *Но, наверное, состав учеников школы уже отличался от гимназического?*

— Не очень, он по-прежнему оставался в основном интеллигентским. Дело в том, что район Арбата изначально был местом, где располагались дворянские усадьбы. Со временем там стала селиться дипломированная интеллигенция: профессура университета, консерватории, врачи, юристы, служащие высокой квалификации. Так что к началу века Арбат был вполне сложившимся интеллигентским районом.

После революции население в целом осталось прежним. Но постепенно бывших хозяев квартир стали уплотнять, они подсадили себе подобных; соседями по квартире становилась и бывшая домашняя прислуга, те, в свою очередь, стали вызывать из деревень родственников. Квартиры здесь стали получать люди разных профессий. Но поскольку ни заводов, ни фабрик рядом не было, то в составе арбатского населения по-прежнему преобладали служащие. А следовательно, учащиеся арбатских школ были их детьми.

Надо заметить, что почти все они, приходя в первый класс, как правило, умели читать и писать. А некоторых особо подготовленных, среди которых оказался и я, в первый же месяц учебы переводили во второй класс, чтобы они не мешали учиться остальным.

— *Вы сразу освоились в школе или были проблемы с адаптацией?*

— Я был довольно жизнелюбивым и подвижным мальчиком, но с хрупким здоровьем, а соответственно, и спортивными достижениями не отличался. Однако в то время еще ценилась голова, и поэтому я не только не был изгоем, но даже, так сказать, комиссарил в школе.

Однако в самом начале учения я попал в ситуацию, которая показала, какую огромную роль играет учитель в жизни ребенка. Однажды, где-то в классе втором, дома стали замечать, что я стал как-то особенно часто жаловаться на здоровье и по этой причине уклоняться от школы. Хотя моя мудрая няня, надо признать, сразу заприметила, что в ее отсутствие измеряемая температура всегда выше, чем в ее присутствии.

И вот как-то совершенно случайно мама заходит ко мне в школу и видит, как я необычно пришибленный спускаюсь по лестнице. Она обратилась к моей учительнице, которая почему-то называла себя не Анфиса Ивановна, а Антафиса Ивановна. И вдруг слышит, как та говорит: «Становьтесь рядом». Услышав такую русскую речь и сразу сообразив, с кем имеет дело, мама, сославшись на мои больные почки, попросила перевести меня в вечернюю смену, у нас тогда в школе было две смены.

Так я попал к пожилой, опытной учительнице в чеховском пенсне. После этого «болезни» мои прекратились. А с классом, в отличие от прошлого, где меня дразнила учительница «два гуляет, два больной, а на пятый выходной», у меня установились нормальные дружеские отношения.

— Значит, неприятных воспоминаний об этой школе в конечном счете все-таки не осталось?

— Нет, там были очень хорошие учителя, многих из которых я помню до сих пор. А главное, там была прекрасная атмосфера, создаваемая не только ими, но и самими ребятами, которые не просто дружили, их сплачивали общие интересы. Мы вместе работали над постановкой «Горе от ума», готовились к юбилею Чехова.

— Вы сказали, что часто болели в детстве. Наверное, по этой причине приходилось часто пропускать школу?

— Болел я действительно часто, но это время не проходило для меня бесполезно, потому что именно тогда я много читал. И, как оказалось, многое из прочитанного тогда прочно осело в моей голове. Вы знаете, человек очень много усваивает бессознательно. Однако все это остается в памяти, и когда приходит возраст осмысления, то оказывается, что те давние знания никуда не пропадают и в нужный момент приходят, как бы «выходят наружу». Но, конечно, не обходится и без мусора, который, впрочем, тоже может иногда пригодиться.

В этой связи могу вспомнить случай, приключившийся со мной лет тридцать назад. В 1965 г. меня пригласили во Францию прочитать лекции по русской истории. Так я в первый раз оказался в Париже. И вот мы медленно едем по центру города, и я читаю по-французски названия улиц. А надо заметить, в Париже улицы обычно образуют своего рода кусты: астрономический, когда улицы носят имена, скажем, Галилея, Кеплера, Коперника, или куст с именами наполеоновских генералов. И вдруг я стал называть даты жизни и смерти этих генералов. Сопровождающие нас французы были немало поражены такими познаниями специалиста по русской истории. А на самом деле русский профессор ничего, кроме дат жизни и смерти этих генералов, и не знал.

— Бессознательные знания?

— Спавшие 30 с лишним лет. Дело в том, что, когда мне было 10 лет, я, будучи больным, почти всю зиму провел дома. В это время я много читал, в том числе и знаменитый французский словарь Petit Larousse. При этом французского я не знал, знал латинский алфавит. А поэтому выбирал для чтения статьи, которые сопровождались портретами. Из самих статей об исторических лицах я извлекал в основном даты жизни и смерти героев и в лучшем случае дату какой-либо их победы. И вот по прошествии стольких лет эти случайные знания всплыли у меня в памяти. И я удивил французов «эрудицией». Это, кстати, показывает, как легко можно поразить других, совершенно не обладая серьезными знаниями.

— А на учебу такие домашние отсидки не влияли?

— Вообще-то я учился довольно хорошо. Помню, в 1930-х гг. был обычай: раз в год в Парке культуры имени Горького нарком просвещения Бубнов в присутствии всей педагогической общественности вручал одному лучшему ученику от каждой школы премию и соответствующий возрасту подарок. При этом каждый район имел свои знаки отличия. У нашего, Хамовнического, например, был сатиновый берет сиреневого цвета.

Так вот, в 1934 г., когда я учился в пятом классе, меня выдвинули в качестве этого лучшего ученика от нашей школы. Среди награжденных в том году, кстати, оказалось всего два пятиклассника, остальные ребята были значительно старше. Есте-

ственно, что в школе, где я учился, было несколько десятков отличников, и я не думаю, что в то время я выделялся чем-то особенным. Но 1934 г. был годом челюскинской эпопеи и славы начальника экспедиции. Все говорили о «лагере Шмидта» и, видимо, решили, что было бы кстати, чтобы отмечен был и его сын. До сих пор помню фотографию, кажется, в «Вечерней Москве», на которой была запечатлена моя радостная физиономия в берете и с подарком в руках.

— *А были случаи, когда Отто Юльевич пользовался своим положением, для того чтобы помочь вам в школе?*

— Всего один раз. И это была своеобразная помощь. В шестом классе мама заметила, что, несмотря на то что формально я числюсь отличником, домашними заданиями себя не утруждаю. Хотя такими феноменальными способностями, чтобы усваивать все на уроке, я не обладал, да к тому же часто болел и пропускал занятия. И вот она услышала, что есть такая 10-я школа, сейчас она 110-я, где, по ее сведениям, не только хорошие учителя, но и очень жесткие требования к ученикам. Школа эта находилась у Никитских ворот и относилась к другому району, Краснопресненскому. А поэтому для перевода туда нужны были достаточные основания. И вот тогда единственный раз в моей жизни отец использовал свое служебное положение, и я оказался в этой школе. Родителей не остановило даже то, что нужно было переходить через дорогу, а тогда по Арбату ходили не только автобусы, но и трамваи.

— *Мамины ожидания оправдались?*

— Вполне. В первой же четверти я получил тройки по математике и по физике, т.е. все стало на свои места и таким образом оправдались и опасения. Кстати, в этой школе, для того чтобы считаться отличником, недостаточно было сдать экзамен на «отлично», нужно было ровно учиться в течение всего года, иначе итоговой пятерки не получишь. И это тоже было очень правильно, потому что вырабатывало привычку к каждодневному труду.

— *И ученики там, соответственно, были посильнее?*

— Наверное, отчасти да. Неподалеку от нее находились дома, где жила профессора, так что костяк ее составляли дети творческой интеллигенции. Под этим я понимаю не столько писателей или деятелей искусств, но и в первую очередь ученых, которых считаю творцами в неменьшей степени. Там, кстати, учился Андрей Сахаров, что отмечено в воспоминаниях.

— *Вы были с ним знакомы?*

— Не помню, чтобы был лично знаком, но один год, кажется, мы с ним учились в параллельных классах. Кроме того, в этой школе учились некоторые дети тогдашней партийной и военной элиты: дочери Бухарина, Радека, Литвинова. Но достоинства ее определялись, конечно, не известными родителями учеников, а учителями, да и самими учениками. А среди них оказалось затем немало ученых: и физиков, и математиков, и гуманитариев, мастеров искусств, которые впоследствии составили гордость отечественной культуры.

— *Вы учились в печально знаменитые 1930-е гг., тем более в такой школе, это не могло пройти незамеченным?*

— Когда начались аресты, мы оказались в самом эпицентре событий. Это было заметно даже внешне. Дело в том, что в школе были великолепные широкие ко-

ридоры, где на специально отделанных деревом местах висели портреты тогдашних членов Политбюро и маршалов. Места эти периодически оказывались пустыми, и нужно было постоянно искать кандидатуры для замены, пока наконец кому-то в голову не пришла мудрая мысль повесить в коридоре портреты классиков русской литературы, начиная от Кантемира и Ломоносова и кончая Маяковским, который к тому времени уже был объявлен Сталиным лучшим поэтом, так что за его репутацию можно было быть спокойным.

— *Атмосфера в школе, наверное, была тяжелая?*

— Трудно поверить, но учителя не заставляли каяться «детей врагов», за хорошую учебу им даже давали грамоты. Поэтому в школе сохранялась атмосфера открытости, доверия. Стукачества почти не было. Мы тогда были еще недостаточно взрослыми, чтобы страх мог проникнуть в нас глубоко, и поэтому позволяли себе высказываться совсем не в русле тогдашних передовиц. У многих возникал вопрос: если следовать поговорке «лес рубят, щепки летят», то почему именно их родственники должны были стать этими щепками?

— *Это было как раз в то время, когда директором был Иван Кузьмич Новиков?*

— В том, что в школе в то время удавалось сохранять особую атмосферу уважения к традициям, к наследию прошлых поколений, была, конечно, в значительной мере его заслуга. Школа тогда носила имя великого норвежского путешественника и общественного деятеля Нансена, который в первые послереволюционные годы организовал помощь голодающим в нашей стране, за что и получил Нобелевскую премию мира. У нас в актовом зале, где проходили линейки, висел его огромный портрет в два человеческих роста. И даже это придавало школе какую-то особую атмосферу независимости от происходящего.

Сам Иван Кузьмич придумал так называемые урок-газеты, где учил нас рассуждать, не принимая все на веру безоговорочно, читать между строк, понимать эзопов язык. О школе тех лет Мариной Голдовской недавно создан документальный фильм «Дети Ивана Кузьмича».

— *Вы говорили, что в Новикове чудесным образом сочетались достоинства педагога и организатора.*

— Да, это не столь частое сочетание. Иван Кузьмич обладал и удивительной способностью находить для школы не только учителей, но и попечителей. Помню, у нас постоянно выступали известные артисты, поэты. А примерно два раза в год в Малом зале консерватории устраивались дневные концерты, средства от которых шли на школу, причем выступали в них ведущие актеры лучших театров.

— *Сигурд Оттович, а у вас был любимый школьный учитель?*

— Был, но не только мой, а, наверное, общешкольный. Я говорю, без преувеличения, о гениальном педагоге Иване Ивановиче Зеленцове. Это был человек довольно своеобразной внешности, коренастый, с венцом совершенно седых волос, в чеховском пенсне, с чуть рыжей бородкой, которая уже при нас перестала быть рыжей.

Мы его почти докончили нашей любовью. Нам все время хотелось с ним общаться, поэтому мы любили провожать его из школы. Но мне повезло больше других: он жил буквально напротив нашего переуллка, а я — единственный, кто

жил так далеко, ведь я ходил в школу не своего района, так что мы часто случайно встречались с ним и по дороге в школу.

Помню, когда он попал в больницу, то мы, по нашему неразумению, продолжали его преследовать и там. В больницу пускали, естественно, не многих, но у нас дома был халат. И мы, переодеваясь по очереди, иногда человек по пятнадцать посещали его за раз. Конечно, его это радовало, но в то же время и сильно повышало давление. Но сообразительностью мы не отличались, хотя и учились тогда уже в старших классах.

— *А какой предмет он преподавал?*

— Иван Иванович читал нам лекции по литературе три последних класса. Именно читал, потому что на уроках он практиковал лекционный метод. А начал Зеленцов свой курс с изучения «Слова о полку Игореве», отводя для этого несколько часов, что было тогда для школы необычным.

Памятны и беседы, вопросы, всегда шире программы, на стыке литературы, искусства, истории. У нас был культ Пушкина. Но Иван Иванович любил и понимал поэзию XX в., живопись импрессионистов. Практиковал сочинения на вольную тему, оценки ставил в зависимости от содержания, при грамматических ошибках — двойную оценку.

Когда я сам стал профессором, осознал, что немало воспринял из его методики: и преподавание в классе, и руководство литературным кружком, где собирались школьники разных годов обучения, иногда и окончившие школу.

— *Наверное, такая любовь учеников обуславливалась не только его прекрасным знанием предмета?*

— Конечно, Иван Иванович был не просто прекрасным учителем, но и прекрасным человеком, который помог многим своим ученикам. Я знаю, как он отставивал уже в послевоенные годы высокие оценки еврейским девочкам. Во время Отечественной войны известная журналистка Фрида Вигдорова написала для «Комсомольской правды» большую чудесную статью об Иване Ивановиче и тех письмах, которые он получал от фронтовиков. Кстати, это та самая Вигдорова, которая в 70-е вопреки всем запретам описала процесс над поэтом Иосифом Бродским. Сейчас по инициативе ученицы Ивана Ивановича с участием его учеников школы имени Нансена подготовлен сборник статей и воспоминаний «“Ты, солнце святое, гори!”»: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове». Руководитель АО «Московские учебники» обещал помощь в издании этой дорогой нам книги, полезной для нынешних учителей и учащихся.

— *Можно считать, что вам повезло с учителями.*

— А это очень важно, особенно в подростковом возрасте, когда начинается формирование личности. В это время, когда собственный опыт еще очень мал, культурный слой тонок, большое значение имеет личный пример старших товарищей, учителя. Как раз в этом возрасте легко складываются группы подростков, которые ищут себе лидера более сильного и опытного, а уж куда этот лидер может завести — всякое бывает. И счастье, когда в это время попадается учитель — личность, которого не просто боишься, а испытываешь на себе властное влияние его авторитета. Поэтому мне особенно ясно, какой вред, именно вред, может прине-

ти человек, выбравший профессию учителя без веских на то оснований — моральных, волевых, интеллектуальных.

— *К сожалению, хорошие профессионалы не часто идут в школу.*

— Нам в этом повезло. И Зеленцов, и Новиков с их интеллектом, широтой кругозора, умением быстро осваивать новое совершенно свободно могли бы стать профессорами в высшей школе. Ивану Кузьмичу не раз предлагали высокие посты чуть ли не в наркомате. Но, к счастью для нас, их воспитанников, они выбрали путь педагога.

Интересно, что в моем нынешнем дружеском круге общения со сверстниками и учениками по Историко-архивному институту многие по сей день вспоминают тех учителей, которые в свое время оказали решающее влияние на выбор ими профессии, жизненного пути.

— *А с бывшими своими одноклассниками вы поддерживаете отношения?*

— Сейчас, конечно, все реже, нас становится все меньше, и встречи — увы! — на панихидах. Но по-прежнему приходим 9 мая и особенно 22 июня к школьному памятнику. Вообще, наша школа была, кажется, первой, где закрепились традиции встречи выпускников. Встречались в последнюю субботу ноября или первую субботу декабря сначала в старой школе, а потом, когда здание передали консерватории, стали встречаться у кого-нибудь дома.

— *Вы преподаете в Российском государственном гуманитарном университете, бывшем Историко-архивном институте, около 50 лет. Но известно, что в сферу вашего внимания попадает и средняя школа. Например, сейчас вы возглавляете методический совет по москвоведению. Вам, наверное, не раз приходилось сталкиваться с нынешними учителями. На ваш взгляд, чем они отличаются от ваших учителей?*

— Думаю, что главная проблема современной средней школы в том, что многие нынешние педагоги пришли в школу на службу, а не на служение. А хорошо известно, что есть две сферы человеческой деятельности, где формальная служба категорически противопоказана, — это преподавание и медицина. В этих областях человеческой деятельности без души не обойтись. К сожалению, сейчас в школе много случайных людей.

— *Вы родились в 1922 г., через пять лет после революции. На 30-е гг. пришлись ваши школьные годы. Какое главное ощущение вы вынесли от тех лет?*

— Как бы ни относиться к тому периоду истории, на который пришлись мои детство и отрочество, но это было время очень скромного образа жизни. В центре Москвы практически все большие квартиры были уплотнены и преобразованы в коммунальные, при этом в них продолжали зачастую проживать прежние хозяева или их потомки. Считалось мещанством демонстрировать внешнее благополучие, впрочем, тогда об этом вообще мало думали.

Люди жили материально довольно бедно, но много читали, и книги тогда считались главной ценностью. Были идеалы, возможно, наивные, порой ложные, но светлые. И только с конца 40-х, в последние годы жизни Сталина, начались определенные изменения. Люди постепенно переставали стесняться и даже стали демонстрировать свое материальное благополучие.

— *Сегодня этот процесс дошел до своего логического конца, когда именно материальное благополучие стало мерилом всех достоинств человека.*

— Да, сейчас наступило какое-то безвременье, когда старые идеалы разрушились, а новые еще не родились. Главная сегодняшняя цель очень многих — быть благополучным: богаче других, известнее других, моднее других. И государство, сравнительно с прежним временем, менее ощутимо поддерживает просвещение, науку, культуру, и работа в этих сферах начинает казаться молодежи непрестижной. Это трагедия! Пытаемся приобщиться к общечеловеческим ценностям, войти в сообщество цивилизованных наций и при этом безжалостно теряем, забываем то хорошее, что имели. А ведь и для туристов, когда исчез интерес к нашей стране как к новому социокультурному эксперименту, привлекательными остаются прежде всего наши самобытные культурные традиции, памятники истории и культуры, вклад россиян в мировую культуру.

Раньше иностранцев всегда удивляло, как много у нас в метро читают, и не просто газеты, а книги. Но сейчас уже удивляться нечему: отгадывают кроссворды. А если книги, то чаще всего это дамские романы или детективы.

— *Когда выбор чтения был ограничен, читали больше.*

— Да, действительно, раньше многие пласты русской литературы были закрыты для нас. В первую очередь это замечательная литература российской эмиграции, которая сохранила чудесный русский язык. Но и здесь, в Союзе, у нас были созданы настоящие литературные шедевры, недоступные для нас. Помнится, что, будучи уже доктором наук, я впервые прочитал, пожалуй, лучшее произведение о Гражданской войне — роман Артема Веселого «Россия, кровью умытая», — написанное так называемым «врагом народа». Или был такой замечательный писатель Виктор Кин, чью повесть «По ту сторону» я считаю одним из лучших произведений нашей литературы. Отторгнуты мы были и от давней классики — от сочинений великого писателя и историка Карамзина, да и от Достоевского. К сожалению, мы не имели нынешних возможностей выбора, но у нас были любовь и интерес к литературе.

— *Зато сейчас, кажется, стал возрождаться интерес к собственной истории, причем не только на уровне государства, но и на уровне города, района. Одним словом, сейчас наблюдается всплеск интереса к краеведению. А поскольку оно входит в сферу ваших научных интересов — вы даже возглавляете Союз краеведов России, — то, наверное, у вас есть мнение о том, как преподавать москвоведение, предмет на сегодняшний день довольно модный в столичных школах?*

— Сразу скажу, что какой-то лучшей или главной программы пока нет. Каждый учитель может выбирать ту, которая больше отвечает его представлению о том, как надо изучать историю города, для этого и издается сборник нескольких программ.

Со своей стороны я бы порекомендовал учителям следующее. Во-первых, показывать значение Москвы не просто как большого города и даже столицы нашей страны, а как исторического центра российской государственности и культуры, где был основан первый российский университет, появилась первая национальная галерея, венчались цари... Даже в период с Петра до революции, когда столицей был Петербург, Москва не утратила своего значения, оставалась вдовой, но порфиросной, как определил Пушкин. Более того, на мой взгляд, дух состязательности, возможно, даже придал дополнительный импульс развитию нашей культуры.

Во-вторых, полагаю, что начинать изучение москвоведения, особенно с младшими школьниками, нужно со своего района — его природы, истории, названия улиц. Возьмите Кузнецкий мост, откуда у него такое название? В конце XV в. это была окраина Москвы, и располагались здесь кузнечные мастерские. А поскольку от города она отделялась рекой Неглинкой, то пожаров как бы особенно и не опасались. Сейчас моста нет (река в трубе), и это центр города. Не зная истории его торговли, трудно понять, откуда у него такое ремесленное название.

И своеобразная история есть у каждого московского района, его улиц. А поэтому те же Арбат и Черемушки, хоть и расположены в одном городе, имеют друг с другом мало общего. В Черемушках, например, еще недавно были усадьбы, и культурный слой, т.е. слой земли с останками, следами деятельности человека, там в 10–20 раз тоньше арбатского. Таких различий между районами очень много. А поэтому, прежде чем приступать к изучению истории города в целом, думаю, ребятам было бы полезнее и интереснее поближе узнать историю именно своего района.

— *В таком случае, в каких формах это лучше делать?*

— Здесь бы рекомендовал начать с каких-нибудь легких тем, например, истории своей улицы, дома, людей с интересной биографией или даже своей семьи. Последнее, кстати, означает для ребенка первое знакомство с семейной генеалогией. Эта такая историческая наука, которая в годы советской власти, когда многие хотели бы забыть о своих родственниках, сошла в нашей стране на нет. А ведь на рубеже веков она находилась у нас на мировом уровне. Она в основе «фамильной» истории, без которой не полна и «локальная» история.

Необходимо больше привлекать произведений художественной литературы, изобразительный материал. Очень важен в краеведении практический момент, например, ухаживание школьников за памятниками, кладбищами. Кстати, к юбилею Москвы выходит книга Саладина «Прогулки по московским кладбищам». Написана она была еще до революции для издательства Сабашниковых, и в ней сведения о всех известных тогда московских кладбищах.

— *А можно ли сказать, что москвоведение чем-то отличается или выделяется из краеведения в целом?*

— В принципе, нет. Возможно, вы удивитесь, но в провинции краеведением заниматься легче. Мне вообще кажется, что провинция сегодня живет более чистой, культурной жизнью. Там гордятся своими традициями, архитектурой, природой, стараются узнать об этом больше, сохранить. В Москве же сегодня преобладает тусовочная культура.

— *Но везде пишут, говорят о том, как меняется Москва в лучшую сторону.*

— В каком-то смысле Москва стала удобней для жизни в ней. И выглядит сейчас для столицы России достойно. Но все же постепенно в ней утрачивается уютность, которая всегда была ее особенностью. Утрачивается и специфика отдельных районов. Посмотрите на Арбат. Это была, возможно, не самая красивая улица Москвы: та же Поварская, бывшая Воровского, намного превосходит его красотой зданий. Но у Арбата была своя аура, это был особый московский мир.

Что с ней стало сейчас? Сделали ее пешеходной на западный манер, даже фонари иностранные поставили. Но что значит пешеходная улица на том же Западе?

Это улица для людей, где можно спокойно посидеть в уютном кафе, побродить по книжным развалам, зайти в галерею или посмотреть спектакль. У нас же на Арбате люди, приходящие сюда отдохнуть, чувствуют себя неудобно.

— *Сейчас на Арбате повесили карты музеев, которые здесь расположены...*

— Да, с помощью префекта Центрального округа Александра Ильича Музыкантского. А то ведь раньше люди, особенно приезжие, ходили и даже не подозревали, сколько музеев прячется в арбатских переулках. Префект вообще с большой отзвучивостью относится к нашим просьбам. Территориальным управлением Арбата выделены средства для издания альманаха «Арбатский архив», выход которого мы приурочили к юбилею столицы.

— *Сигурд Оттович, так все-таки на какой ноте мы закончим интервью?*

— На оптимистической. И такое чувство, как ни странно, укрепилось во мне после недавней трагедии — смерти Булата Шалвовича Окуджавы. В день панихиды, которая проходила в Театре Вахтангова, я шел по Арбату и смотрел на людей, стоящих в длинной очереди. Они были не очень хорошо одеты, но у всех были такие светлые лица, которых, мне кажется, я уже давно не видел. В самом театре они совершенно не обращали внимания на знаменитостей, да и последние старались держаться в тени. Это был тот редкий по нынешним временам случай, когда люди искренне переживали общее горе, а не лицедействовали, как это теперь бывает.

— *Вы были лично знакомы с Окуджавой?*

— В детстве мы жили по соседству. Он моложе меня на два года, и тогда мы не были знакомы. Познакомились и как-то сблизились уже в зрелые годы.

— *Вы ценили его как поэта, писателя или барда?*

— Некоторые считали песенный жанр, в котором он работал, чем-то более низким, чем проза или поэзия в чистом виде. Но вспомните древнегреческих и римских поэтов, библейские псалмы, Шекспира, «Слово о полку Игореве», позднее — поэзию Пушкина, Лермонтова, Гейне. Их творчество было воспринимаемым прежде всего на слух. И воспринималось всеми, а не только избранными знаатоками словесности.

Окуджава был продолжателем пушкинской линии мудрой доброты, которая так нужна нам всем, особенно сегодня. Возможно, поэтому и благодаря огромному и многообразному опыту — опыту сердца и ума — ему удалось стать в равной степени близким нескольким поколениям людей.

А о значении его творчества говорит еще и такой факт: года четыре назад Нобелевский комитет пригласил на общее собрание только двух наших соотечественников — Дмитрия Сергеевича Лихачева и Булата Окуджаву, вероятно, потому, что для них эти двое в равной степени олицетворяют лучшее в России и ее культуре.

«ПРОЖИЛКИ ДОБРА В ЛАВЕ НЕДОБРОГО ЗАМЕТНЫ СРАЗУ»

— ...Вот здесь я родился. В 1922-м.

Мы стоим в узкой, как пенал, комнате. Единственное окно смотрит в Кривоарбатский переулок.

Справа от окна — портрет отца, легко узнаваемый и в сумерках. Знаменитая борода, легендарный Отто Юльевич Шмидт. Слева от окна — портрет красивой, чуть печальной женщины. Это мама.

А над кроватью — фотография в старинной круглой рамке. Это няня.

Сигурд Оттович окончил исторический факультет МГУ. С 1949 г. преподает в Историко-архивном институте, кумир многих студенческих поколений. Возглавляет Археографическую комиссию Академии наук. Академик Российской академии образования. Главный редактор энциклопедии «Москва». Создатель всемирно признанной школы историко-археологических исследований. Крупнейший специалист по России эпохи Ивана Грозного. Одна из самых известных монографий Шмидта «У истоков российского абсолютизма» недавно переиздана с посвящением «памяти родителей»...

Мы пьем чай из синих кружек. Я сетую на эпоху: мол, как все, в сущности, ужасно — и политика, и журналистика, и погода. А потом слушаю Шмидта, и на душе легче. Есть в нем то редкое, что северный мудрец Борис Шергин определил так: «Сердечное веселие». Шмидт чист и весел в сердце. Его ум, талант и энциклопедизм были бы выдающимися и без особых душевных достоинств, но вместе с ними мой собеседник полон восхитительного обаяния и детской ясности. Так и хочется обратиться к нему: «Сигурд Оттович, Ваша светлость...»

«Самое страшное — это бессовестный журналист»

— Помните, мы шли с вами однажды под серым дождем к Институту физики Земли, который полвека назад создал ваш отец. И по какому-то поводу вы сказали: «Я думал, что самое страшное — это бессовестный учитель и бессовестный врач. Последние годы убедили меня в том, что самое страшное — это бессовестный журналист»...

— Да, это так. Журналист создает воздух общества, и мы все им дышим. Вот прошли забастовки учителей и даже голодовки, школы закрывались — где на неделю, а где и на два месяца. Дети обрекаются на неполное образование. СМИ в лучшем случае скупно информировали об этом, а нужно кричать.

— Зато много шума вокруг однодневных сенсаций.

— В этом и бессовестность. До революции было понятие сословной чести. Высшее дворянское понятие. Это еще Пушкин сформулировал. Люди обеспеченные и образованные, если они совесть имели, считали себя предстателями за всех. Выделяясь личными своими поступками, они влияли на очень многих. Почти в каждом городке было несколько светлых людей, отличавшихся деятельной добро-

той. Они редко занимали официальное положение, но быть в их обществе считалось достойным. Они были попечителями больниц, библиотек, гимназий, музеев...

— *И еще — школ. Чехов был попечителем двух школ, писал Суворину ровно сто лет назад: «Весною я буду строить новую школу в селе, где попечительствую». Замечательное русское слово, а слышишь его редко.*

— Придумали слово «спонсор». Зачем «спонсор»? В России попечительство о культуре, о добре было принято, по крайней мере, со времен Владимира Мономаха.

— *В доперестроечные времена не было ни спонсоров, ни попечителей, но попечительство о добре все-таки было. И мне кажется, такими попечителями о добре были в те годы журналисты. Анатолий Аграновский, Борис Можаяев, Евгений Богат, Инна Руденко, Симон Соловейчик... А сколько не столь блестящих, но таких же добрых перьев было в провинциальной журналистике! А сегодня смотришь телепередачи, листаешь газеты — кого можно назвать попечителем?..*

— Недавно по телевидению повторяли фильм «Летят журавли». И вот когда даже такой фильм три или четыре раза прерывают рекламой... До какой же степени безнравственны те, кто занимается телевизионной политикой!

— *Двухлетняя дочка моих знакомых не дает родителям выключить телевизор, когда там идет реклама. Она кричит: «Включите мои прокладки!..»*

— Когда-то я искал в программе передачи Лакшина, Андроникова, Лотмана... Они ушли, и замены им нет. Похоже, с телеэкрана исчезает все, что связано с настоящей культурой, наукой. Зато кучи ошибок лепят без всякого стеснения и всякого опровержения. Не могу сказать о естественных науках, но о проблемах доступной мне гуманитарной сферы говорят по телевидению с необыкновенной легковесностью.

— *Вы судите об этом не только как историк и зритель, но и как опытный «телевизионщик». Ведь передачи с вашим участием были, по-моему, еще в начале семидесятых годов...*

— На первую передачу меня благословила Валентина Леонтьева. Со мной вместе и вела ее. Это была историческая викторина, посвященная Древней Руси. С помощью Леонтьевой я понял тогда, что единственный способ быть на телевидении — это отдалиться тому, чем ты занят, и забыть, что на тебя смотрят. Потом специально для меня придумали цикл «Беседы об истории». Я хотел не только поведать о прошлом, но и дать представление об Историческом музее, откуда велись все мои передачи. Помню, сколько писем я получал от зрителей! Из Сибири, с Дальнего Востока, со всей России и Союза. Жаль, что эти передачи пропали. Кажется, ни одной не сохранилось.

«Людей надо баловать человеческим отношением...»

— *После первой же нашей встречи я подумал о вас: вот счастливый человек...*

— Я дорожу мыслью Гельвеция: «Счастье людей заключается в том, чтобы любить делать то, что они должны делать». Подводя некоторые итоги, я вижу, что всю жизнь занимался делом, которым люблю заниматься.

— *Потому, наверное, как вам ни позвоню, всегда отрываю вас от работы. У меня ощущение, что вы все время сидите за машинкой, для вас нет выходных...*

— Понимаете, я должен спешить. Я должен еще кое-что успеть. Но, очевидно, я всегда так жил. Я с детства видел людей, увлеченных своим творчеством и не знающих передышки. Когда папа уже тяжело болел и не вставал с постели, он вдруг сказал: «Я понял, с кем можно сравнить настоящего исследователя». — «С кем?» — «А ты как думаешь?» Я попытался сказать что-то красивое, образное. «Не-ет, — улынулся папа, — исследователь — это бульдог, который схватил палку, хочет выпустить ее и не может».

— *Знаменитый отец, мама, для которой вы были поздним и к тому же единственным ребенком, добрая няня... Вас, наверное, очень баловали?*

— Да, наверное, меня баловали. Но это было баловство не столько материального, сколько человеческого свойства. Мама считала, что людей надо баловать человеческим отношением. И чтобы ребенок думал, что доброе отношение — вот это и есть норма. У дорогих окружающих меня людей органически сочетались самоуважение с уважением к другим. И хотя у всех были сильные характеры, не допускалось подавления, диктата. Я никогда не был в детстве свидетелем двоедушия. Чтобы в глаза — одно, а за глаза — другое. Вокруг меня были нравственно воспитанные люди, которые соответственно ко мне относились. Если это баловство, то родители меня действительно баловали...

— *Судьба вашего отца знакома многим, а вот о маме я ничего не знаю...*

— Мама заканчивала Сорбонну и Киевский университет. Юрист по образованию. Сперва была соратницей отца в его общественной деятельности. Потом много занималась музейным делом, выставками, работала в Институте мировой литературы. Один из самых замечательных ее трудов — юбилейный альбом «Жизнь и творчество Лермонтова» — вышел в июне сорок первого, и весь тираж погиб в Гостинном дворе. От мамы — мой ранний интерес к музеям, истории...

— *Как глубоки и удивительны, наверное, чувства человека, который всю жизнь прожил в одном доме. Ощущение близкого детства, только чуть заплывшегося. Стоит протереть, и...*

— ...И все — живы. Недавно я открыл свой юношеский дневник и обнаружил, что он начинается с мысли о неприятии смерти. Как может быть, если вдруг мама умрет?.. Это очень пугало. А сейчас?..

*«Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных...»*

На кухне у меня стоит пенек, на нем любила сидеть Тата. Так все в нашем доме звали мою няню Франциску Александровну — Тата, Татуля... И вот мне часто кажется, когда сижу в кабинете, стучу на машинке, что я могу зайти на кухню и увидеть Тату. Она больше всех прожила со мной, и нет дня, когда бы я с ней не говорил. Словом, жизнь была ко мне благосклонна в отношении каждодневного ее устройства. Она мне дала консервативное тепло. Всю жизнь — в одном доме. Теперь я здесь самый старый житель — и по возрасту, и по тому, сколько здесь живу. Точно так же и в работе. Я занимаю довольно много разных постов. Но ни на один пост я не стремился. Поэтому мои извилины не растрочены на интриги, а мое время — на передвижения, на обживание в новом месте. У меня в трудовой книж-

ке — две записи: Историко-архивный институт, Институт истории Академии наук. И там, и там я работаю до сих пор.

— *В таком доме, как ваш, невольно станешь историком. Книги, портреты, половицы под ногами, даже вид из окна — все история...*

— И кресло, в котором вы сейчас сидите, тоже, кстати, не самое заурядное. В нем сидели не только мои ученики, но и учителя.

«Мне никогда не хотелось навязывать свое толкование событий...»

— *В исторической науке, мне кажется, ничего нельзя достичь пусть и мощным, но кратким усилием, вспышкой. Историком надо жить долго...*

— Да, но в науке тоже многое зависит от характера. Павлов-Сильванский, перевернувший представления о российском феодализме, все свои идеи успел сформулировать к неполным сорока годам. Диссертация Платонова, грандиозное по тем временам сочинение, была защищена автором в тридцать девять лет. Ключевский защитил диссертацию тоже в тридцать девять. А Николай Михайлович Карамзин в тридцать семь только сел за написание «Истории государства Российского»...

— *Мое поколение первый раз читало Карамзина в конце восьмидесятых в толстых журналах как современную публицистику.*

— Я для себя открыл по-настоящему Карамзина, когда мне было за шестьдесят. То есть я, конечно, знал Карамзина, ссылаясь на него — в основном на тома, посвященные тем периодам истории, которыми я занимался, XV–XVI вв. Но в какой-то момент я, как человек, занятый преподаванием истории, понял: молодые люди не могут развиваться, не читая всего Карамзина. Значит, нужно было бороться за издание Карамзина. Помог Дмитрий Сергеевич Лихачев. В 1988 г. нам удалось издать репринт «Истории государства Российского». Летом, как всегда, я поехал в подмосковный стационар подлечиться, набрал полный портфель свежих журналов, но еще взял с собой Карамзина, потому как мне предложили подготовить одномонник для издательства «Просвещение»...

— *И вы зачитались журналами?*

— Да что вы! Я с таким увлечением погрузился в Карамзина, что к журналам и не прикоснулся. Ничего как историк я не узнал — все-таки к тому времени уже сорок пять лет преподавал историю. Причем именно тот период, которым занимался Карамзин. Но вот там, в Подмоскowie, я и понял, что как-то прошел мимо Карамзина, так долго прожил без того, что мне было необходимо.

— *И все-таки интересно, почему мы с вами открыли для себя Карамзина почти одновременно. Вы уже были признанным специалистом-историком, а я — вчерашним школьником...*

— Я думаю, по двум причинам. Мы открыли Карамзина в момент нашего исторического слома. Я нашел в Карамзине опору в своих убеждениях, доставшихся мне дорогой ценой. Я всегда был против конфронтационного подхода к явлениям, и Карамзин меня в этом укрепил. Возвращение к Карамзину произошло не потому, что нам разрешили сейчас проповедовать самодержавие. Более мощного самодержавия, чем при Сталине, никогда не было. Мы возвращаемся к субъективно-

нравственному подходу к объективным явлениям. Карамзин был писатель, историк, но в то же время — великий мудрец.

— *У Ходасевича есть строки: «Но на растущую всечасно / Лавину небывалых бед / Невозмутимо и бесстрастно / Глядят: историк и поэт». А вы стремились к бесстрастности? Допустим, в тех же трудах о Грозном?..*

— Ну конечно, стремился. Это обязанность историка — отойти от сегодняшнего толкования, остановить себя в дополнительных выводах. Когда ты утверждаешь исторический факт, не требуется никаких эмоций. Скажем, в книге «У истоков русского абсолютизма» я попытался доказать, что Земских соборов было больше, чем думали. Я привожу все по числам, документам, чтобы мои доказательства приняли те, кому точно нужно знать, что такой-то князь мог участвовать в соборе зимы 1564/65 г., а не находился в это время в Новгороде. Но в курсе таких деталей человек десять во всем мире. Вот им я и должен точно доказать: да, вот он мог быть здесь, а другой — там.

— *И все же, читая вашу книгу, я почувствовал, что при всей беспристрастности у вас есть и свое отношение, симпатия к персонажам истории?*

— Так. Есть у меня и любимец — Алексей Адашев, «временник» царя, составитель черновиков официальной летописи тех лет, один из руководителей «Избранной рады», трагически погибший. Но при всех моих симпатиях и антипатиях факт, документ — основа основ. Мне никогда не хотелось навязать свое толкование событий, но сделать так, чтобы читатель прикоснулся к моей системе мыслей, доказательств, ассоциаций. Я обращаюсь к конкретному читателю, моему современнику, которого, как и меня, тревожит все, что происходило и происходит с нашей страной...

— *Когда я разговариваю с вами, смотрю на вас, мне кажется, что вы знаете что-то такое прекрасное о человеке, чего я не знаю. Может, это знание и позволяет вам быть столь благожелательным к людям и столь уверенным, что все будет хорошо?*

— Знания у меня самые примитивные. Я просто убежден в том, что в каждом человеке, если он не больной душевно, есть определенная сфера добра. И нужно ее увидеть, чтобы он в этом мог себя проявить. Человек настолько немного получает тепла, что, если ему какое-то тепло дать, он почти всегда ответит. Даже дурной человек. Мы знаем, сколько дурных людей являются любящими родителями... А зло мне неинтересно. Вот когда проживаешь такую долгую жизнь, как я, то выясняешь, что зло, в общем-то, не многообразно. Оно конкретно каждый раз проявляется, но — однообразно. Всякое зло уничтожает что-то, разрушает, и это всегда одинаково...

— *И в исторических эпохах вы тоже искали сферу добра, которую ищете в людях?*

— Конечно, потому порадовался, когда еще в 1991 г. в одном интервью заголовком взяли мои слова: «Историк должен быть добрым».

— *Я думаю: вот пройдет лет двадцать, и кто-то из ваших учеников возьмет-ся изучать наше время — как мало добра он ощутит! Слишком много событий с отрицательным зарядом...*

— Ну, время-то прожилено, и эти прожилки добра будут очень заметны в общей лаве недоброго. Если вы посмотрите на темный мрамор, то светлые полоски сразу бросятся в глаза. Хотя, конечно, это только полоски.

— *«Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы. Я потом, что непонятно, объясню». Объяснят?*

— Я надеюсь... Спасибо, что вы вспомнили эти строки. К Булату Окуджаве я очень привязан. (Мы беседовали в мае, за месяц до того, как в Париже скончался Булат Шалвович Окуджава. — *Д.Ш.*) Мы росли в одном дворе и могли познакомиться еще до войны, мальчишками. Но тому были помехи. Тот большой двор, что сейчас у меня за окном, — он был разделен, тут были сарайчики, маленькие садики, домики. И у нас были разные дворы. Поэтому в одной компании мы не были. С девочкой из его дома, Таней, мы ходили на лыжах по Кривоарбатскому, но она училась в моей седьмой школе. А Булат учился через Арбат, в школе у сквера. К тому же я старше его на три класса...

— *А дневник, ваш юношеский дневник, о котором вы говорили мне, — он имел продолжение?*

— Нет, я прекратил его очень рано. В те годы, когда люди исчезали. Мне было пятнадцать или шестнадцать лет, а в тетрадке уже появились вырезанные кусочки. Я бросил записывать, потому что думал: дневник должен быть честным.

«ИСТОРИЮ НЕ НАДО ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, ЕЕ НАДО ПОНИМАТЬ»

Сигурд Оттович Шмидт — историк, академик Российской академии образования. Тридцать лет возглавляет Археографическую комиссию Российской академии наук. Область профессиональных занятий — русское Средневековье, в частности эпоха Ивана Грозного. Многолетняя преподавательская деятельность Шмидта в Историко-архивном институте привела к тому, что практически все нынешние архивисты — ученики Сигурда Оттовича. Еще он занимается источниковедением, т.е. ответом на вопрос: не что мы знаем о прошлом, а откуда мы знаем это? Как говорил Иосиф Виссарионович: «Кто организовал вставание?» Слишком часто дезинформацию, которую легко разгадываем в настоящем, мы не можем различить в наших сведениях о прошлом. В этом смысле случай самого Сигурда Оттовича уникален. В его личности произошла встреча ученого-источниковеда с бесценным историческим источником. Ибо он — сын известного полярника, ученого и общественного деятеля сталинской эпохи — был современником и свидетелем уникальных исторических событий и может отличить правду от многочисленных мифов о том времени. Не случайно ученый все больше сегодня пишет и говорит именно об этом — о проанализированном историком личном прикосновении к истории.

Аура арбатства

— *Почему вы, историк эпохи Ивана Грозного, занялись историей Арбата?*

— *Понимали ли вы смысл происходящего в 30-х гг.?*

— *Какой сегодня вам видится судьба вашего отца, Отто Шмидта?*

— Когда мне исполнилось 70 лет, передо мной возник вопрос: а способен ли я к творческой деятельности в совершенно новых для меня областях или могу жить только тем научным капиталом, который накопил? Как историк я занимался всю

Впервые опубликовано: Общая газета. 1998. 19–25 марта. С. 8 (в рубрике «В четверг поутру»). Материал подготовил Д. Шевелев. Переиздано: Neues Leben. 1998. № 6. С. 10, 12.

жизнь эпохой Ивана Грозного, при том что всегда хотел заниматься историей отечественной интеллигенции.

В последние годы возникли как минимум три темы, о которых я раньше никогда не писал. Одна из них — «Арбат», где я прожил семьдесят пять с половиной лет. Естественно, тут соединился профессиональный опыт историка с личным восприятием прежней культуры, которую я имел возможность наблюдать. Арбат — это действительно символ преемственности культуры московской и российской интеллигенции. Здесь была своя аура. В переулках было много церквей, которые никогда не ставились на случайных местах. Здесь было наибольшее число частных гимназий, самое большое число практикующих врачей и общество врачей. Здесь жила профессура.

После революции в школах остался великолепный подбор преподавателей, некоторые из них стали потом академиками и лауреатами. Интеллигенцию «уплотняли» бывшей прислугой, к которой тут же приезжали из деревни родственники. Старались «самоуплотниться» знакомыми знакомых. Помню, как в наш дом въехали две девочки из Бобруйска, и немедленно из того же Бобруйска к ним приехали три родственницы. Сосредоточилось очень много, как выражались до революции, «инородцев». Гнездовья армян, гнездовья евреев. Кстати, на Арбате уже раньше была маленькая, «домашняя» синагога.

Здесь поселилась партийная верхушка и создавались идеологические организации советской власти — Коммунистическая академия, Институт красной профессуры, Большая советская энциклопедия. Тут же располагались Союз писателей и посольства. Присутствие иностранных общежитий создавало совершенно особый стиль жизни. Рядом, скажем, был КУТК. Очень хорошо сострил Радек, которого спросили, что это такое: Коммунистический университет трудящихся китайцев? Он ответил: «Это высшее учебное заведение, где польские и немецкие евреи учат по-английски китайцев делать революцию по-русски». Няня водила меня гулять к храму Христа Спасителя, и я помню, как эти китайцы бегали там по утрам в своих синих-синих костюмчиках. Китайцев вообще тогда было много, как и китайских игрушек.

Любимое место для прогулок со мной няни был сквер, где сейчас Спасо-Хаус, параллельно Собачьей площадке. Собачья площадка со всех сторон обтекалась улицей, там сидели почтенные старушки, позднее гулял Владимир Иванович Вернадский, но детей водить туда боялись. Марина Цветаева писала дочери, чтобы та на Собачью площадку мяч не брала, а то он выкатится на улицу, где извозчики и автомобили. Моей дамой в песочнице была прелестная девочка Стелла, которую так и называли «звездочкой». Но вот как меняется память. Через семьдесят лет я прекрасно помню ее очень красивую маму, а лицо девочки совершенно забыл.

Конечно, Арбат оказался очень сильно насыщен посаженным затем в 30-е гг. народом. Там жили опальные Зиновьев, Каменев, Сокольников.

Сейчас, размышляя над смыслом этого места, я понимаю, насколько тонко чувствовал Арбат Окуджава. Да и сама его ситуация москвича не по происхождению, а по воспитанию вполне типична. Его родители — армянка и грузин — партийные товарищи, поселившиеся в квартире, где живет ее бывший владелец, еврей Каминский, он потом уехал в Париж. Сюда же вселилась бывшая прислуга,

потом родственница прислуги, у которой раскулаченный брат. Булат в «Упраздненном театре» показывает эту типичную квартиру. Здесь же надстраиваются первые отдельные квартиры для руководящих работников министерства, которых начисто потом посадили. То же и в знаменитом доме номер 51, описанном Рыбаковым.

На Арбате и школы были совершенно особые. Оттуда вышло очень много настоящего интересных людей. В классе не было человека, у которого кто-то бы не был посажен. Мне очень повезло. Единственный мой дядя, брат матери, Яков Эммануилович Голосовкер, ученый и писатель, сел, но потом вернулся. То, что родители не пострадали, — был вариант наименьшего зла. Но в 110-й школе, где учились дети очень знаменитых по тем временам «врагов народа», не полагалось их преследовать. Скажем, после самоубийства Гамарника его дочь получила грамоту как одна из лучших учениц.

Осознавали ли мы то, что происходило? Осознавали, но не до конца. Наиболее распространенное ощущение тех лет: «лес рубят, щепки летят». Ну мы и попали в «щепки». Книг мы читали много, вообразить, что есть исторические случайности, могли. Я помню перемены во взаимоотношениях людей. Арбат, как и вообще Москва, отличался гостеприимством. К середине 30-х гг. в дом перестали приходиться незнакомые люди. Только дети могли приглашать наиболее близких знакомых, но взрослые при них не вели разговоров. Это была резкая граница по сравнению с прежним стилем, когда взрослых и детей объединяли общие разговоры, игры, шарады, — все сразу исчезло.

Конечно, между собой мы были достаточно откровенны. Если в школе рядом с тобой учатся дочка Бухарина и дети маршалов, то шум о том, что посажен такой-то и такой-то, конечно, шел. Многих я знал просто лично. У папы хранились его фотографии с Бухариным, и трудно было себе представить, что этот человек был врагом, хотевшим в 1918 г. покуситься на Ленина. В Форосе, когда мне было 11 лет, я два месяца наблюдал за соседним столиком живого Каменева. В конкретные обвинения, возможно, веры и не было, но, поскольку нас накачивали, что кругом фашизм, мы искали каких-то оправданий происходящего в общей политической борьбе тех лет.

Интересно, что, когда уже была ясна неизбежность войны, самая умная девочка в нашем классе, младшая дочь знаменитого экономиста Громана, говорила, что война необходима, потому что она освободит людей от лжи, и люди окажутся сами собой. И, кстати, те в нашей школе, кто были родственниками «врагов народа», всеми путями стремились на фронт, чтобы доказать, что они — патриоты. И это действительно было так.

То, что не посадили человека положения моего отца, Отто Юльевича Шмидта, — редчайший случай. Видимо, его спасало то, что он был скорее ученым, чем политиком. Дружа со многими видными оппозиционерами, он, однако, не участвовал ни в одной оппозиции. Даже на пике своей славы не был кандидатом в члены ЦК. Известно, что его хотел посадить Вышинский. Они жили с Вышинским в одном доме и терпеть не могли друг друга. Отец не привлекал Вышинского к работе в энциклопедии, а тот в 1939 г., когда Шмидт руководил Академией наук, на общем собрании говорил, что из-за Шмидта там потеряна бдительность и сажают не

так активно, как в других местах. Во время этого выступления Отто Юльевич потерял сознание, потом я был у него в «Кремлевке» и видел, какой он лежит мрачный.

Впоследствии я знал людей, которые, вернувшись из лагеря, рассказывали, что с них брали показания на допросах, что Шмидт готовил не ту сталь для наших ледоколов. Ему вменяли саботаж разоблачения большой группы «врагов народа» — знаменитых полярных географов, в 1913 г. участвовавших в полярной экспедиции Колчака. Понятно, что враги, а Шмидт дает им ордена и поручает все руководство полярными делами!

Но, видимо, Сталин не чувствовал в нем персональной опасности для себя. Хотя и известно постановление о «зазнайстве и самоуспокоенности» Шмидта, едва успевшего снять с льдины папанинцев. Отто Юльевич был сильной творческой натурой, он сумел реализовать себя в качестве создателя первых — настоящих — томов советской энциклопедии. Он сумел очень много сделать для исследования Арктики. Нам, видевшим славу Гагарина, трудно даже представить себе славу Отто Шмидта 1934–1937 гг., когда его действительно знала вся Россия.

Во время войны телеграммой Сталина Шмидта сняли с руководства Академией наук. Как раз в это время он организовал эвакуацию и работу научных институтов. Против него боролась группа академика Комарова, так называемая «комарилья». Возможно, имела значение его фамилия, потому что по Москве в это время ходил стишок: «Прилетает “Мессершмитт”, улетает Отто Шмидт...» И вот на первом после снятия заседании Верховного Совета, когда он понял, что указания партии можно не слушать — не ему их реализовывать, он набрасывает в своем депутатском блокноте первые математические формулы своей теории происхождения Земли и планет Солнечной системы. Вообще же он был подлинным человеком Возрождения даже в том, что знал многих по-настоящему интересных женщин и был счастлив с ними, что тоже его очень обогащало как личность.

Человек с тигриными глазами

— *Расскажите о своих встречах со Сталиным.*

— *Почему вы выбрали в русской истории именно эпоху Ивана Грозного?*

— *Как вы оцениваете нынешний период изучения отечественной истории, когда «плохие» герои вдруг стали «хорошими» и наоборот?*

— Сталина я видел близко два раза, когда был на банкетах в Кремле. За папины заслуги, естественно. В первый раз принимали героев экспедиции на Северный полюс. Поскольку Шмидт был одним из главных героев, он сидел во главе стола между Сталиным и Молотовым. Мы тоже сидели совсем рядом. Помню сцену, когда Сталин стучит Шмидта по плечу, а тот, не обращая внимания, продолжает разговаривать с Молотовым. Когда все кончилось, мы спросили, почему он не отошел. Отец объяснил: «Молотов мне рассказывал, кого посадили за то время, что я был на полюсе!»

Во время этой встречи Сталин молчал, а во время второй, когда встречали папанинцев, я и слышал его, и видел подробнее, хотя мы с братом и сидели гораздо дальше — за 17-м столиком. Встречу в тот раз отложили, снятых с льдины папа-

нинцев задержали на два дня в Таллине, поскольку неожиданно пришлось продлить процесс Бухарина из-за того, что Крестинский отказался от своих показаний. Папанинцев должны были торжественно встречать уже после исполнения приговора. Я помню, как мы ехали с папой в специальном полувагоне и, пока брат спал, я рассказывал, кого, опять же, посадили за это время. На банкете Отто Юльевича сделали тамадой, что, кстати, он очень хорошо умел делать. Два раза он подводил стел к тому, что нам с братом надо было идти чокаться со Сталиным. Например, тост за комсомол, который возглавляет Косарев и к которому принадлежит мои дорогие, здесь присутствующие сыновья. «Моим дорогим, здесь присутствующим» явно полагалось идти, но я и сам не пошел и брата не пустил. Я боялся, что от смущения покажусь полным дебилом и будут думать, что папа только дебилов и породил.

Затем выскочил подвыпивший Чкалов в унтах, явно очень любимый, и стал поднимать тост за товарища Сталина. И тогда Сталин сказал: «Тебе сколько лет?» — «33 года». — «А мне сколько лет?» И тут он произнес заранее продуманную речь. Он сказал о «винтиках», о том, что «самое дорогое у нас — люди», и поэтому недопустимо, что сейчас чуть не уморили папанинцев. Это был упрек Шмидту. И закончил он тирадой: «За Ленина и ленинизм, за Папанина и папанинцев» и, кажется, за Стаханова и стахановцев или за Лысенко и лысенковцев.

После чего продолжался банкет и начались танцы. Это был Большой Георгиевский зал, а за ним еще один, на хоры которого загнали ансамбль Александрова. Меня познакомили с эффектной и холеной дамой — Евгенией Соломоновной Ежовой. Это была очень обаятельная женщина, напоминавшая рубенсовскую Елену Фоурман. Такой особо красивый цвет лица, бронзовые волосы — все это производило впечатление, особенно рядом с таким сморчком, каким был Николай Иванович Ежов. Она танцевала с первым красавцем, тогдашним членом редколлегии «Правды», Алексеем Ивановичем Назаровым — классической внешности богатырем, с чубом, ну просто актер Столяров.

Папа стоял мрачный, мы тоже понимали, чем может пахнуть сказанное Сталиным. К нам подошла Наталья Петровна Кренкель и, показывая на танцующего мужа, говорит: «Что делать?» Оказывается, Кренкель, подвыпив, пригласил танцевать Нежданову. У нее под ярко-зеленым бархатным платьем был корсет из китового уса, и она стала выскальзывать из его рук. Еще немного, и он бы бросил под ноги Сталину народную артистку СССР. К счастью, они каким-то образом вдвоем справились, и позора не произошло.

Сталин прошел мимо нас на расстоянии вытянутой руки. У него была пружинистая походка горца, сапоги без каблуков. Человек он, видимо, был физически крепкий, но за десять месяцев, что прошли со времени первой встречи, изменился. Поседел, причем полосами, а не сплошь. Рука у него действительно была малоподвижна. Желтое лицо, довольно четкие рябины и тигриные глаза. Я тогда вспомнил знаменитое выражение Крестинского: «Сколько горя принесет этот человек с тигриными глазами». Сталин, конечно, тоже о нем знал, недаром Крестинского посадили одним из первых.

Сталин шел впереди остальных, всматривался в нас, мы же, «новые люди», стояли и хлопали. Причем все они были маленького роста, крупный только Кагано-

вич. Молотов и Ворошилов небольшие, а Жданов так просто маленький и очень жирный. Ежов, который за год до этого был с роскошной шевелюрой, с обаятельными большими глазами, был теперь с лицом совершенно серого пепельного цвета, который бывает у наркоманов, абсолютно полумертвый. Мы хлопали, а поскольку маршрут был, очевидно, не предусмотрен, то «искусствоведы в штатском», которых было очень много, не успели нас оттеснить вовремя...

В качестве историка я много занимался Иваном Грозным, его идеологией самодержавия. То есть собственными сочинениями Ивана в связи с его политической практикой. И далее занимался деятельностью Адашева, главного реформатора «Избранной рады», позже уничтоженной Иваном Грозным. Уже вышел «Краткий курс» с известными характеристиками Бухарина, и мне, видимо, хотелось проверить для себя закономерность того, как оценивается человек, некогда стоявший у руля власти и приговоренный этой властью к уничтожению.

Теперь полагаю, что из-за инстинкта самосохранения я выбрал для себя источниковедение, т.е. методику изучения источников нашего знания о прошлом. Если чем-то я сегодня и могу гордиться, так это тем, что переиздаю четыре тома своих сочинений, в которых ничего не меняю. Да, мы мыслили категориями формулировок, усвоенных из трудов четырех классиков марксизма. Никто не мог спорить с ними, но можно было изыскивать такие цитаты, чтобы провести свои мысли. Приходилось находить такие темы в науке, где можно было добиваться результатов, сохраняющих ценность вне зависимости от общественной ситуации.

Студенческий кружок, который я создал, занимался проблемами источниковедения. Это была школа честной, хотя и относительно безопасной мысли, ибо она не касалась непосредственно политических сюжетов. Если мы по-разному комментируем «Русскую Правду», памятник XI в., то, значит, и любые другие исторические источники можно толковать неоднозначно — вот основная мысль, к которой приучался студент. Между прочим, то, что сегодня в архивном институте устранили на первом курсе комментирование источников, не очень хорошо.

В своем восприятии прошлого мы берем сегодня наиболее легкие и дешевые схемы, в которых по-прежнему только два цвета — черный и белый. А в истории существует многоцветие. Мы никогда не знаем ситуацию настолько, чтобы сказать, каким было наименьшее зло в тех условиях. Мы забываем, что люди оставались людьми и хотели, чтобы лучше было не только им, и они не всегда думали только о себе. Были и подвиги, и бескорыстие, и жертвенность. Сегодня у нас слишком жесткое и беспощадное отношение к покойникам. Нельзя одной темной краской изображать тех, кто верил в революцию. Революция оказалась идеалистической утопией, но это трагедия, а не одно голое злодейство. А как мы оцениваем тех, кто осознавал в жутких условиях свой долг перед культурой? Наверное, у Луначарского были слабости и недостатки, но нельзя же так чернить человека, который сделал невероятно много для защиты деятелей культуры. Он спас театр, спас профессуру, он, и в еще большей степени — Рязанов, когда Покровский хотел все уничтожить. Уже одно это было подвигом.

Россия произрастет провинцией

- Существует ли сегодня единая концепция отечественной истории?
- Какие фигуры сегодня олицетворяют нынешнюю историческую эпоху?
- Каким видится вам будущее России?

— Уроки истории очень важны, что, может, не всегда понимают те, кто нами правят. Чтобы уважать себя, ты должен уважать свое прошлое. Для того чтобы уважали тебя, ты должен уважать своих родителей, должен понимать, что ты их перерос просто потому, что ты живешь в другую эпоху, а для своего времени некоторые родители делали очень и очень много достойного.

В сегодняшнем отношении к истории меня очень огорчает безнаказанность многих ученых. Конечно, хорошо, что люди могут писать то, что хотят. Это одно из несомненных достижений наших реформ. Но огорчает легковесность многих выводов, сделанных на основании «жареных» фактов, которыми нас кормят. Тем более когда помнишь, что писали эти же люди в прошлые годы, когда человек «развивал» марксистско-ленинскую историческую теорию, а теперь издает анекдоты по поводу ее практики.

Беда, я думаю, в недообразованности наших историков. В частности, тех, кто внешне очень быстро перестроились, а что противопоставить той единственной концепции, которую в них вдолбили, не знают. Приходится им выхватывать то, что модно. Сначала мода на Бердяева, потом на православно-монархическое объяснение истории России: что последняя книга скажет, то на душу и ляжет.

Поэтому-то сейчас так важна разработка нескольких возможных концепций. То, что делают сейчас мои сверстники, мне совершенно неинтересно. А вот молодые ученые гораздо более свежи, чем мы, они работают в русле современной мировой науки в ее российском варианте. Жаль, конечно, что они не могут пройти фактологическую школу классиков нашей науки. Меня в свое время Тихомиров представлял профессору Бахрушину в качестве бахрушинского «внука», потому что сам считал себя его «сыном», а меня — своим наследником. Теперешним же студентам приходится довольствоваться Шмидтом. Зато возможность размышлений, возможность привлечения литературы и архивов у них значительно больше.

Еще раз повторю, государство должно быть заинтересовано в исторических знаниях своих граждан. Предания о прошлом, образы деятелей, которым надо подражать, и то, чего следует избегать, — это основа нашего общественного сознания. Мы живем историческими ассоциациями, и оценка событий прошлого определяет наше отношение к настоящему. И в то же время небезопасно насаждать какие-то удобные нынешней власти взгляды.

Почему я сторонник многообразия исторических концепций? Да, люди, настроенные монархически и шовинистически, будут брать совершенно определенный круг героев, настроенных на единовластие. Что для России как для страны тысячелетнего самодержавия чрезвычайно опасно. Значит, этому надо противостоять. Либеральная история России существует скорее в мыслях, чем в практике, и нынешнее поколение историков еще не создало книг для общедоступного чте-

ния, которые могут по своему эффекту сравниться с воздействием Ключевского или Платонова.

Время подобных авторов еще не пришло, но ведь сейчас и отечественная литература ослабла. Я все же надеюсь, что следующий век станет веком гуманитарных знаний. Положительный результат трагического XX в. в том, что он показал: новые мировые войны уничтожат человечество. Значит, мировые державы будут всеми силами избегать их. Мы видим, как сейчас, после Чечни, военный подвиг даже психологически перестает быть для мальчишек ценностью.

Нынешнее время не выдвинуло фигур, которые могли бы олицетворять собой эпоху. И не только в нашей стране, но и в мире. Может, для России последним героем ушедшей эпохи был Андрей Дмитриевич Сахаров. Сейчас таких нет, и, возможно, в этом нет ничего дурного. Потому что нет уверенности, что сильная личность стала бы сегодня де Голлем, а не Сталиным. Помню, как в Югославии меня поразили туалеты, сплошь обклеенные портретами Тито... Когда я недавно был на «Часе пик» с Разбашем, он меня спросил, как бы я назвал одним словом минувший год. Ну, например, 35-й — год гестапо, еще какой-то — год рок-н-ролла, 86-й — год Чернобыля. А 97-й каким был? Я смекнул и назвал его «годом тусовки».

Дело ведь не в том, что тусовка объединяет бездельников или не вполне уважаемых лиц. Дело в том, что для нынешних людей, и интеллигенции в том числе, это форма времяпрепровождения, а не форма творческих деяний. Это скорее форма показывать, что ты делаешь соответствующие дела, чем делать их. В этом отношении столичная интеллигенция не вызывает у меня оптимизма. К счастью, я бываю иногда на периферии и вижу, как там высоко ценят местные особенности, как гордятся своим «лица необщим выраженьем».

Мне кажется, мы еще не вполне оценили происшедшие в последние годы у нас в стране общественные изменения. Вспомните мудрость наблюдения Карамзина, что Россия произрастает провинцией. Долгие десятилетия нашу жизнь определял треугольник: Старая площадь — Лубянка — Кремль. Сейчас результаты кремлевских выборов зависят от голосов провинции. Провинциальные вожди не стремятся занять московские кресла, как прежде, потому что завтра они могут оказаться здесь никем. Наоборот, мы все чаще видим, как павшие московские вожди пытаются стать губернаторами на местах. Все это, очевидно, скажется лет через 5–6, когда на первое место выйдет земское начало, соединяющее местные социальноэкономические ресурсы с местными же культурными возможностями без обязательной оглядки на московский центр. Тогда наша жизнь, культура станут гораздо разнообразнее. Точно так же, как и наше понимание истории. В ней ведь, как и в биографии каждого человека, все время возникают ситуации, не подвластные литературным клише. Вот тогда и придется отбросить легко конструируемые схемы, чтобы добраться до реальности.

ЛЮБОВЬ ПО-МОСКОВСКИ

Достоинство горожанина — это любовь и уважение к тому месту, где ты живешь, и стремление сделать его лучше. В этом отношении мы, москвичи, отличаемся от петербуржцев.

Петербуржцы любят Петербург. Переживают, что он в чем-то утратил свое историческое значение. Радуются, что у них в советские годы сохранили облик необычайно красивого, царственного города.

А вот Москва, увы, многое в древнем облике потеряла. Утратила свой, чисто московский уют. И многими воспринимается прежде всего как столица великого государства, и они хотят жить именно в столице. Но для настоящих москвичей город дорог не только государственным величием, хозяйственным масштабом, но и своим прошлым, специфической культурой повседневности — культурой обычных учителей, обычных дворов и переулков, обычных вкусных кулинарных изделий — расстегаев и куличей — это ведь тоже ее история. Все это история *доступная*, очень важная, ведь не все могут стать знаменитыми. Зато стать таким, как бабушка, как дедушка — могут.

Давно мечтаю создать серию «Жизнь замечательных москвичей» — ЖЗМ, маленьких книжек о профессорах вузов, школьных учителях, общественных деятелях, краеведах... Героем может стать и первая женщина-летчик Валентина Гризодубова. И основатель университетской клиники врач Матвей Мудров, лечивший Пушкина, Герцена, героев «Войны и мира». И организатор вечерних школ для рабочих и учительских курсов и съездов Дмитрий Тихомиров — в конце XIX в. вместе с женой он создавал словари, буквари и азбуки. И первая в Москве портниха Надежда Ламанова, ставшая потом мастером-костюмером МХАТа. И Николай Найденов, крупнейший коммерсант, биржевик — более 100 лет назад он дал средства на фотографирование всех храмов и знаменитых урочищ Москвы...

Мой опыт подсказывает: без воспитания историей трудно строить будущее. Во всем мире в чем реально выражается любовь к родной местности? Люди прежде всего изучают свою родословную, генеалогию. В зарубежных архивах меня поражала нетипичность посетителей читальных залов — и старики, и молодые, занимающиеся изучением своей фамилии. В годы советской власти генеалогия была абсолютно небезопасной: вдруг выяснится, что кто-то из родных объявлен врагом народа, кто-то за границей? И родители, всегда старавшиеся воспитывать фамильную гордость, теперь боялись даже рассказать об этом детям. Сейчас в России возрождается генеалогия, и это еще одно замечательное средство воспитать горожан достойных.

Процесс формирования, а тем более восстановления любви к городу очень долгий, от поколения к поколению. Как его ускорить? Прежде всего должно быть интересно познание того, где ты живешь. И должно вовлекать в это дело не только тех, кто имеет особую склонность к занятиям историей, к чтению. Это — и уход

за памятниками, старыми захоронениями, и реставрация... Доказывая любовь своими руками.

Помню, в Париже в 1978 г. устроили ретровыставку о быте XX в., на которую буквально валил народ, причем не только туристы — сами парижане, много детей. Что же там показывали? Все виды очков — чеховские пенсне, очки-велосипеды, современные. Все виды утюгов. Все виды настольных ламп. Обыденные вещи в их трансформации: менялись и технические возможности, и вкусы... Давно замечено: взрослые мыслят словами, т.е. некими абстракциями, а дети — вещами. Мама носила вот такие туфли, которые сегодня нигде не увидишь, а бабушка была пионеркой в красном галстуке. У многих стариков сохранились уникальные вещи, и было бы замечательно увидеть их в музеях твоей улицы, твоего района — если бы такие были. Сейчас открывается в Москве Музей Лефортово. У меня давнишняя мечта — создать накануне нового века музей родного мне Арбата, Приарбатья.

Арбат — это не просто место жизни многих поколений московских интеллигентов, в том числе всемирно знаменитых. Андрей Белый ввел в языковой оборот выражение «арбатцы», Анатолий Рыбаков — «дети Арбата», Булат Окуджава — «арбатство». Здесь заповедное поле русской литературы, здесь живут герои «Войны и мира», романов Тургенева, «Пошехонской старины», «Мастера и Маргариты», «Доктора Живаго», даже «Двенадцати стульев», литературы советской и эмигрантской...

Эту мысль поддержали еще при подготовке празднования 500-летия Арбата — это было в 1993 г., но никак не могут найти подходящее здание. А тут и место как будто находится — во дворе дома 43 по улице Арбат вырыт несколько лет назад, вопреки протестам местных жителей, огромный котлован — хотели строить какой-то дом, да остановились. И сегодня в соседних домах пошли опасные трещины. Это место как бы уготовано судьбой для Музея Арбата. Рядом дом архитектора Константина Мельникова, и ему тоже угрожает котлован. В соседнем доме — квартира Окуджавы, оттуда же видна поленовская церковь, «Московский дворик», ставший символом города, а со стороны переулка место действия кинокартины «Я шагаю по Москве».

Так что новый котлован под музей и рыть не надо, надо только построить над ним двухэтажный дом — тем более что дом более высокий рядом с мельниковским, памятником мировой архитектуры, охраняемым ЮНЕСКО, строить нельзя. И здесь образовалось бы средоточие жизни арбатской интеллигенции. Эту идею поддерживают в беседах со мною президенты Академии архитектуры и строительства и Академии художеств.

Арбат ведь — это не красивая улица. Не петербургская улица, где восхищаешься архитектурой. Арбат должен славиться другим — духом интеллигентности. А сейчас здесь толпятся лишь шумная молодежь да туристы-иностранцы, люди постарше уже не приходят — с тех пор как лавочки убрали. А музей изменил бы Арбат. Арбат вообще нуждается в изменении. Здесь должны быть букинистические лавки, где студент мог бы купить старую недорогую книгу. Нужно восстановить одну из церквей, лучше всего создававшую дивную панораму колокольную храма Николы Явленного, — когда на большой улице храм, здесь и ведут себя по-другому.

Я тороплюсь, хочу успеть вложить мои знания, мой опыт носителя арбатской интеллигентской традиции — а это уже своеобразный реликт. Есть еще одно начинание. К 850-летию столицы выпустили однотомную энциклопедию Москвы, я ее главный редактор. Правда, тогда слишком торопились, не всё успели. И сегодня, на рубеже веков, мне хочется ее дополнить, включив сведения о научных конгрессах, музыкальных конкурсах, спортивных матчах, о пребывании в Москве знаменитых немосквичей и, конечно, со справочными данными действительно обо всех улицах и памятниках, новое из литературы, изданной к юбилею, и сделать новое двухтомное издание. Я обратился с этим к столичному мэру. Новая энциклопедия должна стать полным объективным неполитизированным справочником, к которому, хочется думать, будут обращаться и в канун 900-летия Москвы.

Для человека моего возраста дорого и важно не только заниматься любимым делом, но и чувствовать себя востребованным. И хотелось бы успеть приложить опыт и силы к этим московским начинаниям.

БЕСЕДА В КАНУН 80-ЛЕТИЯ

Ровно восемьдесят лет назад он родился в квартире Приарбатья, в которой прожил всю свою наполненную научными свершениями жизнь. Объездив полмира, он неизменно возвращался сюда, в родные стены, заставленные стеллажами с бесчисленными книгами, в комнаты старого дома, окна которого выходят в переулок с трогательным названием Кривоарбатский. И уже этого кому-то было бы достаточно, чтобы, обладая высокими учеными степенями, пользуясь уважением и в научных кругах, и в коридорах столичной власти, почивать на лаврах. Но старый арбатский житель становится одним из инициаторов празднования 500-летия любимой улицы, выпускает объемистый сборник «Арбатский архив», ратует за создание на Арбате музеев, в том числе Музея Москвы. А сколько он написал о Москве, сколько сделал для развития культуры города, для сохранения его исторического наследия... Сегодня, накануне своего юбилея, он у нас в гостях. Наш корреспондент беседует со знаменитым арбатским старожилом Сигурдом Оттовичем Шмидтом.

— Сигурд Оттович! Ваш отец — Отто Юльевич Шмидт (1891–1956) — ученый и государственный деятель, академик, вице-президент АН СССР, один из основателей и главных редакторов Большой советской энциклопедии. По его инициативе в тридцатые годы прошлого века началось освоение Северного морского пути. Он руководил героическими экспедициями на «Седове», «Сибирякове» и «Челюскине», возглавлял в 1937 г. экспедицию по организации дрейфующей станции «СП-1», за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

Имя вашего отца можно найти на географических картах. В Чукотском море есть море Шмидта. А в архипелаге Северная Земля Карского моря расположен остров Шмидта, который был открыт экспедицией на ледоколе «Седов» в 1930 г. Почему же

Впервые опубликовано: Тверская, 13. 2002. 13 апр. (под назв. «Арбатский мудрец»). Беседу вел А. Нефедов.

вы не последовали его примеру, не занялись точными науками, не решили посвятить себя географическим открытиям, а стали изучать отечественную историю?

— К открытиям потянуло, но не в той области, где отсвечивал бы славой отца, не имея его дарований. Да и отец-то был энциклопедистом по знаниям и интересам, очень интересовался и историей. И конечно, я ощутил влияние мамы — видного музейного работника, автора и музейных экспозиций по истории и литературе, и книги-альбома о Лермонтове. Еще во время моего обучения в вузе, в 1939 г., я сделал свой первый доклад о времени Ивана Грозного и в значительной степени о Москве. А первая моя газетная статья вышла в 1947 г., когда Москве исполнилось 800 лет. Она была посвящена Юрию Долгорукому. Эту статью, кстати, недавно перепечатали в альманахе «Московский архив» (выпуск 1).

Хотя мои основные научные монографии посвящены России времен Ивана Грозного, но они непосредственно относятся и к первопрестольной столице. Ведь все основные события той эпохи происходили в Москве: народные восстания, земские соборы, заседания Боярской думы, здесь создавались летописные своды, накапливался царский архив.

Москвой я много занимался и как историк науки, поскольку серьезно изучал деятельность историков Карамзина, Соловьева, Забелина, Ключевского, историков и ушедшего века. Интерес к этой теме мне привил мой учитель — Михаил Николаевич Тихомиров, сам много и специально писавший о Москве, другие мои университетские учителя. О столице писали и мои ученики, некоторые из которых уже, к сожалению, ушли из жизни. Евгений Сизов написал книгу об Архангельском соборе, Александр Амосов — о Лицевом летописном своде Ивана Грозного, а Андрей Зайцев — о журнале «Русский архив» Петра Бартенева.

— Вы и сами, насколько я знаю, написали немало книг, серьезных научных монографий.

— Если считать книги, которые еще пока находятся в издательствах, то мною написано более 10 томов. Строго говоря, я не считаю их монографиями. По складу своему я человек, интересующийся сразу довольно многим. Поэтому мне надолго сосредотачиваться на чем-то одном неинтересно. И все мои книги — практически сборники статей. Порой они могут быть объединены общей темой. Пример тому — готовящиеся к печати книги о Москве и Пушкине.

— Тем более что с Арбатом связаны, быть может, самые романтические эпизоды жизни поэта...

— Меня всегда очень интересовало московское детство Пушкина. Часто выступая на эту тему, оспариваю мнение, что только Царскосельский лицей сформировал Пушкина как личность и как литератора. Именно детские впечатления будущего поэта нашли отражение в хрестоматийных теперь главах «Бориса Годунова» или «Евгения Онегина», посвященных Москве. Нет сомнения, что и арбатские улочки еще в раннем детстве запомнились Пушкину своим неповторимым колоритом.

— Как символично, что, по-моему, и ваше арбатское детство сказалось на всем дальнейшем творческом пути.

— Арбат и Приарбатье — это моя и большая, и малая родина. Под Арбатом, конечно, подразумеваю, как и другие, не только саму улицу Арбат с переулочьем, но всю местность междубульварья от Тверской до Москвы-реки, т.е. в границах до-

революционных Арбатской и Пречистенской частей. В Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета, где я преподаю уже 54-й год, с удовольствием читаю спецкурсы «Пушкин и Москва» и «Арбат в истории и культуре России». Кстати, в этом вузе сформировалось самое дорогое для меня — моя научно-педагогическая школа источниковедения.

— *В свое время ведь именно вы стали инициатором празднования 500-летия Арбата.*

— Идея отметить пятивековой юбилей одной из старейших центральных улиц Москвы возникла — и, конечно, не только у меня — в начале 1990-х гг. Но уже задолго до этого мне, как историку, стало совершенно ясно, что Арбат — это удивительное культурное средоточие Москвы. И как ученому мне хотелось понять, почему так сложилось. Дело в том, что Арбат — это не только место жительства многих деятелей искусства и культуры, в том числе писателей и поэтов, но и место, куда поселяли своих литературных героев Иван Тургенев и Лев Толстой, Андрей Белый и Алексей Толстой, Михаил Осоргин и Борис Зайцев, Михаил Булгаков и Борис Пастернак, писатели послевоенных лет.

— *Почему же, с вашей точки зрения, это произошло?*

— Традиционно Арбат был средоточием интеллигенции. Но здесь было и средоточие частной жизни. Именно на Арбате больше всего в Москве частных гимназий и лечебниц, небольших храмов. Рядом университет, консерватория, театры, близко клиники, юридические конторы. Это был район и послеполуночной жизни.

В домах долго не гас свет — москвичи не торопились разъезжаться с балов, которые давала знать, уходить из гостей. Недаром Пушкин, возвращенный из ссылки, радостно принял приглашение Соболевского и поселился на Собачьей площадке. Здесь всюду жили его знакомые. На мальчишник, который был в доме на Арбате накануне его женитьбы, основные гости могли прийти просто пешком. И это обстоятельство обуславливало особую атмосферу. И после революции здесь продолжала большей частью жить интеллигенция, служащие. В то же время здесь оставались учителя прежних гимназий. Осталось и название улицы, в то время как большинство других переименовали. Арбат остался символом преемственности традиций, но затем стал и символом тех трагедий, массовых арестов, которые проходили здесь в период сталинских репрессий. Такие люди, как Анатолий Рыбаков и Булат Окуджава, отдали дань своего творчества именно Арбату, улице, которая стала для них символом.

Поэтому не отметить в 1993 г. 500-летие Арбата было просто неразумно. Был создан юбилейный комитет во главе с мэром Москвы Ю.М. Лужковым. А.И. Мюзикантский и я стали заместителями председателя комитета. Под моей редакцией и при участии ряда авторов, среди которых был и Булат Окуджава, был подготовлен и вышел в свет в 1997 г. фундаментальный сборник документов, материалов, воспоминаний «Арбатский архив». Кстати, давно готова вторая часть «Арбатского архива», поэтому приглашаю издателей принять участие в продолжении реализации этого уникального проекта.

— *Вас без преувеличения можно назвать последним из мозикан старого Арбата. За восемь десятилетий улица, конечно же, разительно изменилась. Как по-вашему, Арбат стал краше или потерял свою индивидуальность?*

— Каждый день вижу Арбат. И все больше замечаю, что люди, впервые попавшие сюда, по этой улице судят обо всей Москве. Арбат стал и визитной карточкой Москвы, и символом России. И в то же время не считаю, что это теперь наиболее типичная для нашего города улица. Более того, она дает искаженное представление о культуре Москвы.

Думается, что Правительство Москвы, Московская городская дума должны в связи с этим принять специальное решение об Арбате. Должен быть определен самобытный стиль улицы как улицы культуры и исторической памяти. Необходимо ликвидировать торговлю здесь чем попало, всяким китчем а-ля рус. Дать возможность гостям города приобрести сувениры: книги, картины, марки, открытки, фарфоровые и другие изделия, посвященные Москве. Здесь, мне кажется, должны быть не дорогие книжные магазины, смешанные с антикварными, а средоточие книжных развалов, как в Париже, на набережных Сены. Неплохо бы открыть магазин уцененной научной книги — это привлекло бы на Арбат студентов, ученых.

Обратите внимание — на Арбате почти нет детей, им здесь неинтересно. А если бы передать дом Московского окружного военного суда (Арбат, 37) под создание здесь Музея города Москвы, ютящегося сейчас в не самых лучших помещениях, или передать эти площади Литературному музею, а вокруг построить детские площадки — здание стало бы центром притяжения детей, школьников и их родителей. Тем более что оно очень даже для этого подходит. Это единственный на Арбате уцелевший особняк дворцового типа рубежа XVIII–XIX вв. Дом с высокими потолками, большими залами, подвалами, с просторным внутренним двором. Во дворе сохранилось и здание казарм, где могли бы быть запасник музея и помещения для его служащих. А около этого дома можно было бы построить кинозал, устроить выставочные галереи. Близко, на Арбате же, дом, где жил Пушкин, мемориальный Музей-квартира Андрея Белого, Театр имени Евг. Вахтангова, Центральный дом актера, предполагается создать Центр Булата Окуджавы.

Думаю, что нужен и Музей Арбата. Лучше бы его разместить в особняке Пороховщиковых, возведенном в русском стиле в 1870-е гг. в Староконюшенном переулке. Этот дом — средоточие истории Арбата. Здесь издавались газеты, жили в свое время две замечательные семьи — семья князя Трубецкого, первого выбранного ректора Московского университета, виднейшего общественного деятеля из рода, столь много сделавшего для культуры Москвы, и семья Пороховщиковых, давшая городу не только современного популярного актера кино и театра, но и строителей музеев, архитекторов, летчиков...

Сейчас готовлю книгу об Арбате. Если судьба будет благосклонна и сумею ее закончить, то этому труду можно было бы дать название: «Когда еще Арбат существовал», что напомнит о словах самозабвенно воспевавшего Арбат Булата. Память об Арбате прошлом нужно сохранить. Но необходимо сделать и так, чтобы Арбат современный сохранил роль культурного центра в век новых знаний и новых технологий.

Когда послал первый выпуск газеты «На Арбате» в Петербург близкому мне человеку, академику Лихачеву, то Дмитрий Сергеевич в ответ на письмо заметил: «...в Петербурге любят Невский, гордятся им, но без той нежности, которую всегда ощущаешь у москвичей по отношению к Арбату».

— *Сигурд Оттович! Еще одна область вашей кипучей деятельности — участие в различных издательских программах и комиссиях. Расскажите об этом подробнее.*

— В свое время я был главным редактором энциклопедии «Москва», которую выпустили к 850-летию столицы в рамках Издательской программы Правительства Москвы. Сейчас руковожу созданием «Московской энциклопедии». Это будет двухтомное издание, первая часть которого условно называется «Лица Москвы». Энциклопедия, в отличие от предыдущей, будет гораздо более полная, но гораздо менее политизированная. В энциклопедии будут показаны и роль города в отечественной и мировой культуре, и каждодневная жизнь Москвы и москвичей.

Создание этой энциклопедии поддержал лично мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, а печататься она будет на выделенные правительством города средства в АО «Московские учебники и Картолитография». Эта типография с успехом обеспечила издание книг по программе «Московведение», которую я также координирую, а авторский коллектив, ее разработавший, не так давно получил Государственную премию. Надеюсь, что со временем этот же издательско-полиграфический комплекс выпустит в свет и энциклопедию Арбата.

Неплохих результатов добился и Московский городской совет книгоиздания, к которому и я имею некоторое отношение, возглавляя специальную экспертную комиссию. В состав комиссии входят более 30 ученых и специалистов высокой квалификации, которые организуют экспертизу содержания работ, представленных к публикации, осуществляют оценку поступивших на рассмотрение заявок и финансовых документов. Заключение и предложения комиссии рассматриваются на заседаниях Московского городского совета книгоиздания, принимающего окончательное решение о включении проектов в городские издательские программы и определяющего условия финансовой поддержки.

За время работы комиссия вынесла свое заключение по более чем 250 принятым к рассмотрению издательским проектам. Всего на сегодняшний день в рамках городских программ книгоиздания начиная с 1995 г. выпущено и готовится к выходу в свет более 200 изданий, среди которых монографии, словари, путеводители, сборники, альбомы и мультимедийные диски. Их общий тираж составляет свыше полутора миллиона экземпляров.

— *С каким настроением вы вступаете в девятый десяток своей насыщенной впечатлениями и свершениями жизни?*

— К прежнему юбилею получил большие подарки: мне обеспечили издание ряда книг и трех сборников в мою честь. Вышли книги по источниковедению и историографии, по археографии и памятниковедению, книга «Россия Ивана Грозного». В этом году ожидаю выхода книг по истории Москвы и москововедению, об общественном самосознании дворянства XVIII–XIX вв., о Пушкине. Творческих замыслов, конечно, немало. Хотелось хотя бы часть их осуществить.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — ОСНОВА РАЗВИТИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Сигурд Оттович Шмидт, видный ученый, педагог, общественный деятель, родился в Москве 15 апреля 1922 г. С 1949 г. — преподаватель МГИАИ, ставшего основой РГГУ (на кафедрах вспомогательных исторических дисциплин, отечественной истории); ныне — руководитель Центра исторического краеведения и москвоведения и заведующий кафедрой москвоведения. Первым (в 2006 г.) получил почетное звание «Заслуженный профессор Российского государственного гуманитарного университета». С конца 1956 г. основное место работы — Академия наук. С 1968 г. — председатель (с 2002 г. — почетный председатель) Археографической комиссии. Ныне — советник Российской академии наук, член Российской академии образования, иностранный член Польской академии наук. Заслуженный деятель науки РФ, главный редактор Московской энциклопедии. Председатель Союза краеведов России со времени его основания (1990 г.). Автор монографий «Становление российского самодержавства» (второе расширенное издание под названием «У истоков российского абсолютизма»), «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного», шести книг избранных трудов, сотен других работ по проблематике отечественной истории, специальных исторических дисциплин, памятниковедения. Участник многих международных конгрессов и конференций. Лауреат Макариевской премии за «выдающийся вклад в развитие отечественной исторической науки», премии Правительства РФ в области образования за «разработку концепции развития и совершенствования курса москвоведения в средних учебных заведениях г. Москвы».

— Сигурд Оттович, расскажите, пожалуйста, с чего начался ваш путь в науку?

— Рос я в окружении научных работников, и то, что должен получить высшее образование, казалось само собой разумеющимся. Тем более что учился я в бывших гимназиях в районе средоточия «арбатской» интеллигенции — сначала в школе в Кривоарбатском переулке, о которой писал А. Рыбаков в «Кортике» и «Детях Арбата», а с седьмого класса — в знаменитой тогда своими педагогами школе имени Ф. Нансена близ Никитских ворот (ее выпускникам установлен памятник «Реквием — 1941» у стены нынешнего здания школы в Малом Ржевском переулке). В старших классах четко выявилось преобладание гуманитарных интересов и способностей. Многое, видимо, объяснилось увлеченностью мамы своей работой и кругом близких ей людей. Мама была видным музейным работником — создателем выставок исторической тематики, автором книги-музея (альбом «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество»), разработчиком форм описания иллюстративных материалов для изучения истории литературы и культуры. Да и энциклопедизм отца — математика по образованию и профессорскому званию и географа-полярника по прославившим его деяниям — опирался во многом на гуманитарные знания. Для меня всего привлекательней была его работа в Большой советской энциклопедии. Рано стало особо интересным чтение энциклопедических справочников, комментариев к мемуарам.

В 1939 г. я поступил на исторический факультет Московского университета. Мне необычайно повезло — я оказался в семинаре Михаила Николаевича Тихомирова, в ту пору ставшего профессором, впоследствии знаменитого академика.

По окончании первого курса он предложил мне заниматься под его руководством, продолжая начатые было изыскания об эпохе Ивана Грозного. Он был научным руководителем дипломной работы, первой диссертации, оппонентом докторской диссертации. И я старался дальше следовать тихомировским традициям, особенно когда возглавил в 1968 г. возрожденную им Археографическую комиссию Академии наук. А тихомировские традиции — это и непрерывный труд, и источниковедческая определяющая в работе историка, и совмещение исследовательской деятельности с преподавательской, а также и памятнично-охранительной, и вовлечение молодежи в научное творчество, и помощь молодым в утверждении их положения на научном поприще.

Семинарские занятия на младших курсах (комментирование исторических источников, подготовка своих докладов и участие в обсуждении других) способствовали тому, что процесс извлечения исторической информации, обоснования ее приемов стал казаться мне не менее притягательным, чем описание и интерпретация исторических явлений.

С апреля 1941 г. начался список моих печатных трудов — страничкой в издании тезисов докладов студенческой конференции МГУ, а в мае того же года в многоотиражной газете «Московский университет» напечатали проект устава научно-студенческого общества истфака МГУ (я был младшим в числе немногих профессоров и студентов, сочинявших его). В эвакуации с маминим академическим институтом (мировой литературы) в Ташкенте, проживая в доме, где сосредоточены были и институты, и общежития, и столовая, и обучаясь на историко-филологическом факультете Среднеазиатского университета, я имел возможность ознакомиться с методикой работы филологов. В такой скученной обстановке я убеждался воочию, сколь значимы научная работа и передача знаний для тех, у кого это действительно призвание.

В студенческие годы сформировалось осознание того, что процесс обучения пожизненный, сохранение способности воспринимать новое (а тем самым — видеть устаревшее в том, что сам делал) — условие сохранения творческого потенциала (за выражение которого у пожилых людей иногда принимают мастерство повторения наработанного ранее). С годами все более осознаю и то, что моими учителями в той или иной мере оказались и старшие, и сверстники, и ученики, и авторы написанного задолго до наших дней. Так, уже после защиты докторской диссертации (январь 1965 г.) многим обогатился в близком общении со старшими по возрасту ленинградцами С.Н. Валком и Д.С. Лихачевым, с новыми уже поколениями руководимого мною научного студенческого кружка, а также благодаря проникновенному прочтению «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и готовящихся под моей редакцией к изданию трудов М.М. Богословского и С.Ф. Платонова. Слова «век живи, век учись» к характеристике жизни и творчества человека науки, преподавателя имеют самое непосредственное отношение — если не учиться самому, утрачиваешь способность (а следовательно, и право) учить других.

Наблюдая за коллегами студенческих лет и исходя из своего опыта, усвоил, что тот, кто рожден ученым, даже к подготовке семинарских докладов и курсовых работ относится как к исследовательскому труду, хотя не обладает еще научным кру-

гозором и методически беспомощен. И очень важно поддержать этот смелый порыв и в то же время изначально воспитывать уважение к приемам «ученого» ремесла, внушать, что без самостоятельной и честно-скрупулезной черновой работы не может быть достойного беловика.

Кстати, на раннем этапе моей биографии ученого большое значение сыграли именно университетские библиотеки. В кабинетах кафедр истфака МГУ были богатые библиотеки, студентов допускали к полкам, а заведующая кабинетом кафедры истории СССР, оказавшаяся матерью моей соученицы по школе, разрешала брать книги домой. На первом курсе нескольких студентов нашей группы энергичная старшекурсница вовлекла в работу по сочинению сценария театрализованного «действия» по истории МГУ к предстоящему юбилею, и нас познакомили и с хранилищем редких изданий, и с самими малотиражными изданиями. А позже, когда я стал преподавать в Историко-архивном институте, неоценимым помощником-поводырем в мире книг стал замечательный человек, заведующий библиотекой Глеб Вадимович Тронин — фронтовик, собравший еще до войны уникальную библиотеку, затем — увы! — обедненную заботившимися о дополнительной площади руководителями института.

Тогда уже сложились понятия, привлекавшие меня в ученых и преподавателях (определившие позднее и отношение к моим студентам, в которых видел будущих ученых и преподавателей). Это — неослабевающая любознательность, уважительный интерес к суждениям других, широта научной тематики и культурного кругозора, способность рассматривать историческое явление в контексте с другими и использовать междисциплинарную научную методику.

При сосредоточенности в разное время на определенной тематике я заинтересованно занимался и другими проблемами, что прослеживается по перечню печатных трудов. Всю жизнь я расширял тематику исследований (Россия времен Ивана Грозного, период просвещенного абсолютизма, теоретическое источниковедение, методология истории, историография, история архивного дела и археографии, культура и общественное сознание Нового времени, история Москвы и москвоведения, краеведение и памятниковедение, жизнь и творчество Карамзина и Пушкина), но возвращался к прежним увлечениям, причем в работах и постановочного типа, и в исследованиях эрудитского жанра. Происходило это обычно благодаря складывающимся в тот момент обстоятельствам — необходимости принять участие в научном форуме или в издании, — и тогда уже на новом витке знаний подходил к прежней или близкой к ней проблеме.

При этом придерживался основной для меня изначально избранной проблематики: только государственно-политическая история, история культуры и общественного сознания. Как теперь понимаю, особенно тянулся к темам, допускающим и аллюзии, — в годы сталинского тоталитаризма к «самодержавству» Ивана Грозного и формам абсолютизма в XVIII в. и неизменно размышлял и о самом близком мне — о феномене российской интеллигенции, о судьбах интеллигентов. Выбирал те темы, где не было ограничений в обращении к источниковой базе (хотя долго оставались ограничения в истолковании исторических явлений). Но, не имея возможности размышлять публично обо всем, о чем хотелось бы написать, никогда не писал того, что не соответствовало моим взглядам, и потому к написа-

нию работ по некоторым темам приступил сравнительно поздно. И при всей зависимости — иногда и невольной — нашего сознания от современных общественных тенденций сумел избежать участия в начинаниях откровенно конъюнктурной направленности; и это позволяет на старости лет без редакторской правки переиздавать сочинения и многодесятилетней давности.

— *Вы известны и педагогической деятельностью: в энциклопедическом словаре написано, что вы создали «научно-педагогическую школу в источниковедении». Когда началась преподавательская работа? Как она совмещается с научной?*

— Когда на пятом курсе М.Н. Тихомиров спросил, куда хочу подавать в аспирантуру — в Академию наук или в МГУ, я выбрал истфак МГУ, чтобы оставаться в атмосфере вуза. И, будучи аспирантом, с августа 1945 г. начал преподавать в Заочной высшей партийной школе — это чтение курсовых работ по отечественной истории и групповые занятия, командировки с чтением лекций. Тогда же я обрел опыт выступлений с публичными лекциями, особенно в связи с празднованием 800-летия Москвы. И когда по окончании диссертации с февраля 1949 г. начал преподавать в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), чувствовал себя естественно и на кафедре (я почти 25 лет читал первокурсникам общий курс отечественной истории до XVIII в.), и руководя семинарскими занятиями, а затем и перед телекамерой. И никогда не порывал с МГИАИ, ставшим в 1991 г. основой для образования Российского государственного гуманитарного университета (РГУ), хотя с зимы 1956/57 учебного года главным местом моей службы стала Академия наук. И даже теперь с вводных лекций «Введение в специальность» начинается первый учебный год студентов факультета архивного дела, которые моложе меня уже в четыре раза. Вводные лекции должны помочь вхождению в круг первичных (но научных в основе) представлений, отличающихся от школьных, и о предмете «история», и об исторических источниках, т.е. обо всем том, что может источать информацию, полезную для работы историка, и о том, как изучалось наше прошлое. Продолжаю читать спецкурсы, руководить пишущими дипломные работы и диссертации.

МГИАИ считаю своей второй alma mater. Если для формирования ученого, а в значительной степени и педагога, многое дал МГУ, то для формирования педагогического мастерства и стиля взаимоотношений с учащейся молодежью главное дал Историко-архивный институт. Преподавание там способствует и моей исследовательской работе — и ее тематике, и методике воплощения в текст: темы спецкурсов — это и темы исследовательских штудий, и научно-популярных сочинений, тематика дипломных и аспирантских работ в русле моих исследований (новейших или прошлых лет). Ибо полагаю, что определение направления, даже темы работы ученика, внесение в нее поправок — обязанность учителя (как в обучении живописи, когда учитель иногда позволяет себе сделать мазок в картине своего ученика).

Учитывая специфику МГИАИ, возможность раннего приобщения студентов к архивным документам, специальное внимание я уделял изучению архивных материалов по историографии (т.е. истории исторической науки и распространения исторических знаний), а затем истории краеведения. И многие студенческие работы стали основой диссертационных и школой подготовки к изданию научного на-

следия историков. Так, дипломники совсем недавних лет издают труды классиков науки первой половины XX в. М.М. Богословского (Андрей Мельников) и С.К. Богоявленского (Андрей Топычканов).

В последнее десятилетие наибольшее внимание уделял проблемам развития краеведения и изучения его истории. Раньше это были спорадические труды мои и моих учеников об отдельных краеведах и их архивных фондах, об истории краеведения в Москве и некоторых регионах. Затем попытки обобщения и рассмотрения в плане истории науки и общественной жизни. После разгрома историко-культурного краеведения на рубеже 1920–1930-х гг., нанесшего немалый нравственный урон, тема была исключена из поля рассмотрения и историографами, и обществоведами. Перелом стал ощущаться примерно через 30–40 лет, и теперь уже утвердилось в языке науки введенное мною определение «золотое десятилетие краеведения» для характеристики краеведения первого послереволюционного десятилетия. А с демократизацией нашей жизни и возрастающей самостоятельностью провинции наблюдается все более заметный интерес к краеведению и его истории и буквально бум краеведческой литературы. Появилось уже немало и региональных энциклопедий, издание которых обеспечено поддержкой местной власти.

Особое внимание истории нашего краеведения уделяют за рубежом: в парижском университете Сорбонна в 2000 г. с нашим участием была проведена Международная конференция краеведения в России в 1890–1990-х гг. Интерес обусловлен не только тем, что наша огромная страна — многонациональная и многоконфессиональная, с разными природными условиями (а следовательно, и экологически) и историко-культурными традициями. Но и тем, что наши краеведы 1920-х гг., тесно связанные в своей работе с академической и вузовской наукой, стали предтечами в методике изучения проблем, которые ныне особенно привлекают историков и социологов. Зимой 1996/97 учебного года в ИАИ РГГУ были созданы учебно-научный центр исторического краеведения и москвоведения (который я возглавил) и кафедра региональной истории и краеведения (руководителем которой стал мой ученик и заместитель по руководству Союзом краеведов России, возникшим в 1990 г., В.Ф. Козлов). Там привлекательная обстановка для работы людей разных поколений, организуются (обычно совместно с другими учреждениями) всероссийские конференции разной тематики, в том числе о преподавании краеведения в вузах, а ежемесячные заседания в актовом зале ИАИ, где происходят представления новейшей литературы, собирают широкую аудиторию. В конце 2006 г. образованы отделение краеведения и специальная кафедра москвоведения. Это должно способствовать повышению научного потенциала и при подготовке специалистов по историко-культурному туризму.

Особо значимой для меня формой преподавательской деятельности было долготлетнее руководство научным студенческим кружком источниковедения, прекратившим существование в день празднования своего 50-летнего юбилея в апреле 2000 г., когда у меня уже не стало хватать физических сил для регулярных (3–4 раза в месяц) заседаний. В кружке объединились и студенты разных курсов, и аспиранты, и выпускники (их называли «стариками») — причем не только мои дипломники и участники моих семинаров — и на его заседаниях формировалась не

только моя научная школа. Там обсуждались доклады многообразной тематики, «обкатывались» главы диссертаций, происходили встречи с учеными Москвы и других городов, обсуждалась новая научная литература (обычно в присутствии авторов). Среди постоянных участников были и «ветераны» (член-корреспондент РАН С.М. Каштанов, который был и историографом кружка, и др.). В кружке надолго закрепились дружеские связи. Сейчас, с утратой сверстников, самые близкие мне люди — из кружковцев. Кружковцев больше всего и среди авторов статей в сборниках, изданных в мою честь в 1994 и 2000 гг. И праздниками кружковцев разных поколений становились юбилейные заседания кружка и собрания Историко-архивного института в дни моих юбилеев.

Уже известные своими трудами ученые многое извлекают для себя при встречах с заинтересованной юной аудиторией — ее восприятие более непосредственно, высказывания — более откровенны, чем у коллег с большим жизненным опытом, учитывающих и разные приводящие обстоятельства; даже по выражению молодых лиц видно: нравится ли, понятно ли. А для молодых такие необязательные и вне расписания занятия особенно важны: они стимулируют научную мысль, приобщают к приемам научных дискуссий, сплачивают лиц разного возраста, вводят в атмосферу сотворчества (даже особенно робких и молчаливых). У всех кружковцев в основе первых печатных трудов — доклады, обсуждавшиеся в кружке. Школу нашего кружка прошли десятки докторов наук и профессоров, видные ныне сотрудники хранилищ памятников истории и культуры. И приятно, что они следуют кружковым традициям в своей преподавательской деятельности в Москве и других городах — в МГИАИ появились и кружкового типа семинар С.М. Каштанова по источниковедению, и руководимый В.Ф. Козловым кружок по краеведению.

Хотя у меня некороткий перечень печатных трудов, изданный дважды в виде книги, существеннейшим достижением жизни полагаю формирование научной школы. Все наши печатные труды со временем в той или иной степени устаревают (кроме серьезно подготовленных документальных публикаций). Ощущая важность продолжения работы, часто произносят: «учитель, воспитай ученика», опуская продолжение фразы: «чтоб было у кого потом учиться». А ведь в этом суть. Преданные своему делу ученые-историки любят повторять слова завещательной грамоты московского князя XIV в.: «...чтоб свеча не погасла».

— *А какие у вас последние печатные труды? Что в печати, в планах?*

— Выход самых последних трудов обусловлен празднованием столетия со дня рождения академика Д.С. Лихачева, с которым сложились, на мое счастье, близкие отношения. В издательстве «Наука» были подготовлены к печати его книги под моей редакцией и две со статьями-послесловиями «Текстология: краткий очерк» и «Письма о добром». Переиздание этой книги середины 1980-х гг. подготовили с моим послесловием еще к 90-летию ученого, и он радостно одаривал его поздравлявших. Теперь хотелось подготовить издание в престижной академической серии «Литературные памятники», редколлекцией которой ученый много лет руководил. Это — классическое произведение художественно-моральной литературы, и потому ему место в серии изданий литературы такого уровня. Это — обогащающее чтение и для юных и для старших, безусловно, необходимое педагогам и склонным

к размышлениям о воспитании родителей. Там и мудрые афоризмы об ученом как учителе: «Долг ученого — иметь преемников. Ум ученого — давать творческую свободу своим преемникам. Доброта ученого — не иметь секретов от своих преемников», т.е. делиться с ними секретами нашего ремесла. Для заседаний в связи с юбилеем в Петербурге и Москве были подготовлены доклады, ставшие статьями. Сейчас Фонд имени Д.С. Лихачева в Петербурге намерен издать книгу, которую я писал о Дмитрие Сергеевиче на протяжении 30 лет начиная с 1976 г.

— *Вам ведь вручили Санкт-Петербургскую премию имени академика Д.С. Лихачева «За выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России».*

— Да, и это было для меня удивительно приятной неожиданностью. И потому, что оказался среди первых лауреатов премии памяти дорогого мне человека, и то, что это инициатива петербуржцев — а мне, москвичу по рождению и душевной привязанности, москвоведу и редактору энциклопедий о Москве, оказали честь, сделав меня, по рекомендации Дмитрия Сергеевича, председателем жюри Анциферовской премии за работы по петербурговедению. Особое ощущение испытывал, видя изображение Лихачева и на медали, вручающейся лауреатам, и на большом портрете в Зале юбилейного заседания в Мраморном дворце, и на календаре, и в других изданиях. Это — действительно на редкость хорошо отражающий образ Лихачева снимок, сделанный на заседании президиума Фонда культуры, единственный известный экземпляр которого — в книжном шкафу моего кабинета. Дмитрию Сергеевичу, увидевшему у меня дома фото, оно очень понравилось, и ему захотелось написать об этом на его обороте. И поэтому, когда готовили к 90-летию его издание «Писем о добром», воспроизвели именно такое изображение, показавшееся особенно выразительным и тем, кто стал организатором юбилейных мероприятий через 10 лет...

— *Но вернемся к готовящимся вами к печати трудам...*

— По-прежнему совмещаю редакторскую и организационную работу с авторской. Как ответственный редактор изданий Археографической комиссии готовлю к печати книги «Археографических ежегодников» и другие издания комиссии, неизменно при благожелательной поддержке издательства «Наука» и его высококвалифицированных и, как все более убеждаюсь, способных многое вытерпеть редакторов. В «Археографическом ежегоднике за 2005 год» — большой массив материалов о Великой Отечественной войне, изучении ее истории, об историках — участниках войны. В «Ежегоднике за 2006 год» — комплекс материалов к 50-летию комиссии. И, как всегда, многообразная тематика других статей и документальных публикаций. Среди авторов есть и видные ученые старшего возраста, и совсем молодые, и, конечно, не только из Москвы. В печати второй выпуск новаторского научно-справочного издания «Каталог личных архивных фондов отечественных историков» с материалами за первую половину XIX в. Полагаем своим долгом готовить к печати научное наследие классиков исторической науки. Это — труды академика М.М. Богословского, собрание сочинений С.Ф. Платонова, его переписка с историками. Подготовлен и сборник материалов о нем.

Немало времени занимают и редактирование «Московской энциклопедии» и авторская работа для нее. Это готовящееся по решению Правительства Москвы своеобразное издание. Было поддержано мое предложение как главного редакто-

ра — разделить издание на две части: первая — «Лица Москвы», вторая — «Образ Москвы в прошлом и настоящем». В печати первая треть тома «Лица Москвы» на буквы А–З, включающая сведения более чем о 2500 известных москвичах (приводятся данные только об умерших с информацией о местах проживания и о захоронении). По существу, это первый краткий «Московский биографический словарь». Причастен, конечно, к редактированию и других изданий.

В связи с приближающимся 85-летием подготовлены сборники моих трудов. Уже ранее вышли книги избранных трудов: в 1997 г. — «Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии» и «Археография. Архивоведение. Памятниковедение» (обе в издательстве РГГУ), в 1999 г. — «Россия Ивана Грозного», в 2002 г. — «Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века» (обе в издательстве «Наука»), в 2004 г. — книга «История Москвы и проблемы москвоведения». Теперь в издательстве «Языки славянских культур» готовится двухтомник «Памятники письменности в культуре познания истории России»: первый том «Допетровская Русь», второй — «От Карамзина до “арбатства Окуджавы”»; там преобладает ранее напечатанное, но в приложении — фрагменты отзывов на труды других ученых. В книге «О Пушкине: статьи разных лет», готовящейся издательством «Русский путь», значительно больше впервые публикуемого. Своеобразен состав запланированного Издательством РГГУ двухтомника «После 75...». В нем и впервые публикуемое, и перепечатываемое, но главное то, что все написано не ранее апреля 1997 г.

В это десятилетие, после операции на ноге, стал менее мобилен: все более трудными становятся и командировки в другие города, тем более за рубеж. Основное время провожу за письменным столом (и по-прежнему привычно за пишущей машинкой). Пишу, пожалуй, даже больше, чем ранее, но — увы! — медленнее, чем прежде. Способен еще сосредоточиваться на написании сравнительно больших статей (преимущественно историографической или мемуарно-историографической проблематики), но с полной самоотдачей, даже с упоением отдавался более или менее длительной работе лишь дважды: когда писал о наименовании государства в России конца XV–XVII вв. (летом 1997 г.) и о коллекционере рукописей П.П. Дубровском, создателе «Депо манускриптов», т.е. современного Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (весной 2005 г.). Увлеченность и темп работы по теме «Дубровский» меня самого порадовали и приятно удивили. Ибо тематика большинства сочинений последнего десятилетия в той или иной степени близко соприкасается с темами более ранних исследований и можно опереться на изученный прежде материал. Тема же о Дубровском возникла осенью 2004 г., когда в Российской национальной библиотеке предложили организовать в Петербурге совместное с Археографической комиссией заседание к 250-летию со времени рождения Дубровского, и мне следовало по традиции произнести вступительное слово. Это устное выступление оказалось незаписанным, и при подготовке материалов конференции к печати так увлекся, что написал статью объемом более 5 листов по новым для меня архивным и печатным материалам, т.е. способность к творчеству в новой научной сфере оказалась еще не утраченной.

Ну а планы на будущее?.. Планов немало. Успеть бы сделать хотя бы часть из задуманного. Ощущаю долг сохранить память о близких мне ушедших — родных,

коллегах, учениках. А писать об этом нелегко — необходим особый настрой, должно и оградить читателя от слишком эмоционального выражения субъективных ощущений. Продолжаю собирать и даже оформлять в главы материал по теме «Пушкин в среде дипломатов». Я вообще любитель малых форм, и монографии мои по истории России времен Ивана Грозного, по существу, объединение названных разделами очерков. Это, если получится, будет первая монография классического образца, где в хронологической последовательности приводятся данные о взаимоотношениях Пушкина и лиц из круга дипломатов и их родственников и высказываются суждения о жизни и творчестве Пушкина. Хотелось бы объединить ранее написанное в книгу «Размышления историографа: проблемы и портреты», подготовить к печати в виде книги и вводные лекции для первокурсников... Но все время возникает необходимость в подготовке очередных докладов или статей. Востребованность для пожилого человека — дар судьбы. Но планировать при этом сложно, можно только благодарить за сохранение работоспособности и ощущения радости творчества, дружеское расположение учеников и помощь их (и прежде всего, сотрудника Археографической комиссии и члена редколлегии «Археографического ежегодника» Андрея Мельникова) в моей работе.

— *Совсем недавно вышла еще одна книга под вашей редакцией — «Антиистория, вычисленная математиками: О “новой хронологии” Фоменко и Носовского». С какой целью она была выпущена? Чтобы в очередной раз доказать несостоятельность метода Фоменко–Носовского?*

— И для этого, но не только. В августе 2001 г. я был участником Международной научной конференции «Великий Волжский путь», проходившей на теплоходе, видел в книжных магазинах городов — центров областей — полки с книгами Фоменко и его сотрудников, слышал от достаточно высокопоставленных лиц с ученой степенью доктора наук (естественно, негуманитарных), что изложение научное, с убедительными доказательствами. Фоменко — авторитетный академик, и тиражи его книг говорят сами за себя. Понял, что эти люди совершенно не осведомлены о современной научной литературе в области гуманитарных знаний, упускают из виду, что Фоменко — академик за труды по математике, а не истории, подходят к оценке значения книги с точки зрения ее коммерческого успеха у современников, а не степени воздействия на развитие культуры (напоминал, что тираж романа Булгарина «Иван Выжигин» намного превышал тираж вышедших тогда глав пушкинского «Евгения Онегина»). И почувствовал неодолимую потребность размышления о том, чем вызвано доверие даже, казалось бы, образованных соотечественников к фантастическим и спекулятивным построениям Фоменко. Написал большую статью для «Исторических записок» — «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания», напечатанную в 2003 г., а затем с предисловием изданную отдельной книжкой в конце 2005 г.

Не стал еще раз указывать на слабые познания и в истории и историографии и явную недобросовестность и наглость в интерпретации работ тех, кто не соглашается с Фоменко. Это сделано уже авторитетнейшими специалистами (среди писавших об этом не только ученые-гуманитарии, но и математик С.П. Новиков, физик В.Л. Гинзбург), и добавлять еще статью с разоблачениями ошибок в

освещении явлений известной мне в деталях эпохи Ивана Грозного (что, кажется, тогда еще не было предметом особого внимания критиков «новой хронологии») было ни к чему — исторически образованных людей убеждать не надо, а доверяющие Фоменковщине довольствуются — увы! — подобной же литературой. А попытался выявить социокультурные и государственно-политические обстоятельства, особенности развития культуры в мире и общественного сознания в нашей стране в конце XX в., ситуацию в сфере обучения истории и распространения исторических знаний в советский и постсоветский периоды, и именно в таком контексте подойти к «феномену Фоменко», т.е. к самим сочинениям и их восприятию. Но при этом стало очевидно, что те, кто обязан определять формы развития просвещения (и Российская академия наук, и Российская академия образования, и Министерство образования и науки) относятся равнодушно к такой общественной заразе, к геростратизму по отношению ко многим векам отечественной и всемирной истории.

То же наблюдается и в среде высшего духовенства — ведь Иисусом Христом изображаются «дубликаты» его — деятели второго тысячелетия нашей эры, и история христианства лишается героического периода жертвенности, когда за преданность вере казнили тех, в память которых имена большинства наших современников-россиян.

Убедился и в том, сколь несовершенна методика преподавания истории в средней школе и отбор материала для учебников. В учебниках отсутствуют данные о развитии исторической науки и имена ученых (которые находим в учебниках по физике, химии, биологии), о том, что у современных историков разные мнения о некоторых явлениях прошлого, не продемонстрированы приемы доказательств и опровержений, а в книгах Фоменко многих подкупает видимость такого подхода. Это учебники для запоминания, а не для размышления. Нет и впечатляющих характеристик исторических лиц, их поступков, событий — преобладает фактологически-информационный стиль изложения. Следовательно, такое изложение не воспитывает душу, и нравственный потенциал у него невелик. И при прагматическом настрое мысли современной молодежи даже совсем юные понимают, что знания о давнем времени не пригодятся в их жизненной практике, и подобная информация быстро улетучивается. Явно непродуманно распределен материал по тематическому признаку — по-прежнему преобладают сведения по государственно-политической истории, т.е. повторяется построение, навязанное некогда пропагандой уваровской триады. И потому не остается четкого представления о каждодневном образе жизни, об изменениях в нашем обиходе на протяжении описываемого периода истории. В то же время, поскольку в трудах историков и в учебниках именно в изложении событий государственно-политической истории (особенно нового и новейшего ее периодов) заметна конъюнктурная правка, то это способствует утверждению недоверия к излагаемому историками и представлений о меньшей достоверности исторических знаний, чем те, которые дают «точные науки». По «новой хронологии» хотят укоротить историю, не отрицают существования тех памятников материальной и духовной культуры, которые обычно относят к периодам древней истории и раннего Средневековья, но все это было сделано или, согласно их мнению, фальсифицировано, в XV–XVII вв. Доверие

к подобным домыслам убеждает в полном отсутствии представлений об условиях реальной жизни в те столетия — ведь не было условий для такого обилия фальсификаций — ни обиходных, ни технологических, не было и средств связи между странами и народами. Следовательно, из школьных учебников нельзя получить понятие об образе жизни людей до XVIII в., в России допетровской эпохи. Это побуждает ставить вопрос о коренном изменении содержания школьных учебников истории, во всяком случае, отечественной истории до XVIII в. Вероятно, было бы полезным внести и изменения историко-географического порядка. У детей преобладает конкретное мышление, яснее то, что можно визуально наблюдать. Стоило бы подготовить краткий учебник с основными фактами отечественной истории и истории культуры, картами, хронологическими таблицами, обязательный для всех регионов России. А в дополнение к нему — учебник или книги для чтения, предназначенные для обязательного ознакомления в регионах (вероятно, не в нынешних административных краях и областях, а в крупных регионах с общими историко-географическими особенностями). Ведь в огромной стране разные естественно-географические условия и историческое прошлое в разных местностях — север европейской части и Зауралье не знали крепостного права, не все районы претерпели столь разорительный ущерб в годы войн и нашествий, в разных регионах экономическое развитие обусловлено неодинаковыми обстоятельствами — условиями, выгодными для земледелия, скотоводства, охоты и т.п., наличием полезных ископаемых, близостью к путям мировой торговли. И в этих учебниках конкретно и с должной подробностью следует писать о событиях местной истории, имевших более широкое значение (всероссийского или даже всемирно-исторического масштаба), о знаменитых местных уроженцах, местных достопамятностях, о городах, селах, храмах, вузах, приучая при этом к пониманию того, что такое «общее» и «особенное». Это будет способствовать и краелюбию, развитию ощущения «нравственной оседлости» (выражение Д.С. Лихачева).

Пригласил И.Н. Данилевского подготовить вместе со мной книгу «Антиистория, вычисленная математиками: О “новой хронологии” Фоменко и Носовского» (2005) для распространения такого издания в массовых библиотеках, в библиотеках вузов и школ. Вышло уже немало подобной литературы, но небольшими тиражами, скромно выглядящими рядом с броскими на вид изданиями «фирмы Фоменко» (а это, несомненно, — результат деятельности коллектива авторов, ибо один или двое не могли без помощников написать столько толстых книг!). Учитывая пиетет, внушаемый званием академика, мы отобрали для перепечатки работы преимущественно тех авторов, которые тоже имеют высокие научные звания. Естественно, что это — безгонорарное издание. И забота наша сейчас — как распространить эту книгу по библиотекам, чтобы к ней смог обратиться всякий интересующийся.

— *Этот сборник статей, как и некоторые ваши труды, вышел в Издательстве РГГУ. Почему вы выбрали именно вузовское издательство?*

— Будущее науки зависит от того, кем станут нынешние студенты. И должно, чтобы причастные к вузовскому обучению, т.е. и учащиеся, и учащие, — заинтересованно и уважительно относились к вузовским изданиям, а вузовские издательства готовили книги, позволяющие не только отчитаться о том, как работают уча-

щие и учащиеся данного вуза и более широкого профиля, и прежде всего по животрепещущей современной проблематике — о новейшем в науке, но и показывающие противостояние антинаучному. В этой книге вновь собраны статьи виднейших и «именитых» специалистов, к тому же в большей части написанные с поучительным мастерством. Большинство авторов известны своей педагогической деятельностью и дорожат возможностью обращения именно к молодежи. А Издательство РГГУ я выбрал не только потому, что являюсь патриотом Историко-архивного института — нынешнего Российского гуманитарного университета и многим ему обязан, но и потому, что книги Издательства РГГУ обретают все большую известность среди научно-общественных изданий, учебно-методической литературы и книг более широкого профиля, написанных не только преподавателями РГГУ. Издается немало и переводных книг. Возрастающий интерес к изданиям этого университета можно наблюдать и на книжных ярмарках.

В последнее время ощущается, если позволительно так выразиться, бум в издательской деятельности вузов и выходит все больше монографий. Раньше преобладали (во всяком случае, по близкой мне тематике гуманитарных наук) сборники статей. Это — и возрождение давних славных традиций: ведь в дореволюционное время в Академии наук не было научно-исследовательских институтов.

Однако библиографическая информация, особенно сводного характера, не всегда удовлетворяет нашим запросам, и к тому же в вузах не хватает средств на многие кажущиеся им желательными издания научно-исследовательского типа. Ведь их главнейшая задача — удовлетворить запросы в сфере учебно-методической литературы. В Издательстве РГГУ, кстати, умело совмещается выполнение обеих задач.

Думается, что вузовские издательства должны прилагать все усилия к тому, чтобы и за пределами вуза и города, где он находится, было достаточно широко известно о научной работе вуза. Необходимо, чтобы была полезная (т.е. насыщенная конкретными данными) информация о научных конференциях, организованных вузами или вузом совместно с другими учреждениями: книга материалов конференции, или тезисы выступлений, или изложение хода заседаний. В вузах университетского типа было бы хорошо регулярно (может быть, даже ежегодно) издавать книгу с информацией обо всех конференциях (в вузе в целом или на отдельных его факультетах и в других подразделениях). И было бы полезно в периодических вузовских изданиях или в иных печатать данные обо всех защищенных в данном вузе (или на ученом совете его факультета) диссертациях — причем не перечень, но краткую аннотацию в 2–3 страницы, как и об изданных вузовским издательством трудах. Такой опыт аннотирования исследований был в издании докладов и сообщений исторического факультета МГУ в первые послевоенные годы. Там же целесообразно было бы печатать полностью оглавления издающихся сборников научных трудов независимо от их тиража.

Важно ввести в практику публикацию не только лекционных курсов или иных работ ныне действующих преподавателей, но и научно-педагогического наследия скончавшихся преподавателей — и очень хорошо, что в Издательстве РГГУ уже пошли по этому пути. Конечно, желательно изыскать средства для публикации лучших диссертаций, особенно тех авторов, которые являются (или становятся)

преподавателями данного вуза. В приложениях бесполезно публиковать иногда и отзывы или фрагменты отзывов на диссертацию.

Показатель научного уровня вуза — публикация трудов студентов и аспирантов, не говоря уже о том, что это значит для самих молодых людей. Знаю это по опыту своему и моих сверстников, по опыту моих учителей. Я наблюдал, как это сказало на дальнейшей судьбе студентов. Для многих в Историко-архивном институте первые публикации стали путевкой в научную жизнь. Будучи ответственным редактором десятков книг, пожалуй, наиболее радостное волнение испытывал, готовя к печати сборники студенческих трудов, и горжусь тем, что перечни печатных трудов некоторых современных историков, архивистов, музееведов, журналистов начинаются статьями в этих изданиях. И радуется, что в РГГУ стали сейчас издавать сборники студенческих работ по итогам летней производственной практики.

— *Отличаются ли современные учебники от тех, по которым занимались вы? Как вы оцениваете качество книг вузовских издательств?*

— Современные учебники принципиально отличаются от тех процессом их создания. Я учился при тоталитарном режиме, когда была установка на издание единого и обязательного учебника для всех. Там все контролировалось, согласовывалось, редактировалось в высших партийных органах или в соответствии с их указаниями (речь идет, конечно, об учебниках гуманитарного цикла). Появлялись постепенно лишь немногие книги, обычно лекционные курсы профессора, отличавшиеся один от другого лишь стилистикой изложения схожего материала в схожей интерпретации, например, лекции по отечественной истории до XIX в. К.В. Базилевича и В.И. Лебедева. Сейчас немало учебных пособий (прежде всего лекционных курсов) индивидуальных и коллективных, подготовленных в вузах. Но подчас разного качества. Имею в виду не степень даровитости авторов, уровень оригинальности, а скорее, культуру подготовки — не всегда отмечается первоисточник при пересказе чужих суждений, использовании материала других исследований, учебных пособий, избегают обязательных историографических сведений о литературе того же сюжета, не приводятся библиографические данные. Радует, что много учебных пособий по краеведению и по истории краеведения, главным образом касающихся местности расположения вуза. В 1992 г. вышла моя небольшая книга «Краеведение и документальные памятники». Это была первая попытка рассмотреть историю краеведения в контексте истории и науки, общественного сознания и условий общественно-политической жизни за три столетия с указанием достижений краеведов, изучавших отдельные местности, со ссылками на соответствующую литературу. И как приятно сознавать, что за пятнадцать лет книжка заметно устарела в частях, где опубликована информация о развитии краеведения на местах (столько появилось новой литературы об этом!), и впервые изданы труды краеведов (столько имен возвращено из забвения!). Все издания эти — свидетельства начала нового этапа в историографии краеведения, а следовательно, истории музейного и архивного дела.

— *Согласны ли вы с мнением, что учебник — это только обобщенное представление об изучаемой науке?*

— В зависимости от того, что понимать под наукой и тем более преподаванием научных знаний. Наука и, соответственно, учебник, лекции — это не только

знание о комплексе явлений, о сфере каких-то знаний, но и о том, как добываются эти знания, о методике и инструментарии постижения знаний, о терминологии сферы знаний и обосновании именно таких толкований, об истории развития знаний. И учебник, и лекция должны содержать не только набор фактов (это можно узнать и из других книг и статей) и излагать их в определенной системе, но и обоснование именно такой системы представлений. Должно прежде всего учить самостоятельно размышлять и находить справочные издания, где можно с той или иной степенью полноты узнать об интересующем. Должно знакомить не с одним из суждений, а со всеми достойными внимания соображениями, и объяснять, почему отдается предпочтение одному из суждений, а также — что в нем невыясненного, какие вопросы остаются до сих пор без ответа, какие возникают новые.

Особенно это существенно в лекционных курсах при наличии имеющихся уже учебных пособий, тем более того же автора. Я решительный противник того взгляда, что лекционный метод обучения устарел. Если лекции плохие, они действительно не нужны или даже вредны. Недопустимо и сведение содержания лекций к повторению написанного тем же ученым и известного уже по другим изданиям, особенно учебным. Лекция, повторяю, должна учить размышлению, побуждать к самостоятельным занятиям. А для тех, кто намерен сам преподавать, лекции становятся и уроком преподавания. При этом обращается внимание или, точнее сказать, остаются в памяти подмеченные достоинства и недостатки лекции, изложения и манеры поведения лектора, даже использования им голосовых средств. Нельзя согласиться и со сторонниками тенденции заменять устный ответ — беседу преподавателя со студентом на экзамене — установлением экзаменационной оценки на основании ранее полученных баллов за выполненные ранее задания. Это не дает возможности студенту освоить некоторые навыки общения с коллегами, необходимые в его будущей деятельности, обрести умение мобилизовать силы для скорой реакции при рассмотрении какого-либо вопроса. А преподавателя это лишает возможности выявить научно перспективного студента.

Задача учителя — и высшей, и средней школы — не в том, чтобы запомнили то, что он говорит, а прежде всего, чтобы научились самостоятельно соображать, отбирать из узнанного важнейшее, находить пути поисков нового. Процесс учения — это соучастие учителя и ученика, процесс, творческий для обоих. Если этого не ощущается, нужно искать для обозначения такого взаимодействия иное определение. Естественно, что старший в общении более опытен, больше знает, пока еще быстрее соображает в данной сфере знаний. И неправилен взгляд, будто каждый обладатель ученой степени может быть педагогом. Такое не всякому дано. Педагоги по зову души иногда — увы! — не имеют ученой степени, так как им недосуг отдавать время на оформление сочинения диссертационного типа. Учитель — это тот, кто неравнодушно относится и к области своих знаний, и к студентам, умеет подойти к ним, понимает, что они не только имеют меньше знаний, чем он, но и не сразу могут понять то, что кажется преподавателю особенно важным, что у них неодинаковые способности, память, скорость восприятия, степень самостоятельности мышления. Студентов можно выбирать лишь на старших курсах, выделять тех, с кем интересно и приятно работать в дальнейшем, скажем, в период подготовки дипломной работы. Неусвоение студентом определенного комплекса

знаний, если студент старательный, — всегда свидетельство или невнимания, или малой способности преподавателя. Убеждаюсь все более в том, что настоящими педагогами и врачами можно признать только тех, кто ощущает такие занятия своим призванием.

— *«Университетской книге» исполнилось 10 лет. Что бы вы могли пожелать нашему журналу?*

— Мне кажется, очень хорошо, что у вас делятся своими соображениями и издатели, в частности, университетской литературы, и в то же время вы сообщаете интересные данные по истории издательств. Это полезный в практической части журнал, дающий новую информацию. Он приятно оформлен, со вкусом и в то же время без лишней броскости, которая сейчас так часто встречается. На хорошей бумаге, с продуманным подбором материала для каждого номера, разделенного на рубрики. Именно такая издательская культура должна быть в университетском издании. И здесь она ощущается. Поэтому я бы пожелал, чтобы вы получили много благодарных слов от тех, кто будет читать ваш журнал в будущем, до очередного юбилея.

Я бы обратил внимание на следующий аспект (может, это уже делается, просто я мог не заметить): есть некоторые известные имена, вошедшие в науку, хотелось бы выделить, как они себя проявили как издатели или как авторы именно университетских изданий, что для них значило такое участие в вузовской работе. Кроме того, стоит обратить внимание на популяризацию творчества молодых студентов и аспирантов.

ТВЕРДЫЙ ЗНАК ИСТОРИИ

Академик РАО Сигурд Шмидт:

«Заденешь прошлое — отзовется современность»

К истории он был приобщен задолго до того, как стал одним из ведущих историков России. Когда на земле Сервантеса и Гойи шла смертельная схватка республиканцев с мятежным генералом Франко, там выпустили серию открыток, на одной из которых он, еще пятнадцатилетний юноша, сфотографирован рядом с отцом, легендарным полярным исследователем, на фоне самолета, улетающего для открытия первой на планете станции «Северный полюс-1».

В «Энциклопедическом словаре» о нем сказано: «Создал научно-педагогическую школу в источниковедении». У школы мировой авторитет. К нему и его ученикам обращаются, когда надо определить достоверность исторических сведений, документов, воспоминаний. Но вот что интересно: научная школа создавалась в основном в недрах руководимого им уникального студенческого кружка источниковедения в Историко-архивном институте. Кружка-долгожителя, известного в науке сборниками трудов разных поколений его участников и завершившего свой более чем полувековой путь изданием книги «Источниковедение и краеведение в культуре России». Академик Российской академии образования. Советник Российской академии наук. Почетный председатель Археографической комиссии РАН. Председатель Союза краеведов России со дня его создания. Первый почетный профессор РГГУ. И еще мно-

Впервые опубликовано: Новая газета. 2007. 18 июня. С. 6–7. Беседу вел К. Смирнов.

го рабочих ипостасей. Но есть одна, главная. Когда однажды я беседовал с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым об этике в науке, тот рядом с С. Аверинцевым и Ю. Лотманом в числе глубоких, неподкупно честных ученых-гуманитариев назвал и его имя. И грустно добавил: может, потому никто из них так и не стал членом нашей Академии (уже после этого разговора С. Аверинцева все же избрали в РАН).

Итак, мой собеседник — Сигурд Шмидт.

— Сигурд Оттович! В популярной передаче на телеканале «Культура» услышал: Россия переживает кризис историзма. Это верно?

— Сказал бы так: мы живем в час глухого исторического беспамятства и одновременно — необычайно сильной жажды возвращения к своим истокам, историческим корням. От того, что пересилит, зависит будущее страны.

У нас слишком часто цитируются, но редко глубоко понимаются пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А ведь это ключевые слова — о связи с предками, о памяти истории как пище для сердца.

— У Пушкина в черновиках дальше было:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

— Да, самостоянье через сердце. Или, употребляя современную терминологию, историзм — в генофонде людей. Ибо у простого человека, не обремененного научными историческими изысканиями, чувство историзма не возникнет, если оно не заденет его сердца. Но, увы, сегодня он в России поставлен в условия, когда для одних жизненным стимулом становится нажива, а для других выживание. Человек, приспособляясь, учится трезво оценивать, что в этих условиях помогает ему, а что оказывается бесполезным. И, к сожалению, для очень многих, как им кажется, в число якобы бесполезного попадает знание истории, а следовательно, и осознание исторического опыта.

Когда число этих многих в реальности, а не в пропагандистских клише превышает некую критическую массу, тогда в головах людей рождается исторический вакуум. Это и есть тот самый кризис историзма, о котором вы спрашиваете. Открывается дорога для беспамятства, для напора невежества и, что особенно печально, для наживы на нем. В этот темный омут затягивает даже академиков РАН, чему свидетельство широкая реклама антинаучной «новой хронологии» академика А. Фоменко.

Кризис этот охватил все общество и катастрофически проявился в политико-государственной сфере в начале 1990-х гг. Когда, казалось бы, образованные люди, обладающие в своей профессии специальными знаниями, абсолютно проигнори-

ровали исторический фактор, традиции, свойственные России, попытались неревальными темпами — буквально за 500 дней — перенести на ее почву опыт передовых стран, не знавших наших потрясений и войн. Чудеса все-таки требуют куда более серьезного обоснования.

Поток антиисторизма (часто под маской сенсационных «разоблачений») буквально захлестнул телеэкраны, эфир, страницы бульварных романов и желтой прессы. Даже такой бесспорный мастер, как Никита Михалков, может, например, себе позволить, намеренно дав в титрах название фильма «Сибирский цирюльник» в дореволюционном написании, вклеить грамматическую ошибку. Твердый знак — дань сегодняшней моде! — в конце поставили. Но что слово «цирюльник» писалось тогда через «ы», никто не догадался. Я уже не говорю о других фактических «накладках» в этом фильме. А ведь великие зачинатели нашего кино всегда очень серьезно относились к подобным «мелочам» и не гнушались пользоваться советами знающих консультантов.

Заметки на полях. Личное. Вспоминаю эпизод студенческих лет. Мы проходили военные сборы в Таманской дивизии. Однажды нас подняли на рассвете по тревоге и привезли на грузовиках на Белорусский вокзал. Там шли киносъемки, и мы понадобились в качестве статистов. Я подошел к командовавшему всем человеку с рупором и спросил: «Какое это время?» — «Май или июнь сорок пятого». — «Но тогда еще на погонах не было эмблем, как у нас». Мы, мальчишки военных лет, прекрасно разбирались в знаках отличия и Красной армии, и вермахта. Но важны ли такие мелочи через двенадцать лет после войны? Я ожидал, что этот озабоченный, крайне занятый — весь в деле — человек просто отмахнется. Но он сказал: «Спасибо». И несколько минут спустя через громкоговоритель над перроном прозвучало: «Студентам МГУ снять с погон эмблемы». Как оказалось, мы участвовали тогда в съемках заключительных кадров фильма Калатозова и Урусевского «Летят журавли».

— Вы упомянули «новую хронологию» академика А. Фоменко, назвав ее антинаучной. Но ее сторонники приводят контрдовод. Когда-то неевклидова геометрия тоже считалась не имеющей ничего общего с действительностью. А потом нашла подтверждение в атомной физике. Не ждет ли историко-математические модели Фоменко такая же судьба?

— Не ждет. Ибо в первом случае — опережающее современников мышление, во втором — антинаука, рядящаяся в академическую тогу, спекулирующая на незнании читателей. Тех из них, кто хочет самостоятельно в этом разобраться, адресую к выпущенной РГГУ книге «Антиистория, вычисленная математиками: О «новой хронологии» Фоменко и Носовского». В ней собраны статьи крупнейших специалистов — математиков, физиков, астрономов, историков, археологов, лингвистов, в частности Ю. Лотмана, академиков РАН С. Новикова, В. Гинзбурга, А. Зализняка, В. Янина, Л. Милова.

Феномен ведь не в самих построениях новой хронологии, по которой Иисус Христос родился в 1152 г., а Чингисхан — это одновременно и Рюрик, и Мстислав Удалой, и Юрий Долгорукий. Феноменально, что этому верит часть нашей научно-технической элиты. Почему? В частности, и потому, что в книгах Фоменко и его сторонников имитируется видимость серьезной доказательной базы. Они выгодно отличаются от современной учебно-познавательной литературы нетривиальностью подходов, полемичностью стиля. Все это импонирует и молодежи с ее ис-

кренним нигилизмом полужнания, которому способствует опасная тенденция сокращения времени в школах на воспитание гуманитарными знаниями.

Главная беда: у нас утрачен иммунитет к неправде, к лженауке, который раньше прививался через широкую научно-просветительскую деятельность, в частности передачи существовавшей когда-то третьей учебной программы ТВ.

Фоменко не случайно появился тогда же, когда рынок сделал ставку на невежество и у нас начали доверять колдунам, магам, прогнозам доморощенных астрологов. Когда на веру стала браться любая фальсификация — лишь бы посенсационнее!

Неохронологи пытаются нас уверить, будто памятники материальной и духовной культуры, относимые к Античности и Средневековью, на самом деле фальсифицированы в XVI–XVII вв. (в России — в допетровскую эпоху). Доверие к такой научной спекуляции означает, что у многих наших соотечественников нет представления о реалиях жизни, о технологических возможностях людей в минувшие столетия. На школьных уроках истории им не дали таких знаний.

— У одного питерского поэта есть стихи о правде истории: все зависит от того, какие Пимены напишут ее школьный учебник. Но — если продолжить мысль — Пимен от «Единой России» напишет одну версию отечественной истории, от «Союза правых сил» — другую, от «Яблока» — третью, от КПРФ — четвертую. Возможен ли вообще в нынешних условиях единый школьный учебник истории, который удовлетворит всех?

— Думаю, возможен. Но для этого в основу и новых учебников отечественной истории, и вообще ее преподавания надо положить три принципа.

Первый. Перенацеливание преподавания с государственно-политических акцентов на культурные, общественные, на повседневную жизнь: в каких домах жили наши предки, каков был их домашний обиход, что и на какой посуде они ели, какие были у них орудия труда, оружие, средства передвижения, какие расстояния между городами...

Преподавая историю, можно и важно обращаться к той ее части, которая менее идеологизирована, сравнительно нейтральна. — к культуре, науке, технике, к быту и общению людей, к их семейным устоям. Надо переходить от освещения истории узкими лучиками наших политических карманных фонариков к расширению общего светового круга жизни.

Принцип второй. Соединение преподавания истории с краеведением.

В Сорбонне в 2000 г. собралась международная конференция, посвященная 100-летию российского краеведения. Собралась потому, что мировая наука преимущественно интересуется сейчас не государственно-политической и даже не социально-экономической историей, а историей повседневности, локальной историей, микроисторией. И тут чрезвычайно актуальными оказались подходы и методики, выработанные в нашей стране за десятилетия до этого, в первой трети XX в.

Заметки на полях. Из Архива РАН. «...Научная работа не может замыкаться в отдельные и немногие центры, но должна искать опоры в научных силах, широко рассеянных по территории России, где уже пробуждается стремление к изучению местного края и подготавливается тот живой интерес к

познанию страны, на котором воспитывается любовь к Родине» (Записка Комиссии Российской академии наук по изучению естественных производительных сил о задачах научного строительства. 30 июня 1918 г. Комиссией руководил В.И. Вернадский).

Нашими методиками, разработанными в «золотое десятилетие» отечественного краеведения (1917–1927), пользуется сейчас весь мир. Это был период тесного союза «родинovedческого принципа» (термин великого педагога К.Д. Ушинского) и большой науки.

Возвращение к этому принципу, грубо поправленному у нас сталинским разгромом российской школы краеведения, — основа возрождения чувства историзма в нашем народе, в стране, в нашей системе образования.

Думается, что школьный учебник отечественной истории в связи с этим должен существовать в двух ипостасях, быть как бы «двойной звездой». Одна из них в виде базового учебника, не очень объемного, содержащего основные факты, события, имена общероссийского масштаба. А вторая — региональный учебник (для Центра России, Поволжья, Дальнего Востока и т.д.), в котором — общие методологические подходы, но материал в основном местный.

Понять, что такое ход истории, разобраться в сложном триединстве: человек — природа — культура, в том, что сейчас относят к экологии, культурологии, экологии культуры, легче, обращаясь к визуально, на расстоянии собственного взгляда, окружающей тебя жизни. Все становится личностнее, ближе. И поэтому понятнее.

Вот почему повсеместное возвращение России в последние пятнадцать–двадцать лет к краеведению на глубокой научной основе — это такое явление, которое мы можем отнести к своим бесспорным культурным достижениям. Сегодня научный потенциал российского краеведения восстановлен настолько, что может дать и методологию, и основу для толковых школьных программ и учебников.

И наконец, третий принцип. Критерии истинности, умение докапываться до истины, распознавать и защищать ее в историческом контексте. А это невозможно без системы обоснований, воспитывающей умение творчески и честно мыслить.

Чрезвычайно важно, чтобы человек еще в школьные годы усвоил не конъюнктурный (когда важность тех или иных событий, личностей меняется в зависимости от направления политического ветра), а научный, источниковедческий подход к прошлому. Этот подход предполагает обоснования степени доверия к исторической информации.

Юношей и девушек со школьных классов надо учить отличать в истории истину от лжи, уметь анализировать, какая доля правды, достоверности содержится в тех или иных исторических источниках. Учить пониманию: от того, на основании каких данных делаются выводы о прошлом своей страны, во многом зависит будущее и ее, и их самих. При таком подходе изучение истории становится сферой не только исследовательской мысли, но и формирования нравственных принципов личности.

История — учебный предмет, в котором серьезно работает память. Но все-таки главный девиз тут: «Запоминая, размышляй и доказывай».

— *А не перечеркивается ли этот девиз Единым государственным экзаменом (ЕГЭ), вводимым в школах России как всеобщая повинность, повсеместно насаждае-*

мый, как когда-то кукуруза, с такой угрюм-бурчеевской упертостью, что в пору вставлять его в гоголевский «Ревизор»: «ЕГЭ! сказали мы с Петром Ивановичем?»

— Я убежденный противник ЕГЭ, особенно при приеме в вузы гуманитарного профиля. И опасаясь, что недалёковидное экспериментирование над школой еще больше аукнется для страны. По существу, это расчет на механическое запоминание или везение, а не на развитие самостоятельной мысли.

Отец однажды спросил меня: «Кого напоминает тебе настоящий исследователь?» Я ответил какой-то банальностью. Отто Юльевич прервал: «Нет, он — как бульдог, который схватил кость и пока не разгрызет ее, не сможет отпустить, даже если сам того очень захочет». С годами я понял: это важно в науке, но и в учении тоже. А вот ЕГЭ отвращает от такого подхода.

— *И последний вопрос. «Прошлое... связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекающих одно из другого». Это мысли героя чеховского рассказа «Студент». «И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой». Близко вам такое восприятие прошлого?»*

— Да, бесспорно. Задень историю — отзовется современность. Задень современность — отзовется история. И у человека или народа, не слышащего звучания этой струны, не видящего двух концов этой единой цепи, нет будущего.

ВЕЧНЫЙ МОСКВИЧ

*По мнению знаменитого историка,
энциклопедия, посвященная городу, должна быть компактной*

У видного российского историка Сигурда Шмидта званий и регалий предостаточно. Заслуженный деятель науки России, академик Российской академии образования, советник РАН, человек, первым получивший звание заслуженного преподавателя РГГУ... Этот перечень можно было бы продолжать и продолжать, но для того чтобы представить себе масштаб личности этого человека, достаточно сказать, что коллеги нередко называют его «эталоном интеллигентности».

Особая его любовь — история Москвы. Неудивительно, что именно он, заведующий кафедрой Московского университета РГГУ и исконный житель Приарбатя, был утвержден главным редактором готовящейся к печати «Московской энциклопедии». В сентябре вышла в свет первая книга первого тома. Корреспондент «МН» побеседовал с Сигурдом Оттовичем, который рассказал о работе над изданием, а также поделился своими идеями преобразования родной ему улицы.

— Скажите, что стало побудительным толчком к созданию новой московской энциклопедии?

— К 850-летию столицы по инициативе издательства «Большая российская энциклопедия» вышло второе издание однотомной энциклопедии «Москва». Мне предложили быть главным редактором. Издание готовилось в большой поспешности, напечатали его, даже не поправив тех недостатков, которые были замечены в

Впервые опубликовано: Московские новости. 2007. 28 сент. – 4 окт. Беседа вел Н. Аронов.

процессе работы над книгой. К тому же мы в ней не смогли соответствующим образом учесть всю ту литературу, которая была издана к 850-летию города. Кроме того, со времени выхода в свет второго издания прошло несколько знаменательных для Москвы дат, которые дополнительно вызвали появление целой библиотеки: в 1999 г. — Пушкинский юбилей, в 2001-м — 60-я годовщина битвы под Москвой, в 2005-м — 60-летие Победы и 250-летие Московского университета. Первая, еще советская, энциклопедия была сделана с явным акцентом на годы советской власти. А вторая — это пример попыток преимущественно писать на темы, которые в первом издании отсутствовали: о старине, о церковной истории, о людях высшего общества.

В общем, стало ясно, что надо готовить новую московскую энциклопедию. Я, как председатель Археографической комиссии Российской академии наук, обратился к мэру, и в 2000 г. было принято соответствующее решение. Председателем совета по изданию энциклопедии был назначен Лужков. Главным редактором утвердили меня. Через полтора года состоялось заседание, приуроченное к моему 80-летию. Я выступил там с докладом «Замыслы пожилого москвича-москвоведа и пути их реализации: “Большая Московская энциклопедия” и “Арбат — визитная карточка истории и культуры Москвы”». Еще через год началась работа по созданию новой энциклопедии. Чтобы ее было легко отличить от прежней, ей дали другое заглавие — «Московская энциклопедия».

— *По какому же принципу будет построено издание?*

— Мы решили разделить его на две части: первая — «Лица Москвы», вторая — «Образ Москвы в прошлом и настоящем». Поначалу предполагалось, что издание будет двухтомным, однако теперь ясно, что первый том будет состоять из трех книг, а второй — из двух обычных книг и атласа столицы. Если в энциклопедии «Москва» собрано около тысячи имен, у нас только на буквы от «А» до «З» около двух с половиной, а всего будет около десяти тысяч. В книгу «Лица Москвы», как и во второе издание энциклопедии «Москва», включаются только те, кого уже нет среди живых. Ныне здравствующие, пусть даже самые знаменитые и самые высокие по положению, в первый том не попадают. Мы, конечно, сделаем приложение, потому что известные люди продолжают уходить из жизни. Ельцин, например, в первую книгу первого тома готовящейся энциклопедии включен не был, хотя по формальному признаку вполне «подходит»: он в свое время занимал пост секретаря Московского комитета партии. Ульянов и Ростропович — это следующие две книги первого тома. Они в энциклопедию уже попадут. Я очень благодарен тем, кто доверился моему донкихотству и дал, оттягивая завершение работ, сделать так, как нам хотелось. В результате должен получиться первый московский биографический словарь.

— *Каковы критерии отбора тех, чьи биографии составят первый том энциклопедии?*

— Во-первых, это все те, чьи имена есть или были на карте столицы, те, в чью честь названы улицы, установлены памятники, памятные доски. Во-вторых, это люди, занимавшие определенное положение: великие князья, цари, губернаторы, секретари горкома, председатели Моссовета. В-третьих, люди, известные не столько в силу своей должности, сколько в силу популярности и авторитета среди горо-

жан. Скажем, знаменитая московская портниха Ламанова. Еще пример: в энциклопедии будет статья не только о моем учителе академике Тихомирове, именем которого названа улица, а также аудитория в Московском университете, но и о Дмитрие Ивановиче Тихомирове — человеке, который организовал первые рабочие школы, выпускал буквари в конце XIX в., чьи учебники издавались огромными тиражами (на Парижской выставке 1900 г. он получил премию за просветительскую деятельность). В-четвертых, обязательно будут статьи о тех, кто попадал в другие энциклопедии, во Всемирный биографический словарь. В-пятых, краеведы, москвоведы, основатели музеев. В энциклопедию предполагается включить имена не только москвичей, но и знаменитых людей, бывавших в Москве и как-то связанных с нашим городом. Даже иностранцев, которые не просто посещали Москву, но и оставили ее описание: Александра Дюма, Кнута Гамсуна, Герберта Уэллса, Бернарда Шоу. Наконец, наиболее видных спортсменов, побеждавших здесь. В то же время встал сложный вопрос: а что же делать с самыми знаменитыми персоналиями, которые в значительной степени составляют соль Москвы? О них будет написано как раз меньше — только то, что имеет отношение к городу. Писатель Гончаров, к примеру, учился в Москве и описал спор Пушкина с теми, кто сомневался в подлинности «Слова о полку Игореве», происходивший у него на глазах. А «Обломов», «Обыкновенная история» — это не наше. Достоевский — самый петербургский литератор, а родился в Москве. В «Дневнике писателя» он не раз возвращался к теме «Москва — Петербург». Его лебединой песней была речь в связи с Пушкинскими торжествами и открытием памятника поэту. Толстой — москвич, но берется только та сторона его жизни, что связана с городом. То же с учеными, музыкантами и т.д. Вот этот принцип мы старались выдержать. Ведь создаваемая энциклопедия — справочное, а не оценочное издание. Отсюда и наши старания найти то, что имело отношение именно к Москве: адреса, места захоронений. Это оказалось самым трудным, потому что в биографиях чаще всего таких сведений не приводят.

— *Много ли людей, чьи имена попадут в готовящееся к печати издание, вы знали лично?*

— К сожалению, да. К сожалению, потому что их уже нет. Вот я наугад открываю любую страницу: академик Бреховских — это известный физик, с которым я сидел за одним столиком в академическом санатории «Абрамцево». Лилю Брик я конечно же знал. Во-первых, она жила поблизости. Во-вторых, когда она переезжала на новую квартиру, то библиотека ее мужа Брика продавалась. И я недопустимо много для моего тогдашнего доцентского жалования набрал книг по истории. А вот еще человек, с которым я был знаком лично, — Нина Бржостовская. Мы с ней преподавали в Историко-архивном институте. Волобуев был директором Института РАН, где я работал. Волович — это очаровательная женщина, которая работала в Музее Пушкина, занималась историей жизни поэта в Москве.

— *Вероятно, здесь есть и ваши ученики...*

— Даже в этом первом томе имя очень близкого моего ученика Андрея Зайцева. Это был человек, который много сделал для подготовки первых томов исторической энциклопедии. Еще один близкий мой ученик — Александр Амосов. Он изучил московский Лицевой свод. А вот мой первый дипломник, Виктор Буганов, который стал членом-корреспондентом РАН и РАО, писал в том числе и о Москве.

— Много ли уже сейчас сделано для подготовки второго тома энциклопедии? Будут ли в нем те памятники, улицы и прочие элементы городской среды, которые исчезли, — например, знаменитая Собачья площадка? Можно ли будет с помощью энциклопедии найти одну и ту же улицу и по старому, и по новому названию?

— Сейчас на редколлегии утверждается список имен для второго тома. Исчезнувшие улицы и памятники в энциклопедии обязательно будут. В статьях про улицы мы укажем и старые, и новые названия. В материалах о людях, чьи имена есть или были на карте Москвы, мы указываем, когда их носили те или иные улицы.

Кстати, я не был сторонником того, чтобы непременно возвращать все старые названия. Когда название историческое — это одно дело, но если оно напоминает всего лишь о случайном домовладельце, делать это, на мой взгляд, вовсе не обязательно. А вот то, что с карты города в какой-то момент практически исчезли фамилии героев войны, было неправильно. И хорошо, что сейчас улицам на окраинах Москвы дали имена этих молодых людей, которые за нее сражались.

— В столице есть улица Кадырова. Будет ли Ахмад Кадыров в московской энциклопедии?

— Это очень трудная тема. Не в Кадырове дело. Мы договорились так: люди, имена которых имеются на карте столицы, но при этом с нашим городом не связаны, попадают в том «Образ Москвы». Кадыров, конечно, в Москву приезжал, но по-настоящему тесные узы со столицей Российской Федерации его не связывают. Руставели — великий человек, но в Москве он не бывал, так же как Дарвин или, например, Маркс. В первом томе автора «Капитала» нет, потому что он наш город не посещал. Но во втором — будет. Итак, повторяю, принцип такой: те, чьи имена увековечены памятниками и присутствуют на карте столицы, непременно будут во втором томе. Если же они часто бывали в Москве, то и в первом.

— Кто же станет читателем «Московской энциклопедии»?

— Мы понимаем, что это издание может быть интересно и для людей, живущих здесь, и для приезжающих в Москву, и для потомков москвичей за рубежом. Оно и для домашнего чтения, и для справок. Естественно, первый том помимо текста включит в себя только портреты, но дальше будут и карты, и другие иллюстративные материалы. Поэтому я вопреки настойчивому недовольству упорно бился за то, чтобы энциклопедию было удобно держать в руках. Нынешние «Большая российская» и «Православная» энциклопедии, издающиеся на очень высоком уровне, весьма большого размера. У меня десятки тысяч книг, но для изданий таких габаритов просто нет полок. Даже том, который мы издали, в этом смысле уже не очень удобен. А мне бы хотелось, чтобы «Московскую энциклопедию» все-таки можно было читать, сидя в кресле. Но я думаю, что в свободную продажу она почти не поступит. Она ведь издается по программе Правительства Москвы. Это означает, что по экземпляру ее обязательно нужно направить во все высшие и средние учебные заведения и т.д. Хотелось бы, чтобы была объявлена подписка на издание. Очень важно, чтобы была объявлена подписка и на «Большую Московскую энциклопедию», над которой мы сейчас начали работать.

— Расскажите, пожалуйста, об этом новом издании.

— 29 сентября была презентация «Московской энциклопедии». В тот же день состоялись публичные обсуждения и утверждение концепции многотомной

«Большой Московской энциклопедии». Это будет первая в России большая региональная энциклопедия. Мы очень благодарны тем, кто нас поддержал. И очень считываем на то, что вместо нынешнего, достаточно узкого и довольно кустарно работавшего коллектива, могущего опереться преимущественно на литературу, сформируется большой коллектив. Создан фонд «Московской энциклопедии», президентом которого стал Александр Ильич Музыкантский. Активное участие в работе над изданием будут принимать опытные работники Мосгорархива.

Издание многотомной энциклопедии — дело долгое, поэтому я внес предложение начать с подготовки томов материалов «Большой Московской энциклопедии». Выпустить, к примеру, том под заглавием «Все местности Москвы»: нынешнее название, прошлое название. Или, скажем, «Памятники и памятные доски». Или «Государственные учреждения»: досоветские, возникшие после 1917 г., наших дней. Или «Медицина»: врачи, медучреждения, высшие учебные заведения, медицинские общества, здания. «Спорт», «Театр» и т.д. Такие энциклопедии будут иметь самостоятельное значение, тем более что во всем мире интерес к Москве колоссальный. А объединить в алфавитном порядке можно было бы уже потом.

— *Можно ли сказать, что «Московская энциклопедия» содержит в себе «джентльменский набор» необходимых интеллигентному человеку сведений о Москве?*

— Джентльменский набор по определению — вещь довольно ограниченная. Что же касается «Московской энциклопедии», то она должна снабжать читателя сведениями весьма обширными, потому что, как я уже говорил, это справочное издание. Если что-то не попало в энциклопедию, в ней должно быть указано, где это найти. Мы не можем достаточно полно дать биографии всех ректоров Московского университета или Московской консерватории, но мы их перечисляем. Естественно, в статьях об университете о наиболее заметных из них будет рассказано более или менее подробно, как и о самых существенных событиях в жизни учебного заведения (даже и о том не украшающем историю Московского университета факте, что на протяжении нескольких лет его ректором был Вышинский, человек, имя которого — одно из самых страшных имен XX в.). Если говорить о человеке интеллигентном, то он обязательно ощущает кровную связь с местом, где живет. Поэтому очень важно, чтобы у нас развивалось москвоведение.

— *Как обстоит дело с преподаванием этого предмета?*

— Программа москвоведения очень большая и очень интересная. Сейчас, например, выходит второе издание хорошего пособия «Москва в экскурсиях: книга для учителей, учащихся и их родителей». Мы думаем, что центр, который создан для издания «Московской энциклопедии», будет выпускать и другие справочники по истории города, причем доступные. Есть планы возобновить серии «История одного дома», «История одного памятника», «История одной улицы» и, что очень меня прельщает, ЖЗМ — «Жизнь замечательных москвичей», которая опять же должна быть посвящена не только самым великим людям, а тем, кто был известен в Москве и много для нее сделал. Предполагается, что она будет выходить в виде книжек небольшого формата и в достаточно популярной форме, ведь воспитывать интерес к москвичам и Москве нужно на привлекательном и запоминающемся материале.

— Но многие школьники москвоведение не любят...

— Увы, очень толковые, перспективные ребята, победители олимпиад, когда их спрашивают о школе, отвечают, что москвоведение кажется им лишним. Получается это потому, что тот, кто его преподает, не чувствует своего предмета. Учителю, чаще всего историку, просто дают дополнительную нагрузку. А преподавать москвоведение не обязательно должен историк. Это должен делать тот из учителей, кого оно интересует. Может быть, надо сделать так, чтобы один преподаватель москвоведения давал уроки в нескольких школах микрорайона. А раз в месяц можно устраивать особые занятия для детей и родителей, рассказывать им о нашем городе и о том районе, где они живут. С ответами на вопросы. Некоторым старым районам можно было бы даже посвятить отдельные энциклопедии. Например, уже существует энциклопедия Якиманки, и вполне можно сделать энциклопедию Арбата и Приарбатя. Ведь это не только место, где жили многие известные люди — преподаватели университета и консерватории, артисты императорских театров, врачи, — но и место, куда «поселяли» своих героев классики литературы. Нигде больше в Москве не было такого средоточия частных гимназий, частных клиник, адвокатских контор. И почти никакой промышленности...

— Как вы относитесь к Арбату в его нынешнем состоянии?

— С глубокой печалью. Мы сами 15 лет назад подняли такой шум вокруг юбилея Арбата, что он стал восприниматься как визитная карточка Москвы. Я каждый день, если выхожу из дома, бываю на Арбате. Вижу толпы туристов, которые приезжают на него смотреть. А смотреть не на что.

Улица сравнительно некрасивая. А ведь она могла бы легко стать улицей культуры. Причем, как мне кажется, для этого поначалу не надо было бы особенно тратиться. Если бы вместо всех этих случайно подобранных ларьков были книжные развалы, то на Арбате собиралась бы совершенно другая публика. Люди шли бы сюда покупать книги, старые фотографии, старые открытки.

Второе, что можно было бы сделать. Вокруг Арбата сосредоточены почти все главные мемориальные литературные музеи и два филиала Литературного музея. И мне кажется, что Литмузей, находящийся в непригодном здании, которое вообще-то нужно бы передать церкви, можно было бы переселить на Арбат. Подходящее здание есть — на углу Кривоарбатского переулка и Арбата, где находится военное судебное заведение. Это один из немногих восстановленных после пожара 1812 г. особняков. Если бы военным можно было предложить не менее удобное строение, полагаю, они бы согласились. А Арбат сразу приобрел бы совершенно другой вид. Появились бы стаи школьников, которых ведут на экскурсию. Появились бы мамы и дети. Сейчас на Арбате вы почти не встретите детей. Не встретите вы там и стариков — им негде сидеть. А еще на Арбате должен быть магазин, где можно было бы купить литературу о Москве, изображения, значки, диски. Впрочем, если уж совсем разбежаться, то есть еще два пожелания. Арбат раньше называли улицей Святого Николая. Было три посвященных ему храма. Самый знаменитый из них — церковь Николы Явленного на углу с Серебряным переулком. У нее была удивительная колокольня. А рядом стоял знаменитый «дом с привидениями». Он был деревянный — и погиб в первый месяц войны. Если бы удалось восстановить этот кусок, то здесь бы могла быть колокольня и Музей Арбата

— *Каким вам видится лицо современной Москвы?*

— Приходится с грустью констатировать, что становишься все старше и ностальгически близко то, что связано с твоей молодостью. И конечно, очень сожалешь о некогда прелестной Собачьей площадке, о духе московских переулков. Это уже возрастное явление. И как историк я понимаю, что, став одним из величайших городов мира, Москва не могла остаться такой, какой она когда-то была. Мне повезло, что всю жизнь я прожил в одной квартире в относительно благоустроенном дореволюционном доме. А многие люди жили в переполненных коммунальках, где на кухнях было по восемь хозяек, где существовала очередь на право купаться в ванной комнате. Эти люди с охотой уезжали от всех прелестей арбатской культуры в более удобное место. К сожалению, решения о том, сохранить ли тот или иной дом, принимались в отсутствие тех, кто действительно понимал, что является настоящей культурой. Столица стала сейчас действительно похожей на крупный европейский город. И забота о ее сохранении налицо, она хорошо видна. Жаль только, что иногда не понимают, что Москва привлекает своей «московскостью» — совмещением традиций с современными удобствами.

СИГУРД ШМИДТ: С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «СЕЙЧАС»

— Формально я не коренной москвич. Родился в Москве, но родители не были москвичами, они приехали в Москву после революции. А «коренной» — предполагает, что хотя бы родители жили там. «Корень» должен быть в Москве.

— *Вы всю жизнь живете на Арбате? И Арбат был первой улицей, которую вы увидели?*

— Более того, я родился в той квартире, в которой живу. Мама хотела рожать дома. В то время это было, кстати, не редкость. И теперь моя спальня — это комната, в которой я родился.

А увидел первым, к счастью, не Арбат, а Кривоарбатский переулок. Я всегда жил в переулке. На Арбате я бы не удержался и уехал.

— *Вам не нравится то, что происходит с Арбатом?*

— Конечно, не нравится. То есть, понимаете, однозначно сказать я не могу. На моих глазах он все-таки меняется, и меняется позитивно по сравнению с тем, что там вытворялось еще лет 10 назад. Он стал очень ухоженным, он чистый, он перестал внушать страх, что тут всякие уголовные дела могут быть. На Арбате восстановилась букинистическая торговля с лотков. Арбат воспринимается как один из символов Москвы. Все-таки кто бы ни приезжал в Москву, считает необходимым побывать на Красной площади и прийти на Арбат. Но там сейчас арбатцев почти нет. Там нет детей. Может быть, мама выйдет с коляской и сейчас же перейдет в скверик. На Арбате нет стариков, потому что нигде просто посидеть. Только приезжие.

— *Но ведь это и вы пытались сделать Арбат символом Москвы?*

— Я сам в этом активно участвовал. Когда был юбилей Арбата (500 лет. — А. Ч.), я был заместителем председателя юбилейной комиссии. И на мне была культурная программа. Мы много чего делали. Ю.М. Лужков был председателем; очень деятельно во все включался. В 93 г. это была, по существу, репетиция юбилея Москвы. Теперь все считают, что это символ традиций культуры столицы. Но какой же это символ культуры сейчас — Арбат?

— *Что вы понимаете под Арбатом?*

— Под Арбатом я понимаю Арбат и Приарбатье — это идея, которая была и Булату абсолютно свойственна и которую у нас иногда забывают. Это местность, которая еще в какой-то мере уцелела, маленький, крохотный промежуток между Арбатом и Новым Арбатом и от Арбата к Пречистенке — его почти уже нету... Но мы забываем историю: до революции Арбат был в двух полицейских частях. Нынешняя четная нумерация — это была Арбатская часть, а нечетная — Пречистенская. Пушкин жил в Пречистенской части, где, кстати, и мой дом. И хотя Арбат в нашем представлении символ интеллигенции и аристократии, которая здесь жила, но центр Арбатской полицейской части находился возле Козихи (местность между нынешними Тверской улицей, Тверским бульваром, Большой Никитской и Большой Садовой. — А. Ч.), где были студенты, цыгане и проститутки. Однако для нас главное, что Арбат — место действия великой русской литературы. Действие «Войны и мира», романов Тургенева происходит здесь, я не говорю уже о мемуаристах, понятно, что и Герцен, и Андрей Белый писали о том, где они жили. В арбатские переулки поселяет свою героиню Алексей Толстой в «Сестрах». Летает над Арбатом Маргарита, здесь доктор Живаго, сюда даже поселяют Остапа Бендера. Не говоря уже о воспевавшем Арбат Окуджаве или, наоборот, критиковавших Арбат — Ямпольском и Рыбакове. Это все Арбат.

— *У вас есть мысли по переустройству улицы?*

— У меня мечта есть, чтобы на Арбат в нынешнее военно-судебное здание, которое находится на углу Кривоарбатского переулка, где стена Цоя, перевели бы Литературный музей. Его все равно должны вывезти, потому что он находится в Петровском монастыре. Место было бы идеально для музея, потому что это единственный роскошный особняк на Арбате, испорченный, конечно, стеной, которую на моем веку пристроили. Она сама по себе безобразна и к Цою, кстати, никакого отношения не имеет. Там есть еще двор со служебными помещениями. Это четырех- и трехэтажные казармы, которые можно перестроить, превратить в места для сотрудников, для запасников, как сделали в Пушкинском Доме в Петербурге Отдел рукописей... Вокруг этого места основные мемориальные литературные музеи. Если вы пойдете в сторону Пречистенки, то будет дом Аксакова. Музей Герцена, дальше — Музей Толстого, Дом-музей Пушкина, Музей Луначарского, теперь Музей Тургенева. На самом Арбате Пушкин и Окуджава... Андрей Белый. С другой стороны — Цветаева, Гоголь, Горький, Чехов, Лермонтов...

Но не может быть улицы без храма. Арбат — улица Святого Николая. Если бы восстановить колокольню и сделать новую церковь! Старую церковь Николы Явленного нельзя возродить, потому что там построена школа, а место колокольни осталось. И она в изображениях есть. Если бы восстановить колокольню, то рядом

с ней можно построить добротный небольшой храм. И тут же есть место, где можно восстановить погибший от бомбы особняк, знаменитый «дом с привидениями», который мог бы стать Музеем Арбата.

Что еще можно сделать: если букинистические магазины нельзя восстановить, за что я очень ратую, то хотя бы нужно, чтоб на Арбате был другой состав магазинов. Чтобы был не «Русский сувенир», а «Московский сувенир». Потому что приезжают все в Москву. Нужно, чтоб продавались сувениры стеклянные, фарфоровые, глиняные, деревянные, металлические, матерчатые с изображениями Арбата, Москвы, чтоб можно было привезти на память о столице и пушкинский памятник, и храм Василия Блаженного.

— *Какой был Арбат в вашем детстве? Это была спокойная улица?*

— Отнюдь нет. Именно Арбат не был спокойным. Мое детство так давно было, что я помню еще остатки полунэпманского Арбата. Тогда он был запружен движением, ведь там было 4 трамвая — 4-й, 15-й, 17-й и 31-й. Причем один доходил до Сокольников, другой — до Тестовского тупика, третий — куда-то к Киевскому вокзалу. Там были автобусы. Боялись детей пускать на Арбат, потому что каждый день кто-то погибал, ведь еще и извозчики были! Узкая улица, совершенно непригодная.

Это были остатки нэпа. На всех больших домах висела реклама. Помню магазин, куда няня меня водила. Там стояли огромные чаны, где плавали рыбы. Я выбирал ту, которая казалась мне наиболее подходящей. Мы ее покупали и несли на обед. А потом примерно с 1931–1932 г. это стала сталинская трасса. «Топтуны» стояли везде. Если мы в школьные годы задерживались, а потом наступил период, когда мы и с девушками не хотели расставаться, то на нас немедленно рычали, и мы ретировались. На Арбате же арестовали Фрида и Дунского, которых обвинили в подготовке «террористического акта из окон», хотя окна выходили во двор. Это стала улица совершенно иного типа, на которой говорили только о погоде. Арбат был букинистическим. Была масса книг. Книжные магазины и книжные ларьки. И вообще, он был удобен для жизни. Нынешние арбатские цены гораздо выше, чем, скажем, в Строгино. А если, простите, у меня нет лампочки или ниток, то я не знаю, где купить. У нас есть ювелирные магазины, есть матрешки, но нам, между прочим, нужно штопать! И лампочки перегорают!

— *У каждого из нас своя Москва. Ваша Москва — Арбат?*

— Моя Москва — это Москва, где я родился. Я очень люблю этот район. Я действительно его настоящий патриот. Это слово отнюдь не считаю замызганным. Каждый имеет малую родину, а в большой Москве, в большой малой родине есть своя малейшая, но она же и ближайшая. Для меня это Арбат, может, потому, что я жил всегда в этом месте, все близкие нам люди жили рядом. Такое человеческое общение очень обогащало. Вы сейчас себе не представляете — Арбат был одним из самых густонаселенных районов. Причем служащими. Там, где нельзя было занять под посольство какое-то здание, оно превращалось в абсолютную коммуналку. Нелучайно туда поселили Остапа Бендера, это именно «Воронья слободка». Люди жили впритык и обычно не ссорились. И здесь была не только интеллигентность, не нужно Арбату это приписывать, но была моральная устойчивость, ведь это был район, особенно подверженный репрессиям. Когда начались аресты, в нашем доме

на дюжину квартир было арестовано двенадцать человек. Мой дядя, довольно известный человек, писатель и философ Яков Эммануилович Голосовкер, вернулся из лагеря, получив «минус сто» (осужденным по статье 58 УК РСФСР запрещалось селиться в пределах 100-километровой зоны вокруг Москвы и других крупных городов. — А. Ч.). Он вернулся больной, жил много у нас, потом жил у своей двоюродной сестры в коммунальной квартире в Трубниковском переулке. И никто — ничего! Причем у дяди борода была заметная! Он — папин гимназический товарищ, если папа был похож бородой на Энгельса, то он — бородой на Маркса! Это был совершенно своеобразный мир, очень интернациональный. Было очень много людей. Хотя с Булатом мы жили в одном проходном дворе и из окна моей столовой виден его дом, мы не были знакомы. А разница всего в три года — хватало в каждом дворе своей детворы! На Арбате больше всего построили новых школ. У нас по 6 классов было параллельных! Там просто негде было сидеть, третью смену же не придумаешь! А сейчас совершенно пустой Арбат. Могу идти десять минут по переулку, по Сивцеву Вражку, и просто никого не встретить. А раньше чтоб где-то в подворотне не целовались — это было совершенно невозможно!

— *За вашу жизнь Москва очень сильно изменилась. Вам нравятся эти изменения?*

— Мне не нравится, как она изменилась, но я понимаю, что она не могла не измениться. Я историк. А историк на явления смотрит сразу в двух планах: чем это является для современников и как это будет восприниматься потомками. Я родился в доме, построенном в год начала мировой войны, где уже было отопление, провели потом и газ. У нас уже были удобства, высокие потолки и т.д. Но когда из соседних маленьких домов расселяли людей, как они радовались!

Мой брат жил в доме, который изображен в «Докторе Живаго» — с фисташковыми занавесками, двухэтажный, дом Угримова. В верхнем этаже, где жил мой брат, была одна ванная, в которой можно было помыться, только заранее зная, в какой день, и одно очко на тридцать человек!

Москву нужно было перестраивать. Другое дело, что нужно было как-то это культурнее делать. Нужно было посоветоваться, не довольствоваться чиновным мнением.

Вопрос, который меня лично очень тревожит, — погибла моя Собачья площадка. Это моя дорога в школу. Это была удивительная площадка, удивительные переулки. Их снесли, но какая-то дорога в Кремль должна была быть! Так что у меня нет однозначного отношения, как у явных сторонников сохранения всего, что было.

— *Многие европейские города консервируют свой исторический центр, может быть, и в Москве нужно сделать то же самое?*

— Требовать сохранить все как есть — это немислимо. Я сторонник сохранения московской культуры, но как историк и, в определенной мере, социолог и культуролог понимаю, как развиваются столицы. Внешний облик столиц европейских стран создавался в XVIII–XIX вв. В это время Москва была «порфиноносной вдовой», говоря словами Пушкина... Мы ведь забываем, что Москва долго не была столицей... Когда ее начали строить, Москва была изумительной. Стендаль писал, что нигде в Париже и мире нет таких замечательных дворцов с такими замечательными библиотеками и такой обстановкой! Эта Москва сгорела в 1812 г. После две-

надцатого года в центре были построены сравнительно маленькие особнячки аристократии. Кропоткин великолепно их описал, назвав эти районы «Сен-Жерменским предместьем». К концу XIX в. Москва превращается в коммерческую столицу России. Разом было воздвигнуто множество высоких домов и офисов, как мы сейчас бы выразились, — их с грустью описал Анциферов. В 1920-е гг. в новой столице именно этого едва хватило для размещения министерств, посольств, вузов, издательств. Но позднее на «исторической» территории Москвы не находилось места ни для новых школ, ни для учреждений, ни для жилья. Требовалось создание новых дорог к центру города и расширение старых... Киров спас Петербург, потому что он перестал быть столицей. Киров мог сохранить то, что было, даже церковей мало разрушил. В Москве этого нет. Тем более что у Кагановича таких культурных запросов, видимо, не было, и Сталин этого не поддерживал...

Я думаю, что Москва не будет никогда называться одним из самых красивых городов. Она и не может уже сейчас называться, потому что восхищала прежде всего изобилием златоглавых храмов и элементами евразийства. Вот даже возьмите храм Василия Блаженного — это единственный храм в своем роде!

— *Вы не считаете Москву красивым городом?*

— ...Думаю, что нет. Понимаете, сейчас, когда я видел другое... Москва не красивый город, но вот такого, вызывающего восхищение сразу, в ней нет. В Петербурге это сразу видно. Самый очаровательный город, который я видел, пожалуй, это Вена. Однако в Москве был необычайно привлекательный уют, особенно в переулках...

— *И тем не менее вы сохраняете историю Москвы.*

— Сейчас одна из моих внутренних задач — сохранить память, уважение, интерес к Москве, которой мы гордимся, которая внесла огромный вклад в развитие культуры, общественной жизни, политические достижения. В 2000 г., когда я инициировал издание «Московской энциклопедии», мне хотелось прежде всего создать первый Московский биографический словарь. И мы его создали. Одиннадцать тысяч имен! Причем только люди с двумя датами, уже ушедшие, чтобы не было споров. Даже о знаменитых академиках и мэре нет статей. Здесь не только люди должностные, не только знаменитые, но и те, которые определяли нормальную жизнь города. Поэтому у нас очень много архитекторов, священнослужителей, медиков. Формально, конечно, попадают все академики, но не только они. Есть журналисты, филантропы, купеческие семьи. Конечно, и герои войны. В отличие от других энциклопедий, у нас особый план: первый том — это лица Москвы, а второй том — образ Москвы в прошлом и настоящем. Причем мы схитрили: у нас каждый том — это 4 книги. И плюс еще издается атлас Москвы.

— *Когда заканчиваете первый том?*

— Последнюю книгу первого тома мы сдаем в этом году. Я думаю, что это очень хорошо. 10 лет — необычайно короткий срок. Решение о создании энциклопедии Юрий Михайлович Лужков подписал в ноябре 2000 г. И первоначально делалась она в основном силами моих учеников из Историко-архивного института. Я оттягивал сроки, понимая, что энциклопедия — это дело трудное. И задача не в том, чтобы написать более или менее ярко и живо. Должны быть точные информационные сведения.

Мы поставили перед собой цели, которые очень трудно оказалось выполнять. Мы старались восстановить адрес места жительства и места захоронения, а это, как правило, не интересовало тех, кто писал о людях. Это будет своеобразное доказательство роли Москвы и москвичей в истории России и даже истории мира. Это то, к чему будут обращаться через 100 лет, если захотят узнать про наших современников.

— *Вы много занимаетесь краеведением и москвоведением. По-вашему, хорошо организовано преподавание этих предметов в школах?*

— Это очень серьезный вопрос, и меня он очень волнует. Волнует меня даже по должности, я все-таки академик Академии образования, помимо всего прочего. Это предмет важный морально-политически, простите меня за высокую формулировку.

Во-первых, по-моему, у нас не вполне верно преподают его. Москва сейчас в большинстве своем населена не москвичами по своему рождению и не москвичами даже по предкам. Очень важно, чтобы не было единой системы для всего многомиллионного города. Вероятно, нужно, чтобы помимо общих положений, которые показывают всем, как меняется город, были еще и небольшие региональные работы «А что было здесь». Ведь Арбат и Строгино — совершенно разные истории.

Во-вторых, кому преподавать? У нас это становится дополнительным заданием для преподавателей истории — это неверно. Не все преподаватели истории имеют к этому вкус, а уж подавно не все могут увлечь.

Краеведение — это всегда краелюбие, и мне кажется, что краеведение должен преподавать тот, кто действительно любит свой край. Это может быть преподаватель литературы, который акцентирует внимание на том, что такие герои жили в Москве, любили в Москве, писали о Москве. Это может быть географ и биолог, это может быть физкультурник, это может быть преподаватель труда... И не обязательно иметь в каждой школе своего преподавателя. Было бы гораздо лучше, если бы один краевед преподавал в нескольких школах своего района.

Я очень огорчен, что краеведение делают факультативом, это очень обидно, потому что оно и воспитывает ту «нравственную оседлость», о которой писал Дмитрий Сергеевич Лихачев. В этом определении важно не только слово «нравственная», но и слово «оседлость». Оба слова неотделимы друг от друга.

— *Какой период в истории Москвы вам интересен больше всего? И какой больше всего нравится?*

— Как ни странно, интересен мне тот период в истории Москвы, который мне очень не нравится. У меня пять книг об Иване Грозном, мои диссертации этому посвящены. Еще я занимался пушкинско-карамзинским временем. Пушкин и Карамзин — это два человека, которых просто нельзя представить без Москвы. Это время для меня наиболее приятно...

А с точки зрения «сейчас» — меня больше всего интересует, как перемалывалась старая и закладывалась новая жизнь в 1917–1937 гг. Это время я еще лично застал, но тогда я не мог это осознать. Я видел еще людей старого мира, внешний облик, манера поведения, система мысли которых резко отличались уже от моих родителей, и уж подавно от меня, которому повязали тогда пионерский галстук. Это мне сейчас психологически очень интересно. В моем возрасте, под 90, начинаешь думать о том, что успел пережить.

АРХИВИСТ — САМАЯ ФУТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ*

— Как меняются студенты?

— Отвечая на такой вопрос, обычно отшучиваюсь: прежде всего, ощущаю все возрастающую разницу в возрасте между ними и мной, отражающуюся и на складывании наших взаимоотношений: теперь легче стать в какой-то мере старшим другом немногих из них, чем старшим товарищем многих. Особенно заметно различие в том, что на протяжении десятилетий при обязательности распределения большинство студентов старались по-настоящему овладеть практическими навыками будущей профессии. Теперь же преобладает тенденция получить достаточно широкое гуманитарное образование, а то и проще — диплом столичного вуза. И потому-то особо выделяю тех, кто поступил в Историко-архивный институт по призванию, тем более что труд знатока и хранителя памятников истории (в архивах, музеях, библиотеках), да и вообще ученого историка, никогда не становился высокооплачиваемым. А с годами убеждаюсь в том, что работа по призванию, пожалуй, единственное, что зависит от нас самих в большей мере, чем здоровье и благополучие наше и наших близких. И главное пожелание студентам, если им суждена долгая жизнь, прожить ее, получая удовлетворение от трудолюбия, занимаясь тем, что интересно и получается.

«Архивист — самая футурологическая профессия»

— Хотя в просторечии бытует выражение «сдать в архив» для обозначения «устарелости», ненужности, забвения чего-либо, на самом деле задача архивов и, соответственно, архивистов — сохранение от забвения. Ибо только то, что отберут из многообразия современной документации для передачи в архив, останется для будущего; и архивист едва ли не самая футурологическая по своему предназначению профессия. А если архивист имеет дело с памятниками давних лет, от его умения описать их и информировать об их содержании зависит востребованность этих исторических источников. Таким образом, работа архивистов ответственная и перед предками, и перед потомками, работа совестливая и в основе своей научная, так как и описание, и публикация документальных материалов всегда воспринимались как научное творчество, требующее и специальной подготовки, и достаточно широкого исторического кругозора.

Немало выпускников Историко-архивного института проявили себя и в традиционной по форме исследовательской работе, готовя к печати книги и статьи исторической тематики. Система обучения в Историко-архивном институте дает стремящимся к такому приложению своих сил возможность обрести и апробировать еще в студенческие годы навыки исследовательского труда.

* Первоначальный вариант интервью помещен в газете РГГУ «Аудитория» (2010. Окт. С. 2–4).

«Путь в науку может начаться и у первокурсника»

— С годами, и прежде всего общаясь со студентами — и со сверстниками, и с поколениями молодыми, — уразумел, что начало своей научной деятельности смею датировать не первым печатным трудом (а это — тезисы доклада второкурсника на общеуниверситетской конференции МГУ апреля 1941 г.), а докладом первокурсника в конце 1939 г. Счастье мое было в том, что руководителем семинара по отечественной истории оказался М.Н. Тихомиров (в будущем знаменитый академик) и из предложенных им тем избрал для подготовки доклада сочинения Ивана Грозного. Самостоятельно овладевал древнерусским языком, приемами ознакомления с изданиями исторических источников и с трудами ученых, писавших о XVI в. и по-разному трактовавших исторические явления. Уже в ту пору ощутил и радость, и муку творческого труда, поглощенность им. В этом во многом и наивном, и примитивном еще сочинении заложены были (как выяснилось позднее) векторы некоторых соображений, затем легших в основу моих подлинно исследовательских штудий. А когда М.Н. Тихомиров по окончании первого курса предложил работать в дальнейшем под его научным руководством, это определило по существу тематику работы на десятилетия и проблематику обеих диссертаций.

— *Что дал выпускнику истфака МГУ Историко-архивный институт?*

— Основание для ощущения, что судьба распорядилась так, что у меня две alma mater — и истфак, где прошел главную научную школу у М.Н. Тихомирова и других профессоров разных кафедр, и МГИАИ, где формировался в общении с коллегами-преподавателями и учениками не только как педагог, но и как исследователь — ведь слово «alma» переводится как «питательный, благодатный». А затем именно здесь формировалась уже моя «научно-педагогическая школа в источниковедении» — этой формулировкой в статье одноименного «Всемирного биографического энциклопедического словаря» 2000 г. горжусь более всего из того, что напечатано обо мне, — ибо сочинения историков постепенно в той или иной мере устаревают (так как обнаруживаются неизвестные ранее исторические данные, выявляются новые подходы к изучению явлений прошлого), а ученики продолжают дело учителя: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться».

И потому мне, естественно, особо дорога живая память о деятельности Научного студенческого кружка источниковедения, которым я руководил 50 лет и которому посвящена немалая литература. Отличительными чертами кружка было то, что в его работе продолжали участвовать и выпускники института («старики», начиная со сделавшегося и «историографом» кружка С.М. Каштанова — ныне члена-корреспондента РАН и заслуженного профессора РГГУ) и выступали с докладами, подготовленными под руководством не только моим и преподавателей моей кафедры (О.М. Медушевской, Е.А. Луцкого, И.А. Мироновой, А.А. Зимина, В.А. Муравьева, Ю.Я. Рыбакова, С.М. Каштанова, Е.П. Маматовой и др.), но и преподавателей других кафедр. Последнее — юбилейное — заседание было 17 апреля 2000 г. — тогда уже и физических сил не хватало для регулярных вечерних заседаний с обязательным заключительным словом; и утрачена была (когда перестал читать общий лекционный курс отечественной истории) прежняя связь с младше-

курсниками, а молодые преподаватели кафедры вспомогательных исторических дисциплин не помогали пополнению кружка (что явилось едва ли не главной побуждающей причиной перехода на другую кафедру и сосредоточения на занятиях краеведением).

17 апреля уже 2010 г. по инициативе заведующего кафедрой региональной истории и краеведения В.Ф. Козлова (ранее бывшего старостой кружка) собрались в актовом зале здания на Никольской, 15, ветераны кружка. Это была и приятная встреча, и демонстрация достижений выпускников Историко-архивного института. В период идеологического прессинга и навязывания политически актуальной тематики и одномыслия умудрялись поощрять дискуссии о происхождении и истолковании источников по отечественной истории (причем от древности до наших дней), рассуждать о теории источниковедения, вовлекать в научное творчество. Многие кружковцы получили путевки в жизнь науки с публикаций статей в сборниках студенческих трудов и в академических изданиях. Особенно по сравнению новой тогда проблематике — по источниковедению историографии, и прежде всего историографии краеведения, археографии, архивоведения. «Школу» кружка прошли и руководители государственной архивной службы, и директора центральных и иных архивов, и заведующие кафедрами университетов России, Украины, Беларуси, и видные сотрудники учреждений Академии наук, и, конечно же, преподаватели родного им вуза: В.Ю. Афиани, Б.С. Илизаров, С.С. Илизаров, С.М. Каштанов, В.П. Козлов, В.Ф. Козлов, В.В. Крылов, В.В. Минаев, В.А. Муравьев, М.Ф. Румянцева, А.Л. Станиславский, Е.В. Старостин заведовали или заведуют кафедрами; профессорами института являются (или являлись) В.В. Кабанов, И.В. Курукин, Л.М. Рошаль, С.В. Журавлев; с кружком тесно взаимодействовали ставшие профессорами Т.В. Кузнецова, М.П. Мохначева, А.Д. Степанский. Десятки кружковцев имеют ученые степени — более 25 докторов наук. Мне довелось выполнять и печальный долг написания статей, сопровождавших посмертные издания книг кружковцев Е.С. Сизова об Архангельском соборе Московского Кремля, А.А. Амосова о Лицевом летописном своде XVI в., А.Д. Зайцева о П.И. Бартеневе и журнале «Русский архив»; а также некрологов — воспоминаний о кружковцах и моих дипломниках (среди самых первых дипломников 1951 г. скончавшийся членом-корреспондентом Российской академии наук и Российской академии образования В.И. Буганов). Некоторые кружковцы стали известными журналистами — И.С. Фесуненко, бывший старостой кружка в период его подъема, В. Белецкая, доклад которой о сочинениях князя Курбского признается начальной датой работы кружка, и др.

У некоторых кружковцев возникла пожизненная дружеская близость, а с утратой сверстников наиболее близкими людьми стали для меня ученики по Историко-архивному институту, ныне, как правило, тоже уже с учеными степенями и званиями, и не только москвичи, но и проживающие в других городах, а то и государствах (К.Е. Новохатский — в Киеве, М.Ф. Шумейко — в Минске, В.И. Гальцов — в Калининграде, С.Б. Филимонов — в Симферополе).

И естественно, что там, где преподаю, отмечаются не только юбилейные даты кружка, но и мои — под грифом РГГУ вышли сборники статей в мою честь (в каждом более сотни авторов): в книге «Мир источниковедения» 1994 г. статьи лиц,

причастных к деятельности кружка, в книге 2000 г. «Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту» статьи их, и отечественных, и зарубежных ученых разных поколений — самый старший по возрасту, академик Д.С. Лихачев, родился на 71 год ранее, чем самый младший, студент, — Андрей Мельников, ныне старший научный сотрудник Академии наук и член редколлегии «Московской энциклопедии», мой ближайший друг и первый помощник и сподвижник в занятиях наукой и в других делах. «В честь» С.О. Шмидта изданы также доклады и тезисы XIV научной конференции «Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания», 18–19 апреля 2002 г., — традиционной ежегодной конференции, организованной кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и Археографической комиссией РАН к моему 80-летию, и материалы Первых всероссийских краеведческих чтений, организованных РГГУ в апреле 2007 г., к моему 85-летию.

— *Сейчас отмечают юбилей Историко-архивного института. Как вы оцениваете его вклад в развитие культуры?*

— Вклад явно весом. Это — первое в мире специализированное высшее учебное заведение столь широкого профиля. Деятельность его, выработанные за 80 лет программы и методика обучения оказали воздействие и на организацию высшего образования (сейчас готовят историков-архивистов и в других вузах бывшего Советского Союза), и на развитие практики и теории архивного дела, и на развитие науки отечественной истории (тем более что изначально установилась плодотворная связь с учеными Академии наук). Это обусловило то, что наш вуз смог стать основой для создания в 1991 г. первого в стране гуманитарного университета — РГГУ, имеющего ныне разветвленные взаимосвязи с многими отечественными и зарубежными вузами.

Должно подчеркнуть, что в советские годы в вузе уделялось особое внимание освоению «ремесла». Под таким термином подразумеваю мастерство в своей профессии — в выявлении, описании, использовании исторических источников; и в программах обучения больше, чем в других вузах, отводилось времени на преподавание специальных исторических дисциплин, истории государственных учреждений, документоведения, в последние годы — новейшей технологии в работе с историческим материалом.

Овладение такими знаниями и рабочими навыками особенно важно при подготовке справочных изданий, и потому-то преимущественно силами выпускников Историко-архивного института, моих дипломников (на первоначальном этапе В.Ф. Козлова, Н.Н. Митрофанова, С.А. Уварова, С.Ю. Шокарева, а позднее — и И.Л. Беленького, А.В. Мельникова, А.В. Топычканова, С.В. Чиркова) уже в нашем столетии удалось осуществить мое намерение подготовить «Московскую энциклопедию» — первый том ее в нескольких книгах «Лица Москвы» становится первым Московским биографическим словарем.

— *А как такая направленность обучения используется в процессе распространения научных знаний?*

— Исторический опыт в основе общественного сознания, память в фундаменте культуры и интерес к познанию прошлого, сравнению его с настоящим, исполь-

зованию при формировании представлений о будущем наблюдался постоянно, интерес к истории никогда не был уделом лишь ученых специалистов. Воспринималась история первоначально как искусство повествования о прошлом, и покровительница истории Клио — одна из древнегреческих муз. И понятно, почему созданию «исторических сочинений» отдавали силы виднейшие писатели. Как отрасль собственно науки история утвердилась в Новое время. В начале XIX в. первый российский писатель той поры Карамзин, став «историографом», разделил тома своей многотомной «Истории государства Российского» на две части: одна — повествование для широкого читателя (и, по оценке Пушкина, она стала образцом художественной прозы), и напечатанные более мелким шрифтом примечания для ученых и особо любознательных — там цитаты из первоисточников, ссылки на них и на научную литературу, частного порядка соображения. Примечания стали энциклопедией вспомогательных (специальных) исторических дисциплин той поры.

Сейчас во всем мире, в чем убеждают программы международных конгрессов недавних десятилетий, вместо акцентирования внимания на проблематике государственно-политической или в широком плане социально-экономической истории преобладает интерес к местной истории, микроистории, истории повседневности, менталитета и взаимосвязи такой проблематики с глобальной, а также к самой методике исторического исследования, к особенностям источниковой базы той или иной исторической темы. И этому отвечает совершенствование системы обучения такой методике, большее внимание к тематике местной истории, к краеведению, к внесению местного материала о прошлом и настоящем в программу и школьного обучения, в использовании визуально наблюдаемых памятников истории и культуры (в музеях и вне музеев), особенно с массовым приобщением к телевидению.

Еще с 1960-х гг. я начал предлагать моим ученикам темы по историографии краеведения, с середины 1970-х гг. стали защищать и диссертации по источниковедению и такой тематики (С.Б. Филимонов, Г.П. Присенко, В.Е. Туманов, С.В. Журавлев, В.Ф. Козлов и др.). С образованием кафедры региональной истории и краеведения (1997 г.) именно Историко-архивный институт стал средоточием деятельности Союза краеведов России и центром развития исторического краеведения в стране: с 2007 г. на его базе проведены четыре ежегодные Всероссийские исторические конференции, а «Встречи на Никольской» в последнюю пятницу каждого месяца учебного года стали форумом представления новейшей литературы по краеведению и москвоведению (особенно с образованием и первой у нас кафедры москвоведения).

Постепенно с распространением в обществе научных знаний и с возрастающим любопытством к лаборатории познания интересовали стали ответы не только на вопросы: «Кто? Где? Когда? Что? И почему “свершил”, и как это происходило?», но и на вопросы: «Откуда мы это знаем? Достоверны ли наши сведения? Основательны ли приемы исследования?», т.е., говоря научным языком, в большей мере заинтересовались и источниковедческой проблематикой. В таких условиях значение творчества историка-архивиста, востребованность его профессии возрастает.

СИГУРД ШМИДТ: «Я ЗАНИМАЛСЯ В ЖИЗНИ, ЧЕМ ХОТЕЛ»

В гостях у «ЛГ» замечательный историк, широко известный и как москвовед, советник Российской академии наук, академик Российской академии образования, заведующий первой в нашей стране кафедрой москвоведения Московского историко-архивного института РГГУ (где преподает с февраля 1949 г.!), почетный председатель Археографической комиссии РАН и Союза краеведов России, главный редактор «Московской энциклопедии», председатель Московской городской экспертной комиссии книгоиздания, заместитель председателя Московского городского совета книгоиздания, член многих научных советов и редколлегий, лауреат высоких премий, автор двадцати книг и множества статей по отечественной истории, истории культуры, по проблематике специальных исторических дисциплин — источноковедения, историографии, археографии, краеведения, заслуженный профессор РГГУ Сигурд Оттович Шмидт.

Неслучайно, что мы беседуем с историком в Год истории, этот год для Москвы особенный в историческом плане — вступил в силу проект расширения Москвы, кроме того, 2012-й богат юбилеями: двухсотлетняя дата войны 1812 г., 90-летие образования Советского Союза и 90-летие самого Сигурда Оттовича.

— В этом году у вас серьезный юбилей. Как ощущаете свой возраст — как невыносимое бремя или как драгоценный багаж для новых свершений?

— И так, и так. Бремя, конечно, ощущаю. Но пока еще посильное. Благодарю за то, что живу и могу действовать. Я понимаю, что жить долго можно только старея. А стареть — только боля. Другого пути нет. Придется с этим мириться. Опыта становится с годами больше, и осмысление становится иным, чем это было раньше, но утрачивается темп работы, утрачивается способность быть многостаночником. Скорая сообразительность еще сохраняется, но в памяти все больше выпадений. Безусловно, очень приятно, что мой юбилей был так тепло отмечен, и совершенно неожиданно для меня столько раз в СМИ. Издали к апрелю три толстые книги моих трудов: РГГУ — книгу «После 75» — работы 1997–2001 гг., и сейчас готовится к печати книга написанного после 80 лет. В издательстве «Языки славянских культур» подготовили книги статей о моем университетском учителе, академике М.Н. Тихомирове, и очередную книгу многотомного, в пяти книгах, издания моих сочинений «Памятники письменности в культуре познания истории России». Это принесло удовлетворение и радость, значит, что-то в жизни сделано. Хотя, конечно, юбилей всегда сопровождается преувеличением числа восклицательных знаков. Восклицательный знак — единственно общепринятый в такой ситуации, тут уж никуда не деться.

— Вы человек очень энергичный, занимаете много ответственных постов. Вопрос к вам как к заведующему кафедрой москвоведения Московского историко-архивного института. Есть ли сегодня у молодежи интерес к истории? Какой курс лекций вы будете читать им в новом учебном году?

— Конечно, я и исследователь, и педагог, и, пожалуй, преподаватель. Кстати, свое согласие стать заведующим кафедрой я дал, когда мне было уже сильно за восемьдесят. Наша кафедра вызывает большой интерес. Интерес этот проявляется и

в том, что в Историко-архивном институте каждую последнюю пятницу восемь месяцев в году собираются люди, интересующиеся новой литературой по москвоведению и краеведению. Появляется много свежих изданий. Студенты тоже проявляют интерес. Но сейчас, к сожалению, мы наблюдаем печальное явление: абитуриенты в первую очередь думают о тех профессиях, где их труд будет лучше оплачиваться. Профессия ученого-гуманитария никогда не была в числе высокооплачиваемых. Поэтому я лично очень ценю, когда среди студентов оказываются молодые люди не из обеспеченных семей, готовые заниматься историей, краеведением, москвоведением без надежды на большие заработки. Я совершенно убежден: главное в жизни — это заниматься делом, которое тебе интересно. Работать нужно по призванию. Могу с чистой совестью сказать: я занимался в жизни тем, чем хотел, и не ради гонорара, конъюнктуры или славы.

Пожалуй, самое значительное из сделанного мной — это созданная научная школа в Историко-архивном институте. А самое для меня дорогое — пятидесятилетнее руководство, с 1949 по 2000 г., студенческим научным кружком источниковедения. За время существования там собирались не только студенты, но и выпускники вуза, кандидаты, доктора наук, уже состоявшиеся ученые. Это действительно объединение людей, с искренним интересом занимающихся своим делом, людей, дружески относящихся друг к другу, толерантных. Все это очень способствовало развитию и моего собственного творчества, стимулировало. Сейчас сверстники мои уже ушли из жизни, поэтому самые близкие люди — мои ученики. Согревает то, что некоторым из них я дорог и интересен не только потому, что занимаю какие-то посты и имею какие-то звания, а просто по-человечески.

Студентам в новом учебном году буду читать спецкурс и первокурсникам — «Введение в специальность». Это примерно пять вводных лекций о том, что такое история, что такое исторический источник и т.д. А спецкурсы разные. Некоторые — «Пушкин и Москва» или «Арбат в культуре России» — одновременно и краеведческие, и источниковедческие.

Однако едва ли не самое значимое дело, которым занят последнее время, — не работа в Академии наук и преподавание в РГГУ, а подготовка «Московской энциклопедии». В конце прошлого века в канун 850-летия Москвы мне в издательстве «Большая российская энциклопедия» предложили стать главным редактором однотомной энциклопедии «Москва». А в начале уже нашего века я предложил издать «Московскую энциклопедию» в нескольких книгах. Председателем редакционного совета стал мэр Москвы. Ныне выходит немало региональных энциклопедий, наше издание своеобразно по построению: два тома в нескольких книгах. Первый том «Лица Москвы» с данными о людях, памятных в истории Москвы (и уже скончавшихся). Это отнюдь не только должностные лица, но и священнослужители, купцы, воины, защищавшие Москву, или жившие в ней ученые, врачи, писатели и журналисты, спортсмены, деятели театра и др. О многих из них подробности биографии я узнал впервые (адреса их проживания и места захоронения). Создан первый Московский биографический словарь, чем горжусь. Если в однотомнике «Москва» было около тысячи имен, в пяти книгах нашего издания более одиннадцати тысяч. Сейчас принято решение готовить дополнительную шестую книгу, так как с начала века ушли из жизни немало лиц, достойных включе-

ния в энциклопедию, изданы новые справочные издания о Московской городской думе, о преподавателях и выпускниках Московского университета, о космонавтах и др. — с данными о лицах, о которых должны помнить в широких общественных кругах. Основной костяк сотрудников редакции — мои ученики по Историко-архивному институту, и я был руководителем их работы над дипломными сочинениями и диссертациями.

— *Энциклопедия издается по программе книгоиздания Москвы? Какие еще наиболее значимые книги увидели свет по этой программе?*

— Да, энциклопедия издается по программе книгоиздания Москвы, возглавляет которую теперь Александр Николаевич Горбенко, заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам работы с СМИ, межрегиональному сотрудничеству, спорту и туризму, рекламе. По городской издательской программе издается много разнообразной литературы: и по истории Москвы, и об известных москвичах, и о современной Москве — градостроительстве, городской жизни, городском хозяйстве, и о Москве в изобразительном искусстве и в фотографиях. Много книг религиозно-просветительской направленности, особенно изданий для детей. Издаются избранные сочинения классиков, непременно разного типа издания к юбилейным датам: особенно много изданий о Великой Отечественной войне и пушкинианы, в том числе о выставках в Музее А.С. Пушкина. Выставка кратковременна, а в книге она навсегда воспроизводится в изображении, с научной информацией, также издаются мемуары, дневники. Есть и парадные, и дешевые издания. Значительная часть тиража бесплатно поступает в библиотеки, школы. На книжных ярмарках и у нас, и за рубежом стенды с нашими книгами неизменно привлекают посетителей.

— *Какой период из отечественной истории вызывает у вас наибольший профессиональный интерес?*

— Раньше — период Ивана Грозного. Я защитил по нему обе свои диссертации. И даже в нынешнем году написал статью о приписках, которые сделали в официальных летописях того времени — была изменена трактовка событий, характеристика исторических лиц. Считается, что это сделано самим Иваном Грозным или под его диктовку. То есть, по сути, это, безусловно, фальсификация истории своего времени в интересах власти. Я пытался определить время, когда это было сделано. Известно, кстати, что Сталин возвеличивал Грозного и находил в его деятельности оправдание собственным злодеяниям. О фальсификации Сталин, характеризуя Ивана IV в 1940-е гг., еще не знал, но, редактируя «Краткий курс истории ВКП(б)», сам поступал так же.

Возвращаясь и к другим прежним темам — к творчеству историков начала XX в., и к истории краеведения, и к Карамзину, запланировал в связи с Годом истории доклад: Карамзин об отличиях «самодержавия», воплощением которого был для него Иван III, и «самовластия», воплощением которого был Иван Грозный, и о том, какую роль сыграли тома его «Истории государства Российского» в общественном сознании современников Отечественной войны 1812 г. Близкий к историографу князь П.А. Вяземский писал позднее: «Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом годе».

Последние два года писал и по новой тематике — этюды об Отто Юльевиче Шмидте «Соображения и воспоминания сына-историка». Отец заметную роль сыграл в развитии культуры, но об этом почти не писали, потому что материалы были закрыты. Сейчас редактирую четвертый том его сочинений.

— *А как вы относитесь к расширению Москвы?*

— Это вынужденная мера. Очевидно, что Москва в своих прежних границах уже не могла выполнять все необходимые функции мегаполиса. Не должны в одном месте концентрироваться все правительственные учреждения, невозможно бесконечно расширять улицы, все это идет за счет домов, в конечном счете — за счет людей. Не уверен, что расширение необходимо в таком масштабе, но то, что оно нужно в принципе, нет никаких сомнений. Сама идея расширения Москвы кажется мне справедливой — иначе невозможно.

У нас очень много критикуют разные руководящие инстанции Москвы за то, что Москва в XX в. очень сильно перестраивалась. И перестраивалась чаще всего не так, как хотелось бы. Но совершенно не учитывают одного. Москва не могла не перестраиваться. Мы забываем элементарные вещи. Все европейские столицы уже в Новое время были столицами. Они постепенно приобретали облик города Нового времени, с более высокими зданиями, более широкими улицами, более развитой инфраструктурой, с обеспечением мест для государственных и культурных учреждений. Для иностранных посольств Москва была великой средневековой столицей, восхищавшей своей необычной архитектурой. И Кремль, и позже появившийся собор Василия Блаженного не всегда вызывали восторг, но всегда производили сильное впечатление. Ведь Москва в то время — большой европейский город! Ее размеры, раскинутость, посередине достаточно широкая река... Но когда появилась Российская империя, Москва перестала быть столицей, стала «порфиноносной вдовой», как определил Пушкин. Конечно, она все равно осталась сердцем Родины, потому что здесь венчались государи, осталась местом пребывания богатой знати. Здесь основали первый университет, здесь собиралась Уложенная комиссия во второй половине XVIII в., но все управление сосредоточилось в Петербурге. И вот когда после революции Москва вновь сделалась столицей, встал вопрос: как же все в ней разместить? Ну хорошо, в центре богатые коммерсанты построили свои, как бы мы сейчас сказали, офисы. Неслучайно на Китай-городе обосновались и ЦК партии, и Наркомтяжпром, и другие учреждения. Было еще какое-то количество приличных особняков, которые годились для размещения посольств. А дальше что? Москву все равно в 30-е гг. нужно было как-то изменять, потому что улицы не годились для оживленного движения. И, естественно, столица росла, количество различных государственных учреждений увеличивалось, появлялись научные институты, в 1934 г. в Москву перевели Академию наук. Другое дело — как это делалось. Я вот, например, родился и всю жизнь живу в одном и том же доме возле Арбата, в одном из самых уютных районов старой дворянско-особняковой Москвы. В него, конечно, тоже вторгались большие дома и неизбежно уродовали облик города, но сохранялся еще привычный уют, сейчас исчезнувший.

В такой перестройке Москвы нужно винить не столько руководителей, сколько архитекторов, потому что именно они построили эту безобразную «челюсть»

Москвы на Новом Арбате. Я бывал во многих столицах мира и такого безвкусия, полного отсутствия оригинальности не встречал. Те же высотки 1940–1950-х гг. были как-то связаны между собой, создавали своеобразный ансамбль, единое целое. Все это сегодня, при строительстве новой части Москвы, нужно учесть.

— Ясно, что в ближайшее время появится много новых улиц и проспектов. Встанет вопрос: как их назвать? Не хочется, чтобы повторилась та же бредовая ситуация, что и с названиями многих московских улиц. Надеюсь, улицы новой Москвы не будут дублироваться с маниакальным упрямством, и поколениям будущего не придется гулять по Стандартным и Монтажным и недоумевать, почему дом их находится на площади, названной в честь какого-нибудь позабытого всеми антигероя... Обо всем этом писал Юрий Поляков в статье «Где проспект Ивана Калиты?».

— Юрий Михайлович сделал доброе и важное дело. Статья его очень актуальна. Взволнованна и искренна. И очень точно показывает хаотический подход к наименованию московских улиц. Ведь если уж переименовывать, то с учетом исторических реалий. В 1990-е гг. членам Комиссии по переименованию я неоднократно говорил об этом, за что меня обвиняли в консерватизме и поступили и механически, и лукаво. Потому что возвращать старые имена стоило отнюдь не все, а только те, которые свидетельствовали о явлении, показательном для данной местности. Ну, к примеру, Остоженка — стога сена близ Кремля. Здесь все понятно. Или — названия по занятию жителей: Мясницкая, Поварская, Кисловский переулок... Или — напоминание об утраченных храмах, монастырях. Или — о поименных стрелецких полках. Но восстанавливать по случайным фамилиям домовладельцев, про которых мы ничего не знаем, которые ничего не сделали, это несерьезно. Таким образом, исчезла память о целых пластах культуры. Ведь топонимика Москвы как всякого города — источник познания города, его прошлого. Но что мы видим на деле? Возьмем николаевскую эпоху. Передовые люди той поры — Герцен и Огарев, историк Грановский, критик Белинский, Станкевич, — их сразу убрали с карты Москвы, т.е. как бы отменили их вклад в развитие России. Или вот еще факт. Совершенно стерли память о Художественном театре. Этот театр произвел переворот в мировом представлении о театре. Конечно, необходимы улицы Станиславского и Немировича-Данченко, первых главных актеров. Этих улиц нет. Улиц Вахтангова и Щукина тоже нет. Не следовало убирать и имена всех видных советских деятелей, топонимика — память и объяснение прошлого, а годы советской власти — значимый период отечественной истории. Скажем, Куйбышев — человек большой культуры и административно-организаторского дара. С его именем связан план первых пятилеток, а между тем имя его упразднено с карты Москвы и присоединявшихся к ней местностей! В то же время сохранили в пределах Садового кольца, где улицы подверглись массовому переименованию, улицу Серафимовича — побоялись, ведь это же «Дом Правительства»! Правильно Поляков возмущается по поводу отсутствия улицы, названной в честь главы Москвы князя Голицына, которому мы обязаны восстановлением города после пожара, улицы, хранящей память о жившем в конце XIX в. выдающемся мэре Москвы Алексееве. Их улиц не найдешь! Также нет улицы великого москвича, историка, ректора университета Соловьева. Безусловно, с присоединением новой территории появится немало повторяющихся наименований. Необходимо будет создать

специальную комиссию, состоящую из специалистов и обязательно учитывающую общественное мнение, обсуждать свои проекты не в узком кругу. Прежде всего наименование улицы должно иметь связь с тем, что там имеется или строится. То есть надо подойти к этому процессу с умом и с уважением к местным жителям.

— *Текущий год — Год истории. И так совпало, что и год вашего юбилея тоже. Это знаменательно. Какие мероприятия планируется провести в 2012-м?*

— Год истории, то, что он вообще был объявлен, явил уважительное отношение к тому, чем я занимаюсь. Но очень бы хотелось, чтобы это не было просто декларацией внимания к истории. Нужно, чтобы интерес к истории проник в широкие слои населения. В свое время краеведение, т.е. история своего края, считалась обязательным предметом в средней школе. Потом стала факультативом, а затем практически исчезла. А между тем это архинеобходимо! Особенно в больших городах, где значительная часть населения — новоприходцы, у которых нет корней. Это нужно прежде всего для объединения людей. Краеведением могут заниматься только те люди, которые являются краевлюбями. Надо любить предмет, надо чувствовать его. Не обязательно преподавать его должен историк. Это может быть учитель литературы, учитель географии, учитель труда, даже физкультурник — ведь можно организовать какие-то походы по историческим местам. Целесообразно было бы даже иметь одного преподавателя на несколько школ, он бы объединял таким образом ребят. Посмотрите, как изменилась сама система общения! Ведь в 20–30-е гг. все жили в коммуналках, имели общие дворы, общались друг с другом, а сейчас никто никого не знает даже в своем собственном доме! Об этом стоит, по моему, подумать Министерству образования.

Но вернемся к Году истории. Создано Общество историков. И оно будет заседать в сентябре месяце. Инициаторами этого общества выступили и научные организации, и высокопоставленные лица.

Кроме того, в этом году юбилей войны 1812 г., поэтому в Историческом музее будет открыт особый музей, посвященный войне двенадцатого года, планируются различные тематические выставки, заседания, научные конференции.

Но вот что огорчает. Полгода прошло, а особой активности не наблюдается. Ученые, конечно, свое дело делают. Они пишут работы, проводят научные конференции. Но хочется, чтобы Год истории был значимым не только для специалистов, но и для всего населения, тем более что интерес к истории, судя даже по телепрограммам, велик. Увы, он не всегда качественно удовлетворяется. Пожалуй, только канал «Культура» делает подобные передачи на подлинно научном уровне. Например, лекции «Академия», где и мне предложили прочитать пять лекций. Желательно ввести больше исторической тематики, и главное — научно подготовленной, — в программы других каналов.

— *К сожалению, элитарная литература малотиражна, а произведения массовой литературы, наоборот, выходят большими тиражами, активно рекламируются и захватывают книжный рынок. Как пробудить интерес у читателей к серьезной книге?*

— В целом с этой ситуацией справиться нелегко. Самое главное — переделать программу обучения в школе, вернуть обязательность выпускных сочинений.

Меня чрезвычайно огорчает, что часы преподавания гуманитарных предметов резко сокращаются, дети практически перестали читать. Это безобразие, абсолютное непонимание того, что нас ждет в будущем. Основные каналы телевидения очень мало пропагандируют классическую литературу. А ведь чтение книг отражается на самой способности мыслить. Конечно, Интернет, в котором все можно найти, ускоряет и облегчает работу. Но мыслить он не учит. Чтение — это, по сути, сотворчество, самый верный способ научиться самостоятельно размышлять.

Здесь есть еще такой момент. Книги нужно дарить. Когда бабушка приходит к внуку, она должна что-то принести. Лучше всего, конечно, книгу. Но когда детские книги, эффектные, в твердых переплетах, стоят баснословно дорого, то бабушка просто не имеет возможности эту книгу купить... Детские книги должны быть доступны для всех, в том числе и для малоимущих семей. Чтение хорошей книги не должно быть роскошью в материальном смысле. Ребенок должен сжиться с книгой, рисовать в ней, не опасаясь, что его за это накажут. Вот я нашел у себя «Маугли» Киплинга с иллюстрациями Ватагина в чудовищном виде... Но она сохранилась!

— *Вы сами какие книги читаете или перечитываете?*

— Я для себя все в большей мере и со все возрастающим удивлением открываю Пушкина. Его перечитываю чаще других классиков. Это такое необычайное совершенство простоты, совмещенной с мудростью, так гармонически выраженной! И как он мог так глубоко, проникновенно ощутить переживания людей, которые были намного старше его... Ведь он погиб в тридцать семь лет.

О Пушкине много пишу, сейчас готовится моя книга о нем. Иногда возвращаюсь к Толстому, к отдельным главам из «Войны и мира», иногда к Чехову. Очень люблю Лермонтова. В юности я прочел довольно много. Но мое теперешнее восприятие обретшего жизненный опыт старого профессора, к тому же усматривающего во всем источник исторической информации, настолько отличается от восприятия тех лет, что надо бы заново перечитать классику... Но, к сожалению, этого уже сделать не успею.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН СССР — Архив Академии наук СССР
ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук»
АЕ — «Археографический ежегодник»
АК РАН — Археографическая комиссия Российской академии наук
АРАН — Архив Российской академии наук
БАН — Библиотека Академии наук
ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВНИИДАД — Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
ГЦМСИР — Государственный центральный музей современной истории России
ИАИ РГУ — Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИИ АН СССР — Институт истории Академии наук СССР
ИИЕТ РАН — Институт истории естествознания и техники Российской академии наук
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ИНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук
Истпарт — Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии
КИДИС — Кружок исследователей древней и средневековой истории
ЛОИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАКИД — Московский архив Коллегии иностранных дел
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МАО — Московское археологическое общество
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Список сокращений

- НА ГЦМСИР — Научный архив Государственного центрального музея современной истории России
- НВА ГИМ — Научно-ведомственный архив Государственного Исторического музея
- ОЛРС — Общество любителей российской словесности
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
- ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
- ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного Исторического музея
- ПИ — «Проблемы источниковедения»
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПРП — Памятники русского права
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАН — Российская академия наук
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СИБАЛ (СIBAL) — Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья (Centre international d'information sur les sources de l'histoire balkanique et méditerranéenne)
- СНК — Совет народных комиссаров
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН»
- ФАД — факультет архивного дела МГИАИ
- ФБОН — Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР
- ФГД — факультет государственного делопроизводства МГИАИ
- ЦАДКМ — Центральный архив документальных коллекций г. Москвы
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусств
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
- ЦГАОРСС г. Москвы — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
- ЦДРИ — Центральный дом работников искусств
- ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрикосовы *II*: 635
Абуладзе Т.Е. *II*: 322
Август, император *I*: 81, 132, 138
Августин Блаженный *II*: 137
Авдеев Н.Н. (псевд. Алексей) *I*: 310
Авдусин Д.А. *II*: 193, 447
Авербах Л. *I*: 269
Аверинцев С.С. *II*: 721
Аверьянов В.Ю. *II*: 517
Аверьянов К.А. *II*: 430
Аврех А.Я. *I*: 260, 263
Автократов В.Н. *I*: 89, 504
Авшаров Е.Г. *I*: 338, 415
Аграновский А.А. *II*: 687
Адамович Г.В. *I*: 251
Адамсон К. *I*: 113
Адашев А.Ф. *I*: 61, 102, 120; *II*: 165, 283, 361, 403, 430, 501, 503, 510, 690, 696
Аджубей А.И. *II*: 204
Адоратский В.В. *II*: 147
Адрианова-Перетц В.П. *I*: 104, 155, 157, 505; *II*: 182, 370, 423, 429, 453
Азария, иеромонах *I*: 454
Азаров *II*: 172, 173
Айвазовский И.К. *I*: 285
Айвазян М.А. *I*: 342
Айрманн Г.-М. *I*: 114, 141
Акимова Г.С. *II*: 341
Аксаков И.С. *I*: 218, 233, 242, 283
Аксаков К.С. *I*: 283; *II*: 106, 136
Аксаков Н.П. *I*: 221
Аксаков С.Т. *I*: 283; *II*: 639
Аксаковы *I*: 263, 283, 285, 306, 352; *II*: 78, 182, 384, 575, 635, 640, 650
Аксенов А.И. *II*: 12, 13, 30
Аксенов В.П. *I*: 361
Александр I Павлович, император *I*: 193, 194, 216, 274, 317, 318, 538; *II*: 13, 15, 16, 22, 23, 37, 44, 45, 49, 121
Александр II Николаевич, император *I*: 108, 139, 146, 216, 219, 229, 248–250, 276, 537, 538; *II*: 48, 132, 142
Александр III Александрович, император *I*: 219, 221; *II*: 673
Александр Великий *I*: 38; *II*: 425
Александр Ярославич Невский, великий князь *I*: 9, 17, 160, 172; *II*: 242
Александра Федоровна, императрица *I*: 191, 208
Александров А.А. *II*: 597
Александров А.В. *I*: 385; *II*: 695
Александров В.А. *I*: 495; *II*: 165, 267, 283, 285, 373
Александров Г.Ф. *II*: 250
Александров Ю.Н. *I*: 397, 413; *II*: 522
Александровский М.И. *I*: 338, 400, 411, 415; *II*: 476
Алексеев А.Д. *I*: 280, 375, 386
Алексеев В.М. *II*: 234
Алексеев В.Н. *I*: 467; *II*: 419, 420
Алексеев Е.В. *I*: 180
Алексеев М.П. *I*: 32, 210, 342; *II*: 74
Алексеев Н.А. *II*: 746
Алексеев П.В. *II*: 558, 559
Алексеев Ю.Г. *II*: 451
Алексеевы *II*: 528
Алексей Михайлович, царь *I*: 32, 69, 88, 101, 124, 128, 131, 133, 137, 143, 147; *II*: 301, 362
Алексей, царевич *II*: 101
Алексий (Фролов), архимандрит *II*: 293
Алексий II, патриарх *II*: 293
Алексий, митрополит *I*: 34
Алеф Г. (Alef G.) *I*: 89
Алехин А.А. *I*: 353
Алигер М.И. *I*: 332
Алкивиад *II*: 402
Аллилуева Н.С. *I*: 276; *II*: 539
Алмазов С.Б. *II*: 475
Алпатов А.В. *II*: 439
Алпатов В.М. *I*: 343
Алферова А.С. *I*: 294
Алферовы *I*: 294
Альтман И.А. *I*: 510; *II*: 621
Альшиц Д.Н. *I*: 92, 160
Амвросий (Ключарев), епископ *I*: 234
Амиантов Ю.Н. *I*: 512
Амонашвили Ш.А. *I*: 167
Амосов А.А. *I*: 32, 39, 41, 89, 447, 449, 467, 506, 508, 510, 511, 528; *II*: 362, 365, 405, 420, 424, 425, 427, 428, 443, 445, 450–458, 502–504, 620, 702, 727, 739
Амосовы *II*: 452
Анастасий Синаит, преподобный *I*: 454
Анастасия Романовна, царица *I*: 26
Андреев А.А. *I*: 375
Андреев А.И. *I*: 90, 93, 443, 481, 492, 497, 498, 501, 504, 518, 520, 529; *II*: 7, 113, 259, 329, 343, 344, 351, 368, 371, 393, 395, 405
Андреев Л.Н. *I*: 301; *II*: 549
Андреев Н.А. *I*: 219, 274, 275; *II*: 576, 608
Андреев-Бурлак В.Н. *I*: 228

- Андрей Иванович, князь старицкий *I*: 34
- Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь владимирский *I*: 7, 9; *II*: 212, 442, 450
- Андроникашвили Э.Л. *II*: 229
- Андроников И.Л. *I*: 286, 332, 340, 513; *II*: 228–232, 436, 621, 657, 687
- Андрюшайтите Ю.В. *I*: 448; *II*: 275, 350, 353
- Анисимов А.И. *I*: 426
- Анна Иоанновна, императрица *I*: 232, 438; *II*: 6, 28, 71
- Анна Ярославна, княжна *I*: 97
- Анненков П.В. *I*: 166, 169, 179, 232, 235, 238, 242, 243, 319, 342; *II*: 106, 231
- Анненков Ю.П. *I*: 273, 340
- Анпилогов Г.Н. *II*: 113, 243
- Антипов Н.К. *I*: 376
- Антокольский М.А. *II*: 65
- Антокольский М.М. *II*: 40, 49
- Антокольский П.Г. *I*: 164, 299, 332, 561
- Антоний Печерский, преподобный *I*: 457
- Антонин (Капустин), архимандрит *I*: 456
- Антонова С.И. *II*: 258
- Антоновский Ю.М. *II*: 550
- Антошина Л.И. *II*: 516
- Анучин Д.Н. *I*: 567; *II*: 76, 87, 475, 636
- Анциферов Н.П. *I*: 267, 371, 412, 539; *II*: 222–228, 533, 566, 735
- Аньезе Г. *I*: 110
- Апанасенко И.Р. *II*: 388
- Апостол П.Н. *I*: 140, 355
- Апраксины *I*: 176, 205, 263, 272, 294; *II*: 21, 22, 634
- Арбузов А.Н. *I*: 252, 267, 350; *II*: 633
- Ардашникова Е.З. *II*: 254, 263, 282
- Аристотель *II*: 549
- Арманд И.Ф. *I*: 270; *II*: 152
- Арманд, братья *I*: 270
- Аронов Н. *II*: 725
- Арсений Елассонский, архиепископ *I*: 113
- Арсеньев А.Д. *I*: 323
- Арсеньева Е.А. *I*: 302
- Артамонов М.Д. *II*: 539, 674
- Артизов А.Н. *I*: 474, 478; *II*: 191
- Арциховский А.В. *I*: 10, 41, 158, 427, 465, 474, 478, 512; *II*: 86, 193, 197, 207–209, 218, 311, 334, 335, 440–452, 510, 519, 524, 621
- Асафьев Б.В. *I*: 313
- Асеев Н.Н. *I*: 163; *II*: 320
- Асина Г. *I*: 522; *II*: 596
- Асмус В.Ф. *II*: 548, 552
- Астахова В. *I*: 522
- Ауэрбах Б. *I*: 236
- Афанасий, митрополит московский *I*: 35, 39; *II*: 361
- Афанасьев Д.Н. *I*: 260, 339; *II*: 633
- Афанасьев Ю.Н. *I*: 482, 489; *II*: 259, 366, 509
- Афиани В.Ю. *I*: 212, 400, 414, 430, 448, 453, 470, 471, 477, 506, 511, 529; *II*: 372, 396, 397, 458, 460, 494, 621, 739
- Афиногенов А.Н. *I*: 289
- Ахматова А.А. *I*: 201, 209, 213, 450, 561; *II*: 139, 579
- Ашарина Н.А. *I*: 426
- Ашнин Ф.Д. *I*: 343
- Ашукин Н.С. *I*: 321, 342; *II*: 542
- Ашукина М.Г. *II*: 542
- Бабакин Г.Н. *I*: 312; *II*: 323
- Бабель И.Э. *I*: 314, 384
- Бабушкин М.С. *I*: 375
- Багалей Д.И. *I*: 158
- Багратион П.И. *II*: 478
- Багрицкий Э.Г. *II*: 163
- Бажанова О.С. *II*: 162
- Баженов В.И. *I*: 176
- Базилевич К.В. *I*: 11, 12, 116, 141; *II*: 166, 170, 171, 718
- Базылев Л. *I*: 140
- Байдин А.И. *II*: 181
- Байдина М.В. *II*: 460
- Байер Г.-З. *II*: 252
- Байрон Д.-Г. *II*: 26
- Бакай Н.Н. *II*: 265
- Бакланова Н.А. *I*: 13; *II*: 109, 115, 141
- Бакун Д.Н. *II*: 205
- Бакунина-Осоргина Т.А. *I*: 355; *II*: 20
- Балакирев М.А. *I*: 270
- Балиев Н.Ф. *I*: 315
- Бальзак О., де *I*: 250
- Бальмонт К.Д. *I*: 164, 252, 301, 307, 308, 334, 345, 347, 348, 354, 355
- Бальмонты *I*: 355
- Банасюкевич В.Д. *II*: 621
- Бантыш-Каменские *II*: 71
- Бантыш-Каменский Д.Н. *I*: 191, 214, 320
- Бантыш-Каменский Н.Н. *I*: 92, 191, 196, 214, 439; *II*: 12, 15, 43
- Барабошкина Н.С. *II*: 589
- Баранов Е.З. *I*: 283
- Баранов К.В. *II*: 597
- Барановская М.Ю. *I*: 426
- Барановский П.Д. *I*: 410, 415
- Баратынский (Боратынский) Е.А. *I*: 199, 202–204, 207, 212, 213, 286, 297, 306, 321
- Барбаро И. *I*: 140
- Барберини Р. *I*: 44, 113
- Баренц В. *I*: 113
- Баринов И.С. *I*: 218
- Барков А.С. *I*: 285, 371, 372; *II*: 583, 676
- Бармин Ф., протопоп *I*: 27
- Барсова Н.М. *II*: 161
- Барсуков А.П. *I*: 89
- Барсуков Н.П. *II*: 105
- Бартнев П.И. *I*: 150, 166, 214, 215, 217, 218, 221, 231, 243, 247, 319, 322, 326, 328, 399, 449, 560; *II*: 231, 337, 469, 470, 495, 496, 498, 519, 522, 621, 702, 739
- Бартнев С.П. *I*: 150
- Барто А.Л. *I*: 300; *II*: 203
- Бартрам Н.С. *I*: 410, 415
- Басенков Н. *I*: 256
- Басистов А.П. *II*: 135
- Басистов П.Е. *I*: 221, 238; *II*: 135
- Баскина Л. *II*: 595, 596
- Басков В. *II*: 651, 655
- Басманов П.Ф. *I*: 135
- Басовская Н.И. *I*: 487, 510, 523
- Батаева Т.В. *II*: 289
- Баталов А.В. *II*: 590
- Баторий Стефан, король *I*: 113, 123
- Батый, хан *II*: 218
- Батюшков К.Н. *I*: 172; *II*: 40
- Бахрушин А.А. *I*: 408
- Бахрушин С.В. *I*: 11, 15, 33, 108, 288, 400, 424, 497; *II*: 98, 109, 123, 138, 139, 164–174, 180, 191, 193, 200, 217, 241–243, 265, 283, 284, 288, 289, 334, 370, 403, 433, 434, 519, 524, 525, 697
- Бахрушин Ю. *II*: 675
- Бахрушины *II*: 528, 635

- Башкирцева М.К. *I*: 249, 253
 Бейлис М.М. *II*: 146
 Беклемишев-Берсень И.Н. *I*: 76
 Белашова Е.Ф. *II*: 539, 540
 Беленький И.Л. *I*: 485, 492, 499, 501, 503, 508, 515; *II*: 345, 373, 517, 740
 Белецкая В.В. *I*: 505, 506, 521, 522; *II*: 358, 391, 739
 Белецкий А.И. *II*: 552, 553
 Беликов А.И. *I*: 174
 Белинский В.Г. *I*: 104, 105, 139, 152, 198, 202, 204, 206–208, 212, 213, 237, 241, 242, 248, 252, 315, 319, 356; *II*: 39, 45, 48, 64, 79, 87, 101, 304, 336, 472, 639, 659, 746
 Белицкий Я.М. *I*: 275, 340, 341
 Белов И.П. *I*: 309
 Белогуров М. *I*: 515
 Белозерова И.В. *II*: 282
 Белоконь Е.А. *II*: 450
 Белокуров С.А. *I*: 89, 106; *II*: 420, 423, 424, 458
 Белосельские-Белозерские, князья *II*: 23
 Белосельский-Белозерский А.М. *I*: 164
 Белоусов И.А. *II*: 533
 Белый А. (псевд. Бугаева Б.Н.) *I*: 168, 222, 227, 254, 265, 267, 276, 289, 290, 292, 295, 297, 298, 301, 303, 305, 315, 327, 339, 344, 347, 348, 350, 351, 353, 354, 360, 365, 560; *II*: 317, 322–323, 548, 566, 567, 569, 579, 583, 592, 600, 631, 632, 636, 638, 640, 644, 653, 700, 703, 732
 Белявская И.М. *II*: 276
 Белявский М.Т. *I*: 396, 399, 401, 512; *II*: 171, 187, 191, 258, 275–279, 524, 539, 597
 Беляев И.С. *I*: 258
 Беляев Л.А. *I*: 180, 184
 Бенедиктов В.Г. *II*: 304
 Бенкендорф А.Х. *I*: 172, 193, 194, 217
 Бенуа А.Н. *II*: 323
 Бергавинов С.А. *I*: 377
 Берггольц О.Ф. *I*: 164
 Бердяев Н.А. *I*: 347, 354, 356, 367; *II*: 146, 150, 635, 641, 652, 658, 697
 Бердяевы *I*: 313
 Бередников Я.И. *I*: 476
 Берелович Ал. (Berelowitch A.) *II*: 480
 Берелович Ан. *II*: 480
 Берелович В. (Berelowitch W.) *II*: 480
 Берестов В.Д. *I*: 166
 Берже Ф. *I*: 248
 Берия Л.П. *II*: 330
 Берлин А.Е. *I*: 312, 358
 Берлиоз Г. *I*: 270
 Берне Р.Ф. *II*: 90, 97
 Бернштам Л.А. *I*: 250
 Берри Л. *I*: 44
 Берсенев И.Н. *I*: 371
 Бессонов В.А. *I*: 341; *II*: 498
 Бестужев А.А. — см. Бестужев-Марлинский А.А.
 Бестужев М.А. *II*: 38
 Бестужев Н.А. *II*: 47
 Бестужев-Марлинский А.А. *I*: 187, 199, 322
 Бестужев-Рюмин К.Н. *I*: 105, 158, 405, 421; *II*: 33, 69, 98, 99, 102
 Бестужевы-Рюмины *I*: 176
 Бетховен Л., ван *I*: 552
 Бецкой И.И. *II*: 18, 25, 29, 30
 Бёрне Л. *II*: 66
 Бибииков М.В. *I*: 456
 Библер В.С. *II*: 345
 Бизяев Ивашка, ярославец *I*: 134
 Билибин И.Я. *I*: 164, 335
 Биллиг И.В. *II*: 556
 Биллингтон Дж. *II*: 322
 Билль-Белоцерковский В.Н. *I*: 308
 Бильбасов В.А. *I*: 229; *II*: 105
 Билярский П.С. *II*: 106
 Бисти Д.С. *I*: 164
 Благово Д.Д. *I*: 169, 179, 186, 202; *II*: 21, 30, 553
 Благоволин С.И. *I*: 308
 Блантер М.И. *I*: 278
 Блок А.А. *I*: 164, 273, 276, 296–298, 360, 364, 366, 370; *II*: 556, 665
 Блок М. *I*: 484, 491; *II*: 375, 393, 508
 Блудов Д.Н. *I*: 149
 Блюменфельд М. *I*: 316
 Бобков В. *II*: 597
 Боборыкин П.Д. *II*: 305
 Бобринский А.А. *I*: 226, 234
 Бобринский А.Г. *II*: 17
 Бобринский В.А. *I*: 565; *II*: 575
 Бобрищевы-Пушкины *I*: 172
 Бобров С.П. *II*: 552
 Боброва Л.А. *I*: 341; *II*: 596
 Бобрович А.Д. *II*: 564, 577, 578
 Бове О.В. *I*: 283
 Богаевский К.Ф. *I*: 311
 Боганцева И.В. *II*: 483
 Богат Е.М. *II*: 687
 Богатырева Е.А. *I*: 415
 Богданов А.А. *I*: 291; *II*: 146
 Богданов А.П. *II*: 289, 598
 Боголюбов *II*: 410
 Богомолец А.А. *I*: 371
 Богомолов И.С. *I*: 218
 Богородский Ф.С. *I*: 278
 Богословская Е.П. *II*: 127
 Богословские *II*: 118, 133
 Богословский М.М. *I*: 106, 284, 424, 434, 448–450, 471, 474–476, 478, 500, 551; *II*: 98, 100, 102–127, 130–141, 373, 401, 408, 436, 519, 600, 707, 710, 712
 Богословский М.М., сын (Михаил, Миня) *II*: 117, 134
 Богоявленский И.Л. *II*: 448
 Богоявленский С.К. *I*: 11, 88, 340, 400, 415, 474; *II*: 95, 104, 171, 473–476, 489, 519, 524, 710
 Богуславская М.А. *I*: 378
 Богучарский В.Я. *II*: 231, 337, 621
 Боде А.А. *II*: 582, 592
 Боде Л.К. *II*: 475
 Боден Ж. *I*: 110
 Бодуэн де Куртенэ И.А. *I*: 102
 Бойкова О.Ф. *II*: 86
 Болотников И.И. *I*: 11, 63, 75, 90; *II*: 300
 Болтин И.Н. *II*: 14, 15, 71, 252
 Болховитинов Е.А. — см. Евгений (Болховитинов), митрополит
 Бондаревский А.Г. *II*: 548
 Бондаренко Д.И. *I*: 286, 289, 309, 340; *II*: 515
 Бонди С.М. *I*: 185
 Бонч-Бруевич В.Д. *I*: 269, 412; *II*: 144, 149, 337, 434
 Борис Александрович, великий князь *I*: 100
 Борис Федорович Годунов, царь *I*: 17, 61, 68, 120, 121, 126, 128, 130–132, 178, 194, 536; *II*: 57, 122, 459
 Борисов Ю.С. *II*: 143, 333
 Борисов-Мусатов В.Э. *II*: 309
 Боровиковский В.Л. *II*: 20

- Бородин А.П. *I*: 165, 568; *II*: 40
 Бородина З.В. *II*: 419
 Бороздин И.Н. *I*: 258
 Бороздина П.А. *II*: 436, 440
 Бороздины *I*: 316
 Боткин В.П. *I*: 292
 Боханов А.Н. *I*: 397
 Боян, певец-поэт *I*: 156, 163; *II*: 44
 Боянов В., псевд. — см. Шмидт С.О.
 Брагинская Н.В. *II*: 554, 555, 558, 559
 Брагинский А.П. *II*: 648, 674
 Браз И. *I*: 250
 Бранденбург Б.Ю. *I*: 415
 Брандес С. *I*: 164
 Бранкович В. *I*: 457
 Бредихин Ф.А. *I*: 301
 Бренко А.А. *I*: 228
 Бреховских Л.М. *II*: 727
 Бржостовская Н.В. *II*: 727
 Брик Л.Ю. *II*: 727
 Брик О.М. *II*: 727
 Бродель Ф. *I*: 95; *II*: 84
 Бродский И.А. *II*: 590, 681
 Бродский Н.Л. *I*: 188, 211; *II*: 19
 Бройдо Г. *II*: 630
 Брусиловский Н.Е. *I*: 543
 Брускова Е.С. *I*: 340; *II*: 593
 Брюллов К.П. *II*: 20, 49
 Брюс Я.В. *II*: 5, 476, 525
 Брюсов В.Я. *I*: 164, 222, 291, 327, 353; *II*: 546
 Брюхоненко М.Г. *I*: 333, 372; *II*: 582, 589, 592
 Бубнов А.С. *II*: 678
 Бубнов Н.Ю. *II*: 428
 Бугаев Н.В. *I*: 227, 265, 298
 Бугаевы *I*: 298
 Буганов В.И. *I*: 92, 119, 479, 512; *II*: 257, 288, 352–356, 369, 404, 460, 596, 621, 727, 739
 Бугославский Г.А. *I*: 400
 Будаев Д.И. *II*: 273
 Буденный С.М. *I*: 375
 Бувовниц И.У. *I*: 33, 90
 Буковский В.К. *I*: 295
 Булахов П.П. *I*: 272
 Булаховский Л.А. *I*: 157
 Булгаков А.Я. *I*: 198, 205, 319–321; *II*: 16, 673
 Булгаков М.А. *I*: 252, 267, 277, 293, 299, 306, 328, 344, 350, 371, 401; *II*: 181, 555, 569, 592, 638, 644, 703
 Булгаков С.Н. *I*: 347; *II*: 635
 Булгаков Ф.И. *I*: 244, 245
 Булгакова Е.С. *I*: 293
 Булгарин Ф.В. *I*: 151, 185–188, 190, 199–201, 206–212; *II*: 714
 Булыгин И.А. *II*: 353
 Бунаков-Фондаминский И.И. *I*: 355
 Бунимович Е.А. *I*: 561
 Бунин И.А. *I*: 164, 251–254, 279, 319, 334, 344, 350, 351, 355, 561; *II*: 327, 538, 566, 583, 592, 632, 633, 638, 644, 650, 652, 662
 Бунин Ю.А. *II*: 566
 Бураковская Н. *II*: 596
 Бурбоны *II*: 17, 120
 Бурдин Ф.А. *I*: 228, 238
 Буренин В.П. *I*: 229
 Бурышкин П.А. *II*: 526, 527
 Бусева-Давыдова И.Л. *II*: 671
 Буслав Ф.И. *I*: 157, 207, 213, 465, 471; *II*: 73, 91, 126, 316, 362, 397, 441, 472, 519, 525, 621, 636, 659
 Буссов К. *I*: 104, 114, 141
 Бутурлин Д.П. *I*: 173; *II*: 21
 Бутурлины *I*: 169, 172, 176, 183; *II*: 23
 Бутько С.П. *I*: 510
 Бухарин Н.И. *I*: 303, 344, 379; *II*: 146, 148, 385, 599–602, 658, 679, 693, 695, 696
 Бухарина-Гурвич С.Н. *I*: 379; *II*: 599, 602
 Бухгольц Н.Н. *I*: 313
 Бухерт В.Г. *I*: 439; *II*: 462
 Бушкочич П. *II*: 356
 Быков В.Н. *II*: 599
 Быкова Л.А. *II*: 150
 Бычков А.Ф. *I*: 476; *II*: 389
 Бычков Ю.А. *I*: 415
 Бычкова М.Е. *I*: 92, 506; *II*: 596
 Бюффон Ж.-Л.-Л. *I*: 176
 Вавилов Н.И. *I*: 477; *II*: 147, 270
 Вавилов С.И. *I*: 308, 330, 343; *II*: 322
 Вагнер Г.К. *II*: 212, 216, 449
 Вагрина В.Г. *I*: 309
 Вайшинский В.М. *II*: 285
 Вайер Э. *I*: 431
 Вайнштейн Б.М. *II*: 585
 Вайнштейн О.Л. *II*: 242
 Вайсберг А.И. *I*: 384, 390
 Валк С.Н. *I*: 90, 103, 439, 446, 449, 462, 469, 505, 544; *II*: 7, 88, 249, 270, 351, 370, 373, 408, 453, 461, 707
 Вальденберг В.Е. *I*: 31, 32
 Варкоч Н. *I*: 113
 Варламов А.Е. *I*: 289
 Варнава, епископ *II*: 121
 Варнгаген К.А. *I*: 320
 Васенко П. *I*: 31
 Василевская Е.А. *I*: 92
 Василевский И.Ф. (псевд. «Буква») *I*: 229
 Василенко С.Н. *I*: 281, 354
 Василий II Васильевич Тёмный, великий князь московский *II*: 168
 Василий III Иванович, великий князь московский *I*: 21, 24, 28, 32, 77, 105, 110, 111, 115, 355; *II*: 417, 418, 424
 Василий IV Иванович Шуйский, царь *I*: 128, 130–133
 Василий Владимирович, князь старицкий *II*: 361
 Василий Грязной *I*: 86, 100
 Васильев В.И. *I*: 448, 544; *II*: 323, 504
 Васильев В.С. *I*: 570, 571
 Васильев И.З. *II*: 550
 Васильев С.Б. *II*: 517
 Васильевский В.Г. *II*: 99
 Васильчикова Т.И. *I*: 334
 Васильчиковы *II*: 667
 Васнецов А.М. *I*: 399, 411, 415; *II*: 49, 475, 522, 524
 Васнецов В.М. *II*: 49, 525
 Вассиан (Патрикеев), монах *II*: 417
 Ватагин В.А. *II*: 748
 Ватинов А. *II*: 263
 Вахрамеев И.А. *I*: 156
 Вахтангов Е.Б. *I*: 253, 299, 345
 Вацуро В.Э. *I*: 212; *II*: 67
 Вашингтон Дж. *I*: 97
 Введенский А.А. *I*: 91
 Вдовин Г.В. *II*: 671
 Веер Г., де *I*: 113
 Вейнберг П.И. *I*: 229
 Вейнберг Т.Л. *I*: 426
 Вейнхельт К.О. *I*: 295
 Векслер А.Г. *I*: 338; *II*: 310–313
 Векслер И.И. *II*: 439
 Великанова Л. *II*: 651
 Вельяминова П.А. *I*: 310
 Вельтман А.Ф. *I*: 149; *II*: 77

- Венгеров С.А. *I*: 211; *II*: 144
Веневитинов Д.В. *I*: 186, 188, 189, 191, 202, 206, 306
Венкстерн (Венкштерн) А.А. *I*: 224
Венявский Г. *I*: 270
Верди Дж. *II*: 204
Вересаев В.В. *I*: 179, 328, 336; *II*: 548
Верещагин В.В. *II*: 205, 525, 527
Верн Ж. *II*: 141
Вернадский В.И. *I*: 272, 285, 308, 329, 343, 409, 473; *II*: 99, 148, 150, 181, 520, 604, 692, 724
Вернадский Г.В. *I*: 106, 139, 285, 340; *II*: 102
Верстовский А.Н. *I*: 207, 323
Вертинский А.Н. *I*: 371
Верхарн Э. *I*: 279
Верховская Н. *I*: 340
Верховский Ю.Н. *II*: 548, 552
Веселая Г.А. *I*: 317
Веселая З.А. *I*: 317, 342
Веселовская А.С. *II*: 431, 433
Веселовская Н.К. *II*: 432
Веселовская О.А. *II*: 431–433
Веселовские *II*: 432
Веселовский А.Н. *I*: 157, 228; *II*: 316, 403
Веселовский А.Н. *I*: 228, 301
Веселовский Б.Б. *II*: 433
Веселовский Б.С. *II*: 431, 432
Веселовский В.В. *I*: 296
Веселовский Н.И. *I*: 260, *I*: 339
Веселовский С.Б. *I*: 87, 88, 91, 107, 328, 496, 497, 503; *II*: 10, 98, 99, 134–136, 206, 270, 430–435, 439, 458, 519
Веселовский Т.Т. *II*: 439
Веселовский Ю.А. *II*: 583
Веселый А. *I*: 317; *II*: 683
Веттерман И. *II*: 425, 426
Вздорнов Г.И. *I*: 399
Виардо-Гарсия П. *I*: 236, 326
Вигдорова Ф.А. *II*: 590, 681
Вигель Ф.Ф. *I*: 187, 196, 197, 200, 205, 212, 259
Викторов А.Е. *I*: 227
Виленская З.С. *II*: 24
Вилламовиц-Меллендорф У. *II*: 547
Вильгельм I Завоеватель, английский король *I*: 97
Вильямс П.В. *I*: 314; *II*: 439
Виноградов В.В. *I*: 160, 291, 308, 330, 343
Виноградов Л.К. *II*: 606, 607
Виноградов Н.Д. *I*: 400
Виноградов О.М. *I*: 164
Виноградов П.Г. *I*: 284, 301, 353; *II*: 102–103, 135, 598, 636
Виноградов Ю. *II*: 490
Виноградова Н.М. *I*: 330, 343
Винокур Г.О. *I*: 134, 186, 343; *II*: 30
Виппер Р.Ю. *I*: 107; *II*: 136, 138, 403, 433, 434, 636
Висковатый (Висковатов) И.М. *I*: 35, 54, 102; *II*: 361, 459
Висковатый П.А. *I*: 227
Вистенгоф П.Ф. *I*: 319
Витберг А.Л. *II*: 314
Витсен Н. (Witsen N.) *I*: 113; *II*: 425, 429
Витязев *II*: 409
Вишленкова Е.А. *II*: 370
Вишневецкий К.К. *I*: 134
Владимир I Святославович, великий князь киевский *II*: 57
Владимир II Всеволодович Мономах, великий князь киевский *I*: 10, 17, 23, 24, 29, 30, 96, 97, 136; *II*: 12, 15, 213, 687
Владимир Андреевич Храбрый, князь серпуховский и боровский *II*: 283
Владимир Андреевич, князь старичский *I*: 61; *II*: 361
Владимирская Н.С. *I*: 144, 151
Владимирский-Буданов М.Ф. *I*: 105
Владислав, королевич *I*: 123
Водарский Я.Е. *I*: 500
Водопьянов М.В. *I*: 375, 380, 551
Вознесенский Н.А. *II*: 437
Вознесенский С.В. *I*: 90
Войкова О.Ф. *I*: 414
Войнич Э.-Л. *II*: 298, 307, 615
Волгин В.П. *II*: 247
Волин М.С. *I*: 512; *II*: 621
Волков В.А. *II*: 517
Волков В.В. *I*: 89
Волков В.К. *I*: 459, 461
Волков Н.Д. *I*: 313
Волков Ф.Г. *I*: 152
Волкова Н.Б. *I*: 512
Волкова Т.Ф. *I*: 143
Волковы *I*: 313
Волконская З.А. *I*: 164; *II*: 16, 414
Волконская М.Н. *II*: 414
Волконская М.Р. *II*: 15
Волконская Н.А. *II*: 15
Волконская С.Г. *II*: 16
Волконские, княгини *II*: 16
Волконские, князья *I*: 183, 263; *II*: 634
Волконский А.Н. *II*: 15
Волконский Д.М. *II*: 15, 18
Волконский Н.С. *I*: 269
Волконский П.М. *II*: 16
Волконский С.Г. *II*: 16
Волобуев П.В. *II*: 143, 340, 727
Волович Н.М. *I*: 321, 342; *II*: 727
Волошин М.А. *I*: 164, 311, 345
Вольнский А.П. *II*: 29
Вольпин Н.Д. *I*: 278
Вольтер *I*: 176; *II*: 26, 37, 44, 100
Воробьев А. *II*: 490
Воробьев В. *I*: 296
Воровский В.В. *I*: 271
Воронин В.В. *II*: 363
Воронин Н.Н. *I*: 159; *II*: 210–216, 441–443, 450, 486
Воронков К.В. *II*: 558, 559
Воронов С.А. *I*: 251
Воронова Е.В. *II*: 323
Воронцов А.Р. *I*: 287; *II*: 11
Воронцов В.В. *I*: 270
Воронцов М.С. *I*: 287
Воронцов С.Р. *I*: 287; *II*: 29
Воронцова Д. *I*: 314
Воронцова Е.А. *II*: 517
Воронцова Е.К. *I*: 224
Воронцова Е.Р. *I*: 287
Воронцовы *I*: 34, 176, 287; *II*: 11, 23, 26, 667
Ворошилов К.Е. *I*: 273, 375; *II*: 696
Воскобойников Б. *II*: 596
Востоков А.Х. *I*: 157
Вострышев М.И. *II*: 515
Вревская Н.Е. *I*: 169
Всеволод III Юрьевич Большое гнездо, великий князь владимирский *I*: 9; *II*: 449
Всеволод Мстиславович, князь новгородский *II*: 169
Всеволод Ярославич, великий князь *I*: 96, 97
Вульф В. *I*: 314
Вульф В.Б. *II*: 591
Вылцан М.А. *II*: 482
Высоцкий В.С. *I*: 251, 401
Высочина Е.И. *I*: 248

- Вышинский А.Я. *I*: 378, 388, 390;
II: 409, 693, 729
- Вяземская В.Ф. *I*: 323
- Вяземская Е.А. *I*: 269
- Вяземские, князья *I*: 176, 183, 263,
279; *II*: 44, 68
- Вяземский А.И. *II*: 18, 22
- Вяземский П.А. *I*: 104, 166, 171,
173, 176, 178, 180, 187, 192, 193,
198, 202, 205, 206, 209, 211, 214,
215, 248, 269, 297, 318, 322–324,
327; *II*: 18, 20–22, 30, 42, 44, 53,
54, 68, 71, 639, 744
- Вяземский П.П. *I*: 227
- Вяликов В.И. *I*: 480
- Гавриил (Петров), митрополит
новгородский и олонецкий *II*:
15
- Гагарин Г.Г. *II*: 20
- Гагарин И.А. *I*: 294
- Гагарин П.С. *I*: 323
- Гагарин Ю.А. *I*: 310; *II*: 101, 409,
694
- Габарины, князья *I*: 196, 283
- Гаевский В.П. *I*: 228, 229
- Газалова К.М. *II*: 282
- Гайдар А.П. *II*: 412
- Гайдебуров П.А. *I*: 229
- Гайдн Й. *II*: 466
- Гайдуков П.Г. *II*: 290
- Гайсина О. *II*: 597, 598
- Галахов А.Д. *II*: 48
- Галахов В. *I*: 511
- Галилей Г. *II*: 678
- Гальцов В.И. *I*: 90, 99, 123; *II*: 429,
625, 739
- Гамалей С.И. *II*: 465
- Гамарник Я.Б. *II*: 693
- Гамильтон Э. *II*: 298
- Гамсун К. *II*: 727
- Ганелин Р.Ш. *II*: 484
- Ганнибал М.А. *I*: 169–171, 174
- Ганнушкин П.Б. *I*: 310
- Гапонов В. *II*: 596
- Гапонов С. *II*: 597, 598
- Гаральд II, английский король *I*:
97
- Гарин Э.П. *I*: 297
- Гаррик Д. *I*: 221
- Гартунг М.А. *I*: 170, 225, 308, 324
- Гваньини А. *I*: 113
- Ге Н.Н. *II*: 101
- Гегель Г.В.Ф. *I*: 195
- Гедигер (Едигер-Магмет), казан-
ский царь *I*: 31
- Гедиминовичи, князья *II*: 29
- Гейденштейн Р. *I*: 113
- Гейман В.Г. *II*: 460
- Гейне Г. *I*: 364; *II*: 193, 308, 685
- Гейнике Н.А. *I*: 341, 401, 410, 415;
II: 183, 530
- Гейтман Е.И. *I*: 335
- Гельвеций К.-А. *II*: 687
- Гельденвейзер А.Б. *I*: 340
- Гельдерлин Ф. *II*: 545, 549, 551,
555–559
- Генкин Л.Б. *II*: 487
- Генкина Э.Б. *II*: 233
- Генрих IV, германский император
I: 97
- Георгий Михайлович, великий
князь *II*: 666
- Гераклит Эфесский *II*: 549
- Герасимов Д. (Митя Малый) *I*:
101, 103, 110, 140, 147
- Герасимов М.М. *I*: 513; *II*: 361, 621
- Герасимов С.В. *II*: 539
- Герберский *I*: 32
- Герберштейн С., фон, барон *I*: 45,
101, 103, 110–112, 140, 147; *II*:
475
- Гермоген, патриарх *I*: 63
- Геродот *II*: 81, 222, 337
- Герр А. *I*: 251
- Герцен А.И. *I*: 168, 171, 172, 179,
202, 214, 215, 227, 249, 252, 254,
266, 274, 276, 292, 299, 306, 307,
309, 331, 346, 349, 352, 356, 404,
412; *II*: 10, 18, 24, 38, 39, 41, 48,
65, 69, 70, 72, 77–79, 87, 92, 101,
304, 533, 534, 539, 569, 575, 583,
601, 621, 631, 635, 639, 640, 672,
699, 732, 746
- Гершензон М.О. *I*: 328, 353, 397; *II*:
19, 231, 519, 635, 641
- Герье В.И. *I*: 300, 301, 341; *II*: 133,
598, 636
- Гёте И.-В., фон *I*: 320, 369; *II*: 89,
466
- Гефтер М.Я. *II*: 260, 340, 491
- Гизо Ф. *I*: 301
- Гиляров А.Н. *II*: 546
- Гиляров-Платонов Н.П. *I*: 238
- Гиляровский В.А. *I*: 275; *II*: 476
- Гинзбург В.Л. *II*: 714, 722
- Гиппиус Е.Ф. *I*: 297
- Гиппиус З.Н. *I*: 355
- Гита Уэссекская, английская прин-
цесса *I*: 97
- Глазков Н.И. *I*: 267, 302, 303, 341,
350
- Глазунов А.К. *I*: 568
- Глазунов И.С. *I*: 291
- Глезер Г.Н. *I*: 275, 340
- Глинка М.И. *I*: 234, 270, 320
- Глинка С.Н. *I*: 156, 274
- Глинские, князья *I*: 22, 23, 32, 35
- Глинский М.В. *I*: 22, 23, 27, 34
- Глинский Ю.В. *I*: 22
- Глиэр Р.М. *I*: 568
- Глоба А.П. *I*: 317, 328
- Гневушев А.М. *II*: 136
- Гнедич Н.И. *I*: 294
- Гнесин М.Ф. *I*: 307
- Гнесина Е.Ф. *I*: 307
- Гнесины *I*: 307
- Гоголь Н.В. *I*: 175, 176, 219, 232,
240, 241, 243, 244, 248, 251, 252,
275, 277, 283, 285, 287, 315; *II*: 41,
45, 136, 319, 546, 556, 577, 583,
635, 640, 650, 732
- Годуновы *II*: 537
- Гойя Ф. *II*: 720
- Голдовская М.Е. *I*: 293, 309, 372; *II*:
586, 680
- Голиков И.И. *I*: 164; *II*: 101, 464
- Голицын Д.В. *I*: 194; *II*: 16, 21, 746
- Голицын М.А. *I*: 344
- Голицын Н.Н. *I*: 89
- Голицын С.М. *I*: 405
- Голицына В.В. *I*: 287
- Голицына М.А. *I*: 536
- Голицына Н.П. *I*: 272; *II*: 26
- Голицыны, князья *I*: 196, 263; *II*:
23, 634, 667
- Голь Ш., де *II*: 576, 698
- Голованов В.И. *II*: 650, 673
- Головин П.Г. *I*: 375
- Головина Г.Д. *II*: 163
- Головкин Г. *I*: 517; *II*: 596
- Головкина Н.А. *I*: 287
- Голосовкер М.Э. *I*: 316; *II*: 150,
155–157, 159–163, 314, 399, 642
- Голосовкер Я.Э. (псевд. Якоб
Сильв) *I*: 267, 303, 316; *II*: 407,
544–559, 642, 693, 734
- Голубинский Е.Е. *II*: 133
- Голубкина А.С. *II*: 139
- Голубов С. *II*: 439
- Голубцов В.С. *II*: 492
- Голубцов И.А. *I*: 13

- Гольдат С.Ю. *I*: 316
 Гольдберг Т.Г. *I*: 426
 Гольденвейзер А.Б. *I*: 275, 276, 568
 Гольцев В.А. *I*: 276
 Гончаров И.А. *I*: 161, 224, 323; *II*: 40, 48, 70, 92, 727
 Гончаровы *I*: 321
 Гораций *II*: 545, 551, 552
 Горбаневский М.В. *I*: 259, 339
 Горбатов Б.Л. *II*: 606
 Горбачев М.С. *II*: 397
 Горбачева Р.М. *I*: 532–534
 Горбачевы *I*: 534
 Горбенко А.Н. *II*: 744
 Горбунов И.Ф. *I*: 244; *II*: 229
 Горбунова-Посадова Е.Е. *I*: 301
 Горбунов-Посадов И.И. *I*: 301
 Горбушина Н.В. *I*: 423; *II*: 526
 Гордин Е.М. *II*: 591
 Горинов М.М. *I*: 4
 Горкин А.П. *II*: 497, 498
 Городцов В.А. *I*: 406, 424, 427, 434; *II*: 208, 217, 311
 Горсей Дж. *I*: 19, 30, 114, 141; *II*: 426
 Горская Н.А. *II*: 328–331, 333–335, 373
 Горский А.А. *II*: 333
 Горский А.В. *II*: 429
 Горский А.Д. *I*: 465; *II*: 208, 333–335, 442, 443, 447, 448, 450
 Горчаков А.М. *I*: 196, 215, 234; *II*: 20
 Горчаков Н.М. *I*: 313
 Горький М. *I*: 266, 269, 299, 271, 274, 275, 331, 376, 399; *II*: 77, 145, 149, 227, 412, 434, 539, 549, 550, 558, 559, 604, 618, 732
 Горюнова Е.И. *II*: 213
 Гостомысл *II*: 40
 Готье Ю.В. *I*: 111, 143, 427, 479, 493; *II*: 98, 99, 123, 134, 136, 171, 217, 242, 243, 245, 443, 450, 519, 524
 Гоцци К. *I*: 299
 Грабарь В.Э. *I*: 107
 Грабарь И.Э. *I*: 410; *II*: 519
 Градовский А.Д. *II*: 98
 Грановский А.М. *I*: 253
 Грановский Т.Н. *I*: 292, 306, 307, 433; *II*: 78, 93, 467–469, 506, 539, 640, 746
 Гревс И.М. *II*: 183, 225, 533
 Грей Т. *II*: 537
 Греков Б.Д. *I*: 90, 399, 468
 Греков Б.Д. *II*: 108, 137, 167, 168, 174, 179, 180, 203, 212, 218, 241–243, 245, 270, 294, 329, 334, 335
 Греч А.Н. *I*: 410, 415; *II*: 489
 Грибоедов А.С. *I*: 94, 135, 170, 184, 187, 198, 199, 201, 207, 252, 289, 317, 320; *II*: 19, 26, 82, 476, 590, 638
 Грибоедова М.С. *I*: 169
 Грибоедовы *I*: 169
 Григорий Амартол *I*: 454
 Григорий Богослов, архиепископ *I*: 455
 Григорович В.И. *I*: 454, 456
 Григорович Д.В. *I*: 229, 235
 Григорьев А.А. *I*: 208, 215; *II*: 475
 Гризодубова В.С. *I*: 550, 551; *II*: 699
 Гримм М. *II*: 17
 Гринько Г.Ф. *I*: 377
 Гриценко Л.О. *I*: 317
 Громан В.Г. *II*: 693
 Громов Б.Н. *I*: 280
 Громыко М.М. *II*: 267
 Гроссман Л.П. *I*: 328
 Грот К.К. *I*: 217
 Грот Н.Я. *I*: 301
 Грот Я.К. *I*: 216–218, 226, 230–232, 234, 236, 238, 245; *II*: 106
 Гроты *I*: 216
 Грушевский М.С. *I*: 158, 298
 Губарев А.П. *I*: 308
 Губенко М. *II*: 349
 Губенко Н.Н. *I*: 293
 Губер А.А. *II*: 324, 328, 332, 491
 Гувер Т. *II*: 604
 Гудзий Н.К. *I*: 157, 164, 330; *II*: 171–173, 193, 548, 551
 Гуковский Г.А. *I*: 191, 204, 213
 Гумилев Л.Н. *I*: 160
 Гуревич А.Я. *II*: 345
 Гуревич В.Е. *I*: 280; *II*: 410
 Гуревич Л.Я. *I*: 253
 Гуревич М. *II*: 592
 Гусев Н.Н. *I*: 320, 342
 Гусева В.А. *I*: 280, 372; *II*: 586, 587, 589, 593
 Гусева Н. *II*: 706
 Гутнова Е.В. *I*: 88, 140
 Гого В. *I*: 236
 Д'Амато Дж. *I*: 140
 Давиденко А.А. *I*: 296
 Давидов А.Ю. *I*: 227
 Давыдов Д.В. *I*: 297, 321, 322
 Давыдов И.И. *I*: 323
 Давыдов М. *I*: 250
 Давыдов Н.В. *I*: 266, 282, 344, 347, 352, 353; *II*: 124, 566, 583
 Давыдова В.А. *I*: 385, 386
 Даль В.И. *I*: 94, 102, 118, 141, 224; *II*: 13, 31, 500, 517
 Дан Ф.П. *II*: 385
 Даниеля Г.Н. *I*: 310; *II*: 649
 Даниил Заточник *I*: 98; *II*: 37, 52, 77, 213, 423
 Даниил Александрович, великий князь московский *I*: 17
 Даниил, митрополит *I*: 34, 35; *II*: 417, 418
 Данилевский И.Н. *II*: 716
 Данилов В.П. *II*: 328, 330, 331, 480, 490, 491, 596
 Данилова Е.Н. *II*: 344
 Данилова Л.И. *I*: 213
 Данте А. *I*: 348
 Дантес Ж.Ш. *I*: 244
 Дарвин Ч. *I*: 552; *II*: 728
 Даргомыжский А.С. *I*: 229, 234
 Дауге П.Г. *I*: 308
 Дашков В.А. *I*: 227, 405
 Дашков Д.В. *I*: 202
 Дашкова В.А. *II*: 526
 Дашкова Е.Р. *I*: 171, 211, 212, 287; *II*: 26
 Дворянов В.А. *II*: 97
 Деборин А.М. *II*: 148
 Девлет-Гирей, крымский хан *I*: 262
 Дегтярев А.Я. *I*: 502
 Дейша-Сионицкая М.А. *I*: 281, 354
 Делиль Г. *I*: 113
 Дельвиг А.А. *I*: 168, 172, 174, 207, 323
 Дементьев А.Д. *II*: 310
 Демидова Н.Ф. *I*: 50, 88
 Денисова М.М. *I*: 426
 Державин П.Г. *I*: 249
 Дергачева-Скоп Е.И. *II*: 419, 420
 Дервянко А.П. *I*: 443, 459; *II*: 191
 Державин Г.Р. *I*: 135, 156, 164, 287, 324; *II*: 25, 33
 Державин М.С. *I*: 308
 Джаншиев Г.А. *I*: 229
 Джеймс Р. *I*: 134

- Дженкинсон А. I: 113
Дживио (Дживио; Иовий П.) П. I: 101, 110, 115, 147
Дианова Т.В. I: 428
Диккенс Ч. I: 294
Дилевская О.А. I: 310
Димант С.С. II: 161
Димитров Г.М. I: 375
Динес В.А. II: 234
Динес Ю.С. I: 318
Дионисий II: 645
Дмитриев В.В., художник I: 314; II: 561
Дмитриев В.В., писатель I: 341
Дмитриев И.И. I: 145, 172, 176, 182, 196, 321; II: 314
Дмитриев К. I: 297; II: 561, 562, 574, 669
Дмитриев Л.А. I: 129, 156; II: 451
Дмитриев С.С. II: 70, 74, 86, 233, 242, 248, 260, 282, 329
Дмитриев Ф.М. I: 48
Дмитриева В.И. II: 413, 414
Дмитриева И.А. II: 450
Дмитриева Р.П. I: 31
Дмитриевский А.А. I: 453, 456
Дмитриевский И.А. I: 152
Дмитрий (Димитрий), царевич I: 76, 91
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский I: 9, 22; II: 29, 283, 537
Дмитрий Иванович, великий князь владимирский и московский I: 24
Дмитрий Самозванец — см. Лжедмитрий I
Добиаш-Рождественская О.А. II: 139
Добродомов И.Г. I: 260, 339
Добролюбов Н.А. II: 48, 101, 303
Довнар-Запольский М.В. I: 87; II: 136
Додонов И.К. II: 253, 262
Долгов С.С. II: 475
Долгова С.Р. I: 197, 198, 211–213
Долгоруков В.А. I: 219, 226, 308
Долгоруков И.М. II: 22
Долгорукова Е.А. I: 194
Долгорукова О.А. I: 320, 321
Долгоруковы, князья I: 196, 263, 320; II: 634
Долдобанова Н.А. I: 445, 448, 544; II: 492
Долматовский Е.А. I: 312, 332; II: 323
Домашнева Н.А. I: 182, 184
Домбаль Т. I: 291
Домогацкий В.В. I: 334
Донской А. I: 510
Доренко II: 305
Дорлиак Д.Л. I: 309
Дорлиак К.И. I: 299
Дорлиак Н.Л. I: 299, 341
Дорошенко В.В. II: 249, 403, 405
Достоевские II: 66
Достоевский Ф.М. I: 158, 168, 215, 224, 229, 235, 236, 238, 240–242, 244, 245, 325, 430, 550; II: 40, 49, 65, 70, 304, 412, 537, 545, 549, 551, 557, 558, 601, 658, 663, 672, 683, 727
Драбкин Я.С. II: 491
Дрейер О.К. I: 310, 543; II: 323, 324
Дрейфус А. I: 250
Дробижев В.З. I: 512; II: 330
Дробленкова Н.Ф. I: 125, 142; II: 428
Дружинин В.Г. I: 443
Дружинин Н.М. I: 284, 285, 340, 399–401, 410, 415, 419, 505, 512; II: 102, 103, 114, 150–154, 156, 157, 159, 160, 162, 163, 333, 344, 351, 370, 484, 519, 520, 621
Дружинина Е.И. II: 621
Дубенцов Б.Б. II: 484
Дубровин А.Г. I: 373; II: 593
Дубровский П.П. II: 713
Дубровский С.М. I: 291
Дувакин В.Д. II: 448
Дудина Т.А. I: 213
Дуйчев И. II: 429
Думова Н.Г. I: 341; II: 180, 331, 526, 596
Дунаевский В.А. II: 284, 289
Дункан А. II: 388
Дунский Ю.Т. II: 733
Дурнов М.А. II: 476
Дурновцев В.И. II: 597
Дурылин С.Н. II: 439
Дуэль И.И. II: 607
Дыбенко П.Е. II: 381
Дымшиц А.Л. II: 437, 440
Дымшиц-Толстая С.И. I: 311
Дьяков В.А. I: 460
Дьяконов Л.Ф. I: 505, 506, 513, 521; II: 358, 376, 596
Дьяконов М.А. I: 100, 109, 140, 142; II: 519
Дюма А. II: 727
Дягилев С.П. I: 224, 250, 251; II: 672
Евгений (Болховитинов), митрополит киевский I: 154, 158, 160; II: 33, 34, 51, 292, 294
Евгеньева А.П. I: 94, 102
Евдокимов Д.В. I: 267
Евдокия Стрешнева, царица I: 262
Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна I: 97, 102
Еврейнова А.М. I: 228
Евфимий, архиепископ новгородский I: 34
Егоров А.И. I: 271, 377
Егоров Б.Ф. II: 322
Егоров В.Л. II: 282
Егоров Д.Н. II: 125
Егорова Г.А. I: 271
Ежов Н.И. I: 375, 377, 385; II: 695, 696
Ежова Е.С. I: 384, 385; II: 695
Екатерина II Алексеевна Великая, императрица I: 159–161, 172, 219, 258, 287, 318, 402, 420, 438, 565; II: 11, 14, 15, 17, 22, 23, 25, 27–29, 44, 71, 89, 100, 105, 120, 403, 465, 575
Екатерина Павловна, великая княгиня I: 216; II: 22
Елагин И.П. I: 438; II: 15, 71
Елагин Н.С. I: 341
Елагина А.П. I: 195
Елена Глинская, великая княгиня московская I: 21
Елизавета I Петровна, императрица I: 232; II: 17, 245, 403
Елизавета I, английская королева I: 121, 195, 438
Елизавета Алексеевна, императрица II: 58
Елизарова А.И. I: 306
Елисеев Г.А. II: 597
Елисеев Г.З. I: 229
Елисеев С.А. I: 107
Елисеева О.И. II: 597
Елпатьевский В.С. II: 583
Ельцин Б.Н. I: 358; II: 726
Емельянова В.В. I: 267
Емец В.А. II: 482, 483

- Енида Г.П. *II*: 419
 Епифаний Премудрый *I*: 165
 Епифанов П.П. *I*: 65; *II*: 243
 Еремеев Л. *I*: 317
 Еремина И.П. *I*: 157
 Ермак Тимофеевич, казачий атаман *I*: 134; *II*: 298
 Ермакова А. *II*: 742
 Ермолаев И.П. *I*: 90
 Ермолай-Еразм, протопоп *II*: 418
 Ермолинский С.А. *I*: 317
 Ермолины *II*: 213
 Ермолова М.Н. *I*: 317; *II*: 476
 Ерофеев Н.Д. *II*: 604
 Ерошкин Н.П. *I*: 88, 481, 509; *II*: 347, 596
 Ершов В.Ф. *II*: 349
 Ершов П.П. *II*: 202
 Ершова Н.Б. *II*: 349
 Есаков В.Д. *I*: 390
 Есенин С.А. *I*: 246, 277, 278, 286, 370, 401; *II*: 317
 Есенин-Вольпин А.С. *I*: 278
 Ефанов В.П. *I*: 389
 Ефимов А.Б. *II*: 162
 Ефимов Б.Е. *II*: 608
 Ефимова Е.А. *I*: 341; *II*: 205
 Ефимовский А.П. *I*: 196
 Ефрем, монах *I*: 457
 Ефремов Ю.К. *II*: 671
- Жадан И.Д. *I*: 381
 Жареной Ф., дьяк *I*: 77
 Жарков И.А. *I*: 36
 Жданов А.А. *I*: 375, 385; *II*: 250, 260, 696
 Жданов И.Н. *II*: 421, 422, 427–429
 Жданов Р.В. *II*: 171
 Жданов Ю.А. *I*: 388
 Ждановский *I*: 194
 Жегалова С.К. *I*: 426
 Желвакова И.А. *I*: 268, 339, 355, 357; *II*: 306
 Жемчугова П.И. *I*: 283
 Жид А. *II*: 412, 413
 Жирмунский В.М. *II*: 229
 Жихарев С.П. *I*: 321
 Жолкевский С., гетман *I*: 123
 Жолтовский И.В. *II*: 159
 Жорж мадемуазель (псевд. Веймер М.-Ж.) *I*: 274
 Жуков Ю.Н. *I*: 398
 Жуковская Л.П. *I*: 447
 Жуковская Т.Н. *II*: 69
- Жуковский В.А. *I*: 108, 135, 139, 146, 164, 166, 168, 172, 176, 179, 185, 200, 202, 208, 216, 217, 222, 248, 294, 306, 324, 327, 348, 534, 537, 538; *II*: 26, 40, 41, 48, 54, 68, 72, 126, 140, 142, 304, 305, 319, 406, 407, 537, 601
 Жуковский П.В. *I*: 342
 Журавлев Д.Н. *I*: 308, 334
 Журавлев С.В. *I*: 88, 399; *II*: 273, 620, 739, 741
 Журавлева Е.З. *II*: 419
 Журавлева М. *II*: 589
- Забелин И.Е. *I*: 16, 40, 144, 149, 150, 226, 258, 260, 339, 396, 399, 403–407, 415, 420, 422–424, 427, 431–435, 449; *II*: 48, 52, 62, 66, 70–88, 95, 105, 126, 185, 206, 240, 311, 362, 466–469, 476, 519, 522, 525, 527, 633, 648, 673, 702
 Забелина М.И. *II*: 85
 Заболоцкий Н.А. *I*: 164
 Завадовский П.В. *II*: 23, 42
 Загоскин М.Н. *I*: 200, 319, 321; *II*: 659
 Загоскин Н.П. *I*: 51, 88, 487
 Зайдель Г.С. *II*: 239
 Зайончковский П.А. *II*: 19, 20, 539
 Зайцев А.Д. *I*: 215, 247, 328, 343, 399, 442, 449, 506, 511; *II*: 372, 405, 469, 470, 492–498, 621, 702, 727, 739
 Зайцев Б.К. *I*: 252, 253, 267, 274, 301, 308, 313, 334, 341, 342, 344–350, 354, 355, 357, 367, 559; *II*: 327, 399, 567, 569, 579, 583, 592, 633, 638, 644, 650, 652, 662, 666, 703
 Зайцева В.А. *II*: 498
 Зайцева Л.А. *II*: 493, 498
 Зайцевы *I*: 355
 Зак Л.М. *I*: 481, 509, 523; *II*: 339–341, 596
 Закревский А.А. *I*: 200
 Закс А.Б. *I*: 340, 388, 390, 399, 412, 415, 421, 428, 435, 442; *II*: 88, 163, 234, 282
 Зализняк А.А. *I*: 98, 485; *II*: 722
 Заломон Р. *II*: 239
 Замойский Я., гетман *I*: 115
 Замысловский Е.Е. *I*: 111
 Заозерская Е.И. *I*: 11
 Западов В.Л. *II*: 439
- Заплата О.С. *I*: 283
 Зарубин Н.Н. *II*: 365, 420–424, 427–429, 454
 Зарудин Н.Н. *I*: 296
 Зарудная-Иванова В.М. *I*: 272
 Зарулин Н.Н. *I*: 350
 Заруцкий И.М. *I*: 69, 130
 Заславский Д.И. *II*: 439
 Засулич В.И. *I*: 228; *II*: 96
 Заусцинский К.А. *I*: 33
 Захаров-Гнильевский В.В. *I*: 27
 Захаров-Гнильевский Я.В. *I*: 27
 Захарьин Г.А. *II*: 598
 Захарьин М.Ю. *II*: 417
 Звавич И.С. *II*: 258
 Звездинская Е.Ю. *II*: 517
 Зверева Л.И. *II*: 440
 Звягинцев Е.А. *I*: 289; *II*: 86
 Згура В.В. *I*: 410, 415; *II*: 476
 Зеленина М.Н. *I*: 317
 Зеленский В.К. *II*: 548, 558, 559
 Зеленцов И.И. *I*: 163, 333, 372, 373; *II*: 400, 412, 580–582, 584–593, 615, 680–682
 Зеленцова В.С. *II*: 592
 Зелинский К.Л. *II*: 548
 Зелинский Н.Д. *I*: 317, 372, 389; *II*: 585
 Зелинский Ф.Ф. *II*: 547, 558
 Зельин К.К. *I*: 466; *II*: 402
 Земельгак Я.И. *II*: 29
 Земенков Б.С. *I*: 267, 319, 340–342, 412, 415; *II*: 577, 673
 Земская Н.А. *II*: 181
 Земский А.М. *II*: 181
 Зенкевич Л.А. *I*: 371
 Зеньковский В.В. *I*: 190
 Зеркалова Д.В. *I*: 313
 Зимин А.А. *I*: 15, 34, 88–92, 99, 158, 162, 163, 271, 479, 481, 502, 504, 509, 515, 520, 522; *II*: 97, 171, 173, 344, 369, 372, 375, 390, 393, 403, 433, 439, 458, 472, 596, 738
 Зингер А.В. *I*: 371
 Зиновьев Г.Е. *I*: 293, 332; *II*: 692
 Зиновьев И. *I*: 123
 Зиновьев П.А. *I*: 228
 Златогорова Б.Я. *I*: 377
 Злотников М.Ф. *I*: 90
 Золотаревы *II*: 582, 592
 Золотухин П.В. *II*: 587
 Золя Э. *I*: 250
 Зубков В.П. *I*: 321, 322
 Зубов Н.Л. *I*: 431

- Зубова Н.А. *I*: 302
 Зубцова Е.А. *II*: 517
- Иван I Данилович Калита, князь московский *I*: 104, 105; *II*: 190, 194
- Иван (Иоанн) III Васильевич, великий князь московский *I*: 24, 27, 43, 98, 104, 105, 107, 108, 111, 112, 115, 116, 124, 254–256, 268; *II*: 63, 67, 188, 449, 744
- Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный, царь *I*: 3, 11, 16–20, 22–34, 36–39, 41, 43, 44, 48, 50, 61, 69, 77, 85, 86, 88, 89, 93, 99–104, 107, 110–113, 115–121, 123, 124, 127–129, 131–134, 136, 137, 141–146, 148, 151, 153, 160, 163, 195, 255, 257, 262, 268, 270, 312, 338, 339, 384, 406, 416, 423, 438, 449, 495; *II*: 8, 35, 37, 38, 42, 47, 57, 63, 65, 68, 101, 110, 122, 166, 173, 182, 190–192, 194, 203, 206, 212, 225, 283, 289, 294, 321, 361, 362, 365, 401–403, 406, 408, 417, 418, 420–440, 444, 449–451, 454–457, 473, 475, 500–503, 505, 506, 510, 512, 539, 619, 620, 631, 645, 646, 686, 690–692, 694, 696, 702, 705–708, 713–715, 736, 738, 744
- Иван Иванович, царевич *I*: 119; *II*: 361
- Иванкив А.В. *I*: 399; *II*: 530, 542
- Иванов А.А. *II*: 49
- Иванов А.Е. *II*: 140
- Иванов Б.И. *II*: 137
- Иванов В.И. *I*: 276, 347
- Иванов В.Н. *II*: 548
- Иванов П.И. *I*: 89
- Иванов С.В. *I*: 299
- Иванов Ю.Ф. *I*: 502
- Иванова В.Ф. *II*: 493
- Иванова Л.В. *I*: 398, 400, 401, 414, 415, 435; *II*: 149, 315, 365, 398, 486, 488, 489, 524, 541, 543, 670
- Иванова Н.А. *II*: 483
- Ивницкий Н.А. *II*: 273
- Игнатьева М.А. *I*: 341
- Игорь Святославич, князь северский *I*: 153, 158, 160; *II*: 220
- Игрицкий Ю.И. *II*: 330
- Игумнов К.Н. *I*: 568
- Игумнова Т.Г. *II*: 282
- Иден Р. *I*: 113
- Иевлев, дьяк *I*: 144
- Иеремия, патриарх *I*: 122
- Иконников В.С. *I*: 14; *II*: 61, 373, 429, 519
- Икскуль-фон-Гильденбандт Ю.А. *II*: 134
- Илизаров Б.С. *I*: 510, 523, 529; *II*: 739
- Илизаров С.С. *I*: 515; *II*: 32, 34, 671, 739
- Иллерицкий В.Е. *I*: 481, 509, 513, 523; *II*: 70, 262, 373, 374, 376
- Иловайский Д.И. *I*: 424
- Иловайский М.М. *I*: 277
- Ильин А.Н. *II*: 476
- Ильинский И.В. *I*: 278, 371; *II*: 583, 676
- Ильф И. *I*: 252, 267, 279, 344, 350; *II*: 569, 592, 631, 633, 638, 644
- Илющенко В.И. *II*: 490
- Иннокентий (Вениаминов), митрополит московский *I*: 219, 551; *II*: 296, 297
- Иннокентий (Просвирнин), архимандрит *I*: 42, 447, 451, 452, 455, 457, 458; *II*: 292–295
- Иноземцев Ф.И. *I*: 281
- Иноземцева (Дацюк) З.П. *II*: 490
- Иоанн Кронштадский (Сергиев), протоиерей *II*: 121
- Иоасаф (Скрипицын), митрополит московский *II*: 417
- Иов, патриарх *I*: 68, 122, 130
- Иоиль (Быковский), архимандрит *I*: 152, 162
- Иона, митрополит московский *II*: 168
- Иосиф, император *I*: 195, 438
- Иоффе А.Ф. *II*: 147
- Ипполитов В.А. *I*: 310
- Ипполитов П.А. *I*: 310
- Ипполитов-Иванов М.М. *I*: 271
- Исаакий Далматский, преподобный *II*: 110
- Исак (Исаак) Собака, архимандрит *I*: 35, 36, 91; *II*: 417–419
- Исламов Т.М. *I*: 88, 140
- Истомина Э.Г. *I*: 499
- Ишимова А.О. *II*: 39
- Кабанис П.-Ж.-Ж. *II*: 204
- Кабанов В.В. *I*: 481, 513; *II*: 373, 596, 739
- Каблуков И.А. *II*: 598
- Кабузан В.М. *I*: 500, 513, 522; *II*: 358, 490, 596
- Кавелин К.Д. *I*: 105, 139; *II*: 93
- Каганович Л.М. *I*: 375, 385, 386; *II*: 695, 735
- Кадыров А.А. *II*: 728
- Каждан А.П. *II*: 335, 403, 408, 545, 547, 553, 557–559
- Казаков М.Ф. *I*: 176
- Казаков Ю.П. *I*: 300, 341, 350, 566; *II*: 592, 644
- Казакова Н.А. *I*: 140; *II*: 420
- Казанцев В.П. *I*: 452, 453
- Калайдович К.Ф. *I*: 161; *II*: 15
- Калатозов М.К. *I*: 251; *II*: 722
- Калачов Н.В. *I*: 51, 243, 397, 439, 488; *II*: 520, 598
- Калинин М.И. *I*: 375
- Калишевский А.И. *II*: 475
- Каллаш В.В. *II*: 112
- Калужские *I*: 277, 293, 314
- Калужский Е.В. *I*: 293
- Каманин Н.П. *I*: 551
- Каменев Л.Б. *I*: 303, 331, 332, 343, 397; *II*: 24, 146, 385–387, 549, 550, 658, 692, 693
- Каменев С.С. *I*: 273
- Каменева Т.И. *I*: 331
- Каменская М.Д. *I*: 235
- Каменские *I*: 172
- Каменский Н.В. *I*: 278
- Каменский З.А. *I*: 193
- Каменцева Е.И. *I*: 479, 481, 502, 509, 523; *II*: 344, 377, 393
- Каминский *II*: 692
- Кампенский А. *I*: 110
- Кандауров К.В. *I*: 311
- Канделаки В.А. *I*: 288
- Каневский З.М. *II*: 410
- Кант И. *II*: 26, 35, 239, 545, 551, 557, 558
- Кантемир А.Д. *I*: 93; *II*: 680
- Канунова Ф.З. *I*: 193
- Капнист В.В. *I*: 164
- Каппелер А. *I*: 111
- Каптерев Н.Ф. *I*: 227
- Карамзин А.Н. *II*: 18
- Карамзин Н.М. *I*: 4, 21, 26, 31, 100, 104, 106, 108, 115, 120, 134, 135, 138, 139, 144–147, 151, 153, 155, 156, 158, 160–162, 164, 165, 168, 172, 173, 177–179, 182, 195, 200, 207, 212, 213, 216, 243, 252, 256,

- 259, 269, 270, 287, 322, 340, 341, 363, 396, 400, 403, 404, 406, 413, 420, 421, 423, 430, 438, 474, 478, 487, 534, 537, 538, 540, 545; *II*: 8, 12, 15, 18, 21–24, 26, 28–30, 33–69, 71–74, 77, 80–82, 87, 88, 90, 91, 94–96, 100, 101, 105, 111, 126, 142, 150, 177, 193, 194, 213, 224, 225, 252, 304, 317, 319, 321, 337, 362, 363, 397, 407, 434, 464, 471, 508, 519, 525, 537, 539, 581, 601, 627, 631, 639, 644, 645, 657, 658, 661, 683, 689, 690, 698, 702, 707, 708, 713, 736, 741, 744
- Карамзина Е.А. *II*: 18, 44
 Карамзины *I*: 269; *II*: 18, 45, 54
 Кара-Мурза А.А. *II*: 254, 257, 258
 Карев В.М. *II*: 497, 498
 Карев Д.В. *I*: 502, 510, 515
 Кареев Н.И. *I*: 276, 317
 Карл I, английский король *I*: 122; *II*: 119
 Карл X Бурбон, французский король *II*: 120, 122
 Карл Великий, император *II*: 57
 Карпинский А.П. *I*: 387
 Карпова А.С. *II*: 86
 Карякин Ю.Ф. *II*: 330
 Касаткин А.М. *II*: 583
 Кассиль Л.А. *II*: 606
 Кассо Л.А. *I*: 282
 Катагощина М.В. *II*: 282
 Катаев В.П. *I*: 314; *II*: 310
 Катаева-Лыткина Н.И. *I*: 329, 345, 346; *II*: 322, 327
 Катков М.Н. *I*: 218, 233, 234, 285
 Катырев-Ростовский И.М. *I*: 131
 Кафенгауз Б.Б. *II*: 111, 170, 271
 Кац А.А. *II*: 388, 389, 484
 Качалов В.И. *II*: 230
 Качалова М.В. *II*: 563, 564
 Каченовский М.Т. *I*: 161, 323
 Кашкин Н.Д. *I*: 228
 Кашляк Г. *I*: 510
 Кашперов В.Н. *I*: 226, 234
 Каштанов С.М. *I*: 3, 34, 90, 91, 98, 450, 456, 461, 471, 478, 481, 502, 503, 505, 506, 508, 513, 515, 517, 518, 521, 522, 525, 528, 544; *II*: 357, 358, 365, 369, 373, 375, 376, 389–396, 405, 491, 494, 595–597, 624, 673, 711, 738, 739
 Квашнин Ф.И. *I*: 81
 Квашнины *I*: 81
- Кедров М.Н. *I*: 277
 Кезина Л.П. *II*: 591
 Кекушев Л.Н. *I*: 278
 Келдыш М.В. *I*: 312; *II*: 323, 676
 Кёниг (König) Г.И. *I*: 320
 Кеплер И. *II*: 678
 Керенский А.Ф. *II*: 122, 129, 239
 Керн А.П. *I*: 175
 Кетчер Н.Х. *I*: 309; *II*: 539
 Кизеветтер А.А. *I*: 356; *II*: 97, 103, 113, 127, 129
 Кикин А.А. *I*: 302
 Ким М.П. *II*: 328, 330, 331
 Кин В.П. *II*: 412, 683
 Кинан Э.Л. *I*: 163
 Киницкая С.В. *I*: 506; *II*: 596
 Киплинг Р. *II*: 383, 748
 Кипнис С.Е. *II*: 539, 542–544, 674
 Кипренский О.А. *I*: 223, 244; *II*: 20
 Киреева Р.А. *II*: 74
 Киреевские *I*: 186, 206
 Киреевский И.В. *I*: 191, 297, 306
 Кириченко Е.И. *I*: 340
 Киров С.М. *I*: 281, 332; *II*: 659, 735
 Кирхман П. *II*: 74
 Киселев А.А. *I*: 228
 Киселев А.С. *I*: 4, 441
 Киселев П.Д. *I*: 287; *II*: 152
 Киселев С.Д. *I*: 287, 302, 321
 Кисляков П.В. *II*: 476
 Китаева Ф.В. *II*: 323
 Кичатова Е.В. *II*: 387
 Кишкин Н.М. *II*: 604, 606
 Клейменова Р.Н. *I*: 213
 Клейн В.К. *I*: 91
 Клейн Р.И. *I*: 291
 Клибанов А.И. *I*: 512
 Климентова М.И. *I*: 234
 Клингер В. *II*: 546
 Клосс Б.М. *II*: 362, 365, 458
 Ключевский В.О. *I*: 51, 55, 88, 89, 105, 108, 114, 115, 139, 141, 214, 232, 233, 247, 279, 301, 324, 340, 342, 353, 403, 405, 420, 449, 465, 477, 487, 489; *II*: 49, 61, 66, 67, 69, 71, 73, 74, 83, 88–100, 102, 103, 105, 106, 114, 118, 122, 126, 132, 133, 135, 152, 175, 206, 233, 269, 291, 363, 403, 407, 428, 471, 472, 519, 659, 689, 698, 702
 Ключников В.П. *I*: 229
 Кнабе Г.С. *I*: 366, 368; *II*: 568, 585, 592
 Кнебель М.О. *II*: 431, 438–440
- Книппер Л.К. *I*: 290
 Книппер-Чехова О.Л. *I*: 253, 290
 Княжнин Я.Б. *II*: 28
 Князев Г.А. *I*: 475, 478
 Князевская О.А. *I*: 447, 456
 Князьков С.Е. *I*: 26, 48, 91, 92, 102, 508, 529; *II*: 460, 597
 Кобак А.В. *II*: 539
 Кобрин В.Б. *I*: 89, 341; *II*: 369, 394, 596
 Кобяк Н.А. *I*: 447
 Ковалев И.В. *II*: 210, 216, 234, 245, 263, 282
 Ковалевская С.В. *I*: 250; *II*: 139
 Ковалевский М.М. *I*: 222, 234, 237, 250, 253, 317, 326, 353, 567
 Коваленский М.Н. *I*: 295, 312
 Ковальский Н.П. *I*: 488
 Ковальченко И.Д. *I*: 48, 49, 88, 512, 513; *II*: 279, 328–331, 621
 Коган П.С. *I*: 296
 Коган Я.Б. *I*: 389
 Коган-Бернштейн Ф.А. *I*: 509, 522
 Кожин В.В. *II*: 358
 Козлов В.П. *I*: 155, 399, 486, 515, 520, 526, 529; *II*: 13, 30, 55, 64, 69, 90, 352, 371, 625, 643, 739
 Козлов В.Ф. *I*: 338, 398, 400, 414, 431, 442, 482, 491, 506, 518, 528, 551; *II*: 226, 386, 392, 397, 398, 408, 540, 543, 597, 671, 710, 711, 739–741
 Козлов Н.Т. *I*: 174, 175, 178, 181, 274
 Козлов П.К. *I*: 300, 341
 Козлова Н.А. *I*: 522
 Козловская С.В. *II*: 410
 Козловский И.С. *I*: 296
 Козловский П.Б. *I*: 196, 197
 Кокошкин Ф.Ф. *I*: 272, 289, 294
 Коланев А.И. *II*: 429
 Коларов В.П. *I*: 291
 Колесников И.Ф. *I*: 89
 Колесников П.А. *I*: 447; *II*: 454, 659
 Колесов В.В. *I*: 154
 Колло М. *II*: 101
 Коллонтай А.М. *II*: 628
 Колмановский Э.С. *I*: 309, 310, 341
 Колмогоров А.Н. *II*: 608
 Кологривовы *I*: 172
 Колодный Л.Е. *I*: 267, 341; *II*: 671
 Колумб Х. *I*: 161, 270, 403, 421; *II*: 23, 42, 54, 56, 71, 101
 Колчак А.В. *I*: 290, 386; *II*: 604, 694

- Кольцов А.В. *I*: 214; *II*: 589
 Кольцов М.Е. *I*: 346; *II*: 327, 606
 Кольцов Н.К. *II*: 147
 Комаров В.Л. *I*: 387, 475; *II*: 409, 694
 Комисаренко А.И. *I*: 510, 523
 Комова О.Н. *I*: 280
 Комовский В.Д. *I*: 206
 Комовский С.Д. *I*: 234
 Кондратьев В.А. *II*: 596
 Конев И.С. *I*: 552
 Коненков С.Т. *I*: 552; *II*: 162, 540
 Кони А.Ф. *I*: 228; *II*: 77
 Кононов А.Н. *I*: 447
 Кононов Ю.Ф. *I*: 482
 Кононова А. *I*: 510
 Конрад Н.И. *II*: 322, 545, 552, 554, 556, 557
 Констан Б. *II*: 26
 Константин Константинович, великий князь *I*: 476; *II*: 99, 145
 Константин Философ (в монашестве — Кирилл) *I*: 455
 Константин, греческий король *II*: 122
 Константинов Н.А. *I*: 288
 Контарини А. *I*: 110, 140
 Кончаловская Н.П. *I*: 312; *II*: 201–206
 Кончаловский Д.П. *II*: 201
 Кончаловский М.П. *I*: 308, 552; *II*: 201
 Кончаловский П.П. *I*: 312, 552; *II*: 201
 Кончин Е.В. *I*: 399
 Конь Ф.С. *I*: 552
 Копанев А.И. *I*: 90; *II*: 421
 Коперник Н. *II*: 678
 Копреева Т.Н. *I*: 143
 Корещий В.И. *I*: 119, 512; *II*: 329, 333
 Коржихина Т.П. *I*: 481; *II*: 359, 597
 Корин П.Д. *I*: 325; *II*: 309
 Корицкий Н.И. *I*: 316
 Корленко В.Г. *I*: 291
 Корнеев А.В. *II*: 543
 Корнеев В.Е. *II*: 143, 150
 Корнель П. *I*: 222
 Корниенко Н.В. *II*: 223
 Корнилов Ф.Д. *I*: 230, 231
 Коробейников Т. *I*: 454
 Коровайников В.Ю. *I*: 515, 526, 529
 Королев Г.И. *I*: 510
 Короленко В.Г. *II*: 604
 Корольков Н.К. *I*: 152
 Коротнев А.А. *I*: 250
 Корсаков С.С. *I*: 284
 Корф М.А. *I*: 215, 216
 Корш Е.Ф. *I*: 227; *II*: 133
 Корш Ф.А. *II*: 475
 Корш Ф.Е. *I*: 157
 Корякин В.С. *I*: 390; *II*: 606, 608–610
 Косарев А.В. *I*: 381; *II*: 695
 Косиор С.В. *I*: 375
 Косминский Е.А. *II*: 237, 334, 370, 384, 403, 481, 490
 Космодемьянская З.А. *I*: 442
 Костомаров Н.И. *I*: 105, 158; *II*: 71, 83, 95, 126, 519
 Кострикин А.И. *II*: 410
 Кострикин В.И. *II*: 339, 359
 Костров В.А. *I*: 563
 Костылев В.И. *II*: 432
 Костырченко Г.В. *II*: 259
 Костюхина Л.М. *I*: 428
 Костякова Е.Б. *I*: 304
 Котельницкие *I*: 325, 342
 Котельницкий В.М. *I*: 325
 Котков С.И. *I*: 89
 Котошихин Г.К. *I*: 30, 32, 49, 86, 88, 93, 101, 127, 128, 143, 147
 Коц А.Я. *I*: 296
 Кочеткова Н.Д. *II*: 55
 Кочин Г.Е. *I*: 90
 Кошелев А.И. *I*: 188, 189, 191, 193, 208, 209, 211, 213, 287
 Кошелев В.А. *I*: 189
 Краевский А.А. *I*: 229
 Крайнева Н.Я. *II*: 474
 Крамми (Crummey) Р. *I*: 44, 89, 106
 Крамской И.Н. *I*: 218
 Красавченко Н.П. *II*: 38, 340–342, 483
 Красин Л.Б. *II*: 628
 Краснова Т.Г. *I*: 470
 Красовская Э.С. *I*: 346
 Крастин Э.Ф. *I*: 380
 Краусова И.В. *I*: 267
 Крашенинников С.П. *I*: 497
 Крейн А.З. *I*: 247, 248, 297; *II*: 326
 Крекшин П.Н. *II*: 14
 Кренкель Н.П. *I*: 385; *II*: 695
 Кренкель Э.Т. *I*: 280, 374, 376, 378, 379, 381, 384, 385, 390; *II*: 695
 Крестинин В.В. *II*: 252
 Крестинский Н.Н. *I*: 378, 379, 385; *II*: 695
 Крестинский Ю.А. *II*: 439, 440
 Кржижановский Г.М. *I*: 387; *II*: 148, 265, 628
 Кржижановский С.Д. *I*: 267, 302, 303, 350; *II*: 548
 Кривоборский М.И. *II*: 14
 Кривошеев Ю.В. *II*: 450
 Кривцов Н.И. *I*: 321
 Кроленко А.А. *II*: 386
 Кромвель О. *I*: 113; *II*: 57
 Кропоткин П.А. *I*: 260, 266, 339, 344, 351, 353, 356, 409, 410, 487, 551; *II*: 181, 373, 566, 583, 634, 639, 735
 Кропоткины, князья *II*: 566
 Кротов М.Г. *I*: 92
 Крузе Э. *I*: 111, 140
 Крупская Н.К. *I*: 419, 436; *II*: 147, 265, 266, 602
 Крутиков Ю. *II*: 597
 Кручинина А.Н. *II*: 419
 Крылов В.В. *I*: 331, 343, 390; *II*: 143, 381–387, 739
 Крылов И.А. *I*: 135, 287, 537; *II*: 95, 533
 Крючкова Е.Н. *I*: 415
 Кторов А.П. *I*: 278
 Кудашева М.П. *I*: 311
 Куделли П.Ф. *II*: 280
 Кудрявцев И.А. *I*: 481, 509, 513, 522; *II*: 247, 262, 263, 339
 Кудрявцев И.М. *I*: 102, 103, 163, 277
 Кудрявцев О.Ф. *I*: 140
 Кузнецов А.А. *II*: 437
 Кузнецов Д.В. *II*: 295
 Кузнецов И. *I*: 339
 Кузнецов И.И. *II*: 475
 Кузнецов М.С. *II*: 528–530
 Кузнецов Н.Г. *II*: 325
 Кузнецова Л.М. *I*: 448, 544, 569
 Кузнецова Т.В. *I*: 481, 510, 529; *II*: 595, 596, 739
 Кузьменко Р.И. *II*: 271
 Кузьмин А.В. *II*: 259
 Кузьмина В.Д. *II*: 596
 Кузьминский К.С. *II*: 87
 Куйбышев В.В. *I*: 379; *II*: 265, 746
 Кукушкина М.В. *I*: 143; *II*: 421, 428, 454
 Кулагин С.Ф. *II*: 476
 Кулешова В. *I*: 506, 513

- Кулиса Н.Г. *II*: 303
 Куманьков А.Е. *II*: 562, 563
 Куманьков Е.И. *II*: 562, 564, 621
 Кунин В.В. *I*: 213
 Кунцевич Г.З. *I*: 28, 32
 Куняев С.Ю. *I*: 561
 Купала Я. (псевд. Луцевича И.Д.)
I: 164
 Купер Д.-Ф. *II*: 77
 Куприн А.И. *I*: 253, 272, 273; *II*: 659
 Куракины *I*: 183; *II*: 23
 Курбский А.М., князь *I*: 21, 22, 24,
 34, 36, 52, 85, 100, 110, 116, 117,
 120, 129, 135, 136, 140, 141, 163,
 312, 521; *II*: 39, 101, 361, 365, 391,
 402, 418–420, 422, 425–427, 429,
 430, 432, 739
 Курбский С.Ф., князь *II*: 419
 Курносов А.А. *I*: 442, 443, 508, 516,
 522; *II*: 275, 358, 373, 481, 484,
 489–492, 596, 619
 Курукин И.В. *I*: 529, 516; *II*: 739
 Кусевицкий С.А. *I*: 353
 Кускова Е.Д. *II*: 603–606
 Кутайсов И.П. *I*: 196
 Кутузов М.И. *II*: 21, 42, 54, 55, 744
 Кутьев В.Ф. *II*: 353
 Кучка (Кучко С.И.), боярин *I*: 7
 Кучкин В.А. *I*: 495; *II*: 354
 Кучковичи *I*: 7
 Кушева Е.Н. *I*: 12, 93; *II*: 272
 Кушнер А.С. *I*: 370; *II*: 508
 Кызласов Л.Р. *II*: 447
 Кэмпбелл Т. *II*: 163
 Кювилье М.П. *I*: 311
 Кюхельбекер В.К. *II*: 40, 49
- Лабынцев Ю.А. *I*: 569
 Лавренев Б.А. *I*: 299
 Лаврентий, монах *II*: 12
 Лаврентьев М.А. *II*: 419
 Лаврова К.Н. *I*: 210, 517; *II*: 617
 Лакшин В.Я. *I*: 298; *II*: 303–305,
 657, 687
 Ламанова Н.П. *II*: 699, 727
 Ламброс С. *I*: 455–457
 Лановой В.С. *I*: 325
 Лаппо-Данилевский А.С. *I*: 90,
 105, 449, 463, 475, 481, 485, 486,
 488; *II*: 12, 83, 88, 93, 99, 103–105,
 111, 115, 134, 245, 247, 259, 329,
 346, 347, 351, 355, 368, 393, 395,
 452
 Ларин Ю.Н. *II*: 599
- Ларина А.М. *II*: 599
 Ларош Г.А. *I*: 270
 Латур А. *II*: 671
 Латынина А.Н. *I*: 451
 Лебедев А.В. *I*: 452, 454, 455
 Лебедев Б.Б. *I*: 489
 Лебедев В.И. *II*: 109, 111, 112, 170,
 718
 Лебедев Н.А. *I*: 33
 Лебедев П.Н. *II*: 636
 Лебедева Г.В. *II*: 260
 Лебедева И.Н. *I*: 473, 477; *II*: 428
 Лебедева (Рогова) Н.С. *I*: 513; *II*:
 373, 596
 Лебедкова А. *I*: 342
 Леваневский С.А. *I*: 380
 Левин И.И. *I*: 268, 276, 279, 300,
 340, 341, 566; *II*: 577
 Левина С.А. *I*: 90, 520, 521, 529; *II*:
 353, 358, 596
 Левинсон Б.Л. *I*: 317
 Левинсон К.А. *II*: 603, 606
 Левинсон Н.Г. *I*: 426
 Левинсон Н.Р. *I*: 141
 Левинсон-Нечаева М.Н. *I*: 426
 Левитт М.Ч. *I*: 247, 342
 Левицкий Д.Г. *II*: 20
 Левшин Б.В. *I*: 471, 472, 474, 478;
II: 174
 Левыкин К.Г. *II*: 282
 Леже Л. *I*: 235, 236, 238
 Леже Ф. *I*: 251
 Лейбниц Г.В. *I*: 113
 Лейкин Н.А. *I*: 229
 Лексин Ю.С. *II*: 501, 510
 Лемешев С.Я. *I*: 377
 Ленин В.И. *I*: 23, 24, 31, 50, 88, 89,
 106, 139, 149, 249, 269, 271, 288,
 302, 306, 316, 378, 395, 412, 436,
 437, 498, 499, 503, 522; *II*: 96, 97,
 102, 110, 143, 145, 147, 149, 152,
 153, 162, 163, 237–239, 252, 253,
 260, 280, 298, 382, 549, 556, 599,
 601, 602, 604, 605, 621, 627, 628,
 693, 695
 Леонид (Кавелин), архимандрит
II: 294
 Леонидов В.В. *I*: 343, 346
 Леонов Д.Н. *II*: 554
 Леонов Л.М. *I*: 301
 Леонтьев А.К. *I*: 88
 Леонтьев Я.В. *I*: 339
 Леонтьева В.М. *II*: 687
 Лермонт Г. *I*: 268
- Лермонтов М.Ю. *I*: 146, 168, 214,
 219, 227, 254, 263, 268, 274, 302,
 323, 351, 364, 369; *II*: 10, 20, 24,
 40, 41, 49, 55, 65, 94, 163,
 229–232, 304, 307, 308, 314, 399,
 434, 472, 545, 549, 551, 556, 557,
 583, 613, 631, 640, 642, 659, 685,
 688, 702, 706, 732, 748
 Лернер Н.О. *I*: 186, 187, 199,
 210–212
 Лесков Н.С. *I*: 315
 Летягин Л.Н. *I*: 189, 193, 202, 208,
 211–213
 Леушин М.А. *I*: 382, 390
 Лжедмитрий I (Дмитрий Само-
 званец, Отрепьев Г.) *I*: 13, 128,
 135, 178, 536
 Ли В. *II*: 298
 Лидов П.А. *I*: 442
 Лимонов Ю.А. *I*: 140
 Линдеман И.К. *I*: 258
 Линкольн А. *I*: 97
 Линн В. (Linn V.) *II*: 482
 Линниченко И.А. *II*: 136, 137
 Линович С.М. *I*: 4; *II*: 325, 591
 Липатов В.С. *II*: 309, 310
 Липкина Т.Г. *I*: 520, 529
 Листов В.С. *I*: 165, 180
 Литвак Б.Г. *I*: 90, 499, 503, 512; *II*:
 150, 273, 349–353, 378, 405, 621
 Литвинов М.М. *I*: 375; *II*: 679
 Лифшиц А.Л. *I*: 447
 Лихачев Д.С. *I*: 25, 27, 29, 31–33,
 36, 39, 40, 42, 43, 93, 94, 99, 102,
 103, 129, 135, 139, 141, 142, 152,
 154–157, 159, 163–165, 179, 254,
 329, 338, 346, 357, 367, 370, 394,
 447–449, 451, 467, 469, 484, 486,
 505, 508, 532–535, 562; *II*: 20, 66,
 69, 213–215, 223, 295, 297, 305,
 309, 315–323, 327, 337, 363, 407,
 408, 410, 428, 429, 448, 451–453,
 456, 487, 507, 518, 537, 570, 579,
 581, 591, 631, 633, 643, 653, 656,
 668, 685, 689, 704, 707, 711, 712,
 716, 721, 736, 740
 Лихачев Н.П. *I*: 39, 89; *II*: 109, 129,
 149, 291, 361, 423, 427, 430, 445,
 452, 455, 456, 458
 Лихачева З.А. *II*: 321
 Лихтенштейн Е.С. *I*: 543
 Ло Г. *I*: 164
 Лобанов А. *II*: 669
 Лобанов А.М. *I*: 277

- Лобанова В.В. *II*: 542
 Ломанова Н.П. *I*: 551
 Ломоносов М.В. *I*: 135, 145, 316, 396, 432, 497; *II*: 8, 28, 30, 33, 37, 43, 44, 57, 68, 100, 101, 106, 112, 163, 176, 206, 252, 276, 277, 552, 627, 630, 631, 657, 680
 Лопатин Л.М. *II*: 133
 Лопатин М.А. *I*: 353
 Лорер Н.И. *II*: 42, 47, 63
 Лосев А.Ф. *I*: 292, 296, 353; *II*: 223, 548, 571, 641
 Лотман Ю.М. *I*: 109, 156, 162, 166, 179, 181, 188, 190–192, 199, 204, 211–213, 284; *II*: 9, 19, 55, 318, 322, 325, 327, 338, 687, 721, 722
 Лохина (Медведева) Т.В. *I*: 448
 Луговской В.А. *I*: 267, 344, 350; *II*: 592, 644
 Лужков Ю.М. *I*: 357, 432, 548, 549, 559; *II*: 512, 513, 565, 573, 575, 648, 664, 674, 703, 705, 726, 732, 735
 Лужский В.В. *I*: 277, 293, 314, 327
 Лун-Филипп, французский король *II*: 120
 Лукин Н.М. *II*: 157
 Лукичев М.Л. *I*: 92
 Лукомский Г.К. *I*: 112, 140
 Лукьянов В.В. *II*: 379
 Луначарский А.В. *I*: 253, 273, 291, 328, 371, 390, 400, 410, 418, 551; *II*: 19, 24, 143, 146, 227, 265, 547, 548, 550, 558, 559, 658, 696
 Луппов С.П. *II*: 429
 Лурье Я.С. *I*: 140; *II*: 428, 429
 Луцкий Е.А. *I*: 481, 509, 523; *II*: 344, 345, 368, 375, 377, 393, 394, 738
 Лысенко А. *II*: 638
 Лысенко Т.Д. *I*: 551; *II*: 695
 Львов Г.Е. *I*: 222
 Львов Д.М. *II*: 76
 Львов Н.А. *I*: 322, 324
 Любавский М.К. *I*: 476, 487, 493, 496, 502; *II*: 99, 103, 109, 114, 122, 123, 132–134, 149, 460
 Любарева Е.П. *II*: 592
 Любимов В.Н. *I*: 232
 Любимов Д.Н. *I*: 239
 Любимов Н.А. *I*: 229
 Люблинская А.Д. *I*: 513; *II*: 271
 Любошиц А.С. *I*: 309
 Любошиц, трио *I*: 309
 Людвинская Т.Ф. *II*: 162
 Людовик XI, французский король *II*: 57
 Людовик XV, французский король *I*: 114, 250
 Людовик-Филипп, французский король *II*: 122
 Люшин С.П. *I*: 480
 Ляйш В. *I*: 103
 Лялина Г.С. *I*: 512, 513; *II*: 373, 596
 Лямин И.А. *I*: 218
 Ляпидевский А.В. *I*: 280, 375
 Ляпунов П.П. *I*: 69, 125
 Маврина Т.А. *II*: 560
 Мадов А. *I*: 101
 Мазон А. *I*: 162
 Мазурин Ф.Ф. *I*: 306
 Мазурины *I*: 306
 Майков А.Н. *I*: 164, 234; *II*: 40, 49, 65
 Майков В.Н. *II*: 64, 69
 Майков Л.Н. *I*: 422
 Майский И.М. *I*: 32, 140
 Макарий (Булгаков), митрополит московский *I*: 230, 551
 Макарий (Веретенников), игумен *I*: 33
 Макарий, митрополит московский *I*: 20, 25, 29, 33–35, 39; *II*: 361, 417, 418, 420, 426, 427
 Макаров М. *I*: 505; *II*: 373, 596
 Макаров Н.А. *II*: 449
 Макарова Н.Г. *I*: 415
 Макарова О. *II*: 676
 Макиавелли Н. *II*: 402
 Маклаков А.Н. *II*: 598
 Маклаков В.А. *I*: 252, 334; *II*: 124
 Макогоненко Г.П. *II*: 55
 Максаков В.В. *I*: 520, 529; *II*: 596
 Максим (Маргуний), епископ *I*: 455
 Максим Грек *I*: 34, 36, 76, 77, 91; *II*: 133, 417–420, 425, 429
 Максимилиан II, император *I*: 110, 140; *II*: 429
 Максимов С.В. *I*: 229
 Максимова Р.И. *II*: 429
 Макферсон Дж. *I*: 162
 Малевич К.С. *I*: 400
 Маленков Г.М. *I*: 380
 Малето Е.И. *I*: 97, 102
 Малинин Н. *I*: 341
 Малиновские *I*: 195, 211, 212
 Малиновский А.Ф. *I*: 187, 189, 193–195, 198, 211–213, 438; *II*: 12, 15, 71
 Малиновский И.В. *I*: 195
 Малицкий Г.Л. *I*: 428; *II*: 279
 Малышев В.И. *I*: 445, 466, 467
 Малышева-Виноградова Н.М. *I*: 343
 Малышкин А.Г. *II*: 659
 Малышкин С. *I*: 510
 Мальцев А.Н. *I*: 494; *II*: 165, 283, 284, 286, 289
 Малявин Ф.А. *I*: 251
 Мамай, хан *I*: 22
 Маматова Е.П. *I*: 502, 506, 510, 523; *II*: 375, 738
 Мамоничи, купцы *I*: 454
 Мамонов *II*: 21
 Мамонов В. *II*: 490
 Мамонтовы *II*: 528
 Мандельштам О.Э. *I*: 209, 213, 328, 354
 Манн Ю.В. *I*: 211
 Мансветов И.Д. *I*: 227
 Мансурова Ц.Л. *I*: 309
 Манькин В.А. *I*: 4
 Маньков А.Г. *I*: 88, 91, 92, 104; *II*: 356
 Мараш Я.Н. *I*: 519, 527
 Марголин С.Л. *I*: 428
 Маржерет Ж. *I*: 112, 140
 Маринина К.Б. *II*: 359
 Мария Александровна, императрица *I*: 225, 229, 249
 Мария Федоровна, императрица *I*: 145, 195, 538
 Маркевич А.И. *I*: 89
 Маркелова Л.П. *I*: 388, 390; *II*: 409
 Марков П.А. *I*: 314; *II*: 438, 440
 Маркс К. *I*: 54, 89, 253, 291, 317, 342; *II*: 144, 147, 148, 150, 160, 161, 237, 238, 546, 551, 556, 728, 734
 Маркус Б.С. *II*: 590
 Марлинский А.А. — см. Бестужев-Марлинский А.А.
 Марр Н.Я. *II*: 147
 Мартов Ю.О. *II*: 129, 385
 Мартынов А.А. *I*: 339
 Мартынов Л.Н. *II*: 559
 Мартысевич И.Д. *I*: 88
 Марцишевская К.А. *I*: 312; *II*: 326
 Марченков А.М. *I*: 340
 Марчук Г.И. *II*: 608

- Маршак С.Я. *II*: 202
 Маслов П.П. *I*: 302
 Масс В.З. *I*: 278, 314, 315
 Масса И. *I*: 19, 30, 113; *II*: 475
 Массальский П.В. *I*: 277
 Матвеев А.А. *I*: 102, 113
 Матвеев А.С. *I*: 102, 113, 124
 Матвеева Л.В. *I*: 390; *II*: 606, 607
 Матвеева О.В. *II*: 410
 Матвиевский П.В. *II*: 481
 Матисс А. *I*: 251
 Матусовский М.Л. *I*: 332
 Матфей, иеромонах *I*: 454, 456
 Матюшкин Ф.Ф. *I*: 216, 217
 Мачула Т. *II*: 596
 Машков И.П. *I*: 407, 415
 Маяковский В.В. *I*: 246, 247, 251, 275, 277–279, 285, 286, 291, 296, 305, 330, 340, 354, 370, 567; *II*: 412, 680
 Маяковский И.Л. *I*: 89, 487; *II*: 262, 347
 Маясова Н.А. *I*: 151; *II*: 363
 Маят Т. *II*: 587
 Медведев И.П. *I*: 473
 Медушевская О.М. *I*: 415, 431, 481, 492, 501–503, 509, 523; *II*: 282, 342–348, 368, 375, 377, 393, 598, 738
 Медушевский А.Н. *II*: 102, 112, 357
 Межлаук В.И. *I*: 375
 Межов В.И. *I*: 245
 Мезенцева В.А. *I*: 312
 Мезенцева Г.Г. *II*: 279
 Мей Л.А. *I*: 164; *II*: 40, 49, 65
 Мейерберг А. *I*: 113, 114
 Мейерхольд В.Э. *I*: 291, 314; *II*: 659
 Мельгунов А.П. *I*: 152
 Мельгунов Н.А. *I*: 320
 Мельгунов С.П. *II*: 239
 Мельник А.Н. *II*: 263
 Мельников А.В. *I*: 3, 4, 158, 448–450, 474; *II*: 109, 110, 112, 113, 115, 116, 132, 141, 142, 407, 517, 710, 714, 740
 Мельников В.К. *I*: 315, 342
 Мельников И.А. *I*: 235
 Мельников К.С. *I*: 315; *II*: 575, 630, 660, 700
 Мельников Ю.Н. *I*: 92
 Мельничук Г.А. *II*: 498
 Менделеев Д.И. *II*: 99
 Меншиков А.Д. *I*: 309
 Мережковский Д.С. *I*: 355
 Меренберг Н.А. *I*: 225, 252, 326
 Мерзон А.Ц. *I*: 49, 88, 481, 509, 522
 Мериме П. *I*: 237
 Местр Ж., де *I*: 173
 Местр К., де *I*: 173
 Метнер Н.К. *I*: 298, 334, 568
 Меттернихи, князя *I*: 334
 Мец Н.Д. *I*: 426
 Мешков В.М. *I*: 261, 267, 339, 341, 561; *II*: 569, 578, 579, 670
 Мещерский И.А. *II*: 72
 Мещерский П.А. *I*: 205
 Мещерский П.И. *II*: 18
 Мещеряков Н.Л. *I*: 271
 Микеланджело *II*: 540
 Микешин М.О. *I*: 219
 Микоян А.И. *I*: 375, 380, 381
 Микулин Г.И. *I*: 121
 Милановский Е.Е. *I*: 373; *II*: 593
 Миллер В.Ф. *I*: 157, 221, 222
 Миллер Г.-Ф. *I*: 195, 396, 400, 439, 475, 477, 497; *II*: 32, 34, 43, 251
 Миллер И.С. *I*: 288
 Миллер П.И. *I*: 217, 218, 247
 Миллер П.Н. *I*: 259, 272, 289, 339, 340, 399, 408, 411, 415, 428, 438, 442; *II*: 185, 189, 311, 314, 474–476, 673
 Миллер Ф.Б. *I*: 221
 Милов Л.В. *I*: 49, 75, 495; *II*: 333, 722
 Милонег П. *I*: 277
 Мильтон Д. *I*: 113, 162
 Милюков П.Н. *I*: 106, 192, 211, 245, 247, 252, 334, 344, 356, 357, 475, 487; *II*: 33, 67, 97, 239, 355, 603
 Минаев В.В. *II*: 739
 Минаев Д.Д. *I*: 244
 Мингалев В.С. *I*: 510, 529
 Миндлин И.Б. *II*: 596
 Минин К. *I*: 130
 Миних Б.К. *II*: 476
 Минц И.И. *I*: 269; *II*: 243, 244, 254, 257, 260, 261
 Мироненко М.П. *I*: 448; *II*: 495
 Мироненко С.В. *I*: 342
 Миронов С.М. *I*: 450
 Миронова И.А. *I*: 478, 481, 505, 509, 521, 523; *II*: 344, 345, 375, 393, 405, 738
 Мирошниченко В.С. *II*: 517
 Мирошниченко Н. *I*: 561
 Митлянский Д.Ю. *I*: 280, 372; *II*: 586
 Митрофанов Н.Н. *I*: 513, 515, 529, 551, 566; *II*: 372, 409, 516, 517, 596, 606, 740
 Митрякова Н.М. *I*: 456, 471, 477
 Митяев К.Г. *II*: 596
 Михаил Клопский *I*: 34
 Михаил Федорович, царь *I*: 122–124, 126, 128, 130–133, 136, 194, 262; *II*: 426
 Михайлов А.В. *I*: 303; *II*: 556
 Михайлов П. *I*: 597
 Михайлова М.В. *I*: 370
 Михайлова Н.Г. *II*: 267, 272
 Михайлова Н.И. *I*: 182, 203, 211, 213, 541; *II*: 19
 Михайловский А. *II*: 626
 Михайловский Н.К. *I*: 208
 Михайловский-Данилевский А.И. *II*: 71
 Михалков Н.С. *I*: 310; *II*: 201, 722
 Михалков С.В. *II*: 201, 202, 436
 Михалков-Кончаловский А.С. *II*: 201
 Михалон Литвин *I*: 113, 141
 Михальчи Д.Е. *I*: 289
 Михельсон Л.А. *II*: 153
 Михельсон М.И. *I*: 338
 Михневич В.И. *I*: 229
 Мицкевич А.Б. *I*: 164, 239, 306
 Мицкевич С.И. *I*: 410, 419; *II*: 158, 159, 162, 280
 Мишле Ж. *I*: 249; *II*: 224
 Млодзевский П.К. *II*: 134
 Мнишек М.Ю. *I*: 13, 130, 134
 Мнишки *I*: 130
 Можаяв Б.А. *II*: 687
 Моисеева Г.Н. *I*: 32; *II*: 28
 Мокиенко В.М. *I*: 211, 213
 Молдавский Д. *I*: 340
 Молева Н.М. *I*: 288, 397; *II*: 671
 Моллер Ф.А. *I*: 287
 Моллеры *I*: 287
 Молоков В.С. *I*: 375, 381, 383
 Молотов В.М. *I*: 375, 380, 385–387; *II*: 694, 696
 Мольер Ж.-Б. *I*: 172, 222
 Монтень М., де *II*: 64
 Монфор Э.-Ш., де *I*: 173
 Мордвинов Н.С. *I*: 324
 Мордвишин И.И. *II*: 254, 260
 Мордовина С.П. *I*: 89, 92; *II*: 370, 394, 596

- Морозов Б.Н. *I*: 50, 91, 447, 511
 Морозов В.В. *I*: 32, 41, 43, 447, 474, 515, 529; *II*: 428, 449–451, 457
 Морозов В.Ф. *I*: 506
 Морозов И.А. *I*: 344, 408
 Морозов С.А. *I*: 508, 528; *II*: 428, 450, 458, 460, 621
 Морозов С.Т. *I*: 271, 517; *II*: 411
 Морозова В.А. *I*: 291
 Морозова М.К. *I*: 353
 Морозова Н.А. *II*: 339
 Морозовы *I*: 291, 341, 344; *II*: 528, 635
 Москатов П.Г. *I*: 380
 Москвин В.А. *II*: 338
 Москвин И.М. *I*: 383, 384
 Московская Д.С. *II*: 223
 Мохначева М.П. *II*: 739
 Моцарт В.-А. *I*: 349; *II*: 466
 Мочалов В.Д. *II*: 333
 Мочалов П.С. *I*: 272, 322
 Мошков Л.В. *I*: 457
 Мстислав Мстиславич Удалой, князь *II*: 722
 Мудров М.Я. *II*: 699
 Музиль Н.И. *I*: 316
 Музыкантский А.И. *I*: 248, 401, 549, 558; *II*: 327, 338, 650, 651, 654, 655, 669, 674, 685, 703, 729
 Мур Т. *I*: 208
 Муравьев А.В. *I*: 87, 89, 494, 513
 Муравьев В.А. *I*: 481, 492, 500, 502, 503, 510, 511, 523; *II*: 142, 163, 282, 348, 370–378, 390, 392, 394, 395, 738, 739
 Муравьев В.Б. *I*: 317, 342, 397, 414, 415; *II*: 671
 Муравьев Н.М. *II*: 16, 47, 152
 Муравьев-Апостол С.И. *II*: 16
 Муравьевы-Апостолы *II*: 16
 Мурашов С.И. *I*: 480; *II*: 338–342, 344, 368, 379
 Мурзаев Э.М. *I*: 339
 Мурзаева В.Г. *I*: 339
 Муромцев С.А. *I*: 222, 234, 317, 353, 567
 Муромцева В.Н. *I*: 253
 Мусин-Пушкин А.А. *I*: 196, 197; *II*: 15
 Мусин-Пушкин А.И. *I*: 153, 155, 161, 162, 197, 403; *II*: 9–15, 18, 20–24, 27–30, 71, 525, 593
 Мусин-Пушкин А.С. *II*: 11
 Мусин-Пушкин В.А. *II*: 15, 18, 20
 Мусин-Пушкин И.А. *II*: 15, 20
 Мусин-Пушкин И.А., боярин *II*: 11
 Мусин-Пушкин И.Я. *II*: 14
 Мусина-Пушкина Е.А. *II*: 15, 16
 Мусина-Пушкина М.А. *II*: 20
 Мусина-Пушкина Н.М. *II*: 14
 Мусина-Пушкина Э.К. *II*: 20
 Мунины-Пушкины *I*: 153, 161, 172, 176, 183, 438; *II*: 9, 11, 20, 21, 23, 593, 667
 Мусоргский М.П. *I*: 238; *II*: 40, 49
 Мустафин Х.Х. *I*: 42
 Мухамеджанов М. *I*: 513
 Мухамедьяров Ш.Ф. *I*: 495; *II*: 285
 Мухановы *I*: 321
 Мухина В.И. *II*: 539
 Мьяльников А.С. *I*: 472
 Мюллер И. *II*: 26
 Мюрат И. *I*: 262
 Мягков Б.С. *I*: 293, 341
 Мякушев С.Д. *I*: 508, 529; *II*: 623
 Мясников В.С. *I*: 93, 100, 101, 103, 473
 Мясников Г.В. *I*: 532–534
 Мятлевы *I*: 172
 Набоков В.В. *I*: 164, 182, 184, 188, 211, 329
 Нагибин Ю.М. *II*: 675
 Надсон Г.А. *I*: 308
 Надсон С.Я. *I*: 249
 Назаревский А.И. *I*: 89
 Назаров А.И. *I*: 385, 389, 543; *II*: 695
 Назаров В.Д. *II*: 259
 Названов М.М. *I*: 312; *II*: 323
 Найденов М. *II*: 254, 257, 258, 262
 Найденов Н.А. *I*: 408, 415; *II*: 488, 699
 Найденовы *II*: 528
 Нансен Ф. *I*: 280, 285, 372, 373; *II*: 585, 604, 680
 Наполеон I Бонапарт, император *I*: 62, 145, 161, 262, 412, 538; *II*: 42, 53, 55, 68, 576, 629, 633, 672
 Наппельбаум М.С. *I*: 302
 Наровчатов С.С. *I*: 163; *II*: 588
 Нарышкин М.А. *I*: 320
 Нарышкин М.М. *I*: 193
 Нарышкины *I*: 263, 321
 Нассау Н.-В., принц *I*: 326
 Наумов В. *I*: 529
 Наумов В.П. *II*: 524
 Наумов Е.Ю. *I*: 508, 528
 Нащокин П.В. *I*: 215, 321, 322
 Нащокина М.В. *II*: 671
 Неберекутина Е.В. *II*: 104, 112, 116, 120, 126, 141, 142
 Невежин В.А. *I*: 443
 Неверов А.С. *I*: 292
 Невилль Ф., де ла *I*: 113, 141
 Неволин Ю.А. *I*: 447
 Невоструев К.И. *II*: 294, 429
 Нежданова А.В. *I*: 288, 385; *II*: 695
 Некрасов А.И. *I*: 519
 Некрасов А.С. *I*: 310
 Некрасов Н.А. *I*: 127, 248, 279, 561; *II*: 10, 70, 239, 535, 579
 Некрасов Н.П. *I*: 234
 Немирович-Данченко В.И. *I*: 251, 291, 384; *II*: 672
 Немирович-Данченко Е.Н. *II*: 539
 Немировский Е.Л. *I*: 569, 570
 Ненарокомова И.С. *II*: 360
 Несмеянов А.Н. *I*: 389
 Нестеров М.В. *I*: 380; *II*: 525, 608
 Неусыхин А.И. *II*: 249, 334
 Нефедов А.В. *II*: 463, 466, 701
 Нечкина М.В. *I*: 297, 551; *II*: 86, 94, 97, 282, 331, 374, 460
 Нибур Р. *II*: 251
 Ниенштедт Ф. *II*: 426
 Никитенко Н.Ф. *I*: 390; *II*: 607
 Никитин А. *I*: 155, 505, 521; *II*: 37, 52, 77
 Никитин С.А. *I*: 460
 Никитченко Н.Ф. *II*: 410
 Никифоров Д.И. *II*: 475
 Никифоров К.В. *I*: 459
 Никифоров Л.А. *II*: 341
 Николаев Д.П. *II*: 55
 Николаева А.Т. *I*: 479; *II*: 344, 390, 596
 Николаева К.И. *I*: 381, 385
 Николаева О.В. *II*: 516
 Николаевский Б.И. *II*: 384, 385
 Николай I Павлович, император *I*: 139, 149, 189, 193, 208, 216, 243, 249, 287, 307, 537, 538; *II*: 16, 17, 41, 92
 Николай II Александрович, император *II*: 666
 Николай Александрович, цесаревич *I*: 250, 253
 Николай Михайлович, великий князь *II*: 13, 18, 30, 105, 123
 Николай Хониат *I*: 457

- Никольская О. I: 549
 Никольский В.К. II: 138
 Никольский М.Н. II: 129
 Никольский Н.К. II: 296, 422, 423, 429
 Никон, патриарх I: 71
 Никонов А.Д. II: 258
 Никулина Н.А. I: 293
 Нильский А.А. I: 228
 Нирнзее Э.К. I: 310
 Ницше Ф. I: 303; II: 545, 547–551, 555–559
 Новиков И.А. II: 548
 Новиков И.К. I: 333, 372; II: 400, 585–587, 589, 615, 677, 680, 682
 Новиков Н.И. I: 534; II: 24–26, 29, 33, 35, 43, 51, 252, 257; II: 304, 356, 463–466, 627
 Новиков С.П. II: 714, 722
 Новикова Н. II: 258
 Новицкий Г.А. I: 312, 424; II: 249, 403
 Новодворский В.В. I: 121
 Новомбергский Н.Я. I: 92
 Новоселова А.В. II: 582
 Новосельский А.А. I: 12, 15, 91, 93, 107, 500; II: 138, 270, 359, 375, 376, 596
 Новохатский К.Е. I: 399, 414, 506, 514, 521, 529; II: 87, 372, 460, 534, 543, 621, 630, 739
 Норов В.С. I: 193
 Носов Н.Е. I: 92
 Носовский Г.В. II: 714, 716, 722
- Обнорский С.П. I: 157
 Оболенская Е.А. II: 15
 Оболенский В.П. II: 15, 18
 Оболенский М.А. I: 323; II: 72
 Образцов С.В. I: 278, 377
 Обручев В.А. I: 389
 Обухова Л.А. I: 350
 Обухова Н.А. I: 308
 Овсянникова Е.Б. I: 400
 Овчинникова Е.С. I: 426
 Овчинникова С.Т. I: 321, 340, 342
 Огарев Н.П. I: 168, 214, 215, 292, 306, 352; II: 24, 101, 534, 640, 659, 746
 Оглоблин Н.Н. I: 89
 Огнев С.И. I: 371; II: 583
 Огризко З.А. I: 429
 Одоевский А.И. II: 40, 47, 49
- Одоевский В.Ф. I: 186, 188, 190, 191, 199, 215, 287
 Ожегов С.И. I: 45, 94, 102; II: 500
 Озеров В.А. I: 259, 272, 274, 403
 Озеров Л.А. II: 548
 Окладников А.П. II: 220, 271, 272, 420, 597
 Оксман Ю.Г. I: 328, 331, 332, 343
 Окуджав А.Б. I: 358
 Окуджав Б.Ш. I: 168, 247, 252, 254, 265, 267, 292, 295, 296, 318, 335, 336, 339, 341, 343, 350, 357–370, 560–562; II: 68, 305–309, 312, 321, 565, 568, 571, 574, 578, 579, 583, 592, 631, 633, 640, 644, 649, 652, 665, 666, 673, 685, 691–693, 700, 703, 713, 732, 734
 Окуджав О.В. I: 361
 Олеарий А. I: 113, 114, 141
 Олег, великий князь киевский I: 95
 Оленин А.Н. II: 71
 Оленина-д'Альгейм М.А. I: 353
 Олеша Ю.К. I: 314; II: 548, 625
 Олсуфьев А.Д. I: 196
 Ольга, княгиня II: 192
 Ольденбург С.Ф. I: 396, 409, 467, 472; II: 144, 145, 227, 487
 Ольденбургский П.Г. I: 216, 217, 226, 231, 233
 Ольминский М.С. I: 400; II: 280
 Онегин (Отто) А.Ф. I: 104, 139
 Опекушин А.М. I: 179, 218, 219, 238, 244, 247
 Орджоникидзе Г.К. I: 379
 Ордин-Нащокин А.Л. I: 102, 128, 143; II: 284
 Орешников А.В. I: 313, 406, 424, 427
 Орешников А.С. I: 506; II: 517, 596
 Орлов II: 21
 Орлов А.А. I: 151; II: 533, 534, 543
 Орлов А.С. I: 33, 164, 424
 Орлов А.Ф. II: 17
 Орлов Г.Г. II: 14, 17
 Орлов М.Ф. I: 307, 321, 323; II: 17
 Орлов Ф.Г. II: 17
 Ортенберг Д.И. (псевд. Д.Вадимов) I: 296
 Осечинская I: 529
 Осинский В.В. I: 378
 Осипов В.П. I: 310
 Осипов Ю.К. I: 342
- Осипова Н.М. I: 477; II: 142
 Осокин В.Н. II: 426
 Осоргин М.А. I: 252, 344, 348, 350, 355; II: 569, 592, 631, 633, 638, 644, 650, 652, 703
 Оссиан I: 160, 162
 Островский А.Н. I: 139, 144, 168, 228, 235, 238, 239, 277, 285, 293, 316, 422; II: 49, 65, 92, 229, 475
 Островский Н.А. II: 411–414
 Острогорский В.П. I: 229
 Остроумов А.А. I: 271; II: 598
 Остроумов И.С. I: 274, 408
 Остужев А.А. II: 230
 Отрепьев Григорий — см. Лжедмитрий I
 Оуэн Р. II: 298
 Охотин Н.Г. II: 482
 Очины-Плещеевы I: 454
 Ошанин Л.И. I: 332
- Павел I Петрович, император I: 196; II: 14, 15, 17, 45, 121, 465; II: 466, 478
 Павлов Д.Б. I: 4
 Павлов И.П. II: 147
 Павлова Н.А. II: 596
 Павлова Т.В. II: 517
 Павлов-Сильванский В.Б. I: 448; II: 512
 Павлов-Сильванский Н.П. II: 104, 112, 372, 374, 407, 689
 Паисий (Лигарид), митрополит II: 425
 Паисий (Величковский), архимандрит I: 457
 Паламарчук П.Г. I: 414
 Палиашвили З.П. I: 568
 Палицын А. I: 130–132, 143
 Панеях В.М. I: 91; II: 272
 Панина А.Л. I: 288
 Панкратова А. М. I: 551
 Панов В.Г. II: 409
 Папанин И.Д. I: 296, 374, 376–379, 381, 383, 384, 386–388, 390; II: 695
 Парфений Уродивый — см. Иван IV Грозный
 Пассек В.В. I: 399, 400, 404, 413; II: 77, 78, 87, 468, 534, 543, 621, 630
 Пассек Т.П. I: 202
 Пастернак Б.Л. I: 168, 252, 254, 267, 271, 277, 303, 344, 350, 354, 356, 561; II: 317, 327, 544, 546,

- 552, 561, 566, 569, 574, 578, 583,
592, 632, 638, 644, 650, 703
Паустовский К.Г. *I*: 371
Пашков А.М. *I*: 493
Пашуканис В.В. *I*: 276
Пашуто В.Т. *I*: 96, 97, 102; *II*: 212,
391, 460
Педру II, бразильский император
I: 276
Пейрле Х.-Г. *I*: 113
Пекарский П.П. *II*: 106
Пережогин М.А. *II*: 339, 353
Перельман И.Л. *I*: 468; *II*: 294
Перельман Я.И. *I*: 371
Перельмутер В.Г. *I*: 302
Пересветов И.С. *I*: 72, 312; *II*: 418,
427
Перетц В.Н. *I*: 157; *II*: 182, 384, 423
Переляткович М.М. *II*: 136
Пермяков А. *II*: 596
Перов В.Г. *II*: 162
Перовские *II*: 17
Персин А. *II*: 642
Перфильев В.П. *I*: 305
Перфильев В.С. *I*: 233
Перченко Ф.Ф. *I*: 341; *II*: 150
Першиц А.И. *II*: 403
Песков А.М. *I*: 212
Песков О.В. *II*: 498, 499, 515
Петелин В.В. *II*: 439
Петлин И. *I*: 101
Петр I Алексеевич Великий, им-
ператор *I*: 48, 50, 64, 87, 102, 104,
107, 133, 137, 146, 172, 182, 194,
221, 235, 243, 246, 250, 263, 268,
284, 287, 402, 404, 405, 420, 438,
448, 478, 497, 500; *II*: 5, 6, 8, 17,
23, 26, 28, 37, 42, 46, 57, 60, 63, 74,
76, 89, 100–117, 123, 126–129,
131, 137–139, 141, 298, 321, 337,
425, 434, 436, 437, 464, 525, 634,
638, 639, 667, 671, 683
Петр III Федорович, император *I*:
287; *II*: 120
Петр Бориславич, летописец *I*:
159
Петр, митрополит московский *I*:
25
Петрашевский М.В. *I*: 241
Петрей де Эрлзунда П. *I*: 113,
257, 339
Петров В.А. *II*: 421
Петров Е. *I*: 252, 267, 279, 344, 350;
II: 569, 592, 631, 633, 638, 644
Петров П.Я. *I*: 315
Петров Ф.А. *I*: 139
Петрова А. *II*: 341
Петрова Н.Л. *I*: 448, 469, 544, 569
Петровский А.В. *II*: 318
Петровский Г.И. *II*: 414
Петрушевский Д.М. *I*: 301
Петунников А.Н. *II*: 475
Петухов В. *I*: 506, 516; *II*: 373, 596
Печуро С.С. *II*: 596
Пешков З.А. (наст. фам. и имя:
Свердлов З.М.) *I*: 269
Пешкова Е.П. *II*: 604, 673
Пивоваров Ю.С. *II*: 55
Пивоварова О.Г. *II*: 142
Пикассо П. *I*: 251
Пиксанов Н.К. *I*: 328; *II*: 89, 403,
519
Пилат (Понтий Пилат) *II*: 122
Пильняк Б.А. *I*: 303
Пионтковский С.А. *II*: 138, 239
Пирогов Н.И. *II*: 48
Пирожкова Т.Ф. *I*: 213
Пиросмани Н. *II*: 228
Пируток Ю.М. *II*: 539
Писарев Д.И. *I*: 208, 215, 216; *II*:
92, 239
Писемский А.Ф. *I*: 223, 231, 235,
238, 326, 353
Писемский Ф.А. *I*: 121
Питирим, митрополит *I*: 451
Пихоя Р.Г. *I*: 467; *II*: 451
Пичета В.И. *I*: 312; *II*: 114, 171,
174, 237
Плавильщиков П.А. *I*: 273
Плакса М. *II*: 597
Платон (Левшин), митрополит
московский *I*: 148, 174, 178; *II*:
465
Платон *II*: 549
Платонов В.М. *I*: 548
Платонов С.Ф. *I*: 105, 106, 108, 125,
129, 139, 143, 155, 356, 411, 444,
448, 449, 463, 471, 474–476, 478,
568; *II*: 12, 61, 67, 69, 89, 96–100,
102, 104, 105, 107–109, 112–116,
123, 132–135, 138, 140, 142, 145,
146, 148–150, 233, 234, 239, 240,
348, 351, 363, 389, 393, 403, 407,
408, 519, 658, 689, 698, 707, 712
Платоновы *II*: 132, 133
Плевако Ф.Н. *I*: 226
Плетнев П.А. *I*: 217
Плеханов Г.В. *I*: 109, 249; *II*: 96, 147
Плещеев А.Н. *I*: 241, 299, 326
Плутарх *II*: 337
Плюханова М.Б. *I*: 106, 140
Пнин И.П. *II*: 18
По М. (Рое М.) *I*: 95, 109
Победоносцев К.П. *I*: 237
Погодин М.П. *I*: 158, 186, 190, 192,
201, 205–208, 214, 218, 285, 306,
319, 321, 465; *II*: 66, 80, 87, 105,
468, 598
Погодин Н.Ф. *I*: 299; *II*: 439
Погосов А.Е. *I*: 280; *II*: 410
Подвигина Е.П. *II*: 606, 607
Подвойский Н.И. *I*: 309
Подобедова О.И. *II*: 448, 451
Пожарский Д.М., князь *I*: 118,
126, 262, 268; *II*: 633
Поздеева И.В. *I*: 69, 466, 467, 470,
512, 569; *II*: 491
Познанский В.С. *II*: 264
Покровская В.Ф. *II*: 429
Покровская И.М. *I*: 506, 522
Покровский А.С. *II*: 490, 595, 596
Покровский М.Н. *I*: 106, 150, 291,
410, 419, 434, 444, 449, 474, 475,
487, 493; *II*: 67, 69, 85, 86, 100,
106, 109, 114, 115, 118, 135,
146–148, 159, 163, 172, 173, 175,
182, 233, 236, 238–240, 246, 253,
332, 696
Покровский Н.Н. *I*: 36, 91, 465,
467, 469, 495, 503, 512; *II*: 189,
191, 289, 296, 322, 397, 418–420,
597, 621
Полевой Б.Н. *II*: 310
Полевой Н.А. *I*: 158, 190, 193; *II*: 81
Поленов В.Д. *I*: 229, 245, 325, 326,
342, 351, 561; *II*: 309, 569, 579,
584, 632, 649, 662
Поленов Ф.Д. *I*: 326
Поленова Е.Д. *I*: 325, 342
Поливанов Л.И. *I*: 221–224, 226,
236, 238, 244, 327, 342, 540; *II*: 48
Полонский Я.П. *I*: 224, 236, 307,
341
Полосин И.И. *I*: 91, 495, 496, 503;
II: 138, 436, 477–480
Полунина Н.М. *II*: 525, 526
Поляков Ю.А. *I*: 373, 390; *II*: 254,
286, 289, 331, 339, 673, 746
Полякова М.А. *I*: 415
Полякова У.М. *II*: 282
Поляткин М.А. *II*: 673
Померанцев Н.Н. *I*: 410

- Помяловский Н.Г. *II*: 90
 Понежевская Г.Д. *I*: 333, 372; *II*: 580, 589, 591
 Понтович Э.Э. *II*: 548
 Понфили Р., де *I*: 251
 Понырко Н.В. *II*: 419, 420
 Попков В.Е. *II*: 538
 Попов А.Д. *II*: 438, 440
 Попов Б.С. *II*: 403
 Попов И.В. *II*: 124, 137
 Попова (Тумаркина) Г.Я. *II*: 490
 Попова Н.И. *II*: 266, 271
 Пороховщиковы *II*: 653, 704
 Порфирий (Успенский), епископ *I*: 455, 456; *II*: 293, 294
 Поршнев Б.Ф. *II*: 237, 621
 Поспелов Г.Н. *I*: 189, 211
 Поссевино А. *I*: 113–115, 141
 Постник Губин, дьяк *I*: 26
 Постникова-Лосева М.М. *I*: 426
 Постышев П.П. *I*: 375, 377
 Потапенко И.Н. *I*: 251
 Потапов П. *I*: 411
 Потенба А.А. *I*: 157
 Потемкин Г.А. *I*: 287
 Потемкин П.И. *I*: 86, 122
 Потемкина С.П. *I*: 320
 Потемкины *I*: 321
 Потехин А.А. *I*: 229, 235, 243
 Потоцкий В.В. *II*: 205
 Потресов В.А. *II*: 660
 Потье Э. *I*: 296
 Предтеченская Л.М. *II*: 69
 Предтеченский А.В. *II*: 69
 Преображенский А.А. *I*: 518; *II*: 596
 Пресняков А.Е. *I*: 28, 32, 38, 107, 108, 139, 449, 476; *II*: 111, 113, 115, 240, 245, 247, 363, 441, 444, 519, 621
 Пржевальский В.М. *I*: 272
 Пржевальский Е.М. *I*: 272
 Пржевальский Н.М. *I*: 300
 Приселков М.Д. *I*: 158; *II*: 52
 Присенко Г.П. *I*: 517; *II*: 372, 741
 Приходько В. *I*: 248
 Прокопович С.Н. *II*: 603, 604
 Прокофьев Н.И. *I*: 97
 Прокофьев С.С. *I*: 313
 Пронский И.И. *I*: 34
 Пронштейн А.П. *I*: 495; *II*: 171, 285, 403
 Просвирина С.К. *I*: 426
 Просвирина А.И. — см. Иннокентий, архимандрит
 Простоволосова Л.Н. *I*: 497, 503; *II*: 259, 344, 367, 394
 Протазанов Я.А. *I*: 278
 Протасова А.С. *II*: 27
 Протасьева Т.Н. *I*: 426; *II*: 429
 Прохоров А.М. *II*: 607
 Прыжов И.Г. *II*: 388
 Пугачев В.В. *II*: 234
 Пугачев Е.И. *I*: 145, 343; *II*: 24, 89, 119, 162, 276, 337
 Пуришев Б.И. *II*: 558, 559
 Путья Н.В. *I*: 189, 193, 286
 Пушкарев С.Г. *I*: 106
 Пушкин А.А. *I*: 225, 233, 312, 324
 Пушкин А.М. *I*: 172, 272
 Пушкин А.С. *I*: 3, 93, 94, 104, 114, 124, 134, 135, 138, 139, 144–147, 149, 151, 153, 157, 160, 161, 163–197, 199–202, 204–248, 252, 254, 263, 270, 274, 275, 283, 284, 286–289, 292–294, 296, 297, 299, 302, 306, 308, 310, 312, 315, 317–319, 322–336, 340–343, 346, 349, 351, 356, 360, 366–369, 394, 395, 401–403, 411, 412, 420, 530, 534–541, 549, 550, 560, 564, 571; *II*: 7, 10, 17–21, 23–28, 33, 35–42, 45–49, 52, 54–56, 58–60, 65, 67–69, 71, 79, 87, 91, 94, 101, 106, 110–112, 134, 135, 163, 179, 194, 230–232, 298, 301, 304, 307, 308, 318, 319, 321, 325, 326, 337, 348, 385, 398, 407, 408, 447, 465, 475, 494, 505, 516, 518, 520, 533, 536, 537, 542, 560–562, 566, 570, 573–575, 578–580, 583, 588–590, 592, 601, 627, 629, 631, 635, 638–640, 644, 645, 647, 650, 657–659, 662, 672, 681, 683, 686, 699, 702–705, 708, 713, 714, 721, 727, 732, 734, 736, 741, 743, 745
 Пушкин Б.С. *I*: 258
 Пушкин В.Л. *I*: 172, 173, 318
 Пушкин Г.А. *I*: 225
 Пушкин Л.С. *I*: 320
 Пушкина Е.Л. *I*: 195
 Пушкина М.А. — см. Гартунг М.А.
 Пушкина Н.А. — см. Меренберг Н.А.
 Пушкина Н.Н. *I*: 287, 322; *II*: 20
 Пушкина Н.О. *I*: 173
 Пушкина О.С. *I*: 169
 Пушкины *I*: 170, 172, 173, 175, 176, 181, 195, 232, 238, 287, 295, 310, 318, 320, 326, 328; *II*: 29, 72, 326, 571, 630, 667
 Пушкова Л.Л. *I*: 4
 Пущин И.И. *I*: 167, 193, 195, 321, 322
 Пшеничный А.П. *II*: 358, 490
 Пыляев М.И. *I*: 272
 Рабинович М.Г. *I*: 339, 340, 415; *II*: 311, 448
 Равинович Д.А. *II*: 282
 Радек К.Б. *I*: 372; *II*: 679, 692
 Радичев А.Н. *I*: 287, 497; *II*: 11
 Радоманов С.И. *I*: 298
 Раевский А.Н. *I*: 215
 Раевский Н.Н. *I*: 169
 Разбаш А.Л. *II*: 698
 Разгон А.М. *I*: 412, 421, 431; *II*: 254, 263, 278–282
 Разгон И.М. *II*: 254
 Раздорский А.И. *I*: 478; *II*: 461, 462
 Разин С.Т. *I*: 62, 63, 71, 77, 90, 133; *II*: 89, 119, 162, 297–302
 Разумовская Н.И. *II*: 260, 403
 Разумовские *II*: 23
 Разумовский, граф *II*: 17, 21
 Разумовский А.Г. *II*: 17
 Райх З.Н. *I*: 314
 Раич С.Е. *I*: 186, 190
 Раневская Ф.Г. *I*: 308
 Расцветов (Разцветов) А.П. *I*: 301
 Раскольников Ф.Ф. *II*: 385
 Распутин Г.Е. *II*: 121
 Раstopчин Ф.В. *II*: 22, 27
 Раstopчина Л.Н. *II*: 275
 Ратнер А.В. *I*: 343
 Ратша *II*: 11, 21
 Рафаэль *I*: 349
 Рахманинов С.В. *I*: 270, 334, 550, 568
 Рац М.В. *II*: 387
 Рачков П.И. *II*: 32
 Рашковский Е.Б. *I*: 513; *II*: 557
 Ребало В.М. *II*: 593
 Резанов А.И. *I*: 228
 Рейснер Л.М. *I*: 286
 Рейтенфельст Я. *I*: 113
 Рейхенау В., фон *II*: 214
 Ремезов С.У. *I*: 497
 Репин И.Е. *I*: 230, 275, 279, 311, 389, 433; *II*: 20, 40, 49, 65, 466
 Репина М.В. *I*: 322
 Репнин П.В. *II*: 18
 Ресин В.И. *II*: 648, 674

- Реформатский А.А. *I*: 371; *II*: 583, 676
- Решетников Ф.П. *I*: 280, 388; *II*: 411, 608
- Решке Б.В. *I*: 281
- Ржевская С.Ю. *I*: 172
- Ржевские *I*: 172
- Ржига В.Ф. *I*: 312, 424; *II*: 133
- Риго *II*: 298
- Рильке Р.-М. *I*: 164
- Римский-Корсаков Н.А. *I*: 307, 568; *II*: 40, 49, 65
- Римские-Корсаковы *I*: 321
- Рингубер Л. *I*: 113
- Рихтер С.Т. *I*: 299; *II*: 663
- Ричардсон С. *I*: 184
- Ришина И. *I*: 343
- Роберти Ж.-К. *I*: 106
- Робеспьер М. *II*: 602
- Робинсон М.А. *II*: 149, 372
- Ровинский Д.А. *I*: 422, 433; *II*: 77, 87
- Рогов А.И. *I*: 446
- Рогожин Н.М. *I*: 93, 99, 107
- Роден О. *II*: 494
- Родин А.Ф. *I*: 288, 289, 341, 399
- Родионов М.И. *II*: 437
- Родионов Н.С. *I*: 340
- Родька, подъячий *I*: 54
- Рожалин Н.М. *I*: 193, 206, 306
- Рожков Н.А. *I*: 106; *II*: 146, 475
- Розанов И.Н. *I*: 312; *II*: 326, 550, 676
- Розанов Н.П. *I*: 400; *II*: 476
- Розанов С.П. *I*: 102
- Розен А.Е. *I*: 193
- Розен С.Г. *II*: 301
- Розов К.В., архидьякон *I*: 148
- Розов Н.Н. *I*: 512
- Рокитянский Я.Г. *II*: 143, 149, 150, 163
- Рокотов Ф.С. *II*: 20
- Рокфеллер Дж. *I*: 97
- Ролан де Ля Платьер *II*: 602
- Ролан М.-Ж. *II*: 602
- Роллан Р. *I*: 311; *II*: 413
- Романов Б.А. *I*: 46; *II*: 420
- Романов П.В. *I*: 390
- Романов Ф.В. *II*: 591
- Романов Ф.Н. *I*: 131
- Романова С.Н. *II*: 297
- Романовы, династия *I*: 80, 108, 145, 172, 282, 339; *II*: 65, 112, 469, 496, 666
- Романюк С.К. *I*: 267, 287, 340, 342, 397, 414, 415
- Ромашов Б.С. *II*: 436, 440
- Ромодановская Е.К. *II*: 322, 419, 420
- Ромодановский В.Г. *I*: 141
- Рослова А.С. *I*: 479, 505, 518, 521; *II*: 341, 344, 354, 376, 390, 596
- Росс Н. *II*: 495
- Россельс В.М. *I*: 361
- Россет О.И. *I*: 248
- Росси К.И. *I*: 176, 273
- Россолимо Г.И. *I*: 312; *II*: 676
- Ростропович М.Л. *II*: 726
- Рошаль Л.М. *I*: 299, 510, 513; *II*: 301, 596, 739
- Рубенс П.П. *I*: 384
- Рубинштейн А.Г. *I*: 227; *II*: 89, 412
- Рубинштейн Е.И. *II*: 282
- Рубинштейн Н.Г. *I*: 223, 228, 230, 234, 236, 270, 279, 568
- Рубинштейн Н.Л. *I*: 401, 425, 449, 497; *II*: 58, 69, 86, 88, 115, 168, 232–250, 253–263, 276, 279, 282, 287, 289, 333–335, 344, 346, 370, 403, 467, 519
- Рубинштейн Н.Л. *II*: 33
- Рубинштейн С.Л. *II*: 246
- Рублев А. *I*: 12, 13, 20, 165, 413; *II*: 176, 206, 213, 321, 663
- Рудельсон К.И. *II*: 340
- Руденко И.П. *II*: 687
- Руджиеро Ф. *I*: 113
- Руднева С.Д. *II*: 388, 389
- Рудомино М.И. *II*: 674
- Ружоль Б.М. *II*: 174
- Румер О. *II*: 552
- Румянцев В.Е. *I*: 227
- Румянцев Н.П. *I*: 155, 161, 404, 405, 422, 438; *II*: 17, 30, 31, 34, 71
- Румянцев П.А. *I*: 404; *II*: 17
- Румянцев С.П. *II*: 17
- Румянцева И.Г. *II*: 302
- Румянцева М.А. *II*: 17
- Румянцева М.Ф. *I*: 485, 486, 488; *II*: 52, 739
- Румянцева О.М. *II*: 302
- Румянцевы *I*: 404; *II*: 17, 23
- Русанов В.А. *II*: 609
- Руссо Ж.-Ж. *I*: 187
- Руставели Ш. *I*: 157; *II*: 728
- Рушьева Н. *II*: 317
- Рыбаков А.Н. *I*: 252, 267, 278, 296, 312, 350, 357, 359, 561; *II*: 323, 400, 568, 591, 592, 640, 644, 652, 676, 693, 700, 703, 706, 732
- Рыбаков Б.А. *I*: 36, 96, 107, 109, 140, 141, 150, 155, 159, 165, 425, 427, 431, 465, 505, 512; *II*: 7, 170, 172, 174, 178, 191, 192, 200, 217–222, 277, 339, 355, 363, 441, 443, 446, 448–451, 621
- Рыбаков Ю.Я. *I*: 499, 513, 522; *II*: 351, 373, 375, 378–381, 596, 738
- Рыбин М.В. *I*: 342
- Рыбников М.А. *I*: 163
- Рыжов Н.Н. *I*: 316
- Рыжов Ю.А. *I*: 570
- Рыжова В.Н. *I*: 316
- Рыков А.И. *II*: 385
- Рыкова О.В. *II*: 11
- Рылеев К.Ф. *I*: 164, 193; *II*: 38, 40, 47, 49, 63
- Рыльский М.Ф. *I*: 164
- Рындзюнский П.Г. *I*: 428
- Рюмина Т.Д. *I*: 340
- Рюмины *I*: 269
- Рюрик, князь *I*: 129; *II*: 62, 722
- Рюриковичи, князья *I*: 81, 97, 116, 438
- Рябушинские *II*: 180, 528, 635
- Рязанов Д.Б. *I*: 410, 439; *II*: 24, 96, 107, 142–150, 155, 156, 159, 163, 236, 246, 280, 333, 384, 385, 658, 696
- Сабашников М.В. *I*: 282, 288, 340
- Сабашниковы *I*: 282; *II*: 530, 684
- Сабуров А.А. *I*: 230, 233
- Савва В.И. *I*: 31, 32, 101, 103, 104, 106, 142; *II*: 458–460
- Савва Сербский, архиепископ *I*: 455
- Савин А.Н. *I*: 307; *II*: 97, 137
- Савин В.М. *II*: 289
- Савич А.А. *II*: 170
- Савичева Т. *II*: 616
- Савков И.В. *II*: 171, 174
- Садиков А.В. *II*: 562, 577, 578
- Садкович Н.П. *II*: 592
- Садовский М.А. *II*: 409
- Садовой Б.А. *I*: 315, 340, 342
- Сакетти Л.В. *I*: 228
- Сакович С.И. *I*: 415, 431
- Сакулин П.Н. *I*: 328
- Саладин А.Т. *I*: 399; *II*: 530–534, 542, 543, 664, 674, 684
- Салина Н.В. *I*: 334

- Салтыков А.Б. *I*: 426
 Салтыков-Щедрин М.Е. *I*: 168, 217, 224, 274, 349, 353; *II*: 49, 95, 568, 635, 640, 644, 650
 Салтыкова Д.П. *II*: 26
 Самарин И.В. *I*: 223, 234, 244
 Самарин Ю.Ф. *I*: 218
 Самарины *II*: 488
 Самойлов В.И. *I*: 520, 529
 Самойлова Т.Е. *I*: 251
 Самойлович Р.Л. *II*: 609
 Самоквасов Д.Я. *I*: 89, 489
 Самосуд С.А. *I*: 381
 Самсонов А.М. *I*: 443, 470, 543; *II*: 273–275, 339, 349, 491, 492
 Сандуновы *I*: 273
 Санников Г.А. *I*: 303
 Сапронова Н.Т. *II*: 289
 Сапунов Б.В. *II*: 429
 Сапченко Л.А. *II*: 55, 69
 Сарабьянов Д.В. *II*: 322
 Сафонов В.И. *I*: 289, 290
 Сафронова Т.В. *II*: 104, 112, 116, 120, 126, 141, 142
 Сахаров А.Д. *I*: 482; *II*: 585, 592, 679, 698
 Сахаров А.М. *I*: 88; *II*: 262, 328, 329
 Сахаров А.Н. *I*: 95; *II*: 87, 504
 Сахаров В.В. *I*: 313
 Сахаров И.П. *II*: 52, 80
 Сахарова Е.В. *I*: 342
 Сахновский В.Г. *I*: 285
 Сваричевская-Мамет О.В. *I*: 400; *II*: 540, 543
 Сварог В.С. *II*: 608
 Свербеев Д.Н. *I*: 194, 195, 211, 212, 293, 565; *II*: 575
 Свербеевы *I*: 203, 307
 Свердлов Я.М. *I*: 269
 Светоний *II*: 201
 Свифт Дж. *I*: 162
 Святослав Ольгович, князь северский *I*: 7, 256
 Севастьянова А.А. *II*: 32
 Севастьянов Г.Н. *II*: 480
 Седельников В.О. *I*: 510; *II*: 149
 Седиков Н.А. *II*: 389
 Сейфуллина Л.Н. *I*: 299
 Селезнев М.С. *I*: 480; *II*: 339, 368, 379, 382, 596
 Селиверстова Л.Н. *I*: 4
 Сельвинский И.Л. *I*: 552, 555
 Семашко Н.А. *I*: 551
 Семевский М.И. *II*: 231, 337
 Семенов Ю.С. *I*: 286
 Семенова Е.С. *I*: 273, 274, 294, 313, 565; *II*: 575, 672
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. *II*: 48, 51
 Семенченко Г.В. *II*: 395
 Сент-Экзюпери А., де *I*: 166
 Сербина К.Н. *I*: 91, 124
 Сербина С.О. *I*: 142
 Сервантес М., де *II*: 720
 Сергеев П.А. *II*: 625
 Сергеев С.М. *I*: 139
 Сергеев Ф.П. *I*: 93, 100, 107
 Сергеевич В.И. *I*: 105; *II*: 98
 Сергей Радонежский, преподобный *I*: 348; *II*: 124, 213, 294
 Сергей (Успенский), протоиерей *I*: 325
 Серебрякова Г.И. *II*: 602
 Середа В.Н. *I*: 511; *II*: 32, 643
 Середонин С.М. *I*: 106, 141
 Серов В.А. *I*: 291, 297, 433; *II*: 20, 87, 101, 309, 466, 561
 Сеченов И.М. *I*: 395
 Сиверс А.А. *I*: 426
 Сиверцев М.А. *II*: 557
 Сивцов В. *II*: 150
 Сидоренко К.П. *I*: 211, 213
 Сидоров А.А. *I*: 569
 Сидоров А.Л. *I*: 460; *II*: 233, 260, 261
 Сидорова Л.А. *I*: 543
 Сидоровы *I*: 280
 Сизов А.Е. *II*: 359
 Сизов В.И. *I*: 406, 424
 Сизов Е.С. *I*: 151, 505, 515, 517, 522, 526, 527; *II*: 357–365, 376, 405, 427, 430, 539, 543, 596, 702, 739
 Сизова Р.В. *I*: 522; *II*: 358, 359, 364
 Сильвестр, протопоп *I*: 21, 34, 36; *II*: 361, 418
 Симеон Бекбулатович, царь *I*: 31, 89, 129
 Симеон Гордый, великий князь московский *I*: 105; *II*: 355
 Симони П.К. *II*: 423
 Симонов К.М. *I*: 332, 442, 443; *II*: 259, 489
 Симонов Н.К. *II*: 101, 298
 Симонов Р.Н. *I*: 309
 Синицына Н.В. *I*: 138, 144
 Сказкин С.Д. *I*: 295; *II*: 237, 334, 370, 403, 615
 Сказкина В.В. *I*: 295
 Скатов Н.Н. *I*: 166, 172, 179
 Скворцов М.А. *I*: 286
 Скворцов Н.А. *I*: 255, 338, 400; *II*: 137, 475
 Скворцов-Степанов И.И. *I*: 291
 Склодовская-Кюри М. *II*: 139
 Склянский Э.М. *I*: 273
 Скопин-Шуйский М.В. *I*: 130, 134
 Скотт В. *I*: 162; *II*: 77
 Скржинская Е.Ч. *II*: 171
 Скрынников Р.Г. *I*: 92; *II*: 457
 Скрыбин А.Н. *I*: 255, 353, 568
 Славин Л.И. *I*: 299
 Слепнев И.Н. *II*: 482
 Слепнев М.Т. *I*: 386
 Слепцов В.А. *II*: 144
 Слободкин П.Я. *II*: 574, 653
 Слуховский М.И. *II*: 421, 424, 428, 429
 Слуцкий Б.А. *I*: 273, 340, 350
 Смирнов А.П. *I*: 426
 Смирнов В.Д. *I*: 227
 Смирнов И.В. *II*: 439
 Смирнов И.И. *I*: 33, 36, 104
 Смирнов К.Н. *II*: 720
 Смирнов М.И. *I*: 493
 Смирнов П.П. *I*: 91, 401, 429, 442, 504, 518, 520; *II*: 347
 Смирнов П.С. *I*: 480
 Смирнов С.Г. *I*: 284
 Смирнов С.И. *II*: 133, 296
 Смирнов Я.Е. *I*: 155
 Смирнова В.А. *II*: 143
 Смирнова-Россет А.О. *I*: 215, 248
 Смолицкая Г.П. *I*: 259, 260, 339
 Смородкин С. *II*: 646
 Снегирев В.Ф. *I*: 308; *II*: 598
 Снегирев И.М. *I*: 404, 414; *II*: 77, 468
 Собинов Л.В. *II*: 539
 Собичевский В.Т. *I*: 227
 Соболева Л.С. *II*: 419
 Соболева Н.А. *I*: 137, 144
 Соболевский А.И. *II*: 422
 Соболевский В.М. *I*: 291
 Соболевский В.С. *I*: 250
 Соболевский С.А. *I*: 185–191, 193, 198, 205, 209, 210, 215, 244, 306, 308, 319–321, 323, 351; *II*: 18, 634, 640, 650, 703
 Сობоль И.М. *I*: 350
 Сობоль М.А. *II*: 590
 Соколов Б.С. *II*: 409, 607

- Соколов Ю.М. *II*: 592
 Соколова В.К. *I*: 144
 Соколова М.А. *I*: 89
 Соколов–Скаля П.П. *II*: 439
 Сокольников Г.Я. *II*: 602, 692
 Сокольский Г.И. *I*: 310
 Сократ *II*: 549
 Солдатенков К.Т. *II*: 78
 Солдатенковы *II*: 528
 Солженицын А.И. *I*: 484; *II*: 336, 338
 Соллогуб В.А. *I*: 244, 248, 252, 305, 326
 Солнцев Ф.Г. *I*: 149
 Соловейчик С.Л. *II*: 687
 Соловьев А.В. *I*: 110, 140
 Соловьев В.С. *I*: 284, 292, 297, 353, 354; *II*: 102, 537, 538
 Соловьев М.С. *I*: 292
 Соловьев С.М. *I*: 105, 107, 115, 120, 121, 139, 142, 149, 158, 232, 341, 353, 403, 405, 420, 422, 432, 449; *II*: 48, 51, 63, 66, 69–74, 82, 83, 87, 88, 91, 93, 95, 97, 101, 102, 105, 106, 112, 126, 136, 249, 251, 519, 636, 702, 746
 Соловьев С.М., внук историка С.М. Соловьева *I*: 297
 Солодкин Я.Г. *I*: 143
 Сольдейн В.Я. *I*: 321
 Сольский Д.М. *I*: 230
 Сонни А.И. *II*: 546
 Сонцов М.М. *I*: 195
 Сонцовы *I*: 321
 Сорин С.А. *I*: 334
 Сорокин В.В. *I*: 268, 300, 339, 397; *II*: 313–315, 539, 577
 Софья Алексеевна, царевна *I*: 500; *II*: 138
 Сперанский А.Н. *I*: 88; *II*: 167, 368
 Сперанский М.М. *II*: 66, 89, 121
 Сперанский М.Н. *I*: 407, 415, 424, 427, 431, 434; *II*: 74, 83, 88, 383
 Спиваковский Е.И. *II*: 332
 Споров Д.Б. *II*: 448, 451
 Срезневский В.И. *II*: 144
 Срезневский И.И. *I*: 157; *II*: 46, 50, 60, 69, 101, 112, 337
 Сталин В.И. *I*: 271, 276
 Сталин И.В. *I*: 10, 147, 149, 271, 273, 276, 313, 374–377, 380–390, 499; *II*: 68, 102, 110, 111, 118, 146, 147, 149, 159, 163, 225, 237, 246, 253, 260, 293, 333, 339, 397, 435–439, 501, 510, 568, 587, 663, 680, 682, 689, 691, 694, 695, 698, 735, 744
 Сталина (Аллилуева) С.И. *I*: 276
 Станиславский А.Л. *I*: 50, 89, 92, 481, 492, 497, 502, 503; *II*: 259, 344, 366, 372, 373, 394, 474, 598, 739
 Станиславский К.С. *I*: 250, 277, 291, 313, 316, 325, 383, 384; *II*: 40, 228, 467, 663
 Станкевич А.И. *I*: 431
 Станкевич Н.В. *I*: 315; *II*: 78, 635, 650, 746
 Станкевич Н.И. *I*: 352
 Старицкие *I*: 61
 Старк В.П. *I*: 188
 Старков В.Ф. *I*: 140
 Староверова И.П. *II*: 164, 174, 190, 192, 205
 Стародуб К.В. *I*: 267
 Старостин Е.В. *I*: 487, 523, 510, 529; *II*: 297, 373, 739
 Стасова Е.Д. *II*: 628
 Стаханов А.Г. *II*: 695
 Стахович А.А. *I*: 347, 355
 Стеклов Ю.М. *II*: 97
 Стеллецкий И.Я. *II*: 475
 Стендаль (наст. фам. и имя: Бейль М.-А.) *I*: 176, 272, 274, 403; *II*: 734
 Степанова А.И. *I*: 313–315, 342
 Степанова А.Я. *II*: 529
 Степанова Н.В. *II*: 498
 Степанский А.Д. *I*: 481, 509, 523; *II*: 346, 371, 739
 Столетов А.Г. *I*: 222, 276, 567; *II*: 636
 Столяров М. *II*: 552
 Столяров С.Д. *II*: 695
 Столярова Л.В. *II*: 597
 Стороженов Н.И. *I*: 233, 301; *II*: 636
 Страхов В.Н. *II*: 410
 Страхов Н.Н. *I*: 227; *II*: 48
 Стрейс Я. *I*: 113
 Стрелецкий В.Н. *I*: 499
 Стрешневы *I*: 262
 Стрижков Ю.К. *II*: 275
 Строганов С.Г. *I*: 155, 404
 Строгановы *I*: 91
 Строев П.М. *I*: 339, 464, 476; *II*: 52, 53, 65, 77, 368, 389
 Строева Н.К. *II*: 590
 Струков Н.Д. *II*: 475
 Суворин А.С. *I*: 229, 250; *II*: 687
 Суворов А.А. *I*: 323
 Суворов А.В. *I*: 282, 302, 323; *II*: 89, 205, 243, 274, 412, 478
 Суворова М.А. *I*: 323
 Сукин В. *I*: 141
 Сукин Ф.И. *I*: 27
 Сулейменов О.О. *I*: 157
 Сумбатов-Южин А.И. *I*: 251
 Сурад И.З. *I*: 343
 Суриков В.И. *I*: 311, 312; *II*: 201, 202, 205
 Суриков В.М. *I*: 477
 Сурков А.А. *II*: 202
 Суслов М.И. *I*: 247
 Суханов А., иеромонах *II*: 425
 Сухово-Кобылин А.В. *I*: 253
 Сухомлинов М.И. *I*: 227, 235; *II*: 106
 Сушкевич Б.М. *I*: 288
 Сушкина А.П. *I*: 280
 Сушковы *I*: 321
 Счастнев П.П. *I*: 494
 Сыромятников Б.И. *II*: 112, 374
 Сырцов С.И. *I*: 380
 Сырцова А. *I*: 380, 381
 Сыгтин П.В. *I*: 255, 259, 275, 291, 338–411, 415; *II*: 66
 Сытина Н. *II*: 592
 Табидзе Т.Ю. *I*: 307
 Тагор Р. *II*: 546, 556
 Тале Е.В. *I*: 411
 Тамара Ханум (псевд. Петросян Т.А.) *II*: 431
 Тамм И.Е. *I*: 338, 448, 479; *II*: 190, 201, 288, 324
 Танеев В.И. *I*: 567
 Танеев С.И. *I*: 228, 353, 567, 568
 Таннер Б.Ф. *I*: 113
 Таня, цыганка *I*: 322
 Тарасов Н.Г. *I*: 285, 289
 Тарасова А.К. *I*: 277, 313
 Тарковский А.А. *I*: 251; *II*: 552
 Тарле Г.Я. *I*: 513; *II*: 358, 373, 490, 595, 596
 Тарле Е.В. *I*: 297, 371; *II*: 109, 113, 149, 203, 239, 298, 307
 Тарновская М.П. *II*: 483, 484
 Тарновская Т.К. *II*: 484
 Тарновский К.Н. *I*: 449, 512, 525; *II*: 340–342, 388, 405, 482–484, 491, 596, 597, 621
 Тартаковский А.Г. *II*: 68

- Татаржинская Я.В. *I*: 415
Татарина Е.Ф. *II*: 121
Татищев В.Н. *I*: 4, 103, 104, 139, 154, 395, 396, 403, 420, 438, 445, 498; *II*: 5–8, 28, 43, 55, 62, 71, 73, 175, 206, 212, 252, 420, 519, 627
Татищев Ю.В. *I*: 92
Татьяничева Л.К. *I*: 164
Таубе И. *I*: 111, 140
Тахиаос А.-Э. *I*: 453, 455, 457
Тацит *II*: 57, 63, 337
Твардовский А.Т. *I*: 247; *II*: 202, 274, 303, 304, 481, 608
Тверская Д.И. *I*: 11, 428, 449, 467, 470, 495; *II*: 188, 191, 286, 289, 461, 485
Творогов О.В. *I*: 153
Тебекин Д. *II*: 490
Теве А. *I*: 113
Телетова Н.К. *I*: 170, 179
Тельберг Г.Г. *I*: 92
Теляковские *II*: 125
Теннисон А. *I*: 236
Тер-Ваганян В.А. *II*: 385
Терешкова В.В. *I*: 291
Тетерская Ф.А. *I*: 335; *II*: 359, 399, 494, 642, 688
Тимашев А.Е. *II*: 40
Тимирев В.С. *I*: 290
Тимирев С.Н. *I*: 290
Тимирева А.В. *I*: 290, 341
Тимирязев К.А. *I*: 222, 226, 228, 298, 317, 353, 567
Тимофеев И. *I*: 19, 131
Тимофеев-Ресовский Н.В. *I*: 371; *II*: 583, 676
Титкина Т.С. *II*: 439
Тито И.-Б. *I*: 698
Титов А.А. *I*: 155, 156
Титов В.П. *I*: 186, 191, 193
Тихвинский С.Л. (Tikhvinski S.L.) *I*: 139, 402, 414, 429, 431, 451; *II*: 295, 439
Тихомиров Б.Н. *I*: 158; *II*: 184
Тихомиров Д.И. *I*: 551; *II*: 699, 727
Тихомиров М.Н. *I*: 10, 11, 21, 26, 31, 32, 35, 36, 39, 41, 42, 49, 65, 87–91, 96, 102, 111, 116, 129, 136, 140, 141, 143, 144, 155, 158, 186, 255, 256, 259, 295, 338, 339, 396, 399–401, 409, 415, 419, 424, 428, 429, 431, 436, 437, 439, 443–447, 449, 452, 453, 458–460, 463–467, 469–471, 478, 479, 493–495, 497, 502, 503, 505, 543, 544; *II*: 7, 12, 83, 103, 114, 138, 139, 142, 164–194, 196–198, 200–208, 214, 216, 218, 233, 235, 240–242, 248, 249, 263, 268, 270, 271, 274–277, 282–289, 291, 292, 311, 317, 320, 324, 328, 329, 331, 334, 335, 338, 344, 345, 347, 353–356, 361, 363, 364, 369, 370, 373, 379, 383, 384, 387, 389, 401–403, 407, 418, 419, 423–425, 429, 441–443, 445, 449, 450, 452, 454, 456, 461, 474, 485, 486, 489, 501, 507, 510–512, 519, 520, 524, 532, 615, 631, 645, 647, 661, 664, 673, 674, 702, 706, 709, 727, 738, 742
Тихомиров Н.Б. *I*: 447, 452, 455
Тихомиров Н.К. *II*: 179
Тихонов Н.С. *II*: 202
Тихонов Ю.А. *II*: 353, 596
Тихонравов Н.С. *I*: 157, 232, 236, 326, 466; *II*: 636
Тищенко Б.И. *I*: 164
Тодоров Н. *I*: 461
Токарев С.А. *I*: 93
Толочанов *I*: 144
Толстая Л.И. *I*: 378, 379
Толстов С.П. *II*: 197
Толстой А.К. *I*: 228; *II*: 40, 49, 65, 122, 194, 435, 467
Толстой А.Н. *I*: 252, 266, 267, 311, 344, 350, 355, 378–380; *II*: 101, 298, 412, 430–440, 569, 633, 638, 644, 650, 652, 732
Толстой И.И. *II*: 552
Толстой Л.Л. *I*: 222, 327
Толстой Л.Н. *I*: 94, 139, 146, 158, 161, 168, 170, 171, 175, 176, 182, 196, 199, 208, 212, 215, 218, 222, 224, 225, 233, 247, 249, 252–254, 266, 269, 272, 274–278, 282, 285, 291, 293, 296, 298, 301, 305, 312, 320, 321, 324, 327, 330, 340, 342, 349, 352, 353, 395, 401, 413, 422, 423, 430, 433, 561, 567; *II*: 10, 13, 14, 18, 25, 27, 38, 41, 42, 48, 49, 65, 69, 70, 75, 79, 124, 205, 298, 301, 303–305, 307, 399, 412, 468, 520, 566, 568, 575, 578, 579, 583, 590, 592, 627, 638, 644, 647, 658, 662, 663, 703, 727, 748
Толстой Ф.И. *I*: 321
Толстые, графы *I*: 263, 311, 378; *II*: 20, 634, 667
Томан Б.А. *II*: 490, 595, 596
Томан И.Б. *II*: 597
Томашевская Т.И. *II*: 517
Томашевский Б.В. *I*: 166, 179, 186; *II*: 229
Томский Н.В. *I*: 275
Тон К.А. *I*: 228
Топоров В.Н. *I*: 363; *II*: 322
Топычканов А.В. *I*: 474; *II*: 473, 710, 740
Торстенсен Ф. *II*: 597
Трапезников С.П. *I*: 447, 480; *II*: 339–341, 368
Трегубов Г. *I*: 250
Третьяков И.И. *I*: 27
Третьяков П.М. *I*: 221, 408, 422; *II*: 525
Третьяков П.Н. *I*: 460
Третьяков С.М. *I*: 226, 231, 233, 234, 238, 408
Третьяковы *II*: 528
Трибунский П.А. *II*: 603
Трисман В.Г. *II*: 429
Трифонов Ю.В. *I*: 299
Тромонин К.Я. *II*: 475
Тронин Г.В. *I*: 505; *II*: 353, 391, 708
Тропинин В.А. *I*: 223, 319, 323, 564; *II*: 573
Трофимова М.К. *II*: 589
Троцкая Н.И. *I*: 400, 410, 418; *II*: 19
Троцкий Л.Д. *I*: 273, 410; *II*: 129, 148, 246, 385
Трояновский Б.С. *I*: 289
Трубецкая В.А. *II*: 15
Трубецкие, князя *I*: 205, 263; *II*: 634, 654, 667
Трубецкой Д.Т. *I*: 69
Трубецкой И.Ю. *II*: 18, 29
Трубецкой Н.И. *II*: 15, 18
Трубецкой С.Е. *I*: 356
Трубецкой С.Н. *I*: 564; *II*: 654, 704
Трубецкой С.П. *I*: 320
Трутовский В.К. *I*: 150, 258, 259, 339
Трутовский К.А. *I*: 223, 238
Ту Ж.-О., де *I*: 112, 140
Тувим Ю. *I*: 164
Туманов В.Е. *I*: 399, 415, 435, 443, 511, 529; *II*: 593, 594, 643, 741
Туманян О.Т. *I*: 164
Туполев А.Н. *I*: 377
Тураев Б.А. *II*: 129
Турбин О.В. *I*: 443
Тургенев А.И. *II*: 26, 54, 58, 64, 68, 69, 537

- Тургенев И.П. *II*: 26
 Тургенев И.С. *I*: 223–225, 229, 232, 234–238, 240, 244, 245, 247, 252, 254, 285, 302, 305, 307, 325, 326, 348, 349, 353, 413, 561; *II*: 10, 78, 89, 92, 126, 399, 412, 543, 568, 579, 588, 592, 632, 635, 638, 644, 649, 652, 662, 700, 703, 732
 Тургенев Н.И. *I*: 196; *II*: 26
 Тургенев С.П. *I*: 325
 Тургеньевы *I*: 179, 200
 Турилов А.А. *I*: 447, 450, 453, 457, 460
 Туровская М.И. *II*: 586
 Турский М.К. *I*: 301
 Турчанинова Г.С. *I*: 568
 Тухачевский М.Н. *I*: 273, 316, 377
 Тучков А.А. *II*: 538
 Тучков В.М. *II*: 417
 Тучков М.В. *II*: 417, 419
 Тучков-Огарев Н.П. *I*: 249
 Тучковы *II*: 419, 420
 Тынянов Ю.Н. *II*: 231
 Тьеполо Ф. *I*: 113
 Тюренкова О.В. *II*: 597
 Тюрикова И.К. *I*: 180
 Тюрин Е.Д. *I*: 405; *II*: 475, 526
 Тютчев Ф.И. *I*: 233, 242, 249, 253, 286, 302; *II*: 41, 306, 538, 646
 Тютчевы *II*: 20
 Уваров А.С. *I*: 64, 150, 155, 227, 269, 397, 405, 407, 415, 422–424; *II*: 87, 520
 Уваров П.С. *I*: 155, 258
 Уваров С.А. *I*: 442; *II*: 516, 740
 Уварова П.С. *I*: 407, 415; *II*: 475, 520
 Угримов А.И. *I*: 356
 Угрюмова Э.С. *II*: 282
 Удальцова З.В. *I*: 451
 Украинцев Е.И. *I*: 182; *II*: 108
 Уланов В.Я. *II*: 583
 Улита Кучковна, жена Андрея Боголюбского *II*: 442
 Ульфельдт Я. *I*: 44
 Ульянов А.И. *II*: 621
 Ульянов Ив.Н. *I*: 383, 384
 Ульянов Ил.Н. *II*: 90
 Ульянов М.А. *I*: 277, 340; *II*: 726
 Ульянов Н.И. *II*: 145
 Ульянов Н.П. *I*: 328
 Ульянова М.А. *I*: 306; *II*: 602
 Ульянова М.И. *I*: 436
 Ульяновы, семья *I*: 436; *II*: 601
 Умарова И.М. *II*: 450
 Умов Н.А. *I*: 353, 567
 Урусевский С.П. *II*: 722
 Урусов А.И. *I*: 300, 329
 Урусовы, князья *I*: 321
 Ус В.Р. *II*: 299, 302
 Усманов М.А. *I*: 260
 Успенский А.И. *I*: 150
 Успенский А.Н. *I*: 400
 Успенский Б.А. *I*: 144
 Успенский Г.И. *I*: 229, 231, 241, 291
 Устрялов Н.Г. *II*: 106
 Устюгов Н.В. *I*: 11, 12, 15, 88, 500, 504, 518, 520; *II*: 271, 347, 353, 359
 Ухтомские, князья *II*: 582
 Ухтомский А.А. *II*: 582
 Ухтомский А.В. *II*: 531
 Ушаков Г.А. *I*: 280
 Ушаков Д.Н. *I*: 551; *II*: 500
 Ушаков С. *II*: 475
 Ушакова Ек.Н. *I*: 302
 Ушакова Ел.Н. *I*: 302
 Ушинский К.Д. *II*: 40, 48, 724
 Уэллс Г. *II*: 727
 Ф.Б. — см. Булгаков Ф.И.
 Фабри И. *I*: 110, 115
 Фаворский В.А. *I*: 164
 Фадеев А.А. *II*: 259, 550
 Фальк Р.Р. *II*: 327
 Фальконе Э.-М. *II*: 101
 Фасмер М. *I*: 260, 339
 Федин К.А. *II*: 553
 Федор I Иванович, царь *I*: 37, 119–121, 123, 125, 127, 129–131
 Федор Алексеевич, царь *I*: 133, 134
 Федор Борисович, царевич *I*: 135
 Федоров В.А. *I*: 342
 Федоров Е.К. *I*: 374
 Федоров И. *I*: 13, 40, 148, 570; *II*: 192
 Федоров И.П. *I*: 121, 136, 137; *II*: 431
 Федоров Н.Ф. *II*: 538
 Федосеев Н.Е. *I*: 302
 Федосеев П.Н. *II*: 339
 Федосюк Ю.А. *I*: 267, 271, 283, 339–341, 397
 Федотов Г.П. *I*: 306; *II*: 94, 97
 Федотова Г.Н. *I*: 353
 Федюкин С.А. *II*: 149, 621
 Фейгина С.А. *II*: 330
 Фейнберг И.Л. *I*: 332, 341; *II*: 548
 Ферсман А.Е. *I*: 272
 Фесуненко И.С. *I*: 505, 506, 513, 522, 525, 529; *II*: 358, 373, 490, 596, 739
 Фет А.А. *I*: 224, 234
 Фехнер М.В. *I*: 338, 426, 428, 495
 Фигнер В.Н. *I*: 296, 341, 379
 Фикельмон Д.Ф. *II*: 21
 Фикельмон К.-Л. *I*: 288
 Филарет (Романов), патриарх *I*: 122, 128, 132, 134; *II*: 426
 Филарет (Дроздов), митрополит московский *I*: 148
 Филатова А.Т. *I*: 309
 Филимонов Г.Д. *I*: 150
 Филимонов С.Б. *I*: 339, 398, 415, 431, 436, 470, 502, 510, 513; *II*: 74, 88, 164, 174, 191, 372, 475, 522–524, 540, 543, 619, 620, 643, 739, 741
 Филин М.Д. *I*: 506; *II*: 97
 Филипп (Кольчуга), митрополит московский *I*: 35; *II*: 122
 Филиппова Т.Е. *I*: 448
 Филофей, монах *I*: 14, 34
 Филошкин А.И. *I*: 138, 144
 Финадеев А. *II*: 624
 Финягина Н.П. *II*: 282
 Фишер В.М. *I*: 371
 Фишер И.-Э. *II*: 252
 Фишер С.Н. *I*: 276, 340, 353
 Фишер фон Вальдгейм А.Г. *I*: 227
 Флеров А.Е. *II*: 582, 583, 676
 Флеров А.Н. *I*: 370, 371
 Флетчер Дж. *I*: 114, 141, 147
 Флобер Г. *I*: 348; *II*: 96
 Флоря Б.Н. *I*: 91, 92, 121, 140, 141
 Флокина-Сольц Г.И. *II*: 589
 Фома, монах *I*: 100
 Фоменко А.Т. *I*: 484, 485; *II*: 305, 407, 714–716, 721–723
 Фомин А.А. *I*: 426
 Фомичев С.А. *I*: 139
 Фонвизин Д.И. *I*: 135, 233; *II*: 24, 25, 314, 476
 Фонвизин М.А. *I*: 193
 Фонкич Б.Л. *I*: 456
 Фореггер Н.М. *I*: 278
 Формозов А.А. *I*: 399; *II*: 70, 86–88, 447, 466, 467
 Формозов А.Л. *I*: 431
 Форстен Г.В. *I*: 140
 Фоскарини М. *I*: 113

- Фосс М.Е. *I*: 426
 Фоурман Е. *I*: 384; *II*: 695
 Фофанова М.В. *I*: 288
 Фрадкин Б.Л. *I*: 387
 Франгулян Г.В. *II*: 321
 Франко И.Я. *I*: 164
 Франко Ф. *II*: 720
 Фрезинский Б.Я. *II*: 599–601
 Фресино (Фрисеро) Ж. *I*: 249
 Фрид В.С. *II*: 733
 Фридрих II, прусский король *II*: 466
 Фролов А.И. *II*: 525, 526
 Фролов А.М. *I*: 415
 Фрумкина Р.Н. *II*: 162
 Фрунзе М.В. *I*: 273, 551
 Фудель И.И., протоиерей *I*: 296
 Фукидид *II*: 337
 Функ М.К. *II*: 474, 476, 597
 Фурманов Д.А. *I*: 286
 Фурсенко А.А. *II*: 397, 484
- Хавский П.В. *II*: 475
 Халина (Калистратова) Т.И. *II*: 102, 112, 115
 Ханжонков А.А. *I*: 271
 Хан-Магомедов С.О. *I*: 342
 Ханов А.А. *I*: 289
 Харузин Н.Н. *I*: 424
 Хачатурян А.И. *I*: 313
 Хвостов Вен.М. *I*: 312
 Хвостов Вл.М. *I*: 312; *II*: 676
 Хвостова Н.П. *I*: 311; *II*: 323, 676
 Хвостовы *I*: 311; *II*: 676
 Хевролина В.М. *I*: 480
 Хеймсон Л. (Heimson L.) *II*: 482
 Хейфец (Фейгус) Т. *I*: 361
 Хенкин В.Я. *I*: 314
 Херасков М.М. *I*: 164, 182
 Херсонская Е.Л. *II*: 591
 Хин-Гольдовская Р.М. *I*: 311, 342, 353
 Хитрово А.З. *II*: 15
 Хитрово М.А. *II*: 15
 Хлопов Г.И. *II*: 475
 Хмелев Н.П. *I*: 313; *II*: 438, 440
 Хованские, князья *I*: 263
 Хованский И.А. *I*: 133
 Ходаковский Н.И. *I*: 515
 Ходасевич В.М. *II*: 431
 Ходасевич В.Ф. *I*: 329, 334, 343; *II*: 690
 Ходкевич Г.А., гетман *I*: 121
 Хомутова А.Г. *I*: 536
- Хомяков А.С. *I*: 190, 206, 306, 323, 352, 410; *II*: 40, 49
 Хомяковы *I*: 304, 306
 Хорошкевич А.Л. *I*: 115, 127, 141, 143, 495
 Хоруженко О.И. *II*: 597
 Хорхордина Т.И. *I*: 487
 Хохлов П.А. *I*: 334
 Хохлов Р.Ф. *II*: 191
 Хохлова О.С. *I*: 251
 Хохряков В.Х. *II*: 90
 Храпченко М.Б. *II*: 435
 Хребтович-Бутовцев П.А. *I*: 258
 Хрущев И.П. *I*: 325
 Хрущев Н.С. *I*: 379
- Цамутали А.Н. *II*: 234, 259
 Цани Э. *I*: 113
 Цаплин В.В. *I*: 504, 521
 Цветаев И.В. *I*: 344–347, 405
 Цветаева А.И. *I*: 308, 311, 345, 381
 Цветаева М.И. *I*: 168, 246, 247, 249, 252, 296, 305, 308, 310, 311, 329, 334, 344–347, 348–350, 354, 355, 357, 365, 559; *II*: 139, 327, 569, 592, 631, 633, 638, 644, 650, 652, 692, 732
 Цветаевы *I*: 343–345
 Цветков И.Е. *I*: 310, 408
 Цвибак М.М. *II*: 239
 Цейтлин Л.С. *I*: 289
 Церетели З.К. *II*: 667
 Цетлины *I*: 353
 Цимбаев Н.И. *II*: 112
 Цир И., аббат *I*: 140; *II*: 429
 Цой В.Р. *I*: 313; *II*: 575, 732
 Цявловская Т.П. *I*: 328
 Цявловский М.А. *I*: 175, 180, 288, 301, 328, 331, 341
- Чаадаев П.Я. *I*: 215, 293, 306, 307, 322, 351; *II*: 64, 69, 101, 181, 575, 604
 Чаадаевы *I*: 322
 Чагин П.И. *II*: 550
 Чаев Н.С. *I*: 221, 239
 Чайковская О.Г. *II*: 20
 Чайковский П.И. *I*: 228, 234, 270, 297, 302, 327, 334, 430, 567, 568; *II*: 94, 588, 589, 663
 Чапаев В.И. *II*: 298
 Чаплыгин С.А. *II*: 598
 Чапыгин А.П. *II*: 299
 Чаянов А.В. *II*: 525
- Чемберлен Т. *I*: 113
 Ченслор Р. *I*: 113
 Червинский М.А. *I*: 315
 Черейский Л.А. *I*: 179, 180, 321, 341, 342; *II*: 20
 Черепанов А. *II*: 731
 Черепнин Л.В. *I*: 39, 88, 89, 106, 139, 286, 498, 504, 520, 529; *II*: 102, 103, 112, 115, 166, 169, 170, 213, 216, 259, 331, 334, 335, 344, 351, 361, 390, 452, 456, 473, 474, 480, 519, 524, 596
 Черкасов Н.К. *I*: 378
 Черкасский В.А. *I*: 217, 218
 Черная Л.А. *II*: 102, 115, 142
 Чернобаев А.А. *I*: 501; *II*: 451, 499, 500
 Чернов А.В. *I*: 88, 89, 481; *II*: 347
 Черноморский М.Н. *I*: 479, 509, 513, 523; *II*: 375, 596
 Черномырдин В.С. *II*: 656
 Чернухина В.Н. *I*: 340
 Черный В.Д. *II*: 441, 448, 451
 Черных В.А. *I*: 440, 450, 461, 472, 520, 529; *II*: 596
 Черных П.Я. *I*: 89
 Чернышев В.И. *II*: 503
 Чернышев Д.В. *II*: 503
 Чернышев З.Г. *II*: 16, 672
 Чернышев П.Г. *II*: 26
 Чернышева Е.П. *II*: 16
 Чернышевский Н.Г. *I*: 104, 139; *II*: 70, 92, 97, 101, 144
 Чернявская Л. *II*: 597
 Черняев А.С. *II*: 259, 328
 Черняк Е. *II*: 596
 Чертков В.Г. *I*: 275
 Черчилль У. *I*: 97
 Чехов А.П. *I*: 94, 229, 250, 251, 253, 265, 291, 301, 312, 329, 339, 344, 349, 350, 430, 550; *II*: 94, 303, 304, 566, 578, 632, 638, 663, 678, 687, 732, 748
 Чехов М.А. *I*: 289, 341
 Чехов Н.В. *II*: 583
 Чехов Н.П. *I*: 231
 Чехова М.П. *I*: 301
 Чехова О.К. *I*: 290
 Чечулин Н.Д. *I*: 106; *II*: 112
 Чингисхан, хан *I*: 300; *II*: 722
 Чирков С.В. *I*: 196, 200, 212, 448, 479, 487, 493, 502, 506, 508, 510, 511, 516, 528; *II*: 32, 288, 289, 372, 621, 740

- Чистяков Л.В. *II*: 285, 286
 Чистякова Е.В. *I*: 92, 479, 494, 495, 502, 503, 509, 523; *II*: 165, 168, 174, 177, 190, 191, 193, 198, 200, 282–289, 302, 339, 403
 Чистякова О.В. *II*: 286
 Чичерин Б.Н. *II*: 93
 Чичерин Г.В. *II*: 628
 Чкалов В.П. *I*: 381–383; *II*: 695
 Чубарь В.Я. *I*: 375
 Чубукова Ю.И. *I*: 163, 333; *II*: 582, 589, 591–593
 Чудакова М.О. *I*: 512; *II*: 555
 Чулков М.Д. *II*: 252
 Чулков Н.П. *I*: 411; *II*: 541
 Чумаченко Э.Г. *II*: 596
 Чупров А.И. *I*: 222, 301, 317, 353

 Шагал М.З. *I*: 251, 253
 Шагинян М.С. *I*: 296, 329
 Шаден И.-М. *II*: 35, 56
 Шадр И.И. *II*: 539
 Шаликов П.И. *I*: 203, 204, 206–208
 Шаляпин Ф.И. *I*: 250, 253, 395; *II*: 40, 49, 520, 663
 Шамбинаго С.К. *I*: 282
 Шамурин Ю.Н. *II*: 539
 Шанцев В.П. *I*: 548
 Шанявская Л.А. *I*: 281, 282
 Шанявские *I*: 282, 345
 Шанявский А.Л. *I*: 81, 282, 354
 Шапино А.Л. *II*: 373
 Шапошников Б.В. *I*: 306
 Шарاپов Ю.П. *I*: 512; *II*: 597
 Шарлемань Н.В. *I*: 158
 Шаскольский И.П. *I*: 90
 Шатобриан Ф.-Р., де *II*: 26
 Шафран А.М. *I*: 280
 Шахматов А.А. *I*: 39, 155, 160, 463, 476; *II*: 12, 49, 66, 99, 111, 115, 144, 149, 168, 247, 316, 348, 452, 456
 Шахназаров Г.Х. *II*: 483
 Шаховская С.А. *II*: 15
 Шаховские, князья *I*: 323
 Шаховской А.А. *I*: 323
 Шаховской Д.И. *I*: 409; *II*: 181, 604
 Шаховской Д.М. *II*: 10
 Шаховской И.Л. *II*: 15, 18
 Шаховской П.А. *I*: 323
 Шаховской С.И. *I*: 131, 132, 143; *II*: 428
 Шварц В.Г. *II*: 49
 Шведова И. *II*: 632
 Шведова О.И. *I*: 90
 Швейковская Е.Н. *I*: 448; *II*: 142, 335, 350, 373
 Шеваров Д.Г. *I*: 443; *II*: 686
 Шеварова Н.В. *II*: 591
 Шевелев Д. *II*: 691
 Шевелев М.И. *I*: 280, 374–376, 380, 386, 390; *II*: 410
 Шевченко Т.Г. *I*: 164; *II*: 538
 Шевырев С.П. *I*: 157, 186, 188, 191, 193, 285, 306
 Шейн М.Б. *I*: 62
 Шекспир У. *I*: 162, 221, 309, 552; *II*: 35, 685
 Шеламанова Н.Б. *I*: 446, 447, 495
 Шеллинг Ф. *I*: 188, 195
 Шелохаев В.В. *II*: 483
 Шелюбский А.П. *II*: 331
 Шемякин М.М. *II*: 101
 Шенгели Г.А. *I*: 247
 Шепелева Н.С. *I*: 312
 Шервинский В.Д. *I*: 227, 308
 Шервинский С.В. *II*: 548
 Шергин Б.В. *II*: 686
 Шереметев Б.П. *II*: 21
 Шереметев Н.П. *I*: 283
 Шереметев П.С. *I*: 327; *II*: 125, 146
 Шереметев С.Д. *I*: 327, 353; *II*: 667
 Шереметевы, графы *I*: 183, 263, 327; *II*: 19, 23, 634, 667
 Шерешевский Н.А. *I*: 309
 Шернваль *II*: 18
 Шестаков А.В. *II*: 156, 161, 162
 Шехтель Ф.О. *I*: 271, 278, 340, 412, 437; *II*: 529
 Шиллер Ф. *I*: 309; *II*: 44
 Шильников С.Н. *II*: 592
 Шингарева Е.А. *I*: 518; *II*: 596
 Шипов Д.Н. *I*: 226
 Ширвиндт А.А. *I*: 308
 Ширшов П.П. *I*: 286, 374
 Шитц И.И. *I*: 341
 Шишков А.С. *I*: 156, 157, 164
 Шишков В.Я. *II*: 298
 Шкаренко Л.К. *II*: 330
 Шкирятов М.Ф. *I*: 380
 Шкловский В.Б. *II*: 231
 Шкурко А.И. *I*: 429
 Шлецер А.-Л. *I*: 157, 160; *II*: 12, 43, 60, 251
 Шлихтинг А. *I*: 113, 114, 136, 137, 141, 144
 Шлоссер Ф.-Х. *II*: 39, 66
 Шмаров Ю.Б. *II*: 11
 Шмелев И.С. *I*: 168; *II*: 662
 Шмидт В.О. *I*: 375, 376; *II*: 607
 Шмидт В.Ф. *I*: 375, 378
 Шмидт И.М. *I*: 247
 Шмидт О.Р. *I*: 268, 293, 309, 339; *II*: 577
 Шмидт О.Ю. *I*: 271, 280, 374–384, 386–390, 447; *II*: 155, 384, 399, 404, 409–411, 547, 603–610, 613, 618, 626, 630, 642, 679, 680, 686, 691, 693–695, 701, 725, 745
 Шмидт С.О. *I*: 3, 4, 7, 24, 31, 32, 36, 43, 48, 49, 88–93, 99, 102, 103, 139–142, 144, 151, 165, 179, 180, 184, 185, 210, 212, 213, 247, 298, 332, 338–341, 343, 346, 349, 357, 390, 393, 402, 413, 415, 429–431, 443, 448, 449, 451, 461, 469, 470, 472, 478–480, 485, 488, 489, 491, 502, 503, 517, 519, 520, 526, 527, 529, 547, 548, 566; *II*: 5, 30, 68, 69, 74, 87, 97, 113, 141, 142, 149, 150, 163, 164, 174, 190, 191, 200, 206, 207, 210, 228, 262, 263, 275, 282, 285, 289, 292, 297, 302, 335, 339, 340, 349, 354, 357, 365, 369, 386, 394, 404, 405, 407, 420, 428–430, 439, 448, 450–452, 457, 458, 462, 484, 495, 500, 502–505, 510, 512, 517, 523, 526, 543, 557–559, 580, 590, 592, 593, 595–598, 606, 607, 613, 618–626, 630–632, 642–644, 646, 649, 651, 652, 654, 660, 666, 668–670, 674–676, 685, 686, 691, 697, 701, 705, 706, 720, 721, 725, 740, 742
 Шмит Н.П. *I*: 289
 Шмурло Е.Ф. *I*: 106; *II*: 33
 Шокарев С.Ю. *I*: 554; *II*: 498, 516, 530, 541, 577, 674, 740
 Шолохов М.А. *I*: 380
 Шостакович Д.Д. *I*: 430; *II*: 262, 307, 663
 Шоу Б. *I*: 303, 313; *II*: 727
 Шохин Л.И. *I*: 50, 439, 488, 489, 529; *II*: 190, 288
 Шпет Г.Г. *I*: 294, 341, 353; *II*: 548, 641
 Шпилевский С.М. *I*: 227, 236
 Штаден Г. (Staden) *I*: 44, 45, 49, 113, 147, 257, 338
 Штейн Б.Е. *I*: 385
 Штейн И.Б. *II*: 588
 Штейнгель (Штейнгейль) В.И. *I*: 270; *II*: 47, 63

- Штейны *I*: 385
 Штерн Л.С. *I*: 551
 Штюмер Б.В. *II*: 121
 Шувалов И.И. *I*: 145; *II*: 30
 Шувалов П.И. *II*: 258, 403
 Шуваловы *II*: 23
 Шуйские, князья *I*: 34
 Шукшин В.М. *II*: 297–302
 Шульгин В.С. *I*: 88
 Шульженко К.И. *II*: 325
 Шумахов С.А. *I*: 73, 89
 Шумейко М.Ф. *I*: 511, 529; *II*: 619, 621, 624, 625, 739
 Шумихин С.В. *I*: 315, 342, 510, 529; *II*: 413
 Шунков В.И. *I*: 436, 444, 449, 460, 469; *II*: 264–273, 461, 486, 533
 Шункова Т.М. *II*: 265, 272
 Шунковы *II*: 272
- Шапов А.П. *II*: 83, 95, 126
 Шегловитов И.Г. *II*: 146
 Шеголев П.Е. *II*: 144
 Шелкалов А.Я. *I*: 122
 Шепкин В.Н. *I*: 407, 424, 427, 428, 434; *II*: 75, 87, 452, 456
 Шепкин М.В. *II*: 456
 Шепкин М.С. *I*: 285, 293, 322; *II*: 75, 78, 79, 478, 539
 Шепкина М.В. *I*: 426–428; *II*: 75, 296
 Шепкина-Куперник Т.Л. *I*: 317
 Шепочкина А.Г. *I*: 321
 Шерба Л.В. *II*: 229
 Шербак С.О. *I*: 258
 Шербатов М.М. *I*: 38, 154, 258, 403, 420, 438; *II*: 28, 43, 55, 62, 71, 73, 252, 604
 Шербатов С.А. *II*: 526
 Шербатова А.М. *I*: 322
 Шербатова Е.А. *I*: 195, 293
 Шербатова П.С. *I*: 269
 Шербаченко М.Л. *I*: 563
 Шербина В.Р. *II*: 435, 439
 Шербинина А.М. *I*: 287, 288
 Шукин Б.В. *I*: 273, 308
 Шукин Е.Д. *I*: 373; *II*: 593
 Шукин П.И. *I*: 408, 423; *II*: 475, 526–528
 Шукин С.И. *I*: 344, 408
 Шукины *I*: 344; *II*: 527
 Щуровский В.А. *I*: 312
 Щуровский Г.Е. *I*: 227
 Щусев А.В. *II*: 159, 664
 Эверс И. *II*: 251
- Эйдельман Н.Я. *I*: 200, 212, 247, 333, 334, 343, 512, 519; *II*: 55, 69
 Эйзенштейн С.М. *I*: 18, 278, 312, 384, 430; *II*: 298, 663
 Эйнерлинг И.Ф. *II*: 64
 Эйнштейн А. *I*: 170
 Эйхе Р.И. *I*: 375
 Эйхенбаум Б.М. *II*: 229
 Экк Н.В. *I*: 271
 Экштейн А.Э. *II*: 596
 Элиасберг Н.Е. *II*: 494
 Эмпедокл *II*: 546, 549, 551, 556, 558
 Энгельс Ф. *I*: 89, 317, 342; *II*: 147, 148, 150, 238, 734
 Энкке Ф. (Encke F.) *II*: 261
 Эпштейн Д.М. *I*: 510, 523
 Эрдман Н.Р. *I*: 314, 315, 342
 Эренбург И.Г. *I*: 237, 445; *II*: 331
 Эрик XIV, шведский король *I*: 86
 Эскина М.А. *II*: 590
 Эссек Р.-Д. *I*: 86
 Эфрон В.Я. *I*: 311
 Эфрон Е.Я. *I*: 311
 Эфрон С.Я. *I*: 311
 Эфрон, сестры *I*: 345
 Эфрос А.М. *II*: 494
 Эфрос Н.Д. *II*: 163
- Юдович И.И. *I*: 568
 Южин А.И. *I*: 378
 Юзефович Л.А. *I*: 93, 100
 Юрасов Д.Г. *I*: 340
 Юрганов А.Л. *I*: 141
 Юрий Васильевич, князь углицкий *I*: 28
 Юрий Долгорукий, великий князь киевский *I*: 7–10, 17, 256; *II*: 212, 311, 404, 631, 647, 663, 702, 722
 Юрий Иванович, князь дмитровский *II*: 182
 Юрьев С.А. *I*: 221, 226, 235, 236, 238, 327
 Юрьев Ю.М. *I*: 327
 Юрьевская-Долгорукова Е.М. *I*: 249
 Юсупов Н.Б. *I*: 175, 183, 320; *II*: 21
 Юсуповы *I*: 176; *II*: 23
 Юткевич С.М. *I*: 278, 340
 Юхневич М.Ю. *I*: 415
 Юшков А. *I*: 92
- Яблочкина А.А. *I*: 381
 Ягич В. *I*: 236
- Ягода Г.Г. *I*: 269
 Язвицкий В.И. *II*: 548, 552
 Языков Н.М. *I*: 297, 306, 322
 Якоб Сильв, псевд. — см. Голо-совкер Я.Э.
 Якоби В.И. *I*: 250
 Якобсон Л.Е. *II*: 344
 Якобсон Р.О. *I*: 162
 Яков I, английский король *I*: 122, 123
 Яковлев А.И. *I*: 91, 107, 475; *II*: 99, 134, 136
 Яковлев М.Л. *I*: 171
 Яковлев Н.Н. *II*: 596
 Яковлев Я.А. *II*: 266
 Яковлева А.Р. (Арина Родионова) *I*: 174, 175
 Яковлева Т.С. *I*: 340; *II*: 591, 593, 613
 Якубанис Г.И. *II*: 546, 558
 Якубовская С.И. *I*: 481, 509, 523; *II*: 378, 481, 490, 596
 Якунин В.Ф. *I*: 42
 Якунина Л.И. *I*: 426
 Якунчиковы *II*: 528
 Якут В.С. *I*: 317
 Якушева Г.В. *I*: 374; *II*: 410, 607
 Якушкин В.Е. *I*: 187, 329
 Якушкин И.Д. *I*: 478
 Ямпольский Б.С. *I*: 267, 350, 357; *II*: 592, 640, 644, 732
 Янгиров Р.М. *I*: 431
 Янжул Е.Н. *I*: 298, 299
 Янжул И.И. *I*: 222, 265, 298, 317, 339, 353
 Янин В.Л. *I*: 98, 252, 415, 431, 451, 465, 470, 513, 544; *II*: 10, 290, 291, 339, 352, 447, 450, 452, 621, 722
 Янина С.А. *I*: 426
 Янковский О.И. *II*: 629
 Янсон Н.М. *I*: 375, 380
 Янькова Е.П. *I*: 169–171, 183; *II*: 21
 Ярослав Владимирович Мудрый, великий князь киевский *I*: 23, 96, 97; *II*: 57, 167
 Ярославичи, князья *II*: 169
 Ярославны *I*: 97
 Ярославова Т.Ф. *II*: 17
 Ярхо Б.И. *II*: 548, 555
 Ярхо Г.И. *II*: 555
 Ястржембский Д.А. *I*: 319
 Яцунский В.К. *I*: 481, 482, 492, 497–504, 509, 520, 522; *II*: 138, 259, 270, 271, 331, 344, 351, 371,

Указатель имен

- 375, 376, 378–380, 390, 393, 395,
486, 487, 519, 596
- Alef G. *I*: 89
- Baumgarten N, de *I*: 102
- Berelowitch A. (Берелович Ал.) *II*:
480
- Berelowitch W. (Берелович В.) *II*:
558, 559
- Berry L.E. *I*: 139
- Crummey R. (Крамми Р.) *I*: 106,
139
- Encke F. (Энкке Ф.) *II*: 261
- Golossovker J. (Голосовкер Я.Э.) *II*:
558, 559
- Heimson L. (Хеймсон Л.) *II*: 482
- Jordan D.S. *I*: 102
- Kampfer Fr. *I*: 32
- Kappeler A. *I*: 140
- Kimball S.L. *I*: 102
- Konig (Кёниг Г.И.) *I*: 320
- Konovalov S. *I*: 142
- Linn V. (Линн В.) *II*: 482
- Mervaud M. *I*: 139
- Poe M. (По М.) *I*: 102, 140
- Roberti J.-CL. *I*: 139
- Schaeder H. *I*: 144
- Schmidt S.O. (Шмидт С.О.) *I*: 102,
414
- Staden (Штаден Г.) *I*: 338
- Tikhvinski S.L. (Тихвинский С.Л.)
I: 414
- Witsen N. (Витсен Н.) *II*: 429

СОДЕРЖАНИЕ

Ревнители истории и культуры

Зодчий наук (о В.Н. Татищеве)	5
Вельможный «археолог» Алексей Иванович Мусин-Пушкин	9
Краеведение и книжная культура России XVIII в. (Доклад на Румянцевских чтениях)	31
Три юбилея Н.М. Карамзина	34
Карамзин — историк	42
«Примечания» в книгах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина — века в развитии исторической науки и книжной культуры	50
Карамзин — «наш Кутузов Двенадцатого года»	53
Слово о Соловьеве и Забелине	70
И.Е. Забелин и русская культура	75
Ключевский и культура России	88
Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург — Москва»	97
Труд академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии»	100
Дневник московского историка М.М. Богословского и его особенности	113
Д.Б. Рязанов и российская интеллигенция	142
Век жизни историка (О Н.М. Дружинине)	150
О Маргарите Эммануиловне Голосовкер	155
С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: Архивные материалы об учителе и ученике	164
И краевед, и академик: Михаил Николаевич Тихомиров. 1893–1965	175
К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова	192
Переписка Н.П. Кончаловской и М.Н. Тихомирова	201
«Иждивением и неусыпными трудами Михайлы Тихомирова»	206
А.В. Арциховский	207
Н.Н. Воронин — зодчий русской культуры и ее хранитель	210
Лауреат Ленинской премии академик Б.А. Рыбаков	217

Н.П. Анциферов и анциферовские традиции	222
И.Л. Андроников	228
Судьба историка Н.Л. Рубинштейна	232
В.И. Шунков — источниковед и археограф (Первые десятилетия творческой деятельности)	264
В.И. Шунков на фронтах Великой Отечественной войны и военно-историческая тематика в его деятельности	271
Александр Михайлович Самсонов (1908–1992)	273
М.Т. Белявский — профессор и общественный деятель	275
А.М. Разгон — историк музейного дела	278
Любимая ученица М.Н. Тихомирова (К юбилею Е.В. Чистяковой)	282
70–летие академика В.Л. Янина	290
Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина)	292
В. Шукшин и его сценарий о Степане Разине	297
Наследник российских просветителей В.Я. Лакшин	303
«Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь!» К 70–летию Булата Окуджавы	306
Виктор Липатов	309
А.Г. Векслер — археолог-москвовед	310
Юбилей москвоведа. 90 лет В.В. Сорокину	313
Первый раз без Дмитрия Сергеевича... ..	315
Д.С. Лихачев и Москва	321
Издатель О.К. Дрейер	323
Самая благородная нива (Издателю С.М. Линовичу 50 лет)	325
Основатель Музея Пушкина А.З. Крейн	326
Подвижница Дома-музея Марины Цветаевой Н.И. Катаева-Лыткина	327
Н.А. Горская и начало журнала «История СССР»	328
Солженицын-историк	336
Истина познается в сравнении (О Н.П. Красавченко — ректоре Историко-архивного института)	338
Ольга Михайловна Медушевская как профессор Историко-архивного института	342
Памяти Бориса Григорьевича Литвака (1919–2002)	349
Вспоминая В.И. Буганова	352
Светлый человек: к 70-летию со дня рождения Е.С. Сизова	357
А.Л. Станиславский и традиции его кафедры	366
Выдающийся воспитанник и профессор Историко-архивного института (О В.А. Муравьеве)	370
Юрий Яковлевич Рыбаков (1935–1991)	378

Вячеслав Викторович Крылов (1940–2005)	381
Памяти историка-архивиста А.А. Каца	388
Сергей Михайлович Каштанов в Историко-архивном институте	390
К юбилею В.Ю. Афиани	396
Призвание — краевед. К 50-летию В.Ф. Козлова	397
Автобиография 2004 года	399
Выступление на заседании к 100-летию Отто Юльевича Шмидта	409
Память о Николае Островском	411

Представления изданий (предисловия, послесловия)

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки	417
Библиотека Ивана Грозного	420
Предисловие к публикации «Отзыв С.Б. Веселовского о драматической повести А.Н. Толстого “Иван Грозный”»	430
Исследования А.В. Арциховским миниатюр лицевых летописей	440
Книга А.А. Амосова «Лицевой летописный свод Ивана Грозного»	451
Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке	458
Предисловие к изданию: А.И. Раздорский. «Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.)»	461
Книга В.Г. Бухерта «Архив Межевой канцелярии (1768–1918)»	462
Подвиг первого интеллигента (О Н.И. Новикове)	463
Книга А.А. Формозова об И.Е. Забелине	466
Книга А.Д. Зайцева о П.И. Бартенева	469
Ключевский и современность	471
Историк-архивист С.К. Богоявленский — знаток и исследователь московского приказного аппарата и делопроизводства XVI–XVII вв.	473
Слово С.К. Богоявленского о москвовед П.Н. Миллере	474
Материалы по методике источниковедения в архиве И.И. Полосина	477
Предисловие к публикации «К 80-летию В.П. Данилова»	480
Предисловие к публикации «Из архива К.Н. Тарновского»	482
Д.И. Тверская — историк и музеевед	485
Слово о Л.В. Ивановой	486
Послесловие к публикации «Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об Архиве участников Великой Отечественной войны»	489
Историк-архивист и редактор А.Д. Зайцев	492
Предисловие к библиографии москвовед О.В. Пескова	498
Предисловие к библиографии историка А.А. Чернобаева	499

Предисловие к книге: С.О. Шмидт. «Россия Ивана Грозного»	500
Предисловие к книге: С.О. Шмидт. «Путь историка»	505
Предисловие к книге: С.О. Шмидт. «Московский историк М.Н. Тихомиров»	510
Предисловие к первому тому «Московской энциклопедии»	512
Послесловие к первому тому «Московской энциклопедии»	513
Предисловие к книге: «Краеведы Москвы. Выпуск 1»	517
Книга С.Б. Филимонова об историко-краеведческих материалах Архива обществ по изучению Москвы и Московского края	523
О книге Н. Полуниной и А. Фролова «Коллекционеры старой Москвы»	525
Воспоминания П.И. Щукина. Из истории меценатства в России	526
М.С. Кузнецов — московский предприниматель и благотворитель	528
О книге А.Т. Саладина 1917 г. «Прогулки по московским кладбищам»	530
О справочнике С.Е. Кипниса «Новодевичий мемориал»	543
Якоб Голосовкер — писатель и философ	544
Предисловие к Антологии античной литературы, подготовленной Я.Э. Голосовкером	546
Предисловие к книге Т.А. Мавриной «Лукоморье»	560
Удивительный мальчик с Арбата (О художнике Коле Дмитриеве)	561
Предисловие к книге-альбому художника Антона Куманькова	562
Вступительное слово арбатского старожила	565
О книге В.М. Мешкова «Арбат предо мною...»	578
Вступление к книге о московском учителе словесности И.И. Зеленцове	580
Предисловие к книге В.Е. Туманова «Школьный музей — хранитель народной памяти»	593
Предисловие к сборнику трудов Научного студенческого общества МГИАИ ...	595
Предисловие к сборнику статей, посвященному 40-летию кружка источниковедения	597
Предисловие к Биографическому словарю гласных Московской городской думы	598
О незавершенной книге Н.И. Бухарина «Времена»	599
Предисловие к публикации статьи-некролога Е.Д. Кусковой «Академик О.Ю. Шмидт»	603
Послесловие к книге В.С. Корякина «Отто Шмидт»	606

Публицистика, журналистские публикации бесед-интервью

И на всю жизнь дар ученичества	613
«Творческий процесс радиоактивен»	617
Сигурд Шмидт, историк	626

«Культура без корней невозможна»	630
«Этот совершенно особый мир... Люди формировали среду, и она влияла на них»	632
Арбат: пятьсот лет в истории, двести лет в литературе	638
«Мне всегда светило солнце...»	642
Больше, чем столица	646
Вернись, Арбат! И все, что вокруг: вместо официального ответа. Диалог А.И. Музыкантского и С.О. Шмидта	651
Связь времен — основа развития культуры	655
«Москва не есть обыкновенный город...»	660
Московед о московедении юбилейного года	669
Сигурд Шмидт: «Начните с истории семьи»	676
«Прожилки добра в лаве недоброго заметны сразу»	686
«Историю не надо предсказывать, ее надо понимать»	691
Любовь по-московски	699
Беседа в канун 80-летия	701
Университетское издательство — основа развития и распространения научных знаний	706
Твердый знак истории. Академик РАО Сигурд Шмидт: «Заденешь прошлое — отзовется современность»	720
Вечный москвич. По мнению знаменитого историка, энциклопедия, посвященная городу, должна быть компактной	725
Сигурд Шмидт: С точки зрения «сейчас»	731
Архивист — самая футурологическая профессия	737
Сигурд Шмидт: «Я занимался в жизни, чем хотел»	742
Список сокращений	749
Указатель имен	751

Научно-популярное издание

Шмидт Сигурд Оттович

История Москвы и проблемы москвоведения

Книга 2

Редактор *Т. Толстова*
Художник *К. Журавлев*
Корректор *Н. Самбу*
Верстка *П. Сандомирского*

Подписано в печать 01.12.2013
Формат 70х100/16. Тираж 1000 экз.
Заказ №1343

ООО «Книжница»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, кв. 65.
Тел.: (495) 629-04-82
E-mail: rpred@mail.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-903081-35-6

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6

Уроженец и выдающийся знаток Москвы Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013) — видный российский историк, организатор науки, педагог, общественный деятель, академик РАО, советник РАН, заслуженный профессор РГГУ, главный редактор «Московской энциклопедии», автор монографий, многих сотен статей, документальных публикаций, интервью.

Настоящее издание избранных трудов ученого в двух книгах объединяет свыше ста работ 1947–2012 гг. научного, научно-популярного, публицистического, биографического и мемуарно-автобиографического жанров по государственно-политической и социокультурной истории Москвы, историографии, проблемам развития краеведения и москвоведения.

Во вторую книгу вошли работы о людях, внесших особый вклад в изучение истории Москвы, развитие науки, культуры, государственно-политической и общественной жизни столицы; предисловия к книгам и документальным публикациям по истории Москвы и проблемам москвоведения, интервью и выступления в периодике.

